

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2019. 53(3)
РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

А. А. Черкасов (г. Волгоград, Россия)
гл. редактор – д-р ист. наук

Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)
зам. гл. редактора – д-р ист. наук

С. И. Дегтярев (г. Сумы, Украина)
д-р ист. наук

В. Г. Иванцов (г. Сочи, Россия)
канд. ист. наук

Т. А. Магсумов (г. Набережные Челны,
Россия)
канд. ист. наук

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Редакционный совет:

Д. Даровец (г. Венеция, Италия)

П. Джозефсон (г. Вотервиль, США)

Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)

Р. В. Метревели (г. Тбилиси, Грузия)

Б. Н. Миронов (г. Санкт-Петербург, Россия)

Дж. Санборн (Пенсильвания, США)

В. Сандерлэнд (г. Цинциннати, США)

С. Г. Суляк (г. Тирасполь, Молдавия)

С. Ф. Фоминых (г. Томск, Россия)

Г. Чжан (г. Чанчунь, Китай)

Ф. Б. Шенк (г. Базель, Швейцария)

М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)

Учредитель – International Network Center for Fundamental and Applied Research, США
Издатель – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Словакия

Адрес для писем:

831 04, Словакия, г. Братислава – Нове Место,
ул. Стара Вайнорска, 1367/4

Подписано в печать 01.09.2019 г.
Формат 21 × 29,7/4.

Заказ № 58.

Тел.: +421 940 136139 (Словакия)
Тел.: +7 918 2019719 (Россия)
E-mail: bylyegody@sutr.ru
Сайт журнала: <http://ejournal52.com>

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай I, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография из серии «Виды Российской империи»

BYLYE GODY. 2019. 53(3)
RUSSIAN HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

A. A. CHERKASOV (VOLGOGRAD, RUSSIA)
Editor in Chief – Dr. (History)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)
Deputy Editor in Chief – Dr. (History)

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
Dr. (History)

V. G. IVANTSOV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

T. A. MAGSUMOV (NABEREZHNYE CHELNY,
RUSSIA)
PhD (History)

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Editorial Board:

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

S. F. FOMINYKH (TOMSK, RUSSIA)

P. JOSEPHSON (WATERTVILLE, USA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

Publisher – International Network Center for Fundamental and Applied Research, USA
Co-publisher – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Slovak Republic

Postal Address:

1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava –
Nove Mesto, 831 04

Approved for printing 1.9.2019

Order № 58.

Тел.: +421 940 136139 (Slovak Republic)
Tel.: +7 918 2019719 (Russia)
E-mail: bylyegody@sutr.ru
Website: <http://ejournal52.com>

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:

Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas I is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskaya Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo from the series «The views of the Russian Empire»

C O N T E N T S

ARTICLES

Aleksandr Cherkasov: A Scholar, Publisher, and Organizer of Research Collaborations (to the 20 th Anniversary of the Scholar's Research and Pedagogical Activity) V.V. Tarakanov, S.D. Ludwig	914
Nuremberg Jetons of XVI–XIX centuries in Russia A.A. Pushkarev	921
The Phenomenon of Great Duchy of Lithuania in a Scholar Discourse on the Boundary of Millenniums A.Yu. Dvornichenko, R.-E.A. Kudrayvtseva	935
Institutional Framework of Youth Tourism in Pre-Revolutionary Russia P.P. Chuvatkin, S.A. Gorbatov	956
The Jacobite Movement in the Context of the Counter-Revolution in the British Isles after the Glorious Revolution of 1688–1689 L.V. Sidorenko	964
From the Antichrist to the Revolutionary: Peter the Great in the National Socio-Historical Discourse of the XVIII – early XX century L.V. Mininkova, T.Ju. Ajdunova	974
War Influence on Spirit Development of Russian Socium during 18 th –the first half of the 19 th centuries: Modernization or Protomodernization K.V. Samokhin	986
Female Adultery in the Russian Empire in the middle of the XVIII – XIX centuries (on materials of the Tobolsk Diocese) A.V. Spichak	998
Old Believers' Re-Emigration in early 1750-ies: the Southern Program of Russian Authorities A.S. Ryazhev	1008
Water Supply of the Kalmyk Steppe of the Astrakhan Province in the XIX – beginning of the XX century: Problems and Ways of their Solution D.V. Amaeva, A.N. Komandzhaev, N.P. Matsakova, L.V. Okonova	1017
“Trying to Be Sharp, Trying to Make Money”: American Civil War Northern Participants' Imagination of Their Peacetime Career A.Y. Filimonov, V.N. Baryshnikov, V.N. Borisenko, E.G. Shchemeleva	1025
The Idea of the Constitution in the Projects of State Reforms of the Russian Emperor Alexander I V.A. Tomsinov	1036
The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1 V.S. Molchanova, L.L. Balanyuk, E.V. Vidishcheva, I.I. Potapova	1049
Resettlement of Trade and Craft Population to the Kalmyk Lands of Astrakhan Province in the Context of the State Trade Policy (XIX – early XX centuries) S.S. Belousov	1059
Yakov I. Kostenetsky (1811–1885): Life of a Typical Representative of the Noble Intelligentsia of the XIX century S.I. Degtyarev, L.G. Polyakova, O.I. Yehorova, J. Gut	1067

The British Russophobia in the first half of the XIX century: the Political Aspect L.A. Kryzhko, P.I. Pashkovsky, E.I. Davydova, P.I. Shipilin	1078
The Image of the "West" on the Pages of Magazines "Notes of the Fatherland" and "Son of the Fatherland" in the 20s, 30s of XIX century D.V. Bodnarchuk	1086
From History of Accession of the Senior Zhuz to the Russian Empire: Prerequisites and Reasons G.T. Mominova, G.O. Charginova, M. Giritlioglu, A.A. Kasymova	1096
The Rise of the Public Health System in Russian Empire and Great Britain in XIX – the beginning of the XX century E.K. Sklyarova, M.A. Gutieva, O.N. Kamalova, L.T. Zaseeva	1106
Mammal Hunting in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries in the context of the All-Russian Modernization T.S. Minaeva, D.S. Zaozerskiy, M.Yu. Zadorin	1115
The Discussion on Stoicism in Russian Thought of the second half of the 19 th – early 20 th century and the History of the Study of Christianity M.M. Shakhnovich, A.Y. Tyzhov, D.S. Popov	1125
Some Aspects of Russian-Chinese Relations in the second half of the XIX century. Part 1 L.V. Shkvarya	1134
The Polish Political Exile in the Yenisei Government in the second part of XIX century L.J. Anisimova, B.E. Andusev, E.A. Akhtamov, I.S. Sheviakov	1144
Casual Clandestine. Female Sex Workers in Towns of Orenburg Governorate in the Second half of the XIX century E.V. Burlutskaya (Bannikova), Yu.O. Kurenkova	1153
Scientific School as a Form of Organization of Research Activities of Church Historians at the Moscow Theological Academy (second half of XIX – first quarter of XX century) K.A. Kuzoro	1167
Business National Circles of the Russian City in the late XIX – early XX century (on the Example of Tsaritsyn) I.N. Litvinova, O.A. Karagodina	1178
Urban Kitchen as a Social Space in the Noble-Intellectual Environment of Russia in the second part of the XIX – early XX centuries V.A. Veremenko	1187
Fair Trade of the Merchantry of the Steppe Region of the second half of the 19 th century and beginning of the 20 th century A.S. Kereibayeva, A.M. Mamyrbekov, T.P. Levchenko, M. Ziyadin	1201
The Number of the Semirechensky Cossacks and Factors of its Dynamics in XIX – the beginning of XX centuries M.G. Tarasov	1211
Economic Relations of Russia with the Anatolian Vilayets of the Ottoman Empire at the turn of XIX–XX centuries: Competition and Learning from States of Europe and the USA I.V. Kryuchkov	1221
The Legal Position of Old Believers in the Context of Legislative Initiatives of the Russian Empire in the last third of XIX – early XX century P.K. Dashkovskiy, V.N. Iljin	1232

The Idea of the Siberian University and Regionalism in the Letters of N.M. Yadrintsev to V.M. Florinsky (1876–1882) S.F. Fominykh, A.O. Stepanov, O.V. Natolochnaya	1243
The Akhal-Teke Expeditions of 1879–1881 years: Historical and Statistical Study. Part 1 T.A. Magsumov, M.S. Nizamova, S.F. Artemova, R.M. Allalyev	1256
“Burden of Professorship”: Features of the Pedagogical Activity of an University Lecturer in Pre-Revolutionary Russia M.V. Gribovskiy	1263
Public Charity of the Elderly People in Poorhouses in the late XIX – early XX centuries (on the Example of Tomsk) A.S. Kovalev, N.R. Novosel'tsev, O.I. Savin, E.V. Savina	1272
Features of the Material and Everyday Status of Students of Higher Educational Institutions of the City of Tomsk in the late XIX – early XX centuries in the Context of the Everyday Life History E.V. Vititneva, A.S. Kuzmenko, N.V. Pahomova	1281
Features of Formation and Activity of City Self-Government in Novonikolayevsk (1895–1917) A.B. Khrantsov	1292
Merchant Shipping Company I.I. Bodalev on the Meeting's Journals of the Economic Committee of Izhevsk Plants 1895–1900 N.W. Mitiukov, S.L. Bautina, A.F. Mitrofanov, Yu.N. Makarov	1301
Publicistic Disputes B.N. Chicherin and N.K. Rennenkampf in 1898–1899 on the Polish Question in Politics of Russia, Germany and Austrian-Hungary E.V. Dvoretzkiy, D.O. Timiryayev	1310
Economic Views of A.N. Kuropatkin and the Policy of the Ministry of War in the Cossack Hosts in 1898–1900 A.Y. Peretyatko	1318
The Evolution of the Socio-Political Views of the Clergy of the Yenisei Province in the period of Revolutionary Upheavals of the beginning of the XX century A.P. Dvoretzskaya, O.V. Konovalova, Aida A. Terskov	1333
On the Ratio of Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905. Japanese Squadron Battleships A.M. Mamadaliev, A.V. Venkov, N.V. Miku, A. Médico	1342
“Our Shah is the Russian Emperor”: the Little-Known Pages of the Persian Revolution of 1905–1911 T. Gao, A.A. Cherkasov, S.N. Bratanovskii, N. Ter-Oganov	1365
The Activities of Turkish Agents in the Central Asian Borderlands of the Russian Empire in the early XX century according to the Materials of the Reports of the Officer on Special Assignments of the Ministry of Interior L. Naumov Y.A. Lysenko	1373
From Hostility to Friendship: the Russian-Romanian Relations in the Years Prior to the Outbreak of the First World War S. Arhire	1383
The Historical Experience of Educational Practices for Children of Refugees of the First World War (on the Example of the Yenisei Province of the Russian Empire) T.A. Kattsina, N.V. Pashina, L.E. Mezit, E.V. Potapova	1394

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 914-920. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.914
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

ARTICLES

Aleksandr Cherkasov: A Scholar, Publisher, and Organizer of Research Collaborations (to the 20th Anniversary of the Scholar's Research and Pedagogical Activity)

Vasilii V. Tarakanov ^{a, *}, Sergey D. Ludwig ^b

^a Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract

This paper addresses the research and pedagogical activity of Aleksandr Arvelodovich Cherkasov, Doctor of Historical Sciences, which spans the period between 1999 and 2019. The authors go over relevant biographical information on the scholar, discuss a set of key research findings by him, and describe his overall publication activity.

The authors note that over the 20-year period spanning his research and pedagogical career the scholar has worked real hard to lay the groundwork for his research school. Mr. Cherkasov managed to progressively work his way from a humble position as an instructor's assistant all the way up the actual administrative ladder, reaching the level of Candidate of Sciences and the rank of Prorector for Research and Innovation. Only after years of experience doing administrative work would the scholar actually go on to undertake the establishment of a research center of his own and engage in the implementation of a number of other projects, including commercial ones.

Keywords: Aleksandr Arvelodovich Cherkasov, research and pedagogical activity, the period 1999–2019, biographical information.

1. Introduction

September of 2019 will mark 20 years since Aleksandr Arvelodovich Cherkasov, Doctor of Historical Sciences, who is currently the editor-in-chief of *Bylye Gody*, a top Russian history-related magazine, embarked on his research and pedagogical activity.

Here is a brief bio of Mr. Cherkasov. Aleksandr Arvelodovich Cherkasov was born on April 23, 1974 in the city of Sochi. In 1992, he finished the OZSh No. 1 high school in Sochi. In 1994, Mr. Cherkasov entered the Sochi branch of the Herzen State Pedagogical University of Russia, where he majored in History in the Department of History and Philology. In 1999, he graduated from that university with honors.

In 1998, the Sochi branch of the Herzen State Pedagogical University of Russia was merged with the Sochi Institute for Resort Operations and Tourism, which resulted in the establishment of Sochi State University of Tourism and Resort Operations.

2. Results

Right after his graduation from the university in 1999, A.A. Cherkasov was invited to work as an instructor's assistant in the Department of History at Sochi State University of Tourism and Resort Operations. In the following three years, Mr. Cherkasov would go on to work there as an instructor, and later as a chief instructor.

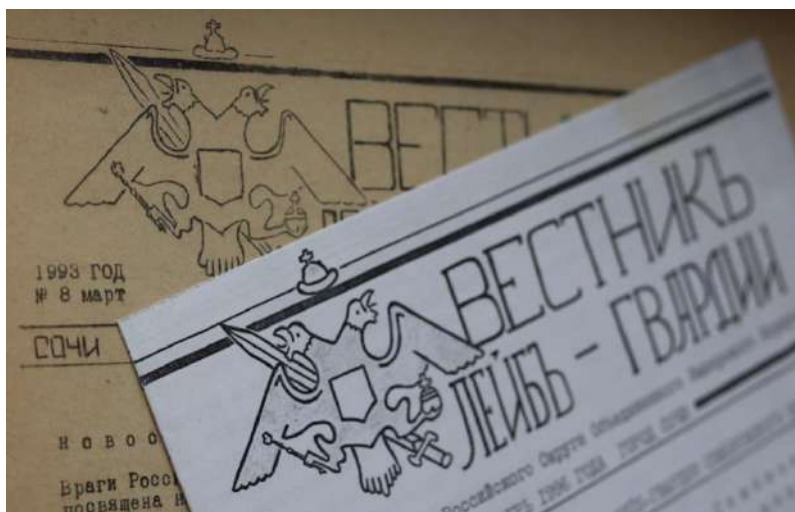
* Corresponding author

E-mail addresses: v.tarakanov@volsu.ru (V.V. Tarakanov), ludwigo8@rambler.ru (S.D. Ludwig)

In 2002, under the tutelage of Professor Valerii Evgen'evich Shchetnev, Aleksandr Arvelodovich completed at Kuban State University his candidate's thesis, 'The Peasant Movement in the Black Sea Region during the Revolution and Civil War'. After being awarded the degree of Candidate of Historical Sciences, Mr. Cherkasov was appointed to the post of Associate Professor in the Department of National History. In 2005, he was awarded the title of Docent.

In 2003, based on a grant from the Russian Humanities Research Foundation, Mr. Cherkasov masterminded and produced a work entitled 'Collaborationism in Krasnodar Krai during the Period of German Occupation (1942–1943)'. A same-titled collection of documents would later be released based on the work's findings.

That same year, Aleksandr Arvelodovich undertook the release and editing of an annual collection of scholarly works from two departments (Department of National History and Department of Foreign History and Culturology), entitled 'History and Historians in the Context of Time'. Yet, the first publishing project by A.A. Cherkasov was *Vestnik Leib-gvardii* (Herald of the Imperial Guard newspaper), which was published between 1992 and 1993 and between 1996 and 1997. A total of 14 issues would be released (the paper is a bibliographical rarity). The release of this particular paper in August of 1992 is what would actually serve as a point of departure for the establishment of a publishing house, which is known today as Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Fig. 1. Title pages for the 1993 and 1996 issues of *Vestnik Leib-gvardii*

In January of 2006, Aleksandr Arvelodovich was appointed to the position of Head of the Department of National History. As early as February 24, the departmental Student Science Club for Regional Studies through History was established, which four years later would be developed into the Student Science Lab for Regional Studies through History Named after Count Illarion Ivanovich Vorontsov-Dashkov, an honorable citizen of the settlement of Sochi. The student science club existed up until 2012, i.e. up until they stopped admitting students to the History major.

The lab's meetings would be held monthly in the third part of the month. They would hold a total of 10 meetings each year, nine general ones and an anniversary meeting. At general meetings, presentations would be delivered by the club's supervisor, its prefect, and two of its members, while at anniversary meetings it would be done by instructors solely (four persons). The club would engage schoolchildren, college students, and postgrads. It is worth noting that future human resources for the club would be spotted during contests for the best research work by a high school senior. Aleksandr Arvelodovich headed for several years the judging panel for the History and Regional Studies section at the First Steps into Science all-school conference held in Sochi. The event would help select for the major both the winners of city and krai contests and those of an all-Russian one. A detailed account of the lab's operation is provided in a paper by I.A. Ermachkov ([Ermachkov et al., 2018](#)).

On September 1, 2006, Aleksandr Arvelodovich Cherkasov launched the quarterly journal *Bylye Gody*. The title for the journal was selected based on the results of a contest held through the efforts of the Student Science Club for Regional Studies through History. It was proposed by third-year student Dmitrii Kachula. The journal was created mainly because of the lack of space available for materials to be published. Note that at the time the university would normally hold two conferences a year, with the proceedings published in a collection of scholarly works. In addition, as mentioned earlier, the department had a yearbook in circulation, entitled 'History and Historians in the Context of Time'. The launch of the new departmental journal would help boost tangibly the department's publication activity. Moreover, a few years later the journal would develop first into a Black-Sea-region-wide journal and later into a nationwide one. In 2015,

it would turn from a generally historical journal into a publication focused on the history of the Romanov period (1613–1917).

In 2007, A.A. Cherkasov defended a thesis for the degree of Doctor of Historical Sciences. The thesis, entitled 'Kuban and the Black Sea Region during the Civil War (1917–1922): A Third Force in the Socio-Political Confrontation', was produced with guidance from Professor Valerii Nikolaevich Ratushnyak, Doctor of Historical Sciences. In 2008, Aleksandr Arvelodovich was awarded the degree of Doctor of Historical Sciences.

At different times during the period 2008–2012, Aleksandr Arvelodovich combined his pedagogical activity with administrative work, serving as Deputy Prorector for Research and Head of the Office for Research.

In 2010, Aleksandr Arvelodovich launched his first commercial project – a monthly journal entitled 'European Researcher'. By 2013, the journal was indexed by numerous international databases in the second-ranking category. The year 2012 saw the establishment of Academic Publishing House Researcher s.r.o., with A.A. Cherkasov becoming its CEO.

In 2011, Sochi State University of Tourism and Resort Operations was renamed again, becoming Sochi State University.

Between 2012 and 2013, Aleksandr Arvelodovich attended the Skolkovo Moscow School of Management via the 'New Leaders in Higher Education' program.

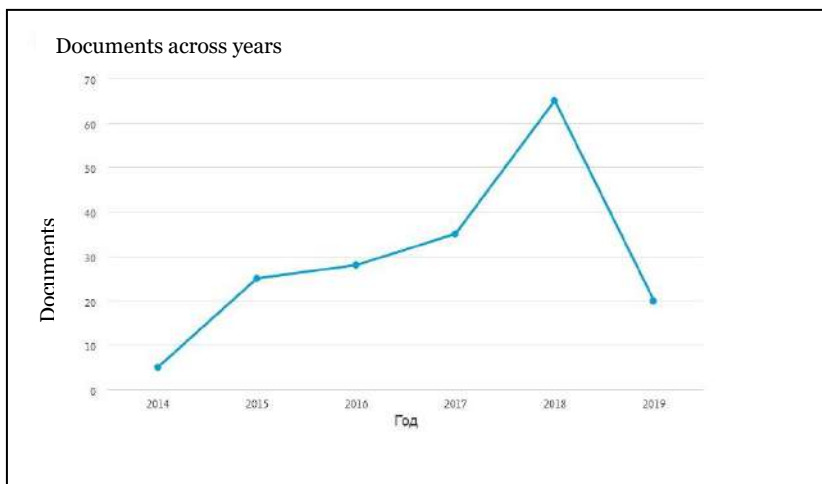
Between 2013 and 2014, A.A. Cherkasov served at Sochi State University as Prorector for Research and Innovation. Due to the discontinuation of student admission to the History major, A.A. Cherkasov had to leave the post of Head of the Department, and in February of 2014 he would leave the post of Prorector at the university as well. Up until 2017, A.A. Cherkasov continued to work at Sochi State University, where he was engaged in funded research work and, along with his team, in technical work related to the publication of The Proceedings of Sochi State University, a general college journal. A key reason behind the termination of his work at the university was an increasing workload at the publishing house, which by 2014 carried nearly 30 journals already. Concurrently, A.A. Cherkasov made time for his research activity as well.

On July 27, 2014 Mr. Cherkasov opened the doors of the International Network Center for Basic and Applied Research. The institution was established based on the idea of bringing researchers together not based on the territorial principle (e.g., researchers from one particular region gathered on one campus) but based on networked collaboration among researchers brought together by a particular research topic who come from different regions and countries (networked interaction). The center was comprised of three labs: Lab 1 – on world civilizations (headed by A.A. Cherkasov), Lab 2 – on military research, and Lab 3 – on economic and social cooperation. In 2017, the last two labs were merged into one to form the lab on professional and pedagogical training. As of July 2019, the US-registered center numbers 20 research officers from seven countries (Russia, Serbia, Slovakia, Spain, Ghana, Ukraine, and Israel). Two of the center's members are also members of the American Historical Association (USA) (A.A. Cherkasov and A.Yu. Peretyatko). One of its members, T.A. Magsumov, is also a member of the History of Education Society (UK), and another, N.V. Mityukov, is also a member of the Royal Naval League of Spain (Spain). As of July 2019, the center has 178 publications in the international scientometric databases Scopus and WoS. Its Scopus h-index is 11.

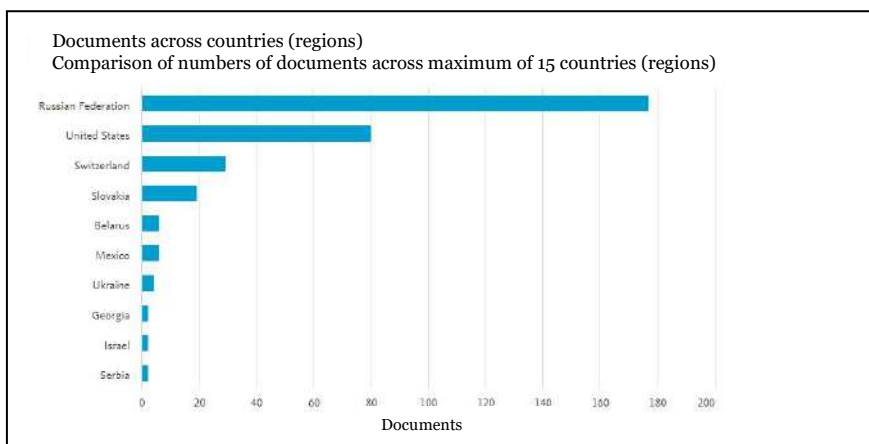

Fig. 2. The center's symbols (a – its flag, b – its logo)

Fig. 3. Number of publications by the center based on data from Scopus (as of July 2019)

Fig. 4. Distribution of publications across countries based on data from Scopus (as of July 2019)

In the fall of 2017, Aleksandr Cherkasov switched to work at Volgograd State University, and in the spring of 2018 the network center and Volgograd State University entered into a partnership agreement and established a joint lab.

From 2016 to 2019, Aleksandr Cherkasov has taken part in four Arctic expeditions as part of the Arctic Floating University program (2016 – the western coast of Novaya Zemlya; 2017 – Franz Josef Land; 2018 – the eastern and western coasts of Novaya Zemlya; 2019 – Spitsbergen). As a result of these expeditions, scholarly ties were forged with researchers from Switzerland, Canada, and China.

Fig. 5. Flags of the joint laboratory in Ny-Ålesund on the island of Spitsbergen (July of 2019) (A.A. Cherkasov is second left)

Concurrently with the implementation of the two principal projects – the publishing house and the research center – the scholar was involved with a few other projects as well. In 2013, an open-access database, OAJI (Open Academic Journals Index), was established (Figure 6), which by 2019 would number over 2,500 journals from over 100 countries. Conceived in 2013 as a database for scholarly journals, it was developed in 2014 into a full-text platform for the submission of peer-reviewed papers as well. The database is serviced by the center’s research information lab. In 2015, the Eastern European Historical Society was established. In 2018, the Eastern European Information Agency was set up, its current purpose being to inform the world research and pedagogical community about achievements in the area of research into the history of Eastern Europe.

Fig. 6. Logo for OAJI

By 2016, the number of journals carried by the publishing house exceeded 50. That same year, A.A. Cherkasov made his first trip to Eastern Europe. As a result of the establishment of scholarly contact with researchers from Eastern Europe, A.A. Cherkasov was appointed Visiting Professor at Matej Bel University in Banská Bystrica (Slovakia). Cherkasov went on to establish Academic Publishing House Researcher s.r.o. in Bratislava (Slovakia) in 2017.

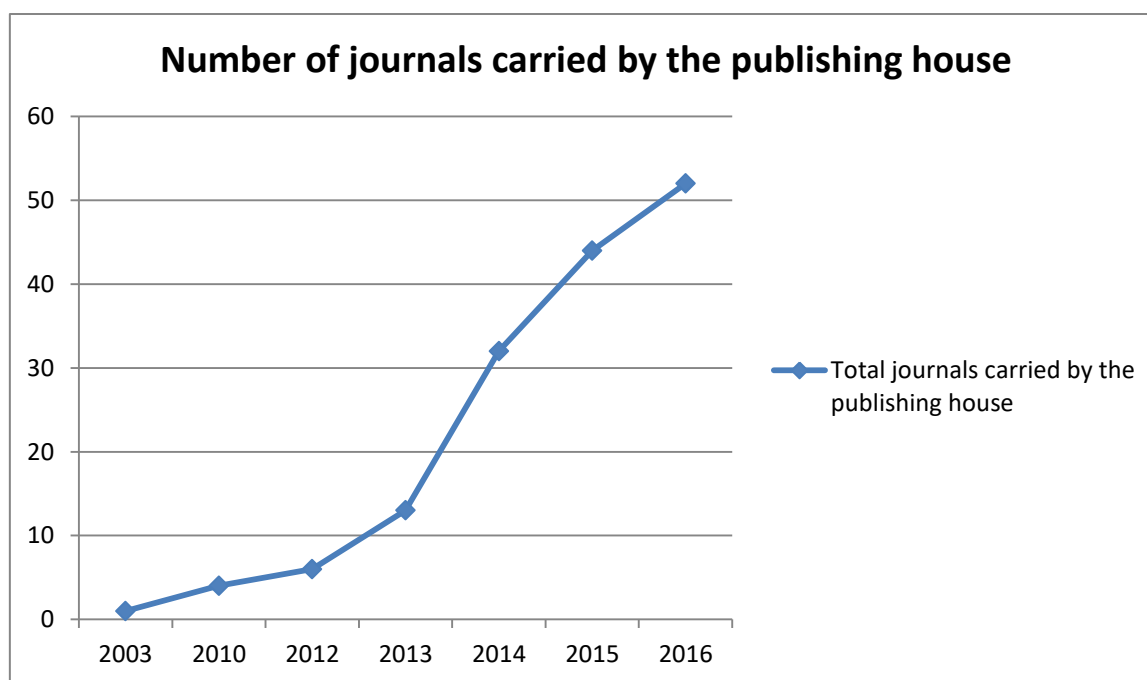

Fig. 7. Dynamics of the number of journals carried by the publishing house

Research activity

Subsequent to the defense of his doctoral dissertation in 2008, A.A. Cherkasov switched from the civil war to pre-revolutionary history, which has always been a favorite subject with him. In the final stage of his work at Sochi State University, A.A. Cherkasov was in charge of the implementation of a research project entitled ‘The Caucasus in the Dialogue of Civilizations: Mechanisms behind Global Change’. As part of the project, Mr. Cherkasov investigated the nature of change in people’s religious views, and established that Christianity had been supplanted in the Caucasus based on a set of external factors (his article on Georgia). In addition, Cherkasov provided convincing proof that the destruction of Christian temples in the Northwest Caucasus was caused by the activity of Islamic fundamentalists, not natural factors (Cherkasov et al., 2016).

A major factor in the economy of the Caucasus in the period between the 18th and first half of the 19th centuries was slave trade. Slaves were quite expensive at the time. For instance, as noted by A.A. Cherkasov in his work ‘The List of Captives from the Turkish Vessel ‘Belifte’ as a Source of Information on the Slave Trade in the Northwestern Caucasus in the early 19th Century’, the 66 slaves discovered by a Russian corvette aboard a Turkish slave-trading ship it intercepted were valued equal to as many as 2,500 cows (Cherkasov et

al., 2017). To develop his research further, Mr. Cherkasov went on to focus on the situation of slaves in the Caucasus, and his cooperation with Dr. M. Šmigel' helped the research group compare the situation of slaves in the Caucasus with that in the United States (Smigel, Cherkasov, 2016; Šmigel et al., 2017). Subsequently, A.A. Cherkasov would come to the conclusion that it is the economic lucrativeness of taking captives from the Russian side that was one of the key reasons behind the long duration of the Caucasus War. This conclusion is based on an analysis of all losses incurred by the Russians during the Caucasus War between 1801–1864, with one half accounted for by raids by the mountaineers and the other by Russian expeditions (Cherkasov et al., 2017a). In the end, the Russian administration realized that as long as the mountaineers were engaged in slave trade with the Turks and Persians raids onto the Russian area would never stop, which would go on to serve as the reason for the establishment of a buffer zone on the Black Sea coast.

However, as noted by A.A. Cherkasov, it would be totally wrong to assume that the Russians were met in the Caucasus with outright antagonism on the part of all the mountaineers. It is worth taking into account that subsequent to the Civil War of 1785, touched off by the uprising of Shih Mansur, the Circassian aristocracy would end up losing their grip on power, with the circulation of the Quran eventually becoming possible in the area, where it had been forbidden previously (Cherkasov et al., 2014). This would fragment society, and through virtually the entire Caucasus War most of the Circassian princes, along with their vassals and serfs, would seek to engage in meaningful dialogue with the Russian administration, while many members of the mountaineer aristocracy would also become Russian officers (Cherkasov et al., 2015; Cherkasov et al., 2015a; Cherkasov et al., 2018b). A.A. Cherkasov has also conducted research into the traditions and demography of Circassian society (Cherkasov et al., 2014; Cherkasov et al., 2016b; Cherkasov et al., 2018a; Ivantsov et al., 2015).

Apart from the Circassians, A.A. Cherkasov has explored other mountaineer and Caucasian tribes as well, including the Jigets (Cherkasov et al., 2015b), the Abkhaz (Cherkasov et al., 2016a), and the Mingrelians (Cherkasov et al., 2018). The scholar has also conducted some research into the events of World War I in the Caucasian theater of military action (Cherkasov et al., 2016c; Cherkasov et al., 2016d) and some into the Russian Empire's youth policy during the period between the two revolutions (Molchanova et al., 2013).

Another noteworthy area of research tapped into by A.A. Cherkasov is the history of pre-revolutionary pedagogy. In 2011, the scholar wrote a paper in which he not only challenged the Soviet narrative about rampant illiteracy in Russia at the time but managed to prove that on the eve of the February Revolution the Russian Empire was actually about to introduce compulsory primary education (Cherkasov, 2011). The establishment of Soviet power would only postpone the introduction of compulsory primary education by 13 years, i.e. all the way until 1930.

A.A. Cherkasov has also researched the regional characteristics of the system of public education in various provinces of the Russian Empire (Cherkasov et al., 2019; Cherkasov et al., 2019a; Cherkasov, Smigel, 2016).

It may also be worth saying a few words about the scholar's tutelage over dissertation-related research. So far, A.A. Cherkasov has served as a thesis advisor for a total of three candidates. Under Mr. Cherkasov's guidance, K.V. Taran defended his dissertation, 'The Black Sea Governorate during the First Russian Revolution', in 2011, I.A. Ermachkov did his, 'Sochi during the Perestroika (1985–1991)', in 2016, and L.G. Polyakova did hers, 'The Black Sea Governorate during World War I', in 2018.

3. Conclusion

Over the 20-year period spanning his research and pedagogical career, the scholar has worked real hard to lay the groundwork for his research school. Mr. Cherkasov managed to progressively work his way from a humble position as an instructor's assistant all the way up the actual administrative ladder, reaching the level of Candidate of Sciences and the rank of Prorector for Research and Innovation. Only after years of experience doing administrative work would the scholar actually go on to undertake the establishment of a research center of his own and engage in the implementation of a number of other projects, including commercial ones.

References

- Cherkasov et al., 2014 – Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V. (2014). The "Nobility" and "Commoners" in Ubykh Society: The Reasons behind the Social Conflict. *Bull. Georg. Natl. Acad. Sci.* 8(3): 64-72.
- Cherkasov et al., 2014 – Cherkasov A.A., Šmigel' M., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S. (2014). Hillmen of the Black Sea Province (early XIX century): Geography, demography, antropology. *Bylye Gody.* 32 (2): 150-154.
- Cherkasov et al., 2015 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Kryukova N.I., Molchanova V.S. (2015). The Moving of the Ubykhs to the Russian Service as a Result of the Peace Initiatives in the First Half of the 1840s years. *Bylye Gody.* (3). 37: 541-548.
- Cherkasov et al., 2015a – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. (2015). The Daily Life and Morals of Circassian Society: A Historical-Comparative Investigation based on sources from the period between the Mid-16th and the First Half of the 19th centuries. *Bruckenthal. Acta Musei*, X. 1: 76-77.

- [Cherkasov et al., 2015b](#) – Cherkasov A.A., Shmigel M., Bratanovskii S.N., Molchanova V.S. (2015). Jikis and Jiketi in Conditions of War and Peace (1840–1860 years). *Bylye Gody*, 38(4): 888-893.
- [Cherkasov et al., 2016](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Metreveli R.V., Molchanova V.S. (2016). The Destruction of the Christian Historical-Cultural Heritage of the Black Sea Area: Trends and Characteristics (the Late 18th and First Half of the 19th centuries). *Annales Ser. hist. sociol.* 26(1): 1-12.
- [Cherkasov et al., 2016a](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S. (2016). Demographic characteristics of the Aristocratic Abkhazia in 1800–1860 years. *Bylye Gody*, (1). 39: 53-66.
- [Cherkasov et al., 2016b](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. (2016). The Demographic Characteristics of the Tribes of the Black Sea Region in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. (2), 40: 382-391.
- [Cherkasov et al., 2016c](#) – Cherkasov A.A., Metreveli R.V., Smigel M., Molchanova V.S. (2016). Characteristics of the Russian society of the red cross on the caucasus front (1914-1917). *Terra Sebus*. 8: 319-333.
- [Cherkasov et al., 2016d](#) – Cherkasov A.A., Smigel M., Molchanova V.S. (2016). The Glorification of Underage Volunteers in Russian Military Service during World War I. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 5(1): 4-11.
- [Cherkasov et al., 2017](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. (2017). The list of captives from the Turkish vessel *belifte* as a source of information on the slave trade in the north-western caucasus in the early 19th century. *Annales-Anali za Istrske in Mediteranske Studije - Series Historia et Sociologia*. 27(4): 851-864.
- [Cherkasov et al., 2017a](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. (2017). The Losses of the Russian army during the Caucasian war (1801-1864): Historical and statistical research. *Bylye Gody*. 43(1): 68-85.
- [Cherkasov et al., 2018](#) – Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N., Valleau A. (2018). The Abkhazian and Mingrelian principalities: Historical and demographic research. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Istorija*. 63(4): 1001-1016.
- [Cherkasov et al., 2018a](#) – Cherkasov A.A., Smigel M., Bratanovskii S., Valleau A. (2018). The Circassian aristocracy in the late XVIII - The first half of XIX centuries: The social structure of society. *Bylye Gody*. 47(1): 88-96.
- [Cherkasov et al., 2018b](#) – Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskiy S.N., Smigel M. (2018). The Evolution of the Circassians' Oaths in the Context of Changing Religious Views in 1800-1855. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Volgogradskii Gosudarstvennyi Universitet – Vestnik – Seriya 4 – Istorija, Regionovedenie, Mezhdunarodnye otnosheniya], 23(4): 40-50.
- [Cherkasov et al., 2019](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(1): 208-214.
- [Cherkasov et al., 2019a](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 8(2): 418-424.
- [Cherkasov, 2011](#) – Cherkasov A.A. (2011). All-Russian primary education (1894-1917): Developmental Milestones. *Social Evolution and History*. 10(2): 138-149.
- [Cherkasov, Smigel, 2016](#) – Cherkasov A.A., Smigel M. (2016). Public education in the russian empire during the last third of the XIX century: Parish schools. *European Journal of Contemporary Education*. 18(4): 418-429.
- [Ermachkov et al., 2018](#) – Ermachkov I.A., Ekimov A.I., Vazerova A.G. (2018). Students' humanitarian science club activity in 2006-2012. *European Journal of Contemporary Education*. 7(2): 286-290.
- [Ivantsov et al., 2015](#) – Ivantsov V.G., Cherkasov A.A., Tarakanov V.V., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V. (2015). Russian and foreign authors of the late 18th - 19th Centuries on the North-West and Central Caucasus (the historiographical and historical aspects): Part 1. *Bylye Gody*. 35(1): 70-80.
- [Molchanova et al., 2013](#) – Molchanova V.S., Cherkasov A.A., Šmigel' M. (2013). Youth and patriotic sentiments during the reign of Emperor Nicholas II. *Bylye Gody*. 30(4): 88-93.
- [Šmigel et al., 2017](#) – Šmigel M., Cherkasov A., Kmet M. (2017). Life and traditions of Caucasian Circassians: Historical-comparative probe of travelogues of European travellers from the beginning of the 16th century to the half of the 19th century | [Život a zvyky kaukazských Čerkesov: Historicko-komparatívna sondáž cestopisov európskych cestovateľ'ov od začiatku 16. Do Polovice 19. Storočia]. *Muzeologia a Kultúrne Dedičstvo*. 5(2): 29-50.
- [Smigel, Cherkasov, 2016](#) – Smigel M., Cherkasov A.A. (2016). The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special. *Bylye Gody*. 42(4): 1182-1197.

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 921-934. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.921
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Nuremberg Jetons of XVI–XIX centuries in Russia

Andrey A. Pushkarev ^{a,*}

^aTomsk State University, Russian Federation

Abstract

The article focuses on the study of Nuremberg jetons as a unique phenomenon of the late XVI to the XIX centuries in the Russian territory. For the first time presented is an overview of all the jetons found in the territory of modern Russia that come from archaeological sites, ethnographic and random collections. For a better presentation of this material, description of the finds is divided according to three geographical areas, namely, the European part of Russia and Povolzhye; Western Siberia; and Eastern Siberia and the Far East.

The mapping of the locations where the Nuremberg jetons were found allowed identifying the specific features of their distribution across the territories and constitutes an integral part of the article. More specifically, in the European Russia, the majority of the finds comes from the region of Povolzhye, whereas in Western Siberia, the distribution is more or less equal across the whole area. In Eastern Siberia and the Far East, there is a cluster of the finds in the Priolkhonye region; the rest are spread across the wider area.

The article contains a large reference section which is a product of the author's many-year work on accumulating publications on the Nuremberg jetons found in the Russian territory.

Keywords: Nuremberg jeton, rechenpfennig, Russia, Volga region, Siberia, numismatics, archaeology, ethnography, burial ground, settlement.

1. Введение

Жетоны являются монетовидными знаками, которые впервые появились в Западной Европе в XIII веке и изначально использовались в качестве инструмента счета на специальной доске, называемой аба́кус (аба́ка). Пик популярности жетонов приходится на XVI – начало XVII вв., когда центром их производства становится г. Нюрнберг. Своеобразие феномена нюрнбергских жетонов заключается в том, что, зародившись на территории Западной Европы, они оказались в итоге адаптированы в культуре индигенного населения колонизированных территорий Российской государства. На этом длительном пути жетоны меняли свои функции, что, соответственно, увеличивало их информативность как исторического источника. Являясь изначально важным свидетельством по развитию медальерного дела и арифметики на территории Западной Европы, жетоны впоследствии аккумулировали информацию о торговых отношениях с Русским государством и, наконец, стали источником по культуре индигенного населения (Пушкарев, 2015).

В археологии и этнографии жетоны, благодаря своим уникальным датирующим свойствам, являются важнейшими источниками по изучению изменений в культуре индигенного населения Западной Сибири в период русской колонизации (Пушкарев, 2012).

2. Материалы и методы

В статье используется широкий круг источников о находках нюрнбергских жетонов на территории России. Основными являются материалы археологических и этнографических

* Corresponding author

E-mail addresses: supdron@gmail.com (A.A. Pushkarev)

коллекций. Из всей совокупности жетонов (не менее 710 экз.) автором *de visu* исследовано 312 экз. Информация об остальных жетонах взята из текстовых описаний и фотографий, размещенных в научных публикациях, а также в полевых дневниках и отчетах. Некоторые фотографии жетонов предоставлены коллегами из материалов неопубликованных полевых исследований.

В ряде случаев использовались материалы из научно-популярных статей о находках нюрнбергских жетонов при раскопках археологических памятников. Перед включением в статью подлинность данных сведений тщательно проверялась. По этическим соображениям нами не использованы жетоны, найденные нелегальным путем, информация о которых размещена на многочисленных электронных ресурсах кладоискателей.

3. Обсуждение

История изучения темы, связанной с нюрнбергскими жетонами на территории Сибири, рассмотрена автором ранее в отдельной публикации (Пушкарев, 2013). Остановимся на обзоре наиболее значимых работ, не вошедших в указанный очерк.

Важной является статья Д.Н. Маслоуженко и С.Г. Достовалова о нюрнбергских жетонах из д. Сосновая Отнога (Маслюженко, Достовалов, 2014). Авторы, во-первых, сделали качественную публикацию источника с детальным описанием и фотографиями. Во-вторых, впервые выявили факт использования жетонов русским крестьянским населением в качестве украшений. В-третьих, определили несоответствие датировок жетонов и основания деревни Сосновая Отнога, чем показали всю сложность и неоднозначность процедуры датировки с помощью нумизматических материалов (Маслюженко, Достовалов, 2014: 252).

Отметим серию публикаций нюрнбергских жетонов, обнаруженных в культурном слое г. Тобольска (Загваздина, 2015: 40; Аношко, Игнатов, 2015: 81; Аношко, 2014: 140). В них авторы активно использовали жетоны для датировки исследуемых археологических объектов.

Публикации, посвященные изучению находок нюрнбергских жетонов в Европейской части России, немногочисленны. Отметим статьи Е.Ю. Мокеровой о жетонах, обнаруженных в марийских могильниках на территории Кировской области (Мокерова, 2013; Мокерова, 2014). В этих работах акцент сделан на нумизматических материалах Кадочниковского могильника, но также дан обзор находок жетонов на всей территории Поволжья. Очень важным является сравнение датировок жетонов и монет, обнаруженных в одних и тех же погребениях (6 случаев). На основании этого сравнения Е.Ю. Мокерова сделала вывод о близости дат монет и жетонов, хотя отметила, что монеты, благодаря поштемпельному анализу, дают более точную датировку (Мокерова, 2013: 193).

Свой вклад в разработку темы, связанной с изучением нюрнбергских жетонов, внес и автор статьи. В 2015 г. вышла обобщающая статья, в которой сделан акцент на анализе изменения функций жетонов как на территории Западной Европы, так и впоследствии в Западной Сибири. Также подробно прослежено их движение по этому длинному маршруту (Пушкарев, 2015). В 2019 году совместно с А.В. Андриенко опубликованы жетоны, обнаруженные на территории Новгорода (Пушкарев, Андриенко, 2019).

4. Результаты

На сегодняшний день на территории России выявлено не менее 710 нюрнбергских жетонов, которые происходят из 77 археологических памятников, 3 случайных сборов и 15 предметов из этнографических коллекций (Рисунок 1).

1. Слободка-3, сел.; 2. Псков, г.; 3. Новгород, г.; 4. Белое Юго-Восточное, пос.; 5. Москва, г.; 6. Кельгинский мог.; 7. Большой Макателем II, мог.; 8. Коринский мог.; 9. Сарлейский, кург. мог.; 10. Егинский, мог.; 11. Картуковский, мог.; 12. Кадышевский, мог.; 13. Владимирский, мог.; 14. Грековский, мог.; 15. Мало-Кунгурский, мог.; 16. Арзобелянский, мог.; 17. Больше-Меминский, мог.; 18. д. Мансурово, находка; 19. Атынский, мог.; 20. Кадочниковский, мог.; 21. Самара, г.; 22. Поломский Чабьяшай, мог.; 23. Воткинское, пос.; 24. Кушулевский, мог.; 25. Вайгач, святилище; 26. Пайхата-Халайт, мог.; 27. Халас-Путор, мог.; 28. Святилище в п. Анжигорт; 29. Перегребное-9, грунт. мог.; 30. Байбалаковский, грунт. мог.; 31. Чага, мог.; 32. Солянковский, грунт. мог.; 33. Тобольск, г.; 34. Сосновая Отнога, д.; 35. Кинтусовское-1, кладб.; 36. Кинтусовский-4.3, мог.; 38. Соровское, кладб.; 38. Угутское-21, сел.; 39. Чеплярово-27, курганно-грунт. мог.; 40. Окунево-7, кург.-грунт. мог.; 41. Бергамак-2, кург.-грунт. мог.; 42. Черталинское-1, пос.; 43. Черталинский, мог.; 44. Льнозавод-4, кург. мог.; 45. Кыштовка-2, кург. мог.; 46. Мог. у д. Охтеурье; 47. Бедеревский Бор-2, грунт. мог.; 48. Мигалка, грунт. мог.; 49. Елтыревский-2 кург. мог.; 50. Тискинский, кург. мог.; 51. Барклай, кург. мог.; 52. Прорвинский, кург. мог.; 53. Гребенщиковский, кург. мог.; 54. Остяцкая Гора-2, кург. мог.; 55. Балагачевский, кург. мог.; 56. Козюлинский, кург. мог.; 57. Тоянов Городок, кург. мог.; 58. Томский Лагерный-1 кург. мог.; 59. Кузнецк, г.; 60. Лукьяновский-1, кург. мог.; 61. Кикки-Акки, грунт. мог.; 62. Мангазея, г.; 63. Старинные бурятские могилы у Верхоленска; 64. Ая VII, мог.; 65. Ханей-Бус II, захорон.; 66. Хагун I-1, мог.; 67. Мандархан IV-1, мог.; 68. Семисосенная III, мог.; 69. Тодакта IV, мог.; 70. Хужиртуй X, мог.; 71. Стоянка на о. Фаддея; 72. Кирбейский арангас, захорон.; 73. Оленекские арангасы, захорон.; 74. Мындай Этеге (Сорсургалаах Сисэ), пос.; 75. Усть-Алданский улус, находка; 76. Атласовская (Шахурдинская) заимка, захорон.; 77. Хоринский наслег, захорон.; 78. Алаас Эбэ, захорон. лошади; 79. Омук-Кюель, захорон.; 80. Стадухинское, пос.

Рис. 1. Карта находок нюрнбергских жетонов на территории современной России. Карта создана в интернет-приложении Яндекс Карты

Для удобства изложения материала описание находок жетонов разделено по территориальному признаку на три основных блока: Европейская часть России, Поволжье; Западная Сибирь; Восточная Сибирь и Дальний Восток.

Европейская часть России. Поволжье

На территории Европейской части России, в том числе в Поволжье обнаружено не менее 298 нюрнбергских жетонов. Из них 100 экз. происходит из 25 археологических памятников (Рис. 1: № 1–25) и еще 198 экз. выявлено на 13 предметах одежды из этнографических коллекций.

Самый ранний нюрнбергский жетон, обнаруженный на территории Русского государства, происходит из Великого Новгорода. В настоящий момент в фонде археологии Новгородского музея-заповедника выявлено четыре жетона, два из которых отчеканены в Нюрнберге. Один из них относится к серии жетонов анонимных выпусков с розеткой/державой (англ. rose/orb), которые чеканились в Нюрнберге в 1500–1550 гг. (Пушкарев, Андриенко, 2019: 111, рис. 1–3). Возможно этот экземпляр использовался как инструмент наглядного счета, так как в нем отсутствует отверстие для пришивания или подвешивания. Второй нюрнбергский жетон отчеканен мастером Dietzel Iohann

Iacob (1711–1748 – здесь и далее в скобках указаны годы работы мастера). Отверстие, просверленное в этом жетоне, говорит о том, что его носили в качестве украшения или амулета ([Пушкарев, Андриенко, 2019: 111, рис. 1–4](#)).

В Москве на территории Зарядья найдены два жетона мастера Hans Krauwinckel (1586–1635) ([Дубынин, 1959: 99, рис. 40–9; Дубынин, 1960: 79](#)). Также в столице имеются находки более поздних жетонов с изображением Людовика XVI (1775–1793) – один в Коломенском (2000 г.) ([Векслер и др., 2001: 57](#)) и еще несколько в Замоскворечье ([Векслер, Беркович, 2003: 119](#)). Интересно, что один из жетонов, найденных в Зарядье, точно не имел ни одного отверстия. Изображения остальных жетонов из Москвы в публикациях отсутствуют, также ничего не говорится об имеющихся на них отверстиях. Вполне возможно, что найденные в Зарядье жетоны использовались именно как инструмент счета, так как эта территория была бойким торговым районом. Здесь располагались дворы иностранцев, а также с 1556 по 1636 гг. располагалось Английское подворье – резиденция торгового и дипломатического представительства Британии ([Москва, 1998: 70, 298](#)). Жетоны XVIII в. с изображением Людовика XVII (Коломенское, Замоскворечье) привезены, скорее всего, не для ведения счета, а как сувенир. Тогда в Российской империи модно было все французское, и в частности предметы с изображением Людовика XVII могли пользоваться популярностью среди представителей императорского двора и остальных сословий.

В Пскове при раскопках на улице Гоголя в 1977 г. обнаружен «бронзовый нюрнбергский счетный жетон середины XVI в.» ([Кильдюшевский, 1983: 115](#)). К сожалению, в публикации присутствует очень некачественное изображение жетона, поэтому проверить его датировку не представляется возможным. С этой находкой связана любопытная деталь: жетон имел отверстие, в связи с чем В.И. Кильдюшевский считал, что он «явно использовался в качестве подвески» ([Кильдюшевский, 1983: 115](#)). То есть даже в Пскове, расположенном в непосредственной близости к европейским странам, обнаруженный жетон использовался не для ведения счета, а как украшение.

Примером использования нюрнбергских жетонов в качестве украшений русским населением является находка на поселении Белое Юго-Восточное (Темрюкский р-н Краснодарского края). Шесть жетонов отчеканены мастерами Johann Jakob Dietzel (1711–1748), Johann (Hans) Albrecht Dorn (1732–1783) и Johann Adam Vogel (1737–1760). Поселение, по мнению авторов статьи, было оставлено русским населением, а именно казаками-некрасовцами. Все жетоны имеют отверстия и, очевидно, использовались в качестве украшений костюма самими жителями поселения ([Каргин, 2016: 102, 103](#)).

Вызывает интерес находка нюрнбергского жетона из селища Слободка-3 (Кингисеппский р-н Ленинградской области), которое соотносится с местом расселения финно-угорских народов Водь и Ижора. Жетон использовался в качестве подвески и датирован 1586–1635 гг. (вероятно, отчеканен мастером Hans Krauwinckel) ([Шмелев и др., 2018: 353, 354, 364, 366](#)).

Наибольшая концентрация находок нюрнбергских жетонов в Европейской части Русского государства наблюдается в Поволжье, где выявлено не менее 281 жетона. Из них 83 экз. происходит из археологических памятников и 198 экз. из этнографических коллекций.

Нюрнбергские жетоны, выявленные на археологических памятниках происходят из погребений марийцев (могильники Картуковский, Кадышевский, Владимирский, Грековский, Мало-Кунгурский, Арзобелякский, Кадочниковский), удмуртов (могильники Атынский и Поломский Чабьяшай), башкир (могильник Кушулевский) ([Мокерова, 2013: 189-194; Мокерова, 2014: 190-192](#)), казанских татар (могильник Больше-Меминский) ([Дроздова, Бульгин, 1999: 161-173](#)), мордвы-эрзи (могильники Большой Макателем-2, Коринский, Егинский) ([Кондратьев, 2009; Музей Нижегородского..., 2004; Горюнова, 1948a](#)), мордвы-мокши (могильник Кельгинский) ([Вихляев и др., 2001: 67](#)), терюшевской мордвы (могильник Сарлейский) ([Горюнова, 1948b](#)).

К сожалению, большинство нюрнбергских жетонов из указанных могильников на сегодняшний день не введено в научный оборот. По имеющимся публикациям, на территории Поволжья идентифицированы жетоны мастеров: Hans Krauwinckel (1586–1635) – Кадочниковский могильник; Wolf Lauffer II (1612–1651) – Атынский могильник.

Отметим находку на Хлебной площади в г. Самара нюрнбергского жетона, чеканенного мастером Johann Adam Vogel (1737–1760) с отверстием для пришивания или подвешивания ([На Хлебной..., 2018](#)). На наш взгляд, возможны два объяснения его использования. Во-первых, жетон мог быть товаром, который предназначался для местного населения и был утерян еще до продажи. Во-вторых, он мог принадлежать одному из русских жителей города, который носил его в качестве украшения или сувенира.

Для территории Поволжья имеются многочисленные этнографические свидетельства использования нюрнбергских жетонов в качестве украшений. Выявлено 13 отдельных предметов костюма с жетонами в виде нашивок и подвесок ([Экспозиции..., 2019; Праздничная одежда..., 2016: № 78, № 79, № 86, № 88](#)). Преимущественно встречены жетоны, чеканенные в XVIII веке мастерами Johann Christian Reich (1758–1814); Ernst Ludwig Sigmund Lauer (1783–1829); Johann Jakob Dietzel (1711–1748); Michael Leykauff (1724–1768). Однако имеются единичные экземпляры и более ранних жетонов, чеканенных мастерами Wolf Lauffer III (1650–1670) и Cornelius Lauffer (1658–1711).

Приведем два примера из коллекций Российского этнографического музея. Во-первых, набедренное украшение мордва-эрзя – «пулагай» (РЭМ. Кол. #8762–27814. № 5276). На нем подвески на центральной полосе (три нижних ряда) и в нижней части выполнены из нюрнбергских жетонов (96 экз.), чеканенных мастерами Iohann Christian Reich (1758–1814) и Ernst Ludwig Sigmund Lauer (1783–1829) (Рисунок 2).

Рис. 2. Набедренное украшение Пулагай с нюрнбергскими жетонами. Мордва-эрзя. Изображение взято с официального сайта Русского этнографического музея: <http://www.ethnomuseum.ru/nabedrennoe-ukrashenie-mordvy-pulagay-mordva-erzya> (дата обращения: 05.04.2017)

Во-вторых, нагрудное украшение мордвы, состоящее из двух полос ткани, которые расшиты бисером и множеством металлических нашивок-монет и «мордовок» (РЭМ. Кол. № 2089–6) (Рисунок 3). В нижней части украшения и по его краям прикреплены на цепочках и крючках нюрнбергские жетоны, чеканенные мастерами Cornelius Lauffer (1658–1711) и Iohann Christian Reich (1758–1814).

Рис. 3. Нагрудное украшение с нюрнбергскими жетонами (фрагмент). Мордва. Русский этнографический музей: Кол. № 2089–6.

До включения в состав Русского государства народы, проживающие на территории Поволжья, входили в состав Казанского ханства, однако после взятия Казани войсками Ивана Грозного в 1552 г. ситуация кардинально меняется. Достаточно быстро население Поволжья переходит под власть Русского государства. Условия вхождения для разных поволжских народов различались, но их объединяло включение в общий товарный рынок, который контролировался Москвой.

Именно в это время на территорию Поволжья значительно увеличился поток товаров из Западной Европы, среди которых присутствовали и нюрнбергские жетоны. Судя по имеющимся находкам, основная масса жетонов использовалась населением Поволжья в качестве украшений. Об этом говорит наличие отверстий, проделанных в жетонах с целью пришивания на ткань либо использования в качестве подвесок (Мокерова, 2014: 192).

В Европейской части России имеются еще несколько находок нюрнбергских жетонов, интерпретация которых затруднена. Первая – жетон мастера Wolf Hieronymus Hofmann (1719–1756), который происходит из бывшей д. Мансурово (Лаишевский р-н республики Татарстан). Контекст его обнаружения неизвестен, а сама деревня сегодня затоплена водохранилищем. Вторая находка – жетон одного из мастеров с именем Wolf Lauffer (I или II или III) происходит с ненецкого святилища на о. Вайгач (Хлобыстин, 1990: 128). В данном случае мы не можем однозначно утверждать, что жетон принадлежал именно ненцам, так как остров и особенно мыс Болванский нос, где расположено святилище, были популярным местом, который неоднократно посещали как русские, так и иностранные путешественники, начиная с середины XVI века (Хлобыстин, 1990: 121-123).

Западная Сибирь

Распространение нюрнбергских жетонов в Западной Сибири автором подробно рассмотрено ранее (Пушкарев, 2015). На сегодняшний день количество выявленных находок жетонов на данной территории увеличилось до 255 экземпляров, происходящих из 36 археологических памятников и 2 предметов из этнографических коллекций (Рис. 1: № 26–62).

В дополнение к уже известным жетоны выявлены на археологических памятниках индигенного населения – могильниках: Пайхата-Халайт, Халас-Пугор (Мурашко, Кренке, 2001: 34, 119, рис. 51), Перегребное-9, Байбалаковский, Кинтусовский-4.3, могильник у д. Охтеурье (Пушкарев, 2019), Солянковский (Милиценко, 2004: 114), Прорвинский (Трухин, 1957: 39), Томский Лагерный-1 (Дульзон, 1955: 6), Кикки-Акки (Пошехонова, 2018); поселениях Угутское-21 (Пушкарев, 2019), Черталинское-1 (Милиценко, 2004: 27). Русских городов: Тобольск (Загваздина, 2015: 40; Аношко, Игнатов, 2015: 81; Еманов, 2009: 189; Аношко, 2014: 140), Кузнецк (Ширин, 2018: 68, рис. 60-1, 2), Мангазея (Спасский, 1951: 138; Белов и др., 1981: 54; Визгалов, Пархимович, 2008: 133, 294, рис. 178).

Четыре жетона мастера Johann Christian Reich (1758–1814) были обнаружены на территории русской д. Сосновая Отнога (Притобольный р-н Курганской области). В каждом имелось по одному отверстию, предназначенному для подвешивания или пришивания (Маслюженко, Достовалов, 2014: 250-251, рис. 1-1-4). По архивным данным, деревня Сосновая Отнога основана в начале 1850-х гг. переселенными крестьянами из Псковской губернии. Д.Н. Маслюженко и С.Г. Достовалов полагают, что жетоны из Сосновой Отноги использовались в качестве украшений именно русским населением. Судя по разнице между датой основания деревни и датировками жетонов, крестьяне привезли их с собой из Псковской губернии. (Маслюженко, Достовалов, 2014: 252).

Для территории Западной Сибири известны также два предмета из этнографических коллекций, на которых встречены нюрнбергские жетоны. Во-первых, фигура духа-покровителя из святилища в п. Анжигорт (Ханты). Жетон, чеканенный мастером Ernst Ludwig Sigmund Lauer (1783–1829), находился внутри халата, надетого на фигуру духа (Бауло, 2004: 72); во-вторых, женский накосник (южная группа Ханты), на котором как минимум три из восьми подвесок являются нюрнбергскими жетонами с изображением Людовика XIV (Михайлова, 2005: 17, 18, рис. 1).

Жетоны конца XVI–XVIII вв., обнаруженные на территории Западной Сибири, отчеканены 25 мастерами. В дополнение к упомянутым (Пушкарев, 2015: 829, рис. 3) выявлены жетоны мастеров Hans Lauffer I (ок. 1584–1632), Wolf Lauffer III (1650–1670), Johann Adam Vogel (1737–1760), Johann Georg Kunstmann (1761–1780), Georg Höger (1764–1788) и Ulrich Dorn (ок. 1783) или Albrecht Höger (1735–1789).

Наиболее популярными являлись жетоны мастера Hans Krauwinkel (1586–1635: их встречено 60 экз. (23,8 % от общего количества – 252 экз.). Жетоны этого мастера найдены в 15 памятниках. Жетоны других мастеров: Wolf Lauffer II (1612–1651) – 37 экз. (14,7 %) из 10 памятников; Hans Schultes III (1608–1612) – 28 экз. (11,1 %) из 4 памятников; Conrad Lauffer (1637–1668) – 23 экз. (9,1 %) из 8 памятников; Ernst Ludwig Sigmund Lauer (1783–1829) – 22 экз. (8,7 %) из 8 памятников; жетоны оставшихся 19 мастеров – от 1 до 13 экз. из 1–4 памятников (Рисунок 4).

Рис. 4. Нюрнбергские жетоны с территории Западной Сибири. Мастера, чеканившие жетоны: 1 – Hans Krauwinkel; 2 – Wolf Lauffer II; 3 – Hans Schultes III; 4 – Conrad Lauffer; 5 – Ernst Ludwig Sigmund Lauer. Жетоны происходят из: 1 – кург. 4 погр. 43 Тискинского кург. мог.; 2 – кург. 13 погр. 2 Балагачевского кург. мог. (Яковлев, 2001: 103, рис. без №); 3 – кург. 33 Лукьяновского-1, кург. мог.; 4 – кург. 2 погр. 1 Елтыревского-2 кург. мог.; 5 – из погр. 22 Соровского кладб.

Самый ранний жетон, найденный на территории Западной Сибири, отчеканен мастером Wolf Lauffer I и датируется годами его работы: 1554–1601. Этот жетон из Козюлинского могильника (курган 43 погребение 1) явно выбивается из общей массы по нескольким параметрам. Во-первых, это единственная находка жетона данного мастера, встреченная не только в Западной Сибири, но и на всей территории России. Во-вторых, он обнаружен в одном погребении с жетоном мастера Wolf Lauffer III, который датируется 1650–1670 гг. Такое большое расхождение в датах артефактов не характерно для других погребений с жетонами конца XVI–XVII в. Возможно, этот наиболее ранний жетон (Wolf Lauffer I) случайно попал в Западную Сибирь вместе с более поздними жетонами мастеров той же семьи Lauffer. Так, в Козюлинском могильнике, но в другом кургане (курган 3 погребение 1) найдены 10 жетонов мастера Wolf Lauffer II (1612–1651).

Без учета исключительного экземпляра мастера Wolf Lauffer I из Козюлинского могильника первые партии нюрнбергских жетонов, поставляемые на территорию Западной Сибири, отчеканены мастерами Hans Krauwinkel (1586–1635) Wolf Lauffer II (1612–1651), Hans Schultes III (1608–1612) и Hans Lauffer I (ок. 1584–1632).

Самые поздние жетоны, встреченные здесь, отчеканены мастерами Ernst Ludwig Sigmund Lauer (1783–1829) и Johann Christian Reich (1758–1814).

Восточная Сибирь и Дальний Восток

На территории Восточной Сибири и Дальнего Востока обнаружено не менее 157 нюрнбергских жетонов, которые происходят из 17 археологических памятников и 2 случайных находок (Рис. 1: № 63–81).

В Восточной Сибири находки нюрнбергских жетонов распределены неравномерно. Например, в Приольхонье они сконцентрированы на относительно небольшой территории и происходят из могильников бурят: старинные бурятские могилы у Верхолеска (Спасский, 1951: 137), Ая VII, Семисосенная III, Тодакта IV (Пержакова, 2007: 218), Ханей-Бус II (Руднева, 2005: 356), Хагун I-1, Мандархан IV-1 (Харинский, 2001: 276, рис. 1; Зайцев и др., 1994: 234–235, рис. 5-5–7), Хужиртуй X (Руднева, 2004: 351).

Находки нюрнбергских жетонов в Якутии рассредоточены на более широкой территории и происходят из одиночных захоронений: Кирбейский арангас, Оленекские арангасы (Гурвич, 1977: 144), Атласовская (Шахурдинская) заимка и Хоринский наслег (Стрелов, 1937: 98, рис. 9, 20), Омук-Кюель (Васильев, 2010: 109); захоронения лошади Алаас Эбэ (Сивцев, 2007: 184); поселения Мындай Этеге (Сорсургалаах Сисэ) (Бравина и др., 2016: 395); случайных сборов в Усть-Алданском улусе (Скрябин, 2015: 33-34).

По имеющимся публикациям, на территории Приольхонья идентифицированы жетоны мастеров: Cornelius Lauffer (1658–1711); Johann (Hans) Albrecht Dorn (1732–1783); Johann Adam Vogel (1737–1760) и Johann Christian Reich (1758–1814). На территории Якутии: Cornelius Lauffer (1658–1711) и Wolf Hieronymus Hofmann (1719–1756).

В подавляющем большинстве случаев установлено, что нюрнбергские жетоны из погребений бурят и якутов использовались в качестве украшений костюма. Об этом говорят отверстия в жетонах, а также контекст их обнаружения. Специфическим является захоронение лошади (Алаас Эбэ) с жетонами мастера Johann Jakob Dietzel (1711–1748), которые использовались для украшения конской упряжи (Сивцев, 2007: 184).

Особый интерес вызывают находки нюрнбергских жетонов на памятниках, оставленных русским населением. Первая – 6 жетонов мастера Hans Krauwinkel (1586–1635) – обнаружены в составе вещей погибшей экспедиции русских мореходов XVII в. на о. Фаддея (п-ов Таймыр). Они очевидно являлись товарами, предназначенными для меновой торговли (Спасский, 1951: 130-138). Уникальность находки заключается в том, что они имеют очень точную и узкую датировку (1617 г.), установленную по 3479 серебряным монетам, найденным среди прочих вещей комплекса на о. Фаддея и берегу залива Симса (Мельникова, 2004: 143). Вторая находка – 12 нюрнбергских жетонов – были обнаружены в культурном слое Стадухинского поселения. Часть из них отчеканена мастером Johann Jakob Dietzel (1711–1748) (Визгалов, 2011: 43).

Оригинальным вариантом использования нюрнбергских жетонов является украшенный ими шлем, обнаруженный на территории бывшего Корякского национального округа (совр. Камчатский край) (Спасский, 1951: 137).

5. Заключение

Нюрнбергские жетоны были широко распространены на всей обширной территории России. Наибольшее количество находок наблюдается в Поволжье и Западной Сибири, также имеется компактное скопление находок в Приольхонье. В этих регионах жетоны чаще всего происходят из археологических памятников и этнографических коллекций, связанных с индигенным населением, проживавшим на указанных территориях. В подавляющем большинстве случаев жетоны использовались ими в качестве украшений различных предметов костюма. Также имеются два

свидетельства использования нюрнбергских жетонов в качестве украшений русским населением (поселение Белое Юго-Восточное и д. Сосновая Отнога).

Хронология поставок нюрнбергских жетонов на территорию Российского государства насчитывает более 300 лет. Самые ранние жетоны обнаружены в Великом Новгороде и датируются первой половиной XVI в. Самые поздние экземпляры отчеканены мастерами Ernst Ludwig Sigmund Lauer (1783–1829) и Johann Christian Reich (1758–1814) и были распространены по всей территории России.

6. Благодарности

Работа выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

Литература

Аношко, 2014 – Аношко О.М. Посадские постройки Тобольска XVII–XIX вв.: описание, датировка, назначение (по материалам Первого и Второго Гостиных раскопов) // *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск; Тюмень; Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 138-142.

Аношко, Игнатов, 2015 – Аношко О.М., Игнатов С.В. Нумизматические и сфрагистические материалы базарного раскопа в Тобольске // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2014. № 4 (27). С. 77-86.

Бауло, 2004 – Бауло А.В. Атрибут и миф: металл в обрядах обских угров. Новосибирск, 2004. 160 с.

Белов и др., 1981 – Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Ч. 2: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. Л., 1981. 164 с.

Бравина и др., 2016 – Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Кирьянов Н.С. и др. Разведки в Якутии // *Археологические открытия 2014 года*. М., 2016. С. 392-395.

Васильев, 2010 – Васильев В.Е. Колымские шайтаны: легенды и реальность // *Наука из первых рук*. 2010. № 5. С. 106-111.

Векслер и др., 2001 – Векслер А.Г., Беркович В.А., Кондрашев Л.В. Исследования подгородных усадеб Москвы XVII–XVIII вв. / *Археологические открытия 2000 года*. М., 2001. С. 57-58.

Векслер, Беркович, 2003 – Векслер А.Г., Беркович В.А. Археологическое изучение Замоскворечья // *Российская археология*. 2003. № 4. С. 116-128.

Визгалов, 2011 – Визгалов Г.П. Новые археологические исследования Стадухинского поселения на Нижней Колыме. Результаты и перспективы комплексных исследований // *Культура русских в археологических исследованиях: Междисциплинарные методы и технологии*. Омск, 2011. С. 40-46.

Визгалов, Пархимович, 2008 – Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург–Нефтеюганск, 2008. 296 с.

Вихляев и др., 2001 – Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Беляев Я.В. и др. Раскопки Кельгинского могильника // *Археологические открытия 1999 года*. М., 2001. С. 66-68.

Горюнова, 1948a – Горюнова Е.И. Коринский могильник // *Археологический сборник*. Саранск, 1948. Т. 1. С. 56-87.

Горюнова, 1948b – Горюнова Е.И. Сарлейский могильник // *Археологический сборник*. Саранск, 1948. Т. 1. С. 6-55.

Гурвич, 1977 – Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленьеводов. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. М., 1977. 247 с.

Дроздова, Булыгин, 1999 – Дроздова Г.И., Булыгин А.И. Больше-Меминский могильник / *Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья*. Казань, 1999. С. 161-173.

Дубынин, 1959 – Дубынин А.Ф. Археологические исследования 1955 года в Зарядье (Москва) // *Краткие сообщения ИИМК*. 1959. Вып. 77. С. 90-103.

Дубынин, 1960 – Дубынин А.Ф. Археологические раскопки в Зарядье (Москва) в 1956 году // *Краткие сообщения ИИМК*. 1960. Вып. 79. С. 64-79.

Дульзон, 1955 – Дульзон А.П. Дневник раскопок, произведенных летом 1955 года на Томском старом мусульманском кладбище / *Архив ТОКМ*. Ф. 3. Оп. 9. Д. 27.

Еманов, 2009 – Еманов А.Г. Нюрнбергский счетный пфенниг в Сибири / *Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция*. М., 2009. С. 116-117.

Загваздина, 2015 – Загваздина Я.Г. Счетный жетон из археологической коллекции ТИАМЗ // *Реликвариум*. 2015. № 5. С. 40-41.

Зайцев и др., 1994 – Зайцев М.А., Свинин В.В., Харинский А.В. Старобурятские погребения из бухты Хагун // *Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э.* Кемерово, 1994. С. 233-250.

Каргин, 2016 – Каргин Ю.Ю. Казаки-некрасовцы на правобережье Старой Кубани (по материалам охранных раскопок поселения Белое Юго-Восточное в 2014 г.) / *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма*. Вып. 8. 2016.

- Кильдюшевский, 1983** – Кильдюшевский В.И. Раскопки на улице Гоголя в 1977 г. / Археологическое изучение Пскова. М., 1983. С. 105-118.
- Кондратьев, 2009** – Кондратьев В.В. Егинский могильник в системе погребальных памятников позднего Средневековья / Тезисы городского научно-практического марафона «Шаги в науку – 2009» [Электронный ресурс]. URL: http://www.zarobr.ru/index.php?Itemid=165&catid=50:2010-11-29-07-55-57&id=245:-1-2009&option=com_content&view=article (дата обращения: 15.05.2018).
- Маслюженко, Достовалов, 2014** – Маслюженко Д.Н., Достовалов С.Г. Счетные жетоны из д. Сосновая Отнога Курганского уезда Тобольской губернии / Культура русских в археологических исследованиях. Омск; Тюмень; Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 250-252.
- Мельникова, 2004** – Мельникова А.С. Таймырский клад русских монет XVII в. / Хранитель Эрмитажа: Сборник воспоминаний и научных статей к 100-летию со дня рождения И.Г. Спасского (1904–1990). СПб., 2004. С. 136-151.
- Милиценко, 2004** – Милиценко О.А. Монеты и жетоны как датирующий инвентарь позднесредневековых поселений и могильников (на примере бассейна реки Тара). Омск, 2004. 128 с.
- Михайлова, 2005** – Михайлова Е.А. Съёмные украшения народов Сибири / Украшения народов Сибири: Сборник Музея антропологии и этнографии. СПб, 2005. Т. LI. С. 12-120.
- Мокерова, 2013** – Мокерова Е.Ю. К вопросу о немецких счетных жетонах в марийских могильниках на территории Кировской области / Общество. Наука. Инновации. Всероссийская научно-практическая конференция: Сборник материалов. Киров, 2013. С. 189-194.
- Мокерова, 2014** – Мокерова Е.Ю. Нумизматические материалы Кадочниковского могильника / Шапран И.Г., Сенникова Л.А. Вятские марийцы в XVI–XVIII вв. (по материалам Кадочниковского могильника). Ижевск, 2014. С. 182-241.
- Москва, 1998** – Москва: Энциклопедия. М., 1998. 976 с.
- Музей Нижегородского..., 2004** – Музей Нижегородского государственного университета. Экспедиции 2004 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.museum.unn.ru/managfs/index.phtml?id=91_04 (дата обращения: 15.05.2018).
- Мурашко, Кренке, 2001** – Мурашко О.А., Кренке Н.А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке (по археолого-этнографическим коллекциям Музея антропологии МГУ). М., 2001. 155 с.
- На Хлебной..., 2018** – На Хлебной площади нашли монеты и жетон XVIII века / Губернский портал Самара.ру. 2018. [Электронный ресурс]. URL: http://samara.ru/r/na_hlebnoy_ploshadi_nashli_monety_i_zheton_xviii_veka-105657 (дата обращения: 21.04.2019).
- Пержакова, 2007** – Пержакова А.С. Украшения из бурятских погребений Приольхонья (XVIII–XIX вв.) / Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. Новосибирск, 2007. С. 217-219.
- Пошехонова, 2018** – Пошехонова О.Е. Отчет о НИР «Археологические раскопки могильника Кикки-Акки в Красноселькупском районе ЯНАО Тюменской области в 2016 году». Тюмень, 2018.
- Праздничная одежда..., 2016** – Праздничная одежда народов России. Из собрания Исторического музея. Издание к выставке. М., 2016. 368 с.
- Пушкарев, 2012** – Пушкарев А.А. Методика датировки погребений с нумизматическими находками из могильников Западной Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 2 (18). С. 152-159.
- Пушкарев, 2013** – Пушкарев А.А. Западноевропейские счетные жетоны из погребальных археологических комплексов Сибири: Историографический обзор // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 6 (26). С. 130-134.
- Пушкарев, 2015** – Пушкарев А.А. Нюрнбергские счетные жетоны XVI–XIX вв.: от Западной Европы до Западной Сибири // Былые Годы. 2015. Вып. 4 (38). С. 825-833.
- Пушкарев, 2019** – Пушкарев А.А. Нюрнбергские жетоны из археологических памятников ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2019. Вып. 17. В печати.
- Пушкарев, Андриенко, 2019** – Пушкарев А.А., Андриенко А.В. Счетные жетоны из Новгорода // Двадцатая Всероссийская нумизматическая конференция: тезисы докладов и сообщений. М., 2019. С. 109-112.
- Руднева, 2004** – Руднева М.А. Роль украшений в жизни ольхонских бурят (по материалам погребений начала XIX в.) // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности. Кемерово, 2004. С. 350-352.
- Руднева, 2005** – Руднева М.А. Женские украшения Приольхонских бурят начала XIX в. по материалам захоронения в пади Ханей-Бус // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. Иркутск, 2005. С. 355-357.
- РЭМ. Кол. #8762–27814. № 5276** – Набедренное украшение мордвы «Пулагай». Мордва-эрзя // Русский этнографический музей. Коллекция музея народов #8762–27814. Кол. № 5276.
- РЭМ. Кол. № 2089–6** – Нагрудное украшение. Мордва // Русский этнографический музей. Кол. № 2089–6.

- Сивцев, 2007** – Сивцев С.Г. Погребальный комплекс местности Алаас Эбэ // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. Новосибирск, 2007. С. 183-184.
- Скрябин, 2015** – Скрябин А.И. Открытия археологической экспедиции ЯГУ в Усть-Алданском улусе / *Материалы LV Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых*. Иркутск, 2015. С. 33-34.
- Спаский, 1951** – Спаский И.Г. Счетные жетоны / Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. Л.-М., 1951. С. 130-138.
- Стрелов, 1937** – Стрелов Е.Д. Одежда и украшение якутки в первой половине XVIII в. // *Советская этнография*. 1937. № 2–3. С. 75-99.
- Трухин, 1957** – Трухин Г.В. Дневник отряда археологической разведки по рекам Икса и Чая в пределах Томской области. 1957 г. / *Архив МАЭС ТГУ*. № 145.
- Харинский, 2001** – Харинский А.В. Счетные жетоны и монеты в погребениях приольхонских бурят XVIII–XIX вв. / Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. Владивосток, 2001. С. 273-276.
- Хлобыстин, 1990** – Хлобыстин Л.П. Древние святилища Вайгача / Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990. С. 120-135.
- Ширин, 2018** – Ширин Ю.В. Археологическое изучение Кузнецка / Кузнецкая старина. Новокузнецк: 400 лет в истории России. Томск; Новокузнецк, 2018. С. 68.
- Шмелев и др., 2018** – Шмелев К.В., Бехтер А.В., Михайлова Е.Р. Селище Слободка на южном берегу Лужской губы: об изучении и реконструкции позднесредневекового поселения / Культурное наследие Российского государства. Вып. VII. СПб, 2018. С. 353-370.
- Экспозиции..., 2019** – Экспозиции Русского этнографического музея. Коллекции по культуре народов Поволжья и Приуралья. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.ethnomuseum.ru/kollekcii-pokulture-narodov-povolzha-i-priuralya> (дата обращения: 27.05.2019).
- Яковлев, 2001** – Яковлев Я.А. 1150 и 17 мгновений весны (а также лета, осени и зимы из жизни Первомайского района) / Земля первомайская : Сб. научно-популярных очерков. Томск, 2001. С. 94-217.

References

- Anoshko, 2014** – Anoshko O.M. (2014). Posadskie postroiki Tobol'ska XVII–XIX vv.: opisanie, datirovka, naznachenie (po materialam Pervogo i Vtorogo Gostinykh raskopov) [Posad buildings of Tobolsk XVII – XIX centuries: description, dating, purpose (based on materials from the First and Second Living Rooms of the excavations)]. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk; Tyumen'; Ekaterinburg. T. 1. pp. 138-142. [in Russian]
- Anoshko, Ignatov, 2015** – Anoshko O.M., Ignatov S.V. (2014). Numizmaticheskie i sfragisticheskie materialy bazarnogo raskopa v Tobol'ske [Numismatic and sfragistic materials of the bazaar excavation in Tobolsk]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. Nr 4 (27). pp. 77-86. [in Russian]
- Baulo, 2004** – Baulo A.V. (2004). Atribut i mif: metall v obryadakh obskikh ugrov [Attribute and myth: metal in the rites of the Ob Ugrians]. Novosibirsk. 160 p. [in Russian]
- Belov et al., 1981** – Belov M.I., Ovsyannikov O.V., Starkov V.F. (1981). Mangazeya. Ch. 2: Material'naya kul'tura russkikh polyarnykh morekhdov i zemleprokhdotsev XVI–XVII vv. [Mangazeya. Part 2: The material culture of Russian polar navigators and explorers of the XVI – XVII centuries]. Leningrad. 164 p. [in Russian]
- Bravina et al., 2016** – Bravina R. I., D'yakonov V. M., Kir'yanov N. S. et al. (2016). Razvedki v Yakutii [Archaeological survey in Yakutia]. *Arkheologicheskie otkrytiya 2014 goda*. Moskva. pp. 392-395. [in Russian]
- Vasil'ev, 2010** – Vasil'ev V.E. (2010.). Kolymskie shaitany: legendy i real'nost' [Kolyma Shaitans: Legends and Reality]. *Nauka iz pervykh ruk*. Nr 5. pp. 106-111. [in Russian]
- Veksler et al., 2001** – Veksler A.G., Berkovich V.A., Kondrashev L.V. (2001). Issledovaniya podgorodnykh usadeb Moskvyy XVII–XVIII vv. [Studies of Moscow suburban estates XVII – XVIII centuries]. *Arkheologicheskie otkrytiya 2000 goda*. Moskva. pp. 57-58. [in Russian]
- Veksler, Berkovich, 2003** – Veksler A.G., Berkovich V.A. (2003). Arkheologicheskoe izuchenie Zamoskvorech'ya [Archaeological survey of Zamoskvorechye]. *Rossiiskaya arkheologiya*. Nr 4. pp. 116-128. [in Russian]
- Vizgalov, 2011** – Vizgalov G.P. (2011). Novye arkheologicheskie issledovaniya Stadukhinskogo poseleniya na Nizhnei Kolyme. Rezul'taty i perspektivy kompleksnykh issledovaniy [New archaeological research Stadukhinskogo settlement on the Lower Kolyma. Results and prospects of complex research]. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: Mezhdistsiplinarnye metody i tekhnologii*. Omsk. pp. 40-46. [in Russian]
- Vizgalov, Parkhimovich, 2008** – Vizgalov G.P., Parkhimovich S.G. (2008). Mangazeya: novye arkheologicheskie issledovaniya (materialy 2001–2004 gg.) [Mangazeya: new archaeological research (materials of 2001–2004)]. Ekaterinburg–Nefteyugansk. 296 p. [in Russian]

- Vikhlyaev i dr., 2001** – *Vikhlyaev V.I., Begovatkin A.A., Belyaev Ya.V. i dr.* (2001). Raskopki Kel'ginskogo mogil'nika [Excavations of the Kelginsky burial ground]. *Arkheologicheskie otkrytiya* 1999 goda. Moskva. pp. 66-68. [in Russian]
- Goryunova, 1948a** – *Goryunova E.I.* (1948). Korinskii mogil'nik [Korinsky burial ground]. *Arkheologicheskii sbornik*. Saransk. T. 1. pp. 56-87. [in Russian]
- Goryunova, 1948b** – *Goryunova E.I.* (1948). Sarleiskii mogil'nik [Sarleysky burial ground]. *Arkheologicheskii sbornik*. Saransk. T. 1. pp. 6-55. [in Russian]
- Gurvich, 1977** – *Gurvich I.S.* (1977). Kul'tura severnykh yakutov-olenevodov. K voprosu o pozdnykh etapakh formirovaniya yakutskogo naroda [The culture of the northern Yakut reindeer herders. To the question of the late stages of the formation of the Yakut people]. M., 247 p. [in Russian]
- Drozdova, Bulygin, 1999** – *Drozdova G.I., Bulygin A.I.* (1999). Bol'she-Meminskii mogil'nik [Bolshe-Meminsky burial ground]. *Problemy drevnei i srednevekovoi arkheologii Volgo-Kam'ya*. Kazan'. pp. 161-173. [in Russian]
- Dubynin, 1959** – *Dubynin A.F.* (1959). Arkheologicheskie issledovaniya 1955 goda v Zaryad'e (Moskva) [Archaeological research in 1955 in Zaryadye (Moscow)]. *Kratkie soobshcheniya IIMK*. Vyp. 77. pp. 90-103. [in Russian]
- Dubynin, 1960** – *Dubynin A.F.* (1960). Arkheologicheskie raskopki v Zaryad'e (Moskva) v 1956 godu [Archaeological excavations in Zaryadye (Moscow) in 1956]. *Kratkie soobshcheniya IIMK*. Vyp. 79. pp. 64-79. [in Russian]
- Dul'zon, 1955** – *Dul'zon A.P.* (1955). Dnevnik raskopok, proizvedennykh letom 1955 goda na Tomskom Starom Musul'manskom Kladbishche [Diary of excavations made in the summer of 1955 at the Tomsk Old Muslim Cemetery]. *Arkhiv TOKM*. F.3. Op.9. D. 27. [in Russian]
- Emanov, 2009** – *Emanov A.G.* (2009). Nyurnbergskii schetnyi pfennig v Sibiri [Nuremberg counting pfennig in Siberia]. *Pyatnadsataya Vserossiiskaya numizmaticheskaya konferentsiya*. Moskva. pp. 116-117. [in Russian]
- Zagvazdina, 2015** – *Zagvazdina Ya.G.* (2015). Schetnyi zheton iz arkheologicheskoi kollekcii TIAMZ [Counting jeton from the Archaeological Collection of TIAMZ]. *Relikvarium*. Nr 5. pp. 40-41. [in Russian]
- Zaitsev et al., 1994** – *Zaitsev M.A., Svinin V.V., Kharinskii A.V.* (1994). Staroburyatskie pogrebeniya iz bukhty Khagun [Old Buryat burials from Khagun Bay]. *Etnokul'turnye protsessy v Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v I–II tysyacheletii n. e. Kemerovo*. pp. 233-250. [in Russian]
- Kargin, 2016** – *Kargin Yu.Yu.* (2016). Kazaki-nekrasovtsy na pravoberezh'e Staroi Kubani (po materialam okhrannykh raskopok poseleniya Beloe Yugo-Vostochnoe v 2014 g.) [Cossacks-Nekrasovtsy on the right bank of the Old Kuban river (according to the materials of the security excavations of the settlement White Southeast in 2014)]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma*. Vyp. 8. [in Russian]
- Kil'dyushevskii, 1983** – *Kil'dyushevskii V.I.* (1983). Raskopki na ulitse. Gogolya v 1977 g. [Excavations on the Gogol street in 1977]. *Arkheologicheskoe izuchenie Pskova*. Moskva. pp. 105-118. [in Russian]
- Kondrat'ev, 2009** – *Kondrat'ev V.V.* (2009). Eginskii mogil'nik v sisteme pogrebal'nykh pamyatnikov pozdnego srednevekov'ya [The Yeginsky burial ground in the system of funerary monuments of the late Middle Ages]. *Tezisy gorodskogo nauchno-prakticheskogo marafona «Shagi v nauku – 2009»* [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.zarobr.ru/index.php?Itemid=165&catid=50:2010-11-29-07-55-57&id=245:-l-2009r&option=com_content&view=article (data obrashcheniya: 15.05.2018). [in Russian]
- Maslyuzhenko, Dostovalov, 2014** – *Maslyuzhenko D.N., Dostovalov S.G.* (2014). Schetnye zhetony iz d. Sosnovaya Otnoga Kurganskogo uezda Tobol'skoi gubernii [Counting jetons from the village of Sosnovaya Otoga, Kurgan district, Tobolsk province]. *Kul'tura russkikh v arkhologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk; Tyumen'; Ekaterinburg. T.1. pp. 250-252. [in Russian]
- Mel'nikova, 2004** – *Mel'nikova A.S.* (2004). Taimyrskii klad russkikh monet XVII v. [Taimyr treasure of Russian coins of the 17th century]. *Khranitel' Ermitazha: sbornik vospominanii i nauchnykh statei k 100-letiyu so dnya rozhdeniya I. G. Spasskogo (1904–1990)*. Sankt-Peterburg. pp. 136-151. [in Russian]
- Milishchenko, 2004** – *Milishchenko O.A.* (2004). Monety i zhetony kak datiruyushchii inventar' pozdnesrednevekovykh poselenii i mogil'nikov (na primere basseina reki Tara) [Coins and jetons as a dating inventory of late medieval settlements and burial grounds (using the Tara river basin as an example)]. Omsk. 128 p. [in Russian]
- Mikhailova, 2005** – *Mikhailova E.A.* (2005). S"emnye ukrasheniya narodov Sibiri [Removable ornaments of the peoples of Siberia]. *Ukrasheniya narodov Sibiri: Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*. SPb. T. LI. pp. 12-120. [in Russian]
- Mokerova, 2013** – *Mokerova E.Yu.* (2013). K voprosu o nemetskikh schetnykh zhetonakh v mariiskikh mogil'nikakh na territorii Kirovskoi oblasti [On the question of German counting jetons in Mari burial grounds in the territory of the Kirov region]. *Obshchestvo, Nauka, Innovatsii. Vseross. ezhegodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya: sbornik materialov*. Kirov. pp. 189-194. [in Russian]
- Mokerova, 2014** – *Mokerova E.Yu.* (2014). Numizmaticheskie materialy Kadochnikovskogo mogil'nika [Numismatic materials of the Kadochnikovsky burial ground]. *Shapran I.G., Sennikova L.A. Vyatskie mariitsy v XVI–XVIII vv. (po materialam Kadochnikovskogo mogil'nika)*. Izhevsk. pp. 182-241. [in Russian]

- Moskva, 1998** – Moskva: Entsiklopediya [Moscow: Encyclopedia]. Moskva, 1998. 976 p. [in Russian]
- Muzei Nizhegorodskogo..., 2004** – Muzei Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekspeditsii 2004 goda [Museum of Nizhny Novgorod State University. Expeditions 2004] [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.museum.unn.ru/managfs/index.phtml?id=91_04 (data obrashcheniya: 15.05.2018). [in Russian]
- Murashko, Krenke, 2001** – *Murashko O.A., Krenke N.A.* (2001). Kul'tura aborigenov Obdorskogo Severa v XIX veke (po arkheologo-etnograficheskim kollektsiyam Muzeya antropologii MGU) [Aboriginal culture of the territory of Obdorsk North in the XIX century (according to the archaeological and ethnographic collections of the Museum of Anthropology of Moscow State University)]. M., 155 p. [in Russian]
- Na Khlebnoi..., 2018** – Na Khlebnoi ploshchadi nashli monety i zheton XVIII veka [Coins and a 18th century jeton were found on Khlebnaya Square]. Gubernskii portal Samara.ru. 2018. [Elektronnyi resurs]. URL: http://samara.ru/r/na_hlebnoy_ploshadi_nashli_monety_i_zheton_xviii_veka-105657 (data obrashcheniya: 21.04.2019). [in Russian]
- Perzhakova, 2007** – *Perzhakova A.S.* (2007). Ukrasheniya iz buryatskikh pogrebenii Priol'khon'ya (XVIII–XIX vv.) [Ornaments from the Buryat burials of the Olkhon region (XVIII – XIX centuries)]. Arkheologiya, etnologiya, paleoekologiya Severnoi Evrazii i sopredel'nykh territorii. Novosibirsk. pp. 217-219. [in Russian]
- Poshekhonova, 2018** – *Poshekhonova O.E.* (2018). Otchet o NIR «Arkheologicheskie raskopki mogil'nika Kikki-Akki v Krasnosel'kupskom raione YaNAO Tyumenskoj oblasti v 2016 godu» [Research report "Archaeological excavations of the Kikki-Akki burial ground in the Krasnoselkupsky district of the Yamal-Nenets Autonomous District of the Tyumen Region in 2016"]. Tyumen'. [in Russian]
- Prazdnichnaya odezhda..., 2016** – Prazdnichnaya odezhda narodov Rossii. Iz sobraniya Istoricheskogo muzeya. Izdanie k vystavke [Festive clothing of the peoples of Russia. From the collection of the Historical Museum. Edition to the exhibition.]. M., 2016. 368 p. [in Russian]
- Pushkarev, 2012** – *Pushkarev A.A.* (2012). Metodika datirovki pogrebenii s numizmaticheskimi nakhodkami iz mogil'nikov Zapadnoi Sibiri [The methodology for dating burials with numismatic finds from burial grounds in Western Siberia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya.* Nr 2 (18). pp. 152-159. [in Russian]
- Pushkarev, 2013** – *Pushkarev A.A.* (2013). Zapadnoevropeiskie schetnye zhetony iz pogrebal'nykh arkheologicheskikh kompleksov Sibiri: Istoriograficheskii obzor [Western European counting jetons from the burial archaeological complexes of Siberia: Historiographic review]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya.* Nr 6(26). pp. 130-134. [in Russian]
- Pushkarev, 2015** – *Pushkarev A.A.* (2015). Nuremberg Counting Jetons of XVI–XIX centuries: from Western Europe to Western Siberia. *Bylye Gody.* Vol. 4 (38). pp. 825-833. [in Russian]
- Pushkarev, 2019** – *Pushkarev A.A.* (2019). Nyurnbergskie zhetony iz arkheologicheskikh pamyatnikov KhMAO – Yugry [Nuremberg jetons from archaeological sites of the Khanty-Mansiysk Autonomous Region]. Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo. Tomsk; Khanty-Mansiisk, Vol. 17. In print. [in Russian]
- Pushkarev, Andrienko, 2019** – *Pushkarev A.A., Andrienko A.V.* (2019). Schetnye zhetony iz Novgoroda [Counting jetons from Novgorod]. Dvadtsataya Vserossiiskaya numizmaticheskaya konferentsiya: tezisy dokladov i soobshchenii. Moskva. pp. 109-112. [in Russian]
- Rudneva, 2004** – *Rudneva M.A.* (2004). Rol' ukrashenii v zhizni ol'khonskikh buryat (po materialam pogrebenii nachala XIX v.) [The role of jewelry in the life of the Olkhon Buryats (based on the burials of the beginning of the 19th century)]. Traditsionnye kul'tury i obshchestva Severnoi Azii s drevneishikh vremen do sovremennosti. Kemerovo. pp. 350-352. [in Russian]
- Rudneva, 2005** – *Rudneva M.A.* (2005). Zhenskie ukrasheniya Priol'khonskikh buryat nachala XIX v. po materialam zakhoroneniya v padi Khanei-Bus [Women's jewelry of the Olkhon Buryats of the early 19th century According to the materials of burial in the pad of Haney-Bus]. Istoki, formirovanie i razvitie Evraziiskoi polikul'turnosti. Kul'tury i obshchestva Severnoi Azii v istoricheskom proshlom i sovremennosti. Irkutsk. pp. 355-357. [in Russian]
- REM. Kol. #8762–27814. № 5276** – Nabadrennoe ukrashenie mordvy «Pulagai». Mordva-erzya [Mounted snails of the mordvians – “Pulagai”. Mordva-Erzya]. Russkii etnograficheskii muzei. Kolleksiya muzeya narodov #8762–27814. Kol. Nr 5276. [in Russian]
- REM. Kol. № 2089–6** – Nagrudnoe ukrashenie. Mordva. Russkii etnograficheskii muzei. Kol. Nr2089–6. [in Russian]
- Sivtsev, 2007** – *Sivtsev S.G.* (2007). Pogrebal'nyi kompleks mestnosti Alaas Ebe [The funeral complex of the area Alaas Ebe]. Arkheologiya, etnologiya, paleoekologiya Severnoi Evrazii i sopredel'nykh territorii. Novosibirsk. pp. 183-184. [in Russian]
- Skryabin, 2015** – *Skryabin A.I.* (2015). Otkrytiya arkheologicheskoi ekspeditsii YaGU v Ust'-Aldanskom uluse [Discoveries of the archeological expedition of Yakut State University in Ust-Aldan ulus]. Materialy LV Rossiiskoi arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh. Irkutsk. pp. 33-34. [in Russian]

- Spasskii, 1951** – *Spasskii I.G.* (1951). Schetnye zhetony [Counting jetons]. Istoricheskii pamyatnik russkogo arkticheskogo moreplavaniya XVII v. Leningrad; Moskva. pp. 130-138. [in Russian]
- Strelov, 1937** – *Strelov E.D.* (1937). Odezhda i ukrashenie yakutki v pervoi polovine XVIII v. [Clothes and decoration of Yakut women in the first half of the XVIII century]. Sovetskaya etnografiya. Nr 2–3. pp. 75-99. [in Russian]
- Trukhin, 1957** – *Trukhin G.V.* (1957). Dnevnik otryada arkhеologicheskoi razvedki po rekam Iksa i Chaya v predelakh Tomskoi oblasti. 1957 g. [The diary of the archaeological reconnaissance detachment along the rivers Iksa and Chay within the Tomsk region]. Arkhiv MAES TGU. Nr 145. [in Russian]
- Kharinskii, 2001** – *Kharinskii A.V.* (2001). Schetnye zhetony i monety v pogrebeniyakh priol'khonskikh buryat XVIII–XIX vv. [Counting jetons and coins in the burials of the Priolkhon Buryats of the 18th – 19th centuries]. Drevnyaya i srednevekovaya istoriya Vostochnoi Azii. K 1300-letiyu obrazovaniya gosudarstva Bokhai. Vladivostok. pp. 273-276. [in Russian]
- Khlobystin, 1990** – *Khlobystin L. P.* (1990). Drevnie svyatilishcha Vaigacha [Ancient sanctuaries of Vaigach]. Problemy izucheniya istoriko-kul'turnoi sredy Arktiki. M., pp. 120-135. [in Russian]
- Shirin, 2018** – *Shirin Yu.V.* (2018). Arkheologicheskoe izuchenie Kuznetska [Archaeological study of Kuznetsk]. Kuznetskaya starina. Novokuznetsk: 400 let v istorii Rossii. Tomsk; Novokuznetsk. P. 68. [in Russian]
- Shmelev et al., 2018** – *Shmelev K. V., Bekhter A. V., Mikhailova E. R.* (2018). Selishche Slobodka na yuzhnom beregu Luzhskoi guby: ob izuchenii i rekonstruktsii pozdnesrednevekovogo poseleniya [Slobodka settlement on the southern shore of the Luga Bay: on the study and reconstruction of the late medieval settlement]. Kul'turnoe nasledie Rossiiskogo gosudarstva. Vyp. VII. Sankt-Peterburg. pp. 353-370. [in Russian]
- Ekspozitsii..., 2019** – Ekspozitsii Russkogo etnograficheskogo muzeya. Kollektzii po kul'ture narodov Povolzh'ya i Priural'ya [Expositions of the Russian Museum of Ethnography. Collections on the culture of the peoples of the Volga and Ural region]. Russkii etnograficheskii muzei. 2019. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://old.ethnomuseum.ru/kollekcii-po-kul'ture-narodov-povolzhya-i-priuralya> (data obrashcheniya: 27.05.2019). [in Russian]
- Yakovlev, 2001** – *Yakovlev Ya. A.* (2001). 1150 i 17 mgnovenii vesny (a takzhe leta, oseni i zimy iz zhizni Pervomaiskogo raiona) [1150 and 17 Moments of Spring (as well as summer, autumn and winter from the story of the Pervomaisky District, Tomsk region)]. Zemlya pervomaiskaya: sb. nauchno-populyarnykh ocherkov. Tomsk. Pp. 94-217.

Нюрнбергские жетоны XVI–XIX вв. На территории России

Андрей Александрович Пушкарев ^{a, *}

^aТомский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена изучению нюрнбергских жетонов на территории Российского государства как уникального феномена XVI–XVIII вв. В публикации впервые представлен обзор всех известных на сегодняшний день находок жетонов на территории современной России, происходящих из археологических памятников, этнографических коллекций и случайных сборов. Для удобства изложения материала описание находок жетонов разделено по территориальному признаку на три основных блока: Европейская часть России. Поволжье; Западная Сибирь; Восточная Сибирь и Дальний Восток.

Составной частью статьи является картографирование мест обнаружения нюрнбергских жетонов, благодаря которому выявлены особенности их распределения на различных территориях. Так, в Европейской части России основная масса находок происходит из Поволжья, в Западной Сибири жетоны распределены более или менее равномерно по всему региону. В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке имеется компактное скопление находок в Приольхонье, остальные рассредоточены на обширной территории регионов.

Статья содержит обширную библиографию, которая является результатом многолетней работы автора по поиску публикаций о находках нюрнбергских жетонов на территории Российского государства.

Ключевые слова: нюрнбергский жетон, счетный жетон, Россия, Поволжье, Сибирь, нумизматика, археология, этнография, могильник, поселение.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: supdron@gmail.com (А.А. Пушкарев)

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 935-955. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.935
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Phenomenon of Great Duchy of Lithuania in a Scholar Discourse on the Boundary of Millenniums

Andrey Yu. Dvornichenko ^{a, *}, Regina-Elizaveta A. Kudrayvtseva ^a

^a Saint Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to the analyses of contemporary studies of Great Duchy of Lithuania. The authors mean the history of GDL before the Union of Lublin (1569) during a period of independently development of this state, because the next period is separate theme. The authors consider GDL as a sort of phenomenon. In the foundation of such phenomenon lay the history of GDL itself and also very complex and multinational historiography. According to author's opinion a main task which stands in front of an international team of historians is to understand the character and essence of this statehood though there are many other interesting themes: foreign policy, confessions, culture etc. The historiography of such countries as Lithuania, Belarus, Ukraine, Poland, Russia is studied in this article. All these countries connect with a legacy of GDL. A main task of this article is not to collect and study the whole bibliography devoted to the history of GDL. An aim is to discover and to characterize the main national trends in studying of this statehood. The roots of contemporary crisis one can find in past century. The main reasons of this crisis now are an absence of some coordination between the countries in studying GDL, an intention to connect this history only with one country and also some intention to modernize the history of GDL. The last feature of contemporary historiography directly connects with a refusal to find archaic traditions in the history of this statehood and to use the methods of contemporary political anthropology.

Keywords: Great Duchy of Lithuania, Lithuanian historiography, Byelorussian historiography, Ukrainian historiography, Polish historiography, Russian historiography, statehood, political anthropology.

1. Введение

Великое княжество Литовское, Жомойтское и Русское (далее ВКЛ – Авт.) – своего рода феномен истории Восточной Европы. Страны этой давно нет на свете! Она в том же ряду, что и всем известные Византия и СССР и мало кому знакомые территории «полузабытой Европы» (Norman Davies, 2012). Когда-то огромное и сильное, это государственное образование объединилось с Польшей, а потом затерялось среди разделов Речи Посполитой конца XVIII века, и память о нем, казалось, исчезла навсегда. Однако без знания истории этой страны многое не понять в тех процессах политической жизни, которые шли и идут в Восточной Европе (Литва, Украина, Беларусь), в истории Киевской Руси, Польши и Руси Московской.

В данной статье речь идет о ВКЛ до Люблинской унии 1569 г., поскольку последующий период его истории (в составе Речи Посполитой), на наш взгляд, является отдельным исследовательским полем, на котором литуанистика тесно переплетается с полонистикой. В статье, которую можно считать подступом к нынешней работе, нами охвачены более широкие хронологические рамки (Дворниченко, Кудрявцева, 2017: 280-299).

Уже несколько затертое к нашим дням слово «феномен» вполне уместно в связи с Великим княжеством. Феноменальность эта проистекает из самой удивительной истории этого

* Corresponding author

E-mail addresses: a.dvornichenko@spbu.ru (A.Yu. Dvornichenko), aethel@yandex.ru (R.-E.A.Kudrayvtseva)

государственного образования, в которой тесно переплелись истоки и судьбы самых разных народов. Многое интересно в этой истории, но в основе должно лежать понимание того, что такое государственность в данном варианте, как она сформировалась, каковы ее характеристики. Феноменальность ВКЛ проистекает и из самой историографии, вернее национальных историографий, всегда сильно зависевших от изгибов исторического процесса в Восточной Европе.

2. Материалы и методы

Особенность историографической ситуации в связи с ВКЛ в том, что история его изучалась в рамках научных традиций разных стран и эти традиции с большим трудом «стыкуются» между собой. К этому стоит добавить, что в течение XX века и сами эти страны совершали драматическое путешествие: из Российской империи в статус независимых стран, затем в советскую «империю», потом в страны, возникшие на ее развалинах; из капитализма в социализм и обратно и т.д. Для того, чтобы понять историографический феномен ВКЛ нужна монография, а может быть, и не одна...

Такая ситуация сама по себе задает смысловой вектор нашей статье – ее цель отнюдь не библиографический обзор вышедшей за последние десятилетия научной и научно-популярной литературы. Недостатка в таких обзорах нет.¹ Важнее разобраться в самой сути формирующихся на грани веков и тысячелетий подходов к истории ВКЛ, их истоках, особенностях, противостоянии друг другу. Для этого иной раз придется углубиться и в предшествующие времена.²

Своеобразие темы заметно уже на историографическом уровне: историографии проходят через разные периоды своего «развития», историки по-разному относятся к историографическому наследию, в том числе представленному историками других национальных «лагерей». Еще заметнее это своеобразие на уровне исторических концепций.

3. Обсуждение и результаты

А. Терешкина из Гарвардского университета в своей содержательной статье рисует адекватную картину литовской историографии (с нее и начнем) от «первого историка» Симонаса Даукантаса (1787–1843) до тех, кто писал в начале 90-х гг. XX в. (Tereškinas, 1997: 11-36). Это движение от «романтической ностальгии» к «историко-педагогическим сентиментам». Литовские историки в это время полагались на тотальную логику универсальных мифологий – национальных или марксистско-ленинских. Это давало исторической науке определенную силу, спасая, например, от эпистемологического скептицизма. Но американский ученый все равно от души пожелал литовским историкам перейти от исторических проповедей и пропагандистских трактатов к интерпретации разнообразных путей развития культуры и общества, привести в свою исследовательскую практику теорию (Tereškinas, 1997: 35-36). Несколько позже выявилась и еще одна ахиллесова пята литовской историографии – отсутствие обобщающих работ по историографии ВКЛ (Велікае княства Літоўскае, 2003: 232-233, 333).

В США заметили сильную зависимость литовских историков в эпоху независимого государства от западной, прежде всего германской науки (многие литовцы были докторантами в немецкоязычных университетах) (Tereškinas, 1997: 32). В советский период обозначилась зависимость местных историков от харизмы книги советского историка В.Т. Пашуто (Пашуто, 1959). Все это надо было как-то корректировать. Но влияния эти столь сильны, что даже пришедший на помощь литовцам, «влюбленный в литовскую историю» англичанин С. Ровелл посчитал свою книгу продолжением исследований поляка Г. Пашкевича, литовца З. Ивинскиса и русского В.Т. Пашуто (Rowell, 1994: xi-xii).

Книга, кстати, очень интересная, «проливает свет на многие аспекты литовской средневековой истории» (Mažeika, 1995: 289-303), переведена уже и на восточно-европейские языки, а автор продолжает печататься в литовских изданиях. Однако напрасно стали бы мы в ней искать определение того, что представляло собой государство в целом. Полностью ясно только одно – оно литовское! Литовские (и иже с ними) историки тут в выигрышной ситуации: в названии государства «Литовское» стоит на первом месте. Историки хотят извлечь из такой ситуации максимальную пользу и по этой причине часто отказываются от старой традиции писать литовскую историю до Люблинской унии 1569 г. (которая к тому же для литовских историков, в отличие от польских, «трагедия»). Они останавливаются на каких-то других, более близких к древности рубежах, что,

¹ Наиболее полный обзор, охватывающий литературу с 1991 по 2003 гг. см.: (Велікае княства Літоўскае, 2003). Своего рода продолжением этого «круглого стола» стал раздел в одном из номеров журнала «Ab imperio» (Поле битвы – память, 2004 : 485-601). См. также: (Закжевский, 2008: 101-114; Блануца, Ващук, 2009: 321-336; Кром, 2009: 177-192 и др.)

² Одному из авторов данной статьи уже приходилось рассуждать об особенностях историографии ВКЛ (Дворниченко, 2002а: 39-50; Дворниченко, 2002б: 29-44; Дворниченко, 2004а: 14-30). Неплохо было бы учесть и отношение нынешних национальных историографий к истории Киевской Руси – предшественницы ВКЛ, но в рамках данной работы сделать это невозможно (Дворниченко, 2017b; Дворниченко, в печати).

в свою очередь, позволяет им не сосредотачиваться на восточнославянских землях, постепенно входивших в состав ВКЛ. Характерны в этом смысле работы А. Никжентайтиса (Nikžentaitis, 1996), который внес большой вклад в решение многих сложных проблем литовской истории (Mažeika, 1995: 295), но характер ранней литовской «государственности» для интересующихся не прояснил. Видна тенденция удревить литовское государство, обнаружить его как можно раньше.

Крайности такого подхода в работе Т. Баранаускаса (Baranauskas, 2001), пытавшегося воскресить идеи ранних трудов польского (затем эмигрантского) историка Г. Пашкевича, начать литовскую государственность прямо с Миндовга, вызвали горячее противодействие со стороны «последнего марксиста» Литвы (теперь и он уже не марксист) Э. Гудавичюса. А что он сам предлагает в своей книге, которая была издана сначала (1999 г.) по-литовски, а затем переведена на русский язык в качестве издательского проекта посольства Литовской республики в Российской Федерации? (Гудавичюс, 2005). Книга является главным событием литовской историографии. Вернувшись к традиции рассматривать историю начального Литовского государства до 1569 г., историк сумел нарисовать достаточно яркую картину. В своей древнейшей части картина эта давно известна и вполне приемлема для русского читателя. Вызывает только некоторое удивление трактовка характера отношений между древнейшей Литвой и соседями. Отношения со скандинавами столь полезны, что историк даже придумывает для Литвы XI–XII вв. некое викингское литовское общество (только лодку здесь заменил конь). Это общество, возглавляемое местными вождями, «далеко обогнало социальную и политическую схему других балтских племен». Такая славная, продвинутая Литва могла бы уже тогда создать свое государство. Но возникло оно лишь 200 лет спустя, и виновница здесь не кто иная, как Русь. Именно ее верховенство и необходимость платить ей дань «замедлило развитие нарождающейся литовской государственности». Да это еще и цветочки, ведь Русь могла бы навязать православие и (страшно подумать!) русифицировать литовский этнос, который еще не успел стать народностью. «К счастью для Литвы, Древнерусское государство в начале XII в. распалось, и в 1131 г. литовцы обрели свободу», – с удовлетворением отмечает историк (Гудавичюс, 2005: 29-30). Что тут добавить, разве что предложить ввести праздник, очередной день независимости. Правда, с числом, видимо, все-таки трудновато... Впрочем, через несколько страниц нашелся и еще один виновник – Ливония, которая «пресекла естественный процесс вхождения родственных племен в государство» (Гудавичюс, 2005: 40).

Дальше мысль историка идет уже известным путем, по которому шел и В.Т. Пашуто, чье влияние по-прежнему сильно. Перед читателем появляется большой одал (похоже то же самое, что и пашутинский «ограниченный аллод»), а отсюда уже открывается широкая и торная дорога к «феодализму». И напрасно американский литовец искренне удивляется, как можно так искусственно вводить «феодальную систему» в старую литовскую историю (Tereškinas, 1997: 28). Схема тут проста: историки Литвы считают, что придуманный ими «феодализм» позволит легко и изящно ввести свою Родину в европейское сообщество Средних веков,¹ и их мало волнует, что и в самом-то этом феодализме (даже и в Европе) давно и многие уже сомневаются. Везде найти сходство с какой-то придуманной общей схемой развития Западной Европы и этим удовлетвориться – вот цель литовских историков. И литовская община пошла не по русскому, а по германскому пути (Гудавичюс, 2005: 34). Хотя с «феодализмом» (во всяком случае, для читателя) далеко не все понятно. До середины XIII в. наблюдаются только его предпосылки (Гудавичюс, 2005: 47), а вообще, и этот век, и следующий – период раннего или начального феодализма. Тут историк, вслед за Пашуто, как-то не очень ловко сливает одалную собственность с «централизованной феодальной рентой, т.е. верховной домениальной собственностью». А вообще, крупное землевладение не сложилось, вассалитета не было, как, впрочем, и ленного права, и рыцарей (Гудавичюс, 2005: 89-87, 89). Все-таки во второй половине XIV в. основа феодальной общественной модели выявилась, правда, с опозданием. Но тут виновато позднее возникновение государства и церковного землевладения. Историк временами наблюдает явную тенденцию к «феодальной раздробленности», но ее удалось перепрыгнуть (Гудавичюс, 2005: 175, 406). Так и хочется спросить: был все-таки этот пресловутый феодализм или нет?!

Еще менее понятно с государством. Большую роль Э. Гудавичюс отводит коронации Миндовга – «болезненному периоду становления монархии и интеграции в Европу» (Гудавичюс, 2005: 59). Создававшаяся монархия была военной. Силимся представить себе «невоенную монархию» и не можем. Но дело не в этом: ведь вплоть до конца XIV в., кроме правящей династии во главе с монархом, других государственных институтов еще и не было. Настолько не было, что даже и понятия о государстве не наблюдалось: в Кревском акте было записано о королевстве Польском и о землях Литвы и Руси. Собственно, эту унию и заключили польское государство, с одной стороны, и великий князь Литовский, с другой (Гудавичюс, 2005: 166-167). Даже определение «раннесредневековая» эту монархию не спасает. При этом историк не отказывается и от определения «военная монархия», которая, как оказалось, при Ольгерде уже переросла в великую державу, хотя незадолго она под его пером грозила превратиться в конгломерат не связанных между собой княжеств (Гудавичюс, 2005:

¹ В ярком и красочном издании А. Бумблаускаса период с 1387 г. так и называется – «Европейская эпоха». Приходит она на смену языческой эпохе (Bumblauskas, 2005).

142, 124). Потом оно раскололось по другому принципу: литовские земли противостояли русским – это при Свидригайло. В конечном итоге «военно-монархическая Литва» превратилась в сословное дворянское государство и дожила до той самой «Люблинской трагедии» 1569 г. (Гудавичюс, 2005: 393, 647).

Недостаток места не позволяет нам подробно анализировать противоречия в концепции Э. Гудавичюса. Основной недостаток интересной концепции, на наш взгляд, это отрицание архаических тенденций в политическом и социальном устройстве ВКЛ и стремление привязать развитие страны к некоей европейской модели. Зато сердце русского человека не может не греть раздел, посвященный возникновению русинской, т.е. русской народности в ВКЛ (Гудавичюс, 2005: 447). Пусть слово «русский» означает не того русского, что жил в Московском государстве (впрочем, это читателю ясно), но это слово значит больше, чем полочанин или вольнянин. При этом соперничество обоих народов приобрело не характер коллизии, а конкуренции. Литовцы пользовались политическими и социальными, а русины – культурными преимуществами (Гудавичюс, 2005: 449). Обратим внимание и на то, что современная российская историография в «списке» присутствует, но в самом тексте участия не принимает.

Боязнь архаики, явно заметной в литовской истории (шутка сказать – «последние язычники Европы»)¹, и стремление к европейскому образцу определяет и другие новые работы литовских историков. Им приходится идти на всякие умственные конструкции. Так, мы видели, что для Гудавичюса государство – это фактически княжеская власть и княжеский род. Р. Петраускас же ставит под сомнение устойчивость княжеской власти и княжеского рода. И правящий род еще не установился, и знать жила еще в рамках родовых отношений (Петраускас, 2012: 95-116; Петраускас, 2014). А что же государство? Оказывается, «ранняя монархия функционировала не как территориальное управляемое институтами, а как политическое образование, создаваемое на основе межличностных связей» (Петраускас, 2012: 97). При таком «размытом» определении государства под него подойдет и бандитская группировка, а уж древнее вождество тем более. Трудно принять и имеющее хождение среди литовских историков представление о ВКЛ как об империи (Бераснявичус, 2008: 217-224; Norkus, 2009). Это понятие здесь так же не работает, как и на материалах Киевской Руси (Дворниченко, 2017: 338-340).

Крупный игрок на поле изучения ВКЛ – белорусская историческая наука, которые не меньше литовской (а может, и больше) заинтересована в выявлении древнего государства.² Количественно эта историографическая ветвь, пожалуй, еще более мощная, чем литовская, тем более, что недавний двадцатый век, советская оккупация сильно отвлекают внимание литовцев от ВКЛ. Охватить белорусскую историографию сложно, но, к счастью для авторов данного текста, недавно увидело свет издание, которое значительно облегчает нашу задачу (История белорусской государственности, 2018). В нем не только отражены последние бренды и тренды белорусской историографии, но оно дает возможность понять сам историографический процесс, который шел в Беларуси в последние десятилетия. Вопросы здесь возникают уже на уровне изучения старой историографии. Конечно, белорусам сложнее, чем литовцам, выстроить концепцию своей историографии, начиная с «осмнадцатого» века. Виленский университет на них в этом смысле не очень «работает»: он же виленский!³ Также странно выглядят такие симптомы нового этапа историографии (30–50-е гг. XIX в.), как книга О.В. Турчиновича⁴ и национальная программа К. Калиновского.⁵ Как сформировалась белорусская историография, если перечисляются польские и российские работы историков тех лет, к которым к тому же претензии прямо-таки по гамбургскому счету. Первые носят «пропольский» и «пролитовский» характер, а вторые рассматривают историю ВКЛ с точки зрения своей охранительной теории – этой триединой формулы «самодержавие, православие, народность». И (страшно представить!) они додумались до того, что хотели возвращения в лоно империи всех «русских» или православных территорий ВКЛ и Речи Посполитой. Читатель в некотором недоумении: а до чего они еще могли додуматься, к кому присоединить эти земли: Германии, Австро-

¹ Как не быть архаике, если на «диком западе» средневековой Европы (восточная часть центрально-европейского ареала) «Литва была наиболее удаленным от культурных центров и отсталым медвежьим углом» (Гудавичюс, 2005: 480).

² Подробный анализ историографии до конца XX в. см.: (Lindner, 1992; Лінднэр, 2003).

³ Литовский историк рассуждает более осторожно, но в свою пользу: хоть и писали на польском языке, но были первыми, кто обратил внимание на литовский язык и литовскую историю (Вилимас, 2004: 508-509).

⁴ Д.В. Карев также придает Турчиновичу не свойственное ему значение. Тут возникает некий курьез, который не замечает почтенный белорусский историк. Ну почему титулярный советник, представитель типичной дворянской российской историографии является основателем белорусской историографии? Только потому, что он «похоже, уроженец Могилевщины»? (Карев, 2007: 128-129).

⁵ Приятно, что, в отличие от России, революционеры в Беларуси не только востребованы, но и по-прежнему властители умов. Правда, теперь в спокойной обстановке предстоит разобраться, кто он: буржуазный националист или порядочный революционер? (Шалькевич, 1988: 217-220).

Венгрии или еще куда – ведь такие государства, как Украина и Беларусь, тогда даже в розовых снах никому не являлись. В этом контексте деление российской историографии на три подхода (которые, якобы, существуют до сего дня!): «западнорусизм», либерально-позитивистский и народнический – выглядит по меньшей мере надуманным (*История белорусской государственности, 2018: 44-47*). Попытки удревить «белорусскую» историографию не убедительны, поскольку «первым словом белорусской национальной историографии» была брошюра В. Ластовского «Кароткая гісторыя Беларусі», написанная в 1910 (*Носевич, 2008: 40*).

Также однолинейно трактуется ныне и советская историография, за исключением тех двух-трех историков, которые в период белорусизации (20-е гг.) писали о «литовско-белорусском» государстве. Теперь белорусов, в отличие от литовцев, совсем не привлекает и вышеупомянутый В.Т. Пашуто с его «Образованием литовского государства», ведь основной его тезис был: территория летописной Литвы практически совпадала с территорией Литовской ССР, именно там и сложилось сильное государство литовцев, которое постепенно подчинило себе значительную часть восточнославянских земель (*История белорусской государственности, 2018: 49*). Современная же российская историография в этом издании уже практически не фигурирует.¹

Как же мыслится политогенез? Тут позволим себе ретроспекцию. Современная белорусская историография начиналась с работ историка-любителя, писателя и литературоведа Н.И. Ермоловича. О работах его не раз уже говорилось, поэтому подробно характеризовать их не будем. Он отрицал литовское завоевание, размещал первоначальную Литву на белорусской территории, трактовал возникновение ВКЛ в качестве белорусского государства (*Ермаловіч, 1989; Ермаловіч, 2003; Ермаловіч, 1990; Ермаловіч, 1994*). Теперь чаще говорят, что подход его не научный, а оправдание ему такое: он делал то, что и современные польские и литовские историки: используя имеющийся материал, старался изложить исторические события с точки зрения интересов своего государства, своего этноса (*История белорусской государственности, 2018: 49*).²

Как бы там ни было, влияние этого писателя на общественное сознание, да и на науку, было значительно.³ Его идеи проникли и в учебную литературу для средней и высшей школы. И все-таки научное изучение ВКЛ шло своим, менее экстремистским путем. В современной белорусской историографии выделяются два подхода, носители которых с конца прошлого тысячелетия борются между собой. Автором одной версии стал В.Л. Носевич (*Насевич, 1992: 54-63; Насевич, 1993*) и, как он позже признавался, что тогда, не будучи знаком с взглядами М.В. Довнар-Запольского, поскольку его не публиковавшаяся ранее работа вышла позже (*Довнар-Запольский, 1994*), а до того находилась в спецхране, он «заново воспроизвел его основные выводы» (*Носевич, 2008: 45*). От себя заметим (наверное, уважаемый В.Л. Носевич сильно удивится), что ничего нового по сравнению со славной «дореволюционной» русской историографией Довнар-Запольский не добавил, только кое-что акцентировал в духе новой «национальной» ситуации.

В качестве явного продолжения русской историографии концепция Довнар-Запольского – Носевича утверждала, что Литва захватывала земли «белорусов», но ее власть вполне соответствовала местным интересам, поскольку вносила правопорядок в народную жизнь и избавляла от гораздо более жесткой татарской зависимости (*Носевич, 2008: 45*). Надо отметить, что воспроизведение в новых условиях точки зрения старой русской историографии было полезно, поскольку академическая наука молодого государства Беларуси проявляла неспособность понять процесс образования ВКЛ (*Нарысы гісторыі Беларусі, 1994*), а, созданная фантазиями историков «белларуска-літоўская дзяржава» времен Миндовга, посредством школьных учебников стала проникать в умы молодого поколения (*Гісторыя Беларусі, 1993: 171-178*).

С 1998 г. стал развивать свои взгляды А.К. Кравцевич. Он, с одной стороны, не принял теорию Ермоловича о завоевании Литвы белорусскими дружинами, но в то же время категорически отверг возможность завоевания литовцами славянских земель. По мнению историка, создание ВКЛ – кульминация многовекового балто-славянского взаимодействия, с самого начала ВКЛ было биэтническим балто-восточнославянским государством с доминированием восточнославянского компонента (*Краўцевіч, 1998*). Не мытьем – так катаньем! Все равно государство белорусское!⁴ С такого рода подходом спорил В.Л. Носевич,⁵ спорной считал ее Г. Голенченко (*Галенчанка, 2003: 117*), спорили и другие. Однако концепция является наукообразной и хоть в какой-то степени соотносится с теорией политогенеза, научным подходом к зарождению государства ВКЛ.

Дело в том, что к этому времени «канонем тем» белорусской национальной истории стал вопрос об этнополитической природе ВКЛ (*Ліндэр, 2003: 445*). Под перьями белорусских историков в

¹ Справедливости ради отметим, что в замечательной энциклопедии, посвященной ВКЛ, есть статьи, посвященные ряду современных российских исследователей (*Велікае княства Літоўскае, 2007*).

² Основную библиографию дискуссии см.: (*Дзярновіч, 2009: 240*).

³ Хотя это влияние, судя по всему, не стоит и преувеличивать. См.: (*Носевич, 2009: 307*).

⁴ Это, вообще, альфа и омега белорусской историографии с начала 90-х. См. содержательный обзор: (*Сагановіч, 2008: 73-92*).

⁵ (*Носевич, 2008: 45*). Впрочем, судя по характеру критики, ему и самому чего-то такого хотелось.

Беларуси и в эмиграции стали рождаться всякие фантазии, например, о том, что древние литвины – это вовсе и не литва, а «ранние белорусы» (П. Урбан, А.Ф. Рогалев, М.Ф. Пилипенко), а затем историки вместо того, чтобы заниматься изучением процесса политогенеза, становления государства, стали блуждать среди смутных понятий этно- и нациогенеза, путаясь во всех этих «хоронимах», «этнонимах», «суперэтнонимах», «метаэтнонимах», «политонимах», «экзоэтнонимах», «эндоэтнонимах» и прочих скользких и туманных понятиях (Дзярновіч, 2009: 234-249).

А.К. Кравцевич развивал и оттачивал свою концепцию, и она стала находить себе сторонников. В известном обзорном очерке¹ Г. Саганович неоднократно повторяет тезис о ненасильственном подчинении славянских земель (Сагановіч, 2001: 60-76). Пришлась по сердцу такая концепция и авторам новейшего и программного труда о белорусской государственности. К нему и надо вернуться.

Авторы этого коллективного труда вняли сетованиям по поводу бедности теоретической основы концепции белорусского государства, которые звучали в историографических обзорах (Галенчанка, 2003: 122). Только восполнили они этот пробел весьма странным способом. Не обращаясь к материалам ни западной, ни российской науки, не обращая внимания на расцвет политической антропологии и антропологии вообще в современном мире, сотрудники Института истории НАН Беларуси создали свою «принципиально новую трактовку дефиниции «государственность». Она рассматривается как «внутренняя потенциальная способность этнонационального сообщества и его элиты, обеспечивающая право и возможность длительного самостоятельного исторического существования и развития». «Государство же – это конкретно-историческое воплощение потенциала государственности, совокупность государствообразующих факторов». Такая трактовка дефиниции «государственность» оценивается самими белорусскими историками как значительное достижение исторической науки (История белорусской государственности, 2018: 6).

Дальше – больше. Исходя из такой сомнительной дефиниции государства, ученые обнаружили свою государственность в виде «исторических и национальных форм». При этом «исторические формы доминировали во второй половине IX – начале XX вв., а национальные формы – в начале XX – начале XXI вв. В связи с такой установкой белорусские исследователи постарались мобилизовать наследие Киевской Руси, но рассмотрение этой «мобилизации» выходит за рамки данной статьи (Дворниченко, в печати). Отметим только, что особое место в этой концепции отводится Полоцку, который почему-то отделяется в своем «государственном» развитии от остальной Киевской Руси.

Дальнейшая история белорусской «государственности» излагается фактически по А.К. Кравцевичу, так как в основе этой «государственности» лежит «союз между Миндовгом и Новогородком (История белорусской государственности, 2018: 239). Так же, как и Кравцевича, да и многих других белорусских историков, соавторов «Истории белорусской государственности», больше всего волнуют «этнополитические» процессы. Другими словами, кому «принадлежало» это государство: белорусам (русинам) или литовцам. Сама глава, посвященная ВКЛ, носит примечательное название: «Великое княжество Литовское: белорусская государственность в середине XIII – середине XVI в.» (История белорусской государственности, 2018: 231). Принятая концепция вроде позволяет договориться и разделить эту «государственность» между собой.²

Но за деревьями этнических отношений (которые, кстати говоря, с нашей точки зрения не так уж и важны), белорусские исследователи не видят «леса» самой государственности. Напрасно читатель старается понять из этой работы (как, впрочем, и из других белорусских работ), что это была за государственность, как определить ее саму и ее этапы. Дальше общих слов дело не идет – главное, пробиться к выводу о том, что «основу ВКЛ в период его возникновения и расцвета составляли белорусские территории и белорусское население» (История белорусской государственности, 2018: 248). Глубина анализа политогенеза исчерпывается выделением двух периодов – водораздел правление Витовта. В первом периоде доминировали личные связи, а во втором – вызрели государственные институты. Это слишком общие наблюдения, читатель-историк хочет знать, как шло развитие ВКЛ, как эволюционировала эта государственность. Интересно, что проницательные историки хорошо видят глубокую архаику, свойственную долгое время ВКЛ: отсутствие письменного документа, господство архаического религиозного ритуала, власть «старины» и т.д. (Груша, 2019: 35-82). Однако наивно объясняют дальнейшее долгое изживание этой архаики некоей «секуляризацией» (Груша, 2019: 35-82), даже не пытаясь привлечь к изучению своего объекта новейшие достижения политической антропологии и теории политогенеза.

Так что отсутствие цельной и разработанной концепции политогенеза – пожалуй, то, что сближает белорусскую и литовскую исторические науки. Разделяет их, как и многое другое, отношение к униатскому процессу. Они представляют унии компромиссным актом, благодаря которому княжеству удалось отстоять основные атрибуты независимости (Янушкевіч, 2003: 144).

¹ Сагановіч Г. Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII стагоддззя. Мінск: Энцыклапедыкс, 2001.

² С начала 1990-х гг. белорусские и литовские историки стараются договориться и разделить между собой ВКЛ, но, похоже, без особого успеха. См.: (Сагановіч, 2008: 82-83).

Белорусская историческая наука не изжила еще один недостаток предшествующей советской историографии: узкие территориальные рамки. В советские времена историю ВКЛ растащили по «братским союзным республикам», а ведь ВКЛ, хоть и было федеративным образованием, но все-таки единым государством. Если белорусские историки рассматривают территориальное и административное устройство ВКЛ, то «украинские» земли в поле их зрения не попадают.

Украинской исторической науке это еще более свойственно. Сами украинские историки считают, что украинскую науку всегда волновало не столько общее развитие ВКЛ, сколько история украинских земель в тот период, когда они входили в него. Для широкого синтеза украинской науке, по собственному признанию, не хватает профессиональных исследований (Кириченко, 2003: 484). В 1992 г. Н.М. Яковенко, сравнивая ситуацию в Белоруссии и Украине, насчитала не более пяти ученых, которые занимались историей ВКЛ (Яковенко, 1996: 113). Ситуация не изменилась к лучшему и в 2003 г. – ко времени того «круглого стола», на материалы которого мы не раз уже ссылались (изданы в 2006 г.). А в 2009 г. авторы историографического обзора писали о том, что книга Е.В. Русиной «Украина под татарами и Литвой» является на сегодняшний день единственной, в которой описана история украинских земель с XIII до середины XVI веков (Блануца, Ващук, 2009: 327). От себя заметим, что при всей пользе книги Е.В. Русиной напрасно станем мы в ней искать какие-либо общие концепции возникновения и развития ВКЛ. Добавим еще, что автором одной из лучших, как считается, книг по истории русской элиты, проживавшей на территории будущих украинских земель, является Н.М. Яковенко (Яковенко, 1993). Но в ее общем обзоре украинской истории, который был переведен и на польский язык, ВКЛ занимает досадно мало места и, в основном, в связи с судьбами киевской и волынской земель (Jakowenko, 2000: 122-140).

Да и сейчас особых сдвигов не произошло, несмотря на то, что количество историков выросло, спектр тем, которые они рассматривают значительно расширился. Достаточно посмотреть несколько томов серийного сборника «Ukraina Lithuanica: студії з історії Великого князівства Литовського». Отрадно, что молодое поколение украинцев выбирает ВКЛ. Но к этой новейшей историографии можно предъявить ту же претензию, что и к советской: это попытка понять общие проблемы ВКЛ в отдельно взятой стране – Украине. Или уйти от этих общих проблем. Для того чтобы проиллюстрировать этот феномен, у нас просто уже не остается места. Даже интересные монографии, посвященные земельной политике (Блануца, 2017) или населению (Ващук, 2009), как бы зависают в безвоздушном пространстве. Ослабляют историографию и не очень-то сведущие в истории украинские юристы.¹

В нашу задачу не входит разбираться в причинах такой научной прорехи. Можем лишь к тем причинам, которые приводит К. Кириченко (Кириченко, 2006: 485-486), добавить, что в отличие от белорусов украинцы не так заинтересованы в ВКЛ в качестве средства создания своей государственной идентичности. У них ведь есть Галичина и Гетманщина. Как бы там ни было, но литуанистика остается одним из самых слабых мест в современной исторической науке Украины. Радует, правда, внимание к историографии. Здесь обращает на себя внимание солидный труд В.О. Василенко, посвященный изучению политической истории ВКЛ в XIX – начале XX веках (Василенко, 2006). Работа выполнена в жанре проблемной историографии с хронологическим подходом к теме и может служить отличным справочным пособием. Стоит отметить, что историограф здраво подходит к оценке «национальной» принадлежности историков, относя, например, таких ученых, как М.О. Коялович или И.И. Лаппо, к российской историографической традиции (Василенко, 2007: 11). Тем не менее изучение историографии в Украине также не свободно от тех «национальных» перегибов, которые свойственны белорусской историографии (Стельмах, 2005).

Свидетельством слабости украинской историографии в изучении ВКЛ стала книга, подготовленная под руководством П.П. Толочко (История Украины, 2018). Если главы, посвященные Киевской Руси, которые написал сам мэтр украинской археологии, глубоко научны (хотя мы и не согласны с его выводами), то часть, в которой рассматривается история Южной Руси в составе ВКЛ и Речи Посполитой, написанная другим членом научного коллектива, не выдерживает никакой критики. Да, собственно, и не несет никакой научной информации: нет ссылок не то что на источники, но даже и на научную литературу. Похоже, что полное отсутствие или сведение к минимуму данных по литовскому периоду, странность утверждений – особенность всех общих книг/учебников по истории Украины, где бы они ни писались: в Украине, Канаде, США или России (Субтельный, 1994: 88-91; Бойко, 2001: 97-107; Семененко, Радченко, 1999: 89-94; История Украины, 2015: 94-97).

Украинская историческая наука не имеет традиции (за исключением работ выдающегося историка М.С. Грушевского) изучения ВКЛ. Не можем же мы отнести к украинской науке «западнорусскую» школу российской историографии! В отличие от украинской науки, польская историография такую традицию имеет и при этом весьма старую. Первые самостоятельные курсы

¹ (Дячок, 2009: 176-196). Впрочем, это беда всего постсоветского пространства: сейчас и у историков-то в большинстве случаев слабая историческая подготовка, а уж когда нынешние юристы берутся за историю, то тут чаще всего выходит конфуз.

истории Литвы у поляков появились раньше, чем у русских, и нас сейчас не очень волнует, что были они «проникнуты духом польского дворянского национализма» (Пашуто, 1959: 192). Двадцатое столетие ознаменовалось выходом в свет плеяды выдающихся работ по истории ВКЛ, появлением на научном небосклоне целого созвездия славных имен: В. Каменецкого, Г. Ловмянского, Г. Пашкевича, Ю. Бардаха и многих других. Польская наука испытывала тягу к теоретическому обобщению и научному синтезу. Тем больше бросается в глаза в начале нынешнего столетия острая нехватка работ по историографии и общих трудов по истории ВКЛ.¹ Конечно, поляки пытаются разобраться в историографическом процессе прошлого, но к трудам, которые выходят в Польшу, у русского читателя могут возникать серьезные вопросы. Например, в недавно увидевшей свет книге К. Бляховской есть раздел об украинской историографии ВКЛ. С удивлением видишь в этом кругу историков – представителей «украинской историографии» – не только Н.Н. Бантыш-Каменского, но и Н.И. Костомарова и многих других российских историков (Błachowska, 2018: 334–349).² Да и опять же – стоит ли только на национальной принадлежности и на взглядах историков на национальную принадлежность ВКЛ, как принято теперь говорить, заикливаться? Может быть, стоит больше внимания уделять их *научным* воззрениям касательно экономической, социальной и прочей истории ВКЛ?

Сочинения, которые претендуют на синтез, охватывают, с нашей точки зрения, слишком узкий период для того, чтобы выявить те или иные важные закономерности в развитии ВКЛ. Характерный пример – работа Г. Блащыка, в которой «синтез» охватывает лишь первую половину XVI в. (Błaszczuk, 2002). Спору нет – период этот крайне важный в истории ВКЛ. Но ведь корни явлений и процессов этого времени уходят в предыдущие века. Так что, несмотря на ряд вполне убедительных замечаний в адрес белорусской и украинской историографии, книга не дает представления о становлении государства ВКЛ. Это, конечно, не значит, что польские историки не рассматривают те или иные важные исторические проблемы. Назовем здесь, например, работы Я. Никодема, среди работ которого есть и сюжеты о политической структуре ВКЛ и о внешней политике литовских князей (Nikodem, 2003: 7–30; Nikodem, 2004). Есть интересные работы об институтах государства, о праве (Korcak, 1998). Как и в прежние века, польские историки сильны в генеалогии, и, конечно же, в изучении униатского процесса, который, в отличие от литовцев, оценивают положительно.

Большое беспокойство у В.Т. Пашуто вызывали немецкие историки-реваншисты: время было тревожное, хотя он и признавал, что немецкая историография, посвященная собственно истории Литвы, «относительно невелика и касается лишь некоторых вопросов». Впрочем, уже в прошлом немцев поддерживали скандинавы, писавшие также, в основном, на немецком языке (Пашуто, 1959: 228–229). Теперь, похоже, германоязычные и вовсе утратили интерес к ВКЛ – только скандинав С. Экдал продолжает окучивать это поле.

Российская историческая наука одной из первых взялась за изучение ВКЛ. Сведения о литовской истории встречаем уже в сочинениях историков «осмнадцатого» века, хотя этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении. ВКЛ как исследовательская проблема (и при этом очень важная) четко оформилась в работах одного из отцов-основателей петербургской исторической школы Н.Г. Устрялова. Вообще, российский вариант истории Литовско-Русского государства (так именовали его русские историки) начинался в Санкт-Петербурге (Дворниченко, 1994). Кстати говоря, такое «рабочее» название государства представляется сейчас вполне адекватным, поскольку ни белорусская, ни украинская народности тогда еще не сформировались, а все были русскими.³ Русская литуанистика (Дворниченко, 2004; Михальченко, 2109: 53–69) достигла расцвета к временам очередной российской смуты начала XX в.: практически во всех российских университетах преподавали эту историю, появились школы и разные направления в изучении ВКЛ. Все рухнуло в одночасье...

Наша новая концепция, как и все остальное, строилась долго и сложно. Главный носитель этой концепции – труд В.Т. Пашуто – явление своеобразное, как, наверное, и все в советскую эпоху. Автор «Образования Литовского государства» – выпускник исторического факультета Ленинградского университета, ученик В.В. Мавродина – человек, обладавший большими способностями. В своей книге ему удалось аккумулировать и обобщить огромный материал и даже наметить своего рода программу изучения феномена ВКЛ. Правда, он мало все-таки сосредоточился на русских землях в составе ВКЛ. Но, главное – не это, а то, что книга еще и носила характер некоего государственного заказа для решения столь болезненного вопроса. К настоящему времени она устарела, прежде всего,

¹ Błaszczuk, 2006: 337–339. В дискуссии вопрос был поставлен еще более резко устами белорусского историка Г.М. Семенчука: «Удивило то, что в польской историографии стало так мало концептуальных работ» (Там же. С. 482).

² Интересно, что для белорусского историка, автора учебника по историографии Беларуси, Бантыш-Каменский – просто «русский дворянский историк» (Белазаровіч, 2006: 100).

³ Этноним «русины», который любят употреблять литовские исследователи, лишь вносит путаницу, поскольку русинами у нас всегда называли украинцев западно-украинских земель – Галичины, Буковины, Закарпатской Украины (Большая советская энциклопедия, 1975: 398. Стб. 1181).

потому, что опиралась на советскую «версию» марксизма. Устарела, может быть, даже больше, чем работы российских историков XIX – начала XX вв. Впрочем, значение этого фундаментального труда (и других работ В.Т. Пашуто) не стоит преуменьшать, как, впрочем, и некоторых других достижений советской историографии (например, работ А.Л. Хорошкевич, И.П. Старостиной и ряда других исследователей).¹

И все-таки советской историографии ВКЛ не очень повезло, если даже принять как данность ограничительные рамки «марксистско-ленинской парадигмы». В советской России этот интерес не устоялся, не получил институционального оформления, а в «братских республиках» изучение растащили по этим самым республикам, давая обобщения в рамках официозных изданий, изобиловавших надуманными схемами и пышной риторикой, но страдавших отсутствием научной новизны и даже полезного набора фактов.

Что же мы видим в конце XX – первых двух десятилетиях XXI в.? В ходе перестройки возник интерес к ВКЛ, что было связано с тогдашними общественными настроениями. Интерес этот теплится и сейчас, хотя до «организации значительных исследовательских центров или коллективов, возникновения научных школ» по-прежнему далеко (Филюшкин, 2006: 10). Более того, с распадом СССР возникли проблемы с тем проектом, который был задуман раньше, – изданием совместными усилиями Литовской метрики – материалов государственной канцелярии ВКЛ. Теперь разные страны издают Метрику сами, и будем надеяться, что недавно созданный Центр источниковедения российской истории РАН (руководитель – А.А. Горский) преуспеет в этом деле. Теоретическая основа для этого уже есть (Хоруженко, 2014: 347-364), есть и попытки издания томов Метрики, появляются и диссертации по ее материалам (Бондаренко, 2018). Нельзя не приветствовать издание полоцких грамот, в основу которого положено давнее уже и малодоступное издание А.Л. Хорошкевич [Полоцкие грамоты].

Отрадно и то, что в российской науке усилился интерес к историографии ВКЛ. Он возник еще в 80–90 годы, когда российские авторы анализировали исторические работы своих белорусских соседей или впервые обращались к российскому научному наследию (Дворниченко, 1983: 90-102). Теперь дело доходит даже до историографии историографии (Мегем, Вакар, 2014: 126-136). Созидаются диссертации, в которых изучаются историографические проблемы этого государственного образования (Столяров, 2008; Мегем, 2018), пишутся статьи (Филюшкин, 2004: 561-601; Филюшкин, 2008: 94-113). Расширяется круг историков (в том числе и эмигрантов, интересовавшихся историей ВКЛ в контексте истории России, Украины и Белоруссии), о которых пишут (Кодин, 2018; Дворниченко, 2015: 57-79; Дворниченко, 2017). При этом исследователи обращают внимание на разные «дискурсы», связанные с «популярностью исторической публицистики», «политики конструирования прошлого» в виде «сюжетов истории» (Филюшкин, 2006: 10-11; Мегем, 2013: 15) и прочие дополнительные вещи, как-то «забывая» рассмотреть именно научные воззрения историков. А главное – так и нет того труда, о котором один из авторов этих строк мечтал еще в те же 80-е гг. прошлого уже столетия – цельного информативного тома (или нескольких?) об отечественной историографии ВКЛ.

Примерно такая же ситуация и в сфере трудов по истории. Памятна здесь работа С.В. Думина под характерным названием «Другая Русь» (Думин, 1991: 76-126) в знаковом «перестроечном» сборнике. Впрочем, автор этой «стартовой» статьи в дальнейшем занимался лишь некоторыми сюжетами истории этого государственного образования. Перестал в дальнейшем заниматься историей ВКЛ и другой автор – М.М. Кром, чья работа тех лет (1995) вышла уже третьим изданием (Кром, 2019); ушла из жизни М.Е. Бычкова, успев написать интересную общую работу (Бычкова, 1996). Их труды того времени уже анализировались в ряде обзоров. В те годы вышла книга и одного из авторов этих строк (Дворниченко, 1993). Исследование было посвящено древнерусским землям, вошедшим в состав ВКЛ, но наблюдения, сделанные в книге, позволяли перейти и к общим выводам по истории этой государственности.

К сожалению, в последующем приходилось заниматься данной тематикой только в «свободное от работы время». ² Несмотря на это, удалось рассмотреть несколько важных сюжетов этой истории и «вписать» эту историю в общую схему российской истории, которая получила наиболее полное отражение в специальной книге (Дворниченко, 2010) и целом ряде учебников и учебных пособий. В 2013 г. были переизданы и кандидатская, и докторская диссертации (Дворниченко, 2013а; Дворниченко, 2013b) Изучению истории ВКЛ посвящен и ряд статей, увидевших свет с середины 90-х гг. XX в. (Дворниченко, 1995а: 196-210; Дворниченко, 1995b: 294-318; Дворниченко, 1997: 133-165; Дворниченко, 2003: 55-57; Дворниченко, 2004b: 180-185; Дворниченко, 2015а: 76-84; Дворниченко, 2018: 63-73).

¹ И в этом смысле переиздание научных статей мэтра советской эпохи вполне оправданно: (Пашуто, 2011).

² Наверное, это юдоль всех, кто интересуется ВКЛ. Э. Гудавичюс отмечает в «Заключительном слове» к своей «Истории Литвы»: «Я писал эту книгу, когда находилось свободное время...» (Гудавичюс, 2005: 659).

Для нас не так важен вопрос, *чьим* было литовско-русское государство, а гораздо интереснее, что оно собой представляло, какие стадии государственности проходило. Опираясь на источники и «дореволюционную» историографию, а также на современную политическую антропологию, мы отказываемся модернизировать историю ВКЛ. Мы видим в ней те яркие проявления архаики, которые по разным соображениям не хотят замечать другие, забывая о том, что Восточная Европа и до сих пор чрезвычайно богата архаическими явлениями, будь то просто архаика или та, что в последнее время принято называть «новой архаикой». История ВКЛ представляется нам при этом довольно динамичной: она проходит путь от вождеств разной степени развития до раннего – военно-служилого государства и, не успев дойти по пути политогенеза до логического конца, т.е. до полного сложения государства, инкорпорируется Польшей. В социальной и экономической сферах это был путь от общинных социально-экономических структур к крупному землевладению. При явной слабости государственного аппарата множество архаичных, освященных силой обычая черт сохранялось и в правовых отношениях (Васильев, 2011: 94; Дворниченко, 2004: 120-137). Впрочем, нельзя не отметить, что настало время и здесь (как и в историографической части) написания обобщающей монографии.¹

В новейшей российской историографии развиваются и более традиционные для нашей исторической науки (если иметь в виду матрицу, созданную В.Т. Пашуто и коллективными изданиями советского времени (Мерем, 2013: 8-9) подходы. ВКЛ воспринимается как феодальное государство, где этот самый феодализм имманентно и царствует. Только если в советские времена «феодализм» был для историков самоценностью, позволявшей найти место России в системе формаций, то теперь он позволяет им развивать любимую теорию «элит». Как во всех новых странах теперь одни «элиты», так и в старой истории – элиты. Характерно, что в большой главе, посвященной внутреннему состоянию ВКЛ накануне движения Свидригайло, фундаментальной книги об этом движении (30-е гг. XV в.) (Полехов, 2015: 171-129) места ни для народа, ни для архаики не нашлось – на авансцене истории действует одна «элита нового времени!» Именно в таком ключе и трактуются сюжеты литовско-русской истории в работах С.В. Полехова, в которых довольно подробно изложен ход событий так называемого «восстания Свидригайло». И хоть ряд положений спорен, но само обращение к этой теме можно только приветствовать.

Тут уместно отметить, что и российские историки, кто занимается историей ВКЛ, склонны модернизировать его историю, совершенно не обращаясь к достижениям современной политической антропологии, которая в последние десятилетия расцвела не только на Западе, но и у нас (Крадин Н.Н., 2001).

В.Т. Пашуто вполне обоснованно обращал внимание на необходимость изучения пруссов и ятвягов в связи с историей ВКЛ. Историю пруссов на протяжении последних десятилетий активно и результативно изучает В.И. Кулаков. Он подходит к истории этого загадочного народа, прежде всего, с точки зрения археологии (Кулаков, 2018: 187-195). Однако это тот случай, когда археология, являясь основным орудием в познании истории народа, позволяет специалисту выйти на широкие исторические и историко-культурные обобщения (Кулаков, 1994). Проблема ятвягов и русско-литовского пограничья оказалась в центре внимания молодого петербургского исследователя – А.С. Кибинь посвятил этой теме книгу, которая выдержала уже два издания. Это современный российский вклад в болезненную проблему «Черной Руси» как колыбели литовского государства (Кибинь, 2009: 30-37; Кибинь, 2014).

Вся эта проблематика лежит у истоков литовско-русской государственности. Однако в поле зрения исследователей оказываются и проблемы гораздо более поздние – начальной эпохи объединения с Польшей. Это и представления народов друг о друге в связи с Ливонской войной (Филюшкин, 2013: 121-136), и гендерная история (Пелипенко, 2012: 152-158; Пелипенко, 2015: 4-10). Не чураются российские исследователи, как мы уже видели, и проблем истории права.

4. Заключение

В общем, если составить список работ российских историков за последние десятилетия, то он может и впечатлить своими размерами (Мерем, 2018: 3-4). Но, во-первых, в этом списке фигурирует много историков-любителей, чьи работы нельзя воспринимать всерьез. Ничего не поделаешь – это сейчас одна из реалий российской действительности. Идея о том, что каждый, не имея должной подготовки, может быть историком, сейчас актуальна как никогда! Но это даже не главная беда.

В начале нулевых ситуация в литуанистике казалась кризисной. Нам не очень близко понятие «кризис», особенно применительно к этой теме. В советский период литуанистика, во всяком случае советская, тоже не была «на коне». Впрочем, если и тогда был «кризис», то он продолжается. Вновь растащили изучение ВКЛ – теперь, правда, уже по разным и совсем отдельным странам, вновь нехватка крупных, «синтетических» трудов и невнимание к теории. И все-таки мы верим! В то, что изучение ВКЛ вступит в новую, более продуктивную стадию своего развития. На этой волне мы и можем завершить нашу статью. Да еще один из авторов этих строк вспоминает то, что звучало в

¹ См. научно-популярное изложение нашей концепции: (Дворниченко А.Ю. Rus Lietuvos)

предисловие к его книге 1993 года. Мысль о том, что изучение истории ВКЛ будет способствовать укреплению дружбы между народами. Мысль эта и сейчас актуальна. Ну, пусть хоть не дружбы, а хотя бы взаимопонимания...

5. Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда в рамках гранта «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.». Проект No 19-18-00073.

Литература

- Белазаровіч, 2006** – *Белазаровіч В. А.* Гістарыяграфія гісторыі Беларусі: дапаможнік. Гродна: ГрДУ, 2006. 346 с.
- Бераснявічус, 2008** – *Бераснявічус Г.* Чароўнасць літоўскай імперыі // *Druvis*. 2008. № 2. С. 217-224.
- Блануца, Ващук, 2009** – *Блануца А., Ващук Д.* Украина: литовский период истории (современная историография и историческое сознание) // *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir tautiniai Narativai*. Vilnius. 2009. Pp. 321–336.
- Блануца, 2017** – *Блануца А.* Земельна політика Ягеллонів на українських теренах Великого князівства Литовського (1440–1572 рр.). Київ: Інститут історії України НАН України, 2017. 423 с.
- Бойко, 2001** – *Бойко О. Д.* Історія України. Посібник. Вид. 2-ге, доп. Київ, 2001. 656 с.
- Большая советская энциклопедия, 1975** – Большая советская энциклопедия. Третье издание. Т. 22. Ремень – Сафи. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1975. 628 с.
- Бондаренко, 2018** – *Бондаренко А.А.* Грамоты польской королевы Боны Сфорца православному духовенству Великого княжества Литовского (1523–1556). Автореф. ... канд. ист. наук, М., 2018 / Научн. рук. С.М. Каштанов. 31 с.
- Бычкова, 1996** – *Бычкова М.Е.* Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г.: Опыт сравнительно-исторического изучения политического строя. М., 1996. 175 с.
- Василенко, 2006** – *Василенко В.О.* Політична історія Великого князівства Литовського (до 1569 р.) в східнослов'янських історіографіях XIX – першої третини XX ст. Д.: Національний гірничий університет, 2006. 659 с.
- Василенко, 2007** – *Василенко В.О.* Політична історія Великого князівства Литовського (до 1569 р.) в східнослов'янських історіографіях XIX – першої третини XX ст. Автореф. д.и.н. Київ, 2007. 36 с.
- Васильев, 2011** – *Васильев С.В.* Псковская судная грамота и I Литовский статут: Опыт сравнительного исследования терминологии законодательных памятников. М.: Квадрига, 2011. 128 с.
- Ващук, 2009** – *Ващук Д.* «Абыхмо деръжали ихъ подле права ихъ земли» (населення Київщини та Волині і великокнязівська влада в XV – XVI ст.). Київ, 2009. 320 с.
- Велікае княства Літоўскае, 2007** – Велікае княства Літоўскае. У 2 т. 2-е выд. Мінск: БелЭн, 2007. 432 с.
- Велікае княства Літоўскае, 2006** – Велікае княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991-2003 гг.: матэрыялы міжнароднага круглага стала “Гісторыя вывучэння Велікага княства Літоўскага ў 1991–2003 гг.”, Гродна (16 – 18 мая 2003 г.). Мінск: Медисонт, 2006. 544 с.
- Вилимас, 2004** – *Вилимас Д.* Великое княжество Литовское: стереотипы исторической памяти в Литве // *Ab imperio*. 2004. № 4. С. 507-522.
- Галенчанка, 2006** – *Галенчанка Г.* Беларуская гістарыяграфія гісторыі Велікага княства Літоўскага XIII – XVIII стст. за 1992–2003 // Велікае княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991–2003 гг.: матэрыялы міжнар. круглага стала “Гісторыя вывучэння Велікага княства Літоўскага ў 1991–2003 гг.”, Гродна (16 – 18 мая 2003 г.). Мінск: Медисонт, 2006. С. 112-122.
- Груша, 2019** – *Груша А.И.* Кризис доверия? Появление и утверждение правового документа в Великом княжестве Литовском (конец XIV – первая треть XVI вв.). М.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 608 с.
- Гудавичюс, 2005** – *Гудавичюс Э.* История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М.: Фонд им. И.Д. Сытина; VALTRUS, 2005. 686 с.
- Данилевский и др., 2015** – *Данилевский И.Н., Таирова (Яковлева) Т.Г., Шубин А.В., Мироненко В.И.* История Украины. СПб.: Алетейя, 2015. 508 с.
- Дворниченко, 1983** – *Дворниченко А.Ю.* Русские дореволюционные историки о городском строе Великого княжества Литовского // Генезис и развитие феодализма в России. Вопросы отечественной и всеобщей истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. С. 90-102.
- Дворниченко, 1993** – *Дворниченко А.Ю.* Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). Очерки истории общины, сословий и государственности. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1993. 204 с.
- Дворниченко, 1994** – *Дворниченко А.Ю.* Изучение Литовско-Русского государства в Петербурге // Петербургские чтения. Петербург и Россия. 13–15 апреля 1994 г. СПб., 1994. С. 25-28.

- Дворниченко, 1995a** – Дворниченко А.Ю. Древнерусское наследие и формирование повинностной системы Великого княжества Литовского // Славяно-русские древности. Вып. 2. Древняя Русь: новые исследования. СПб., 1995. С. 196-210.
- Дворниченко, 1995b** – Дворниченко А.Ю. К проблеме восточнославянского политогенеза // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 294-318.
- Дворниченко, 1997** – Дворниченко А.Ю. Древнерусская демократия и Литовско-Русское государство // История России: народ и власть. СПб.: Лань, 1997. С. 133-165.
- Дворниченко, 2002a** – Дворниченко А.Ю. Литовско-русская государственность: историографические и источниковедческие заметки // Государство и общество: История. Экономика. Политика. Право. СПб.; Ижевск, 2002. № 1. С. 39-50.
- Дворниченко, 2002b** – Дворниченко А.Ю. Великое княжество Литовское: историографическая ситуация // История глазами историков: Межвузовский сборник, посвященный 60-летию Е.Р. Ольховского. СПб., 2002. С. 29-44.
- Дворниченко, 2003** – Дворниченко А.Ю. «Мы старины не рухнем...»: Древнерусское вече на магдебургский манер // «Родина». 2003. № 11. С. 55-57.
- Дворниченко, 2004a** – Дворниченко А.Ю. Историография Великого княжества Литовского и «Очерк истории Литовско-Русского государства» М.К. Любавского // Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. СПб, «Наука», 2004. С. 14-30.
- Дворниченко, 2004b** – Дворниченко А.Ю. О «диархии» в древней Литве // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сб. ст. памяти проф. И.В. Дубова. СПб., изд-во СПбГУ, 2004. С.180-185.
- Дворниченко, 2004c** – Дворниченко А.Ю. Уголовное право западнорусских земель и Судебник 1497 г. // Судебник Ивана III. Становление самодержавного государства на Руси. СПб., Изд-во СПбГУ, 2004. С. 120-137.
- Дворниченко, 2010** – Дворниченко А.Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. М.: «Весь Мир», 2010. 944 с.
- Дворниченко, 2013a** – Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI века). Очерки истории общины, сословий и государственности. М.: Издательство Аргамак-Медиа, 2013. 240 с.
- Дворниченко, 2013b** – Дворниченко А.Ю. Городская община верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV веках. М.: Издательство «Весь мир», 2013. 232 с.
- Дворниченко, 2015a** – Дворниченко А.Ю. Крещение Руси и Литвы в контексте потестарного общества // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 3. СПб., 2015. С. 76-84.
- Дворниченко, 2015b** – Дворниченко А.Ю. Г.В. Вернадский об Украине и украинском вопросе (к публикации статьи Г.В. Вернадского «Князь Трубецкий и украинский вопрос») // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2015. Вып. 2. С. 57-79.
- Дворниченко, 2017a** – Дворниченко А.Ю. Русский историк Георгий Вернадский. Путешествия в мире людей, идей и событий. СПб.: Евразия, 2017. 724 с.
- Дворниченко, 2017b** – Дворниченко А.Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. М.: Клио; СПб.: Евразия, 2017. 559 с.
- Дворниченко, Кудрявцева, 2017** – Дворниченко А.Ю., Кудрявцева Р.-Е.А. Политическая система Великого княжества Литовского XV–XVI веков в российской, белорусской, украинской, литовской и польской историографии начала XXI века // Известия Смоленского государственного университета. Ежеквартальный журнал. 2017. № 4 (40). С. 280-299.
- Дворниченко, 2018** – Дворниченко А.Ю. Генезис «Великого княжества Литовского, Жомойтского и Русского» (XIII–XV вв.): взгляд из России // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем. Материалы Международной научной конференции «Россиеведение и белорусоведение в XXI веке: традиционные и новые тенденции в научных исследованиях» (Смоленск, 11–12 октября 2018 г.). Вып. 4. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2018. С. 63-73.
- Дворниченко, в печати** – Дворниченко А.Ю. «Воображаемая другая»: Киевская Русь в научно-учебном дискурсе Восточной Европы (в печати).
- Дзярновіч, 2009** – Дзярновіч О.І. «Літва» і «Русь» XIII–XVI вв. як концепты беларускай историографіі // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1/2. С. 234-249.
- Доўнар-Запольскі, 1994** – Доўнар-Запольскі М. В. Гісторыя Беларусі. Мінск, 1994. 510 с.
- Думин, 1991** – Думин С.В. Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX вв. / Сост. С.В. Мироненко. М.: Политиздат, 1991. С. 76-126.
- Дячок, 2009** – Дячок О. Право Великого князівства Литовського та українських земель у його складі на сторінках українських юридичних видань (1991–2007) // *Ukraina Lithuanica: студії з історії Великого князівства Литовського*. Т. 1. Київ, 2009. С. 176-196.
- Ермаловіч, 1989** – Ермаловіч М. Па слядах аднаго міфа. Мінск: іНавука і тэхніка, 1989. 94 с.
- Ермаловіч, 1990** – Ермаловіч М. Старажытная Беларусь: Полацкі і Навагародскі перыяды. Мінск: Мастацкая літаратура, 1990. 336 с.

- Ермаловіч, 1994** – *Ермаловіч М.* Старажытная Беларусь: Віленскі перыяд. Мінск, 1994. 91 с.
- Ермаловіч, 2003** – *Ермаловіч М.* Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае. Мінск: Беллітфонд, 2003. 448 с.
- Закжевский, 2008** – *Закжевский А.Б.* Состояние и перспективы современных польских исследований по истории Великого княжества Литовского // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 1 (3). С. 101-114.
- История белорусской государственности, 2018** – *История белорусской государственности*. В 5 т. Т. 1: Беларуская государственность: от истоков до конца XVIII в. / А.А. Коваленя [и др.]; Отв. ред. тома: О.Н. Левко, В.Ф. Голубев; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. Минск, 2018. 598 с.
- История Украины, 2018** – *История Украины. VI–XXI вв.* / П.П. Толочко, А.А. Олейников и др.; Под общей ред. П.П. Толочко. 2 изд., испр. и доп. К.-М.: Киевская Русь, Кучково поле. 2018. 472 с.
- Карев, 2007** – *Карев Д. В.* Беларуская і украінская историографія конца XVIII – пачатку 20-х гг. XX в. в процессе генезиса и развития национального исторического сознания белорусов и украинцев. Вильнюс: ЕГУ, 2007. 312 с.
- Кибинь, 2009** – *Кибинь А.С.* Черная Русь в источниках XV–XVII вв. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История*. 2009. № 1. С. 30-37.
- Кибинь, 2014** – *Кибинь А.С.* От Ятвязи до Литвы: Русское пограничье с ятвягами и литвой в X–XIII. М.: Квадрига, 2014. 272 с.
- Кириченко, 2006** – *Кириченко К.* Історія Великого князівства Литовського в українській історіографії 1991 – 2003 рр.: основні тенденції // *Великае княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991-2003 гг.: матэрыялы міжнар. круглага стала, Гродна (16 – 18 мая 2003 г.)*. Мінск: Медисонт, 2006. С. 484-494.
- Кодин, 2018** – *Кодин Е. В.* От Вакара до Снайдера: «старое» и новое в американском белорусоведении // *Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем*. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2018. С. 39-49.
- Крадин, 2004** – *Крадин Н. Н.* Политическая антропология. М.: Логос, 2004. 272 с.
- Крайцевіч, 1998** – *Крайцевіч А. К.* Стварэнне Вялікага княства Літоўскага. Мінск: Беларуская навука, 1998. 208 с.
- Кром, 2009** – *Кром М.М.* Великое княжество Литовское в российской историографии XIX–XX вв. // *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir tautiniai Narativai*. Vilnius, 2009. S. 177-192.
- Кром, 2019** – *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой: пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – начала XVI вв. 3-е изд., испр. и доп. М., Квадрига, 2019. 341 с.
- Кулаков, 2018** – *Кулаков В.И.* Прусские и Мазурские дериваты двупластинчатых фибул // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 187-195.
- Кулаков, 1994** – *Кулаков В. И.* Пруссы (V–XIII вв.). М.: Геоэко, 1994. 204 с.
- Ліндэр, 2005** – *Ліндэр Р.* Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX – XX ст. Мінск; СПб, 2005. 538 с.
- Мегем, 2013** – *Мегем М.Е.* Сюжеты средневековой литовской истории и политика конструирования прошлого в советской историографии // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2013. № 3. С. 7-15.
- Мегем, Вакар, 2014** – *Мегем М.Е., Вакар М.* Дореволюционная и советская историография средневековой Литвы в трудах современных российских историков // *Балтийский регион*. 2014. № 4 (22). С. 126-136.
- Мегем, 2018** – *Мегем М.Е.* Средневековая история Литвы (до 1385 г.) в дореволюционной российской и советской историографии. Дисс. ... канд. ист. наук, Калининград, 2018 / Научн. рук.: д.и.н., проф. Г.В. Кретицин. 245 с.
- Михальченко, 2019** – *Михальченко С.И.* Киевская историческая школа // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2019. Т. 64. Вып. 1. С. 53-69.
- Нарысы гісторыі Беларусі, 1994** – *Нарысы гісторыі Беларусі*. У 2-х частках. Ч. 1. / пад. рэд. Касцюка М.П. Мінск: Беларусь, 1994. 527 с.
- Насевіч, 1992** – *Насевіч В. Л.* Працэс утварэння Вялікага княства Літоўскага (13–14 стст.) // *Актуальныя пытанні гісторыі Беларусі ад старажытных часоў да нашых дзён*. Мінск, 1992. С. 54-63.
- Насевіч, 1993** – *Насевіч В. Л.* Пачаткі Вялікага княства Літоўскага: Падзеі і асобы. Мінск: Польша, 1993. 160 с.
- Носевич, 2008** – *Носевич В.* Проблемы образования Великого княжества Литовского: обзор белорусской историографии // *Lietuvos istorijos studiju* 2008. № 22. С. 39-57.
- Носевич, 2009** – *Носевич В.* Наследие Великого княжества Литовского в исторической памяти современных белорусов // *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir tautiniai Narativai*. Vilnius, 2009. С. 301-320.
- Пашуто, 1959** – *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. М.: Издательство АН СССР, 1959. 536 с.

Пашуто, 2011 – *Пашуто В.Т.* Русь. Прибалтика. Папство. Избранные статьи. Древнейшие государства Восточной Европы. К 90-летию В.Т. Пашуто. 2008 год. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2011. 688 с.

Пелипенко, 2012 – *Пелипенко Т.И.* Положение шляхтянок в обществе Великого княжества Литовского в раннее Новое время // *Вестник СПбГУ. Серия 2: История. Вып. 4.* 2012. С. 152-158.

Пелипенко, 2015 – *Пелипенко Т.И.* Опека и ограничение имущественных прав шляхтянок в Великом княжестве Литовском в середине XVI в. // *Вестник СПбГУ. Серия 2: История. Вып. 3.* 2015. С. 4-10.

Петраускас, 2012 – *Петраускас Р.* Правящий род и знать: к вопросу о предпосылках формирования Литовского государства // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2012. № 1 (11). С. 95-116.

Плохий, 2018 – *Плохий С.* Врата Европы. История Украины. Пер. с англ. М.: Издательство АСТ, 2018. 544 с.

Поле битвы – память, 2004 – *Поле битвы – память: Великое княжество Литовское в современных дискурсах и нарративах памяти Беларуси, Литвы, Польши, России и Украины* // *Ab Imperio.* 2004. № 4. С. 485-601.

Полехов, 2015 – *Полехов С.В.* Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М.: «Индрик», 2015. 712 с.

Полоцкие грамоты, 2015 – *Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв.* Т. 1–2. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 2015. 864 с. + 522 с.

Пятраўскас, 2014 – *Пятраўскас Р.* Літоўская знаць у канцы XIV – XV ст.: склад – структура – улада: переклад з літоўскай мовы. Смаленск, 2014. 386 с.

Русина, 1998 – *Русина О.В.* Україна під татарами і Литвою (серія: Україна крізь віки. Т. 6). Київ, 1998. 320 с.

Саганович, 2008 – *Саганович Г.* Великое княжество Литовское в современной белорусской историографии // *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos. Tradicija ir Paveldo Dalybos.* Vilnius, 2008. С. 73-92.

Сагановіч, 2001 – *Сагановіч Г.* Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII ст. Мінск: Энцыклапедыкс, 2001. 412 с.

Семененко, Радченко, 1999 – *Семененко В.И., Радченко Л.А.* История Украины с древнейших времен до наших дней. Харьков: Торсинг, 1999. 480 с.

Стельмах, 2005 – *Стельмах С.* Історична наука в Україні епохи класичного історизму (XIX – пач. XX століття). К.: ВПЦ «Київський університет», 2005. 378 с.

Столяров, 2008 – *Столяров А.М.* История Великого княжества Литовского в отечественной историографии XIX – начала XX веков. Дисс. ... канд. ист. наук, Казань, 2008 / Научн. рук.: к.и.н., доц. Ю.Н. Иванов. 234 с.

Субтельний, 1994 – *Субтельний О.* Україна: Історія. Київ: Либідь, 1994. 736 с.

Филюшкин, 2004 – *Филюшкин А.И.* Вглядываясь в осколки разбитого зеркала: Российский дискурс великого княжества Литовского // *Ab Imperio.* 2004. № 4. С. 561-601.

Филюшкин, 2006 – *Филюшкин А.И.* Изучение Великого княжества Литовского и Речи Посполитой в российской историографии 1990-х гг.: проблемы, тенденции и перспективы // *Великае княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991-2003 гг.: матэрыялы міжнар. круглага стала “Гісторыя вывучэння Велікага княства Літоўскага ў 1991–2003 гг.”*, Гродна (16 – 18 мая 2003 г.). Мінск: Медисонт, 2006. С. 8-16.

Филюшкин, 2008 – *Филюшкин А.И.* «Другая Русь» в русской историографии // *Lietuvos Didžiosios kunigaikštijos tradicija ir paveldo „dalybos“.* Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2008. Р. 94-113.

Филюшкин, 2013 – *Филюшкин А.И.* Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI глазами современников и потомков. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2013. 880 с.

Хоруженко, 2011 – *Хоруженко О.И.* Современные принципы публикации актов Литовской метрики // *Археографический ежегодник.* 2011. М., 2014. С. 347-364.

Шалькевич, 1988 – *Шалькевич В.Ф.* Кастусь Калиновский: Страницы биографии. Минск: Университетское, 1988. 239 с.

Яковенко, 1983 – *Яковенко Н.М.* Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ: Наукова Думка, 1983. 416 с.

Яковенко, 1996 – *Яковенко Н.М.* У пошуках витоку: проблеми білоруської історіографії Великого князівства Литовського з перспективи 1991 – 1992 рр. // *Історія, історіософія, джерелознавство (Статті, розвідки, замітки, есе).* Київ, 1996. С. 112-137.

Янушкевіч, 2006 – *Янушкевіч А.* Беларуская гістарыяграфія гісторыі знешняй палітыкі Велікага княства Літоўскага: асноўныя тэндэнцыі і перспетывы развіцця // *Великае княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991-2003 гг.: матэрыялы міжнароднага круглага стала “Гісторыя вывучэння Велікага княства Літоўскага ў 1991–2003 гг.”*, Гродна (16 – 18 мая 2003 г.). Мінск: Медисонт, 2006. С.139-147.

- Baranauskas, 2000** – *Baranauskas D.* Lietuvos valstybes ištakos (Происхождение литовского государства). Vilnius: Vaga, 2000. 317 s.
- Błaszczuk, 2002** – *Błaszczuk G.* Litwa na przełomie średniowiecza i nowożytności 1492–1569. Poznań, 2002. 336 s.
- Błaszczuk, 2006** – *Błaszczuk G.* Polska historiografia Wielkiego księstwa Litewskiego w latach 1990–2003 // Великае княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991–2003 гг.: матэрыялы міжнар. круглага стала “Гісторыя вывучэння Вялікага княства Літоўскага ў 1991–2003 гг.”, Гродна (16 – 18 мая 2003 г.). Мінск: Медисонт, 2006. С. 336 – 375.
- Błachowska, 2018** – *Błachowska K.* Wiele historii jednego państwa. Obraz dziejów Wielkiego księstwa Litewskiego do 1569 roku w ujęciu historyków polskich, rosyjskich, ukraińskich, litewskich i białoruskich w XIX w. Warszawa: Neriton, 2018. – 410 s.
- Bumblauskas, 2005** – *Bumblauskas A.* Senosios Lietuvos istorija. 1009–1795. Vilnius: R. Paknio leidykla, 2005. 485 p.
- Davies, 2012** – *Davies N.* Vanished Kingdoms: The History of Half-Forgotten Europe. London: Penguin Books, 2012. 848 p.
- Jakowenko, 2000** – *Jakowenko N.* Historia Ukrainy od czasów najdawniejszych do końca XVIII wieku. Lublin, 2000. 394 s.
- Kiaupa et al., 2000** – *Kiaupa Z., Kiaupienė J., Kuncevičius Š.* Lietuvos istorija iki 1795 metų. Vilnius, 2000. 381 p.
- Korczak, 1998** – *Korczak L.* Litewska rada wielkoksiążęca w XV wieku. Kraków, 1998. 230 s.
- Lindner, 1999** – *Lindner R.* Historiker und Herrschaft: Nationsbildung und Geschichtspolitik in Weißrußland im 19. und 20. Jahrhundert. München, 1999. (Ordnungssysteme. Studien zur Ideengeschichte der Neuzeit. Bd 5)
- Lindner, 1992** – *Lindner R.* Historiker und Herrschaft. Nationsbildung und Geschichtspolitik in Weißrußland im 19. und 20. Jahrhundert. München, 1992. 536 s.
- Mažeika, 1995** – *Mažeika R.* The Grand Duchy rejoins Europe: Post-Soviet developments in the historiography of pagan Lithuania // Journal of Medieval History. 1995. Vol. 21. No 3. P. 289-303.
- Nikodem, 2003** – *Nikodem J.* Jedynowładztwo czy diarchia? Przyczynek do dziejów ustroju Wielkiego Księstwa Litewskiego do końca XIV wieku // ZH. 2003. T. 68. № 4. S. 7-30.
- Nikodem, 2004** – *Nikodem J.* Polska i Litwa wobec husyckich Czech w latach 1420–1433: Studium o polityce dynastycznej Władysława Jagiełły i Witolda Kiejstutowicza. Poznań, 2004. 442 s.
- Nikžentaitis, 1996** – *Nikžentaitis A.* Nuo Daumanto iki Gedimino. Ikiškiščių Lietuvos visuomenės bruožai (XIII–XIV a.). Klaipėda, 1996. 186 s.
- Norkus, 2009** – *Norkus Z.* Nepasiskelbusioji imperija. Lietuvos Didžioji Kunigaikštystės lyginamosios istorinės imperijų sociologijos požiūriu. Vilnius, 2009. 476 p.
- Rowell, 1994** – *Rowell S. C.* Lithuania Ascending: A Pagan Empire Within East-Central Europe, 1295–1345. Cambridge studies in medieval life and thought, 4th series. Cambridge, 1994. 375 p.
- Tereškinas, 1997** – *Tereškinas A.* Between Romantic Nostalgia and Historio-pedagogic Sentiments: a Few Ways to Discourse the Lithuanian Past // Lituanus. 1997. Vol. 43. No 3. P. 11-36.

References

- Baranauskas, 2000** – *Baranauskas D.* (2000). Lietuvos valstybes ištakos. Vilnius: Vaga. 317 s.
- Battlefield – Memory, 2004** – *Battlefield – Memory* (2004). Pole bitwy – pamyat': Velikoe knyazhestvo Litovskoe v sovremennyh diskursah i narrativah pamyati Belarusi, Litvy, Pol'shi, Rossii i Ukrainy [Battlefield – memory: The Grand Duchy of Lithuania in modern discourses and narratives in memory of Belarus, Lithuania, Poland, Russia and Ukraine]. *Ab imperio*. № 4. pp. 485-601. [in Russian]
- Belazarovich, 2006** – *Belazarovich V.A.* (2006). Gistaryyagrafiya gistoryi Belarusi: dapamozhnik [Historiography of the history of Belarus: A Handbook]. Grodno: Grodnenskiy universitet. 346 p. [in Belarusian]
- Berasniavichus, 2008** – *Berasniavichus G.* (2008). Charoinasc' litoiskaj imperyi [The charm of the Lithuanian empire]. *Druvis*. № 2. pp. 217-224. [in Belarusian]
- Błachowska, 2018** – *Błachowska K.* (2018). Wiele historii jednego państwa. Obraz dziejów Wielkiego księstwa Litewskiego do 1569 roku w ujęciu historyków polskich, rosyjskich, ukraińskich, litewskich i białoruskich w XIX w. Warszawa: Neriton. 410 s.
- Blanutsa, Vashchuk, 2009** – *Blanutsa A., Vashchuk D.* (2009). Ukraina: litovskij period istorii (sovremennaya istoriografiya i istoricheskoe soznanie) [Ukraine: Lithuanian period of history (modern historiography and historical consciousness)]. *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir tautiniai Narativai*. Vilnius. pp. 321-336. [in Russian]
- Blanutsa, 2017** – *Blanutsa A.* (2017). Zemel'na politika Yagelloniv na ukrains'kih terenah Velikogo knyazivstva Litovsk'ogo (1440–1572 rr.) [Land policy of the Jagellons in the Ukrainian territory of the Grand Duchy of Lithuania (1440–1572)]. Kiev: Institut istorii Ukraini NAN Ukraini. 423 p. [in Ukrainian]
- Błaszczuk, 2002** – *Błaszczuk G.* (2002). Litwa na przełomie średniowiecza i nowożytności 1492–1569. Poznań. 336 s.

[Błaszczyk, 2006](#) – *Błaszczyk G.* (2006). Polska historiografia Wielkiego księstwa Litewskiego w latach 1990–2003. *Велике княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991–2003 гг.: матэрыялы міжнар. круглага стала “Гісторыя вывучэння Вялікага княства Літоўскага ў 1991–2003 гг.”, Grodno (16–18 мая 2003 г.)*. Minsk: Medisont. ss. 336–375.

[Boiko, 2001](#) – *Boiko O.D.* (2001). *Istoriya Ukraini*. Posibnik. Vid. 2-ge, dop [History of Ukraine. Manual. Kind. 2nd, extra]. Kiev. 656 p. [in Ukrainian]

[Bol'shaya sovetskaya enciklopediya, 1975](#) – *Bol'shaya sovetskaya enciklopediya* (1975). [Great Soviet Encyclopedia]. Tret'e izdanie. T. 22. Remen' – Safi. Moscow: Izdatel'stvo «Sovetskaya enciklopediya». 628 p. [in Russian]

[Bondarenko, 2018](#) – *Bondarenko A.A.* (2018). Gramoty pol'skoj korolevy Bony Sforca pravoslavnomu duhovenstvu Velikogo knyazhestva Litovskogo (1523–1556). Avtoreferat k.i.n. [Diplomas of the Polish Queen Bona Sforza to the Orthodox clergy of the Grand Duchy of Lithuania (1523–1556)]. Moscow. 31 p. [in Russian]

[Bumblauskas, 2005](#) – *Bumblauskas A.* (2005). *Senosios Lietuvos istorija. 1009–1795*. Vilnius: R. Paknio leidykla. 485 s.

[Bychkova, 1996](#) – *Bychkova M.E.* (1996). Russkoe gosudarstvo i Velikoe knyazhestvo Litovskoe s konca XV v. do 1569 g.: Opyt sravnitel'no-istoricheskogo izucheniya politicheskogo stroya [The Russian state and the Grand Duchy of Lithuania from the end of the 15th century until 1569: The experience of a comparative historical study of the political system]. Moscow. 175 p. [in Russian]

[Danilevsky et al., 2015](#) – *Danilevsky I.N., Tairova T.G., Shubin A.V., Mironenko V.I.* (2015). *Istoriya Ukrainy* [History of Ukraine]. St. Petersburg: Aletejya. 508 p. [in Russian]

[Davies, 2012](#) – *Davies N.* (2012). *Vanished Kingdoms: The History of Half-Forgotten Europe*. London: Penguin Books. 848 p.

[Dvornichenko, 1983](#) – *Dvornichenko A.Yu.* (1983). Russkie dorevolucionnye istoriki o gorodskom stroe Velikogo knyazhestva Litovskogo [Russian pre-revolutionary historians about the urban system of the Grand Duchy of Lithuania]. *Genezis i razvitie feodalizma v Rossii. Voprosy otechestvennoj i vseobshchej istorii*. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. pp. 90–102. [in Russian]

[Dvornichenko, 1993](#) – *Dvornichenko A.Yu.* (1993). Russkie zemli Velikogo knyazhestva Litovskogo (do nachala XVI v.). Oчерki istorii obshchiny, soslovij i gosudarstvennosti [Russian lands of the Grand Duchy of Lithuania (until the beginning of the 16th century). Essays on the history of the community, estates and statehood]. St. Petersburg: izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 204 p. [in Russian]

[Dvornichenko, 1994](#) – *Dvornichenko A.Yu.* (1994). Izuchenie Litovsko-Russkogo gosudarstva v Peterburge [The study of the Lithuanian-Russian state in St. Petersburg]. *Peterburgskie chteniya. Peterburg i Rossiya. 13–15 aprelya 1994 g.* St. Petersburg. pp. 25–28. [in Russian]

[Dvornichenko, 1995a](#) – *Dvornichenko A.Yu.* (1995). Drevnerusskoe nasledie i formirovanie povinnostnoj sistemy Velikogo knyazhestva Litovskogo [Old Russian heritage and the formation of the service system of the Grand Duchy of Lithuania]. *Slavyano-russkie drevnosti. Vyp. 2. Drevnyaya Rus': novye issledovaniya*. St. Petersburg. pp. 196–210. [in Russian]

[Dvornichenko, 1995b](#) – *Dvornichenko A.Yu.* (1995). K probleme vostochno-slavyanskogo politogeneza [To the problem of East Slavic political genesis]. *Rannie formy politicheskoy organizacii: ot pervobytnosti k gosudarstvennosti*. Moscow. pp. 294–318. [in Russian]

[Dvornichenko, 1997](#) – *Dvornichenko A.Yu.* (1997). Drevnerusskaya demokratiya i Litovsko–Russkoe gosudarstvo [Old Russian democracy and the Lithuanian-Russian state]. *Istoriya Rossii: narod i vlast'*. St. Petersburg: Lan'. pp. 133–165. [in Russian]

[Dvornichenko, 2002a](#) – *Dvornichenko A.Yu.* (2002). Litovsko-russkaya gosudarstvennost': istoriograicheskie i istochnikovedcheskie zametki [Lithuanian-Russian statehood: historiographical and source study notes]. *Gosudarstvo i obshchestvo: Istoriya. Ekonomika. Politika. Pravo*. St. Petersburg, Izhevsk. № 1. pp. 39–50. [in Russian]

[Dvornichenko, 2002b](#) – *Dvornichenko A.Yu.* (2002). Velikoe knyazhestvo Litovskoe: istoriograficheskaya situaciya [Grand Duchy of Lithuania: historiographic situation]. *Istoriya glazami istorikov: Mezhuuzovskij sbornik, posvyashchennyj 60-letiyu E.R. Ol'hovskogo*. St. Petersburg. pp. 29–44. [in Russian]

[Dvornichenko, 2003](#) – *Dvornichenko A.Yu.* (2003). «My stariny ne ruhaem...»: Drevnerusskoe veche na magdeburgskij maner [“We do not collapse antiquities ...”: Old Russian veche in the Magdeburg style]. *Rodina*. № 11. pp. 55–57. [in Russian]

[Dvornichenko, 2004a](#) – *Dvornichenko A.Yu.* (2004). Istoriografiya Velikogo knyazhestva Litovskogo i «Oчерk istorii Litovsko-Russkogo gosudarstva» M. K. Lyubavskogo [Historiography of the Grand Duchy of Lithuania and the "Essay on the History of the Lithuanian-Russian State" by M.K. Lyubavsky]. *Lyubavskij M.K. Oчерk istorii Litovsko-Russkogo gosudarstva do Lyublinskoy unii vklyuchitel'no*. St. Petersburg: Nauka. pp. 14–30. [in Russian]

[Dvornichenko, 2004b](#) – *Dvornichenko A.Yu.* (2004). O «diarhii» v drevnej Litve [About the “diarchy” in ancient Lithuania]. *Arheologiya, istoriya, numizmatika, etnografiya Vostochnoj Evropy. Sbornik statej*

- pamyati prof. I. V. Dubova*. St. Petersburg: izd-vo sankt-peterburgskogo universiteta. pp. 180-185. [in Russian]
- Dvornichenko, 2004c** – *Dvornichenko A.Yu.* (2004). Ugolovnoe pravo zapadnorusskikh zemel' i Sudebnik 1497 g. [Criminal Law of the Western Russian Lands and the Law Code of 1497]. *Sudebnik Ivana III. Stanovlenie samoderzhavnogo gosudarstva na Rusi*. St. Petersburg: izd-vo sankt-peterburgskogo universiteta. pp. 120-137. [in Russian]
- Dvornichenko, 2010** – *Dvornichenko A.Yu.* (2010). Rossijskaya istoriya s drevnejshih vremyon do padeniya samoderzhaviya [Russian history from ancient times until the fall of the autocracy]. M.: Ves' Mir. 944 p. [in Russian]
- Dvornichenko, 2013a** – *Dvornichenko A.Yu.* (2013). Russkie zemli Velikogo knyazhestva Litovskogo (do nachala XVI v.). Ocherki istorii obshchiny, soslovij i gosudarstvennosti [Russian lands of the Grand Duchy of Lithuania (until the beginning of the 16th century). Essays on the history of the community, estates and statehood]. M.: Argamak-Media. 240 p. [in Russian]
- Dvornichenko, 2013b** – *Dvornichenko A.Yu.* (2013). Gorodskaya obshchina verhnego Podneprov'ya i Podvin'ya v XI-XV vekah [The urban community of the upper Dnieper and the Lower reaches in the XI-XV centuries]. M.: Ves' Mir. 232 p. [in Russian]
- Dvornichenko, 2015a** – *Dvornichenko A.Yu.* (2015). Kreshchenie Rusi i Litvy v kontekste potestarnogo obshchestva [Baptism of Russia and Lithuania in the context of a vested society]. *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyah, v ideyah. Al'manah. Vyp. 3*. St. Petersburg. Pp. 76-84. [in Russian]
- Dvornichenko, 2015b** – *Dvornichenko A.Yu.* (2015). G.V.Vernadsky ob Ukraine i ukrainskom voprose (k publikacii stat'i G.V.Vernadskogo «Knyaz' Trubeckoy i ukrainskij vopros») [G.V. Vernadsky about Ukraine and the Ukrainian question (to the publication of the article by G.V. Vernadsky “Prince of Trubetsky and the Ukrainian question”)]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 2: History*. no. 2. pp. 57–79. [in Russian]
- Dvornichenko, 2017a** – *Dvornichenko A.Yu.* (2017). Russkij istorik Georgij Vernadsky. Puteshestviya v mire lyudej, idej i sobytij [Russian historian George Vernadsky. Traveling in the world of people, ideas and events]. St. Petersburg: Evraziya. 724 p. [in Russian]
- Dvornichenko, 2017b** – *Dvornichenko A.Yu.* (2017). Zerkala i himery. O vznikenii drevnerusskogo gosudarstva [Mirrors and chimeras. About the emergence of the old Russian state]. Moscow: Klio; St. Petersburg: Evraziya. 559 p. [in Russian]
- Dvornichenko, Kudryavtseva, 2017** – *Dvornichenko A.Yu., Kudryavtseva R.-E. A.* (2017). Politicheskaya sistema Velikogo knyazhestva Litovskogo XV–XVI vekov v rossijskoj, beloruskoj, ukrainskoj, litovskoj i pol'skoj istoriografii nachala XXI veka [The political system of the Grand Duchy of Lithuania of the 15th – 16th centuries in Russian, Belarusian, Ukrainian, Lithuanian and Polish historiography of the beginning of the 21st century]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. Ezhekvartal'nyj zhurnal*. № 4 (40). pp. 280-299. [in Russian]
- Dvornichenko, 2018** – *Dvornichenko A.Yu.* (2018). Genezis «Velikogo knyazhestva Litovskogo, Zhomojtskogo i Russkogo» (XIII–XV vv.): vzglyad iz Rossii [Genesis of the “Grand Duchy of Lithuania, Zhomoit and Russian” (XIII–XV centuries): a view from Russia]. *Rossiya i Belarus': istoriya i kul'tura v proshlom i nastoyashchem. Materialy m/n nauchnoj konferencii «Rossievedenie i belorusovedenie v XXI veke: tradicionnye i novye tendencii v nauchnyh issledovaniyah» (Smolensk, 11–12 oktyabrya 2018 g.)*. Vyp. 4. Smolensk: Izd-vo SmolGU. pp. 63-73. [in Russian]
- Dvornichenko, in print** – *Dvornichenko A.Yu.* (in print). «Voobrazhaemaya drugaya»: Kievskaya Rus' v nauchno-uchebnom diskurse Vostochnoj Evropy [“Imaginary Other”: Kievan Rus in the scientific and educational discourse of Eastern Europe]. [in Russian]
- Dovnar-Zapolskiy, 1994** – *Dovnar-Zapolskiy M.V.* (1994). Gistoryya Belarusi [History of Belarus]. Minsk. 510 p. [in Belarusian]
- Dumin, 1991** – *Dumin S.V.* (1991). Drugaya Rus' (Velikoe knyazhestvo Litovskoe i Russkoe) [Other Russia (Grand Duchy of Lithuania and Russian)]. *Istoriya Otechestva: lyudi, idei, resheniya. Ocherki istorii Rossii IX–nachala HKH v. Sost. S.V. Mironenko*. M.: Politizdat. pp. 76-126. [in Russian]
- Dyachok, 2009** – *Dyachok O.* (2009). Pravo Velikogo knyazivstva Litov'skogo ta ukrains'kih zemel' u jogo skladi na storinkah ukrains'kih yuridichnih vidan' (1991–2007) [Law of the Grand Duchy of Lithuania and Ukrainian Lands in its Composition on the Pages of Ukrainian Legal Papers (1991-2007)]. *Ukraina Lithuanica: studii z istorii Velikogo knyazivstva Litov'skogo*. Vol. 1. Kiev. pp. 176-196. [in Ukrainian]
- Dzyarnovich, 2009** – *Dzyarnovich O.I.* (2009). «Litva» i «Rus'» XIII – XVI vv. kak koncepty beloruskoj istoriografii [“Lithuania” and “Russia” XIII - XVI centuries. as concepts of Belarusian historiography]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. № 1/2. pp. 234-249. [in Russian]
- Ermolovich, 1989** – *Ermolovich M.* (1989). Pa slyadah adnago mifa [In the wake of a Myth]. Minsk: Navuka i tekhnika. 94 p. [in Belarusian]
- Ermolovich, 2003** – *Ermolovich M.* (2003). Belaruskaya dzyarzhava Velikae knyastva Litojskoe [Belarusian State of the Grand Duchy of Lithuania]. Minsk: Bellitfond. 448 p. [in Belarusian]
- Ermolovich, 1990** – *Ermolovich M.* (1990). Starazhytnaya Belarus': Polacki i Novagorodski peryyady [Ancient Belarus Polotsk and Novgorod periods]. Minsk: Mastackaya litaratura. 336 p. [in Belarusian]

- Ermolovich, 1991** – *Ermolovich M.* (1991). Starazhytnaya Belarus': Vilenski peryyad [Ancient Belarus: Vilna period]. Minsk. 91 p. [in Belarusian]
- Essays on the History of Belarus, 1994** – Essays on the history of Belarus. In 2 parts. (1994). CH. 1. Pad. red. Kascyuka M.P. Minsk: Belarus'. 527 p. [in Belarusian]
- Filyushkin, 2006** – *Filyushkin A.I.* (2006). Izuchenie Velikogo knyazhestva Litovskogo i Rechi Pospolitoj v rossijskoj istoriografii 1990-h gg.: problemy, tendencii i perspektivy [The study of the Grand Duchy of Lithuania and the Commonwealth in Russian historiography of the 1990s: problems, trends and prospects]. *Velikae knyastva Litojskaje: gistoryya vyvuchennya ŷ 1991-2003 gg.: materyyaly mizhnar. kruglaga stala "Gistoryya vyvuchennya Velikaga knyastva Litojskaga ŷ 1991-2003 gg."*, Grodno (16 – 18 may 2003 g.) Minsk: Medisont. pp. 8-16. [in Russian]
- Filyushkin, 2008a** – *Filyushkin A. I.* (2008). Vglyadyvayas' v oskolki razbitogo zerkala: Rossijskij diskurs velikogo knyazhestva Litovskogo [Peering into the fragments of a broken mirror: Russian discourse of the Grand Duchy of Lithuania]. *Ab Imperio*. № 4. pp. 561-601. [in Russian]
- Filyushkin, 2008b** – *Filyushkin A.I.* (2008). «Drugaya Rus'» v russkoj istoriografii [“Other Russia” in Russian historiography]. *Lietuvos Didžiosios kunigaikštijos tradicija ir paveldo „dalybos“*. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla. pp. 94-113. [in Russian]
- Filyushkin, 2013** – *Filyushkin A. I.* (2013). Izobretaya pervuyu vojnu Rossii i Evropy: Baltijskie vojny vtoroj poloviny XVI glazami sovremennikov i potomkov [Inventing the first war of Russia and Europe: Baltic wars of the second half of the XVI century through the eyes of contemporaries and descendants]. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin. 880 p. [in Russian]
- Galenchanka, 2006** – *Galenchanka G.* (2006). Belaruskaya gistoryyagrafiya gistoryi Velikaga knyastva Litojskaga XIII – XVIII stst. za 1992 – 2003 [Belarusian historiography of the Great Duchy of Lithuania XIII – XVIII centuries for 1992 – 2003]. *Velikae knyastva Litojskaje: gistoryya vyvuchennya ŷ 1991-2003 gg.: materyyaly mizhnar. kruglaga stala "Gistoryya vyvuchennya Velikaga knyastva Litojskaga ŷ 1991-2003 gg."*, Grodno (16 – 18 maya 2003 g.) Minsk: Medisont. pp. 112-122. [in Belarusian]
- Grand Duchy of Lithuania, 2007** – *Grand Duchy of Lithuania* (2007). Vyalikae knyastva Litojskoe. U 2 t. 2-e vyd [Grand Duchy of Lithuania. In 2 vols., 2nd ed]. Minsk. 432 p. [in Belarusian]
- Grand Duchy of Lithuania, 2006** – *Grand Duchy of Lithuania* (2006). Velikae knyastva Litojskaje: gistoryya vyvuchennya ŷ 1991-2003 gg.: materyyaly mizhnar. kruglaga stala “Gistoryya vyvuchennya Velikaga knyastva Litojskaga ŷ 1991-2003 gg.”, Grodno (16 – 18 may 2003 g.) [Grand Duchy of Lithuania: history of research, 1991-2003]. Minsk: Medisont. 544 p. [in Belarusian]
- Grusha, 2019** – *Grusha A.I.* (2019). Krizis doverya? Poyavlenie i utverzhdenie pravovogo dokumenta v Velikom knyazhestve Litovskom (konec XIV – pervaya tret' XVI v.) [Confidence Crisis? Appearance and approval of a legal document in the Grand Duchy of Lithuania (late XIV – first third of the XVI century)]. Moscow: Centr gumanitarnyh iniciativ. 608 p. [in Russian]
- Gudavichus, 2005** – *Gudavichus E.* (2005). Istoriya Litvy s drevnejshih vremen do 1569 goda [History of Lithuania from Ancient Times to 1569]. Moscow: Fond im. I. D. Sytina; BALTRUS. 686 p. [in Russian]
- History of Belarusian statehood, 2018** – *History of Belarusian statehood* (2018). In 5 vol. Vol. 1: Belorusskaya gosudarstvennost': ot istokov do konca XVIII v. [Belarusian statehood: from the sources to the end of the XVIII century. A.A. Kovalenya [et al.]]. Minsk: Nac. akad. nauk Belarusi, In-t istorii. 598 p. [in Russian]
- History of Ukraine, 2018** – *History of Ukraine* (2018). Istoriya Ukrainy. VI – XXI vv. P.P. Tolochko, A.A. Olejnikov i dr.; pod obshej red. P. P. Tolochko. 2 izd., ispr. i dop. [History of Ukraine. VI – XXI centuries]. Kiev, Moscow: Kievskaya Rus', Kuchkovo pole. 472 p. [in Russian]
- Horuzhenko, 2014** – *Horuzhenko O.I.* (2014). Sovremennye principy publikacii aktov Litovskoj metriki [Modern principles of publishing acts of the Lithuanian metric]. *Arheograficheskij ezhegodnik. 2011*. Moscow. pp. 347-364. [in Russian]
- Jakowenko, 2000** – *Jakowenko N.* (2000). Historia Ukrainz od czaśow najdawniejszych do końca XVIII wieku- Lublin, 2000. 394 s.
- Karev, 2007** – *Karev D.V.* (2007). Belorusskaya i ukrainskaya istoriografiya konca XVIII – nachala 20-h gg. XX v. v processe genezisa i razvitiya nacional'nogo istoricheskogo soznaniya belorusov i ukraincev [Belarusian and Ukrainian historiography of the late XVIII - early 20s. XX century in the process of genesis and development of national historical consciousness of Belarusians and Ukrainians]. Vilnius. 312 p. [in Russian]
- Kiaupa et al., 2000** – *Kiaupa Z., Kiaupienė J., Kuncevičius Š.* (2000). Lietuvos istorija iki 1795 metų. Vilnius. 381 s.
- Kibin, 2009** – *Kibin A.S.* (2009). Chernaya Rus' v istochnikah XV–XVII vv. [Black Russia in the sources of the XV – XVII centuries]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 2: History*. no. 1, pp. 30–37. [in Russian]
- Kibin, 2014** – *Kibin A.S.* (2014). Ot YAtvyazi do Litvy: Russkoe pogranič'e s yatvyagami i litvoj v X–XIII vv. [From Yatvyaz to Lithuania: Russian borderland with Yatvyaz and Lithuania in the 10th – 13th centuries]. M.: Kvadriga. 272 p. [in Russian]
- Kirichenko, 2006** – *Kirichenko K.* (2006). Istoriya Velikogo knyazivstva Litovskogo v ukrains'kij istoriografii 1991 – 2003 rr.: osnovni tendencii [History of the Grand Duchy of Lithuania in Ukrainian

historiography 1991 – 2003: major trends]. *Velikae knyastva Litoŭskae: gistoryya vyvuchennya ŭ 1991-2003 gg.: materyyaly mizhnar. kruglaga stala "Gistoryya vyvuchennya Velikaga knyastva Litoŭskaga ŭ 1991–2003 gg."*, Grodno (16 – 18 may 2003 g.) Minsk: Medisont. pp. 484-494. [in Ukrainian]

Kodin, 2018 – *Kodin E.V.* (2018). Ot Vakara do Snajdera: «staroe» i novoe v amerikanskom belorusovedenii [From Wakar to Snyder: “Old” and New in American Belarusian Studies]. *Rossiya i Belarus': istoriya i kul'tura v proshlom i nastoyashchem*. Smolensk: Izd-vo SmolGU. pp. 39-49. [in Russian]

Korczał, 1998 – *Korczał L.* (1998). Litewska rada wielkksiążęca w XV wieku. Kraków. 230 s.

Kradin, 2004 – *Kradin N. N.* (2004). Politicheskaya antropologiya [Political anthropology]. M.: Logos. 272 p. [in Russian]

Krautsevich, 1998 – *Krautsevich A. K.* (1998). Stvarenne Velikaga knyastva Litoŭskaga [Creation of the Grand Duchy of Lithuania]. Minsk: Belaruskaya navuka. 208 p. [in Belarusian]

Krom, 2009 – *Krom M.* (2009). Velikoe knyazhestvo Litovskoe v rossijskoj istoriografii XIX–XX vv. [The Grand Duchy of Lithuania in Russian historiography of the 19th – 20th centuries]. *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir tautiniai Narativai*. Vilnius. pp. 177-192. [in Russian]

Krom, 2019 – *Krom M.* (2019). Mezh Rus'yu i Litvoj: pogranichnye zemli v sisteme rusko-litovskih otnoshenij konca XV – nachala XVI v. [Between Russia and Lithuania: frontier lands in the system of Russian-Lithuanian relations of the late XV - early XVI century]. Moscow: Kvadriga. 341 p. [in Russian]

Kulakov, 1994 – *Kulakov V.I.* (1994). Prussy (V – XIII vv.) [The Prussians (V – XIII centuries)]. Moscow: Geoko. 204 p. [in Russian]

Kulakov, 2018 – *Kulakov V.I.* (2018). Prusskie i Mazurskie derivaty dvuplastinchatyh fibul [Prussian and Masurian derivatives of two-plate brooches]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 63. Is. 1. pp. 187-195. [in Russian]

Lindner, 1999 – *Lindner R.* (1999). Historiker und Herrschaft: Nationsbildung und Geschichtspolitik in Weißrußland im 19. und 20. Jahrhundert. München. (Ordnungssysteme. Studien zur Ideengeschichte der Neuzeit. Bd 5)

Lindner, 1992 – *Lindner R.* (1992). Historiker und Herrschaft. Nationsbildung und Geschichtspolitik in Weißrußland im 19 und 20. Jahrhundert. München. 536 s.

Linder, 2005 – *Linder R.* (2005). Gistoryki i ŭlada: nacyyatorchy praces i gistorychnaya palityka ŭ Belarusi XIX – XX st. [Gistoryki and power: natsyyatorchy process and the historical policy of Belarus in XIX – XX century]. Minsk; St. Petersburg. 538 p. [in Belarusian]

Megem, 2013 – *Megem M.E.* (2013). Syuzhety srednevekovoj litovskoj istorii i politika konstruivaniya proshlogo v sovetskoj istoriografii [Plots of medieval Lithuanian history and the policy of constructing the past in Soviet historiography]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istorija i politicheskie nauki*. № 3. pp. 7-15. [in Russian]

Megem, Vakar, 2014 – *Megem M. E., Vakar M.* (2014). Dorevolucionnaya i sovetskaya istoriografiya srednevekovoj Litvy v trudah sovremennyh rossijskih istorikov [Pre-revolutionary and Soviet historiography of medieval Lithuania in the works of modern Russian historians]. *Baltijskij region*. № 4 (22). pp. 126-136. [in Russian]

Mažeika, 1995 – *Mažeika R.* (1995). The Grand Duchy rejoins Europe: Post-Soviet developments in the historiography of pagan Lithuania. *Journal of Medieval History*. Vol. 21. No 3. pp. 289-303.

Megem, 2018 – *Megem M.E.* (2018). Srednevekovaya istoriya Litvy (do 1385 g.) v dorevolucionnoj rossijskoj i sovetskoj istoriografii [The medieval history of Lithuania (until 1385) in pre-revolutionary Russian and Soviet historiography]. Diss. k.i.n. Kaliningrad. 245 p. [in Russian]

Mikhalchenko, 2019 – *Mikhalchenko S.I.* (2019). Kievskaya istoricheskaya shkola [Kiev historical school]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 64. Is. 1. pp. 53-69. [in Russian]

Nikodem, 2003 – *Nikodem J.* (2003). Jedynowładztwo czy diarchia? Przyczynę do dziejów ustroju Wielkiego Księstwa Litewskiego do końca XIV wieku. *ZH*. T. 68. № 4. ss. 7-30.

Nikodem, 2004 – *Nikodem J.* (2004). Polska i Litwa wobec husyckich Czech w latach 1420–1433: Studium o polityce dynastycznej Władysława Jagiełły i Witolda Kiejstutowicza. Poznań. 442 s.

Nikžentaitis, 1996 – *Nikžentaitis A.* (1996). Nuo Daumanto iki Gedimino. Ikiikriščiūniskos Lietuvos visuomenės bruožai (XIII–XIV a.). Klaipėda. 186 s.

Norkus, 2009 – *Norkus Z.* (2009). Nepasiselbusioji imperija. Lietuvos Didžioji Kunigaikštystės lyginamosios istorinės imperijų sociologijos požiūriu. Vilnius. 476 p.

Nosevich, 1992 – *Nosevich V.L.* (1992). Praces utvarennya Vyalikaga knyastva Litoŭskaga (13–14 stst.) [The process of formation of the Grand Duchy Lithuania (13-14 cc.)]. *Aktual'nyya pytanni gistoryi Belarusi ad starazhytnyh chasoŭ da nashyh dzyon*. Minsk. pp. 54-63. [in Belarusian]

Nosevich, 1993 – *Nosevich V.L.* (1993). Pachatki Vyalikaga knyastva Litoŭskaga: Padzei i asoby [The beginning of the Grand Duchy of Lithuania: Events and people]. Minsk: Polymya. 160 p. [in Belarusian]

Nosevich, 2008 – *Nosevich V. L.* (2008). Problemy obrazovaniya Velikogo knyazhestva Litovskogo: obzor belorusskoj istoriografii [Problems of the formation of the Grand Duchy of Lithuania: a review of Belarusian historiography]. *Lietuvos istorijos studiju*. № 22. pp. 39-57. [in Russian]

Nosevich, 2009 – *Nosevich V.L.* (2009). Nasledie Velikogo knyazhestva Litovskogo v istoricheskoy pamyati sovremennyh belorusov [The legacy of the Grand Duchy of Lithuania in the historical memory of

- modern Belarusians]. *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir tautiniai Narativai*. Vilnius. pp. 301-320. [in Russian]
- Pashuto, 1959** – *Pashuto V.T.* (1959). *Obrazovanie Litovskogo gosudarstva* [Establishment of the State of Lithuania]. M.: Izdatel'stvo AN SSSR. 536 p. [in Russian]
- Pashuto, 2011** – *Pashuto V. T.* (2011). Rus'. Pribaltika. Papstvo. Izbrannye stat'i. Drevnejšie gosudarstva Vostochnoj Evropy. K 90-letiyu V. T. Pashuto [Russia. The Baltic states. Papacy. Selected Articles. The oldest states of Eastern Europe. To the 90th anniversary of V.T. Pashuto]. Moscow: Universitet Dmitiriya Pozharskogo. 688 p. [in Russian]
- Pelipenko, 2012** – *Pelipenko T.N.* (2012). Polozhenie shlyahcyanok v obshchestve Velikogo knyazhestva Litovskogo v rannee Novoe vremya [The position of the gentry in the company of the Grand Duchy of Lithuania in early modern times]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 2: History*. no. 4. pp. 152-158. [in Russian]
- Pelipenko, 2015** – *Pelipenko T.N.* (2015). Opeka i ogranichenie imushchestvennyh prav shlyahcyanok v Velikom knyazhestve Litovskom v seredine XVI v. [Guardianship and restriction of property rights of gentry in the Grand Duchy of Lithuania in the middle of the XVI century]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 2: History*. no. 3, pp. 4-10. [in Russian]
- Petrauskas, 2012** – *Petrauskas R.* (2012). Pravyashchij rod i znat': k voprosu o predposylkah formirovaniya Litovskogo gosudarstva [The ruling family and to know: the question of the prerequisites for the formation of the State of Lithuania]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. № 1 (11). pp. 95-116. [in Russian]
- Plohij, 2018** – *Plohij S.* (2018). Vrata Evropy. Istoriya Ukrainy [The gates of Europe. History of Ukraine]. Perevod s angl. Moscow: Izdatel'stvo AST. 544 p. [in Russian]
- Polekhov, 2015** – *Polekhov S.V.* (2015). Nasledniki Vitovta. Dinasticheskaya vojna v Velikom knyazhestve Litovskom v 30-e gody XV veka [The heirs of Vytautas. Dynastic war in the Grand Duchy of Lithuania in the 30s of the XV century]. M.: Indrik. 712 p. [in Russian]
- Polotsk letters, 2015** – *Polotsk letters* (2015). Polockie gramoty XIII – nachala XVI v. [Polotsk letters of the XIII – beginning of the XVI century]. Vol. 1-2. Moscow: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke. 864 p. + 522 p. [in Russian]
- Pyatraskas, 2014** – *Pyatraskas R.* (2014). Litojškaya znac' u kancy XIV – XV st.: sklad – struktura – ulada: perekład z litojškaj movy [Lithuanian nobility at the end of XIV – XV in.: Composition – structure – power: Translation from the Lithuanian language]. Smolensk. 386 p. [in Belarusian]
- Rowell, 1994** – *Rowell S. C.* (1994). *Lithuania Ascending: A Pagan Empire Within East-Central Europe, 1295–1345*. Cambridge studies in medieval life and thought, 4th series. Cambridge. 375 p.
- Rusina, 1998** – *Rusina O. V.* (1998). Ukraïna pid tatarami i Litvoyu (seriya: Ukraïna kriz' viki. T. 6) [Ukraine under the Tatars and Lithuania (Series: Ukraine Through the Ages. Vol. 6)]. Kiev. 320 p. [in Russian]
- Saganovich, 2008** – *Saganovich G.* (2008). Velikoe knyazhestvo Litovskoe v sovremennoj belorusskoj istoriografii [The Grand Duchy of Lithuania in modern Belarusian historiography]. *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos. Tradicija ir Paveldo Dalybos*. Vilnius. pp. 73-92. [in Russian]
- Saganovich, 2001** – *Saganovich G.* (2001). Narys gistoryi Bellarusi ad starazhytnasci da kanca XVIII st. [Essay on the history Bellarusi from antiquity to the end of the XVIII century]. Minsk: Encyklopedyks. 412 p. [in Belarusian]
- Semenenko, Radchenko, 1999** – *Semenenko V.I., Radchenko L.A.* (1999). *Istoriya Ukrainy s drevnejshih vremyon do nashih dnei* [History of Ukraine from ancient times to the present day]. Kharkov: Torsing. 480 p. [in Russian]
- Shal'kevich, 1988** – *Shal'kevich V.F.* (1988). *Kastus' Kalinovskij: Stranicy biografii* [Kastus Kalinovsky: Pages of the biography]. Minsk: Universitetskoye. pp. 217-220. [in Russian]
- Stel'mah, 2005** – *Stel'mah S.* (2005). *Istorichna navuka v Ukraini epohi klassichnogo istorizmu (HIH – pach. HKH stolittya)* [Historical Science in Ukraine of the Era of Classical Historicism (19th – beginning of 20th century)]. Kiev: VPC «Kivskij universitet». 378 p. [in Ukrainian]
- Stolyarov, 2008** – *Stolyarov A.M.* (2008). *Istoriya Velikogo knyazhestva Litovskogo v otechestvennoj istoriografii XIX – nachala XX veka* [The history of the Grand Duchy of Lithuania in Russian historiography of the 19th – early 20th centuries]. Diss. ... kand. ist. nauk. Kazan'. 234 p. [in Russian]
- Subtel'nij, 1994** – *Subtel'nij O.* (1994). *Ukraïna: Istoriya* [Ukraine: History]. Kiev: Libid'. 736 p. [in Ukrainian]
- Tereškinas, 1997** – *Tereškinas A.* (1997). *Between Romantic Nostalgia and Historio-pedagogic Sentiments: a Few Ways to Discourse the Lithuanian Past*. *Lituanus*. vol. 43. no 3. pp. 11-36.
- Vashchuk, 2009** – *Vashchuk D.* (2009). «Abyhmo der"zhali ih" podle prava ih" zem"li» (naseleण्या Kivshchini ta Volini i velikoknyazivska vlada v XV – XVI st.) ["Abykhmo kept them under the law of their land" (population of Kyiv region and Volhynia and Grand Duke power in the XV – XVI centuries)]. Kiev. 320 p. [in Ukrainian]
- Vasilenko, 2006** – *Vasilenko V.O.* (2006). *Politichna istoriya Velikogo knyazivstva Litovskogo (do 1569 r.) v skhidnoslov'janskij istoriografijah XIX – pershoi tretini XX st.* [Political History of the Grand Duchy of Lithuania (up to 1569) in the East Slavic historiographies of the 19th – first third of the 20th centuries]. D.: Nacional'nij girnichij universitet. 659 p. [in Ukrainian]

Vasilenko, 2007 – Vasilenko V.O. (2007). Politichna istoriya Velikogo knyazivstva Litovs'kogo (do 1569 r.) v skhidnoslov'yans'kih istoriografiyah HИH – pershoї tretini HKH st. [Political History of the Grand Duchy of Lithuania (up to 1569) in East Slavic historiographies of the 19th - first third of the 20th centuries.]. Avtoref. ... dokt.ist.nauk. Kiev. 36 p. [in Ukrainian]

Vasil'ev, 2011 – Vasil'ev S.V. (2011). Pskovskaya sudnaya gramota i I Litovskij statut: Opyt sravnitel'nogo issledovaniya terminologii zakonodatel'nyh pamyatnikov [Pskov Judicial Charter and First Lithuanian Statute: Experience of a Comparative Study of the Terminology of Legislative Monuments]. M.: Kvardriga. 128 p. [in Russian]

Vilimas, 2004 – Vilimas D. (2004). Velikoe knyazhestvo Litovskoe: stereotipy istoricheskoy pamyati v Litve [Grand Duchy of Lithuania: stereotypes of historical memory in Lithuania]. *Ab imperio*. № 4. pp. 507-522. [in Russian]

Yakovenko, 1983 – Yakovenko N. M. (1983). Ukraїns'ka shlyahta z kінця XIV do seredini XVII st. (Volin' i Central'na Ukraїna) [Ukrainian nobility from the end of XIV to the middle of XVII century. (Volyn and Central Ukraine)]. Kiev: Naukova Dumka. 416 p. [in Ukrainian]

Yakovenko, 1996 – Yakovenko N. M. (1996). U poshukah vitokiv: problemi bilorus'koi istoriografii Velikogo knyazivstva Litovs'kogo z perspektivi 1991 – 1992 rr. [In search of origins: problems of Belarusian historiography of the Grand Duchy of Lithuania from the perspective of 1991 - 1992.]. *Istoriya, istoriosofiya, dzhereloznavstvo (Statti, rozvidki, zamitki, ese)*. Kiev. pp. 112-137. [in Ukrainian]

Yanushkevich, 2006 – Yanushkevich A. (2006). Belaruskaya gistaryyagrafiya gistoryi znesnyaj palityki Velikaga knyastva Litojskaga: asnoynyya tenedencyi i perspetyvy razvichyia [Belarusian historiography of foreign policy of the Grand Duchy of Lithuania: basic tenedentsyi perspetyvy and Development]. *Velikae knyastva Litojskae: gistoryya vyvuchennyya ŷ 1991-2003 gg.: materyyaly mizhnar. kruglaga stala "Gistoryya vyvuchennyya Velikaga knyastva Litojskaga ŷ 1991-2003 gg.", Grodno (16 – 18 may 2003 g.)* Minsk: Medisont. pp. 139-147. [in Belarusian]

Zakzhevsky, 2008 – Zakzhevsky A. B. (2008). Sostoyanie i perspektivy sovremennyh pol'skih issledovaniy po istorii Velikogo knyazhestva Litovskogo [State and prospects of modern Polish studies on the history of the Grand Duchy of Lithuania]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. № 1 (3). pp. 101-114. [in Russian]

Феномен Великого княжества Литовского в научном дискурсе рубежа тысячелетий

Андрей Юрьевич Дворниченко ^{a, *}, Регина-Елизавета Антоновна Кудрявцева ^a

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению современной историографии Великого княжества Литовского. Речь идет об истории этого государственного образования в период его самостоятельного развития, т.е. до Люблинской унии 1569 г., поскольку последующая история ВКЛ – это отдельная и самостоятельная тема. Авторы постулируют мысль о своего рода феномене ВКЛ, пристекающем из самого его становления и дальнейшей истории, а также из сложной и многонациональной историографии. По мысли авторов, главная задача, стоящая перед интернациональной бригадой историков, – понять характер и суть этой государственности, несмотря на то, что интересны и многие другие вопросы: внешняя политика, конфессиональность, культура и т.д. Авторы анализируют историографию тех стран, которые так или иначе заинтересованы в наследии ВКЛ: Литвы, Беларуси, Украины, Польши, России. Свою задачу они видят отнюдь не в том, чтобы собрать и проанализировать библиографию по истории государственности ВКЛ, а в том, чтобы обнаружить и охарактеризовать основные национальные тренды в изучении этой государственности. Корни кризиса современной историографии уходят в прошлое – ушедший XX век. Кризисное состояние литуанистики объясняется следующими причинами: отсутствием глубинной координации между странами в изучении ВКЛ, стремлением привязать эту государственность именно к своей стране и при этом модернизировать ее историю. Последнее прямо связано с нежеланием видеть явно присутствующую в этой истории архаику, с нежеланием или неспособностью применить к ее изучению методы современной политической антропологии.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, литовская историография, белорусская историография, украинская историография, польская историография, российская историография, государственность, политическая антропология.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.dvornichenko@spbu.ru (А.Ю. Дворниченко), aethel@yandex.ru (Р.-Е.А. Кудрявцева)

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 956-963. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.956
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Institutional Framework of Youth Tourism in Pre-Revolutionary Russia

Peter P. Chuvatkin ^{a, b, *}, Sviatoslav A. Gorbatov ^b

^a Sochi State University, Russian Federation

^b Sochi Research Center of RAS, Russian Federation

Abstract

The study of the institutional framework of youth tourism in the pre-revolutionary period makes it possible to identify those laws of the tourism development that escape notice of scientists, who have set a later period as the starting point. The article conducted a retrospective analysis of the development of youth tourism from the XVII to the early XX centuries. As a result of the analysis, it was revealed that the beginning of the development of youth tourism is associated with the formation of the Russian state, with the objective need of the state for educated young people from noble families in order to form competent government bodies. The first trips of young people outside the young Russian state are connected with the need for them to receive new knowledge – both in the exact sciences and general information about the life, languages and traditions of the peoples of Europe. However, such trips met resistance from the church and upperclass society. Everything has changed after the tough Peter's break of the usual foundations. The first emperor of Russia allocated budgetary funds for educational trips to Europe for children of poor and ruined noblemen, education became the primary task. The article shows that as the Russian state strengthens, the national economy develops, society becomes interested in educational tourism, studying and learning about their country, that is, domestic youth tourism begins to develop and the corresponding institutional framework begins to form. A large role in the development of youth tourism at the end of the nineteenth century was played by public organizations such as the Crimean Mountain Club, the Russian Mining Society, the Society for the Promotion of Technical Knowledge, and many other organizations. The analysis of the development of youth tourism in the pre-revolutionary period carried out in the article made it possible to identify three stages in the development of youth tourism, differing in areas, goals and sources of financing tourist trips and the stage of involvement of various institutions.

Thus, the article proves that the sources of tourism in general and youth tourism in particular, on the one hand, are associated with certain economic processes, on the other hand, they are formed by sociocultural human nature.

Keywords: youth, tourism, youth tourism, history of tourism, history of youth tourism, pre-revolutionary Russia, tourism in pre-revolutionary Russia.

1. Введение

В современной научной литературе доминирующую роль отводят становлению института туризма в СССР, ведь именно в эти годы зародился и погиб весь опыт «Интуриста», «Спутника», студенческих походов и молодежных экскурсий. Однако часто забывают, что начало было положено задолго до революции, а самые отдаленные корни того, что сейчас зовется молодежным туризмом, можно отыскать, начиная с XVIII века. Развитие молодежного туризма на первоначальном этапе напрямую связано с образовательной составляющей, которая во все времена была неотъемлемой

* Corresponding author

E-mail addresses: lares@sochi.com (P.P. Chuvatkin)

частью социализации подрастающего поколения. В связи с этим нами определена цель исследования – обозначить направления развития молодежного туризма в дореволюционной России и выявить, как развитие экономики и социально-психологические особенности молодых людей оказали влияние на становление туризма в России.

2. Материалы и методы

Основополагающими материалами исследования явились документы Российского государственного исторического архива, сборники и периодические издания первых туристических объединений, законодательные акты, воспоминания современников, научные труды.

Центральное место в методологии проделанного исследования отведено анализу, синтезу и обобщению. Разложив цепочку причинно-следственной связи между получением новых знаний и оформлением туризма как самостоятельной отрасли на составляющие, собрав ее вновь и интегрировав полученные сведения, можно сделать новые выводы и заключения. Кроме того, необходимость рассматривать молодежный туризм в его постоянной трансформации вынудила прибегнуть к историко-генетическому методу, а тесная взаимосвязь с другими сферами жизни человека – к историко-системному методу структурно-функционального анализа.

3. Обсуждение

Первые исследовательские работы, затрагивающие те или иные аспекты истории путешествий в России, относятся к концу XIX – началу XX веков. Обращаясь к уже имеющемуся на тот момент небольшому опыту, авторы старались с помощью него стимулировать интерес общества к туризму (Арсеньев, 1887; Белгородский, 1916; Сивков, 1914). В период господствования советского строя исследования, наоборот, зачастую умалчивали о дореволюционных достижениях либо слишком смещали акцент на заслуги коммунистического режима (Долматов, 1976; Долженко, 1988). Понятие «молодежный туризм» долгое время оставалось лишь строчкой в учебниках и достаточному анализу не подвергалось, тем более с точки зрения развития туристического движения в целом.

Зарубежные исследователи предпочитают рассматривать развитие молодежного туризма в паре с каким-либо схожим явлением. Так, Уансу Ким и Хисап Хен считают близкими исторические пути молодежного и волонтерского туризма (Kim et al., 2018), а Патрик Холледей тесно связывает историю и развитие молодежного туризма с экологическим (Holladay, 2017).

Но, так или иначе, ни одна работа не посвящена истории развития молодежного туризма в дореволюционной России и ее роли в дальнейшем становлении этого института.

4. Результаты

Первые перемещения молодых людей по стране и за ее пределы, знакомство с культурой и обычаями других народов связаны очень во многом с необходимостью получения ими новых знаний – как в точных науках, так и общих сведений о быте, языках, традициях народов. Так, в начале XVII века причиной поездки в Европу стало желание Бориса Годунова иметь при дворе всесторонне образованных, осведомленных о Европе молодых людей, а потому он отправил 18 человек учиться в три европейские страны – Францию, Германию и Англию (Арсеньев, 1887: 6). Стоит отметить, что такие случаи мы не зря относим к исключительным: в те времена поездки за рубеж не одобрялись ни церковью, ни государством.

Все изменилось после жесткой петровской ломки привычных устоев. В.О. Ключевский пишет, что «при Петре <...> главным путем к образованию служила заграничная посылка русских дворян массами для обучения» (Ключевский, 2002: 164). Первый император России выделял средства для образовательных поездок в Европу детям бедных и разорившихся дворян, образование оставалось первостепенной задачей (Сивков, 1914: 9).

Общую тенденцию в послепетровский период мы можем проследить на примере Германии, куда отправлялось учиться большое количество молодых людей. В Таблице 1 представлены данные о количестве русских студентов в четырех самых популярных в то время университетах Германии.

Таблица 1. Количество русских студентов, обучающихся в университетах Германии во второй половине XVIII века (Андреев, 2005: 244)

Годы	Геттинген	Лейден	Лейпциг	Страсбург	Всего
1760 – 1764	5	14	1	8	28
1765 – 1769	17	10	19	14	60
1770 – 1774	9	15	13	11	48
1775 – 1779	8	12	3	20	43
1780 – 1784	20	6	7	15	48
1785 – 1789	15	6	8	10	39
1790 – 1794	7	0	4	2	13
1795 – 1799	4	0	2	0	6

Интересно, что если в период с 1765 по 1767 годы из России уехал всего 61 студент (не только в Германию) учиться исключительно за казенный счет, то в 1779–1781 годах в немецкие университеты записались 51 человек, лишь пять из которых обеспечивало государство (Андреев, 2005: 242).

Как раз на этот период приходится упоминание о первом в истории России организуемом путешествии, которое в наибольшей степени соответствует современному понятию туризма. Владелец московского пансиона Вениамин Генш, большую половину своей жизни посвятивший обучению юношества, в декабре 1777 года в газете «Московские ведомости» опубликовал разработанный им лично план путешествия, в котором всем молодым дворянам предлагалось под его руководством посетить университеты Страсбурга, Лейпцига, Геттингена и Турина, а также ознакомиться с искусством и фабричным делом посещаемых ими стран. В плане он указывает: «...то, что в чужих краях достопамятного и примечания достойного усмотрят, в отечестве своем с пользою употребляли» (Генш, 1777: 2-3).

Призыв Николая Ивановича Новикова, известного в основном как издателя журнала «Трутенъ», но еще и борца за эффективное образование в России, гласивший, что не следует заставлять детей учить из книг то, что «они сами могут видеть, слышать и чувствовать» (Новиков, 1951: 458), стал лозунгом в образовательных методологических реформах конца XVIII века. Идея получения практических знаний и навыков, поддерживаемая и академиком Ф.И. Янковичем де Мириево, и биологом В.Ф. Зуевым, да и философом А.Н. Радищевым нашла отражение в законодательно оформленном «Уставе народных училищ» (Полное собрание законов Российской империи. Том XXII, 1830: 646), а позднее и в «Школьном уставе» (Полное собрание законов Российской империи. Том XXVIII, 1830: 570), где одной из форм занятий признавались экскурсии на природу и мануфактуры.

Так, например, ученицы Ялutorовской женской школы под руководством ссыльного декабриста Ивана Якушкина каждое лето совершали длительные многокилометровые переходы, получая удовольствие как от самого процесса похода, так и от возможности наглядно увидеть то, о чем читали в учебниках (Дружинин, 1975: 98).

Будет несправедливо обойти стороной еще один фактор, спровоцировавший массовый интерес к путешествиям среди молодежи в XIX веке.

Вместе с главным героем «Писем русского путешественника» (1797 год) Н.М. Карамзина юные читатели проделывали путь от Москвы и Петербурга до Дрездена, Цюриха и Альпийских гор, видели его глазами роскошные Париж и Лондон (Карамзин, 1964). Менее красивые, но более близкие по духу Новгород, Тверь, мелкие крестьянские деревеньки посещали в своем воображении юноши, читая «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790 год) Александра Радищева (Радищев, 2018).

Все эти процессы необратимо вели к тому, что во второй половине XIX века попытки обобщить пока еще малочисленный туристический опыт привели к появлению обществ, объединяющих всех любителей путешествовать. Роль этих обществ огромна: они не просто организовывали туристические походы, но и составляли маршруты, выпускали брошюры, оборудовали места для ночлега. И именно они выступили движущей силой молодежного туризма.

Началось все с первого известного нам похода в крымские горы в 1876 году. Под руководством профессора геологии Н.А. Головкинского 25 студентов университета своими глазами увидели морское побережье Крыма, взойшли на несколько гор, посетили Ялту и Никитский ботанический сад. Не привыкшие к подобному, местные жители оказались «в замешательстве и панике, какие произвели мы на мирных обитателей Ялты» (Князев, 1892: 14) – пишет один из участников этого путешествия.

Спустя 14 лет в Одессе появился Крымский горный клуб, проводимая им работа заключалась в создании всех необходимых условий для знакомства юношества с горами Крыма.

В отчете о деятельности клуба за период от создания до 1914 года можно прочесть следующее: «Эксперсии Горного клуба могут быть подразделены на три главных категории: а) научного, б) образовательного, в) туристического характера». Здесь не только употребляется слово «туристический», но и ниже идет пояснение, что организуют их «для развития отечественного туризма». Образовательные стоят отдельно от туристических и направлены «главным образом, для учащихся – для ознакомления с достопримечательностями этих мест» (Юбилейный сборник Крымско-Кавказского горного клуба, 1915: 15).

За указанный период клуб организовал 156 экскурсий, из них 20 научных, 43 образовательных и 93 туристических. В сумме в них приняло участие 2 927 человек (Юбилейный сборник Крымско-Кавказского горного клуба, 1915: 19). Отметим, что плату за проводимые экскурсии клуб не брал. В статьях прихода денежных сумм ученические экскурсии относятся к пожертвованиям, которые оказывали как сами члены клуба, так и меценаты. По просьбе членов правления клуба участники ученических экскурсий либо бесплатно размещались для временного проживания в школах Ялты, либо за очень низкую плату в гостиницах. Экипажи предоставлялись им также по заниженной цене – большую часть стоимости оплачивал клуб.

Интерес к горам объединял людей в самые разные сообщества, в том числе «Русское горное общество». Его вклад в молодежный туризм огромен, хотя и своеобразен. В отличие от Крымского

горного клуба, он не устраивал массовых экскурсий и не организовывал ученических походов. Но на его счету десятки возведенных горных хижин, без которых неподготовленные туристы не смогли бы преодолеть сложные маршруты (первая и самая значимая – у подножия горы Казбек); появление первых опытных проводников со специальной «проводнической книжкой» и жетоном, за умеренную плату готовых сопроводить экскурсионные группы в горы (первыми такую книжку получили двое жителей Кисловодска); рекомендации и индивидуальные подробные инструкции для всех, кто письменно обращался к ним за помощью (зачастую школьные преподаватели просили совета по построению маршрута для школьной экспедиции).

Деятельность таких крупных обществ вдохновила более мелкие объединения самой различной направленности создавать в своей структуре специальный экскурсионный отдел. Например, подобные отделы появились при Тульском обществе взаимопомощи учащихся и учивших, Обществе распространения технических знаний, Харьковском обществе любителей природы, обществе «Молодая жизнь» и многих-многих других. Например, экскурсионная комиссия при ярославском обществе «Молодая жизнь», созданная в 1909 году, на добровольных началах размещала и проводила экскурсии учащимся училищ как из Ярославской губернии, так и других мест Российской империи. Учеников бесплатно расселяли в комнатах мужского или женского Вознесенского училища, по проработанному «кольцевому» маршруту знакомили с Ярославлем и его знаковыми местами, кормили по крайне низким ценам. Сохранились многочисленные заявки из Ставрополя, Нижнего Новгорода, Череповца, Ессентуков с просьбой приехать на экскурсию (Антонов, 2010: 59).

Благодаря экскурсионной комиссии учебного отдела Общества распространения технических знаний, начавшей свою работу в 1908 году, 4095 человек посетили другие страны за первые три года, причем, как указывается в отчете этой комиссии, «2/3 из них раньше, без Учебного отдела, не могли попасть за границу» (Отчет о деятельности..., 1913: 69). В Таблице 2 представлены данные по количеству туристов на разных маршрутах за 1909–1911 годы.

Таблица 2. Количество туристов, отправленных по различным маршрутам Обществом распространения технических знаний в 1909–1911 годах, чел. (Отчет о деятельности..., 1913: 71)

	1909 год	1910 год	1911 год	Всего
Италия	400	583	562	1545
Германия	340	253	225	818
Школьный тур по Германии	-	16	21	37
Швеция	-	-	100	100
Швейцария	150	353	278	781

Здесь туристам (теперь можно полноправно употреблять это слово) необходимо было самим оплачивать путешествие, стоимость которого составляла от 70 до 150 рублей. Преимущественно это были молодые педагоги, которые должны были получить наглядный опыт и передать его своим ученикам. Был предусмотрен специальный тур и для юношей, но, как мы видим из Таблицы 2, спросом он не пользовался из-за высокой цены.

Стоит ли упоминать, что скучную придворную жизнь многие царские особы и знатные дамы XIX века, в особенности возраста юного, с радостью меняли на дальние путешествия, беря с собой в дальнюю дорогу целую свиту из прислуг и фрейлин, которые, кстати, потом в красках делились преувеличенными подробностями красот Европы, чем порождали еще больший ажиотаж. Учитывая, что многие подобные выезды считались деловыми, такие как путешествие великой княгини в Германию (РГИА. Ф. 537. Оп. 1 Д. 509. Л. 48) или великого князя в Умань (РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 361. Л. 188), они оплачивались из казны. Расходы на содержание всех лиц, сопровождавших знатных особ в пути, также брала на себя казна (РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 556. Л. 9, 19, РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 560. Л. 7). Осознав практическую пользу путешествий, многие знатные особы выступали инициаторами организации групповых выездов за границу с образовательной целью, например для учителей. Так, благодаря содействию графини В.Н. Бобринской, с 1909 года тысячи педагогов стали отправляться в Европу, чтобы впоследствии передать полученные там знания и впечатления ученикам (Ольденбург, 2018: 458).

Следует отметить роль частных компаний в развитии молодежного туризма. Так, Крымский горный клуб имел договоренности с Русским обществом пароходства и торговли о 50 % скидках со стоимости билета; с Добровольным флотом на такую же скидку; с русским Дунайским пароходством о 25 % скидке на билет I класса (Юбилейный сборник..., 1915: 22).

Члены Русского горного общества обладали скидками, если пользовались Русским обществом пароходства и торговли и обществом «Кавказ и Меркурий», в размере 50 % (Долженко, 1988: 36).

Точек пересечения государства с молодежным туризмом можно усмотреть всего две: циркуляр министра народного просвещения и специальные тарифы на железнодорожный проезд. Циркуляр от 2 августа 1900 года отменял летние каникулярные работы учеников и вместо них рекомендовал

организовывать прогулки и путешествия (*Журнал Министерства народного просвещения, 1900: 64*). А Министерство путей сообщения в 1902 году ввело особый тариф на проезд для учащихся, которые отправляются на экскурсии (*Белгородский, 1916: 9*), который предусматривал 50 % скидки.

Конечно, бывали и другие взаимодействия. Например, экскурсионная комиссия Общества распространения технических знаний ходатайствовала о помощи государства в заграничных поездках, в результате чего Министерство внутренних дел дало согласие на выдачу участникам поездок коллективного паспорта.

Местные власти (губернские, волостные, земские) также оказали большое влияние на развитие молодежного туризма.

Так, экскурсионной комиссии общества «Молодая жизнь» власти Ярославля ежегодно выделяли по 100 рублей, а в 1912 году от уездных земств в дополнение к этому она получила 104 рубля (*Антонов, 2010: 60*). Земства Московской губернии для экскурсии сельских школьников в 1914 году предоставили поддержку в сумме 10 000 рублей. А кроме того, московское губернское земство еще и взяло на себя расходы по обеспечению юных экскурсантов завтраками и ужинами (14 копеек), речной прогулки на пароходе и оплате пятидесятипроцентной стоимости железнодорожного билета. Благодаря щедрой поддержке, в 1914 году ученики 393 школ (почти 14 тысяч) смогли посетить Москву и побывать в Кремле (*Долженко, 1988: 48*).

Туризм для учеников сельских училищ активно поддерживало Московское уездное земство. В 1913 году его стараниями 75 % школ приняло участие в экскурсиях, из них столицу увидели 6 708 юношей и девушек.

Не следует думать, что такой помощью могут похвастаться только столичные земства. К началу Первой мировой войны учащиеся половины школ Ростовского уездного земства побывали хотя бы в одной дальней экскурсии (а то и в двух), финансировало которые само земство; Саратовское земство на ученический туризм выделяло по 1000 рублей в год, Пермское – 500 рублей, Нижегородское – 200. Общей тенденцией было следующее: уездные земства финансировали молодежную экскурсионную деятельность в размере 100–200 рублей в год, а губернские земства ограничивались созданием благоприятных условий для принятия и размещения юных экскурсантов (*Долженко, 1988: 52*).

Начиная с 1910-х годов, по всей России печатаются самые разные туристические журналы, в которых далеко не последнее место занимают статьи о школьном, юношеском, студенческом – в общем, молодежном туризме, такие как «Экскурсионный вестник» и «Русский экскурсант». В справочных разделах этих журналов можно было прочесть о предстоящих экскурсиях, призывы к молодым людям присоединиться к ним.

В годы Первой мировой войны возникли так называемые экскурсии трудовой помощи. Они представляли собой поездки групп учащихся в сельскую местность для помощи семьям крестьян, оставшихся без взрослых мужчин. Экскурсии из города в село и наоборот ко времени революции стали обыденным явлением в жизни студентов.

5. Заключение

Не интерес и не простое любопытство породили молодежный туризм – многовековая потребность в реальных знаниях формировали в умах людей привлекательность путешествий, а опыт из столетия в столетие показывал, какое плодотворное влияние оказывают новые места в становлении личности юношей.

В результате исследования, мы можем обозначить три основных этапа в становлении молодежного туризма до 1917 года:

первый этап – XII–XVII века;

второй этап – XVIII – конец XIX веков;

третий этап – конец XIX – начало XX веков.

Каждому этапу присущи свои характерные черты, обусловленные совокупностью культурно-нравственных, политико-религиозных особенностей, уровнем развития государства и права. Они представлены в [Таблице 3](#).

Таблица 3. Периодизация развития молодежного туризма в дореволюционной России

Период	Вид туризма		Финансирование	Льготы
	по направлению потока	по цели		
<i>XII–XVII века</i>	выездной	образовательный	государство	отсутствовали
<i>XVIII – конец XIX веков</i>	преимущественно выездной	образовательный; познавательный	государство и собственные средства	частные компании
<i>конец XIX – начало XX веков</i>	внутренний; выездной	образовательный; познавательный; научный	собственные средства; общественные	государственные; частные компании

			организации; местные органы власти	
--	--	--	--	--

Если начальному этапу становления молодежного туризма присущ исключительно выездной характер с целью получения образования за рубежом при полной финансовой поддержке государства, то последующий уже включает в себя добровольные поездки за собственный счет и определенные льготы со стороны частных компаний. Последний этап связан с внутренним туризмом и содержит элементы научных изысканий.

В настоящее время в России молодежный туризм находится в зачаточном состоянии. Возможно, обращение к его истокам позволит понять, каким образом выстроить верную политику, которая сумеет совместить такие сложные категории, как «туризм» и «молодежь».

Литература

Андреев, 2005 – Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX веков. М.: Изд-во «Знак», 2005.

Антонов, 2010 – Антонов Е.Б. Опыт педагогической деятельности общества «Молодая жизнь» // *Ярославский педагогический вестник*. 2010. № 1. С. 58-61.

Арсеньев, 1887 – Арсеньев А.В. История посылки первых русских студентов за границу при Борисе Годунове. СПб.: Д.Ф. Федоров (сын), 1887.

Белгородский, 1916 – Белгородский А.В. Ученические экскурсии. Краткий исторический очерк, значение и организация. Петроград: Издательство Н.П. Карбасникова, 1916.

Генш, 1777 – Генш В.Х. План предприемлемого путешествия в чужие края, сочиненный по требованию некоторых особ содержанием благородного пансиона Вениамином Геншем. М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1777.

Долженко, 1988 – Долженко Г.П. История туризма в дореволюционной России и СССР. Ростов: Изд-во Ростовского ун-та, 1988.

Долматов, 1976 – Долматов Г.М. Проблемы повышения общей эффективности иностранного туризма в СССР // *Проблемы иностранного туризма в СССР*. М., 1976. Вып. 1.

Дружинин, 1975 – Дружинин Н.М. Декабрист И.Д. Якушкин и его ланкастерская школа // В сердцах Отечества сынов. Декабристы в Сибири. Том 3. Иркутск: Восточносибирское книжное издательство, 1975.

Журнал Министерства народного просвещения, 1900 – Журнал Министерства народного просвещения. Часть CCCXXXI. СПб., сентябрь 1900.

Карамзин, 1964 – Карамзин Н.М. Избранные сочинения в двух томах. Том первый. Письма русского путешественника. Повести. М.: Художественная литература, 1964.

Ключевский, 2002 – Ключевский В.О. Русская история: полный курс лекций. Т. 3. М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2002.

Князев, 1892 – Князев Е.В. Отчет о первой ученической экскурсии в Крым // *Записки Крымско-Кавказского горного клуба*. 1892. № 2. С. 14-20.

Новиков, 1951 – Новиков Н.И. Избранные сочинения. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1951.

Ольденбург, 2018 – Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Под ред. Хвостова Д.О. М.: Центрполиграф, 2018.

Отчет о деятельности..., 1913 – Отчет о деятельности учебного отдела Общества распространения технических знаний за 1910 и 1911 годы. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1913.

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи.

Радищев, 2018 – Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М.: Азбука, 2018.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Сивков, 1914 – Сивков К.В. Путешествия русских людей за границу в XVIII веке. СПб.: Книгоиздательство «Энергия», 1914.

Юбилейный сборник Крымско-Кавказского горного клуба, 1915 – Юбилейный сборник Крымско-Кавказского горного клуба / Под ред. М.А. Познанского. Одесса, 1915.

Holladay, 2017 – Holladay P.J. Political ecology of tourism: community, power and the environment // *Journal of Tourism and Cultural Change*. 2017. 4(16). pp. 455-456.

Kim, 2018 – Kim Wansoo, Han Heesup, Meng Bo. International volunteer tourism and youth travelers – an emerging tourism trend // *Journal of Travel & Tourism Marketing*. 2018. 5(36). pp. 549-562.

References

Andreev, 2005 – Andreev A.Yu. (2005). Russkie studenty v nemetskih universitetakh XVIII – pervoi poloviny XIX vekov. [Russian students in German universities of the XVIII – first half of the XIX century]. M.: Izd-vo «Znak», 2005. [in Russian]

[Antonov, 2010](#) – *Antonov E.B.* (2010). Opyt pedagogicheskoi deyatel'nosti obshchestva «Molodaya zhizn'» [The experience of the educational activities of the society «Young life»]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. Nr 1, pp. 58-61. [in Russian]

[Arsen'ev, 1887](#) – *Arsen'ev A.V.* (1887). Istoriya posylki pervykh russkikh studentov za granitsu pri Borise Godunove [The history of sending the first Russian students abroad under Boris Godunov]. SPb.: D.F. Fedorov (syn). [in Russian]

[Belgorodskii, 1916](#) – *Belgorodskii A.V.* (1916). Uchenicheskie ekskursii. Kratkii istoricheskii ocherk, znachenie i organizatsiya [Student excursions. A brief historical background, meaning and organization]. Petrograd: Izdatel'stvo N.P. Karbasnikova. [in Russian]

[Gensh, 1777](#) – *Gensh V.Kh.* (1777). Plan predpriemlemogo puteshestviya v chuzhie kraia, sochinennyi po trebovaniyu nekotorykh osob soderzhatelem blagorodnogo pansiona Veniaminom Genshem. [A plan for an adventurous trip to foreign lands, written at the request of some people by the landlord of the noble guesthouse, Benjamin Gensch]. M.: Pech. pri Imp. Mosk. un-te. [in Russian]

[Dolzhenko, 1988](#) – *Dolzhenko G.P.* (1988). Istoriya turizma v dorevolutsionnoi Rossii i SSSR. [The history of tourism in pre-revolutionary Russia and the USSR]. Rostov: Izd-vo Rostovskogo un-ta. [in Russian]

[Dolmatov, 1976](#) – *Dolmatov G.M.* (1976). Problemy povysheniya obshchei effektivnosti inostrannogo turizma v SSSR [Problems of increasing the overall efficiency of foreign tourism in the USSR]. Problems of foreign tourism in the USSR. M., 1976.

[Druzhinin, 1975](#) – *Druzhinin N.M.* (1975). Dekabrist I.D. Yakushkin i ego lankasterskaya shkola [Decembrist I.D. Yakushkin and his Lancastrian school]. V serdtsakh Otechestva synov. Dekabristy v Sibiri. Tom 3. Irkutsk: Vostochnosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. [in Russian]

[Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya, 1900](#) – *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Chast' CCCXXXI (1900). [Journal of the Ministry of Education. Part of CCCXXXI]. Sankt-Peterburg. [in Russian]

[Karamzin, 1964](#) – *Karamzin N.M.* (1964). Izbrannye sochineniya v dvukh tomakh. Tom pervyi. Pis'ma russkogo puteshestvennika. Povesti [Selected works in two volumes. Volume One. Letters of a Russian traveler. Tales]. M.: Khudozhestvennaya literatura. [in Russian]

[Klyuchevskii, 2002](#) – *Klyuchevskii V.O.* (2002). Russkaya istoriya: polnyi kurs lektsii [Russian history: a full course of lectures]. T. 3. M.: AST, Mn.: Kharvest. [in Russian]

[Knyazev, 1892](#) – *Knyazev E.V.* (1892). Otchet o pervoi uchenicheskoi ekskursii v Krym [Report on the first student excursion to the Crimea]. *Zapiski Krymsko-Kavkazskogo gornogo kluba*, Nr 2, pp. 14-20. [in Russian]

[Novikov, 1951](#) – *Novikov N.I.* (1951). Izbrannye sochineniya. [Selected works]. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. [in Russian]

[Oldenburg, 2018](#) – *Oldenburg S.S.* (2018). Carstvovanie imperatora Nikolaya II [Reign of Emperor Nicholas II]. Pod red. Khvostova D.O. M.: Tsentrpoligraf.

[Otchet o deyatel'nosti..., 1913](#) – *Otchet o deyatel'nosti Uchebnogo Otdela Obshchestva Rasprostraneniya Tekhnicheskikh Znanii za 1910 i 1911 gody* (1913). [Report on the activities of the Educational Department of the Society for the Distribution of Technical Knowledge for the years 1910 and 1911]. M.: Tipografiya T-va I.D. Sytina, 1913. [in Russian]

[PSZRI](#) – *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire].

[Radishchev, 2018](#) – *Radishchev A.N.* (2018). Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu. [Journey from St. Petersburg to Moscow]. M., Azbuka. [in Russian]

[RGIA](#) – *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian state historical archive].

[Sivkov, 1914](#) – *Sivkov K.V.* (1914). Puteshestviya russkikh lyudei za granitsu v XVIII veke. [Travel of the Russian people abroad in the XVIII century]. SPb.: Knigoizdatel'stvo «Energia». [in Russian]

[Yubileinyi sbornik Krymsko-Kavkazskogo gornogo kluba, 1915](#) – *Yubileinyi sbornik Krymsko-Kavkazskogo gornogo kluba*. (1915). [Jubilee collection of the Crimean-Caucasian Mountain Club]. Pod red. M.A. Poznan. Odessa. [in Russian]

Институциональные основы молодежного туризма в дореволюционной России

Петр Петрович Чуваткин ^{a, b, *}, Святослав Александрович Горбатов ^b

^a Сочинский государственный университет, Российская Федерация

^b Сочинский научно-исследовательский центр РАН, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: lares@sochi.com (П.П. Чуваткин)

Аннотация. Исследование институциональных основ молодежного туризма в дореволюционный период позволяет выявить те закономерности в развитии туризма, которые ускользают от внимания ученых, обозначивших точкой отсчета более поздний период. В статье проведен ретроспективный анализ развития молодежного туризма за период с XVII до начала XX веков. В результате анализа выявлено, что начало развития молодежного туризма связано со становлением Российского государства, с объективной потребностью государства в образованных молодых людях из знатных дворянских семей для формирования компетентных органов управления. Первые поездки молодых людей за пределы молодого Российского государства связаны с необходимостью получения ими новых знаний – как в точных науках, так и общих сведений о быте, языках, традициях народов Европы. Однако такие поездки встретили сопротивление церкви и высшего общества. Все изменилось после жесткой петровской ломки привычных устоев. Первый император России выделял бюджетные средства для образовательных поездок в Европу детям бедных и разорившихся дворян, образование становилось первостепенной задачей. В статье показано, что по мере укрепления Российского государства, развития национальной экономики в обществе появляется интерес к познавательному туризму, изучению и познанию своей страны, то есть начинает развиваться внутренний молодежный туризм, формироваться соответствующая институциональная основа. Большую роль в развитии молодежного туризма в конце XIX века сыграли общественные организации, такие как «Крымский горный клуб», «Русское горное общество», «Общество распространения технических знаний» и многие другие. Проведенный в статье анализ развития молодежного туризма в дореволюционный период позволил выделить три его этапа, различающихся по направлениям, целям и источникам финансирования туристских поездок и степени участия различных институтов.

Таким образом, в статье доказано, что истоки туризма в целом, и молодежного туризма в частности, с одной стороны, связаны с определенными экономическими процессами, с другой – они сформированы социокультурной человеческой природой.

Ключевые слова: молодежь, туризм, молодежный туризм, история туризма, история молодежного туризма, дореволюционная Россия, туризм в дореволюционной России.

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 964-973. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.964
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Jacobite Movement in the Context of the Counter-Revolution in the British Isles after the Glorious Revolution of 1688–1689

Leonid V. Sidorenko ^{a, *}

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

Despite the fact that during the Glorious Revolution of 1688–1689 the transition of power from James II to William of Orange was accompanied by a phenomenal unity of almost all forces of the country, a significant minority was formed soon in the British Isles, remaining loyal to the deposed monarch, whose supporters were named Jacobites. Their movement took the form of counter-revolution, representing a direct reaction of dissatisfied social groups to the revolutionary change of power. On the basis of theoretical ideas about the counter-revolution and analytical information about Jacobite movement the author of the article examines Jacobitism in context of development of English counter-revolution as a response to the Glorious Revolution. The article concludes that counter-revolutionary movement was very heterogeneous, and its participants defended different interests. In addition to the external counter-revolution represented by Louis XIV, who used the Jacobite emigrants to influence England, domestic counter-revolutionary sentiments played a huge role, the danger of which was increased because of different interpretations of the Glorious Revolution by the members of the Church of England and the party system. Jacobite movement was more vivid on the periphery of the British Isles, where Irish counter-revolution was defeated during the short civil war, and in Scotland Jacobites for more than half a century maintained its position, relying not so much on loyalty to the Stuarts, but rather on the possibility of using them to solve local political and social problems. As a result, it was the dominance of private interests that caused the Jacobites to be defeated, contributing to the final victory of the revolution settlement.

Keywords: the Glorious Revolution, counter-revolution, Jacobite movement, Whigs, Tories, Hanoverian succession, Highlands, riots, Scotland.

1. Введение

В истории Англии Славная революция 1688–1689 гг. является одним из главных рубежных событий, обозначивших новые тенденции ее общественно-политического развития. Первоначально переход трона от католика Якова II к протестанту Вильгельму Оранскому сопровождался феноменальным единством почти всех действовавших в стране сил. Во многом именно всеобщее единение обеспечило название этой революции, ставшей в умах англичан по-настоящему «славной». Однако вскоре оказалось, что после событий 1688–1689 гг. в Англии оформилось значительное меньшинство, оставшееся преданным свергнутому монарху, за чьими сторонниками закрепилось имя якобитов. Их существование означало, что консенсус в пользу революционных изменений в стране так и не был достигнут (Pincus, 2009: 292). Более того, якобитское движение, по сути, стало формой английской контрреволюции, без полной победы над которой утвердить принципы Славной революции не являлось возможным. При этом, если само якобитское движение изучено весьма хорошо, теоретический анализ феномена английской контрреволюции фактически отсутствует.

* Corresponding author

E-mail addresses: l.sidorenko@spbu.ru (L.V. Sidorenko)

Целью предлагаемой статьи является исследование якобитизма именно в контексте эволюции английской контрреволюции как ответа на Славную революцию.

Приступая к изучению проблемы контрреволюции, имеет смысл коснуться понятийного аппарата. Самое распространенное определение контрреволюции понимает под ней реакцию «свергнутого класса на революцию», выраженную в борьбе «за подавление новой власти и реставрацию старого строя» (Борщ, 2010: 54). В этом смысле контрреволюция, если рассмотреть мировой опыт, считается естественным последствием любой революции, ибо потерявшие власть классы всегда стремятся к реставрации свергнутого строя (Сперанский, 2017: 56). Довольно часто общей чертой контрреволюционных движений являлась их разнородность, из-за которой объединяющей их идеей служила не общая платформа, а лишь борьба против сил революции (Чертищев, 2012: 101-102). Другой чертой контрреволюции можно назвать ее психологический подтекст, когда она выступает как символ порядка в беспокойный период революции (Шульц, 2015: 168).

Однако идейная основа контрреволюции не всегда способна объяснить конкретные исторические примеры. Как справедливо отметил Чарльз Тилли, «теории контрреволюции» как таковой не существует, а большинство анализов контрреволюции построены, прежде всего, на представлениях о породившей ее революции (Tilly, 1963: 30). Славная революция хорошо подтверждает этот тезис, ибо без понимания ее сущности невозможно объяснить сопротивление ее итогам. Важной чертой Славной революции являлась открытость ее оценок, начиная от связанных с божественным предопределением и заканчивая теорией общественного договора. Имелись и «неревлюционные» интерпретации, вроде концепции завоевания, рассматривавшей утверждение новых монархов как результат внешней силовой акции, хотя и проведенной для защиты свобод англичан (Thompson, 1977: 45). Но идея завоевания не разрешала в полной мере вопрос о смене суверена, а ее сторонники заменяли одну проблему на другую, так как завоевание отрицало основу интерпретации революции вигским истеблишментом – правом на сопротивление (Rudolph, 2002: 122). Не случайно, что «Пасторальное письмо» убежденного сторонника революции Гилберта Бернета было публично сожжено из-за наличия в нем концепции завоевания (Niggeman, 2013: 66). Принимая ее, можно избежать объяснений феномена контрреволюции, сведя сопротивление лишь к борьбе с внешним врагом, однако это не так. Произошедшие в 1688–1689 гг. события явно имели первичными внутренними факторы, важнейшим из которых был религиозный, что позволяет справедливо считать Славную революцию англиканской, порожденной страхом общества и элиты страны за Церковь Англии (Gibson, 2001: 61). Сейчас ревизионистские историки отмечают ее консервативный характер в этой области, связанный с общественным стремлением не допустить слишком радикальные реформы Якова II в вопросе веротерпимости (Sowerby, 2013: 16), что небезосновательно позволяет видеть в самой Славной революции контрреволюцию. Отсюда часть исследователей рассматривает зарождение якобитского сопротивления при архаичности свойственных ему институтов как правовой протест против незаконных ограничений со стороны революционного режима, что позволило ему последовательно воплощать в себе либертарное, правовое начало, являясь не движением одной партии или религии, а скорее, светской и плюралистической платформой для достижения формального равноправия (Морозова, 2011: 147). Но не стоит забывать, что 1688 год правильно рассматривать в контексте всего «века революции» как продолжение революции середины столетия. Без Славной революции события 1640–1650-х гг. явно выглядели бы как провал и нарушение политической преемственности (Richards, 2004: 16).

Хотя в постреволюционной Англии гражданская война так и не началась, современники стали свидетелями острой борьбы контрреволюционных сил с революцией, для полной победы которой требовалось время. Этот переходный этап получил название «революционного устройства», согласно определению Дж. Блэка, – совокупность принятых для закрепления Славной революции конституционных и политических мер (Black, 2004: 13). К ним относят такие нормативно-правовые акты, как «Декларация прав» и «Билль о правах» 1689 г., «Акт о мятеже» 1689 г., «Трехгодичный акт» 1694 г., «Акт об устройении» 1701 г., «Акт об унии с Шотландией» 1707 г. и «Акт о должностях» 1707 г. (Чугаев, 2014: 1554) Они стали основой правовой системы революционного режима, и в этом смысле нельзя принять тезис В.А. Томсинова о том, что «...Билль о правах был актом контрреволюции, обеспечившим окончательную победу в Англии революции 1688–1689 гг.», так как «для полной победы революции необходима... контрреволюция особого рода..., которая восстановит в обществе режим законности» (Томсинов, 2010: 253).

Таким образом, мы видим, что в Англии рубежа 1680–1690-х гг. явно имелась революционная повестка дня, с которой не все могли согласиться. Но из-за сравнительной быстроты смены власти ранний якобитизм начинался с реваншизма, прямой реакции свергнутого монарха на события 1688–1689 гг. как мятежа в надежде на скорое возвращение на трон и наказание «мятежников» (Szechi, 1993: 611-612). В момент бегства Якова II якобитская партия состояла в большинстве из католиков как группы, более других пострадавшей от нового режима. При этом она обладала заметным, но недостаточным влиянием (Cherry, 1950: 310). Однако якобиты, как многие силы контрреволюции в истории, не смогли остаться едиными и вскоре разделились на фракции компаудеров (допускавших уступки со стороны Якова II для возвращения к власти) и нонкомпаудеров (твердо выступавших

против любого компромисса). Последними традиционно являлись католики, доминировавшие при дворе беглого короля, не доверявшего своим протестантским приближенным (Szechi, 2001: 347, 349).

Если понимать под якобитской политикой реализацию решений, принятых центром якобитов в изгнании, то на нее влияло два фактора: позиция самого Якова II и Претендентов и французское правительство, которое со временем осознало нестабильность католического режима в Англии и его издержки для французских ресурсов (Szechi, 1993: 615). Такое положение предопределяло двойную зависимость якобитов от взглядов на религию свергнутых Стюартов и позиции французов. При этом на содержание якобитского двора французское правительство ежегодно тратило внушительные 600 тыс. ливров, за что считало возможным контролировать деятельность якобитской эмиграции, например, через перлюстрацию писем и цензуру якобитской печати. Не менее жесткий контроль предусматривался над дипломатией и силовым ресурсом изгнанников (Станков, 2014а: 46-47). Хотя практика финансовой зависимости Стюартов от Людовика XIV была давней традицией (можно вспомнить предоставляемые Карлу II деньги из французской казны), для Якова II она являлась более унижительной. Средства, полученные им в его правление, были относительно невелики в сравнении с щедрыми субсидиями парламента, и поэтому он мог позволить самостоятельную политику (George, 1931: 412-413). Но после 1689 г. ситуация изменилась: зависимость беглого Стюарта от Франции возросла настолько, что его закономерно рассматривали как пешку французского короля.

Несмотря на очевидный факт, что свергнутый монарх стал зависимым от внешних факторов игроком, ситуация в самой Англии предоставляла большие возможности для роста внутренней контрреволюции из-за наличия открытого недовольства сменой суверена и различий в интерпретации революционных событий. Первый тревожный сигнал был получен новым режимом от нескольких сотен клириков, отказавшихся присягать новым государям из-за нежелания нарушить уже данную Якову II клятву. Отказники вошли в историю как «неприсягнувшие» и их можно считать якобитами в том смысле, что они признавали права свергнутой династии (Clark, 1997: 1054-1055).

При этом дело «неприсягнувших» стало больше чем проблемой совести отдельных представителей церкви: оно являлось одним из проявлений общей проблемы интерпретации событий 1688–1689 гг. В острой идейной полемике схлестнулись концепции божественной монархии и пассивного послушания с теорией общественного договора и права на сопротивление. Помимо части клира (оформленного в течение Высокой церкви), противные революционному устройству настроения имелись у тори, которым противостояли сторонники Низкой церкви и виги. К началу 1710-х гг. раскол вылился в резонансное дело Сачеверелла (1710), публично озвучившего в своей проповеди альтернативную трактовку Славной революции, по которой любое сопротивление монарху являлось греховным, даже если тот правил против законов Бога. Для вигов эта интерпретация казалась полным отказом от догм Славной революции, в ходе которой сопротивление имело место (Dudley, 2010: 46-47).

Но расхождения в интерпретациях Славной революции начались еще до начала XVIII в. Хотя виги и тори объединились против «беззакония» Якова II, они по-разному относились к революции и новому королю. Тори сохранили приверженность доктрине пассивного послушания, что, с одной стороны, обезценивало их внешнюю преданность Вильгельму III, с другой – заставляло поддерживать институт монархии (Weil, 2013: 35). При этом Оранскому требовалась кооперация с его новыми подданными независимо от их партийной принадлежности. Если бы он выбрал одну партию, то оттолкнул бы другую, что заставляло его лавировать. Как и в 1680-х годах, виги и тори сохраняли разное видение теории английской системы управления (Claydon, 2014: 90).

Из-за этого возникла странная ситуация, когда в период революционного устройства новый режим вынужден был считаться с тори как с потенциально контрреволюционной группой политиков, склонных к латентному якобитизму. В конце 1680-х гг. это проявилось в вопросе о присяге новым монархам. Если для вигов, считавших Славную революцию законной, проблем с признанием Вильгельма не было, для тори клятва с положением о «законном» монархе была близка к одобрению насильственной смены короля. Не являясь убежденными якобитами, тори были готовы стать лояльными новому правителю, не признавая его легитимности. Для разрешения противоречия была предложена присяга, основанная на идее признания правящего суверена как короля де-факто. Хотя Яков оставался «законным» королем, подданные обязаны быть лояльными тому, кто по факту осуществляет власть монарха и распоряжается их судьбой. Этот аргумент позволил многим тори принять Вильгельма, но для вигов люди, поддержавшие короля только на этих основаниях, были едва ли лояльны. Они утверждали, что де-факто тори были переодетыми якобитами (Claydon, 2014: 93). Оговорка «де-факто» существенно снизила степень лояльности и поставила под сомнение ценность присяги и доверие к тем, кто ее принял. Ведь в случае вторжения Якова II, те, кто таким образом поклялся в верности Вильгельму, могли с чистой совестью отвернуться от него в пользу Стюарта (Weil, 2013: 37).

2. Материалы и методы

Методологическое решение исследовательских задач статьи основано на традиционных принципах историзма и объективности. При написании данного исследования автор использовал

привычные в отечественной историографии сравнительно-исторический и историко-типологический методы. Например, первый из них позволил проанализировать факторы становления якобитского движения во взаимосвязи с объективными явлениями на Британских островах. Дополнительно в статье использовались историко-описательный и политико-описательный методы, позволившие объяснить конкретные проявления контрреволюционности якобитов в конце XVII – первой половине XVIII вв. Использованная литература включила исследования ряда ведущих историков якобитского движения, как зарубежных (Дж. Беннет, М. Брюс, Дж. Чэнс, Дж. Черри, Г. Фильдхаус, М. Санки и особенно Д. Шечи), так и отечественных (С.Г. Малкин, К.Н. Станков). Также была охвачена литература по отдельным проблемам Славной революции (Т. Клейдон, Н. Дэвидсон, К. Дадли, У. Гибсон, Ю. Рудольф, У. Труст, Р. Уэйл, К. Уотли, М. Томсон), среди авторов которой отдельно стоит выделить как классиков (Л. Швоер), так и ревизионистских историков (С. Пинкус, Ч. Соверби). Нужно особо отметить и работы по теории контрреволюции (А. Борщ, А.В. Сперанский, А. Чертищев, Э.Э. Шульц, Ч. Тилли), позволившие интерпретировать этот феномен в контексте эволюции якобитского движения.

3. Обсуждение

Несмотря на наличие объективных причин для возникновения движения якобитов, прежде всего их активность зависела от действий нового режима в Англии, столкнувшегося здесь в 1690-х гг. с ростом контрреволюционных настроений из-за текущей политики Вильгельма III. Помимо разочарования от втягивания страны в европейскую войну, англичане были недовольны долгими отлучками их монарха на континенте. Сохранялось недоверие к Вильгельму и из-за его приверженности кальвинизму (Troost, 2005: 2016). Устойчивость монархии в это время во многом сохранялась благодаря супруге короля Марии, за что она подвергалась яростному высмеиванию якобитами, что не влияло на позитивный образ королевы в обществе (Schwoerer, 1989: 738). Однако в 1694 г. она скончалась, а уже в 1696 г. многие были уверены, что Британские острова оказались на пороге контрреволюции из-за масштабного, но неудачного заговора, который был больше чем отчаянной попыткой с санкции Якова II или без нее убить Вильгельма III. Заговор стал выражением якобитской идеологии, показав, что Оранский не может быть в безопасности и что якобитизм не являлся лишь конфессиональным движением (Pincus, 2009: 450, 473).

Стоит отметить, что в то время якобитская контрреволюция затрагивала и такое специфическое измерение, как финансовое. Одним из итогов Славной революции стало создание системы государственного долга, оказавшейся очень уязвимой к фактору возможной реставрации Стюартов, что сопровождалось бы аннулированием части обязательств революционного режима и крушением всей системы (Dale, 2004: 24). Якобиты были чужды финансовым реформам: они противостояли огораживаниям и безусловной неприкосновенности частной собственности. Созданная после 1688 г. система финансов оказалась очень чувствительной к политическим угрозам со стороны якобитского лагеря, что показывала динамика фондовых рынков. Плохие новости для революционного режима обрушивали рынок, хорошие – способствовали росту показателей (Wells, 2000: 427, 435-439). В периоды, когда ожидалось, что виги установят контроль над парламентом, стоимость заимствования снижалась, так как не ожидалось дефолты, риск которых возрастал при приходе к власти тори (Stasavage, 2007: 126). Экономика и финансы активно использовались в политической борьбе. Например, вынужденная практика урезания монет могла рассматриваться как символическое обезглавливание короля якобитским экономическим заговором с целью дискредитировать Славную революцию (Wennerlind, 2011: 138).

Первый этап якобитского движения закончился в 1701 г. со смертью Якова II и принятием английским парламентом «Акта об устройении». Эти два события не только изменили систему антиякобитской пропаганды, в которой больше не могла использоваться тема деспотизма почившего короля, но и всю структуру якобитской контрреволюции, борьба с которой теперь концентрировалась на таких вопросах, как характер и личность Претендента; теория наследственного права; национальная безопасность и религия будущего монарха (Steele, 1981: 141). Именно с начала XVIII века английская контрреволюция приобретает концептуальное наполнение и новый объект борьбы: утвержденное актом 1701 г. призвание Ганноверской династии. Для понимания популярности якобитской альтернативы достаточно упомянуть, что при дворе официальной наследницы престола Софии единственным человеком, говорящим по-английски, была пользовавшаяся ее благорасположением убежденная якобитка леди Белламонт, родственница принца Руперта (Chance, 1896).

Якобитские надежды были достаточно устойчивы при королеве Анне, к концу правления которой происходит обострение династического вопроса. Весной 1714 г. широко распространилось убеждение в существовании заговора в пользу Претендента, частью которого могли быть правительство и даже сама королева. Однако Претендент проявлял сдержанность в оценках, понимая, что для успеха ему требовалось сохранить единство разношерстных групп своих сторонников из протестантов и католиков, англичан, шотландцев и ирландцев, изгнанников и тайных сторонников в Англии (Bennett, 1982: 137-139).

Слухи о широком якобитском заговоре во многом связаны с мнением о якобитизме королевского министра виконта Болингброка, участника интриг 1710–1714 гг. в ходе переговоров с Францией об условиях завершения войны за испанское наследство (Fieldhouse, 1937b: 296). Однако он осознавал важность проблемы религиозной принадлежности Претендента и сажать на английский престол католика не желал из-за опасения гражданской войны. Болингброка можно назвать якобитом лишь в той мере, в какой ему не удалось совместить торийскую политику мира с вигской политикой престолонаследия (Fieldhouse, 1937a: 452, 456). Ведущие переговоры со Стюартом тори оказались не способны к единству и не отличались искренним якобитством, «за которое они не хотели бороться и которому они не хотели приносить жертвы» (Камнев, 2007: 79), что тогда не позволило провести реставрацию Стюартов сверху. В 1714–1715 гг. у якобитов не было шансов на успех без помощи извне: правительство и милиция контролировались вигами, а расколотые тори так и не примкнули к якобитизму. Якобитское подполье было в таком состоянии, что оно не имело шансов на победу, но достаточно ощутимое, чтобы убедить многих в якобитском заговоре (Bennett, 1982: 149).

В 1714 г. тори оставили идею реставрации Стюартов, публично признав Ганноверскую династию. А после завершения войны за испанское наследство снизилось и международное внимание к якобитам, прежде всего во Франции. Другие страны могли сохранить к ним интерес, как Россия Петра Великого, но в этом вопросе царь действовал из прагматических интересов в рамках конфликта с Ганноверским курфюрстом в 1716 г. и интересов своей политики в Европе (Bruce, 1936: 362). В 1714 г. закончился второй этап контрреволюции якобитов и начался третий, связанный с борьбой на окраинах страны.

4. Результаты

Другой важной чертой якобитской контрреволюции стала ее локализация на периферии Британских островов – в Ирландии и Шотландии, где движение якобитов нашло самых активных сторонников. Если Англия и Шотландия первоначально сравнительно мирно приняли Славную революцию, Ирландия осталась верной Якову II и именно в ней произошел вооруженный конфликт сторонников и противников свергнутого короля, по сути, являвшийся малой гражданской войной. Формированию базы якобитов на Изумрудном острове в первую очередь способствовало католическое вероисповедание большинства его жителей. Однако раскол в лагере местных якобитов, колебания элиты (Станков, 2014b: 46), неэффективная помощь французов и умелые действия Вильгельма Оранского позволили подавить организованное сопротивление якобитов в Ирландии, утвердив здесь контролируемый силой порядок.

Таким образом, после 1691 г. Ирландия не играла центральной роли в якобитских планах. Отныне, учитывая, что английские якобиты не были готовы рисковать всем ради Якова II, именно Шотландия сформировала основное ядро якобитизма на Британских островах (Szechi, 1998: 359). Еще в ходе революции шотландская элита разделилась на партии вильямитов и якобитов, во взаимной борьбе которых первые продемонстрировали внутреннюю сплоченность, в то время как их оппоненты не сориентировались в изменчивой обстановке, не имея единого плана и пребывая в растерянности (Станков, 2012: 46-48).

Отличительной чертой якобитского движения в Шотландии стало то обстоятельство, что оно здесь не ограничивалось лишь мотивами преданности свергнутой династии, а являлось в каком-то смысле инструментом реализации сугубо шотландских интересов. В местном якобитизме слились два течения: борьба кланового общества Горного края (Хайленда) за свои права и оппозиция революционному устройству 1689 г., что в шотландском контексте имело целью восстановить отдельное королевство (Davidson, 2003: 173-174). Речь шла о системе взаимоотношений Шотландии с Англией. Обострение этого вопроса началось с принятия в 1701 г. английским парламентом «Акта об устройении», который в Шотландии сочли односторонним (Ferguson, 1964: 91). Акт не содержал отсылки о его применении в Шотландии и не был представлен ее парламенту. В Англии были уверены, что Ганноверскую династию примут на периферии, но шотландский парламент ясно дал понять, что это не произойдет безусловно (Troost, 2005: 276). Долгое время отношения двух королевств оставались рабочими лишь при условии, что одно из них было в состоянии контролировать другое. В этой системе до Славной революции Шотландия подчинялась Англии, но после шотландский парламент получил больше самостоятельности, пиком которой стал 1703 г., когда им были приняты законы, радикально менявшие структуру англо-шотландских отношений (Riley, 1968: 129). Купировать опасную ситуацию англичане решились унией 1707 г., вызвавшей широкое недовольство и закономерный рост якобитских симпатий.

Проблема Горного края также оказалась гораздо шире вопроса лояльности изгнанным Стюартам и затрагивала, скорее, имперские практики установления контроля центра над периферией. По сути, преданность Якову II и его потомкам являлась инструментом сохранения самостоятельности кланового общества. Изначально подход правительства в этом вопросе предполагал массовые преследования и конфискации на основе опыта подавления якобитского мятежа конца XVII в. в Ирландии. Но в Шотландии имелись более высокие риски полномасштабной

гражданской войны, что требовало слишком затратных мер по оккупации региона. Поэтому умиротворение Горного края было бы невозможно без амнистирующих мероприятий (Малкин, 2014а: 83-84). По-настоящему за горцев метрополия взялась только после восстания 1715–1716 гг., по итогам которого Лондон решается на постоянное военное присутствие в Горном крае для контроля и умиротворения региона. И если сперва вопрос доверия к местной элите был важным, после подавления восстания 1745–1746 гг. правительство оставило мысль о привлечении представителей лояльных кланов для контроля над Горным краем, а стало полностью полагаться на армию (Малкин, 2009: 164, 176). Несмотря на наличие военной угрозы от горных кланов, их истинная мощь была заметно преувеличена как якобитами во Франции, стремящимися убедить французские власти в военной поддержке возможного французского десанта в регионе, так и самими горцами, чьи лидеры получали возможность претендовать на особое место в политической системе королевства. Поэтому миф о милитаризованной клановой системе в Хайленде разделялся многими (Малкин, 2014б: 57).

В то же время в историографии обоснованно указывается на наличие широких антиякобитских настроений в Шотландии, где якобитское движение не являлось мейнстримом внутривнутриполитической жизни, и даже в Горном крае имелись стойкие сторонники правительства (Whatley, 2013: 70). Хотя есть яркие примеры, демонстрирующие, что люди приходили к якобитизму, даже когда это движение находилось на спаде (Szechi, 1997), необходимо признать, что в 1716–1745 гг. якобитизм стал подвержен процессу размывания из-за материальной зависимости якобитских семей от лояльных правительству их соседей. Разумеется, он не исчез одномоментно, но тенденция была ощутима. Последнее восстание 1745–1746 гг. показало, что ряд семей в Шотландии с якобитскими симпатиями из-за своих связей и материальной зависимости от сторонников ганноверского режима оказался не способен на открытую поддержку Претендента, так как ему пришлось решать противоречие между личными симпатиями и общественными обязательствами (Sankey, Szechi, 2001: 125-127), в котором последние победили, похоронив активный якобитизм.

5. Заключение

Подводя итоги статьи, необходимо отметить, что движение якобитов стало формой контрреволюции на Британских островах, представляя собой прямую реакцию недовольных общественных групп на революционную смену власти. Если брать якобитов в широком понимании (как противников революционного устройства), контрреволюционное движение представляется весьма пестрым и разнородным, когда его участники защищали различные интересы. Помимо внешней контрреволюции, выраженной в попытках Франции Людовика XIV влиять на Англию через поддержку якобитских эмигрантов, огромную роль играли внутренние контрреволюционные настроения. Притом более опасная угроза новому режиму исходила не от открытых якобитов, чья активность подавлялась, и они могли проявлять себя лишь в эмиграции или во время мятежей, а споры внутри элиты страны об интерпретации Славной революции, которые выявили существенные различия в среде Церкви Англии и партийной системе. Не считаясь якобитами в прямом смысле слова, «неприсягнувшие» и тори по своим причинам оспаривали революционное устройство, играя на руку открытой контрреволюции. Более ощутимым якобитское движение было на периферии Британских островов, но, если ирландская контрреволюция была подавлена в ходе скоротечной, но кровавой гражданской войны, ситуация в Шотландии позволила якобитскому движению более полувека сохранять здесь свои позиции, опираясь при этом не столько на прямую приверженность Стюартам, сколько на возможность использования борьбы Претендентов за престол для удовлетворения местных политических (рост самостоятельности парламента) и социальных (сохранение влияния элиты) задач. С другой стороны, именно поэтому они так и не были решены, так как противодействие с ними велось как борьба с контрреволюцией, не допускавшей компромиссов. В конечном итоге именно из-за доминирования частных интересов якобитское движение не нашло всеобъемлющей поддержки на Британских островах и потерпело поражение, способствуя поражению якобитской контрреволюции и окончательной победе революционного устройства.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00383

Литература

- Борщ, 2010 – Борщ А. Формы политической борьбы // *Обозреватель – Observer*. 2010. № 12 (251). С. 49-59.
- Камнев, 2007 – Камнев С.Н. Политические воззрения Эдуарда Гиббона (1737–1794) // *Вестник Омского университета*. 2007. № 3. С. 78-86.
- Малкин, 2009 – Малкин С.Г. Великобритания и умиротворение Горной Шотландии в 1715–1745 годах (система лорд-лейтенантств) // *Новая и новейшая история*. 2009. № 4. С. 163-176.
- Малкин, 2014а – Малкин С.Г. От мятежа до мятежа: амнистия в Горной Шотландии в 1715–1745 гг. // *Самарский научный вестник*. 2014. № 4 (9). С. 83-85.

- Малкин, 2014b** – Малкин С.Г. «Хайлендская проблема» Великобритании в начале XVIII века // *Новая и новейшая история*. 2014. № 2. С. 47-58.
- Морозова, 2011** – Морозова В.В. Inglorious Revolution: 1688 год с точки зрения либертарно-юридической теории // *Право*. 2011. № 2. С. 141-147.
- Сперанский, 2017** – Сперанский А.В. Русский путь к единению от революции к контрреволюции // *Уральский исторический вестник*. 2017. № 3 (56). С. 52-60.
- Станков, 2012** – Станков К.Н. Борьба якобитов в шотландской конвенции сословий (1689 г.) // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История*. 2012. № 2 (22) С. 45-52.
- Станков, 2014a** – Станков К.Н. Двор Якова II Стюарта и якобитская эмиграция во Франции // *Новая и новейшая история*. 2014. № 4. С. 44-56.
- Станков, 2014b** – Станков К.Н. Король Яков II Стюарт, ирландские элиты и патриотический парламент // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История*. 2014. № 3 (27). С. 45-54.
- Томсинов, 2010** – Томсинов В.А. Английский Билль о правах 1689 года: политико-правовой комментарий // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2010. № 1 (288). С. 250-262.
- Чертищев, 2012** – Чертищев А. Можно ли остановить революцию? // *Обозреватель – Observer*. 2012. № 12 (275). С. 93-105.
- Чугаев, 2014** – Чугаев В.В. Юридическое оформление результатов «Славной революции» 1688–1689 гг. // *Право и политика*. 2014. № 10. С. 1553-1560.
- Шульц, 2015** – Шульц Э.Э. «Моделирование революций» (к дискуссии о стадиях) // *Историческая психология и социология истории*. 2015. № 2. С. 158-173.
- Bennett, 1982** – Bennett G.V. English Jacobitism, 1710-1715; Myth and Reality // *Transactions of the Royal Historical Society. 5th Series*. 1982. Vol. 32. P. 137-151.
- Black, 2004** – Black J. Parliament and Foreign Policy in the Eighteenth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 261 p.
- Bruce, 1936** – Bruce M. Jacobite Relations with Peter the Great // *The Slavonic and East European Review*. 1936. Vol. 14. № 41. P. 343-362.
- Chance, 1896** – Chance J.F. A Jacobite at the Court of Hanover // *The English Historical Review*. 1896. Vol. 11. № 43. P. 527-530.
- Cherry, 1950** – Cherry G.L. The Legal and Philosophical Position of the Jacobites, 1688-1689 // *The Journal of Modern History*. 1950. Vol. 22. № 4. P. 309-321.
- Clark, 1997** – Clark J.C.D. Religious Affiliation and Dynastic Allegiance in Eighteenth-Century England: Edmund Burke, Thomas Paine and Samuel Johnson // *ELH*. 1997. Vol. 64. № 4. Jacobitism and Eighteenth-Century English Literature. P. 1029-1067.
- Claydon, 2014** – Claydon T. William III. London – New York: Routledge, 2014. 202 p.
- Dale, 2004** – Dale R. The First Crash: Lessons from the South Sea Bubble. Princeton: Princeton University Press, 2004. 198 p.
- Davidson, 2003** – Davidson N. Discovering the Scottish Revolution 1692 to 1746. London – Sterling (Virginia): Pluto Press, 2003. 378 p.
- Dudley, 2010** – Dudley C. The Decline of Religion in British Politics, 1710-1734 // *Britain & the World*. British Scholar. 2010. Vol. 3. Is. 1. P. 43-60.
- Ferguson, 1964** – Ferguson W. The Making of the Treaty of Union of 1707 // *The Scottish Historical Review*. 1964. Vol. 43. № 136. Part 2. P. 89-110.
- Fieldhouse, 1937a** – Fieldhouse H.N. Bolingbroke's Share in the Jacobite Intrigue of 1710-14 // *The English Historical Review*. 1937. Vol. 52. № 207. P. 443-459.
- Fieldhouse, 1937b** – Fieldhouse H.N. Oxford, Bolingbroke, and the Pretender's Place of Residence, 1711-14 // *The English Historical Review*. 1937. Vol. 52. № 206. P. 289-296.
- George, 1931** – George R.H. The Financial Relations of Louis XIV and James II // *The Journal of Modern History*. 1931. Vol. 3. № 3. P. 392-413.
- Gibson, 2001** – Gibson W. Church of England, 1688-1832: Unity and Accord. London – New York: Routledge, 2001. 269 p.
- Niggeman, 2013** – Niggeman U. 'You Will See Who They Are that Revile, and Lessen Your... Glorious Deliverance' The 'Memory War' about the 'Glorious Revolution' // *Memory before Modernity: Practices of Memory in Early Modern Europe*. Volume 176. / Ed. by E. Kuijpers, J. Pollmann, J. Mueller, J. van der Steen. Leiden – Boston: Brill, 2013. P. 63-75. 340 p.
- Pincus, 2009** – Pincus S. 1688: The First Modern Revolution. New Haven – London: Yale University Press, 2009. 647 p.
- Richards, 2004** – Richards M.D. Revolutions in World History. London – New York: Routledge, 2004. 103 p.
- Riley, 1968** – Riley P.W.J. The Scottish Parliament of 1703 // *The Scottish Historical Review*. 1968. Vol. 47. № 144. Part 2. P. 129-150.
- Rudolph, 2002** – Rudolph J. Revolution by Degrees: James Tyrell and Whig Political Thought in the Late Seventeenth Century. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. 231 p.

- [Sankey, Szechi, 2001](#) – *Sankey M., Szechi D.* Elite Culture and the Decline of Scottish Jacobitism 1716-1745 // *Past & Present*. 2001. № 173. P. 90-128.
- [Schwoerer, 1989](#) – *Schwoerer L.G.* Images of Queen Mary II, 1689-95 // *Renaissance Quarterly*. 1989. Vol. 42. № 4. P. 717-748.
- [Sowerby, 2013](#) – *Sowerby S.* Making Toleration: The Repealers and the Glorious Revolution. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2013. 404 p.
- [Stasavage, 2007](#) – *Stasavage D.* Partisan politics and public debt: The importance of the 'Whig Supremacy' for Britain's financial revolution // *European Review of Economic History*. 2007. Vol. 11. № 1. P. 123-153.
- [Steele, 1981](#) – *Steele M.* Anti-Jacobite Pamphleteering, 1701-1720 // *The Scottish Historical Review*. 1981. Vol. 60. № 170. Part 2. P. 140-155.
- [Szechi, 2001](#) – *Szechi D.* A Blueprint for Tyranny? Sir Edward Hales and the Catholic Jacobite Response to the Revolution of 1688 // *The English Historical Review*. 2001. Vol. 116. № 466. P. 342-367.
- [Szechi, 1998](#) – *Szechi D.* "Cam Ye O'er Frae France?" Exile and the Mind of Scottish Jacobitism, 1716-1727 // *Journal of British Studies*. 1998. Vol. 37. № 4. P. 357-390.
- [Szechi, 1997](#) – *Szechi D.* Constructing a Jacobite: The Social and Intellectual Origins of George Lockhart of Carnwath // *The Historical Journal*. 1997. Vol. 40. № 4. P. 977-996.
- [Szechi, 1993](#) – *Szechi D.* The Jacobite Revolution Settlement, 1689-1696 // *The English Historical Review*. 1993. Vol. 108. № 428. P. 610-628.
- [Thompson, 1977](#) – *Thompson M.P.* The Idea of Conquest in Controversies Over the 1688 Revolution // *Journal of the History of Ideas*. 1977. Vol. 38. № 1. P. 33-46.
- [Tilly, 1963](#) – *Tilly C.* The Analysis of a Counter-Revolution // *History and Theory*. 1963. Vol. 3. № 1. P. 30-58.
- [Troost, 2005](#) – *Troost W.* William III, the Stadholder-King. A Political Biography. London – New York: Routledge, 2005. 361 p.
- [Weil, 2013](#) – *Weil R.* Plague of Informers: Conspiracy and Political Trust in William III's England. New Haven – London: Yale University Press, 2013. 344 p.
- [Wells, Wills, 2000](#) – *Wells J., Wills D.* Revolution, Restoration, and Debt Repudiation: The Jacobite Threat to England's Institutions and Economic Growth // *The Journal of Economic History*. 2000. Vol. 60. № 2. P. 418-441.
- [Wennerlind, 2011](#) – *Wennerlind C.* Casualties of Credit: The English Financial Revolution, 1620-1720. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2011. 348 p.
- [Whatley, 2013](#) – *Whatley C.A.* Reformed Religion, Regime Change, Scottish Whigs and the Struggle for the 'Soul' of Scotland, c. 1688 – c. 1788 // *Scottish Historical Review*. 2013. Vol. 92. Is. 1. P. 66-99.

References

- [Bennett, 1982](#) – *Bennett G.V.* (1982). English Jacobitism, 1710-1715; Myth and Reality. *Transactions of the Royal Historical Society*. 5th Series. Vol. 32. P. 137-151.
- [Black, 2004](#) – *Black J.* (2004). Parliament and Foreign Policy in the Eighteenth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 261 p.
- [Borshch, 2010](#) – *Borshch A.* (2010). Formy politicheskoi bor'by. [Forms of political struggle]. *Observer*, № 12 (251), pp. 49-59. [in Russian]
- [Bruce, 1936](#) – *Bruce M.* (1936). Jacobite Relations with Peter the Great. *The Slavonic and East European Review*. Vol. 14. № 41. P. 343-362.
- [Chance, 1896](#) – *Chance J.F.* (1896). A Jacobite at the Court of Hanover. *The English Historical Review*. Vol. 11. № 43. P. 527-530.
- [Cherry, 1950](#) – *Cherry G.L.* (1950). The Legal and Philosophical Position of the Jacobites, 1688-1689. *The Journal of Modern History*. Vol. 22. № 4. P. 309-321.
- [Chertishchev, 2012](#) – *Chertishchev A.* (2012). Mozhno li ostanovit revolyutsiyu? [Can the revolution be stopped?]. *Observer*, № 12 (275), pp. 93-105. [in Russian]
- [Chugaev, 2014](#) – *Chugaev V.V.* (2014). Yuridicheskoe oformlenie rezul'tatov "Slavnoi revolyutsii" 1688-1689 gg. [Legal registration of the results of the Glorious Revolution of 1688-1689]. *Pravo i politika*, № 10, pp. 1553-1560. [in Russian]
- [Clark, 1997](#) – *Clark J.C.D.* (1997). Religious Affiliation and Dynastic Allegiance in Eighteenth-Century England: Edmund Burke, Thomas Paine and Samuel Johnson. *ELH*. Vol. 64. № 4. Jacobitism and Eighteenth-Century English Literature. P. 1029-1067.
- [Claydon, 2014](#) – *Claydon T.* (2014). William III. London – New York: Routledge, 202 p.
- [Dale, 2004](#) – *Dale R.* (2004). The First Crash: Lessons from the South Sea Bubble. Princeton: Princeton University Press, 198 p.
- [Davidson, 2003](#) – *Davidson N.* (2003). Discovering the Scottish Revolution 1692 to 1746. London – Sterling (Virginia): Pluto Press, 378 p.
- [Dudley, 2010](#) – *Dudley C.* (2010). The Decline of Religion in British Politics, 1710-1734. *Britain & the World. British Scholar*. Vol. 3. Is. 1. P. 43-60.

- Ferguson, 1964** – Ferguson W. (1964). The Making of the Treaty of Union of 1707. *The Scottish Historical Review*. Vol. 43. № 136. Part 2. P. 89-110.
- Fieldhouse, 1937a** – Fieldhouse H.N. (1937). Bolingbroke's Share in the Jacobite Intrigue of 1710-14. *The English Historical Review*. Vol. 52. № 207. P. 443-459.
- Fieldhouse, 1937b** – Fieldhouse H.N. (1937). Oxford, Bolingbroke, and the Pretender's Place of Residence, 1711-14 // *The English Historical Review*. 1937. Vol. 52. № 206. P. 289-296.
- George, 1931** – George R.H. (1931). The Financial Relations of Louis XIV and James II. *The Journal of Modern History*. Vol. 3. № 3. P. 392-413.
- Gibson, 2001** – Gibson W. (2001). Church of England, 1688-1832: Unity and Accord. London – New York: Routledge, 269 p.
- Kamnev, 2007** – Kamnev S.N. (2007). Politicheskie vozzreniya Eduarda Gibbona (1737-1794). [Political views of Edward Gibbon (1737-1794)]. *Vestnik Omskogo universiteta*, Nr 3, pp. 78-86. [in Russian]
- Malkin, 2009** – Malkin S.G. (2009). Velikobritaniya i umirotvorenije Gornoj Shotlandii v 1715–1745 godakh (sistema lord-leitenantstv). [Great Britain and the appeasement of the Highlands of Scotland in 1715–1745 (system of Lord lieutenants)]. *Novaya i noveishaya istoriya*, Nr 4, pp. 163-176. [in Russian]
- Malkin, 2014a** – Malkin S.G. (2014). Ot myatezha do myatezha: amnistiya v Gornoj Shotlandii v 1715–1745 gg. [From rebellion to rebellion: Amnesty in the Highlands of Scotland in 1715-1745]. *Samarskii nauchnyi vestnik*, Nr 4(9), pp. 83-85. [in Russian]
- Malkin, 2014b** – Malkin S.G. (2014). “Khailendskaya problema” Velikobritanii v nachale XVIII veka. [“Highlands’ problem” of great Britain in the early XVIII century]. *Novaya i noveishaya istoriya*, Nr 2, pp.47-58. [in Russian]
- Morozova, 2011** – Morozova V.V. (2011). Inglorious Revolution: 1688 god s tochki zreniya libertarno-yuridicheskoi teorii. [Inglorious Revolution: 1688 from the point of view of the libertarian legal theory]. *Pravo*, Nr 2, pp. 141-147. [in Russian]
- Niggeman, 2013** – Niggeman U. (2013). ‘You Will See Who They Are that Revile, and Lessen Your... Glorious Deliverance’ The ‘Memory War’ about the ‘Glorious Revolution’. *Memory before Modernity: Practices of Memory in Early Modern Europe*. Volume 176. Ed. by E. Kuijpers, J. Pollmann, J. Mueller, J. van der Steen. Leiden – Boston: Brill, pp. 63-75. 340 p.
- Pincus, 2009** – Pincus S. (2009). 1688: The First Modern Revolution. New Haven – London: Yale University Press, 647 p.
- Richards, 2004** – Richards M.D. (2004). Revolutions in World History. London – New York: Routledge, 103 p.
- Riley, 1968** – Riley P.W.J. (1968). The Scottish Parliament of 1703. *The Scottish Historical Review*. Vol. 47. № 144. Part 2. P. 129-150.
- Rudolph, 2002** – Rudolph J. (2002). Revolution by Degrees: James Tyrell and Whig Political Thought in the Late Seventeenth Century. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 231 p.
- Sankey, Szechi, 2001** – Sankey M., Szechi D. (2001). Elite Culture and the Decline of Scottish Jacobitism 1716-1745. *Past & Present*. № 173. P. 90-128.
- Schwoerer, 1989** – Schwoerer L.G. (1989). Images of Queen Mary II, 1689-95. *Renaissance Quarterly*. Vol. 42. № 4. P. 717-748.
- Shul'ts, 2015** – Shul'ts E.E. (2015). “Modelirovanie revolyutsii” (k diskussii o stadiyakh). [“Modeling revolutions” (to the discussion about stages)]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*, Nr 2, pp. 158-173. [in Russian]
- Sowerby, 2013** – Sowerby S. (2013). Making Toleration: The Repealers and the Glorious Revolution. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 404 p.
- Speranskii, 2017** – Speranskii A.V. (2017). Russkii put' k edineniyu ot revolyutsii k kontrrevolyutsii. [Russian road to unity: from revolution to counter-revolution]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, Nr 3 (56), pp. 52-60. [in Russian]
- Stankov, 2012** – Stankov K.N. (2012). Bor'ba Yakobitov v shotlandskoi konventsii soslovii (1689 g.). [Fight of Jacobites in the Convention of Estates of Scotland (1689)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya*, Nr 2 (22), pp. 45-52. [in Russian]
- Stankov, 2014a** – Stankov K.N. (2014). Dvor Yakova II Styuarta i Yakobitskaya emigratsiya vo Frantsii. [The court of James II Stuart and the Jacobite emigration in France]. *Novaya i noveishaya istoriya*, Nr 4, pp. 44-56. [in Russian]
- Stankov, 2014b** – Stankov K.N. (2014). Korol' Yakov II Styuart, Irlandskie elity i patrioticheskii parlament. [King James II Stuart, Irish elites and Patriot Parliament]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya*, Nr. 3 (27), pp. 45-54. [in Russian]
- Stasavage, 2007** – Stasavage D. (2007). Partisan politics and public debt: The importance of the 'Whig Supremacy' for Britain's financial revolution. *European Review of Economic History*. Vol. 11. № 1. P. 123-153.
- Steele, 1981** – Steele M. (1981). Anti-Jacobite Pamphleteering, 1701-1720. *The Scottish Historical Review*. Vol. 60. № 170. Part 2. P. 140-155.
- Szechi, 2001** – Szechi D. (2001). A Blueprint for Tyranny? Sir Edward Hales and the Catholic Jacobite Response to the Revolution of 1688. *The English Historical Review*. Vol. 116. № 466. P. 342-367.

- Szechi, 1998 – Szechi D. (1998). “Cam Ye O'er Frae France?” Exile and the Mind of Scottish Jacobitism, 1716-1727. *Journal of British Studies*. Vol. 37. № 4. P. 357-390.
- Szechi, 1997 – Szechi D. (1997). Constructing a Jacobite: The Social and Intellectual Origins of George Lockhart of Carnwath. *The Historical Journal*. Vol. 40. № 4. P. 977-996.
- Szechi, 1993 – Szechi D. (1993). The Jacobite Revolution Settlement, 1689-1696. *The English Historical Review*. Vol. 108. № 428. P. 610-628.
- Thompson, 1977 – Thompson M.P. (1977). The Idea of Conquest in Controversies Over the 1688 Revolution. *Journal of the History of Ideas*. Vol. 38. № 1. P. 33-46.
- Tilly, 1963 – Tilly C. (1963). The Analysis of a Counter-Revolution. *History and Theory*. Vol. 3. № 1. P. 30-58.
- Tomsinov, 2010 – Tomsinov V.A. (2010). Angliiskii Bill' o pravakh 1689 goda: politiko-pravovoi kommentarii. [English bill of rights of 1689: political and legal commentary]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, Nr 1 (288), pp. 250-262. [in Russian]
- Troost, 2005 – Troost W. (2005). William III, the Stadholder-King. A Political Biography. London – New York: Routledge, 361 p.
- Weil, 2013 – Weil R. (2013). Plague of Informers: Conspiracy and Political Trust in William III's England. New Haven – London: Yale University Press, 344 p.
- Wells, Wills, 2000 – Wells J., Wills D. (2000). Revolution, Restoration, and Debt Repudiation: The Jacobite Threat to England's Institutions and Economic Growth. *The Journal of Economic History*. Vol. 60. № 2. P. 418-441.
- Wennerlind, 2011 – Wennerlind C. (2011). Casualties of Credit: The English Financial Revolution, 1620-1720. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 348 p.
- Whatley, 2013 – Whatley C.A. (2013). Reformed Religion, Regime Change, Scottish Whigs and the Struggle for the 'Soul' of Scotland, c. 1688 – c. 1788. *Scottish Historical Review*. Vol. 92. Is. 1. P. 66-99.

Якобитское движение в контексте контрреволюции на Британских островах после Славной революции 1688–1689 гг.

Леонид Владимирович Сидоренко ^а. *

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Несмотря на то, что в ходе Славной революции 1688–1689 гг. переход трона от Якова II к Вильгельму Оранскому сопровождался феноменальным единством почти всех сил страны, вскоре на Британских островах оформилось значительное меньшинство, оставшееся преданным свергнутому монарху, за чьими сторонниками закрепилось имя якобитов. Их движение приняло форму контрреволюции, представляя прямую реакцию недовольных общественных групп на революционную смену власти. На базе теоретических идей феномена контрреволюции и оценок якобитского движения в историографии автор статьи проводит исследование якобитизма именно в контексте эволюции английской контрреволюции как ответа на Славную революцию. В статье делается вывод, что это контрреволюционное движение было весьма пестрым и разнородным, а его участники защищали разные интересы. Помимо внешней контрреволюции со стороны Людовика XIV, использовавшего якобитских эмигрантов для влияния на Англию, огромную роль играли внутренние контрреволюционные настроения, опасность которых усиливалась из-за различных интерпретаций Славной революции в среде Церкви Англии и партийной системе. Ощутимее якобитское движение оказалось на периферии Британских островов, где ирландская контрреволюция была подавлена в ходе скоротечной гражданской войны, а в Шотландии оно более полувека сохраняло свои позиции, опираясь не столько на верность Стюартам, а сколько на возможность их использования для решения местных политических и социальных задач. В итоге именно из-за доминирования частных интересов якобиты потерпели поражение, способствуя окончательной победе революционного устройства.

Ключевые слова: Славная революция, контрреволюция, якобитизм, виги, тори, ганноверское престолонаследие, Горный край, мятежи, Шотландия.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: l.sidorenko@spbu.ru (Л.В. Сидоренко)

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 974-985. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.974
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

From the Antichrist to the Revolutionary: Peter the Great in the National Socio-Historical Discourse of the XVIII – early XX century

Ludmila V. Mininkova ^a, Tayjana Ju. Ajdunova ^{a, *}

^aSouth Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

Peter the Great as one of the strongest and most sustainable *lieu de mémoire* was represented in different forms. They included short one-word characteristics of the czar. They are to be considered as important historical sources for the study of public consciousness of Modern Russia. Even short, they meant important information that was connected with attitudes of various social groups towards the czar. First of them were formed in the public consciousness of Peter's epoch and one of the most important was the image of the czar as czar-Antichrist. The latest image, czar-revolutioner, was introduced by Alexander Gertsen. Among these characteristics were both critical and apologetical. Critical characteristics, for instance, czar-Antichrist, were formed among the mass people and developed within society. In the post-reform period till the beginning of the 20th century, during the crisis of Russian autocracy, these ideas were developed among democratic intelligentsia. Apologetic ideas were given by educated people who recognized the input of the czar in the development of education in Russia and by people who were close to the authorities. Among the most popular characteristics of the czar were hero, navigator, worker and reformer. The desire to generate a godly image of Peter the Great was not developed. Also, the image of Peter – revolutioner could not be considered as apologetic or critical.

Keywords: historical memory, public consciousness, historical image, Peter the First as Russian *lieu de mémoire*, czar-Antichrist, czar-reformer, czar-revolutioner, Alexander Pushkin, Alexander Gertsen about Peter the First.

1. Введение

Жизнь и многосторонняя деятельность Петра I нашла самое широкое отражение в историографии, начиная еще с петровского времени. Вместе с тем особенностью современной историографии стало то, что в центре внимания историков оказалась проблематика восприятия прошлого в массовом сознании и в общественно-историческом дискурсе, представленного в образно-сюжетном ряде прошлого в сознании общества. Для массового сознания российского общества и российских общественно-исторических дискуссий одним из наиболее мощных и значимых образов был образ первого императора России. Не случайно в нем сложился целый ряд образов царя, через которые проявлялось отношение к нему, к проводившимся им реформам и к самодержавию вообще. Выявление и характеристика внутренней сущности этих образов способствует уяснению особенностей российской общественной мысли в свете отношения ее к основателю Российской империи.

2. Материалы и методы

Анализ разнообразных источников позволяет выявить образы Петра I, отразившиеся в письменных, изобразительных и вещественных источниках. К письменным источникам относятся труды историков, произведения литературы и публицистики, в которых раскрывается авторское

* Corresponding author

E-mail addresses: tat-apr@mail.ru (T.Ju. Ajdunova)

отношение к царю и его деятельности. В изобразительных и вещественных источниках, которыми являются монументы Петру Великому, установленные в России, такое отношение выражается через его художественные образы.

К методологии исследования относится опора на принцип историзма, в свете которого всякое рассматриваемое явление понимается как выражение культуры своего времени. Принцип лингвизма современной отечественной исторической науки дает возможность рассматривать характер и особенности отношений к царю с учетом языковых средств, причем это может быть язык исторической науки, публицистики, художественной литературы и искусства. Использование компаративистики дает возможность сопоставить образы царя и выявить особенности отношения к нему в разных сегментах отечественной общественно-исторической мысли.

3. Обсуждение

Петр Великий как один из наиболее сильных и устойчивых образов русской исторической памяти в новой и новейшей отечественной истории выступал в ней в самых разнообразных проявлениях. Такое разнообразие определялось непростым отношением в обществе к царю и его реформам. На это справедливо указывал еще С.М. Соловьев. С одной стороны, апологетика царя возводила его на уровень божества, что подчеркивал М.В. Ломоносов, цитату из оды которого привел выдающийся историк: «Он бог твой, бог твой был Россия» (Соловьев, 1984: 10). Напротив, критики его отмечали, по словам С.М. Соловьева, что Петр «нарушил правильное течение российской жизни, уничтожил ее народный сводный строй, погряз народными нравами и обычаями, произвел рознь между высшими и низшими слоями населения, заразил общество иноземными обычаями, устроил государство по чуждому образцу и подобию, заставил русских людей потерять сознание о своем, о своей народности» (Соловьев, 1984: 11). Отсюда, делал вывод он, проистекало столь разное отношение к царю со стороны современников и потомков. Для выражения этого отношения к Петру I, как ни к какому иному российскому самодержцу, находили разные, очень выразительные и краткие, состоявшие из нескольких и даже из одного слова, определения. Эти определения представляют интерес в связи с тем, что через них разные слои общества высказывали самую суть своего отношения к царю и всей его деятельности, а в силу своей краткости и выразительности они очень хорошо усваивались и распространялись в массовом сознании. В историографии обращалось внимание прежде всего на такие из них, которые давались еще людьми петровского времени. Это были такие определения с ярко выраженной негативной коннотацией, как «царь-антихрист» и почти аналогичные ему по смыслу «царь-немец» или «подменный царь». На широкую распространенность взгляда на Петра I как на антихриста в России указывал Е.Ф. Шмурло и приводил в пример народную лубковую живопись, в которой «антихрист на некоторых рисунках изображен с чертами лица, не оставляющими никакого сомнения в тождестве их с чертами императора Петра I» (Шмурло, 1912: 4). О созданной переписчиком церковных книг Григорием Талицким теории, согласно которой «антихрист воплотился именно в Петре I» (Голикова, 1957: 136), указывала Н.Б. Голикова. По ее словам, казнь Талицкого и «витиеватые послания» против него местоблюстителя патриаршего престола Стефана Яворского «не положили предела разговорам о том, что Петр I является антихристом» (Голикова, 1957: 145). Она же указывала на связь теории Петра I как царя-антихриста и как царя-немца (Голикова, 1957: 148-149). А.И. Клибанов считал «общестароверческим» протест старообрядцев «против петровских нововведений, вплоть до квалификации их как "антихристовых"» (Клибанов, 1977: 130). На широкое распространение в народе в течение всего петровского царствования идеи подменного царя указывал К.В. Чистов, в том числе о распространенности ее в период страханского восстания (Чистов, 1967: 110, 118). Он же отмечал мнение о бытовании в народе легенды, согласно которой Петр I – это «царь-избавитель», но не считал, что такая легенда вообще существовала (Чистов, 1967: 113).

Значительно меньше внимания было уделено в историографии другим характеристикам царя, таким же кратким, определенным и четко указывавшим на типичные стороны его личности и деятельности. Согласно О.Б. Леонтьевой, уже в XVIII в. возникли, помимо образа царя-антихриста, «четыре образа Петра, каждому из которых была суждена долгая жизнь». Это были образы «царя-героя», «царя-реформатора», «царя-учителя» и «царя-плотника» (Леонтьева, 2011: 234).

Интерес к таким кратким определениям вызывается тем, что в них при самом минимуме лексических средств общество четко фиксировало суть своего отношения к царю, к его власти и всей его деятельности. Они позволяют понять не только отношение разных общественных слоев русского общества к монарху, но и выражение через такие оценки системы ценностей, сложившихся в них, и то, в какой степени соответствовали этим ценностям петровские реформы. Они также позволяют уяснить, до какой степени через образ Петра I развивалось идейное противостояние на разных этапах развития русского общества, способствуя поддержанию его состояния, по словам А.С. Ахиезера, как общества расколотого. Такое общество отличала «неукорененность в культуре идеала всеобщего согласия» (Ахиезер и др., 2008: 166), или это было «высокодезорганизованное общество» (Ахиезер, 2006: 127), в том числе и по линии отношения к этому наиболее выдающемуся из российских самодержцев.

4. Результаты

Как справедливо указывалось в редакционной статье без названия газеты «Санкт-Петербургские ведомости» от 30 мая 1872 г., посвященной 200-летней годовщине со дня рождения Петра I, «деятельность Петра породила при его жизни и порождала долгое время после его смерти страстные симпатии и антипатии. В сущности дела, у Петра было больше врагов, чем друзей» ([Санкт-Петербургские ведомости, 1872](#)). Отсюда не случайно, что среди подобных характеристик Петра I к наиболее раннему времени относится характеристика его как царя-антихриста. Сведения о ней ранее всего зафиксированы в следственном деле переписчика церковных книг Григория Талицкого, которое велось в Преображенском приказе в 1700 г. Судя по следственному делу, Талицкий подводил под это утверждение доказательную базу. В ходе допроса он указал среди своих источников «книгу о числении лет и что названа врата», а также книгу «о падении Вавилона, в которой написана на великого государя хула» ([Раскольничьи дела XVIII столетия, 1861: 72](#)). Сам он «винился» в том, что «составил он воровские письма, будто настало ныне последнее время и антихрист мир пришел, а антихристом в том письме, ругаясь, писал великого государя». Отсюда следовали в его сочинении конкретные рекомендации, когда Талицкий «народам от него, государя, отступать велел и слушать его, государя, и всяких податей ему платить не велел». Он признался, что принимал меры к распространению своих сочинений, «единомышленником своим и друзьям давал письма руки своей на столбцах, и иным в тетратех». Представляется важной для понимания общей ситуации с сочинениями Талицкого одна небольшая деталь его допроса, когда он говорил, что давал свои «письма» «единомышленником» и «друзьям», «и за то у них имал деньги» ([Раскольничьи дела XVIII столетия, 1861: 60](#)). На новом допросе, «с подъему», Талицкий указывал, что причиной была «скудость моя, нечем питаться» ([Раскольничьи дела XVIII столетия, 1861: 73](#)). Скрытый смысл указания Талицкого на первом допросе о получении им денег в том, что все то, что он писал, пользовалось спросом в обществе, и эти идеи вполне разделялись в определенной его части. Не случайно, например, один из проходивших по делу людей, иконник Ивашка Савин, заявлял в ходе допроса, что «он-де, Гришка, в тех письмах писал всю правду от книг Божественного писания и не своим вымыслом» ([Раскольничьи дела XVIII столетия, 1861: 65](#)). Понимая это, следствие не случайно стремилось подчеркнуть особо опасный для государства характер действий Талицкого. На это указывали слова его из первого допроса об активной подготовке печатания его сочинений о «последнем времени и о антихристе». Он указывал, что «вырезал две доски, а на тех досках хотел печатать листы, и для возмущения ж и к бунту и а его же, государево, убийство», причем «те листы хотел отдать в народ безденежно» ([Раскольничьи дела XVIII столетия, 1861: 60-61](#)). Все это вытекало из главной характеристики Петра I в качестве антихриста, которую давал Талицкий. Это прямо свидетельствует из допроса попады Степаниды, жены попа церкви Входа в Иерусалим в Китай-городе. По ее словам, «Гришка великого государя антихристом называл, и какой де он царь мучит сам». Отсюда не случайно, что Гришка «про государя царевича говорил не от доброго де корения, и отрасль не добрая» ([Раскольничьи дела XVIII столетия, 1861: 70](#)). В самом деле, по логике допрашиваемых, иным сын у царя-антихриста быть не мог.

Характеристика Петра I в качестве царя-антихриста оказалась из подобных кратких наименований этого монарха наиболее сильной и устойчивой. При всей своей распространенности в обществе она была в период своего появления прежде всего народной. Талицкий настолько точно обозначил самую суть массового отношения к царю среди широких слоев населения, что связка между именем Петра I и указанием на него как на антихриста распространялась уже без какого-либо участия казенного переписчика церковных книг и лиц, проходивших с ним по его делу. Она стала устойчивым местом русской исторической памяти, по существу таким же значимым, как сам первый российский император. Не случайно роман Д.С. Мережковского начала XX в., посвященный Петру I и его времени, был озаглавлен автором «Антихрист». Конечно, к тому времени социальная база такого понимания сущности царя изменилась. Если в петровское время и на протяжении XVIII в. идея царя-антихриста была по преимуществу народной, то на рубеже XIX–XX вв. в народе этот царь уже не воспринимался столь же близко и остро, как ранее: образ его в массовом сознании относился уже к далекому прошлому. Но он занимал прочные позиции в сознании части интеллигентской среды, ощущавшей возможный и недалекий крах самодержавия и оппозиционно настроенной по отношению к нему. Для нее одной из форм такого отношения к самодержавному строю была негативная характеристика Петра Великого как личности, заложившей основы петербургской империи. Такая характеристика была направлена против идеализации царя как властью, особенно заметной в период празднования петровских юбилейных дат, приходившихся на это время, так и народом, активно участвовавшим в этих празднованиях и воспринимавшим вполне позитивно идеализацию монарха. Но идейная основа понимания Петра I как царя-антихриста во времена Г. Талицкого и Д.С. Мережковского была совершенно разной. Для начала XVIII в. такой основой было Священное Писание, из текстов которого Талицкий вычитывал доказательства того, что Петр I – антихрист. Разумеется, для интеллигенции, к которой принадлежал Д.С. Мережковский, опора на подобные доказательства полностью исключалась. Само понятие антихриста воспринималось ею не в

прямо, а в переносном смысле как характеристика определенных качеств человека, причем самых отрицательных. При этом их концентрированным выражением виделось писателю, как и его современникам и единомышленникам, убийство царевича Алексея, на которую царь дал согласие. Отсюда и подзаголовок романа «Антихрист» – «Петр и Алексей». Вообще среди части русской интеллигенции взгляд на Христа, согласно В.С. Соловьеву, как на воплощение «в духе Христовом» «любви и милосердия, подвига и самопожертвования» (Соловьев, 1991: 243), получил признание и распространение. В этой связи понимание Петра I как антихриста в глазах части русской интеллигенции было связано с тем, что она не находила в его деятельности начал любви и милосердия, но в гибели царевича видела наиболее прямое, решительное и яркое отрицание этих начал, которые исходили от Христа. Отсюда и образ Петра I как образ, противоположный тому, что нес в себе Христос, или образ антихриста. Петр I как антихрист означал во всей своей деятельности нечто противоположное христовой любви и милосердию, что и стремился показать Д.С. Мережковский.

Среди кратких прозваний Петра I с резко негативным смыслом выделяется указание на то, что он – царь-немец. Очень четко это прослеживается в следственном деле в Преображенском приказе 1701 г. крестьянина Васьки Старыгина из Веневского уезда под Тулой. Он заявлял крестьянам во время сенокоса о Петре I, что «будто де он немчин, а скрали де его немцы у мамок в малых летех, а вместо его подменили инога» (РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 13. Л. 10). В ходе следствия под пыткой «на виске» Старыгин признался, что слышал об этом на Веневе и говорил об этом «посацкой человек Пронка Барышник» (РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 13. Л. 14). Следовательно, слухи об этом были достаточно распространены, причем в разных вариантах. Крестьянка помещика Протасова, которую звали Улита, давала под следствием в 1701 г. эту версию в таком варианте: «Царь Алексей Михайлович ей, государыни, говорил: буде ты родишь сына, я де тебя пожалую, а буде родишь дочь, я тебя в струбе сожгу. И царица де родила дочь, а немка в то ж число родила сына, и ту де дочь отослали к той немке, а у ней вместо того взяли сына и принесли к ней, царице» (Голикова, 1957: 181). Своеобразное соединение версий о царе-антихристе и о царе-немце представлял один из донских казаков городка Нижний Чир. По словам казака, «он де, государь, не царь, а антихрист». И далее он разъяснял, каким образом антихрист мог стать царем. «Царица де Наталья Кирилловна родила девицу, и вместо де той царевны своровали бояре, подменили иноземца, Францова сына Лефорта» (РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Д. 291. Л. 11-12). Таким образом, в словах этого казака идея царя-антихриста соединялась с идеей подменного царя и царя-иноземца. О царе-немце казак не говорил. Но указание на иноземное его происхождение предполагало возможность того, что он был немцем. Для массового сознания конкретная этническая принадлежность не настоящего, подменного, царя была не такой уж, по-видимому, важной. В самом деле, в одном случае указывается то, что царь – «латыш». Столяр князя А.Д. Меншикова Василий Королек в 1722 г. говорил, что императрица Екатерина Алексеевна «чюхонка, и недавно на ней государь женился» (РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 98. Л. 21). Самое главное состояло в том, что такой царь-иноземец не мог быть православным государем, а в массовом сознании под воздействием церкви сложилось четкое представление о враждебности «латинства» и «люторства», западного христианства вообще, поскольку все иные направления христианства, кроме православия, рассматривались как еретические. Поэтому образ царя-иноземца был таким же негативным, как и образ царя-антихриста.

Краткие и четкие позитивные и апологетические характеристики Петра I также давались современниками. Автор истории Северной войны, выдающийся дипломат П.П. Шафиров, давал характеристику Петру I, согласно которой государь «не токмо сам себя показал великим вождем, и храбрым, и неустрашаемым, и разсудительным воином, каковым из его равных едва ль кто в сии веки обрести может» (Шафиров, 1722: 10). Таким образом, из этой характеристики видно, что П.П. Шафиров считал необходимым особо подчеркнуть роль Петра I как вождя и воина, причем два этих определения были в сознании их автора тесно связаны. Вождем в свете данного высказывания Петр I был прежде всего военным. Однако значительно в большей степени известны характеристики, которые содержатся в «Стансах» А.С. Пушкина: «То академик, то герой, То мореплаватель, то плотник» (Пушкин: 1974, 90). К характеристикам Петра I, выделяющим качества его как военного предводителя, относится самая обобщенная из них – герой. Качества его как героя высказывали разные авторы XVIII в. С известными историческими образами героев-римлян, одержавших победу над «пресловутым оным Аннибалем, вождем карфагенским» (Феофан Прокопович, 1961: 29), сопоставлял царя Феофан Прокопович. М.В. Ломоносов настолько высоко ценил царя как полководца и героя, что заявлял, будто бы для шведов «быть от Него побежденным есть славнее, нежели победить слабые полки под худым предводительством» (Ломоносов, 1959: 595). Тем более героический образ Петра I стал достоянием русского и зарубежного искусства. К наиболее ярким художественным образам царя-героя относится изображение Петра I на мозаичной картине «Полтавская баталия», созданной М.В. Ломоносовым, где монарх представлен на коне, готовым скакать в гущу боя (Полтавская баталия, 1976: 8-11). Вообще, тема Петра I как царя-героя и победителя шведов в Полтавской битве оказалась распространенной в живописи. На картине неизвестного художника, выполненной вскоре после битвы, изображен Петр-герой на коне, главу

которого ангел венчает лавровым венком. Царь на коне, в средневековых доспехах с мечом, поверх доспехов у него алый плащ, который так же, как и лавровый венок, был символом римского триумфатора. На заднем плане картины видно поле Полтавского боя. Ангел, венчающий лавровым венком царя-героя на коне непосредственно во время битвы, представлен на картине И.Г. Таннауера примерно того же времени. Царь на коне на общем фоне Полтавского боя во главе группы русских военачальников представлен на полотне французского художника Л. Каравакка 1718 г. В ней уже не использованы римские символы и аллегории, а на царе не средневековые доспехи, а его синий мундир Преображенского полка и известная шляпа, пробитая шведской пулей. Единственным аллегорическим образом героя-победителя в картине представлен меч в руках царя, которого у него в той битве на самом деле, конечно же, не было. Образ царя-героя в рыцарских доспехах с орденом святого Андрея Первозванного, только что снявшего шлем с забралом, на фоне битвы представил французский художник Ж.М. Натье, а в 1717 г. аналогичный образ создал И.Н. Никитин. На картине Никитина Петр изображен без ордена Андрея Первозванного, но в развевающемся красном плаще римского героя-триумфатора.

Героические образы Петра Великого представлены в двух бронзовых монументах XVIII в. Один из них – творение К.Б. Растрелли, установленное при Павле I перед Михайловским замком. Признаком воинской доблести царя был, по римскому обычаю, лавровый венок на его голове, который давался полководцу и победителю (Сокол, 2006: 48). Этот же образ имеет место в Медном всаднике Э. Фальконе. Как заявлял сам мастер в письме Д. Дидро, Петра I «я не трактую ни как великого полководца, ни как победителя, хотя он, конечно, был и тем, и другим» (Аркин, 1990: 315). Но, несмотря на такое заявление художника, образ воина и героя в памятнике был выражен очень четко, что проявляется в конной фигуре императора, как это положено для памятника герою-военачальнику.

Образ царя-мореплавателя, выделенный А.С. Пушкиным, также относится к самым устойчивым и распространенным, тем более что его всячески культивировал сам царь, поскольку море и морское дело он очень любил и был создателем российского флота. Для него моряки были людьми, которые заслуживали первостепенного внимания. Едва ли случайно на праздновании окончания Северной войны он предстал перед обществом в костюме голландского матроса (Павленко, 1975: 291). Наиболее откровенный апологет Петра I, Феофан Прокопович, не случайно сравнивал царя с ветхозаветным Иафетом. В самом деле, царь, как и этот сын праведника Ноя, строил суда и создал российский флот, ввел для России «неслыханное ... от века дело», которым было «строение и плавание карабельное» (Феофан Прокопович, 1961: 126). В.Н. Татищев в качестве одной из заслуг Петра I отмечал, что он создал «великий флот на четырех морях» (Татищев, 1990: 107). С образом царя-мореплавателя был связан культ исторического артефакта, петровского ботика – «дедушки русского флота», который всячески организовывался и поддерживался властями. Н.Г. Устрялов писал, что среди судов петровской флотилии на Переяславском озере остался от петровских времен небольшой бот, «с 1803 года сохраняемый в особом здании, под надзором отставных матросов» (Устрялов, 1858: 145). По его словам, «благородное дворянство Владимирской губернии ... приняло меры к сохранению уцелевшего ботика» (Устрялов, 1858: 145). В 1872 г. в связи с мероприятиями по празднованию 200-летия со дня рождения Петра I в Москву из Санкт-Петербурга по Николаевской железной дороге был доставлен ботик. Поздним вечером 30 мая состоялась церемония торжественной встречи ботика на Курском вокзале, описанная в «Московских ведомостях», с присутствием на ней командующего войсками Московского военного округа, московского обер-полицмейстера, войск почетного караула. На встречу ботика, согласно газетному описанию, вышли, несмотря на позднее время, «толпы народа» (Московские ведомости, 1872). В иллюстрированном альбоме, посвященном 200-летию со дня рождения Петра I с текстами описания празднования П.Н. Петрова и С.Н. Шубинского, на одной из гравюр изображен ботик – «дедушка русского флота», проплывавший по реке Москве мимо кремлевской стены с сопровождавшими его лодками под Андреевскими флагами (Альбом, 1872: 237). По-особому образ царя-мореплавателя был раскрыт в бронзовом памятнике, открытом 27 июня 1909 г., в день 200-летия победы русских войск под Полтавой, на берегу Невы перед зданием Адмиралтейства. Согласно описанию памятника в газете «Санкт-Петербургские ведомости», сделанному по модели скульптуры Бернштама, в нем изображено спасение утопающих Петром I «среди бушующих волн». «Вся фигура Царя дышит мощью и безграничной отвагой» (Санкт-Петербургские ведомости, 1909), – передавал свое впечатление от памятника автор газетного репортажа. Особенность образа царя-мореплавателя, вышедшего навстречу разбушевавшейся морской стихии ради спасения людей в том, что в духе времени этот образ включал в себя гуманистическую идею. Царь-мореплаватель и царь-герой приобретал образ царя как спасителя людей на море и выступал в роли Спасителя. Но если для христиан Спасителем является Иисус Христос, который соединяет в себе человеческую и сверхчеловеческую, божественную сущность, то император Петр Великий выступал не только в человеческом, но и в божественном образе, однако в духе начала прошлого века, когда в обществе получали все более широкое распространение гуманистические ценности.

К наиболее распространенным образам Петра I, связанным с особенностями его личности, относится образ его как царя-плотника. Основу этого образа закладывал он сам, причем не только во время работ на верфи в Саардаме в ходе Великого посольства или в самой России, но и своих общениях с подданными. В частности, это нашло отражение в записи своего разговора с царем Ивана Неплюева, который посылался за границу для обучения морскому делу в качестве гардемарина. Во время экзамена по морскому делу, который проводил у гардемарин сам Петр I, он будто бы заявил, как писал Неплюев в своих записках: «Видишь, братец, я и царь, да у меня на руках мозоли; а все от того: показать вам пример и хотя б под старость видеть мне достойных помощников и слуг отечеству» (Неплюев, 1998: 419). Как более обобщенный вариант образа царя-плотника существовал также образ царя-работника. В юбилейных публикациях журнала демократического направления «Дело», посвященных 100-летию со дня рождения Петра I, статья С. Шашкова была так и названа: «Всенародной памяти царя-работника». Автор писал, что «жизнь его была непрерывным трудом, трудом упорным и тяжким, как труд того многострадального народа, на пользу которого он жил и который до сих пор в своих сказаниях с восторгом вспоминает о нем: "вот так царь был; работник был – даром хлеба не ел!"» Он, следовательно, совершенно справедливо указывал то, что в народной памяти образ Петра I отличался от образов других самодержцев тем, что он знал работу плотника и целый ряд других профессий – корабельного мастера, кузнеца и другие, и это обеспечило ему весьма позитивное восприятие в народе. А.С. Шашков справедливо отмечал, что «Петр с благородною гордостью хвастался тем, что он "в поте лица ел хлеб свой"» (Шашков, 1872: 301), и, следовательно, очень заботился о поддержании в обществе такого своего образа. Вместе с тем А.С. Шашков подчеркивал, что дело было не только в подобном стремлении царя, но и в особенностях его личности. «Живой, неспорченной натуре Петра была противна могильная обстановка московского двора, противен всякий этикет, не только московский, но даже европейский», – писал он. Поэтому, по его словам, «народ любил своего, хотя и грозного, но общедоступного царя». Но образ царя-плотника, царя-работника также, по его мнению, способствовал тому, что его подданные, «не зараженные фанатическою суеверною ненавистью к реформе или своекорыстными расчетами партии», «должны были увлекаться его самоотверженною преданностью народному благу, которому он жертвовал всем» (Шашков, 1872: 302), и поддерживать петровские реформы. Такая, однако, связь кажется несколько искусственной и существовавшей в сознании автора, но не в массовом сознании. Несомненно, однако, что образ царя-плотника и царя-работника в массовом сознании имел место, был весьма сильным и вполне положительным. В 1909 г., когда шла подготовка к празднованию 200-летия победы под Полтавой, в ходе совещания при министерстве императорского двора высказывалось намерение, что около Адмиралтейства в дальнейшем мог быть поставлен памятник, изображающий Петра I как «Царя-Работника» (РГИА. Ф. 473. Оп. 2. Д. 1378. Л. 12). Этот памятник Л.А. Бернштама был поставлен недалеко от памятника Петру I, спасающему утопающих после кораблекрушения. Копия его была подарена Николаем II голландскому городу Заандаму (Саардаму) (Сокол, 2006: 51). Имело место в обществе также довольно ироничное отношение к образу Петра I как царя-плотника и царя-работника, которое проявлялось среди части революционно-демократического направления общественной мысли. Особенно наглядно выражено оно было таким критиком царя, как М.Н. Покровский. При Петре I, как правомерно отмечал он, царский образ в сознании народа значительно изменился. Так, если в допетровское время наверху российской общественной «пирамиды» «высилось нечто вроде живой иконы, в строго византийском стиле, медленно и важно выступавшей перед глазами благоговейной толпы», то «теперь виднелась нервная, подвижная до суетливости фигура в рабочей куртке, вечно на людях, вечно на улице». При этом вообще, по словам М.Н. Покровского, «нельзя было разобрать, где же кончалась улица и начинался царский дворец» (Покровский, 1966: 592). Вместе с тем М.Н. Покровский указал еще одно любимое дело царя, которому «после катанья на яхте и работы с топором или за токарным станком ничего, кажется, не доставляло ... такого удовольствия, как рвать зубы». Поскольку, писал М.Н. Покровский, желающих лечить зубы у царя не было, то «на царских денщиков ложилась деликатная обязанность отыскивать царю случаи для упражнения в зубоврачебном искусстве» (Покровский, 1966: 605). Кризис самодержавия на рубеже XIX–XX вв. сказывался, таким образом, на отношении общества к Петру I как к царю-работнику, которое становилось объектом иронии.

Пушкинская характеристика Петра I как академика имеет два содержания. Одно из них имеет чисто формальное основание, которое заключается в том, что Петр I заботился о насаждении в России европейской науки, понимая ее культурно-историческую перспективу и значимость в отличие от традиционного взгляда на науку как на знание Писания и богословской христианской традиции. Уяснив это, он насадил ее в России, подписав в 1724 г. указ об учреждении Академии наук в Санкт-Петербурге. Другой смысл более широкий. Он заключается в признании за царем заслуги в деле организации образования в стране и в собственном интересе к научному знанию и в знаниях, которые приобрел он сам. Указ об учреждении Академии наук относился к законодательству Петра I, которое вызывало высокую оценку А.С. Пушкина. По его словам, этот указ относится к тем петровским указам, которые «суть плод ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости» (Пушкин, 1977: 303). Еще современники отмечали заслуги Петра I в распространении наук и научных знаний в

России. Феофан Прокопович подчеркивал заслуги Петра I, сопоставимые с прославленным своей мудростью ветхозаветным царем Соломоном. Об этом «довольно ... свидетельствуют многообразная философская искусства и его действием показанная и многим подданным влияния и заведенная различная прежде нам и неслыханная учения, хитрости и мастерства» (Феофан Прокопович, 1961: 126), – писал он. В.Н. Татищев отмечал, что царь – это «ученых людей великий любитель и защитник», причем он сам «подобного себе не имел» «во многих искусствах, яко строение кораблей и мореплавании, архитектуры цивилис и милитарис, и алтилерии, оставя токарное искусство», и вообще «вольныя науки и искусства открыл, суеверие опровергл» (Татищев, 1979: 84). Эти заслуги не ставились под сомнение в течение почти двух веков после смерти первого императора России. Однако ирония М.Н. Покровского в отношении Петра I, его деятельности и петровской апологетики коснулась также «академической» и «просветительской» сторон его деятельности. «Научные интересы самого Петра, если о них можно говорить, не шли далее собирания "монстров" и "опытов", вроде попытки создать породу высоких людей, поженив откуда-то добытую царем "чрезмерно высокую" финку с показывавшимся в балагане за деньги французским великаном» (Покровский, 1966: 605), – писал он, явно высмеивая утверждения современников и историков о какой-то выдающейся учености царя.

Менее проявлялся образ Петра I как учителя народа, всего русского общества. Напрямую на эту тему говорилось в небольшой книге казанского историка И.В. Соколовского «Петр Великий как воспитатель и учитель народа», изданной в 1873 г. в период празднования 200-летнего юбилея царя. Основано оно было на том, что, согласно И.В. Соколовскому, Петр I принял новый идеал государства, не как вотчину государя, но как общественную силу, направленную «во имя общего блага». Такое государство, писал он, должно было устраиваться на новых началах, «выполнение которых он признавал необходимой обязанностью каждого члена общества». Согласно этим началам, всякий член общества «должен служить государству, народу», причем служба народу не отделялась от службы государству. Но для восприятия в обществе таких начал необходим был пример самого государя, и Петр I, как подчеркивал автор, показал пример такой службы, принимал на себя не только титулы и знаки царского величия, но и «служебные обязанности», а также новые основы в отношениях между человеком и государством. Внедрение таких новых начал он видел с нового положения государя, который являлся «не прежним помещиком вотчины, а трудолюбивым управляющим ее, руководимым заботами об общем благе, о справедливости, зависимым от общественного мнения» (Соколовский, 1873: 3). Такое отношение государя к обществу и к своим обязанностям должно было, по мнению И.В. Соколовского, способствовать воспитанию нового общества, живущего в условиях не царской вотчины, но современного государства.

Но, вводя новый взгляд на государство и на место человека в нем, на роль в государстве царя, Петр I нисколько не пытался пересматривать такую основу монархической власти, как ее сакральные, сверхъестественные, религиозные основания. Однако строились при нем они по-другому, на основе уже не византийских традиций, но традиций античного Рима, как это было в европейских монархиях эпохи барокко. «Кумир на бронзовом коне» (Пушкин, 1975: 262), – так совершенно точно передал А.С. Пушкин в «Медном всаднике» образ Петра Великого, выраженный в монументе Э. Фальконе на Сенатской площади. В образе обожествленного римского императора и бога войны Петр I, как отмечал Р.С. Уортман, представлял себя уже после взятия Азова в 1696 г. (Уортман, 2002: 68-69). В божественном образе видел царя М.В. Ломоносов. Как отмечал ученый, бога принято представлять «в человеческом виде», имея в виду как язычников восточной и античной древности, так и представления о христианском боге. В таком случае, писал он, «ежели человека, Богу подобнаго, по нашему понятию, найти надобно», то никого, «кроме Петра Великаго не обретаю» (Ломоносов, 1959: 611). В 1750 г. он сделал надпись к статуе царя: «Се есть Петр, отечества Отец; земное божество Россия почитает, и столько олтарей пред зраком сим пылает, коль много есть ему обязанных сердец» (Ломоносов, 1959: 284-285). Конечно же, ученый в самом деле видел в Петре I не бога, но человека, хотя и, по его мысли, богоподобного, или же, как он писал в «героической поэме» «Петр Великий», «такого Человека, каков во всех странах не слыхан был от века» (Ломоносов, 1959: 697). Но и в новейшее время образ Петра Великого как не только человека, но и божества, не был вполне утрачен. Он проявлялся в бронзовом памятнике Л.А. Бернштама с образом царя как Спасителя людей, терпящих бедствие на море (Сокол, 2006: 50). Однако в пореформенный период образ Петра Великого как образ божественный уже не имел перспектив для своего развития.

На его место выдвигался образ царя-реформатора, лишённого сверхъестественных способностей, но способного действовать как выдающийся политик, создававший своими реформами условия для развития общества и государства. Для отечественной общественно-исторической мысли Петр I выступал как образец реформатора, с нередким добавлением эпитета «великий». Даже дворянский фрондер князь М.М. Щербатов отдавал должное царю как реформатору. При всем своем резко критическом отношении к «повреждению нравов России», наступившему в ходе реформ, признавал «великие дела и достойные похвалы Петра Великого» (Щербатов, 2010: 119). Н.М. Карамзин, критикуя Петра I за непонимание того, что только «дух народный составляет нравственное могущество Государств», что «Государства могут стоять на одной ступени гражданского

просвещения, имея нравы различные», признавал «славное в сем Монархе» (Карамзин, 2010: 291) и указывал проведенные им реформы. По мысли петровского апологета М.П. Погодина, петровские реформы вообще создали современную Россию. «Нынешняя Россия», – писал он, – «дипломатическая, политическая, военная, Россия коммерческая, мануфактурная, Россия школьная, литературная – есть произведение Петра Великого» (Погодин, 2010: 229). Примером выдающегося и успешного реформатора Петр I был с точки зрения С.М. Соловьева. Хорошо известны слова из записок выдающегося историка: «Преобразования проводятся успешно Петрами Великими; но беда, если за них принимаются Людовики XVI и Александры II-е». Объясняя это, С.М. Соловьев указывал, что реформатор «вроде Петра Великого, при самом крутом спуске держит лошадей в сильной руке – и экипаж безопасен; но преобразователи второго рода пустят экипаж во всю прыть с горы, а силы сдерживать их не имеют, и потому экипажу предстоит гибель» (Цимбаев, 1990: 349-350). В этих рассуждениях биограф С.М. Соловьева Н.И. Цимбаев видел «призыв к крепкой власти, необходимой и при реформах», которая была у Петра I, но которую, по его мнению, потерял Александр II. Между тем еще во времена самого Петра I появились решительные критики петровских преобразований. В 1720 г. в Преображенском приказе рассматривалось дело помещика Алексея Ртищева, который «говорил ... вслух про царское величество» «такие слова: ... разоритель государства Московского, старых слуг вывел, Москву завел на другой земле» (Новомбергский, 2004: 115-116). Но и на рубеже XIX–XX вв., в обстановке обострения системного кризиса самодержавия, формировался общественный запрос на критику петровских реформ как его исторической основы. В таких условиях появилась резко негативная оценка реформаторской деятельности Петра I, выраженная М.Н. Покровским. Подводя итог своему анализу политики царя в развитии мануфактурной промышленности, он писал: «Самодержавие Петра и здесь, как и в других областях, создать ничего не сумело, но разрушило многое» (Покровский, 1966: 560-561).

Позднейшая характеристика Петра I была сформулирована А.И. Герценом и представляла царя как революционера. В этом мыслитель видел историческую особенность страны. Спасти страну от удушающего «византизма», по его оценке, могла только революция. Но эта революция «вышла из лона самого дома Романовых» (Герцен, 2010: 221) в период царствования Петра I. «Под императорской порфирой в Петре всегда чувствовался революционер» (Герцен, 2010: 226-227), – утверждал А.И. Герцен. С одной стороны, в русском обществе, подчеркивал А.И. Герцен, в самом деле существовала глубокая потребность по его наблюдениям, «русские отреклись от прошлого без всяких возражений; одни только стрельцы пытались сопротивляться», и это – «доказательство» «крайней своевременности революции Петра Великого» (Герцен, 2010: 227). Но при этом произведенная Петром I революция, имевшая такие позитивные последствия для русского общества в целом, содержала в себе, согласно А.И. Герцену, побочные последствия, в которых по существу совпадали социальная и культурная составляющие. Так, на одной стороне оказались «крестьяне свободных и господских общин, посадские крестьяне и мещане»; это была «консервативная, общинная, традиционная Россия, строго православная или же раскольническая», «ничего не воспринявшая от европейской цивилизации». На другой – «созданное Петром I дворянство, все потомки бояр, все гражданские чиновники и, наконец, армия», причем представители этих групп населения очень быстро и охотно «освободились от своих обычаев» (Герцен, 2010: 227). По мысли А.И. Герцена, революция, проведенная Петром I, стала предпосылкой новой революции, которую он считал в будущем неизбежной. Основа его состояла в том, что Петр I как революционер «пожаловал» дворянству «страшную власть над крестьянами» и тем самым «поселил в народе глубокий антагонизм». Как основоположник теории общинного социализма, переход к которому он видел на путях крестьянской революции, он провозглашал, что такой «антагонизм приведет к социальной революции, и не найдется в Зимнем дворце такого бога, который отвел бы сию чашу судьбы от России» (Герцен, 2010: 223).

Взгляд А.И. Герцена на Петра I как на революционера разделял теоретик народничества Н.К. Михайловский, по мнению которого, в лице этого русского монарха выступал «царственный революционер» (Михайловский, 1911: 640). Он воспринял мысль А.И. Герцена о самом решительном преодолении Петром I пережитков старины, но при этом обращал внимание на то, что делал это царь «грубо и цинично», «топтал» эти пережитки «своим "всешутейшим собором"». Н.К. Михайловский указывал, что как революционер Петр I, прежде чем освободить общество, начинал освобождение с себя. Он «сбрасывает с себя иго кровных и династических интересов», что обернулось гибелью царевича Алексея. Но на место этого старого ига он «немедленно и сознательно налагает на себя иго "отечества и подданных", ради которых он действительно "жизни не жалел"». В полном соответствии с этим происходили революционные изменения в жизни его подданных. Избавляя их от старого «ига», царь, согласно Н.К. Михайловскому, «не распускал личность, не оставлял ее в безвоздушном пространстве своеволия: он наложил на нее иго науки» (Михайловский, 1911: 647). Он вообще указал личности «новые границы» (Михайловский, 1911: 648), которые определялись его взглядами на место человека в обществе и государстве. Как писал Н.К. Михайловский, Петр I считал, что если он сам служил, как он это понимал, народу, то он вправе был требовать от других «служения тому же русскому народу, а не тому или другому сословию» (Михайловский, 1911: 648). В целом его

характеристика Петра I как революционера более положительная, чем у А.И. Герцена. Считал Петра I «вождем революции, руководителем великого переворота» историк-марксист Н.А. Рожков. Готовность царя к такой роли определялась тем, что у него имелись соответствующее ей «моральное настроение, сила нравственных побуждений, убежденность, идейная смелость» (Рожков, 1928: 227). Согласно концепции Н.А. Рожкова, в России реформы Петра I привели к переходу от феодализма к торговому капитализму. Поскольку это был переход к новой общественно-экономической формации, то он был революционным. Новый класс, дворянство во главе с Петром I как со своим революционным вождем, приходил к власти в результате этой революции, устраняя феодалов-бояр, владевших вотчинами с натуральным хозяйством. Таким образом, Н.А. Рожков давал уточнение понятию о Петре I как о революционере в свете своего понимания марксистской формационно-классовой теории.

5. Заключение

Употребление кратких характеристик, состоявших из одного слова, по отношению к Петру I прослеживается еще с рубежа XVII–XVIII вв. Они прочно закрепились в русском общественно-историческом дискурсе ввиду своей исключительной четкости и емкости, способности с помощью одного слова выразить самую суть отношения к царю. В них проявлялась или общая оценка его деятельности, или отдельных важных и заметных ее сторон. По своему внутреннему смыслу они могут быть разделены на резко критические и апологетические. Критические характеристики, наиболее сильной и значимой из которых была «царь-антихрист», зарождались в петровское время в народной среде, но получали распространение в разных слоях общества. В последующее время, уже в пореформенный период, она получила распространение в обстановке кризиса самодержавия среди фрондирующей интеллигенции и проявилась в романе Д.С. Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей». Апологетические характеристики царю давались его почитателями из научной среды, просветителями, ценившими его вклад в развитие просвещения и науки, и лицами, в той или иной степени близкими к государственной власти. К наиболее распространенным среди них относились такие характеристики царя, как герой, мореплаватель, работник и реформатор. Стремление представить Петра Великого в образе божества, кумира на бронзовом коне, не получили достаточно четкого выражения. Вне подразделения на апологетические и критические характеристики стоит характеристика Петра I как революционера, обоснованная А.И. Герценом и принятая в общественно-исторической мысли революционно-демократического направления. Для выявления характера и особенностей отношения разных слоев русского общества XVIII – начала XX вв. к Петру I эти краткие характеристики дают первостепенную по своему значению информацию.

Литература

- Альбом..., 1872 – Альбом 200-летнего юбилея Петра Великого. Текст П.Н. Петрова и С.Н. Шубинского. СПб.: Изд. Германа Гоппе, 1872.
- Аркин, 1990 – Аркин Д.Е. Образы архитектуры и образы скульптуры. М., 1990.
- Ахиезер и др., 2008 – Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2008.
- Ахиезер, 2006 – Ахиезер А.С. Труды. М.: Новый хронограф, 2006.
- Карамзин, 2010 – Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении // Карамзин Н.М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 279–348.
- Клибанов, 1977 – Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М.: Наука, 1977.
- Леонтьева, 2011 – Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской литературе XIX – начала XX вв. Самара: Книга, 2011.
- Ломоносов, 1959 – Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М.-Л., 1959. Т. 8. Поэзия. Ораторская проза. Надписи.
- Михайловский, 1911 – Михайловский Н.К. Из литературных и журнальных заметок 1872 года / Полное собрание сочинений. СПб., 1911. Т. 1. С. 632–970.
- Московские ведомости, 1872 – Московские ведомости: 1872. № 134 от 30 мая.
- Неплюев, 1998 – Неплюев И.И. Записки / Империя после Петра. 1725–1765. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 385–448.
- Новомбергский, 2004 – Новомбергский Н.Я. Слово и дело государевы. Материалы. М., 2004.
- Павленко, 1975 – Павленко Н.И. Петр Первый. М.: Молодая гвардия, 1975.
- Погодин, 2010 – Погодин М.П. Петр Великий / Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 229–244.
- Покровский, 1966 – Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. Т. 1–2 / Избранные произведения. М.: Мысль, 1966. Кн. 1.
- Полтавская баталия, 1976 – Полтавская баталия. Мозаика М.В. Ломоносова / Автор текста А.Л. Каганович. Л., 1976.
- Пушкин, 1974 – Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1974. Т. 2.

- Пушкин, 1975 – Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1975. Т. 3.
- Пушкин, 1977 – Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1977. Т. 8.
- Раскольничьи дела XVIII столетия, 1861 – Раскольничьи дела XVIII столетия. Извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии Г. Есиповым. СПб.: Общественная польза, 1861.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Рожков, 1928 – Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). Л.-М.: Книга, 1928. Т. 5.
- Санкт-Петербургские ведомости, 1872 – Санкт-Петербургские ведомости, 1872. № 147 от 30 мая.
- Санкт-Петербургские ведомости, 1909 – Санкт-Петербургские ведомости, 1909. № 143 от 28 июня.
- Сокол, 2006 – Сокол К.Г. Памятники и монументы Российской империи. Каталог. М.: Вагриус Плюс, 2006.
- Соколовский, 1873 – Соколовский И.В. Петр Великий как воспитатель и учитель народа. Казань, 1873.
- Соловьев, 1991 – Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского / Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 227-259.
- Татищев, 1979 – Татищев В.Н. Избранные произведения. Под общей ред. С.Н. Валка. Л., 1979.
- Татищев, 1990 – Татищев В.Н. Записки. Письма. 1717–1750. Отв. ред. тома, автор вступительной статьи и примечаний д.и.н. А.И. Юхт / Научное наследство. М., 1990. Т. 14.
- Уортман, 2002 – Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М.: О.Г.И., 2002. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. Материалы и исследования.
- Устрялов, 1858 – Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 2.
- Феофан Прокопович, 1961 – Феофан Прокопович. Сочинения. Под ред. И.П. Еремина. М.; СПб., 1961.
- Цимбаев, 1990 – Цимбаев Н.И. Сергей Соловьев. М.: Молодая гвардия, 1990.
- Чистов, 1967 – Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды. М.: Наука, 1967.
- Шафиров, 1722 – Шафиров П.П. Рассуждение, какие законные причины е.в. Петр Великий, император и самодержец Всероссийский, ... к начатию войны против короля Карола 12 Шведского в 1700 году имел. СПб., 1722.
- Шашков, 1872 – Шашков А.С. Всенародной памяти царя-работника // Дело. 1872. Июль. С. 291-324.
- Шмурло, 1912 – Шмурло Е.Ф. Петр Великий в оценках современников и потомства. СПб., 1912. Вып. 1 (XVIII век).
- Щербатов, 2010 – Щербатов М.М. Насмотрение о пороках и самовластии Петра Великого / Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 117-131.

References

- Akhiezer i dr., 2008 – Akhiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I. (2008). Istoriya Rossii: konets ili novoe nachalo? [History of Russia: the end or a new beginning?]. М.: Novoe izdatel'stvo. [in Russian]
- Akhiezer, 2006 – Akhiezer A.S. (2006). Trudy [Proceedings]. М.: Novyi khronograf. [in Russian]
- Al'bom..., 1872 – Al'bom 200-letnego yubileya Petra Velikogo [Album of the 200th anniversary of Peter the Great]. Tekst P.N. Petrova i S.N. Shubinskogo. SPb.: Izd. Germana Goppe, 1872. [in Russian]
- Arkin, 1990 – Arkin D.E. (1990). Obrazy arkhitektury i obrazy skul'ptury [Images of architecture and images of sculpture]. М. [in Russian]
- Chistov, 1967 – Chistov K.V. (1967). Russkie narodnye sotsial'no-utopicheskie legendy [Russian folk social utopian legends]. М.: Nauka. [in Russian]
- Feofan Prokopovich, 1961 – Feofan Prokopovich (1961). Sochineniya [Feofan Prokopovich. Compositions]. Pod red. I.P. Eremina. М.; SPb. [in Russian]
- Karamzin, 2010 – Karamzin N.M. (2010). O drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnoshenii [About the ancient and new Russia in its political and civil relation]. Izbrannye trudy. М.: ROSSPEN, pp. 279-348. [in Russian]
- Klibanov, 1977 – Klibanov A.I. (1977). Narodnaya sotsial'naya utopiya v Rossii. Period feodalizma [National social utopia in Russia. The period of feudalism]. М.: Nauka. [in Russian]
- Leont'eva, 2011 – Leont'eva O.B. (2011). Istoricheskaya pamyat' i obrazy proshlogo v rossiiskoi literature XIX – nachala XX vv. [Historical memory and images of the past in Russian literature of the 19th – early 20th centuries]. Samara: Kniga. [in Russian]
- Lomonosov, 1959 – Lomonosov M.V. (1959). Polnoe sobranie sochinenii [Full composition of writings]. М.-Л., Т. 8. Poeziya. Oratorskaya proza. Nadpisi. [in Russian]
- Mikhailovskii, 1911 – Mikhailovskii N.K. (1911). Iz literaturnykh i zhurnal'nykh zametok 1872 goda [From literary and journal notes of 1872]. Polnoe sobranie sochinenii. SPb., Т. 1, pp. 632-970. [in Russian]
- Moskovskie vedomosti, 1872 – Moskovskie vedomosti: 1872. № 134 от 30 мая. [in Russian]

- [Neplyuev, 1998](#) – *Neplyuev I.I.* (1998). Zapiski [Notes]. Imperiya posle Petra. 1725–1765. M.: Fond Sergeya Dubova, pp. 385-448. [in Russian]
- [Novombergskii, 2004](#) – *Novombergskii N.Ya.* (2004). Slovo i delo gosudarevy [The word and deed of the sovereign]. Materialy. M. [in Russian]
- [Pavlenko, 1975](#) – *Pavlenko N.I.* (1975). Petr Pervyi [Peter the First]. M.: Molodaya gvardiya. [in Russian]
- [Pogodin, 2010](#) – *Pogodin M.P.* (2010). Petr Velikii [Peter the Great]. Izbrannye trudy. M.: ROSSPEN, pp. 229-244.
- [Pokrovskii, 1966](#) – *Pokrovskii M.N.* (1966). Russkaya istoriya s drevneishikh vremen [Russian history since ancient times]. T. 1–2. Izbrannye proizvedeniya. M.: Mysl'. Kn. 1. [in Russian]
- [Poltavskaya bataliya, 1976](#) – Poltavskaya bataliya. Mozaika M.V. Lomonosova [Poltava battle. Mosaic of M.V. Lomonosov]. Avtor teksta A.L. Kaganovich. L., 1976.
- [Pushkin, 1974](#) – *Pushkin A.S.* (1974). Sobranie sochinenii v 10-ti t. [Collected works in 10 volumes]. M.: Khudozhestvennaya literatura, T. 2. [in Russian]
- [Pushkin, 1975](#) – *Pushkin A.S.* (1975). Sobranie sochinenii v 10-ti t. [Collected works in 10 volumes]. M.: Khudozhestvennaya literatura, T. 3. [in Russian]
- [Pushkin, 1977](#) – *Pushkin A.S.* (1977). Sobranie sochinenii v 10-ti t. [Collected works in 10 volumes]. M.: Khudozhestvennaya literatura, T. 8. [in Russian]
- [Raskol'nich'i dela XVIII stoletiya, 1861](#) – Raskol'nich'i dela XVIII stoletiya [The schismatic affairs of the 18th century]. Izvlechennye iz del Preobrazhenskogo prikaza i Tainoi kantselyarii G. Esipovym. SPb.: Obshchestvennaya pol'za, 1861. [in Russian]
- [RGADA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian state archive of ancient acts].
- [RGLA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].
- [Rozhkov, 1928](#) – *Rozhkov N.A.* (1928). Russkaya istoriya v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii (osnovy sotsial'noi dinamiki) [Russian history in comparative historical coverage (foundations of social dynamics)]. L.-M.: Kniga. T. 5. [in Russian]
- [Sankt-Peterburgskie vedomosti, 1872](#) – Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1872. № 147 ot 30 maya. [in Russian]
- [Sankt-Peterburgskie vedomosti, 1909](#) – Sankt-Peterburgskie vedomosti, 1909. № 143 ot 28 iyunya. [in Russian]
- [Shafirov, 1722](#) – *Shafirov P.P.* (1722). Rassuzhdenie, kakie zakonnye prichiny e.v. Petr Velikii, imperator i samoderzhets Vserossiiskii, ... k nachatiyu voyny protiv korolya Karola 12 Shvedskogo v 1700 godu imel [Reasoning what are the legitimate reasons e.v. Peter the Great, the emperor and autocrat of the All-Russian, ... at the beginning of the war against King Karol 12 of Sweden in 1700 had]. SPb. [in Russian]
- [Shashkov, 1872](#) – *Shashkov A.S.* (1872). Vsenarodnoi pamyati tsarya-rabotnika [The popular memory of the tsar-worker]. Delo. Iyul'. Pp. 291-324. [in Russian]
- [Shcherbatov, 2010](#) – *Shcherbatov M.M.* (2010). Hassmotrenie o porokakh i samovlastii Petra Velikogo [An examination of the vices and autocracy of Peter the Great]. Izbrannye trudy. M.: ROSSPEN, pp. 117-131. [in Russian]
- [Shmurlo, 1912](#) – *Shmurlo E.F.* (1912). Petr Velikii v otsenkakh sovremennikov i potomstva [Peter the Great in the assessments of contemporaries and offspring]. SPb. Vyp. 1 (XVIII vek). [in Russian]
- [Sokol, 2006](#) – *Sokol K.G.* (2006). Pamyatniki i monumenty Rossiiskoi imperii [Monuments and memorials of the Russian Empire]. Katalog. M.: Vagrius Plyus. [in Russian]
- [Sokolovskii, 1873](#) – *Sokolovskii I.V.* (1873). Petr Velikii kak vospitatel' i uchitel' naroda [Peter the Great as an educator and teacher of the people]. Kazan'. [in Russian]
- [Solov'ev, 1991](#) – *Solov'ev V.S.* (1991). Tri rechi v pamyat' Dostoevskogo [Three speeches in memory of Dostoevsky]. Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika. M.: Iskusstvo, pp. 227-259. [in Russian]
- [Tatishchev, 1979](#) – *Tatishchev V.N.* (1979). Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Pod obshechi red. S.N. Valka. L. [in Russian]
- [Tatishchev, 1990](#) – *Tatishchev V.N.* (1990). Zapiski. Pis'ma. 1717–1750 [Notes. Letters. 1717-1750]. Otv. red. toma, avtor vstupitel'noi stat'i i primechanii d.i.n. A.I. Yukht. Nauchnoe nasledstvo. M., T. 14. [in Russian]
- [Tsimbaev, 1990](#) – *Tsimbaev N.I.* (1990). Sergei Solov'ev [Sergey Solovyov]. M.: Molodaya gvardiya. [in Russian]
- [Uortman, 2002](#) – *Uortman R.S.* (2002). Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii [Scenarios of power. Myths and ceremonies of the Russian monarchy]. M.: O.G.I., T. 1. Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaya I. Materialy i issledovaniya. [in Russian]
- [Ustryalov, 1858](#) – *Ustryalov N.G.* (1858). Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo [The history of the reign of Peter the Great.]. SPb., T. 2. [in Russian]

От антихриста до революционера: Петр I в отечественном общественно-историческом дискурсе XVIII – начала XX вв.

Людмила Владимировна Мининкова ^а, Татьяна Юрьевна Айдунова ^{а, *}

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Петр Великий как одно из наиболее сильных и устойчивых мест русской исторической памяти выступал в ней в ее самых разнообразных проявлениях. Среди них имели место краткие, состоящие из одного слова, характеристики царя. При своей краткости они несли в себе значительную информацию, выражавшую отношение разных слоев общества к царю. Первые из них сформировались в сознании людей петровского времени, наиболее распространенным из них был образ Петра I как царя-антихриста. Позднейший из них, образ царя-революционера, был введен А.И. Герценом. Краткие характеристики царя были как критическими, так и апологетическими. Критические характеристики вроде царя-антихриста возникли в народе и широко распространились в обществе. В пореформенный период и в начале XX в., в условиях системного кризиса самодержавия, они получили распространение среди демократической интеллигенции. Апологетические характеристики давались просветителями, ценившими вклад царя в развитие просвещения в России, а также лицами, в той или иной степени близкими к государственной власти. Среди наиболее распространенных характеристик царя – герой, мореплаватель, работник, реформатор. Стремление придать Петру Великому божественный образ, наблюдавшееся уже после Азовских походов царя, образ кумира на бронзовом коне не получили достаточно четкого выражения. Не относится к апологетическим и критическим образ Петра I как революционера и в общем ряду петровских образов занимает особое место. Краткие однословные характеристики Петра I представляют собой важный источник по истории общественно-исторического сознания новой и новейшей России.

Ключевые слова: историческая память, общественно-историческое сознание, исторический образ, Петр I как место русской исторической памяти, царь-антихрист, царь-реформатор, царь-революционер, А.С. Пушкин о Петре I, А.И. Герцен о Петре I.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tat-apr@mail.ru (Т.Ю. Айдунова)

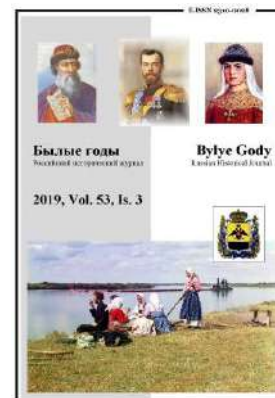
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 986-997. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.986
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

War Influence on Spirit Development of Russian Socium during 18th –the first half of the 19th centuries: Modernization or Protomodernization

Konstantin V. Samokhin ^{a, *}

^a Tambov State Technical University, Russian Federation

Abstract

War influence on the mentality of different social groups in the Russian Empire during the 18th – the first half of the 19th centuries are analyzed in the paper. The theory of modernization is the methodological base of the article. It is interpreted classically as the transition from the traditional (agrarian) society to the modern (industrial) one. Modernization for Russia in the imperial period is defined as ‘catching up’. It has the wave base and the mobilization character. The “challenges” of the Western civilization played the great role for Russian modernization. The thesis is proved that the intensity of modernization processes including the spiritual ones depended on military actions scale and their results for the Russian state. Patriarchal relations (or paternalism), religiousness, monarchism, balanced land tenure principles (or social justice), communal collectivism are considered as the main characteristics for the mentality of the traditional Russian socium. They had to receive to the serious changes during the modernization pressure. The thesis is substantiated that spiritual modernization processes of the Russian society did not take shape. It is explained by the local and continental scale and the victorious result for the Russian Empire of the Great Northern war and the Napoleonic wars. The asynchrony of different modernization types played the great role in that aspect. In particular the late beginning of Russian socium’s social transition from traditional society to the industrial one stipulated late taking shape of modernization in the spiritual direction. It insists the author to come to the conclusion that it is necessary to interpret processes of Russian population’s majority mentality till the middle of the 19th century as the protomodernization.

Keywords: war, spirit development, Russian society, protomodernization, modernization, asynchrony, ‘catching up’ modernization, Russian Empire, mentality.

1. Введение

Теория модернизации является на данный момент одним из дискуссионных трендов мирового развития в историософском плане. Многочисленные споры об этом дискурсе и его применимости к истории России очень часто ведутся через призму соотношения конкретно-исторического и философско-теоретического уровней исторического знания, когда теория модернизации как идеальный конструкт приобретает характерные особенности при своем использовании для объяснения соответствующих процессов в определенных странах и/или периодов их развития. Даже скептики и критики использования модернизационной парадигмы в поле исследований, касающихся отечественной истории, в абсолютном плане не исключают ее эвристического потенциала, но говорят в данном случае об осторожном и вдумчивом подходе, который будет учитывать, в первую очередь, национальные особенности перехода от традиционного общества к современному (Капустин, 2001: 16; Буховец, 2016: 48). Несмотря на высокую степень сомнений в отношении эпистемологических возможностей транзитологии в целом, и теории модернизации в частности, Б.Г. Капустин наметил и вероятные перспективы в изучении модернизационных процессов, которые заключаются в

* Corresponding author

E-mail addresses: kon-sam@yandex.ru (K.V. Samokhin)

следующем: выявление их специфики в различных сферах жизнедеятельности общества; анализ их противоречивости и взаимовлияния друг на друга; учет практического аспекта, предполагающего «коллективные политические решения и действия» для преодоления возможных негативных явлений при осуществлении модернизации (Капустин, 2001: 16).

Исходя из намеченных выше исследовательских направлений и была сформулирована основная цель данной статьи: проанализировать влияние войн на процессы духовных трансформаций российского общества в XVIII – первой половине XIX веков в рамках модернизационного развития. Для ее достижения необходимо решить ряд задач, таких как определение сути модернизационных процессов в духовной сфере; выявление специфики этих процессов в отечественной истории для оценки масштабности и устойчивости модернизационных тенденций в развитии Российской империи XVIII – первой половины XIX веков.

2. Материалы и методы

Методологической основой для данного исследования стала теория модернизации. Она зародилась в 60-е гг. XX века и прошла достаточно извилистый, подчас тернистый путь к нынешнему моменту. За более чем четвертьвековую историю модернизационная парадигма испытала периоды взлетов и падений. Создавалась эта теория как возможная стратегия дальнейшего пути для стран «третьего мира» в самый разгар Холодной войны. Она должна была стать в определенной мере идеологическим оружием в ходе противостояния социалистического и капиталистического блоков, поскольку в качестве единственного образца и конечной цели модернизационных усилий для развивающихся государств Азии, Африки и Латинской Америки ставила западную цивилизацию (Калхун, 2006).

70-е гг. прошлого столетия стали временем ее жесткой критики в связи с неудачной реализацией в качестве стратегии для обозначенных выше стран (Побережников, 2014: 133-143). Однако в дальнейшем последовал этап повышенного интереса к ней. За два последних десятилетия XX века модернизационная парадигма серьезно трансформировалась и приобрела новое звучание. Главным принципом теперь стала мультилинейность, которая предполагает множество альтернативных вариантов модернизационного развития, в череде которых Запад является одной из возможных, а не единственной, как ранее определялось, траекторий (Eisenstadt, 2000; Huntington, 2016: 100-101; Sztompka, 2015: 26-27). Сюда же следует добавить и многочисленные споры отечественных историков, возникшие в связи с образовавшимся методологическим вакуумом, обусловленным попытками преодоления формационного подхода, господствовавшего в советской исторической науке, и поисками новой исторической парадигмы на рубеже 80-х – 90-х гг. XX века (Модернизация России, 2004).

Итогом описанных выше трансформаций стало наличие двух трактовок модернизации:

а) узкая (классическая) как переход от традиционного (аграрного) общества к современному (индустриальному);

б) широкая как «особый способ осуществления социального становления, обеспечивающий широкий доступ для населения к расширяющимся возможностям реализации человеческого потенциала» (Sztompka, 2015: 25).

Для того чтобы подробнее объяснить методологические основы данной статьи, следует сказать и о комплексном подходе к теории модернизации, который предполагает рассмотрение ее процессов в разных сферах жизнедеятельности общества с учетом их возможного влияния друг на друга (Российская модернизация, 1993: 12). Залогом успешности западноевропейского перехода от традиционного общества к современному стала синхронность политической, экономической, социальной и духовной модернизаций. Однако начало модернизационным процессам в Западной Европе было положено именно в духовной сфере через формирование нового стиля мышления в эпохи Возрождения, Реформации и Просвещения. Перечисленные выше факторы подвели идеологический фундамент под трансформации в остальных сферах жизни общества. Однако существенного темпорального разрыва между различными видами модернизации в рамках западной цивилизации не наблюдалось, что в целом и привело к удачному завершению перехода Запада от традиционного общества к современному.

Российская модернизация XVIII – первой половины XIX веков в целом характеризовалась догоняющей основой, поскольку Россия вступила на путь модернизационных преобразований значительно позже, чем Англия и скандинавские страны, которые шли в авангарде данного тренда в мировой истории. Это во многом и объясняет тот факт, что Российское государство вынуждено было предпринимать колоссальные усилия для того, чтобы ликвидировать наметившееся отставание. Выражались указанные сверхусилия, в первую очередь, в деятельности правящей элиты, которая, как правило, и была инициатором модернизационных процессов на всем их протяжении, что позволяет сделать вывод о мобилизационной особенности перехода России от традиционного общества к современному. Здесь следует еще и упомянуть о «вызовах» Запада российской (славянской) цивилизации, которые посылались с целью включить последнюю в орбиту модернизационных преобразований. Такими «вызовами» необходимо считать войны, которые вели

Российская империя, а позже Советское государство с уже модернизировавшимися странами Западной Европы, а позднее и США.

Однако не любые войны проявлялись в данных процессах как мощные катализаторы модернизации. Здесь следует учитывать такие характеристики, как масштабность боевых действий и результативность военных конфликтов для российской стороны. В случае широкого географического охвата (преимущественно континентального или мирового масштаба), а также серьезных поражений процессы российской модернизации имели наибольшее ускорение, в противном случае переход российского социума от традиционного общества к современному существенно замедлялся.

3. Обсуждение

В современной историографии отсутствуют специальные труды, целиком посвященные вопросам духовной модернизации и влиянию войн на нее. В лучшем случае авторы упоминают это явление, если хотят рассмотреть модернизационные процессы, опираясь на уже упомянутый выше комплексный подход. Однако серьезного анализа духовного перехода русского социума от традиционного общества к современному такие работы не содержат. Среди исследователей, которые более детально занимались проблемами духовной модернизации, следует выделить С.Н. Гаврова и Б.Н. Миронова.

Первый рассмотрел волновой механизм российской модернизации, связанный со сменой ее имперской и либеральной моделей в рамках монографии «Модернизация во имя империи» (Гавров, 2004). С.Н. Гавров отстаивает тезис о том, что социокультурная динамика русского народа получала существенный импульс для своего развития в краткие периоды либеральной модернизации. Имперский же тип модернизационных процессов затрагивал только элиту, отдаляя Россию от Западной Европы и тем самым создавая почву для сверхусилий русского социума в попытках достигнуть уровня западноевропейского образца. С.Н. Гавров подчеркивает, что с XVIII столетия российская социокультурная система проявляла адаптационную реакцию в ответ на «вызовы Запада» (Гавров, 2004: 43, 76, 84, 86-87).

Б.Н. Миронов сосредоточил внимание на проблемах духовной модернизации в главе 12 «Русская культура в коллективных представлениях» своего фундаментального труда «Российская империя: от традиции к модерну» (Миронов, 2018с: 371-589). В основу духовного перехода русского социума от традиционного общества к современному петербургский историк положил трансформацию трудовой этики от принципов «моральной экономики» к капитализму (Миронов, 2018с: 536). Большую роль в рамках описываемых процессов, по мнению исследователя, сыграли «увеличение потребностей людей, повышение производительности труда и в особенности рост человеческого капитала за счет развития системы образования» (Миронов, 2018с: 542).

Исходя из вышеприведенных рассуждений, необходимо сделать вывод о том, что проблемы духовной модернизации русского социума в целом, и влияния на нее войн в частности, не получили должного анализа в историографии, что вызвало необходимость в проведении данного исследования.

4. Результаты

Если говорить об истории России XVIII – первой половины XX веков, то, на наш взгляд, ее ход вполне укладывается в «прокрустово ложе» классической модернизации, поскольку Российское государство подошло к правлению Петра I с характеристиками, присущими традиционному обществу. Несмотря на появление первых мануфактур, начало складывания всероссийского рынка и попытки регулирования экономических отношений существующей властью через систему меркантилистских и протекционистских мер русская экономика основывалась на аграрном секторе, а в промышленности базовой единицей производства по-прежнему оставалась ремесленная мастерская. Политический строй тяготел к формированию абсолютной монархии, которая была прямой противоположностью итога политической модернизации – либерализации и демократизации властных отношений на основе развития правового государства и гражданского общества. В социальной сфере господствовало крепостное право, которое сводило на нет возможные процессы роста урбанизации и социальной мобильности. Менталитет крестьянства, которое составляло на тот момент большинство русского населения, определялся следующими принципами: патриархальные отношения (или патернализм), религиозность, монархизм, принципы уравнительного землепользования (или социальная справедливость) и общинный коллективизм (Кожевникова, 2011; Поршнева, 2000: 91-102). Следует заметить, что мировоззренческие установки остальных слоев населения хоть и имели характерные особенности, но в целом повторяли в своей основе указанные выше черты духовного мировосприятия крестьян.

Учитывая цель и задачи, поставленные в данной статье, необходимо наметить главные характеристики духовной модернизации как таковой для того, чтобы четко понимать, на какие процессы в развитии духовного мира русского социума следует обращать внимание при исследовании. Основы перехода от традиционного общества к современному в духовной сфере будут связаны с изменением ментальности людей. Главной трансформацией в данном случае выступит замена традиционного типа мышления на инновационный. Консерватизм как краеугольный камень

мировосприятия, выражающийся в стремлении сохранить существующие порядки, уступит место установкам на активную смену привычного уклада жизни. При этом динамичные трансформации будут считаться не каким-либо исключительным, а обыденным явлением. Коллективизм, характеризующий поведенческие практики традиционного общества и базирующийся на общинных отношениях и патриархальной семье, сменится индивидуализмом: самореализация человека будет выступать одной из главных ценностей в жизни социума и человек перестанет подчинять собственные интересы общественным (корпоративным или общинным). Еще одним определяющим процессом в русле духовной модернизации будет секуляризация сознания: существенно понизится уровень религиозности, что приведет к рационализации мировоззренческих установок. Патриархальность как доминанта в менталитете традиционного общества превратится в эгалитаризм, что скажется не только на семье в частности, но и на обществе в целом. В данном случае определенную роль будет играть формирование либеральной идеологии.

Первым «вызовом» славянской (российской) цивилизации со стороны Запада в плане развития модернизационных процессов стала Северная война. С учетом обозначенных выше характеристик этот внешнеполитический конфликт не мог стать мощным катализатором для инициации модернизационного тренда в Российском государстве. Несмотря на то, что велся он с уже модернизирующейся страной – Швецией, его локальный характер, а также итоговая победа российских войск не позволили переходу русского социума от традиционного общества к современному, приобрести оформленный вид. В данном случае мы соглашаемся с позицией известного российского исследователя, работающего в русле модернизационной парадигмы, Б.Н. Миронова о том, что процессы, имевшие место в России XVII–XVIII веков, следует считать протомодернизацией или предмодернизацией (Миронов, 2017: 17).

Тем не менее Российское государство определенные подвижки в рамках модернизационного развития сделало, хотя их значение не стоит преувеличивать. Наибольшим изменениям в данном аспекте подверглась экономика, что связано было, в первую очередь, с тем, что в экономическом плане Россия в наибольшей степени оказалась готовой к модернизационным трансформациям. Более того, начальные поражения в ходе Северной войны заставили Петра I заниматься именно экономикой для того, чтобы обеспечить армию всем необходимым. В подтверждение в данном случае можно привести следующие цитаты первого русского императора: «... чтобы деньги бережны везде были на нужные в военный поход расходы» и «денег, как возможно, собирать, понеже деньги – суть артерия войны» (Цит. по: Князьков, 1990: 270).

Северная война напрямую способствовала изменению налоговой системы, существенному повышению уровня торговли и мануфактурного производства. Многочисленные неудачные попытки Петра I каким-либо образом пополнить государственную казну в конечном итоге привели к появлению подушной подати (Князьков, 1990: 288-293). Необходимость снабжения русской армии вооружением, фуражом и обмундированием заложила основы развития мануфактурной промышленности. И, наконец, сами итоги военного конфликта с Швецией, когда Российское государство получило торговые пути в Балтийском море, а также меркантилистские и протекционистские меры первого русского императора, связанные с введением таможенного тарифа 1724 г. (Павленко, 1994: 491), подтверждают наличие зачаточной стадии модернизационных трансформаций в торговле.

Политическая сфера была далека от предполагаемого итога перехода России от традиционного общества к современному в силу завершения процесса формирования абсолютной монархии и наличия авторитарного режима управления государством. Большинство изменений русской политической системы обуславливалось Северной войной, поскольку реформы административного аппарата осуществлялись по шведскому образцу (Павленко, 1994: 443; Князьков, 1990: 209-216).

Социальные отношения находились под жестким воздействием крепостного права, которое препятствовало развитию социальной мобильности и урбанизации. Однако реформы Петра I, пусть в зачаточном плане, способствовали подвижкам в сторону модернизационных трансформаций. Создание регулярной армии и принятие Табели о рангах, безусловно, повышали возможности различных представителей русского общества при смене своей социальной принадлежности, однако темпы данного процесса были явно недостаточными для того, чтобы говорить о полномасштабной социальной модернизации.

И, наконец, духовная сфера не подверглась серьезным изменениям в ходе реформ Петра I. Патриархальность, по убеждению многих исследователей, являлась основной ментальной установкой в русском обществе вплоть до середины XIX века (Миронов, 2018а: 752; Бим-Бад, Гавров, 2010: 120-121; Демографическая модернизация, 2006: 44; Лексин, 2011: 8; Безгин, Ерин, 2012: 501). Она заключалась в жесткой иерархии между членами семьи (в первую очередь, крестьянской, но экстраполяция на весь русский социум в данном случае вполне обоснованна). Основной принцип выстраивания семейных отношений в этот период – подчинение женщин мужчинам, младших старшим. Главой семьи являлся большак, чье господство было безраздельным. Иерархия определяла взаимоотношения не только сыновей и всех женщин по отношению к отцу и мужу, но и дочерей и снох – к большухе. Во многом это зависело еще и от производственной функции семьи, когда

последняя была не только ячейкой общества, в фундаменте которой лежал, в первую очередь, родственный, а не супружеский союз, но и играла определенную роль в сельскохозяйственном производстве. Большак не только решал единолично все вопросы внутри семьи, но осуществлял представительство интересов своих домочадцев за ее пределами (Миронов, 2018a: 688-690; Безгин, Ерин, 2012: 501).

Практически ничем в плане семейных взаимоотношений не отличались от крестьянских городские семьи: в них отмечаются те же строгая иерархия и господствующие функции главы семьи. Датировка начала протомодернизационных трансформаций в этом случае также совпадает (Миронов, 2018a: 714-718). Что касается дворянства, то его семейный уклад во многом повторял ситуацию с крестьянством и горожанами, но здесь следует учитывать то, что европеизации высшее сословие в России стало подвергаться раньше, потому отношения в дворянской семье отличались более утонченным и гуманистическим характером, а начало модернизации приходится на первую треть XIX века. Большую роль в данном случае играла география: подвижки в сторону модернизационных изменений происходили быстрее и были более заметны в крупных городах (в первую очередь, в Москве и Санкт-Петербурге), провинциальное дворянство в большей степени и дольше сохраняло традиционный патриархальный быт (Миронов, 2018a: 720-735).

Коллективизм имел в русском обществе под собой две основы: приоритет интересов семьи над индивидуализмом, а также интегрированность отдельных семейных ячеек в соответствующие корпорации. Определенный интерес в данном случае будет иметь дискуссия о типологии русских семей, поскольку нуклеарная семья в большей степени способствовала развитию индивидуализма, нежели составная или расширенная (Миронов, 2018a: 648-649). Б.Н. Миронов после детальной проработки данного вопроса приходит к выводу о том, что состав семьи в XVI – начале XX веков зависел от «внутреннего развития крестьянского хозяйства для преобладающего числа крестьян в определенный период жизни. Стадия составной семьи, как правило, совпадала с детством, юностью (от рождения до 20–25 лет) и старостью (60 лет и старше), стадия малой и расширенной семьи – со зрелостью (после раздела составной семьи и образования самостоятельного хозяйства до его превращения в составную семью)» (Миронов, 2018a: 673). Однако при характеристике типологии семьи у различных слоев и сословий петербургский исследователь в целом склоняется к точке зрения, что составная семья превалировала у русского населения вплоть до середины XIX века. При объяснении причин указанного процесса он апеллирует к господству крепостного права, поддержке «общинной, помещичьей и коронной администрации» (Миронов, 2018a: 673). Тезис о преобладании составной семьи в рамках обозначенного временного периода высказывается и в других исследованиях (Демографическая модернизация, 2006: 44; Безгин, Ерин, 2012: 501).

Если говорить о проявлении коллективизма в рамках такой корпорации, как крестьянская община, то он был связан, в первую очередь, с одной из ее наиболее важных функций – регулярные переделы земли. По мнению Б.Н. Миронова, повсеместное внедрение этой функции в общинный быт произошло на территории Европейской России во второй половине XVIII – первой половине XIX веков (Миронов, 2018b: 149). Безусловно, эта тенденция способствовала в большей мере утверждению в сознании крестьян принципов уравнительного землепользования, которые становились основой для крестьянских представлений о социальной справедливости.

Другим проявлением коллективизма в рамках крестьянской общины являлась система управления и решения главных вопросов на общинных сходах. Как уже писалось выше, основная роль в данном случае отводилась большакам, которые выполняли представительские функции, отстаивая интересы своих семей. Б.Н. Миронов, определяя этот принцип самоуправления, подчеркивает важность для крестьян не столько равноправия в плане распределения власти, сколько – в отношении материальных благ: земли и налогов (Миронов, 2018b: 167).

Решения на общинных сходах принимались только солидарным способом, когда требовалось согласие абсолютно всех большаков, при любой другой альтернативе вопросы либо откладывались, либо больше не обсуждались (Миронов, 2018b: 169). Объясняя этот факт, петербургский исследователь приводит следующие рассуждения, которые достаточно ярко характеризуют общинный коллективизм: «Принципиальное значение имел тот факт, что до Великих реформ имущественная дифференциация между крестьянами в общине в большинстве случаев не вела к социальному неравенству, к изменению поведения у лиц, принадлежавших разным имущественным группам. Различия между ними напоминали, скорее, индивидуальные различия в возрасте, поле, опыте, мастерстве, способностях и благочестии, чем социальные статусы в строгом смысле слова. Стратификация имела не столько социальный, сколько преимущественно гендерный, физико-генетический профиль. Благодаря этому члены общины образовывали «мы-группу», в ней господствовало чувство групповой солидарности и лояльности» (Миронов, 2018b: 169-170). В этой цитате вновь определяется четкий водораздел, который служит границей в смене традиционных ценностей русского крестьянства, – либеральные реформы 60-х – 70-х гг. XIX века, в частности отмена крепостного права. Конечно, в данном случае Б.Н. Миронов в большей степени характеризует социальный строй, но именно последний определял во многом социальные установки, составляющие ментальную основу российского общества. В дальнейшем петербургский исследователь

квалифицирует зафиксированный выше феномен крестьянской жизнедеятельности как демократию общинного типа, или патриархальную демократию, или традиционную демократию, относя его, таким образом, к функционированию традиционного общества (Миронов, 2018b: 171).

Характеризуя коллективизм, проявляющийся в рамках общинного строя, нельзя сбрасывать со счетов и такой фактор, как помощь, которая оказывалась миром отдельным членам общины или целым крестьянским семьям в какие-либо кризисные или тяжелые периоды жизни. Здесь имеется в виду сложившаяся система деревенского призрения, уходившая своими корнями вглубь веков и традиций. Ее проявлениями были и мироплатимые надель, и безвозмездные ссуды, и выделение участка в общественном лесу, и выдача хлеба старикам и малолетним сиротам, помощь в наиболее напряженные в сельскохозяйственном отношении периоды (толока как родственная или соседская помощь в работах), и т.д. (Безгин, Ерин, 2012: 499-500, Миронов, 2018b: 187).

К концу XVII века общинный строй посадского населения во многом копировал социальные установки своего сельского аналога. Чем меньше по размерам было городское поселение и чем дальше оно располагалось от Москвы и других крупных городов, тем в большей степени проявлялось это сходство: существовали такие же переделы земли между членами общины, самоуправление в виде схода глав семей. Соответственно, сельскохозяйственные занятия в провинциальных городах вполне могли соперничать по своей значимости с ремеслом и торговлей. Однако были и особенности, отличавшие городскую общину от крестьянской: олигархизм в управлении (Князьков, 1990: 414-415), отсутствие принципа солидарности при принятии решений. Б.Н. Миронов отмечает и более высокий уровень индивидуализма у горожан, который им предоставляла слободская община (Миронов, 2018b: 249-250). Опираясь на выделенные выше тенденции, необходимо сделать вывод о большей степени готовности городских жителей к модернизационным трансформациям. Однако численность горожан, составлявшая не более 5 % от всего населения, а при Петре I в результате его деятельности еще и регулярная падавшая (Князьков, 1990: 400-401; Миронов, 2018b: 256), не позволяет говорить об этом процессе как об общероссийском тренде. В целом реформы городского самоуправления, проведенные первым российским императором, мало сказались на общинном строе горожан (Миронов, 2018b: 252; Князьков, 1990: 412-414), а, следовательно, и на большой роли в их ментальных ценностях такой социальной установки, как коллективизм. В определенной мере проведение магистратской реформы по шведским образцам (Князьков, 1990: 409), что является еще одним доказательством обусловленности данных процессов Северной войной, влияло на патриархальный характер отношений, но только лишь в крупных городах, поскольку создание гильдий и цехов как новых элементов социального строя в городской среде начало разрушать соседскую слободскую общину, являвшуюся оплотом патриархальности, однако этот тренд еще не получил широкого распространения в масштабах всей России (Миронов, 2018b: 255-257; Князьков, 1990: 410-414).

Дворянство в силу своего социального статуса оказалось более предрасположенным к модернизационным процессам. Классической общины, как у крестьян и горожан, у высшего сословия не было (Миронов, 2018b: 281). Дворянский коллективизм по этой причине был слабо выраженным. В итоге расшатать, а затем и трансформировать определенные ментальные основы дворянства оказалось легче. До середины XVII века формой корпорации у высшего сословия был служилый двор. Определенную степень коллективизма у дворян он обуславливал: Б.Н. Миронов отмечает такие черты общинной организации, как «уравнительная раскладка служебных обязанностей между членами, групповое поручительство, выборы должностных лиц, за которых они ручались перед государством» (Миронов, 2018b: 282). Однако при всем этом элементы индивидуализма в духовном мире дворян имели большое значение. В частности, они несли индивидуальную ответственность за службу и совершение правонарушений, их обязанности перед государством также отличались индивидуальным характером, им не была присуща круговая порука. Потому преобразования Петра I, в первую очередь в военной и государственной сферах, относительно легко понизили степень коллективизма и подняли уровень индивидуализма в их мировосприятии (Миронов, 2018b: 283). Большую роль в данном случае сыграла новая система комплектования русской армии, поскольку регулярные полки, созданные при Петре Великом, не были односословными и во многом нарушали принцип землячества, позволявший дворянам не терять связи со своим служилым двором (Князьков, 1990: 364; Ключевский, 1989a: 77).

Трансформация таких характеристик, как религиозность и монархизм, во многом повторяла тренд развития других духовных установок в мировоззрении русского народа. Один из последних этапов борьбы Церкви и центральной власти в ходе формирования абсолютизма привел к подчинению этого социального института Синоду. Однако, несмотря на сокращение влияния Церкви в политическом плане, секуляризации сознания русского народа это не способствовало. Духовный мир всех слоев населения в своей основе имел Православие. Потому степень религиозности оставалась на прежнем уровне. Но эта тенденция развития Российского государства практически никак не была связана с Северной войной. Тем не менее укрепление абсолютной монархии косвенным образом обуславливалось конфликтом со Швецией, поскольку ведение боевых действий, учитывая их значимость для России, могло быть успешным, в первую очередь, в условиях централизации политической власти, которая только в этом случае смогла использовать большинство

ресурсов для победы над врагом. Подобные рассуждения ведут к тому выводу, что степень монархизма русского народа должна была неизбежно повыситься, чему в дополнительном плане необходимо способствовала и итоговая победа России в Северной войне, которая привела к повышению авторитета первого русского императора.

Взаимосвязь монархизма и высокого уровня религиозности в крестьянской среде фиксирует В.Б. Безгин (Безгин, 2004: 29). В частности, он отмечает, что фигура правителя России в мировосприятии крестьян вплоть до середины XIX века (и даже позднее) обладала ореолом сакральности. Решение всех своих проблем русский народ в течение всего периода существования Русского государства в досоветское время связывал именно с правителем-«батюшкой», который воспринимался, в первую очередь, как защитник русской земли от нападений внешних врагов, а в более узком плане – как «праведный государь», способный решить все внутренние проблемы. Правитель традиционно всегда отделялся от своего окружения, при этом последнее нередко народом отождествлялось с инициатором и главным виновником этих проблем. Такая оценка фигуры князя (царя, императора) Русского государства тесно связана с обозначенной выше патриархальностью, царившей в русских семьях, поскольку идея патернализма в семейных отношениях экстраполировалась и на всю ситуацию с политическим управлением в стране (Безгин, 2004: 29-30).

В принципе о зачатках духовной модернизации в петровский период стоит говорить только для высших слоев населения (в основном проживающих в Москве и Санкт-Петербурге), и военный конфликт со Швецией играл в данном аспекте не последнюю роль. Ведение боевых действий требовало определенной квалификации командного состава, который преимущественно формировался из лиц дворянского происхождения. Именно с этой целью Петром I создавались учебные заведения соответствующего профиля, а также организовывалась отправка дворянских сыновей за границу. В определенной степени менялось и положение женщин, которые стали активно приглашаться на ассамблеи, в том числе и на празднества, посвященные победам, одержанным русской армией в ходе Северной войны. Конечно, патриархат даже в среде высших сословий оставался краеугольным камнем в системе семейных отношений, но первые попытки по его искоренению все-таки были сделаны, хотя Петр не ставил напрямую такой цели. Нельзя не сказать и о символе петровских преобразований – Санкт-Петербурге, новой столице Российского государства, который позиционировался, прежде всего, как город с новым укладом жизни (Князьков, 1990: 580-612; Павленко, 1994: 514-548).

Традиционные ценности русского крестьянства в принципе остались в неизменном виде, что не позволяет говорить о каком-либо серьезном уровне духовной модернизации российского социума в первой четверти XVIII века. Определенные подвижки ментального плана наметились преимущественно у дворян и высших слоев городского населения, а учитывая их долю в численности русского общества, следует говорить лишь только о протомодернизации духовной сферы.

Таким образом, на самом начальном этапе обозначилась асинхронность процессов перехода России от традиционного общества к современному, что в дальнейшем существенно замедлило их ход и в итоговом варианте стало причиной неудач российской модернизации, которая до сих пор оценивается как незавершенная.

В периоды «дворцовых переворотов» и царствования Екатерины II российские государство и социум развивались во многом под влиянием импульса, созданного Северной войной и преобразованиями первого русского императора. Локальные международные конфликты, в которых участвовала Россия, хоть иногда и достигали континентального уровня (Семилетняя война), но, как правило, заканчивались успешным исходом для Российской империи, обусловленным во многом боевой мощью, созданной Петром I. Русско-турецкие войны по идее должны были сыграть более существенную роль в данном плане, однако их итоговый победный результат, а также и тот факт, что в Османской империи к этому времени не прошли процессы модернизации, не позволяют сделать такого вывода.

Императрицы Анна Ивановна, а особенно Елизавета Петровна и Екатерина II, чьи царствования определяли основные тенденции развития Российского государства во второй четверти – конце XVIII веков, четко демонстрировали свою приверженность к продолжению петровских начинаний (Анисимов, 2005: 102-106, 392-393; Анисимов, 1994: 62-63, 159, 272-273; Каменский, 2001: 186-187, 205, 251, 277, 314, 360-361), однако нередко подвергали их коррекции с учетом менявшейся ситуации.

В большей степени протомодернизационным преобразованиям были подвержены экономические отношения. Однако, учитывая их преимущественно аграрный характер, невозможно говорить о формировании сложившейся рыночной экономики в этот период. Усиление товарности сельского хозяйства, а также мощный рывок в развитии промышленности и торговли, отмечаемые исследователями (Тимошина, 2001: 83-90; Анисимов, 1994: 443-446; Анисимов, 2005: 295, 304; Павленко, 2004: 66, 74; Каменский, 2001: 313, 379, 462), говорят преимущественно о зачаточной стадии экономической модернизации, поскольку фабричное и заводское производство еще не стало доминирующей тенденцией в экономических процессах, а промышленный переворот еще не наметился.

Аналогичную ситуацию следует констатировать и в социальной сфере, поскольку крепостное право во второй половине XVIII века достигает своего апогея (Ключевский, 1989а: 290-295), а дворянство существенно улучшает свои позиции, что позволяет историкам говорить о наступившем для высшего сословия российского общества «золотом веке» (Ключевский, 1989а: 292-300). Во многом совершенствовалось и юридическое закрепление прав городского населения (Тимошина, 2001: 97), однако развитие процессов социальной мобильности и урбанизации не достигло необходимого уровня, хотя численность горожан за период 1724–1796 гг. увеличилась почти в четыре раза – с 328 тыс. до 1301 тыс. (Корнилов, 1993: 28), – это не свидетельствует о преобладании в количественном плане жителей городов над сельчанами.

Политическое развитие Российской империи в XVIII веке после смерти Петра I следовало в рамках тенденции, наметившейся в годы правления первого русского императора, – укрепление абсолютной монархии. Практически все правители в обозначенный период так или иначе были склонны к проведению этой политики. Попытки ограничения самодержавной власти монархов через введение Верховного тайного совета при Екатерине I, Кабинета министров при Анне Иоанновне, Конференции при Елизавете Петровне решающей роли в рамках анализируемого тренда не играли. Смена формы абсолютизма с «полицейского», сформировавшегося в период правления первого русского императора, на «просвещенный», основы которого были заложены Северной Семирамидой, позволяет отдельным историкам прийти к выводу о складывании правового государства, поскольку правящий режим ограничивал себя комплексом правил и норм (Каменский, 2001: 457), однако, на наш взгляд, это – лишь «первая ласточка» в рамках длительного пути, который предстояло пройти России в ходе осуществления политической модернизации.

С учетом проведенного выше анализа говорить об оформлении каких-либо серьезных трансформаций в менталитете русского крестьянства вплоть до середины XIX века не приходится. Во многом подобный вывод необходимо сделать и относительно остальных категорий русского населения. Они в большей степени, чем крестьяне, оказались подверженными протомодернизационным трансформациям в силу своего сословного и социального положения, но о начале модернизации в данном случае стоит говорить не ранее пореформенного периода.

Относительно серьезным изменениям у горожан и дворян подверглась такая ментальная установка, как коллективизм. Это было связано с проведением Екатериной II реформ 1775–1785 гг., а обозначившаяся тенденция заключалась в переходе от общности к обществу, но она получила заметное развитие только в крупных и части средних городов. В остальных – нововведения сказались незначительно, что объединяло население малых, по преимуществу аграрных городских поселений по своим бытовым особенностям с деревенскими жителями (Миронов, 2018б: 266). Основным смысл трансформаций в данном случае Б.Н. Миронов сформулировал следующим образом: «Главные социальные организации (с точки зрения структуры, функций, управления, межличностных отношений, основополагающих принципов жизни) с течением времени становились все более рациональными, формализованными, полагающимися в своей деятельности на твердые юридические основания; в них органическое единство превращалось в механическое, а солидарность, основанная преимущественно на соседстве и родстве, на уважении, привязанности и дружбе, заменялась объединением, базирующимся главным образом на законном порядке и на обмене услугами» (Миронов, 2018б: 299-300).

Если говорить о дворянском сословии, то чувство коллективизма вместе с общинным социальным строем у него исчезло уже во второй половине XVIII века, в ходе указанных реформ Северной Семирамиды (Миронов, 2018б: 299-303). Таким образом, модернизационного импульса Северной войны хватило лишь только на начало духовной модернизации в среде дворянства (и то по отдельным параметрам), в отношении же остальных категорий российского социума фиксировать даже первую стадию данного процесса нет оснований.

Начало XIX века ознаменовалось участием России в международных конфликтах континентального характера: имеются в виду боевые действия в рамках антифранцузских коалиций, Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. Сценарий второй из названных во многом напоминал Северную войну. Однако Российская империя к данному периоду уже прошла определенные вехи протомодернизационного развития, потому начальные поражения русской армии не вызвали такого резонанса, который имел место в первой четверти XVIII века. Немалое значение в этом аспекте получила и итоговая триумфальная победа России, войска которой дошли даже до Парижа. Тем не менее континентальный характер боевых действий сыграл свою роль: так долго накапливавшиеся трансформации экономики перешли в новое качественное состояние: в 30-х – 40-х гг. XIX столетия в Российской империи получил свое развитие промышленный переворот, который положил начало экономической модернизации (Миронов, 2017: 17). Однако переход от ручного производства к машинному развивался по медленному сценарию в связи с тем, что в России отсутствовал оформившийся рынок свободной рабочей силы из-за наличия крепостного права. Последний факт является серьезным аргументом в пользу тезиса о необходимости синхронности модернизационных преобразований в различных сферах общественной жизни,

поскольку при отсутствии таковой инерция одной подсистемы общества в указанном аспекте может отрицательно сказываться на развитии соответствующих процессов в другой.

Социальная и политическая модернизации в первой половине XIX века не получили необходимого импульса для своего начала. Крепостное право продолжало сдерживать развитие урбанизации и социальной мобильности. Те небольшие подвижки, которые все же шли в данном направлении – попытки решения крестьянского вопроса, увеличение доли «новых дворян» до 59 % от численности всего сословия, рост городского населения почти в 3 раза (Миронов, 2018а: 342, 446, 449) – общей картины не меняли. В политическом плане Российская империя по-прежнему оставалась абсолютной монархией. Трансформации административно-территориального устройства через придание особого статуса Финляндии и Польше не играли в данном плане большой роли. Проекты по демократизации политического режима своей реализации не получили. В некоторой степени о модернизационных ростках говорит кодификация российского законодательства, осуществленная под руководством М.М. Сперанского: она продолжила линию, наметившуюся в период правления Екатерины II, на установление определенных законодательных рамок для самодержавной монархии. Но эти изменения следует расценивать не более чем как стадию политической протомодернизации.

В духовном плане модернизационные подвижки имели место только у представителей высших сословий. Патриархальность начала утрачивать свое доминирование, что было связано с развитием в дворянской среде идей просвещения и романтизма, поднимавших значение женщины и детей в рамках семьи (Миронов, 2018а: 731-732). Определенную роль в распространении указанных идей сыграли Заграничные походы русской армии 1813–1814 гг., когда офицерство смогло с ними глубже познакомиться непосредственно в тех странах, в которых они начали формироваться, и оценить степень их влияния на местное население.

«Просвещенный абсолютизм» Северной Семирамиды подготовил еще одну трансформацию менталитета высших слоев населения. Те права и свободы, которые были обозначены в Жалованной грамоте дворянству 1785 г., позволяют некоторым общественным деятелям и историкам говорить о том, что в России выросло «непоротое поколение». Это во многом стало подготавливать появление такого феномена, как общественное мнение. Формирование последнего усилилось в связи с Отечественной войной 1812 г. (подъем национального сознания и патриотизма в данном случае играл существенную роль (Корнилов, 1993: 78), а также с Заграничными походами русской армии 1813–1814 гг. Своего пика в первой четверти XIX века это явление достигло в рамках декабристского движения (Корнилов, 1993: 119), что в определенной мере может говорить о снижении уровня в дворянской среде такой ментальной установки, как монархизм. Дальнейшее формирование общественного мнения шло в рамках работы кружков в 20-е – 40-е гг. XIX века. Конечно, учитывая малочисленность и декабристов, и вовлеченных в деятельность вышеуказанных кружков представителей дворянства, следует сделать вывод об относительно небольшом уровне антимонархических настроений в среде высшего сословия, тем не менее эта тенденция начала набирать обороты не только у столичных дворян, но и провинциальных. Об этом свидетельствуют усилия центральной власти, прилагаемые в период правления Александра I, и особенно Николая I, по формированию выгодного образа монарха в «ценностных ориентирах провинциальной дворянской среды» (Чернышов, 2019).

5. Заключение

Таким образом, процессы трансформаций ценностных установок российского социума в XVIII – первой половине XIX веков следует оценить как духовную протомодернизацию. В наибольшей степени подверглась изменениям ментальность только высших слоев населения, горожане демонстрировали готовность к модернизационным процессам духовного плана, но в целом сохраняли ценности, присущие традиционному обществу, особенно в провинциальной среде. Духовный мир крестьянства, преобладающей части русского населения в исследуемый период, не подвергся никаким масштабным модернизационным трансформациям. Войны как катализаторы модернизации в России имперского периода не смогли в указанное время оказать серьезного влияния на ценностные ориентации русского народа, поскольку по масштабам не превышали континентального уровня, а в качестве итога имели победный для российской стороны результат. Ситуация стала существенно меняться лишь только после Крымской войны, которая хотя и приближалась по географическому охвату лишь к континентальным рамкам, но закончилась позорным поражением для Российской империи. Это заставило власти пойти на либеральные реформы 60-х – 70-х гг. XIX века, ускорившие начало социальной модернизации в России, что в дальнейшем приблизило российский социум к первичной стадии духовного перехода от традиционного общества к современному. Потому в данном случае темпоральный разрыв модернизационных процессов в различных сферах общественной жизни стал одной из причин их сильного замедления в Российском государстве.

Литература

Анисимов, 2005 – Анисимов Е.В. Елизавета Петровна. М., 2005. 426 с.

- Анисимов, 1994** – Анисимов Е.В. Россия без Петра: 1725–1740. СПб., 1994. 496 с.
- Безгин, 2004** – Безгин В.Б. «Царь-Батюшка» и «Народ-Богоносец» (крестьянский монархизм конца XIX – начала XX вв.) / *Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета: Сборник научных трудов*. Вып. 2. СПб., 2004. С. 29-34.
- Безгин, Ерин, 2012** – Безгин В.Б., Ерин П.В. Крестьянская семья и сельская община конца XIX – начала XX веков (на материалах Тамбовской губернии) // *Вестник ТГТУ*. 2012. Т. 18. № 2. С. 498-507.
- Бим-Бад, Гавров, 2010** – Бим-Бад Б.М., Гавров С.Н. Модернизация института семьи: макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ: Монография. М., 2010. 352 с.
- Буховец, 2016** – Буховец О.Г. «Государство-партия» в современной России // *Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.: Сборник научных статей и материалов круглых столов* / Под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М., 2016. С. 34-51.
- Гавров, 2004** – Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004. 352 с.
- Демографическая модернизация, 2006** – Демографическая модернизация России, 1900–2000. Под ред. А.Г. Вишневого. М., 2006. 608 с.
- Калхун, 2006** – Калхун К. Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал: лекция, прочитанная 17.01.2006 г. в рамках проекта «Русские чтения» / Институт общественного проектирования. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inop.ru/files/calhoun.doc> (дата обращения: 14.04.2019).
- Каменский, 2001** – Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 2001. 575 с.
- Капустин, 2001** – Капустин Б.Г. Конец «транзитологии»? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия) // *Полис*. 2001. № 4. С. 6-26.
- Ключевский, 1989** – Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 4. Курс русской истории. Ч. 4. М., 1989. 398 с.
- Князьков, 1990** – Князьков С. Очерки из истории Петра Великого и его времени. СПб., 1990. 668 с.
- Кожевникова, 2011** – Кожевникова Л.М. Роль крестьянской общины в аграрной истории и судьбе России // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2011. № 7 (13). Ч. 3. С. 85-90.
- Корнилов, 1993** – Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. 446 с.
- Лексин, 2011** – Лексин В.Н. Обычная русская семья в условиях трансформации института семьи: Опыт системной диагностики. М., 2011. 256 с.
- Миронов, 2017** – Миронов Б.Н. Спорные вопросы имперской, советской и постсоветской модернизации // *Уральский исторический вестник*. 2017. № 4 (57). С. 16-24.
- Миронов, 2018a** – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: В 3-х т. 2-е изд., испр. Т. 1. СПб., 2018. 896 с.
- Миронов, 2018b** – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: В 3-х т. 2-е изд., испр. Т. 2. СПб., 2018. 912 с.
- Миронов, 2018c** – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: В 3-х т. 2-е изд., испр. Т. 3. СПб., 2018. 992 с.
- Модернизация России, 2004** – Модернизация России и Европа (стенограмма Круглого стола) [Электронный ресурс]. URL: http://www.zlev.ru/41_40.htm (дата обращения: 14.04.2019).
- Павленко, 2004** – Павленко Н.И. Екатерина Великая. М., 2004. 495 с.
- Павленко, 1994** – Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994. 595 с.
- Побережников, 2014** – Побережников И.В. Теории модернизации // *Теория и методология истории: Учебник для вузов* / Отв. редакторы В.В. Алексеев, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин. Волгоград, 2014. С. 133-152.
- Поршнева, 2000** – Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918). Екатеринбург, 2000. 416 с.
- Российская модернизация, 1993** – Российская модернизация: проблемы и перспективы (Материалы «круглого стола») // *Вопросы философии*. 1993. № 7. С. 3-39.
- Тимошина, 2001** – Тимошина Т.М. Экономическая история России. Учебное пособие. М., 2001. 432 с.
- Чернышов, 2019** – Чернышов А.П. Механизмы формирования верноподданнических настроений и сословных ценностей в дворянской среде в первой половине XIX века (по материалам Пензенской и Нижегородской губерний) // *Манускрипт*. 2019. № 5. С. 62-65.
- Eisenstadt, 2000** – Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // *Daedalus*. Vol. 129. №1. pp. 1-29.
- Huntington, 2016** – Huntington S.P. The clash of civilizations? // *Culture and Politics: A Reader*. Edited by Lane Crovers and Charles Lockhart. NY, 2016. pp. 99-118.
- Sztompka, 2015** – Sztompka P. Modernization as social becoming: 10 theses on modernization // *Global Modernization Review: New Discoveries and Theories Revisited* / edited by Alberto Martinelli and Chuanqi He. Singapore, 2015, pp. 25-31. DOI: 10.1142/9789814616072_0003

References

- Anisimov, 1994** – *Anisimov E.V.* (1994). *Rossiya bez Petra: 1725–1740* [Russia without Peter Saint Petersburg. 496 p. [in Russian]
- Anisimov, 2005** – *Anisimov E.V.* (2005). *Elizaveta Petrovna* [Elizabeth of Russia]. Moscow. 426 p. [in Russian]
- Bezgin, 2004** – *Bezgin V.B.* (2004). «Tsar'-Batyushka» i «Narod-Bogonosets» (krest'yanskii monarkhizm kontsa XIX – nachala XX vv.) [“Tsar-Father” and “People-God-bearer” (peasant monarchism in the late XIXth – early XXth century) *Trudy kafedry istorii i filosofii Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta: sbornik nauchnykh trudov* [Works of the department of History and Philosophy of Tambov State Technical University: collected scientific works]. Vol. 2. Saint Petersburg. pp. 29-34. [in Russian]
- Bezgin, Erin, 2012** – *Bezgin V.B., Erin P.V.* (2012). Krest'yanskaya sem'ya i sel'skaya obshchina kontsa XIX – nachala XX veka (na materialakh Tambovskoi gubernii) [The peasant family and the rural commune in the late XIX – early XX century (the case of the Tambov region)]. *Transactions of TSTU*. Vol. 18. No 2. pp. 498-507 [in Russian]
- Bim-Bad, Gavrov, 2010** – *Bim-Bad B.M., Gavrov S.N.* (2010). *Modernizatsiya instituta sem'i: makrosotsiologicheskii, ekonomicheskii i antropologo-pedagogicheskii analiz: monografiya* [Modernization of the family: sociological, economic, anthropological and pedagogical analysis: Monograph]. Moscow. 352 p. [in Russian]
- Bukhovets, 2016** – *Bukhovets O.G.* (2016). «Gosudarstvo-partiya» v sovremennoi Rossii [“The State-Party” in modern Russia]. *Rossiiskaya mnogopartiinost' i rossiiskie krizisy XX-XXI vv.: sbornik nauchnykh statei i materialov kruglykh stolov / pod red. P. P. Marchenya, S. Yu. Razina* [The Russian multi-party system and Russian crises of XX-XXI centuries: collected scientific works and works of round tables / edited by P.P. Marchenya, S.Yu. Razin]. Moscow. pp. 34-51. [in Russian]
- Chernyshov, 2019** – *Chernyshov A.P.* (2019). Mekhanizmy formirovaniya vernopoddannicheskikh nastroyenii i soslovykh tsennostei v dvoryanskoi srede v pervoi polovine XIX veka (po materialam Penzenskoi i Nizhegorodskoi gubernii) [Mechanisms to form loyal moods and class values among the nobility in the first half of the XIXth century (by the example of Penza and Nizhny Novgorod provinces)]. *Manuscript*. No. 5. pp. 62-65. [in Russian]
- Demograficheskaya modernizatsiya, 2006** – *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900-2000 / pod red. A. G. Vishnevskogo* [Demographic modernization of Russia, 1900-2000 / edited by A.G. Vishnevskij]. Moscow, 2006. 608 p. [in Russian]
- Eisenstadt, 2001** – *Eisenstadt S.N.* (2000). Multiple Modernities. *Daedalus*. Vol. 129. No. 1. pp. 1-29.
- Gavrov, 2004** – *Gavrov S.N.* (2004). *Modernizatsiya vo imya imperii: Sotsiokul'turnye aspekty modernizatsionnykh protsessov v Rossii* [Modernization in the name of the empire: socio-cultural aspects of modernization processes in Russia]. Moscow. 352 p. [in Russian].
- Huntington, 2016** – *Huntington S.P.* (2016). *The clash of civilizations? Culture and Politics: A Reader*. Edited by Lane Crovers and Charles Lockhart. NY. pp. 99-118.
- Kalkhun, 2006** – *Kalkhun K.* (2006). Teorii modernizatsii i globalizatsii: kto i zchem ikh pridumyval: lektsiya, pročitannaya 17.01.2006 g. v ramkakh proekta «Russkie chteniya» [Theories of modernization and globalization: who established them and why: a lecture given on January 17, 2006 as a part of the project “Russian readings”]. [Electronic resource]. URL: <http://www.inop.ru/files/calhoun.doc> (accessed 14.04.2019). [in Russian]
- Kamenskii, 2001** – *Kamenskii A.B.* (2001). *Ot Petra I do Pavla I: reformy v Rossii XVIII veka (opyt tselostnogo analiza)* [From Peter I to Paul I: reforms in Russia of XVIII century (methods of integral analysis)]. Moscow. 575 p. [in Russian]
- Kapustin, 2001** – *Kapustin B.G.* (2001). Konets «tranzitologii»? (O teoreticheskom osmyslenii pervogo postkommunisticheskogo desyatiletia) [Is it the end of “transitology”? (About the theoretical interpretation of the first Postcommunist decade)]. *Polis*. No. 4. pp. 6-26. [in Russian]
- Klyuchevskii, 1989a** – *Klyuchevskii V.O.* (1989). *Sochineniya* [Works]. In 9 vol. Vol. 4. *Kurs russkoi istorii* [The Course of the Russian History]. Part 4. Moscow. 398 p. [in Russian]
- Knyaz'kov, 1990** – *Knyaz'kov S.* (1990). *Ocherki iz istorii Petra Velikogo i ego vremeni* [The essays from the history of Peter the Great]. Saint Petersburg. 668 p. [in Russian]
- Kornilov, 1993** – *Kornilov A.A.* (1993). *Kurs istorii Rossii XIX veka* [A course of the Russian History of the XIXth century]. Moscow. 446 p. [in Russian]
- Kozhevnikova, 2011** – *Kozhevnikova L.M.* (2011). Rol' krest'yanskoi obshchiny v agrarnoi istorii i sud'be Rossii [The role of peasants' community in the history and destiny of Russia]. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. No 7 (13). Part 3. pp. 85-90. [in Russian]
- Leksin, 2011** – *Leksin V.N.* (2011). *Obychnaya russkaya sem'ya v usloviyakh transformatsii instituta sem'i: Opyt sistemnoi diagnostiki* [The common Russian family: Methods of system diagnostics]. Moscow. 256 p. [in Russian]

Mironov, 2017 – Mironov B.N. (2017). Spornye voprosy imperskoi, sovetskoi i postsovetskoi modernizatsii [Argumentative issues of imperial, Soviet and Post-Soviet modernizations]. *Ural Historical Journal*. No 4 (57). pp. 16-24. [in Russian]

Mironov, 2018a – Mironov B.N. (2018). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3-kh t. [The Russian Empire: from tradition to modernity: in 3 vol.]. Vol. 1. Saint Petersburg. 896 p. [in Russian]

Mironov, 2018b – Mironov B.N. (2018). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3-kh t. [The Russian Empire: from tradition to modernity: in 3 vol.]. Vol. 2. Saint Petersburg. 912 p. [in Russian]

Mironov, 2018c – Mironov B.N. (2018). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3-kh t. [The Russian Empire: from tradition to modernity: in 3 vol.]. Vol. 3. Saint Petersburg. 992 p. [in Russian]

Modernizatsiya Rossii, 2004 – Modernizatsiya Rossii i Evropa (stenogramma Kruglogo stola) [The modernization of Russia and Europe (The stenogramma of round table discussion)]. [Electronic resource]. URL: http://www.zlev.ru/41_40.htm (accessed 14.04.2019). [in Russian]

Pavlenko, 1994 – Pavlenko N.I. (1994). Petr Velikii [Peter the Great]. Moscow. 595 p. [in Russian]

Pavlenko, 2004 – Pavlenko N.I. (2004). Ekaterina Velikaya [Catherine the Great]. Moscow. 495 p. [in Russian]

Poberezhnikov, 2014 – Poberezhnikov I.V. (2014). Teorii modernizatsii [Theories of modernization]. *Teoriya i metodologiya istorii* [Theory and methodology of history]. Edited by V.V. Alekseev, N.N. Kradin, A.V. Korotaev, L.E. Grinin. Volgograd. pp. 133-152. [in Russian]

Rossiiskaya modernizatsiya, 1993 – Rossiiskaya modernizatsiya: problemy i perspektivy (Materialy «kruglogo stola») [Russian modernization: problems and perspectives (Proc. of a round table discussion)]. *Issues of Philosophy*. 1993. No 7. pp. 3-39. [in Russian]

Sztompka, 2015 – Sztompka P. (2015). Modernization as social becoming: 10 theses on modernization. *Global Modernization Review: New Discoveries and Theories Revisited*. Edited by Alberto Martinelli and Chuanqi He. Singapore. pp. 25-31. DOI: 10.1142/9789814616072_0003

Timoshina, 2001 – Timoshina T.M. (2001). Ekonomicheskaya istoriya Rossii. Uchebnoe posobie [The Economic History of Russia. Textbook]. Moscow. 432 p. [in Russian]

Влияние войн на духовное развитие российского социума в XVIII –первой половине XIX веков: модернизация или протомодернизация

Константин Владимирович Самохин ^{a,*}

^a Тамбовский государственный технический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется влияние войн на ментальность различных социальных групп в Российской империи XVIII – первой половины XIX веков. Методологической основой работы является теория модернизации, которая трактуется классически как переход от традиционного (аграрного) общества к современному (индустриальному). Модернизация, присущая России в имперский период, оценивается как догоняющая, имеющая волновую основу и мобилизационный характер, обусловленная «вызовами» Западной цивилизации. Доказывается тезис, что интенсивность модернизационных процессов, в том числе и духовного плана, зависела от масштабности военных действий и их результативности для Российского государства. В качестве основных характеристик ментальности традиционного российского социума, которые должны были изменяться под воздействием модернизации, рассматриваются патриархальные отношения (или патернализм), религиозность, монархизм, принципы уравнительного землепользования (или социальная справедливость) и общинный коллективизм. Обосновывается положение о том, что модернизационные процессы духовного развития российского общества в указанный период не получили оформленного выражения. Это объясняется локально-континентальным масштабом Северной и Наполеоновских войн, а также их победным исходом для российской стороны. Большую роль в данном аспекте сыграла и асинхронность различных видов модернизации, в частности, позднее начало социального перехода российского социума от традиционного общества к индустриальному обусловило и более позднее оформление модернизации в духовном плане. Это заставляет автора сделать вывод о том, что процессы изменения ментальности большей части российского населения до середины XIX века следует оценивать как духовную протомодернизацию.

Ключевые слова: война, духовное развитие, российское общество, протомодернизация, модернизация, асинхронность, догоняющая модернизация, Российская империя, ментальность.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kon-sam@yandex.ru (К.В. Самохин)

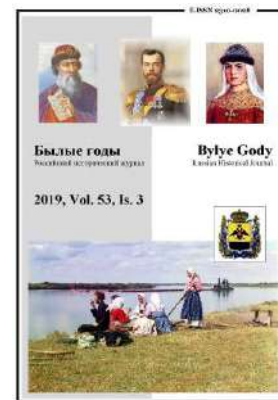
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 998-1007. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.998
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Female Adultery in the Russian Empire in the middle of the XVIII – XIX centuries (on materials of the Tobolsk Diocese)

Aleksandra V. Spichak ^{a, *}

^a Nizhnevartovsk state University, Nizhnevartovsk, Russian Federation

Abstract

The purpose of this article is to consider one of the parties to the marriage in the Russian Empire in the middle of the XVIII–XIX centuries – female adultery. The tasks are to study the attitude to this offense of the Russian Orthodox Church and society, the analysis of the practice of documentation in the spiritual consistories of this vice, as well as punishing women for adultery. The article reveals the historical aspects of the regulation of liability for adultery committed during marriage. The author analyzes the documentation of the Tobolsk Spiritual Consistory, deposited in the State Archive of Tobolsk on female adultery during this period. The basic powers are revealed at consideration of marriage and family affairs by spiritual Consistory. The article identifies the causes of female adultery. The main attention is paid to the content of the affairs of the Tobolsk spiritual consistory of adultery. The hypothesis that in the middle of XVIII–XIX centuries the public attitude to women's infidelity was softened is confirmed, the conclusion about existence of a uniform type of punishment for adultery – penance is drawn. However, it is also established that in addition to this Church punishment could be used whipping, excommunication, exile. The severity of the censure and punishment of treason has declined over the past five centuries. Legislative changes also indicate a change in public opinion regarding adultery.

Keywords: Russian Orthodox Church, diocese of Tobolsk, the Tobolsk spiritual Consistory, marriage, marriage and family relations, crimes against the family, adultery, adultery, responsibility, penance.

1. Введение

Прелюбодеяние являлось «оскорблением святости брака», фактом половой связи одного из супругов с лицом посторонним (Яненко, 2013: 193).

Цель исследования – изучение одной из сторон супружеской жизни в Российской империи в середине XVIII–XIX вв. – женского прелюбодеяния на основе архивных документов Тобольской епархии.

Гипотеза – в середине XVIII–XIX вв. смягчилось общественное отношение к женским изменам. Наказание трансформировалось от смертной казни (в Древнем мире) до церковного наказания – епитимьи (посещение церковных служб, исповедание во всех посты, отлучение от причастия, многочисленные поклоны и т.д.), почти без светского наказания. Отношение Русской православной церкви (далее – РПЦ) к прелюбодеянию, особенно женскому, как в прошлом, так и в настоящее время остается отрицательным.

Объектом научного анализа явилась жизнь женщин Тобольской епархии в середине XVIII–XIX вв. Предмет исследования – изменение отношения Церкви и общества к женскому прелюбодеянию и виды наказаний женщин за супружескую измену в России.

* Corresponding author

E-mail addresses: spichak-89@mail.ru (A.V. Spichak)

Хронологические рамки работы, включающие середину XVIII–XIX вв., обусловлены повышением статуса женщин в российском обществе. Документы РПЦ за первую половину XVIII столетия практически не сохранились в архивах по ряду объективных и субъективных причин.

Территориальные рамки работы определены границами Тобольской епархии – самой обширной в Российской империи.

2. Материалы и методы

Интерес для исследования представляли документы, которые отложились в делах о наказании женщин за прелюбодеяние из фонда № 156 «Тобольская духовная консистория» в Государственном бюджетном учреждении Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее – ГБУТО ГАТ)

В ГБУТО ГАТ находится на хранении 113 дел Тобольской духовной консистории о прелюбодеянии за 1743–1881 гг., из них заведенных на мужчин – 30 дел, на женщин – 41 дело и 40 – на пару, а также «Дело по указу Святейшего Правительствующего Синода (далее – Синода) о рассмотрении дел о прелюбодеяниях духовным начальством» 1817 г. (ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 8. Д. 232) и «Дело по сообщению канцелярии Кольвановоскресенского горного начальства о розыске женки Дарьи Филиповой, подавшей ложную жалобу священнику Одигитриевской церкви Смоленского рудута Леонтию Труфанову в обвинении своего свекра в насильном прелюбодеянии с ней» 1775–1776 гг. (ГАТ. Ф. 156. Оп. 3. Д. 611).

Большая часть дел посвящена наложению епитимьи, в заголовке речь не идет об этом наказании только в 31 деле. Большинство дел были заведены во второй половине XVIII в. (75 дел), остальные 36 – в XIX в., причем в основном до 1834 г., к середине и концу XIX в. относятся всего 5 дел (за 1848, 1858, 1869 (2 дела) и 1881 гг.).

В исследовании использованы подходы и принципы гендерной и социальной истории и такие общеисторические методы, как историко-генетический и сравнительно-исторический. Гендерный подход и такие направления, как микроистория и история повседневности, позволили не только рассмотреть конкретные женские судьбы в изменяющихся условиях российской истории, но и выделить общие тенденции.

3. Обсуждение

В последние десятилетия тема прав женщин становится все более востребованной, к ней обращается множество исследователей, однако в основном эти работы носят правовой характер и составлены на официальных источниках, по большей части законодательных (Дементьева, 2013; Карпенко, 2012), региональные работы практически отсутствуют.

Особенно актуальная в настоящее время тема супружеской измены интересовала многих исследователей: правоведов, семейных криминологов, психологов, социологов. Изменчивость содержания прелюбодеяния в условиях различных исторических эпох рассмотрели В.В. Тумов (Тумов, 2008), Т.В. Филатова (Филатова, 2013) и другие ученые. Однако практически все работы, в которых упоминается прелюбодеяние, посвящены рассмотрению истории правового регулирования аспектов брачной жизни, в основном причин расторжения брака. С точки зрения документоведения, а также на основе архивных материалов данная тема еще не изучалась.

Женское прелюбодеяние неминуемо вело к разводу. Однако с 28 июня 1811 г. для принятия решения по расторжениям браков требовались доказательства измены (Спичак, 2015: 45). Расторжение брака является в настоящее время еще одной актуальной темой исследования, к которой обращались О.Ю. Яненко (Яненко, 2013). Документирование прекращения брачных отношений в Тобольской епархии в XVIII – начале XX вв. рассмотрено в работах А.В. Спичак (Спичак, 2015; 2017).

К зарубежной историографии можно отнести труды американского историка Г.Л. Фриза, посвященные истории жизнедеятельности российского духовенства XVIII–XX вв. (Freeze, 1983: 450-480).

4. Результаты

В Древнем мире в условиях социального расслоения общества при отсутствии механизмов определения генетических связей вводились суровые наказания за супружескую неверность (Тумов, 2008: 21). Наказанием за прелюбодеяние являлась смертная казнь, однако закон допускал прощение мужем провинившейся жены (Карпенко, 2012: 174).

7-я заповедь Библии (Ветхого завета) гласит: «Не прелюбодействуй». Отношение к прелюбодеянию как верующих, так и неверующих как к безнравственному поступку не меняется уже много сотен лет (Филатова, 2013: 23).

В Древней Руси женщину обвиняли в измене после того, как был доказан факт ее связи с посторонним мужчиной. Однако в XIII–XIV вв., если муж видел свою жену разговаривающей с мужчиной, он был обязан донести об этом «волостелю» (Дементьева, 2013: 82).

РПЦ осуждала двоеженство. Женщина, заключившая брак, не расторгнув первый, могла рассчитывать по 10 ст. Устава князя Ярослава XII–XIII в. (Пространной редакции) на передачу под опеку церкви, а также на объявление обоих браков недействительными (Чугунова, 2010: 92).

До XVIII в. наблюдалось гендерное разделение в видах санкций за измену: женщину могли приговорить даже к смертной казни или ссылке в монастырь, тогда как мужчина «мог отделаться» в лучшем случае выговором (публичным порицанием) и в худшем – ударами плетью и епитимьей, выбор наказания зависел от общественного положения мужчины (Щучинов, Орехова, 2007: 131).

Вплоть до XVIII в., чтобы высмеять и пристыдить пару, совершившую прелюбодеяние, на женщину одевали мужскую одежду, а на мужчину – женское платье и водили их в таком виде по улице: так показывалось общественное отношение к данному проступку (Васев, 2016: 30).

Согласно воинскому артикулу 1715 г., если один из любовников был холостым, то это называлось «простое прелюбодеяние», в таком случае наказание смягчалось, если этого желал обманутый супруг или если женщина могла доказать, что в браке она не имеет возможности удовлетворить свои желания. «Двойное прелюбодеяние», когда оба грешника находились в браке, наказывалось более строго (Решетникова, 2005: 48-49).

В XIX в. виновным в измене навсегда запрещали вступать в новый брак (Яненко, 2013: 193).

Не только в Российской империи, не только в христианстве и не только в прошлом прелюбодеяние супруги наказывалось и каралось строже. Так, в Англии расторжение брака было зафиксировано в акте 1857 г.: обманутому супругу разрешалось подать на развод (Смирнов, Поварова, 2013: 333).

В Древнем Риме муж, заставший свою изменяющую жену, мог безнаказанно ее убить (Шленчак, 2015).

Глава 17 законов тазират Исламского уголовного кодекса давала право супругу убить обоих любовников, удостоверившись, что связь произошла с согласия его жены (Акимова, 2015: 87).

Женщины, конечно, подобными правами не располагали. Очень лояльно относится к убийству прелюбодействующих жены или близкой законодательство Йемена (ст. 232): мужчина наказывается тюремным заключением до одного года либо штрафом. Однако существуют в качестве исключения и обратные ситуации. Например, если жена, застав изменяющего мужа, убьет его, то уголовное право Ливана и Сирии признает измену смягчающим обстоятельством (Акимова, 2015: 81).

В архиве были обнаружены 2 коллективных женских дела о прелюбодеянии: «Дело о наложении епитимьи на крестьянок Тобольской округи М. Кугаевскую, А. Иванову и М. Бронникову за прелюбодеяние» 1830 г. (ГАТ. Ф. 156. Оп. 11. Д. 191) и «Дело о наложении епитимьи на жительниц Бийской округи М. Тупицыну и П. Тетерину за прелюбодеяние» 1831 г. (ГАТ. Ф. 156. Оп. 11. Д. 302).

Стоит отметить, что большинство дел возникло в XIX в., когда у женщин появилось больше прав и защиты со стороны властей: они начали чувствовать себя свободнее.

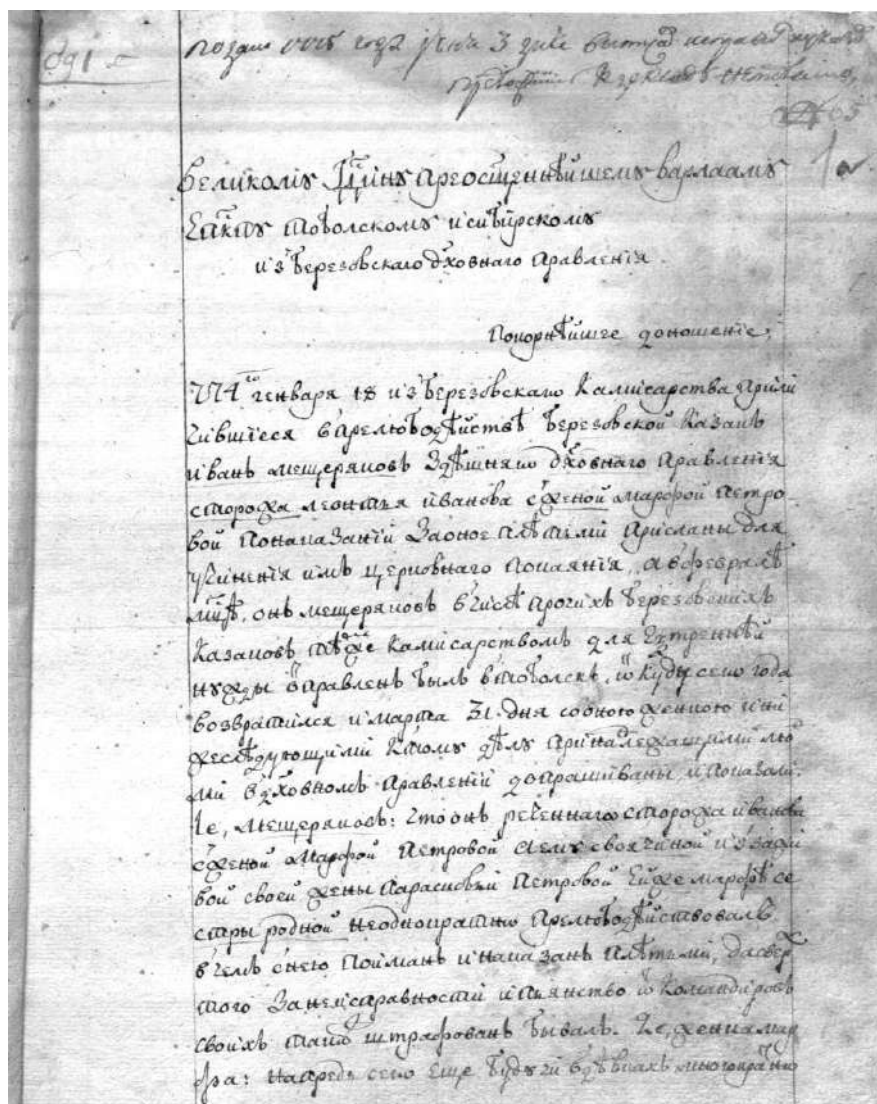
В описях дел Тобольской духовной консистории мы встретили 2 самых жутких дела о мужском прелюбодеянии и убийстве: «Дело по доношению Томского заказчика архимандрита Феодосия о Томском батальонном солдате Иване Софонове, в пьяном виде совершившем прелюбодеяние с дочерью солдатской вдовы Марией Сидоровой и убившем ее» 1769 г. (ГАТ. Ф. 156. Оп. 2. Д. 2031) и «Дело по сообщению Томского губернского суда о наложении епитимьи на крестьянина Барнаульской округи В. Гомзякова за убийство и прелюбодеяние» 1831 г. (ГАТ. Ф. 156. Оп. 11. Д. 301).

Одно из рассмотренных дел объединяет женское прелюбодеяние и мужское убийство – это «Дело о наложении епитимьи на посельщиков Томской округи И. Дашкина за убийство и Т. Непомнящую за прелюбодеяние» 1830 г. (ГАТ. Ф. 156. Оп. 11. Д. 276). Сразу напрашивается вопрос, не за измену ли убил Дашкин Непомнящую или это два разных случая, не связанных между собой? С данного дела и начнем анализ документов о прелюбодеянии.

Первый документ в деле – письмо Томской экспедиции о ссыльных в Тобольской духовной консистории от 5 декабря 1830 г. (№ 2099) о ссыльном Иване Дашкине, убившем крестьянина Казарина и обязывающемся покаяться в содеянном. Вопрос о прелюбодеянии Татьяны Непомнящей рассмотрен отдельно, эти два дела не связаны между собой. Согласно записи в журнале Тобольской духовной консистории от 17 декабря 1830 г. (под № 17), она по причине отсутствия письменного вида на жительство была приговорена к ссылке в Сибирь на поселение. Крестьянку решили предать также и церковному наказанию согласно 59 правилу Василия Великого – наложить епитимью на 7 лет, так как она вела «блудную жизнь», игнорировала исповедание и св. причастие. Татьяна следовало посещать все службы в приходской церкви, совершать 25 земных поклонов, исповедоваться во все посты, кроме смертного случая не приобщаться, а в смертном случае духовнику велелось поступать по 13-му правилу 1-го Вселенского Собора. Приходскому священнику требовалось наставлять ее «закону и страху Божию», постараться расположить к чистосердечному покаянию и ведению впредь беспорочной жизни, и если эти действия дадут результат, то поступить по 102 правилу 6-го Вселенского Собора и указу Синода 21 марта 1780 г. (ГАТ. Ф. 156. Оп. 11. Д. 276. Л. 1-9). Стало быть, убийство Дашкина не являлось следствием прелюбодеяния Непомнящей, что подтверждает гипотезу о том, что в XIX в. самосуд в семье уже отсутствовал.

Следующее дело интересно тем, что обвиняемой выступала жена сторожа Березовского духовного правления Марфа Петрова. Березовское духовное правление подало 8 апреля 1775 г. архиепископу Варлааму I (Петрову) «покорнейшее доношение» о том, что 18 января 1774 г. березовский казак Иван Мещеряков (30 лет) прелюбодействовал с сестрой своей жены – Марфой

(24 года), они оба были присланы в Тобольскую духовную консисторию для покаяния (Рисунок 1). Однако после этого пару опять застали вместе, И. Мещерякова наказали плетью. Марфа, которая еще до замужества вела распутный образ жизни, тоже была наказана плетью. Березовское духовное правление сообщает, что муж Марфы Леонтий Иванов «по возможности своей удерживая увещаниями и побоями наказывал», но безуспешно и решил расторгнуть брак. При этом добавляется, что ввиду болезни Л. Иванов был не способен к супружеской жизни. По этой причине Марфа могла с ним ранее развестись, однако, видимо, ее устраивала такая жизнь. Леонтий был почти на 20 лет старше Марфы – 43 года, возможно, ее удерживал более или менее хороший достаток или налаженное хозяйство. Жена любовника – Прасковья (28 лет) – считала, что муж с ней обходится «порядочно», и, если впредь он будет хранить ей верность, готова была сохранить брак. Обе пары имели маленьких детей. Любовники были наказаны епитимьей. Леонтий подал в Березовское духовное правление прошение об их примирении: «По присланным из Тобольской духовной консистории указом велено ее сожительству со мною разлуча послать куда по указам надлежит, где ей и епитимью чрез семь лет исполнять велено, однако тогда я то свое ... в супружестве нежелание объявлял с крайнего огорчения и стыда, что она была в том прелюбодействе поймана, обличена, а теперь при разводе пришел в сожаление, потому что хотя она и прелюбодействовала и много за то наказана была, но жил с ней в совете, и ныне. При помощи Божией воли от держащей болезни выздоровел, и та моя жена чревата и при том обещается ко мне хранить впредь верность, да и имею свой дом, который по ссылке ее запустеет и разорится, на другой же женится не желаю». Леонтий просил Березовское духовное правление не разлучать его с женой (Рисунок 2), которую, видимо, очень любил. 14 января 1776 г. просьбу Леонтия удовлетворили. В данном деле содержатся также выписки из церковных законов о прелюбодеянии (Рисунок 3) (ГАТ. Ф. 156. Оп. 3. Д. 568. Л. 1-11).

Рис. 1. «Покорнейшее доношение» БДП архиепископу Тобольскому и Сибирскому Варлааму I (Петрову). 8 апреля 1776 г. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 156. Оп. 3. Д. 568. Л. 1 а.

1775
 Падано Октября 30 дня 1775 года
 В Березовское Духовное Правление, сторожа
 Леонтия Иванова
 Прощение
 Хотя я ни дай ший сего 1775 года марта 31
 дня в Духовном Правлении указъ подалъ знаишь
 и показывалъ что, с'аримъ ли бшелося стрелобо
 дѣство с'казакомъ Иваномъ Мещеряиновымъ де
 ною моего Маррою Петровою болѣе встару де
 ставъ была нехотѣлъ, дау ксударь дѣскономъ со
 муленито Поимѣтощейся болѣзни неспособенъ,
 За каковыи встоятельствами Присланныи мнѣ
 изъ Тобольской Духовной Консисторіи указомъ бѣжно
 Ее Исодѣательства солмного Гаврила Послати куда
 Показомъ найдено, еѣ ей и Единогласно чрезъ
 семъ мѣтъ исполнена бѣжно, однако тогда я
 по свое снго востраждество не деланіе бѣжалъ
 крайнаго огорченія и стыда что она была вѣто
 стрелобо дѣство Поимана, шолена, а теперъ
 Приравноу Пришелъ всоудѣние потому что
 хотя она и стрелобо дѣствована шолена бѣжно

Рис. 2. Прощение Леонтия Иванова в БДП. 3 октября 1775 г. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 156. Оп. 3. Д. 568. Л. 7-7 об.

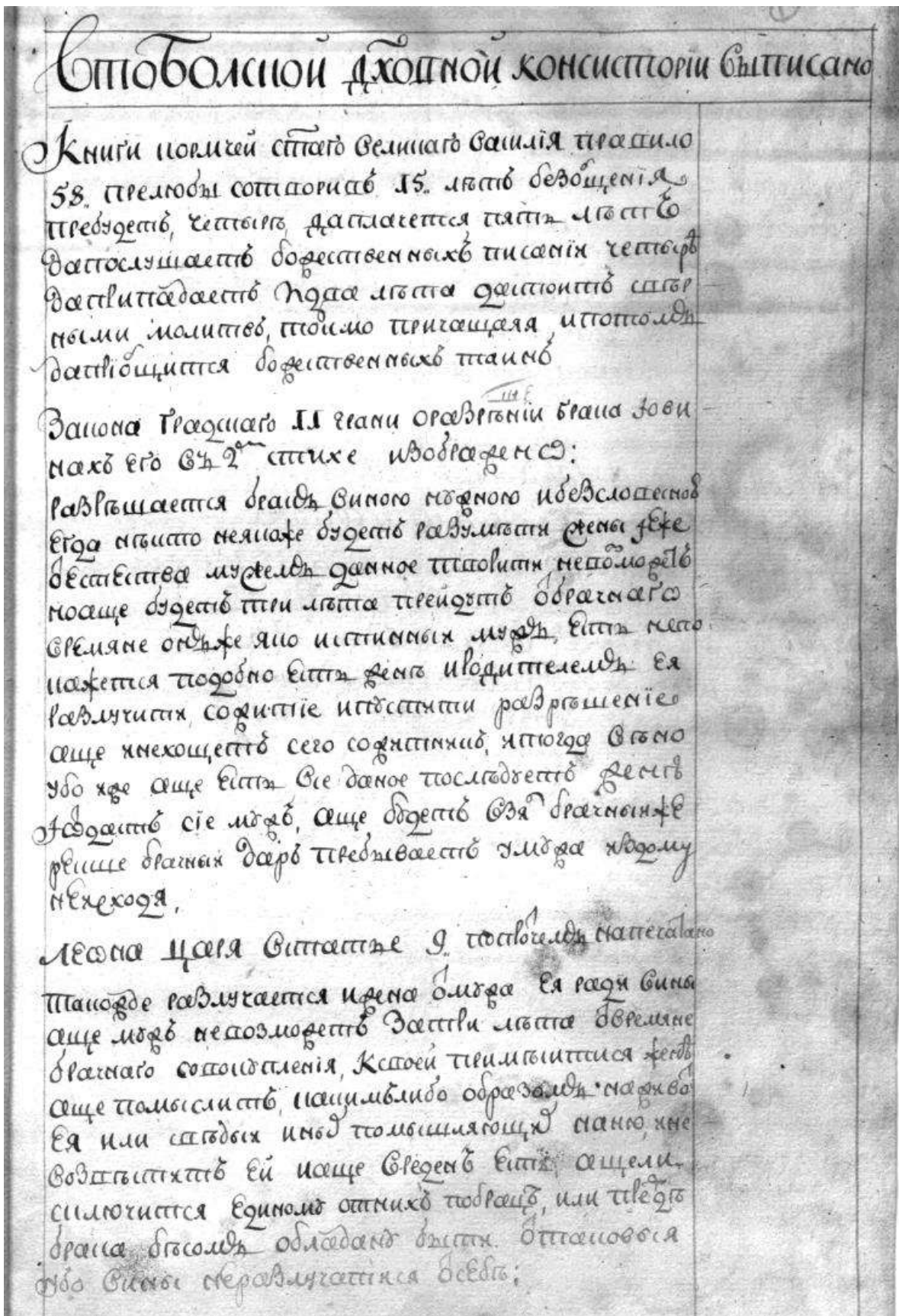
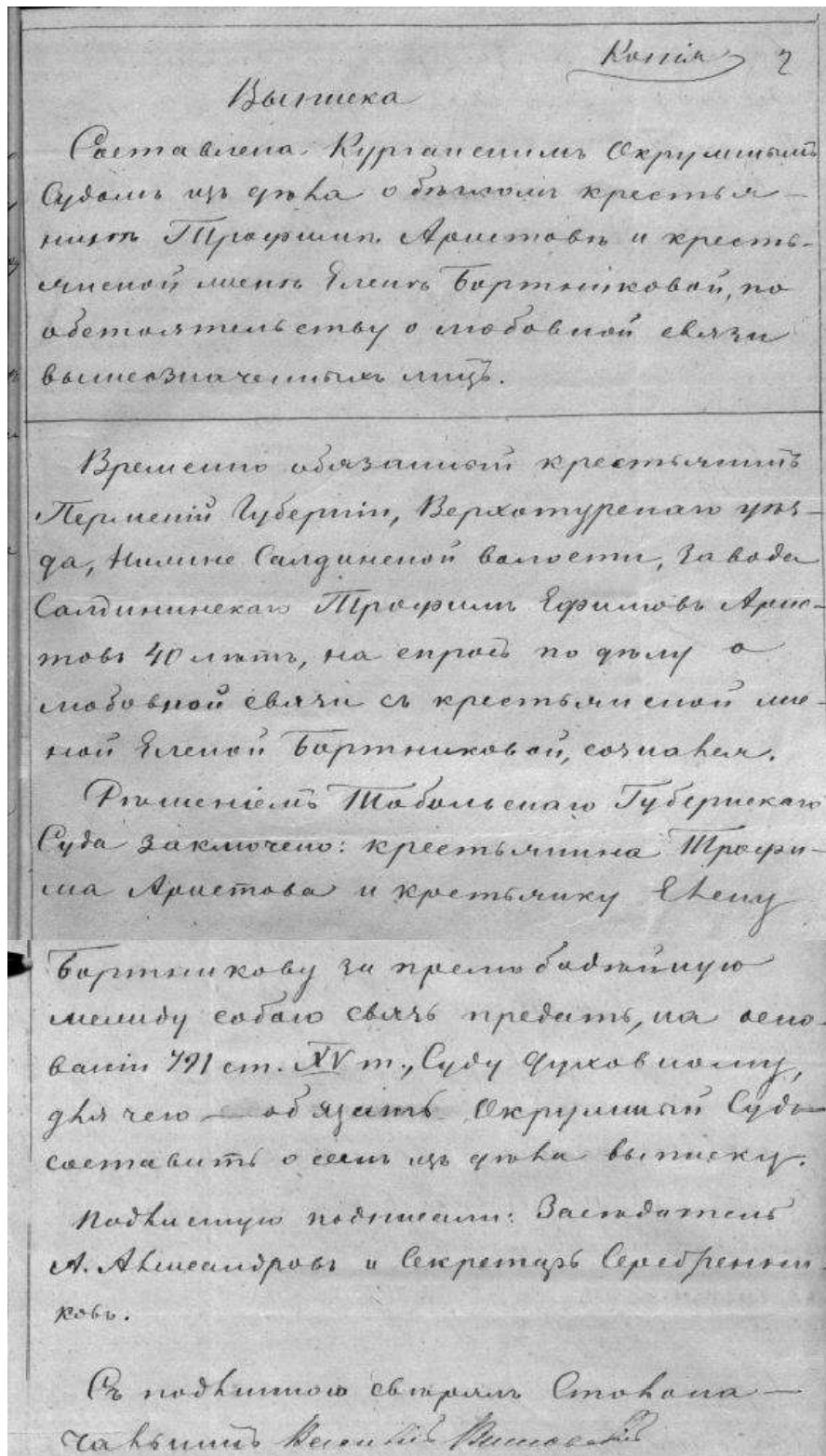

Рис. 3. Выписка из церковных законов о прелюбодеянии, сделанная в ТДК. 1775 г. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 156. Оп. 3. Д. 568. Л. 3-3 об.

Следующее «Дело о наложении епитимьи на крестьянку Курганской округи Елену Бортникову за прелюбодеяние» начинается с письма Оренбургской духовной консистории в Тобольскую духовную консисторию от 30 мая 1881 г. (№ 2937). В письме речь идет о Бортниковой, обвиняемой за прелюбодеяние, однако доказательств преступления не было обнаружено. Согласно выписке Кургановского окружного суда из дела о беглом крестьянине Трофиме Аристове, последний сознался в любовной связи с упомянутой крестьянской женой. Решением Тобольского губернского суда пару на основании 791 ст. XV тома предали духовному суду (Рисунок 4) (ГАТ. Ф. 156. Оп. 11. Д. 1353. Л. 1-5).

Рис. 4. Выписка Курганского окружного суда. 1881 г. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 156. Оп. 11. Д. 1353. Л. 2.

Томский губернский суд отправил в Тобольскую духовную консисторию письмо от 8 февраля 1834 г. (№ 241) о прелюбодеянии крестьянской жены Василисы Майдуровой с крестьянином Константином Воробьевым. Лаврентий Майдуров рассказал, что, возвратившись домой, услышал в сенях разговор его жены с неизвестным ему мужчиной, после чего последний выскочил в окошко. Обманутый муж узнал незваного гостя, о чем объявил сельскому старшине Афанасию Софронову. Старшина собрал жителей деревни Комаровой (20 человек), которые это обстоятельство подтвердили под присягой. Василиса созналась в содеянном, в отличие от Константина, однако избежать духовного наказания им не удалось из-за наличия свидетельских показаний (ГАТ. Ф. 156. Оп. 11. Д. 416. Л. 1-28).

5. Заключение

На протяжении последних пяти столетий суровость наказания и порицания за прелюбодеяние снижалась. С середины XX в. измена перестала быть наказуемой обществом и Церковью (Щучинов, Орехова, 2007: 131-132).

Богатый опыт законодательного регулирования брачных отношений позволяет обобщить его и выделить все истинные ценности брака. Мы наблюдаем многогранность этих отношений, различные подходы к их регулированию (Тумов, 2008: 23).

Таким образом, подтверждается гипотеза о том, что в середине XVIII–XIX вв. смягчилось общественное отношение к женским изменам, к этому времени уже существовал единый вид наказания за прелюбодеяние – епитимья. В некоторых случаях, однако, он дополнялся избиением плетью, ссылкой (при неоднократном прелюбодеянии даже после «увещания» духовных властей), отлучением от супруга (при согласии последнего).

Как видно из содержания дел, отношение РПЦ к женскому прелюбодеянию, в отличие от мнения общества, со временем не ослаблялось и оставалось по-прежнему отрицательным.

Основной причиной женских измен в середине XVIII–XIX вв. можно считать неудовлетворенность супружеской жизнью, впрочем, как и настоящее время (по мнению психологов).

Интересно, что супруг мог применять в наставлении жены даже такие методы, как избиение, что считалось нормой. Этот факт отличает общепринятые меры середины XVIII–XIX вв. от современных мер наказания.

6. Благодарности

Исследование осуществлено в рамках исполнения гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (Конкурс – МК-2018) (МК-3701.2018.6).

Литература

Акимова, 2015 – Акимова Н.В. Стратегия и тактика противодействия преступности в странах мусульманского мира // *Юридическая техника*. 2015. № 9. С. 86-90.

Васев, 2016 – Васев И.Н. Самосуд в крестьянском правовом быту // *Известия Алтайского гос. ун-та*. 2016. № 3 (91). С. 28-32.

ГАТ – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске».

Дементьева, 2013 – Дементьева Т.Ю. Прекращение и расторжение брака по древнерусскому праву // *Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева*. 2013. №2 (78). С. 179-190.

Карпенко, 2012 – Карпенко К.В. О некоторых особенностях семейных отношений по законам Хаммурапи // *Вестник МГИМО ун-та*. 2012. № 5 (26). С. 172-181.

Петровский, 2013 – Петровский А.В. Внутрисемейная преступность и преступления против женщин в мусульманском мире // *Криминология вчера, сегодня, завтра*. 2013. № 4 (31). С. 79-82.

Решетникова, 2005 – Решетникова Г.А. История развития уголовного законодательства России о преступлениях против семьи и несовершеннолетних до 1917 года // *Вестник Удмуртского ун-та*. 2005. № 6 (2). С. 46-58.

Смирнов, Поварова, 2013 – Смирнов Е.Р., Поварова А.Е. Институт брака и правовое положение женщины в Англии XIX века // *Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского*. 2013. № 31 (1). С. 332-335.

Спичак, 2015 – Спичак А.В. Документальное оформление бракоразводных процессов в Тобольской епархии в XVIII – начале XX вв. (по материалам ГУТО «Государственный архив в г. Тобольске») // *Омский научный вестник*. 2015. № 1 (135). С. 44-47.

Спичак, 2017 – Спичак А.В. Причины развода крестьянок в конце XIX – начале XX веков (на материалах Тобольской Епархии) // *Женщина в российском обществе*. № 4 (85). С. 88-103.

Тумов, 2008 – Тумов В.В. Правовые принципы регулирования брачных отношений в обществах Древнего мира // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право»*. 2008. № 2 (4). С. 19-23.

Филатова, 2013 – Филатова Т.В. К вопросу об эволюции морально-нравственных начал частного права // *Социально-политические науки*. 2013. № 2. С. 20-26.

Чугунова, 2010 – Чугунова М.В. История уголовно-правовой регламентации ответственности за преступления против семьи и несовершеннолетних // *Вестник Челябинского гос. ун-та*. 2010. № 19 (200). Право. Вып. 24. С. 91-94.

Шленчак, 2015 – Шленчак Д.А. Правовое положение женщин в Древнем Риме // *Ученые записки Тамбовского отделения Российского союза молодых ученых*. 2015. № 4. [Электронный ресурс]. URL: cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-polozhenie-zhenschin-v-drevnem-rime (дата обращения: 28.01.2018).

Щучинов, Орехова, 2007 – Щучинов О.С., Орехова Н.А. Многодисциплинарное пространство изучения сексуальной измены // *Вестник Удмуртского ун-та. Серия «Социология и филология»*. 2007. № 3. С. 129-138.

Яненко, 2013 – Яненко О.Ю. Расторжение брака в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // *Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия «Социально-гуманитарные науки»*. 2013. Т. 13. № 1. С. 192-194.

Freeze, 1983 – Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis. Reform, Counter-Reform. Princeton University. 1983. 546 p.

References

Akimova, 2015 – Akimova N.V. (2015). Strategiya i taktika protivodeistviya prestupnosti v stranakh musul'manskogo mira [Strategy and tactics of combating crime in the countries of the Muslim world]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 9, pp. 86-90. [in Russian]

Vasev, 2016 – Vasev I.N. (2016). Samosud v krest'yanskom pravovom bytu [Lynching in the peasant legal life]. *Izvestiya Altaiskogo gos. un-ta*. 3 (91), pp. 28-32. [in Russian]

GAT – GBU Tyumenskoj oblasti «Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske» [The State archive in Tobolsk]. [in Russian]

Dement'eva, 2013 – Dement'eva T.Yu. (2013). Prekrashchenie i rastorzhenie braka po drevnerusskomu pravu [Termination and dissolution of the marriage by the old law]. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva*, 2 (78), pp. 179-190. [in Russian]

Karpenko, 2012 – Karpenko K.V. (2012). O nekotorykh osobennostyakh semeinykh otnoshenii po zakonom Khammurapi [On some peculiarities of family relations in the laws of Hammurabi]. *Vestnik MGIMO un-ta*, 5 (26), pp. 172-181. [in Russian]

Petrovskii, 2013 – Petrovskii A.V. (2013). Vnutrisemeinaya prestupnost' i prestupleniya protiv zhenshchin v musul'manskom mire [Domestic crime and crimes against women in the Muslim world]. *Kriminologiya vchera, segodnya, zavtra*. 4 (31), pp. 79-82. [in Russian]

Reshetnikova, 2005 – Reshetnikova G.A. (2005). Istoriya razvitiya ugovnogo zakonodatel'stva Rossii o prestupleniyakh protiv sem'i i nesovershennoletnikh do 1917 goda [The history of criminal legislation of Russia on crimes against the family and minors until 1917]. *Vestnik Udmurtskogo un-ta*. 6 (2), pp. 46-58. [in Russian]

Smirnov, Povarova, 2013 – Smirnov E.R., Povarova A.E. (2013). Institut braka i pravovoe polozhenie zhenshchiny v Anglii XIX veka [The institution of marriage and the legal status of women in England, XIX century]. *Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N.I. Lobachevskogo*. 31 (1), pp. 332-335. [in Russian]

Spichak, 2015 – Spichak A.V. (2015). Dokumental'noe oformlenie brakorazvodnykh protsessov v Tobol'skoi eparkhii v XVIII – nachale XX vv. (po materialam GUTO «Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske») [Documentation of divorce proceedings in the Tobolsk diocese in the XVIII – early XX centuries (based on the materials of the GUTO "State archive in Tobolsk")]. *Omskii nauchnyi vestnik*. 1 (135), pp. 44-47. [in Russian]

Spichak, 2017 – Spichak A.V. (2017). Prichiny razvoda krest'yanok v kontse XIX – nachale XX veka (na materialakh Tobol'skoi Eparkhii) [The reasons for the divorce of peasants in the late XIX – early XX century (on the materials of the Tobolsk Diocese)]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. 4 (85), pp. 88-103. [in Russian]

Tumov, 2008 – Tumov V.V. (2008). Pravovye printsipy regulirovaniya brachnykh otnoshenii v obshchestvakh Drevnego mira [Legal principles of regulation of relations in the societies of the Ancient world]. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya «Pravo»*. 2 (4), pp. 19-23. [in Russian]

Filatova, 2013 – Filatova T.V. (2013). K voprosu ob evolyutsii moral'no-nravstvennykh nachal chastnogo prava [To the question about the evolution of moral-moral principles of private law]. *Sotsial'no-politicheskie nauki*. 2, pp. 20-26. [in Russian]

Chugunova, 2010 – Chugunova M.V. (2010). Istoriya ugovno-pravovoi reglamentatsii otvetstvennosti za prestupleniya protiv sem'i i nesovershennoletnikh [History of criminal-legal regulation of responsibility for crimes against family and minors]. *Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta*. 19 (200), *Pravo*, issue. 24, pp. 91-94. [in Russian]

Shlenchak, 2015 – Shlenchak D.A. (2015). Pravovoe polozhenie zhenshchin v Drevnem Rime [Women's Legal status in Ancient Rome]. *Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniya Rossiiskogo soyuza molodykh uchennykh*. 4. [Electronic resource]. URL: cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-polozhenie-zhenschin-v-drevnem-rime (дата обращения: 28.01.2018). [in Russian]

Shchuchinov, Orekhova, 2007 – Shchuchinov O.S., Orekhova N.A. (2007). *Mnogodistsiplinarnoe prostranstvo izucheniya seksual'noi izmeny* [A multidisciplinary space for the study of sexual infidelity]. *Vestnik Udmurtskogo un-ta. Seriya «Sotsiologiya i filologiya»*. 3. pp. 129-138. [in Russian]

Yanenko, 2013 – Yanenko O.Yu. (2013). *Rastorzhenie braka v Rossiiskoi imperii na rubezhe XIX–XX vv.* [Dissolution of marriage in the Russian Empire at the turn of XIX–XX centuries]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gos. un-ta. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki»*. Vol. 13, 1, pp. 192-194. [in Russian].

Freeze, 1983 – Freeze G.L. (1983). *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis. Reform, Counter-Reform*. Princeton University, 546 p.

Женское прелюбоддеяние в Российской империи в середине XVIII–XIX вв. (на материалах Тобольской епархии)

Александра Владимировна Спичак ^{а, *}

^а Нижневартковский государственный университет, Нижневартовск, Российская Федерация

Аннотация. Цель данной статьи состоит в рассмотрении одной из сторон супружеской жизни в Российской империи в середине XVIII–XIX вв. – женского прелюбоддеяния. Задачами являются изучение отношения к этому проступку Русской православной церкви и общества, анализ практики документирования в духовных консисториях данного порока, а также наказания женщин за супружескую измену. Раскрываются исторические аспекты регламентации ответственности за прелюбоддеяние, совершенное в браке. Автор анализирует документацию Тобольской духовной консистории, отложившуюся в Государственном архиве г. Тобольска о женском прелюбоддеянии в указанный период. Выявлены основные полномочия при рассмотрении брачно-семейных дел духовной консисторией. В статье определяются причины женского прелюбоддеяния. Главное внимание обращено на содержание дел Тобольской духовной консистории о прелюбоддеянии. Подтверждается гипотеза о том, что в середине XVIII–XIX вв. смягчилось общественное отношение к женским изменам, сделан вывод о наличии единого вида наказания за прелюбоддеяние – епитимья. Однако также установлено, что в дополнение к данному церковному наказанию могли применяться избивание плетью, отлучение от супруга, ссылка. Строгость порицания и наказания измены снижалась на протяжении последних пяти веков. Законодательные изменения свидетельствуют и об изменении общественного мнения в отношении прелюбоддеяния.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Тобольская епархия, Тобольская духовная консистория, брак, брачно-семейные отношения, преступления против семьи, прелюбоддеяние, супружеская измена, ответственность, епитимья.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: spichak-89@mail.ru (А.В. Спичак)

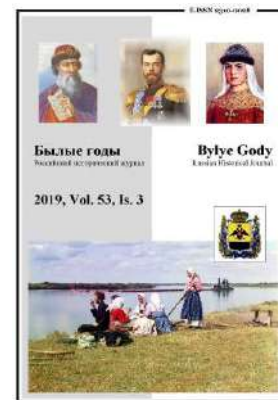
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1008-1016. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1008
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Old Believers' Re-Emigration in early 1750-ies: the Southern Program of Russian Authorities

Andrey S. Ryazhev ^{a, *}

^a Kalmyk scientific center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article mainly concentrates on the state religious policy of the middle of the 18th century — the least studied period in the process of formation of Russian religious tolerance in the early Modern Time. The formation of a special direction of the state activity — the organization and support of the re-emigration of Old Believers who fled from Russia since the end of the 17th century, and their descendants, investigated for the first time in historiography. The author characterizes the prerequisites and the most important processes of the formation of the policy of southern re-emigration, conventionally called there the southern program, on the basis of little-known unpublished materials. Most attention is paid to the pragmatic and enlightenment foundations of the southern program of re-emigration, resulting from the priorities of the development of outskirts of the Russian Empire and implying the settlement of the state lands and the strengthening of the presence of the fugitive population on them. The author states in conclusion that the elements of religious tolerance, manifested by the local military-civil administration and supported by the Supreme power, led to a relatively rapid inclusion of fugitives, accumulated near the borders, in the system of the state feudalism, and their fixation in the southern spaces of New Russia.

Keywords: the Russian Empire, early Modern Times, fugitive population, re-emigration of old believers, the southern program of re-emigration, New Russia, religious policy, religious tolerance.

1. Введение

Одной из наиболее острых проблем для российских властей в XVIII в. была борьба с бегством старообрядцев за рубеж и возвращение беглецов с сопредельных территорий, особенно Речи Посполитой и Молдавии.

Противодействие подобным людским потерям имело традиционное для феодального государства обоснование: поддержание крепостнических порядков и защита доктрины самодержавия заставляли заботиться о снижении влияния (идейного, социального) старообрядчества на простонародье и ставить препоны его оттоку в заграничные центры «старой веры». Но к середине столетия сказывались и объективные геополитические резоны. Русско-турецкое соперничество после войны 1735–1739 гг. побуждало российскую сторону усиливать присутствие на подступах к Северному Причерноморью и ставить новую государственную задачу — укрепление южной границы европейской части страны, скорейшее освоение тамошних земель. Мобилизация людских ресурсов, скопившихся в старообрядческих селениях по ту сторону границ, представлялась наиболее быстрым способом обеспечить военную безопасность и хозяйственное освоение юга, разумеется, при закреплении пришлого населения.

Новые императивы действий верховной власти раньше всего дали себя знать в ее отношении к крупнейшим очагам «старой веры», возникшим на западных и юго-западных окраинах России в

* Corresponding author

E-mail addresses: riazhev@yandex.ru (A.S. Ryazhev)

результате бегства податного люда. Не позже 1660-х гг. поселения (слободы) беглецов образовались в Стародубском и Черниговском полках Левобережной Украины с ведома тамошних частных владельцев – малороссийских казачьих старшин. В изучаемое время слободы, получившие общее наименование Стародубских, находились в пределах Киевской губернии. С середины XIX в. с появлением устойчивого административного деления они значились на картах Черниговской губернии (Стародубский, Новозыбковский, Суражский уезды). Ныне историческое Стародубье относится к Злыньскому и Клиновскому районам Брянской области РФ, отчасти Городнянскому и Семеновскому районам Черниговской области Республики Украина. В 1680-е гг. выходцы из Стародубских слобод основали в польско-литовских владениях неподалеку от г. Гомель новые слободы. По месту первичного обитания – о. Ветка в нижнем течении р. Сож – быстро разросшиеся и появлявшиеся в новых местах жительства беглых получили название Ветковских слобод. С введением российского территориального устройства на землях бывшей Речи Посполитой слободы Ветки оказались в Белицком, затем Гомельском уезде Могилевской губернии. В наши дни земли, о которых идет речь, входят в Ветковский район Гомельской области Республики Беларусь.

В награду за помощь против шведов в годы Северной войны Петр I вывел малороссийские слободы из-под действия антистарообрядческих указов. В 1715 г. власти организовали здесь перепись населения, переведя его затем в казенное ведомство и предоставив новоявленным «государевым слободам» самоуправление, возможность исповедания «древлего» православия и общения с собратьями по вере за границей. Опыт легальной автономии старообрядцев в Российской империи оказался востребованным в связи с приоритетами южной политики. Опираясь на него, военно-гражданская администрация юга России предложила систему мер по поощрению реэмиграции староверов в пределы региона.

Подобная программа нашла понимание верховной власти. Складывание замысла и становление южной программы, ориентированной с 1750-х гг. на реэмиграцию староверов, необходимо изучить, что и является целью статьи.

2. Материалы и методы

Важную роль в изучении старообрядческой реэмиграции играют источники официального происхождения: документы центральных и местных учреждений из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА, г. Москва) о переселении староверов из Речи Посполитой и Молдавии на южные окраины Российской империи. В контексте избранной темы нельзя обойти вниманием и наследие П.Г. Любомирова: в свое время историк готовил труд о роли старообрядцев в истории России и собрал значительный материал о староверах. Эти материалы, отложившиеся в фонде личного происхождения отдела письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ, г. Москва), весьма значимы в содержательном и историографическом планах.

Опубликованные источники в составе многотомных изданий Первого полного собрания законов Российской империи (ПСЗ), сборников Императорского Русского исторического общества (Сб. РИО), имеют, как и архивные материалы РГАДА, официальное происхождение. Законодательство характеризует шаги государства по освоению юга в изучаемое время, бумаги же Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, привлекаемые в дополнение к указам, раскрывают принципы аннинской политики в старообрядческом вопросе и дают возможность выявить изменения, имевшие место в дальнейшем.

Научный инструментарий исследования включает в себя методы выявления и анализа источников, а также обобщения полученных данных. Поиск архивных источников в РГАДА был ориентирован на учреждения-фондообразователи Сената, аккумулировавшие бумаги по реэмиграции (кроме законосоставительной деятельности и двусторонней российско-польской дипломатии на высшем уровне). Процедуры поиска предусматривали сплошной просмотр документальных комплексов, датируемых изучаемым временем, и выявление документов в соответствии с критерием максимальной информативности. Для обобщения информации применялся проблемно-хронологический метод, позволивший охарактеризовать аспекты проблемы реэмиграции и подходы к ее разрешению, намеченные властями в центре и на местах.

3. Обсуждение

Отношение властей к старообрядческой реэмиграции является важным аспектом вероисповедной политики российской монархии середины – второй половины XVIII в. Подобная тема актуальна для науки, ей посвящена значительная историография (Ряжев, 2006: 84-86). В то же время проблематика собственно изучаемого вопроса вскрыта в исторической литературе слабо.

Пионерами в XVIII–XIX вв. выступили историки старообрядчества, причем как его сторонники, так и противники из числа представителей господствовавшей греко-российской Церкви: затрагивая те или иные черты прошлого крупнейших учений или общин старообрядчества Ветки и Стародубья, они входили и в тему взаимоотношений «старой веры» с государством. Авторы отличали конфессиональные пристрастия, отсутствие взвешенности в трактовках крупных политических шагов: таковы старообрядцы (Алексеев, 2005; Любопытный, 1863; Мельников, 2006), таковы их оппоненты из греко-российского лагеря (Журавлев, 1831; Субботин, 1870; Лилеев, 1895). В научной литературе труды адептов Церкви вызвали более всего упреков. В частности, П.Г. Любомиров в характеристике сочинения А.И. Журавлева, оказавшего влияние на литературу Церкви, отмечал не только тенденциозность автора, но и отсутствие у того «элементарной критики и историчности» (ОПИ ГИМ. Ф. 470. Оп. 1. Д. 181. Л. 302). Вместе с тем подобные труды имеют свое значение: в них впервые были охарактеризованы масштабные политико-правовые начинания, направленные на борьбу с побегами староверов за границу или на возвращение беглецов.

Светские авторы, впервые поднимавшие аналогичные сюжеты, выражали позицию официального неприятия старообрядчества, воспроизводя критику Церкви, направленную против старообрядцев (Мельников, 1898; Лазаревский, 1888). В этой связи ценностью представляют историко-правовые разработки, характеризовавшие изменения курса властей касательно старообрядчества (Владимирский-Буданов, 1888; Шмидт, 1962).

Взаимосвязь вопросов старообрядческого бегства и взаимоотношений с сопредельными и ближайшими государствами (Речь Посполитая, Курляндия, Крым, дунайские княжества) sporadически затрагивалась в истории дипломатии (Бантыш-Каменский, 1897: 238, 239; Стегний, 2002: 94-107). Вклад староверов в освоение южных окраин страны отмечен в историко-демографических исследованиях XIX–XXI вв. Данная литература несет в себе фиксации численности и мест поселения староверов, соотносит динамику их появления на юге России с хозяйственно-экономическим развитием регионов Предкавказья и Причерноморья второй трети XVIII в. (Скальковский, 1836; Андриевский, 1886; Загоровский, 1912; Кабузан, 1976). Современная историография старообрядческих центров, располагавшихся на юго-западе Европейской России, отмечает прагматический характер мер правительства по части реэмиграции и их связь с крестьянским вопросом (Починская, 1994; Петрухинцев, 1999).

Что касается зарубежной литературы, то вопрос о численности староверов и времени возникновения их крупнейших поселений в Речи Посполитой становился предметом интереса польских и литовских авторов (Korzón, 1897; Deruga, 1938; Барановский, 1998; Блажавичюс, 1998).

4. Результаты

Власти, меняя курс в отношении заграничных староверов, критически пересматривали политику прежних царствований, и прежде всего царствования Анны Ивановны, когда имели место усилия властей распространить дискриминационное антистарообрядческое законодательство на слободских жителей, что влекло отток населения оттуда и из России в целом. Призывы 1730-х гг. к возвращению беглых, сопровождавшиеся преследованиями выходцев, селившихся на укрепленной Украинской линии, также оставили у староверов недобрую память. Дабы преодолеть ее, государство должно было осознать бесплодность социальной демагогии, контрастировавшей с крепостнической действительностью, и теперь оно показывало готовность к подобному осознанию.

Предполагалось покончить и с безоговорочной ставкой на насилие в деле возвращения беглецов. Власти осознавали значение Ветки как крупнейшего социального центра заграничного старообрядчества, привлекавшего массы беглецов. В феврале 1735 г. русские войска разорили и сожгли здешние слободы, выведя на свою сторону, по разным подсчетам, до 20 тыс. чел. Но уже через год старообрядцы восстановили разрушенные обиталища, о чем в Россию сообщал стародубский староста Я. Жаба (Бантыш-Каменский, 1897: 238). В июне 1740 г. на возрожденной из пепла Ветке, как следует из донесения в Сенат генерал-майора И.А. Шипова, значилось «до 400 дворов, может быть, более» (Сб. РИО: 204, 205). В конце 30 – начале 40-х гг. XVIII в. возникла и одна из крупнейших общин староверов в Литве (Барановский, 1998: 140-144). Таким образом, насильственные меры не давали нужного властям результата: бегство не прекращалось и не ослабевало. С наступлением 1750-х гг. власти проявили способность усвоить и этот урок царствования Анны Ивановны.

Показателем перемен в настроениях правящих верхов с середины правления Елизаветы Петровны явился проект П.И. Шувалова «О разных государственной пользы способах». Он был составлен в духе популярных теорий народонаселения и утверждал идею о том, что главная «сила государственная» есть народ, платящий подати. Как и все, что имело отношение к политике в сфере старообрядчества, проект вырастал из осмысления начинаний аннинского времени, развивая идеи А.П. Вольнского «о поправлении государственных дел» 1735 г. (Шмидт, 1962: 100-103). Вместе с тем

проект отражал новую тенденцию в развитии монархии – переход к «просвещенному абсолютизму», предполагавшему более гуманное отношение к старообрядчеству.

Первым шагом в условиях малонаселенности государственной территории на юге, где довлела опасность соседства со степью, было привлечение населения с Дуная и Балкан: в 1752–1754 гг. для его размещения создавались территориальные ведомства – Новая Сербия, Новослободской полк, Славяно-Сербия. Центром первых двух стала крепость св. Елизаветы (Кабузан, 1976: 52). Малочисленность этой категории переселенцев заставила начальство искать новые людские источники, и здесь в центре его внимания и оказались зарубежные староверы.

При Елизавете Петровне власти, как и прежде, исходили из представлений о масштабном бегстве простонародья под влиянием идей «старой веры» за границу. По официальным данным, к весне 1754 г. в Речи Посполитой насчитывалось 95 старообрядческих слобод и четыре монастыря с 3690 дворами и более чем 10 тыс. трудоспособных мужчин. «Да сверх того, – говорилось в одном из донесений в Сенат с мест, – в той же Польской области еще имеет слобод до 100 и более, населены все беглым великороссийским народом» (Кабузан, 1976: 91). Пограничный комиссар Д. Панов в 1756 г. информировал Сенат из Польской Лифляндии, плотно заселенной российскими беглецами, что их там «будет около миллиона» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1578. Л. 295). Чиновник Провиантской экспедиции А. Свечин после службы в Польше и Литве также сообщал в мае 1761 г.: «Тех беглых, в Польше обретающихся, превеликое множество, не менее как до миллиона простираетца...» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 427. Л. 2, 3, 6-9).

В отечественной историографии нет достоверной статистики подобного бегства. В зарубежной же литературе представлена более скромная картина, нежели полагала в свое время российская сторона. До разделов Речи Посполитой в Короне Польской постоянно пребывало до 100 тыс. старообрядцев (Korzón, 1897: 475). Для сравнения: православных греко-российского исповедания во всем Польско-литовском государстве тогда насчитывалось до 600 тыс. (Стегний, 2002: 94). Доля старообрядцев в населении Речи Посполитой, даже с учетом сокращения ее территории в XVIII в., была невелика. Имеются, в частности, данные на 1791 г.: по ним в пограничном Брацлавском повете Короны Польской значилось 3037 старообрядцев, общая же численность жителей составляла 80128 чел. (Deruga, 1936: 60). Литовские историки насчитывают на 1791 г. в Литве, разделенной тогда между Курляндским герцогством и Великим княжеством Литовским, до 4 тыс. староверов и также делают вывод, что последние составляли лишь до пяти процентов населения литовских земель (Блажавичус, 1998: 166).

Соответственно, показатели бегства, которыми оперировала российская сторона, оказывались завышенными, и здесь елизаветинские деятели повторяли ошибку аннинского времени. Но во времена Анны Ивановны мнение командиров и администраторов о массовом бегстве служило поводом лишь к жестоким преследованиям староверов. При Елизавете Петровне же в связи с изменением основ государственной политики оно стало мотивом вероисповедной либерализации, дав жизнь системе мер – своего рода южной программе, нацеленной на использование в интересах государства человеческого ресурса, накопившегося вблизи российских границ.

Аннинская эпоха – разгром Ветки, преследование беглецов на сопредельной стороне (в Польской Лифляндии и коронных воеводствах) – вызывала у староверов тяжкие воспоминания на протяжении десятилетий. В этой связи контакты властей с зарубежными общинами староверов носили спорадический характер и осуществлялись в основном благодаря деятельности пограничных комиссий – российско-польских учреждений для пограничного урегулирования. Задача вести переговоры с беглецами о возвращении ложилась на сотрудников комиссий с российской стороны. Власти направляли в Речь Посполитую и вербовщиков «из простого звания», чтобы те также уговаривали народ переселяться на окраинные «пустые места» – на юг, в будущую Новороссию (Парамонов, 1904: 112; Починская, 1994: 20).

Вплоть до конца 1740-х гг. попытки вызвать отклик у староверов на той стороне были безуспешными. Но в 1749 г. челобитная на имя императрицы все же поступила. Ее подал С.Т. Заграбский, поверенный «живущих в Польше и Молдавии русских людей». Он хлопотал о зачислении представляемого им беглого люда «в береговую или пограничную службу, как служат донские казаки», в Миргородский полк. Если это окажется невозможным, добавлял челобитчик, то переселенцы готовы к включению в крестьянское состояние на условии платежа обычного (не двойного, как это полагалось по закону в отношении живущих в России старообрядцев), то есть сорокаалтынного подушного оклада. Вариант службы поверенный выдвигал как более предпочтительный, обещая, что в этом случае «охотников» до нее «будет более 25 тысяч» душ. Тогда же «киевский генерал-губернатор Леонтьев доносил о желании беглых русских в Польше перейти в малороссийские раскольнические слободы» (Соловьев, 1993: 15). Таким образом, пример малороссийских слобод оказывался по-прежнему важным для зарубежных беглецов-староверов.

Не позже 19 марта 1750 г., как следует из сенатского определения, обнаруженного С. М. Соловьевым среди бумаг Воинской экспедиции Сената, состоялось положительное решение императрицы Елизаветы Петровны. Согласие на ходатайство Заграбского последовало, однако «с тем, чтоб они поселились не в Миргородском полку, чьи земли принадлежат Малороссии, а отведутся им свободные земли в Великой России, в Белгородской или Воронежской губернии...» (Соловьев, 1993: 15). Необходимость поселения пришельцев на великороссийских землях документ объяснял отсутствием места в полках для столь крупной партии «выходцов». На деле за этим стояло желание властей обустроить государственные земли, а не угождать малороссийской старшины, не допуская при этом староверов в состав иррегулярного служилого населения.

Свое намерение заселять казенные территории и развивать южную программу реэмиграции староверов власти подтвердили в начале 1750-х гг. Инициатором программы выступил главный командир Новой Сербии, генерал-майор, позже генерал-аншеф и киевский генерал-губернатор И. Ф. Глебов. После длительного перерыва в контактах российской стороны со старообрядческой эмиграцией именно ему пришлось наводить мосты. Начальник стал инициатором указа от 6 октября 1753 г. – первой меры, когда светские власти выступали организаторами реэмиграции (ПСЗ: 891-897).

Откликом стало совместная челобитная, которую подали инок Николай из монастыря Покрова Богородицы на Ветке с братиею и войт (староста) ветковских обывателей Г. Тимофеев «с товарищи» от лица «загранишных». В прошении значилось: отцы россиян, осевших в Польше и Литве, бежали «за утеснением и налогами и искоренением содержания по старопечатным книгам... церковного служения». Ныне же челобитчики, продолжал документ, «услыша... публикацию... указа., приняли намерение с теплотою сердца... выйти в Российскую Империю...», но «содержат... немалое опасность, от... Синода не воспоследовало бы по духовной части утеснения».

В Польше, говорилось в челобитной, живет очень много русских, и в Россию из-за гонений на «старую веру» они идти не хотят, но от русского подданства не отказываются: «они желают в нынешних своих местах жить, а Е. И. В. платить повсягодно подушной оклад и за Е. И. В. многолетнее здравие Бога молить...». Подобную осторожность «загранишные» блюли, как подчеркивалось в бумаге, по той причине, что даже и в малороссийских слободах – наилучшем в России месте обитания для староверов – им живется несладко: «от частого нападения и разорения от малороссийских... старшин., так же и от проезжающих [российских командиров]..., многие из тех слобод бежали за границу». Кроме того, старшины стесняют торговлю слобожан, а «за умалением грунтов» (нехваткой пахотной земли) обыватели не могут прокормить себя хлебопашеством. В этих условиях, говорилось в челобитной, и новым «выходцам» добра ждать не стоит.

Препятствием к выходу служили и религиозные соображения: на пограничных форпостах, докладывали челобитчики, начальники велют выходцам называться «раскольниками», а это оскорбительно для их совести, и подвергать себя унижению люди не желают. Из-за религиозного давления снижалась для «загранишных» и привлекательность жизни в малороссийских слободах: часовни там имелись, но свое духовенство содержать слобожанам не разрешалось, что потенциальных переселенцев также не устраивало. В итоге староверы просили, чтобы, во-первых, «загранишным» было позволено после выхода в Россию отправлять «церковное служение» и иметь свое духовенство, а во-вторых, во избежание земельной тесноты селить выходцев, чьи интересы представляли челобитчики, не в «государевых слободах», а «на грунте» частного владельца – малороссийского полковника Ф. Максимовича.

Ожидавшийся приток рабочих рук отвечал ожиданиям местных землевладельцев – казачьих старшин, чьи интересы отстаивал малороссийский гетман К. Г. Разумовский. Не забывал он также о себе, рассчитывая направить поток россиян из-за границы и в свои «маетности» (имения). В письме от 7 сентября 1753 г. в Коллегию иностранных дел гетман предложил перевести слобожан под управление малороссийской Генеральной войсковой канцелярии. Если же, высказывался гетман, государство не передаст слобожан, то оно должно выселить их в Великороссию, дабы земли освободились для других чиншевигов. Все новые переселенцы-россияне также оказывались в малороссийском ведении.

Гетман торопился: свой универсал он издал 17 сентября, не дожидаясь ответа из столицы. Однако слобожане воспротивились этому: жалобы пошли в Киевскую губернскую канцелярию и Сенат, который отреагировал, и самоуправство К. Г. Разумовского было пресечено: указом 7 марта 1754 г. подтверждалась принадлежность слобод ведомству Киевской губернии. В губернской канцелярии отныне должны были собираться и жалобы слобожан на захват малороссиянами слободских, то есть казенных угодий. Сурово оценивались «малороссийские непорядки» – желание гетмана наложить руку на государевы слободы – и в указе от 16 марта 1754 г. гетман отступил, хотя окончательно оружия и не сложил: борьба за малороссийские привилегии продолжалась до прихода к власти Екатерины II, когда и был положен конец подобным притязаниям.

В развитие южной программы И.Ф. Глебов рапортовал 9 сентября 1754 г. в Сенат о многих выходцах из Польши, которых было желательно «поверстать» в службу и обязать повинностями, «чрез что, – указывал он, – может быть полза и Е. И. В. интерес». 19 сентября Сенат указал направлять этих выходцев, как и хотел И.Ф. Глебов, в Новую Сербию. 6 октября 1754 г. от командира последовал очередной рапорт, на этот раз с сообщением о желании старообрядцев, населявших большую, до сотни дворов, слободу под г. Бендеры, вернуться в Россию. Генерал-майор вновь настаивал на положительном решении: «если им в том выходе отказать, то впредь уже не будет к тому надежды», тем более что бессарабские «раскольники» могут подать пример и своим собратям в Польше и Литве (РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 79. Л. 58-62 об., 86-88).

Инициативы упали на подготовленную почву: 12 октября в Сенате впервые обсуждался вышеназванный проект П.И. Шувалова, поступивший туда 7 октября 1754 г. Появление шуваловского труда отнюдь не явилось случайностью. Автор приурочил его к окончанию заседаний комиссии коллежского советника А.А. Яковлева, разработавшей по поручению елизаветинской Уложенной комиссии первую редакцию «Пунктов о раскольниках» – общегосударственного закона о старообрядцах (Ряжев, 2004: 143-145). Сочинение комиссии носило драконовский характер, и в этой связи проект сановника явно полемизировал с ним. И.Ф. Глебов был протеже П.И. Шувалова, он же дал старт быстрой карьере в Сенате и сына И.Ф. Глебова – А.И. Глебова, обер-секретаря, впоследствии генерал-прокурора. В этой связи инициатива И.Ф. Глебова, затем ставшая его главным делом, была призвана подкрепить начертания могущественного патрона.

К южному начинанию немедленно подключился бригадир, впоследствии генерал-майор, киевский вице-губернатор И.И. Костюрин: он, как и глебовский родственник тандем, примыкал к шуваловской «партии» и также не мог остаться в стороне. Документы И.И. Костюрина, адресованные Уложенной комиссии и датированные 15 и 27 октября 1754 г., были проникнуты соображениями веротерпимости: именно в ней администратор, проявляя восприимчивость к веяниям сверху, видел средство улучшить положение слобожан и стимулировать реэмиграцию: «Из Польши ветковские жители просят устроить два монастыря, один мужеский, а другой женский, и отправлять им богослужение; а ежели церкви построить не можно, то хотя часовни, и как только позволение они получат, то совершенно могут несколько тысяч великороссийского народу людей выйти в Россию...» (Владимирский-Буданов, 1888: 42, 43).

Вице-губернатор хорошо понимал, что судьбы реэмиграции зависят от обстановки в малороссийских слободах. Они к тому времени были переполнены, испытывали недостаток в земле. Это могло негативно повлиять на настроения зарубежных староверов – потенциальных выходцев, поэтому предполагалось постепенно вывести излишнее население оттуда в Новую Сербию.

Возможность перемещения староверов внутри империи означала расширение их прав в целом – подобная перспектива подкреплялась либеральным духом проекта П.И. Шувалова. Расширение инициативы И.Ф. Глебова за счет правовых рекомендаций И.И. Костюрина сообщало южному начинанию принципиальный, программный характер.

5. Заключение

В середине XVIII в. государство, отказавшись от преследований старообрядчества, впервые выступило организатором возвращения беглых староверов из-за рубежа на родину. Основания политики реэмиграции предусматривали включение массы беглых, скапливавшихся близ границ, в систему государственного феодализма, закрепление их на окраинах, и прежде всего на юге. В итоге южная программа, подкрепленная правовыми начинаниями, одобренными свыше, переросла в направление государственной деятельности, возымевшей с учетом последствий реэмиграции для российского общества значительную перспективу.

6. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной субсидии по проекту «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ АААА–А19–119011490038–5).

Литература

Алексеев, 2005 – Алексеев (Стародубский) И. История о бегствующем священстве: [страница истории старообрядческой Ветки]. М., 2005. 107 с.

Андреевский, 1886 – Андреевский А. Материалы по истории Южнорусского края в XVIII ст. (1715–1774), извлеченные из старых дел Киевского губернского архива и изданные Императорским обществом истории и древностей. Одесса, 1886. [2], II, 433, III с.

Бантыш-Каменский, 1897 – *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 3 (Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия). М., 1897. IV, 4, 319 с.

Барановский, 1998 – *Барановский В.* На стезе древлеправославия: Очерки истории Зарасайской старообрядческой общины: 1735–1797 годы // *Старообрядцы Литвы: материалы и исследования. 1996–1997. Vilnius, 1998. С. 140-160.*

Блажавичюс, 1998 – *Блажавичюс П.* Староверы Рокишкского края // *Старообрядцы Литвы: материалы и исследования. 1996–1997. Vilnius, 1998. С. 161-196.*

Владимирский-Буданов, 1888 – *Владимирский-Буданов М.* Проекты Киевской губернской канцелярии, представленные в Елисаветинскую и Екатерининскую законодательные комиссии // *Киевская старина. 1888. Т. XXXI. Отд. «Документы, известия и заметки». С. 37-44.*

Журавлев, 1831 – *Журавлев А.И.* Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах, о их учении, делах и разгласиях, собранное из потаенных старообрядческих преданий, записок и писем, церкви Сошествия Святого Духа, что на Большой Охте, протоиереем Андреем Иоанновым: [в 4 ч.]. 4-е изд. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1831. Ч. 1–4. [2], III, 372 с.

Загоровский, 1912 – *Загоровский Е.А.* Колонизация в Новороссии XVIII в. // *Военно-исторический вестник. 1912. № 1. С. 87-99; № 4. С. 125-148.*

Кабузан, 1976 – *Кабузан В.М.* Заселение Новороссии (Екатеринославской и Таврической губерний) в XVIII – первой половине XIX веков (1719–1858 гг.) М., 1976. 307 с.

Лазаревский, 1888 – *Лазаревский А.М.* Описание старой Малороссии. Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Т. 1. Полк Стародубский. Киев, 1888. XVI, 470, XXX с.

Лилеев, 1895 – *Лилеев М.И.* Из истории раскола на Ветке и в Стародубье. XVII–XVIII вв. Вып. 1–2. Киев, 1895. [2], XII, 596 с.

Мельников, 1898 – *Мельников П.И.* Полное собрание сочинений П.И. Мельникова (Андрея Печерского). Т. 13. Очерки поповщины. М., 1898. 396 с.

Мельников, 2006 – *Мельников Ф.Е.* Собрание сочинений: Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул, 2006. 572 с.

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея.

Парамонов, 1904 – *Парамонов А.С.* О законодательстве Анны Иоанновны. Опыт систематического изложения. СПб.: Тип. «Север» А.М. Лесмана, 1904. 172 с.

Петрухинцев, 1999 – *Петрухинцев Н.* Разгром Ветки // *Родина. 1999. № 7. С. 41-44.*

Починская, 1994 – *Починская И.В.* Старообрядческое книгопечатание XVIII – первой четверти XIX веков. Екатеринбург, 1994. 182, [1] с.

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 13 (1749–1753). 962 с.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Ряжев, 2004 – *Ряжев А.С.* Неизвестные проекты русского «просвещенного абсолютизма» по делам религии // *Отечественная история. 2004. № 2. С. 143-155.*

Ряжев, 2005 – *Ряжев А.С.* Вероисповедная политика русского «просвещенного абсолютизма»: история изучения // *История и историки. 2005. М., 2006. С. 84-126.*

Сб. РИО – Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 146. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. Ч. 12. 1740 г. СПб., 1915. XLIV, 568 с.

Скальковский, 1836 – *Скальковский А.А.* Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1731–1823. Ч. 1. С 1731-го по 1796-й годы. Одесса, 1836. XI, 288 с.

Стегний, 2002 – *Стегний П.В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002. 692 с.

Субботин, 1870 – *Субботин Н.И.* Прощение ветковских старообрядцев о епископе, поданное патриарху Константинопольскому в 1731 г. М., 1870. 19 с.

Шмидт, 1962 – *Шмидт С.О.* Проект П.И. Шувалова 1754 г. «О разных государственной пользы способах» // *Исторический архив. 1962. № 6. С. 100-107.*

Deruga, 1938 – *Deruga A.* Kościół prawosławny a sprawa «buntu» w 1789 r. we wschodnich wojewodstwach Rzeczypospolitej. Wilno, 1938. 64 p.

Korzón, 1897 – *Korzón A.* Wewnetzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764–1794) T. 1: badania historyczne ze stanowiska ekonomicznego i administracyjnego: z ilustracyami i dodatkami. Kraków–Warszawa, 1897. 513 p.

References

Alekseev, 2005 – *Alekseev (Starodubskii) I.* (2005). Istoriya o begstvuyushchem svyashchenstve: (stranitsa istorii staroobryadcheskoi Vetki) [The history of the fleeing priesthood: (page of the history of the old believer Vetka settlements)]. М., 107 p. [in Russian]

Andrievskii, 1886 — *Andrievskii A.* (1886). Materialy po istorii Yuzhnorusskogo kraya v XVIII st. (1715–1774), izvlechyonnye iz staryh del Kievskogo gubernskogo arhiva i izdannye Imperatorskim obshchestvom istorii i drevnostei [Materials on the history of the South Russian region in the 18th century (1715–1774), extracted from the old documents of the Kiev provincial archive and published by the Imperial society of history and antiquities]. Odessa. [2], II, 433, III p. [in Russian]

Bantysh-Kamenskii, 1897 — *Bantysh-Kamenskii N.N.* (1897). Obzor vneshnikh snoshenii Rossii (po 1800 god). Ch. 3 (Kurlyandiya, Lifyandiya, Estlyandiya, Finlyandiya, Pol'sha i Portugaliya) [Review of foreign relations of Russia (till 1800). Part 3 (Courland, Livland, Estland, Finland, Poland and Portugal)]. M., IV, 4, 319 p. [in Russian]

Baranovskii, 1998 — *Baranovskii V.* (1998). Na steze drevlepravoslaviya: Ocherki istorii Zarasaiskoi staroobryadcheskoi obshchiny: 1735–1797 gody [On the path of ancient Orthodoxy: Essays on the history of the Zarasai old believer community: 1735–1797]. Staroobryadtsy Litvy: materialy i issledovaniya. [Old Believers of Lithuania: materials and research]. 1996–1997. Vilnius, pp. 140–160. [in Russian]

Blazhavichyus, 1998 — *Blazhavichyus P.* (1998). Starovery Rokishkskogo kraya [Old Believers of Rokiškis area]. Staroobryadtsy Litvy: materialy i issledovaniya. 1996–1997. Vilnius, pp. 161–196. [in Russian]

Vladimirskii-Budanov, 1888 — *Vladimirskii-Budanov M.* (1888). Proekty Kievskoi gubernskoi kantselyarii, predstavlennye v Elisavetinskuyu i Ekaterininskuyu zakonodatel'nye komissii [Projects of the Kiev provincial chancellery, submitted to the legislative commissions of the empresses Elizaveta Petrovna and Catherine II]. *Kievskaya starina*. Vol. XXXI, pp. 37–44. [in Russian]

Zhuravlev, 1831 — *Zhuravlev A.I.* (1831). Polnoe istoricheskoe izvestie o drevnikh strigol'nikakh, i novykh raskol'nikakh, tak nazyyaemykh, staroobryadtsakh, o ikh uchenii, delakh i razglasiyakh, sobranoe iz potaennykh staroobryadcheskikh predanii, zapisok i pisem, tserkvi Soshestviya Svyatogo Dukha, chto na Bol'shoi Okhte, protoiereem Andreem Ioannovym: [v 4 ch.]. 4-e izd [General historical overview about ancient Strigolniki, and new schismatics, so-called, Old Believers, about their doctrine, affairs and revelations, collected from the secret Old Believer legends, notes and letters by Andrey Ioannov, Archpriest of the Church of the Descent of the Holy Spirit, that on The Bol'shaya Okhta River in Saint-Petersburg]. Saint-Petersburg. Ch. (Parts) 1–4. [2], III, 372 p. [in Russian]

Zagorovskii, 1912 — *Zagorovskii E.A.* (1912). Kolonizatsiya v Novorossii XVIII v. [Development of New Russia lands during the 18th century]. *Voенно-istoricheskii vestnik*. № 1, pp. 87–99; № 4, pp. 125–148. [in Russian]

Kabuzan, 1976 — *Kabuzan V.M.* (1976). Zaselenie Novorossii (Ekaterinoslavskoi i Tavricheskoi gubernii) v XVIII – pervoi polovine XIX veka (1719–1858 gg.) [The settlement of New Russia (Yekaterinoslav and Taurida provinces) from the 18th through the first half of the 19th century]. M., 307 p. [in Russian]

Lazarevskii, 1888 — *Lazarevskii A.M.* (1888). Opisanie staroi Malorossii. Materialy dlya istorii zaseleniya, zemlevladieniya i upravleniya. Vol. 1. Polk Starodubskii [Description of old Malorossiya (Little Russia). Materials for the history of settlement, land ownership and administer affairs. Vol. 1. The Starodub Cossack Regiment Territory]. Kiev. XVI, 470, XXX p. [in Russian]

Lileev, 1895 — *Lileev M.I.* (1895). Iz istorii raskola na Vetke i v Starodub'e. XVII–XVIII vv. Vyp. 1–2. [From the history of the the Russian Church schism in Vetka and Starodub'e. The 17 – 18th centuries. Issues 1–2]. Kiev. [2], XII, 596 p. [in Russian]

Mel'nikov, 1898 — *Mel'nikov P.I.* (1898). Polnoe sobranie sochinenii P. I. Mel'nikova (Andreya Pecherskogo). Vol. 13. Ocherki popovshchiny [The complete works of P. I. Mel'nikov (Andrei Pechersky). Vol. 13. The essays of history of the Popovshchina Old Believer denomination]. Moscow. 4, 396 p. [in Russian]

Mel'nikov, 2006 — *Mel'nikov F.E.* (2006). Sobranie sochinenii: Kratkaya istoriya drevlepravoslavnoi (staroobryadcheskoi) Tserkvi [Collected works: a brief history of the Old Orthodox (Old Believer) Church]. Barnaul. 572 p. [in Russian]

OPI GIM — Otdel pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Department of written sources of the State Historical Museum].

Paramonov, 1904 — *Paramonov A.S.* (1904) O zakonodatel'stve Anny Ioannovny. Opyt sistematicheskogo izlozheniya [About the legislation of Empress Anna Ioannovna. Experience of a systematic explanation]. Saint-Petersburg. 172 p. [in Russian]

Petrukhintsev, 1999 — *Petrukhintsev N.* (1999). Razgrom Vetki [Devastation of the Vetka old believers' settlements]. *Rodina*. № 7. P. 41–44. [in Russian]

Pochinskaya, 1994 — *Pochinskaya I.V.* (1994). Staroobryadcheskoe knigopечатanie XVIII – pervoi chetverti XIX vekov [Old Believers printing from the 18th century through the first quarter of the 19th century]. Ekaterinburg. 182, [1] p. [in Russian]

PSZ — Pervoe polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The First Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint-Petersburg, 1830. Vol. 13 (1749–1753). 962 p. [in Russian]

RGADA — Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian state archive of ancient charts].

Ryazhev, 2004 — Ryazhev A.S. (2004). Neizvestnye proekty russkogo «prosveshchennogo absolyutizma» po delam religii [Unknown projects of Russian "enlightened absolutism" on religious affairs]. *Otechestvennaya istoriya*. № 2. P. 143-155.

Ryazhev, 2005 — Ryazhev A.S. (2005). Veroispovednaya politika russkogo «prosveshchennogo absolyutizma»: istoriya izucheniya [Religious policy of Russian "enlightened absolutism": history of study]. *Istoriya i istoriki*. 2005. M., pp. 84-126. [in Russian]

Sb. RIO — Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo obshchestva. Vol. 146. Bumagi Kabineta Ministrov Imperatritsy Anny Ioannovny. Ch. 12. [Collection of the Imperial Russian Historical society. Vol. 146. Papers of the Cabinet of the Empress Anna Ioannovna. Part 12]. 1740 g. Saint-Petersburg, 1915. XLIV, 568 p. [in Russian]

Skal'kovskii, 1836 — Skal'kovskii A.A. (1836). Khronologicheskoe obozrenie istorii Novorossiiskogo kraya. 1731–1823. Ch. 1. S 1731-go po 1796-i god [A chronological review of the history of the New Russia area. 1731–1823. Part 1. From 1731 to 1796]. Odessa. XI, 288 p. [in Russian]

Stegnii, 2002 — Stegnii P.V. (2002). Razdely Pol'shi i diplomatiya Ekateriny II [The partitions of Poland and diplomacy of Catherine II]. 1772. 1793. 1795. M., 692 p. [in Russian]

Subbotin, 1870 — Subbotin N.I. (1870). Proshenie vetkovskikh staroobryadtsev o episkope, podannoe patriarkhu Konstantinopol'skomu v 1731 g. [The petition of old believers from Vetka settlements about the Bishop, submitted to the Patriarch of Constantinople in 1731]. M., 19 p. [in Russian]

Shmidt, 1962 — Shmidt S.O. (1962). Proekt P. I. Shuvalova 1754 g. «O raznykh gosudarstvennoi pol'zy sposobakh» [The project "About the various methods intended to benefit the State" by P. I. Shuvalov, 1754]. *Istoricheskii arkhiv*. № 6. P. 100-107. [in Russian]

Deruga, 1938 — Deruga A. (1938). Kościel prawosławny a sprawa «buntu» w 1789 r. we wschodnich wojewodstwach Rzechypospolitej [The Orthodox Church and the case of the "uprising" in 1789 year in the Eastern voivodships of the Polish-Lithuanian Commonwealth]. Wilno, 64 p. [in Polish]

Korzón, 1897 — Korzón A. (1897). Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764–1794). Vol. 1: badania historyczne ze stanowiska ekonomicznego i administracyjnego: z ilustracjami i dodatkami [Internal history of Poland during the reign of king Stanisław August (1764–1794). Vol. 1: historical research from an economic and administrative position: with illustrations and additions]. Kraków–Warszawa, 513 p. [in Polish]

Старообрядческая реэмиграция начала 1750-х гг.: южная программа российских властей

Андрей Сергеевич Ряжев ^{a, *}

^a Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена государственной вероисповедной политике середины XVIII в. — наименее исследованному периоду в процессе становления российской веротерпимости в раннее Новое время. Впервые в историографии изучено формирование особого направления деятельности государства — организации и поддержки реэмиграции старообрядцев, бежавших из России с конца XVII в., и их потомков. На основе малоизвестных материалов, в том числе неопубликованных, дана характеристика предпосылок и важнейших процессов становления реэмиграции, условно названных здесь южной программой. Наибольшее внимание в статье уделено прагматическим и просветительским основаниям южной программы реэмиграции, вытекавшим из приоритетов развития окраин Российской империи и подразумевавшим первоочередное заселение казенных земель и усиление присутствия беглого населения на них. В итоге автор констатирует, что элементы веротерпимости, проявившиеся в действиях местной военно-гражданской администрации и нашедшие поддержку верховной власти, привели к относительно быстрому включению беглых, скапливавшихся близ границ, в систему государственного феодализма и закреплению их на южных пространствах Новороссии.

Ключевые слова: Российская империя, раннее Новое время, беглое население, реэмиграция старообрядцев, южная программа реэмиграции, Новороссия, вероисповедная политика, веротерпимость.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: riazhev@yandex.ru (А.С. Ряжев)

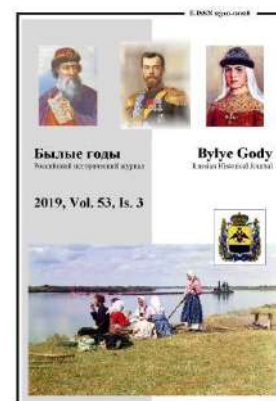
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1017-1024. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1017
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Water Supply of the Kalmyk Steppe of the Astrakhan Province in the XIX – beginning of the XX century: Problems and Ways of their Solution

Daglara V. Amaeva ^a, Aleksandr N. Komandzhaev ^a, Natalya P. Matsakova ^a, Ludmila V. Okonova ^{a, *}

^a Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Russian Federation

Abstract

The Kalmyk Republic is located in the driest part of the South of the Russian Federation. Permanent water supplies are needed to allow livestock to survive on its arid plains. Water supply from «Artesian» bores underpinned the development of cattle breeding in Kalmykia. «Artesian» water is clean, predominantly fresh water flooding up from underground. But nowadays water pressure is starting to decline, and there is recognition that the groundwater resource needs to be better managed. The article investigates and analyses the ways of water supply in the Kalmyk steppe in the XIX – XXth centuries.

The authors based their study on archive documents and books written before the Russian revolution in 1917. These works described the importance of water for life in harsh environment where droughts were common, the impact of water supply for moving of the Kalmyks and establishing permanent settlements along water routes. Special attention was given to the quality of water. The authors of the article investigated how the problem of water supply was solved by the Kalmyks and state authorities. The Kalmyks dug deep wells in the steppe called «huduk», and then artesian bores and wells. This work required amount of time and expense to maintain them.

Keywords: Kalmyk steppe, economy, ecological state, natural and climatic conditions, water supply, shortage, huduk, wells, watering, solutions.

1. Введение

Калмыкия относится к одному из самых маловодных и засушливых регионов России, в котором проблема водоснабжения населения и водообеспечения хозяйства является весьма актуальной. Значительная часть ее находится в зоне полупустыни и пустыни. Распределение водных ресурсов отмечается крайней неравномерностью, слабо развитой гидрографической сетью. Регион снабжается водой из трех источников: внешние (реки – Волга, Терек, Кубань, Дон и Кума), поверхностные (водотоки восточного склона возвышенности Ергени, небольшие участки бассейнов рек Сала и озер Большой Маньч, Аршань-Зельмень и Барманцак, Чограйское водохранилище), подземные (артезианские скважины). Традиционно также использовалась дождевая и талая вода. К настоящему времени сложился целый комплекс проблем, связанных с водным фактором: дефицит водных ресурсов и нерациональное их использование, качество имеющейся воды, загрязнение водных источников.

2. Материалы и методы

Материалами для подготовки статьи послужили делопроизводственные документы фондов Земского отдела Министерства внутренних дел Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург) и Управления калмыцким народом и его предшественников Национального архива Республики Калмыкия (Элиста). Помимо этого были использованы научные публикации по

* Corresponding author

E-mail addresses: nauka.kalmsu@gmail.com (L.V. Okonova)

теме исследования, опубликованные в дореволюционный и современный периоды.

При анализе информации, собранной эмпирическим путем, использовались общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения. Источниковедческий метод работы с историческими источниками помог в поиске и выявлении фактического материала. Сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы позволили рассмотреть проблемы водообеспечения Калмыцкой степи на протяжении XIX века и подвергнуть анализу способы решения обводнения региона. Статистический метод применялся при характеристике численности колодцев, худуков и плотин для водоемов.

3. Обсуждение

В отечественной историографии отсутствуют специальные исследования по изучению проблем водообеспечения Калмыцкой степи в рассматриваемый период, хотя как дореволюционные, так и современные авторы обращали внимания в рамках изучения смежных проблем. Начало всестороннему исследованию хозяйства калмыков было положено Петербургской академией наук, но наибольшее изучение относится к XIX в. Исследователи рассматривали экономическое состояние Калмыцкой степи и ее природно-климатическую обусловленность (Нефедьев, 1834; Попов, 1839; Смирнов, 1999; Житецкий, 1892; Житецкий, 1893). Впервые научное изучение социально-экономического развития Калмыцкой степи было проведено Кумо-Маньчской экспедицией под руководством К.И. Костенкова. Наиболее подробно были исследованы орографическое строение степи, наличие речных и озерных систем, возможность устройства артезианских скважин (Калмыцкая степь, 1868; Костенков, 1870). Значение работ данной экспедиции рассмотрено в статье Е.Н. Бадмаевой (Бадмаева, 2009).

Наиболее детальное описание речных и озерных систем, родниковых источников (истоки, направление течения, источники пополнения и их использование) представлено в работе И.Г. Черкасова (Черкасов, 1895).

В работах И.В. Лиджиевой рассматривается обсуждение строительства плотины на реке Аршань для наполнения водой озера Батыр и сооружения двух колодцев в Малодербетовском улусе (Лиджиева, 2016a; Лиджиева 2016b; Лиджиева, 2017).

В последнее десятилетие вышел ряд работ по проблемам водоснабжения, экосистемного водопользования агропромышленного комплекса, а также современной оценке экологического состояния Калмыкии при использовании водных источников (Овчинников и др., 2015; Санджиев, 2015; Сангаджиев, Онкаев, 2012; Малышева, Козина, 2015). Большинство современных исследователей отмечают эффективность использования традиционных способов добывания и использования воды в аридных условиях.

Основной целью данной статьи являются изучение и анализ основных проблем водообеспеченности Калмыцкой степи в XIX – начале XX веков, рассмотрение способов и путей их решения.

4. Результаты

На проблему водообеспеченности Калмыцкой степи обращали внимание как дореволюционные исследователи-этнографы, так и участники различных экспедиций, всесторонне изучавших ее. Они отмечали, что исторически сложившееся рассредоточенное расселение ее жителей и типы хозяйственной деятельности обусловлены наличием водотоков и колодцев. Так, Н.А. Нефедьев, описывая систему кочевок калмыков, отмечал, что в летнее время в наилучшем положении находился Малодербетовский улус в урочище Ергени, располагавшийся на границах кочевий донских и саратовских калмыков и отличавшийся умеренным климатом, превосходными пастбищами и наличием пресной воды, и Хошеутовский улус, который пользовался дачами на луговой стороне Волги и хорошими пажитями (пастбищами), а также значительными лесными угодьями. Остальные улусы, располагавшиеся в степях с песчано-глинистыми и солонцеватыми почвами, испытывали недостаток в воде из-за плохого состояния травяного покрова, выгоравшего уже в начале (Нефедьев, 1834: 116-117).

П. Смирнов отмечал, что скотоводы, кочуя с одного места на другое, всегда планируют свои передвижения с расположением худуков (копаней), которые имеются в калмыцкой степи. Худуком называется большая круглая или несколько продолговатая яма, имеющая от трех до шести сажен в диаметре и от полторы до двух сажен глубины. На дне ямы выступает подпочвенная пресная вода (амта усун), годная к употреблению, которой и люди, и животные утоляют жажду. Родники в худуках явление редкое. Только на урочищах Санзыр и Чапчачи в худуках автор видел небольшие ключи. В этих худуках летом вода была очень холодной, она не переводилась круглый год (Смирнов, 1999: 91). Данный исследователь, как и другие, подметил тот факт, что Ергени отличаются лучшей обеспеченностью водными источниками.

И.А. Житецкий также считал, что хозяйственно-экономические причины, вызывающие и регулирующие перекочевки калмыков, обусловлены обеспеченностью кормами и водопоями. В степи в периоды засухи, когда хозяйство калмыков испытывает недостаток кормов и водопоев, после дождя

происходит перестановка кибиток: уже на другой день не найти ни одной кибитки на том урочище, где их было много накануне дождя. При засухах кибитки толпятся около худуков и колодцев ради водопоя, и потому вокруг пастбища истощаются быстро, но стоит пройти дождю, кибитки немедленно снимаются, идут вглубь степей, где образовались «цандыки» (дождевые лужи) и где сохранились корма (Житецкий, 1892: 37).

Он отмечал, что от состояния кормов и водопоев зависело расселение калмыков по степи, группировка их по урочищам и по хотонам. Зимой в дождливое время года калмыки собирались большими хотонами и распределялись по урочищам довольно равномерно, в зависимости от количества скота, кормов и воды. В сухое время года картина была другой: хотоны делились на мелкие, распределялись по худукам, и целые пространства степи становились практически безлюдными. В благоприятные годы по количеству выпадающей влаги кочевки были регулярными, последовательными. С весны калмыки удаляются от зимовки вглубь степи, а к осени приближаются к зимовке, последовательно вытравляя корм. В это время практикуются малые и средние переходы – в 15–20 верст за раз; в засушливые годы калмыки передвигаются по степи, идут зигзагами, скачками, то уходя быстро вперед, то возвращаясь назад, поэтому переходы увеличиваются. Обитание на определенных местах с разными топографическими условиями обеспеченности кормами и водой отражаются и на системах кочевков по разным местностям: в то время как степные калмыки проходят сотни и тысячи верст в год, калмыки черневые, или приэргенинские, – десятки и много сотен верст (Житецкий, 1892: 38).

Впервые подробное комплексное научное исследование Калмыцкой степи Астраханской губернии осуществила Кумо-Маньчская экспедиция под руководством К.И. Костенкова. Одной из основных ее задач была попытка решения проблемы водообеспеченности края путем поиска подземных источников пресных вод, а также изучения возможностей создания поверхностных искусственных водохранилищ (запруд).

Участники Кумо-Маньчской экспедиции отмечали, что производительные силы каждой страны бывают обусловлены главным образом ее геологическим строением и климатическими особенностями, которые всегда влияют на этнографическое и историческое развитие края. Поскольку в калмыцкой степи они крайне неблагоприятны, то во все исторические времена это пространство представляло собой пустыню, в которой обитают только кочевые народы (Калмыцкая степь, 1868: 70).

Такого же мнения был и А.А. Попов, писавший, что в Калмыцкой степи не встретишь ни приятной зелени, ни прохладного ручья, ни даже озера с пресной водой. Солончаки, ковыль и полынь – вот все богатства, которыми наделены эти места (Попов, 1839: 28).

Особое внимание экспедиция обратила на распределение воды и качество почвы как на «два насущных элемента для благосостояния каждого края». По ее мнению, природно-климатические условия региона обусловили отсутствие постоянных проточных вод. Приводится описание водной системы Калмыцкой степи: воды, появившиеся в низменной степи в результате таяния снега или после весенних дождей, собирались в углубления и испарялись дочиства. Поэтому в степи не было ни одного озера, которое бы образовалось вследствие дождей или снегов. Озера, существовавшие в степи, питались водой, приносимой с окружающих ее возвышенностей. Например, система озер Сарпинских, Яшкуль и другие питалась весенними стоками с Ергеней, а Состинские озера – весенними водами, проводимыми восточным Маньчем из Калауса, Чогры, Ургулей и других балок, принадлежащих кавказским предгорьям. Если бы не эти обильные стоки, в степи не было бы ни одного водяного бассейна (Калмыцкая степь, 1868: 72-73).

Что касается качества воды, участники экспедиции отмечали, что в летнее время года в этих бассейнах вода всегда портится, делаясь горьковато-затхлою или очень солоноватой. Наибольшую важность для кочевого народа представляет так называемая почвенная вода. Ее происхождение объясняется так: в песчаной почве дождевые и снеговые воды просачивались вглубь и останавливались на глиняном подпочвенном слое. Если верхний слой почвы был очень глинистым, то вода проходила через него по образовавшимся в нем трещинам и распространялась по песчаному слою, лежащему под глиной. Вода, ушедшая в почву, предохраняется от испарения солнечным зноем и местами ею можно пользоваться круглое лето. Но не во всех худуках вода хорошего качества: некоторые содержат воду солоноватую, непригодную для питья и даже злокачественную.

Благодаря этим худукам, низменная степь испещрена дорогами, которые служат не только для перекочевков калмыков, но и являются транспортными путями из Черного Яра, Енотаевска, Пришиба и Астрахани в ергенинские станицы, а также из Царицына и Астрахани на Кавказ. В связи с возрастанием значения этих дорог и развитием торговли во второй половине XIX века Кумо-Маньчская экспедиция должна была решить задачи, связанные с закладкой новых путей сообщения между Царицынско-Ставропольским и Кизлярско-Астраханским трактами и выбором удобных мест для заселения действующих и пролагаемых трактов. Их решение было напрямую связано с водообеспеченностью выбранных мест.

Исследования экспедиции показали, что вода худуков по этим дорогам могла бы обеспечивать небольшие поселки, хутора и кордоны в достаточном количестве. Если другие условия для этих

поселков были благоприятными, необходимо было выбирать места вблизи старых копаней, издавна известных количеством и качеством воды. Достоинства худуков заключались прежде всего в том, что их создание, содержание и очистка не требовали особых трудностей и издержек, а также вода в них не была подвержена большому испарению, так как они были глубокими и имели небольшой диаметр. Вода в них была постоянно свежей, так как, вычерпываемая днем начисто, она в течение ночи набегала снова (Калмыцкая степь, 1868: 74).

Изучая возможности создания поверхностных искусственных водохранилищ, участники экспедиции пришли к выводу о том, что их создание невозможно, так как вода в запрудах, представляя значительную поверхность, быстро испаряется, а в сильную засуху запруды могут пересохнуть. Подтверждением данного вывода они считали тот факт, что во всей степи в течение лета от сильной жары не сохраняется ни одно озеро, за исключением тех, которые находятся у подножья Ергеней и поддерживаются родниковыми водами. Кроме того, в больших скопах неизбежна порча воды и насыщение ее солями, а также поддержка таких запруд требует больших затрат и трудов. Таким образом, выгоднее иметь несколько хороших копаней, чем одну запруду.

В связи с вышеизложенным интерес представляют пути и способы решения проблемы водообеспеченности в Калмыцкой степи в рассматриваемый период кочевым населением и государственными органами управления.

По словам Н.А. Нефедьева, калмыки, чтобы напоить свои стада, вынуждены были повсюду рыть новые или расчищать старые худуки, в которых вода была беловатой, солено-горькой и нередко превращалась в навозную жижу. Но и этой воды бывало настолько мало, что она каждый день вся вычерпывалась (Нефедьев, 1834: 117). И.А. Житецкий тоже отмечал, что в тех местах степи, где есть поверхностная вода, отдельный хотон или группа хотонов, выкапывают себе «худук» (копань).

Упомянутые копань или худук – это колодеобразные ямы, размером сажени в 1½ шириною и от 1½ до 3-х сажень глубиною, хотя имеются худуки и более глубокие, например в 7 сажень. Худуки, как правило, не имели срубов. Достигнув песчаного слоя, вода наполняет худук на некоторую высоту и достается ведрами, прикрепленными к шесту или же чаще всего привязанными к веревке.

Худуки рассыпаны группами по всей степи, на расстоянии группа от группы в 10, 20, 30, редко в 50 и только в некоторых местах в 70 верст. Копани эти, по мнению Кумо-Маньчской экспедиции, составляют «величайшее благодеяние» для кочевников, так как позволяют им не задерживаться на одном месте, а передвигаться и перекочевывать для прокормления своего скота.

Калмыки обычно рыли худуки на склонах бугров или же около сыпучих песков на плоской возвышенности, где слой прощелочившейся земли толще, а потому и подпочвенной воды бывало больше. Рыть худуки на низменностях было не принято, так как там вода была горько-соленой. Следует отметить также, что на одной местности, как правило, скотоводы рыли не один худук, а несколько на близком расстоянии друг от друга.

П. Смирнов отмечал, что не во всех местностях худучная вода была одинаковой: в одних она преснее (например, на урочищах Санзыр и Адык), в других – более вязущая (например, на урочище Меклета). На урочище Джанай худучная вода имела свои особенности. Во-первых, содержала в себе значительное количество соды, во-вторых, вода изменяла вкус в зависимости от направления ветров: если они дули с моря – вода не имела запаха, если с востока – вода приобретала неприятный вкус. Исследователь объяснял это свойство вероятным подземным сообщением с морем (Смирнов, 1999: 94-95).

Калмыки старались поддерживать рабочее состояние худуков: осуществляли очистку от мусора и в течение дня вычерпывали воду, для того чтобы за ночь копани наполнились. Таким образом, они всегда имели в распоряжении свежую и хорошую воду.

По свидетельству того же П. Смирнова, очистка худуков составляет самую трудную работу для кочевников, потому что осуществляется днем, когда наступает сильная жара. Автор описал порядок очистительных работ: на краю худука вырывают широкий уступ вроде ступени, выкидывая землю на поверхность. Уступ делался такой высоты, чтобы с него удобно было выбрасывать грязь на поверхность земли. Ниже делался второй уступ, такой же ширины и высоты. Таким образом, иногда устраивают и три уступа, в зависимости от глубины ямы. Когда уступы бывали готовы, рабочие делились на партии по три или четыре человека. Одна партия опускалась на дно ямы и лопатками выбрасывала нанесенный песок на ближайший к ним уступ. Вторая партия рабочих, стоявших на том уступе, ту же землю лопатками кидала выше на следующий уступ. Третья партия, располагавшаяся на верхнем уступе, ту же грязь выкидывала на поверхность земли, где из нее образовывался бугор или вал. После сильных дождей скотоводам всегда приходилось вновь очищать худуки, так как дождь, наполняя яму водой, уносил с собой песок, лежавший около худуков. Поэтому при вычерпывании воды на дне худучной ямы всегда оставалось много ила. Очистка производилась тем же способом (Смирнов, 1999: 92-93, 95). Поэтому калмыки высоко ценили воду в худуках, не разрешали поить скот другим хотонам, не участвовавшим в их очистке, а с проезжающих за водой брали деньги.

В изучаемый период в условиях дефицита воды начали предприниматься попытки богатых скотовладельцев устройств частных водных источников. К примеру, Г. Даланов в Эркетеневском

улусе, М. Эрдениев в Икицохуровском улусе прорыли артезианские колодцы (НА РК. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1835. Л. 5-8).

Архивные материалы показывают, что количество худуков с каждым годом увеличивалось. К примеру, в 1890 г. в Калмыцкой степи было построено новых 26 колодцев со срубами, 95 колодцев без срубов (худуков) (НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 106. Л. 3).

В 1897 г. «в южной части Малодербетовского улуса устроено новых прудов 12 и вырыто 226 колодцев, в Икицохуровском – 17, Багацохуровском – 15, в Эркетеневском и в Яндыко-Мочажном – 2 колодца со срубами и 12 – без срубов (худуков) (РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 265. Л. 4 об.).

В 1899 г. насчитывалось уже 33 колодца со срубами, 522 худука и 25 плотин для водоемов (РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 3 об.).

В 1909 г. число всех колодцев составило около 3 тыс. (Команджаев, 1999: 91).

В качестве питьевой воды сами калмыки также использовали худучную или местами родниковую воду. Худучную воду, особенно мутную, принято было очищать путем отстаивания или кипячения.

Водопой животных представлял собой очень трудную работу для скотоводов, в которой принимало участие несколько человек. Из худуков, которые почти все имели крутые спуски, необходимо было черпать воду бадьями (хобо) и наливать в колоды, поставленные на поверхности земли около худуков. Если худук был глубоким, то бадью привязывали к унину (длинной жерди, поддерживающей крышу кибиток) и опускали в худук. На дне копани стоял человек, который черпал воду и передавал ее вышестоящему и так далее. Используя воду из одного худука, калмыки переходили к другому (Смирнов, 1999: 93).

Другим важным водным источником, носившим, однако, временный характер, были цандыки – лужи, образовывавшиеся после дождей во впадинах. Однако этот легкий способ поения животных продолжался неделю, иногда две. Пока лужи были значительными, дождевой воды было много, то и скотоводы, и животные употребляли пресную воду из тех же цандыков. Но когда количество воды уменьшалось от солнечного тепла и от употребления ее стадами, она портилась, приобретая неприятный вкус, и становилась непригодной к употреблению людьми (Смирнов, 1999: 95).

Государственные органы управления и органы местного самоуправления в лице аймачных и улусных сходов предпринимали различные меры по увеличению благосостояния калмыцкого населения и решению проблемы водоснабжения.

Поскольку организованная правительством Кумо-Манычская экспедиция пришла к выводу о невыполнимости создания искусственных водохранилищ, изыскивались иные источники воды, в частности, большое внимание уделялось изучению возможности более широкого использования подземных вод в водоснабжении региона. Важным источником обводнения и использования подземных вод многими признавались артезианские скважины.

Сама экспедиция также задалась вопросом осуществления поиска артезианской воды: «Откуда ожидать артезианскую воду, с Кавказа или с Ергеней?». Рассмотрев орографические особенности Калмыцкой степи, ее специалисты пришли к выводу о том, что бурение в Астраханской степи возможно только в самом крайнем случае, так как было рискованным делом, за успех которого нельзя было поручиться. Они же описали, как и где выкапывали худуки, отмечая, что при поиске почвенной воды необходимо обращать особое внимание на лощины и впадины, куда стекались весенние воды, и на грунт земли песчанистого свойства. На песчанистые пространства указывали дюны или холмы из песка, нанесенного ветром. Однако нередко песок или рыхлый песчаник бывали покрыты слоем глины. Это обстоятельство не могло препятствовать поиску воды в тех лощинах и низменностях, поверхность которых была глинистой и непокрытой солянковыми растениями. В этом случае, пробив пласт глины, на глубине трех или четырех аршин обычно встречали песок, а с ним нередко и воду. Как только показывалась вода, расчищать ее пласт надо было крайне осторожно, иначе при дальнейшем углублении можно было наткнуться на соленосный пласт или соленую воду и тем самым испортить все дело. Поиск воды лучше всего было производить простым буром, когда он вынимал мокрую землю и обнаруживалась пресная вода, на этом месте и следовало копать худук (Калмыцкая степь, 1868: 75).

По вопросу об отделке худуков деревом или камнем экспедиция сделала заключение о том, что это едва ли применимо ввиду дороговизны деревянных деталей в степи, низкого качества местного камня и необходимости осуществления их ремонта. Отмечалось, что очень полезным было бы иметь насосы при худуках по большим дорогам для скорейшего возобновления быстро портящейся воды (Калмыцкая степь, 1868: 74).

Материалы аймачных и хотонных приговоров начала XX в. показывают, что одним из обсуждаемых вопросов была проблема водоснабжения степи. В частности, в работе И.В. Лиджиевой рассматривается обсуждение строительства плотины на реке Аршань для пополнения водой озера Батыр и сооружения двух колодцев в Малодербетовском улусе. Автор пришел к выводу о том, что органы местного самоуправления являлись действенным институтом в решении проблем местного значения (Лиджиева, 2016а: 61-70).

В конце XIX столетия в связи с увеличением товарности калмыцкого хозяйства и расширением торговли возросло значение скотопрогонных трактов в Калмыцкой степи. Но главной проблемой при их устройстве была необходимость осуществления обводнительных работ. Местные чиновники признавали, что обводнение трактов в степи является важным делом для развития местной экономики и потому не терпит отлагательства. В то же время они выражали надежду на то, что данные обводнительные работы послужат началом процесса общего обводнения всей степи и станут составной частью масштабного проекта по орошению Юга России, запланированного Министерством (РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д.265. Л. 108).

5. Заключение

Таким образом, проблема водообеспеченности Калмыцкой степи Астраханской губернии в рассматриваемый период являлась весьма актуальной. Природно-климатические условия региона оказывали существенное влияние на историческое, экономическое и этнографическое развитие калмыцкого народа. Калмыцкая степь располагается в зоне степей, пустынь и полупустынь с характерным аридным климатом, в которой могут «обитать лишь одни кочевые народы». Вследствие малого количества выпадения осадков и засушливого резко-континентального климата в Калмыцкой степи отсутствовали постоянные проточные воды. Воды, которые образовывались в результате таяния снега или дождей, быстро испарялись. Поэтому во всей степи не было ни одного постоянного водоема, за исключением тех, которые питались родниковыми водами. Общеизвестно, что наличие водных ресурсов оказывает решающее влияние на хозяйственную деятельность и экономическое состояние региона. Поскольку в Калмыцкой степи наблюдался дефицит водных ресурсов, то это и определило впоследствии основные типы хозяйственной деятельности калмыцкого кочевого населения. Кочевое население и государственные органы управления искали различные пути и способы решения проблемы водообеспеченности в Калмыцкой степи, прежде всего устройство худуков, строительство колодцев и запруд. Следует отметить, что для Калмыцкой степи артезианские колодцы – это новое явление, которое показывало, что обводнение осуществлялось на уровне современной техники, и служило определенным показателем его интенсификации.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках научного проекта внутривузовского гранта ФГБОУ ВО «КалмГУ» на тему «Экологическая обусловленность калмыцкого кочевого хозяйства».

Литература

- [Бадмаева, 2009](#) – *Бадмаева Е.Н.* Российские экспедиции на территории Калмыкии // *Вестник ТГУ.* 2009. Вып. 11 (79). С. 348-355.
- [Житецкий, 1892](#) – *Житецкий И.А.* Астраханские калмыки (наблюдения и заметки). Астрахань, 1892. 185 с.
- [Житецкий, 1893](#) – *Житецкий И.А.* Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1893. 76 с.
- [Калмыцкая степь, 1868](#) – *Калмыцкая степь* Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Манычской экспедиции. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1868. 166 с.
- [Команджаев, 1999](#) – *Команджаев А.Н.* Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX–XX века: исторический опыт и современность. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 262 с.
- [Костенков, 1868](#) – *Костенков К.И.* Статистико-хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губернии. По исследованиям Кумо-Манычской экспедиции. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1868. 177 с.
- [Костенков, 1870](#) – *Костенков К.И.* Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб.: Тип. С. Нусвальта, 1870. 170 с.
- [Лиджиева, 2016a](#) – *Лиджиева И.В.* Проблема водоснабжения в Калмыцкой степи в нач. XX в. (по материалам аймачных и хотонных приговоров) // *Magnaadsurgit: historiastudiorum.* 2016. № 1. С. 61-70.
- [Лиджиева, 2016b](#) – *Лиджиева И.В.* Местное самоуправление калмыков в XIX – нач. XX вв. (историко-этнографический аспект): Монография. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. 336 с.
- [Лиджиева, 2017](#) – *Лиджиева И.В.* Хозяйство и природопользование в деятельности органов местного самоуправления Калмыцкой степи в XIX – начале XX вв. // *Вестник Томского государственного университета. История.* 2017. № 46. С. 22-27.
- [Мальшева, Козина, 2015](#) – *Мальшева А.В., Козина Л.Н.* О проблемах сельского водоснабжения и путях их решения // *Вестник Нижегородского государственного инженерно-экономического университета.* 2015. № 2 (45). С. 60-67.
- [Нефедьев, 1834](#) – *Нефедьев Н.А.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. СПб.: Тип. Крайя, 1834. 290 с.
- [НА РК](#) – Национальный архив Республики Калмыкия.

Овчинников и др., 2015 – Овчинников А.С., Бородычев В.В., Дедова Э.Б., Сазанов М.А. Мониторинг водных ресурсов Республики Калмыкия и проблемы экосистемного водопользования в агропромышленном комплексе // *Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса: Наука и высшее профессиональное образование*. 2015. № 3 (39). С. 9-19.

Попов, 1839 – Попов А.А. Краткие замечания о приволжских калмыках // *Журнал Министерства народного просвещения*. СПб., 1839. Ч. 22. № 4. С. 17-46.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Санджиев, 2015 – Санджиев Б.Ц. Проблемы водоснабжения в сельском хозяйстве Калмыкии // *Экономический журнал*. 2015. Том 16. № 2. С. 77-84.

Сангаджиев, Онкаев, 2012 – Сангаджиев М.М., Онкаев В.А. Вода Калмыкии – экология и современное состояние // *Вестник Калмыцкого университета*. 2012. № 3 (15). С. 18-25.

Смирнов, 1999 – Смирнов П. Путевые записки по Калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 247 с.

Черкасов, 1895 – Черкасов И.Г. Статистическое и хозяйственное описание Астраханской губернии // *Журнал Министерства государственных имуществ*. 1895. №№ 5, 7–10. 263 с.

References

Badmaeva, 2009 – Badmaeva E.N. (2009). Rossijskie ekspedicii na territorii Kalmykii [Russian Expeditions on the Territory of Kalmykia]. *Vestnik TGU*. Vyp.11 (79). pp. 348-355. [in Russian]

Zhiteckij, 1892 – Zhiteckij I.A. (1892). Astrahanskije kalmyki (nablyudeniya i zametki) [Astrakhan Kalmyks (overview and notes)]. Astrakhan'. 185 p. [in Russian]

Zhiteckij, 1893 – Zhiteckij I.A. (1893). Oчерki byta astrahanskij kalmykov. Etnograficheskienablyudeniya 1884-1886 gg. [Stories about the Life Style of Kalmyks. Ethnic Observations in 1884-1886]. M.: Tip. M.G. Volchaninova. 76 p. [in Russian]

Kalmyckaya step', 1868 – Kalmyckaya step' Astrahanskoj gubernii po issledovaniyam Kumo-Manychskoj ekspedicii. [Kalmyk Steppe of the Astrakhan region written by members of Kumo-Manych expedition]. SPb.: Tip.V. Bezobrazova i Ko, 1868. 166 p. [in Russian]

Komandzhaev, 1999 – Komandzhaev A.N. (1999) Hozyajstvo i social'nye otnosheniya v Kalmykii v konce XIX – XX veka: istoricheskij opyt i sovremennost'. [Holding and Social relations in Kalmykia in XIX – XX centuries: historical experience and modern days]. Elista: APP «Dzhangar». 262 s. [In Russian]

Kostenkov, 1868 – Kostenkov K.I. (1868). Statistiko-hozyajstvennoe opisanie Kalmyckoj stepi Astrahanskoj gubernii. Po issledovaniyam Kumo-Manychskoj ekspedicii [Statistical and economic description of Kalmyk Steppe of Astrakhan region based on Kumo-Manych expedition]. SPb.: Tip.V. Bezobrazova i Ko. 177 p. [in Russian]

Kostenkov, 1870 – Kostenkov K.I. (1870). Istoricheskie i statisticheskie svedeniya o kalmykah, kochuyushchih v Astrahanskoj gubernii [Historical and Statistical information about Kalmyks, moving around Astrakhan region]. SPb.: Tip. S. Nusval'ta. 170 p. [in Russian]

Lidzhieva, 2016a – Lidzhieva I.V. (2016a). Problema vodosnabzheniya v Kalmyckoj stepi v nach. XX v. (po materialam ajmachnyh i hotonnyh prigovorov) [The problem of water supply in Kalmyk Steppe at the beginning of the XX century (based on aimak and hoton sentences)]. *Magna adsurgit: historiastudiorum*. №1. pp. 61-70. [in Russian]

Lidzhieva, 2016b – Lidzhieva I.V. (2016b). Mestnoe samoupravlenie kalmykov v XIX – nach. XX vv. (istoriko-etnograficheskij aspekt) [Local government of Kalmyks in XIX-XX centuries (historical and ethnic aspects)]: Monografiya. Elista: KalmNC RAN. 336 p. [in Russian]

Lidzhieva, 2017 – Lidzhieva I.V. (2017). Hozyajstvo i prirodnopol'zovanie v deyatelnosti organov mestnogo samoupravleniya Kalmyckoj stepi v XIX – nachale XX v. [Economy and the usage of natural resources in the work of local government of Kalmyk steppe in XIX-XX centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*. №46. pp. 22–27. [in Russian]

Malysheva, Kozina, 2015 – Malysheva A.V., Kozina L.N. (2015). O problemah sel'skogo vodosnabzheniya i putyah ih resheniya [On the problems of rural water supply and ways to solve them]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo inzhenerno-ekonomicheskogo universiteta*. № 2 (45). pp. 60-67. [in Russian]

Nefed'ev, 1834 – Nefed'ev N.A. (1834). Podrobnyesvedeniya o volzhskikh kalmykakh, sobrannye na meste N. Nefed'evym [Detailed data on Volzhsky Kalmyks given by N.Nefedev]. SPb.: Tip. Kraiya. 290 p. [in Russian]

NARK – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya [The National Archives of the Republic of Kalmykia (here in after – NA RK)].

Овчинников и др., 2015 – Овчинников А.С., Бородычев В.В., Дедова Э.Б., Сазанов М.А. (2015). Мониторинг водных ресурсов Республики Калмыкия и проблемы экосистемного водопользования в агропромышленном комплексе [Monitoring of water supply of Kalmyk republic and problems of ecological water usage in agricultural complex]. *Izvestiya Nizhevolzhskogo agrouniversitetskogo kompleksa: nauka i vysshee professional'noe obrazovanie*. №3 (39). pp. 9-19. [in Russian]

Попов, 1839 – Попов А.А. (1839). Краткие замечания о приволжских калмыках [Brief description of

Volzhsky Kalmyks]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. SPb. CH.22. №4. pp. 17-46. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheski arhiv [Russian State Historical Archive (hereinafter – RSHA)].

Sandzhiev, 2015 – Sandzhiev B.C. (2015). Problemy vodosnabzheniya v sel'skom hozyajstve Kalmykii [The problem of water supply in the agriculture of Kalmykia]. *Ekonomicheskij zhurnal*. Tom 16. № 2. pp. 77-84. [in Russian]

Sangadzhiev, Onkaev, 2012 – Sangadzhiev M.M., Onkaev V.A. (2012). Voda Kalmykii – ekologiya i sovremennoe sostoyanie [Water in Kalmykia – ecology and modern state]. *Vestnik Kalmyckogo universiteta*. №3 (15). pp. 18-25. [in Russian]

Smirnov, 1999 – Smirnov P. (1999). Putevye zapiski po Kalmyckim stepyam Astrahanskoj gubernii [Travel notes on the Kalmyk steppes of Astrakhan region]. Elista: APP «Dzhangar». 247 p. [in Russian]

Cherkasov, 1895 – Cherkasov I.G. (1895). Statisticheskoe i hozyajstvennoe opisanie Astrahanskoj gubernii [Statistical and economic description of Astrakhan region]. *Zhurnal Ministerstva gosudarstvennyh imushchestv*. №№ 5, 7–10. 263 p. [in Russian]

Водообеспечение Калмыцкой степи Астраханской губернии в XIX – начале XX веков: проблемы и пути их решения

Даглара Владимировна Амаева^a, Александр Нармаевич Команджаев^a,
Наталья Петровна Мацакова^a, Людмила Вячеславовна Оконова^{a, *}

^a Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, Российская Федерация

Аннотация. Калмыкия относится к одному из самых маловодных и засушливых регионов России, в котором проблема водоснабжения населения и водообеспечения хозяйства является весьма актуальной. Общеизвестно, что наличие водных ресурсов оказывает решающее влияние на хозяйственную деятельность и экономическое состояние региона. К настоящему времени сложился целый комплекс проблем, связанных с водным фактором: дефицит водных ресурсов и нерациональное их использование, качество имеющейся воды, загрязнение водных источников. Наличие водотоков и колодцев обусловило исторически сложившееся рассредоточенное расселение ее жителей и типы хозяйственной деятельности. Основной целью данной статьи является изучение и анализ основных проблем водообеспеченности Калмыцкой степи в XIX – начале XX веков, рассмотрение способов и путей их решения.

На основании архивных материалов и работ дореволюционных авторов рассмотрено влияние наличия водных источников на систему и способ перекочевки калмыков, на пролегание транспортных путей и дорог и на процесс устройства оседлых поселений вдоль трактов. Отдельное внимание было уделено изучению качества воды. Авторы статьи предприняли попытку исследовать различные пути и способы решения проблемы водообеспеченности в Калмыцкой степи в рассматриваемый период кочевым населением и государственными органами управления. В связи с невозможностью создания поверхностных искусственных водохранилищ в степи самым распространенным и многочисленным водным источником были худуки, а в конце изучаемого периода распространились также артезианские скважины и колодцы. Следует отметить, что использование худуков было сопряжено с большими трудовыми затратами.

Ключевые слова: Калмыцкая степь, экономика, экологическое состояние, природно-климатические условия, водообеспечение, дефицит, худуки, колодцы, обводнение, артезианские скважины.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nauka.kalmsu@gmail.com (Л.В. Оконова)

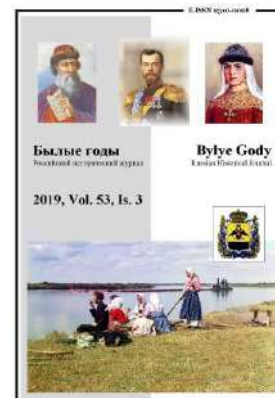
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1025-1035. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1025
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

“Trying to Be Sharp, Trying to Make Money”: American Civil War Northern Participants’ Imagination of Their Peacetime Career

Artem Y. Filimonov ^{a,*}, Vladimir N. Baryshnikov ^a, Viktor N. Borisenko ^a, Elena G. Shchemeleva ^b

^a Saint Petersburg State University, Russian Federation

^b Saint Petersburg State University of Economics, Russian Federation

Abstract

This article concerns the way the Federal army servicemen viewed their antebellum and postwar career. The research is based on diaries and letters of the Union officers and men coming from diverse social backgrounds and geographical regions of the Nineteenth Century USA. Union Army officers’ and privates’ attitude towards their antebellum economic activity is not formed solely by nostalgia and is in many ways critical. At the same time, their evaluation of the war’s influence on their future postwar career is, with some exceptions, overwhelmingly negative. Nevertheless, Union army service members cannot be esteemed as lost and panicked in the face of their postwar future. For instance, self-sufficient married farmers were expecting to get back to their prewar labor of being farm owners and heads of their families. Many soldiers and officers of young age from both rural and urban areas came to general understanding of what trade or other type of economic activity they want to choose. Moreover, some of them had already found a specific employer or their own enterprise before the conflict ended. It is important to admit that not all of them based their career plans on pure economic rationality – for many of them such factors as proximity to their relatives or fulfillment of their individual promise were more vital than level of income. Another significant part of the source material used in this article presents the situation of choice between several career options.

Keywords: American Civil War, Union Army, Diaries, Letters, Career, Career Choice, Antebellum, Postwar, Social History

1. Введение

В историографии наблюдается недостаток внимания к проблеме отношения северян-участников Гражданской войны в США к выбору карьерного пути и способам его формулировки в дневниках и письмах. Цель этой статьи состоит не в окончательном решении этой проблемы, а в обозначении ряда тенденций в рассуждениях военнослужащих федеральной армии на указанную тему. Такое исследование может послужить базой для более специального изучения взглядов солдат-выходцев из определенного штата или социальной группы. Также оно дополнит многочисленные исследования политических воззрений участников конфликта, их взглядов на семью, представлений о гендерных ролях и, таким образом, сделает более глубоким понимание картины мировоззрения участников Гражданской войны в США.

2. Материалы и методы

2.1. Количество используемых источников невелико, при этом они репрезентативны с точки зрения отображения социальной структуры американского общества и географии его расселения. Здесь приведены краткие биографические данные федеральных военнослужащих в алфавитном порядке.

* Corresponding author

E-mail addresses: sto15399@student.spbu.ru (A.Y. Filimonov)

Беннит, Джон (род. 1830). Женатый доктор из Мичигана. В армии с 1862 года. Хирург в 19-м Мичиганском пехотном полку. Источник: письма жене.

Брэдли, Леверетт (род. 1846). Младший член фермерской семьи из Массачусетса. В армии с 1861 года. Рядовой 14-го Массачусетского пехотного полка (переименовывался: 14-й Массачусетский полк тяжелой артиллерии, 1-й Массачусетский полк тяжелой артиллерии). Источник: письма матери.

Гейл, Юстас (род. около 1840). Младший член фермерской семьи из Вермонта. Рядовой роты А 8-го Вермонтского добровольческого полка. Источник: письмо отцу.

Клафлин, Гилберт (род. 1822). Самостоятельный женатый фермер из Висконсина. В армии с 1862 года. Рядовой в 34-м Висконсинском пехотном полку. Источник: письма жене.

Клейтон, Уильям Генри Гаррисон (род. 1840). Младший член фермерской семьи из Айовы. Рядовой в 19-м Айовском добровольческом пехотном полку. Источник: письма родителям.

Массер, Чарльз О. (род. 1842) – младший член фермерской семьи из Айовы. В армии с 1862 года. Рядовой в роте А 29-го Айовского добровольческого пехотного полка. Источник: письма родителям.

Мэтроу, Генри (род. 1845). Младший член фермерской семьи из Мичигана. В армии с 1861 года. Дослужился от рядового до капитана 6-го Висконсинского добровольческого полка. Источник: письма родителям.

Нортон, Оливер Уилкоккс (род. около 1840). Неженатый выпускник школы из Пенсильвании. В армии с 1861 года. Дослужился от рядового до первого лейтенанта. Полки: 83-й Пенсильванский пехотный, 8-й Цветной полк Соединенных Штатов. Источник: письма родителям, братьям и сестрам.

Петтит, Фредерик (род. 1842) – младший член фермерской семьи, выпускник старшей школы из Пенсильвании. В армии с 1862 года. Капрал в 100-м Пенсильванском полку. Источник: письма родителям и сестре.

Пит, Фредерик Томлинсон (род. 1841). Выходец из семьи нью-йоркского интеллектуала, выпускник частной военной академии, не женат. В армии с 1861 года. Дослужился от рядового до первого лейтенанта. Полки и рода войск: 7-й Нью-йоркский пехотный, 1-й Снайперский (Бердана), Корпус морской пехоты Соединенных Штатов. Источник: письма родителям.

Рамзи, Чарльз М. (род. 1837). Самостоятельный фермер (глава семьи после смерти отца), школьный учитель. В армии с 1861 года. Рядовой в роте С 8-го Пенсильванского кавалерийского полка. Источник: письма брату и сестре.

Рид, Эразмус В. (неизв. дата рождения) – младший член рабочей семьи из Пенсильвании. Рядовой в роте В 9-го Пенсильванского пехотного полка. В армии с 1861 года. Источник: письма родителям, братьям и сестрам.

Тейлор, Гай (род. 1840). Самостоятельный женатый фермер из Висконсина. В армии с 1864 года. Рядовой 36-го Висконсинского добровольческого пехотного полка. Источник: письма жене.

Тенни, Люман Харрис (род. около 1840). Неженатый студент колледжа из Огайо. В армии с 1861 года, дослужился от сержанта до бревет-майора 2-го Огайского добровольческого полка. Источник: дневник.

Уиллс, Чарльз (род. 1840). Неженатый выпускник старшей школы из Иллинойса. В армии с 1861 года. Дослужился от рядового до подполковника. Полки: 8-й Иллинойский пехотный, 7-й Иллинойский кавалерийский, 103-й Иллинойский пехотный. Источник: письма родителям, братьям и сестрам.

Уокер, Роберт (род. 1841). Самостоятельный фермер (после смерти отца), учащийся старшей школы из Огайо. В армии с 1862 года. Рядовой роты Н 90-го Огайского добровольческого пехотного полка. Источник: письма матери.

Фаллер, Джон (род. 1841) – неженатый рабочий-механик из Пенсильвании. В армии с 1861 года. Рядовой в роте А 36-го Пенсильванского резервного полка. Источник: письма родителям и брату.

Фаллер, Лео (род. 1843), неженатый плотник из Пенсильвании, брат Джона Фаллера. В армии с 1861 года. Рядовой в роте А 36-го Пенсильванского резервного полка. Источник: письма родителям и брату.

Фримен, Юджин (род. около 1840). Неженатый инженер из Массачусетса. В армии с 1861 года. Инженер транспортной службы. Источник: письма родителям.

Хоу, Альфред Лейси (род. 1826). Женатый бывший бизнесмен из Пенсильвании. Дослужился от сержанта до бревет-подполковника. Начальник строевого отдела Камберлендской армии. Источник: письма жене.

Хоув, Генри Уоррен (род. 1841). Неженатый клерк из Массачусетса. В армии с 1861 года. Дослужился от рядового до бревет-первого лейтенанта. Подразделения: Легкая пехота Ричардсона, 7-я Массачусетская батарея, 30-й Массачусетский полк. Источник: дневник.

Эббот, Лемюэль Эбайджа (род. 1842) – неженатый школьный учитель из штата Вермонт. Офицер (второй лейтенант, первый лейтенант, капитан) в 10-м Вермонтском добровольческом пехотном полку. Источник: дневник.

Следует отметить, что рассуждения о карьере – необязательный элемент содержания писем и дневников солдат-северян, поэтому не следует спешить экстраполировать выводы этой статьи на всю

массу федеральных военнослужащих. Значительный количественный перевес в сторону писем, на наш взгляд, объясняется тем, что дневник использовался, в первую очередь, для фиксации непосредственно происходивших вокруг событий, тогда как письма использовались для обсуждения с адресатами (чаще всего, родственниками) продолжительных во времени процессов.

2.2. Несмотря на большое количество работ, косвенно затрагивающих тему этой статьи, обнаружить исследования, в рамках которых бы рассматривались оценки послевоенных карьерных перспектив самими участниками боевых действий, не удалось. Вследствие этого пришлось опираться на некоторые общетеоретические подходы, существующие в историко-экономической антропологии. В первую очередь, это внимание к представлениям людей разных эпох о хозяйстве и экономике, которые проявляются через повседневные экономические и социальные практики, ритуалы, переписку, формы творчества. Этот подход можно встретить у специалистов, занимающихся историей самых разных периодов и регионов. К ним относится известный исследователь Джеймс Скотт, изучавший моральные представления об экономике у крестьян Юго-Восточной Азии в период модернизации XX века. Он пришел к выводу, что эти крестьяне стремились не к свойственному европейцам Нового времени политэкономическому стремлению к прибыли, а к избеганию риска, его минимизации (Scott, 1977: 4).

Представлениями английского простонародья XVIII века о правильном с моральной точки зрения функционировании экономики занимался известный британский историк Эдвард Томпсон. Согласно его выводам, эти представления были важной мобилизующей силой в выступлениях английской толпы против наступления господства рациональной капиталистической индустриальной логики (Thompson, 1971: 89).

Более современными проявлениями моральной экономики занимались Брюс Скейтс и Мелани Оппенгеймер. Они рассматривали представления австралийских ветеранов Первой Мировой войны о морально оправданном ведении хозяйства на малоосвоенных землях Австралии и их ожиданиях в отношении правительственных служб (Scates, Oppenheimer, 2014: 233). Здесь авторы активно использовали переписку, так как подавляющее число австралийцев начала XX века были грамотны. Это же справедливо и для северян-участников Гражданской войны в США.

Не менее интересна статья Пола Тейлона о рабочей культуре американских железнодорожников в конце XIX века. На основании множества материалов документального и публицистического характера он создает образ конфликта между свойственным рядовым рабочим идеалом принятия риска и бесстрашия (Taillon, 2011: 21) и рациональным, исключавшим ненужный риск поведением их начальства из числа инженеров, менеджеров, профсоюзных руководителей (Taillon, 2011: 23).

Несмотря на сходный с перечисленными работами предмет исследования, в этой статье присутствует ряд методологических и теоретических различий. Во-первых, здесь рассматриваются не вопросы трудовой этики или моральной экономики, а карьерный выбор, в отношении которого в историографии не сложилось четких категорий, поэтому их выработка – цель этой статьи. Во-вторых, все вышеперечисленные ученые исследовали упомянутые группы в непосредственной связи с их экономической деятельностью или борьбой за экономические права. Эта статья, наоборот, посвящена людям, находящимся в отрыве от нормальной гражданской экономической деятельности и вынужденным конструировать свои карьерные предпочтения исключительно на основе воспоминаний и воображения.

3. Обсуждение

Положение участников Гражданской войны в США в экономике, на первый взгляд, глубоко исследовано в исторической науке. Некоторые авторы рассматривают участников конфликта в рамках категорий, присущих экономической науке. Здесь можно назвать работы о послевоенной карьере участников войны и ее связи с повышенным риском смертности (Su, 2009: 460-468), взаимосвязях между армейской должностью и послевоенной карьерой (Lee, 2007: 680-698), человеческом капитале чернокожих солдат Союза (Sohn, 2014: 40-43). Эти исследования рассматривают военнослужащих в качестве производственных единиц, чьи характеристики достаточно просто переводятся в числа и подвергаются количественному анализу. Вопрос об их собственном отношении к своему экономическому положению и экономике в целом не ставится. Существуют и обширные исследования о взаимовлиянии Гражданской войны и рабочего класса, например, монография Марка Лауса. По его мнению, для многих участников профсоюзного движения война стала важным этапом в решении вопроса о будущем «свободного труда» в стране (Lause, 2015: 42). Главным итогом вступления профсоюзных деятелей в войну стало выбивание на полях сражений довоенных лидеров профсоюзного движения (Lause, 2015: 47). Тем не менее, автор слишком сосредоточен на организованной части рабочего класса и его непосредственном участии в военных действиях и мало касается мыслей американских рабочих об их профессиональном будущем.

Отдельно следует выделить работу Рассела Джонсона о роли Гражданской войны в процессе формирования индустриального общества в Америке. При рассмотрении карьерных перспектив солдат из города Дубук, штат Айова, автор опирается на официальную статистику, чтобы рассмотреть

их трудовой путь и перемены в социальном положении. Основной вывод Р. Джонсона заключается в том, что большинство участников Гражданской войны в США из Дубука до конца жизни остались в статусе наемных работников, и их уровень благосостояния в лучшем случае претерпевал стагнацию, в худшем – снижался (Johnson, 2003: 18). При этом автор почти не использовал источники личного происхождения.

Также в американской исторической науке уже появились исследования, затрагивающие собственный взгляд участников Гражданской войны на свои карьерные перспективы. Рейд Митчелл в книге «Солдаты Гражданской войны: их ожидания и опыт» предпринял попытку создания единой картины того, как участники конфликта приобретали военный опыт и размышляли о его смысле. В рамках повествования о процессе превращения солдата из новичка-добровольца в закаленного ветерана автор пишет о страхе многих солдат перед невозможностью возвращения к мирным занятиям (Mitchell, 1998: 131). Представляется, что Митчелл не учел возможного многообразия мыслей участников войны об этом вопросе не по причине исследовательской недобросовестности, а из-за направленности исследования на другой предмет.

4. Результаты

Рассуждения о довоенных занятиях – важный способ репрезентации представлений федеральных военнослужащих о своем карьерном пути. Некоторые формулируют мнение о своем довоенном опыте работы без указания дальнейших планов в отношении этих занятий. Обычно такие характеристики имеют негативный характер. Так, Лео Фаллер в письме к брату пишет, что солдатское дело идет у него лучше, чем плотницкое (Faller, Faller, 1963: 13). Автор не уточняет причины, по которой он так думает. Эта оценка – часть просьбы о передаче приветов либо его начальнику на довоенном месте работы, либо человеку, обучившему Лео плотницкому делу. Возможно, это просто шутка, которая может быть понята только в кругу общения Фаллера.

Брат Лео Фаллера, Джон, пишет матери, что с работой, которую поручали ему в мастерской, справился бы и ребенок, и там ему нечему учиться. Помимо бесперспективности этой работы он также отмечает, что она не может быть выше его долга перед страной (Faller, Faller, 1963: 23). Здесь видно, с одной стороны, совмещение оценки довоенной должности с точки зрения необходимой для нее квалификации и возможностей для профессионального роста и, с другой – внеэкономическое ценностное сравнение ее значимости со спасением страны.

Примером отношения выпускника к довоенному месту учебы может служить характеристика, которую Фредерик Петтит дает мистеру Куперу, учителю, возглавившему школу через некоторое время после его ухода в армию. Несмотря на его приличный в целом моральный облик и хорошую память, Петтит отказывает ему в чувстве собственного достоинства, способности к аргументированным суждениям. Также, по мнению Петтита, новому директору свойственны дикарские манеры. Автор письма уверенно предрекает Куперу скорый провал из-за недостатка опыта руководства учебными заведениями. Эта характеристика была дана в ответ на новости о переменах в школе, полученные от сестры Фредерика, – Мэри. Автор письма рекомендует ей подготовиться взять бразды управления школой в свои руки (Pettit, 1990: 102). Это интересный пример краткой оценки, которая включает в себя отношение к моральным качествам человека, его умственным способностям и опыту работы и тут же перетекает в карьерный совет родственнице.

Лемюэль Эбайджа Эббот пишет в своем дневнике, что коллеги, которые сменили его после ухода в армию, не преуспели в обучении детей (Abbot, 1908: 7). Из текста дневника невозможно выяснить критерии, по которым Эббот оценивает успешность преподавания. Тем не менее характеристика, даваемая Эбботом собственным профессиональным качествам, проливает свет на его представление об идеалах учительской профессии: строгость, справедливость, неприбегание к телесным наказаниям. Также его трогает преданность учеников: он упоминает о случае, когда они впали в глубокое горе, получив недостоверное сообщение о его гибели на войне (Abbot, 1908: 8). Видно, что для него также важна эмоциональная связь с подопечными. Из текста источника трудно установить, считает ли Л.Э. Эббот перечисленные качества важными для звания второго лейтенанта, в чин которого он был произведен к моменту создания записи.

Эти примеры не дают цельной картины того, как северяне-участники Гражданской войны в США воспринимали свою довоенную карьеру на гражданском поприще, из-за малого количества материала и его нерепрезентативности с точки зрения социального происхождения и зоны проживания федеральных военнослужащих. Тем не менее, они показывают, что даже в стрессовых условиях войны военнослужащие не идеализировали свою довоенную жизнь, а могли критически оценивать собственную карьеру и места работы или учебы. Это свойственно квалифицированным рабочим, учащимся и представителям интеллигентных профессий. В последнее время появляются исследования, утверждающие, что негативное отношение к гражданскому рынку труда и желание использовать войну в качестве окна для экономических возможностей, были свойственны многим солдатам-северянам. В качестве основного аргумента здесь служат паника 1857 года и вызванная ею экономическая рецессия начала 1860-х годов, создавшие неблагоприятные для большинства наемных работников условия рынка труда. К числу авторов, придерживающихся этой точки зрения, относится

Уильям Марвел, который провел масштабное исследование экономической мотивации среди солдат-северян (Marvel, 2018: 360).

Значительно чаще в источниках личного происхождения, созданных участниками Гражданской войны в США, встречаются рассуждения о влиянии военного опыта на карьерные перспективы. Чарльз О. Массер сообщает родным, что стал более ленивым во время службы в армии. Он с иронией пишет о необходимости послать домой освобожденного чернокожего раба, чтобы тот работал вместо него (Musser, 1995: 56). Более серьезно он рассуждает об утрате части хозяйственных навыков, которые придется восстанавливать после войны: Ч.О. Массер признается, что разучился ездить верхом, так как не ездил на лошади с момента вступления в армию (Musser, 1995: 76). У этого солдата присутствует оценка своей работоспособности как с точки зрения прилежания, так и владения определенными навыками. И в том, и в другом случае главным фактором перемен в работоспособности становится служба в армии, при этом ее влияние оценивается негативно.

Еще более отрицательно оценивает влияние армейского опыта на карьерные возможности Эразмус В. Рид. Он пишет в письме родственникам, что потерял в армии «три драгоценных года», в течение которых он мог бы освоить профессию (ACPL. Gc.973.74. P.38.ree. P. 6). У Рида уход на войну представлен как препятствие приобретению квалификации, необходимой для успешной карьеры.

Для Чарльза Уиллса участие в войне принесло не только досаду из-за упущенных возможностей, но и страх перед жизнью после завершения конфликта. Его волнует не то, что он разучился работать, а то, что он разучился быть гражданским. В понимании автора дневника это означает быть изворотливым, знать, как заработать денег (Wills, 1906: 370). Из текста источника неясно, какие качества, по мнению Уиллса, свойственны военным, возможно, противоположные (прямота, бескорыстие). Он добавляет, что гражданские ему не нравятся и он больше тяготеет к солдатскому укладу жизни (Wills, 1906: 370). В данном случае речь уже идет не о профессиональных качествах, а том, как война изменила личность целиком, сделав ее непригодной к гражданской жизни. Похожую точку зрения высказывает и Люман Харрис Тенни. Он не знает, что делать после возвращения с войны, поэтому решает записаться на второй срок службы, ссылаясь на долг перед подчиненными и военную необходимость (Tenney, 1914: 124).

Альфред Лейси Хоу также невысоко оценивает влияние опыта службы в армии на дальнейшие карьерные перспективы (Hough, 1957: 124). Тем не менее, для него важно собственное удовлетворение от военной службы и исполнение долга перед страной (Hough, 1957: 181). Здесь внеэкономические блага, которые дает военная служба, если не пересиливают, то балансируют ее негативный эффект на мирную карьеру.

Оливер Уилкоккс Нортон проводит сравнение своей военной карьеры и мирной жизни своего одноклассника. Пока Нортон воевал, тот работал учителем, получил высшее образование, женился и начал работать адвокатом. Несмотря на зависть одноклассника к его заслугам, Нортон пишет, что с материальной точки зрения тот устроился лучше. Он задается вопросом: если почести, воздаваемые ветерану обществом, не могут его содержать, то что может? Также он пессимистично настроен по поводу перспектив женитьбы и получения высшего образования (Norton, 1903: 245). Таким образом, несмотря на осознание почета военной службы, Нортон оценивает ее влияние на свои послевоенные перспективы негативно. Для формулировки своего мнения он пользуется ссылкой на жизненный опыт школьного товарища.

Несмотря на превалирование отрицательного отношения к влиянию военного опыта на будущую карьеру, среди северян-участников Гражданской войны в США можно встретить и положительные оценки. Так, Чарльз Рамси в письме к сестре проводит развернутое сравнение между вступлением в армию и поступлением в колледж. В военном «колледже» он не берет уроки по грамматике и математике, а эмпирическим путем изучает естественную историю, философию и человеческую природу (неясно, что имеется в виду под первым предметом). Рамси иронично благодарит командира полка за рекомендацию к поступлению (Bailey, 1986: 24). Здесь видно, что автор расценивает участие в войне как важный опыт социализации, столкновения с другими людьми и их характерами.

В свою очередь, Уильям Генри Гаррисон Клейтон выражает своеобразное предчувствие ностальгии. Он пишет семье, что многие его сослуживцы не знают, чем будут заниматься после войны. Здесь же Клейтон отмечает, что он и его товарищи будут скучать по нормированному армейскому жалованью и снабжению продовольствием (Clayton, 1998: 164). В этом видится тяга к материальной стабильности. Возможно, это отголоски паники 1857 года и последовавшей за ней безработицы, которую не удалось полностью преодолеть к началу Гражданской войны (Wiley, 1971: 38).

Среди федеральных военнослужащих, представленных в этой части статьи, с редкими исключениями доминирует трудящаяся сельская молодежь и городская молодежь с полным средним образованием. Представляется, что эти группы наиболее активно вовлечены в процесс размышления о своем профессиональном будущем. Большинство из них негативно оценивают влияние опыта участия в войне на послевоенную карьеру. Их критика направлена на следующие факторы: возвращение негативных личностных черт (например, лени), утрату довоенных трудовых навыков, лишение возможности обучиться профессии, выработку неприятия гражданского уклада жизни.

Из малочисленных положительных оценок военного опыта можно отметить его характеристику как школы жизни и объекта будущей ностальгии. В целом, опасения этих федеральных военнослужащих нельзя назвать беспочвенными: исследования показывают, что ветераны Гражданской войны в среднем уступали своим неволевавшим сверстникам в развитии карьеры (Jordan, 2016: 54) и уровне доходов (Johnston, 2003: 26).

Образ послевоенной карьеры и профессионального развития принимает в дневниках и письмах разные формы. Так, Гай Тейлор просто надеется на окончание войны и возвращение домой, к прежней жизни (Taylor, 2012: 172). Гилберт Клафлин вторит Тейлору. Его желание вернуться к семье и мирному труду сильнее крупного вознаграждения, которое штат сулит волонтерам, если они запишутся в армию на новый срок (Clafin, Clafin, 2013: 178). Становится видно, что эти люди, перед войной обладавшие относительно крупной собственностью (в данном случае, фермой) и находившиеся в статусе главы семьи, не ожидали перемен в своих занятиях и надеялись на возвращение к довоенному состоянию.

Другие северяне-участники Гражданской войны в США рассчитывали на обретение конкретной профессии или рода занятий. Так, Эразмус Рид, уже упоминавшийся в этой статье в связи с осмыслением влияния военного опыта на послевоенное будущее, интересуется у родственников об их предчувствии в отношении возможного роста зарплат у механиков (ACPL. Gc.973.74. P.38.ree. P. 68). В этом случае участник Гражданской войны намерен взяться за рабочую профессию, и опорой в этом выборе служит информация о ее доходности, полученная от занятых в ней членов семьи.

Фредерик Томлинсон Пит до начала конфликта обучался в частной военной академии. Вступив в ряды добровольцев штата Нью-Йорк рядовым, за время войны он дослужился до звания первого лейтенанта. В письме отцу он упоминает, что во время ужина с секретарем военно-морского департамента Гидеоном Уэллсом его спросили о желании перевестись в морскую пехоту. Пит ответил на этот вопрос утвердительно, добавив, что он буквально влюблен в военную службу (Peet, 1917: 91). Судя по тому, что он остался в вооруженных силах до 1869 года, сила его увлечения военным делом, основанная на военном образовании, полученном до конфликта, и опыте участия в нем, была довольно высокой на момент упомянутого разговора.

Для Альфреда Лейси Хоу, скептически отзывавшегося о влиянии участия в войне на карьеру, выбор послевоенного рода занятий был другим по форме и сути. В письме жене он описывает свой опыт службы в штабе корпуса. По собственному мнению, Хоу хорошо справился с большим потоком бумажной работы и возникавшими служебными конфликтами с другими офицерами. Открытие новых талантов было для него неожиданностью и даже заставило его пожалеть, что он не выбрал профессию со сходными условиями работы до войны (Hough, 1957: 180). Тем не менее Хоу пишет о предрасположенности и глубоком желании стать учителем после окончания конфликта, несмотря на осознание того, насколько обременительным это будет для него и его семьи с финансовой точки зрения (Hough, 1957: 181). В этом случае видно, что участник Гражданской войны в США мог задуматься о роде занятий, совершенно не связанном с его предвоенной работой и военной службой, основываясь на не связанных с экономической выгодой представлениях о предназначении.

Оливер Уилкоккс Нортон, уже упоминавшийся в связи со своим развернутым пессимистичным прогнозом насчет своей послевоенной карьеры, пишет сестре о желании стать фермером и упорно трудиться, что создать уютный дом для себя и своей жены. Эти планы, которые сам автор называет мечтами и строительством воздушных замков, были озвучены вскоре после поступления на службу (Norton, 1903: 69). В рассуждениях Нортон о влиянии военной службы на перспективы послевоенного устройства, написанных на заключительном этапе конфликта, о желании стать фермером уже не упоминается. Тем не менее, в его первоначальных планах видно четкое желание стать самостоятельным земельным собственником-производителем с целью обеспечения личного и семейного комфорта.

Юстас Гейл пишет отцу, что, если ему повезет выбраться живым из войны, он хочет получить свою ферму в обмен на официальное обязательство заботиться об обоих родителях, как это и было оговорено до его ухода на службу. Гейл обосновывает это тем, что не собирается больше скитаться (Silber, Sievens, 1996: 140). Цель, которую он намерен преследовать в своей фермерской деятельности, во многом походит на ту, что ставит себе Оливер Нортон. При этом Гейл располагает возможностями для ее реального осуществления.

Роберт Уокер много пишет семье о своем желании приобрести землю и превратиться в самостоятельного хозяина. Исходя из текста его писем, можно утверждать, что для этого существовали реальные возможности: Уокер уже приценился к земельному участку одного из соседей (Walker, 1917: 14). При этом для него было важно находиться рядом с матерью и помогать ей. После окончания своего трехлетнего срока службы Уокер решает не возвращаться домой сразу, а остаться в армии гражданским специалистом (клерком в продовольственной службе армии) до окончания войны (Walker, 1917: 22).

Эти северяне-участники Гражданской войны в США делают выбор будущей профессии, опираясь на разные способы. К ним относятся семейные традиции, довоенное образование и опыт участия в конфликте, собственные мечты и фантазии, вера в призвание, наличие реальных

возможностей для осуществления определенной экономической деятельности. Большинство федеральных военных в этой группе – это неженатые молодые люди, не успевшие получить профессию перед началом конфликта. Также здесь присутствует один разорившийся бизнесмен, чья карьера начинается заново.

Некоторые военнослужащие Союза сделали более четкий карьерный выбор, обозначив в своих письмах и дневниках конкретное место работы или бизнес-план. Так, Генри Уоррен Хоув в последней записи своего армейского дневника пишет, что уезжает работать в деревообрабатывающей компании Хантерстауна в Канаде (Howe, 1899: 84). В предисловии к дневнику указано, что Хоув уже работал в деревообработке до войны (Howe, 1899: 1). Земляк Хоува, Юджин Фримен, в письме родителям упоминает о повышении жалования в фирме, в которой он собирается работать после окончания конфликта (Freeman, Freeman, 1871: 114). В свою очередь, Леверетт Брэдли пишет семье о намерении заняться торговлей лошадьми по возвращению домой, так как для этого появилась некая «превосходная» возможность (Bradley, 1905: 62). Первые двое участников Гражданской войны уже имели профессию накануне ее начала и смогли договориться с будущими работодателями, а Брэдли увидел конкретную возможность для извлечения прибыли с помощью торговли.

Другие федеральные военнослужащие оказались в ситуации выбора между несколькими альтернативами. Так, уже упомянутый Чарльз Массер писал о необходимости в восстановлении навыков и качеств, необходимых для работы на земле. Также он упоминает, что жизнь в сельской местности для него предпочтительнее городской (Musser, 1995: 62). Тем не менее, позже он высказывает идею сменить мушкет на линейку и перо (Musser, 1995: 76), явно подразумевая возможность получения дальнейшего образования и переход к занятию интеллектуальным трудом. При этом Массер называет свои планы на изменение профессии «воздушными замками» и сравнивает «яркие видения будущего процветания» с «пузырями морской пены» (Musser, 1995: 76). Несмотря на заметный скепсис в отношении отхода от фермерского труда, ситуация выбора между возвращением к старым занятиям, поддерживаемым семейной традицией, и изменением профессионального пути через повышение квалификации достаточно четко видна в случае Чарльза Массера.

Джон Беннит оказался перед выбором иного рода. В своей переписке с женой он указывает два возможных пути развития его медицинской карьеры: возвращение к гражданской практике или продолжение военной службы в качестве армейского хирурга (Bennit, 2005: 222). При этом уровень дохода и перспективы профессионального совершенствования его волнуют мало. Его главные требования к будущему месту работы – обеспечение возможности все время находиться рядом с женой и дочерьми и не повторение военной разлуки (Bennit, 2005: 235). Для Джона Беннита, таким образом, самой целью становится не экономический эффект от его работы, а ее способность удовлетворить его социальные и психологические потребности. Важно отметить, что, несмотря на ведущую роль мужа и отца в жизни американской семьи XIX века (Paludan, 1997: 15), Беннит напрямую обращается к супруге за советом о карьере (Bennit, 2005: 235). Такое усиление роли женщины в планировании семейной жизни во время Гражданской войны в США уже отмечалось в исторической науке (Walker, 2000: 180).

Генри Мэтроу видел сразу три разных пути развития своей будущей карьеры. В начале войны он пишет родственникам, что охотно бросил бы мушкет и вернулся к фермерству (Matrau, 1993: 60). Позже у Мэтроу, выпускника старшей школы, появляются идеи о продолжении образования ради «будущего продвижения в жизни» (Matrau, 1993: 60). Третий карьерный путь для него открыла сама война: Мэтроу был произведен в офицеры, после чего он задумался о возможности перехода из волонтеров в регулярную армию (Matrau, 1993: 114). Таким образом, этот участник конфликта потенциально мог вернуться к довоенным занятиям, перейти к более квалифицированному труду через повышение своего образовательного уровня или начать профессиональную военную карьеру.

Лемюэль Эббот, уже упоминавшийся в этой статье, интересуется не долговременными перспективами послевоенной жизни, а пытается выстроить краткосрочную повестку. На страницах своего дневника он размышляет, покинуть ли службу после истечения трехлетнего срока и пойти в профессию, или остаться в строю до конца войны. По его мнению, если первый вариант больше соответствует его личным интересам, то второй более предпочтителен для патриота (Abbot, 1908: 83). В итоге он остался в армии до конца войны.

Среди представленных федеральных военнослужащих большинство составляют молодые люди разного социального происхождения и довоенного трудоустройства. Для них основными возможными видами послевоенных занятий являются возвращение к довоенной профессии, получение образования, продолжение армейской службы. Джон Беннит, женатый врач с детьми, в выборе между гражданской и военной медициной ориентируется на максимальную вероятность постоянного совместного проживания с семьей.

5. Заключение

Таким образом, представления упоминаемых в статье федеральных военнослужащих о своем профессиональном пути формируют неоднородную картину с точки зрения их содержания.

Отношение северян к своим довоенным занятиям могло быть критичным. При этом опыт участия в конфликте, с некоторыми исключениями, оценивается ими негативно. Тем не менее нельзя утверждать о полной растерянности федералов перед необходимостью строить послевоенное будущее. Семейные фермеры-собственники рассчитывали на возвращение к обязанностям главы домашнего хозяйства. Многие представители сельской и городской молодежи выбрали определенный род занятий (назвали профессию или иной вид деятельности). Некоторые из них даже указали конкретное место работы или вид предпринимательства. Следует отметить, что не все опирались на соображения экономической рациональности: для многих были важны исполнение призвания, сохранение близости с семьей или другие внеэкономические факторы. Значительное количество северян-участников Гражданской войны видели сразу несколько вариантов своего послевоенного устройства в жизни: возвращение к довоенным занятиям, получение образования с целью обретения новой профессии, продолжение военной службы на профессиональной основе.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00383.

Литература

- Abbot, 1908** – *Abbot L.A.* Personal Recollections and Civil War Diary, 1864. Burlington: Free Press Printing Co., 1908. 296 p.
- ACPL** – Allen County Public Library.
- Bailey, 1986** – *Bailey C. P.* Mansfield Men in the 7th Pennsylvania Cavalry. With letters of Charles M. Rumsey and Personal War Sketches, 1861–1865. Mansfield: Chester P. Bailey, 1986.
- Bennit, 2005** – *Bennit J.* “I Hope to Do My Country Service”: The Civil War Letters of John Bennit, M.D., Surgeon, 19th Michigan Infantry. Ed. by Robert Beasecker. Detroit: Wayne State University Press, 2005. 409 p.
- Bradley, 1905** – *Bradley L.A.* A Soldier-Boy’s Letters, 1862–1865. A Man’s Work in the Ministry. Ed. by S. H. Bradley. Boston: Priv. Print., 1905. 114 p.
- Clafin, Clafin, 2013** – *Clafin G., Clafin E.* A Quiet Corner of the Civil War: The Civil War Letters of Gilbert and Esther Clafin, Oconomowoc, Wisconsin, 1862–1863. Ed. by Judy Cook. Madison: University of Wisconsin Press, 2013. 355 p.
- Clayton, 1998** – *Clayton W.H.H.* A Damned Iowa Greyhound: The Civil War Letters of William Henry Harrison Clayton. Ed. by D.C. Elder. Iowa City: University of Iowa Press, 1998. 231 p.
- Faller, Faller, 1963** – *Faller L.W., Faller J.I.* Dear Folks at Home: The Civil War Letters of Leo W. and John I. Faller with an Account of Andersonville. Ed. by M.E. Flower. Carlisle: Cumberland County Historical Society, 1963. 170 p.
- Freeman, Freeman, 1871** – *Freeman E.H., Freeman W.H.* (1871). Letters from Two Brothers Serving in the Civil War for the Union to Their Family at Home in West Cambridge, Massachusetts. West Cambridge: Printed for Private Circulation, 188 p.
- Hough, 1957** – *Hough A.L.* (1957). Soldier in the West: The Civil War Letters of Alfred Lacey Hough. Ed. by R. G. Athearn. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 276 p.
- Howe, 1899** – *Howe H.W.* Passages from the Life of Henry Warren Howe. Lowell: Courier-Citizen, 1899. 240 p.
- Johnson, 2003** – *Johnson R.* Warriors into Workers: The Civil War and the Formation of the Urban-Industrial Society in a Northern City. N. Y.: Fordham University Press, 2003. 388 p.
- Jordan, 2016** – *Jordan B.I.* Marching Home: Union Veterans and Their Unending Civil War. N.Y.: Liveright, 2016. 384 pp.
- Lause, 2015** – *Lause M.A.* Free Labor: The Civil War and the Making of an American Working Class. Urbana etc.: University of Illinois Press, 2015. 296 pp.
- Lee, 2007** – *Lee C.* Military Positions and Post-service Occupational Mobility of Union Army Veterans, 1861 – 1880 // *Explorations in Economic History*. 2007. No. 44. Pp. 680-698.
- Marvel, 2018** – *Marvel W.* Lincoln’s Mercenaries: Economic Motivation among Union Soldiers during the Civil War. Baton Rouge: LSU Press, 2018. 360 p.
- Matrau, 1993** – *Matrau H.* Letters Home: Henry Matrau of the Iron Brigade. Ed. by M. Reid-Green. Lincoln, London: University of Nebraska Press, 1993. 202 p.
- Mitchell, 1998** – *Mitchell R.* Civil War Soldiers: Their Expectations and Their Experiences. N.Y.: Viking Press, 1988. 288 p.
- Musser, 1995** – *Musser C.O.* Soldier Boy: The Civil War Letters of Charles O. Musser, 29th Iowa. Ed. by Barry Popchok. Iowa City: Iowa University Press, 1995. 260 p.
- Norton, 1903** – *Norton O. W.* Army Letters, 1861–1865. Chicago: P. L. Deming, 1903.
- Paludan, 1997** – *Paludan P.S.* War and Home: The Civil War Encounter. Milwaukee: Marquette University Press, 1997. 37 p.

- [Peet, 1917](#) – *Peet F.T.* Civil War Letters and Documents of Frederick Tomlinson Peet. Ed. by R.T. Newport. Priv. Print., 1917. 304 p.
- [Pettit, 1990](#) – *Pettit F.* Infantryman Pettit: The Civil War Letters of Corporal Frederick Pettit. Ed. by W.G. Gavin. N. Y.: Avon Books, 1990. 236 p.
- [Scates, Oppenheimer, 2014](#) – *Scates B., Oppenheimer M.* “I Intend to Get Justice”: The Moral Economy of Soldier Settlement // *Labor History*. 2014. No. 106. Pp. 229-253.
- [Scott, 1977](#) – *Scott J.C.* The Moral Economy of Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. New Heaven: Yale University Press, 254 p.
- [Silber, Sievens, 1996](#) – Yankee Correspondence: Civil War Letters between New England Soldiers and the Home Front. Ed. by *N. Silber, M. B. Sievens*. Charlottesville, London: University Press of Virginia, 1996. 202 p.
- [Sohn, 2014](#) – *Sohn K.* The Human Capital of Black Soldiers during the American Civil War // *Economic Letters*. 2014. No. 122. Pp. 40-43.
- [Su, 2009](#) – *Su D.* Occupational Career and Risk of Mortality among Civil War Veterans // *Social Science and Medicine*. 2009. No. 69. Pp. 460-468.
- [Taillon, 2011](#) – *Taillon P. M.* Casey Jones, Better Watch Your Speed! Workplace, Culture, Manhood, and Protective Labor Legislation on the Railroads, 1880s–1910s // *Australasian Journal of American Studies*. 2011. Vol. 30. No. 1. Pp. 20-38.
- [Taylor, 2012](#) – *Taylor G.C.* Letters Home to Sarah: The Civil War Letters of Guy C. Taylor, 36th Wisconsin Volunteers. Ed by Kevin L. Anderson and Patsy Anderson. Madison: University of Wisconsin Press, 2012. 328 p.
- [Tenney, 1914](#) – *Tenney L.H.* War Diary of Luman Harris Tenney, 1861–1865. Ed. by F.A. Tenney. Cleveland: Evangelical Publishing House, 1914. 240 p.
- [Thompson, 1971](#) – *Thompson E.P.* The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century. *Past and Present*. 1971. No. 51. Pp. 76-136.
- [Walker, 1917](#) – *Walker R.* Letters of Robert Walker, a Soldier in the Civil War of 1861–1865. Ed. by C.A. Glenn. Viroqua: Vernon County Censor, 1917. 44 p.
- [Walker, 2000](#) – *Walker H.* Power, Sex, and Gender Roles: The Transformation of an Alabama Planter Family during the Civil War // *Southern Families at War: Loyalty and Conflict in the Civil War South*. Oxford: Oxford University Press, 2000. Pp. 175-188.
- [Wiley, 1971](#) – *Wiley B.I.* The Life of Billy Yank: The Common Soldier of the Union. Garden City, N.Y.: Doubleday & Company, 1971. 474 p.
- [Wills, 1906](#) – *Wills C.W.* Army Life of an Illinois Soldier, Including a Day by Day Record of Sherman’s March to the Sea. Letters and Diary of Late Charles W. Wills. Ed. by M. E. Kellog. Washington: Globe, 1906. 404 p.

References

- [Abbot, 1908](#) – *Abbot L.A.* (1908). Personal Recollections and Civil War Diary, 1864. Burlington: Free Press Printing Co., 296 p.
- [ACPL](#) – Allen County Public Library.
- [Bailey, 1986](#) – *Bailey C.P.* (1986). Mansfield Men in the 7th Pennsylvania Cavalry. With letters of Charles M. Rumsey and Personal War Sketches, 1861–1865. Mansfield: Chester P. Bailey.
- [Bennit, 2005](#) – *Bennit J.* (2005). “I Hope to Do My Country Service”: The Civil War Letters of John Bennit, M. D., Surgeon, 19th Michigan Infantry. Ed. by Robert Beasecker. Detroit: Wayne State University Press, 409 p.
- [Bradley, 1905](#) – *Bradley L.A.* (1905). A Soldier-Boy’s Letters, 1862–1865. A Man’s Work in the Ministry. Ed. by S. H. Bradley. Boston: Priv. Print., 114 p.
- [Claflin, Claflin, 2013](#) – *Claflin G., Claflin E.* (2013). A Quiet Corner of the Civil War: The Civil War Letters of Gilbert and Esther Claflin, Oconomowoc, Wisconsin, 1862–1863. Ed. by Judy Cook. Madison: University of Wisconsin Press, 355 p.
- [Clayton, 1998](#) – *Clayton W.H.H.* (1998). A Damned Iowa Greyhound: The Civil War Letters of William Henry Harrison Clayton. Ed. by D.C. Elder. Iowa City: University of Iowa Press, 231 p.
- [Faller, Faller, 1963](#) – *Faller L.W., Faller J.I.* (1963). Dear Folks at Home: The Civil War Letters of Leo W. and John I. Faller with an Account of Andersonville. Ed. by M. E. Flower. Carlisle: Cumberland County Historical Society, 170 p.
- [Freeman, Freeman, 1871](#) – *Freeman E.H., Freeman W.H.* (1871). Letters from Two Brothers Serving in the Civil War for the Union to Their Family at Home in West Cambridge, Massachusetts. West Cambridge: Printed for Private Circulation, 188 p.
- [Hough, 1957](#) – *Hough A.L.* (1957). Soldier in the West: The Civil War Letters of Alfred Lacey Hough. Ed. by R.G. Athearn. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 276 p.
- [Howe, 1899](#) – *Howe H.W.* (1899). Passages from the Life of Henry Warren Howe. Lowell: Courier-Citizen, 240 p.

- [Johnson, 2003](#) – *Johnson R.* (2003). *Warriors into Workers: The Civil War and the Formation of the Urban-Industrial Society in a Northern City*. N. Y.: Fordham University Press, 388 p.
- [Jordan, 2016](#) – *Jordan B.I.* (2016). *Marching Home: Union Veterans and Their Unending Civil War*. N.Y.: Liveright, 384 p.
- [Lause, 2015](#) – *Lause M.A.* (2015). *Free Labor: The Civil War and the Making of an American Working Class*. Urbana etc.: University of Illinois Press, 296 p.
- [Lee, 2007](#) – *Lee C.* (2007). Military Positions and Post-service Occupational Mobility of Union Army Veterans, 1861 – 1880. *Explorations in Economic History*. No. 44. Pp. 680-698.
- [Marvel, 2018](#) – *Marvel W.* (2018). *Lincoln's Mercenaries: Economic Motivation among Union Soldiers during the Civil War*. Baton Rouge: LSU Press, 360 p.
- [Matrau, 1993](#) – *Matrau H.* (1993). *Letters Home: Henry Matrau of the Iron Brigade*. Ed. by M. Reid-Green. Lincoln, London: University of Nebraska Press, 202 p.
- [Mitchell, 1998](#) – *Mitchell R.* (1988). *Civil War Soldiers: Their Expectations and Their Experiences*. N.Y.: Viking Press, 288 p.
- [Musser, 1995](#) – *Musser C.O.* (1995). *Soldier Boy: The Civil War Letters of Charles O. Musser, 29th Iowa*. Ed. by Barry Popchock. Iowa City: Iowa University Press, 260 p.
- [Norton, 1903](#) – *Norton O.W.* (1903). *Army Letters, 1861–1865*. Chicago: P. L. Deming.
- [Paludan, 1997](#) – *Paludan P.S.* (1997). *War and Home: The Civil War Encounter*. Milwaukee: Marquette University Press, 37 p.
- [Peet, 1917](#) – *Peet F.T.* (1917). *Civil War Letters and Documents of Frederick Tomlinson Peet*. Ed. by R.T. Newport. Priv. Print., 304 p.
- [Pettit, 1990](#) – *Pettit F.* (1990). *Infantryman Pettit: The Civil War Letters of Corporal Frederick Pettit*. Ed. by W. G. Gavin. N. Y.: Avon Books, 236 p.
- [Scates, Oppenheimer, 2014](#) – *Scates B., Oppenheimer M.* (2014). “I Intend to Get Justice”: The Moral Economy of Soldier Settlement. *Labor History*. No. 106. Pp. 229-253.
- [Scott, 1977](#) – *Scott J.C.* (1977). *The Moral Economy of Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. New Heaven: Yale University Press, 254 p.
- [Silber, Sievens, 1996](#) – *Yankee Correspondence: Civil War Letters between New England Soldiers and the Home Front*. Ed. by *N. Silber, M. B. Sievens*. Charlottesville, London: University Press of Virginia, 1996. 202 p.
- [Sohn, 2014](#) – *Sohn K.* (2014). The Human Capital of Black Soldiers during the American Civil War. *Economic Letters*. No. 122. Pp. 40-43.
- [Su, 2009](#) – *Su D.* (2009). Occupational Career and Risk of Mortality among Civil War Veterans. *Social Science and Medicine*. No. 69. Pp. 460-468.
- [Taillon, 2011](#) – *Taillon P.M.* (2011). Casey Jones, Better Watch Your Speed! Workplace, Culture, Manhood, and Protective Labor Legislation on the Railroads, 1880s–1910s. *Australasian Journal of American Studies*. Vol. 30. No. 1. Pp. 20-38.
- [Taylor, 2012](#) – *Taylor G.C.* (2012). *Letters Home to Sarah: The Civil War Letters of Guy C. Taylor, 36th Wisconsin Volunteers*. Ed by Kevin L. Anderson and Patsy Anderson. Madison: University of Wisconsin Press, 328 p.
- [Tenney, 1914](#) – *Tenney L.H.* (1914). *War Diary of Luman Harris Tenney, 1861–1865*. Ed. by F.A. Tenney. Cleveland: Evangelical Publishing House, 240 p.
- [Thompson, 1971](#) – *Thompson E.P.* (1971). The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century. *Past and Present*. No. 51. Pp. 76-136.
- [Walker, 1917](#) – *Walker R.* (1917). *Letters of Robert Walker, a Soldier in the Civil War of 1861–1865*. Ed. by C.A. Glenn. Viroqua: Vernon County Censor, 44 p.
- [Walker, 2000](#) – *Walker H.* (2000). *Power, Sex, and Gender Roles: The Transformation of an Alabama Planter Family during the Civil War*. Southern Families at War: Loyalty and Conflict in the Civil War South. Oxford: Oxford University Press. Pp. 175-188.
- [Wiley, 1971](#) – *Wiley B.I.* (1971). *The Life of Billy Yank: The Common Soldier of the Union*. Garden City, N. Y.: Doubleday & Company, 474 p.
- [Wills, 1906](#) – *Wills C.W.* (1906). *Army Life of an Illinois Soldier, Including a Day by Day Record of Sherman's March to the Sea*. Letters and Diary of Late Charles W. Wills. Ed. by M.E. Kellog. Washington: Globe, 404 p.

«Пытаться быть ловким, стараться заработать денег»: представления северян-участников Гражданской войны в США о мирной карьере

Артем Егорович Филимонов ^{a, *}, Владимир Николаевич Барышников ^a,
Виктор Николаевич Борисенко ^a, Елена Геннадьевна Щемелева ^b

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

^b Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу довоенных занятий и послевоенной мирной карьеры, свойственному солдатам и офицерам армии Союза. Основным источником для написания работы стали дневники и письма военнослужащих федеральной армии, представляющие социальное многообразие и географическое распределение населения США XIX века. Те федералы, что затрагивали свои довоенные занятия, не впадали в ностальгию и идеализацию и могли быть настроены довольно критично. В то же время отзывы о влиянии военного опыта на собственные перспективы в мирных занятиях были, в большинстве своем, негативными. Тем не менее, солдат и офицеров федеральной армии нельзя назвать потерянными перед лицом окончания войны. Так, самостоятельные фермеры с семьями собирались вернуться к своим довоенным обязанностям сельских хозяев и глав семейств. Многие представители городской и сельской молодежи пришли к пониманию того, какую профессию или вид предпринимательской деятельности они выберут после войны. Некоторые из них даже смогли найти конкретного работодателя или продумать бизнес-план прямо во время войны. Важно отметить, что не все федеральные военнослужащие опирались на экономическую рациональность при планировании своей карьеры. Для многих из них были важны такие факторы, как географическая близость к семье или желание работать по призванию. Значительная часть представленных в работе солдат и офицеров федеральной армии столкнулась с необходимостью выбирать среди нескольких альтернатив. К ним чаще всего относились возвращение к довоенным занятиям, изменение или повышение квалификации с помощью образования и продолжение военной службы на профессиональной основе.

Ключевые слова: Гражданская война в США, армия Союза, письма, дневники, карьера, карьерный выбор, довоенные США, послевоенные США, социальная история.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: st015399@student.spbu.ru (А.Е. Филимонов)

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1036-1048. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1036
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Idea of the Constitution in the Projects of State Reforms of the Russian Emperor Alexander I

Vladimir A. Tomsinov^{a, *}

^a Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the attempts of Emperor Alexander I to introduce the Constitution and representative institutions in Russia. The idea of the Constitution was the basic idea of the state reforms of Emperor Alexander I. It followed from the main conception of these reforms and was to become their ultimate goal. During his nearly twenty-five-year reign, Alexander I at least three times started creation a draft Constitution for the Russian Empire with the intention to put it into effect, but did not dare to do so. The author shows that these attempts were not a "game of reform", but expressed the Emperor's real intention to introduce constitutional rule in Russia. And the refusal of its implementation had serious grounds. The most significant reason for the preservation of the autocratic system in Russia was the need for fundamental state reforms, the most urgent of which were: the abolition of serfdom, the systematization of legislation, the creation of a new court, the formation of a new system of local government. The autocratic power of the Emperor, which assumed disconnectedness of his personality by representative institutions and laws, the independence of his personality from different social groups, etc. allowed him to serve as an effective instrument of reform, meet the interests of the Russian state, and it is relatively easy to overcome resistance to these reforms from powerful social groups.

Keywords: XIX century Russia, emperor Alexander, idea of constitution, Speranskii.

1. Введение

Идея конституции была стержневой идеей государственных реформ императора Александра I. Она вытекала из главного замысла этих реформ и предполагалась их конечной целью. Преобразования в сфере государственного строя Российской империи, затеянные его величеством в первый же год пребывания на царском престоле, были призваны модернизировать механизм осуществления верховной государственной власти, упорядочить управление страной, ограничить произвол чиновников. Конституция рассматривалась государем-реформатором одновременно и как средство, обеспечивающее выполнение этих задач, и как цель государственных реформ, достижение которой упрочит результаты этих преобразований, сделает их необратимыми.

На протяжении своего почти двадцатипятилетнего царствования Александр I по меньшей мере трижды затевал разработку проекта конституции для Российской империи с намерением ввести его в действие: сначала в рамках так называемого «Негласного комитета» в 1801–1803 годах, потом с помощью М.М. Сперанского в 1809 году и, наконец, в 1818–1820 годах в комиссии под руководством Н.Н. Новосильцова. И все три подготовленных проекта конституции российский самодержец так и не решился в вести в действие. Почему? Что заставило Александра I отказаться от осуществления цели, которую он еще до того, как стал императором, назвал главной целью своего правления?

* Corresponding author

E-mail addresses: tomsinov@yandex.ru (V.A. Tomsinov)

2. Материалы и методы

Статья опирается на документальные материалы: письма императора Александра I, протоколы «Негласного комитета», проекты и записки М.М. Сперанского, проект «Государственной уставной грамоты», тексты законодательных актов, воспоминания и письма государственных деятелей. Эти материалы анализируются посредством комплексного историко-юридического метода, позволяющего выявить социально-политическую подоплеку государственных реформ в России первой четверти XIX века и в то же время раскрыть подлинный смысл идеи конституции, составлявшей неотъемлемую часть общего плана государственных преобразований. Вместе с тем в статье применен диалектический метод: попытка введения в России конституционного строя Александром I представляется как дальнейшее развитие политики государственных реформ, которую пытался осуществить Павел I. Кроме того, идея конституции в ее российском варианте первой четверти XIX века анализируется не с теоретической, а с практической точки зрения – как неотъемлемый элемент проектов государственных реформ, как инструмент достижения тех целей, которые ставил перед собой император Александр I. Наконец, примененный в статье сравнительный метод позволил выявить особенности использования в условиях России идеи конституции для модернизации государства.

3. Обсуждение

В исторической литературе отказ императора Александра I от введения конституции, предполагавшейся самым характером его государственных реформ, их конечной целью, объясняется чаще всего личными качествами этого государя (его слабоволием, нерешительностью) или тем, что он только «играл в конституцию», но в действительности не желал ее вводить. В статье опровергается это мнение, показывается на примере конституционных проектов, что их разработка велась серьезно и тщательно с явным намерением ввести их в действие. Отказ Александра I от принятия конституции был предопределен незавершенностью самих государственных реформ, отсутствием в русском обществе реальной почвы для представительных учреждений. Попытки Александра I ввести в России конституционный строй с неизбежными «коренными» законами были не случайными и потому, что продолжали политику его отца Павла I в этом направлении.

Данная статья является результатом многолетних исследований автором конституционно-монархической традиции в политической культуре Российской империи, воплотившихся в целой серии статей и книг, опубликованных в России, Англии и США, таких как «Конституционный вопрос в России в 60-х – начале 80-х годов XIX века (М., 2012), «Сперанский». (Серия «ЖЗЛ». М., 2006), «Судьба определила всем обществам человеческим менять только пороки»: М.М. Сперанский о технологии проведения государственных преобразований (Законодательство. 2016. № 8–12), «Конституционно-монархическая традиция в политической культуре России периода империи: конституционные проекты периода правления Екатерины II. Государственно-правовой опыт России: соотношение самобытного и заимствованного» (Барнаул, 2013), *The Nakaz of Catherine the Great. USA. Lawbook Exchange Ltd., 2010.* (в соавторстве с проф. У.Э. Батлером); *The Constitutional-Monarchical Tradition in Russian Political Culture. "The Best in the West". Educator, Jurist, Arbitrator. Liber Amicorum in Honour of Professor William Butler. London, 2014. P. 103–129* и др.

В своих работах автор доказывает, что зарождение этой традиции произошло еще в период Смуты, в начале XVII века, ее становление заняло весь XVIII век. В первой же четверти XIX столетия, охватывающей все царствование Александра I, российская конституционно-монархическая традиция достигла своей зрелости, и явным признаком этого является интенсивная разработка по инициативе самого императора идеи конституции.

Настоящая статья, в отличие от предыдущих работ автора, в которых идея конституции рассматривалась как идеологическая доктрина, предпринимает попытку раскрыть практическую значимость данной идеи для модернизации государственного строя Российской империи, показать подлинный смысл интенсивных работ над проектами конституции, которые осуществлялись по инициативе и под непосредственным контролем императора Александра I на всем протяжении его четвертьвекового царствования.

4. Результаты

Вступая после гибели отца Павла I на императорский престол, Александр ясно понимал, что российскому государству жизненно необходимы преобразования, чтобы искоренить пороки его устройства, ложившиеся тяжелым бременем на всех подданных и в том числе на чиновников. Именно на конституцию он возлагал тогда самую большую свою надежду в реформе всей государственной жизни Российской империи.

27 сентября/8 октября 1797 года великий князь, наследник престола Александр Павлович, пребывавший в то время в Гатчине, написал своему швейцарскому наставнику Фредерику-Сезару де Лагарпу довольно откровенное письмо, в котором уже в первых же строках объявил, что нуждается в его мнении и совете «касательно дела величайшей важности, а именно о том, как составить счастье России, даровав ей свободную конституцию (*constitution libre*)» (Александр I и Лагарп, 2014: 335–336).

Объясняя своему наставнику, почему он пришел к выводу о необходимости ввести в России конституционное правление, цесаревич сообщал, что его чрезвычайно угнетает картина злоупотреблений в управлении Российской империей, которые получили распространение в последние годы правления императрицы Екатерины II, но стали еще более нетерпимыми после восшествия на престол Павла I. «Батюшка, вступив на престол, пожелал все переменить, – писал великий князь Александр Павлович. – Начал и впрямь блестяще, однако не таково оказалось продолжение. Все разом перевернулось, отчего дела, и без того запутанные, в полный пришли беспорядок». Далее его высочество сетовал в письме Лагарпу, что новый государь занят в основном армией, разводами и смотрами военных, а гражданской части уделяет мало внимания. В ней все делается без всякого плана: «сегодня приказывают одно, а месяц спустя совсем противоположное; возражений не слушают до тех пор, пока не станет беда непоправимой».

Вывод, который цесаревич делал из своего описания государственного управления империей, был предельно категоричен. «Благополучие государственное никого не заботит; абсолютная власть все решает сама и действует вкривь и вкось, – жаловался он швейцарцу. – Не могу Вам исчислить все безумства, что здесь творятся. Прибавьте к этому суровость без справедливости, великую пристрастность и полнейшую неопытность во всех делах» (Александр I и Лагарп, 2014: 336).

Это описание пороков российского государственного управления уже само по себе подводило к мысли о том, что их источником является ничем не ограниченная императорская власть, носитель которой способен безнаказанно творить любой произвол и все в государстве перевернуть вверх дном. Как член императорской семьи Александр Павлович должен был, казалось бы, молчать об этом, но великий князь не постеснялся самыми резкими словами выразить неприятие политики своего августейшего родителя. «Все назначения не по достоинству совершаются, а лишь в зависимости от высочайшего расположения, – сообщал он в письме к Лагарпу. – Несчастное отечество мое пришло в состояние неопишное: земледелец утеснен, торговля затруднена, свобода и личное благосостояние уничтожены; вот картина нынешней России; судите, каково мне это видеть» (Александр I и Лагарп, 2014: 336).

Фредерик-Сезар де Лагарп, можно уверенно предположить, с большим удовольствием читал данное письмо: ведь это он внушил своему ученику критическое отношение к государственным порядкам Российском империи. И вряд ли швейцарец заметил, что цесаревич всего лишь выражал свои эмоции, настроения, взгляды, а больше всего – свое недовольство отношением к нему венценосного отца, который хотел воспитать из него человека и не щадил в нем цесаревича. «Сам я, – признавался он Лагарпу, – обречен входить в подробности службы военной и терять все свое время на исполнение обязанностей унтер-офицерских, минуты не имею для чтения, в прошлом излюбленного моего занятия, и сделался существом самым несчастным» (Александр I и Лагарп, 2014: 336).

Как же было ему не быть несчастным, если Павел часто публично распекал его, кричал ему, что он и с унтер-офицерскими обязанностями не справляется: «Вам, ваше высочество, только свиньями командовать!»

Самые главные слова Александр Павлович сообщил Лагарпу после своих жалоб на свою несчастную жизнь: «Вы знаете о намерении моем покинуть отечество. В настоящее время не вижу возможности его исполнить; вдобавок горестное состояние отечества моего сообщило мыслям моим иной ход. Подумал я, что, если когда-нибудь придет мой черед царствовать, тогда вместо того, чтобы покинуть отечество, надобно мне попытаться сделать его свободным, затем чтобы впредь никогда не становилось оно игрушкой в руках безумцев. Размышлял я на сей счет очень долго и пришел к выводу, что это будет наилучшей из революций, ибо совершится она законным правителем, который с себя полномочия сложит, лишь только конституция будет принята, а нация изберет своих представителей» (Александр I и Лагарп, 2014: 336-337).

Александр также поведал Лагарпу, что поделился мыслью о введении в России конституции с несколькими просвещенными персонами, которые давно уже о подобном плане размышляли, и назвал их: господин Новосильцов, граф Павел Строганов, князь Адам Чарторижский.

Ключевыми фразами этого весьма странного письма были: «Когда же мой черед придет, тогда надобно будет – разумеется, постепенно – подготовить нацию к тому, чтобы избрала она своих представителей и приняла свободную конституцию, после чего я власть с себя сложу полностью и, если Провидению угодно будет нам способствовать, удалюсь в какой-нибудь тихий уголок, где заживу спокойно и счастливо, видя благоденствие моей отчизны и зрелищем сим наслаждаясь. Вот каково мое намерение, любезный друг» (Александр I и Лагарп, 2014: 338).

«Любезный друг» Лагарп придал этому письму своего ученика чрезвычайно важное значение. Оригинал этого письма он, сделав с него несколько копий, хранил в Лондоне. В декабре 1831 года швейцарский наставник Александра I передал его через посредство российского посланника в Швейцарии Северина императору Николаю I. Венценосному брату Александра I это письмо показалось столь странным, порочащим всех его предшественников на императорском троне, что он немедленно по прочтении сжег его оригинал.

Действительно, в характеристике Павла I Александр был явно несправедлив. Идея конституции, которую сын воспринимал как религиозное верование, не была чужда его отцу. Более

того, ее введение в Российской империи являлось частью реформаторских замыслов Павла Петровича. Он очень не любил слова «конституция», но эта неприязнь была вполне объяснимой. Преподаватель Царскосельского лицея А.П. Куницын писал в 1818 году в очерке «О конституции»: «Несчастные опыты Франции в преобразовании своего правительства самое слово “конституция” сделали страшным; ибо с понятием онаго начали совокуплять понятие о бунтах, об испровержении властей законных и о всяких неустройствах государства» ([Куницын, 1818: 202](#)).

Мысль же о необходимости дать вверенной ему в управление стране фундаментальные законы Павел вполне разделял. Будучи еще наследником царского престола, он в ноябре 1778 года занес в свою записную книжку следующую мысль из мемуаров кардинала де Реца: «Когда правители государств не ведают ни их основных законов, ни свойственных им нужд, с ними случается несчастье». А в мемуарах другого видного государственного деятеля Франции – герцога Сюлли – Павлу Петровичу понравилось высказывание: «Первый закон для государя – соблюдение всех законов. Выше его самого два повелителя: Бог и Закон. Правосудие должно восседать на престоле; кротость должна быть прочнейшею его опорой».

В 1779 году Павел Петрович поделился следующим, весьма примечательным, мнением со своим наставником Петром Ивановичем Паниным: «Свобода, конечно, первое сокровище всякого человека, но должна быть управляема прямым понятием оной, которое не иным приобретается, как воспитанием, но оное не может быть иным управляемо (чтоб служило к добру), как фундаментальными законами».

Среди бумаг Павла той поры, когда он пребывал еще в статусе наследника престола, сохранился небольшой листок с указанием основных политических вопросов, над которыми он хотел при подготовке к императорскому поприщу подумать особо. В числе первых таких вопросов он назвал назвал:

- «1. О правлениях, их преимуществах и неудобствах, особливо относительно до нашей земли.
2. О образе правления.
3. О законе фундаментальном и о наследстве» ([Русский архив, 1882: 396](#)).

В конце 1787 года, намереваясь отправиться в действующую армию на войну с Турцией и понимая, что на войне его могут и убить, цесаревич Павел оставил на этот случай предписание о порядке управления Россией для нового российского императора, которым после смерти Екатерины II становился его сын Александр. В этом документе, помимо прочего, давался совет «положить закон, кому именно быть государем». На престол после Екатерины II взошел Павел, и в день своей коронации, 5 апреля 1797 года, новый государь принял закон о порядке наследования престола. В «[Полное собрание законов Российской империи](#)» он вошел под названием: «Акт, высочайше утвержденный в день священной коронации Его Императорского Величества и положенный для хранения на престоле Успенского собора» (см. полный текст данного закона в издании: [Законодательство Павла I, 2008: 120-123](#)). По своей юридической природе он являлся законом фундаментальным или конституционным. К такой же точно категории законодательства относилось и принятое 5 апреля 1797 года «[Учреждение об императорской фамилии](#)» ([Законодательство Павла I, 2008: 39-106](#)).

Так что надо признать: именно Павел I издал первые в России настоящие конституционные законы. Что же касается приведенного письма великого князя Александра к Лагарпу, то оно прежде всего является явным свидетельством, что осуществление операции по устранению злейшего врага Великобритании Павла I с российского императорского престола развернулось едва ли не сразу после того, как он стал императором. Во всяком случае, миф о безумии Павла, оправдавший его убийство, уже был вложен в голову его наследника (см. об этой операции главу «Убийство императора Павла I» в книге: [Временщик: 124-143](#)).

Взойдя на императорский престол, Александр I без промедления взялся за разработку конституции для Российской империи. Составил со своими молодыми друзьями П.А. Строгановым, Н.Н. Новосильцовым, В.П. Кочубеем и А.А. Чарторижским «Негласный комитет», молодой император начал всерьез обсуждать с ними вопрос о преобразовании самодержавно-монархического правления в конституционно-монархическое.

«Негласный комитет» регулярно собирался в период с 24 июня 1801 года по 12 мая 1802 года, но потом более года не работал. 26 октября 1803 года совещания Александра с друзьями-аристократами возобновились, но всего лишь на две недели. После 9 ноября 1803 года государь перестал их звать к себе для обсуждения планов и проектов государственных реформ. Между тем именно в рамках «Негласного комитета» были предприняты первые попытки Александра I создать для России конституцию. Обсуждая на первом заседании комитета свои задачи, его участники пришли к согласию в том, что требуется «прежде всего, узнать действительное положение дел, затем реформировать различные части администрации и, наконец, увенчать эти различные институты гарантией, предложенной в конституции, созданной в соответствии с истинным духом нации» ([Résultat d'une conférence, 1903: 61](#)). Любопытно, что записка, в которой русские аристократы обозначили цели работы своего «Негласного комитета», была написана на французском языке.

Среди интеллектуалов западноевропейских стран и США в то время доминировало понимание конституции в качестве документа высшей юридической силы, регулирующего взаимоотношения властей между собой, обеспечивающего соблюдение гражданских прав и свобод, защиту народа от произвола властей предрержащих. Подобное представление о назначении конституции было присуще и Александру I, и его друзьям, входившим в «Негласный комитет». Весной 1801 года П.А. Строганов составил записку «О состоянии нашей конституции», в которой объяснил смысл понятия «конституция». «По моему мнению, – сообщил он, – конституция есть законное признание прав народа и тех форм, в которых он может их осуществлять. Для укрепления действительности этих прав необходимо иметь гарантию, чтобы посторонняя власть не препятствовала их осуществлению». При отсутствии такой гарантии, утверждал граф Павел Александрович, «цель осуществления этих прав, которому препятствует каждая мера правительственной власти, будет противоречить истинному национальному интересу», эта цель будет отсутствовать, и «тогда можно будет сказать, что здесь нет конституции». Он выделял в конституции три части: 1) установление прав, 2) способ осуществления их и 3) гарантию (*De l'etat de notre constitution, 1903: 40*).

Повторяя в своей записке определение свободы, данное французской Декларацией прав человека и гражданина 1789 года, П.А. Строганов отмечал: «Благополучие людей заключается в гарантиях собственности и свободы делать все, что не может быть вредным другому. Способ обеспечения пользования ими закрепляется в административных нормах. Охранителями этих административных норм являются основные законы государства или, говоря иначе, конституция. Конституция есть закон, регулирующий метод, который надлежит соблюдать в выработке административных законов, каковые по необходимости, прежде чем подвергаться модификациям, толкованиям и т.д., должны претерпевать эти изменения согласно известному, закреплённому, неизменяемому способу, закрывающему дверь всякому произволу и, следовательно, уменьшающему зло, которое может появиться из различия способностей лиц, стоящих во главе государства» (*De l'etat de notre constitution, 1903: 41*). «Вот что я понимаю под конституцией», – заявлял русский аристократ, завершая это рассуждение о сущности такого явления, как конституция.

Результатом первых опытов конституционного творчества членов «Негласного комитета» стал проект под названием «Грамота Российской империи», содержащий статьи о представительном органе, некоторые положения английского «Habeas Corpus Act» 1679 года и даже французской «Декларации прав человека и гражданина» 1789 года. Составил этот проект А.Р. Воронцов, а дорабатывали члены Негласного комитета Новосильцов и Кочубей. 12 августа 1801 года они представили его Александру I с предложением огласить на коронации 15 сентября, но император отказался от этой идеи.

С 10 марта и до 12 мая 1802 года «Негласный комитет» обсуждал проекты учреждения нового государственного органа под названием «министерство». Вопрос о конституции для Российской империи отошел на второй план. На заседаниях, прошедших 26 и 27 октября, 4 и 9 ноября 1803 года, о конституции никто из членов «Негласного комитета» даже не вспомнил. Первая попытка Александра I ввести в России конституционное правление никакого серьезного результата не дала.

Это не означало, что император Александр I совсем отказался от идеи конституции, он скорее отложил ее на последующее время. О том, что он продолжал думать о введении в России конституционно-монархического правления, свидетельствует данное им в 1804 году поручение М.Л. Магницкому привезти из Парижа конституционный проект. Оно было исполнено, и государь получил французский проект конституции вместе с «запискою о легком способе ввести ее» в действие.

Однако самым весомым фактом в пользу того, что Александр остался приверженцем идеи конституции и более того по-прежнему носил в себе намерение даровать русскому народу конституционное правление, является проект уложения государственных законов, разработанный по поручению его величества товарищем министра юстиции М.М. Сперанским.

В конце 1808 года Александр I поручил Сперанскому составить «план всеобщего государственного образования». Михаил Михайлович посвятил этой работе почти целый год и к началу октября 1809 года представил его величеству серию разработанных им проектов: «Введение к Уложению государственных законов», «Уложение государственных законов», «Краткое начертание государственного образования», приложив к ним записку «Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам».

О том, что под «Уложением государственных законов» Сперанский понимал не что иное, как конституцию Российской империи, свидетельствуют следующие его слова из введения к этому документу: «Российская конституция одолжена будет бытием своим не воспалению страстей и крайности обстоятельств, но благодетельному вдохновению верховной власти, которая, устроая политическое бытие своего народа, может и имеет все способы дать ему самые правильные формы» (*Сперанский, 1961: 153*).

Главным предназначением конституции Александр I считал упрочение государственного порядка, придание ему свойства незыблемости. Сперанский разделял это мнение, поэтому называл конституцию «коренными государственными законами». В составленной для его величества записке

«Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам» он назвал главной целью политической реформы «постановить образ правления империи на непременимом законе, дать внутреннее политическое бытие России», отметив при этом, что достигнута она может быть, если сначала «определить разум коренных государственных законов, то есть начертать план конституции» (Сперанский, 1961: 231). В 1813 году, по прошествии четырех лет после создания своих конституционных проектов, Сперанский, находясь в ссылке в Перми, напомнил в письме Александру I о плане реформы государственного строя Российской империи, который разрабатывал по поручению его величества, и, выражая его суть, заметил: «Весь разум сего плана состоял в том, чтоб посредством законов и установлений утвердить власть правительства на началах постоянных и тем самым сообщить действию сея власти более правильности, достоинства и истинной силы» (Сперанский. Пермское письмо, 1813: 52).

Западноевропейские мыслители и государственные деятели конца XVIII – начала XIX веков видели в конституции прежде всего выражение народной воли и способ ограничения верховной государственной власти, обуздания ее произвола. Это предназначение они усматривали и в принципе разделения властей, который считали главным, неотъемлемым началом истинной конституции.

Российский император Александр I и М.М. Сперанский рассматривали конституцию прежде всего в качестве средства усиления верховной государственной власти, упорядочения государственного управления, ограничения произвола чиновников. В конце XVIII – первой четверти XIX веков в России происходил стремительный рост чиновничества. За время с середины 80-х годов XVIII века до 1808 года, когда Александр I принял решение приступить к разработке проекта конституции, численность чиновничества возросла не менее чем в 2,5 раза – приблизительно до 30 000 человек. Такой рост наблюдался во всех развитых странах: он был обусловлен развитием экономики и переменами в общественном строе общества. К середине XIX века численность бюрократии в Российской империи утроится. При этом в других развитых странах количество чиновников в соотношении с численностью населения будет намного больше, чем в России.

Вследствие стремительного расширения административного аппарата самодержавная власть в России столкнулась с угрозой утратить контроль над страной. Чиновничество быстро превращалось в самостоятельную силу, ограничивающую власть императора. В недрах стремительно расширявшейся бюрократии нарастал хаос. По воспоминаниям современников, обычной картиной канцелярского быта стали горы нераспечатанных пакетов с указами императора, с приказами, распоряжениями вышестоящего начальства.

Монархия как форма единоличной власти превращалась в обыкновенную химеру. Носитель верховной государственной власти оказывался все менее способным самостоятельно управлять страной.

В этих условиях очевидным способом усиления монархической власти или хотя бы сохранения ее самодержавности было кардинальное изменение характера осуществления государственной власти. Персоналистская система осуществления государственной власти, при которой функции чиновников, их полномочия, права и обязанности отличаются неопределенностью, когда единственно определенным для них является требование беспрекословно подчиняться начальству, исполнять исходящие от него команды вследствие многократного увеличения численности исполнительного аппарата, усложнения задач, стоящих перед государством, оказывалась все более неэффективной. В этих условиях стала очевидной необходимость замены персоналистской системы властвования на институционную, при которой чиновники подчиняются не персонам, а правовым нормам, нормативным актам, различного рода инструкциям, четко определяющим их функции, полномочия, должностные обязанности и права.

Заслуга императора Александра I заключалась в том, что он рано, еще в бытность наследником престола, ясно осознал необходимость модернизации государственного строя Российской империи, уменьшения персонализации действующей в ее границах системы государственной власти, ограничения самовластья на всех уровнях государственного управления, создания и развития государственных институтов, усиления институционности государственной власти. Не случайно на оборотной стороне медали на свое коронование, под изображением короны, Александр I приказал высечь слово «закон» и утверждение в России принципа законности провозгласил одной из главных задач своего правления.

То, что это было не просто благое намерение молодого императора, а главное направление его государственной деятельности, доказывают огромные усилия по систематизации российского законодательства, разработки целой серии кодексов – гражданского, уголовного, торгового, уставов гражданского и уголовного судопроизводства, предпринимавшиеся российским правительством в первой четверти XIX века. Накопленный в процессе этих попыток материал и выработанные идеи и принципы легли в основание работ по созданию 45-томного полного собрания и 15-томного свода законов Российской империи, начатых в первый же год правления преемника Александра I на царском троне императора Николая I и завершенных уже к 1833 году.

Молодой чиновник М.М. Сперанский оказался для молодого императора сущей находкой: Михаил Михайлович был именно тем человеком, который мог разработать конкретные проекты

модернизации российского государства, многочисленные нормативные акты, положения, инструкции, регулирующие внутреннюю организацию и деятельность различных органов государственной власти и управления: Государственного совета, Правительствующего Сената, министерств, устанавливающих порядок государственной службы и требования к чиновникам. Но самое главное – Сперанский так же, как и Александр I, отчетливо понимал, что переход от персоналистской системы осуществления государственной власти, при которой государственный порядок на всех его уровнях поддерживается самовластьем начальствующих персон, к системе институциональной возможен только при установлении конституционного строя, предполагающего верховенство не людей, а законов, а над законами – конституции.

В явлении, называемом политической конституцией, М.М. Сперанский так же, как и его величество, видел модель нового или обновленного государственного строя – инструмент для превращения государственной власти персоналистского характера, предполагающего определяющее влияние личности ее носителя на ход государственных дел, в институциональную государственную власть, при которой главная роль принадлежит не властвующим персонам, а составляющим систему этой власти институтам, принципам, юридическим нормам.

Наконец, сближало чиновника Сперанского с императором Александром I понимание того, что прочными, необратимыми преобразованиями могут быть только преобразования постепенные. На эту истину наводил молодого императора неудачный опыт скорострельных, порывистых реформ его несчастного отца Павла I. Эту истину внушал ему и его швейцарский наставник. 16 октября 1801 года, когда шел только восьмой месяц пребывания Александра на царском престоле, Лагарп наставлял его: «Чем более зрелыми будут деяния Ваши, ибо мудрому правителю лишь таковые пристали, тем более прочными окажутся их результаты». Следующие фразы, написанные после этих слов, швейцарец выделил курсивом, чтобы показать, что придает им особое значение: «Надобно, чтобы русские, как правители, так и подданные отвыкли от резких перемен в управлении, которые, можно сказать, сделались для них второй натурой, и научились отныне ценить развитие медленное и постепенное, которое мерным ходом своим всех себе покоряет и, к великому счастью, отнимает у самого правительства возможность действовать наобум» (Александр I и Лагарп, 2014: 338).

Сперанский разделял эту мысль и считал, что необратимые реформы можно провести только при содействии времени. Он был против того, чтобы реальную жизнь общества и государства насильно подгонять под какие-то планы, проекты, схемы, модели, и предлагал такую технологию осуществления государственных реформ, которая предполагала не уничтожение прошлого ради будущего, а сохранение его в будущем, не прыжок из старого общественного состояния в новое, а постепенное переселение в него.

Одним из важнейших предназначений конституции Сперанский считал поддержание легитимности действующей государственной власти. В записке «О коренных законах государства» он категорично утверждал: «Всякое законное на земли правительство должно быть основано на общей воле народа» (Сперанский, 1961: 34). В его представлении это означало, что конституция должна проистекать не от верховной государственной власти, а от воли народа. Невозможно, считал он, допустить, чтобы народ доверил определять пределы власти тому самому лицу, для которого они полагаются, поэтому «во всех правильных монархических системах все коренные законы должны быть творением народа» (Сперанский, 1961: 22).

Сперанский вполне понимал, что народ не может быть творцом конституции, поэтому его слова о том, что коренные законы должны быть творением народа, подразумевали на самом деле только одобрение народом проекта конституции, заранее составленного знающими, учеными людьми по поручению верховной государственной власти. Такой проект он как раз и разрабатывал, и эта его работа являлась настоящим научно-исследовательским трудом, предполагавшим изучение сущности государственных законов, усвоение смысла основных категорий государственного права, выработку принципов классификации государственных законов. «Чтобы определить план Государственного уложения, надлежит прежде всего составить истинное понятие вообще о законах государственных» (Сперанский, 1961: 144), – заметил он в начале «Введения к Уложению государственных законов». И содержание этого сочинения действительно более похоже на научный трактат, нежели на вводную часть конституции Российской империи.

Представляя императору структуру Государственного уложения (конституции), Сперанский выделял в ней такие предметы, как: 1) «права державной власти», 2) «права престола и его наследства», 3) «образ составления законов, их сила и действие», 4) «права подданных», 5) «законы органические», под которыми он понимал законодательные акты, определяющие устройство тех государственных органов, которые закон издают и исполняют (Сперанский, 1961: 232).

Идея конституции, если она рассматривается не с научной, теоретической точки зрения, а с практической – как неотъемлемый элемент проектов государственных реформ, как инструмент достижения тех целей, которые ставят перед собой реформаторы, если они предпринимают попытку создать конституционный проект, неизбежно сталкивается с реальной действительностью той страны, в которой предполагается введение этого проекта в действие. Именно это и происходило при всех попытках императора Александра I даровать России конституционный строй. И Сперанский в

своих записках отразил драматичное столкновение идеи конституции с российской действительностью

Считая конституцию необходимым элементом и даже условием нормально устроенного государства, Сперанский признавал при этом, что одной ее недостаточно для обуздания произвола властвующих. «Много те ошибаются, – утверждал он, – кои думают, что права, разным состояниям дарованные, или преимущества, разным сословиям судебным или и законодательным данные, могут соделать законы твердыми или установить образ правления – его здание, воздвигнутое на песке... Тщетно писать или обнародовать общие государственные положения или конституции, не основав их на действительной государственной силе. Они могут быть превосходны, но никогда не будут самостоятельны» (Сперанский, 1961: 33). Но что могло, по его мнению, составить «действительную государственную силу», способную обеспечить соблюдение конституции?

Идея конституции в том содержании, в котором она утвердилась в политико-правовой идеологии развитых стран к началу XIX века, предполагала самым прочным основанием конституционного строя и главным источником государственной власти нацию или народ. Сперанский также утверждал, что «правительство не может иметь другой силы, как ту, которую ему народ для действия его уделает» (Сперанский: 34). И размышляя над проблемой обеспечения соблюдения законов, указывал на два, по меньшей мере, преимущества народа, позволявших ему ограничивать произвол носителей верховной государственной власти. Это, во-первых, превосходство сил народа в количественном отношении над силами правительства и, во-вторых, производность сил правительства от сил народа. «Не правительство рождает силы народные, – подчеркивал Сперанский, – но народ составляет силы его. Правительство всемошно, когда народ быть таковым ему подпускает» (Сперанский, 1961: 35).

Однако, несмотря на признание этой истины, Сперанский понимал, что народ не способен сам по себе обеспечить соблюдение конституции. Чтобы успешно выполнять эту роль, указывал он, «народ не только должен знать точные пределы власти и быть готовым всечасно защищать их, но он должен быть соединен в своих видах во всей его массе; иначе при малейшем разделении польз разных его состояний, силы его истощатся во взаимной борьбе их между собою и не дадут ему возможности противопоставить что-либо правительству» (Сперанский: 36). В действительности же ни один народ этими свойствами обладать не может. Между тем силы, вверенные народом правительству, соединены в одну массу и находятся в монопольном распоряжении государственных органов. Но если народ не способен по ряду причин стать фактором, сдерживающим произвол государственной власти и обеспечивающим соблюдение конституции то, что тогда может выполнять эту функцию? И возможно ли вообще создать в обществе противовес властвующим?

Михаил Михайлович считал, что такой противовес вполне может быть создан. Для этого надо, по его мнению, прежде всего устранить то, что при всех формах правления делает силы народа ничтожными и утверждает самовластие, а именно: раздробление народа по сословиям, обладающим исключительными правами. «Какую бы силу народ ни имел в своем характере, – пояснял Сперанский, – есть ли он будет раздроблен на мелкие классы, есть ли каждый класс будет иметь свои особенные выгоды и преимущества, можно утвердительно сказать, что никто ничего иметь не будет; все будет управляемо неограниченною волею, коея знаменем во всех веках было: раздели и царствуй, divide et impera» (Сперанский, 1961: 36). Поэтому первым шагом к ограничению самовластия он считал соединение всех сословий с тем, чтобы предотвратить их борьбу между собой и уравновесить силу правительства общественной силой.

Понимая, что весь народ не может действовать в роли хранителя конституционного строя и противовеса произволу власть предержащих, Сперанский допускал, что эти функции успешно может исполнять часть народа – «особенный класс людей, который бы, став между престолом и народом, был довольно просвещен, чтоб знать точные пределы власти, довольно независим, чтоб ее не бояться, и столько в пользах своих соединен с пользами народа, чтоб никогда не найти выгод своих изменить ему» (Сперанский: 37). Таким образом, Сперанский считал наиболее эффективной общественной силой, способной обеспечить соблюдение конституции и ограничить произвол носителей государственной власти, особым образом организованную национальную политическую элиту.

Император Александр I ввел в действие проекты Сперанского, предусматривавшие создание Государственного совета, реформу министерств, государственной службы и т.д., однако установление в России конституционного строя его величество посчитал преждевременным. Не был введен в действие и разработанный Сперанским проект Гражданского уложения Российской империи, который, устанавливая незыблемые имущественные отношения и гарантии неприкосновенности собственности, создавал фундамент для политической конституции. Воздержаться от коренных преобразований государственного строя Александра I заставила в какой-то мере явно наметившаяся в 1810 году перспектива военного столкновения с наполеоновской Францией (Роковая война: 15-82). Но более существенную роль в отказе императора от конституционной реформы сыграли другие причины.

Отечественная война 1812 года с Францией и последовавший после изгнания французских войск из пределов России заграничный поход русской армии заставили Александра I приостановить

разработку государственных реформ. Затем в течение трех лет российский император был всецело занят неотложными внешнеполитическими и внутригосударственными делами.

15 марта 1818 года Александр I произнес речь на открытии польского сейма, в которой заявил полякам, «что законносвободные учреждения», которые он даровал Польше, являются «непрестанно» предметом его помышлений, что их «спасительное влияние» он надеется «с помощью Божией распространить на все страны», вверенные его попечению, что поляки подали ему средство явить своему отечеству то, что он уже с давних лет ему приуготовляет и «чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости». Государь говорил на французском языке, но его выступление было немедленно переведено на русский и опубликовано в столичных газетах – «Московских ведомостях» (1818. № 29) и «Северной пчеле» (1818. № 26), а в «Сыне отечества» в том же году появился очерк «О конституции» слывшего вольнодумцем профессора А.П. Куницына, в котором он с гордостью за своего императора, подарившего полякам, не удержавшимся от участия в наполеоновском военном походе в Россию, конституцию, заявил: «Государь-победитель, вследствие своего великодушного обещания, дает свободную Конституцию народу, им побежденному, принимает на себя бремя его правления, дабы лучше устроить судьбу его, доселе зыблемую и бедственную, собирает вокруг трона своего народных представителей, убеждает их пещись о благе своих соотечественников, изъявляя готовность утвердить своею державною волею все то, что они найдут нужным и полезным для блага общего» (Куницын, 1818: 210). Александр I исполнил все-таки мечту своей юности – стал конституционным монархом – правда, для поляков, а не русских.

Впрочем, и русских его величество не совсем обманул. С мая 1818 года в Варшаве под руководством Н.Н. Новосильцова развернулись работы по подготовке конституции для Российской империи. Среди тех, кто участвовал в них в качестве переводчика и редактора, присутствовал князь П.А. Вяземский. 22 июля 1818 года он сообщил в Санкт-Петербург своему другу А.И. Тургеневу: «Так как до сего времени не имел еще канцелярской работы по отъезде государя, то над конституциею сидел у себя дома. Я ее отваял. Пришли мне, если можно, печатанные проекты Сперанского; он был большой ковач слов, а я теперь словами промышляю» (Остафьевский архив, 1899: 109).

К лету 1819 года был составлен первый вариант проекта конституции для Российской империи. Его передали на ознакомление Александру I. Вяземский был тогда в Петербурге, но собирался отправиться в Варшаву. В один из дней его попросили прийти к государю и взять у него письмо для Новосильцова. «Государь говорил со мною более получаса, – вспоминал Петр Андреевич. – Сначала расспрашивал он меня о Кракове, куда я незадолго пред тем ездил, изъяснял и оправдывал свои виды в рассуждении Польши, национальности, которую хотел сохранить в ней, говоря, что меры, принятые императрицею Екатериною при завоевании польских областей, были бы теперь не согласны с духом времени; от политического образования, данного Польше, перешел государь к преобразованию политическому, которое готовит России; сказал, что знает участие мое в редакции проекта русской конституции, что доволен нашим трудом, что привезет с собою доставленные бумаги в Варшаву и сообщит критические свои замечания Новосильцову, что надеется привести непременно это дело к желаемому окончанию, что на эту пору недостаток в деньгах, потребных для подобного государственного оборота, замедляет приведение в действие мысль, для него священную; что он знает, сколько преобразование сие встретит затруднений, препятствий, противоречия в людях, коих предубеждения, легкомыслие приписывают сим политическим правилам многие бедственные события современные, когда при, беспристрастнейшем исследовании, люди сии легко могли бы убедиться, что сии беспорядки проистекают от причин совершенно посторонних» (Вяземский, 1879: 87-88).

В октябре 1819 года Александру I был представлен доработанный с учетом его замечаний проект российской конституции. Государь принял его за основу и поручил завершить его разработку в ближайшие месяцы. Осенью 1820 года государь снова появился в Варшаве и познакомился с доработанным вариантом конституционного проекта. Его текст был написан на двух языках – французском и русском. Французский вариант озаглавили как «La charte constitutionnelle de l'empire de Russie», что переводилось на русский язык словами «Конституционная хартия Российской империи». Однако русский вариант этого проекта был назван по-другому: «Государственная уставная грамота Российской империи». Перевод ключевых слов с французского языка на русский государь правил самолично. Вяземский в своих воспоминаниях о службе в Варшаве отметил, что «перевод слов: *constitution* и *liberal* – словами: *государственное уложение* и *законносвободный*, принадлежат самому государю» (Вяземский, 1878: XXXVI).

Составленную в Варшаве Государственную уставную грамоту Александр I хотел преподнести России в дар, то есть предполагалось, что это будет конституция октроированная или пожалованная самодержцем своим подданным. Ее текст завершался следующим заявлением его величества: «Убедившись в совести, что вышеизложенные коренные постановления соответствуют отеческим нашим желанием утвердить благосостояние и спокойствие любезных наших верноподданных, основать неприкосновенность их лиц и собственности и охранить нерушимость их прав гражданских и политических, мы жалуем им сию уставную грамоту, которую признаем за себя и преемников

наших коренным и уставным законом нашего государства, предоставляя себе оную дополнить. Повелеваем всем государственным властям содействовать ее исполнению» (Грамота, 1898: 526).

Десятая статья Государственной уставной грамоты подтверждала октроированный характер данной конституции: в ней объявлялось, что данная Грамота, определяющая основания державной власти и образ действия, жалуется императором Александром I своим верноподданным «на вечные времена».

Содержание этого конституционного проекта явно свидетельствует, что он разрабатывался с действительным намерением преобразовать самодержавно-монархический строй Российской империи в конституционно-монархический. Его текст состоял из 191-й статьи, разбитых на шесть глав: 1. «Предварительные распоряжения»; 2. «О правлении Российской империи»; 3. «Ручательства державной власти»; 4. «О народном представительстве»; 5. «О судебной власти»; 6. «Общие постановления».

Первая статья Государственной уставной грамоты устанавливала, что «Российское государство, со всеми владениями, присоединенными к нему, под каким бы наименованием то ни было, разделяется, сообразно с росписанием у сего приложенным, на большие области, называемые наместничества» (Грамота, 1898: 499). А каждое наместничество, в свою очередь, должно было включать в себя, согласно второй статье, определенное число губерний в зависимости от численности населения, расстояния, обширности, нравов, обычаев, особенных и местных законов. Губернии же, как и прежде, составлялись из уездов, а уезды – из округов.

Статья 9 Грамоты подтверждала юридическую силу порядка наследования императорского престола, установленного Павлом I. Статья 12 провозглашала, что «государь есть единственный источник всех в империи властей гражданских, политических, законодательных и военных. Он управляет исполнительную часть во всем ее пространстве. Каждое начальство исполнительное, управительное и судебное им одним постановляется» (Грамота, 1898: 500). Однако следующая статья оговаривала, что законодательная власть должна осуществляться государем при содействии государственного сейма.

В Государственной уставной грамоте было предусмотрено и правило контрасигнатуры, ограничивавшее осуществление императором исполнительной власти. Статьей 34 предписывалось все издаваемые законы, уставы, учреждения, указы, повеления и постановления скреплять подписью «того из министров, до которого они, по содержанию своему, будут принадлежать» (Грамота, 1898: 502).

В следующей статье говорилось о Государственном совете, который должен был заседать под председательством императора и состоять «из министров, членов государственного совета, государственных докладчиков или статс-секретарей и из особ, коих угодно будет его императорскому величеству в него призвать» (Грамота, 1898: 503).

Как и положено в нормальной конституции, Государственная уставная грамота содержала набор гарантий личной и имущественной неприкосновенности подданных. Здесь провозглашались, в частности, равенство всех перед законом, запрет на задержание, лишение свободы, назначение наказания без вины и без суда, гарантии против необоснованного ареста, право просить помилование при осуждении на смертную казнь, на вечную и свыше 15 лет ссылку, заточение и каторжные работы. Кроме того, данный конституционный проект предусматривал предоставление каждому российскому подданному права «вольно переселиться в другое государство и вывезть свое имение, лишь бы соблюдал законом предписанные на таковые случаи правила» (ст. 90). Статья 97 Грамоты провозглашала священность и неприкосновенность права собственности.

Таким образом, Государственная уставная грамота наделяла подданных Российской империи правами и свободами, которыми обладали в то время подданные и граждане самых развитых в мире держав: Англии, США, Франции. Среди этих прав и свобод были, например, такие, которые декларировались английским Habeas Corpus Act 1679 года (Актом о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями), французской Декларацией о правах человека и гражданина 1789 года, Биллем о правах США 1791 года и т.д.

Особое значение для русского общества имела статья 91, объявлявшая: «Да будет российский народ от ныне на всегда иметь народное представительство. Оно должно состоять в Государственном сейме (Государственной думе), составленном из государя и двух палат. Первую, под именем высшей палаты, образует Сенат, а вторую, под именем Посольской палаты, – земские послы и депутаты окружных обществ» (Грамота, 1898: 511).

Статьей 115 Общий государственный сейм (Государственная дума) наделялся правом рассматривать «все проекты законов гражданских, уголовных и по части управительной, коих действие распространяется на всю империю». Кроме того, этот орган призван был подвергать обсуждению предложения, «вносимые по высочайшему повелению, о прибавлении и уменьшении налогов, податей, сборов и всякого рода общественных повинностей, о удобнейших и справедливейших раскладках, о уравнении налогов и податей по всему государству по мере силы и возможности каждой наместнической области, о составлении главного росписания доходов и расходов (бюджет), на основании представленных ему на рассмотрение частных росписаний доходов

и расходов, составленных в каждой области наместничества, равно как и о всех других предметах, на рассуждение по воле государя ему отсылаемых» ([Грамота, 1898: 515](#)).

На утверждение государя мог быть передан только законопроект, принятый обеими палатами сейма. Если государь утверждал его, то он становился законом. Если не утверждал, то проект уничтожался. Общероссийский представительный орган создавался явно по образцу парламента Великобритании. И надо признать, что в содержании Государственной уставной грамоты Российской империи, созданной 1818–1820 годах в Варшаве, было немало норм и процедур заимствовано из конституций, действовавших в ведущих державах того времени. Правда, заимствования эти были не буквальными, а смысловыми.

Император Александр I, по всей видимости, всерьез предполагал ввести этот конституционный проект в действие. В октябре 1819 года он одобрил его основополагающие статьи, а в следующем месяце распорядился объединить Тульскую, Орловскую, Воронежскую, Тамбовскую и Рязанскую губернии в единую административную территорию с генерал-губернатором во главе. И даже произвел назначение на эту должность – ее занял А.Д. Балашов. То есть государь сделал первый шаг к созданию наместничеств, предусмотренных Государственной уставной грамотой.

Однако даже частичного осуществления на практике эта задуманная Александром I коренная реформа государственного строя Российской империи не получила. Государь отказался вводить в действие разработанную при его непосредственном участии конституцию. Между тем русское образованное общество до конца правления Александра I надеялось на то, что он проведет подобную реформу и ограничит, как обещал в начале своего царствования, и произвол чиновников, и собственное самовластье.

Декабрист Петр Каховский писал из Петропавловской крепости в оправдательном письме к Николаю I о его венценосном брате: «Кончилась война с Наполеоном, мы все надеялись, что император займется внутренним управлением в государстве, с нетерпением ждали закона «постановительного» (т.е. конституционного. – Авт.) и преобразования судопроизводства нашего; ждали, – и что же? Чрез 12 лет лишь переменялась форма мундиров гражданских!» ([Из показаний декабристов, 1906: 28](#)). Русские купцы также негодовали, видя сколь много времени тратил Александр I на разводы, парады и смотры войск, слыша передававшиеся по России его нелестные оценки русских людей. «Если ему не нравится в России, почему он не ищет короны в другом месте? На что годится государь, который совсем не любит своего народа?» – вопрошали они.

5. Заключение

Намерение облечь монархическую власть в конституционную форму Александр I носил в себе почти два десятилетия, но так и не решился его осуществить. Как это можно объяснить? Одну из причин обозначил сам Александр. Осенью 1820 года, пребывая на международном конгрессе в Троппау, он сказал в беседе с французским посланником: «Я люблю конституционные учреждения и думаю, что всякий порядочный человек должен любить их; но можно ли вводить их безразлично у всех народов. Не все народы готовы в равной степени к их принятию». Российский император не стеснялся демонстрировать, что разочаровался в своем народе, что считает его не готовым к восприятию конституционного порядка.

Конституционный строй даже в форме конституционной монархии действительно не имел в первой четверти XIX века твердой почвы в русском обществе. Такой строй предполагает существование независимых от исполнительной власти представительных учреждений. Но кто в России эпохи правления Александра I мог бы наполнить их состав, чтобы они действительно были бы способны соответствовать своему предназначению? Не было таких слоев населения. Именно поэтому Сперанскому пришлось изобретать некое совершенно искусственное «сословие», которому надлежало, по его замыслу, обеспечивать соблюдение конституции.

Но самое, пожалуй, существенное основание для сохранения самодержавного строя в России составляла необходимость проведения коренных общественных реформ, среди которых особенно назревшими были отмена крепостного права, ликвидация традиционного механизма осуществления суда административными органами и создание настоящей системы правосудия, формирование новой системы местного управления. Самодержавная власть императора, предполагавшая несвязанность его особы представительными учреждениями и законами, независимость его персоны от различных общественных группировок и т.д., позволяла ему стать в достаточной степени эффективным орудием коренных общественных преобразований, отвечающих интересам государства российского, и относительно легко преодолевать при этом сопротивление этим преобразованиям со стороны тех или иных слоев общества.

Если бы в России до проведения «великих реформ» 60–70-х годов XIX века была принята конституция и установился строй ограниченной монархии с представительными учреждениями, то вряд ли эти реформы были «великими».

Литература

- Александр I и Лагарп, 2014** – Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: Письма. Документы. В 3-х томах. Том 1. 1782–1802. М., 2014.
- Временщик, 2013** – *Томсинов В.А.* Временщик. Исторический портрет А.А. Аракчеева. Издание 3-е, обновленное и дополненное. М., 2013.
- Вяземский, 1878** – *Вяземский П.А.* Автобиографическое введение // Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского. В 12-ти томах. Том 1. СПб., 1878. С. I-LX.
- Вяземский, 1879** – *Вяземский П.А.* Моя исповедь // Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского. В 12-ти томах. Том 2. СПб., 1879. С. 85-111.
- Грамота, 1898** – Государственная уставная грамота Российской империи // *Шильдер Н.К.* Император Александр I, его жизнь и царствование. В 4-х томах. Том 4. СПб., 1898. С. 499-586.
- Законодательство Павла I, 2008** – Законодательство императора Павла I / Сост., автор предисловия и биографического очерка В.А. Томсинов. М., 2008.
- Из показаний декабристов, 1906** – Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего устройства / Под ред. А.К. Бороздина. СПб., 1906.
- Куницын, 1818** – *Куницын А.П.* О конституции // Сын отечества. 1818. Ч. 45. № 18. С. 202-211.
- Остафьевский архив, 1899** – Остафьевский архив князей Вяземских. Том 1. СПб., 1899.
- Роковая война, 2012** – *Томсинов В.А.* Роковая война Наполеона Бонапарта // Партитура первой отечественной. Война 1812 года. М., 2012. С. 15-82.
- Русский архив, 1882** – Русский архив. 1882. Вып. 2.
- Сперанский, 1961** – *Сперанский М.М.* Проекты и записки. М.-Л., 1961.
- Сперанский. Пермское письмо, 1813** – *Сперанский М.М.* Пермское письмо к Александру Павловичу (январь 1813 г.) // Русский архив. 1892. Кн. 1. Вып. 1. С. 51-65.
- De l'état de notre constitution, 1903** – De l'état de notre constitution // Великий князь Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов. СПб., 1903. Том 2. С. 40-42.
- Résultat d'une conférence, 1903** – Résultat d'une conférence avec l'Empereur le 24 Juin 1801 // Великий князь Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I. В 3-х томах. СПб., 1903. Том 2. С. 61-64.

References

- Alexander I and La Harpe, 2014** – Imperator Alexander I i Frederick-Cesar La Harpe (2014): Pisma. Documenti. In 3 tomah. Tom 1. 1782-1802 [The Emperor Alexander I and Frederick-Cesar de La Harpe: Letters. Documentation. In 3 volumes. Volume 1. 1782-1802]. M. [in Russian]
- De l'état de notre constitution, 1903** – De l'état de notre constitution (1903). *Velikii knjaz Nikolai Mihailovich. Graf Pavel Alexandrovich Stroganov (1774–1817). Istoricheskoe issledovanie epohi imperatora Alexandra I.* V 3-h tomah. Tom 2. SPb., pp. 40-42. [in French]
- Gramota, 1898** – Gosudarstvennaha Ustavnaja gramota Rossiiskoi imperii (1898) // *Silder N.K.* Imperator Alexander I, ego zhish i zarstvovanie. V 4-h tomah. Tom 4 [State Charter of the Russian Empire]. Schilder NK Emperor Alexander I, his life and reign. In 4 volumes. Volume 4, pp. 499-586. SPb. [in Russian]
- Iz pokazanii dekabristov, 1906** – Iz pisem i pokazanii dekabristov. Kritika sovremennogo sostojania Rossii i plani budushego ustrojstva. Pod red. A.K. Borozdina. [From letters and testimonies of the Decembrists. Criticism of the current state of Russia and plans for the future device]. SPb, 1906. [in Russian]
- Kunizin, 1818** – *Kunizin A.P.* (1818). O konstituzii [On the Constituion]. Syn onechestva. Ch. 45. № 18, pp. 202-211. [in Russian]
- Ostafievskii arhiv, 1899** – Oatafievskii arhiv knjazei Vjazemskih (1899). [Ostafevsky archive of princes Vyazemsky]. Tom 1. [in Russian]
- Résultat d'une conférence, 1903** – Résultat d'une conférence avec l'Empereur le 24 Juin 1801 (1903). // *Velikii knjaz Nikolai Mihailovich. Graf Pavel Alexandrovich Stroganov (1774–1817). Istoricheskoe issledovanie epohi imperatora Alexandra I.* V 3-h tomah. Tom 2. SPb., pp. 61-64. [in French]
- Rokovaja vojna, 2012** – *Tomsinov V.A.* (2012). Rokovaja vojna Napoleona Bonaparta [The fatal war of Napoleon Bonaparte]. Partitura pervoi otechestvennoi. Vojna 1812 goda, pp. 15-82. [in Russian]
- Russkii arhiv, 1882** – Russkii arhiv [Russian archive]. 1882. Vip. 2. [in Russian]
- Speranskii, 1961** – *Speranskii M.M.* (1961). Proekti i zapiski [Projects and notes]. M. [in Russian]
- Speranskii. Permskoe pismo, 1813** – *Speranskii M.M.* (1813). Permskoe pismo k Alexandru Pavlovichu (janvar 1813 g.) [Letter from Perm to Alexander Pavlovich (January 1813)]. *Russkii arhiv*, 1892. Kn.1. Vip. 1, pp. 51-65. [in Russian]
- Vjazemskii, 1878** – *Vjazemskii P.A.* (1878). Avtobiograficheskoe vvedenie. Polnoe sobranie sochinenii knjazja P.A. Vjazemskogo. V 12 tomah. Tom 1. [Autobiographical introduction. Complete works of Prince P. A. Vyazemsky. In 12 volumes. Volume 1], pp. I-LX. SPb. [in Russian]
- Vjazemskii, 1879** – *Vjazemskii P.A.* (1879). Moja ispoved. Polnoe sobranie sochinenii knjazja P.A. Vjazemskogo. V 12 tomah. Tom 2. [Vyazemsky P. A. My confession. Complete works of Prince P.A. Vyazemsky. In 12 volumes. Volume 2], pp. 85–111. SPb. [in Russian]

Vremenshik, 2013 – Tomsinov V.A. (2013). Vremenshik. Istoricheskii portret A.A. Arakcheeva. Izdanie 3-t, obnovennoe i dopolnennoe [Vremenshik. A historical portrait of A. A. Arakcheev. 3rd edition, updated and supplemented]. M. [in Russian]

Zakonodatelstvo Pavla I, 2008 – Zakonodatelstvo imperatora Pavla I. Sost., avtor predislovia i biograficheskogo ocherka V.A. Tomsinov. [The law of Emperor Paul I. Compilation, Preface and biographical sketch of V.A. Tomsinov]. M., 2008. [in Russian]

Идея конституции в проектах государственных реформ российского императора Александра I

Владимир Алексеевич Томсинов^{a, *}

^a Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена попыткам императора Александра I ввести конституцию и представительные институты в России. Идея конституции являлась основной идеей государственных реформ императора Александра I. Она вытекала из главного замысла этих реформ и должна была стать их конечной целью. За время своего почти двадцатипятилетнего правления Александр I как минимум трижды затевал разработку проекта Конституции для Российской империи с намерением ввести его в действие, но так и не решился этого сделать. Автор показывает, что эти попытки не были "игрой в реформы", а выражали реально существовавшее у императора намерение ввести в России конституционное правление. И отказ от его осуществления имел серьезные основания. Наиболее значимой причиной сохранения самодержавного строя в России была необходимость проведения коренных государственных преобразований, самыми назревшими среди которых являлись: отмена крепостного права, систематизация законодательства, создание нового суда, формирование новой системы местного управления. Самодержавная власть императора, предполагавшая несвязанность его личности представительными учреждениями и законами, независимость его особы от различных социальных групп и т.д. позволяла ему служить эффективным инструментом реформ, отвечавших интересам российского государства, и относительно легко преодолеть сопротивление этим преобразованиям со стороны влиятельных общественных группировок.

Ключевые слова: XIX век, Россия, император Александр, идея конституции, Сперанский.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tomsinov@yandex.ru (В.А. Томсинов)

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1049-1058. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1049
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1

Violetta S. Molchanova ^{a, b, *}, Leonid L. Balanyuk ^c, Evgeniya V. Vidishcheva ^d, Irina I. Potapova ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^d Sochi State University, Russian Federation

^e Astrakhan State University of Architecture and Civil Engineering, Russian Federation

Abstract

The article deals with the development of the primary education system on the territory of the Kuban Cossack army in 1803-1917 years. This part focuses on the period from 1803 to the end of the XIX century.

The Russian scientific literature on the history of public education in the Caucasus, and in particular in the Kuban region (the modern territory of the Krasnodar Krai, Russian Federation) was used as materials.

The methodological basis of the study was the traditional historiography principles of historicism, scientific objectivity and consistency. In the process of work the following methods were used – problem-chronological, which allowed to study some facts of the development of the system of public education in the Kuban region in chronological order, and the problems in the order of their receipt. Thanks to this method some characteristic features of development of school business both on the territory of the Kuban region, and as in the Caucasus a whole were revealed.

In conclusion, the authors state that the primary school in the Cossack Kuban villages during the XIX century had its characteristic differences. So, the raised age limit was regulated for pupils, not from the age of 7, but from 9. For a long time the training was intended only for boys in the Kuban villages, however, since 1865, the female learning began to develop slowly. Despite the measures to improve the content of the teaching staff, this work was not enough and up to the beginning of the 20th century, there was a staff turnover in schools, first of all, in primary schools.

Keywords: national education, Kuban region, primary school, gymnasium.

1. Введение

В период 1803–1917 гг. система народного образования на территории Кубанской области прошла период интенсивного развития. В это время Кубанская область с центром в Екатеринодаре административно находилась в составе Кавказского наместничества, центром которого был город Тифлис. Что примечательно, первые кавказские школы и в Екатеринодаре, и в Тифлисе возникли практически одновременно: в Тифлисе – в 1802 г. (Shevchenko et al., 2016: 363-372), а в Екатеринодаре – в 1803 г.

2. Материалы и методы

В качестве материалов использована российская научная литература по истории народного образования на территории Кавказа, и в частности на территории Кубанской области (современная территория Краснодарского края, Российская Федерация).

* Corresponding author

E-mail addresses: v.molchanova_1991@list.ru (V.S. Molchanova)

Методологическую основу исследования составили традиционные для историографии принципы историзма, научной объективности и системности. В процессе работы использовался проблемно-хронологический метод, который позволил изучить отдельные факты развития системы народного образования на территории Кубанской области в хронологическом порядке, а возникающие проблемы – в порядке их поступления. Благодаря этому методу были выявлены некоторые характерные особенности развития школьного дела как на территории Кубанской области, так и в целом на Кавказе.

3. Обсуждение

Ввиду того что Кубанская область входила в состав Кавказа, значительная часть кубанских материалов публиковалась в общекавказских сборниках. Например, в статистических описаниях, изданных в 1830–1860 гг. (*Статистическое описание, 1835; Сборник статистических сведений, 1869*), а также в кубанских памятных книгах и справочниках (*Блюдов, 1875; Число учебных заведений, 1883*). В конце XIX – начале XX вв. данная тема была популярна в связи с попытками либеральной интеллигенции оценить уровень дореволюционной системы народного просвещения. Большое внимание уделялось общероссийским проблемам народного образования, но в то же время предпринимались попытки оценить народное образование на Кавказе (*Зажаев, 1909; Модзалевский, 1880*), и в частности на территории Кубанской области (*Блюдов, 1883; Фарфоровский, 1912*). В советский период дореволюционную систему народного образования на Кавказе историки рассматривали в негативном, критическом контексте. Основной акцент делался на теме классовой ограниченности, слабой развитости дореволюционной школы по сравнению с впечатляющими итогами достижений народного просвещения в период строительства социализма (*Куценко, 1973; Народное образование, 1980*).

В современный российский период тема истории становления имперской системы народного образования начала активно разрабатываться. Появился целый ряд работ как общероссийского характера, так и посвященных непосредственно Кавказу, в том числе Кубани. В то же время началось активное изучение системы народного просвещения в различных регионах Российской империи. Так, например, этому вопросу посвящены исследования по Вологодской губернии (*Cherkasov et al., 2019; Cherkasov et al., 2019a*), Вятской губернии (*Magsumov et al., 2018*), Донской области (*Peretyatko, Zulfugarzade, 2017; Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a*), Киевской губернии (*Degtyarev et al., 2018*). Среди трудов общероссийского характера можно выделить работу А.А. Черкасова (*Cherkasov, 2011*), анализирующего состояние дореволюционной системы народного просвещения. В исследовании автор приходит к выводу, что в целом всеобщее начальное образование в Российской империи к 1917 году стало уже свершившимся фактом. Полностью завершить этот процесс помешала только февральская революция (*Cherkasov, 2011: 148*). Помимо этого можно отметить труды о церковно-приходских школах Российской империи и системе обучения (*Cherkasov, Smigel, 2016; Shevchenko et al., 2018; Magsumov, 2015*), а также по истории народного просвещения на Кавказе (*Гатагова, 1993; Кобахидзе, 2015; Natolochnaya et al., 2018; Magsumov et al., 2018; Shevchenko et al., 2016; Mamadaliev, 2015*).

4. Результаты

С момента заселения Черноморья в 1792 г. и до начала XIX века начальных школ на территории будущей Кубанской области не существовало. В 1803 г. по инициативе войскового атамана Бурсака была создана в Екатеринодаре первая школа. Как и в большинстве других начальных школ, в изучаемые дисциплины входили Закон Божий, чтение и письмо. В 1806 г. это училище было преобразовано в уездное училище.

В 1812 г. были открыты приходские школы в Тамани, Щербиновке, Брюховецкой и Гривенной. Они были созданы благодаря усилиям протоиерея Россинского, а в 1819 г. были открыты еще 6 училищ (в станицах Роговской, Темрюкской, Медведовской, Куцевской, Леушковской и Пластуновской) (*Блюдов, 1883: 736*). Важно отметить, что в это же время в соседней, более населенной и богатой земле донских казаков было всего 3 приходских училища.

Общее количество учащихся в 10 церковно-приходских школах Черноморья составляло к 1820 г. около 300 человек, или примерно 30 человек на одну приходскую школу (*Блюдов, 1883: 736*). В 1820 г. в Екатеринодаре была открыта первая на Кавказе гимназия (*Фарфоровский, 1912: 46*). Финансирование приходских школ осуществлялось на церковные средства, которые изыскивались благодаря Россинскому, то есть войсковая казна не участвовала в финансировании системы образования. После смерти Россинского приходские училища вошли в полосу стагнации и 5 из них были к 1830 г. закрыты (*Блюдов, 1883: 737; Фарфоровский, 1912: 46*). Только выделение финансирования из войсковой казны спасло оставшиеся училища от участи закрывшихся.

В начале 1830-х гг. народные школы вновь начали возникать. Так, в 1833 г. появились одноклассные учреждения в станицах Новомарьевской и Сенгилеевской. Помимо народных школ существовали и другие очаги грамотности, например бригадные и полковые школы (*Блюдов, 1883: 738*).

1860-е гг. можно по праву считать золотым десятилетием для народного образования на территории Кубанской области. С одной стороны, это объяснялось завершившейся Кавказской войной, а с другой – деятельностью наказного атамана графа Сумарокова-Эльстона. В 1863 г. наказной атаман издал циркуляр, в котором предлагал войсковому духовенству и военной администрации открывать в станицах школы, в результате чего было открыто более 100 школ (Блюдов, 1883: 739).

Разумеется, о педагогическом единстве станичных школ не могло быть и речи. Территория, занимаемая областью, делилась до 1871 г. на значительное число военно-административных частей, именованных округами, бригадами и полками. Школы, находившиеся в них, состояли в непосредственной зависимости командиров бригад, полков и сыскных начальников, действия которых по отношению к школам не регулировались общими, обязательными для них правилами, потому что таких правил не существовало, и зависели от личного усмотрения регионального начальника. Так, в 7-й бригаде деятельность школ имела следующий регламент: учителя станичных школ подчинялись полковому учителю, который обо всем докладывал командиру бригады. Учителя отвечали за все недостатки школы по учебной части и за уклонение от порядка занятий. В обязанности станичного правления входило поддержание школ в административно-хозяйственном плане (обеспечение теплом, светом, школьным инвентарем). В каждой станичной школе полагалось штатное число учеников – 25. Возраст зачисляемых мальчиков варьировался от 7 до 12 лет. Число вольно-приходящих не ограничивалось, но они были обязаны оплачивать учителю свое обучение. За самовольную отлучку учащегося из школы учитель обязан был строго наказать провинившегося, если же ученик прогулял занятия из-за родителей, то учитель обязан был доложить в станичное правление, которое тотчас должно было доставить мальчика в школу. Иными словами, полковая дисциплина распространялась и на полковые школы (Блюдов, 1883: 739-740).

Несколько слов о положении учителя. Учителя кроме жалованья получали от станицы квартиру с отоплением, сторожа же при школе должны были прислуживать и учителю.

В школах 7-й бригады преподавались следующие предметы:

1. Закон Божий.
2. Арифметика (нумерация и первые четыре правила).
3. Русский язык (чтение и грамматика).
4. Чистописание (Блюдов, 1883: 740).

Необходимость правильной единообразной организации станичных школ созревала главным войсковым начальством. Ввиду этой необходимости предложено было командирам бригад, отдельных полков и сыскным начальникам прислать соображения, основанные на опыте существующих школ, о дальнейшем их улучшении. После того как присланные сведения были обобщены в Екатеринодаре, был учрежден комитет, который должен был подготовить проект устава о станичных школах. Однако этот комитет так и не приступил к созданию проекта устава в связи с предстоявшими административными преобразованиями в регионе.

В 1871 г. число школ в Кубанской области достигло 179. Они подчинялись инспектору станичных училищ. Первая же ревизия 49 школ, проведенная им, показала, что школы не были обеспечены постоянными средствами: часть финансировалась обществами, а другая часть – преимущественно родителями. Ревизия выявила и проблему со школьными помещениями. Так, большая часть школьных зданий не соответствовала своему назначению и представляла собой обычные станичные дома, они были низки, тесны и не светлы. Недостаток света происходил от того, что дома обычно делали низкими, с маленькими окнами, чтобы сохранить в доме тепло. Разумеется, слабая освещенность школы негативно сказывалась на зрении учащихся. Другим неудобством было отсутствие полов. Помещениям без полов свойственна была сырость, особенно в ненастное время.

Ревизия выявила также неудовлетворительное состояние классной мебели. В школах стояли длинные кухонные столы с приставными скамейками или же длинные неудобные парты, неумело сколоченные, с приставными же или неподвижными скамейками, большей частью без ящиков для книг и учебных принадлежностей. Были проблемы и с учебными пособиями. Школы страдали от полного отсутствия учебных книг и пособий. Если и встречались в некоторых «Родное слова» и другие книги, употребляемые для чтения, то в незначительном количестве. У каждого ученика была особая книга для чтения.

Ревизия выявила и проблемы с педагогическими кадрами. Так, из 49 учителей только 4 имели учительские свидетельства. В 45 училищах занимались обучением лица разных званий. В 13 – обучали урядники, в 3 – казаки, в 3 – так называемые малолетки, в 1 – государственный крестьянин, в 2 – мещане, в 1 – местный священник, в 5 – диакон, причетник, заштатный диакон, заштатный пономарь и сын дьячка, уволенный из духовного училища; в 4 – писари местных станичных правлений; в 2 – отставные чиновники; в 11 последних несли учительские обязанности лица военного сословия, вышедшие в отставку: 4 офицера, юнкер, кандидат, 4 унтер-офицера и рядовой. Все получали различную плату за свои труды: от 32 до 225 руб. в год (Блюдов, 1883: 745).

Обнаружив такое печальное положение школьного дела, кубанская администрация санкционировала открытие учительской семинарии. Кубанская учительская семинария в станице

Ладожская была основана в 1871 г. (Фарфоровский, 1912: 47), а начала свою работу с 14 января 1872 г. В июне 1873 г. состоялся первый выпуск народных учителей, однако этот выпуск, состоявший из 10 учителей, а также последующие выпуски не могли в ближайшее время удовлетворить потребности в преподавательских кадрах, тем не менее был заложен важный камень в фундамент будущей начальной школы региона.

В 1871 и 1872 гг. все станичные училища были снабжены учебной литературой. На эти цели из войсковых средств были выделены 4260 руб. (Блюдов, 1883: 759). С 1873 г. школы начали постепенно снабжаться наглядными пособиями, небольшими учительскими и ученическими библиотеками, а наиболее нуждающиеся школы – сверх того и книгами для классного чтения. В состав учительской библиотеки входили журналы «Народная школа» и «Русский народный учитель», педагогические сочинения и руководства по математике, географии, истории, естествознанию и сельскому хозяйству. Ученические библиотеки состояли из 120 названий и постоянно пополнялись. В период с 1873 по 1880 гг. 193 станичных училища были снабжены за счет войска разными книгами на 14649 руб. (Блюдов, 1883: 760).

Произошли изменения и в деле финансирования системы народного образования. Так, с 1871 г. на нужды образования из войсковой казны стало ежегодно тратиться по 7960 руб.

18 июня 1873 г. в Екатеринодаре прошло заседание по вопросу об обязательном обучении. Присутствующие согласились с тем, что оно должно быть для всех. Однако введение обязательного обучения встречало значительные трудности. Даже если представить, что в каждой школе по 60 учеников, то в любой средней станице пришлось бы открывать по несколько школ, но это тянуло за собой проблемы нехватки средств и педагогического персонала. Еще одной проблемой были региональные особенности. Дело в том, что казачье население несло военную службу на особых основаниях и у него ощущалась нехватка рабочих рук, а при этом недостатке услуги детей, помогающих родителям в полевых и домашних работах, приносили большую пользу (Блюдов, 1883: 763). Лишение же этих услуг становилось для взрослых бременем, от которого, как полагали присутствующие, взрослые будут всячески уклоняться. Ввиду этого было высказано мнение, что при существующих условиях было бы целесообразнее ввести условно-обязательное обучение, другими словами, установить для каждой станицы определенное число учеников, обязанных посещать школу.

В связи с вопросом об обязательном обучении обсуждался вопрос о школьном возрасте, который определен был от 9 до 14 лет включительно. По мнению присутствующих, принимать в станичные школы следовало бы с 9-летнего возраста ввиду того, что сельские дети развиваются существенно позже городских. В качестве аргумента предлагалось и то, что по краткости учебного года ежедневные занятия в народной школе состояли из 5 уроков, а для учеников младшего отделения число уроков должно быть меньше, т.к. детям более раннего возраста все-таки выдержать их трудно.

На заседании был затронут вопрос и о жалованье учителей. Присутствующие отмечали, что основная масса станиц платит самый минимум своим учителям. Члены заседания настаивали на том, чтобы годовое жалованье учителей в зажиточных станицах составляло 300 руб., для средних – 200–250 руб., а для беднейших станиц – менее 200 руб. При этом учитель должен был иметь готовую квартиру с отоплением и прислугой.

При обсуждении вопроса о продолжительности учебного года в станичных училищах было выяснено, что она обуславливается, главным образом, полевыми работами и что при разнообразии климатических и других условий определение начала и конца учебного года должно находиться в зависимости от местных обстоятельств; а потому предложено было, согласно изложенному основанию, установить определенную продолжительность учебного года, а также и те меры, которые способствовали бы устранению неаккуратных посещений учениками школы в учебное время (Блюдов, 1883: 765).

Для наблюдения за благоустройством и порядком в школах, за посещением учеников, для оказания школам денежных и иных пособий и вообще для улучшения их в хозяйственном отношении избирались обществами почетные блюстители, число которых было ограничено.

Присутствующие коснулись также вопроса об устройстве школ в селениях государственных крестьян, живущих в области. Принимая во внимание недавность возникновения этих селений и недостаток обладаемых ими средств, присутствующие пришли к заключению, что необходимо возбудить ходатайство об отпуске из государственного казначейства пособия для развития народного образования в этих селениях.

В конечном итоге заседание 18 июня дало сильный толчок для развития школьного дела в области. Сначала необходимо остановиться на вопросе об обязательном обучении. По собранным сведениям, в уездах Темрюкском, Екатеринодарском, в 23 станицах Ейского и 32 – Баталпашинского с населением в 162382 человека мужского пола, мальчиков от 9 до 14 лет включительно приходилось 25498, или на каждые 10 тыс. человек населения по 1570. По этому расчету на территории всей Кубанской области с 226758 чел. мужского пола казачьего населения мальчиков означенного возраста должно было быть 34117. Из этого числа в 1874 г. учились в 183 станичных училищах мальчиков казачьего сословия 5801, или 1 учащийся на 6 детей школьного возраста. Полагая на каждую школу по 60 учеников, необходимо было иметь для обучения всех мальчиков означенного

возраста 568 школ, то есть более чем втрое против существовавшего в том году количества школ. Не менее такого же количества школ требовалось и для обучения девочек. Считая содержание одной школы в год в размере 500 руб., ежегодно потребовалось бы более 500 тыс. рублей. Помимо этого требовались расходы на постройку школьных зданий и первоначальное обустройство школ. Все это в совокупности требовало таких значительных расходов, которые едва ли были по силам Кубанской области. Итак, введение обязательного обучения было практически невозможно ввиду материальных затруднений; поэтому было целесообразнее установить переходную меру с целью развития начального образования: установить для каждой станицы определенное число учащихся, которое обязательно должно посещать училище. Так, Кисляковская станица определила 80 учеников, Шкуринская – 60 и т.д. Продолжительность учебного года устанавливалась большей частью с 1 сентября по 1 июня. Многие общества назначили штраф с родителей за пропуск детьми учебных дней без уважительных причин. Размеры штрафа в разных станицах были различны: от 5 копеек до 3 рублей. Штрафы были установлены в 50 станицах.

Одной из главных мер стало установление определенного учительского жалования. В этом отношении станицы разделялись на 3 разряда: к первому относились 118 станиц, определивших жалование учителю в 300 руб. в год при готовой квартире с отоплением и прислугой. Ко второму относились 36 станиц, определивших при тех же условиях жалование от 200 до 250 рублей. Наконец, к третьему разряду относились бедные и малонаселенные станицы, только немногие из них определили жалование в 150 руб., большинство же по 100 и менее (Блюдов, 1883: 768).

В результате обращения войсковой администрации к нуждам учителей жалование педагогического персонала в 1870-е гг. стало быстро возрастать. Средний учительский оклад в 1871 г. равнялся 113 руб., в 1872 – 116 руб., в 1873 – 165 руб., в 1874 – 182 руб., в 1875 – 214 руб., в 1876 – 230 руб., в 1877 – 245 руб., в 1878 – 265 руб., в 1879 – 280 руб., в 1880 – 306 руб. Из 298 учителей в 1880 г. 20 получали содержание от 100 до 200 руб., 70 – от 200 руб. до 300 руб. и 280 – по 300 и более¹ (Фарфоровский, 1912).

Однако необходимо отметить, что в 1880 г., когда цены на предметы первой необходимости были низки, дирекция признавала положение учителей недостаточно обеспеченным и находила, что учителю, особенно семейному, весьма трудно прожить на 300 руб. (имеется в виду годовое жалование – Авт.), хотя бы и при готовой квартире с отоплением и прислугой.

В последующие годы также наблюдалось постепенное увеличение размера жалования учителя. Так, в 1881 г. оно составляло 321 руб., в 1886 – 380 руб., в 1891 – 389 руб., в 1896 – 439 руб., в 1901 – 445 руб. Средний размер жалования учительницы в 1881 г. равнялся 280 руб., в 1886 – 270 руб., в 1891 – 313 руб., в 1896 – 346 руб., в 1901 – 394 руб. Несмотря на некоторый рост жалования, фактические выплаты были меньше, так как в 1881 г. почти все учителя получали квартиру с прислугой, что называется натурой, а в 1901 г. во многих станицах выдавались учителям деньги на квартиру и на прислугу, которые входили в состав жалования (Фарфоровский, 1912: 48).

Таким образом, наряду с развитием системы народного образования довольствие учителей требовало пристального внимания властей. Факт недостаточности обеспечения кубанских учителей подтверждался значительным бегством последних со своей службы. Так, немало учителей перешло на службу в областное правление и в другие казенные учреждения, значительное число заняло места диаконов; наблюдались также случаи перехода учителей на службу к частным лицам. Очевидно, что оставление учителями своей службы в школах было результатом многих факторов, однако в числе них важное значение играла материальная необеспеченность.

В конце 1890-х гг. на Кубани возникло «Общество взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных училищах Кубанской области и Черноморской губернии», целью которого было оказывать помощь учителям в случае болезни, облегчить им возможность воспитания своих детей и т.д. (Фарфоровский, 1912: 48).

После заседания была упорядочена постройка училищных зданий. Для того чтобы станичные и сельские общества при постройке училищных зданий учитывали педагогические и гигиенические требования, был составлен чертеж нормального училища, который был утвержден наказным атаманом М.А. Цакни. Согласно этому чертежу, школьное здание состояло из двух комнат с прихожей и учительской квартиры из двух комнат с кухней, кладовой и прихожей. Большая классная комната имела 12 аршин длины, 10 – ширины и 5 – высоты, то есть имела размеры, обусловленные гигиеническими требованиями. Площадь этой комнаты занимала 120 квадратных аршин, вместимость равнялась 600 куб. аршин и 22 куб. саж. В большой комнате располагались первое и второе отделения. Полагая на каждого ученика по 2 квадратных аршина места, комната вмещала 60 учеников. Меньшая комната, для третьего отделения, длиной в 8 и шириной в 6 аршин вмещала 24 ученика. Обе комнаты отделялись стеклянной перегородкой для более удобного наблюдения за классными занятиями (Блюдов, 1883: 768). Активное строительство новых школ началось с 1874 г. по

¹ Обращает на себя внимание ошибка или опечатка, допущенная С. Фармаковским в подсчетах. Тем не менее прогресс в деле обеспечения повышенным жалованием кубанских учителей нам представляется очевидным (Авт.).

распоряжению наказного атамана и начальника области Н.Н. Кармалина. К 1880 г. было построено 136 школ нового образца, из них 127 в станицах, 7 в русских селах (Баталпашинского и Кавказского уездов) и 2 в аулах (Баталпашинского уезда). Почти все новые здания были снабжены удовлетворительной классной мебелью и имели парты на несколько возрастов. Стоимость каждого школьного здания составляла около 3,5 тыс. руб.

По уездам школьные здания распределялись следующим образом (Таблица 1):

Таблица 1. Количество школ нового образца по уездам Кубанской области (Блюдов, 1883: 770)

№ пп	Уезд	Количество новых школ	Примечания
1	Кавказский	26	
2	Баталпашинский	25	
3	Майкопский	24	
4	Екатеринодарский	22	
5	Ейский	20	
6	Темрюкский	13	
7	Закубанский	6	Незначительное количество новых школ объяснялось бедностью станиц
Итого		136	

К 1871 г. количество станичных школ составляло – 179, в том числе в том же году было открыто 5 школ. В последующие годы количество школ росло следующим образом: 1872 г. – 181, 1873 г. – 191, 1874 г. – 197, 1875 г. – 202, 1876 г. – 207, 1877 г. – 210, 1878 г. – 213, 1879 г. – 207, 1880 г. – 218 школ, в том числе 18 женских (Блюдов, 1883: 771). За десятилетие 1871–1880 гг. на Кубани только в станицах были открыты 44 школы, в том числе 10 женских. К 1880-м гг. в каждой станице Кубанской области было минимум по одному начальному училищу. Помимо этого открывались школы и при горских обществах, а также при помощи благотворительных обществ.

Станичные школы, однако, не были единственными учебными заведениями. Так, например, в отчете по народному образованию в Кубанской области за 1874 г. указывается наличие 184 станичных училищ, в том числе 1 женское, 5 сельских, 2 греческих, 4 школы немецких колонистов, 1 армянское церковно-приходское, 8 училищ екатеринодарских благотворительных обществ, в том числе 7 женских, помимо этого имелось 1 частное училище. Таким образом, общее количество учебных заведений составляло 203 (Блюдов, 1875: V).

Женские школы в станицах Кубани начали открываться благодаря усилиям Екатеринодарского женского благотворительного общества. Так, в 1865 г. возникли сразу четыре станичные женские школы: в Отрадной, Баталпашинской, Полтавской и Уманской. Спустя десятилетие, когда средства общества начали истощаться, в станицах Отрадной и Баталпашинской школы были переданы местной администрации и начали содержаться за ее счет.

С 1876 г. в среде горского населения, насчитывающего до 90 тыс. человек, стало появляться стремление к открытию начальных школ в аулах, в которых наряду с арабским языком и мусульманским законом преподавались русский язык и другие предметы элементарного курса. В том же году были открыты школы в Суворовско-Черкесской станице и в ауле Хаштук; но последняя просуществовала недолго: с началом русско-турецкой войны 1877–1878 гг. учащиеся стали постепенно убывать и наконец вовсе перестали ходить и школа закрылась.

Таким образом, в период с 1871 по 1880 гг. на территории Кубанской области было открыто 72 новых училища. При этом в 1880 г. 46 станичных училищ подняли свой статус и были преобразованы: 4 – в двухклассные и 42 – в одноклассные. Кроме этого, при 2 станичных училищах были открыты ремесленные отделения. Преобразование 42 училищ в одноклассные благоприятно отразилось и на содержании учителей, жалованье которых поднялось до 400 руб. в год (Блюдов, 1883: 775).

Важной проблемой для школ было обеспечение учебными пособиями и книгами для народного чтения. Дело в том, что нередкая неаккуратность продавцов книг и значительное увеличение цен на них вследствие дальней пересылки вызвали необходимость учреждения войскового книжного склада. Главной целью было достижение удешевления покупки книг, приобретая их большими партиями от самих издателей и получая, таким образом, значительную скидку. Войсковой книжный склад был учрежден в 1876 г., и на его содержание ежегодно выделялось по 6 тыс. руб. С октября 1876 г. по 1880 г. было продано со склада книг на сумму более 22 тыс. руб. и получено прибыли более чем в 1,7 тыс. руб.

Несколько слов необходимо сказать и об учебных программах. Разнообразие условий, среди которых находились школы Кубанской области, делало, особенно в первое время, практически нереальным установление одной общей для всех, обязательной учебной программы. Важно отметить, что такие же проблемы были в других регионах Российской империи, например на территориях Вологодской и Вятской губерний (Cherkasov et al., 2019; Magsumov et al., 2018). Для многих школ обучение сужалось до простой грамотности, т.к. выполнение нормальной программы не укладывалось во временные сроки учебного процесса. В тех же школах, где учителя располагали хотя

бы 6–7 учебными месяцами, программа эта более или менее, но выполнялась. В 1880 г. на территории области была введена инструкция для учителей одноклассных училищ. В ней был представлен круг обязанностей народных учителей и даны подробные указания, в которых регламентировались школьные дела (Блюдов, 1883: 782).

По состоянию на 1881 г. в Кубанской области насчитывалось 264 народных училища. Из них городских начальных по положению 1867 г.: двухклассных – 4, одноклассных – 1, сельских по образцу МНП: двухклассных – 9 и одноклассных – 49; городских начальных одноклассных – 8, в том числе 3 женских, и 1 двухклассная женская; общественных: станичных мужских – 147 и женских – 11, сельских – 12, аульных – 3 и колонийских (в немецких колониях) – 5; училищ, находящихся на содержании благотворительных обществ – 6 и церковно-приходских – 8 (Блюдов, 1883: 785-786).

Необходимо добавить, что из всех 8 церковно-приходских школ 3 были армяно-григорианскими и 5 лютеранскими.

Из общего числа начальных школ: мужских – 243 и женских – 21. Однако в большей части мужских школ (171 школа) обучались вместе с мальчиками и девочки, но в незначительном числе.

В следующем 1882 году количество учебных заведений Кубанской области достигло 278. В них обучалось 15240 учеников, из них 12298 мальчиков и 2942 девочки (Число учебных заведений, 1883: 77).

Каково же было соотношение количества школ к общему составу населения? К началу 1880-х гг. в Кубанской области проживало 862 тыс. человек. Иными словами, одна школа приходилась на 3311 жителей. Если же рассмотреть количество мужских и женских школ, то мы обнаружим гендерный дисбаланс. Так, 1 мужская школа приходилась на 1857 жителей, а 1 женская – на 23047.

Интересны выборки и по национальностям. Так, на 752 тыс. русского населения Кубанской области, что составляло 87 % всего населения, 1 школа приходилась на 3162 человека; армяне, число которых достигало 6 тыс., имеют 4 училища, или 1 – на 1511 жителей; горы при населении в 90 тыс. имеют только 4 школы, или 1 – 22 тыс.; татары при населении в 5 тыс. имеют всего 1 школу; немецкое население в 5,5 тыс. имело 10 школ, то есть 1 школа приходилась на 550 жителей. В Черноморском округе из 4 школ 3 находились среди русского населения численностью в 17 тыс. и 1 – среди греков, которых было около 2 тыс. (Блюдов, 1883: 790).

Плата за обучение взималась в 72 одноклассных училищах и не превышала 6 руб. в год с учащегося.

Несколько слов можно сказать и о библиотечных фондах школ. Все одноклассные и двухклассные училища, за исключением благотворительных, колонийских и церковно-приходских, имели 91358 томов общей стоимостью более 30 тыс. рублей. Помимо этого в школах имелось около 15 тыс. атласов, глобусов, карт, геометрических тел, картин по наглядному обучению и Закону Божию, образцов черчения и т.д. Важно присовокупить еще два педагогических журнала «Народная школа» и «Русский начальный учитель». Первый журнал выписывали 88 училищ, а второй – 74 (Блюдов, 1883: 807-808). Выписывался также журнал «Родное слово» (Блюдов, 1875: XIII).

Несмотря на утвержденное количество учеников в школах в 60 человек, на практике их количество не было одинаковым. Так, менее 20 учащихся было в 14 школах, от 20 до 40 – в 94, от 40 до 60 – в 76, от 60 до 80 – в 37 и более 80 в 27 школах (Блюдов, 1883: 723). Общее же количество учащихся к 1881 г. составляло 13187 человек, что по отношению к числу детей школьного возраста (129370) составляет 10,1%. По различию полов отношение числа учащихся к населению вообще и к школьному возрасту в особенности является крайне неравномерным: из 447611 жителей мужского пола 1 учащийся приходится на 42, а из 414862 жителей женского пола 1 учащаяся приходится на 169 человек; а в школьном возрасте из 67141 человека мужского пола приходится 1 учащийся на 6, а из 62223 человек женского пола 1 учащаяся приходилась на 25. Из приведенных данных следует, что для введения всеобщего начального образования необходимо было увеличить число учащихся в 10 раз: в 6 раз для мужчин и в 25 раз для женщин (Блюдов, 1883: 823-824).

5. Заключение

В заключении важно отметить, что начальная школа в казачьих кубанских станицах в течение XIX века имела свои характерные отличия. Так, для учеников был регламентирован повышенный возрастной ценз: не с 7 лет, а с 9. Долгое время в кубанских станицах обучение предполагалось только для мальчиков, однако с 1865 г. начинает медленно развиваться и женское обучение. Несмотря на меры по улучшению содержания педагогического персонала, этой работы было недостаточно, и вплоть до начала XX века в школах, в первую очередь начальных, существовала текучка кадров.

Литература

Блюдов, 1875 – Блюдов Н. Отчет о состоянии народных училищ Кубанской области за 1874 г. // Памятная книжка Кубанской области на 1875 г. Екатеринодар, 1875. С. I–XXXVI.

Блюдов, 1883 – Блюдов Н.Ф. Начальное народное образование в Кубанской области // Кубанский сборник. 1883. № 1. С. 735-828.

Гатагова, 1993 – Гатагова Л.С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М.: Россия молодая, 1993. 143 с.

[Кобахидзе, 2015](#) – Кобахидзе Е.И. Законодательство 1840–1870-х гг. в области образования как фактор интеграции кавказской школы в российскую систему народного просвещения // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015. № 10. Ч. 3. С. 87-90.

[Сборник статистических сведений, 1869](#) – Сборник статистических сведений о Кавказе / Сост. Н.И. Воронов. Ч. 1. Тифлис, 1869.

[Статистическое описание, 1835](#) – Статистическое описание Закавказского края / Сост. О. Евецкий. В 2 ч. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1835.

[Фарфоровский, 1912](#) – Фарфоровский С. Народное образование в Кубанской области // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1912. № 11. С. 46-69.

[Число учебных заведений, 1883](#) – Число учебных заведений и учащихся в Кубанской области к 1 января 1882 г. // Кубанская справочная книжка. 1883. Екатеринодар, 1883. С. 77.

[Cherkasov et al., 2019](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*, 2019, 8(1): 208-214.

[Cherkasov et al., 2019a](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*, 2019, 8(2): 418-424.

[Cherkasov, 2011](#) – Cherkasov A.A. All-Russian primary education (1894-1917): Developmental Milestones // *Social Evolution and History*, 2011, 10(2): 138-149.

[Cherkasov, Smigel, 2016](#) – Cherkasov A.A., Smigel M. Public education in the Russian empire during the last third of the XIX century: Parish schools // *European Journal of Contemporary Education*, 2016, 18(4): 418-429.

[Degtyarev et al., 2018](#) – Degtyarev S.I., Zavorodnia V.M., Polyakova L.G. On the establishment of the Ruthenian (Ukrainian) University in Austria-Hungary and its coverage in "Kievskaya starina" journal // *European Journal of Contemporary Education*, 2018, 7(4): 911-917.

[Magsumov et al., 2018](#) – Magsumov T.A., Artemova S.F., Balanyuk L.L. Regional problems of public schools in the Russian Empire in 1869-1878 (using an example of the Vyatka Province) // *European Journal of Contemporary Education*, 2018, 7(2): 420-427.

[Magsumov et al., 2018](#) – Magsumov T.A., Artemova S.F., Ustinova O.V., Vidishcheva E.V. Public education system in the Caucasus region in the 1850s: Unification and regulation of educational process // *European Journal of Contemporary Education*, 2018, 7(3): 598-607.

[Magsumov, 2015](#) – Magsumov T.A. The additional professional training in the late Russian empire // *Bylye Gody*, 2015, 36(2): 327-337.

[Mamadaliyev, 2015](#) – Mamadaliyev A.M. The everyday activity of rural schools in the early 1920s (through the example of schools in the village of Aibga) // *Bylye Gody*, 2015, 36(2): 388-393.

[Natolochnaya et al., 2018](#) – Natolochnaya O.V., Miku N.V., Zulfugarzade T.E., Médico A. Highland schools in the Caucasus: Historical background // *European Journal of Contemporary Education*, 2018, 7(3): 608-614.

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2017](#) – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. Higher and secondary education of the Don Cossacks in the context of the epoch: The time of the great reforms // *European Journal of Contemporary Education*, 2017, 6(2): 367-377.

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a](#) – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. Project of reforms proposed for the Don public education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov // *European Journal of Contemporary Education*, 2017, 6(4): 817-829.

[Shevchenko et al., 2016](#) – Shevchenko N.A., Vidishcheva E.V., Emelyanova O.V. The establishment of the system of public education in the Caucasus (1802-1917 years): The characteristic features // *Bylye Gody*, 2016, 40(2): 363-372.

[Shevchenko et al., 2018](#) – Shevchenko N.A., Kucherkov I.A., Shirev D.A., Miku N.V. Public education in the Russian empire at the end of the 19th century // *European Journal of Contemporary Education*, 2018, 7(1): 226-231.

References

[Blyudov, 1875](#) – Blyudov N. (1875). Otchet o sostoyanii narodnykh uchilishch Kubanskoj oblasti za 1874 g. [Report on the state of public schools of the Kuban region for 1874]. Pamyatnaya knizhka Kubanskoj oblasti na 1875 g. Ekaterinodar, pp. I–XXXVI. [in Russian]

[Blyudov, 1883](#) – Blyudov N.F. (1883). Nachal'noe narodnoe obrazovanie v Kubanskoj oblasti [Primary education in the Kuban region]. *Kubanskii sbornik*, № 1, pp. 735-828. [in Russian]

[Cherkasov et al., 2019](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 1. *European Journal of Contemporary Education*, 8(1): 208-214.

- [Cherkasov et al., 2019a](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 2. *European Journal of Contemporary Education*, 8(2): 418-424.
- [Cherkasov, 2011](#) – Cherkasov A.A. (2011). All-Russian primary education (1894-1917): Developmental Milestones. *Social Evolution and History*, 10(2): 138-149.
- [Cherkasov, Smigel, 2016](#) – Cherkasov A.A., Smigel M. (2016). Public education in the Russian empire during the last third of the XIX century: Parish schools. *European Journal of Contemporary Education*, 18(4): 418-429.
- [Chislo uchebnykh zavedenii, 1883](#) – Chislo uchebnykh zavedenii i uchashchikhsya v Kubanskoj oblasti k 1 yanvarja 1882 g. [The number of educational institutions and students in the Kuban region by January 1, 1882]. Kubanskaya spravocnaya knizhka. 1883. Ekaterinodar, P. 77. [in Russian]
- [Degtyarev et al., 2018](#) – Degtyarev S.I., Zavhorodnia V.M., Polyakova L.G. (2018). On the establishment of the Ruthenian (Ukrainian) University in Austria-Hungary and its coverage in "Kievskaya starina" journal. *European Journal of Contemporary Education*, 7(4): 911-917.
- [Farforovskii, 1912](#) – Farforovskii S. (1912). Narodnoe obrazovanie v Kubanskoj oblasti [Public education in the Kuban region]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, №11, pp. 46-69. [in Russian]
- [Gatagova, 1993](#) – Gatagova L.S. (1993). Pravitel'stvennaya politika i narodnoe obrazovanie na Kavkaze v XIX v. [Government policy and public education in the Caucasus in the XIX century]. M.: Rossiya molodaya, 143 p. [in Russian]
- [Kobakhidze, 2015](#) – Kobakhidze E.I. (2015). Zakonodatel'stvo 1840–1870-kh gg. v oblasti obrazovaniya kak faktor integratsii kavkazskoi shkoly v rossiiskuyu sistemu narodnogo prosveshcheniya [The legislation of 1840-1870-ies in the sphere of education as a factor of integration of the Caucasian school in the Russian system of public education]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 10. Ch. 3, pp. 87-90. [in Russian]
- [Magsumov et al., 2018](#) – Magsumov T.A., Artemova S.F., Balanyuk L.L. (2018). Regional problems of public schools in the Russian Empire in 1869-1878 (using an example of the Vyatka Province). *European Journal of Contemporary Education*, 7(2): 420-427.
- [Magsumov et al., 2018](#) – Magsumov T.A., Artemova S.F., Ustinova O.V., Vidishcheva E.V. (2018). Public education system in the Caucasus region in the 1850s: Unification and regulation of educational process. *European Journal of Contemporary Education*, 7(3): 598-607.
- [Magsumov, 2015](#) – Magsumov T.A. (2015). The additional professional training in the late Russian empire. *Bylye Gody*, 36(2): 327-337.
- [Mamadaliyev, 2015](#) – Mamadaliyev A.M. (2015). The everyday activity of rural schools in the early 1920s (through the example of schools in the village of Aibga). *Bylye Gody*, 36(2): 388-393.
- [Natolochnaya et al., 2018](#) – Natolochnaya O.V., Miku N.V., Zulfugarzade T.E., Médico A. (2018). Highland schools in the Caucasus: Historical background. *European Journal of Contemporary Education*. 7(3): 608-614.
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2017](#) – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. (2017). Higher and secondary education of the don cossacks in the context of the epoch: The time of the great reforms. *European Journal of Contemporary Education*, 6(2): 367-377.
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a](#) – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. (2017). Project of reforms proposed for the don public education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov. *European Journal of Contemporary Education*, 6(4): 817-829.
- [Sbornik statisticheskikh svedenii, 1869](#) – Sbornik statisticheskikh svedenii o Kavkaze [The collection of statistical information about the Caucasus]. Sost. N.I. Voronov. Ch. 1. Tiflis, 1869. [in Russian]
- [Shevchenko et al., 2016](#) – Shevchenko N.A., Vidishcheva E.V., Emelyanova O.V. (2016). The establishment of the system of public education in the Caucasus (1802-1917 years): The characteristic features. *Bylye Gody*, 40(2): 363-372.
- [Shevchenko et al., 2018](#) – Shevchenko N.A., Kucherkov I.A., Shirev D.A., Miku N.V. (2018). Public education in the Russian empire at the end of the 19th century. *European Journal of Contemporary Education*, 7(1): 226-231.
- [Statisticheskoe opisanie, 1835](#) – Statisticheskoe opisanie Zakavkazskogo kraya [The statistical description of the Transcaucasian region]. Sost. O. Evetskii. V 2 ch. Ch. 1. Sankt-Peterburg, 1835. [in Russian]

Развитие системы начального образования на казачьих территориях в 1803–1917 гг. (на примере Кубанской области). Часть 1

Виолетта Сергеевна Молчанова ^{a, b, *}, Леонид Леонидович Баланюк ^c,
Евгения Владимировна Видищева ^d, Ирина Ивановна Потапова ^e

^aМеждународный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^bВолгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^cРоссийский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^dСочинский государственный университет, Российская Федерация

^eАстраханский государственный архитектурно-строительный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается развитие системы начального образования на территории Кубанского казачьего войска в 1803–1917 гг. В данной части уделено внимание периоду с 1803 г. до конца XIX в.

В качестве материалов использована российская научная литература по истории народного образования на территории Кавказа, и в частности на территории Кубанской области (современная территория Краснодарского края, Российская Федерация).

Методологическую основу исследования составили традиционные для историографии принципы историзма, научной объективности и системности. В процессе работы использовался проблемно-хронологический метод, который позволил изучить отдельные факты развития системы народного образования на территории Кубанской области в хронологическом порядке, а возникающие проблемы в порядке их поступления. Благодаря этому методу были выявлены некоторые характерные особенности развития школьного дела как на территории Кубанской области, так и в целом на Кавказе.

В заключении авторы отмечают, что начальная школа в казачьих кубанских станицах в течение XIX века имела свои характерные отличия. Так, для учеников был регламентирован повышенный возрастной ценз: не с 7 лет, а с 9. Долгое время в кубанских станицах обучение предполагалось только для мальчиков, однако с 1865 г. начинает медленно развиваться и женское обучение. Несмотря на меры по улучшению содержания педагогического персонала, этой работы было недостаточно, и вплоть до начала XX века в школах, в первую очередь начальных, существовала текучка кадров.

Ключевые слова: народное образование, Кубанская область, начальная школа, гимназия.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: v.molchanova_1991@list.ru (В.С. Молчанова)

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1059-1066. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1059
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Resettlement of Trade and Craft Population to the Kalmyk Lands of Astrakhan Province in the Context of the State Trade Policy (XIX – early XX centuries)

Sergey S. Belousov ^{a, *}

^a Kalmyk scientific center of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the policy of the Russian authorities towards traders and artisans who moved to the Kalmyk lands. The reasons and results of migrations of the trade and craft population to Kalmykia are considered, their influence on social, economic and cultural development of Kalmyk society is shown. It was found that the settlement of traders in the Kalmyk lands was not due to the purposeful policy of the state, and the lack of Kalmyks of their professional layer of traders. The state and the Kalmyks tolerated the migrations of traders and artisans, because they, firstly, were not of a mass character, secondly, did not lead to a mass seizure of land, and thirdly, the activities of immigrants were in demand by the Kalmyk society and did not undermine its vital interests. The strategic line of the Imperial leadership of Russia in trade policy in the Kalmyk lands was that the state did not prevent the Kalmyks from engaging in trade, but at the same time did not encourage this kind of activity. The top leadership did not connect the future of the Kalmyk people with the wide spread of trade relations among them, seeing them as a source of bad influence on the morality of the Kalmyk people. By allowing the settlement in the Kalmyk Steppe of a certain number of merchants and artisans of non-Kalmyk origin, the state also regulated their stay and activities and supervised them. The main instruments regulating the presence of foreign trade and craft contingent in the Kalmyk lands were the lease and issuance of trade certificates for the implementation of trade activities. The trade and craft population, despite its small number, made a significant contribution to the creation of stationary settlements of Kalmykia, the development of trade and crafts, the establishment of international communications.

Keywords: Astrakhan province, Kalmyks, trade policy, resettlement, trade and craft population.

1. Введение

В XIX – начале XX вв. основная часть территории Калмыкии входила в состав Астраханской губернии в качестве отдельной административно-территориальной единицы и имела свое управление. 19 мая 1806 г. император Александр I подписал указ «О назначении земель калмыкам и другим кочующим народам в губерниях Астраханской и Кавказской» (ПСЗ РИ – 1, Т. XXIX. 1830), который впервые определил административные границы земель кочевников. С этого момента калмыцкие земли получили юридическую защиту государства от посягательств и поселения на них лиц, не принадлежащих к калмыцкому народу. Кочевникам отвели огромную территорию: в 1837 г. из 17 млн. десятин земель Астраханской губернии более половины находились в пользовании калмыков.

Юридические запреты селиться на калмыцких землях и тяжелые природные условия существенно затруднили их освоение переселенцами. В XIX в. на калмыцких землях Астраханской губернии возникло 5 самовольных крестьянских поселений и еще 26 селений были созданы вдоль дорог по указу императора Николая I от 30 декабря 1846 г. «О заселении дорог на калмыцких землях

* Corresponding author

E-mail addresses: sbelousovelista@mail.ru (S.S. Belousov)

Астраханской губернии» (ПСЗ РИ – 2, Т. XXI. 1847), помимо этого, в последней трети XIX – начале XX вв. в Калмыкии руководством епархии Астраханской и Енотаевской и Астраханским комитетом Православного миссионерского общества были учреждены для крещеных калмыков 3 миссионерских стана. Кроме крестьян, в создании стационарных поселений в Калмыцкой степи приняли участие торговцы и ремесленники, история появления которых в Калмыкии и проводившаяся государством в их отношении политика представляет отдельную страницу в истории переселенческого движения.

Политика властей по отношению к торгово-ремесленному переселенческому населению в силу специфики их рода деятельности и правового статуса отличалась от политики в отношении крестьян-переселенцев. Она была тесно связана с торговой политикой и соответственно имела свои особые цели и задачи.

Предлагаемая статья посвящена исследованию политики властей в отношении переселенцев из числа торговцев и ремесленников; в рамках темы планируется раскрыть особенности данной политики, установить причины и обстоятельства, вызвавшие поселение торговцев и ремесленников на землях калмыков, показать роль торгово-ремесленного населения в формировании стационарной поселенческой сети в Калмыцкой степи. В задачу исследования также входит освещение проблемы взаимоотношений торгово-ремесленного населения и кочевников.

2. Материалы и методы

Основными источниками написания статьи послужили материалы Российского государственного исторического архива (РГИА), Национального архива Республики Калмыкия (НА РК), воспоминания путешественников и чиновников. Многие архивные документы исследователями не использовались и вводятся в научный оборот впервые. Автором были изучены делопроизводственная переписка органов государственной власти, материалы ревизий калмыцкого управления, ходатайства и прошения торговцев, ремесленников и кочевников, статистические материалы.

Материалы, отложившиеся в фондах государственных структур, позволяют выявить отношение и подходы властей к вопросу поселения торгово-ремесленного контингента переселенцев, проследить изменения в политике, а документы, исходящие от переселенцев и кочевников, дают возможность понять мотивы переселения и выяснить реакцию на них кочевников, а также характер их взаимоотношений. Ценным источником являются статистические материалы, которые отражают динамику численности торговцев и ремесленников, их национальный состав, профессиональную специализацию, географию размещения и др.

В процессе работы применялись историко-сравнительный, историко-генетический и историко-описательный методы исследования. Историко-генетический метод дал возможность выявить причины и обстоятельства поселения торговцев и ремесленников на землях кочевников и одновременно сопоставить протекание этого процесса в Калмыцкой степи и во Внутренней орде. Историко-сравнительный метод позволил проследить эволюцию взглядов и подходов высших и местных властей к решению этого вопроса. При написании статьи автор опирался на принятые в российской исторической науке принципы историзма, научного объективизма и системности.

3. Обсуждение

История миграций торгово-ремесленного населения на калмыцкие земли специально не изучалась, однако она затрагивалась в той или иной степени в работах авторов, посвященных как общим, так и отдельным проблемам прошлого калмыков (Бадмаев, 1977; Бадмаева, 2016; Борисенко, 1991; Карагодин, 1983). Много ценного материала содержится также в статьях и книгах по истории отдельных поселений, основанных торговцами и ремесленниками (Белоусов, 2000, 2018; Карагодин, 1981; Четырова, 2017). Большой интерес для исследователя представляют работы чиновников (Небольсин, 1852), священников (Нигровский, 1894), путешественников (Немирович-Данченко, 1877), написанные на основе сведений, собранных в ходе поездок в калмыцкие кочевья по делам службы и с иными целями.

В советский период исторические события в отечественной историографии рассматривались строго в соответствии с идеологией марксизма-ленинизма, предложенным основателями марксистского учения – К. Марксом и Ф. Энгельсом – формационным подходом. Согласно ему, в советской историографии утвердилось мнение о том, что кочевое население Калмыцкой степи находилось на стадии феодализма и подвергалось колониальной эксплуатации со стороны российского государства и капиталистов. Территория Калмыкии являлась сырьевой базой и местом сбыта товаров российского колониализма, а торговля рассматривалась как средство закабаления и угнетения кочевников.

Сейчас большинство отечественных историков отказались от формационного подхода, в историографии установилась тенденция рассматривать явления прошлого более объективно и без идеологических пристрастий.

Завершая краткий обзор историографии государственной переселенческой политики в отношении переселенцев и торговцев, отметим, что эта тема никогда не была объектом специального

изучения и что ее исследование представляет большой научный и общественный интерес, поскольку затрагивает проблемы имперской политики на национальных окраинах, взаимоотношений кочевого и оседлого населения, межнациональных отношений, взаимоотношений сословных, профессиональных групп, роли торговли в историческом развитии регионов.

4. Результаты

Первым поселением на калмыцких землях, в основании и развитии которого ключевую роль сыграли торговцы, был Калмыцкий Базар. В 1801 г. по повелению императора Павла I для него отвели участок земли на правом берегу р. Волги. По замыслу властей он предназначался для калмыков, чтобы сделать сбыт скота и продукции скотоводства более удобным и выгодным для них и подконтрольным для администрации, а также для упорядочивания системы найма калмыков на работы к рыбопромышленникам и владельцам других предприятий. Выгоды торговли с кочевниками и близость Калмыцкого Базара к г. Астрахани (9 верст) привлекли в него татар и армян, которые стали обустраиваться в нем на постоянное жительство. В 1806 г. в поселке имелось 15 домов, лавок и амбаров, большинство из которых принадлежало юртовским татарам (НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 133. Л. 9), в 1822 г. на Калмыцком Базаре насчитывалось уже 14 домов, 76 лавок, 12 амбаров (НА РК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 173. Л. 18-22 об.).

Торговцы покупали пригоняемый калмыками скот, часть которого забивалась на мясо и сало, и затем вместе с живым скотом отправлялась на рынки г. Астрахани. Многие татары и туркмены скупали у калмыков скот на стадии его перегонки к Калмыцкому Базару и продавали его в поселке по более высоким ценам, а некоторые занимались маклерством, т.е. зарабатывали на организации торговых сделок между продавцами и покупателями. Торговали они и продовольственными, и промышленными изделиями.

Подавляющее большинство жителей п. Калмыцкий Базар, за исключением калмыков, поселились, построились и открыли торговлю без разрешения властей, при этом ни калмыки, ни власти им в этом не препятствовали. Равнодушие, проявленное калмыками в отношении поселения на их земле посторонних лиц, очевидно, было вызвано тем обстоятельством, что калмыки не испытывали тогда интереса к занятию торговлей на профессиональном уровне, к тому же торговая деятельность новопоселенцев не вела к изъятию у калмыков земель. Что касается властей, то можно предположить, что здесь имели место либо отсутствие надзора за ситуацией в поселке, либо, возможно, еще и определенная заинтересованность администрации в развитии торговли скотом вблизи губернского центра с целью создания конкуренции и понижения цен на мясную продукцию.

Вначале астраханский гражданский губернатор А.С. Осипов и Астраханская комиссия калмыцких дел намеревались поступить с самовольными поселенцами строго в соответствии с законом, т.е. всех их выселить, постройки снести, торговлю ликвидировать, но за них вступился вице-губернатор В. Смирнов, предложивший их не удалять, а обложить сбором в пользу калмыков (НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 17. Л. 10 об.). Вице-губернатора поддержали владельцы и правители улусов, однако окончательного решения данный вопрос не получил из-за начавшейся подготовки нового положения об управлении калмыцким народом.

Власти не решились выселить самовольных поселенцев, поскольку понимали, что это приведет к ликвидации поселения и свертыванию торговли, в чем не была заинтересована ни одна из сторон. На калмыцкое население рассчитывать не приходилось, так как оно в поселке было очень малочисленным и к тому же в массе своей продолжало жить в кибитках.

В 1856 г. Министерство государственных имуществ (МГИ) отправило в г. Астрахань для проведения ревизии Астраханской палаты государственных имуществ (АППИ) и ознакомления с положением калмыцкого народа надворного советника Л.О. Любовидского. Относительно Калмыцкого Базара он высказал мнение, что его надо развивать как «вполне калмыцкую посадскую колонию», и предложил принять поощрительные меры по приобщению калмыков к занятию торговлей (НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 118. Л. 122124 об.). У руководства МГИ, однако, были свои виды на будущее поселка и вообще на роль торговли в развитии калмыцкого общества. Директор I департамента МГИ полагал, что поселок необходимо развивать и дальше, «но не как средство к расширению торгового и промышленного значения сего места или к привлечению калмыков к оседлой жизни и промышленной и торговой деятельности, а собственно для того, чтобы место, долженствующее служить средоточием торговли калмыков, более соответствовало своему назначению ...» (НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 118. Л. 127 об.). В МГИ считали, что приобщение калмыков к торговле и городской жизни не пойдет им на пользу, поскольку калмыки, переняв городской образ жизни и научившись торговать, усвоят и их «дурные качества» (НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 118. Л. 127 об.). Что касается посторонних лиц, то их МГИ рекомендовало «в интересах калмыков» привлекать в поселок, регулируя пребывание их там «Положением об управлении калмыцким народом» от 23 апреля 1847 г. (ПСЗ РИ – 2. Т. XXII 1848: 356).

В отличие от МГИ местные власти в лице АППИ и главного попечителя калмыцкого народа не рассматривали п. Калмыцкий Базар только как место сбыта скотоводческой продукции калмыков. 18 декабря 1860 г. главный попечитель калмыцкого народа В.Н. Струков в докладе директору I

департамента высказался так: «Я не думаю преобразовывать Калмыцкий Базар в город, а сделать из него склад или депо произведений промышленности и таким образом притянуть к этому местечку русских промышленников, развить в калмыках дух торговли и вместе с сим открыть возможность сбить на астраханском рынке цены на главнейшие потребности народа» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 122. Л. 18).

Местные власти не согласились с мнением представителей высшей власти о плохом влиянии торговли на нравственность калмыков и неготовности их заниматься этим родом деятельности. Они утверждали, что приобщение калмыков к занятию торговлей и промышленными делами улучшит их нравственные качества, разовьет в них стремление к просвещению и что благодаря указанным видам деятельности калмыки «также усваивают и хорошую сторону городской жизни» (НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 118. Л. 137 об.).

Несмотря на активное обсуждение вопроса о дальнейших путях развития п. Калмыцкий Базар, принципиальных изменений в торговой политике правительства не произошло. Государство, как и ранее, не запрещало калмыкам и посторонним лицам заниматься торговлей на калмыцких землях, но в то же время оно и не поощряло этот род деятельности путем предоставления льгот и ссуд и другими мерами. Во второй половине XIX – начале XX вв. изменения происходили в основном по линии упорядочения порядка торговли и в сфере налогообложения.

В первые годы XX в. п. Калмыцкий Базар представлял собою достаточно хорошо обжитый населенный пункт. На 1 января 1903 г. в нем проживало 1263 чел. обою пола (НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 203. Л. 23). Калмыки составляли 54,6 % от общего числа жителей поселка, туркмены – 21,6 %, татары – 12,5 %, русские – 8,9 %, казахи – 1,5 %, армяне – 0,9 % (НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 203. Л. 285 об., 299). Обращает на себя факт существенного увеличения численности постоянного калмыцкого населения, ставшего во второй половине XIX в. преобладающей по численности этнической группой в поселке. Помимо постоянного калмыцкого населения, в поселке находилось временно значительное количество калмыков, приехавших устраиваться на рыбные, соляные промыслы и на другие работы. Их численность в разные годы колебалась в пределах от нескольких до 10000 тысяч чел.

Большинство постоянно проживающих на Калмыцком Базаре калмыков работали по найму у предпринимателей, торговлей занималась лишь небольшая их часть. По сравнению с первой половиной XIX в. количество торговцев среди калмыков заметно выросло, что свидетельствовало о постепенном формировании у калмыков торгово-ремесленного слоя. Торгово-промышленный профиль экономики поселка не мог не влиять на калмыков: так или иначе он вынуждал вчерашних кочевников менять род занятий и перестраивать свою жизнь.

В одном из документов того времени говорилось, что «Калмыцкий Базар по своим базовым и экономическим условиям, по роду занятий и промыслов жителей, не ведущих сельского хозяйства, относится к числу поселений городских и притом возникших и развивающихся естественным путем без всяких льгот и воспособлений» (НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 133. Л. 18). Между тем поселение не имело органов самоуправления и своего бюджета, а его жители не были объединены в общество. Функции управления в поселке были сосредоточены в руках попечителя, который назначался и снимался с должности главным попечителем калмыцкого народа. Это ненормальное положение было исправлено в январе 1914 г., когда по просьбе калмбазаринских калмыков, поддержанной астраханским губернатором, у них было учреждено аймачное общество и прошли первые выборы его органа управления и должностных лиц. В то же время земельное устройство поселка было отложено на неопределенное время, до решения вопроса поземельного устройства всего калмыцкого народа (НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1794. Л. 49). Помимо этого, калмыки отказались принять в свое общество посторонних лиц, сославшись на неудобство общего с посторонними лицами управления и другие мотивы.

Кроме п. Калмыцкий Базар, на калмыцких землях Астраханской губернии торговцы основали п. Яшкульский Базар, который располагался в географическом центре Калмыцкой степи. В 1879 г. к главному попечителю калмыцкого народа А.Г. Кандибе обратились с просьбой разрешить на правах арендаторов построить на урочище Яшкуль лавки и жилые дома, занимавшиеся много лет торговлей в Икицохуровском улусе мешчане и купцы г. Черного Яра Астраханской губернии Иван, Яков и Михаил Субботины, Г.П. Филимонов и М.А. Якунин (Яшкулец 1901). Под поселение они выбрали место, находящееся в нескольких верстах севернее ставки Икицохуровского улуса, на Крымском тракте, связывавшем г. Астрахань с полуостровом Крымом.

В 1879 г. главный попечитель калмыцкого народа, ознакомившись с прошением торговцев, разрешил им приступить к строительству. Администрация надеялась на то, что поселение со временем станет «средоточием торговли» в калмыцкой глубинке, а для калмыков Икицохуровского улуса еще и «центром группировки», где часть их будет проживать оседло (НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 378. Л. 32). За право торговать и жить на Яшкульском Базаре торговцев обязали уплачивать ежегодно в фонд калмыцкого общественного капитала по 5 руб. за участок земли размером в 20 x 10 кв. саж. и по 18 коп. с каждой головы мелкого скота. Им объявили, что они могут заниматься только торговлей, а в случае нарушения этого и других правил – их выселят с поселка (НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 364. Л. 535).

В 1885 г. МГИ запретило торговцам некалмыцкого происхождения вести передвижную торговлю, предложив закрепиться на конкретных урочищах, повысило налогообложение, резко ограничило в количестве скота (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 215. Л. 1). Под воздействием этих мер некоторые торговцы свернули свою деятельность и возвратились в места своего прежнего проживания, но многие остались, приспособившись к новым правилам.

По данным переписи населения п. Яшкульский Базар, проведенной УКН 24 ноября 1900 г, в нем было зафиксировано 14 русских семей, имевших в своем составе 92 души обоого пола (НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1147. Л. 16). Возле поселка кочевало около 60 калмыцких кибиток, по свидетельству чиновников, многие из калмыков занимались заготовкой сена, выступали посредниками в торговых операциях русских с кочевниками, осуществляли доставку разных грузов в поселок (Борисенко, 1989: 85).

Политика властей в предоктябрьский период в целом отличалась лучшим пониманием проблем торговцев, нежели в последней трети XIX в. Предшествующий опыт убедил их в том, что стеснение торговцев и чрезмерная регламентация их деятельности не идут на пользу никому. Так, стоило администрации повысить арендную плату у торговцев и удалить их из поселка, как упала конкуренция и цены поползли вверх. Это, прежде всего, ударило по калмыкам, которые вынуждены были теперь или брать товар по высоким ценам, или отправляться за ним за десятки и сотни верст в соседние города и села.

Торговцы при всех своих отдельных личных недостатках все-таки были людьми, необходимыми в Калмыцкой степи, и, надо сказать, калмыки это понимали. Они, хотя и жаловались на отдельных торговцев, обвиняя их в обмане и стремлении сколотить капитал за счет них, однако никогда сильно не настаивали на выселении торговцев, а некоторые, когда это происходило, даже выступали за возвращение удаленных.

Если торговые дела у русских яшкульян шли успешно, то положение их самих продолжало оставаться довольно шатким. И старожилы, и новоприбывшие проживали в поселке на правах арендаторов и по истечении сроков контрактов или их нарушений могли быть выселены из него. Им запрещали заниматься промышленным скотоводством и земледелием, пользоваться землями, образовывать органы самоуправления, участвовать в общественной жизни улуса и многое другое. Как и Калмыцкий Базар, Яшкульский Базар не имел своих управленческих структур, и его население не было объединено в общество. Причиной тому было то, что составляющие население поселка русские не имели права постоянно проживать на калмыцких землях. Они неоднократно обращались к правительству и к руководству Астраханской губернии с просьбой причислить их к какому-либо калмыцкому обществу или разрешить взять землю в аренду и даже ее купить под образование поселения, но все было напрасно. Шанс стать полноправными жителями Калмыцкой степи русские получили в 1910 г., когда государство предоставило калмыкам право самим определять – принимать или не принимать в свои общества посторонних лиц. Среди яшкульян данным правом воспользоваться лишь 11 торговцев, всем остальным калмыки отказали в приписке. Эти люди были состоятельными и хорошо знакомыми калмыкам не одно десятилетие.

К началу Первой мировой войны п. Яшкульский Базар благодаря притоку новых жителей, в основном ремесленников, превратился из торгового в торгово-ремесленное поселение. В 1913 г. в нем числилось 125 чел., из них 74 – принадлежали к мещанскому и купеческому сословиям и 51 – к крестьянскому. Торговлей в поселке занимались 6 чел., ремесленной деятельностью – 5 чел., остальные жители служили приказчиками и рабочими у торговцев (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2321. Л. 23-23 об.). Скотоводством и земледелием никто из жителей не занимался. Поселившимся в п. Яшкульский Базар крестьянам пришлось приспособиваться к новым социально-экономическим реалиям и менять прежний род занятий. Бывшие земледельцы, чтобы прокормить свои семьи, вынуждены были освоить профессии плотников, кузнецов, портных, сапожников, печников, извозчиков, чернорабочих и проч.

Участие торговцев в процессе заселения калмыцких земель не ограничивалось только созданием двух торговых поселков, они селились также в ставках, при аймачных управлениях и в отдельных урочищах, где постоянно кочевали калмыки. Для торговцев и ремесленников наиболее удобными для поселения и деятельности местами являлись улусные ставки, где имелись жилые постройки, в которых размещались чиновники, служащие и полицейские. По существу это были маленькие оседлые поселения, правда, с переменным составом населения. 10 июля 1879 г. на заседании УКН, когда решался вопрос о поселении яшкульских торговцев, его участники выразили пожелание, чтобы «подобные торговые устройства образовались при всех ставках» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 378. Л. 32).

Устраиваясь на жительство в улусных ставках, в местах аймачных управлений и на отдельных урочищах торговцы и ремесленники тем самым закладывали основу для возникновения там будущих полноценных поселений. Так, во многом благодаря им в Калмыкии появились существующие и поныне населенные пункты: Яшкуль, Ута, Адык, Цаган Нур, Алцын Хута, Ханата, Шатта и др.

5. Заключение

Проникновение торгово-ремесленного населения на калмыцкие земли во многом было обусловлено торговой политикой российского государства. Высшее руководство России не препятствовало калмыкам заниматься торговлей, но вместе с тем не поощряло этот род деятельности, поскольку не связывало будущее калмыцкого народа с широким распространением в его среде торговых отношений, видя в них источник плохого влияния на нравственность калмыков. Они имели право свободно торговать на своих землях, развивать ремесленное и промышленное производство, но эти занятия не получили у них распространения, в силу этого очень медленно у них шел процесс формирования слоя торговцев и предпринимателей. Образовавшийся вакуум торговцев заполнили представители других народов: русских, татар, армян и др., взявшие в свои руки торговлю с кочевниками. Вначале они торговали в прилегающих к калмыцким землям населенных пунктах, затем начали постепенно переносить свои торговые операции непосредственно на земли кочевников. Проводя большую часть времени в степи среди калмыков, торговцы стали задумываться о прочном водворении в степи. Осуществить это, однако, было непросто, так как законы запрещали поселение на калмыцких землях лиц некалмыцкого происхождения.

Во второй половине XIX – первом десятилетии XX вв. торговцы и ремесленники проживали на калмыцких землях на правах арендаторов, в 1910 г. власти предоставили калмыкам право самостоятельно решать вопросы приема в свои общества посторонних лиц, но им смогли воспользоваться лишь немногие, в основном те из них, которые прожили среди калмыков много лет, пользовались у них доверием и уважением и были в состоянии оказать обществам материальную помощь.

Государство регулировало пребывание и деятельность торговцев, ремесленников некалмыцкого происхождения на калмыцких землях и осуществляло за ними надзор. Власти следили за тем, чтобы посторонние лица не занимались иными видами деятельности, кроме торговой и ремесленной, не нарушали законов, чтобы они осуществляли торговые сделки честно и без ущерба для калмыков. При получении жалоб от калмыков иногородние лица лишались права торговли и выселялись из пределов Калмыцкой степи. Главными инструментами, с помощью которых власти регулировали пребывание и деятельность постороннего торгово-ремесленного контингента на калмыцких землях, выступали аренда и выдача торговых свидетельств для осуществления торговой деятельности.

Торгово-ремесленное население, несмотря на свою малочисленность, внесло заметный вклад в создание стационарных поселений Калмыкии, развитие торговли и ремесел, установление межнациональных коммуникаций. Его деятельность способствовала приобщению кочевников к оседлому образу жизни, занятию торговлей, расширению кругозора местного населения и вообще интеграции калмыцкого народа в российское социокультурное пространство.

Торговцы знали калмыцкий язык, обычаи и менталитет кочевников и потому являлись для властей источником ценной информации о жизни калмыков, одновременно русские торговцы являлись и одним из каналов ознакомления калмыков с русской цивилизацией и влияния ее на них.

Подводя итоги, отметим, что поселение торговцев на калмыцких землях было обусловлено не целенаправленной политикой государства, а отсутствием у калмыков своего профессионального слоя торговцев. Государство и калмыки относились терпимо к миграциям торговцев и ремесленников, поскольку они, во-первых, не носили массового характера, во-вторых, не приводили к сколь-нибудь значительному изъятию земель и, в-третьих, деятельность переселенцев была востребована калмыцким обществом и не подрывала его жизненные интересы.

6. Благодарности

Исследование проведено при поддержке государственной субсидии: проект: «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (AAAA-A-19-119011490038-5).

Литература

Бадмаев, 1977 – Бадмаев С.Б. О развитии торговли и кредитной кооперации в дореволюционной Калмыкии (90-е годы XIX в. – начало XX в.) // Из истории докапиталистических и капиталистических отношений в Калмыкии. Элиста, 1977. С. 106-117.

Батыров, 2009 – Батыров В.В. Хозяйственные занятия калмыков и торговля в калмыцких улусах // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: В 3-х т. Элиста, 2009. Т. 1. С. 559-572.

Белоусов, 2000 – Белоусов С.С. Торговый поселок Яшкуль // Наука и высшая школа Калмыкии. 2000. № 1 (2). С. 107-120.

Белоусов, 2018 – Белоусов С.С. Самовольные поселения на калмыцких землях Астраханской и Ставропольской губерний: переселенцы и губернские власти (XIX – начало XX веков) // Новый исторический вестник. 2018. № 1 (55). С. 6-20.

Борисенко, 1990 – Борисенко И.В. Времен минувших отраженья. Элиста, 1990. 175 с.

Борисенко, 1991 – Борисенко И.В. Очерки исторической географии Калмыкии. Дореволюционный период. Элиста, 1991. 229 с.

Карагодин, 1981 – *Карагодин А.И.* Калмыцкий Базар (из истории торговых отношений в Калмыкии во второй половине XVIII – первой половине XIX вв.) // Исследования по исторической географии Калмыцкой АССР. Элиста, 1981. С. 31-48.

Карагодин, 1983 – *Карагодин А.И.* Торговая политика русского царизма в Калмыкии // *Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Сер.: Общественные науки.* 1983. № 2. С. 59-62.

НА РК – Национальный архив Республики Калмыкия.

Небольсин, 1852 – *Небольсин П.И.* Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса СПб., 1852. 192 с.

Немирович-Данченко, 1872 – *Немирович-Данченко В.И.* По Волге (очерки и впечатления летней поездки). СПб., 1877. 404 с.

Нигровский, 1894 – *Нигровский И.* Освящение православной часовни в Калмыцкой степи // *Астраханские епархиальные ведомости.* 1894. № 3. С. 86-95.

ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской империи

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Четырова, 2017 – *Четырова Л.Б.* Калмыцкий Базар – первая столица калмыков. Самара, 2017. 140 с.

Яшкулец, 1901 – *Яшкулец.* Яшкульский торговый базар // *Астраханский листок.* 1901. 15 февраля.

Badmaeva, 2016 – *Badmaeva E.N.* (2016). The Peasant-migrants from the Land-poor Russian Regions in Kalmykia in the XIX – the first half of XX centuries // *Bylye gody*, 2016, vol. 42, no. 4, pp. 1173–1181.

References

Badmaev, 1977 – *Badmaev S.B.* (1977). O razvitiu torgovli i kreditnoi kooperatsii v dorevolutsionnoi Kalmykii (90-e gody XIX v. – nachalo XX v.) [About the development of trade and credit cooperation in pre-revolutionary Kalmykia (90 – ies of XIX century-beginning of XX century)]. *Iz istorii dokapitalisticheskikh i kapitalisticheskikh otnoshenii v Kalmykii.* Elista, pp. 106-117. [in Russian]

Badmaeva, 2016 – *Badmaeva E.N.* (2016). The Peasant-migrants from the Land-poor Russian Regions in Kalmykia in the XIX – the first half of XX centuries // *Bylye gody*, 2016, vol. 42, no. 4, pp. 1173-1181.

Batyrov, 2009 – *Batyrov V.V.* (2009). Khozyaistvennye zanyatiya kalmykov i torgovlya v kalmytskikh ulusakh [Economic activities of Kalmyks and trade in Kalmyk ulus]. *Istoriya Kalmykiya s drevneishikh vremen do nashikh dnei: v 3-kh t.* Elista, T. 1. pp. 559-572. [in Russian]

Belousov, 2000 – *Belousov S.S.* (2000). Torgovyi poselok Yashkul' [Trade settlement Yashkul]. *Nauka i vysshaya shkola Kalmykii*, №1 (2), pp. 107-120. [in Russian]

Belousov, 2018 – *Belousov S.S.* (2018). Samovol'nye poseleniya na kalmytskikh zemlyakh Astrakhanskoi i Stavropol'skoi gubernii: pereselentsy i gubernskie vlasti (XIX – nachalo XX vekov [Unauthorized settlements on the Kalmyk lands of Astrakhan and Stavropol provinces: immigrants and provincial authorities (XIX – early XX centuries)] *Novyi istoricheskii vestnik.* № 1 (55), pp. 6–20. [in Russian]

Borisenko, 1990 – *Borisenko I.V.* (1990). Vremen minuvshikh otrazhen'e [Time of past reflection]. Elista, 175 p. [in Russian]

Borisenko, 1991 – *Borisenko I.V.* (1991) Ocherki istoricheskoi geografii Kalmykii. Dorevolutsionnyi period [Essays of historical geography of Kalmykia. Prerevolutionary period]. Elista, 229 p. [in Russian]

Karagodin, 1981 – *Karagodin A.I.* (1981). Kalmytskii Bazar (iz istorii torgovykh otnoshenii v Kalmykii vo vtoroi polovine XVIII – pervoi polovine XIXv.) [Kalmyk Bazaar (from the history of trade relations in Kalmykia in the second half of XVIII – the first half of the XIX Century.)]. *Issledovaniya po istoricheskoi geografii Kalmytskoi ASSR.* Elista, pp. 31-48. [in Russian]

Karagodin, 1983 – *Karagodin A.I.* (1983). Torgovaya politika russkogo tsarizma v Kalmykii [Trade policy of Russian tsarism in Kalmykia]. *Izvestiya Severo-Kavkazskogo nauchnogo tsentra vysshei shkoly. Ser.: Obshchestvennye nauki*, № 2, pp. 59-62. [in Russian]

НА РК – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya [National archive of the Republic of Kalmykia]. [in Russian]

Nebol'sin, 1852 – *Nebol'sin P. I.* (1852). Ocherki byta kalmykov Khoshoutovskogo ulusa [Essays on life of the Kalmyks Chocholowska ulus]. Saint-Petersburg, 192 p. [in Russian]

Nemirovich-Danchenko, 1877 – *Nemirovich-Danchenko V.I.* (1877). Po Volge (ocherki i vpechatleniya letnei poezdki) [Along the Volga (essays and impressions summer trip)]. Saint-Petersburg, 404 p. [in Russian]

Nigrovskii, 1894 – *Nigrovskii I.* (1894). Osvyashchenie pravoslavnoi chasovni v Kalmytskoi stepi. [Consecration of the Orthodox chapel in the Kalmyk steppe]. *Astrakhanskie eparkhial'nye vedomosti.* № 3, pp. 86-95. [in Russian]

ПСЗ РИ – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. [in Russian]

РГИА – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive]. [in Russian]

Chetyrova, 2017 – Chetyrova L.B. (2017). Kalmytskii Bazar – pervaya stolitsa kalmykov. [Kalmyk Bazaar – the first capital of the Kalmyks]. Samara, 140 p. [in Russian]

Yashkulets, 1901 – Yashkulets (1901) Yashkul'skii torgovyi bazar [Yashkul trade market] Astrakhanskii listok. 15 fevralya. [in Russian]

Переселения торгово-ремесленного населения на калмыцкие земли Астраханской губернии в контексте государственной торговой политики (XIX – начало XX вв.).

Сергей Степанович Белоусов ^{a,*}

^a Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В статье проанализирована политика российских властей по отношению к торговцам и ремесленникам, переселившимся на калмыцкие земли. Рассмотрены причины и результаты миграций торгово-ремесленного населения в Калмыкию, показано их влияние на социально-экономическое и культурное развитие калмыцкого общества.

Выяснено, что поселение торговцев на калмыцких землях было обусловлено не целенаправленной политикой государства, а отсутствием у калмыков своего профессионального слоя торговцев. Государство и калмыки относились терпимо к миграциям торговцев и ремесленников, поскольку они, во-первых, не носили массового характера, во-вторых, не приводили к массовому изъятию земель и, в-третьих, деятельность переселенцев была востребована калмыцким обществом и не подрывала его жизненные интересы.

Стратегическая линия имперского руководства России в торговой политике на калмыцких землях заключалась в том, что государство не препятствовало калмыкам заниматься торговлей, но вместе с тем и не поощряло этот род деятельности. Высшее руководство не связывало будущее калмыцкого народа с широким распространением в его среде торговых отношений, видя в них источник плохого влияния на нравственность калмыков.

Разрешая поселение в Калмыцкой степи некоторого количества торговцев и ремесленников некалмыцкого происхождения, государство в то же время регулировало их пребывание и деятельность и осуществляло за ними надзор. Главными инструментами, регулирующими нахождение постороннего торгово-ремесленного контингента на калмыцких землях, выступали аренда и выдача торговых свидетельств для осуществления торговой деятельности.

Торгово-ремесленное население, несмотря на свою малочисленность, внесло заметный вклад в создании стационарных поселений Калмыкии, развитие торговли и ремесел, установление межнациональных коммуникаций.

Ключевые слова: Астраханская губерния, калмыки, торговая политика, переселения, торгово-ремесленное население.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sbelousovelista@mail.ru (С.С. Белоусов)

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1067-1077. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1067
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Yakov I. Kostenetsky (1811–1885): Life of a Typical Representative of the Noble Intelligentsia of the XIX century

Sergey I. Degtyarev ^{a, b, *}, Lyubov G. Polyakova ^{b, c, d}, Olesia I. Yehorova ^a, Jasmin Gut ^e

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^d East European History Society, Russian Federation

^e University of Geneva, Geneva, Switzerland

Abstract

The article explores the biography and creative legacy of the writer, lawyer and publicist of the XIX century – Yakov Kostenetsky (1811-1885). The authors of the article consider him a typical representative of the intelligentsia of the middle – second half of the XIX century. He received a good education, many years of his life he gave public service – military and civil. Ya. Kostenetsky took an active part in public life. He maintained acquaintance with many people, among whom were famous poets and writers, government and public figures – M. Lermontov, P. Antonovich, A. Herzen and many others. He took part in an anti-government group led by Sungurov.

Ya. Kostenetsky as a researcher was interested in various topics, including beekeeping, some issues of legal science, history. The most valuable works of Kostenetsky, the authors relate his memories about the people with whom he was familiar, and about the events in which he participated or who witnessed.

Keywords: Yakov Kostenetsky, Sungurov's secret society, Moscow University, Russian Empire, Caucasus.

1. Введение

Исследования биографического характера позволяют определить место личности в историческом процессе, оценить роль того или иного человека (или группы людей) в общественно-политической, культурной, экономической жизни и т.п. И наоборот, биографистика дает возможность понять и осознать степень влияния событий и процессов (как локальных, так и глобальных) на жизнь и становление личности. Кроме того, биографистика как направление исторических исследований позволяет «открывать новые имена» – возвращать из забвения имена деятелей прошлого, память о которых в свое время была незаслуженно стерта или их вклад в развитие той или иной сферы жизнедеятельности до сих пор не был оценен надлежащим образом. Но и до нынешнего времени неисследованными вообще или изученными лишь в незначительной мере остаются биографии чрезвычайно большого количества людей, которые заслуживают внимания ученых, благодаря своим достижениям в литературе, науке, политике, военном деле, общественной жизни или других сферах.

Одной из таких малоисследованных личностей, безусловно, можно считать Якова Ивановича Костенецкого (1811–1885) – писателя, юриста и публициста XIX века. В связи с этим данная работа будет посвящена изучению творческого и жизненного пути этого одного из малоизвестных представителей зарождающейся интеллигенции.

* Corresponding author

E-mail addresses: starsergo2014@gmail.com (S.I. Degtyarev)

2. Материалы и методы

Основной источниковой базой данного исследования, кроме собственных мемуаров Я.И. Костенецкого, стали также упоминания о нем некоторых современников. Кроме того, в качестве источника использован единственный обнаруженный нами архивный документ – письмо Костенецкого к известному ученому М.А. Максимовичу от 8 декабря 1858 года, которое находится в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского (г. Киев, Украина).

В процессе работы над данной статьей мы использовали принципы объективности, исторического антропологизма, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, ретроспективный методы. Так, принцип объективности позволил учесть те закономерности, которые во многом определили жизненный и творческий путь Я.И. Костенецкого (в частности, общественно-политические процессы, которые происходили в изучаемый период в Российской империи). Принцип исторического антропологизма был нацелен в первую очередь на гуманистическую суть исследования, так как центральным ориентиром статьи стала конкретная человеческая личность.

Характер исследования требовал также применения критического подхода. Изучая сохранившееся мемуарное наследие Я.И. Костенецкого, а также воспоминания о нем других людей, мы использовали работы других авторов, посвященные событиям, участником или свидетелем которых он был. Это позволило избежать субъективных оценок и уточнить некоторые детали биографии Якова Ивановича.

3. Обсуждение

В общем, реконструкция биографий и анализ научного и литературного наследия малоизвестных деятелей прошлого уже давно является в достаточной мере популярным направлением исторических исследований. Среди таких работ – исследования, посвященные историку, юристу, публицисту Н.В. Варадинову (Degtyarev et al., 2018), общественному и политическому деятелю Дервишу Химе (Olgun, 2018), историку В.В. Леонтовичу (Hamburg, 2018), академику П.К. Козлову (Принь, 2018b) и многим другим. Некоторые работы освещают не всю биографию, а лишь малоизвестные или вообще не исследованные до этого эпизоды из жизни тех или иных личностей. Например, о периоде службы в Бессарабии И.С. Аксакова писал С.И. Дегтярев (Degtyarev, 2015), М.О. Прынь исследовала так называемый киевский период жизни археолога С.Н. Одинцовой (Принь, 2018a). Подобных работ огромное количество, но каждая из них является уникальным исследованием, уничтожающим «белые пятна» в истории, которых все еще остается очень много.

Работ, посвященных непосредственно личности Я.И. Костенецкого, до сих пор практически нет. Определенным исключением является наша небольшая по объему научная разведка, где были представлены основные эпизоды жизни этого деятеля (Дегтярьев, 2008).

Короткие биографические статьи о Я.И. Костенцеком вошли в ряд справочных и энциклопедических изданий. В числе наиболее известных «Русский биографический словарь» (РБС, 1903: 303-304), «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» (ЭСБЕ, 1905: 954), «Енциклопедія історії України» (Усенко, 2008: 220-221), «Обзор жизни и трудов покойных русских писателей» (Языков, 1888: 83-84).

Профессор С. Венгер в своем фундаментальном справочнике о русских писателях упоминает Я.И. Костенецкого и перечисляет некоторые из его работ (Венгер, 1914: 211-212). Известный украинский историк и археограф А.М. Лазаревский также вспоминает его среди наиболее известных выходцев и жителей Конотопщины (Конотопского уезда Черниговской губернии), хотя уделяет чрезвычайно мало внимания своему земляку. Историк называл его «одним из заметных обывателей» Конотопского уезда. Он также отмечал некоторые личные качества Костенецкого: «был очень умный и практический человек» (Лазаревский, 1899: 137-140; Лазаревский, 2004: 101).

Я.И. Костенецкий был фигурантом в громком «сунгуровском деле». За участие в тайном обществе он был осужден (детальнее мы остановимся на этом эпизоде ниже). Некоторые современники тех событий оставили об участниках свои воспоминания и в этом контексте упоминали и Костенецкого. В частности, о нем писали А. Герцен (Герцен, 1956: 107, 136, 147), Т. Пассек (Пассек, 1963: 423, 510-511) и другие. Правда, эти упоминания практически не дают никаких новых сведений о жизни писателя и публициста.

Возможно, наиболее информативным источником о биографии Я.И. Костенецкого из числа сохранившихся являются его собственные воспоминания, напечатанные в 1887 году в журнале «Русский архив» (Костенецкий, 1887a; Костенецкий, 1887b; Костенецкий, 1887c; Костенецкий, 1887d; Костенецкий, 1887e). Но хронологически они охватывают лишь незначительный период жизни писателя, его студенческие годы (с 1828 до 1833).

4. Результаты

Род Костенецких известен на Левобережной Украине с 60-х годов XVII века, когда жена основоположника рода, малороссийского шляхтича Назария Костенецкого Пелагея с двумя малолетними детьми в 1664 году переселилась из Корсуньского полка в г. Конотоп Нежинского

полка. Сам же Назарий погиб во время украинско-польской войны (Модзалевский, 1910: 496). Представители этого казацкого рода в XVIII веке назначались конотопскими сотниками. После окончательной инкорпорации Левобережной Украины в состав Российской империи мужчины из семьи Костенецких делали карьеру на военной и гражданской государственной службе.

Я.И. Костенецкий родился в 1811 году в селе Вировка Конотопского уезда Черниговской губернии в богатой дворянской семье. Он был старшим сыном, имея одного брата и четырех сестер. Об этом есть упоминание в его мемуарах (Костенецкий, 1887а: 100).

Эти данные подтверждаются и В.Л. Модзалевским за исключением того факта, что известный генеалог не приводит информацию об одной из сестер Я.И. Костенецкого, называя лишь Варвару, Екатерину и Прасковью (Модзалевский, 1910: 506). Еще один известный исследователь истории малороссийских дворянских родов граф Г.А. Милорадович вообще приводит ошибочную информацию о семье Я.И. Костенецкого, называя имена двух его «родных» братьев – Николая и Степана (хотя имя настоящего брата – Александр) и даже не упоминая о сестрах (Милорадович, 1901: 272).

В июне 1827 года Я.И. Костенецкий успешно окончил Новгород-Северскую четырехклассную гимназию, но по совету директора этого заведения И.Ф. Тимковского остался в ней для повторного и более глубокого изучения последнего курса.

Затем встал вопрос о поступлении в университет. Выбирая между Московским и Харьковским, по совету того же И.Ф. Тимковского Я.И. Костенецкий в 1828 году поступил в Московский университет. Он решил поступать на этико-политический (позже юридический) факультет. Экзамены он сдавал по общей истории, российской словесности, латинскому и греческому языкам, математике и ряду других предметов. Вступительные экзамены у него принимал, кроме прочих, и известный российский историк М.П. Погодин. Все профессора и лично ректор Московского университета высоко оценили уровень знаний Костенецкого.

Студентом Я. Костенецкий получал от родителей помощь в размере 500 руб. ассигнациями в год. Этих денег едва хватало на аренду жилья и одежду. Поэтому он был вынужден давать частные уроки для детей богатых москвичей.

В 1830 году Я. Костенецкому пришлось стать свидетелем эпидемии холеры, которая вспыхнула в Москве. Эта болезнь забрала жизни многих жителей столицы, в том числе и его двоюродного дяди, героя войны 1812 года генерала В.Г. Костенецкого.

В университете Я.И. Костенецкий учился и поддерживал дружеские отношения со многими знаменитыми в будущем людьми, среди которых были будущий генерал Д. Пассек, археолог П. Савостьянов, граф И.П. Толстой, князя Шаховский и А. Оболенский, В. Пассек, М. Огарев и многие другие. Дружил он со многими студентами-немцами, в частности выходцами из остзейских губерний. В 1831 году произошло первое знакомство Я.И. Костенецкого с М.Ю. Лермонтовым, который только поступил в университет и в котором «тогда еще никто и не подозревал в нем никакого поэтического таланта». Следующее, более тесное знакомство с поэтом случилось во время их службы на Кавказе в 1841 году, когда тот был поручиком Тенгинского пехотного полка. После этой встречи Костенецкий даст более детальную характеристику Лермонтову, о котором напишет, что тот «по характеру своему не любил дружить с людьми: он всегда был едок и высокомерен, и едва ли он имел хоть одного друга в жизни». Имел Я. Костенецкий несколько коротких встреч с М. Лермонтовым и в мае 1841 года в Пятигорске, незадолго до гибели поэта (Костенецкий, 1887а: 112-114).

В своих воспоминаниях Я.И. Костенецкий оставил характеристики многих профессоров, которые у него преподавали: Павлова (физика), Терновского (богословие и церковная история), М. Погодина (российская история), Л. Цветаева (римское право), Василевского (народное право и дипломатия), М. Сандунова (практическое российское судопроизводство), Васильева (политическая экономия), Щедритского (общая статистика), М. Малова (теория гражданского и уголовного права). М.П. Погодин, по словам Якова Ивановича, «первый дал нам понятие о критической стороне Истории, о существовании летописей и других исторических источников и разбирал их и объяснял с поразительной для нас ясностью» (Костенецкий, 1887b: 230-231).

Весной 1831 года в Московском университете произошла акция, направленная против профессора М. Малова, который грубо и неуважительно относился к студентам. Я.И. Костенецкий стал одним из инициаторов этого. Вокруг него сплотилась большая группа студентов. Они срывали лекции М. Малова, писали ему письма с угрозами. Результатом этих мероприятий стал арест нескольких студентов и отправка их в карцер на 3–4 дня, но профессор Малов все же был вынужден оставить университет (Костенецкий, 1887c: 336-345; Герцен, 1956: 117-118).

Во время обучения Я.И. Костенецкий с несколькими своими товарищами близко познакомился с Сунгуровым и Гуровым, которые входили в состав тайного кружка, члены которого выступали за введение конституционного строя в государстве и считали себя продолжателями дела декабристов. Сунгуров предложил студентам стать членами этого общества. Я.И. Костенецкому и его товарищам предлагалось распространять конституционные идеи в студенческой среде и среди знакомых. Сам Костенецкий утверждал, что такая мелкая роль, которая им отводилась, не удовлетворила их и они отказались вступать в тайный кружок (Костенецкий, 1887d: 80).

В мае–июне 1931 года Я.И. Костенецкий хорошо сдал трехгодичные университетские экзамены. Он ожидал распоряжения Министерства народного просвещения, которое бы позволило ему продолжить обучение в Московском университете. Окончить это заведение он планировал со степенью кандидата.

Но уже в июле 1831 года так называемый «сунгуровский заговор» был раскрыт, а члены этого кружка арестованы. В числе взятых под стражу оказался и Я.И. Костенецкий, который в это время гостил в подмосковном имении помещика Рахманова (Костенецкий, 1887е: 218-219). По делу было проведено следствие, в течение которого он с другими подозреваемыми содержался в московской Крутицкой тюрьме (другое название – Крутицкие казармы). В период ареста родители продолжали поддерживать Я. Костенецкого, ведя с ним переписку и высылая деньги.

В состав следственной комиссии, рассматривающей дело о тайном кружке Сунгурова, входили военный генерал-губернатор князь Д.В. Голицын, московский гражданский губернатор М.А. Небольсин, московский комендант К.Г. Сталь и священник. В своих воспоминаниях Костенецкий характеризовал их как людей благородных и добрых, отмечая, что это «были люди, высоко стоявшие не только в административной иерархии, но и в нравственном достоинстве» (Костенецкий, 1887е: 220). Привлекались к следствию сенатор И.А. Гагарин, граф Строганов и ряд других сановников.

Члены следственной комиссии в целом благосклонно отнеслись к подозреваемым студентам. По словам Я.И. Костенецкого, они ожидали оправдательного приговора или, в худшем случае, исключения из университета за вредные мысли и высылки в отдаленные губернии на гражданскую службу с чинами XIV класса (по Табели о рангах). Сам Я.И. Костенецкий указывал, что они с товарищами не были активными членами сунгуровского кружка и следственная комиссия в этом деле не признала их виновными. Но якобы сам император Николай I проявил неудовольствие таким решением комиссии и приказал передать дело в военный суд. Появились слухи, что всех членов сунгуровского кружка могут приговорить к смертной казни через повешение.

Была назначена военно-судебная комиссия во главе с полковником Жеребцовым. В ее состав также вошли несколько штаб- и обер-офицеров и аудитор. Военный суд после рассмотрения дела вынес приговор, опираясь на артикулы Петра I. Все подозреваемые были приговорены к смертной казни. Но комендант и генерал-губернатор признали такое решение несправедливым и слишком суровым. Они настаивали, чтобы Я.И. Костенецкого и его товарищей Антоновича, Кноблоха, Кольрейфа, Кошевского и нескольких других отправили на гражданскую службу в отдаленные губернии сроком на два года. Но аудиторский департамент отклонил такое предложение касательно наказания и в феврале 1833 года вынес свой приговор:

- большинство участников кружка было решено отдать в солдаты с лишением прав дворянства: Костенецкого и Антоновича отправить на Кавказ, Кноблоха и Кольрейфа – в Оренбургскую губернию, а Кошевского – в Tobольскую губернию;
- Сунгурова отправить на каторгу;
- Гурова сослать в Сибирь на поселение;
- остальных членов кружка (около 30-ти человек) приговорили к тюремным заключениям, гауптвахтам и т.п. (Костенецкий, 1887е: 233-235).

Перед отъездом на Кавказ Костенецкий и Антонович две недели содержались в Покровских казармах, откуда их перевели в пересыльный замок на Воробьевых горах. А 13 марта 1833 года Я.И. Костенецкий был отправлен на Кавказ. Там его назначили в Куринский егерский полк, где он прослужил около семи лет (1833–1839). В 1839 году он отличился во время штурма крепости Ахульго и был награжден чином прапорщика, который возвращал ему и дворянские права. Ахульго была захвачена после 76-дневной осады. Потери российской армии были огромны – около 2500 военных, из которых свыше 500 погибли (Кавказцы, 1859: 108; Покоренный Кавказ, 2010: 438-442).

После этого Я.И. Костенецкий занимал должности адъютанта при начальнике левого фланга Кавказской линии генерал-майоре А.П. Пулло, в штабе командующего войсками Кавказской линии генерала П.Х. Граббе (Костенецкий, 1887е: 241; Языков, 1888: 84), где руководил первым отделением штаба (строевым).

В 1840 году Я. Костенецкий подал прошение об отставке, но получил отказ. Тогда, в 1841 году, он получил 4-месячный отпуск. Приехав к родителям, он во второй раз подал прошение об отставке по причине якобы слабого здоровья и в 1842 году был уволен с военной службы в чине прапорщика.

После этого Я.И. Костенецкий поселился в родовом имении Липки, в Конотопском уезде Черниговской губернии. Но он не все время проводил там, как сам указывал, в 1854 году жил в Москве, куда к нему приезжали знакомые. Я.И. Костенецкий покинул Москву на следующий день после смерти императора Николая I, 20 февраля 1855 года (Костенецкий, 1883: 632, 635, 641). Примерно в 1860–1861 годах он посещал Петербург. В последние годы своей жизни он снова приезжал в Москву, где посещал Московский университет (Костенецкий, 1887а: 99-100).

В 1850-х годах Я.И. Костенецкий, по словам А. Лазаревского, некоторое время занимал должность конотопского исправника (Лазаревский, 1899: 138). После реформ 1860-х годов он был членом земских собраний, избирался почетным мировым судьей, был членом училищного совета, попечителем школ Конотопского уезда Черниговской губернии (Языков, 1888: 84). Накануне и в

начале пореформенного периода много внимания общественностью уделялось грамотности населения как гражданского, так и военного (Natolochnaya et al., 2018).

Вообще периоды жизни Я.И. Костенецкого, которые охватывают его службу на Кавказе и после его возвращения оттуда, еще требуют значительного исследовательского внимания.

Умер Я.И. Костенецкий 1 июня 1885 года в своем имении, где прошла основная часть его жизни. Имение и все рукописи он завещал своей дочери П.Я. Костенецкой.

Насколько большим было творческое наследие Я.И. Костенецкого, тяжело судить. Сам автор, его издатели и другие современники неоднократно вспоминают различные произведения – исследования, дневниковые записи и т.п.

Большой интерес вызывает мемуарное наследие Я.И. Костенецкого. Но подавляющее большинство этих произведений не сохранилось до наших дней. Мы уже писали о его воспоминаниях, напечатанных в журнале «Русский архив», которые являются достаточно информативными, но охватывают лишь короткий отрезок жизни автора. Известно, что это лишь часть мемуаров Я.И. Костенецкого, поскольку сам издатель «Русского архива» П. Бартевев завершил эти воспоминания фразой «Конец первой части» (Костенецкий, 1887е: 242). Воспоминания о студенческих годах были написаны уже в 1872 году в имении Липки, которое принадлежало Костенецкому и находилось в хуторе Скибенцы Конотопского уезда Черниговской губернии. Судьба воспоминаний о дальнейших годах жизни Я. Костенецкого неизвестна. Можем предположить три версии:

1. Остальные части мемуаров вместе с опубликованной первой частью были также переданы в редакцию «Русского архива», но по каким-либо причинам так и не были опубликованы.

2. Возможно, Я.И. Костенецкий так и не передал продолжение своих воспоминаний в издательство и они со временем были утеряны.

3. Я. Костенецкий мог так и не закончить свои мемуары и их продолжения могло даже не существовать.

Лично мы считаем маловероятной последнюю версию (хотя и не исключаем ее полностью), поскольку, судя из биографии и записей самого Я.И. Костенецкого, он был человеком педантичным и, скорее всего, стремился завершить начатое дело касательно написания воспоминаний. Сам П. Бартевев отмечал, что Костенецкий «представляет пример необыкновенного трудолюбия, неугасимой даже в старости энергии, глубокого и сильного характера» (Костенецкий, 1887а: 99). Таким образом, вероятно, значительная часть мемуарного наследия этого яркого представителя украинской интеллигенции была утрачена.

Известно также, что в течение пребывания под следствием по делу Сунгурова в Крутицких казармах Я.И. Костенецкий вел дневник и переписывался с московским комендантом К.Г. Сталем. В 1870-х годах этот дневник и несколько писем еще хранились у Костенецкого, о чем он сам упоминал и цитировал целые отрывки (Костенецкий, 1887е: 229-233).

В течение большей части своей жизни (с 1851 до 1885) Я.И. Костенецкий также вел дневник, где фиксировались все события, свидетелем или участником которых он был, его мысли и т.п. Эти записи, безусловно, могли бы раскрыть до сих пор неизвестные страницы его биографии, позволили бы понять мировоззренческие установки этой личности. Известный украинский историк А.М. Лазаревский вспоминает этот дневник как ценный источник для истории провинциальной жизни второй половины XIX века. Записи велись «почти ежедневно с 1851 г. по день смерти», то есть в течение тридцати четырех лет, и имели объем в тринадцать томов. Но, к сожалению, местонахождение дневника неизвестно. Допускаем, что он не сохранился до нашего времени. А. Лазаревский предполагал, что дневник был передан автором дочери и находился в ее семье. Сама же дочь Я.И. Костенецкого со временем продала свое имение Н.А. Терещенко и навсегда выехала из Конотопского уезда. Не исключал А. Лазаревский и возможности передачи дневника на хранение в одну из киевских библиотек, «так как во всяком другом месте он может не возбудить должного к себе интереса» (Лазаревский, 1899: 140).

Не все были согласны с оценками, высказанными Я.И. Костенецким в опубликованных воспоминаниях о людях, с которыми ему приходилось встречаться. Так, П. Полевой критиковал эти воспоминания. Основным поводом для этого стали негативные отзывы самого Я.И. Костенецкого об известном историке и публицисте того времени Н. Полевом (отце П. Полевого) (Костенецкий, 1887б: 231-232). Автор мемуаров обвинялся не только в несправедливом отношении к известному деятелю, но и в некорректном поведении, поскольку Н. Полевой к тому времени уже умер и «был лишен какой-либо возможности защитить себя» (Полевой, 1887: 383). Но ради справедливости следует отметить, что и обвинения самого П. Полевого нужно воспринимать критически, поскольку его негативные отзывы в адрес Я.И. Костенецкого «прозвучали» во второй половине 1887 года, когда его оппонент тоже уже более двух лет был мертв и также не мог ответить на обвинения. Даже издатель журнала «Русский архив» в первом номере за 1887 год (в предисловии к воспоминаниям Я.И. Костенецкого) указывал, что автор умер еще 1 июня 1885 года (Костенецкий, 1887а: 99). Об этом не мог не знать П. Полевой, который ознакомился с воспоминаниями Костенецкого именно со страниц этого журнала.

Трудно сказать, с какого именно времени началась литературная деятельность Я.И. Костенецкого. Но наиболее активная фаза начинается с 1850-х годов, когда его произведения стали публиковаться в различных периодических изданиях. Они печатались в таких солидных и популярных в то время журналах, как «Современник», «Журнал Министерства юстиции», «Русская старина», «Исторический вестник», «Русский архив», «Основа». Некоторые работы затрагивали проблемы юридического характера (Костенецкий, 1859), военной истории (Костенецкий, 1851), пчеловодства (Костенецкий, 1861a; Костенецкий, 1861b). Ряд трудов был посвящен наиболее ярким личностям той эпохи – императору Николаю I, поэту М.Ю. Лермонтову, генералам В.Г. Костенецкому, И. Скобелеву, Тешену (Костенецкий, 1875a; Костенецкий, 1875b; Костенецкий, 1882; Костенецкий, 1883).

Первой опубликованной работой Я.И. Костенецкого считаются «Записки об Аварской экспедиции на Кавказе в 1837 г.» (в 1850 году – в журнале «Современник», а в 1851 – отдельным изданием), посвященные событиям войны с Шамилем, свидетелем и участником которых был и сам автор. Костенецкий отмечал, что это была «одна из самых блистательных экспедиций на Кавказе» (Костенецкий, 1851: 122).

Активная судебная практика и некоторые жизненные ситуации для Я.И. Костенецкого стали поводом, чтобы вернуться к юриспруденции как науке, которую он изучал еще в университете. Он написал несколько работ юридического характера. Некоторые из них были опубликованы в «Журнале Министерства юстиции». Наиболее известной является статья «Об улиточной записи» (1859). Существует предположение, что на написание этой работы Я.И. Костенецкого подтолкнули личные обстоятельства, связанные с приобретением недвижимого имущества. Продав свое имение в селе Вировка Конотопского уезда, Я.И. Костенецкий захотел приобрести имение в соседнем селе Подлипное, которое принадлежало местному помещику Н. Константинову. Но сам Константинов в это время тяжело болел и планировал оставить имение в наследство своей дочери. Я.И. Костенецкий все же уговорил его продать недвижимость, а дочери оставить деньги. Сам процесс приобретения этого имущества происходил не путем заключения договора купли-продажи (купчей крепости), а через так называемую улиточную запись (Лазаревский, 1899: 138).

Улиточная запись – это акт/договор, который в XIX веке действовал только в Полтавской и Черниговской губерниях. Этот институт был закреплен еще Литовским статутом, а со временем перешел в российское имперское законодательство и распространился лишь на две указанные губернии. По этому договору наследник мог уступить другому человеку наследство, которое уже было объявлено открытым, но еще не было официально закреплено за самим наследником (ЭСБЕ, 1902: 679-680).

Н. Константинов согласился заключить такую сделку, и его дочь получила деньги за имение. Но после смерти Константинова некоторые его родственники, претендовавшие на часть наследства, пытались оспорить законность этого договора. Местные юристы-практики не смогли надлежащим образом решить это дело и передали его на рассмотрение в высшую судебную инстанцию Российской империи – Сенат. Я.И. Костенецкий тоже поехал в Петербург, чтобы разъяснить в суде смысл улиточной записи, поскольку с этим явлением судебные учреждения практически не были знакомы. В это же время в «Журнале Министерства юстиции» была напечатана и его статья «Об улиточной записи». Дело в Сенате было решено в пользу Я.И. Костенецкого и имение в селе Подлипное осталось в его собственности. Историк А.М. Лазаревский допускал, что данная публикация могла повлиять на принятие в Сенате положительного для Костенецкого решения (Лазаревский, 1899: 139).

Еще Я.И. Костенецкий увлекался пчеловодством и считался большим знатоком этого дела. Презентуя его работу «Три письма о пчеловодстве» (Костенецкий, 1861a; Костенецкий, 1861b), журнал «Основа» называл Я.И. Костенецкого «известным малороссийским пчеловодом» (Костенецкий, 1861a: 1). Но и его наработки по проблемам пчеловодства дошли до нас не в полном объеме. В двух номерах журнала «Основа» были напечатаны письма №№ 2, 7 и 8. А в предисловии к этой публикации редакция отмечала, что письма «взяты из полного сочинения» с названием «Письма о пчеловодстве». Полная рукопись этого исследования была приобретена редакцией журнала, которая планировала издать ее отдельной книгой (Костенецкий, 1861a: 1). Специалисты в сфере пчеловодства высоко оценивали это произведение как в теоретическом, так и в прикладном смысле. В основу этой работы были положены и собственные наблюдения Я.И. Костенецкого в течение 1850-х годов, и многочисленные исследования других известных в то время натуралистов-пчеловодов (Губера, Криста, Прокоповича, Шираха и других).

Увлечение пчеловодством в определенной степени содействовало его сближению с ученым-энциклопедистом, профессором М.А. Максимовичем – первым ректором Киевского университета, а со временем членом-корреспондентом Петербургской академии наук. Один раз по дороге из Конотопа в Кролевец Я.И. Костенецкий встретился с М.А. Максимовичем. Основной темой их беседы стало пчеловодство. Очевидно, М.А. Максимович увидел в Костенецком некоторые литературные качества, которые ему понравились. Последний вспоминал в своем письме от 8 декабря 1858 года к Максимовичу: «Вы были так благосклонны ко мне, что позволили мне, в случае моей надобности напечатать что-либо из статей моих, обращаться к вам в Москву, где вы принимаете участие в

издании журнала «Русский вестник». Кроме пчеловодства, занятие мое составляет еще юриспруденция, и вот я, написав по этому предмету статью, желал бы, чтобы она была напечатана в «Русском вестнике» (ИР НБУВ Ф. III. Д. 6173: 1). Но остается неизвестным, присылал ли свои рукописи Я.И. Костенецкий в редакцию «Русского вестника» и не получал ли он от редакции отказа в публикации (поскольку опубликованных работ Костенецкого в этом журнале мы не нашли).

Вообще Я.И. Костенецкий и М.А. Максимович неоднократно встречались и вели переписку в конце 1850-х – начале 1860-х годов. Можем предположить, что одной из причин их сближения мог быть тот факт, что родным дядей М.А. Максимовича был бывший наставник Я.И. Костенецкого И.Ф. Тимковский.

Представление о личности Я.И. Костенецкого дополняют также сведения о его увлечении литературой, музыкой и театром. Он много читал. Увлекался произведениями популярного в то время А. Дюма. Самостоятельно выучил немецкий язык и читал произведения немецких классиков в оригинале.

С детства Костенецкий учился играть на музыкальных инструментах. В дружеских компаниях он также пел. О своем увлечении музыкой и театральным искусством он писал в мемуарах (Костенецкий, 1887а: 103, 105, 117). П. Антонович, который был вместе с Я. Костенецким осужден по делу Сунгурова и отправлен служить на Кавказ, где они некоторое время находились вместе в городе Тамань, в разговоре с А. Лазаревским упоминал, что Костенецкий играл на скрипке. Они выходили на берег Черного моря, где Яков Иванович и исполнял музыкальные произведения (Лазаревский, 1899: 138). На скрипке Я. Костенецкий научился играть самостоятельно. Но, по словам издателя его воспоминаний П. Бартенева, почти в 50-летнем возрасте он брал уроки у профессионального музыканта Вьетана в Петербурге (Костенецкий, 1887а: 99). В последние годы жизни Я. Костенецкий много времени отдавал игре на этом инструменте.

Еще во времена студенчества товарищ и дальний родственник Костенецкого Посудевский подарил ему чакан (деревянный духовой музыкальный инструмент, наиболее распространенный в Австрии и Венгрии) из эбенового дерева. Я.И. Костенецкий научился на нем играть и сохранил на всю жизнь (Костенецкий, 1887с: 325).

На любовь Костенецкого к театру положительно повлияло его знакомство еще в студенческие годы с известным московским актером-трагиком П.С. Мочаловым, который даже помогал ему овладеть искусством декламации. Позднее на Кавказе, в крепости Грозная (современный город Грозный в республике Чечня), Я.И. Костенецкий организовал аматорский театр. Там в свободное от военных дел время ставились постановки по произведениям популярных тогда Н. Гоголя, А. Грибоедова, А. Дюма («Ревизор», «Горе от ума», «Железная маска»), водевиль «Казак-стихотворец». В драме «Железная маска» Костенецкий даже исполнил главную роль. Театр просуществовал два года (Костенецкий, 1887с: 324).

5. Заключение

Судьба каждого человека неповторима. Жизнь и творческое наследие Я.И. Костенецкого также характеризуют его как незаурядную личность, хотя в целом он являлся типичным представителем интеллигенции середины – второй половины XIX века. Как и большинство представителей украинской элиты, он получил хорошее образование (хотя и не закончил университет), много лет своей жизни отдал государственной службе – военной и гражданской. Я.И. Костенецкий вел активную общественную жизнь, поддерживал знакомство со многими известными деятелями того времени.

По нашему мнению, Я.И. Костенецкий не был ученым в полном понимании этого слова. Он был, скорее, талантливым исследователем-аматором, которого интересовали различные темы (пчеловодство, некоторые вопросы юридической науки, история). Наиболее ценными работами Костенецкого, безусловно, являются те, которые содержат его воспоминания о людях, с которыми ему приходилось встречаться, поддерживать отношения, о событиях, в которых он принимал непосредственное участие или являлся их свидетелем.

Будучи представителем старинного украинского казацко-шляхетского рода и проведя большую часть своей жизни на родине, он почему-то вошел в российскую литературу именно как «русский писатель». Как украинский писатель и публицист Я.И. Костенецкий практически не упоминается.

В целом, по нашему мнению, возвращение памяти о деятелях Российской империи конца XVIII–XIX веков, в особенности о представителях зарождающейся в этот период интеллигенции, незаслуженно забытых в силу различных причин, является очень перспективным направлением исторической науки. Оно позволяет не только обогатить генеалогические и биографические исследования, но и дает более полное представление о занятиях, основных сферах интересов, круге общения интеллектуалов. Это, в свою очередь, дает возможность более глубоко проанализировать тот фундамент, на котором зародилась такая прослойка общества, как интеллигенция.

Литература

- Венгеров, 1914** – Венгеров С.А. Источники словаря русских писателей. Т. III: Карамышев – Ломоносов. Петроград, 1914. С. 211-212.
- Герцен, 1956** – Герцен А. Собрание сочинений в тридцати томах. Том восьмой. Былое и думы. 1852–1868. Части I–III. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1956. 519 с.
- Дегтярьов, 2008** – Дегтярьов С.І. До біографії письменника і публіциста Якова Івановича Костенецького (1811-1885 рр.) // Історичні науки: Збірник наукових праць. Суми: СумДПУ ім. А.С.Макаренка, 2008. С. 170-174.
- ИР НБУВ** – Інститут рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского.
- Кавказцы, 1859** – Кавказцы или подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе. Вып. 37–47. Жизнеописание генерала от инфантерии Евгения Александровича Головина. СПб.: В типографии Якова Трея, 1859. 178 с.
- Костенецкий, 1851** – Костенецкий Я. Записки об Аварской экспедиции на Кавказе в 1837 г. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1851. 122 с.
- Костенецкий, 1859** – Костенецкий Я. Об улиточной записи // *Журнал Министерства юстиции*. 1859. № 4.
- Костенецкий, 1861a** – Костенецкий Я. Три письма о пчеловодстве. Письмо II. Письмо VII // *Основа*. 1861. №5. С. 1-38
- Костенецкий, 1861b** – Костенецкий Я. Три письма о пчеловодстве. Письмо VIII // *Основа*. 1861. №6. С. 39-50.
- Костенецкий, 1875a** – Костенецкий Я. Генерал Костенецкий. 1780–1831 // *Русская старина*. 1875. № 2. С. 407-413.
- Костенецкий, 1875b** – Костенецкий Я. Воспоминание о Лермонтове // *Русская старина*. 1875. № 9. С. 60-66.
- Костенецкий, 1882** – Костенецкий Я.И. Иван Скобелев и генерал Тешен // *Русская старина*. 1882. № 10. С. 196-202.
- Костенецкий, 1883** – Костенецкий Я. Рассказы об императоре Николае I // *Исторический вестник. Историко-литературный журнал*. 1883. № 6. С. 630-644.
- Костенецкий, 1887a** – Костенецкий Я.И. Воспоминания из моей студенческой жизни. Часть I // *Русский архив*. 1887. Книга первая. С. 99-117.
- Костенецкий, 1887b** – Костенецкий Я.И. Воспоминания из моей студенческой жизни. Часть II // *Русский архив*. 1887. Книга вторая. С. 229-242.
- Костенецкий, 1887c** – Костенецкий Я.И. Воспоминания из моей студенческой жизни. Часть III–V // *Русский архив*. 1887. Книга третья. С. 321-349.
- Костенецкий, 1887d** – Костенецкий Я.И. Воспоминания из моей студенческой жизни. Часть VI // *Русский архив*. 1887. Книга пятая. С. 73-81.
- Костенецкий, 1887e** – Костенецкий Я.И. Воспоминания из моей студенческой жизни. Часть VII–VIII // *Русский архив*. 1887. Книга шестая. С. 217-242.
- Лазаревский, 1899** – А.Л. Дневник Я.И. Костенецкого // *Киевская старина*. 1899. Т. 65. № 6. Отд. 2. С. 137-140.
- Лазаревський, 2004** – Лазаревський О.М. Спогади про конотопців // Спогади Матвія та Олександра Лазаревських. Київ-Самара, 2004. С.93-108.
- Милорадович, 1901** – Милорадович Г.А. Родословная книга черниговского дворянства. Т. 1. Части 1 и 2. СПб., 1901.
- Модзалевский, 1910** – Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. Т. 2. К., 1910.
- Пассек, 1963** – Пассек Т.П. Из дальних лет. Воспоминания. Том первый. Государственное издательство художественной литературы, 1963. 520 с.
- Покоренный Кавказ, 2010** – Покоренный Кавказ / Сост. А.А. Каспари. Пятигорск: СНЕГ, 2010. 672 с.
- Полевой, 1887** – Полевой П. Отповедь г. Костенецкому // *Русский архив*. 1887. Книга третья. С. 383-388.
- Принь, 2018a** – Принь М.О. Одінцова Софія Миколаївна (1876-1960): штрихи до біографії музейника, археолога та пам'яткоохоронця (київський період життя) // *Вісник ХНУ Каразіна: Серія «Історія»*. Харків, 2018. Вип. 54. С. 157-167.
- Принь, 2018b** – Принь О.В. Дослідник пам'яток культурної спадщини Далекого Сходу та Центральної Азії академік ВУАН П.К. Козлов (1863-1935) // *Праці Центру пам'яткознавства*. 2018. Вип. 34. С. 186-197.
- РБС, 1903** – Русский биографический словарь. Т. 9: Кнаппе – Кюхельбекер. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1903. С. 303-304.
- Усенко, 2008** – Усенко І.Б. Костенецький Яків Іванович // *Енциклопедія історії України*. Т.5: Кон-Кю. Київ: Наукова думка, 2008. С.220-221.
- ЭСБЕ, 1902** – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том XXXIVa: Углерод – Усилие. СПб.: Типография Акц. общ. Брокгауз–Ефрон, 1902. С. 679-680.

- ЭСБЕ, 1905** – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Дополнительный том 1а: Гаагская конференция – Кочубей. СПб.: Типография Акц. общ. Брокгауз–Ефрон, 1905. С. 954.
- Языков, 1888** – Языков Д.Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Выпуск пятый. Русские писатели, умершие в 1885 году. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1888. С. 83-84.
- Degtyarev, 2015** – *Degtyarev S.I.* Bessarabian Functionaries in the Epistolary Legacy of Ivan Sergeevich Aksakov // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 36. Is. 2: 254-259.
- Degtyarev et al., 2018** – *Degtyarev S.I., Zavorodnia V.M., Polyakova L.G.* The Contribution of Nikolai Vasilievich Varadinov to the Development of Russian Civil Law and Historical and Legal Research // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 50. Is. 4: 1530-1537.
- Hamburg, 2018** – *Hamburg G.* Writing Russian History in Nazi Germany: The Case of Victor Vladimirovich Leontovitsch (Part One) // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2018. Vol. 63. Is. 1: 262-285.
- Natolochnaya et al., 2018** – *Natolochnaya O.V., Bulgarova B.A., Bragina M.A.* The struggle for literacy in the Russian troops in the late 1850s - Early 1860s. // *Bylye Gody*. 2018. 47(1): 225-231.
- Olgun, 2018** – *Olgun S.A.* Young Turk and Albanian Nationalist: Dervish Hima (1872-1928) // *History Studies. International Journal of History*. 2018. Vol. 10. Is. 10: 207-232.

References

- Degtyarev, 2008** – *Degtyarev S.I.* (2008). Do biohrafii pismennyka i publitsysta Yakova Ivanovycha Kostenetskoho (1811-1885 rr.) [To the biography of the writer and publicist Yakov Ivanovich Kostenetsky (1811-1885)]. *Istorychni nauky: Zbirnyk naukovykh prats*. Sumy: SumDPU im. A.S. Makarenka, pp. 170-174. [in Ukrainian]
- Degtyarev, 2015** – *Degtyarev S.I.* (2015). Bessarabian Functionaries in the Epistolary Legacy of Ivan Sergeevich Aksakov. *Bylye Gody*. Vol. 36. Is. 2: 254-259.
- Degtyarev et al., 2018** – *Degtyarev S.I., Zavorodnia V.M., Polyakova L.G.* (2018). The Contribution of Nikolai Vasilievich Varadinov to the Development of Russian Civil Law and Historical and Legal Research. *Bylye Gody*. Vol. 50. Is. 4: 1530-1537.
- ЭСБЕ, 1902** – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том XXXIVа: Углерод – Улие [Encyclopedic dictionary Brockhaus and Efron. Volume XXXIVа: Carbon – Effort]. СПб.: Типография Акц. Общч. Брокгауз-Ефрон, 1902, pp. 679-680. [in Russian]
- ЭСБЕ, 1905** – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Дополнител'ный том 1а: Гаагская конференция – Кочубей [Encyclopedic dictionary Brockhaus and Efron. Additional Volume 1a: The Hague Conference – Kochubey]. СПб.: Типография Акц. Общч. Брокгауз-Ефрон, 1905. P. 954. [in Russian]
- Hamburg, 2018** – *Hamburg G.* (2018). Writing Russian History in Nazi Germany: The Case of Victor Vladimirovich Leontovitsch (Part One). *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, Vol. 63. Is. 1. pp. 262-285.
- Herzen, 1956** – *Herzen A.* (1956). *Sobranie sochineniy v tridtsati tomakh*. Tom vos'moy. Byloe i dumy. 1852-1868. Chasti I-III [Collected Works in thirty volumes. Volume Eight. Past and thoughts. 1852-1868. Parts I-III]. М.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 519 p. [in Russian]
- IR NBUV** – Instytut rukopysu Natsional'noyi biblioteky Ukrayiny imeni V.I. Vernads'koho [Institute of Manuscript of the National Library of Ukraine named after V.I. Vernadsky]. [in Russian]
- Kavkaztsy, 1859** – *Kavkaztsy ili podvigi i zhizn' zamechatel'nykh lits, deystvovavshikh na Kavkaze*. Vyp. 37-47. Zhizneopisanie generala ot infanterii Evgeniya Aleksandrovicha Golovina [Caucasians or exploits and the lives of remarkable individuals operating in the Caucasus. Issue 37-47. Biography of the General of Infantry Evgeny Alexandrovich Golovin]. СПб.: V tipografii Yakova Treya, 1859. 178 p. [in Russian]
- Kostenetskiy, 1851** – *Kostenetskiy Ya.* (1851). Zapiski ob Avarskoy ekspeditsii na Kavkaze v 1837 g. [Notes on the Avar Expedition in the Caucasus in 1837]. СПб.: V tipografii Eduarda Pratsa, 122 p. [in Russian]
- Kostenetskiy, 1859** – *Kostenetskiy Ya.* (1859). Ob ulitochnoy zapisi [About ulitochnaya zapis/contract]. *Zhurnal Ministerstva Yustitsii*. №4. [in Russian]
- Kostenetskiy, 1861a** – *Kostenetskiy Ya.* (1861). Tri pis'ma o pchelovodstve. Pis'mo II. Pis'mo VII [Three letters on beekeeping. Letter II. Letter VII]. *Osnova*. №5, pp. 1-38 [in Russian]
- Kostenetskiy, 1861b** – *Kostenetskiy Ya.* (1861). Tri pis'ma o pchelovodstve. Pis'mo VIII [Three letters on beekeeping. Letter VIII]. *Osnova*. №6, pp. 39-50. [in Russian]
- Kostenetskiy, 1875a** – *Kostenetskiy Ya.* (1875). General Kostenetskiy. 1780-1831 [General Kostenetsky. 1780-1831]. *Russkaya starina*. №2, pp. 407-413. [in Russian]
- Kostenetskiy, 1875b** – *Kostenetskiy Ya.* (1875). Vospominanie o Lermontove [Memories about Lermontov]. *Russkaya starina*. №9, pp. 60-66. [in Russian]
- Kostenetskiy, 1882** – *Kostenetskiy Ya.I.* (1882). Ivan Skobelev i general Teshen [Ivan Skobelev and General Teschen]. *Russkaya starina*. №10, pp. 196-202.
- Kostenetskiy, 1883** – *Kostenetskiy Ya.* (1883). Rasskazy ob imperatore Nikolae I [Stories about Emperor Nicholas I]. *Istoricheskiy vestnik. Istoriko-literaturnyy zhurnal*. №6, pp. 630-644. [in Russian]
- Kostenetskiy, 1887a** – *Kostenetskiy Ya.I.* (1887). Vospominaniya iz moey studencheskoy zhizni. Chast' I [Memories from my student life. Part I]. *Russkiy arkhiv*. Kniga pervaya, pp. 99-117. [in Russian]

- [Kostenetskiy, 1887b](#) – *Kostenetskiy Ya.I.* (1887). Vospominaniya iz moey studencheskoy zhizni. Chast' II [Memories from my student life. Part II]. *Russkiy arkhiv*. Kniga vtoraya, pp. 229-242. [in Russian]
- [Kostenetskiy, 1887c](#) – *Kostenetskiy Ya.I.* (1887). Vospominaniya iz moey studencheskoy zhizni. Chast' III-V [Memories from my student life. Part III-V]. *Russkiy arkhiv*. Kniga tret'ya, pp. 321-349. [in Russian]
- [Kostenetskiy, 1887d](#) – *Kostenetskiy Ya.I.* (1887). Vospominaniya iz moey studencheskoy zhizni. Chast' VI [Memories from my student life. Part VI]. *Russkiy arkhiv*. Kniga pyataya, pp. 73-81. [in Russian]
- [Kostenetskiy, 1887e](#) – *Kostenetskiy Ya.I.* (1887). Vospominaniya iz moey studencheskoy zhizni. Chast' VII-VIII [Memories from my student life. Part VII-VIII]. *Russkiy arkhiv*. Kniga shestaya, pp. 217-242. [in Russian]
- [Lazarevs'kiy, 1899](#) – *Lazarevs'kiy O.M.* (1899). A.L. Dnevnik Ya.I. Kostenetskogo [Diary of Ya.I. Kostenetsky]. *Kievskaya starina*. T.65. №6. Otd.2, pp. 137-140. [in Russian]
- [Lazarevskiy, 2004](#) – *Lazarevskiy O.M.* (2004). Spohady pro konotoptsiv [Memoirs about konotopians]. Spohady Matviia ta Oleksandra Lazarevskiykh. Kyiv-Samara, pp. 93-108. [in Ukrainian]
- [Miloradovich, 1901](#) – *Miloradovich G.A.* (1901). Rodoslovnaya kniga chernigovskogo dvoryanstva [The genealogical book of the Chernigov nobility]. T.1. Chasti 1 i 2. SPb. [in Russian]
- [Modzalevskiy, 1910](#) – *Modzalevskiy V.L.* (1910). Malorossiyskiy rodoslovnik [Malorossian genealogy]. T.2. K. [in Russian]
- [Natolochnaya et al., 2018](#) – *Natolochnaya O.V., Bulgarova B.A., Bragina M.A.* (2018). The struggle for literacy in the Russian troops in the late 1850s - Early 1860s. *Bylye Gody*. 47(1): 225-231.
- [Olgun, 2018](#) – *Olgun S.* (2018). A Young Turk and Albanian Nationalist: Dervish Hima (1872-1928). *History Studies. International Journal of History*. Vol. 10. Is. 10: 207-232.
- [Passek, 1963](#) – *Passek T.P.* (1963). Iz dal'nikh let. Vospominaniya [From distant years. Memories]. Tom pervyy. Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 520 p. [in Russian]
- [Pokorennyy Kavkaz, 2010](#) – *Pokorennyy Kavkaz* [Conquered Caucasus]. Sost. A.A. Kaspari. Pyatigorsk: SNEG, 2010. 672 p. [in Russian]
- [Polevoy, 1887](#) – *Polevoy P.* (1887). Odpoved' g. Kostenetskomu [Response to Mr. Kostenetsky]. *Russkiy arkhiv*. Kniga tret'ya, pp. 383-388. [in Russian]
- [Pryn, 2018a](#) – *Pryn M.O.* (2018). Odintsova Sofiia Mykolaivna (1876-1960): shtrykhy do biohrafii muzeinyka, arkeoloha ta pamiatkoohorontsia (kyivskiy period zhyttia) [Odintsova Sofia Nikolayevna (1876-1960): strokes to the biography of the museum artist, archaeologist and memorial guard (Kyiv period of life)]. *Visnyk KhNU Karazina: Seriia «Istoriia»*. Kharkiv. Vyp. 54, pp. 157-167. [in Ukrainian]
- [Pryn, 2018b](#) – *Pryn O.V.* (2018). Doslidnyk pamiatok kulturnoi spadshchyny Dalekoho Skhodu ta Tsentralnoi Azii akademik VUAN P.K. Kozlov (1863-1935) [Researcher of cultural heritage monuments of the Far East and Central Asia, academician VUAN P.K. Kozlov (1863-1935)]. *Pratsi Tsentru pamiatkoznavstva*. Vyp. 34, pp. 186-197. [in Ukrainian]
- [RBS, 1903](#) – *Russkiy biograficheskiy slovar'*. T.9: Knappe – Kyukhel'beker [Russian biographical dictionary. V.9: Knappe – Kuchelbecker]. SPb.: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, 1903, pp.303-304. [in Russian]
- [Usenko, 2008](#) – *Usenko I.B.* (2008). Kostenetskiy Yakiv Ivanovych [Kostenetsky Yakiv Ivanovich]. *Entsyklopediia istorii Ukrainy*. T.5: Kon-Kiu. Kyiv: Naukova dumka, pp.220-221. [in Ukrainian]
- [Vengerov, 1914](#) – *Vengerov S.A.* (1914). Istochniki slovarya russkikh pisateley. T.III: Karamyshev – Lomonosov [Sources of the dictionary of Russian writers. T.III: Karamyshev – Lomonosov]. Petrograd, pp. 211-212. [in Russian]
- [Yazykov, 1888](#) – *Yazykov D.D.* (1888). Obzor zhizni i trudov pokoynykh russkikh pisateley. Vypusk pyatyy. Russkie pisateli, umershie v 1885 godu [Review of the life and works of the deceased Russian writers. Vol.5. Russian writers who died in 1885]. SPb.: Tipografiya A.S. Suvorina, pp. 83-84. [in Russian]

Яков Иванович Костенецкий (1811–1885): жизненный путь типичного представителя дворянской интеллигенции XIX века

Сергей Иванович Дегтярев ^{a, b, *}, Любовь Георгиевна Полякова ^{b, c, d},
Олеся Ивановна Егорова ^a, Ясмин Гут ^e

^a Сумский государственный университет, Сумы, Украина

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^d Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

^e Университет г. Женева, Женева, Швейцария

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: starsergo2014@gmail.com (С.И. Дегтярев)

Аннотация. В статье исследуется биография и творческое наследие писателя, юриста и публициста XIX века Якова Костенецкого (1811–1885). Авторы относят его к числу типичных представителей интеллигенции середины – второй половины XIX века. Он получил хорошее образование, много лет своей жизни отдал государственной службе – военной и гражданской. Я. Костенецкий вел активную общественную жизнь, поддерживал знакомство со многими людьми, среди которых были известные поэты и писатели, государственные и общественные деятели – М. Лермонтов, П. Антонович, А. Герцен и многие другие. Он принимал участие в антиправительственном кружке, которым руководил Сунгуров.

Я. Костенецкого как исследователя интересовали различные темы, среди которых пчеловодство, некоторые вопросы юридической науки, история. К наиболее ценным работам Костенецкого авторы относят его воспоминания о людях, с которыми он был знаком, и о событиях, в которых он принимал участие или свидетелем которых был.

Ключевые слова: Яков Костенецкий, тайный кружок Сунгурова, Московский университет, Российская империя, Кавказ.

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1078-1085. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1078
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The British Russophobia in the first half of the XIX century: the Political Aspect

Lydia A. Kryzhko ^{a, *}, Petr I. Pashkovsky ^a, Evgenia I. Davydova ^a, Pavel I. Shipilin ^a

^aV.I. Vernadsky Crimean Federal University, Russian Federation

Abstract

The article considers the problem of the political of the British Russophobia in the first half of the XIX century. It is established that in this period the imperative of the foreign policy strategy of Great Britain, which was the leading world power, was to maintain the balance of power in an effort to preserve and, if possible, increase global domination. Strengthening the military-political power and the international influence of the Russian Empire stimulated the British elites to develop methods to counter the imbalance. The clash of the geopolitical interests of London and Petersburg, in particular with regard to Poland and the Eastern Question, intensified the British anti-Russian information campaign, which was aimed at shaping Russophobic attitudes in British society and in the international arena. Based on the analysis of a broad source base and numerous studies, it is revealed that in the period under review, the genesis and spread of Russophobic sentiments among the political elite of Great Britain and their projection regarding the foreign policy aspirations of the Russian empire. Indicators of the birth of British Russophobia were the publication in 1817 of the mentioned work of R. Wilson, who by that time was already known for his anti-Russian views, and the public's reaction to it, which was manifested in a number of reviews in the local media. Against the background of the prevailing critical perception of R. Wilson's Russophobic statements, the reviews of his work contained reflections on the growing «Russian threat» and the possibility of Russia's aggressive actions. This contributed to the spread of anti-Russian views in Britain, a manifestation of which was the publication in 1828 of the book by G. Evans, which initiated the heated debate of a frankly Russophobic orientation.

Keywords: Russia, Great Britain, russophobia, «Great Game», geopolitics.

1. Введение

К началу XIX в. территория Британской империи составляла 1,5 млн. кв. миль, а население – около 20 млн человек (Уткин, 2008: 36-37). Характеризуя сущность внешнеполитической стратегии Великобритании в этот период, Г. Киссинджер справедливо отмечал: «Девятнадцатый век был апогеем британского влияния. <...> Она являлась ведущей промышленной державой, а Королевский военно-морской флот господствовал на морях. <...> В деле защиты равновесия сил Великобритания никогда не была ни решительно интервенционистской страной, ни категорическим противником интервенции, ни бастионом венского порядка, ни державой, требующей его ревизии. Стиль ее деятельности был неуклонно прагматичен, а британский народ гордился тем, что страна способна, лавируя, идти вперед. <...> Заранее определенным принципом британской внешней политики была (независимо от того, признавала ли Великобритания это открыто или нет) концепция защитника равновесия сил, что в целом означало поддержку более слабого против сильного» (Киссинджер, 1997: 84-85).

Примечательной тенденцией стало оформление русофобских воззрений в среде политической элиты Великобритании, которое приходится на начало XIX в., характеризующегося противоборством

* Corresponding author

E-mail addresses: lidochka12345@mail.ru (L.A. Kryzhko), petr.pash@yandex.ru (P.I. Pashkovsky), davydoffollowers@mail.ru (E.I. Davydova), p.schipilin2011@yandex.ru (P. I. Shipilin)

Лондона и Петербурга в плоскости геополитических интересов империй. Это способствовало активизации британской пропаганды с целью внедрения в массовое сознание антироссийских установок, формирующих негативный стереотип восприятия образа России в британском обществе. В этом процессе ключевую роль играла политическая составляющая антироссийской информационной кампании Великобритании, рассмотрению генезиса которой посвящена данная статья.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования представлена следующими группами материалов: во-первых, сочинениями британских авторов – военного и дипломата Р. Вильсона ([Wilson, 1817](#)), военного Дж. Эванса ([Evans, 1828](#)), публициста Р. Кобдена ([Manchester Manufacturer, 1836](#)). Во-вторых, материалами британских средств массовой информации: «Edinburgh Review» ([Art, VIII, 1817, 1818](#)), «The London and Westminster Review» ([The London and Westminster Review, 1836](#)), «Quarterly Review» ([Art, 1818, 1818](#)). В-третьих, британским понятийно-терминологическим изданием «The Imperial Dictionary of the English Language» ([The Imperial Dictionary..., 1882](#)). В-четвертых, данными переписки русского поэта и дипломата Ф. Тютчева ([Тютчев, 2004](#)). В-пятых, сборником международных договоров и соглашений Российской империи в рассматриваемый период ([Мартенс, 1895](#)).

Методологической основой исследования является системный подход, позволивший связать определенные тенденции в целостную картину генезиса политического аспекта британской русофобии. Системный подход обусловил применение следующих исследовательских методов. При помощи социально-психологического метода были определены общие и частные характеристики британских элит, оказавших непосредственное влияние на генезис и развитие антироссийской пропаганды Великобритании, а также специфику отношений Британской и Российской империй. Историко-генеалогический метод способствовал изучению событий в последовательном временном развитии и раскрытию связей между разными этапами британской русофобии. Определение зависимости между сферами общественной жизни и государственными институтами в процессе формирования и реализации британской антироссийской пропаганды осуществлялось при помощи функционального метода. Анализ источников и научных публикаций позволил выявить первопричины определенных событий, основные тенденции рассматриваемой проблемы, сформировать теоретическую и источниковую базу исследования.

3. Обсуждение

Комплексный анализ различных аспектов взаимоотношений России и Запада осуществлен в трудах А. Уткина ([Уткин, 2008](#)). Специфика эволюции британских элит раскрывается в монографии М. Делягина ([Делягин, 2018](#)). Особенности международных отношений в первой половине XIX в. освещаются в исследованиях Е. Тарле ([Тарле, 1957; Тарле, 1959](#)). Вопросам антироссийской пропаганды в контексте противостояния Британской и Российской империй в Туркестане и на Кавказе посвящена работа М. Ниязматова ([Ниязматов, 2014](#)). В исследованиях П. Пашковского, Е. Крыжко, С. Шевелева и Е. Бебешко ([Bebeshko et al., 2017; Kryzhko et al., 2018](#)) рассматриваются проблемы происхождения и специфика геополитической конкуренции Великобритании и России в Туркестане в первой половине XIX в. Вопросы российско-британского соперничества в исследуемый период в общих чертах освещаются в труде Г. Киссинджера ([Киссинджер, 1997](#)). Особенности «Большой игры» Британской и Российской империй в Азии изучаются П. Хопкиром ([Hopkirk, 2006](#)). Генезису британской русофобии посвящена монография Дж. Глисона ([Gleason, 1950](#)). В исследовании Г. Меттана ([Меттан, 2017](#)) «Запад – Россия: тысячелетняя война» характеризуются содержание, исторические основы, страновая стратиграфия и методология русофобии.

В этом отношении представляется, что отечественными и зарубежными исследователями недостаточно внимания уделяется генезису западной русофобии, в частности происхождению политического аспекта британской антироссийской пропаганды как составной части этого феномена, что актуализирует изучение данной проблемы.

4. Результаты

Период XVIII – начала XIX вв. характеризуется стремительным территориальным ростом России, ее выходом на международную арену в качестве сильного игрока, становлением как империи при Петре I, амбициозностью внешней политики Екатерины II и Павла I, а также особенностями формирования Венской системы международных отношений при непосредственном участии Российской империи в лице Александра I. Подобное приводит к тому, что Россия становится одним из ведущих субъектов в рамках международной системы, что рассматривалось британской элитой как угроза прежнему равновесию сил.

Одним из методов реализации интересов Великобритании в контексте соперничества с Российской империей становится антироссийская пропаганда, приобретающая черты русофобии. Прямо считать, что термин «руссофобия» (*russophobia*) в Великобритании оформился к 1882 г. и означал «боязнь России или ее политики; сильное чувство отторжения в отношении России и

русских» ([The Imperial Dictionary..., 1882: 748](#)). Предположительно впервые слово «руссофобия» в привычном контексте было использовано в 1860-е гг. в корреспонденции русского дипломата и поэта Ф. Тютчева ([Тютчев, 2004: 269-270](#)). Классик рассуждал о людях, которые, являясь русскими, восторженно смотрели на Запад, считая его образцом для подражания, и с презрением отзывались о России.

Вместе с тем известно, что в 1835 г. слово «russo-phobia» уже употреблялось редакторами британского журнала «The London and Westminster Review» ([The London and Westminster Review, 1836: 255, 276](#)), которые отмечали «руссофобские взгляды» в среде кабинета министров Великобритании и записках путешественников. К 1836 г. относится работа британского публициста Р. Кобдена «Russia. A Cure for the Russo-phobia» («Россия. Лекарство от руссофобии») ([Manchester Manufacturer, 1836](#)). Представляется, что в рассматриваемый период правомерно говорить, скорее, о формировании негативного образа России и русских в общественных и правительственных кругах европейских держав, в частности в Великобритании. Генезис этого образа выступает первым этапом сложного процесса становления британской руссофобии.

Двусторонние российско-британские отношения находились в прямой зависимости от международной обстановки в Европе. С окончанием наполеоновских войн сформировалась новая система международных отношений, в основу которой были положены консервативно-охранительные принципы. Концепция, сформулированная Парижскими соглашениями и Венским конгрессом, окончательно оформилась к 1819 г., распространив свое влияние на Старый свет, а также определив «правила игры» в российско-британском соперничестве на Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

В 1815 г. Российская империя (наравне с Великобританией) предстала перед Европой в роли спасительницы от «наполеоновского деспотизма». Благодаря своему сдержанному отношению к французам и «щедрым» обещаниям полякам, Александр I заслужил уважение европейцев, но вызвал негодование Лондона в вопросе контроля над Польшей, которую английская политическая элита воспринимала как рычаг давления на соседние страны и всячески оказывала ей протекцию ([Меттан, 2017: 243](#)). Ведущие европейские дипломаты полагали, что новая международная система должна стать эффективным механизмом межгосударственного сотрудничества. Однако первые же трудности, возникшие в процессе ее формирования, поставили «дипломатию конгрессов» в тупик.

Греческое восстание в марте 1821 г. привлекло внимание правительств всей Европы. Неспособность турок подавить это восстание в Море стало предпосылкой вынесения Восточного вопроса на повестку дня и значительно повлияла на развитие российско-британских отношений. Вопрос о том, кому будет принадлежать лидерство в урегулировании конфликта с Портой, затрагивал, прежде всего, эти два государства.

Правительство Великобритании во главе с лордом Р. Каслри проводило консервативную политику по греческому вопросу. Осторожность Лондона была обусловлена пониманием того, что любое вмешательство могло нарушить основы новой международной системы и пошатнуть положение Порты. Также выжидательная политика проводилась относительно Российской империи, симпатии которой с самого начала находились на стороне православных греков. Недавно переведенный из Вашингтона в Петербург британский посол Ч. Баго доложил Р. Каслри о желании императора знать дальнейший план действий Великобритании в случае войны и поражения Османской империи. Учитывая обстоятельства и схожие интересы Австрии и Великобритании в консервации данного вопроса, было решено придерживаться общего курса действий, невзирая на имеющиеся разногласия между Р. Каслри и К. Меттернихом. Соответственно, была согласована встреча в Ганновере, куда Р. Каслри в октябре 1821 г. сопровождал Георга IV во время его первого визита в немецкую столицу ([The Cambridge History..., 1923: 42](#)).

Английский кабинет стремился любыми способами предотвратить русско-турецкую войну, не желая преобладания России в Средиземном море. По мнению английского правительства, в качестве убедительного аргумента, способного сдержать Александра I, могла стать идея о всеобщем союзе, что было связано с представлениями о вере императора в монархическую солидарность по изгнанию тюрок из Европы – основной задачи Священного союза ([Gleason, 1950: 61](#)). В связи с этим Р. Каслри говорил о необходимости держать «беспорядочного автократа» «сгруппированным». А лучшим способом сделать это считались апелляция к указанным идеалам и напоминание о торжественном обещании Европе ([The Cambridge History..., 1923: 42-43](#)).

Лондон не верил в искренность намерений Александра I. Выражая подобные опасения, авторитетная британская газета «The Morning Chronicle» отмечала, что «хитрый самодержец России может подумать, что, поскольку мы не смогли предотвратить раздел Польши, теперь мы не можем предотвратить распад Турции» ([Gleason, 1950: 59](#)). В начале 1822 г. Р. Каслри отказался подписать предложенный российским послом в Великобритании графом Х. Ливеном конфиденциальный протокол, по которому Российская и Британская империи требовали от Османского правительства выполнения предъявленных русскими требований к Порте. В их основу легли принципы покровительства грекам, которые настаивали на неприкосновенности православной веры и церкви. Английское правительство также заявило об отказе отозвать своего посла из Константинополя в

случае невыполнения Портой требований российской стороны. Более того, английский кабинет отказался участвовать в «соглашениях, посредством которых судьба возмущившихся провинций была бы поставлена под постоянные гарантии» (*The Cambridge History...*, 1923: 42).

После смерти лорда Р. Каслри в 1822 г. новым премьер-министром Великобритании стал лорд Дж. Каннинг. Он продолжил курс предшественника, не будучи связанным с «дипломатией конгрессов» и оказавшись успешнее в восточных делах. Изначально отношение к новому премьер-министру в Петербурге было весьма недоверчивым. В этом контексте граф Х. Ливен отмечал, что «умственная энергия этого министра гораздо более способна усложнить и запутывать действия его кабинета, нежели их облегчить» (*Мартенс, 1895: 327*).

В свою очередь, неоднозначное отношение Дж. Каннинга к России проявилось в 1824 г. На очередной его отказ принять участие в Петербургской конференции (1824–1825 гг.) Александр I ответил декабрьской нотой. В обращении говорилось о невозможности дальнейшего обмена мыслями по поводу греческого вопроса, что произвело значительное впечатление на Лондон, приведя к положительным результатам. После назначения брата премьер-министра С. Каннинга британским послом в Петербурге в отчетах министра иностранных дел Российской империи К. Нессельроде, касающихся достаточно жестких отказов российской стороны затрагивать греко-турецкие дела, отмечается ненужность отталкивания от себя Англии. Подобное было связано с тем, что Лондон высказывал сожаление о совершенной ошибке и стремился возобновить переговоры, опасаясь самостоятельных действий России в греческих делах (*Мартенс, 1895: 329-333*).

В этот период политика Великобритании была направлена на стимулирование Порты к вступлению в переговорный процесс как с русскими, так и с греками, прежде чем ее принуждение станет неизбежным (*Gleason, 1950: 63*). Вскоре граф Х. Ливен убедился, что его первоначальное негативное впечатление о Дж. Каннинге было преждевременным. Русский дипломат пришел к убеждению, что из всех держав только Англия представила России наибольшие доказательства добросовестности. И если Россия чего-то добилась от Порты, то только благодаря английскому правительству, поскольку Великобритания была единственной нейтральной державой в конфликте между турками и греками (*Мартенс, 1895: 325-336*). В 1825 г. начинаются неофициальные переговоры между Х. Ливеном и Дж. Каннингом, в ходе которых российская сторона обсуждает подготовку к возможной войне с Портой.

На Петербургской конференции Австрия протестовала в вопросе вмешательства. Александр I не настаивал, и в итоге вопрос разрешен не был. Уход из жизни Александра I в конце 1825 г. произвел значительное впечатление на Лондон. Император перед смертью не пожелал оставлять «греческое дело» в английских руках. В свою очередь, Дж. Каннинг обнадежил Россию, что стоит всецело за вооруженное вмешательство обеих держав в пользу греков (*Тарле, 1957: 289-290*).

Впоследствии Х. Ливен уведомил К. Нессельроде, что Георг IV направляет герцога А. Веллингтона – участника наполеоновских войн, авторитетного политика, будущего премьер-министра Великобритании – в Петербург, чтобы поздравить депешей Николая I с восшествием на престол (*Внешняя политика России XIX и начала XX веков, 1985: 812*). Данный жест означал проявление уважения на высшем уровне представительства.

Прогноз Дж. Каннинга о том, что Николай I будет проводить более уверенную политику в Восточном вопросе, оказался верным, однако преждевременным. Понимание того, что Россия в этом отношении вне зависимости от поддержки Великобритании будет предпринимать решительные действия, привело к убежденности в необходимости подписания союзного договора, который смог бы сдержать российские инициативы. Тем не менее, идя на данное соглашение, Лондон осознавал неизбежность войны с Портой. В апреле 1826 г. был подписан англо-русский протокол по греческому вопросу (*Мартенс, 1895: 340*). Это событие символизировало постепенную смену «дипломатии конгрессов» эпохой двусторонних соглашений.

Следующим шагом было подписание союзного договора между Англией, Францией и Россией 6 июля 1827 г. (*Мартенс, 1895: 344*). Договор стал финальным в восточной политике Дж. Каннинга и ознаменовал отход от стратегии невмешательства, которой придерживался его предшественник. После смерти Дж. Каннинга 8 августа 1827 г. изменилось отношение правительства к восточным делам. Торийское большинство во главе с А. Веллингтоном вернулось к пассивной политике в греческом вопросе, сделав Англию наблюдателем.

Показательно, что Николай I изменяет взгляды на вопрос об освобождении Греции. В 1827 г. он посылает российский флот в качестве союзника английскому и французскому в сражении при Наварине против турецко-египетских сил, тем самым обеспечив себе дружественный нейтралитет Англии и Франции во время войны с Турцией в 1828–1829 гг. Однако получить контроль над проливами России не удается (*Тарле, 1959: 81*).

Опасаясь усиления российского влияния в Средиземноморье, Лондон активизирует антироссийскую пропаганду как во внешней, так и во внутренней политике. Это породило первый всплеск русофобских настроений в Великобритании, в дальнейшем продолживших оформление в комплексное восприятие среди британской политической элиты и населения действий Российской империи.

Важное место в вопросах формирования негативного образа России в британском обществе занимает рецепция взглядов элит в среде населения. Проследить ее можно в процессе анализа широко обсуждаемых вопросов, которые выносились на повестку дня, в частности в средствах массовой информации.

Проблема русофобии стала частым предметом дискуссий на страницах британских периодических изданий после публикации в 1828 г. генералом Дж. Эвансом труда «Замыслы России» (Evans, 1828). До этого в Великобритании антироссийские настроения имели единичные проявления и воспринимались скептически. Подобное объяснялось тем, что Петербург был союзником Лондона в ходе формирования Венской системы международных отношений и «Европейского концерта».

Ранее популярностью среди населения пользовались годовые обзоры различных направлений деятельности Великобритании – «Edinburgh Review», «The London and Westminster Review», «Quarterly Review». Интерес в данном случае представляет реакция общественности на выход в свет работы генерала Р. Вильсона «Очерк о военном и политическом могуществе России в 1817 году» (Wilson, 1817). Хотя сочинение в большей степени было подвержено критике (при наличии тех, которые прислушивались к мыслям Вильсона – Авт.), но выдержало четыре издания.

Примечательно, что Р. Вильсон публиковался анонимно. Однако он уже был настолько известен своими антироссийскими взглядами, что все издания без труда идентифицировали его в качестве автора. Это также указывает на то, что русофобские настроения были тогда еще настолько незначительно распространены, что анонимного автора узнавали по содержанию и манере повествования. В частности, один из обзоров его сочинений в «Edinburgh Review» начинается следующими словами: «Под этой работой предполагается публикация сэра Роберта Вильсона...» (Art. VIII, 1817, 1818: 164).

Следует отметить, что в этот период британский истеблишмент еще не принимал всерьез русофобских суждений. Так, в 1818 г. в «Edinburgh Review» публикуется обзорная статья на «Очерк...», в которой указанный автор был подвергнут учтивой критике: его обвиняли не в русофобских настроениях, а в сложности, витиеватости и изворотливости слога, который непонятен простому читателю. Также в редакции отрицательно отнеслись к избирательному подходу Р. Вильсона в освещении исторических событий: «Мы действительно должны предостеречь его от этой привычки писать историю, ссылаясь на ситуации. Если бы он не собирался рассказывать нам это и имел какие-либо основания только намекать на то, что он знает некоторые подробности, то было бы куда меньше причин придираться...» (Art. VIII, 1817, 1818: 178).

В обзоре работы Р. Вильсона, опубликованном в 1818 г. в «Quarterly Review», содержался призыв к взвешенным отношениям с Россией, а конкуренция империй трактовалась как благо, порождающее прогресс обеих сторон в области экономики. Подчеркивались выгоды от политического союза Лондона и Петербурга в деле обустройства «венского» мира (Art. V, 1818, 1818: 177).

Кроме того, в обзорах, главным образом, негативно оценивалась политическая элита страны, которая, как отмечалось, в случае противостояния с Россией не смогла бы защитить Великобританию. Приводились контраргументы русофобским пассажирам Р. Вильсона. Однако ко многим его утверждениям уже тогда относились вполне серьезно, признавая их справедливыми. Это касалось оценок России как державы, которая способна выдержать любую угрозу и в короткие сроки мобилизовать свои силы, обладая возможностями прибегнуть к агрессивным действиям в будущем. Такие выводы подготавливали благодатную почву для развития русофобских настроений не только в рамках политического истеблишмента, но и в широких слоях британского социума, оказывая влияние на международную общественность.

5. Заключение

В первой половине XIX в. императивом внешнеполитической стратегии Великобритании – ведущей мировой державы – было поддержание баланса сил, стремление сохранить и по возможности приумножить свое глобальное доминирование. Усиление военно-политической мощи и международного влияния Российской империи в условиях Венской международной системы стимулировало британские элиты к разработке методов противодействия тенденциям нарушения прежнего равновесия. В этом контексте столкновение геополитических интересов Лондона и Петербурга, в частности относительно Польши и Восточного вопроса, активизировало антироссийскую информационную кампанию Великобритании, направленную на формирование русофобских настроений в британском обществе и на международной арене.

Индикатором зарождения британской русофобии стало издание в 1817 г. упоминаемого труда генерала Р. Вильсона, к тому времени уже известного своими антироссийскими взглядами, и реакция на него общественности, проявившаяся в ряде обзоров в местных средствах массовой информации. На фоне преобладающего критического восприятия русофобских сентенций Р. Вильсона в этих обзорах содержались размышления о возрастающей «русской угрозе» и возможности агрессивных действий России. Подобное способствовало распространению антироссийских взглядов в Великобритании, новым этапом проявления которых стало издание в

1828 г. книги генерала Дж. Эванса «Замыслы России», положившей начало жарким дискуссиям откровенно русофобской направленности. Они были предназначены обеспечить поддержку в британском обществе и на международном уровне вступившего в активную фазу геополитического соперничества двух империй, известного под названием «Большая игра».

6. Благодарности

Исследование выполнено в рамках поддержанного федеральным государственным автономным образовательным учреждением высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» гранта № ВГО8/2018.

Литература

- [Внешняя политика России..., 1985](#) – Внешняя политика России XIX и начала XX веков. Серия 2. 1815–1830 гг. [Б. м.]: [б. и.], 1985. 928 с.
- [Делягин, 2018](#) – Делягин М. Британские элиты: факторы глобального превосходства. От Палангагенетов до Скрипалей. М.: Книжный мир, 2018. 256 с.
- [Киссинджер, 1997](#) – Киссинджер Г. Дипломатия. Пер. с англ. М.: Ладомир, 1997. 848 с.
- [Мартенс, 1895](#) – Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией и иностранными державами. Т. 11: Трактаты с Англией. 1801–1831. СПб., 1895. 492 с.
- [Меттан, 2017](#) – Меттан Г. Запад – Россия: тысячелетняя война. Пер. с англ. М.: Паулсен, 2017. 468 с.
- [Ниязатов, 2014](#) – Ниязатов М. Россия на Востоке: противостояние великих держав (XIX век). СПб.: Петербургское востоковедение, 2014. 640 с.
- [Тарле, 1957](#) – Тарле Е.В. Сочинения в 12 томах. Том 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 771 с.
- [Тарле, 1959](#) – Тарле Е.В. Сочинения в 12 томах. Том 8. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. 561 с.
- [Тютчев, 2004](#) – Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма в 6 томах. Том 6. Письма 1860–1873 годов. М.: Классика, 2004. 592 с.
- [Уткин, 2008](#) – Уткин А.И. Подъем и падение Запада. М.: АСТ, 2008. 761 с.
- [Art. V](#) – Art. V. A Sketch of the Military and Political Power of Russia, in the year 1817. Fourth Edition. pp. 208. London. 1818 // *The Quarterly Review*. Ed. by W. Gifford. London: John Murray, 1818. Vol. XIX. pp. 131-177.
- [Art. VIII](#) – Art. VIII. A Sketch of the Military and Political Power of Russia, in the Year 1817. 8vo. pp. 223. London. Ridgeway. 1817 // *The Edinburgh Review or Critical journal* / ed. by S. Smith. London: David Willson, 1818. Vol. XXIX. pp. 164-190.
- [Bebeshko et al., 2017](#) – *Bebeshko E.V., Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I., Shchevelev S.S.* The Problem of the Genesis of the «Great Game» in Turkestan at the Beginning of the XIX Century // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45. Is. 3. pp. 853-860.
- [Evans, 1828](#) – *Evans G.* On the designs of Russia. L., 1828. 265 p.
- [Gleason, 1950](#) – *Gleason J.H.* The Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the interaction of Policy and Opinion. Cambridge: Harvard University Press, 1950. 314 p.
- [Hopkirk, 2006](#) – *Hopkirk P.* The Great Game: On Secret Service in High Asia. N.Y., 2006. 576 p.
- [Kryzhko et al., 2018](#) – *Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I., Natalevich S.I.* The «Great Game» in Turkestan in the First Half of the XIX Century: the Geopolitical Interests of the Parties // *Bylye Gody*, 2018, Vol. 49, Is. 3, pp. 1084-1091.
- [Manchester Manufacturer, 1836](#) – Manchester Manufacturer A. [Cobden R.] Russia. A Cure for the Russo-phobia. Edinburgh: W. Tait, 1836. 54 p.
- [The Cambridge History..., 1923](#) – The Cambridge History of British Foreign Policy / edited by A.W. Ward and G.P. Gooch. Cambridge, 1923. Vol. 2: 1815-1866. 714 p.
- [The Imperial Dictionary..., 1882](#) – The Imperial Dictionary of the English Language: a Complete Encyclopedic Lexicon, Literary, Scientific, and Technological / by J. Ogilvie; New, rev. and augm. Ed. by C. Annandale. London: Blackie & Son, 1882. Vol. III. 799 p.
- [The London and Westminster Review, 1836](#) – The London and Westminster Review / by J. Bowring; J.S. Mill. London: J. Macrone, 1836. Vol. III. & XXV. 568 p.
- [Wilson, 1817](#) – *Wilson R.T.* A Sketch of the Military and Political Power of Russia in the year 1817. London: Ridgway, 1817. 212 p.

References

- [Art. V](#) – Art. V. A Sketch of the Military and Political Power of Russia, in the year 1817. Fourth Edition. pp. 208. London. 1818 (1818) // *The Quarterly Review* / ed. by W. Gifford. London: John Murray. Vol. XIX. pp. 131-177.
- [Art. VIII](#) – Art. VIII. A Sketch of the Military and Political Power of Russia, in the Year 1817. 8vo. pp. 223. London. Ridgeway. 1817, 1818 – Art. VIII. A Sketch of the Military and Political Power of Russia, in the

Year 1817. 8vo. pp. 223. London. Ridgeway. 1817 (1818) // The Edinburgh Review or Critical journal / ed. by S. Smith. London: David Willson. Vol. XXIX. pp. 164-190.

[Bebeshko et al., 2017](#) – *Bebeshko E.V., Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I., Shchevelev S.S.* (2017). The Problem of the Genesis of the «Great Game» in Turkestan at the Beginning of the XIX Century. *Bylye Gody*. Vol. 45. Is. 3. pp. 853-860.

[Delyagin, 2018](#) – *Delyagin M.* (2018). Britanskije elity: faktory global'nogo prevoskhodstva. Ot Plantagenetov do Skripalei [British elites: factors of global superiority. From the Plantagenets to Skripal]. M.: Knizhnyi mir. 256 p. [in Russian]

[Evans, 1828](#) – *Evans G.* (1828). On the designs of Russia. L. 265 p.

[Gleason, 1950](#) – *Gleason J.H.* (1950). The Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the interaction of Policy and Opinion. Cambridge: Harvard University Press. 314 p.

[Hopkirk, 2006](#) – *Hopkirk P.* (2006). The Great Game: On Secret Service in High Asia. N.Y. 576 p.

[Kissinger, 1997](#) – *Kissinger G.* (1997). Diplomatiya [Diplomacy]; Per. s angl. M.: Ladomir. 848 p. [in Russian]

[Kryzhko et al., 2018](#) – *Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I., Natalevich S.I.* (2018). The «Great Game» in Turkestan in the First Half of the XIX Century: the Geopolitical Interests of the Parties. *Bylye Gody*, Vol. 49. Is. 3. pp. 1084-1091.

[Manchester Manufacturer, 1836](#) – Manchester Manufacturer A. (1836). [Cobden R.] Russia. A Cure for the Russo-phobia. Edinburgh: W. Tait. 54 p.

[Martens, 1895](#) – *Martens F.F.* (1895). Sobranie traktatov i konventsii, zaklyuchennykh Rossiei i inostrannymi derzhavami [The Collection of Treatises and Conventions Concluded by Russia and Foreign Powers]. T. 11: Traktaty s Angliei. 1801-1831. SPb. 492 p. [in Russian]

[Mettan, 2017](#) – *Mettan G.* (2017). Zapad – Rossiya: tysyacheletnyaya vojna [West – Russia: the Millennial War]; Per. s angl. M. Anninskaya, S. Bulgakova, YU. Oboznoj. M.: Paulsen. 468 p. [in Russian]

[Niyazmatov, 2014](#) – *Niyazmatov M.* (2014). Rossiya na Vostoke: protivostoyanie velikih derzhav (XIX vek) [The Russia in the East: the Confrontation of the Great Powers (XIX Century)]. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie. 640 p. [in Russian]

[Tarle, 1957](#) – *Tarle E.V.* (1957). Sochineniya v 12 tomakh [The Works in 12 Volumes.]. Tom 1. M.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. 771 p. [in Russian]

[Tarle, 1959](#) – *Tarle E.V.* (1959). Sochineniya v 12 tomakh [The Works in 12 Volumes.]. Tom 8. M.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. 561 p. [in Russian]

[The Cambridge History of British Foreign Policy, 1923](#) – The Cambridge History of British Foreign Policy (1923). Edited by A.W. Ward and G.P. Gooch. Cambridge. Vol. 2: 1815-1866. 714 p.

[The Imperial Dictionary..., 1882](#) – The Imperial Dictionary of the English Language: a Complete Encyclopedic Lexicon, Literary, Scientific, and Technological (1882). By J. Ogilvie; New, rev. and augm. ed. by C. Annandale. London: Blackie & Son. Vol. III. 799 p.

[The London and Westminster Review, 1836](#) – The London and Westminster Review (1836). By J. Bowring; J. S. Mill. London: J. Macrone. Vol. III. & XXV. 568 p.

[Tyutchev, 2004](#) – *Tyutchev F.I.* (2004). Polnoe sobranie sochinenii i pis'ma v 6 tomakh. Tom 6. Pis'ma 1860 – 1873 godov [The Complete Works and Letters in 6 Volumes. Volume 6. Letters of 1860 – 1873]. M.: Klassika. 592 p. [in Russian]

[Utkin, 2008](#) – *Utkin A.I.* (2008). Pod'em i padenie Zapada [The Rise and Fall of the West]. M.: AST: AST MOSKVA. 761 p. [in Russian]

[Vneshnyaya politika Rossii..., 1985](#) – Vneshnyaya politika Rossii XIX i nachala XX veka (1985). [The Foreign Policy of Russia of the XIX and Early XX Century]. Seriya 2. 1815-1830 gg. [B. m.]: [b. i.]. 928 p. [in Russian]

[Wilson, 1817](#) – *Wilson R.T.* (1817). A Sketch of the Military and Political Power of Russia in the year 1817. London: Ridgway. 212 p.

Британская русофобия в первой половине XIX века: политический аспект

Лидия Анатольевна Крыжко ^{a, *}, Петр Игоревич Пашковский ^a, Евгения Игоревна Давыдова ^a, Павел Игоревич Шипилин ^a

^a Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: lidochka12345@mail.ru (Л.А. Крыжко), petr.pash@yandex.ru (П.И. Пашковский), davydoffollowers@mail.ru (Е.И. Давыдова), p.schipilin2011@yandex.ru (П.И. Шипилин)

Аннотация. В статье рассмотрена проблема политического аспекта британской русофобии в первой половине XIX века. Установлено, что в этот период императивом внешнеполитической стратегии Великобритании – ведущей мировой державы – было поддержание баланса сил, стремление сохранить и по возможности приумножить свое глобальное доминирование. Усиление военно-политической мощи и международного влияния Российской империи стимулировало британские элиты к разработке методов противодействия тенденциям нарушения прежнего равновесия. Столкновение геополитических интересов Лондона и Петербурга, в частности относительно Польши и Восточного вопроса, активизировало британскую антироссийскую информационную кампанию, направленную на формирование русофобских настроений в британском обществе и на международной арене. На основании анализа широкой источниковой базы и многочисленных исследований выявлено, что в рассматриваемый период происходит генезис и распространение русофобских настроений среди политической элиты Великобритании, а также их проекция на внешнеполитические устремления Российской империи. Индикатором зарождения британской русофобии стало издание в 1817 г. упоминаемого труда Р. Вильсона, к тому времени уже известного своими антироссийскими взглядами, и реакция на него общественности, проявившаяся в ряде обзоров в местных средствах массовой информации. На фоне преобладающего критического восприятия русофобских сентенций Р. Вильсона в обзорах его сочинения содержались размышления относительно возрастающей «русской угрозы» и возможности агрессивных действий России. Это способствовало распространению антироссийских взглядов в Великобритании, проявлением которых стало издание в 1828 г. книги Дж. Эванса, положившей начало жарким дискуссиям откровенно русофобской направленности.

Ключевые слова: Россия, Великобритания, русофобия, «Большая игра», геополитика.

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1086-1095. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1086
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Image of the "West" on the Pages of Magazines "Notes of the Fatherland" and "Son of the Fatherland" in the 20s, 30s of XIX century

Dmitrii V. Bodnarchuk ^{a,*}

^a St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

The concept of "West" is one of the most important in Russian culture from the XIX century to the present time. It is used as "other" in disputes about the "essence" of Russian society and the state. However, attempts to find out when, how and where this concept has entered the Russian culture has not yet been undertaken. According to the author's assumption, based on the analysis of the journal "Notes of the Fatherland" for 1818–1831 and the journal "Son of the Fatherland" for 1818–1836, the concept of "West" was borrowed by Russian intellectuals from Western European culture. Russia became "East" so that Western Europe could feel "West". At the same time, Russian intellectuals ceased to perceive Russia as a "Northern" country. This change occurred around the 30s of the XIX century. The Russian translation of Western European French and German historical and artistic texts into Russian served as a channel for translating these concepts into the semantic field of Russian culture. On the pages of "Domestic notes" and "Son of the Fatherland" "West" is most often found in translated texts. In parallel with the assimilation of the concept of "West" there was the assimilation of Oriental discourse, which was also a product of Western European intellectual thought. The time when the concept of "West" became firmly established and began to manifest itself in Russian culture can be considered conditionally 1836, the publication of the First philosophical letter of P.Ya. Chaadayev and the ensuing discussion. This text was of Russian origin, but the "West" is used there as one of the key semantic concepts.

Keywords: East, West, Russia, France, "Domestic notes", "Son of the Fatherland".

1. Введение

В фокусе статьи – археология понятия «Запад» в русской культурной традиции первой половины XIX в. Несмотря на обширную литературу последнего времени, связанную с историей понятий и дискурсов в России (Живов, 2012; Живов, 2009; Исторические понятия, 2006; Колесов, 2000; Виноградов, 1999; Виноградов, 1935; Степанов, 2004; Дубина, 2010: 298-319; Хархордин, 2002; Зорин, 2004; Понятия о России, 2011), формирование этого ключевого конструкта сознания российского общества изучено недостаточно. В фокусе настоящей статьи – исследование вопроса о возникновении образа «Запада» в российском общественном сознании первой половины XIX века.

2. Материалы и методы

Основным материалом исследования стал корпус литературных и публицистических текстов журналов «Отечественные записки» и «Сын Отечества» за период 1818–1831 гг. Кроме этого, для расширения источниковой базы привлекались тексты ряда публицистов 20-х– 30-х гг. XIX в. Анализировать и сравнивать употреблявшиеся в двух журналах понятия лучше, установив для них общую хронологическую границу. В качестве нижней хронологической границы взят 1818 г. – время после окончания Наполеоновских войн, когда современники пытались осмыслить происшедшее.

* Corresponding author

E-mail addresses: d.bodnartchuk@spbu.ru (D.V. Bodnarchuk)

Понимание роли России в прошедших событиях, отношения ее с прочими европейскими государствами играли в этом осмыслении важную роль. Можно предположить актуализацию в это время интереса к истории и культуре региона, который примерно с 30-х–40-х гг. XIX в. стал называться «Запад». Верхнюю хронологическую границу – 1836 г. – мы посчитали возможным связать с изданием Первого философического письма П.Я. Чаадаева, текста, который послужил важной вехой в формировании и утверждении понятия «Запад» в среде русского образованного общества.

Кратко напомним историю анализируемых журналов. «Сын Отечества» издавался в Санкт-Петербурге с 1812 до 1852 г. (Греч, 1930: 290-306; История русской журналистики, 1966: 125-128, 135-140, 166-167, 293-294; Степанов, 1950: 199-210). В данной статье мы обратимся к периоду истории журнала с 1818 по 1836 гг. Как известно, журнал был основан Николаем Ивановичем Гречем для публикации текстов политической и исторической тематики, связанных с Отечественной войной 1812 года. С 1814 г. в журнале начинает усиливаться литературная составляющая, на его страницах печатаются И.А. Крылов, А.С. Пушкин, Г.Р. Державин, Н.И. Гнедич, К.Н. Батюшков, А.Ф. Воейков, И.К. Кайданов, В.А. Жуковский. В период после Наполеоновских войн, с 1816 по 1825 гг., в журнале публиковалось много публицистики и художественных текстов, написанных декабристами или авторами, сочувствовавшими их идеям. Это были А.А. Бестужев, В.К. Кюхельбекер, К.Ф. Рылеев. Также печатались писатели, поэты, литературные критики А.С. Грибоедов, П.А. Вяземский, Н.И. Кутузов, П.А. Катенин, Ф.Н. Глинка, Н.А. Полевой. До 1825 г. «Сын Отечества» был одним из самых популярных и влиятельных русских журналов: его тираж в отдельные годы достигал 1800 экземпляров. Критическим для журнала стало восстание декабристов. Данное событие имело для него два последствия. В силу того, что ряд популярных авторов либо состоял в декабристских обществах, либо симпатизировал им, такие авторы после ареста уже не имели возможности публиковаться. По той же причине (наличие среди авторов журнала декабристов) после 14 декабря 1825 г. уменьшается количество подписчиков и читателей журнала. Таким образом, в 1826 г. период благополучия журнала заканчивается, меняется и его ориентация. Соиздателем Н.И. Греча становится Ф.В. Булгарин. В 1829 г. «Сын Отечества» соединяется с журналом Ф.В. Булгарина «Северный архив» и журнал меняет название на «Сын Отечества и Северный архив. Журнал литературы, политики современной истории». Однако количество читательской аудитории журнала продолжает снижаться. В итоге в 1838 г. Булгарин и Греч продают журнал А.Ф. Смирдину, который издавал его до 1840 г., а в 1841 г. продал О.И. Сенковскому.

Напомним, что ранний период истории журнала «Отечественные записки», 1818–1831 гг., связан с Павлом Петровичем Тугим-Свиньиным, первым издателем и редактором журнала. Это период «патриотический», когда в журнале публиковались статьи, освещавшие примеры бескорыстного служения ближним русских врачей, учителей, чиновников, биографии знаменитых сынов России, открытия русских ученых, вопросы развития промышленности и культуры в России. К 1831 г. журнал фактически перестал выходить, но закрыт не был. В 1839 г. права на издание журнала были выкуплены у П.П. Свиньины Андреем Александровичем Краевским. (Лыщинская, 2012: 66-72; Готовцева, Киянская, 2011: 11-36; Рейтблат, Бочков, 2007: 519-524; Проскурин, 2001: 270-277; Кулакова, 2002: 361-373).

На первом этапе работы с текстами журналов были применены цифровые методы обработки текста, что позволило выявить все случаи употребления слова «Запад» в статьях «Отечественных записок» и «Сына Отечества» за период 1818–1831 и 1818–1836 гг. соответственно. Это принципиально важный момент, так как привлечение компьютерных технологий к работе с текстами позволяет увидеть целостную панораму употребления того или иного слова на страницах исследуемого издания. Раньше это было невозможно, так как «выборочный фронтальный просмотр текста» ничего подобного дать не мог. Второй этап потребовал использования сравнительно-контекстуального и проблемно-сопоставительного метода исследования (Тимофеев, 2016: 156-168; Бёдекер, 2010: 34-65).

3. Обсуждение

При значительной историографии, посвященной разным аспектам взаимодействия России и «Запада», роли «Запада» в русской культуре (Шнейдер, 2009: 245-262; Широкова, 2007: 57-61; Голубев, 1998: 27-33; Сигачёва, 2011: 304-307; Сергеев, 2001; Большакова, 1998: 3-13; Гуркина, 2018: 54-58; Россия и Запад, 2000; Россия и Запад, 2003; Россия и Запад, 2008), истоки понятия «Запад» в русской общественной мысли остаются, на наш взгляд, мало изученными. Для современной литературы традиционной является, например, знаменитая работа Н.А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма» (Бердяев, 1990), но, во-первых, это работа скорее историософская, чем историческая, а во-вторых, в ней автор подробно анализирует вопрос о влиянии «Запада» на русскую интеллигенцию в XIX в., но не касается проблемы возникновения или принятия понятия «Запад» русской культурой. Между тем общим местом является утверждение, что образ «Запада» в том виде, в каком он существует сейчас, сформировался в России только в XIX в., но специальных работ,

посвященных данному вопросу, нами не выявлено (Черная, 2000: 31-46). Разработке этой проблемы посвящена данная статья.

4. Результаты

За 1818–1836 гг. в журнале «Сын Отечества» нами было выявлено относительно немного данных для исследования понятия «Запад». Наиболее показателен здесь следующий отрывок: «...В Европе два рода противных климатов, и в одном веке два века, противоречащие один другому. В нынешнее время век Запада, кажется, не есть век Севера. Книги, истинные толкователи общего мнения, суть явное тому доказательство: стоит пробежать их, чтоб увериться, что Запад просвещает мир всеми способами слога легкого, блестящего и обработанного в превосходной степени, чтоб пленить ум, но не научая его. Север довольствуется изложением простым образом древних истин, получивших цену во всех отраслях Литературы, чтоб продолжить сияние лампы просвещения. Польша, Швеция и Россия, и все, что может назваться Севером, занимаясь непрерывно поддержанием оного, трудятся в обогащении Словесности более и более полезными произведениями...» (Современная русская библиография, 1819: 229). Это фрагмент текста книги на французском языке И. Лобаржевского «Христианско-политические рассуждения о системе ниспровержения олтаря и трона» (Loborzewski, 1819). Игнатий Лобаржевский был вице-президентом Юстиц-коллегии. Для нас важно, что в данном отрывке «Запад» упоминается, но противопоставляется не «Востоку», а «Северу». В начале отрывка прямо указано, что два эти «века» или «климата» существуют одновременно в Европе, то есть они являются хоть и разными, но частями одного целого. Нужно отметить и то, что «Запад» противопоставляется «Северу» не в значении одной только России, но еще двух стран, Польши и Швеции, и еще территорий, обозначенных как «все, что можно назвать Севером». Здесь нужно обратить внимание также на то, что общий вклад «Севера» в просвещение Европы признается равным вкладу «Запада». Разница только в «стилях» просвещения. В этом смысле «Север» и «Запад» Европы получаются равны.

Вышеприведенный отрывок из книги И. Лобаржевского был опубликован в «Сыне Отечества» в тексте рецензии на нее. К сожалению, автор рецензии не указан. Это досадно, потому что в рецензии содержится еще один важный для нашей темы пассаж: это рефлексия на деление Европы на «Север» и «Запад». Существование «Запада» не вызывает у автора рецензии вопросов или недоумения, он с ним не спорит: «Возможно ли утверждать это? Кому говорит автор? Разве человек, не имеющий никакого понятия о Словесности Европейской, с ним в этом согласится! Какие суть те произведения Словесности Польской, Шведской (с сожалением прибавим) и Русской, которые могут сравняться с произведениями западной Европы? Какие произведения сих стран более, нежели произведения западной Европы, содействуют сохранению и распространению просвещения? Долг справедливости повелевает сказать, что произведения сих земель (впрочем, и совершенно различных между собою по разности нравов, языков, образа правления и вероисповедания оных) нимало не действуют на просвещение остальной части Европы... И что понимает Автор под именем Севера? Французы по своей географии причисляют и Германию к землям Арктическим. Куда отнесет он Англию? Может быть, он хотел сказать, что в западной Европе пишут вольнее, нежели в северной? И это ложно: в Испании, которая есть одна из самых западных земель Европы, не пишут ни о чем, а в Норвегии (которая близкая к землям приполюсным) существует неограниченная свобода тиснения, и еще недавно всенародно сказали в Журнале тамошнему Министру Полиции, что он спит; он не мог выхлопотать у Правительства, чтоб наказали Журналиста за эту правду, и сам принужден был заплатить важный штраф за то, что начал неосновательный иск...» (Современная русская библиография, 1819: 230-231). Данный отрывок интересен по нескольким причинам. Во-первых, здесь автор рецензии решительно выступает против мнения Лобаржевского о равенстве «Севера» и «Запада» в вопросах просвещения. Он придерживается классической точки зрения, согласно которой «Север» никак не может сравниться с «Западом» в деле просвещения Европы. Но тут нужно сделать важную оговорку, что для автора рецензии речь идет не только об отставании России от «Запада», но всех стран, обозначенных «Севером» и, следовательно, к «Западу» не относящихся. Во-вторых, автор сомневается в правомерности такого историко-культурного объединения, как «Север», с отнесением туда отличных друг от друга России, Польши, Швеции и «всего, что может назваться Севером». Это наблюдение становится тем интереснее, что вместе с отрицанием «Севера», существование некоего, более конкретного «Запада» у автора рецензии сомнения не вызывает. Никаких вопросов, например: «И что понимает Автор под именем Запада?» – автор рецензии не задает. Это может значить только то, что для автора рецензии здесь никакого вопроса нет. Хотя дальнейшие его рассуждения к таким вопросам как раз подталкивают. Обращая внимание Лобаржевского на неоднородность «Севера», автор рецензии обоснованно замечает, почему бы не отнести к «Северу» такие государства, как Англия или Германия? В то же время, если взять за критерий сравнения свободу печати, то окажется, что северная Норвегия в разрешении этого вопроса добилась большего успеха, чем страна на географическом западе Европы Испания. Принятие существования «Запада» и появление вопросов относительно существования «Севера» важны потому, что демонстрируют существование ясности в отношении одной семантической единицы и отсутствие такой ясности в отношении другой.

Лобаржевский не называет страны, составляющие, по его мнению, «Запад». Возможно, поэтому у автора рецензии на «Христианско-политические рассуждения» и не возникло вопросов относительно того, что именно Лобаржевский имеет в виду. Он как бы решил это сам для себя, приняв, что здесь они по определению думают об одном и том же. В то же время идея противопоставляемого «Западу» «Севера» такого единства уже не подразумевала. Для автора рассматриваемой рецензии «Север», по крайней мере в антиномии «Запад/Север», уже не был чем-то безусловным. Хотя в данный период Россия еще прочно ассоциировалась с «Севером» Европы, это подтверждается и наличием изданий, в чьих названиях был упомянут «Север», например, в альманахах, изданных в 1827 г. в Москве – «Северная лира», в Петербурге в 1825–1832 гг. – «Северные цветы», «Северный архив», с которым «Сын Отечества» был объединен в 1826–1830 гг. Также вспомним альманах «Полярная звезда», издававшийся декабристами, здесь также присутствует явная отсылка к «северной» тематике.

Отметим еще, что для автора рецензии противопоставление «Запад/Север» происходит в границах Европы, что хорошо видно из формулировки вопроса об отличии «Северной» и «Западной» Европы: «Может быть, он (Лобаржевский – Авт.) хотел сказать, что в западной Европе пишут вольнее, нежели в северной?»

Упоминание «Запада» на страницах «Сына Отечества» в 1818–1836 гг. было редким, но важно, в каком контексте это слово употреблялось. Чаще всего это происходило в статьях, где упоминались Турция или Азия, например, в статьях об участии западных правителей и вооруженных отрядов в противостоянии греков и турок: «...лишиться навсегда помощи Запада» (Сегюр, 1821: 196), «...вооружить весь Запад против нас...» (Сегюр, 1821: 199), «сим средством надеялся он закрыть путь в пролив силам Запада...» (Сегюр, 1821:201). Интересно, что «Европа» или «Западная Европа» в этой статье не упоминаются ни разу (Сегюр, 1821: 193-208, 253-274). Еще важнее то, что этот текст переводной, с французского языка. Название оригинального текста не указано, вместо этого есть лишь краткое указание «Из Сегюра – перевел С. Л.-в». Вероятно, речь идет о Луи-Филиппе Сегюре, историке и дипломате. К сожалению, какое именно его сочинение имеется в виду, выяснить не удалось.

Вторая статья, где «Запад» фигурирует постоянно, – это тоже перевод с французского языка – «Отрывки из истории Крестовых походов, сочиненной г. Мишо» (Отрывки из истории, 1821: 112-126, 193-218, 241-253). Здесь также важен контекст упоминаний «Запада»: «без богатства, без имени, единою властью слез и убеждений успел он (Петр Пустынный – Авт.) подвигнуть весь Запад и устремить на Азию» (Отрывки из истории, 1821: 115), «...вооружить Запад для освобождения их (христиан – Авт.)...» (Отрывки из истории, 1821: 117), «турки простерли опустошение и ненавистное владычество свое до пролива Гелеспонтского, до самых врат Константинопольских, и оттуда угрожают Западу» (Отрывки из истории, 1821: 194), «уже свершился год времени, как крестоносцы оставили Запад» (Отрывки из истории, 1821: 201) и т.д. (Отрывки из истории, 1821: 6, 8, 16-17, 20, 146-147, 149). Важно, что и в первом, и во втором случае понятие «Запад» употребляется в переводных текстах, так оно привносится в семантическое поле русской культуры. Конечно, мы не имеем в виду только два вышеозначенных текста, но способ привнесения новых идей в культуру в целом. Также интересно отметить, что в статьях присутствует «Запад», но в качестве антиномии к нему «Востока» еще нет. Турки пока просто именуется «турками», и однажды названа «Азия». А сама фраза «подвигнуть весь Запад и устремить на Азию» звучит сейчас несколько непривычно.

В 20-е гг. упоминаний «Запада» на страницах «Сына Отечества» было немного. По нашим подсчетам – около десяти. Это были эпизодические упоминания, без какого-либо характерного контекста. В 1830 г. в журнале публикуется повесть Фридриха фон Гейдена «Спасители» (Гейден, 1830: 133-151, 181-200, 247-261, 311-332), где автор нередко прибегает к противопоставлению «Восток/Запад». Например: «...прихлебывали свое розолио, закусывая сладкими, тонкими лакомствами, в приуготовлении коих Восток имеет столько преимуществ перед Западом» (Гейден, 1830: 134), «Путешественники, посещавшие Париж, превозносят Пале-Рояль как вместилище всего земного великолепия; что же касается (выключая многое другое) до пышности выставленных на продажу товаров, их множества и странности, то сие вместилище западной роскоши никак не может быть приведено в сравнение с восточным Персидским базаром» (Гейден, 1830: 144-145), «Истощенный до крайности, он начал осматриваться и приметил, что стоит перед одною из многих бань, находящихся в Константинополе, коих волшебное великолепие возбуждает в чужестранце удивление; а жителю Востока самую тончайшую и сладострастнейшую раздражительностью чувств заменяет то, что житель Запада находит в душевном наслаждении театром и концертом» (Гейден, 1830: 185-186, 248, 257). Эти отрывки интересны в том смысле, что здесь «Запад» обозначается так, как это будет происходить в будущем вплоть до наших дней – через сопоставление с Востоком. И здесь «Запад» уже не есть часть Европы, но самостоятельный историко-культурный регион. Жители «Запада» наделяются такими чертами, как склонность к душевным переживаниям, приверженности к более простой, в сравнении с «Востоком», пище, меньшей роскоши.

Переходя к анализу текстов «Отечественных записок» за период 1818–1831 гг., нужно отметить, что на его страницах еще менее очевидно употребление понятия «Запад» в смысле отдельной цивилизации. Слово «запад» используется в подавляющем большинстве случаев для обозначения

стороны света, направления («на запад», «к западу», «на западе» в значении географических координат) или, гораздо реже, для обозначения части географического пространства без какой-либо попытки обозначить отдельную цивилизацию. Например: «...равным образом и восточные, и западные историки древних и новейших времен не упоминают ничего ни о таких событиях, ни о первоначальном появлении сих целительных вод» (Нелюбин, 1825: 189), «все вострепетало на западе, когда буйная мечта о всемирной Монархии омрачила ум его (Наполеона Бонапарта – Авт.) и воскресила кровопролития и губительные брани» (Литературные новости, 1822: 394), «...успехи Мономахова оружия, повествует Историограф наш Н.М. Карамзин, так прославили сего Великого Князя на Востоке и Западе, что имя его, по выражению летописцев, гремело в мире...» (Оружейная палата, 1820: 15). Можно было привести еще примеры, но уже на данном материале видно, что «запад» как часть света не имеет негативной окраски. Только однажды «Запад» употребляется для обозначения опасности для России, когда речь идет о Смутном времени: «Так и добродетельный Димитрий поступком неосторожным и несправедливым привлек от Запада страшную грозу, разразившуюся в недрах России» (Историческое похвальное слово, 1827: 221). Однако видеть в этом отрывке указание на противоположность или коварство «Запада» по отношению к России можно, на наш взгляд, с большой натяжкой. Здесь «Запад» назван источником бедствий России в силу объективных обстоятельств. Речь Пospолитая, откуда пришел Лжедмитрий, находилась к западу от Московского царства, поэтому «Запад» и назван источником «страшной грозы». Точно так же эта «гроза» могла прийти с востока или с юга. Здесь вообще возможно двойное понимание «запада»: как части света и как географической территории.

Действительно, в «Отечественных записках» за указанный период не было найдено никаких указаний на представление о разделении мира на *Восток* и *Запад*. Кстати, и Россия представляется здесь, скорее, северной страной, а не восточной. Характерен здесь следующий пассаж: «Настал новый век. Суворов сокрылся в бессмертии. Александр воссиял на Севере, Наполеон загредел на Западе» (Б.Ф., 1826: 132). Здесь, очевидно, русский император назван владыкой севера, а французский – владыкой запада. При этом, когда речь идет о войнах с Наполеоном, то его армия охарактеризовывается не как «западная», а как армия «французская соединенная армия, из войск всех Держав западной Европы составленная» (Описание битвы, 1822: 145). И само нашествие Наполеона на Россию не понимается как атака Запада, но как «порождение» Западной Европы (Историческое похвальное слово, 1827: 428), то есть здесь противопоставления «Восток/Запад» нет. Здесь и Наполеон, и Александр воспринимаются, скорее, как два повелителя разных частей (запад и север) одного региона (Европа) (Ивэр, 2004: 111-125).

В связи с вышеизложенным следует вспомнить, что во время переговоров в Тильзите сам Наполеон предлагал Александру I быть императором Востока, тогда как он, Наполеон, будет императором Запада (Тарле, 1940, 212). Это вполне вписывается в итоги известного исследования Л. Вульфа «Изобретая Восточную Европу» (Вульф, 2003) о том, что в XVIII столетии в Западной Европе противопоставление севера югу было заменено на противопоставление Запада Востоку. Но в России, вероятно, этого еще не произошло, и она в понимании русских обывателей продолжала оставаться «северной страной». Хорошей иллюстрацией здесь является стихотворение А.С. Пушкина «Недвижный страж дремал на царственном пороге...» (Пушкин, 1959: 20-22), написанное в 1824 г. В тексте стихотворения Александр I назван «Владыкой севера», «Владыкой полунощи», а Наполеон – «Владыкой запада». Также в стихотворении есть следующие строки: «Таков он был, когда в равнинах Австерлица / Дружины севера гнала его десница, / И русской в первый раз пред гибелью бежал...». Русская армия для А.С. Пушкина в данном стихотворении – «дружины севера», а не Востока. Ни о каком противостоянии России и «Запада» речь не идет. В то же время нужно помнить, что в некоторых идеологических проектах времен Отечественной войны 1812 г. она рассматривалась как противостояние «богоизбранной России» с «исчадием ада Наполеоном» (Зорин, 2001: 239-266), война становилась схваткой эсхатологического характера. Однако роль главного противника России принадлежала не «Западу», а Наполеону, Франции и даже самим французам как безнравственному народу. В «Сыне Отечества», например, в 1822 г. даже была напечатана статья под названием «Сравнение Крестовых походов текущего века с священной бралию текущего века», где император Александр и его союзники назывались защитниками Креста, а император Наполеон и «галлы» – ниспровергателями всяких древнейших порядков (Бутовский, 1822: 3-16, 51-64).

Не вдаваясь в подробности функционирования понятия «Запад» на страницах других публицистических текстов в первой половине 30-х гг. XIX в., отметим, что важным событием для создания и закрепления образа «Запада» в России до начала спора западников и славянофилов следует считать публикацию «Философического письма» П.Я. Чаадаева в 1836 г. в журнале «Телескоп». Так, в «Первом философическом письме» Чаадаев пишет: «Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого» (Чаадаев, 1989: 41); «это мысли о долге, справедливости, праве, порядке. Они происходят от тех самых событий, которые создали там общество, они образуют составные элементы социального мира тех стран. Вот она, атмосфера Запада, это нечто большее, чем история или психология, это физиология

европейского человека. А что вы видите у нас?» (Чаадаев, 1989: 45); «силлогизм Запада нам незнаком» (Чаадаев, 1989: 45); «а между тем, раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим на Германию, мы должны бы были сочетать в себе два великих начала духовной природы – воображение и разум – и объединить в нашей цивилизации историю всего земного шара» (Чаадаев, 1989: 47) и т.д. Самое главное, для нас здесь то, что текст Чаадаева позволяет увидеть, что к середине 30-х гг. XIX в. понятие «Запад» уже прочно вошло в набор понятий, употребляемых в российском общественном дискурсе в смысле, уже близком к пониманию «Запада» в русской общественной мысли второй половины XIX–XX вв.

5. Заключение

Опираясь на вышеизложенный материал, возможно предположить, что вхождение понятия «Запад» в систему ценностных понятий русского общества происходит примерно в 30-е гг. XIX столетия и заимствовано оно было из понятийного «обихода» европейских интеллектуалов. Заимствование это должно было проходить проще, так как в русском понятийном «обиходе» существовало схожее с западным «Востоком» понятие «Азия», чьими чертами Россия, по мысли культурной элиты, обладала. Однако важно, что западное понятие «Восток» и русское понятие «Азия» не были тождественны и не могли такими быть в силу своего различного генезиса. В этой связи ключевым является вопрос о том, каков был механизм восприятия русским обществом понятия «Запад» и переосмысления понятия «Россия», бывшего неизбежным в результате такого восприятия? С нашей точки зрения, часть русского общества приняла понимание «себя», данное извне, и вместе с ним идею о собственном несоответствии стандарту, который воплощало понятие «Запад».

Литература

- Б.Ф., 1826 – Б.Ф. Доблести графа М.А. Милорадовича // Отечественные записки. 1826. Ч. 25. С. 127-143.
- Бёдекер, 2010 – Бёдекер Х. Размышление о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история метафор. М., 2010. С. 34-65.
- Бердяев, 1990 – Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. 224 с.
- Большакова, 1998 – Большакова А.Ю. Образ Запада в русской литературе // Филологические науки. 1998. № 1. С. 3-13.
- Бутовский, 1822 – Бутовский И. Сравнение Крестовых походов среднего века с священной бранью текущего столетия // Сын Отечества. 1822. Ч. 75. С. 3-16, 51-64.
- Виноградов, 1935 – Виноградов В.В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. Л., 1935. 490 с.
- Виноградов, 1999 – Виноградов В.В. История слов. М., 1999. 1142 с.
- Вульф, 2003 – Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. М., 2003. 560 с.
- Гейден, 1830 – Гейден Ф. Спасители // Сын Отечества и Северный архив. 1830. Т. 11. С. 133-151, 181-200, 247-261, 311-332.
- Голубев, 1998 – Голубев А.В. «Европы мрачен горизонт»: образ Запада в советской карикатуре 1920-х гг. // Преподавание истории в школе. 1998. № 1. С. 27-33.
- Готовцева, Киянская, 2011 – Готовцева А.Г., Киянская О.И. Из истории русской журналистики 1820-х гг.: К.Ф. Рылеев, Ф.В. Булгарин и П.П. Свиньин // Вестник РГГУ. Серия «Журналистика. Литературная критика». 2011. № 6 (68). С. 11-36.
- Греч, 1930 – Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.- Л., 1930. С. 290-306.
- Гуркина, 2018 – Гуркина Н.К. Образ Запада в школьных учебниках и школьной литературе 1930-х гг. // Историко-психологические аспекты взаимовосприятия России и Запада. СПб., 2018. С. 54-58.
- Дубина, 2010 – Дубина В.С. Из Билефельда в Кембридж и обратно. Пути утверждения. «История понятий» в России. Послесловие // История понятий. История дискурса. История метафор. М., 2010. С. 298-319.
- Живов, 2009 – Живов В.М. Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М., 2009. 411 с.
- Живов, 2012 – Живов В.М. Эволюция понятий в свете истории русской культуры. М., 2012. 328 с.
- Зорин, 2004 – Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла. М., 2004. 416 с.
- Ивэр, 2004 – Ивэр Н.С. Использование «другого». М., 2004. 336 с.
- Исторические понятия, 2006 – Исторические понятия и исторические идеи в России XVI–XX веков: Сборник научных работ. СПб., 2006. 256 с.
- Историческое похвальное слово, 1827 – Историческое похвальное слово Дмитрию Донскому // Отечественные записки. 1827. Ч. 29. С. 73-104, 216-257, 377-430.
- История русской журналистики, 1966 – История русской журналистики XVIII–XIX веков. М., 1966. С. 125-128, 135-140, 166-167, 293-294.
- Колесов, 2000 – Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000. 326 с.

- Кулакова, 2002** – Кулакова И.П. Отечественный мечтатель // *Отечественные записки*. 2002. № 3. С. 361-373.
- Литературные новости, 1822** – Литературные новости // *Отечественные записки*. 1822. Ч. 11. С. 389-404.
- Льщинская, 2012** – Льщинская Д.П. Журнал «Отечественные записки» П.П. Свинына в политическом контексте 1820-х гг. // *Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»*. 2012. № 13 (93). С. 66-72.
- Нелюбин, 1825** – Нелюбин А. Краткое историческое известие о Кавказских минеральных водах в Пятигории // *Отечественные записки*. 1825. Ч. 21. С. 188-222.
- Описание битвы, 1822** – Описание битвы, при селе Бородино происходившей между Российской Императорскою армиею, под предводительством Генерала от Инфантерии Князя Голенищева-Кутузова, и французскою соединенною Армиею, из войск всех Держав западной Европы составленною, под личным предводительством Императора Наполеона // *Отечественные записки*. 1822. Ч. 11. С. 145-193.
- Оружейная палата, 1820** – Оружейная палата // *Отечественные записки*. 1820. Ч. 3. С. 1-32.
- Отрывки из истории, 1821** – Отрывки из истории Крестовых походов, сочиненной г. Мишо // *Сын Отечества*. 1821. Ч. 73. С. 112-126, 193-218, 241-253.
- Понятия о России, 2011** – «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Т. 1–2. М., 2011. Т. 1. 576 с. Т. 2. 496 с.
- Проскурин, 2001** – Проскурин О.А. Первые «Отечественные записки», или о лжи и патриотизме // *Отечественные записки*. 2001. № 1. С. 270-277.
- Пушкин, 1959** – Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. М., 1959–1962. Т. 2. Стихотворения 1823–1836. М., 1959. 799 с.
- Рейтблат, Бочков, 2007** – Рейтблат А.И., Бочков В.Н. Свинын Павел Петрович // *Русские писатели*. 1800–1917. М., 2007. Т. 5. С. 519-524.
- Россия и Запад, 2000** – Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Литературные источники первой половины XVIII в. Вып. 1. М., 2000. 496 с.
- Россия и Запад, 2003** – Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Литературные источники XVIII века (1726–1762). Вып. 2. М., 2003. 848 с.
- Россия и Запад, 2008** – Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Литературные источники последней трети XVIII в. Вып. 3. М., 2008. 849 с.
- Сегюр, 1821** – Сегюр Л.-Ф. Царствование Константина Палеолога, последнего императора греческого // *Сын Отечества*. 1821. Ч. 71. С. 193-208, 253-274.
- Сергеев, 2001** – Сергеев Е.Ю. Иная земля, иное небо. Запад и военная элита России. 1900–1914 гг. М., 2001. 282 с.
- Сигачёва, 2011** – Сигачёва М.И. Образ Запада как региона в представлении евразийцев и неоевразийцев // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2011. № 1. С. 304-307.
- Современная русская библиография, 1819** – Современная русская библиография // *Сын Отечества*. 1819. Ч. 52. С. 223-255.
- Степанов, 1950** – Степанов Н.Л. «Сын Отечества» // *Очерки по истории русской журналистики и критики*. Т. 1. Л., 1950. С. 199-210.
- Степанов, 2004** – Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М., 2004. 824 с.
- Тарле, 1940** – Тарле Е.В. Наполеон. М.-Л., 1940. 352 с.
- Тимофеев, 2016** – Тимофеев Д.В. Методология «Истории понятий»: от теории к практике исследований истории общественной мысли России первой четверти XIX века // *Новое прошлое. New past*. № 4. 2016. С. 156-168.
- Хархордин, 2002** – Хархордин О.В. Обличать и лицемерить. Генеалогия Российской личности. СПб., 2002. 511 с.
- Чаадаев, 1989** – Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989. 623 с.
- Черная, 2000** – Черная Л. Образ «Запада» в русской культуре XI–XVII вв. // *Россия и Запад: Диалог или столкновение культур*: Сб. ст. М., 2000. С. 31-46.
- Широкова, 2007** – Широкова М.А. Образ России и образ Запада в философии ранних славянофилов // *Алтайская школа политических исследований*. 2007. № 23. С. 57-61.
- Шнейдер, 2009** – Шнейдер К.И. Образы Запада и России в представлениях ранних русских либералов // *Диалог со временем*. 2009. № 27. С. 245-262.
- Lobarzewski, 1819** – Lobarzewski I. Observations chrétiennement politiques sur le système subversif de l'autel et du trône. SPb., 1819.

References

- B.F., 1826** – B. F. (1826). Doblesti grafa M. A. Miloradovicha [Valor of count M. A. Miloradovich]. *Otechestvennye zapiski*. 1826. Ch. 25. pp. 127-143. [in Russian]

- Bedeker, 2010** – *Bedeker Kh.* (2010). Razmyshlenie o metode istorii ponyatii [Reflection on the method of the history of concepts]. *Istoriya ponyatii, istoriya diskursa, istoriya metafor* M., 2010. pp. 34-65. [in Russian]
- Berdyaev, 1990** – *Berdyaev N.A.* (1990). Istoki i smysl russkogo kommunizma [The origins and meaning of russian communism]. M., 224 p. [in Russian]
- Bol'shakova, 1998** – *Bol'shakova A.Yu.* (1998). Obraz Zapada v russkoi literature [The image of the West in Russian literature]. *Filologicheskie nauki*. №1. pp. 3-13. [in Russian]
- Butovskii, 1822** – *Butovskii I.* (1822). Sravnenie Krestovykh pokhodov srednego veka s svyashchennoyu braniyu tekushchego stoletiya [Comparison of the Crusades of the middle century with the Holy brotherhood of the current century]. *Syn Otechestva*. Ch. 75. pp. 3-16, 51-64. [in Russian]
- Chaadaev, 1989** – *Chadaev P.Ya.* (1989). Stat'i i pis'ma [Articles and letters]. M., 623 p. [in Russian]
- Chernaya, 2000** – *Chernaya L.* (2000). Obraz «Zapada» v russkoi kul'ture KhI-XVII vv. [The Image of "West" in Russian culture 11-17 centuries]. *Rossiya i Zapad: Dialog ili stolknovenie kul'tur*. M., pp. 31-46. [in Russian]
- Dubina, 2010** – *Dubina V.S.* (2010). Iz Bilefel'da v Kembridzh i obratno. Puti utverzhdeniya. «Istoriya ponyatii» v Rossii. Posleslovie [From Bielefeld to Cambridge and back. The way approval. "History of concepts" in Russia. Afterword]. *Istoriya ponyatii. Istoriya diskursa. Istoriya metafor*. M., pp. 298-319. [in Russian]
- Geiden, 1830** – *Geiden F.* (1830). Spasiteli [Saviors]. *Syn Otechestva i Severnyi arkhiv*, T. 11. pp. 133-151, 181-200, 247-261, 311-332. [in Russian]
- Golubev, 1998** – *Golubev A.V.* (1998:27-33). «Evropy mrachen gorizont»: obraz Zapada v sovetskoj karikature 1920-kh gg. ["Europe's gloomy horizon": the image of the West in the Soviet caricature of the 1920s]. *Prepodavanie istorii v shkole*. №1. pp. 27-33. [in Russian]
- Gotovtseva, Kiyanskaya, 2011** – *Gotovtseva A.G., Kiyanskaya O.I.* (2011). Iz istorii russkoi zhurnalistiki 1820-kh gg.: K.F. Ryleev, F.V. Bulgarin i P.P. Svin'in [From the history of Russian journalism in the 1820s: K.F. Ryleev, F.V. Bulgarin and P.P. Svin'in]. *Vestnik RGGU. Seriya «Zhurnalistika. Literaturnaya kritika»*. № 6 (68), pp. 11-36. [in Russian]
- Grech, 1930** – *Grech N.I.* (1930). Zapiski o moei zhizni [Notes about my life]. M.; L., pp. 290-306. [in Russian]
- Gurkina, 2018** – *Gurkina N.K.* (2018). Obraz Zapada v shkol'nykh uchebnikakh i shkol'noi literature 1930-kh gg. Istoriko-psikhologicheskie aspekty vzaimovospriyatiya Rossii i Zapada [The image of the West in school textbooks and school literature of the 1930s. Historiko-psikhologicheskie aspekty vzaimovospriyatiya Rossii i Zapada. SPb., pp. 54-58. [in Russian]
- Istoricheskie ponyatiya, 2006** – *Istoricheskie ponyatiya i istoricheskie idei v Rossii XVI –XX veka: Sbornik nauchnykh rabot* [Historical concepts and historical ideas in Russia, XVI –XX century: Collection of scientific works]. SPb., 2006. 256 p. [in Russian]
- Istoricheskoe pokhval'noe slovo, 1827** – *Istoricheskoe pokhval'noe slovo Dmitriyu Donskomu* [Historical Eulogy Dmitry Donskoy]. *Otechestvennye zapiski*. 827. Ch. 29. pp. 73-104, 216-257, 377-430. [in Russian]
- Istoriya russkoi zhurnalistiki, 1966** – *Istoriya russkoi zhurnalistiki XVIII–XIX vekov* [History of Russian journalism XVIII–XIX centuries]. M., 1966. pp. 125-128, 135-140, 166-167, 293-294. [in Russian]
- Iver, 2004** – *Iver N.S.* (2004). Ispol'zovanie «drugogo» [Use of "other"]. M., 336 p. [in Russian]
- Kharkhordin, 2002** – *Kharkhordin O.V.* (2002). Oblichat' i litsemerit'. Genealogiya Rossiiskoi lichnosti [To denounce and be a hypocrite. Genealogy of the Russian personality]. SPb., 511 p. [in Russian]
- Kolesov, 2000** – *Kolesov V.V.* (2000). Drevnyaya Rus': nasledie v slove. Mir cheloveka [The Ancient Rus': the heritage in the word. World of man]. SPb., 326 p. [in Russian]
- Kulakova, 2002** – *Kulakova I. P.* (2002). Otechestvennyi mechtatel' [National dreamer]. *Otechestvennye zapiski*. № 3. pp. 361-373. [in Russian]
- Literaturnye novosti, 1822** – *Literaturnye novosti* [Literary news]. *Otechestvennye zapiski*, 1822. Ch. 11. pp. 389-404. [in Russian]
- Lobarzewski, 1819** – *Lobarzewski I.* (1819). Observations chrétieusement politiques sur le système subversif de l'autel et du trône. SPb. [in French]
- Lyshchinskaya, 2012** – *Lyshchinskaya D.P.* (2012). Zhurnal «Otechestvennye zapiski» P. P. Svin'ina v politicheskom kontekste 1820-kh gg. [The Journal "notes of the Fatherland" by P. P. Svin'in in the political context of the 1820s]. *Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie»*. №13 (93). pp. 66-72. [in Russian]
- Nelyubin, 1825** – *Nelyubin A.* (1825). Kratkoe istoricheskoe izvestie o Kavkazskikh mineral'nykh vodakh v Pyatigorii [Brief historical news about the Caucasian mineral waters in Pyatigoria]. *Otechestvennye zapiski*. Ch. 21. pp. 188-222. [in Russian]
- Opisanie bitvy, 1822** – *Opisanie bitvy, pri sele Borodino proiskhodivshei, mezhdru Rossiiskoyu Imperatorskoyu armieyu, pod predvoditel'stvom Generala ot Infanterii Knyazya Golenishcheva-Kutuzova, i frantsuzskoyu soedinennoyu Armieyu, iz voisk vsekh Derzhav zapadnoi Evropy sostavlennoyu, pod lichnym predvoditel'stvom Imperatora Napoleona* [Description of the battle, in the village of Borodino took place

between the Russian Imperial army, led by the General of Infantry Prince Golenishchev-Kutuzov, and the French United Army, from the troops of all the Powers of Western Europe composed, under the personal leadership of Emperor Napoleon], *Otechestvennye zapiski*. 1822. Ch. 11. pp. 145-193. [in Russian]

Oruzheynaya palata, 1820 – Oruzheynaya palata [Armory]. *Otechestvennye zapiski*. 1820. Ch. 3. pp. 1-32. [in Russian]

Otryvki iz istorii, 1821 – Otryvki iz istorii Krestovyykh pokhodov, sochinennoi g. Misho [Excerpts from the history of the Crusades, composed by G. Michaud]. *Syn Otechestva*. 1821. Ch. 73. pp. 112-126, 193-218, 241-253. [in Russian]

Ponyatiya o Rossii, 2011 – «Ponyatiya o Rossii»: k istoricheskoi semantike imperskogo perioda. T. 1-2 ["Concepts of Russia": to the historical semantics of the Imperial period. Vol. 1-2.]. M., 2011. T. 1. 576 p. T. 2. 496 p. [in Russian]

Proskurin, 2001 – *Proskurin O.A.* (2001). Pervye «Otechestvennye zapiski», ili o lzhi i patriotizme [The First "Domestic notes", or about lies and patriotism]. *Otechestvennye zapiski*. № 1. pp. 270-277. [in Russian]

Pushkin, 1959 – *Pushkin A.S.* (1959). *Sobranie sochinenii v 10 tomakh*. M., 1959-1962. T. 2. *Stikhotvoreniya 1823–1836* [Collected works in 10 volumes. M., 1959-1962. Vol.2. M., 1959. Poems 1823-1836]. M., 799 p. [in Russian]

Reitblat, Bochkov, 2007 – *Reitblat A.I., Bochkov V.N.* (2007). *Svin'in Pavel Petrovich* [Bochkov V.N. Svinin Pavel Petrovich]. *Russkie pisateli. 1800-1917*. M. T. 5. pp. 519-524. [in Russian]

Rossiya i Zapad, 2000 – *Rossiya i Zapad: gorizonty vzaimopoznaniya*. Literaturnye istochniki pervoi poloviny XVIII v. Vyp. 1. [Russia and the West: horizons of mutual understanding. Literary sources of the first half of the XVIII century. Issue 1]. M., 2000. 496 p. [in Russian]

Rossiya i Zapad, 2003 – *Rossiya i Zapad: gorizonty vzaimopoznaniya*. Literaturnye istochniki XVIII veka (1726-1762). Vyp. 2 [Russia and the West, 2003 – Russia and the West: horizons of mutual understanding. Literary sources of the XVIII century (1726-1762). Issue. 2]. M., 2003. 848 p. [in Russian]

Rossiya i Zapad, 2008 – *Rossiya i Zapad: gorizonty vzaimopoznaniya*. Literaturnye istochniki poslednei treti XVIII v. Vyp. 3 [Russia and the West, 2008 – Russia and the West: horizons of mutual understanding. Literary sources of the last third of the XVIII century. Issue 3]. M., 2008. 849 p. [in Russian]

Segyur, 1821 – *Segyur L.-F.* (1821). *Tsarstvovanie Konstantina Paleologa, poslednego imperatora grecheskogo* [Reign of Constantine Palaeologus, the last Emperor of the Greek]. *Syn Otechestva*. Ch. 71. pp. 193-208, 253-274. [in Russian]

Sergeev, 2001 – *Sergeev E.Yu.* (2001). *Inaya zemlya, inoe nebo. Zapad i voennaya elita Rossii. 1900-1914* gg [Different land, different sky. The West and the military elite of Russia. 1900-1914]. M., 282 p. [in Russian]

Shirokova, 2007 – *Shirokova M.A.* (2007). *Obraz Rossii i obraz Zapada v filosofii rannikh slavyanofilov* [The Image of Russia and the image of the West in the philosophy of early Slavophiles]. *Altaiskaya shkola politicheskikh issledovaniy*. №23. pp. 57-61. [in Russian]

Shneider, 2009 – *Shneider K.I.* (2009). *Obrazy Zapada i Rossii v predstavleniyakh rannikh russkikh liberalov* [Images of the West and Russia in the views of the early Russian liberals]. *Dialog so vremenem*. №27. pp. 245-262. [in Russian]

Sigacheva, 2011 – *Sigacheva M.I.* (2011). *Obraz Zapada kak regiona v predstavlenii evraziitsev i neoevraziitsev* [The image of the West as a region in the representation of Eurasians and neo-Eurasians]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. №1. pp. 304-307. [in Russian]

Sovremennaya russkaya bibliografiya, 1819 – *Sovremennaya russkaya bibliografiya* [Modern Russian bibliography]. *Syn Otechestva*. 1819. Ch. 52, pp. 223-255. [in Russian]

Stepanov, 1950 – *Stepanov N.L.* (1950). «*Syn Otechestva*» ["Son of the Fatherland"]. *Ocherki po istorii russkoi zhurnalistiki i kritiki*. T. 1. L. pp. 199-210. [in Russian]

Stepanov, 2004 – *Stepanov Yu.S.* (2004). *Konstanty: slovar' russkoi kul'tury* [Constants: dictionary of Russian culture]. M., 824 p. [in Russian]

Tarle, 1940 – *Tarle E.V.* (1940). *Napoleon* [Napoleon]. M.; L. 352 p. [in Russian]

Timofeev, 2016 – *Timofeev D.V.* (2016). *Metodologiya «Istorii ponyatii»: ot teorii k praktike issledovaniy istorii obshchestvennoi mysli Rossii pervoi chetverti XIX veka* [Methodology of "History of concepts": from theory to practice of studies of the history of social thought of Russia in the first quarter of the XIX century]. *Novoe proshloe. New past*. №4, pp. 156-168. [in Russian]

Vinogradov, 1935 – *Vinogradov V.V.* (1935). *Yazyk Pushkina: Pushkin i istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [The Language of Pushkin: Pushkin and the history of the Russian literary language]. L., 490 p. [in Russian]

Vinogradov, 1999 – *Vinogradov V.V.* (1999). *Istoriya slov* [The history of words]. M., 1142 p. [in Russian]

Vulf, 2003 – *Vulf L.* (2003). *Izobretaya Vostochnuyu Evropu* [Inventing Eastern Europe]. M., 560 p. [in Russian]

Zhivov, 2009 – Zhivov V.M. (2009). Ocherki istoricheskoi semantiki russkogo yazyka rannego Novogo vremeni [Essays on historical semantics of the Russian language of early Modern times]. M., 411 p. [in Russian]

Zhivov, 2012 – Zhivov V.M. (2012). Evolyutsiya ponyatii v svete istorii russkoi kul'tury [Evolution of concepts in the light of the history of Russian culture]. M., 328 p. [in Russian]

Zorin, 2004 – Zorin A.L. (2004). Kormya dvuglavogo orla [Feeding the two-headed eagle]. M., 416 p. [in Russian]

Образ «Запада» на страницах журналов «Отечественные записки» и «Сын Отечества» в 20-е – 30-е гг. XIX в.

Дмитрий Владимирович Боднарчук ^{а. *}

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Понятие «Запад» является одним из важнейших в русской культуре с XIX в. и до настоящего времени. Оно используется в качестве «другого» в спорах о «сути» русского общества и государства. Однако попытки выяснить, когда именно, как и откуда это понятие вошло в русскую культуру, до сих пор не предпринималось. Согласно предположению автора, основанному на анализе журнала «Отечественные записки» за 1818–1831 гг. и журнала «Сын Отечества» за 1818–1836 гг., понятие «Запад» было заимствовано русскими интеллектуалами из западноевропейской культуры. Россия стала «Востоком», чтобы Западная Европа могла почувствовать себя «Западом». При этом русские интеллектуалы перестали воспринимать Россию как «северную» страну. Такая перемена произошла примерно в 30-е годы XIX века. Каналом трансляции этих понятий в семантическое поле русской культуры служили переводившиеся на русский язык западноевропейские французские и немецкие исторические и художественные тексты. На страницах «Отечественных записок» и «Сына Отечества» «Запад» чаще всего встречается именно в переводных текстах. Параллельно с усвоением концепта «Запад» происходило усвоение ориентального дискурса, также бывшего произведением западноевропейской интеллектуальной мысли. Временем, когда понятие «Запад» прочно вошло и стало проявлять себя в русской культуре, условно можно считать 1836 г., публикацию Первого философического письма П.Я. Чаадаева и последовавшую за этим дискуссию. Этот текст был русского происхождения, но «Запад» там употребляется уже как одно из ключевых смысловых понятий.

Ключевые слова: Восток, Запад, Россия, Франция, «Отечественные записки», «Сын Отечества».

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: d.bodnartchuk@spbu.ru (Д.В. Боднарчук)

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1096-1105. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1096
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

From History of Accession of the Senior Zhuz to the Russian Empire: Prerequisites and Reasons

Gulnar T. Mominova ^{a, *}, Gulzada O. Charginova ^b, Mustafa Giritlioglu ^c, Akbota A. Kasymova ^d

^a L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan

^b Abai Kazakh National Pedagogical University, Kazakhstan

^c Kh.A. Yassawi International Kazakh-Turkish University, Kazakhstan

^d Kazakh National University named after Al-Farabi, Kazakhstan

Abstract

The article on the basis of archival materials covers the reasons and prerequisites of history of accession of the Senior Zhuz to the Russian Empire. In the early 20-ies of the XIX century on the territory of the Senior Zhuz there was no unified power. Under these conditions, the rulers of the Kazakhs of Semirechye and southern Kazakhstan for many reasons began to accept Russian citizenship. The process of joining the territory of the Senior Zhuz to the Russian Empire lasted for more than a century. The first documentary sources, evidence of the facts of the address Khan Julbaris and influential persons of the Senior Zhuz to the Imperial government with the request to take them under Russian protection, recorded at the end of the first third of the XVIII century. However, once the invasion of Dzungarian troops in the southern Kazakh steppe and the murder of Khan Julbaris have slowed the process for many decades. In the second half of the XVIII century Kazakh Khan Abylay managed to unite under his command numerous tribal groups of Middle and Senior zhuzes. After his death, the tribal associations of the Senior Zhuz, who roamed in the territory of Semirechye, pass under the control of his sons, the sultans Adil and Suyuk. Soon, subject to Sultan Adil kind of tribe Dulat, proclaim his Khan. In 1814, Khan Adil was forced to recognize the protectorate of the more powerful Kokand ruler Omar Khan. The next stage in the history of the acceptance by Kazakhs of the great juz the protection of Russia was an appeal to the Imperial authorities of the Sultan Sujuka Ablaihanova. January 18, 1819 the Russian government officially recognized the subservient Sultan Suyuk genera zhalayyr, uysun and part of the tribal group's shapyrashty Russian subjects. In 1824, 14 sultans, descendants of Abylay Khan, joined the Russian citizenship. At the same time, the process of registration of the Zhetysu region within the Russian Empire took place in the conditions of military and political confrontation of the tsarist authorities with the Kokand khanate and the Qing Empire.

Keywords: Semirechye, Alatau district, Senior Zhuz, the Sultan, batyr, Biy, Russian Empire, pristavstvo.

1. Введение

История принятия казахами Старшего жуза российского подданства затрагивалась в трудах многих ученых, начиная с дореволюционного периода до современного. Отдельное исследование советских историков (И.С. Брагинский, С. Раджабов, В.А. Ромодин) посвящено истории создания и функционирования Алатауского округа, являвшегося промежуточным этапом в проводимых царскими властями административно-территориальных мерах по включению региона Семиречья (Жетысу) в состав Российской империи. Опубликованы некоторые документы, отражающие этапы данного процесса. Например, записи Л. Мейера об административных реформах царской власти

* Corresponding author

E-mail addresses: MG_29@mail.ru (G.T. Mominova), madina.imanbaeva@mail.ru (A.A. Kasymova)

были введены в научный оборот. Тем не менее, большая часть публикаций, освещающих тему принятия казахами Старшего жуза российского подданства, рассматривают данную проблематику в общем историческом контексте. Лишь в некоторых исследовательских работах (Н. Аполлова, И. Ерофеева) рассмотрены подлинные причины принятия российского подданства казахами. Вместе с тем следует отметить, что процесс оформления в общеимперское пространство регионов Семиречья и Южного Казахстана имел свои особенности. Частично данные территории были присоединены к России в ходе проведения ряда военно-наступательных акций. В этой связи по-иному выстраивалась и административно-территориальная политика в Семиреченском крае. Несмотря на то, что к середине XIX в. значительная часть родоплеменных групп Старшего жуза стала подданными российского императора, основные районы Семиречья все же оставались вне влияния Российской империи. Большинство кочевавших здесь родов находилось под властью наместников Кокандского ханства. В 1848г. для осуществления какого-либо контроля над данными территориями царское правительство учреждает должность пристава при казахах «Большой Орды» с местонахождением в укреплении Копал в северо-восточной части Семиречья. Приставская система в качестве переходного этапа становится первым административным органом управления имперских властей на территории Семиречья.

Администрация царского правительства в Семиречье ограничивалась не только внутренними вопросами, но и провела эффективную международную политику, так как территория Семиречья граничила с конфликтными провинциями Цинской империи.

Исторический анализ рассматриваемой темы свидетельствует о том, что необходимо осуществление специального и комплексного изучения обозначенных вопросов. В данной статье авторы освещают документальные источники и материалы, отражающие отдельные этапы истории принятия казахами Старшего жуза российского подданства.

2. Материалы и методы

Источниковедческий анализ процесса оформления казахов Старшего жуза в подданство Российской империи, проведение ряда административно-территориальных мер на территории Семиречья проводился на основе как опубликованных, так и малоизученных архивных источников. При подготовке статьи были привлечены современные переводы текстов известных писем казахских ханов и султанов, в том числе и посланий хана Жолбарыса к российской императрице Анне Иоанновне и начальнику Оренбургской комиссии тайному советнику В.Н. Татищеву.

В качестве исходного материала послужили архивные материалы Центрального государственного архива Республики Казахстан и Российского государственного исторического архива в г. Санкт-Петербург. Вместе с тем проведен историографический анализ ранее опубликованных научных работ по рассматриваемой тематике. Осуществлено комплексное изучение первоисточников по различным проблемам политической и социальной истории казахского народа в XIX в., по региональной истории Казахстана.

Методологической основой исследования являются принципы системно-исторического и сравнительно-сопоставительного анализа фактов, событий и их интерпретаций. При реализации научных изысканий применялся проблемно-хронологический подход. В статье авторы придерживались методологии сравнительно-исторического изучения первоисточников. При этом дневниковые записи А.И. Макшеева сравниваются с последующими источниками начале XX в. Системный анализ имеющихся по теме материалов позволил определить предпосылки и причины присоединения Старшего жуза казахов к Российской империи.

3. Обсуждение

История изучения присоединения Старшего жуза к Российской империи отличается большим количеством работ. Особенно в советское время данная тема получила свое освещение на фоне объединения всех народов в построении социализма. Тем не менее, в дореволюционное время появились научные труды, в которых затрагивалась история присоединения Старшего жуза к Российской империи. В XIX в. началось формирование основных концепций по проблемам изучения политики Российской империи на окраинах. Тема присоединения Старшего жуза казахов к Российской империи с разных точек зрения рассматривалась в работах А.И. Левшина, И.И. Крафта, Н.А. Аристова, М.А. Терентьева, А.И. Макшеева (Левшин, 1996; Крафт, 1897; Аристов, 1895; Терентьев, 2018; Макшеев; 1891) и др. Среди вышеназванных авторов выделяется известный историк и этнограф И. Крафт. В его исторических очерках встречается указание того, что местные казахи «спокойно воспринимают русских» (Крафт, 1897: 59). Так, например, Л. Мейер писал, что исследование казахской степи Оренбургского ведомства он проводил во время военных экспедиций. Вместе с тем автор указывает, что работа его была написана на основе трудов А.И. Левшина, Бларамберга, Эверсмана, Небольсина и др. (Мейер, 2007: 114).

Еще одним автором, писавшим о причинах присоединения Старшего жуза и в целом Центральной Азии к Российской империи, был М.А. Терентьев. Среди причин принятия казахами Старшего жуза русского подданства М.А. Терентьев называет обострение отношений с соседями,

в частности с центральноазиатскими ханствами, киргизами, и возможную экспансию Цинской империи (Терентьев, 2018: 95). В своих очерках «Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских» этнограф и чиновник А.И. Макшеев отмечал экономическую роль Семиречья в Туркестанском крае (Макшеев, 1896: 74-75). Однако в них остались недостаточно освещенными такие вопросы, как предпосылки и причины присоединения Старшего жуза к Российской империи; противоречия в правительственных кругах по местному управлению; политическая ситуация в Центральной Азии; особенности геополитического и геоэкономического расположения края и др.

Возрождение интереса к истории вхождения казахских жузов в состав Российской империи осуществлялось в советскую эпоху в рамках коммунистической идеологии. В этот период исследователи проводили дискуссии по положительным и отрицательным сторонам присоединения территории Казахстана к Российской империи. Разработаны концепции, в рамках которых были установлены теоретические ограничения. С прогрессивным развитием присоединения народов Средней Азии к Российской империи преобладали критические взгляды.

Одной из самых заметных работ того времени стала монография П.Г. Галузо «Туркестан – колония», в частности посвященная истории казахов Старшего жуза в составе Российской империи (Галузо, 1929). Автор отметил, что главным положительным результатом присоединения Центральной Азии к России является сотрудничество между народами двух культурных пространств и формирование общего пролетариатического духа.

В советской историографии 1930-х гг. не рассматривались административно-правовые реформы, проводимые царской администрацией, особое внимание было уделено отношениям русско-казахских, русско-киргизских трудящихся. В частности, были сильно ограничены труды по изучению имен известных русских генералов и губернаторов, которые выполняли масштабную государственную работу. Следует обратить внимание на работу Н. Макашева «К вопросу о прогрессивном значении присоединения Казахстана к России в советской историографии» (Макашев, 1985). По его мнению, в монографии А.М. Панкратовой «История Казахской ССР», относящейся к одному из фундаментальных трудов того периода, были недостаточно оценены причины присоединения казахского народа к России (Макашев, 1985: 11). В 1960-е годы выходит в свет монография Н.Г. Аполловой «Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века» (Аполлова, 1960). Автор уделяет особое внимание процессам завершения присоединения Казахстана к России, всесторонне анализирует политико-экономические результаты.

Серьезным вкладом в дело изучения данной темы являются работы Б.С. Сулейменова и В.Я. Басина «Казахстан в составе России XVIII – нач. XX вв.» (Сулейменов, 1981), «Россия и Казахские ханства в XVI–XVIII вв. (Казахстан в системе внешней политики Российской империи)» (Басин, 1971). В указанных трудах исследователей глубоко изучены взаимоотношения русско-казахских и русско-киргизских народов. Особенный интерес представляют данные о торговых связях между приграничными населенными пунктами и их влиянии на другие регионы.

В постсоветское время выходит ряд работ С. Мадуанова (Мадуанов, 1995) и Ж.М. Тулибаевой «Казахстан и Бухарское ханство в XVIII первой половине» (Тулибаева, 2001). С. Мадуанов уделяет особое внимание причинам и последствиям присоединения юга Казахстана к России. Были затронуты вопросы восстания казахов и походов русских войск против Кокандского, Хивинского ханств. По мнению историка А. Сабырханова, для проведения административно-территориальных реформ во вновь присоединенных регионах царская власть уделяла особое внимание изучению жизни и традиций местного населения. С этой целью были организованы экспедиции из числа историков-этнографов, видных русских ученых А. Левшина, Н. Красовского, В. Витевского и И. Завалишина, по результатам которых был издан ряд специальных исторических трудов (Сабырханов, 1981: 19). Следует отметить, что с начала 1990-х годов появились сравнительные исследования о политико-социальном положении Казахстана в составе Российской империи и СССР. В этом направлении исследователи Г.С. Султангалиева, Р. Оразов выразили свои мнения. К примеру, Р. Оразов провел сравнительный анализ периодов Семиречья при Кокандской власти и Российской империи (Оразов, 2009).

4. Результаты

В начале XIX века основная часть территории современного Казахстана вошла в состав Российской империи, а земли Южного и Юго-Восточного Казахстана, населенные казахами Старшего жуза, остались под Кокандским ханством. Кокандские правители облагали казахско-кыргызское население тяжелым оброком. В случае неповиновения оно жестоко наказывалось. В 1820 году в городе Сайрам произошло крупное восстание казахов, которое было жестоко подавлено (Мадуанов, 1995: 68). С этого времени правители Старшего жуза начали искать пути присоединения к Российской империи.

Основная часть родоплеменных объединений Старшего жуза издавна располагалась в регионе Семиречья. Отдельные родовые группы размещались по верхнему и среднему течению р. Сырдарья. Семиреченский край на протяжении многих веков являлся той территорией, которая привлекала

взоры различных государств и народов. Это было связано как с геополитическим месторасположением, обусловившим прохождение здесь отдельных трасс Великого Шелкового пути в эпоху Средневековья, так и с благоприятными природно-климатическими условиями, способствовавшими развитию здесь разных типов хозяйственной деятельности. К началу XIX в. этот регион сохранял свое стратегическое и этнокультурное значение, по-прежнему оставаясь связующим звеном в торгово-экономическом и политическом смыслах в Центральной Азии.

Согласно сведениям В.В. Радлова и В.Е. Недзвецкого, во второй половине XVIII – середине XIX вв. регион Чу-Илийского бассейна к северо-востоку от р. Алматинка занимали различные родоплеменные группы племени дулат. К юго-востоку от них, вдоль левого берега р. Или, от р. Турген и перевала Санташ вплоть до китайских владений располагались кочевки родов племени албан, между рр. Или и Каратал размещались роды племен жалайыр и сары-уйсын. По правой стороне среднего течения р. Или находилось племя суан, по левой стороне Или западнее р. Турген – родовые группы шапырашты и ысты. В северо-восточной части Семиречья и предгорьях Алатау располагались рода садыр и матай племени найман Среднего жуза (Ерофеева, 2011: 51). Отдельные родовые группы шымыр и жаньс племени дулат размещались в юго-западной части Семиречья, а также по верхнему и среднему течению р. Сырдарья, включая окрестности г. Ташкент.

К началу присоединения казахских земель к Российской империи кочевья родов Старшего жуза находились в наибольшей удаленности от районов, контролируемых Российской империей. В течение всего XVIII в. земли Старшего жуза непрерывно являлись объектом притязаний со стороны Джунгарского ханства, а после его разгрома – со стороны Цинской империи. С начала XIX в. свои территориальные посягательства изъявило и усилившееся Кокандское ханство.

В 20–30 гг. XVIII в. часть родоплеменных групп Старшего жуза (сары-уйсун, канглы, шаньшклы, албан, суан, ысты и шымыр из племени дулат) возглавлял хан Жолбарыс, ставка которого находилась в г. Ташкент. Кроме этого, его поддерживал влиятельный Толе-би Алибекулы. В 1733 г. хан Жолбарыс, узнав о принятии российского подданства казахами Младшего и Среднего жуза, посылает через ставку хана Абулхайра в Санкт-Петербург своих людей Аралбая и Оразгельды-батыра с письмом влиятельных старшин Старшего жуза: Толе-би Алибекулы, биев Кодара и Кангельды, батыров Сатая и Болека Караулы. Содержание письма, адресованного русской императрице Анне Иоанновне, переводчик Коллегии иностранных дел истолковал так: «...Вам, великой государыне императрице и белой царице, в подданство пришли» (Казахско-русские отн. в XVI–XVIII веках, 1961: 103). Однако современный перевод Т.К. Бейсембиева показывает, что истинный смысл этих слов расходится с вышеуказанным вариантом перевода текста письма. Буквальное значение этой фразы – «приклоняем голову белому хану, великому падишаху» (Эпистолярное наследие..., 1675–1821 гг., 2014: 56).

Разным по смыслу является и текст перевода письма хана Жолбарыса от 20 апреля 1738 г. начальнику Оренбургской комиссии тайному советнику В.Н. Татищеву, осуществленного в XVIII в. татарским толмачом Мансуром Абдурахмановым, и современный перевод с чагатайского тюрки тюрколога-востоковеда Т.К. Бейсембиева.

При этом следует учитывать, что перевод писем казахских хан-султанов, написанных в период правления царской власти, имел различные данные, хотя их конечным значением было вхождение в состав Российской империи. На основе проведенного анализа писем Абулхайра, Кушыка, Жолбарыса, Абулмамбета, Барака и Абылая И.В. Ерофеева излагает истинный смысл мотивов и намерений представителей казахской правящей элиты, побудившей их к принятию российского подданства. Обращаясь к царскому правительству за помощью и поддержкой, они рассматривали свои будущие договорные отношения с русскими государями как взаимовыгодный военно-политический союз двух равноправных партнеров под малообязывающим патронатом более сильного и могущественного «белого царя» (Ерофеева, 2011: 36, 37).

19 сентября 1738 г. императрица Анна Иоанновна подписывает грамоту о принятии хана Жолбарыса в российское подданство, которую начальнику Оренбургской комиссии В.Н. Татищеву надлежало вручить адресату. Однако в апреле 1739 г. хан Жолбарыс был убит в Ташкенте во время богослужения в мечети (Путевые дневники. XVIII–XIX века, 2007: 45).

С середины XVIII в. до присоединения всего Старшего жуза к России большинство родоплеменных групп, кочевавших на территории Семиречья, находилось под управлением Абылай-хана и его потомков. После его смерти с 1781 г. дулатами управлял его второй сын – Адиль-султан (ум. в 1815), который почти сразу после вступления в свои права получил от подвластных кочевников ханский титул; в 1816–1832 гг. старший сын Адила – султан Абылай, по прозвищу Кулан (ум. в 1832), и с 1833 по 1865 г. – его младший брат – султан Али (Галлий) Адилев. Племенами жалайыр, сары-уйсын, албан, суан, шапырашты и ысты с конца XVIII до середины XIX вв. бесценно управлял один из младших сыновей Абылай-хана, султан Суюк Аблайханов (ум. в 1863) (Ерофеева, 2011: 51).

В 1814 г. хан Адиль, потерпев поражение в военном противостоянии с цинскими войсками, вынужден был обратиться за покровительством к кокандскому правителю Омар-хану. Итогом данного договора стала кокандская экспансия юго-западного Семиречья и Присырдарьинского региона (Бейсембиев, 2000; 285–286). В последующие годы кокандские власти захватили

г. Туркестан, построили ряд укреплений на юго-западе Семиречья (Чулак-Курган, Аулие-Ата, Мерке), тем самым вплотную подступив к кочевьям Суюка Аблайханова и подвластных ему родов. С севера казахов Старшего жуза теснили родовые группы племени найман Среднего жуза, сдвигавшие свои кочевья в глубь региона вследствие проводимой царскими властями административно-территориальной политики и активного изъятия земель под вновь создаваемые укрепления.

В этих условиях султан Старшего жуза Суюк Аблайханов обращается в 1818 г. к российскому императору Александру I с просьбой о принятии его с подведомственными родами в подданство России. Указом императора от 18 января 1819 г. Суюк Аблайханов вместе с 55 тыс. управляемых им казахов официально были провозглашены российскими подданными. Вслед за ним под российский протекторат в мае 1824 г. вступили еще 14 султанов, сыновей Адиль-хана и внуков Абылай-хана. Но фактически российскими подданными казахи Старшего жуза стали считаться после подписания султанами и старшинами жуза «обязательства в связи с вступлением в подданство России» 23 июля 1846 г. (*Казахско-русские отн. в XVIII–XIX веках, 1964: 319*).

С целью вытеснения кокандских наместников из Южного Казахстана и Семиречья оренбургские власти на западе активно возводят ряд укреплений в устье Сырдарьи, в долинах рр. Ирғиз и Торғай. Летом 1853 г. царские войска штурмом берут крепость Ак-Мечеть, передовой опорный пункт Кокандского ханства по нижнему течению Сырдарьи. Одновременно со стороны Сибири в 1845–1846 гг. возводится укрепление Копал (*Терентьев, 2018; 222*).

До введения какого-либо административного управления в Семиречье западносибирская администрация признавала главным над родами Старшего жуза султана племени дулат Али Адилева. Самым многочисленным по численности среди родов в крае считался род Дулат, поэтому его роль в стабилизации межродовых отношений была высокой. Царской администрацией учитывались вышеуказанные факторы.

Еще в 1824 г. султан Али Адилев, его брат Иралы Алиев и другие знатные представители племени дулат были удостоены офицерских чинов российской службы (*ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 20. Л. 5 об.*). В июне 1846 г. влиятельные представители родов жалаир и чапрашты подали прошение на имя председателя Сибирского пограничного управления генерала Н. Вишневого. В прошении говорилось: «Хотя определено было, чтоб всем уйсюновским народом, как-то дулатовского и пр. рода, состоять под ведомством султана подполковника Алия Адилева, однако мы на общем совещании с нашим народом положили намерение быть в отдельности от дулатовцев и вследствие чего осмеливаемся покорнейше просить Ваше превосходительство для управления нами, джалаирцами и чапраштинцами (родов асыл-айкумского), назначить главным султаном прежнего нашего султана 8-го класса Сюка Аблайханова, который справедлив, добр, полезен для народа и торговцев, всегда готовый к защищению от обид и стеснений... Сверх того, другая причина, побуждающая нас, джалаировцев, быть под ведомством султана Сюка Аблайханова, есть та, что мы имеем многих злых на нас людей, кочующих на берегах р. Или, и что, состоя под ведомством султана Алия Адилева, нам не избежать вреда от них» (*Казахско-русские отн. в XVIII–XIX веках, 1964: 318*). В числе подписавших прошение были султаны Камбар Аланов, Джангозы, Джочи Суюков, среди биев племени жалаир – Тленчи Балпыков, Бейбит Кенбабин, Казар Караунбаев, от старшин рода чапрашты прошение подписали Артык Алин, Бортен Кангелдин, Ирмек Алтаев и другие (*Макашев, 1985; 112*). Подавая это прошение, султан Суюк Аблайханов надеялся на основание из управляемых им родов Старшего жуза отдельного округа и получение в нем должности старшего султана.

Впрочем, султан Суюк Аблайханов и поддерживавшие его старшины дважды, в 1832 и 1843 гг., подавали прошение о введении им системы окружного управления, аналогичной на территории Среднего жуза (*Казахско-русские отн. в XVIII–XIX веках, 1964: 262-263, 296*). Однако граф К.В. Нессельроде считал, что управление Старшим жузом ввиду удаленности от линии и «по многим другим уважениям» не может быть создано «тем же порядком, как Средняя Орда». Вместе с тем министр иностранных дел выражал мнение генерал-губернатора Западной Сибири П.Д. Горчакова, убежденного в преждевременном создании отдельного административного управления на территории Семиречья, и предлагал для политического надзора определить «благонадежного офицера, в виде пристава» (*Султангалиева, 2015; 258*).

17 апреля 1847 года управляющий Министерством иностранных дел К.В. Нессельроде обратился к российскому императору Николаю I с предложением назначить на государственную должность Султанов казахов Старшего жуза и создать орган, контролирующий их. Султаны со следующего года с открытием здесь приставства будут считаться на государственной службе, надзор за ними будет осуществлять назначенный пристав Большой Орды из числа офицеров, непосредственно подчиненный западносибирскому генерал-губернатору (*Путевые дневники..., 2007: 91*).

Так, в 1848 г. утверждается должность пристава при казахах «Большой Орды» с центром управления в укреплении Копал, на северо-востоке части Семиречья. Как и в других регионах Казахстана, для усиления своего влияния среди казахов Семиречья колониальные власти активно привлекали на свою сторону влиятельных старшин Старшего жуза. «Инструкция для пристава при киргизах Большой Орды» от 10 января 1848 г. гласила: «...Представляется надежнейшим способом с благоразумием поддерживать значение утвержденных главным местным начальством старших в

Большой Орде султанов, внушая им, что за покровительство и доверенность правительства обязаны они соразмерною к нему преданностью и покорностью» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 206. Л. 1 об.).

На должность пристава казахов «Большой Орды» 18 января 1848 г. был назначен майор барон Морец Миронович Врангель, который занимал эту должность до 1850 г. Врангель происходил из лифляндских дворян, закончил II Кадетский корпус, в 1843–1845 гг. в чине капитана принимал участие в кавказских войнах (Безвиконная, 2005: 146).

Вступление старшего султана в должность обычно сопровождалось традиционными для казахских кочевников обрядами: организацией празднеств, награждением почетных казахов, раздачей подарков. Российская администрация, возлагая на султана не столько реальную, сколько символическую власть, стремилась следовать определенным образцам поведения, тем самым демонстрируя потребность в сохранении в неизменном виде основных принципов взаимоотношений в кочевом обществе и получении поддержки со стороны родоплеменной знати (Сулейменов, Басин, 1981: 59).

Проведение вышеуказанной миссии было возложено на начальника Пограничного управления А. Вишневого. В 1847 г. генерал-губернатор Западной Сибири П.Д. Горчаков, отправляя полковника Вишневого в Семиречье для провозглашения главными султанами Старшего жуза Али Адилева, Суюка Аблайханова и Хакимбека Куланова, предписал ему воздержаться от утверждения старшим султаном Рустема Абулфеизова. Командир Отдельного Сибирского корпуса указывал, что означенный султан не в достаточной степени доказал свою преданность российскому правительству (Оразов, 2009: 32). В отношении султана Рустема начальнику Пограничного управления было предложено ограничиться лишь награждением его золотой медалью. Хотя, согласно исследованиям Г.С. Султангалиевой, в апреле 1847 г. Рустем Абулфеизов какое-то время исправлял должность управителя родами племени дулат (Безвиконная, 2005: 258). Насколько верным является данное свидетельство, автору еще предстоит уточнить.

Формально родами Старшего жуза управляли старшие султаны. Однако утвержденный коллегиальный порядок рассмотрения вопросов давал возможность российской администрации ограничивать власть старшего султана и проводить через него собственные решения. На первых порах старший султан избирался преимущественно только из числа султанов, которые принадлежали к числу потомков Чингисхана. Он имел чин майора российской службы (чин VIII класса), считался чиновником, поставленным во главе местного правления, и получал жалованье в размере 343 руб. в год. За девятилетнюю службу старший султан имел право на потомственное дворянское звание. В случае отставки или срочной смены он оставался в числе почетных султанов. Со временем семиреченские власти стали нарушать исключительное право чингизидов занимать высшие административные должности.

Потомки Чингисхана служили мостом в отношениях царской власти с простым народом. Так, в октябре 1849 г. командир Отдельного Сибирского корпуса П.Д. Горчаков доложил министру иностранных дел графу К.В. Нессельроде о том, что «родоначальники и бии джалаирского и чапраштинского отделений подали Приставу при киргизах Большой Орды барону Врангелю» прошение на имя генерал-губернатора, где ходатайствовали о смене старшего султана Суюка Аблайханова, объясняя свое решение тем, что «он по преклонности лет не может управлять народом» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 214. Л. 1). На место же старшего султана влиятельные представители означенных родов просили назначить султана рода супотай племени жалаир Камбара Аланова. В своем представлении генерал-губернатор Горчаков писал: «С подтверждением барона Врангеля, Суюк действительно не в силах исправлять свою должность, и потому замещение его султаном Камбаром признаю необходимым» (Аполлова, 1960: 123).

Однако уже в следующем 1850 г. султан Камбар Аланов был смещен с занимаемой должности по причине перехода его сына и ряда казахских старшин на сторону Коканда во время русско-кокандских вооруженных столкновений под укреплением Таучубек. Старшим султаном родов жалаир и чапрашты вновь назначили Суюка Аблайханова, которого в 1852 г. сменил его сын – султан Джангозы Суюков. Незадолго до этого, в 1850 г., на место старшего султана «адбановских и сувановских волостей» Хакимбека российскими властями был утвержден султан Тезек Нуралиев (Оразов, 2009: 114). Согласно сведениям К.Ш. Хафизовой, происхождение султана Тезека ведется от хана Аблая. Дедом Тезека был сын Аблая султан Адиль, а отцом – Нуралы, который в родословной, составленной цинскими властями, назван седьмым сыном Адила по имени Пула (Нура). В каком именно родстве состоял султан Тезек со старшим султаном Хакимбеком, автору данного исследования неизвестно. В архивных документах султан Тезек обозначен как приемный сын Хакимбека (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 214. Л. 11 об.).

В период последующего обсуждения изменений в управлении казахами Старшего жуза выдающимся казахским ученым Ч.Ч. Валихановым была написана статья, широко известная научной общественности под названием «Об управлении казахами Большой Орды». Эта работа подготовлена в 1856 г. как официальная записка от имени генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда, адъютантом которого был Ч.Ч. Валиханов, после посещения им Семиречья. В данной записке автор приводит мысль о разумном управлении казахами Старшего жуза с участием представителей

кочевого населения края: «... Признаем нужным назначить ему (приставу – Авт.) собственно по заведыванию кайсаками и гражданскими сношениями помощника от гражданских лиц и постоянного депутата от кайсаков с тем, чтобы депутат был избираем от кайсаков на три года по общему их согласию» (Валиханов, 1984: 229). В своих записках Ч. Валиханов четко обозначил необходимость объединения гражданской и военной власти в Семиречье в единую систему управления (Валиханов, 1984: 231). С этим западносибирский генерал-губернатор связывал расширение полномочий окружного управления, находящегося на пограничной территории, а Ч.Ч. Валиханов – ослабление произвола военной власти, подчинение ее гражданскому управлению. Гасфорд предлагал вместо приставства «Большой Орды» образовать в Семиречье Илийский округ. Однако российским правительством термин (Илийский округ) был отвергнут. Вместе с тем Ч.Ч. Валиханов считал более правильным назвать новый край Алатауским округом (Аполлова, 1960: 121). 3 ноября 1856 г. император Николай I подписал указ об упразднении приставства и образовании в составе Семипалатинской области на правах внешнего окружного приказа Алатауского округа (ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 553. Л. 2). В июне 1858 г. начальником округа назначается майор Г.А. Колпаковский, сменивший на этом посту майора Перемышльского (Галузо, 1929: 67).

21 октября 1860 г. вблизи Узун-Агача произошло решающее сражение, в котором русские отряды под руководством подполковника Г.А. Колпаковского наносят крупное поражение значительным силам кокандцев (Макашев, 1985: 134). Последовавшие за этим событием значительные победы русских войск над кокандцами привели к полному присоединению регионов Семиречья и Южного Казахстана к Российской империи.

К концу 60-х гг. XIX века российское правительство приступило к проведению очередных военно-политических и административно-правовых преобразований на территории Семиреченского края. 11 июля 1867 г. был издан Указ об учреждении Туркестанского генерал-губернаторства и Проект Положения об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областями. Казахи Старшего жуза окончательно становятся частью Российской империи (ЦГА РК. Ф. 320. Оп. 1. Д. 61. Л. 7). Наблюдается активное заселение региона Семиречья крестьянами-переселенцами.

5. Заключение

Следует отметить, что на процесс присоединения казахов Старшего жуза к Российской империи влияние оказали внешние силы. В то время, когда территория Семиречья находилась под властью Коканда, было несколько крупных восстаний. Однако после вступления в состав Российской империи ситуация изменилась в положительную сторону. Гражданско-правовые и территориальные реформы, проводимые царской администрацией, не противоречили интересам местного населения. Результаты административно-территориальных реформ создали благоприятные условия для казахско-кыргызских кочевников на территории Цинской империи, т.к. им был разрешен свободный переход через границы.

В заключение необходимо отметить, что присоединение Старшего жуза к Российской империи способствовало обеспечению безопасности края.

Литература

- Аполлова, 1960 – Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. Алма-Ата: АН КазССР, 1960. 230 с.
- Аристов, 1895 – Аристов Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и кара-киргизов. СПб., 1895.
- Басин, 1971 – Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв.: Казахстан в системе внешней политики Российской империи. Алма-Ата: Наука КазССР, 1971. 270 с.
- Безвиконая, 2005 – Безвиконая Е.В. Административно-правовая политика Российской империи в степных областях Западной Сибири в 20–60 гг. XIX века. Омск: Издательство ОГИ, 2005. 239 с.
- Бейсембиев, 2000 – Бейсембиев Т.К. Южный Казахстан в конце XVIII – первой трети XIX вв. История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Т. 3. Алматы: Атамур, 2000. 766 с.
- Валиханов, 1984 – Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. 460 с.
- Галузо, 1929 – Галузо П.Г. Туркестан – колония (Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года). Москва: Коммунист. ун-т трудящихся востока им. И.В. Сталина, 1929. 162 с.
- Ерофеева, 2011 – Ерофеева И.В. Политические объединения казахов под протекторатом России и среднеазиатских государств (вторая половина XVIII – XIX вв.). Алматы: Принт-С, 2011. 59 с.
- Казахско-русские..., 1961 – Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. 742 с.
- Казахско-русские..., 1964 – Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках. Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Изд-во «Наука», 1964. 575 с.

- Крафт, 1897** – *Крафт И.И.* Принятие киргизами русского подданства // *Известия Оренбургского отдела РГО.* 1897. Вып. XII. С. 60.
- Левшин, 1996** – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких гор и степей. Алматы: Санат, 1996.
- Мадуанов, 1995** – *Мадуанов С.* Взаимоотношение казахов с другими соседними народами Центральной Азии в XVIII – начале XX вв. Алма-Ата: БШМ, 1995. 133 с.
- Макашев, 1985** – *Макашев Н.* К вопросу о прогрессивном значении присоединения Казахстана к России в советской историографии. Алма-Ата: АН КазССР, 1985. 180 с.
- Макшеев, 1891** – *Макшеев А.И.* Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб., 1891. 375 с.
- Макшеев, 1896** – *Макшеев А.И.* Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю. СПб., 1896.
- Мейер, 2007** – *Мейер Л.* Оренбургский отдел Казахской степи. 2-ое дополненное издание. Т. 17. Астана: «Алтын Китап», 2007. 193 с.
- Оразов, 2009** – *Оразов Р.Е.* Абылайханов Суюк. Алматы, 2009. 336 с.
- Путевые дневники..., 2007** – Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным казахским степям. XVIII–XIX века. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. 6. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 516 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сабырханов, 1981** – *Сабырханов А.* Исторические предпосылки ликвидации ханской власти в Казахстане. Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата: ИИЭ, 1981. 155 с.
- Судейменов, Басин, 1981** – *Судейменов Б.С., Басин В.Я.* Казахстан в составе России в XIII – начале XX вв. Алма-Ата: АН КазССР, 1981. 247 с.
- Султангалиева, 2015** – *Султангалиева Г.С.* От пристава к приставству: политика Российской империи в Казахской степи в первой половине XIX в. Кочевые народы Центральной Азии в XVIII–XIX вв. Алматы: КазНУ, 2015. 293 с.
- Терентьев, 2018** – *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. В 3-х томах. Т. 1. Москва: «АИРО-XXI», 2018. 544 с.
- Тулибаева, 2001** – *Тулибаева Ж.М.* Казахстан и Бухарское ханство в XVIII – первой половине XIX вв. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 156 с.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Эпистолярное наследие..., 2014** – Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. Сборник исторических документов в 2-х томах / Отв. ред. И.В. Ерофеева. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2014. 696 с.

References

- Apollova, 1960** – *Apollova N.G.* (1960). Prisojedineniye Kazakhstana k Rossii v 30-kh godah XVIII veka [Kazakhstan's accession to Russia in the 30s of XVIII century]. Alma-Ata: AN KazSSR. 230 p. [in Russian]
- Aristov, 1895** – *Aristov N.A.* (1895). Opyt vyyasneniya etnicheskogo sostava kirgiz-kazakov Bolshoy ordy i kara-kirgizov [Experience determine the ethnic composition of Kirghiz Cossacks and the Great Horde of the Kara-Kirghiz]. St Petersburg. [in Russian]
- Basin, 1971** – *Basin V.Y.* (1971). Rossiya i Kazakhskiy khanstva v XVI-XVIII vv.: Kazakhstan v sisteme vneshney politiki Rossiyskoy imperii [Russia and Kazakh khanates in XVI-XVIII centuries: Kazakhstan in the system of foreign policy of the Russian Empire]. Alma-Ata: Nauka KazSSR. 270 p. [in Russian]
- Beyssembiyev, 2000** – *Beyssembiyev T.K.* (2000). Yuzhnyy Kazakhstan v kontse XVIII – pervoy treti XIX v. Istoriya Kazakhstana s drevneyshikh vremen do nashikh dney [South Kazakhstan at the end of XVIII – first third of XIX century. History of Kazakhstan from ancient times to the present day]. T.3. Almaty: Atamura. 766 p. [in Russian]
- Bezvikkonnaya, 2005** – *Bezvikkonnaya E.V.* (2005). Administrativno-pravovaya politika Rossiyskoy imperii v stepnykh oblastiakh Zapadnoy Sibiri v 20-60 gg. XIX veka [Administrative and legal policy of the Russian Empire in the steppe regions of Western Siberia in 20-60 years of the XIX century]. Omsk: Izdatelstvo OGI. 239 p. [in Russian]
- Epistol'yarnoye naslediye..., 2014** – Epistol'yarnoye nasledie kazakhskoy pravyyashchey elity 1675–1821 gg. [Epistolary heritage of the Kazakh ruling elite 1675-1821]. Sbornik istoricheskikh dokumentov v 2-kh tomakh. Otв. red. I.V. Erofeyeva. Almaty: AO «ABDI Kompani». 2014. 696 p. [in Russian]
- Erofeeva, 2011** – *Erofeeva I.V.* (2011). Politicheskiye obyedineniya kazakhov pod protektoratom Rossii i sredneaziatskikh gosudarstv (vtoraya polovina XVIII – XIX v.) [Political associations of Kazakhs under the protectorate of Russia and Central Asian States (the second half of XVIII – XIX century.)]. Almaty: Print-S. 59 p. [in Russian]
- Galuzo, 1929** – *Galuzo P.G.* (1929). Turkestan – koloniya: (Ocherk istorii Turkeстана ot zavoyevaniya russkimi do revolyutsii 1917 goda) [Turkestan – colony: (Essay on the history of Turkestan from the Russian

conquest to the revolution of 1917)]. M.: Kommun. un-t trudyashchikhsya vostoka im. I.V. Stalina. 162 p. [in Russian]

Kazakhsko-russkiye..., 1961 – Kazakhsko-russkiye otnosheniya v XVI–XVIII vekakh. Sbornik dokumentov i materialov [Kazakh-Russian relations in XVI–XVIII centuries]. Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR. 742 p. [in Russian]

Kazakhsko-russkiye..., 1964 – Kazakhsko-russkiye otnosheniya v XVIII–XIX vekakh [Kazakh-Russian relations in XVIII–XIX centuries]. Sbornik dokumentov i materialov. Alma-Ata: Izd-vo “Nauka”. 575 p. [in Russian]

Kraft, 1897 – *Kraft I.I.* (1897). Prinyatiye kirgizami russkogo poddanstva [Acceptance of Russian citizenship by Kyrgyz]. *Izvestiya Orenburgskogo otdela RGO*. Vol. XII, 60. [in Russian]

Levshin, 1996 – *Levshin A.I.* (1996). Opisiye kirgiz-kazachikh ili kirgiz-kaysatskikh gor i stepey [Description of Kirghiz-Cossack or Kirghiz-kaisak mountains and steppes]. *Almaty: Sanat*. [in Russian]

Maduanov, 1995 – *Maduanov S.* (1995). Vzaimootnosheniye kazakhov s drugimi sosednimi narodami Tsentralnoy Azii v XVIII – nachale XX vv [Relations of Kazakhs with other neighboring peoples of Central Asia in XVIII – early XX centuries]. *Alma-Ata: Bshm*. 133 p. [in Russian]

Makashev, 1985 – *Makashev N.* (1985). K voprosu o progressivnom znachenii prisoyedineniya Kazakhstana k Rossii v sovetskoy istoriografii [On the question of the progressive significance of Kazakhstan's accession to Russia in Soviet historiography]. *Alma-Ata: AN KazSSR*. 180 p. [in Russian]

Maksheyev, 1891 – *Maksheyev A.I.* (1891). Istoricheskiy obzor Turkestana i nastupatel'nogo dvizheniya v nego russkikh [Historical review of Turkestan and Russian offensive movement into it]. *St Petersburg*. 375 p.

Maksheyev, 1896 – *Maksheyev A.I.* (1896). Puteshestviya po Kirgizskim stepyam i Turkestanskomu krayu [Travel to the Kyrgyz steppes and Turkestan region]. *St Petersburg*. [in Russian]

Meyer, 2007 – *Meyer L.* (2007). Orenburgskiy otdel Kazahskoy stepi [Orenburg Department of the Kazakh steppe]. 2-oe dopolnennoe izdanie. T. 17. *Astana: “Altyin Kyitap”*. 193 p. [in Russian]

Orazov, 2009 – *Orazov R.E.* (2009). *Abylaykhanov Suyuk*. *Almaty*. 336 p. [in Russian]

Putevyye dnevniki..., 2007 – Putevyye dnevniki i sluzhebnyye zapiski o poyezdkakh po yuzhnym kazahskim stepyam. XVIII–XIX veka. Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov [Travel diaries and memos on trips to the South of the Kazakh steppes. XVIII–XIX century. History of Kazakhstan in Russian sources XVI–XX centuries]. T.6. *Almaty: Dayk-Press*. 2007. 516 p. [in Russian]

RGIA – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. [Russian state historical archive].

Sabyrhanov, 1981 – *Sabyrhanov A.* (1981). Istoricheskie predposylki likvidatsii khanskoi vlasti v Kazakhstane. Kazakhstan v epokhu feodalizma. [Historical background of the elimination of the Khan's power in Kazakhstan. Kazakhstan in the era of feudalism]. *Alma-Ata: IIE*, 1981. 155 p. [in Russian]

SGA RK – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central state archive of the Republic of Kazakhstan].

Suleymenov, Basin, 1981 – *Suleymenov B.S., Basin V.Y.* (1981). Kazakhstan v sostave Rossii v XIII – nachale XX v [Kazakhstan as part of Russia in XIII – early XX century]. *Alma-Ata: AN KazSSR*. 247 p. [in Russian]

Sultangaliyeva, 2015 – *Sultangaliyeva G.S.* (2015). Ot pristava k pristavstvu: politika Rossiyskoy imperii v Kazahskoy Step'i v pervoy polovine XIX v. Kochevyye narody Tsentralnoy Azii v XVIII–XIX vv [From bailiff to bailiff: policy of the Russian Empire in the Kazakh Steppe in the first half of the XIX century. Nomadic peoples of Central Asia in the XVIII–XIX centuries]. *Almaty: KaznU*. 293 p. [in Russian]

Terentyev, 2018 – *Terentyev M.A.* (2018). Istoriya zavoyevaniya Sredney Azii [History of conquest of Central Asia]. V trekh tomakh. Tom1. *Moskva: «AIRO-XXI»*. 544 p. [in Russian]

Tulibayeva, 2001 – *Tulibayeva Zh.M.* (2001). Kazakhstan i Bukharskoye khanstvo v XVIII – pervoy polovine XIX vv [Kazakhstan and Bukhara khanate in XVIII – first half of XIX centuries *Almaty*]. *Almaty: Dayk-Press*. 156 p. [in Russian]

Valikhanov, 1984 – *Valikhanov Ch.Ch.* (1984). Sobraniye sochineniy v pyati tomakh [Collected works in five volumes]. T.1. *Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya Kazahskoy sovetskoy entsiklopedii*. 460 p. [in Russian]

Из истории присоединения Старшего жуза к Российской империи: предпосылки и причины

Гульнар Т. Моминова ^{a,*}, Гульзада О. Чаргынова ^b, Мустафа Гиритлиоглу ^c, Акбота А. Касымова ^d

^a Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Казахстан

^b Казахский национальный университет им. Абая, Казахстан

^c Международный Казахско-Турецкий университет им. Х.А. Ясави, Казахстан

^d Казахский национальный университет имени Аль-Фараби, Казахстан

Аннотация. В статье на основе архивных материалов освещаются причины и предпосылки истории присоединения Старшего жуза к Российской империи. В начале 20-х годов XIX века на территории Старшего жуза отсутствовала единая власть. В этих условиях правители казахов Семиречья и Южного Казахстана по многим причинам начали принимать российское подданство. Процесс присоединения территории Старшего жуза к Российской империи продолжался более столетия. Первые документальные источники, свидетельствующие о фактах обращения хана Джулбарыса и влиятельных лиц Старшего жуза к царскому правительству с просьбой принять их под российское покровительство, зафиксированы в конце первой трети XVIII в. Однако очередное вторжение джунгарских войск в южные казахские степи и убийство хана Джулбарыса замедлили этот процесс на многие десятилетия. Во второй половине XVIII в. казахский хан Абылай сумел объединить под своим началом многочисленные родоплеменные группы Среднего и Старшего жузов. После его смерти родовые объединения Старшего жуза, кочевавшие на территории Семиречья, переходят под управление его сыновей – султанов Адила и Суюка. Вскоре подвластные султану Адилу рода племени дулат провозглашают его ханом. В 1814 г. хан Адиль вынужден был признать протекторат более могущественного кокандского правителя Омар-хана. Следующим этапом в истории принятия казахами Старшего жуза покровительства России стало обращение к царским властям султана Суюка Аблайханова. 18 января 1819 г. российское правительство официально признало подвластных султану Суюку родов жалайыр, уйсун и части родовых групп шапырашты российскими подданными. В 1824 г. в подданство России вступили еще 14 султанов, потомков хана Абылая. Вместе с тем процесс оформления региона Семиречья в составе Российской империи проходил в условиях военно-политического противоборства царских властей с Кокандским ханством и Цинской империей.

Ключевые слова: Семиречье, Алатауский округ, Старший жуз, султан, батыр, бий, Российская империя, приставство.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: MG_29@mail.ru (Г.Т. Моминова),
madina.imanbaeva@mail.ru (А.А. Касымова)

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1106-1114. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1106
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Rise of the Public Health System in Russian Empire and Great Britain in XIX – the beginning of the XX century

Elena K. Sklyarova ^{a, *}, Madina A. Gutieva ^b, Olga N. Kamalova ^a, Liliya T. Zaseeva ^b

^a Rostov State Medical University, Russian Federation

^b Gorsky State Agrarian University, Russian Federation

Abstract

The article considers the rise of the public health system in Russian Empire and Great Britain in the XIX – beginning of the XX century. On the *historical-anthropological*, comparative and historical-genetic methods of research, the authors analyze the features of the evolution of the terms «public health» and «Ministry of health» in Great Britain and Russia, and the creation of relevant system of *public administration*. Medical Board, and the Central Administration of State Health, established in Russian Empire on the eve of Russian revolution of 1917, according the decree of the *Emperor* Nicolay II was not the first Ministry of health in the world. The terms «public health», «Ministry of health» appeared for the first time in legislative documents of United Kingdom of Great Britain and Ireland during the epoch of industrial revolution and urbanization. However, in XIX century the proposals of reformers about social state, where water supply, gas, burial must belong to the state, being the object of social policy, but not only the object of commerce, initially caused discontent of parliament. Later medico-social ideas of British public figures J. Bentham and E. Chadwick formed the basis for the first «Act for promoting the Public Health, 1848» and the establishment of Ministry of health of Great Britain. The founders of the public health system of Russian Empire developed these ideas on the eve of Russian revolution 1917. Until the XX century, different state medical offices of health care management in Russian Empire and Great Britain were the part of the *Ministry of Internal Affairs*.

Keywords: Ministry of health, Russian Empire, Russian Revolution 1917, *Ministry of Internal Affairs*, social policy, General Board of Health, Central Administration of State Healthcare, urbanization, Great Britain, Ministry of health, public health.

1. Введение

Становление государственной системы общественного здравоохранения как части социальной политики России и Великобритании является объектом научных дискуссий российских и зарубежных ученых. Здравоохранение, как важнейшая часть внутренней политики государств мира, отражает приоритеты их развития. В имеющихся исследованиях содержится ряд спорных вопросов об особенностях и эволюции социальной политики, системы общественного здравоохранения и управления городов. В работах российских ученых проблема происхождения государственной системы здравоохранения России пересматривается. Сохраняются полярные оценки исторического вклада основоположников системы общественного здравоохранения Российской империи и Великобритании (Г.Е. Рейна и Э. Чедвика). Работ, сравнивающих особенности становления государственной системы здравоохранения стран Европы и мира, недостаточно.

* Corresponding author

E-mail addresses: affina18@mail.ru (E.K. Sklyarova), madina-gutieva@mail.ru (M.A. Gutieva), kamalovaolga@mail.ru (O.N. Kamalova), lilia3636363@mail.ru (L.T. Zaseeva)

Цель исследования: сравнительно-исторический анализ особенностей становления системы общественного здравоохранения Российской империи и Великобритании, вклада ее основоположников.

2. Материалы и методы

Работы российских и британских общественных деятелей, законодательные акты и парламентские документы викторианской эпохи, периодическая печать России и Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии XIX – начала XX вв. использовались для анализа динамики становления общественного здравоохранения на государственном и местном уровне, последовательности выработки новых идей социального развития. Исследование этой группы источников дало возможность определить основные векторы и особенности подготовки ряда социальных реформ, а также отношение членов британского правительства и парламента, монархов и реформаторов к росту медико-социальных проблем, региональному и зарубежному опыту.

Проблема исследуется в рамках теории общих социальных изменений, акцентирующих типологию становления систем государственного и городского управления стран мира. Историко-антропологический подход дал возможность рассмотреть исторические явления с точки зрения деятельности различных индивидуумов и социальных групп. Важным аспектом явилось сравнительное исследование оценки медико-социальных реформ современниками, а также переоценка роли социальных реформаторов спустя столетия. Сравнительно-исторический, историко-генетический анализ и междисциплинарный подход позволили провести синтез различных точек зрения, объективно сравнив деятельность ведущих реформаторов и противников реформ, а также становление новых форм государственного управления России и Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии. Все эти методы позволили установить особенности становления системы государственного здравоохранения, сравнивая развитие Российской и Британской империй в Викторианскую эпоху и заключительный период правления династии Романовых.

3. Обсуждение

В рамках современных исследований эволюции социальной политики стран мира особое место занимает становление общественного здравоохранения в эпоху промышленного переворота и урбанизации. Однако работ, сравнивающих весь комплекс этих процессов и их последствий, недостаточно. Существует ряд субъективных формулировок, отражающих особенности идеологического и социально-экономического развития государств. Формулировки в учебных изданиях ошибочно указывают, что «при поддержке императора Николая II Главное управление государственного здравоохранения, фактически первое в мире Министерство здравоохранения, было создано в России в сентябре 1916 г.» (Сорокина, 2016: 496). Также ошибочно отмечалось, что это было «первое в Европе Министерство здравоохранения» (Ивченко и др., 2016: 184).

Необходимо отметить, что в последние годы в работах российских ученых ставится задача пересмотра эволюции управления здравоохранением Российской империи (Козовенко, 2016: 122). Кроме того, в исследованиях, посвященных истории здравоохранения дореволюционной России, также ошибочно отмечается, что «фактически реформированная Медицинская коллегия стала первым в мире Министерством здравоохранения» (История здравоохранения, 2014: 34). Полярные оценки идей Г. Рейна, Дж. Бентама, Э. Чедвика как основоположников системы общественного здравоохранения обуславливают необходимость переосмысления их исторического вклада, проведения историко-сравнительных и междисциплинарных исследований.

В связи с этим исследование особенностей становления государственной системы здравоохранения как части социальной политики в условиях капитализма, промышленного переворота и урбанизации представляется актуальным.

4. Результаты

XIX век вошел в историю как начальный период промышленного переворота, урбанизации, становления социальной политики и общественного здравоохранения стран мира. Эти процессы проходили одновременно в странах Европы, имея общие позитивные и негативные тенденции, а также исторические особенности. До XX века во многих странах ведомства управления здравоохранением входили в подчинение Министерства внутренних дел (МВД). В тот период «Министерства здравоохранения не существовало» (Гутиева, 2015: 14). Оно лишь предлагалось в документах социальных мыслителей мира для предотвращения медико-социальных проблем.

В эпоху промышленного переворота и урбанизации необходимость радикального изменения системы государственного и местного управления не всегда приветствовалась представителями частной собственности в сложившихся условиях монархии и капиталистического развития. «Централизация управления первоначально «была непопулярна» в Соединенном Королевстве Великобритании и Ирландии из-за «вмешательства государства в местные интересы» (Вотье, 1896: 262). Медико-социальные реформы, централизация управления здравоохранением воспринимались в эпоху правления королевы Виктории как угроза сложившейся системы доходов (Smith, 1851: 57).

В Викторианскую эпоху прогрессивные предложения Эдвина Чедвика о необходимости проведения государственной реформы и передачи водоснабжения, газоснабжения, коммерческой системы погребений, уборки и освещения улиц государству вызвали резкую парламентскую оппозицию. Лорд Сеймур, выступая в парламенте, назвал его «централистом, желавшим уменьшить свободу личности в английском государстве», выступив «против финансирования Генерального совета здравоохранения» (Hansard, 1854). В годы Крымской войны 1853–1856 гг. британская пресса, поддерживая отставку и увольнение Э. Чедвика на пенсию, предлагала отправить его в Российскую империю. Английский коммерческий журнал с иронией писал: «В войне, в которую мы вовлечены, мы надеемся уничтожить Кронштадт, взять Севастополь, ...но, когда мы сделаем это, то искренне верим, что дадим России равноценный эквивалент всего того, что завоюем у нее, и в случае заключения мира мы сделаем ей подарок в лице мистера Чедвика» (The Economist, 1854).

Однако российские ученые справедливо указали на прогрессивную роль Э. Чедвика как «создателя системы общественного здравоохранения». Но в Соединенном Королевстве его прогрессивные предложения, направленные на национализацию частных объектов (газоснабжения, погребений, водоснабжения), влияющих на здоровье граждан королевства, вызвали неприятие представителей коммерции. Создатель новой системы здравоохранения городов, развивая идеи Дж. Бентама о реформе пауперизма и здравоохранения, предложил ввести первый закон о здравоохранении городов, передав государству коммерческие объекты, влияющие на здоровье населения. Исследователи указывали, что «Генеральный совет здравоохранения, созданный Эдвином Чедвиком», является «предшественником Министерства здравоохранения» Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, а субъективная оценка первого создателя системы общественного здравоохранения королевства «сохранялась до конца XX столетия» (Склярова, Котова, 2010: 8-9).

Специальный отчет, подготовленный под руководством членов Комитета по закону о бедных был направлен в британский парламент, а также Министру внутренних дел Соединенного Королевства. В представленных итогах расследования положения городов королевства подчеркивалось, что газ, водоснабжение, погребение, уборка, мощение и освещение улиц должны принадлежать государству. Впервые предлагалось введение «санитарной инспекции», должности «санитарного врача» (Report, 1842). В Викторианскую эпоху термин «здравоохранение городов» был заменен на «общественное здравоохранение», став первым «Законом о содействии общественному здравоохранению, 1848» (An Act for promoting, 1848).

Ю.П. Лисицын отмечал, что во Франции существовал термин «муниципальная полиция», в восточноевропейских странах – «социальная гигиена». В Российской империи до Октября 1917 г. использовали термин «охрана здоровья», а термин «общественное здоровье» стал «детисцем Октябрьской революции» (Лисицын, 1992: 14). После Русской революции 1917 г. было принято название – Народный комиссариат здравоохранения, который возглавил в тот период нарком здравоохранения.

Термин «Министерство здравоохранения» как новый орган государственного управления впервые был обоснован вначале XIX в. Дж. Бентамом. Министерство здравоохранения должно было контролировать водоснабжение, кладбища, госпитали, производство лекарств, а Министерство службы предотвращения должно было предотвращать рост смертности, заболеваемости и преступности, пожар и голод. Эти медико-социальные идеи Дж. Бентам предлагал для решения медико-социальных проблем Соединенного Королевства (Bentham, 1983). Однако в XIX веке «подобные министерства еще не существовали» в странах Европы (Склярова, Камалова, 2015: 105).

«Генеральный совет здравоохранения» (General Board of Health), став в 1848 году новым центром государственного управления здравоохранением Великобритании, создавался на пять лет. Но первоначально эта медицинская структура подчинялась устаревшей комиссии, которая занималась лесами, охотничьими угодьями, а также контролировала доходы землевладельцев и строительство всех общественных сооружений. К работе этого государственного ведомства привлекались в тот период лорды, работающие безвозмездно, «из чести», и не имеющие специального медицинского образования. Непрофессионализм и некомпетентность управления общественным здравоохранением городов первоначально стали новой социальной проблемой Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии.

Член парламента лорд Дж. Морпет стал президентом нового Генерального совета здравоохранения лишь автоматически, поскольку на этот пост назначался глава вышеуказанной комиссии. В тот период в Соединенном Королевстве должность президента Генерального совета здравоохранения была неоплачиваемой, а вопросами общественного здравоохранения занялась уже существующая и устаревшая организация, не имеющая к здравоохранению прямого отношения. Королева Виктория после утверждения закона 1848 г. назначила юриста Эдвина Чедвика секретарем «Генерального совета здравоохранения» (The London Gazette, 1848). В городах вводились «местные советы здравоохранения», которые подчинялись Генеральному совету.

В Шотландии акт 1848 г. не действовал, а проблемы здравоохранения в середине XIX века там решало «Управление помощи бедным», которое в 1860-х гг. приняло на себя «еще и обязанности

надзора за общественным здравоохранением» ([Апрыщенко, 2016: 552](#)). Созданная в XIX в. система общественного здравоохранения превратилась в XX веке в Министерство здравоохранения Великобритании, а затем в «Национальную службу общественного здравоохранения» ([Склярова, 2007: 186](#)), которые были впервые созданы соответственно лишь в 1919 и 1948 гг.

В Российской империи в условиях монархии соответствующая модернизация была прервана Русской революцией 1917 г. Особенности развития России, как аграрного государства, пережитки крепостничества обусловили поздний переход к индустриализации и становлению общественного здравоохранения, соответствующего уровню урбанизации. В эпоху правления императрицы Екатерины II была создана Медицинская коллегия, а вопросами нищеты занялись Приказы общественного призрения. В 1802 г. в соответствии с указом императора Александра I Министерство внутренних дел было организовано при Департаменте полиции. В 1803 г., созданный при Министерстве внутренних дел Медицинский совет действовал для «контроля медицинских и фармацевтических учреждений Российской империи» ([Гутиева, 2015: 14](#)). Как и в Великобритании, в компетенцию подобных медицинских советов входило управление общественным призрением.

С начала XIX века по указу императора Александра I Приказы общественного призрения подчинились МВД. Их финансирование шло частично из государственной казны и благотворительных взносов. В эпоху императора Александра II, после проведения земской реформы 1864 г., функции местных Приказов общественного призрения перешли к земствам. В отличие от Великобритании, где после 1848 г. стали действовать местные советы здравоохранения, в Российской империи началось становление земской медицины, занимающейся также проблемами здравоохранения в сельской местности. Медицинский совет при МВД, созданный в России по указу Александра I, действовал с 1803 г. вместо Медицинской коллегии до падения Российской империи. Медицинский совет стал специальным органом управления, проверяющим лекарственные препараты, переводы зарубежных книг, деятельность и получение образования медицинских чиновников, составляя инструкции по их работе. «Общественное здравоохранение» в его ведение тогда еще не входило. Этот термин в тот период почти не использовался в государственных документах Российской империи. Все эти ведомства сохраняли преемственность, занимаясь вопросами призрения, а также медицинского и аптечного управления. Должность Министра здравоохранения и Министерство здравоохранения в тот период в Российской империи, как и других странах мира, еще не были введены.

В начале XX века в период развития промышленности, роста городов и социальных проблем в Российской империи в соответствии с указом императора Николая II было учреждено Главное управление государственного здравоохранения (ГУГЗ) ([Высочайше утвержденное положение, 1916: 119](#)). Оно было создано впервые согласно Высочайше утвержденному императором Николаем II положению Совета министров Российской империи, действуя с сентября 1916 – по февраль 1917 гг. Для регламентации его деятельности был создан Комитет по вопросу об учреждении Главного управления государственным здравоохранением. В Российской империи, в отличие от Великобритании, Главное управление государственного здравоохранения действовало под руководством главноуправляющего государственным здравоохранением. В Соединенном Королевстве подобное государственное ведомство впервые возглавил член парламента, представитель партии вигов и старинного графского рода, выпускник университета Оксфорда, не имеющий медицинского образования, лорд Дж. Морпет. А в Российской империи новую систему управления здравоохранением возглавил дворянин, врач, выпускник Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, депутат Государственной Думы, член партии октябристов Г.Е. Рейн.

Накануне Первой мировой войны академик Г.Е. Рейн возглавил Межведомственную комиссию по пересмотру врачебно-санитарного законодательства Российской империи. Он прошел стажировку в ведущих клиниках Европы (Великобритании, Германии, Франции), был избран почетным президентом международных съездов врачей, с 1908 г. стал председателем Медицинского совета при МВД Российской империи. Как и в Британии, ведомства управления здравоохранением входили в подчинение МВД.

Главное управление государственного здравоохранения России было создано после введения Генерального совета здравоохранения Британии. Главными факторами его учреждения стали антисанитарные последствия урбанизации и промышленного переворота, а также необходимость создания соответствующей системы инспекции и законодательства. Академик Г.Е. Рейн возглавил Главное управление государственного здравоохранения Российской империи, начав подготовку пакета законов по общественному здравоохранению ([Труды Высочайше учрежденной Межведомственной комиссии, 1916](#)). Отмена крепостного права и промышленный переворот в Российской империи во второй половине XIX в. требовали соответствующей медико-социальной модернизации в городах и сельской местности. На основе британского опыта шло создание собственной системы общественного здравоохранения Российской империи.

Однако после Русской революции 1917 г. член партии октябристов, академик Г.Е. Рейн был арестован. Не приняв политику большевиков, он стал участником Белого движения, эмигрировал в Германию, затем во Францию. После эмиграции в Болгарию он занял должность профессора

медицинского факультета Софийского университета (Николаев и др., 2008: 384-385). В дальнейшем это обусловило то, что в «Большой медицинской энциклопедии» СССР сведения о его научной и общественной деятельности отсутствовали.

В документах следственной комиссии Временного правительства сохранился допрос Г.Е. Рейна, в котором указывалось, что еще в начале века, когда он исследовал врачебно-санитарное законодательство и соответствующую государственную организацию, будучи председателем этого учреждения Российской империи, увидел там «хаос. Законодательство страшно устарело. Некоторые статьи держатся чуть ли не с екатерининских времен. И те последние, мелкие изменения, которые были сделаны, не внесли никакой систематичности... я встретился с громадной смертностью населения Российской империи, которая, как всем известно, теперь вдвое почти превышает смертность других стран». В период Первой мировой войны произошел ряд перемен «во врачебно-санитарной части. Было учреждено... Управление Верховного начальника санитарно-эвакуационной части», которое «исключало необходимость учреждения Главного управления государственного здравоохранения». Академик отмечал, что он не разделял этой точки зрения, поскольку «это учреждение временное». В отношении центрального органа здравоохранения «члены комиссии не пришли к одинаковым результатам. Одни говорили, что это должно остаться в ведении Министерства внутренних дел, другие – что оно должно вылиться в особое ведомство здравоохранения» (Падение царского режима, 1926: 2-35).

Медико-социальные идеи академика Г.Е. Рейна и вклад представителя партии октябристов, политического эмигранта надолго были вычеркнуты советской идеологией из истории СССР. Возглавляемое им Главное управление государственного здравоохранения функционировало до Октября 1917 г. В тот период были заложены основы деятельности системы общественного здравоохранения России, сформирован центральный аппарат управления этого нового государственного органа. Но в период Первой мировой войны Министерство здравоохранения еще не было создано ни в России, ни в Соединенном Королевстве.

В работах исследователей XXI в. Главное управление государственного здравоохранения ошибочно названо Министерством здравоохранения. Отмечалось, что «на этот раз прекращение деятельности Министерства здравоохранения было недолгим. Н.Г. Фрейберг был привлечен к работе в органах высшей власти молодой советской республики. Привнесенные им материалы комиссии Г.Е. Рейна легли в основу советского здравоохранения.... Декретом Совета Народных Комиссаров был образован Совет врачебных коллегий – высший медицинский орган рабочего и крестьянского правительства, а спустя полгода, 11 июля 1918 г., учрежден Народный комиссариат здравоохранения» (Ивченко и др., 2016: 184).

После Русской революции 1917 г. в стране был введен Народный комиссариат здравоохранения РСФСР. В исследованиях ошибочно отмечалось, что между новым советским здравоохранением и бывшим здравоохранением Российской империи «не было глубокой пропасти» (Сорокина, 2016: 496). Но необходимо подчеркнуть, что эта пропасть существовала, определяясь политическими предпочтениями большевиков, вытеснением из руководства здравоохранением представителей других политических партий, а также национализацией правительством большевиков частной собственности, в том числе относящейся к здравоохранению и управлению аптеками. Становление системы общественного здравоохранения проходило в Российской империи так же, как и в странах Европы в эпоху промышленного переворота.

После отмены крепостного права в эпоху Великих реформ императора Александра II появился ряд работ общественных деятелей России, сравнивающих особенности медико-социальных реформ Британии и Российской империи. На страницах российских журналов британский опыт рассматривался как образец общественного здравоохранения. Доктор медицины, военврач, член Лондонского эпидемиологического общества, основоположник санитарной организации Санкт-Петербурга Г.И. Архангельский писал, что «столица Российской империи отстала на целое столетие в санитарном развитии от Лондона, а уровень смертности в Санкт-Петербурге намного превышает уровень смертности в столице Британской империи» (Архангельский, 1874: 7). Общественный деятель медицины Российской империи С. Ловцов писал в XIX веке, что первое место «в деле санитарных учреждений в настоящее время принадлежит Англии» (Ловцов, 1874: 68).

Новая реформа по созданию общественного здравоохранения началась в России при императоре Николае II. Глава управления государственного здравоохранения Российской империи Г.Е. Рейн позже на допросе отмечал, что «из того, что я писал в Совет министров, я полагаю, можно усмотреть, насколько тут ...новая постановка врачебного дела в государстве, насколько она могла бы совершенно изменить всю физиономию того, как вылилось это теперь» (Падение царского режима, 1926: 23). После Русской революции 1917 г. Н.Г. Фрейберг был приглашен для организации Народного комиссариата здравоохранения РСФСР и был назначен «управляющим делами» советского наркомата, став затем «консультантом юридического отдела Наркомата здравоохранения по врачебному законодательству» (Врачебная газета, 1927). После Русской революции 1917 г., ликвидации земств, ухудшения санитарно-эпидемической обстановки в СССР, советское здравоохранение использовало принципы управления здравоохранением, разработанные Главным

управлением государственного здравоохранения Российской империи. Однако Министерство здравоохранения СССР официально было образовано лишь после Второй мировой войны в 1946 г.

5. Заключение

Таким образом, до XX в. государственные медицинские ведомства управления здравоохранением Российской империи и Великобритании входили в подчинение Министерства внутренних дел, а общественное здравоохранение не являлось приоритетом государственной политики. Становление этой новой сферы социальной политики обусловлено урбанизацией и промышленным переворотом. «Общественное здравоохранение» как новый термин и объект внутренней политики впервые появилось в законодательных документах и отчетах Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии в середине XIX в. «Министерство здравоохранения» как новый термин и орган государственного управления был предложен впервые в эпоху урбанизации английским социальным мыслителем Дж. Бентамом. Главное управление государственного здравоохранения, созданное в Российской империи до Русской революции 1917 года, не может считаться первым в мире Министерством здравоохранения. Это государственное учреждение возглавил главноуправляющий государственным здравоохранением Российской империи, потомственный дворянин, имеющий медицинское образование, депутат Государственной Думы, врач Г.Е. Рейн. Монархические взгляды дворянина, политического эмигранта, представителя партии октябристов, а также его вклад в становление системы здравоохранения Российской империи были вычеркнуты советской идеологией. Однако возглавляемое им Главное управление государственного здравоохранения наметило основы деятельности новой организации, сформировав центральный аппарат управления здравоохранением. После Русской революции в советской России был введен Народный Комиссариат здравоохранения. Министерство здравоохранения СССР было образовано лишь в середине XX века. Новая система общественного здравоохранения первоначально была обоснована в Соединенном Королевстве Великобритании и Ирландии в эпоху урбанизации, став составным элементом бентамизма, викторианизма и социальной политики стран мира. Лишь спустя столетие вклад основателей системы общественного здравоохранения Британии и России получил объективную историческую оценку.

Литература

- [Апрыщенко, 2016](#) – *Апрыщенко В.Ю.* Шотландия в Новое время: в поисках идентичностей. СПб.: Алетейя, 2016. 720 с.
- [Архангельский, 1874](#) – *Архангельский Г.И.* Петербург и его средства // *Здоровье*. 1874. № 1. С. 7-8.
- [Вотье, 1896](#) – *Вотье М.* Местное управление Англии. СПб: Издание Л.Ф. Пантелеева, 1896. 328 с.
- [Врачебная газета, 1927](#) – *Врачебная газета*. 1927. № 16.
- [Высочайше утвержденное положение, 1916](#) – Высочайше утвержденное положение Совета Министров об учреждении Главного управления государственного здравоохранения // *Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины, издаваемый при Управлении Главного врачебного инспектора МВД*. СПб., 1916. С. 119-157.
- [Гутиева, Склярова 2015](#) – *Гутиева М.А., Склярова Е.К.* Сравнительный анализ социальных реформ России и Великобритании в первой половине XIX века // *Гуманитарные и социальные науки*. 2015. № 1. С. 14-24.
- [Ивченко и др., 2016](#) – *Ивченко Е.В., Карпущенко Е.Г., Овчинников Д.В.* Академик Г.Е. Рейн у истоков Министерства здравоохранения России // *Вестник Российской военно-медицинской академии*. 2016. № 4 (56). С. 181-185.
- [История здравоохранения, 2014](#) – История здравоохранения дореволюционной России (XVI – начало XX вв.). / М.В. Поддубный, И.В. Егорышева, Е.В. Шерстнева и др. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2014. 248 с.
- [Козовенко, 2016](#) – *Козовенко М.Н.* К вопросу о деятельности Главного управления государственного здравоохранения (к 100-летию образования ведомства) // *Материалы III (XIII) Съезда Российского общества историков медицины, посвященного РОИМ / К.А. Пашков (отв. ред.)*. М.: Магистраль, 2016. С. 122-124.
- [Лисицын, 1992](#) – *Лисицын Ю.П.* Социальная гигиена и организация здравоохранения. М.: Медицина, 1992. 466 с.
- [Ловцов, 1874](#) – *Ловцов С.* Об устройстве санитарной части в России // *Здоровье*. 1874. № 5. С. 68-69.
- [Николаев и др., 2008](#) – *Николаев А.Б., Иванов Б.Ю., Комзолова А., Ряховская И.С.* Рейн Георгий Ермолаевич // *Государственная Дума Российской империи: 1906–1917*. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. С. 384-385.
- [Падение царского режима](#) – Падение царского режима / Под. ред. П.Е. Щеголева. Л.: Государственное издательство, 1926. Т. 5. С. 2-35.

[Склярова, 2007](#) – *Склярова Е.К.* Промышленный переворот, урбанизация и становление системы здравоохранения Великобритании в эпоху королевы Виктории. Ростов н/Д: СКНЦ ЮФУ, 2007. 208 с.

[Склярова, Камалова, 2015](#) – *Склярова Е.К., Камалова О.Н.* Философские аспекты викторианского здравоохранения // *Экономические и гуманитарные исследования регионов*. 2015. № 1. С. 103-108.

[Склярова, Котова, 2010](#) – *Склярова Е.К., Котова Т.А.* Эдвин Чедвик – создатель системы общественного здравоохранения. Подарок России или Великобритании. Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2010. 160 с.

[Сорокина, 2016](#) – *Сорокина Т.С.* История медицины. М.: Издательский центр «Академия», 2016. 560 с.

[Труды Высочайше учрежденной Межведомственной комиссии, 1916](#) – Труды Высочайше учрежденной Межведомственной комиссии по пересмотру врачебно-санитарного законодательства. СПб, 1916. Т. 1-10.

[An Act for promoting, 1848](#) – An Act for promoting the Public Health, 1848 // 11 & 12 Vict. c. 63. pp. 721-784.

[Bentham, 1983](#) – *Bentham J.* Constitutional Code / In: The Collected Works of Jeremy Bentham / Ed. by F. Rosen, J. H. Burns. Oxford: OUP, 1983. Vol.1. 612 p.

[Hansard, 1854](#) – Hansard Parliamentary Debates. 3-rd Series. 1854. Vol. CXXXIV. c. 982-1307.

[Ivashova et al., 2019](#) – *Ivashova V.A., Goncharov V.N., Erokhin A.M., Kolosova O.U., Tronina L.A., Kamalova O.N.* Values-based orientations as a formation factor of the social responsibility of the professional community // *International Journal of Civil Engineering and Technology (IJCIET)*. Vol. 10, Issue 03. 2019. pp. 2560-2569.

[Report, 1842](#) – Report of the Poor Law Commissioners to the Secretary of State or an Inquiry into the Sanitary Condition of the Laboring Population of Great Britain // Parliamentary Papers. 1842. Vol. XXVI. pp. 3-370.

[Sklyarova, 2017](#) – *Sklyarova E.K.* Crimean War and Establishment of Public Health System in Great Britain // *Nauchnyi al'manakh stran Prichernomor'ya*. 2017. № 1 (9). pp. 24-29.

[Smith, 1851](#) – *Smith T.S.* Local Self-Government and Centralization: the Characteristics of Each; and Its Practical Tendencies, as Affecting Social, Moral, and Political Welfare and Progress. London.: J. Chapman, 1851. 409 p.

[The Economist, 1854](#) – The Economist. 1854. Aug. 5.

[The London Gazette, 1848](#) – The London Gazette. 1848. Sept. 26.

References

[An Act for promoting, 1848](#) – An Act for promoting the Public Health, 1848. V. 11 & 12 Vict. c. 63. pp. 721-784.

[Apyrshchenko, 2016](#) – *Apyrshchenko V.Y.* (2016). Shotlandiya v Novoye vremya: v poiskah identichnostey. [Scotland during Modern times: in search of identichnosti]. SPb.: Aleteiya. 720 p. [in Russian]

[Arkhangel'skiy, 1874](#) – *Arkhangel'skiy G.I.* (1874). Peterburg i ego sredstva [Petersburg and its means]. *Zdorov'e*. Nr 1. pp. 7-8. [in Russian]

[Bentham, 1983](#) – *Bentham J.* (1983). Constitutional Code. In: The Collected Works of Jeremy Bentham. Ed. by F. Rosen, J. H. Burns. Oxford: OUP. Vol.1. 612 p.

[Doctor's paper. 1927](#) – Vrachebnaya gazeta [*Doctor's paper*]. Nr 16. [in Russian]

[Gutieva, Sklyarova 2015](#) – *Gutieva M.A., Sklyarova E.K.* (2015). Sravnitel'nyy analiz sotsial'nykh reform Rossii i Velikobritanii v pervoy polovine XIX veka [Comparative analyze of social reforms of Russia and Great Britain in the first half of the XIX century]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. Nr 1. pp. 14-24. [in Russian]

[Hansard, 1854](#) – Hansard Parliamentary Debates. 3-rd Series. 1854. Vol. CXXXIV. pp. 982-1307.

[Istoria zdravooхранenia, 2014](#) – *Istoriya zdravooхранeniya dorevolyutsionnoy Rossii (XVI – nachalo XX v.)*. [The history of public health in prerevolutionary Russia (XVI – beginning XX)]. *M.B. Poddubny, I.V. Egorisheva, E.V. Sherstneva i dr.* М.: GEOTAR-Media, 2014. 248 p. [in Russian]

[Ivashova et al., 2019](#) – *Ivashova V.A., Goncharov V.N., Erokhin A.M., Kolosova O.U., Tronina L.A., Kamalova O.N.* (2019). Values-based orientations as a formation factor of the social responsibility of the professional community. *International Journal of Civil Engineering and Technology (IJCIET)*. Vol. 10, Is. 03. pp. 2560-2569.

[Ivchenko i dr., 2016](#) – *Ivchenko E.V., Karpushchenko E.G., Ovchinnikov D.V.* (2016). Akademik G.Ye. Reyn u istokov Ministerstva zdravooхранeniya Rossii [Academician G.E. Rein at the origins of the Ministry of Health of Russia]. *Vestnik Rossiiskoi voenno-meditsinskoi akademii*. Nr 4 (56). pp. 181-185. [in Russian]

[Kozovenko, 2016](#) – *Kozovenko M.N.* (2016). K voprosu o deyatel'nosti Glavnogo upravleniya gosudarstvennogo zdravooхранeniya (k 100-letiyu obrazovaniya vedomstva) [On the activity of the Central

Administration of State Public Health (on the 100-th anniversary of the establishment of the department)]. Materialy III (XIII) S^oezda Rossiiskogo obshchestva istorikov meditsiny, posvyashchennogo ROIM. K.A. Pashkov (otv. red.). M.: Magistral', pp. 122-124. [in Russian]

[Lovtsov, 1874](#) – *Lovtsov S.* (1874). Ob ustroystve sanitarnoy chasti v Rossii [About the organization of the sanitary unit in Russia]. *Zdorov'e*. Nr 5. pp. 68-69. [in Russian]

[Lysicin, 1992](#) – *Lysicin Y.P.* (1992). Sotsial'naya gigiyena i organizatsiya zdravookhraneniya [Social hygiene and organization of public health system]. M.: Meditsina. 466 p. [in Russian]

[Nikolayev et al., 2008](#) – *Nikolayev A.B., Ivanov V. Yu., Komzolova A.A., Ryakhovskaya I.S.* (2008). Rein Grigorii Ermolaevich. Gosudarstvennaya Duma Rossiyskoy imperii: 1906–1917. [Rein, Georgiy Ermolaevich. State Duma of Russian Empire: 1906–1917]. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, pp. 384-385. [in Russian]

[Padenie tsarskogo rezhima, 1926](#) – Padenie tsarskogo rezhima [The fall of the royal regime]. By ed. P.E. Shchegolev. L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. V. 5. pp. 2-35. [in Russian]

[Report, 1842](#) – Report of the Poor Law Commissioners to the Secretary of State or an Inquiry into the Sanitary Condition of the Laboring Population of Great Britain. Parliamentary Papers, 1842. Vol. XXVI. pp. 3-370.

[Sklyarova, 2007](#) – *Sklyarova E.K.* (2007). Promyshlennyy perevorot, urbanizatsiya i stanovleniye sistemy zdravookhraneniya Velikobritanii v epokhu korolevy Viktorii. [Industrial revolution, urbanization and the rise of the public health system of Great Britain in the era of Queen Victoria]. Rostov n/D: SKNTs YuFU. 208 p. [in Russian]

[Sklyarova, 2017](#) – *Sklyarova E.K.* (2017). Crimean War and Establishment of Public Health System in Great Britain. *Science almanac of Black sea region countries*. Nr 1 (9). pp. 24-29.

[Sklyarova, Kamalova, 2015](#) – *Sklyarova E.K., Kamalova O.N.* (2015). Filosofskiye aspekty viktorianskogo zdravookhraneniya. [Philosophical aspects of Victorian public health]. *Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov*. Nr 1. pp. 103-108. [in Russian]

[Sklyarova, Kotova, 2010](#) – *Sklyarova E.K., Kotova T.A.* (2010). Edvin Chedvik – sozdatel' sistemy obshchestvennogo zdravookhraneniya. Podarok Rossii ili Velikobritanii. [Edwin Chadwick is the creator of the public health system. A gift to Russia or United Kingdom]. Rostov-on-Don: IPO PI YFU. 160 p. [in Russian]

[Smith, 1851](#) – *Smith T.S.* (1851). Local Self-Government and Centralization: the Characteristics of Each; and Its Practical Tendencies, as Affecting Social, Moral, and Political Welfare and Progress. London.: J. Chapman. 409 p.

[Sorokina, 2016](#) – *Sorokina T.S.* (2016). Istoriya meditsiny. [History of medicine]. M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiya». 560 p. [in Russian]

[The Economist, 1854](#) – The Economist. 1854. Aug. 5.

[The London Gazette, 1848](#) – The London Gazette. 1848. Sept. 26.

[Trudy, 2016](#) – *Trudy Vysochayshe uchrezhdonnoy Mezhhvedomstvennoy komissii po peresmotru vrachebno-sanitarnogo zakonodatel'stva Istoriya meditsiny.* [Writings of the High established interdepartmental commission to revise medical-social code]. Saint Petersburg. V. 1-10. [in Russian]

[Votye, 1896](#) – *Votye M.* (1896). Mestnoye upravleniye Anglii [Local government of England]. Saint Petersburg: Publisher Panteleeva. 328 p. [in Russian]

[Vysochayshe utverzhdonnoye polozheniye, 1916](#) – Vysochayshe utverzhdonnoye polozheniye Soveta Ministrov ob uchrezhdenii Glavnogo upravleniya gosudarstvennogo zdravookhraneniya. [Highest approved position of the Council of Ministers on the establishment of the Central Administration of State Healthcare]. *Vestnik obshchestvennoy gigiyeny, sudebnoy i prakticheskoy meditsiny, izdavayemyy pri Upravlenii Glavnogo vrachebnogo inspektora MVD*. Saint Petersburg, pp. 119-157. [in Russian]

Становление системы общественного здравоохранения в России и Великобритании в XIX – начале XX веков

Елена Константиновна Склярлова ^{a, *}, Мадина Алимбековна Гутиева ^b,
Ольга Николаевна Камалова ^a, Лилия Таймуразовна Засеева ^b

^a Ростовский государственный медицинский университет, Российская Федерация

^b Горский государственный аграрный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается становление системы общественного здравоохранения Российской империи и Великобритании в XIX – начале XX вв. На основе историко-

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: affina18@mail.ru (E.K. Sklyarova), madina-gutieva@mail.ru (M.A. Gutieva), kamalovaolga@mail.ru (O.N. Kamalova), lilia3636363@mail.ru (L.T. Zaseeva)

антропологического, сравнительного и историко-генетического методов исследования авторы анализируют особенности эволюции терминов «общественное здравоохранение» и «министерство здравоохранения», а также становление соответствующей системы управления Британии и России. Медицинская коллегия, а также Главное управление государственного здравоохранения, созданное в Российской империи накануне Русской революции 1917 г. по указу императора Николая II, не являлось первым в мире министерством здравоохранения. Термины «общественное здравоохранение», «министерство здравоохранения» появились впервые в законодательных документах Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии в эпоху промышленного переворота и урбанизации. Однако в XIX в. предложения реформаторов о социальном государстве, в котором газ, водоснабжение, погребение должны принадлежать государству, являясь объектом социальной политики, а не только коммерции, первоначально вызывали недовольство парламента. Позже медико-социальные идеи английских общественных деятелей – Дж. Бентама и Э. Чедвика – легли в основу первого «Закона о содействии общественному здравоохранению, 1848», а затем создания Министерства здравоохранения Великобритании. Эти идеи были развиты основателями общественного здравоохранения Российской империи накануне Русской революции 1917 г. До XX в. государственные медицинские ведомства управления здравоохранением в Российской империи и Великобритании входили в подчинение Министерства внутренних дел.

Ключевые слова: Министерство здравоохранения, Российская империя, Русская революция 1917 г., Министерство внутренних дел, социальная политика, Генеральный совет здравоохранения, Главное управление государственного здравоохранения, урбанизация, Великобритания, общественное здравоохранение.

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1115-1124. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1115
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Mammal Hunting in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries in the context of the All-Russian Modernization

Tatiana S. Minaeva ^{a, *}, Daniil S. Zaozerskiy ^b, Maksim Yu. Zadorin ^a

^a Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation

^b Laverov Federal Research Centre for Integrated Studies of the Arctic, Russian Academy of Sciences, Arkhangelsk, Russian Federation

Abstract

The article examines the process of improving the technical aspect of the mammal hunting in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries based on the concept of catch-up modernization. The sources for the publication are the documents of the State Archive of the Arkhangelsk Region, the publications of the Arkhangelsk Provincial Statistical Committee and the regional periodical press of the XIXth – early XXth centuries, as well as scientific publications on relevant topics. The authors consider the qualitative change in mammal hunting and determine the reasons for these changes. The paper substantiates the provision on the continuous process of modernization of the mammal hunting as a result of growing competition in the development of natural resources. The pace of modernization in the study period did not remain the same and depended on external and internal factors.

The theoretical and practical significance of this work is in the possibility of using its results in preparing a prospective study that would systematize the Russian experience in Russian Arctic exploration in the XIX – early XX centuries, as well as in the development of the theoretical courses on the history of the exploration of the North-West sector of the Russian Arctic.

Keywords: modernization, the Arctic, mammal hunting, navigation, the history of Russian entrepreneurship, Pomor vessels, Pomors, Norway.

1. Введение

Зверобойные промыслы на Русском Севере в XIX – начале XX вв. традиционно рассматриваются в исторических исследованиях как пример безнадежной технической отсталости окраинных территорий России или как доказательство консервативности поморского менталитета, в основе которого лежали неизменные веками особенности организации промыслов и православная вера поморов. Эти два концептуальных подхода в изучении морских промыслов Русского Севера не менялись с начала XX в. Современный комплексный анализ различных видов письменных источников позволяет сделать новые выводы относительно тенденций в развитии промыслов во второй половине XIX – начале XX вв.

Актуальность исследования определяется особым вниманием российского правительства и международного сообщества к природным ресурсам Арктики, развернувшейся конкуренцией за получение и расширение доступа к этим ресурсам. Научная значимость работы заключается в комплексном рассмотрении процесса технической модернизации зверобойных промыслов в пореформенный период и определении его своеобразия. Также данная работа может стать базисом

* Corresponding author

E-mail addresses: t.minaeva@narfu.ru (T.S. Minaeva), d.zaozerskiy@yandex.ru (D.S. Zaozerskiy), m.zadorin@narfu.ru (M.Yu. Zadorin)

для углубленного изучения, с учетом новых данных, влияния модернизации на социальные отношения в регионе и ментальность населения.

2. Материалы и методы

В качестве материалов используются документы Государственного архива Архангельской области, издания Архангельского губернского статистического комитета, публикации региональной периодической печати XIX – начала XX вв.

В данной статье использована концепция «догоняющей модернизации» или модернизации, под которой понимают процесс качественных изменений традиционного общества в ответ на вызовы более развитых стран.

В интерпретации фактов и суждений авторы статьи исходят из многофакторного объяснения истории, согласно которому то или иное историческое событие рассматривается как результат взаимодействия различных факторов: социального, политического и иного значимого характера. В работе использовались, прежде всего, специально-исторические (проблемно-хронологический, сравнительный, типологический) методы.

3. Обсуждение

Одним из первых в XIX в. поморские промыслы начал изучать Антон фон Пошман. Исследователем были рассмотрены промысловые занятия населения в различных уездах Архангельской губернии с указанием названий типов судов и орудий промыслов (Пошман, 1866). Труды Н.Я. Данилевского (Данилевский, 1862; Данилевский, 1890), созданные на основе непосредственных наблюдений автора, содержат описание специфики процесса ведения различных промыслов и выводы об их нестабильности, высокой себестоимости и упадке в районе Шпицбергена и Новой Земли. Ученый составил также список рекомендаций по поддержке мурманских промыслов как наиболее перспективных.

А.А. Жилинский (Жилинский, 1917; Жилинский, 1932) и Б.М. Житков (Житков, 1922) акцентировали внимание на разнообразии морских промыслов в начале XX в. и необходимости защиты природных богатств Российской Арктики. Сведения об организации поморских промыслов на Новой Земле и Шпицбергене в XIX – начале XX вв. и их техническом оснащении нашли свое отражение в книгах М.И. Белова (Белов, 1956) и Д.М. Пинхенсона (Пинхенсон, 1962).

Обзор деятельности архангельской администрации по колонизации Новой Земли представлен в трудах П.В. Боярского (Боярский, 2005; Боярский, 2015), но автор не ставил своей задачей изучение модернизации промыслов.

Тенденции развития поморского судостроения в целом отражены в коллективной монографии «История северорусского судостроения» (Дубровин др., 2001), работах Л.Б. Красавцева (Красавцев, 2007) и А.В. Ружникова (Ружников, 2005). Авторы солидарны в выводах о преимуществах конструкции традиционных парусных судов поморов, использовавшихся на промыслах, что сдерживало переход к новым типам судов на Белом море.

В работах зарубежных исследователей Й.П. Нильсена (Nielsen, 2004; Nielsen, 2014), Э. Ниemi (Niemi, 1992) и Т.Б. Арлова (Арлов, 2016) содержатся сведения об использовании норвежцами поморского опыта арктических промыслов. Авторы высказывают мнение о различных причинах упадка поморских зверобойных промыслов, называя в числе прочих отсутствие должного государственного финансирования региона и устаревшие типы поморских судов.

В большинстве указанных работ вопросы об изменениях типов судов и орудий промыслов не анализировались (за исключением исследований о поморском судостроении), а упоминались только в связи с описанием самих промыслов.

Вопросу влияния модернизации на поморские промыслы посвящен ряд работ современных исследователей. В.И. Кортаев, изучив публикации местной печати начала XX в., сделал вывод о «насаждаемой сверху» модернизации, т.к. осуществлялась она за счет государственных средств по инициативе архангельских губернаторов и противоречила поморскому менталитету (Кортаев, 1998). Авторы коллективной монографии «Культура русских поморов. Историко-культурный анализ» отмечали, что в XIX в. «мореходный опыт, выработанный предками несколько веков назад, не получил профессионального развития. И причина кроется не в бесталанности поморов, а в консервативности взглядов, в ментальности, истоком которой был церковный раскол. В реальности уровень технического и технологического обеспечения поморских промыслов стал безнадежно отставать от соседей-иностранцев». Только благодаря деятельности Комитета для помощи поморам Русского Севера и только на время его деятельности «Поморье стало экспериментальной площадкой государства для апробирования передовых идей». Стимулом для деятельности Комитета стало желание «приобщить далекий Северный край к общероссийской жизни, отстоять интересы государства в противостоянии с Норвегией, обеспечить русскую колонизацию заполярных территорий, принадлежащих России» (Ануфриев и др., 2013: 112-114, 117). Наконец, Т.И. Трошина, Н.С. Авдонина и М.Ю. Задорин сделали вывод, что во второй половине XIX – начале XX вв. морские промыслы на Русском Севере оставались в законсервированном, архаичном

состоянии. «Стремление государства оказать поддержку населению отдаленных и теряющих экономическую перспективу регионов «цивилизованными способами» (путем льгот, оказания различного вида консультативной помощи, финансирования разнообразных программ) вело лишь к развитию иждивенчества и потребности в патернализме со стороны власти» (Трошина и др., 2018: 1126). Хотя нельзя не отметить, что промысловая архаизация является неизбежной для всех относительно закрытых локальных сообществ, так как это является, в том числе, условием сохранения их идентичности. Ближайшим по соседству с поморами примером может служить промысловый опыт саамов-скольтов (Карелин, Зайков, 2016: 32-41; Зайков, Тамицкий, 2017: 915-927; Зайков, Авдонина, 2019: 29-40).

Из приведенных выводов следует, что модернизация зверобойных промыслов на Архангельском Севере представляла собой кратковременное явление, возникшее под влиянием государства и благотворительных организаций и не оказавшее существенного положительного воздействия на хозяйство и население региона.

Цель статьи – проанализировать процесс модернизации технической стороны зверобойных промыслов на Севере России во второй половине XIX – начале XX вв. и выявить его последствия и особенности.

4. Результаты

Организация зверобойных промыслов в Арктике в значительной степени находилась в зависимости от морских транспортных средств. Среди судов, на которых поморы ходили на добычу зверя в конце XVIII – первой половине XIX вв., в архивных источниках и исторических описаниях чаще всего упоминаются лодьи (ладьи), кочи (кочмары) и карбасы. Так, в Атласе Архангельской губернии 1797 г. рассказывается о больших морских судах (гукорах, галиотах и лодьях), на которых совершались промысловые экспедиции на Новую Землю и Шпицберген; различных карбасах, на которых осуществлялся промысел во время пребывания поморов на арктических архипелагах, на которых мезенские промышленники приезжали на Новую землю и на которых проводился прибрежный промысел в Белом море (Атлас, 1988: 80-82). В прошениях промышленников, поданных в Архангельское губернское правление, и документах Беломорской акционерной торговой компании встречаются названия *лодья* и *ладья*, *карбас* и *бот* (ГААО. Ф. 1. О. 4. Т. 5а. Д. 404; Ф. 4. Оп. 9. Д. 70; Ф. 10. Оп. 1. Д. 6.). В статьях Архангельских губернских ведомостей и Памятных книжках Архангельской губернии, посвященных зверобойным промыслам, указываются лодьи, кочи и гукоры (АГВ, 1846, № 38–42; Богославский, 1861: 117). А. фон Пошман, раскрывая особенности промыслов на Новой Земле и Шпицбергене в конце XVIII – начале XIX вв., упоминает лодьи, кочмары и небольшие гукеры (Пошман, 1866: 149, 192).

Исходя из «летописных и изустных преданий», представленных в статье И.П. Ануфриева, предположительно до второй половины XIX в. на Новую Землю для боя моржей «снаряжалось судно – коча, ладья, а позднее яхта и галиот с грузовой вместимостью от 40 до 100 тонн». Если экипаж составлял 15 человек, то на корабле имелось «2 больших карбаса грузоподъемностью до 120 пудов, 1 малый подъездок – 60 пудов» (Ануфриев, 1918: 125-126).

Таким образом, можно сделать вывод, что, во-первых, практически всегда различались типы судов, использовавшихся для осуществления дальних арктических экспедиций и для непосредственного ведения промысла как на островах архипелагов, так и в прибрежной зоне Белого моря; во-вторых, что крупные грузовые морские суда, отправлявшиеся на Новую Землю и Шпицберген, всегда имели на борту мелкие промысловые суда (карбасы).

Крымская война нанесла серьезный ущерб поморским промыслам. Количество лодей и кочей, использовавшихся для арктических плаваний, сократилось в Архангельской губернии на 20 % в результате нападений англо-французской эскадры (Богославский, 1861: 111). Поморские экспедиции на Шпицберген полностью прекратились. На Новой Земле добыча зверя возобновлялась медленными темпами: в конце 1850-х гг. туда отправлялось не более 5–6 судов ежегодно и только к середине 1860-х гг. их количество увеличилось до 10–15. В этот же период развернулась деятельность норвежских промышленников у берегов полярных архипелагов. В 1870-х гг. уже до 90 норвежских судов занималось промыслами в районе Новой Земли (Богославский, 1861: 160-161), до 20 судов – у Шпицбергена (Utdrag av Tromsø..., 1929: 7). После Крымской войны в поморском судостроении произошли изменения. В конце 1850-х гг. строились в основном карбасы, что отражало потребности в восстановлении потерь, понесенных в годы войны, и финансовые возможности населения, лодьи и шхуны создавались примерно в одинаковой пропорции (АГВ, 1859, № 46: 2-4). В следующем десятилетии заметно уменьшилось количество строящихся лодей и кочмар, возросло число шхун, клиперов и яхт. Так, в 1864 г. в Архангельской губернии насчитывалось 135 шхун из 970 судов, лодьи, шлюпы и кочмары составляли примерно треть всего поморского флота, а основную массу представляли шняки и раншины (Отчет о деятельности..., 1867: 91). После 1879 г. упоминаний о строительстве лодей в источниках не обнаружено. К концу XIX в. преобладающим типом грузового парусника на Белом море стали шхуны, и из них состояла уже треть грузового поморского флота. В 1900 г. на Белом море лодьи уже практически вышли из употребления и использовались только для

прибрежного плавания, а яхты, шхуны и клиппера составляли 88 % парусного флота (Красавцев, 2007: 76; Ружников, 2005: 104).

Строительству новых типов парусных судов способствовал ряд проведенных мероприятий. Например, до 1859 г. за казенный счет проводилось обучение мастеров из поморских крестьян на государственных верфях, в 1842 г. были организованы шкиперские курсы в Кеми и Архангельске, а позднее открыты штурманские и мореходные классы в Сумском Посаде, Онеге, Патракеевке (Дранникова, 2017), Кушерке. В 1881 г. по инициативе архангельского губернатора Н.М. Баранова начала действовать Комиссия для обсуждения насущных нужд Севера и для изыскания мер и средств к их удовлетворению. По предложению этой Комиссии в 1882 г. всем приморским жителям предоставили право бесплатного пользования казенным лесом для постройки судов каботажного и дальнего плавания. Срок действия разрешения устанавливался первоначально на 5 лет, затем продлевался до 1897 и до 1902 гг. (Пинхенсон, 1962: 135). Также стимулировало строительство и приобретение новых типов судов созданное в 1897 г. при поддержке правительства «Общество взаимного страхования поморских судов».

Согласно письменным источникам, в эти годы произошло изменение и некоторых типов промысловых судов. Сведения о занятиях населения Архангельской губернии зверобойным промыслом, содержащиеся в Государственном архиве Архангельской области (ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1557), как и исторические описания Архангельской губернии (Ухтомский, 1883: 3; Федоров, 2003: 112-119; Энгельгардт, 2009: 184; Книпович, 1897: 41-42, 45, 89) показывают, что поездки на Новую Землю стали совершаться преимущественно на шхунах, которые брали на борт карбасы для осуществления промысла. Для ведения прибрежных промыслов, как и раньше, использовали карбасы и различных размеров лодки на 3–7 человек.

В конце XIX в. наиболее передовые представители купечества для организации дальних моржовых и тюленых промыслов стали приобретать парусные и даже паровые суда за границей. Зачинателем нового дела выступил кемский купец Антонов, который в 1897 и 1898 гг. купил за границей 3 парусных судна и удачно их использовал. Успех Антонова побудил еще нескольких поморов обзавестись промысловыми судами, и в 1901 г. звериными промыслами на Новой Земле и в горле Белого моря занимались уже более десятка судов (Обзор Архангельской губернии..., 1902: 32). Первым зверобойным пароходом на Русском Севере стало судно «Святой мученик Фока» (бывший «Geiser»), приобретенный в Норвегии и переименованный в 1898 г. мезенскими крестьянами братьями Юрьевыми. Команда, набранная из русских и норвежцев, занималась промыслом у берегов Новой Земли и в Белом море (Поморская энциклопедия..., 2001: 358; Точилев, 2011). В 1907 г. купец первой гильдии Д.Н. Масленников купил ледокольный пароход «Святой Николай» и также использовал его для ведения промыслов. Промысловыми судами на ледоколе служили фангсботы (норвежские лодки) как норвежской, так и русской постройки. Для летнего моржового промысла у Новой Земли Д.Н. Масленников приобрел в Норвегии моторный фангсбот. Это была первая моторная лодка на русских промысловых судах. По словам капитана ледокола И.П. Ануфриева, фангсбот работал безукоризненно и оказался очень полезен при дальних поездках для разведок в бухтах, при буксировке других лодок и особенно при преследовании моржей (Алеев, 1913: 21, 24-26). Один из самых предприимчивых крестьян Нижней Золотицы, разбогатевший на торговле с Норвегией и посредничестве в сбыте продукции зверобойного промысла, Семен Субботин приобрел парусно-моторное судно «Жемчуг» и с 1911 г. вел на нем промыслы у берегов Новой Земли и на Белом море, в 1913 г. он купил в Норвегии пароход «Варильд», а в 1914 г. – новое парусно-моторное судно, названное им «Михаил», на которых осуществлял зверобойный промысел в горле Белого моря (ГААО. Ф. 48. Оп. 6. Д. 13. Л. 199-200. Д. 20).

Особенности белушьего промысла влияли на сохранение традиционных типов промысловых судов. На основе сведений Б.М. Житкова можно предположить, что карбасы (или позднее – лодки), на которых промышленники приближались к белухам на отмелях, не были заменены моторными судами вплоть до 20-х гг. XX в. «вследствие шумного хода» последних. Белухи были достаточно пугливы, и лодки вынужденно подплывали к ним «парусами», а не на веслах (Житков, 1922: 14).

Т.Б. Арлов, указывая, что «по сравнению с норвежским русский промысловый флот в XIX в. значительно отставал как технически, так и в плане эффективности» (Арлов, 2016: 132), вероятно, имел в виду использование норвежцами моторных и паровых судов на промыслах, которые у поморов появились только в начале XX в.

Отдельно необходимо заметить, что после организации промысловых колоний на Новой Земле с 1880 г. было налажено пароходное сообщение Архангельска со становищами архипелага. Рейсы выполняло Архангельско-Мурманское срочное пароходство в начале и в конце навигации. В первый рейс пароход принимал добычу колонистов – шкуры и сало морских животных, рыбу, во второй рейс – доставлял топливо, керосин, съестные припасы. В 1911 г. пароход делал уже 4 остановки на Новой Земле, заходя во все становища (Спутник помора..., 1911: 121-122). Организация постоянных поселений на Новой Земле и пароходного сообщения с архипелагом представляло собой совершенно новое явление в проведении морских промыслов на Русском Севере. Аналогичные идеи высказывались неоднократно в проектах освоения Шпицбергена и Новой Земли еще в первой

половине XIX столетия, но в то время российская администрация воспринимала их как слишком затратные и не гарантировавшие никаких выгод. Повышение промысловой активности норвежцев у берегов Новой Земли во второй половине XIX века заставило центральное и местное руководство объединить усилия с предпринимателями и реализовать предложения хотя бы в отношении Новой Земли, чтобы не потерять архипелаг.

Обратимся теперь к рассмотрению орудий промыслов. Письменные источники конца XVIII – середины XIX вв. показывают, что традиционно поморы использовали ружья («моржовки»), гарпуны («носки», «кутила») и дубинки для охоты на моржей и тюленей в воде или на льду. На суше применяли пики («спицы») для охоты на моржей, окованные железом дубинки, палки – для добычи как моржей, так и тюленей (Атлас, 1988: 80–82; Харитонов, 1849: 282–298; АГВ, 1859. № 3–4).

А. фон Пошман при описании промысла тюленей, белух и морских зайцев на Новой Земле и Шпицбергене упоминал как ружья, так и копыя (Пошман, 1866: 193). С.В. Максимов записал рассказы жителей Архангельской губернии об охоте на тюленя с помощью ружей, палок, «хвостяг» (длинная палка на одном конце с утолщением, на другом с багром), а на моржей – при помощи «моржовок», «спиц», «кутил», «носков» (Максимов, 1984: 37, 406).

И.П. Ануфриев, восстановивший картину промысла на Новой Земле на основе устных источников, обращал внимание на то, что в моржей, находящихся в воде, бросали гарпун, «привязанный... к карбасу». Затем животных добывали «спицей, т.е. железным острым орудием» или ружьем. На берегу и на льду моржей били «спицами, носками (теми же медвежьими рогатинами), но не гарпунами» (Ануфриев, 1918: 127–128).

С конца XIX в. начался переход к новому типу огнестрельного оружия, используемого на промысле. В 1890-х гг. происходило переоснащение русской армии, и снятые с вооружения винтовки Бердана продавали охотникам. С 1894 по 1899 гг. зверобоям в Архангельской губернии при содействии губернатора А.П. Энгельгардта было роздано 1334 винтовки с патронами с рассрочкой платежа. Кроме того, из местных уездных воинских команд было отпущено Военным министерством 455 ружей Бердана, бывших в употреблении, по цене 2 руб. 25 коп. за ружье. В 1900 г. для этой же цели архангельский губернатор приобрел 1530 берданок с 303 тыс. патронов (Краткий очерк деятельности..., 1907: 32–33; Обзор Архангельской губернии..., 1900: 33–34).

«Берданки» превосходили кремниевые и пистонные ружья, но вскоре выяснилось, что они неудобны для зверобойного промысла из-за сложного затвора, который часто выходил из строя. В «Обзоре Архангельской губернии» за 1910 г. отмечалось, что у поморов стали появляться норвежские промысловые ружья: «у них проще устроен замок, стенки дула толще и несгорю нагрываются» (Обзор Архангельской губернии..., 1911: 79). В 1911 г. самой распространенной винтовкой для охоты на тюленей на русских промысловых судах и у колонистов на Новой Земле была уже винтовка Ремингтона, приобретаемая в Норвегии. Она быстро набирала популярность. Некоторые промышленники готовы были платить за нее по 75 и даже по 100 руб. Кроме того, на промысловых судах начинали использовать магазинную винтовку системы Браунинга (Алеев, 1913: 23–24; Керцелли, 1911: 780; Садовский, 1912: 24).

Для проведения промыслов, связанных с ловлей морских животных, сохранялись традиционные приемы и орудия. В XIX – начале XX вв. для ловли нерпы и морского зайца летом и осенью на беломорских отмелях применяли сети – «юнды».

Основным орудием лова в белушьем промысле был обметный невод, состоящий из отдельных юнд. Белуший невод был самым дорогим орудием лова на Русском Севере. В середине XIX в. его производство стоило 400 руб., в 1890-е гг. – от 800 до 1200 руб. (Максимов, 1984: 69), невод изготавливался общими усилиями промышленников и владели им коллективно. В промысле использовалось от 4 до 12 карбасов, которыми окружали стадо белух. С каждого карбаса выбрасывали юнды, связывали их между собой в единый невод и, сближаясь на карбасах, стягивали стадо неводом. Затем образовывали внутри еще меньший круг, в котором с помощью острог начинали охоту на животных. Сеть постепенно подтаскивали к берегу. Промысел был не только дорогой, но и сложный в исполнении, мог производиться только совместно, артельно. На мелководье для добычи зверя могли использовать винтовки (АГВ, 1857, № 35).

Й.П. Нильсен отмечал, что норвежский белуший промысел получил развитие только с 1860-х гг. и техника его проведения была заимствована у поморов (Nielsen, 2004: 74).

Модернизация промыслов влияла на их интенсивность и способствовала росту их результативности. На возможные негативные последствия модернизации в сфере морских промыслов обращал внимание в 1918 г. И.П. Ануфриев: «под влиянием техники, усовершенствования машин, оружия других орудий убоя зверей и вообще промысла; на увеличение количества масс, стад морских животных: моржей, белух, тюленей – нечего рассчитывать, а нужно позаботиться беречь их от полного истребления. Такое полное истребление грозит моржам» (Ануфриев, 1918: 155). Об этой же опасности писал А.А. Жилинский, отмечая, что беспощадное истребление моржей привело у Новой Земли почти к полному падению их промысла (Жилинский, 1917: 71). Эти выводы подтверждаются и сведениями об объектах добычи: если в первой половине XIX в. основным объектом добычи поморов

являлись моржи и тюлени, то к началу XX в. больше всего добывали тюленей и нерп. В 1913 г. был добыт только один морж, в 1915 г. – три моржа (Жилинский, 1917: 210–211).

Размеры арктических промыслов возрастали, расширялись районы их проведения, но количество участников промыслов из числа жителей Архангельской губернии сокращалось. Так, например, в 1875–1878 гг. в промыслах участвовало в среднем 3400 человек в год, а в 1911–1913 гг. – 2100 человек, при этом расчеты, сделанные на основе сведений о доставленных к Архангельскому порту шкурах морских животных и ворвани, показывают, что продуктивность промыслов возросла как минимум на 30 %, что являлось результатом технической модернизации.

5. Заключение

Подводя итог изучению модернизации зверобойных промыслов на Русском Севере во второй половине XIX – начале XX вв., можно сделать следующие выводы.

Модернизация зверобойного промысла осуществлялась постепенно с момента возрождения промысла после Крымской войны в середине 1860-х гг., и пик ее приходится на 1910-е гг. Изменения происходили под воздействием, прежде всего, внешних причин: роста промысловой активности норвежцев в арктической зоне и развития поморско-норвежской торговли. Угроза потери Новой Земли как промыслового района и территории заставила провести ряд государственных мероприятий по колонизации архипелага и организации там постоянных морских промыслов. Однако основные усилия центральной и местной власти были направлены на освоение Кольского полуострова, в районе Мурмана проводились также и научные исследования по оценке возможностей развития арктических промыслов, преимущественно рыбных, инициированные Комитетом для помощи поморам Русского Севера.

Техническая модернизация не была искусственным явлением, она представляла собой следствие развития конкуренции в ходе освоения природных ресурсов.

Торговые контакты с Норвегией, с одной стороны, обеспечивали знакомство с норвежскими промысловыми нововведениями (моторные суда, винтовки Ремингтона), а с другой – способствовали росту капиталов поморских предпринимателей, позволявших строить новые типы парусных судов, приобретать пароходы, моторизированные суда и усовершенствованное оружие. Новые типы судов дали возможность поморам начать промысел в горле Белого моря, где раньше промышляли только норвежцы.

Пропаганда правительством новых типов парусных судов, организация обучения судостроителей и шкиперов, разработка правил страхования судов также стимулировали модернизацию поморского промыслового флота. Местная администрация прилагала усилия и в снабжении промышленников лесом и новым вооружением.

Медленные темпы модернизации определялись приспособленностью конструкции традиционных поморских судов к условиям арктических плаваний, а также спецификой ведения некоторых видов промыслов, где производился первоначальный отлов животных сетями и неводами и результат мало зависел от достижений технического прогресса.

Модернизация зверобойного промысла повышала его результативность, предъявляла новые требования к профессиональной подготовке судовых команд, судостроителей и судоремонтников, оснащению судостроительной и ремонтной базы, способствуя экономическому развитию Русского Севера. Массовое истребление морских животных также явилось результатом модернизации промысла, но данная проблема могла быть решена с помощью организации природоохранных мер, как и в любой другой сфере, связанной с использованием природных ресурсов.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (соглашение: 075-02-2018-149 «Реконструкция символических и политических границ морских и островных пространств Западного сектора Российской Арктики в XIX – начале XX вв.).

Литература

- АГВ – Архангельские губернские ведомости.
 Алев, 1913 – Алев В. Отчет о поездке на морской звериный промысел в горло Белого моря в 1911 г. Материалы к познанию русского рыболовства. СПб., 1913. Т. II. Вып. 2. С. 1-136.
 Ануфриев, 1918 – Ануфриев И.П. Морские звериные и рыбные промыслы Русского Севера в старину (продолжение) // ИАОИРС. 1918. № 5–6. С. 123-132.
 Ануфриев и др., 2013 – Ануфриев В.В., Базарова Э.Л., Бицадзе Н.В. и др. Культура русских поморов. Историко-культурный анализ. М., 2013. 320 с.
 Арлов, 2016 – Арлов Т.Б. История архипелага Шпицберген. М., 2016. 591 с.
 Атлас, 1988 – Атлас Архангельской губернии с топографическими, историческими, экономическими и камеральными описаниями. 1797 г. Часть первая // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 75-85.

- Белов, 1956** – Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 1. М., 1956. 592 с.
- Боярский, 2015** – Боярский П.В. История освоения арктического архипелага Новая Земля. Архангельск, 2015. 103 с.
- Боярский и др., 2005** – Боярский П.В., Сметанин В.В., Соколов Ю.И., Химичук Н.В. История освоения полярного архипелага Новая Земля. М., 2005. 256 с.
- ГААО** – Государственный архив Архангельской области.
- Данилевский, 1862** – Данилевский Н.Я. Рыбные и звериные промыслы на Белом море и Ледовитом океане. Общие отчеты и предположения. Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. VI. СПб., 1862 г. 257 с.
- Данилевский, 1890** – Данилевский Н.Я. О мерах по обеспечению народного продовольствия на крайнем севере России, 1869 // *Сборник политических и экономических статей Н.Я. Данилевского (Издание Н. Страхова)*. СПб., 1890. С. 501-623.
- Дранникова, 2017** – Дранникова Н.В. «Патракеевка – поморское село»: особенности локальной идентичности жителей с. Патракеевки Приморского района Архангельской области // *Арктика и Север*. 2017. № 28. С. 5-23.
- Дубровин и др., 2001** – Дубровин Г.Е., Огороков А.В., Старков В.Ф., Черносветов П.Ю. История северорусского судостроения. СПб., 2001. 404 с.
- Жилинский, 1917** – Жилинский А.А. Морские промыслы Белого моря и Ледовитого океана. Пг., 1917. 148 с.
- Жилинский, 1932** – Жилинский А.А. Промысел морского зверя в Белом море и Ледовитом океане. Л.-М., 1932. 92 с.
- Житков, 1922** – Житков Б.М. Русское Ледовитое море и его экономическое значение. М., 1922. 36 с.
- Карелин, Зайков, 2016** – Карелин В.А., Зайков К.С. Проблема саамских сервитутных прав в пограничных отношениях России и Норвегии в начале XX века // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки*. 2016. № 1. С. 32-41.
- Керцелли, 1911** – Керцелли С. О типе ружья, наиболее пригодного для северного промысленника. *Известия АОИРС*. 1911. № 10. С. 777-782.
- Книпович, 1897** – Книпович Н.М. О рыбных и морских звериных промыслах Архангельской губернии. СПб., 1897. 163 с.
- Коротаев, 1998** – Коротаев В.И. Русский Север в конце XIX – первой трети XX веков. Проблемы модернизации и социальной экологии. Архангельск, 1998. 192 с.
- Красавцев, 2007** – Красавцев Л.Б. Поморское судостроение и судоходство в начале XX века // *Судостроение*. 2007. № 4. С. 76-78.
- Максимов, 1984** – Максимов С.В. Год на Севере. Архангельск, 1984. 605 с.
- Обзор Архангельской..., 1902** – Обзор Архангельской губернии за 1901 г. Архангельск, 1902. 130 с.
- Отчет о деятельности..., 1867** – Отчет о деятельности Архангельского губернского статистического комитета за 1866 год. Архангельск, 1867. 122 с.
- Пинхенсон, 1962** – Пинхенсон Д.М. Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 2. М., 1962. 766 с.
- Поморская энциклопедия, 2001** – Поморская энциклопедия. Т. 1. Архангельск, 2001. 483 с.
- Пошман, 1802** – Пошман А. Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философическом, историческом, топографическом, статистическом, физическом и нравственном обозрении с полезными на все оные части замечаниями. Описание Архангельской губернии 1802 г. Т. 1. Архангельск, 1866, 194 с.
- Ружников, 2005** – Ружников А.В. Поморское судостроение и мореплавание в XIX – начале XX веков: тенденции развития / *Лодия*. Сб. статей. № 1. Архангельск 2005. С. 93-107.
- Садовский, 1912** – Садовский Б.И. Очерк колонизации Новой Земли за 1910 год // *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера*. Архангельск. 1912. № 1. С. 17-26.
- Спутник помора..., 1911** – Спутник помора. Справочник-ежегодник на 1911 г. Архангельск, 1911. 232 с.
- Точилов, 2011** – Точилов Т.Е. Послание из прошлого. Северодвинск, 2011. 230 с.
- Ухтомский, 1883** – Ухтомский Л. Новая Земля. СПб., 1883. 115 с.
- Федоров, 2003** – Федоров П.Ф. Соловки. Архангельск, 2003. 255 с.
- Харитонов, 1849** – Харитонов А. Архангельские промышленники на Груманте (Шпицбергене) // *Отечественные записки*. 1849. Т. LXVI. С. 282-298.
- Энгельгардт, 2009** – Энгельгардт А.П. Русский Север: путевые записки. М., 2009. 256 с.
- Nielsen, 2004** – Nielsen J.P. Ishavet er vår åker // *Norsk polarhistorie*. V. III. D. I. Oslo 2004. Pp. 47-109.
- Niemi, 1992** – Niemi E. Pomor: Nord-Norge og Nord-Russland gjennom tusen år. Oslo, 1992. 192 p.
- Ryssland kommer..., 2014** – *Ryssland kommer nærmere: Norge og Russland 1814–1917*. / Edited by Jens Petter Nielsen. Oslo. 2014. 643 p.

Troshina et al., 2018 – Troshina T.A., Avdonina N.S., Zadorin M.Yu. “The Last Frontier of the Russian Civilization”: the Economic and Demographic Aspects of the Territorial Integrity of the State in the Far North-East // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 49. Is. 3. pp. 1125-1139.

Utgang av Tromsø..., 1929 – *Utdrag av Tromsø og omegns sjøfartshistorie*. Tromsø, 1929. 90 p.

Zaikov, Avdonina, 2019 – Zaikov K.S., Avdonina N.S. Ethnic and Cultural Space of the Eastern Sami (Skolts) of the Northern Frontier of Russia and Norway-Denmark in the XVIII century // *Bylye gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1. pp. 1125-1139.

Zaikov, Tamitskiy, 2019 – Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. Lapp Crafts in the History of the Russian-Norwegian Borderland in 1855–1900 // *Bylye gody*. 2017. Vol. 45. Is. 3. pp. 915-927.

References

AGV – Arkhangel'skie gubernskie vedomosti [Arkhangelsk provincial statements]. [in Russian]

Aleev, 1913 – Aleev V. (1913). Otchet o poezdke na morskoy zverinyy promysel v gorlo Belogo morya v 1911 g. Materialy k poznaniyu russkogo rybolovstva [Report on a trip to the sea animal trade in the throat of the White Sea in 1911. Materials to the knowledge of Russian fisheries]. SPb. Vol. II. Is. 2. pp. 1-136. [in Russian]

Anufriev et al., 2013 – Anufriev V.V., Bazarova E.L., Bitsadze N.V. et al. (2013). Kul'tura russkikh pomorov. Istoriko-kul'turnyy analiz [Culture of Russian Pomors. Historical and cultural analysis]. M., 320 p. [in Russian]

Anufriev, 1918 – Anufriev I.P. (1918). Morskie zverinye i rybnye promysly Russkogo Severa v starinu (prodolzhenie) [Marine hunting and fisheries of the Russian North in the days of old (continued)]. *IAOIRS*. №. 5–6. pp. 123-132. [in Russian]

Arlov, 2016 – Arlov T.B. (2016). Istoriya arhipelaga Shpitsbergen [History of Spitsbergen Archipelago]. M., 591 p. [in Russian]

Belov, 1956 – Belov M.I. (1956). Arkticheskoe moreplavanie s drevneyshikh vremen do serediny XIX veka [Arctic navigation from ancient times to the middle of the XIX century]. *Istoriya otkrytiya i osvoeniya Severnogo morskogo puti*. Vol. 1. M., 592 p. [in Russian]

Boyarskiy et al., 2005 – Boyarskiy P.V., Smetanin V.V., Sokolov Yu.I., Khimichuk N.V. (2005). Istoriya osvoeniya polyarnogo arhipelaga Novaya Zemlya [The history of the development of the polar archipelago Novaya Zemlya]. M., 256 p. [in Russian]

Boyarskiy, 2015 – Boyarskiy P.V. (2015). Istoriya osvoeniya arkticheskogo arhipelaga Novaya Zemlya [The history of the development of the Arctic archipelago Novaya Zemlya]. Arkhangelsk. 103 p. [in Russian]

Danilevskiy, 1862 – Danilevskiy N.Ya. (1862). Rybnye i zverinye promysly na Belom more i Ledovitom moryakh. Obshchie otchety i predpolozheniya [Fisheries and marine hunting on the White Sea and the Arctic seas. General reports and assumptions]. *Issledovaniya o sostoyanii rybolovstva v Rossii*. Vol. VI. SPb., 257 p. [in Russian]

Danilevskiy, 1890 – Danilevskiy N.Ya. (1890). O merakh po obespecheniyu narodnogo prodovol'stviya na kraynem severe Rossii, 1869 [On measures to ensure the national food in the far north of Russia, 1869]. *Sbornik politicheskikh i ekonomicheskikh statey N.Ya. Danilevskogo (Izdanie N. Strakhova)*. SPb., pp. 501-623. [in Russian]

Drannikova, 2017 – Drannikova N.V. (2017). “Patrakeevka – pomorskoe selo”: osobennosti lokal'noy identichnosti zhiteley s. Patrakeevki Primorskogo rayona Arkhangel'skoy oblasti [“Patrakeevka – a Pomor village”: local identity features of the Patrakeevka village residents, Primorsky district, the Arkhangelsk Oblast]. *Arktika i Sever*. № 28. pp. 5-23. [in Russian]

Dubrovin et al., 2001 – Dubrovin G.E., Okorokov A.V., Starkov V.F., Chernosvitov P.Yu. (2001). Istoriya severorusskogo sudostroeniya [History of Northern Russian Shipbuilding]. SPb., 404 p. [in Russian]

Engelgardt, 2009 – Engelgardt A.P. (2009). Russkiy Sever: putevye zapiski [Russian North: travel notes]. Moscow. 256 p. [in Russian]

Fedorov, 2003 – Fedorov P.F. (2003). Solovki [The Solovetsky Islands]. Arkhangelsk, 255 p. [in Russian]

GAAO – Gosudarstvennyy arkhiv Arkhangel'skoy oblasti [State Archive of Arkhangelsk Region].

Karelin, Zaikov, 2016 – Karelin V.A., Zaikov K.S. (2016). Sami easements in the history of Russian-Norwegian border relations in the early 20th century. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. № 1. pp. 32-41. [in Russian]

Kertselli, 1911 – Kertselli S. (1911). O tipe ruzh'ya, naibolee prigodnogo dlya severnogo promyshlennika [On the type of gun, the most suitable for the northern industrialist]. *Izvestiya AOIRS*. № 10. pp. 777-782. [in Russian]

Kharitonov, 1849 – Kharitonov A. (1849). Arkhangel'skie promyshlenniki na Grumante (Shpitsbergene) [Arkhangelsk industrialists on Grumant (Spitsbergen)]. *Otechestvennye zapiski*. Vol. LXVI. pp. 282–298. [in Russian]

Knipovich, 1897 – Knipovich N.M. (1897). O rybnykh i morskikh zverinykh promyslakh Arkhangel'skoy gubernii [About fish and sea animal crafts of the Arkhangelsk province]. SPb. 163 p. [in Russian]

- Korotaev, 1998** – *Korotaev V.I.* (1998). Russkiy Sever v kontse XIX – pervoy trety XX veka [Russian North at the end of XIX – the first third of the twentieth century]. *Problemy modernizatsii i sotsial'noy ekologii*. Arkhangel'sk. 192 p. [in Russian]
- Krasavtsev, 2007** – *Krasavtsev L.B.* (2007). Pomorskoe sudostroenie i sudokhodstvo v nachale XX veka [Pomor shipbuilding and shipping in the early twentieth century]. *Sudostroenie*. № 4. pp. 76-78. [in Russian]
- Maksimov, 1984** – *Maksimov S.V.* (1984). God na Severe [Year in the North]. Arkhangel'sk. 605 p. [in Russian]
- Nielsen, 2004** – *Nielsen J.P.* (2004). Ishavet er vår åker. *Norsk polarhistorie*. V. III. D. I. Oslo. pp. 47-109.
- Niemi, 1992** – *Niemi E.* (1992). Pomor: Nord-Norge og Nord-Russland gjennom tusen år. Oslo. 192 p.
- Obzor Arkhangel'skoy..., 1902** – Obzor Arkhangel'skoy gubernii za 1901 g. [Overview of the Arkhangel'sk province for 1901]. Arkhangel'sk, 1902. 130 p. [in Russian]
- Otchet o deyatel'nosti..., 1867** – Otchet o deyatel'nosti Arkhangel'skogo gubernskogo statisticheskogo komiteta za 1866 god [Report on the activities of the Arkhangel'sk Provincial Statistical Committee for 1866]. Arkhangel'sk. 122 p. [in Russian]
- Pinkhenson, 1962** – *Pinkhenson D.M.* (1962). Problema Severnogo morskogo puti v epokhu kapitalizma [The problem of the Northern Sea Route in the era of capitalism]. *Istoriya otkrytiya i osvoeniya Severnogo morskogo puti*. Vol. 2. M., 766 p. [in Russian]
- Pomorskaya entsiklopediya, 2001** – Pomorskaya entsiklopediya [Pomor encyclopedia]. Vol. 1. Arkhangel'sk, 2001. 483 p. [in Russian]
- Poshman, 1802** – *Poshman A.* (1866). Arkhangel'skaya guberniya v khozyaystvennom, kommercheskom, filosoficheskom, istoricheskom, topograficheskom, statisticheskom, fizicheskom i npravstvennom obozrenii, s poleznymi na vse onye chasti zamechaniyami [Arkhangel'sk province in the economic, commercial, philosophical, historical, topographical, statistical, physical and moral review, with useful remarks on all of them]. *Opisanie Arkhangel'skoy gubernii 1802 g.* Vol. 1. Arkhangel'sk. 194 p. [in Russian]
- Ruzhnikov, 2005** – *Ruzhnikov A.V.* (2005). Pomorskoe sudostroenie i moreplavanie v XIX – nachale XX vekov: tendentsii razvitiya [Pomor shipbuilding and navigation in the XIX – early XX centuries: development trends]. *Lodiya*. Sbornik statey. № 1. Arkhangel'sk. pp. 93-107. [in Russian]
- Ryssland kommer..., 2014** – Ryssland kommer nærmere: Norge og Russland 1814–1917 (2014). Edited by Jens Petter Nielsen. Oslo. 643 p.
- Sadovskiy, 1912** – *Sadovskiy B.I.* (1912). Ocherk kolonizatsii Novoy Zemli za 1910 god [Essay on the colonization of Novaya Zemlya in 1910]. *IAOIRS*. Arkhangel'sk. № 1. pp. 17-26. [in Russian]
- Sputnik pomora..., 1911** – Sputnik pomora. Spravochnik-ezhgodnik na 1911 g. [Pomor fellow traveler. Reference Yearbook for 1911]. Arkhangel'sk. 232 p. [in Russian]
- Tochilov, 2011** – *Tochilov T.E.* (2011). Poslanie iz proshlogo [Message from the past]. Severodvinsk. 230 p. [in Russian]
- Troshina et al., 2018** – *Troshina T.A., Avdonina N.S., Zadorin M.Yu.* (2018). “The Last Frontier of the Russian Civilization”: the Economic and Demographic Aspects of the Territorial Integrity of the State in the Far North-East. *Bylye Gody*. Vol. 49. Is. 3. pp. 1125-1139.
- Ukhtomskiy, 1883** – *Ukhtomskiy L.* (1883). Novaya Zemlya [Novaya Zemlya Archipelago]. SPb., 115 p. [in Russian]
- Utgang av Tromsø..., 1929** – *Utdrag av Tromsø* og omegns sjøfartshistorie (1929). Tromsø. 90 p.
- Zaikov, Avdonina, 2019** – *Zaikov K.S., Avdonina N.S.* (2019). Ethnic and Cultural Space of the Eastern Sami (Skolts) of the Northern Frontier of Russia and Norway-Denmark in the XVIII century. *Bylye gody*. Vol. 51. Is. 1. pp. 1125-1139.
- Zaikov, Tamitskiy, 2019** – *Zaikov K.S., Tamitskiy A.M.* (2017). Lapp Crafts in the History of the Russian-Norwegian Borderland in 1855–1900. *Bylye gody*. Vol. 45. Is. 3. pp. 915-927.
- Zhilinskiy, 1917** – *Zhilinskiy A.A.* (1917). Morskie promysly Belogo morya i Ledovitogo okeana [Marine hunting of the White Sea and the Arctic Ocean]. Pg., 148 p. [in Russian]
- Zhilinskiy, 1932** – *Zhilinskiy A.A.* (1932). Promysel morskogo zverya v Belom more i Ledovitom okeane [Sea hunting of the White Sea and the Arctic Ocean]. Leningrad, Moscow. 92 p. [in Russian]
- Zhitkov, 1922** – *Zhitkov B.M.* (1922). Russkoe Ledovitoe more i ego ekonomicheskoe znachenie [Russian Arctic Sea and its economic importance]. M. 36 p. [in Russian]
- Atlas, 1988** – Atlas Arhangel'skoj gubernii s topograficheskimi, istoricheskimi, ekonomicheskimi i kameral'nymi opisanijami. 1797 g., Chast' pervaja [Atlas of the Arkhangel'sk province with topographic, historical, economic and cameral descriptions. 1797, Part one.]. *Kul'tura Russkogo Severa*. Leningrad, 1988. pp. 75-85. [in Russian]

Зверобойные промыслы Русского Севера во второй половине XIX – начале XX вв. в контексте общероссийской модернизации

Татьяна Станиславовна Минаева ^{a, *}, Даниил Сергеевич Заозерский ^b, Максим Юрьевич Задорин ^a

^a Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Российская Федерация

^b Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова, Российская академия наук, Архангельск, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается процесс совершенствования технической стороны зверобойных промыслов Русского Севера во второй половине XIX – начале XX вв., исходя из концепции догоняющей модернизации. Источниками для данной публикации послужили документы Государственного архива Архангельской области, издания Архангельского губернского статистического комитета, публикации региональной периодической печати XIX – начала XX вв., а также научные публикации по соответствующей тематике. Авторы исследуют качественное изменение судов и орудий промысла и определяют причины этих изменений. В работе обосновывается положение о непрерывном процессе модернизации промыслов вследствие растущей конкуренции в ходе освоения природных ресурсов. Темпы модернизации в изучаемый период не оставались одинаковыми и зависели от внешних и внутренних факторов.

Теоретическая и практическая значимость настоящей работы заключается в возможности использования ее результатов при подготовке перспективного исследования, в котором был бы систематизирован российский опыт изучения освоения Российской Арктики в XIX – начале XX вв., а также при разработке специализированных учебных курсов по истории освоения Северо-Западного сектора Российской Арктики.

Ключевые слова: модернизация, Арктика, зверобойные промыслы, навигация, история российского предпринимательства, поморские суда, поморы, Норвегия.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: t.minaeva@narfu.ru (Т.С. Минаева),
d.zaozerskiy@yandex.ru (Д.С. Заозерский), m.zadorin@narfu.ru (М.Ю. Задорин)

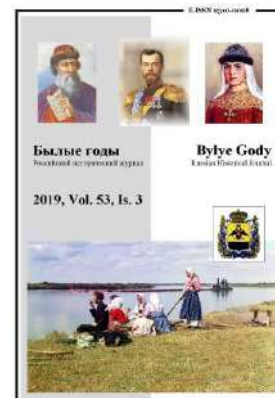
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1125-1133. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1125
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Discussion on Stoicism in Russian Thought of the second half of the 19th – early 20th century and the History of the Study of Christianity

Marianna M. Shakhnovich ^{a, *}, Andrei Y. Tyzhov ^a, Danil S. Popov ^a

^a St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

The aim of the article is to identify and analyze the polemical discourse in Russian thought in the second half of the 19th – early 20th century about the relationship of Stoic philosophy and Christianity in the period of the emergence of the early Christian church, as well as the formation of Christian doctrine and its moral component. In preparing the article, methodological principles of intellectual history were used, with attention being paid to the existence in that period in Russia of two trends in the history of religion in general and in the history of Christianity in particular: confessional and academic, regulated by strict censorship frameworks. The article is based on the methods characteristic to the intellectual history and disciplinary history of science. The use of these methodological foundations made it possible to identify and analyze an interesting discussion in the Russian social thought, which has not lost its relevance in our days. In the framework of this discussion three points of view were formed. According to the first two opinions, which relied on church tradition, Christian moralizing did not experience any influence from the side of Greco-Roman philosophy in general, and Stoicism in particular. The similarity of many ideas of Stoicism and Christianity revealed in antiquity was explained by supporters of the first point of view by the presence of a common source or a reflection of common opinions. Proponents of the second point of view explained this similarity by the influence of Christianity on Stoic philosophy. The adherents of the third point of view, supporting the opinion of the contemporary European scientific critics, believed that Stoicism, along with neo-Platonism and Jewish messianism, had a significant impact on the Christian doctrine.

Keywords: Stoicism, ethics, Christianity, Christian morality, Seneca, the history of the study of religion, the history of the Christian church, Bruno Bauer, Russian thought of the 19th- early 20th century.

1. Введение

За прошедшие пятьдесят лет в отечественной историографии появилось немало трудов, анализировавших стоическую традицию в русской философии и культуре: это работы, посвященные описанию рецепции философии древней Стои (Гаврилов, 1993; Фролов, 1999; Салимгареев, 2003) в России, а также изучению влияния стоической моральной философии на этические учения тех или иных русских мыслителей – писателей, философов или богословов (Межеричкий, 1974; Степанова, 1994). Однако в стороне от внимания исследователей остался вопрос о том, какое место занимал дискурс о стоицизме в российской науке о религии в период ее становления во второй половине XIX века.

2. Материалы и методы

Статья написана на основе изучения исследований по античной философии эллинистического периода и по истории раннего христианства, написанных российскими авторами во второй половине

* Corresponding author

E-mail addresses: m.shakhnovich@spbu.ru (M.M. Shakhnovich), firenze1449@yandex.ru (A.Ya. Tyzhov), evseviy-dan@yandex.ru (D.S. Popov)

XIX – начале XX вв. Целью статьи является выявление и анализ полемиического дискурса об отношениях стоической философии и христианства в период возникновения христианской церкви, формирования христианского вероучения и его нравственной составляющей. Реализация этой исследовательской задачи была осуществлена авторами в рамках «новой культурно-интеллектуальной истории», цель которой заключается в изучении интеллектуальной деятельности и развития научного знания в социокультурном контексте той или иной эпохи. При подготовке статьи использовались методологические принципы интеллектуальной истории, при этом обращалось внимание на существование в рассматриваемый период в России двух направлений в истории религии в целом, и в истории христианства в частности: церковно-ориентированного и светского. При этом принимался во внимание тот факт, что светское изучение истории религии в ту пору регулировалось жесткими цензурными рамками. В статье использовались методы, характерные для интеллектуальной истории и дисциплинарной истории науки: историографического описания и интеллектуальной истории и социокультурного контекстуального анализа. Использование этих методологических оснований позволило выявить и проанализировать интересную дискуссию в русской общественной мысли второй половины XIX – начала XX вв., не потерявшую свою актуальность и в наши дни.

3. Обсуждение и результаты

Нам уже приходилось писать, что во второй половине XIX – начале XX вв. в России в изучении религии, и прежде всего христианства, следует выделить два направления: конфессиональное и академическое (Шахнович, 2018; Shakhnovich, Chumakova, 2017). Представители первого направления опирались исключительно на Священное Писание и Священное Предание как единственно достоверные источники для изучения истории Церкви, а все остальные исторические материалы в лучшем случае рассматривали как дополнение для подтверждения официально утвержденной точки зрения. Представители же второго направления пытались критически пересмотреть устоявшиеся мнения, задавали острые вопросы, использовали широкий круг исторических источников, применяя критические методы текстологического и культурно-исторического анализа, в том числе и к священным текстам. И если представителей первого направления могла занимать проблема об отношении Марка Аврелия к христианству (Воробьева, 2003) или апостола Павла к стоицизму (Глубоковский, 1910: 990-1010), то представители второго направления задавались вопросом о том, мог ли стоицизм быть одним из источников христианства, и если мог, то как стоическая нравственная философия повлияла на формирование христианского нравоучения.

В середине XIX века под влиянием сочинений римских историков и многовековой европейской традиции понимания стоической моральной философии как антитезы эпикурейской доктрине наслаждения, в русской мысли сформировался образ гордого философа-стоика, героически противостоящего жизненным страданиям. Наиболее ярко этот образ был представлен в стихотворной лирической драме Аполлона Майкова «Три смерти» (1851), в которой описана смерть Сенеки. Римский стоик, готовящийся к смерти, обращаясь к ученикам и потомкам, говорит о том, что он «строгим разумом», который даровал ему творец, изведаль себя и всю вселенную, что он «окреп в борьбе искусной» со злобой, «чудовищным и гнусным» развратом:

«...в массе подвигов и дел
Я образ свой напечатлел...
Я все свершил. Мой образ вылит.
Еще резца последний взмах
И гордо встанет он в веках» (Майков, 1858: 31).

В стихотворении Майкова образ стоического мудреца не противоречит тому, что излагалось о Сенеке в существовавших тогда в России учебниках по истории философии, написанных, в основном, православными богословами. Например, архимандрит Гавриил (Воскресенский) в своей «Истории философии» упрекал Сенеку за то, что он в гордыне своей возвышал мудреца до уровня божества, при этом «Бог, по его мнению, совершенен по природе, а мудрый должен быть совершенным по своему свободному и независимому произволу» (Воскресенский, 1839: 14). Также и протоиерей Орест Новицкий, сравнивая стоицизм с учением индийского риши школы мимансы Джаймини (III в. до н.э.), писал в 1860 году, что у стоиков требуется безусловное подчинение самолюбивого я, то есть чувственной, индивидуальной человеческой природы божественному закону; добродетель заключается в выполнении этого закона, знание же понимается только как «средство к уразумению этого закона, и следовательно, как средство для добродетельной жизни» (Новицкий, 1860: 232).

В 1871 году профессор римской словесности Киевского университета Св. Владимира Василий Иванович Модестов в актовой речи, посвященной Сенеке, отмечал, что в отличие от предшествующей философии, имевшей своею конечной целью знание, философия стоицизма придала теоретическому знанию второстепенное и третьестепенное значение и прямо поставила вопрос о субъективном благе человека как о главной цели философского мышления, «открывая точку опоры для человека главным образом не в науке, а в его субъективной совести» (Модестов, 1872: 2). Модестов подробно

останавливался на вопросе о том, можно ли считать Сенеку предтечей христианства. Он указывал, что Тертуллиан (*De Anim.* 20) и Лактанций (*Div. inst.* I, 4) находили у Сенеки много идей, сходных с христианскими, а Лактанций утверждал, что даже христианин не может так говорить о Боге, как говорит о нем Сенека, не знавший истинной веры (*Div. inst.* II, 14). Тем не менее Модестов не развивал это положение, отмечая, что, хотя Иероним и внес Сенеку в ряды христианских писателей под влиянием существовавшей переписки Сенеки с апостолом Павлом (*De vir. ill.* 12; *Ep. CLIII*, 14), эта переписка была «мнимой» (Aubertin, 1869; Boissier, 1871). Модестов подчеркивал, что «усталая и ослабевшая философия» стоицизма «сложила свое оружие» перед христианской проповедью братской любви и равенства всех перед Богом. Точно так же, как и церковные авторы историко-философских сочинений, он критиковал «языческую философию» стоицизма, подчеркивая, что в стоическом учении, «отвергавшем самые естественные чувства человеческой природы, не опускавшем даже скорби в душе человека при утрате самых дорогих для него существ и гордо проповедовавшем самоубийство как акт выражения высшей свободы человеческого духа, заключалось столько мрачного и противоестественного... Не в таком учении нуждалась масса человечества» (Модестов, 1872: 23).

В 1880-е годы отношение к вопросу о том, был ли Сенека «христианином до Христа», у российских авторов меняется. Эти изменения связаны с появлением в европейской литературе трудов, в которых высказывается мнение, что учение стоиков не только предвосхитило христианское нравоучение, но и стало его источником. В 1878 году на русском языке появилась книга историка и философа, члена французской Академии моральных и политических наук Бенжамена-Констана Марта «Философы и поэты-моралисты во времена Римской империи» (1865). В предисловии ко второму изданию автор указывал на то, что он не делал разницы в подходе к изучению христианской нравственной философии и «языческих» учений, пытаясь объективно изложить историю этической мысли. Русский читатель мог познакомиться с этим предисловием, в котором было написано следующее: «Наиболее либеральные умы изумились нашей, так называемой снисходительности к христианству, с другой стороны, слишком набожные христиане испугались нашего пылкого восхищения “великим представителем языческой нравственности”» (Марта, 1878: 3). В этом предисловии Марта писал, что он не согласен с мнением «одной исторической школы», что «мирская философия заимствовала свои самые чистые идеи у тайно проповедовавшегося христианства. Св. Павел так же независим от учителей Сенеки, как Сенека независим от Св. Павла» (Марта, 1878: 4). Марта указывал на сходство учений (стоицизма и христианства), которые, встретившись друг с другом, не смешались, а столкнулись между собой, но затем слились. Марта пытался занять нейтральное положение в развернувшемся академическом споре о том, как складывались отношения между стоической философией и христианской проповедью.

Был ли Сенека только «христианином до Христа» или его учение напрямую повлияло на формирование христианского нравоучения? Этот вопрос находился в тесной связи с развернувшейся дискуссией об идейных источниках христианства вообще. Основатель Тюбингенской школы протестантской теологии Фердинанд Баур писал о том, что хотя в философии Сенеки можно найти много общего с христианским учением, особенно в изложении его в посланиях апостола Павла, но между ними имеются существенные отличия, прежде всего связанные с представлением о Божестве. Однако он отмечал движение исторического развития духа от стоицизма к христианству (Baur, 1876). В отличие от ученика Баура Давида Штрауса, который акцентировал внимание на иудейских источниках христианства, целая группа исследователей сосредоточила свое внимание на греко-римских источниках. Так, французский историк Эрнст Гаве в своем многотомном труде о раннем христианстве доказывал, что оно, скорее, обязано своим возникновением античной философии, чем иудейскому мессианизму (Havet, 1871–1884). Также считал и Бруно Бауэр. По его мнению, христианство возникло в результате синтеза эллинизированного иудаизма и стоической философии: «основные корни христианства лежат в греческой философии, в особенности в стоической и иудео-александрийской» (Bauer, 1877: 47). У него было достаточно единомышленников (Winckler, 1878; Wadstein, 1880; Weygoldt, 1883), рассматривавших стоицизм как «корень» христианства. Например, Генрих Винклер в своей диссертации, представленной в Лейпцигском университете в 1878 году, указывал, что христианство, как и стоицизм, было космополитическим, гуманным учением, утверждавшим бессмертие души и призывавшим к аскетизму, оно унаследовало от стоицизма учение о Логосе и нравственный идеал, воплощенный в образе Христа (Winckler, 1878: 4).

Постепенно в дискуссию включились и российские авторы. Помимо определения отношения к новому подходу в изучении истории раннего христианства, который его критики называли не иначе как «превратным пониманием истории древней церкви» (Новый образчик, 1889), объектом спора стал вопрос о возможности влияния античной философии на христианское учение вообще, и стоицизма на христианскую мораль, в частности. Так, Михаил Андреевич Остроумов, философ и богослов, занимавший в 1884–1886 гг. кафедру истории философии Московской духовной академии в нескольких книжках журнала «Вера и разум» опубликовал свою диссертацию на степень магистра богословия – «История философии в отношении к откровению». В ней он, в частности, сравнивал античную философию с современной и критиковал стоиков и Филона за «объяснение вещи

разумными причинами» (Остроумов, 1886: 469). В 1888 г. в том же журнале «Вера и разум» была опубликована большая работа выпускника училища правоведения Сергея Кузьмича Говорова «Моральная философия стойков в отношении к христианству», в которой он писал, что христианское нравоучение представляет собой совершенно оригинальное явление: «Они не позаимствованы из стоической философии, как это думают некоторые исследователи. Сравнение стоической и христианской морали обнаруживает полное различие и даже противоположность между ними в решении основных вопросов нравственности» (Говоров, 1888: 350). Говоров утверждал, что христианская нравственность «есть дело Божие, а не человеческое», что она имеет божественное происхождение. Сходство стоической морали с христианской он объяснял тем, что «и язычники не лишены были возможности признать некоторую долю истины и естественного откровения в природе внешней, в душе человека и в истории человечества. Божественное Провидение не оставляло и язычников без руководства и пригласения их к принятию имеющего явиться на землю Спасителя всего рода человеческого» (Говоров, 1888: 351).

Какое-либо влияние стоицизма на христианство отвергали и другие авторы. Так, православный публицист и духовный писатель Владимир Иосафович Фаминский отрицал такое влияние, и, хотя и отмечал некоторое сходство отдельных положений стойков и христианского нравоучения, тем не менее указывал на «диаметральную противоположность принципов, лежащих в основе той и другой морали» (Фаминский, 1906: 398). Профессор Московской духовной академии Николай Никанорович Глубоковский в серии статей, опубликованных в журнале «Христианское обозрение», писал о родственности христианства стоицизму, но полагал, что значительная часть совпадений между христианскими и стоическими текстами приходится на долю идей, «витающих тогда в воздухе» и представлявших собой «распространенный философский элемент самого образования и всех культурных людей». Кроме того, наличие таких идей свидетельствует лишь о том, что у Сенеки и у Павла был «общий источник в ориенталистически-библейском предании» (Глубоковский, 1910: 1069).

Авторы известных учебников по нравственному богословию М.А. Олесницкий, И.Л. Янышев, А.А. Бронзова проблему отношения греко-римских учений о морали к христианскому нравоучению также трактовали в полном соответствии с православной традицией, отрицая какое-либо воздействие античной нравственной философии на христианство. В 1912 году в Полтаве вышел труд преподавателя священного писания Полтавской духовной семинарии Ивана Яковлевича Чаленко «Независимость христианского учения о нравственности от этики античных философов», в которой он писал, что мораль стойков имеет «психопатологический отпечаток, который усугубляется от древней Стои к римским стоикам, сопровождается упадком жизненной энергии воли и чувства» (Чаленко, 1912: 944), поэтому предполагать какую-либо генетическую связь между нравственными воззрениями стоицизма (у Сенеки) и христианским учением «значит признавать внутреннюю причинную связь между историческими величинами, противоположными по самой своей природе». По его мнению, «мораль Сенеки есть мораль совершенной апатии, холодно-рассудочного и потому пассивного отношения ко всему существующему, а вместе с тем – это мораль эгоизма» и дальнейшее развитие ее «должно было породить в человечестве еще большую апатию и пассивность, еще больший эгоизм, но никак не исполненную жизненной энергией нравственность христианина, стремящегося преобразовать весь мир согласно идеалам Христова учения» (Чаленко, 1912: 944-945).

В 1892 году богослов Иван Андреевич Невзоров, заканчивая Казанскую духовную академию, написал магистерскую диссертацию, целиком посвященную сравнению стоического и христианского учений о морали. Он считал, что необходимо новое исследование вопроса об отношении стоицизма к христианству, так как современная «рационалистическая наука» выступила с «неблагоприятными для христианства» выводами по поводу «встречи» стоицизма с христианством в истории и определением степени влияния стоических идей на отцов и учителей церкви. Отказавшись от традиционной церковной точки зрения, представленной, например, в диссертации «История христианского просвещения в его отношениях к древней греко-римской образованности» В.В. Плотникова (Борис, епископ Ямбургский), в которой в соответствии со святоотеческой традицией указывалось, что христианские писатели первых трех веков пользовались греко-римской философией только для аргументации христианского учения, используя «лишь приемы изложения мысли и аргументации, но не сами идеи» (Плотников, 1885: 233-234), Невзоров стремился рассмотреть вопрос содержательно, сопоставляя воззрения стойков и христиан. Он писал, что стоическая философия с ее учением о нравственном благе и добродетели пользовалась большим уважением у отцов христианской церкви, что во времена Оригена сочинения стойков среди христианских читателей были даже более распространены, чем сочинения Платона, их читали и изучали многие христианские учителя и относились к ним с уважением. Так, Тертуллиан о Сенеке говорил, что его идеи часто согласуются с христианством, а Ориген указывал на сходство стоических парадоксов с некоторыми местами Священного Писания. Лактанций приводил много отрывков из сочинений Сенеки и даже утверждал, что этот философ, не имевший понятия об истинах христианства, объяснял величие Божие, указав, что оно превосходит наши мысли. Невзоров цитировал фрагмент из трактата Лактанция «Божественные установления», в котором говорилось о том, что Сенека, по его мнению, даже бы принял христианскую веру, «если бы к ней его наставили» (Div. inst. VI, 24). Исходя из этого, Невзоров полагал, что влияние стоицизма на отцов и учителей церкви было совершенно естественным. Одни из них

подчинялись влиянию стоической физики, другие – стоической морали. Так, Иустин и Ориген употребляли выражение «посеянное слово» (*logos spermatikos*), а нравственные воззрения Климента Александрийского и Амвросия Медиоланского находились под определенным воздействием морального учения стоиков, так как у Амвросия важнейшие стоические добродетели – мудрость, мужество и справедливость – рассматриваются в контексте христианского представления о мире. Однако, несмотря на эти свидетельства, Невзоров не пожелал рассматривать христианство так, как это делала современная ему «рационалистическая наука», которую он называет «отрицательной» в связи с тем, что она «поставляет христианство в связь то с древними религиями, то с философскими системами, то с теми и с другими вместе, и вообще почитает его продуктом предшествовавшего развития человечества, только видоизменением древних учений и возвышением над ними» (Невзоров, 1892: 173). Невзоров критиковал тех исследователей, которые старались отыскать зародыши отдельных пунктов христианского учения в философской доктрине стоиков, прежде всего Бруно Бауэра и его единомышленников, которые считали, что «многое из того, что говорил Сенека, вошло в христианские священные книги, и само христианство есть не что иное, как “видоизмененный стоицизм”» (Невзоров, 1892: 173).

Невзоров объяснял наличие сходства между нравственной проповедью Христа и стоической моральной философией влиянием не стоицизма на христианство, а наоборот – христианства на стоицизм. Главным аргументом в защиту этого тезиса он считал то, что новозаветное учение, в отличие от философии стоиков, едино и цельно, а стоицизм в теоретическом и нравственном учении очень противоречив, что, на его взгляд, как раз и подтверждает факт влияния на стоицизм другого учения, а именно – христианства. Невзоров считал переписку Сенеки и апостола Павла подлинной и отмечал, что, когда Павел со своей проповедью ходил по разным городам, Сенека был министром при дворе Нерона, и поэтому нет ничего невероятного в том, что Сенека мог с ним встречаться, переписываться и даже беседовать. Если Сенека ничего не говорил о христианах, замечал Невзоров, то это не означает, что он о них ничего не знал: «Для нас, имеющих дело с основными принципами стоического и христианского нравоучения, безразлично, был Сенека знаком с апостолом Павлом или нет. Пусть было между ними знакомство; все же Сенека был язычником и стоял на языческой точке зрения, как это показывают его сочинения. Если же он не встречался с апостолом Павлом, то он по самому своему положению не мог не слышать о появлении христианства. При дворе, где он жил, были христиане уже во времена ап. Павла (Флп. 4, 22). Столкновение философа с христианами и взаимный обмен мыслями представляется возможным. Не сочувствуя христианству в целом, не признавая в нем божественной религии, Сенека мог останавливать свое внимание на отдельных частных пунктах его учения и вносить их в свои моральные рассуждения» (Невзоров, 1892: 174). Еще более вероятно, по мнению автора, влияние христианства на Эпиктета. Невзоров искренне полагал, что так как город Гиерополь во Фригии, где родился Эпиктет, расположен рядом с Лаодикией, то он мог встречаться с теми, кто читал Послание Павла к лаодикийцам. Император Марк Аврелий, по мнению Невзорова, не мог не знать о христианах по своему положению. Он упоминал о них в своих «Размышлениях» (Невзоров переводит – «Мыслях») и, подобно Эпиктету, считал фанатиками (*Medit.*, XI, 4), что дало право Невзорову предположить, что Марк Аврелий вступал в беседы с христианами.

Следует сказать, что точку зрения о влиянии христианства на стоическую философию высказывали и другие представители конфессионального направления в изучении истории христианства. Например, преподаватель Воронежской духовной семинарии Иван Петрович Назарьев в своем курсе по истории философии писал: «Отвлеченный (неосуществимый) ригоризм несколько смягчили позднейшие стоики (например, Сенека, в 1 веке по Р.Х.), которые под влиянием христианства (курсив наш – Авт.) учили о необходимости для человека самосохранения и любви ко всем людям, происходящим от одного божества и имеющим разные природные достоинства» (Назарьев, 1895: 69).

Постепенно представление о влиянии на формирование христианства стоицизма как одной из наиболее распространенных в античном мире школ практической философии распространяется и в образованном российском обществе. Этому, безусловно, способствуют переводы на русский язык трудов некоторых крупных западноевропейских исследователей, которые становятся достоянием широкой читающей публики. Большую популярность получила книга французского историка Гастона Буассье «Римская религия от Августа до Антонинов», в которой утверждалось значение греко-римской философии для формирования монотеистических представлений, способствовавших принятию христианства: «Преобразовывая народные религии, философия должна была, прежде всего, стараться внушить каким бы то ни было способом веру в единство Бога. Это мнение допускалось почти всеми школами, и для философа невозможно было покинуть его. ... Стоики говорили, что единый Бог, разлитый в мире и оживляющий его, получает различные названия, смотря по тому, какие элементы природы он проникает собою, и объясняли этим происхождение баснословных божеств» (Буассье, 1878: 618).

В 1900 году в русском переводе вышла работа известного в России французского позитивиста Жана-Мари Гюйо «Стоицизм и христианство. Эпиктет, Марк Аврелий и Паскаль», впервые опубликованная в Париже в 1889 году в качестве приложения к изданной посмертно его книге

«Воспитание и наследственность». В ней Гюйо писал, что современная наука, отмечая общие черты стоической философии и христианского учения, на уделила должного внимания борьбе, развернувшейся между стоицизмом и христианством: «Христиане и стоики сходились в том, что должна любить добродетель и применять ее на практике; но одни, согласно древней доктрине, утверждали, что добродетель не должна ожидать себе никакой награды, что в себе самой она должна находить свою ценность и санкцию... По мнению же христиан, ценность, которую добродетель находит в себе и которую ей сообщает человеческий закон, является наименее значительной, свою наибольшую ценность добродетель получает от божественного закона и его санкции» (Гюйо, 1900: 270).

После снятия цензурных ограничений в 1907 году в России выходит книга «Жизнь Иисуса» Давида Штрауса (в переводе М. Синявского), в которой отмечается влияние идей Цицерона и Сенеки на раннее христианство, а также указывается в этом контексте особое значение александрийской неоплатонической школы. Публикация трудов мыслителей гегелевской школы продолжается, и в 1909 году в Санкт-Петербурге в переводе Николая Рязанова выходит труд Карла Каутского «Античный мир, иудейство и христианство», в которой он высказывал идеи, очень близкие мнению Бруно Бауэра.

К десятилетиям XX века мнение о воздействии античной философии на сочинения раннехристианских авторов и стоицизма на христианское нравоучение становится достаточно распространенным. Это мнение поддерживают такие историки церкви, как В.В. Болотов и А.И. Лебедев. Профессор Московской духовной академии Анатолий Алексеевич Спасский отмечал, что «все философские системы древности нашли в богословской мысли свое отражение, и Платон, Аристотель, Филон, стоики и Плотин должны были ей принести свои жертвы» (Спасский, 1906: 647).

В трудах М.С. Корелина и Ф.Ф. Зелинского это представление получает полную поддержку. Зелинский прямо писал, что «христианство, поскольку оно испытало влияние философии, носит на востоке неоплатонический, а на западе стоический характер... Прежде, чем отразиться на христианстве, дух римской и греческой нации подчинил себе философию; христианское мышление было в этом отношении только продолжением мышления философского» (Зелинский, 1910: 186-187).

4. Заключение

Подводя итог, мы можем сделать следующий вывод: в дискуссии о взаимодействии стоицизма и христианства, развернувшейся в русской мысли во второй половине XIX века, сформировались три точки зрения. Согласно первым двум, опиравшимся на православную церковную традицию, христианское нравоучение не испытало никакого воздействия со стороны греко-римской философии в целом, и стоицизма в частности. Выявленное еще в древности сходство многих идей в стоицизме и христианстве объяснялось сторонниками первой точки зрения тем, что они могли иметь общий источник или отражали широко распространенные мнения. Сторонники второй точки зрения объясняли это сходство влиянием христианства на стоическую философию, указывая на возможность личных контактов стоиков и первых христиан, включая Сенеку и апостола Павла. Приверженцы третьей точки зрения, поддерживая мнение современной им европейской научной критики, полагали, что стоицизм как влиятельная практическая философия поздней античности оказал существенное влияние на христианское учение, наряду с неоплатонизмом и иудейским мессианизмом. Наиболее радикальные представители последней точки зрения рассматривали также влияние на христианство распространенных в римской империи иных сотериологических религий.

5. Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-011-01123 «Проблема сопряжения морали и религии в эпикурейской и стоической философии: сравнительный анализ полемики дискурса».

Литература

- Буассье, 1878 – Буассье Г. Римская религия от Августа до Антонинов. Пер. Марии Корсак. М., 1878. 646 с.
- Воробьева, 2003 – Воробьева Н.Н. Марк Аврелий и его отношение к христианству в оценках отечественных историков церкви конца XIX века – начала XX в. // *Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность: Материалы VI межвузовской региональной научной конференции*. Омск, 2003. С. 3-12.
- Воскресенский, 1839 – Архимандрит Гавриил (Воскресенский). История философии. Ч. II. Казань, 1839. 161 с.
- Гаврилов, 1993 – Гаврилов А.К. Марк Аврелий в России // *Марк Аврелий. Размышления* / Пер. с древнегреч. А.К. Гаврилова. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1993. С. 5-72.
- Глубоковский, 1910 – Глубоковский Н.Н. Благовестие св. Апостола Павла по его происхождению и существу: Библейско-богословское исследование. Кн. 2. СПб., 1910. 1307 с.
- Говоров, 1888 – Говоров С. Моральная философия стоиков в отношении к христианству // *Вера и разум*. 1888. № 7. С. 336-352.
- Гюйо, 1900 – Гюйо Ж.-М. Собрание сочинений. Стоицизм и христианство. Эпиктет, Марк Аврелий и Паскаль. Т. IV. СПб., 1900. 340 с.

- Зелинский, 1910** – *Зелинский Ф.* Соперники христианства. Из жизни идей. Статьи по истории античных религий. 2-ое изд. СПб., 1910. 406 с.
- Марта, 1878** – *Марта К.* Философы и поэты-моралисты во времена Римской империи. М., 1878. 381 с.
- Майков, 1858** – *Майков А.* Стихотворения. СПб., 1858. 247 с.
- Межеричский, 1974** – *Межеричский Я.Ю.* Сенека в оценке отечественной историографии и публицистики // *Вопросы всеобщей истории.* Тула, 1974. С. 89-94.
- Модестов, 1872** – *Модестов В.И.* Философ Сенека и его письма к Луцилию. Речь, произнесенная на торжественном акте Университета Св. Владимира 9 ноября 1871 г. Киев, 1872. 25 с.
- Назарьев, 1895** – *Назарьев И.* Краткая история философии. Воронеж, 1895. 194 с.
- Невзоров, 1892** – *Невзоров И.* Мораль стоицизма и христианское нравоучение. Казань, 1892. 177 с.
- Новицкий, 1860** – *Новицкий Ор.* Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований. Ч. II. Вторая половина греческой философии и общий взгляд на характер этой философии. Киев, 1860. 384 с.
- Новый образчик, 1889** – Новый образчик превратного понимания истории древней церкви в немецкой богословской литературе // *Православное обозрение.* 1889. № 1. С. 33-90; № 2. С. 295-340; № 3. С. 450-398.
- Остроумов, 1886** – *Остроумов М.* История философии в отношении к откровению // *Вера и разум.* 1886. № 5. С. 439-475.
- Плотников, 1885** – *Плотников В.* История христианского просвещения в его отношении к древней греко-римской образованности. Первый период – От начала христианства до Константина Великого. Казань, 1885. 266 с.
- Салимгареев, 2003** – *Салимгареев М.В.* Стоицизм в интеллектуальном пространстве России в XVII – начале XIX веков // *Историки в поисках новых смыслов. Сборник научных статей и сообщений.* Казань. С. 356-363.
- Спаский, 1906** – *Спаский А.А.* История догматического движения в эпоху Вселенских соборов (в связи с философскими учениями того времени). Т. 1. Сергеев Посад, 1906. 652 с.
- Степанова, 1994** – *Степанова А.С.* Древняя Стоя и русская философская мысль (опыт сравнительного исследования) // *Вече. Журнал русской философии и культуры.* 1994. № 1. С. 59-78.
- Фаминский, 1906** – *Фаминский В.* Религиозно-нравственные воззрения Сенеки и отношение их к христианству. В 3-х частях. Киев, 1906. 612 с.
- Чаленко, 1912** – *Чаленко И.Я.* Независимость христианского учения о нравственности от этики античных философов. Ч. II. Полтава, 1912. 1190 с.
- Фролов, 1999** – *Фролов Э.Д.* Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб., 1999. 542 с.
- Шахнович, 2018** – *Шахнович М.М.* Изучение религии в России в конце XIX – первой четверти XX века: от феноменологического описания к критическому исследованию // *Государство, религия и церковь в России и за рубежом.* 2018. № 1. С. 171-195.
- Aubertin, 1869** – *Aubertin C.* Sénèque et Saint Paul, étude sur les rapports supposés entre le philosophe et l'apôtre. Paris, 1869. 474 p.
- Baur, 1876** – *Baur, F.C.* Seneca und Paulus, das Verhältnis des Stoicismus zum Christentum // *Drei Abhandlungen Zur Geschichte Der Alten Philosophie Und Ihres Verhältnisses Zum Christentum.* Leipzig, 1876. S. 377-480.
- Bauer, 1877** – *Bauer B.* Christus und die Cäsaren. Der Ursprung des Christentums aus dem römischen Griechentum. Berlin, 1877. 376 s.
- Boissier, 1871** – *Boissier G.* Le Christianisme et la Morale de Sénèque // *Revue de deux mondes.* t.92. 1871. pp. 40-71.
- Havet, 1871-1884** – *Havet E.* Le christianisme et ses origines. 4 vols. Paris, 1871-1884.
- Shakhnovich, Chumakova, 2017** – *Shakhnovich M.M., Chumakova T.V.* From the history of Religious Studies in Russia: The study of the history of Christianity (in the second half of the 19-th – early 20-th century) // *Bylye Gody,* 2017. Vol. 46, Is. 4, pp. 1345-1356.
- Wadstein, 1880** – *Wadstein E.* Über den Einfluss des Stoicismus auf die älteste christliche Lehrbildung // *Theologische Studien und Kritiken.* 1880. S. 587-665.
- Weygoldt, 1883** – *Weygoldt G. P.* Die Philosophie der Stoa nach ihrem Wesen und ihren Schicksalen. Schulze, 1883. 218 s.
- Winckler, 1878** – *Winckler H. A.* Der Stoicismus eine Wurzel des Christenthums: ein Beitrag zur Geschichte der Stoa. Leipzig, 1878. 60 s.

References

- Aubertin, 1869** – *Aubertin C.* (1869). Sénèque et Saint Paul, étude sur les rapports supposés entre le philosophe et l'apôtre. Paris. 474 p.
- Baur, 1876** – *Baur, F.C.* (1876). Seneca und Paulus, das Verhältnis des Stoicismus zum Christentum // *Drei Abhandlungen Zur Geschichte Der Alten Philosophie Und Ihres Verhältnisses Zum Christentum.* Leipzig. Pp. 377-480.

- Bauer, 1877** – *Bauer B.* (1877). *Christus und die Cäsaren. Der Ursprung des Christentums aus dem römischen Griechentum.* Berlin. 376 p.
- Boissier, 1871** – *Boissier G.* (1871). *Le Christianisme et la Morale de Sénèque* // *Revue de deux mondes.* T. 92, pp. 40-71.
- Boissier, 1878** – *Boissier G.* (1878). *Rimskaya religiya ot Avgusta do Antoninov.* [Roman religion from Augustus to Antonins]. Moscow. 646 p. [in Russian]
- Chalenko, 1912** – *Chalenko I.Ya.* (1912). *Nezvisimost' hristianskogo ucheniya o npravstvennosti ot etiki antichnyh filosofov.* [The independence of the Christian doctrine of morality from the ethics of ancient philosophers]. Ch. II. Poltava. 1190 p. [in Russian]
- Faminskij, 1906** – *Faminskij V.* (1906). *Religiozno-npravstvennye vozzreniya Seneki i otnoshenie ih k hristianstvu.* [Religious and moral views of Seneca and its attitude to Christianity]. Kiev. 612 p. [in Russian]
- Frolov, 1996** – *Frolov E. D.* (1999). *Russkaya nauka ob antichnosti. Istoriograficheskie ocherki.* [Russian science on antiquity. Historiographical essays]. SPb. 542 p. [in Russian]
- Voskresenskij, 1839** – *Arhimandrit Gavriil (Voskresenskij).* (1839). *Istoriya filosofii.* [The History of Philosophy]. Ch. II. Kazan'. 161 p. [in Russian]
- Gavrilov, 1993** – *Gavrilov A.K.* (1993). *Mark Avrelij v Rossii* // *Mark Avrelij. Razmyshleniya* [Marcus Aurelius in Russia. In: Marcus Aurelius. Meditations]. Per. A.K. Gavrilova. 2 ed. SPb., pp. 5-72. [in Russian]
- Glubokovskij, 1910** – *Glubokovskij N.N.* (1910). *Blagovestie sv. Apostola Pavla po ego proiskhozhdeniyu i sushchestvu. Biblejsko-bogoslovskoe issledovanie* [Gospel of St. Apostle Paul, by his origin and essence: Biblical and theological study]. T. 2. SPb. 1307 p. [in Russian]
- Govorov, 1888** – *Govorov S.* (1888). *Moral'naya filosofiya stoikov v otnoshenii k hristianstvu* [Moral philosophy of the Stoics in relation to Christianity]. *Vera i razum.* № 7, pp. 336-352. [in Russian]
- Guyau, 1900** – *Guyau J.-M.* (1900). *Sobranie sochinenij. Stoicizm i hristianstvo. Epiktet, Mark Avrelij i Paskal'* [Collected Works. Stoicism and Christianity. Epictetus, Marcus Aurelius and Pascal]. T. IV. SPb. 340 p. [in Russian]
- Havet, 1871-1884** – *Havet E.* (1871-1884). *Le christianisme et ses origines.* 4 vols. Paris.
- Marta, 1878** – *Marta K.* (1878). *Filosofy i poety-moralisty vo vremena Rimskoj imperii* [Philosophers and moralists in the time of the Roman Empire]. M., 381 p. [in Russian]
- Majkov, 1858** – *Majkov A.* (1858). *Stihotvoreniya* [Poems]. SPb. 247 p. [in Russian]
- Mezherickij, 1974** – *Mezherickij Ya.Yu.* (1974). *Seneka v ocenke otechestvennoj istoriografii i publicistiki* [Seneca in the assessment of national historiography and journalism]. *Voprosy vseobshchej istorii.* Tula. pp. 89-94. [in Russian]
- Modestov, 1872** – *Modestov V.I.* (1872). *Filosof Seneka i ego pis'ma k Luciliyu. Rech', proiznesennaya na torzhestvennom akte Universiteta Sv. Vladimira 9 noyabrya 1871 g.* [Philosopher Seneca and his Letters to Lucilius. Speech delivered at the Ceremonial Act at the University of St. Vladimir]. Kiev. 25 p. [in Russian]
- Nazar'ev, 1895** – *Nazar'ev I.* (1895). *Kratkaya istoriya filosofii.* [The brief history of philosophy]. Voronezh. 194 p.
- Nevezorov, 1892** – *Nevezorov I.* (1892). *Moral' stoicizma i hristianskoe npravouchenie* [The morals of Stoicism and Christian morality]. Kazan'. 177 p. [in Russian]
- Novickij, 1860** – *Novickij Or.* (1860). *Postepennoe razvitie drevnih filosofskih uchenij v svyazi s razvitiem yazycheskih verovanij.* Ch.II. *Vtoraya polovina grecheskoj filosofii i obshchij vzglyad na harakter etoj filosofii* [The gradual development of ancient philosophies in connection with the development of pagan beliefs. Part II. The second half of Greek philosophy and a general view on the nature of this philosophy]. Kiev. 384 p. [in Russian]
- Novyj obrazchik, 1889** – *Novyj obrazchik prevratnogo ponimaniya istorii drevnej cerkvi v nemeckoj bogoslovskoj literature* [A New Sample of the Misunderstanding of the History of the Ancient Church in German Theological Literature]. *Pravoslavnoe obozrenie.* № 1, pp. 33-90; № 2, pp. 295-340; №3, pp. 450-398. [in Russian]
- Ostroumov, 1886** – *Ostroumov M.* (1886). *Istoriya filosofii v otnoshenii k otkroveniyyu* [History of philosophy in relation to the revelation]. *Vera i razum.* № 5, pp. 439-475. [in Russian]
- Plotnikov, 1885** – *Plotnikov V.* (1885). *Istoriya hristianskogo prosveshcheniya v ego otnoshenii k drevnej greko-rimskoj obrazovannosti. Pervyj period – Ot nachala hristianstva do Konstantina Velikogo* [History of Christian enlightenment in its relation to the ancient Greco-Roman education. The first period – From the beginning of Christianity to Constantine the Great]. Kazan'. 266 p. [in Russian]
- Salimgareev, 2003** – *Salimgareev M.V.* (2003). *Stoicizm v intellektual'nom prostranstve Rossii v XVII – nachale XIX vekov* [Stoicism in the intellectual space of Russia in the XVII – early XIX centuries]. *Istoriki v poiskah novyh smyslov. Sbornik nauchnyh statej i soobshchenij.* Kazan', pp. 356-363. [in Russian]
- Spasskij, 1906** – *Spasskij A.A.* (1906). *Istoriya dogmaticheskogo dvizheniya v epohu Vselenskih soborov (v svyazi s filosofskimi ucheniyami togo vremeni)* [The history of the dogmatic movement in the era of Ecumenical Councils (in connection with the philosophical teachings of that time)], t.1. Sergeev Posad, 652 p. [in Russian]

Stepanova, 1994 – Stepanova A.S. (1994). Drevnyaya Stoya i russkaya filosofskaya mysl' (opyt sravnitel'nogo issledovaniya) [Ancient Stoicism and Russian philosophical thought (the essay of comparative research)]. *Veche. Zhurnal russkoj filosofii i kul'tury*. № 1, pp. 59–78. [in Russian]

Shakhnovich, 2018 – Shakhnovich M.M. (2018). Izuchenie religii v Rossii v konce XIX – pervoj chetverti XX veka: ot fenomenologicheskogo opisaniya k kriticheskomu issledovaniyu [The study of religion in Russia in the late XIX – first quarter of the twentieth century: from a phenomenological description to a critical research]. *Gosudarstvo, religiya i cerkov' v Rossii i za rubezhom*. № 1, pp. 171-195. [in Russian]

Shakhnovich, Chumakova, 2017 – Shakhnovich M.M., Chumakova T.V. (2017). From the history of Religious Studies in Russia: The study of the history of Christianity (in the second half of the 19-th – early 20-th century). *Bylye Gody*. Vol. 46. Is. 4. pp. 1345-1356.

Vorob'eva, 2003 – Vorob'eva N.N. (2003). Mark Avrelij i ego otnoshenie k hristianstvu v ocenках otechestvennyh istorikov cerkvi konca XIX veka – nachala XX v. [Marcus Aurelius and his attitude to Christianity in the estimates of Russian Church historians of the late XIX century – early XX century]. *Social'nye instituty v istorii: retrospekciya i real'nost': materialy VI mezhdvuzovskoj regional'noj nauchnoj konferencii*. Omsk, pp. 3-12. [in Russian]

Wadstein, 1880 – Wadstein E. (1880). Über den Einfluss des Stoizismus auf die älteste christliche Lehrbildung. *Theologische Studien und Kritiken*. pp. 587-665.

Weygoldt, 1883 – Weygoldt G.P. (1883). Die Philosophie der Stoa nach ihrem Wesen und ihren Schicksalen. Schulze. 218 p.

Winckler, 1878 – Winckler H.A. (1878). Der Stoicismus eine Wurzel des Christenthums: ein Beitrag zur Geschichte der Stoa. Leipzig. 60 p.

Zelinskij, 1910 – Zelinskij F. (1910). Soperniki hristianstva. Iz zhizni idej. Stat'i po istorii antichnyh religij. [Rivals of Christianity. From the life of ideas. Essays on the history of ancient religions]. 2 ed. SPb. 406 p. [in Russian]

Дискуссия о стоицизме в русской мысли второй половины XIX – начала XX вв. и история изучения христианства

Марианна Михайловна Шахнович ^{a, *}, Андрей Яковлевич Тыжов ^a, Данил Сергеевич Попов ^a

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи является выявление и анализ полемического дискурса в русской мысли во второй половине XIX – начале XX вв. об отношениях стоической философии и христианства в период возникновения ранней христианской церкви, а также формирования христианского учения и его нравственной составляющей. При подготовке статьи авторы опирались на методологические принципы интеллектуальной истории, при этом обращалось внимание на существование в рассматриваемый период в России двух направлений в истории религии в целом, и в истории христианства в частности: конфессионального и академического, регулируемого жесткими цензурными рамками. В статье использовались методы, характерные для интеллектуальной истории и дисциплинарной истории науки. Опора на эти методологические основания позволила выявить и проанализировать интересную дискуссию в русской общественной мысли, не потерявшую свою актуальность и в наши дни. В рамках этой дискуссии сформировались три точки зрения. Согласно первым двум мнениям, опиравшимся на церковную традицию, христианское нравоучение не испытало никакого воздействия со стороны греко-римской философии в целом, и стоицизма в частности. Обнаруженное еще в древности сходство многих идей стоицизма и христианства объяснялось сторонниками первой точки зрения наличием общего источника или отражением распространенных мнений. Сторонники второй точки зрения объясняли это сходство влиянием христианства на стоическую философию. Приверженцы третьей точки зрения, поддерживая мнение современной им европейской научной критики, полагали, что стоицизм, наряду с неоплатонизмом и иудейским мессианизмом, оказал существенное влияние на христианское учение.

Ключевые слова: стоицизм, этика, христианство, христианское нравоучение, Сенека, история изучения религии, история христианской церкви, Бруно Бауэр, русская мысль XIX – начала XX вв.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: m.shakhnovich@spbu.ru (М.М. Шахнович), firenze1449@yandex.ru (А.Я. Тыжов), evseviy-dan@yandex.ru (Д.С. Попов)

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1134-1143. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1134
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Some Aspects of Russian-Chinese Relations in the second half of the XIX century. Part 1

Lyudmila V. Shkvarya ^{a, *}

^a Peoples' Friendship University of Russia, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the relationship between the two empires at the turn of the centuries: Russian and Chinese, as well as the history of the construction of the Chinese-Eastern railway as a kind of culmination of these relations. The work gives a general description of Russian-Chinese diplomatic relations since the beginning of diplomatic interaction between the two states, describes in detail the mutual relations of the parties in the second half of the XIX century, their goals when concluding the secret Moscow Treaty of 1896 (generally accepted historical name of the Russian-Chinese Treaty of Alliance of Russia and China against Japan), as well as the possibility of realization of their objectives. The problems of the Russian-Chinese Convention of 1898, the lease of the Liaodong Peninsula, and the construction of a naval base in Port Arthur are also directly discussed.

Keywords: the Chinese Eastern railway, Chinese Eastern railway, Southern-Manchuria railway, the Society of the Chinese Eastern railway, Port Arthur (Lyuishun), Dalny (Dalyan), the Liaodong Peninsula, Manchuria.

1. Введение

В современном мире Россия и Китай являются не только крупнейшими в мире державами, способными де-факто проводить независимую суверенную политику, но еще и весьма близкими партнерами. После «охлаждения» политических отношений с западными государствами Российская Федерация переориентировала центр дипломатической внешней политики на Восток, налаживая дружеские отношения, прежде всего с Китаем, Индией, Филиппинами. Китаю это сотрудничество также очень выгодно: во-первых, огромный рынок сбыта товаров легкой промышленности в лице 140 млн российского населения крайне необходимы для продолжения развития китайской экономики, особенно после ухудшения отношений и «торговой войны» с США; во-вторых, Россия способна удовлетворить спрос китайской промышленности в углеводородах (прежде всего – газ). Для России эти отношения также весьма выгодны, прежде всего – как рынок сбыта газа, нефти, сырья и продукции тяжелой промышленности и военного назначения.

Вместе с тем отношения с Китаем складывались весьма непросто. Осваивая Дальний Восток, Российская империя в XVIII – первой половине XIX века не могла сколь-либо целенаправленно и продуктивно вести дипломатические отношения с Китайской империей. Однако во второй половине XIX века, когда Дальний Восток стал относительно освоенной территорией, появились крупные города и форпосты, такие как Владивосток, Петропавловск-Камчатский, Хабаровск и другие населенные пункты, когда появилась железная дорога, соединяющая дальневосточный регион с центральной частью России, начались и более тесные отношения с восточными соседями: Китаем, Кореей, Японией. Однако политика России в отношении Китая была сугубо «потребительской» (хотя и не столь жесткой и даже порой жестокой, как политика Великобритании или Японии) и была нацелена лишь на раздел «китайского пирога» императрицы Цы Си (Цыси).

* Corresponding author

E-mail addresses: dastard@rambler.ru (L.V. Shkvarya)

После краха империи, Китай в 1912 году становится республикой во главе с «отцом нации» Сунь Ятсеном, а позже – Чаном Кайши. После социалистической революции в России С. Ятсен сделал «поправки» своих политических взглядов, включив в программу и «коммунистический блок», в частности сотрудничество с коммунистами, поддержку рабочих и крестьян в борьбе за демократические ценности. Однако Ч. Кайши отошел от прокоммунистических взглядов и в итоге проиграл гражданскую войну 1927–1950 годов, отдав власть Мао Цзедуну, который и провозгласил 1 октября 1949 года новую Китайскую народную республику – название, существующее по сей день. Отношения СССР и КНР, несмотря на идеологическую общность, складывались весьма непросто, и лишь после масштабных реформ Дэна Сяопина, приведших к «китайскому экономическому чуду», отношения двух стран стали «теплеть» и в итоге трансформировались в нынешние, весьма дружеские.

Однако истоки таких отношений надо искать во второй половине и в конце XIX века, когда Российская империя в полной мере «открыла» для себя Китай. Попробуем проанализировать русско-китайские отношения в указанный исторический период. В данной части статьи мы хотели бы рассмотреть некоторые особенности взаимоотношений между и Китаем и Россией в период с XVII века и до 1890-х гг.

2. Материалы и методы

В данном исследовании нами используются несколько групп источниковых материалов.

Источники мы условно делим на три группы. К первой группе относятся документированные нормативные исторические материалы, представляющие собой межгосударственные соглашения. В данной работе, привлекая в качестве материалов соответствующие сборники документов, мы непосредственно исследовали Айгунский договор между Россией и Китаем о границах и взаимной торговле (1858) ([Сборник договоров России с другими государствами, 1952](#)), Пекинский трактат (1860) ([Сборник договоров России с другими государствами, 1952](#)), Союзный договор между Российской империей и Китаем (империей Цин) (1896) ([Сборник договоров России с другими государствами, 1952](#)), Русско-китайскую конвенцию (1898) ([Сборник договоров России с другими государствами, 1952](#)). Опосредованно (то есть в изложении других исторических трудов) нами рассматривались такие соглашения между Россией и Китаем, как Нерчинский договор (1689), Буринский трактат (1727), Кяхтинский договор (1727), Кульджинский договор (1851) и Тяньцзинские трактаты (1858).

Вторая группа источников представлена мемуарами современников, а также непосредственных участников некоторых вышеуказанных соглашений. В частности, были проанализированы воспоминания С.Ю. Витте ([Витте, 1960](#)) и Э.Э. Ухтомского ([Ухтомский, 1900](#)). Сергей Юльевич Витте ([Витте, 1960](#)), виднейший дореволюционный политический деятель и один из наиболее эффективных менеджеров правительств Александра III и Николая II. В многотомных мемуарах дается субъективная оценка и роль самого автора в описываемых событиях, которая порой входит в прямые противоречия не только с мемуарами других современников (в частности изученных нами воспоминаний известнейшего востоковеда, ориенталиста, дипломата, князя Эспера Эсперовича Ухтомского; [Ухтомский, 1900](#)), но и историческими документами. Вместе с тем воспоминания Витте представляют собой подробнейший анализ той эпохи и, безусловно, имеют бесценное по своей сущности содержание. Витте, в отличие от Ухтомского, был активнейшим сторонником промышленного вторжения в Китай и ратовал за налаживание прочных долговременных отношений, пусть и несколько экономически агрессивных со стороны Российской империи. Ухтомский же, напротив, считал, что Китай должен сохранить свою самобытность и индивидуальность, а промышленное проникновение развитых стран, в частности России, хотя и повышает уровень жизни населения, но быстро «стирает» идентичность китайской культуры; втайне симпатизировал ихэтуаням, пытаясь оправдать их шовинистскую идеологию, а также был против участия России в Международной освободительной экспедиции восьми держав в 1900 году.

Наконец, третью группу источников представляют справочные дореволюционные труды и материалы, которые практически создавались в описываемый нами период. Нами, в частности, были использованы энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона ([Брокгауз, Ефрон, 1890–1907](#)) и Путеводитель Восточной Китайской железной дороги ([Путеводитель, 1907](#)).

В исследовании использована совокупность научных методов: многофакторности и интегрированности, периодизации, типологизации, сравнения и пр., которые в единстве обеспечивают надежность результатов по рассматриваемой проблеме. Исследование имеет междисциплинарный характер, базирующийся на принципе компаративистики, который позволит выявить различные уровни информативности источника, а также сопоставить сведения различных источников о той или иной исследуемой проблеме.

3. Обсуждение

Историографию мы делим на три группы: зарубежную, отечественную советского периода и отечественную современного периода.

К первой относим работы С. Пэйна, Чж. Янгвэня, П. Зэйана, А.Т. Толеубаева, Ж.К. Касымбаева, М.К. Койгелдиниева, Е.Т. Калиевой, Т.Т. Далаевой и др.

Ко второй группе следует отнести работы комплексного характера, представляющие собой учебные пособия (авторы В.П. Потемкин, В.Г. Тюкавкин, В.А. Корнилов, А.В. Ушаков, В.И. Старцев, А.Л. Сидоров, А.П. Погребинский) и справочники (Большая Советская энциклопедия, энциклопедия М.К. Козыбаева), а также научно-популярные исследования по отдельным проблемам описываемой нами темы (работы А.Н. Степанова, В.С. Пикуля и др.), в том числе и современников описываемых нами событий, которые осветили проблему не только с исторической, но и отчасти с литературной позиции (А.С. Новиков-Прибой).

К третьей группе относим фундаментальные исследования по отдельным проблемам анализируемого вопроса (монографии Ю.М. Галеновича, Н.Е. Абловой, П.В. Мультатули, К.А. Залесского, С.А. Балакина, А.П. Корелина, С.А. Степанова и др.), статьи в сборниках научных трудов (И.В. Лукоянов и др.), а также справочные издания (Энциклопедия «Томск от А до Я» Н.М. Дмитриенко).

Тема освещена достаточно полно как в научной, так и популярной и учебной литературе. В силу того что проблема русско-китайских отношений стремительно набирает популярность, объем данной статьи не позволяет сделать даже краткий обзор и упоминание всех трудов по данной проблематике. Поэтому вкратце осветим лишь те работы, которые были нами исследованы непосредственно.

Среди советских работ особо хотелось бы отметить пособие по истории дипломатии, выполненное под редакцией В.П. Потемкина (Потемкин, 1959). В нем анализируются не только русско-китайские соглашения XVI–XX веков, но и дается анализ политической и экономической ситуации России и Китая. К недостаткам работы, как, собственно, и абсолютному большинству исследований советского периода, следует отметить излишнюю заидеологизированность и «рекламу» социалистических идей в противовес «царскому капитализму».

Из современных работ наибольший для нас интерес представляет исследование Ю.М. Галеновича (Галенович, 2015), который попытался сделать антологию русско-китайских отношений за всю их историю. Несмотря на некоторую претенциозность, труд является глубоким, масштабным и весьма интересным с исторической точки зрения.

Также, очень много информации о взаимоотношениях двух государств есть в работах современных отечественных историков, которые хоть и имеют другой предмет исследования, но для полноты изучения так или иначе непосредственно вынуждены освещать и проблему нашего исследования (Мультатули, Залесский, 2015; Тюкавкин В.Г. и др., 1990; Сидоров, 1965; Погребинский, 1954).

В работах энциклопедического характера содержатся краткие фактологические или биографические сведения, также оказавшиеся весьма полезными в контексте нашего исследования (Брокгауз, Ефрон, 1890–1907; Советская историческая энциклопедия, 1962–1976; Дмитриенко, 2004; Козыбаев, 1983).

Большую ценность представляют биографические исследования деятельности С.Ю. Витте как одного из важных «локомотивов» николаевской внешней политики, особенно на дальневосточном направлении (Корелин, Степанов, 1998).

Важную роль для данной работы сыграли и зарубежные исследования. Так, американский историк С. Пэйн через историю японо-китайской войны в 1894–1895 годах (Paine, 2003) освещает особенности цинской дипломатии в этот период, в том числе и в отношениях с Российской империей. Также затрагивается вопрос русско-китайских отношений и в других статьях, предметом исследования которых являются другие исторические вопросы (Zeihan, 2014, Mamadaliev et al., 2018 и др.). Исключительно интересен фундаментальный труд китайского социального историка Чж. Янгвэня, изданного на английском языке; в своей монографии автор исследует повседневную жизнь китайцев в период опиумных войн и влияние западных агрессоров на китайскую культуру, а также некоторые вопросы взаимоотношений китайцев и иностранцев. В зарубежных трудах, анализирующих историю других государств, также содержится много полезных сведений о русско-китайских отношениях (Толеубаев и др., 2006).

Говоря о сотрудничестве России и Китая в конце XIX – начале XX веков, нельзя не упомянуть некоторые аспекты этих отношений, выраженные в конкретных экономических и прочих материальных воплощениях, например строительстве Китайско-Восточной железной дороги (Аблова, 2004), создании Русско-Китайского банка (Лукоянов, 2008) и пр.

В отдельную историографическую группу следует отнести исторические романы. Несмотря на то, что таковые относятся к жанру научно-популярной литературы (Степанов, 1983; Пикуль, 1989), тем не менее они дают общее представление в том числе и о русско-китайских отношениях на рубеже XIX–XX веков; более того, некоторые из них выполнены современниками тех событий (Новиков-Прибой, 1977).

Можно также отметить и работы, посвященные внешней политике Российской империи на других окраинах, например, Кавказе (Cherkasov et al., 2015; Cherkasov et al., 2015a; Cherkasov et al., 2016; Cherkasov et al., 2017; Cherkasov et al., 2017a; Cherkasov et al., 2018; Cherkasov et al., 2018a). Эти

труды позволяют выявить многообразие поведенческих форм русской администрации, в том числе военной, в вопросах внешней политики.

4. Результаты

Общепринятой в исторической науке является точка зрения, что первая попытка Российского государства наладить дипломатические отношения с Китайской империей Мин состоялась при царе Василии IV Шуйском в 1608 году. Однако из-за войны, бушевавшей на северо-восточных прикаспийских территориях (монгольский олтын-хан¹ Шолой Убаши-хунтайджи воевал с непокорными черными калмыками), посольство так и не достигло ни самого Шолоя, ни Китая. В 1616 году уже при Михаиле I Федоровиче Романове вновь снаряжается дипломатическая миссия во главе с казачьим атаманом Василием Тюменцем, которая была принята олтын-ханом, но снова не достигла китайских территорий. И только два года спустя, в 1618 году, миссия, отправленная тобольским воеводой князем И.С. Куракиным, составленная из 12 томских казаков во главе с И. Петлиным, достигла цели. Учитель Иван Петлин знал несколько языков и слыл весьма грамотным дипломатом с соответствующим опытом работы (Дмитриенко, 2004: 254-255); пробыв несколько месяцев ориентировочно в самом Пекине, он сумел наладить связь с правительством императора Чжу Ицзюня, правившего под именем («девизом») Ваньли. Однако аудиенции он не получил якобы из-за того, что не привез соответствующих статусу правителя подарков. Однако более правдоподобной представляется другая версия: Ваньли, в молодости весьма эффективный и энергичный правитель, но под старость впавший в апатию, был тяжело болен (по данным историка Чжэна Ян-Вэня, анализ его останков в 1958 году обнаружил тяжелую форму опиумной зависимости (Yangwen, 2005: 18), не мог без посторонней помощи выходить из своих покоев и месяцами не появлялся на людях; даже собственные чиновники годами ожидали его аудиенции! История правления Ваньли отчасти похожа на биографию его русского современника и коллеги – первого царя России Ивана IV Грозного (годы правления 1533–1584), который также был исключительно эффективен в молодости (в 1547–1564 годах), однако под старость лет стал вести себя достаточно странно и неадекватно и в итоге был отравлен, так как его сумасбродства придворные уже просто не могли выносить. Одним из результатов его правления последних лет стала Смута 1598–1613 годов, в ходе которой Россия едва не потеряла суверенитет. Ваньли в молодые годы одолел всех внутри- и внешнеполитических врагов, стабилизировал империю, наладил производство и торговлю, что привело к значительному росту населения, однако в 1600–1620 годах он дистанцировался от управления страной, чем воспользовались его многочисленные придворные и прислуга; результатом стали процветающая коррупция и хаос, из-за чего империя оказалась на грани развала и в итоге пала в правление его внука. Даже после смерти образ жизни последних лет Ваньли «навлек» на него беды; во времена «культурной революции» воинствующие хунвейбины в конце 60-х годов XX века выволокли из гробницы и сожгли останки императора...

После смерти Ваньли династия Мин продержалась всего 24 года и была свергнута маньчжурскими правителями, установившими собственную династию – Цин. Россия активно поддерживает контакты и с новыми правителями, хотя первая дипломатическая миссия во главе с Ф.И. Байковым, совершенная в 1653–1657 годах в период правления Алексея I Михайловича «Тишайшего», оказалась неудачной в плане мирного урегулирования пограничного конфликта (главной задачей русского правительства был поиск мирного способа останова экспансии Приамурья, уже освоенного русскими поселенцами; уже тогда напряженность в отношениях двух стран вызывали именно пограничные «сложности»), но была успешной с точки зрения составления подробных географических и этнических описаний, документов и пр. (Брокгауз, Ефрон, 1890–1907).

1675–1678 годах было отправлено посольство Н.Г. Спафария с усиленным военным конвоем, так как Байков едва не был ограблен китайскими чиновниками и чуть не лишился подарков, припасенных для императора. Несмотря на то, что в лингвистическом и дипломатическом плане Спафарий подготовился к миссии намного лучше, однако требуемых результатов также не достиг. В итоге в 1684 году маньчжуры осадили русские города в Приамурье – Албазин и Нерчинск, начав так называемую «Албазинскую войну» (осаду крепости Албазин в 1685 и в 1686 гг.). В 1689 году был подписан первый официальный русско-китайский договор, получив по месту подписания название Нерчинского. Князь Сонготу, представитель и советник (а некоторое время и фактический правитель Китайского государства) молодого маньчжурского императора Канси, сумел «продать» свои условия русскому послу Ф.А. Головину: Россия теряла Приамурье и Албазин, а граница проходила по реке Аргунь и по Становому хребту до побережья Охотского моря. Фундаментальный Нерчинский договор просуществовал 170 лет и прекратил свое существование лишь после заключения в 1858 и 1860 годах Айгунского и Пекинского договоров соответственно (об этом ниже). Подписанные в 1827 году Буринский и Кяхтинский договоры лишь уточняли и четко фиксировали границу, а также

¹ Название титул правителя монгольского этноса хотогойтов в XVI–XVII вв. Более распространенной является транскрипция от англоязычного написания «алтан-хан», что в буквальном переводе означает «золотой правитель».

регламентировали торговлю двух государств, поэтому именно к Кяхтинскому договору апеллировали как к правовой основе отношений государств вплоть до середины XIX века.

Как уже указывалось выше, именно во второй половине XIX века начнется активизация дипломатических отношений и изменение существующих форматов, инициатором которых на этот раз становится русское правительство. Понимая ослабленность Китая внутренними противоречиями и неизбежность гражданской войны, Россией в 1851 году было инициировано подписание договора в Кульджу (так называемый Кульджинский торговый трактат). Согласно договору товары обеих стран освобождались от таможенных пошлин, а русские купцы дополнительно могли торговать и иметь собственные склады в китайских городах Кульджу и Чугучак; там же открывались и постоянно действующие русские консульства (Козыбаев, 1983; Потемкин, 1959). По факту данный трактат, на наш взгляд, был ничем иным, как «прощупыванием» силы китайского правительства, так как под видом «равноценности» на деле же оказывался, выражаясь гражданско-правовым языком, кабальным. Во-первых, российских товаров шло в Китай намного больше, чем китайских – в Россию; во-вторых, право «обосноваться» в двух городах означало и право свободного доступа в эти пункты и в какой-то степени право экономического и торгового приоритета. Вполне очевидно, что подписание этого трактата положило начало российской экономической экспансии в Китай (нечто похожее на то, что происходит сегодня, только наоборот, когда наблюдается очевидная китайская экономическая и этническая экспансия на территорию Российской Федерации).

Кульджинский договор стал началом серии кабальных русско-китайских договоров, когда Китайская империя Цин, ослабленная многочисленными внутренними противоречиями, восстанием тайпинов и начавшейся гражданской войной 1851–1864 годов, а также так называемой Второй опиумной войной 1856–1860 годов (в ходе которой Цинская империя пыталась защитить собственный народ от двух наиболее развитых и сильных государств планеты – Великобритании и Франции, которые открыто и совершенно беззастенчиво насаждали повсеместную наркоманию среди китайцев ради собственной экономической выгоды), вынуждена была делать уступки за уступками, дабы попросту сохранить государственность. События, которые начнутся позднее, в историографии принято называть «разделом китайского пирога», когда более сильные в экономическом и военном отношении Великобритания, Франция, Германия, Россия и Япония под видом «защиты» государственности начнут навязывать Китаю совершенно невыгодные для него договоры (по факту отбирая территории, разделяя сферы влияния и торговли и пр.) и попутно ссориться друг с другом (наиболее ярким примером стала Русско-японская война 1904–1905 годов).

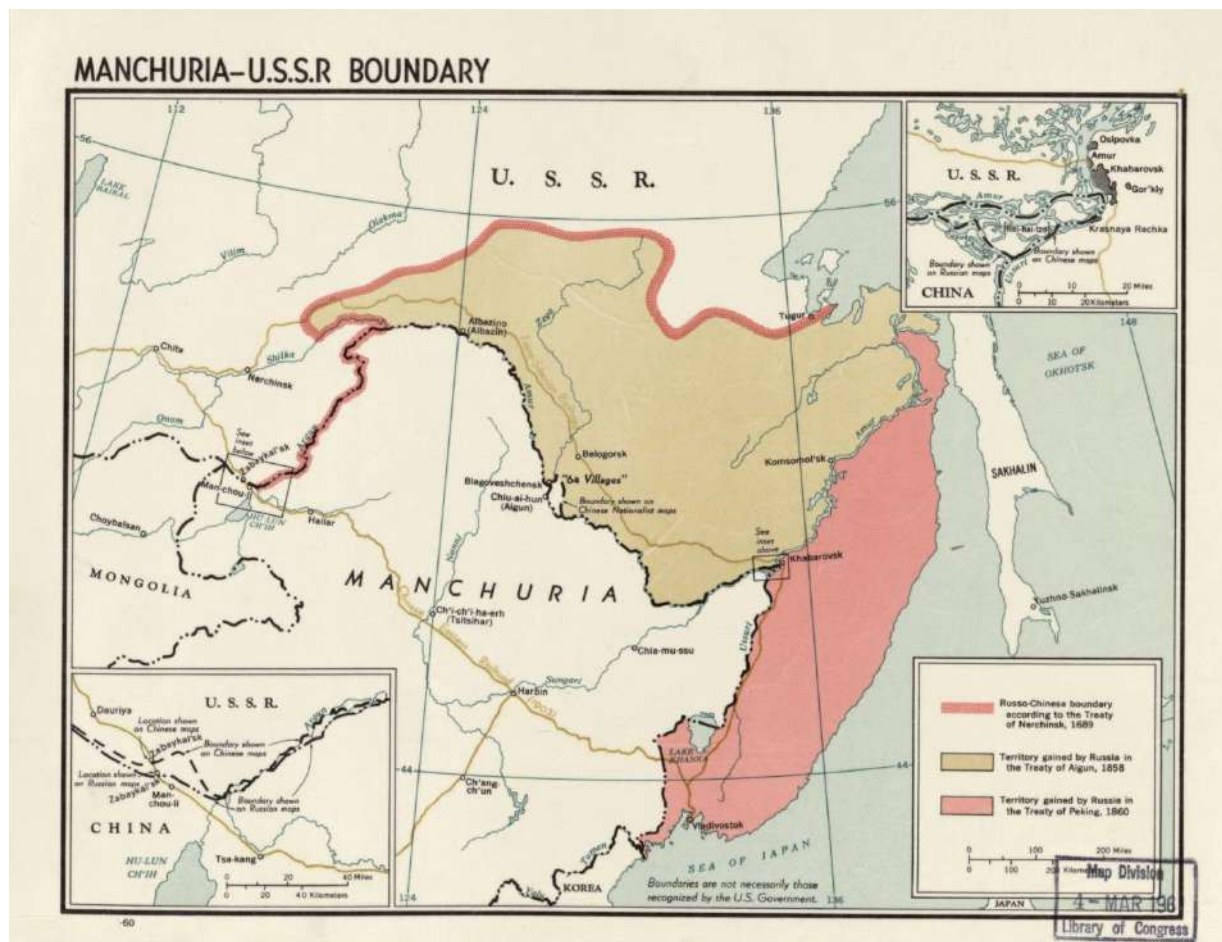
Первым российским из навязанных Китаю несправедливых «соглашений» стал Айгунский¹ договор от 16 мая 1858 года², в самый разгар Второй опиумной войны. Он был составлен крупным сибирским золотопромышленником Р.А. Черносвитовым, а подписан графом Н.Н. Муравьевым. Согласно его положениям, граница теперь проходила по реке Амур и Россия получала Уссурийский край (Приморье) и значительную часть Северной Маньчжурии. Плавание по рекам Амур, Сунгари и Уссури было теперь разрешено только русским и китайским судам.

Территориальные и прочие положения Айгунского договора были не просто подтверждены, но и расширены Пекинским трактатом 1860 г. – очередным кабальным «соглашением», навязанным Россией Китаю (в преддверии выигранной Великобританией и Францией Второй опиумной войны), согласно которому Россия получила еще и Приморский край (где в этом же году был основан Владивосток) (Рисунок 2). И здесь необходимо отметить весьма неоднозначный подход в китайской историографии, касающийся территориальных изменений по Айгунскому соглашению между Китаем и Россией (Айгунский договор). Дело в том, что китайские историки считают договор абсолютно неравным (что, в сущности, совершенно объективно применительно к истории Китая середины XIX века) и навязанным Муравьевым под угрозой открытия второго фронта против китайцев в опиумной войне (на это, в частности, указывает и британский историк С. Пэйн; см., например, Paine, 2003). И если остальные кабальные соглашения, касающиеся Китая, полностью и окончательно были денонсированы после Второй мировой войны, то территориальные положения Айгунского договора по факту действуют до сих пор. Поэтому китайские историки всячески подчеркивают его несправедливость, «скромно» умалчивая о том, что точно по такой же «схеме» в 1689 году Сонготу вынудил Головина подписать несправедливый для России Нерчинский договор ввиду очень напряженных отношений правительства Софьи с Османской империей и весьма непростых – со Швецией, то есть на «другом конце» России. Таким образом, у китайского (равно как и американского, и европейского) обывателя территория Уссурийского края и Приморского края (с нынешними российскими крупными городами, такими как Владивосток, Хабаровск, Уссурийск, Биробиджан, Комсомольск-на-Амуре, Благовещенск и др.) прочно ассоциируется с «несправедливо отобранной» китайской территорией, которую «желательно вернуть»; причем необязательно военным путем, а как один из вариантов – постепенным, но постоянным «этническим вторжением» (о чем, в частности, говорит американский геополитический аналитик П. Зэйан; Zeihan, 2014).

¹ Более редкое, но более верное с точки зрения фонетики альтернативное написание – Айгунский.

² Здесь и далее все даты по старому стилю.

Рис. 1. Территории, отошедшие к Российской империи по Айгунскому (помечены желтым цветом) и Пекинскому (помечены красным цветом) договорам

Следовательно, в современную пору (то есть через несколько десятилетий или даже лет) на Дальнем Востоке вполне может получиться ситуация, аналогичная сложившейся в конце XX – начале XXI века в Сербии с Косово, в Азербайджане с Нагорным Карабахом или в Украине с Крымом (до 2014 года) и Донбассом, которую в политологии принято называть экстерриториальным конфликтом,¹ когда этническое большинство не желает жить в границах другого государства. Каждый из вышеназванных примеров (за исключением достаточно мирного присоединения Крыма) привел к длительной (точнее было бы сказать, перманентной) напряженности, кровопролитию и даже гражданской войне (например, в Донбассе). Речь о тяжелых негативных политических и экономических последствиях утраты территорий для государства (например, потеря Косова для Сербии или Крыма для Украины) в сравнении с человеческими жизнями уже не идет...

Таким образом, Айгунский договор 1858 года, а также Пекинская конвенция (в историографии зачастую упоминается как Пекинский трактат) 1860 года между Российской и Цинской империями привели к тому, что значительная часть китайской территории в Маньчжурии оказалась российской. Эти договоры стали фундаментом дальнейших отношений и, на наш взгляд, наиболее успешными для русской дипломатии.

Одной из проблем в русско-китайских отношениях оставался Сыньцзян-уйгурский район (Хэ, 2018), на территории которого в конце XIX получило широкое распространение влияние Российской Империи. В 1864 году был подписан Чугучакский протокол (в западной и восточной историографии общепринятым является название «Тарбагатайский протокол» по старинному и распространенному в России названию китайского города Тарбагатай, где был подписан договор; на момент подписания город назывался Чугучак (с уйгурского языка), современное название Тачен (с китайского) и Чугучак). Договор формально уточнял разграничение демаркационных пограничных линий, однако главная его идея заключалась в другом: протокол обязывал Китай отказаться от каких-либо претензий на казахские и киргизские территории в пользу России, при этом Старший Жуз

¹ То есть вид этнического конфликта, характеризующийся несовпадением государственных или административных границ с границами расселения народов.

становился единоличным данником и, соответственно, вассалом Российской империи (Толеубаев и др., 2006).

Продолжающаяся по факту гражданская война в Цинской империи привела к тому, что в 60-х годах XIX века вспыхнуло одно из самых кровопролитных в истории человечества восстаний – Дунганское восстание, когда китайские мусульмане (дунганы) восстали против гнета Цинской империи. Чтобы защитить их от фактического геноцида, Россия ввела войска и оккупировала Илийский край со столицей в г. Кульджу. Российская же помощь Китаю заключалась в том, что император Александр II Освободитель был готов «взять под крыло» всех дунганов и переселить их в Россию на территорию формирующейся Туркестанской губернии и включавшей в себя территории современной Средней Азии. Однако многолетняя оккупация Илии результатов не принесла: в 1881 году Александр II дал согласие на подписание Н. Гирсом и Е. Бюцовым так называемого Петербургского договора, в котором империя Цин восстанавливала контроль над Илийским краем. 10-летний так называемый «Кульджинский кризис» в русско-китайских отношениях завершился.

5. Заключение

Подытоживая сказанное, отметим ключевые моменты, обозначенные выше:

1. Первые робкие русско-китайские дипломатические отношения, возможно, начинались еще во второй половине XVI века, ориентировочно при Иване IV Грозном или его сыне Федоре. Достоверно же известно, что первый дипломатический контакт двух государств случился в 1618 году с прибытием в Пекин посольской делегации Ивана Петлина.

Тесными же взаимоотношения России и Китая стали в XVII веке после соприкосновения границ двух государств, которое получилось в результате колонизации Российской империей территорий Дальнего Востока. Однако протяженность границ российского государства сыграла против него: Китай вынудил русское правительство в 1689 году подписать невыгодный для России Нерчинский договор, по которому территории Приамурья и Приморья, уже заселенные русскими поселенцами, отошли к Минской империи. Условия Нерчинского договора продлились вплоть до «опиумных войн» и ослабления китайской государственности.

2. Наиболее интенсивной с точки зрения заключения новых соглашений стала вторая половина XIX века. Этот период ознаменовался упадком государственности Цинской империи и попыткой западных держав и Японии навязать Китаю кабальные для последнего соглашения. Не осталась в стороне и Россия, вынудив китайское правительство заключить серию выгодных для Российской империи соглашений. К таковым относится заключение Айгунского и Пекинского договоров, по которым к России отошли не только территории, утраченные по Нерчинскому соглашению (Приамурье), но и ряд исконных территорий Китая (в частности Приморские территории). Ряд других договоров обеспечил России экономические преференции на территории Китая. В отличие от других кабальных соглашений с другими державами, положения вышеуказанных договоров действуют вплоть до сегодняшнего дня, что дает некоторым китайским историкам моральное право насаждать китайской общественности мысль о необходимости возвращения данных территорий, пусть даже с помощью социально-экономического, а не военного вторжения. Действительно, по факту интенсивность процесса заселения российского Дальнего Востока выходцами из Китая носит, на наш взгляд, угрожающий для России характер.

6. Благодарности

Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

Литература

Аблова, 2004 – Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае. М.: Русская панорама, 2004.

Айгунский договор, 1858 – Айгунский договор между Россией и Китаем о границах и взаимной торговле, Айхунь (Айгун), 16 мая 1858 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Политиздат, 1952.

Балакин, 2004 – Балакин С.А. Морские сражения Русско-японской войны 1904–1905. М.: Моделист-конструктор, 2004.

Брокгауз, Ефрон, 1890–1907 – Байков Федор Исакович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.

Витте, 1960 – Витте С.Ю. Воспоминания в 3-х томах. М.: Соцэкгиз, 1960.

Галенович, 2015 – Галенович Ю.М. Китайские претензии: шесть крупных проблем в истории взаимоотношений России и Китая. М.: НП ИД «Русская панорама», 2015.

Дмитриенко, 2004 – Петлин Иван // Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города / Под ред. Н.М. Дмитриенко. 1-е изд. Томск: Изд-во НТЛ, 2004.

Козыбаев, 1983 – Энциклопедия / Гл. ред. М.К. Козыбаев. Алма-Ата, 1983.

Корелин, Степанов, 1998 – Корелин А.П., Степанов С.А. С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М.: Тера, 1998.

- [Лукоянов, 2008](#) – *Лукоянов И.В.* Русско-Китайский банк в 1895–1904 гг. // «Не отстать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. / Рецензенты чл.-корр. РАН Р.Ш. Ганелин, В.В. Носков. СПб: Нестор-История, 2008.
- [Мультиатули, Залесский, 2015](#) – *Мультиатули П.В., Залесский К.А.* Русско-японская война 1904–1905 гг. М.: Российский институт стратегических исследований, 2015.
- [Новиков-Прибой, 1977](#) – *Новиков-Прибой А.С.* Цусима. М.: Просвещение, 1977.
- [Пекинский трактат, 1860](#) – Пекинский трактат, Пекин, 2 ноября 1860 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Политиздат, 1952.
- [Пикуль, 1989](#) – *Пикуль В.С.* Крейсера. М.: Просвещение, 1989.
- [Погребинский, 1954](#) – *Погребинский А.П.* Очерки истории финансов дореволюционной России. XIX–XX вв. М.: Госфиниздат, 1954.
- [Потемкин, 1959](#) – История дипломатии / Под ред. В.П. Потемкина. В 5-и томах. Т. 1. М.: Политиздат, 1959.
- [Путеводитель, 1907](#) – Путеводитель Восточной Китайской железной дороги (зима 1906 г.). СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1907.
- [Русско-китайская конвенция, 1898](#) – Русско-китайская конвенция, Пекин, 15 марта 1898 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Политиздат, 1952.
- [Сидоров, 1965](#) – *Сидоров А.Л.* История СССР. Т. 2. 1861–1917. Период капитализма. М.: Мысль, 1965.
- [Советская историческая энциклопедия, 1962–1976](#) – Советская историческая энциклопедия. В 16 т. М.: Советская энциклопедия, 1961–1976. Т. 1.
- [Союзный договор, 1896](#) – Союзный договор между Российской империей и Китаем (империей Цин), Москва, 22 мая 1896 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Политиздат, 1952.
- [Степанов, 1983](#) – *Степанов А.Н.* Порт-Артур. М.: Просвещение, 1983.
- [Толеубаев и др., 2006](#) – *Толеубаев А.Т., Касымбаев Ж.К., Койгелдинцев М.К., Калиева Е.Т., Далаева Т.Т.* История Казахстана / Пер. с казахского языка С. Бакенова, Ф. Сугирбаева. Алматы: Мектеп, 2006.
- [Тюкавкин и др., 1990](#) – *Тюкавкин В.Г., Корнилов В.А., Ушаков А.В., Старцев В.И.* История СССР, 1861–1917. М.: Просвещение, 1990.
- [Ухтомский, 1900](#) – *Ухтомский Э.Э.* К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку. СПб., 1900.
- [Хэ, 2018](#) – *Хэ М.* Синьцзян: экономическая история, современность и борьба с международным терроризмом // *Россия и Азия*. 2018. № 2 (3). С.37-44.
- [Cherkasov et al., 2015](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Kryukova N.I., Molchanova V.S.* The Moving of the Ubykhs to the Russian Service as a Result of the Peace Initiatives in the First Half of the 1840s years. // *Bylye Gody*. 2015. (3). 37: 541-548.
- [Cherkasov et al., 2015a](#) – *Cherkasov A.A., Shmigel M., Bratanovskii S.N., Molchanova V.S.* Jikis and Jiketi in Conditions of War and Peace (1840–1860 years). // *Bylye Gody*. 2015. 38(4): 888-893.
- [Cherkasov et al., 2016](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S.* Demographic characteristics of the Aristocratic Abkhazia in 1800–1860 years. // *Bylye Gody*. 2016. (1). 39: 53-66.
- [Cherkasov et al., 2017](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* The list of captives from the Turkish vessel *belifte* as a source of information on the slave trade in the north-western caucasus in the early 19th century. // *Annales-Anali za Istrske in Mediteranske Studije - Series Historia et Sociologia*. 2017. 27(4): 851-864.
- [Cherkasov et al., 2017a](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* The Losses of the Russian army during the Caucasian war (1801-1864): Historical and statistical research. // *Bylye Gody*. 2017. 43(1): 68-85.
- [Cherkasov et al., 2018](#) – *Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N., Valleau A.* The Abkhazian and Mingrelian principalities: Historical and demographic research. // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Istorija*. 2018. 63(4): 1001-1016.
- [Cherkasov et al., 2018a](#) – *Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskiy S.N., Smigel M.* The Evolution of the Circassians' Oaths in the Context of Changing Religious Views in 1800-1855. // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Volgogradskii Gosudarstvennyi Universitet – Vestnik – Seriya 4 – Istorija, Regionovedenie, Mezhdunarodnye otnosheniya]. 2018. 23(4): 40-50.
- [Mamadaliyev et al., 2018](#) – *Mamadaliyev A., Venkov V., Miku N., Médico A.* On the Ratio of the Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905 // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 50. Is. 4: 1734-1743.
- [Paine, 2003](#) – *Paine S.C.M.* The Sino-Japanese War of 1894–1895: perceptions, power, and primacy. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- [Yangwen, 2005](#) – *Yangwen Zh.* The Social Life of Opium in China. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

[Zeihan, 2014](#) – *Zeihan P.* The Accidental Superpower: The Next Generation of American Preeminence and the Coming Global Disorder. US: Twelve, 2014.

References

- [Ablova, 2004](#) – *Ablova N.E.* (2004). KVZhD i rossiiskaya emigratsiya v Kitae [CER and Russian emigration to China]. M.: Russkaya panorama. [in Russian]
- [Aigunskii dogovor, 1858](#) – Aigunskii dogovor mezhdru Rossiei i Kitaem o granitsakh i vzaimnoi trgovle, Aikhun' (Aigun), 16 maya 1858 g. [Aigun treaty between Russia and China on borders and mutual trade, Aikhun (Aigun), May 16, 1858]. Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856–1917. M.: Politizdat, 1952. [in Russian]
- [Balakin, 2004](#) – *Balakin S.A.* (2004). Morskie srazheniya Russko-yaponskoi voyny 1904–1905 [Naval battles of the Russo-Japanese War of 1904–1905]. M.: Modelist-konstruktor. [in Russian]
- [Brokgauz, Efron, 1890–1907](#) – Baikov Fedor Isakovich [Baykov Fedor Isakovich]. Entsiklopedicheski slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.). SPb., 1890–1907. [in Russian]
- [Cherkasov et al., 2015](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Kryukova N.I., Molchanova V.S.* (2015). The Moving of the Ubykhs to the Russian Service as a Result of the Peace Initiatives in the First Half of the 1840s years. *Bylye Gody.* (3). 37: 541-548.
- [Cherkasov et al., 2015a](#) – *Cherkasov A.A., Shmigel M., Bratanovskii S.N., Molchanova V.S.* (2015). Jikis and Jiketi in Conditions of War and Peace (1840–1860 years). *Bylye Gody,* 38(4): 888-893.
- [Cherkasov et al., 2016](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S.* (2016). Demographic characteristics of the Aristocratic Abkhazia in 1800–1860 years. *Bylye Gody,* (1). 39: 53-66.
- [Cherkasov et al., 2017](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* (2017). The list of captives from the Turkish vessel belifte as a source of information on the slave trade in the north-western caucasus in the early 19th century. *Annales-Anali za Istrske in Mediteranske Studije - Series Historia et Sociologia.* 27(4): 851-864.
- [Cherkasov et al., 2017a](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* (2017). The Losses of the Russian army during the Caucasian war (1801-1864): Historical and statistical research. *Bylye Gody.* 43(1): 68-85.
- [Cherkasov et al., 2018](#) – *Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N., Valleau A.* (2018). The Abkhazian and Mingrelian principalities: Historical and demographic research. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Istorija.* 63(4): 1001-1016.
- [Cherkasov et al., 2018a](#) – *Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskiy S.N., Smigel M.* (2018). The Evolution of the Circassians' Oaths in the Context of Changing Religious Views in 1800-1855. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Volgogradskii Gosudarstvennyi Universitet – Vestnik – Seriya 4 – Istorija, Regionovedenie, Mezhdunarodnye otnosheniya], 23(4): 40-50.
- [Dmitrienko, 2004](#) – Petlin Ivan [Petlin Ivan]. Tomsk ot A do Ya: Kratkaya entsiklopediya goroda / Pod red. N.M. Dmitrienko. 1-e izd. Tomsk: Izd-vo NTL. [in Russian]
- [Galenovich, 2015](#) – *Galenovich Yu.M.* (2015). Kitaiskie pretenzii: shest' krupnykh problem v istorii vzaimootnoshenii Rossii i Kitaya [Chinese claims: six major problems in the history of relations between Russia and China]. M.: NP ID «Russkaya panorama». [in Russian]
- [Khe, 2018](#) – *Khe M.* (2018). Sin'tsyzan: ekonomicheskaya istoriya, sovremennost' i bor'ba s mezhdunarodnym terrorizmom [Xinjiang: economic history, modernity and the fight against international terrorism]. *Rossiya i Aziya.* № 2 (3), pp. 37-44. [in Russian]
- [Korelin, Stepanov, 1998](#) – *Korelin A.P., Stepanov S.A.* (1998). S.Yu. Vitte – finansist, politik, diplomat [S.Yu. Vitte is a financier, politician, diplomat]. M.: Tera. [in Russian]
- [Kozybaev, 1983](#) – Entsiklopediya [Encyclopedia] Gl. red. M.K. Kozybaev. Alma-Ata, 1983. [in Russian]
- [Lukoyanov, 2008](#) – *Lukoyanov I.V.* (2008). Russko-Kitaiskii bank v 1895–1904 gg. [Russian-Chinese Bank in 1895–1904]. «Ne otstat' ot derzhav...»: Rossiya na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX vv. Retsenty chl.-korr. RAN R.Sh. Ganelin, V.V. Noskov. SPb: Nestor-Istorija. [in Russian]
- [Mamadaliyev et al., 2018](#) – *Mamadaliyev A., Venkov V., Miku N., Médico A.* (2018). On the Ratio of the Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905. *Bylye Gody.* Vol. 50. Is. 4: 1734-1743.
- [Mul'tatuli, Zalesskii, 2015](#) – *Mul'tatuli P.V., Zalesskii K.A.* (2015). Russko-yaponskaya voyna 1904–1905 gg. [The Russo-Japanese War of 1904–1905]. M.: Rossiiskii institut strategicheskikh issledovaniy. [in Russian]
- [Novikov-Priboi, 1977](#) – *Novikov-Priboi A.S.* (1977). Tsusima [Tsushima]. M.: Prosveshchenie. [in Russian]
- [Paine, 2003](#) – *Paine S.C.M.* (2003). The Sino-Japanese War of 1894–1895: perceptions, power, and primacy. Cambridge: Cambridge University Press.
- [Pekinskii traktat, 1860](#) – Pekinskii traktat, Pekin, 2 noyabrya 1860 g. [Beijing treatise, Beijing, November 2, 1860]. Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856–1917. M.: Politizdat, 1952. [in Russian]

- Pikul', 1989** – *Pikul' V.S.* (1989). *Kreisera [Cruisers]*. M.: Prosveshchenie. [in Russian]
- Pogrebinskii, 1954** – *Pogrebinskii A.P.* (1954). *Ocherki istorii finansov dorevolutsionnoi Rossii. XIX–XX vv.* [Essays on the history of finance of pre-revolutionary Russia. XIX – XX centuries]. M.: Gosfinizdat. [in Russian]
- Potemkin, 1959** – *Istoriya diplomatii [History of Diplomacy]*. Pod red. V.P. Potemkina. V 5-i tomakh. T. 1. M.: Politizdat, 1959. [in Russian]
- Putevoditel', 1907** – *Putevoditel' Vostochnoi Kitaiskoi zheleznoi dorogi (zima 1906 g.)*. [Travel Guide for the East China Railway (winter 1906)]. Pb.: T-vo R. Golike i A. Vil'borg, 1907. [in Russian]
- Russko-kitaiskaya konventsia, 1898** – *Russko-kitaiskaya konventsia, Pekin, 15 marta 1898 g.* [Russian-Chinese Convention, Beijing, March 15, 1898]. *Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856–1917*. M.: Politizdat, 1952. [in Russian]
- Sidorov, 1965** – *Sidorov A.L.* (1965). *Istoriya SSSR [History of the USSR]*. T. 2. 1861–1917. Period kapitalizma. M.: Mysl'. [in Russian]
- Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya, 1962–1976** – *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya [Soviet historical encyclopedia]*. V 16 t. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1961–1976. T. 1. [in Russian]
- Soyuznyi dogovor, 1896** – *Soyuznyi dogovor mezhdru Rossiiskoi imperiei i Kitaem (imperiei Tsin)*, Moskva, 22 maya 1896 g. [Union Treaty between the Russian Empire and China (Tsin Empire), Moscow, May 22, 1896]. *Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856–1917*. M.: Politizdat, 1952. [in Russian]
- Stepanov, 1983** – *Stepanov A.N.* (1983). *Port-Artur [Port Arthur]*. M.: Prosveshchenie. [in Russian]
- Toleubaev i dr., 2006** – *Toleubaev A.T., Kasymbaev Zh.K., Koigeldiniev M.K., Kalieva E.T., Dalaeva T.T.* (2006). *Istoriya Kazakhstana [History of Kazakhstan]*. Per. s kazakhskogo yazyka S. Bakenova, F. Sugirbaeva. Almaty: Mektep. [in Russian]
- Tyukavkin i dr., 1990** – *Tyukavkin V.G., Kornilov V.A., Ushakov A.V., Startsev V.I.* (1990). *Istoriya SSSR, 1861–1917 [History of the USSR, 1861-1917]*. M.: Prosveshchenie. [in Russian]
- Ukhtomskii, 1900** – *Ukhtomskii E.E.* (1900). *K sobytiyam v Kitae. Ob otnosheniyakh Zapada i Rossii k Vostoku* [To the events in China. On the relations of the West and Russia to the East]. SPb. [in Russian]
- Vitte, 1960** – *Vitte S.Yu.* (1960). *Vospominaniya v 3-kh tomakh [Memories in 3 volumes]*. M.: Sotsekgiz. [in Russian]
- Yangwen, 2005** – *Yangwen Zh.* (2005). *The Social Life of Opium in China*. – Cambridge: Cambridge University Press.
- Zeihan, 2014** – *Zeihan P.* (2014). *The Accidental Superpower: The Next Generation of American Preeminence and the Coming Global Disorder*. US: Twelve.

Некоторые аспекты русско-китайских отношений во второй половине XIX века. Часть 1

Людмила Васильевна Шкваря^{a, *}

^a Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена взаимоотношениям двух империй на рубеже веков: Российской и Китайской, а также истории строительства Китайско-Восточной железной дороги как своеобразной кульминации данных отношений. В работе дается общая характеристика русско-китайских дипломатических сношений с начала дипломатического взаимодействия двух государств, подробно освещаются взаимоотношения сторон во второй половине XIX века, их цели при заключении секретного Московского договора 1896 года (общепринятое историческое название – Российско-китайский договор о союзе России и Китая против Японии), а также возможности реализации данных целей. Также затрагиваются непосредственно связанные с КВЖД проблемы Русско-китайской конвенции 1898, аренды полуострова Ляодун и строительство военно-морской базы в Порт-Артуре.

Ключевые слова: Китайско-Восточная железная дорога, КВЖД, Южно-Маньчжурская железная дорога, Общество КВЖД, Порт-Артур (Люйшунь), Дальний (Далянь), Ляодунский полуостров, Маньчжурия.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dastard@rambler.ru (Л.В. Шкваря)

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1144-1152. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1144
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Polish Political Exile in the Yenisei Government in the second part of XIX century

Larisa J. Anisimova ^a, Boris E. Andusev ^a, Evgeny A. Akhtamov ^{a,*}, Iliya S. Sheviakov ^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article covers the problems of political exile by the example of Yenisei government in the second part of XIX century. The article has been based on the materials of Krasnoyarsk regional archival agency, State archive of Russian Federation, State archive of Irkutsk region, publicist essays, scientific and popular articles. These sources allow the authors to understand the local peculiarities of life of political convicts.

The process of formation of Polish political exile has been emphasized in the article. The several aspects have been considered: the peculiarities of Polish national-liberation movement which became the main reason of political exile, the number of political convicts in the Yenisei government according to the places of their living, the principles of central and local authorities in their policy in convicts' settlement (there/not there spare lands, the possibility to make contacts between convicts less frequent). The article shows the life courses of some Polish convicts, the distinctive features of relations among political convicts, occupations they were allowed to be involved in. There were many of political convicts who devoted themselves to various crafts and farming. The Polish convicts became professional teachers and medics, even though they were not allowed to do so. The local authorities gave them informal approval and support since there were very few native specialists. The archival documents contain evidences of exemplary conduct of political convicts in spite of difficult life circumstances. More over the locals and the convicts had good relations.

The authors have come to the conclusion that Polish political exile was significant phenomenon of cultural life in Yenisei province, elevated the standards of culture among the Siberians. The posterity of political convicts made considerable contribution to the Yenisei province development. With the completion of the exile, some of the Polish convicts returned to their home land, the others remained throwing their lots in with Siberia.

Keywords: Siberia, exile, Polish political convicts, settlement, Polish uprising, Yenisei government, Polish aristocracy, culture, becoming a Siberian, mutual help.

1. Введение

История политической ссылки в Восточной Сибири неразрывно связана с борьбой польского народа за национальную независимость. Правда, среди него были представители и других национальностей: литовцы, евреи, французы – но преобладали все-таки поляки. Их жизнь и общественно-политическая деятельность в Сибири имела огромное значение и стала темой целого ряда исследований, книг, научных конференций. Считать же этот вопрос до конца изученным в настоящее время не представляется возможным.

* Corresponding author

E-mail addresses: severyanova@mail.ru (L.J. Anisimova), andjusev@yandex.ru (B.E. Andusev), akhtamov@gmail.com (E.A. Akhtamov), isheviakov@yandex.ru (I.S. Sheviakov)

2. Материалы и методы

Основой для выполнения данного исследования стали разнообразные по своему характеру источники: законодательные акты, делопроизводственная документация, статистические данные, воспоминания политических ссыльных. Фонды Архивного агентства Администрации Красноярского края содержат сведения об организации ссылки. Разнообразные по своему характеру сведения о политической ссылке содержатся в фондах Енисейского краеведческого музея им. А.И. Кытманова и Енисейского районного архива. Большой интерес для исследователей представляют воспоминания участников польского освободительного движения. Некоторые из этих воспоминаний были опубликованы. Большую группу источников по истории польской ссылки составляют статьи и очерки. Они раскрывают темы взаимопомощи среди польских ссыльных, организации их жизненного уклада и видов деятельности, в которых они были заняты, влияния польских ссыльных на развитие местного сибирского сообщества.

Работа базируется на методологии исторической науки, принципах научной объективности и историзма. Изучение особенностей социально-правового положения, хозяйствования, быта политических ссыльных на территории Енисейской губернии основано на исследовании данных явлений в составе единого целого положения и бытовой культуры населения губернии.

3. Обсуждение

Вопрос о польской ссылке одними из первых поставили Н.М. Ядринцев (Ядринцев, 1882) и Г.Н. Потанин (Потанин, 1908). При этом Н.М. Ядринцев рассматривал ссылку и как карательный механизм, и как возможность колонизации малозаселенных сибирских земель. Г.Н. Потанин считал, что в целом политическая ссылка имеет положительные последствия для развития Сибири. Большой вклад в изучение польской ссылки внес А.И. Кытманов (Кытманов, 2016). Результатом его многолетней работы стало написание труда «Краткая летопись Енисейского и Туруханского уездов за 1594–1893 гг.» и создание музея в Енисейске.

В советский период польское освободительное движение и политическая ссылка стали рассматриваться как часть революционного движения в России. Иркутский историк Ф.А. Кудрявцев внес большой вклад в изучение деятельности ссыльных поляков в Сибири (Кудрявцев, 1970). После Второй мировой войны исследователи большое внимание уделили проблеме русско-польских революционных связей. Н.П. Митиной и Т.Ф. Федосовой были изучены воспоминания ссыльных революционеров (Митина, 1971; Федосова, 1971). Иркутский историк Б.С. Шостакович (Шостакович, 1971) внес большой вклад в изучение истории польской политической ссылки, вопросов адаптации переселенцев в новых условиях, ввел понятие «осибирячивание».

В постсоветский период круг проблем, которые попадали в поле зрения историков, существенно расширился. Появились новые подходы, в научный оборот вводились новые источники. Значимым явлением стала конференция, прошедшая в 1998 году в Казани (Валеев, Шарифжанов, 1998).

Проблема политической ссылки традиционно привлекает внимание западных исследователей. В последние годы был опубликован ряд крупных обобщающих работ. Быт жителей Сибири, проблемы политических ссыльных, каторжников, общественную жизнь исследовали Дж. М. Хартли и К. Куентцел-Вит (Hartley, 2014; Kuentzel-Witt, 2015). С. Бэдкок, Д. Бир и Дж. Хартли исследовали различные аспекты сибирской ссылки в начале XX в. (Badcock, 2016; Beer, 2016; Hartley, 2017).

Значительный вклад в изучение истории польской политической ссылки сделала Е.П. Береговая (Береговая, 2007). Автором была проделана большая работа по исследованию социального состава польских ссыльных, политики самодержавия в отношении переселенцев, их роли в развитии Енисейской губернии. Значительный вклад в изучение различных аспектов польской ссылки в Красноярском крае внесли историки-краеведы Н. Лалетина (Лалетина, 1999), А. Карпов (Карпов, 2014), И. Славкина (Славкина, 2014), Л.В. Кальмина (Кальмина, 2009), А.А. Крих (Крих, 2011), С. Мулина (Мулина, 2006; Мулина, 2014), О. Шулбаев (Шулбаев, 1999). Их работы, основанные на широком круге источников, обогатили историографию по вопросу пребывания поляков в сибирской ссылке.

4. Результаты

Появление поляков в Сибири связано не только с двумя наиболее крупными восстаниями XIX века. Поляки появились в Сибири значительно раньше, еще в XVII веке, их называли «литва», «черкасы», «поляки», «казаки литовского списка», что свидетельствовало о принадлежности этого нового сибирского населения по подданству к Речи Посполитой. Как правило, это были служилые люди, часть которых добровольно служила московскому государю, другая часть попала в Сибирские земли в качестве пленных эпохи войн России с Речью Посполитой 1654–1662 годов. Позднее, уже XVIII веке, поляки также попадают в Сибирь, например, как пленные офицеры, выступившие на стороне противника России в Северной войне, а также активные участники «Патриотического союза» (на рубеже XVIII–XIX веков) (Лалетина, 1999: 109).

В XIX веке Минусинский уезд, составная часть Енисейской губернии, стал местом пребывания довольно большой колонии ссыльных поселенцев. Первые сведения о данной ссылке встречаются в

донесениях старшин деревень Шушенской волости, которые сообщали, что в их населенных пунктах находятся 22 польских ссыльных поселенца. Из них половина прибыла в волость в 1824 году, а другая – в период с 1821 по 1827 годы. В дальнейшем приток сюда поляков возобновился после подавления восстания в Королевстве Польском в 1830–1831 годах.

В 1860-е годы в Сибирь были сосланы участники польского восстания 1863–1864 годов. В литературе в настоящее время содержатся противоречивые сведения о количестве ссыльных поляков. Называются цифры от 18 600 до 22 000 человек на всю Западную и Восточную Сибирь, а также на северные губернии европейской части России. По данным Н.П. Митиной, ликвидация повстанчества в Польше повлекла за собой ссылку в Сибирь 18,6 тыс. поляков. Из них на каторгу и на поселение в Восточную Сибирь были определены 8,1 тыс. человек, в том числе в Енисейскую губернию – 3,7 тыс. человек. Участники этого восстания составляли самую многочисленную партию польских ссыльных, поступивших в Минусинский уезд: численность их составляла 1026 человек (Шулбаев, 1999: 122). В Канский уезд были определены 1457 человек, в Минусинский – 1026 человек. В Тасеевской волости было поселено 1439 человек. Приводится очень интересный (и печальный) пример, как в одном селе Ирбейской волости в Енисейской губернии на 17 человек местных жителей приходилось 25 ссыльных поляков (Лалетина, 1999: 109).

Из сосланных в Енисейскую губернию 3719 человек 1737 – направлялись на поселение под строгий надзор полиции, 141 – подлежал каторжным работам, в разряд «ссыльных на житье» попадало 1 41 человек (ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 49). Эти данные отражают фактическое положение дел с контингентом польских ссыльных на конец 1867 года, в целом же динамика движения количества польских повстанцев значительно отличается по годам (1863–1870), по административным округам, видам наказаний (каторга, содержание в крепостях, жительство под надзором полиции, служба в арестантских ротах и линейных батальонах и т.п.) (Карпов, Славкина, 2014: 31). Статистика также не всегда точно отражает и численный состав такой категории, как «члены семей ссыльных». Ее численность увеличивалась ежегодно за счет образования новых семей в месте ссылки и прибытия в Сибирь близких родственников ссыльных.

Еще одна партия политических ссыльных прибыла в Сибирь в конце XIX столетия, когда в конце 1880-х – начале 1890-х годов в Восточную Сибирь в административном порядке были высланы члены польской социал-демократической организации «Пролетариат» численностью 46 человек. Из них в Минусинском уезде находились К.В. Адольф, К. Шзберт-Студницкий, Ф.Я. Кон, Д. Гурницкий, С.И. Ярошинский и др. Позднее по царскому повелению от 23 октября 1896 года сюда же прибыли члены партии «Социал-демократия Королевства Польского» А. Ковалевский, С. Кулик, И. Проминский, А. Чекальский и др. (Шулбаев, 1999: 123).

Следует отметить, что при расселении ссыльных самодержавная власть стремилась уменьшить любую возможность объединений и даже простых контактов между ссыльными, размещая их на поселение в самых глухих углах Сибири (Nasrin, 1996: 171). Император Александр II издал Указ от 11/23 мая 1863 года «О мерах наказания польских бунтовщиков». Все участники «антиправительственного мятежа» делились на пять разрядов: первые два включали самых активных участников, организаторов «бунта», а остальные – на оказывавших поддержку или сочувствующих. При этом предполагались различные меры наказания в зависимости от степени причастности к мятежникам и их социального статуса (Карпов, Славкина, 2014: 35).

Своеобразие польского национально-освободительного движения в первой половине XIX века состояло в том, что во главе его выступала шляхта. В узости круга повстанцев, представленных в основном лишь имущими слоями, заключалась главная причина поражений польских восстаний 1830–1831 и 1863–1864 годов. Вследствие этого, хотя среди поляков-ссыльных встречались мещане, крестьяне и солдаты, основная их масса сначала все же являлась дворянами. В сословном отношении польская ссылка изменилась только в 1880–1890-е годы, когда в политическую борьбу стали вовлекаться рабочие, студенты и интеллигенция, отправленные затем в Сибирь.

При расселении ссыльных местные власти исходили из таких принципов, как наличие свободных земель для занятия земледелием, определенное количество старожильского населения в деревнях (чтобы поляки не превышали 10 % от местного населения), удаленность населенных пунктов от главного сибирского тракта и удобство надзора (Collins, 1982: 18). При слабости бюрократического аппарата в Сибири администрация возлагала особые надежды на старожилов, которые должны были стать помощниками и наставниками водворенцев в хозяйственном обустройстве. В Сибири образцовыми хозяевами считались старообрядцы, поэтому неудивительно, что часть ссыльных поляков попала именно к ним.

В сельской местности, где «польские переселенцы» были расселены по 1–4 человек в деревне, создание обществ взаимопомощи было затруднено. Поэтому многие водворенцы брали пособие на домообзаводство, занимаясь хлебопашеством, торговлей или ремеслами, заводили семьи. Но даже поселенные в разных деревнях, отстоящих друг от друга на километры, ссыльные сохраняли связи друг с другом, участвовали в важных событиях: заключении браков, крещении детей по православному обряду (Крих, 2011: 108–110). В некоторых местностях складывались крупные польские колонии численностью в 30–40 человек. Но даже в этом случае поляки не жили в одном

населенном пункте и даже близлежащих. В связи с этим в польской среде возникало стойкое стремление к консолидации и отмежеванию от сибирских крестьян с образованием самостоятельного сельского общества.

Процесс адаптации переселенцев можно условно разделить на несколько этапов. Сначала их размещали по старожильческим деревням в качестве работников. Затем им выдавался участок земли в 15 десятин для обзаведения хозяйством. Поселенцы не могли уходить с места поселения, заниматься торговлей, а также назначаться и выбираться на какие-либо должности. Позднее круг недозволенных им занятий был четко обозначен в «Правилах по устройству быта политических, сосланных в Восточную Сибирь из Царства Польского и западных губерний», разработанных правительством в 1866 году. Ссылным полякам запрещалось «заниматься воспитанием детей и преподаванием, иметь аптеки и типографии, литографии, фотографии, а также служить в подобных заведениях, жить в домах, где помещалась почта и телеграфные станции, служить в правительственных учреждениях, заниматься на золотые прииски, заниматься торговлей вином» (Шулбаев, 1999: 123).

Следует отметить, что на практике подобные запреты действовали не всегда, зачастую польские переселенцы получали поддержку местной администрации. Это было связано, в первую очередь, с тем, что в Сибири не хватало грамотных, квалифицированных специалистов, а поляки, среди которых было немало образованных людей, могли восполнить эту нехватку. (Мулина, 2006: 37-38; Шостакович, 1996: 56). Также, поскольку среди польских переселенцев были представители родовой аристократии, чиновники в Сибири часто рассматривали ссылных как привилегированное сословие, им льстила возможность «приобщиться» к высшему обществу (Кальмина, 2009: 102).

А.И. Кытманов очень высоко оценил роль поляков в развитии культуры в Сибири: «Поляки имели хорошее влияние на местное население, и округ многим обязан им». Многие из ссылных занимались слесарным и портным делом, содержали кондитерские, занимались образованием детей и оказывали медицинскую помощь. Среди поляков было много ученых, которые внесли вклад в изучение Приенисейского края, его географии, геологии, этнографии (Я. Черский, А. Чекановский, Б. Дыбовский, В. Годлевский, В. Серошевский, Н. Витковский и др.). В частности, А. Чекановский внес большой вклад в изучение геологии и палеонтологии Сибири.

Вместе с тем большинство поляков было вынуждено заниматься различными промыслами и сельским хозяйством. Так, в Шушенской волости 45 поселенцев, получив на обзаведение домом и хозяйством по 55 рублей, стали хлебопашцами. В Тесинской волости четверо поляков выращивали табак. Многие из польских ссылнопоселенцев разместились на заводах. Например, в 1869 году на Абаканском железоделательном заводе жили участники польского восстания 1863 года Эдуард Войцеховский, Франц Врублевский, Матвей Станчик, Ян Бабин и др. Работали они и на Александровском винокуренном заводе почетного гражданина А.Д. Данилова, Ивановском свеклосахарном заводе М. Гусевой (Шулбаев, 1999: 124).

Вследствие того, что ссылнопоселенцам было трудно освоиться на новом месте жительства, правительство оказывало им определенную помощь, которая выражалась в казенных или кормовых пособиях. Помимо них многие поляки получали от родных и близких денежные переводы и посылки. Однако нередко средств у ссылных для уплаты податей было недостаточно. Так, «у Франца Гроховского (д. Шунеры), Франца Орбатовского (завод Гусевой), Юляна Сырского (г. Минусинск), Александра Станкевича (с. Каптыревское), Игнатия Клочковского (с. Каратуз) сумма недоимок за 1887 год составила по 10 рублей 32 с половиной копейки у каждого» (Шулбаев, 1999: 124). Взимание податей иногда приводило к тому, что ссылные отказывались получать предоставляемые им пособия, которые и уходили в зачет их уплаты.

В конце 1860-х годов ссылнопоселенцы получили право иметь билеты на частные работы, в которых указывались конкретные сроки и пределы территории. Тем самым им разрешалось покидать места своего «причисления». Как правило, эти билеты разрешали занятия различной деятельностью чаще в пределах уезда или губернии, реже – на территории всей Сибири. Но в случае, если лицо, ставшее обладателем билета, не возвращалось к указанному в нем времени, то с ним власти обращались, как с бродягой. В 1880-е годы, с возникновением такого явления, как административная ссылка, передвижение по уезду лиц, содержащихся в ней, осуществлялось при наличии проходного свидетельства, где четко указывался срок временного проживания в том или ином месте. Такое свидетельство, например, было выдано административно-ссылному Вацлаву Брониславскому-Гандельманну, состоявшему под гласным надзором полиции в селе Идринское. Согласно предписанию Минусинского окружного исправника, ему было разрешено временное проживание в селениях Идринской волости, а также в деревне Городчанская для составления археологической карты Идринской волости.

Разрешение властей на более свободное проживание в местах поселения и менее регламентируемый труд позволили ссылным полякам расширить спектр своей деятельности. В 1897 году, согласно материалам первой всеобщей переписи населения Российской империи, поляки, проживающие в Енисейской губернии, больше всего занимались обработкой металла и дерева, изготовлением одежды и земледелием, добычей руды, а затем – частной юридической, врачебной и санитарной деятельностью, лесоводством и лесными промыслами.

Судьбы ссыльных поляков складывались по-разному. Некоторые (Я.Л. Кастрович из с. Шушенское, И. Любецкий, Л. Родзевич из с. Субботино, В. Гурницкий из с. Аскиз и др.) обзавелись собственным хозяйством, женились на местных девушках, создали свои семьи. Некоторые сумели изменить свой статус и перешли в разряд крестьян. Так, например, В.И. Телье по приговору общества крестьян с. Тесинское был зачислен Енисейской казенной палатой с 1888 года в крестьяне, «с платежом податей и прочих повинностей по крестьянскому званию» (Шулбаев, 1999: 124). Другие ссыльные польской национальности не смогли обустроиться на новом месте. В донесении одного из старост Тесинской волости сообщалось, что «вверенный в его селение в 1885 году крестьянин из ссыльных Адам Иванович Коношенко хозяйственной деятельностью из-за слабого здоровья и «неспособности к труду» не занимался, имущества не имел и в 1895 году умер» (Шулбаев, 1999: 124). Были и такие поляки, которые совершали побеги из мест поселения. Их численность являлась особенно значительной в первой половине XIX века.

Каждый шаг ссыльного, каждое письмо от родных строго контролировались. Так, например, сохранилось несколько расписок Ксаверия Карвовского по поводам вроде следующего: «1866 года марта 29 дня я, нижеподписавшийся, дал сию подписку Подтесовскому сельскому старшине Н. Округину в том, что я получил письмо, присланное мне из Царства Польского на имя мое, в чем и подписываюсь – Ксаверий Карвовский» (Wiercienski, Henryk, 1971: 21). Даже письма от родных из Царства Польского после цензурного осмотра вручались «ссыльным политическим преступникам» только лично, в случае невозможности явиться за ними отправлялись обратно, о чем свидетельствует письмо Земского исправника Красикова в адрес Анциферовского волостного правления: «Резолюция: письмо Люгостанского передать Пономаревскому старшине, а Фрейнда (письмо) обратно отправить» (Карпов, Славкина, 2014: 105).

Естественно, что не все выдерживали подобные условия. Некоторые спивались, впадали в депрессию. Сохранилось доношение, в котором Енисейский земский исправник сообщает Анциферовскому волостному правлению, получившему запрос из Енисейского земского суда от 15 декабря 1865 года за № 3203, о том, что «причисленный в деревню Погодаеву Анциферовской волости политический преступник Ян Крушевский частовременно предается пьянству и, будучи сапожным мастером, забирает у многих местных жителей деньги и разный товар для изготовления обуви, и все это проматывает; кроме того самовольно отлучается в город Енисейск, и потому я предлагаю для ближайшего надзора за ним – Крушевским – и удержания от пьянства перечислить (т.е. перевести) его в деревню Анциферову, где волостное правление даст новую квартиру. Это Земский суд сообщил волостному Правлению и предписывал перечислить политического преступника Яна Крушевского из деревни Погодаевой в деревню Анциферову с подтверждением ему, что если он сам не исправит своего поведения, то будет переселен в Туруханский край. Декабря 23 дня 1865 года. Непременный заседатель – Знаменский. Секретарь – Назимов. Столоначальник – Сомов» (Карпов, Славкина, 2014: 39).

Стоит отметить, что польские переселенцы, несмотря на тяжелые жизненные условия, были в основном людьми примерного поведения. Так, А.И. Кытманов пишет: «В округ стали высылаться поляки, повстанцы 1831 года. По волостям, где они были распределены, отношения к ним крестьян всегда были хорошие. Самые волостные правления почти всегда доносили о них: поведения они одобрительного, похвального, хорошего, отлучек не делают» (Кытманов, ЕКМ. Ф. 5461). «Волостные Правления, давая сведения о поведении 48 поляков на Ангаре в 1866 году, только против трех поставили «замечен в пьянстве», у остальных были хорошие отметки: поведение доброе, порядочное, хорошее и очень хорошее» (Кытманов, ЕКМ. Ф. 5461).

Представляет интерес то, как ссыльные участники польского восстания 1863 года воспринимали сибиряков. Так, участник польского восстания Станислав Новосинский писал: «Я должен признать, что, когда меня везли в Сибирь, я представлял себе ее значительно хуже, а зная уже низкий уровень культуры российского крестьянина, воображал себе, что сибирский крестьянин, вероятно, живет на еще низшем уровне. Поэтому удивление мое было немалым, когда все мои предположения оказались необоснованными. С точки зрения уровня жизни сибирский крестьянин стоит выше крестьянина европейского, как также и крестьянина польского» (Nowosinski, 1992: 380). Квартира сибирского крестьянина не только удобнее, светлее и обширнее, всегда сложена не менее чем из двух изб, т.е. кухни и комнаты, а при том еще маленькой комнаты, опалубленной досками и предназначенной для маленького ребенка и кормящей матери, но часто такие квартиры складываются из большего количества комнат (Мулина, 2014: 75).

Сосланный в восточную Сибирь Станислав Паркот отмечал, что сибирские хозяева «чалдоны» не без оснований считают себя полякам, хотя они все православные и говорят только на русском языке, они утверждают, что, как поляки, – «паны». Интерес представляет то, что население Сибири и российских революционеров тоже называли поляками, так как «в понимании сибиряков политический преступник должен был быть, безусловно, поляком, и никто их не убедит, что может быть иначе. Как только из волости узнают, что прибыл новый политический ссыльный, то, хоть бы он был евреем или даже татарин, говорят о нем, как о поляке» (Мулина, 2014: 75).

Следует отметить, что польские ссыльные в большинстве своем были людьми внимательными и предупредительными по отношению друг к другу, во всем помогали каждому, кто в этом нуждался. Для местных жителей, приученных годами «золотой лихорадки» свято блюсти «табель о рангах», теплое отношение ссыльных друг к другу, невзирая на ранги, было в диковинку. Генрик Верцыньский в своих «Воспоминаниях» приводит такой пример: «... Наш коллега по ссылке, Н., бывший бургомистр, которому врач запретил зарабатывать на жизнь писанием бумаг, исполнял обязанности возницы у другого ссыльного, известного доктора Антоневица, что не мешало им пребывать в наилучшей гармонии... «Какие у этих поляков странные обычаи? – говорили. – Возница с доктором сидят за одним столом и попивают чай» (Карпов, Славкина, 2014: 37; Wiercienski, Henryk, 1973: 337).

Другим домом в Енисейске, где польские ссыльные находили много сердечности и гостеприимства, был дом семьи Здановичей. Пан Зданович был ассессором городского суда, его жена приехала в Сибирь как домашняя учительница для детей семьи Борхов. Несмотря на то, что пан Борх был полковником губернской жандармерии, он не забывал о необходимости привития детям знания родного языка, и поэтому учителнице-польке многое позволялось. Генрих Верцыньский пишет: «Женщина беспокойной души и большого сердца, сочувствующая несчастью изгнанников, она старалась приходить на помощь всем, невзирая на скромные средства, которыми семья Здановичей располагала» (Карпов, Славкина, 2014: 45; Wiercienski, Henryk, 1973: 343).

В 1883 году полякам было разрешено вернуться на Родину. Многие из них возвратились, но очень многие остались в Сибири (Лалетина, 1999: 111). Поляки, оставшиеся здесь на постоянное жительство, соединили свои судьбы с Сибирью, переплели жизни российского и польского народов.

5. Заключение

Первые поляки появились в Сибири в XVII веке. Стремительное увеличение польской диаспоры в Енисейской губернии в XIX веке связано с крупными восстаниями в Польше и последовавшими за ними карательными мерами правительства в виде ссылки.

Адаптация польских переселенцев к новым для них условиям происходила достаточно сложно вследствие того, что большинство поляков были городскими жителями, не привыкшими работать на земле. Также правительство стремилось ограничить контакты ссыльных между собой и те виды деятельности, которыми они могли заниматься. Положение ссыльных в значительной степени облегчало лояльное отношение к ним местных администраций.

Польская политическая ссылка оставила заметный след в культурной, экономической и общественной жизни Енисейской губернии. Среди поляков было немало выдающихся деятелей. И.И. Крафт, енисейский губернатор, родился и вырос в семье ссыльного польского переселенца. А. Чекановский оставил результаты геологических и палеонтологических исследований в дневниках и обширных коллекциях. Многие из произведений польского писателя В. Серошевского были написаны под влиянием ссылки в Сибирь. Также он занимался научной деятельностью. Педагогическая деятельность польских переселенцев способствовала повышению образовательного уровня сибиряков. После того как полякам было разрешено вернуться на родину, часть из них уехала, а часть осталась в Сибири.

Литература

Береговая, 2007 – Береговая Е.П. Просветительская деятельность ссыльных участников польского восстания 1863 г. в Енисейской губернии // Сборник материалов межрегиональных тематических чтений "История и культура поляков Сибири" 2006–2007 гг. Составитель: С.В. Леончик. 2007. С. 135-139.

Валеев, Шарифжанов, 1998 – Валеев Р.М., Шарифжанов И.И. и др. Польская ссылка в России XIX–XX веков: Региональные центры. Казань, 1998. 299 с.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

ЕКМ – Енисейский краеведческий музей им. А.И. Кытманова.

ЕРА – Енисейский районный архив.

Кальмина, 2009 – Кальмина Л.В. Некоренные этнические группы в этнической политике самодержавия в Сибири. Освоение Сибири в панораме столетий: опыт, стратегия, проблемы: Материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Максима Николаевича Халбаева. 22 апреля 2009 года. Ула-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2009. С. 100-105.

Карпов, Славкина, 2014 – Карпов А., Славкина И. Из истории сибирской ссылки польских повстанцев 1863 года в Енисейскую губернию. Поляки в Сибири: от повстанцев 1863 г. до современной Полонии. Под ред. С.В. Леончика. Красноярск, 2014. 226 с.

Крих, 2011 – Крих А.А. Участники польского восстания 1863 г. в русских деревнях Тарского Прииртышья // Этнография Алтая и сопредельных территорий: ЛИК АлтГПА. Вып. 8. Барнаул, 2011. С. 108-110.

Кудрявцев, 1970 – Кудрявцев Ф.А. Вопросы экономического развития и социальных отношений в Сибири в XVIII–XIX вв. Доклад, обобщающий содержание научных трудов. Новосибирск. 1970.

Кытманов, 2016 – Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского и Туруханского края Енисейской губернии за 1594–1893 гг. Вступит. ст. Л.П. Бердникова. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. 888 с.

Лалетина, 1999 – Лалетина Н. Четыре века на Енисее / Енисей: литературно-художественный альманах. Июль–август 1999. № 4. С. 106-112.

Митина, 1971 – Митина Н.П. О некоторых спорных вопросах в оценке общественного движения в русско-польских революционных связях в Сибири в 60-х годах XIX века // Исследования по истории польского общественного движения XIX – начала XX вв. М., 1971. С. 87-113.

Мулина, 2006 – Мулина С.А. Поляки-медики в западно-сибирской ссылке // История и культура поляков Сибири: Научно-практ. конф. «История и культура поляков Сибири» 2005–2006 гг. Красноярск, 2006. С. 37-38.

Мулина, 2014 – Мулина С.А. Сибирь в воспоминаниях ссыльных участников польского рабочего движения. Поляки в Сибири: от повстанцев 1863 г. до современной Полонии. Под ред. С.В. Леончика. Красноярск, 2014. 225 с.

Потанин, 1908 – Потанин Г.Н. Нужды Сибири / Сибирь. Ее современное состояние и нужды. СПб, 1908. С. 294.

Шостакович, 1996 – Шостакович Б.С. Поляки в Сибири: экскурс в историю / Поляки в Бурятии. Улан-Удэ, 1996. С. 3-68.

Шулбаев, 1999 – Шулбаев О. На Юге края / Енисей: Литературно-художественный альманах. Июль–август 1999. № 4. С. 122-126.

Федосова, 1971 – Федосова Т.Ф. Воспоминания Максимилиана Маркса «Записки старика» / Исследования по истории польского общественного движения. М., 1971. С. 148-193.

Ядринцев, 1882 – Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб, 1882. 471 с.

Badcock, 2016 - Badcock S. A Prison Without Walls? Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism. Oxford University Press: Oxford, 2016. 191 p.

Beer, 2016 – Beer D. The House of the Dead: Siberian Exile Under the Tsar. Allen Lane: London, 2016. 455 p.

Collins, 1982 – Collins D.N. Russia's Conquest of Siberia: Evolving Russian and Soviet Historical Interpretations. *European Studies Review*. 1982. Vol. 12. Is. 1. pp. 17-44.

Hartley, 2014 – Hartley J.M. Siberia: A History of the People. Yale University Press, 2014. 312 p.

Hartley, 2017 – Hartley J.M. Beer D. The House of the Dead: Siberian Exile Under the Tsar; Badcock S. A Prison Without Walls? *European History Quarterly*. Vol. 47. Issue 3. 2017. pp. 531-534.

Kuentzel-Witt, 2015 – Kuentzel-Witt K. Janet M. Hartley. Siberia: A History of the People. *European History Quarterly*. 2015. Vol. 45, Is. 3. pp. 559-561.

Nasrin, 1996 - Nasrin T. Siberia in my soul. Index on Censorship. Vol. 25. Issue 2. 1996. pp. 170-171.

Nowosinski, 1992 – Nowosinski S. Pobyт na Syberii I ucieczka // Zeslanie I katorga na Syberii w dziejach Polakow 1815–1914. Opr. A. Brus, E. Kaczynska, W. Sliwowska. Warszawa, 1992. 380 p.

Wiercienski, 1973 – Wiercienski H. Pamietniki. Lublin, 1973. 337 p.

References

Badcock, 2016 – Badcock S. (2016). A Prison Without Walls? Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism. Oxford University Press: Oxford. 191 p.

Beer, 2016 – Beer D. (2016). The House of the Dead: Siberian Exile Under the Tsar. Allen Lane: London. 455 p.

Beregovaya, 2007 – Beregovaya E.P. (2006-2007). Prosvetitel'skaya deyatel'nost' ssyl'nykh uchastnikov pol'skogo vosstaniya 1863 g. v Eniseiskoi gubernii [Educational activity of exiled participants of the Polish uprising of 1863 in the Yenisei province]. Sbornik materialov mezhregional'nykh tematicheskikh chtenii "Istoriya i kul'tura polyakov Sibiri" 2006–2007 gg. Sostavitel': S.V. Leonchik, pp. 135-139. [in Russian]

Collins, 1982 – Collins D. N. (1982). Russia's Conquest of Siberia: Evolving Russian and Soviet Historical Interpretations. *European Studies Review*. Vol. 12. Is. 1. pp. 17-44.

ЕКМ – Eniseiskii kraevedcheskii muzei im. A.I. Kytmanova [Yenisei Regional Museum by the name of A.I. Kytmanov].

ЕРА – Eniseiskii raionnyi arkhiv [Yenisei District Archive].

Fedosova, 1971 – Fedosova T.F. (1971). Vospominaniya Maksimiliana Marksa «Zapiski starika» [Memories of Maximilian Marx "Notes of the Old Man"]. Issledovaniya po istorii pol'skogo obshchestvennogo dvizheniya. М., pp. 148-193. [in Russian]

ГАКК – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya [State Archive of Krasnoyarsk Territory].

Hartley, 2014 – Hartley J.M. (2014). Siberia: A History of the People. Yale University Press. 312 p.

Hartley, 2017 – Hartley J.M. (2017). Beer D. The House of the Dead: Siberian Exile Under the Tsar; Badcock S. A Prison Without Walls? *European History Quarterly*. Vol. 47. Is. 3. pp. 531-534.

Kal'mina, 2009 – Kal'mina L.V. (2009). Nekorennye etnicheskie gruppy v etnicheskoi politike samoderzhaviya v Sibiri [Indigenous ethnic groups in the autocracy ethnic policy in Siberia]. Osvoenie Sibiri

v panorame stoletii: opyt, strategiya, problemy: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu so dnya rozhdeniya doktora istoricheskikh nauk, professora Maksima Nikolaevicha Khalbaeva. 22 aprelya 2009 goda. Ula-Ude: Izd-vo VSGTU, pp. 100-105. [in Russian]

Karpov, Slavkina, 2014 – *Karpov A., Slavkina I.* (2014). Iz istorii sibirskoi ssylki pol'skikh povstantsev 1863 goda v Eniseiskuyu guberniyu [From the history of the Siberian exile of the Polish insurgents of 1863 to the Yenisei province]. Polyaki v Sibiri: ot povstantsev 1863 g. do sovremennoi Polonii. Pod red. S.V. Leonchika. Krasnoyarsk, 226 p. [in Russian]

Krikh, 2011 – *Krikh A.A.* (2011). Uchastniki pol'skogo vosstaniya 1863 g. v russkikh derevnyakh Tarskogo Priirtysh'ya [Participants of the Polish uprising of 1863 in the Russian villages of the Tarsk Priirtyshye]. Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territorii: LIK AltGPA. Vyp. 8. Barnaul, pp. 108-110. [in Russian]

Kudryavtsev, 1970 – *Kudryavtsev F.A.* (1970). Voprosy ekonomicheskogo razvitiya i sotsial'nykh otnoshenii v Sibiri v XVIII–XIX vv. [Issues of economic development and social relations in Siberia in the XVIII – XIX centuries]. Doklad, obobshchayushchii sodержanie nauchnykh trudov. Novosibirsk. [in Russian]

Kuentzel-Witt, 2015 – *Kuentzel-Witt K.* (2015). Janet M. Hartley. Siberia: A History of the People. *European History Quarterly*. Vol. 45, Is. 3. pp. 559-561.

Kytmanov, 2016 – *Kytmanov A.I.* (2016). Kratkaya letopis' Eniseiskogo i Turukhanskogo kraya Eniseiskoi gubernii za 1594-1893 gg. [Brief Chronicle of the Yenisei and Turukhansk Territory of the Yenisei Province for 1594-1893 years]. Vstupit. st. L.P. Berdnikova. Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 888 p. [in Russian]

Laletina, 1999 – *Laletina N.* (1999). Chetyre veka na Enisee [Four centuries on the Yenisei]. Enisei: literaturno-khudozhestvennyi al'manakh. Iyul'–avgust 1999, pp. 106-112. [in Russian]

Mitina, 1971 – *Mitina N.P.* (1971). O nekotorykh voprosakh v otsenke dvizheniya i russko-pol'skikh svyazyakh v Sibiri v 60-kh gg. XIX v. [On some issues in the evaluation of the social movement in the Russian-Polish revolutionary ties in Siberia in the 60s of the XIX c.]. Issledovaniya po istorii pol'skogo obshchestvennogo dvizheniya XIX – nachala XX vv. M., pp. 87-113. [in Russian]

Mulina, 2006 – *Mulina S.A.* (2006). Polyaki-mediki v zapadno-sibirskoi ssylke [Poles-doctors in the West-Siberian exile]. Istoriya i kul'tura polyakov Sibiri: Nauchno-prakt. konf. «Istoriya i kul'tura polyakov Sibiri» 2005–2006 gg. Krasnoyarsk, pp. 37-38. [in Russian]

Mulina, 2014 – *Mulina S.A.* (2014). Sibir' v vospominaniyakh ssyl'nykh uchastnikov pol'skogo rabocheho dvizheniya [Siberia in the memories of the exiled members of the Polish labor movement]. Polyaki v Sibiri: ot povstantsev 1863 g. do sovremennoi Polonii. Pod red. S.V. Leonchika. Krasnoyarsk, 225 p. [in Russian]

Nasrin, 1996 – *Nasrin T.* (1996). Siberia in my soul. Index on Censorship. Vol. 25. Is. 2. pp. 170-171.

Nowosinski, 1992 – *Nowosinski S.* (1992). Pobyat na Syberii I ucieczka. Zeslanie I katorga na Syberii w dziejach Polakow 1815–1914. Opr. A. Brus, E. Kaczynska, W. Sliwowska. Warszawa. 380 p.

Potanin, 1908 – *Potanin G.N.* (1908). Nuzhdy Sibiri [The needs of Siberia]. Sibir'. Ee sovremennoe sostoyanie i nuzhdy, SPb, 294 p. [in Russian]

Shostakovich, 1996 – *Shostakovich B.S.* (1996). Polyaki v Sibiri: ekskurs v istoriyu [Poles in Siberia: history tour]. Poles in Buryatia. Ulan-Ude, pp. 3-68. [in Russian]

Shulbaev, 1999 – *Shulbaev O.* (1999). Na Yuge kraja [In the South of the region]. Enisei: Literaturno-khudozhestvennyi al'manakh. Iyul'–avgust 1999, pp. 122-126. [in Russian]

Valeev, Sharifzhanov, 1998 – *Valeev R.M., Sharifzhanov I.I. i dr.* (1998). Pol'skaya ssylka v Rossii XIX – XX vekov [Polish exile in Russia XIX - XX centuries]: Regional'nye tsentry. Kazan', 299 p. [in Russian]

Wiercienski, 1973 – *Wiercienski H.* (1973). Pamietniki. Lublin, 337 p.

Yadrintsev, 1882 – *Yadrintsev N.M.* (1882). Sibir' kak koloniya. [Siberia as a colony] SPb, 471 p. [in Russian]

Польская политическая ссылка в Енисейской губернии во второй половине XIX века

Лариса Юльевна Анисимова ^a, Борис Ермолаевич Андюсев ^a, Евгений Александрович Ахтамов ^{a, *}, Илья Сергеевич Шевяков ^a

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы политической ссылки в Сибири на примере Енисейской губернии во второй половине XIX века. Статья основана на материалах Красноярского краевого архивного агентства, Государственного архива Российской Федерации, Государственного

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: severyanova@mail.ru (Л.Ю. Анисимова), andjusev@yandex.ru (Б.Е. Андюсев), akhtamov@gmail.com (Е.А. Ахтамов), isheviakov@yandex.ru (И.С. Шевяков)

архива Иркутской области, публицистических сочинениях, корреспонденции, научных и популярных статьях, тематических очерках. Эти источники позволяют лучше понять местные особенности жизни политических ссыльных.

Значительное внимание в статье уделено формированию польской политической ссылки: особенностям польского национально-освободительного движения, послужившего причиной для ссылки, количеству политических ссыльных в Енисейской губернии по уездам, принципам расселения поляков сообразно политике центральных и местных властей – наличие или отсутствие свободных земель, стремление уменьшить возможность контактов между ссыльными. Статья содержит примеры судеб политических ссыльных, показаны отличительные особенности отношений ссыльных между собой, занятия, которыми им было разрешено заниматься. Многие политические ссыльные занимались различными промыслами и сельским хозяйством. Несмотря на запрет на занятия интеллектуальным трудом и врачебной практикой, ссыльные поляки устраивались работать учителями и медиками. Происходило это при поддержке местных администраций в силу нехватки своих специалистов. В архивных фондах найдены свидетельства того, что многие политические ссыльные, несмотря на тяжелые жизненные обстоятельства, были людьми примерного поведения, при этом отношения местных жителей к ним всегда было хорошее.

Авторы приходят к выводу о том, что польская политическая ссылка стала значимым явлением культурной жизни Енисейской губернии, способствовала повышению общего уровня культуры сибиряков. Потомки политических ссыльных, сделав карьеру на государственной службе, оказали влияние на развитие Енисейской губернии. После получения свободы часть поляков вернулась на Родину, часть – осталась, связав свою судьбу с Сибирью.

Ключевые слова: Сибирь, ссылка, польские политические ссыльные, ссыльнопоселенцы, польское восстание, Енисейская губерния, шляхта, культура, осибирячивание, взаимопомощь.

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1153-1166. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1153
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Casual Clandestine. Female Sex Workers in Towns of Orenburg Governorate in the Second half of the XIX century

Elena V. Burlutskaya (Bannikova) ^{a, *}, Yuliya O. Kurenkova ^a

^a Orenburg State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

The purpose of the study in this article is to analyze the data related to prostitution in the cities of the Orenburg Governorate in the post-reform period. As a result of the reforms in the 1860s and 1870s, modernization and urbanization accelerated, setting a huge mass of the population in motion, tearing them away from their familiar social environment, their families and relatives. In these circumstances, cities became centers of attraction not only for men looking for a better life, but also for women providing sexual services. In the second half of the 19th century, prostitution gradually evolved from a crime against public morals into a state-regulated trade with its own working conditions, labor relations, working hours, professional rules and competencies. This article, based on the data of official statistics and various narrative sources, provide a study of townswomen of Orenburg Governorate working in the field of sexual services, analyze their quantity, age, national and class composition, marital status, their age when they became involved in prostitution and for how long they were sex workers, as well as distinguishing features of this field of informal employment of women in the remote southeastern province of the Russian Empire. Data on prostitution within the studied region, the neighboring Samara and remote Smolensk Governorates shows that there are certain differences that are connected with the transformation of the Orenburg province into a region of mass migration.

Keywords: everyday life, Orenburg Governorate, post-reform period, townswoman, occupation, prostitution.

1. Введение

В последнее время проблема проституции в Российской империи в конце XIX века неоднократно становилась предметом научного исследования. Современные авторы опирались на многочисленные работы врачей, журналистов, экономистов, социологов, писателей второй половины XIX – начала XX вв. по данной теме, предвывая свои монографии фундаментальными историографическими обзорами (Голосенко, Голод, 1998). Однако это асоциальное явление преимущественно рассматривалось с позиций государственного контроля, регламентации и противодействия его распространению (Нижник, 2002; Зюбан, 2008; Тарасова, 2016). Н.К. Мартыненко в своих работах исследовала проституцию как социально-девиантный институт, опираясь как на данные официальной статистики, так и на публицистику начала XX в. (Мартыненко, 2015). В.Б. Безгин в своих исследованиях касался этой проблемы применительно к сельскому населению (Безгин, 2012). Хотя в историографии имеются и иные подходы к проституции, например, ее изучение в качестве специфической структурной единицы социально-сервисной сферы городов Забайкалья начала XX в. (Паликова, 2009). В 2014 году в Казани вышла книга С.Ю. Малышевой (Малышева, 2014). В ней автор на примере Казани с опорой на архивные источники исследовала

* Corresponding author

E-mail addresses: ida777@yandex.ru (E.V. Burlutskaya (Bannikova)),
kpicka@yandex.ru (Yu.O. Kurenkova)

проблемы влияния проституции на становление и изменение городской повседневной и досуговой культуры второй половины XIX – начала XX вв., пыталась определить, какое место проституция занимала в культуре повседневности города и как сопрягалась с социальной реальностью городского общества в целом. Часть монографии была опубликована ранее в виде статьи (Мальшева, 2012).

Изучение же проституции в качестве сферы профессиональной занятости городских жительниц еще не предпринималось ни в территориальных рамках империи, ни в отдельных ее регионах. Хотя в одной из статей, посвященных этому явлению в современном обществе, можно встретить понимание проституции как «особого типа неформальной, но институционализированной занятости» (Крупец, Нартова, 2010: 537).

Задачей исследования, проведенного в рамках данной статьи, является анализ данных о женщинах, занятых в сфере сексуальной коммерции в городах Оренбургской губернии. Сфера занятости понимается как обширная область трудовой деятельности, приносящая доход, в которой взаимодействуют организаторы этой деятельности и работники, удовлетворяя личные и общественные потребности.

2. Материалы и методы

Информация по рассматриваемой проблеме содержится в источниках различного плана. В середине XIX века в России занятие проституцией было легализовано как в форме деятельности различных «домов терпимости» и «домов свиданий», так и в форме индивидуальной деятельности. В ряде крупных городов Российской империи были созданы врачебно-полицейские комитеты для надзора за состоянием здоровья публичных женщин. В 1889 году Центральный статистический комитет МВД организовал перепись легальных проститутток в рамках всей России. Собранная информация вскоре была издана (Проституция по обследованию, 1890). Другим статистическим источником являются результаты Первой всеобщей переписи населения по различным губерниям (ПВПН РИ, 1904; ПВПН РИ, 1905а, ПВПН РИ, 1905б), в которых проституция рассматривалась как одна из сфер занятости женского населения.

Интересные данные содержатся в сообщениях современников (Дедлов, 1894а; Дедлов, 1894б; Лобысевич, 1878; Чернов, 2007), имеющих возможность оставить оценочные суждения относительно этой сферы женской занятости.

Архивные документы представлены бракоразводными делами из фонда Оренбургской духовной консистории (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5), повествующими о судьбах женщин, обвиняемых в нарушении святости брака. Фонд Оренбургского губернского правления (ГАОО. Ф. 11. Оп. 1) и фонд Оренбургской городской управы (ГАОО. Ф. 41. Оп. 1) содержат материалы об осуществлении контроля сферы коммерческих интимных услуг усилиями органов власти.

Комплексное изучение источников, сбор научных фактов, составление общей картины жизни падших женщин в городах Оренбургской губернии были осуществлены на основе агрегативного метода в сочетании с методом казуальным, предполагающим детальное рассмотрение отдельных явлений, относящихся к сфере повседневности. Был задействован статистический метод, позволяющий дать количественный анализ различных показателей жизни жриц любви. Проведение анализа совокупности выявленных исторических фактов, выяснение причин тенденций и явлений, наблюдающихся в сфере тайного повседневного, потребовало обращения к принципу исторического объективизма.

Научная обработка названных документов в рамках статьи была осуществлена на основе процессуальной концепции повседневности, разработанной в начале 2010-х гг. (Банникова, 2014). Согласно этому взгляду, повседневность представляет собой процесс непрерывного взаимодействия субъекта с окружающей его реальностью и его рефлексии по поводу данного взаимодействия, протекающего в сферах семейной, трудовой и досуговой обыденности. В таком разрезе проституцию можно рассматривать как один из вариантов трудовой повседневности.

3. Обсуждение

Проблематика статьи находится в рамках так называемой истории женской повседневности, которая оформилась в самостоятельное направление первоначально в западной историографии в середине XX в. В российской исторической парадигме история повседневности стала предметом специального анализа лишь на рубеже XX–XXI вв., однако она по-прежнему остается не вполне институционализированной областью исследований. Проституция же, как тема, долгое время входившая в разряд табуированных даже для научных исследований, в течение продолжительного времени вообще не являлась предметом специальных исследований.

К глубокому изучению и научному обсуждению заявленной проблемы российские историки обратились лишь в постсоветский период, когда с исторической науки были сняты идеологические ограничения. Был издан ряд монографий, в которых авторы анализировали проституцию конца XIX – начала XX вв. как весьма распространенное социальное явление. Был даже предложен некий социальный портрет жрицы любви. Так, например, «петербургская “билетная” проститутка на рубеже XIX–XX вв. – это женщина в возрасте 25 лет, провинциалка, проработавшая “жрицей любви” около

6–7 лет, как правило, один–два раза перенесшая венерическое заболевание и получающая за свои разовые услуги в среднем от 30 коп. до 1 руб. 50 коп., в целом существо сентиментальное и истерическое, часто хроническая алкоголичка» (Лебина, Шкаровский, 1994).

Многие авторы отмечают, что кроме зарегистрированной проституции в России на рубеже XIX–XX вв. существовала скрытая проституция, не подлежащая регистрации и надзору. Как отмечает, к примеру, П.А. Сунгуров, основной «контингент лиц, занимавшихся данным занятием, составляли женская прислуга в гостиницах, трактирах, пивных и меблированных комнатах, женская прислуга в банях, женские оркестры, хоры и отдельные певицы ресторанов и клубов» (Сунгуров, 2015: 110). Значит, число женщин, занимающихся этой деятельностью, значительно превышало официальные данные. Тем не менее, как отмечалось еще в начале XX века, ошибочно было бы думать, что «большинство жертв заманивается в дом терпимости обманом, под предлогом найма на службу в горничные, компаньонки, конторщицы и т.д. Неправда. Большинство туда идет, хотя с отчаянья, но вполне сознательно, понимая, куда и зачем они идут» (Бентовин, 1907: 21).

Основными объективными причинами, толкавшими женщин на торговлю собой, авторы традиционно называли усиление пролетаризации населения, невозможность для женщины заработать на жизнь честным трудом, наличие социальных институтов, обуславливающих безбрачие значительной части мужчин молодого возраста (например, армия), скученность населения в больших городах, интенсификацию внутренней и внешней сети коммуникаций (Голосенко, Голод, 1998: 34).

Однако исследователи также отмечали, что для некоторых женщин «публичный дом и “желтый билет” означал хоть какое-то подобие свободы, права самостоятельно выбирать жизнь и судьбу» (Мальшева, 2012: 73). Переезд из деревни в город, смена тяжелого сельского труда на «легкую» работу проститутки с невиданной ранее оплатой, соблазны в виде украшений и одежды также могли способствовать вступлению женщины на путь разгульной жизни (Голосенко, Голод, 1998: 37). Высокий процент незамужних женщин-проституток свидетельствовал о том, что «неустроенность семейной жизни была еще одним фактором, толкающим женщин на подобное занятие» (Рамазанова, 2011: 44).

О том, что проституция рассматривалась женщинами именно как работа, как средство заработка пишет В.Б. Безгин: «Создание разветвленной сети железных дорог, соединившей многие крупные города империи, поддерживало постоянный приток в город сельских женщин в поисках работы. Большая часть молодого женского населения из разоренной деревни не могла найти сносную работу или устраивалась без достаточного денежного довольствия, что автоматически толкало на рынок сексуальных услуг» (Безгин, 2012: 152). В итоге именно нужда в деньгах, самостоятельном источнике дохода являлась преобладающей для женщин мотивацией в данной сфере.

Таким образом, анализ коммерческих интим-услуг в городах Оренбургской губернии во второй половине XIX века как сферы занятости горожанок является вполне научно обоснованным и корректным.

4. Результаты

Согласно данным, собранным Центральным статистическим комитетом, в Оренбургской губернии в 1889 году имелось 16 домов «терпимости и свиданий», при которых состояло 62 жрицы любви. Из них 33 (53,2 %) женщины были местными, а 29 (46,8 %) происходили из других губерний. Число зарегистрированных проституток-одиночек достигало 120, среди которых соотношение местных жительниц и женщин иногубернского происхождения было равным – 60 на 60 (Проституция по обследованию, 1890: 2).

Для сравнения, в соседней Самарской губернии домов терпимости и свиданий насчитывалось 22. В них работало 117 женщин, что на 55 человек превосходило показатели Оренбургской губернии. Среди этих жриц любви 46 (39,3 %) были местными, 70 (59,8 %) прибыли из других губерний и 1 (0,9 %) была иностранкой. Зато «одиночек» в Самарской губернии было гораздо меньше, всего 52: 28 местных (53,8 %) и 24 иногубернских (46,2 %). В Смоленской губернии, относящейся к Центральной России, насчитывалось 9 публичных домов с 66 содержанками (20 местных и 46 иногубернских – 30,3 % и 69,7 % соответственно) и 46 женщин, работающих индивидуально (35 местных, 11 иногубернских – 76,1 % и 23,9 % соответственно) (Проституция по обследованию, 1890: 2).

По данным А. Дубровского, в среднем по России в публичных домах в своей губернии работали 38,5 % женщин, из других губерний приезжали 56,9 %, еще 4,6 % были иностранками. Получается, что, чем дальше губерния располагалась от центральных российских регионов с давно сложившимся социумом, тем больше при домах терпимости состояло местных уроженок. В ситуации, когда значительная часть населения региона была пришлой, а в масштабах города, где в основном и сосредотачивались дома терпимости, жители не слишком хорошо знали друг друга, работать в публичном доме было не так позорно. В отношении одиночек наблюдалась обратная ситуация. В родной губернии в среднем по стране промысел осуществляли 60,2 % женщин, из других губерний приезжали работать 37,9 % женщин, 1,9 % прибывали из других стран (Проституция по обследованию, 1890: XVIII). В давно освоенных регионах с устойчивым городским сообществом торговать собой «в индивидуальном порядке» удобнее было именно местным жительницам,

имевшим здесь свой угол, знакомых покровителей, нужные связи с полицией, врачебной частью и т.д. Но чем дальше губерния располагалась, тем больше среди публичных женщин оказывалось женщин из других регионов. Они прибывали в отдаленные окраинные губернии с родителями или мужьями, но в силу тяжелых жизненных обстоятельств оказывались без средств к существованию и в итоге вынуждены были торговать собой.

Число женщин, работавших при домах терпимости Оренбургской губернии, составляло от 1 до 7. Заведения подобного типа в Оренбургской губернии, по сравнению с аналогичными в других регионах, в основном были, если так можно выразиться, «малыми предприятиями». В 11 заведениях из 16 (68,8 %) трудилось от 1 до 4 женщин ([Проституция по обследованию, 1890: 8](#)). В Самарской губернии небольшими по численности работниц были 10 из 22 публичных домов (45,5 %), в Смоленской губернии – всего один из 9 (11,1 %). Зато максимальное число продажных женщин, состоящих при домах терпимости, и в Самарской, и в Смоленской губерниях было выше – 12 и 11 соответственно ([Проституция по обследованию, 1890: 8](#)).

Основная масса борделей в Оренбургской губернии имела срок службы 1–2 года (6 из 16, т.е. 37,5 %), 4 заведения существовали на протяжении 3–5 лет (25 %), 2 заведения существовали около 10 лет и 4 – около 15. В Самарской губернии 4 заведения из 22 существовали 1–2 года, 3 заведения – 4–5 лет, 7 – до 10 лет, 3 – до 15 лет и 3 – до 20 лет. В Смоленской губернии также большая часть (4 из 9) домов терпимости существовали 1–3 года, но имелись и бордели-долгожители. Один из них насчитывал почти полувековую историю ([Проституция по обследованию, 1890: 10](#)), то есть для Оренбургской губернии публичные дома были явлением относительно новым. Хотя, по данным Дубровского, и по империи в целом более половины всех публичных домов работали до 5 лет ([Проституция по обследованию, 1890: XVIII](#)).

В 1897 г. в Городскую думу Оренбурга были поданы предложения об ограничении рекламы домов терпимости любыми способами, а также о том, чтоб их работницы как можно тише и скромнее вели себя, не противопоставляя себя всем прочим приличным людям ([ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 43. Л. 360](#)). По запросам Церкви городские и губернские власти пытались переносить дома терпимости и квартиры с падшими женщинами из центральной части города на окраины, подальше от церквей ([ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 31. Л. 61 об.](#)). Однако это обстоятельство негативно влияло как на клиентуру этих заведений, так и на доходность указанных заведений (постоянными посетителями становились преимущественно маргиналы и откровенно криминальные элементы, требующие оказания бесплатных услуг).

Содержательницами борделей в Оренбургской губернии преимущественно были женщины православного вероисповедания (14 из 16), а также одна женщина иудейского и одна магометанского вероисповедания. При этом если иудейки во главе домов терпимости по империи встречались довольно часто, то мусульманки, выбравшие такой род занятий, помимо Оренбургской губернии, встречались только в Казанской и Нижегородской губерниях ([Проституция по обследованию, 1890: 12](#)).

Женщины, работавшие в этих домах, преимущественно принадлежали к православной конфессии (54 из 62), были русскими по этнической принадлежности. Еще восемь были мусульманками (из 39 в целом по России), татарками ([Проституция по обследованию, 1890: 20, 24](#)). Среди «одинок» также преобладали женщины русские православного вероисповедания (102 из 120). Было также 17 татарок и даже одна киргизка ([Проституция по обследованию, 1890: 28-29](#)). По словам Ф.И. Лобысевича, в Оренбурге имелось «очень большое количество татарок в списках наших кокоток» ([Лобысевич, 1878: 23](#)). Особенность Оренбургской губернии заключалась в том, что здесь среди проституток практически не встречались представительницы этносов, населяющих Европу, – немки, как, например, в Самарской губернии или полячки и еврейки, как в Смоленской губернии.

Возраст содержательниц домов свиданий был различным. Пять из них входили в возрастную группу от 30 до 35 лет, по три – в группы от 35 до 40 и от 40 до 45 лет, одна была в возрасте 45–50 лет, две – в группе от 50 до 55 лет и еще две – в еще более возрастной группе ([Проституция по обследованию, 1890: 15](#)). К концу века в рамках кампании по борьбе с венерическими заболеваниями в местных правилах, разработанных специальной комиссией, возраст содержательниц борделей был строго ограничен 30–55 годами ([ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 43. Л. 358](#)). При этом возраст женщин, занимавшихся продажей своего тела, в основном приходился на 20–25 лет (27 из 62 девушек при домах терпимости и 37 из 120 одиночек), восемнадцать девушек в домах терпимости и 52 одиночки были младше этого возраста (от 16 до 20 лет), а 17 – в домах терпимости и 31 одиночка – старше. Причем максимальный возраст у одиночек был приблизительно на 10 лет больше и достигал возрастной группы 40–45 лет ([Проституция по обследованию, 1890: 32-33](#)).

По данным Дубровского, продажей своего тела в империи преимущественно занимались девушки 15–25 лет, составлявшие 80,7 % работниц домов терпимости и 61,3 % одиночек ([Проституция по обследованию, 1890: XXII](#)). В сравнении с этими данными показатели Оренбургской губернии – 72,6 % девушек в публичных домах и 74,2 % одиночек – заметно отличались. В заведениях Оренбургской губернии чаще встречались девушки постарше (до 35 лет), а среди одиночек, напротив, более молодые.

Одиннадцать содержательниц публичных домов были дамами замужними, пять – вдовами ([Проституция по обследованию, 1890: 17](#)). К деятельности в сфере коммерческих секс-услуг эти женщины обращались также, очевидно, не от хорошей жизни. В 1897 году в суде рассматривалась жалоба крестьянки Рахили Ивановны Ениной – содержательницы дома терпимости – о его незаконном закрытии. Полицейское управление решило закрыть ее заведение ввиду того, что сама она была под судом. Хозяйка опротестовывала решение, объясняя, что она находилась под следствием по подозрению в покупке краденых стульев, что, по ее мнению, представляло собой проступок небольшой тяжести. Заведение ее существовало более пяти лет и никогда до этого не подвергалось замечаниям.

По словам содержательницы дома терпимости, было видно, что она теряла свой единственный источник дохода и всячески пыталась его сохранить. Ситуацию усугубляло то обстоятельство, что Енина была хронически больной и неграмотной, из-за чего вряд ли могла найти для себя иной источник финансирования. Тем не менее, в удовлетворении жалобы ей было отказано, поскольку ее поведение было обозначено как безупречное ([ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 288](#)). Такой подход властей заставлял хозяек домов терпимости внимательнее относиться к правилам их содержания, поскольку это была и сфера занятости, и способ зарабатывания денег, и образ жизни. Позднее городские власти снова подчеркнули необходимость определенного поведения содержательниц этих сомнительных, хоть и легальных заведений, предписав им приводить доказательства, что они «трезвого поведения, не имеют склонности к буйству и не находятся под судом» ([ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 43. Л. 359](#)).

Среди девушек домов терпимости городов Оренбургской губернии 48 были незамужними и бездетными, 8 – замужними и бездетными, 1 была замужем и имела детей, 4 были бездетными вдовами, 1 была разведена и детей не имела ([Проституция по обследованию, 1890: 40-41](#)), то есть 77,4 % контингента домов терпимости составляли незамужние девицы. Аналогичные среднероссийские показатели, приводимые Дубровским, составляли 89,3 %. Еще 8,1 % женщин в публичных домах Оренбургской губернии составляли вдовы и разведенные. Подавляющее большинство этих женщин были бездетными – 98,4 % в Оренбургской губернии и 87,9 % в среднем по империи ([Проституция по обследованию, 1890: XXIV](#)). Можно заметить, что в Оренбургской губернии замужние женщины в домах терпимости, составлявшие 14,5 % контингента, встречались намного чаще, чем в среднем по империи (4,5 %). Для сравнения, в Самарской губернии эта категория падших женщин составляла 17,9 %, а в Смоленской – 4,5 %. Это свидетельствует о достаточно свободных нравах, царивших на юго-восточной окраине Российской империи.

Пять из проституток оренбургских публичных домов имели обоих родителей, 6 – только отца, 2 – только мать, 12 – взрослых братьев и сестер, 1 – малолетних братьев и сестер, 1 – других родственников, 28 – сразу несколько родственников, 7 – не имели никого из родных ([Проституция по обследованию, 1890: 40-41](#)). Учитывая, что 53,2 % обитательниц домов терпимости Оренбургской губернии были местными, и в этих домах женщины оставались до довольно зрелого возраста, можно предположить, что проституцию как род занятий они выбирали вполне сознательно. Об этом же свидетельствует и наличие у этих падших женщин родственников, в том числе мужей, отцов и взрослых братьев. Возможно, женщины осознавали, что по каким-либо причинам они не смогут выйти замуж (в том числе повторно, после развода или вдовства), а оставаться в родительском доме было невозможно. Либо в семьях, помимо этих девушек, было много других детей, которых родители не могли обеспечить самостоятельно. Либо муж подолгу бывал в отъезде, и женщина должна была искать средства к существованию самостоятельно. Работа же в доме терпимости давала крышу над головой и стабильный доход. Возможно, именно поэтому женщины, работающие в публичных домах, оставались там до вполне солидного возраста (до 30–35 лет).

Среди одиночек 66 из 120 были бездетными девицами, семь – незамужними, но имевшими или имеющими детей, 22 замужними и бездетными, 8 – замужними и имевшими или имеющими детей, 7 – бездетными вдовами, 3 – вдовами с детьми, 4 – бездетными разведенными, 3 – разведенными, имевшими или имеющими детей. Таким образом, незамужние девицы составили 55% проституток-одиночек (по империи – в среднем 79,1 %), а замужние женщины – 25 %. Остальные 20 % были вдовами и разведенными. 17,5 % проституток-одиночек Оренбургской губернии имели детей. По империи в среднем этот показатель составил 10,3 % ([Проституция по обследованию, 1890: XXIV](#)). Таким образом, в Оренбургской губернии замужние женщины, занимавшиеся проституцией в индивидуальном порядке, составляя четвертую часть всего контингента такого класса, встречались намного чаще, чем в среднем по империи (11,9 %). С другой стороны, для сравнения, в Самарской губернии эта категория падших женщин составляла 32,7 %, а в Смоленской – 26,1 % ([Проституция по обследованию, 1890: 44-45](#)).

Семейное положение проституток-одиночек было различным. Пять из них имели обоих родителей, по 2 – только отца или мать, 37 – взрослых братьев и сестер, 1 – малолетних братьев и сестер, 64 – сразу нескольких родственников, 9 были круглыми сиротами ([Проституция по обследованию, 1890: 44-45](#)). Наличие мужей и родственников у значительной части проституток-одиночек в Оренбургской губернии в ситуации, когда 50 % их состава происходили из иных губерний, дает основание к интересным выводам. Думается, что на путь торговли телом женщин часто толкали

их супруги или ближайшие родственники, приехавшие в Оренбургский край в поисках лучшей доли. Это могли быть крестьяне, приехавшие на заработки, мещане-переселенцы и т.д. Наличие в семье детей лишь усугубляло ситуацию. Если мужчина не мог найти себе работу или длительно отсутствовал, оставляя семью на произвол судьбы, женщинам (матери, дочерям) не оставалось иного пути, как заняться коммерческими сексуальными услугами. Этим объясняется и существование среди проституток-одиночек как совсем молодых девушек 15–16 лет, так и зрелых женщин 40–45 лет.

Возраст обращения к этому занятию у женщин, содержащихся в домах терпимости Оренбургской губернии, в основном приходился на 14–17 лет (25 из 62, т.е. 40,3 %). Еще 24 барышни пришли к этому занятию в возрасте 17–20 лет (38,7 %). В более зрелом возрасте торговлей собой в домах свиданий женщины начинали заниматься в единичных случаях. Наибольший возраст «новообращенных» приходился на 28–29 лет ([Проституция по обследованию, 1890: 54-55](#)). Для сравнения, в Самарской губернии в публичных домах встречались девочки, вставшие на путь порока в 12–13 лет. К 17-летнему возрасту начали торговать собой 50 из 117 продажных женщин (42,7 %), 41 – в возрасте 17–20 лет (35 %), еще 18 – в возрасте 20–22 лет (15,4 %). Максимальный возраст обращения к проституции, как и в Оренбургской губернии, составил здесь 28–29 лет. В Смоленской губернии 3 девочки из 66 начали заниматься проституцией, когда им еще не исполнилось 12 лет. К 17 годам торговали собой 17 из 66 содержащихся в домах терпимости девушек (25,8 %), к 20-ти – 30 (45,5 %), еще 14 – к 22 годам (21,2 %). Максимальный возраст обращения к проституции составил здесь 26–27 лет ([Проституция по обследованию, 1890: 54-55](#)). То есть совсем малолетних девочек в дома терпимости в Оренбургской губернии не гнали. Но в 14–20 лет, когда девушка была максимально выгодна содержательнице публичного дома в коммерческом плане, как правило, и начиналась ее «карьера» жрицы любви. Проституток публичных домов, начавших работать в этом возрасте, в Оренбургской губернии (79 %) было больше, чем, к примеру, в Самарской (77 %) или Смоленской губернии (71,3 %). Больше в домах терпимости Оренбургской губернии было и возрастных женщин. Начавших продавать себя женщин в возрасте старше 22 лет там было 19,4 %, в то время как в Самарской губернии – 6,9 %, а в Смоленской – 7,5 % ([Проституция по обследованию, 1890: 54-55](#)).

Похоже, что в Оренбургской губернии торговля телом для ряда женщин действительно становилась профессией. Девушки начинали работать либо в максимально выгодном для себя возрасте, либо, когда осознавали, что семейная жизнь их не ждет или не приносит чувства финансовой уверенности и защищенности. Не случайно 14,5 % этих женщин были замужними. Да и оставались в домах терпимости женщины достаточно долго, лет до 35. Кроме того, в домах терпимости Оренбургской губернии не встречалось женщин, лишившихся невинности в результате насилия ([Проституция по обследованию, 1890: 70](#)). А у 10 из 62 (16,1 %) женщин это вообще произошло после вступления в брак.

Как отмечается в статье С.Ю. Малышевой, в перечне причин, побуждавших женщин заниматься проституцией, поступать в публичные дома, «нужда, невозможность и неумение заработать иными способами, неграмотность и прочие стесненные жизненные обстоятельства играли ... преобладающую роль» ([Малышева, 2012: 73](#)), хотя на путь поднадзорной проституции женщину могли толкнуть даже жилищные неурядицы. Любая одинокая самостоятельная женщина, снимающая угол, – «модистка, белошвейка, работница легко могла быть обвинена в занятии продажной любовью хозяевами квартиры» ([Лебина, Шкаровский, 1994](#)). После принудительного медосмотра в полицейском участке ей чаще всего взамен паспорта выдавали желтый билет, который не оставлял ей другого выхода, кроме как действительно начать заниматься проституцией.

Среди одиночек пик начала занятий проституцией приходился в Оренбургской губернии на возраст 15–18 лет (57 из 120 – 47,5 %). В возрасте 18–22 лет на этот скользкий путь встала еще 31 девушка (25,8 %). Более молодых, 13–15 лет, было всего 10 (8,3 %), более зрелых – 22 (18,3 %). Женщины, вставшие на путь порока в максимально зрелом возрасте, относились к возрастной категории 37–38 лет, то есть среди одиночек возрастной разброс был заметнее. Массово девушки обращались к этому занятию чуть позже, нежели проститутки публичных домов. Но начать торговать собой одиночки могли решить практически в любом возрасте, что еще раз подтверждает наши выводы о том, что на путь порока женщину могли толкнуть внезапно возникшие неблагоприятные жизненные обстоятельства.

По данным официальной статистики, среди проституток домов терпимости из бедных семей происходили 43 из 62 девушек (69,4 %), а среди одиночек – 86 из 120 (71,7 %) ([Проституция по обследованию, 1890: 52](#)). Значительное большинство проституток составляли женщины, не получившие никакого образования. В домах терпимости таковых насчитывалось 57 из 62 (92 %), среди одиночек – 112 из 120 (93,3 %). Эти показатели были существенно выше, чем в среднем по России – 77,6 % и 79,6 % соответственно ([Проституция по обследованию, 1890: XXV](#)). Если девушке нужно было кормить детей или младших братьев и сестер, а отсутствие образования не позволяло найти работу, проституция оставалась для нее единственным доступным занятием.

Так, к примеру, в сочинении «Переселенцы и новые места» (1894) В.Л. Кигн-Дедлова, в 1891–1892 годах служившего чиновником особых поручений МВД по переселенческим делам

Оренбургской губернии и Тургайской области, описывалась такая ситуация. К нему пришла молодая «дамочка лет двадцати. Одета со вкусом и далеко не бедно. Лицо очень приятное. Свежие губы... Добродушные, наивные карие глаза, густые и широкие черные брови», утверждавшая, что она «грязная женщина, как говорится, самая последняя и потерянная...». Девушка, назвавшаяся Фросей, и ее сестра Луша – «хорошенькая блондинка, почти девочка, одетая так же щеголевато» – рассказали, что в силу обстоятельств вынуждены были заняться проституцией. «Вдруг это про своих начнешь думать: как мать с сестренками в голоде, в холоде, в грязи. Что ж, думаю, я и так уж погибшая, уж пропала душа, уж едва ли грех замолишь. Так уж лучше я погибну, да их буду питать, одевать». К такому занятию девушки пришли, захотев лучшей жизни: «Баловством да баловством, немножко да ничего, да ротонду хочется; да, а вдруг купец влюбится да дом подарит, – и погубили души...». Фрося рассказывала и про своих младших сестер – «одной двенадцать, другой девять», которые постепенно вставали на тот же путь. Девушка просила помочь отправить «мать с сестренками на старину... На старине родня есть, девчонок разберут, а мать дядя взять обещается, пишет. В крестьянстве лучше. Замуж выйдут. А тут, – за нами пойдут» (Дедлов, 1894а: 176–180).

В Самарской губернии до 15-летнего возраста проститутками-одиночками девушки не становились. В 15–18 лет к этому занятию обратилась 21 девушка (40,4 %), в 18–22 – 18 (34,6 %), в более старшем возрасте – еще 13 (25 %). Максимальный возраст обращения к этому занятию составил 35–36 лет. В Смоленской губернии в 15–18 лет проститутками стали 19 девушек из 46 (41,3 %), в 18–22 года – 14 (30,4 %), в более старшем возрасте – 11 (23,9 %). Максимальный возраст начала занятий проституцией приходился здесь на возраст 31–32 года.

Таким образом, в Оренбургской губернии в сфере индивидуальной проституции девушки начинали работать раньше, нежели при домах терпимости, с 13 лет. В отличие от женщин при домах терпимости среди одиночек 12 из 120 женщин (10 %) были лишены невинности насильно (Проституция по обследованию, 1890: 71). Вероятно, сказывалось неместное происхождение почти половины проститутток-одиночек губернии. В 15–18 лет в эту сферу деятельности девушки вовлекались в массовом порядке. С возрастом число женщин, встающих на путь одиночной проституции, становилось все меньше. После 22 лет в Оренбургской губернии таковых (18,3 %) было меньше, чем в Самарской (25 %) или Смоленской (23,9 %) губерниях. Но и работать они продолжали дольше, чем в других регионах. В Оренбургской губернии до 40–45 лет, в Самарской – до 30–35 лет, в Смоленской – до 35–40 лет.

Сведения по продолжительности занятия проституцией для удобства были оформлены в таблицу. По ее данным, продолжительность занятия проституцией была различной. Большинство женщин работали по своей профессии не более 5 лет (75,8 % в домах терпимости и 72,5 % одиночек). Примерно 19,4 % женщин в домах терпимости и 16,7 % одиночек оставались на этой работе 5–10 лет. Более длительный срок пребывания в профессии избирали для себя 4,8 % женщин в публичных заведениях и 10,8 % одиночек.

Незамужних девиц среди одиночек в Оренбургской губернии (55 %) было, по сравнению с Самарской (59,6 %) или Смоленской (67,3 %) губерниями, относительно мало. Да и замужних дам (25 %) тоже (в Самарской губернии – 32,7 %, в Смоленской – 26 %) (Проституция по обследованию, 1890: 44). Переселенцы в губернию все же старались уберечь своих дочерей и жен от такой горькой участи. Но вот вдов и разведенных (20%) среди одиночек было очень много. Проститутток-одиночек, сохранявших невинность до вступления в брак, в Оренбургской губернии насчитывалось 31,7 % (в Самарской губернии – 28,8 %, в Смоленской – 19,6 %) (Проституция по обследованию, 1890: 71), то есть эти женщины не были с малолетства испорченными или развращенными. Просто в отсутствие мужчины, обеспечивающего семью, да еще и при наличии детей женщине приходилось искать средства к существованию самостоятельно, иногда не имея никакого выбора, кроме торговли собой.

В архиве Оренбурга есть дело 1889 г. о жалобе на превышение власти приставом по причислению замужней женщины к проституткам. Некая Гали Акберова, крестьянка Казанской губернии, имеющая, в том числе, 10-летнего сына, жаловалась на незаконное освидетельствование и причисление к падшим женщинам. Во время разбирательства были найдены свидетели, подтвердившие ее тайное занятие проституцией. Кроме того, было выяснено, что она разбирается в методах и подходах освидетельствования здоровья, но не проходит это освидетельствование. Был сделан вывод о возможности заражения ею венерическими заболеваниями и необходимости ее включения в число публичных женщин (ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 289). К сожалению, в деле не указаны обстоятельства, приведшие замужнюю женщину к занятию проституцией, однако по содержанию документа видно, что в регионе такая ситуация не была единичной.

Сословный состав содержательниц домов свиданий был не слишком пестрым: 9 из 16 были мещанками, одна – крестьянкой и 6 – солдатками (Проституция по обследованию, 1890: 18). Среди проститутток при домах терпимости одна принадлежала к дворянскому сословию, 27 – к мещанскому (43,5 %), 24 – к крестьянскому (38,7 %), 3 – к солдатскому (4,8 %), 7 – к другим категориям населения. Одиночки по сословному составу распределялись следующим образом: 2 дворянки, 1 духовного сословия (!), 37 мещанок (30,8 %), 52 крестьянки (43,3 %), 7 солдаток (5,8 %), 19 других сословий и 2 принадлежали к неизвестным социальным группам (Проституция по обследованию, 1890: 36–37).

То есть среди женщин в публичных заведениях преобладали мещанки, местные горожанки, а среди одиночек – крестьянки, видимо, из категории «переселенцев». Состав «одиночек» был более пестрым.

Таблица 1. Продолжительность занятий проституцией
(Проституция по обследованию, 1890: 62-63, 66-67)

	Общее число	Менее года	1–2 года	2–3 года	3–4 года	4–5 лет	5–6 лет	6–7 лет	7–8 лет	8–9 лет	9–10 лет	10–11 лет	11–12 лет	12–13 лет	13–14 лет	14–15 лет	15–16 лет	16–17 лет	Неизвестно
В домах герпимости	62	7	8	8	10	14	6	1	3	0	2	1	1	0	0	0	0	1	0
Одиночки	120	23	15	21	13	15	7	5	2	1	5	5	2	0	1	0	2	1	2

Таблица в материалах переписи 1897 г., посвященная роду занятий женщин до их обращения к проституции, к сожалению, не содержит в себе сведений по отдельным губерниям. Но в Европейской России большинство из них (46 %) работали домашней прислугой, жили при родителях и родных (20,1 %), работали швеями или портнихами (10 %) (Проституция по обследованию, 1890: 74). Как писал об Оренбурге Ф.И. Лобысевич, здесь «горничные все склонны и жаждут любви, а потому, что ни делайте, но уж это их судьба» (Лобысевич, 1878: 20). Некоторым из девушек удавалось дожидаться счастливых перемен в жизни. Так, например, в мемуарах И.В. Чернова упоминался некто Рыбаков, «выслужившийся из писарей инженерного ведомства», какое-то время имевший должность в илецком соляном правлении. По словам Чернова, «у него была на содержании простая девка, которую он потом выдал за отставного унтер-офицера и дал в приданое 20 т.р.» (Чернов, 2007: 79). А чего стоит, к примеру, судьба Надежды Николаевны Золотухиной, которая, по данным Санитарной комиссии по надзору за проституцией в г. Оренбурге и Форштадте [казачьем предместье Оренбурга – Е.Б.], значилась в перечне представительниц древнейшей профессии с 20 ноября 1895 г. по 6 июля 1896 г. (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9023. Л. 209-209 об.), а в 1898 г. стала законной супругой бывшего оренбургского городского головы, статского советника Николая Акимовича Середы (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9023. Л. 257)!

В городах Оренбургской губернии жрицы любви часто работали в дорогих ресторанах, располагавшихся при гостиницах. Слухи об этом ходили и в отношении «Американской гостиницы» купцов Хусаиновых, и применительно к гостинице «Европейская» купца Лодыгина. В одном из архивных дел, посвященном бракоразводному процессу оренбургского купца Сергея Сергеевича Ванюшина с его супругой Марией Степановной Деевой, свидетельницами прелюбодеяния, ставшего поводом к разводу, выступали две проститутки – уже упоминаемая выше Надежда Золотухина и Феня Апаликова. Золотухина и Апаликова при опросе показывали, что познакомились с Ванюшиным в номерах оренбургской гостиницы «Москва» (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9023. Л. 98 об., 132-132 об.).

О том, что проституция часто шла рука об руку с деятельностью заведений общественного питания, писал В.Л. Дедлов. По его словам, в Орске были открыты «пивные залы» (Bierhalle) с «подносчицами» (Biermamsellen). «Результаты явились блестящие. Пива выпивалось реки, но вместе с тем посетители «зал», орские канцеляристы и мещане, орские, верхнеуральские и троицкие приказчики, башкиры, тептяри, киргизы ближних и дальних орд, татары, бухарцы и нагайбаки ввали в такой неслыханный разврат, что начальство воспретило подносчиц. Зародыш культуры не был, однако, истреблен, так как подносчицы перешли из «пивных зал» во «флигеря», на тех же дворах» (Дедлов, 1894b: 30). В Челябинске, в местном кафе-шантане, по словам А.М. Нечаевой, «солидные представители коммерческого мира» неоднократно до смерти опаивали шампанским «юных “рабынь веселья”» (Нечаева, 1909: 252). Указанная ситуация отнюдь не являлась особенностью городов Оренбургской губернии. Точно так же в губернии Казанской «скрытая проституция процветала в досуговых учреждениях и заведениях» – трактирах, гостиницах, банях (Мальшева, 2012: 77).

Городские парки и скверы также становились местами для интимных свиданий. О «каравансарайском саде» писал И.В. Чернов: «Года три назад сад отдан был одному антрепренеру за плату, он выписал певчих, арфянок и образовал кафе-шантан, вход за плату – и явились здесь

всевозможные безобразия и гулянки Оренбургских саврасов» (Чернов. 2007: 127). Еще в одном архивном деле о бракоразводном процессе Павел Александрович Олисов, околоточный надзиратель 1-й части г. Оренбурга, выступая в качестве свидетеля, сообщил, что несколько раз, будучи в наряде по должности, он якобы видел ответчика – оренбургского купца Николая Дмитриевича Мякинкова гуляющим в компании с «шантанными певицами в Тополевом саду и Беловском в 1911 году летом» (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 103314. Л. 32 об.). У С.И. Гусева-Оренбургского в повести «Страна отцов» бульвар на берегу Урала (Беловский сад, Беловка) и Зауральная роща неоднократно выступали как места встреч со жрицами любви: «Где-то за деревьями звучал женский смех, что-то вроде поцелуя скользило в воздухе и ему [Отцу Ивану Гонибесову – Е.Б.] послышался запах сирени. [...] Бледная фигура проститутки робко скользнула к нему и испуганно отошла» (Гусев-Оренбургский, 1905: 130).

По городам Оренбургской губернии распределение домов терпимости и женщин, занимающихся проституцией «одиночно», выглядело следующим образом (Таблица 2). Очевидно, что наибольшее число публичных домов и падших женщин находилось в губернском центре – городе с максимальным числом населения, сосредотачивающем в себе большое число людей, приехавших на заработки, по торговым делам, переселенцев и других бесхозяйных. В Орске и Челябинске публичных домов не было совсем. В Орске, видимо, в силу отсутствия значительного спроса на интим-услуги, а в Челябинске к концу 1880-х гг. в рамках недавно начавшегося бурного переселенческого движения этот спрос еще не успел оформиться в какие-либо предпринимательские формы.

Таблица 2. Распределение домов терпимости и проституток по городам Оренбургской губернии (Проституция по обследованию, 1890: 12-13)

	Оренбург	Орск	Челябинск	Троицк	Верхнеуральск	Всего
Число домов терпимости	13	0	0	2	1	16
В них женщин	47	0	0	10	5	62
Из них больных венерическими заболеваниями	29	0	0	3	0	32
«Одиночек»	37	11	19	27	13	107
Из них больных венерическими заболеваниями	31	1	10	9	5	56
Общее число женщин, занимающихся проституцией	84	11	19	37	18	169

Два дома терпимости было в Троицке – крупном торговом центре, где посетителями этих домов могли быть состоятельные торговцы, приезжавшие в город по делам коммерции. В городе вообще наблюдалось явное преобладание мужского населения, объясняемое, помимо приезжающих в Троицк по разным делам купцов, крестьян, башкир, иностранцев, наличием там регулярных войск – Линейного Оренбургского батальона, Инвалидной и Артиллерийской команд (Ильин: 7). Один публичный дом имелся в Верхнеуральске, где его посетителями могли быть военные.

Индивидуально проституцией женщины занимались во всех городах губернии. Больше всего их было в Оренбурге и Троицке, меньше всего – в Орске. По подсчетам Р.Г. Игнатьева, в Троицке в 1870 г. «женщин, промысляющих развратом, в последнее время официально обнаружено полицией 18 ч. Это наиболее жены, вдовы и дочери солдат, заводских мастеровых, крестьян и мещан; проживают же они на квартирах в домах солдат и мещан, наиболее в предместье города, в так называемом «Верхнем форштадте»; но независимо обнаруженных официально полицией, тайная проституция, как слышно, существует между лицами женского пола, промысляющими шитьем и мытьем белья, мытьем полов и пр.» (Игнатьев, 2011: 190).

В Оренбурге большая часть продажных женщин при домах терпимости была больна венерическими заболеваниями – 61,7 %. Среди одиночек этот процент был выше – 83,8 %. В Троицке в домах терпимости больны были 30% женщин. В Верхнеуральске все были здоровы. Среди одиночек много больных было в Челябинске (52,6 %), Верхнеуральске (38,5 %), Троицке (33,3 %), меньше – в Орске (9,1 %). Очевидно, что при домах терпимости за состоянием здоровья женщин следили лучше, что значительно снижало процент больных венерическими заболеваниями по сравнению с женщинами, работающими индивидуально. Да и контингент клиентов, которые могли позволить себе посещение заведения, был несколько лучше, чем категория клиентов одиночек.

Однако высокий процент заболеваемости венерическими болезнями среди проституток и их клиентов заставлял городские и губернские власти решать эту проблему. Санитарная комиссия по надзору за проституцией в конце 1897 года сделала большой доклад с представлением подробно разработанных правил для проституток и содержательниц домов терпимости. Правила касались и поведения девушек, и медицинских осмотров, и устройства «рабочего места», и общего контроля за сферой интимных услуг. Также комиссия просила для себя специальных полномочий для наложения денежных взысканий на содержательниц домов или на закрытие или ограничение их работы (ГАОО. Ф. 41. Оп. 1.Д. 43. Л. 345). Основной сферой работы комиссии была медицинская сторона дела, и, несмотря на встречающиеся в тексте отчета фразы о возможном оставлении падшими женщинами своего промысла в силу нравственного прозрения, критики их деятельности и призывов к ее искоренению не наблюдалось. Более того, предложения комиссии, связанные с медицинским освидетельствованием всех занятых, работающих и обслуживающих публичные дома, можно расценивать как совершенствование условий их труда.

В 1897 г. Перепись населения Российской империи зафиксировала некоторые изменения в исследуемой сфере занятости женщин Оренбургской губернии. В течение девяти лет, прошедших со времени обследования 1889 года, число женщин, занимающихся проституцией сократилось в Оренбурге на 10 человек, в Верхнеуральске – на 5, в Троицке выросло на 10 человек, в Челябинске – на 8 человек, в Орске почти не изменилось. Рост числа продажных женщин в Троицке и Челябинске, очевидно, был связан с мощным переселенческим движением, охватившим восточные регионы Оренбургской губернии после прокладки Самаро-Оренбургской железной дороги.

Таблица 3. Проституция как сфера занятости горожанок Оренбургской губернии (чел.) (ПВПН РИ, 1905а: 108-111)

	Оренбург	Орск	Челябинск	Троицк	Верхнеуральск	Илецкая Защита	Всего	В % ко всему занятому женскому населению губернии
Женщин, занимающихся проституцией	74	12	27	47	13	0	173	1,31
Всего женщин, имеющих самостоятельные занятия	7235	576	2324	2 127	681	305	13248	100

Этнический состав женщин, занимающихся проституцией, согласно данным переписи, включал в себя в Оренбурге – 46 русских, 1 украинку, 1 еврейку, 1 мордовку, 19 татарок и 6 башкирок. В Орске интим-услугами занимались 11 русских и 1 еврейка. В остальных городах данный род занятий был целиком «русским» (ПВПН РИ, 1905а: 132-149). По сравнению с 1889 годом среди проституток наблюдалось большее этническое разнообразие, что могло быть вызвано вовлечением в эту сферу переселенцев из европейских и соседних губерний.

По данным на 1897 г., в сфере коммерческих интим-услуг были задействованы 1,31 % всех самозанятых горожанок Оренбургской губернии и, например, всего 0,49 % губернии Смоленской. Это, на наш взгляд, было связано с тем, что, во-первых, в условиях массовой колонизации, затронувшей Оренбургскую губернию, интим-услуги оказались востребованной сферой деятельности. Во-вторых, женщинам, прибывающим в регион в составе колонистов, как правило, неграмотным и не имеющим профессии, при необходимости было сложно найти какой-либо другой источник средств существования. В Оренбургской губернии совсем юные девушки занимались проституцией существенно реже, нежели в губерниях, используемых для сравнения (см. Таблицу 4). Зато в этой сфере было больше возрастных дам, что еще раз подтверждает сознательное обращение жительниц губернии к этому виду деятельности.

Таблица 4. Занятие проституцией в сравнении по губерниям (чел.) (ПВПН РИ, 1905а: 106-108; ПВПН РИ, 1905б: 116-118; ПВПН РИ, 1904: 154-156)

Женщин, занимающихся проституцией	Оренбургская губерния	Самарская губерния	Смоленская губерния
В городах	173 (89,2 % всех проститутток губернии)	258 (84,0 % всех проститутток губернии)	86 (100 % всех проститутток губернии)
Всего	194	307	86
Из них: в возрасте младше 20 лет	57 (29,4 %)	108 (35,2 %)	42 (48,8 %)
20–39 лет	125 (64,4 %)	185 (60,3 %)	41 (47,7 %)
40 лет и старше	12 (6,2 %)	14 (4,5 %)	3 (3,5 %)

5. Заключение

В целом следует констатировать, что в сравнении с Самарской и Смоленской губерниями в Оренбургской губернии по-прежнему сохранялись особенности такой сферы неформальной занятости горожанок губернии, как проституция, связанные со спецификой расположения региона и особенностями состава его населения.

Так, в домах терпимости, расположенных в городах региона, большинство «барышень» составляли местные жительницы, а среди одиночек было много приезжих. Это было связано с интенсивным переселенческим движением, пестрым и постоянно изменяющимся составом городского населения. В городах отсутствовало сплоченное городское сообщество, горожане не всегда хорошо знали друг друга. Поэтому местным жительницам находиться в публичном доме было не слишком позорно, к тому же более безопасно и спокойно, хотя и менее выгодно в финансовом плане. Одиночками же часто становились именно иногородние женщины, прибывавшие в Оренбургскую губернию с колонизационными потоками, не имевшие в городах нужных связей, знакомств, очень нуждающиеся в деньгах.

Среди жриц любви в городах губернии в основном можно было встретить представительниц русского и татарского этносов. Доля замужних женщин среди проститутток в городах Оренбургской губернии составляла 14,5 % в домах терпимости и 25 % одиночек, что было больше, чем в среднем по империи. Подавляющее большинство проститутток имело родителей или родственников. Это может означать, что именно мужья или старшие родственники подталкивали женщину к постыдному занятию.

В «заведениях» преимущественно находились мещанки (43,5 %) и крестьянки (38,7 %), среди одиночек преобладали крестьянки (43,3 %) и мешчанки (30,8 %). Одиночки имели более пестрый социальный состав. Средний возраст проститутток составлял 20–25 лет. В дома терпимости женщины в основном поступали в возрасте 14–17 лет и оставались там лет до 35, одиночки обращались к своему занятию чуть позже – в 15–18 лет и продолжали его до 40–45 лет.

Около 70 % проститутток происходили из бедных семей, более 90 % из них были неграмотными. Это означает, что получить необходимые средства к существованию каким-то способом, кроме интим-услуг, эти женщины не могли. Доходы проститутток были в любом случае многократно выше, чем доходы прислуги или крестьянок, занимавшихся сельскохозяйственными работами.

В итоге изложенные в статье факты позволяют говорить о том, что сфера коммерческих интим-услуг может рассматриваться в качестве сферы неформальной профессиональной занятости женщин как в силу продолжительности их занятий (несколько десятилетий), так и по причине предоставления им основного дохода.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ на реализацию научного проекта № 17-31-00010-ОГН «Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX века)».

Литература

Банникова, 2014 – Банникова Е.В. Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода). СПб.: ООО «Полторак», 2014. 440 с.

Безгин, 2012 – Безгин В.Б. Русская деревня конца XIX – начала XX веков: грани крестьянской девиантности (Часть 2) // Genesis: Исторические исследования. 2012. № 2. С. 149-190.

Бентовин, 1907 – Бентовин Б.И. Торгующие телом: Очерки современной проституции. М.-Л.: Крумбюгель, 1907. 200 с.

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.

- Голосенко, Голод, 1998** – *Голосенко И.А., Голод С.И.* Социологические исследования проституции в России (история и современное состояние вопроса). СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 123 с.
- Гусев-Оренбургский, 1905** – *Гусев-Оренбургский С.И.* Страна отцов // Сборник товарищества «Знание». Кн. 4. СПб.: Типо-литография «Энергия», 1905. С. 75-294.
- Дедлов, 1894a** – *Дедлов (Кигн) В.Л.* Курьезы / Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб.: М. М. Ледерле и К°, 1894. С. 176-180.
- Дедлов, 1894b** – *Дедлов (Кигн) В.Л.* От Оренбурга до Орска / Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб.: М.М. Ледерле и К°, 1894. С. 16-32.
- Зюбан, 2008** – *Зюбан М.Н.* Государственная регламентация занятий проституцией в Российской империи: середина XIX столетия – 1917 г. // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета.* 2008. № 2. С. 74-77.
- Игнатъев, 2011** – *Игнатъев Р.Г.* Однодневное исчисление жителей г. Троицка, произведенное 12-го сентября 1870 г. д. ч. Оренб. губ. стат. комитета Р.Г. Игнатъевым / *Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / составитель М.И. Роднов.* Т. III: 1869–1872 годы. Уфа, 2011. С. 185-199.
- Ильин** – *Ильин В.* Троицк / Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург: Оренбургская губернская типография, б/г. С. 1-21.
- Крупец, Нартова, 2010** – *Крупец Я.Н., Нартова Н.А.* Переопределение границ между трудом, удовольствием и насилием: секс-работа как особый вид неформальной занятости // *Журнал исследований социальной политики.* 2010. Т. 8. № 4. С. 537-550.
- Лебина, Шкаровский, 1994** – *Лебина Н.Б., Шкаровский М.В.* Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). М.: Прогресс-Академия, 1994. 221 с.
- Лобысевич, 1878** – *Лобысевич Ф.И.* Город Оренбург: историко-статистический очерк. СПб.: Типография Э. Гоппе, 1878. 60 с.
- Мальшева, 2012** – *Мальшева С.Ю.* Профессионалки, "арфистки", "любительницы": проститутки в российском провинциальном городе второй половины XIX – начала XX в. // *Клио.* 2012. № 3 (63). С. 72-79.
- Мальшева, 2014** – *Мальшева С.Ю.* «Профессионалки», «арфистки», «любительницы»: публичные дома и проститутки в Казани во второй половине XIX – начале XX века. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2014. 188 с.
- Мальшева, 2013** – *Мальшева С.Ю.* Содержательницы казанских борделей второй половины XIX – начала XX в.: портрет явления // *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки.* 2013. Т. 155. № 3–1. С. 102-112.
- Мартыненко, 2015** – *Мартыненко Н.К.* К вопросу истории морфологии одного из девиантных социальных институтов // *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева.* 2015. № 4 (19). С. 231-241.
- Нечаева, 1909** – *Нечаева А.М.* Челябинские впечатления // *Исторический вестник.* 1909. Том СХVII. Июль. С. 236-269.
- Нижник, 2002** – *Нижник Н.С.* Государственный надзор за проституцией Российской империи второй половины XIX – начала XX веков // *Вестник № 2. Челябинский институт экономики и права.* Челябинск, 2002. С. 125-144.
- Паликова, 2009** – *Паликова Т.В.* «Торговля позором», или «Заведения наслаждения»: дома терпимости в социально-сервисной сфере городов Забайкалья в начале XX в. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России.* 2009. № 2. С. 38-52.
- ПВПН РИ, 1905a** – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Том XXVIII: Оренбургская губерния. СПб.: Типография «Товарищества художественной печати», 1905. 198 с.
- ПВПН РИ, 1905b** – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Том XXXVI: Самарская губерния. СПб.: Паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1905. 220 с.
- ПВПН РИ, 1904** – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Том XL: Смоленская губерния. СПб.: Типография Санкт-Петербургской тюрьмы, 1904. 258 с.
- Проституция по обследованию, 1889** – Проституция по обследованию на 1 августа 1889 г. СПб.: Центральный статистический комитет МВД, 1890. XXXVI, 85. 39 с.
- Рамазанова, 2011** – *Рамазанова Г.Р.* Социальные девиации в городах Уфимской губернии в конце XIX – начале XX веков // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2011. № 1 (216). История. Вып. 43. С. 39-45.
- Сунгуров, 2015** – *Сунгуров П.А.* Проституция в сибирских губерниях (конец XIX – начало XX вв.) // *Теория и практика общественного развития.* 2015. № 6. С. 110-111.
- Тарасова, 2016** – *Тарасова И.А.* Эволюция форм государственного контроля за проституцией в Российской империи (XVIII – начала XX вв.) // *Евразийское научное объединение.* 2016. Т. 1. № 4 (16). С. 58-62.

Чернов, 2007 – Чернов И.В. Заметки по истории Оренбургской губернии генерал-майора И.В. Чернова. Оренбург: Изд-во «Оренбургская губерния», 2007. 272 с.

References

- Bannikova, 2014** – *Bannikova E.V.* (2014). Povsednevnyaya zhizn provincialnogo kupechestva (na materialah gubernij Urala doreformennogo perioda) [Daily life of provincial merchants (based on materials of Ural Governorates of the pre-reform period)]. SPb.: OOO «Poltorak», 440 p. [in Russian]
- Bentovin, 1907** – *Bentovin B.I.* (1907). Torgujushhie telom: Ocherki sovremennoi prostitucii [Body Traders: Essays on Modern Prostitution]. M.-L.: Krumbuygel', 200 p. [in Russian]
- Bezgin, 2012** – *Bezgin V.B.* (2012). Russkaya derevnya kontsa XIX – nachala XX veka: grani krest'yanskoj deviantnosti (CHast' 2) [Russian village of the late XIX – early XX century: the verge of peasant deviance (Part 2)]. *Genesis: Istoricheskie issledovaniya*, № 2, pp. 149-190. [in Russian]
- Chernov, 2007** – *Chernov I.V.* (2007) Zаметки по istorii Orenburgskoj gubernii general-majora I.V. Chernova [Notes on the history of Orenburg Province, Major-General I.V. Chernov]. Orenburg: Izd-vo «Orenburgskaya guberniya», 272 p. [in Russian]
- Dedlov, 1894a** – *Dedlov (Kign) V.L.* (1894) Kur'ezy [Funny things]. *Pereselentsy i novye mesta. Putevye zametki*. SPb.: M. M. Lederle i K°, pp. 176-180. [in Russian]
- Dedlov, 1894b** – *Dedlov (Kign) V.L.* (1894). Ot Orenburga do Orska [From Orenburg to Orsk]. *Pereselentsy i novye mesta. Putevye zametki*. SPb.: M.M. Lederle i K°, pp. 16-32. [in Russian]
- GAOO** – Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti [State archive of the Orenburg region].
- Golosenko, Golod, 1998** – *Golosenko I.A., Golod S.I.* (1998). Sociologicheskie issledovaniya prostitucii v Rossii (istorija i sovremennoe sostojanie voprosa) [Sociological studies of prostitution in Russia (history and current status of the issue)]. SPb.: TOO TK «Petropolis», 123 p. [in Russian]
- Gusev-Orenburgskij, 1905** – *Gusev-Orenburgskij S.I.* (1905). Strana otcov [Fathers country]. *Sbornik tovarishchestva «Znanie»*. Kn. 4. SPb: Tipo-litografiya «Energiya», pp. 75-294. [in Russian]
- Ignat'ev, 2011** – *Ignat'ev R.G.* (2011) Odnodnevnoe ischislenie zhitelej g. Troicka, proizvedyonnoe 12-go Sentyabrya 1870 g. d. ch. Orenb. Gub. Stat. Komiteta R.G. Ignat'evym [One-day calculation of the inhabitants of the city of Troitsk, produced on September 12, 1870, by the member of the Orenburg Provincial Statistical Committee R.G. Ignatiev]. *Sobranie sochinenii (ufimskii i orenburgskii period)*. *Sostavitel' M.I. Rodnov*. T. III: 1869–1872 gody. Ufa, pp. 185-199. [in Russian]
- Il'in – Il'in V.** Troitsk [Troitsk]. *Pamyatnaya knizhka Orenburgskoi gubernii na 1865 god*. Orenburg: Orenburgskaya gubernskaya tipografiya, pp. 1-21. [in Russian]
- Krupec, Nartova, 2010** – *Krupec Ja.N., Nartova N.A.* (2010). Pereopredelenie granic mezhdud trudom, udovol'stvijem i nasiliem: seks-rabota kak osobyj vid neformal'noj zanjatosti [Redefining the boundaries between work, pleasure and violence: sex work as a special kind of informal employment]. *Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki*, T. 8, № 4, pp. 537-550. [in Russian]
- Lebina, Shkarovskij, 1994** – *Lebina N.B., Shkarovskij M.V.* (1994). Prostitucija v Peterburge (40-e gg. XIX v. – 40-e gg. XX v.) [Prostitution in Petersburg (the 40s of the twentieth century – the 40s of the twentieth century)]. M.: Progress-Akademiya, 221 p. [in Russian]
- Lobysevich, 1878** – *Lobysevich F.I.* (1878). Gorod Orenburg: istoriko-statisticheskij ocherk [The City of Orenburg: a Historical and Statistical Essay]. SPb.: Tipografiya E. Goppe, 1878. 60 p. [in Russian]
- Malysheva, 2012** – *Malysheva S.Ju.* (2012). “Professionalki”, “arfistki”, “ljubitel'nicy”: prostitutki v rossijskom provincial'nom gorode vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. [“Professional girls”, “harpists”, “amateurs”: prostitutes in the Russian provincial town of the second half of the twentieth and early twentieth centuries]. *Klio*, № 3 (63), pp. 72-79. [in Russian]
- Malysheva, 2013** – *Malysheva S.Ju.* (2013). Soderzhatel'nicy kazanskih bordelej vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.: portret javlenija [The owners of Kazan brothels of the second half of the twentieth and early twentieth centuries: portrait of the phenomenon]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, T. 155, № 3-1, pp. 102-112. [in Russian]
- Malysheva, 2014** – *Malysheva S.Ju.* (2014). “Professionalki”, “arfistki”, “ljubitel'nicy”: publichnye doma i prostitutki v Kazani vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka [“Professional girls”, “harpists”, “amateurs”: brothels and prostitutes in Kazan in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Kazan': Izd-vo Kazanskogo un-ta*, 188 p. [in Russian]
- Martynenko, 2015** – *Martynenko N.K.* (2015). K voprosu istorii morfologii odnogo iz deviantnyh social'nyh institutov [To the question of the history of morphology of one of the deviant social institutions]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, № 4 (19), pp. 231-241. [in Russian]
- Nechaeva, 1909** – *Nechaeva A.M.* (1909). Chelyabinskije vpechatleniya [Chelyabinsk impressions]. *Istoricheskij vestnik*, Tom CXVII. Ijul', pp. 236-269. [in Russian]
- Nizhnik, 2002** – *Nizhnik N.S.* (2002). Gosudarstvennyj nadzor za prostituciej Rossijskoj imperii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka [State supervision of the prostitution of the Russian Empire of the second half of the XIX – early XX century]. *Vestnik № 2. Chelyabinskij institut ekonomiki i prava. Chelyabinsk*, pp. 125-144. [in Russian]

Palikova, 2009 – Palikova T.V. (2009). «Torgovlja pozorom», ili «Zavedeniya naslazhdeniya»: doma terpimosti v social'no-servisnoj sfere gorodov Zabajkal'ja v nachale XX v. [“Trade in Shame”, or “Institution of Delight”: brothels in the social service sector of the cities of Transbaikalia in the early twentieth century]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istorija Rossii*, № 2, 38-52. [in Russian]

Prostitutsiya po obsledovaniyu, 1889 – Prostitutsiya po obsledovaniyu na 1 avgusta 1889 g. [Prostitution survey on August 1, 1889]. SPb.: Tsentral'nyi statisticheskii komitet MVD, 1890. XXXVI, 85. 39 p. [in Russian]

PVPN RI, 1904 – Pervaja vseobshhaja perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897. Tom XL: Smolenskaja gubernija [The First Census of the Russian Empire. Volume XL: Smolensk Governorate]. SPb.: Tipografiya Sankt-Peterburgskoi tyur'my, 1904. 258 p. [in Russian]

PVPN RI, 1905a – Pervaja vseobshhaja perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897. Tom XXVIII: Orenburgskaja gubernija [The First Census of the Russian Empire. Volume XXVIII: Orenburg Governorate] SPb.: Tipografiya «Tovarishchestva khudozhestvennoi pečati», 1905, 198 p. [in Russian]

PVPN RI, 1905b – Pervaja vseobshhaja perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897. Tom XXXVI: Samarskaja gubernija [The First Census of the Russian Empire. Volume XXXVI: Samara Governorate]. SPb.: Parovaya skoropechatnaya P.O. Yablonskogo, 1905. 220 p. [in Russian]

Ramazanova, 2011 – Ramazanova G.R. (2011). Sotsial'nyye deviatsii v gorodakh Ufimskoj gubernii v kontse XIX – nachale XX veka [Social deviations in the cities of the Ufa province in the late XIX – early XX century]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, Istorija. Vyp.*, № 1 (216), 43. pp. 39-45. [in Russian]

Sungurov, 2015 – Sungurov P.A. (2015). Prostitutsiya v sibirskikh guberniyakh (konets XIX – nachalo XX vv.) [Prostitution in the Siberian provinces (late XIX – early XX centuries)]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, № 6, pp. 110-111. [in Russian]

Tarasova, 2016 – Tarasova I.A. (2016). Evolyuciya form gosudarstvennogo kontrolya za prostituciej v Rossijskoj imperii (XVIII – nachala XX v.) [The evolution of the forms of state control over prostitution in the Russian Empire (XVII – the beginning of the twentieth century)]. *Evrazijskoe nauchnoe ob"edinenie*, T. 1. № 4 (16), pp. 58-62. [in Russian]

Zjuban, 2008 – Zjuban M.N. (2008). Gosudarstvennaja reglamentacija zanjatij prostituciej v Rossijskoj imperii: seredina XIX stoletija – 1917 g. [State regulation of prostitution in the Russian Empire: the middle of the XIX century – 1917]. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, № 2, pp. 74-77. [in Russian]

Тайное повседневное. Горожанки в сфере коммерческих интим-услуг в Оренбургской губернии во второй половине XIX века

Елена Вадимовна Бурлуцкая (Банникова)^{a, *}, Юлия Олеговна Куренкова^a

^a Оренбургский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. Целью исследования в рамках данной статьи является анализ данных, касающихся такого варианта социальной девиации, как проституция, в городах Оренбургской губернии в пореформенный период. Процессы модернизации и урбанизации, увеличившие темпы в результате проведения реформ 1860–1870 гг., привели в движение огромные массы населения, оторвав их от привычного социального окружения, семьи и родных. В этих условиях города стали центрами притяжения не только для мужчин, ищущих лучшей доли, но и для женщин, оказывающих интимные услуги. Во второй половине XIX века проституция постепенно превратилась из преступления против общественной нравственности в регламентированное государством ремесло со своими условиями труда, трудовыми отношениями, рабочим графиком, профессиональными правилами и компетенциями. В статье на основе данных официальной статистики и нарративных источников исследуется численный и возрастной, сословный и национальный состав горожанок Оренбургской губернии, занятых в сфере интимных услуг, их семейное положение, возраст обращения к проституции и продолжительность трудовой деятельности, а также особенности функционирования этой сферы неформальной занятости женщин в отдаленной юго-восточной провинции Российской империи. В сравнении с соседней Самарской и отдаленной Смоленской губерниями выявляются особенности женского труда в сфере интимных услуг в исследуемом регионе, связанные с превращением губернии в район массового переселенческого движения.

Ключевые слова: повседневность, Оренбургская губерния, пореформенный период, горожанка, занятость, проституция.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ida777@yandex.ru (Е.В. Бурлуцкая (Банникова)), kpicka@yandex.ru (Ю.О. Куренкова)

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1167-1177. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1167
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Scientific School as a Form of Organization of Research Activities of Church Historians at the Moscow Theological Academy (second half of XIX – first quarter of XX century)

Kristina A. Kuzoro ^{a, *}

^aNational Research Tomsk State University, Russian Federation

Abstract

Studying the research activities of church historians of the second half of XIX – the first quarter of XX centuries on the example of the Moscow Theological Academy, it can be noted that it possesses the characteristics inherent in the scientific school in the modern sense. One of such signs is formed directions of scientific research, the results of which are presented in the form of dissertations for academic degrees.

In the Academy there were defended master's and doctoral dissertations on the history of the ancient church, church history of Egypt and Ethiopia, Western and Southern Slavs; Byzantinistics; the history of the Russian Orthodox Church; the history of Old Believers, common faith and sectarianism; liturgics and church archeology. Signs of the scientific school, manifested in the activities of the Academy, are: the presence of the founder, scientific leader, as well as followers connected with him by student relations (such leaders were A.V. Gorskiy, A.P. Lebedev, E.E. Golubinskiy, etc.); the presence of the research program proposed by the school's creator, which becomes the basis of the activities of the research team; unity and continuity of scientific interests and methodology; the relationship of teaching and research functions in the work of the research team; the scientific importance of the problems studied, the recognition of the results by the scientific community beyond the circle of direct colleagues.

The scientific school performed research, pedagogical, communication, educational, moral and ethical functions. Among church historians, research has not been separated from regular work with students; there was interaction with the Academy of Sciences, scientific societies, secular scientists – historians, philologists, archeologists, ethnographers. The presence in the Moscow Theological Academy of its own scientific school is an important sign of the maturity and independence of ecclesiastical historical science.

Keywords: scientific school, ecclesiastical historical science, scientific communication, Moscow Theological Academy, corporate culture.

1. Введение

Работа над данной статьей обусловлена необходимостью объективной оценки места и роли в научной, социальной, культурной жизни российского общества дореволюционной церковной исторической науки, понимаемой как изучение различных аспектов истории Русской православной церкви и христианской церкви в целом, осуществляемое представителями духовных академий, семинарий, кафедр богословия в университетах. В рассматриваемый период церковными историками был изучен широкий спектр направлений – общая церковная история, византистика, история Русской православной церкви, история старообрядчества и сектантства, церковная археология. Профессорско-преподавательская корпорация взаимодействовала с Академией наук, университетами, научными обществами. При этом организация и содержание научных исследований, осуществляемых церковными историками, изучены пока недостаточно; кроме того, существуют стереотипы о косности, замкнутости и невысокой результативности их работы. Но, изучая на примере

* Corresponding author

E-mail addresses: clio-2002@mail.ru (K.A. Kuzoro)

Московской духовной академии второй половины XIX – первой четверти XX вв. исследовательскую деятельность церковных историков, можно обратить внимание на то, что она обладает признаками, присущими научной школе. Профессорско-преподавательский состав академии представлял самостоятельное научное сообщество, создававшее и передававшее ученикам свои традиции, культуру научного исследования, практики взаимодействия, способы позиционирования в обществе.

2. Материалы и методы

2.1. В ходе работы над статьей были проанализированы воспоминания, переписка, торжественные речи, лекции церковных историков, богословов, духовных писателей XIX – первой четверти XX вв. Большинство этих материалов опубликовано в журнале Московской духовной академии «Богословский вестник», а также сборнике «У Троицы в Академии. 1814–1914 гг.» (У Троицы, 1914). Существенный вклад в изучение темы внесли материалы личных фондов историков, хранящиеся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки: Ф. 78 (фонд А.В. Горского), Ф. 524 (фонд П.С. Казанского), Ф. 541 (фонд Е.Е. Голубинского), Ф. 769 (фонд А.П. Лебедева); Российском государственном историческом архиве: Ф. 1628 (фонд Е.Е. Голубинского). Документы из этих фондов – конспекты лекций, черновые заметки, учебные программы, расписки в получении книг, рецензии и отзывы на диссертации и монографии, студенческие сочинения – воссоздают среду, в которой жили историки, их взгляды на научный и образовательный процесс, нормы взаимодействия с коллегами.

2.2. Данное исследование основано на применении как общенаучных, так и конкретно-исторических методов. Историко-генетический метод позволяет определить закономерности в развитии научной деятельности школы церковных историков. Метод компаративного анализа помогает выявить общее и особенное в исторических явлениях, обозначить ступени и тенденции их развития, раскрывая сочинения церковных историков как феномен, сформировавшийся в рамках научной и культурной жизни России. Существенный вклад в изучение темы вносит интеллектуальная история, направленная на реконструкцию интеллектуально-научной лаборатории церковного историка, способной приблизить нас к пониманию творческого исследовательского процесса. Биографический метод углубляет представление о церковных историках как об ученых с широчайшим кругом интересов и видов деятельности.

3. Обсуждение

Одним из ключевых понятий данной статьи является научная школа, поэтому к исследованию были привлечены работы, раскрывающие признаки и функции научных школ (Первозванский, 2013; Кванина, 2016), их классификации (Грезнева, 2004), роль научного лидера (Огурцов, 1977; Ярошевский, 1977), формы осуществления коммуникации (Выдрин, 2009; Астафьева, 2010).

Организация научной и педагогической деятельности в духовных академиях начала рассматриваться в трудах самих представителей церковной исторической науки, таких как «История Московской духовной академии до ее преобразования (1814–1870)» (Смирнов, 1879), «Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии» (Глубоковский, 2005), «Пути русского богословия» (Флоровский, 1937), «Систематические построения истории русской церкви» (Карташев, 1997). В этих работах характеризуется путь развития церковной исторической науки, ее проблемы и перспективы.

После долгого отсутствия в советской историографии исследования высшей духовной школы стали появляться в конце 1990-х – начале 2000-х гг. В монографии «Высшая духовная школа в России в конце XIX – начале XX веков. История императорских православных духовных академий» (Тарасова, 2005) проанализирована государственная и церковная политика в отношении духовного образования, охарактеризованы преподавательская и студенческая корпорации. Существенный вклад в изучение духовного образования и русской богословской науки сделан профессором Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета Н.Ю. Суховой в работах: «Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века)» (Сухова, 2006), «Русская богословская наука (по докторским и магистерским диссертациям 1870–1918 гг.)» (Сухова, 2012a), «Система научно-богословской аттестации в России в XIX – начале XX вв.» (Сухова, 2012b) и др. В центре внимания автора – организационное устройство академий, их профессорско-преподавательский состав, учебная и научная деятельность; реформы в сфере духовного образования, их значение, результаты и последствия. В статье, посвященной деятельности профессора Киевской духовной академии А.А. Дмитриевского и его учеников (Сухова, 2015), поставлена задача анализа становления в русском богословии школы литургики.

Существенно дополняют историю духовных академий работы, раскрывающие различные аспекты научной деятельности церковных историков и организации духовного образования в России: «Жизнь и труды академика Е.Е. Голубинского» (Полунов, Соловьев, 1998), «Великан учености. Жизнь и труды протоиерея Александра Васильевича Горского» (Гоголев, 2004), «Жизненный путь и научное наследие протоиерея А.В. Горского» (Мельков, 2006), а также научные статьи, рассматривающие

изучение истории православия в духовных и светских учебных заведениях (Бычков, 2010; Карпук, 2015; Shakhnovich, Chumakova, 2017 и др.).

Несмотря на внимание исследователей к организации образовательного и научного процессов в дореволюционных духовных учебных заведениях, вопросы создания и функционирования в них научных школ остаются открытыми.

4. Результаты

Для российских духовных академий вопрос о научных школах был неоднозначным. Как отмечает Н.Ю. Сухова, «научная школа была одновременно и избегаемой угрозой, и несбывшимся упованием» (Сухова, 2015: 586). Изучая дореволюционное духовное образование, с одной стороны, можно привести немало примеров преемственности исследовательских традиций между учителем и учениками, с другой – сами профессора духовных академий неоднократно заявляли, что «в русском богословии нет научных школ» (Сухова, 2015: 585). К этому понятию относились с осторожностью, поскольку «школа» ассоциировалась со «схоластицизмом», в котором нередко обвиняли русское богословие. Обращалось внимание и на немногочисленность в России «профессиональных богословов», отсутствие официального оформления научного руководства. Но, что более вероятно, в академическом сообществе опасались разделений по примеру средневековых богословских школ, подчеркивая, что при всех различиях во взглядах и подходах, русское богословие едино (Сухова, 2015: 586).

Как мы можем видеть из имеющихся определений, научная школа – это не просто собрание ученых, а особый организм, «микросоциальная структура, представляющая своеобразную неповторимую целостность» (Ярошевский, 1977: 8), возникающая как следствие научных и общественных потребностей (Астафьева, 2010: 6; Первозванский, 2013: 500). Научная школа может функционировать в рамках научно-исследовательской лаборатории, кафедры в университете, представлять направление, объединенное общими методологическими установками и при этом расширенное в территориально-временных рамках, а также действовать в форме «невидимых колледжей» – «неинституционализированных групп исследователей, согласованно работающих над общей проблематикой» (Мирский, 2018).

В литературе понятие «научная школа» наделяется следующим рядом признаков: сформированное направление исследований; наличие лидера – создателя научной школы, являющегося автором определенной программы исследования; наличие общей системы ценностей, стиля общения и представления результатов; взаимосвязь педагогической и исследовательской функций; организованный обмен информацией; преемственность поколений ученых; получение объективно нового знания, обогащающего науку; актуальность решаемых задач, признание результатов работы профессиональным сообществом (Штейнер, 1977; Первозванский, 2013; Кванина, 2016).

В данной статье попробуем выявить признаки научной школы в деятельности сообщества историков Московской духовной академии второй половины XIX – первой четверти XX вв.

1. *Сформированные направления научных исследований, результаты которых представляются в виде диссертаций на соискание ученых степеней.*

Заслуга становления церковной истории как научного направления в Московской духовной академии во многом принадлежит Александру Васильевичу Горскому (1812–1875), по мнению дореволюционных и современных исследователей, «открывшему» церковную историческую науку, став «первым церковным историком в строгом и истинном смысле этого слова» (Спасский, 1903: 285). Если до этого времени в академиях преобладало богословско-философское направление, то теперь оно уступает место истории. С 1833 по 1862 г. он возглавлял кафедру церковной истории, в 1860 г. был возведен в сан протоиерея, в 1862 г. назначен ректором. Тридцать лет А.В. Горский преподавал церковную историю и двенадцать лет – догматическое богословие. А.В. Горскому принадлежат такие труды, как «Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры, составленное по рукописным и печатным источникам», «О сане епископском в отношении к монашеству в церкви восточной: историческое обозрение», «О священнодействии венчания и помазания царей на царство», «История евангельская и церкви апостольской», «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки».

Церковная история в Московской духовной академии постепенно стала одним из результативных направлений, что видно благодаря комплексу магистерских и докторских диссертаций.

По истории древней церкви и истории восточных церквей в рассматриваемый период были защищены следующие докторские диссертации: «История православного монашества в Египте» П.С. Казанского (1873), «Ереси и расколы трех первых веков христианства» (Ч. 1. Источники для истории древнейших сект) (1877) А.М. Иванцова-Платонова, «Вселенские соборы IV и V вв. Обзор их догматических деяний в связи с направлениями школ Александрийской и Антиохийской» (1879) А.П. Лебедева, «История догматических движений в эпоху Вселенских соборов (в связи с философскими учениями того времени)» (Т. 1. Тринитарный вопрос) (1906) А.А. Спасского. Большая часть магистерских диссертаций была посвящена биографиям церковных и политических деятелей,

анализу исторических источников: «Сочинение Фаунда, епископа Гермианского, в защиту трех глав. Историко-критическое исследование из эпохи V Вселенского собора» (1880) А.П. Доброклонского, «Обозрение источников истории I Вселенского Никейского собора» (1889) К.Н. Смирнова, «Блаженный Феодорит, епископ Кирский. Его жизнь и литературная деятельность. Церковно-историческое исследование» (1891) Н.Н. Глубоковского, «Император Лев Мудрый и его царствование в церковно-историческом отношении» (1893) Н.Г. Попова, «Обозрение источников начальной истории египетского монашества» (1907) И.И. Троицкого и др.

По истории Русской православной церкви и истории старообрядчества в Московской духовной академии защитили докторские диссертации Н.И. Субботин «Происхождение ныне существующей у старообрядцев так называемой Австрийской, или Белокриницкой иерархии» (1874), Е.Е. Голубинский «История русской церкви» (Т. 1. Период первый, Киевский, или домонгольский) (1880), Н.Ф. Каптерев «Сношения Иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством (1669–1707 гг.)» (1891), С.И. Смирнов «Древнерусский духовник» (1914), Н.И. Серебрянский «Древнерусские княжеские жития. Обзор редакций и тексты» (1916).

Многообразием и новизной тем отличались магистерские диссертации: «Светские архиерейские чиновники в древней Руси» (1874) Н.Ф. Каптерева, «Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I» (1881) И.П. Знаменского, «Епархиальные учреждения русской церкви в XVI и XVII вв. Историко-канонический очерк» (1883) И.Ф. Перова, «Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность). Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII в.» (1887) И.А. Татарского, «Арсений Суханов» (Ч. 1. Биография Арсения Суханова) (1891) С.А. Белокурова, «Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны» (1892) А.П. Голубцова, «Сильвестр Медведев (его жизнь и деятельность). Опыт церковно-исторического исследования» (1898) А.А. Прозоровского.

На методах исторического исследования были основаны литургика и церковная археология. Среди представителей этого направления степень доктора церковной истории была присуждена И.Д. Мансветову за исследование «Церковный устав (Типик). Его образование и судьба в греческой и русской церкви» (1885) и А.П. Голубцову (в 1908 г.) за совокупность трудов («Соборные чиновники и особенности службы по ним» (1907), «Чиновник Новгородского Софийского собора» (1899), «Чиновник Холмогорского Преображенского собора» (1903), «Чиновник Нижегородского Преображенского собора» (1905). Магистерскую степень за совокупность трудов по истории чиноположения литургии получили С.Д. Муретов (1885) и В.М. Металлов за исследование «Богослужбное пение в русской церкви в период домонгольский по историческим, археологическим и палеографическим данным» (1914).

2. Наличие основоположника, научного лидера, а также последователей, связанных с ним ученическими отношениями.

Лидер научной школы – ученый, который владеет уникальным способом работы и умеет сплачивать коллектив для выполнения определенных исследовательских программ, отбирать творческую молодежь и учить ее исследовательскому мастерству (Кванина, 2016: 39). В отношениях учителя и ученика всегда есть «неформализуемые компоненты», которые не могут быть усвоены иначе, как путем прямого общения (Ярошевский, 1977: 90). При этом, если речь идет о школе как направлении, ученики не обязательно находятся рядом с учителем, они могут перенимать идеи опосредованно – через научные статьи, монографии и т.д. (Кванина, 2016: 39).

Одна из существующих в академическом образовании XIX – первой четверти XX вв. проблем заключалась в отсутствии полноценной и стабильной системы научного руководства. Выпускное сочинение, как и все текущие, студенты писали не «под руководством того или иного преподавателя», а «тому или иному преподавателю» (Сухова, 2012b: 397). Это не означало, что они были предоставлены сами себе, но степень участия преподавателя в этом процессе определялась в основном его «личным рвением и пониманием своих обязанностей» (Сухова, 2012b: 397). Нередко бывало так, что преподаватели не только помогали работать над диссертацией, но и принимали участие в устройстве судьбы учеников после окончания академии, предлагая их кандидатуры на вакантные кафедры, способствуя тем самым укреплению позиции своей научной школы.

Советы и рекомендации по написанию диссертации студент мог получить и от других членов академической корпорации, имевших особый статус или «харизму» руководителя (Сухова, 2012b: 400). К таким преподавателям, безусловно, относился А.В. Горский, делившийся своими знаниями со всеми, кто обращался к нему за советом или указаниями, проявляя «много терпения, чисто отеческой заботливости и педагогического такта» (Смирнов, 1900: 424). В соответствии с учебной программой на третьем курсе одно из сочинений всегда писали по церковной истории; успешно справлявшиеся с курсовыми сочинениями студенты приглашались подготовить сочинение «на степень».

При этом А.В. Горский помогал не только тем, кто являлся его непосредственным учеником, но также и исследователям, не принадлежащим к академии, это дает основание предположить, что церковно-историческая школа Московской духовной академии проявляла себя в большей степени как научная школа – направление. В связи с работой в библиотеке Московской духовной академии (с 1834 по 1862 гг.) он знал литературу не только по кругу своих научных интересов, но и по всем

преподаваемым предметам; рекомендовал книги ученикам и коллегам или давал их на время, отправлял в письмах конспекты своих лекций (ОР РГБ. Ф. 78. К. 24. Д. 63. Л. 1-6; К. 29. Д. 11. Л. 1; К. 31. Д. 17. Л. 1-8; К. 39. Д. 21. Л. 1-3). Создав в академии школу историков, он оказал воздействие на формирование взглядов Е.Е. Голубинского, Н.Ф. Каптерева, А.П. Лебедева.

Исследования по истории древней церкви продолжил Алексей Петрович Лебедев (1845–1908). В 1879 г. он защитил докторскую диссертацию по теме «Вселенские соборы IV и V вв. Обзор их догматической деятельности в связи с направлением школ Александрийской и Антиохийской», имевшую большой успех в научной среде и вместе с тем вызвавшую споры (Лебедев, 2005). На протяжении жизни А.П. Лебедев неоднократно возвращался к исследованию истории Вселенских соборов, создав на эту тему двухтомный труд. Сфера научных интересов А.П. Лебедева очень широка: он исследовал церковную историю в эпохи Римской и Византийской империй, охватил всю историю вселенского православия до конца XIX в., анализировал развитие церковной исторической науки, не оставляя без внимания и современные проблемы церковной жизни. Ученый пользовался большой популярностью у студентов, его аудитория была одной из самых посещаемых. Его непосредственными учениками были А.П. Доброклонский, Н.Н. Глубоковский, А.А. Спасский.

Историю Русской православной церкви исследовал ученик А.В. Горского Евгений Евсигнеевич Голубинский (1834–1912). Чтобы понять ее исторические корни, он изучал историю православия у славянских народов, создав фундаментальные труды «Св. Константин и Мефодий, апостолы славянские», «Краткий очерк истории православных церквей Болгарской, Сербской и Румынской или Молдо-Валашской». Настроения эпохи – стремление к обновлению, переоценке прошлого, критический подход к явлениям общественной жизни – оставили отпечаток на взглядах историка. Главной задачей ученого он считал «непредвзятый поиск истины, свободный от всякого внешнего давления» (Воспоминания, 1923: 29). Его учениками были С.И. Смирнов, С.А. Белокуров, Н.Ф. Каптерев, А.П. Голубцов. О постоянных научных контактах свидетельствуют переписка и отзывы на сочинения учеников и коллег (ОР РГБ. Ф. 541. К. 5. Д. 10. Л. 1-2; К. 5. Д. 14. Л. 1-30; К. 6. Д. 13. Л. 1-6; К. 7. Д. 1. Л. 2-29; РГИА. Ф. 1628. Оп. 1. Д. 374, Л. 2-96; Оп. 1. Д. 382. Л. 2-49).

3. *Наличие предлагаемой создателем школы исследовательской программы, которая становится основой деятельности научного коллектива; единство и преемственность научных интересов и методологии.*

Научная школа формируется двумя путями. Лидер научной школы может выдвинуть и разработать теорию, которая получит признание. В этом случае члены научной школы ориентируются на дальнейшее развитие этой теории, ее применение к другим областям, корректировку, освобождение от ошибок и отклонений. Другой путь формирования научной школы заключается в том, что теоретическая программа, объединяющая ученых, создается в ходе деятельности научной школы. В этом случае каждый ученый принимает собственное участие в формулировке теоретической позиции научной школы, которая разворачивается, обогащается и корректируется благодаря совместным усилиям (Огурцов, 1977: 252-253). Говоря о церковно-исторической школе Московской духовной академии, можно сказать, что ее развитие шло по второму пути. А.В. Горским не была предложена готовая теория, ее поиск был продолжен учениками.

Подход А.В. Горского к изучению истории заключался в том, что церковная история подлежит общим историческим законам, призвана собирать факты и находить между ними связь, опираясь на достоверные источники. Такой же подход был им предложен для изучения догматики. Кроме того, ученый применял метод сравнительного параллельного исследования русской и зарубежной церковей. В письмах к историку и богослову архиепископу Филарету (Гумилевскому) он сравнивает два пути: путь «всеиспытания» и путь «всеверия». Первый – признает своим путем, а в пути «всеверия» (веры во все предания) не видит «совершенного единства» (Смирнов, 1900: 413). Но какой-либо целостной концепции церковной истории А.В. Горский не предлагал. Профессор А.П. Лебедев объяснял это осознанием преждевременности построений церковной исторической науки в России и нежеланием заимствовать готовые схемы у западных ученых (Лебедев, 1895: 289).

Свои взгляды на методологию и предназначение исторических исследований высказывали и ученики А.В. Горского. Идею, что история открывает законы исторического возникновения и движения аналогичных явлений и институтов, развивал А.П. Лебедев: «Отдаленное прошлое открывает генезис и смысл настоящего, определяя для последнего наличную ценность и предвещая ему свойственную будущность» (Глубоковский, 2005: 63). Е.Е. Голубинский в качестве приоритетного выдвигал «критический метод» – «критический разбор устоявшихся стереотипов и отдельных исторических источников» (Полунов, Соловьев, 1998: 8), основанный на тщательном изучении летописей, данных археологии, лексикографии, агиографии, патрологии, канонического права и других дисциплин.

С 1850–1860-х гг. в исторической науке гораздо активнее развиваются не «рассудительные», а исследовательские подходы, чему соответствует конкретность тем, источников, методов (Сухова, 2012а: 122). В литургических и церковно-археологических исследованиях также начинают применяться историко-критический и историко-генетический методы.

4. *Общая система форм научной коммуникации и корпоративных ценностей.*

Процесс общения ученых в рамках одной школы не только обеспечивает обмен информацией и идеями, но и формирует особую творческую атмосферу, передающую поведенческие нормы и этические ценности между поколениями (Астафьева, 2010: 7). Научная коммуникация является компонентом культуры, соотносимым с процессом приобретения профессиональных навыков в проведении научного исследования. Научная коммуникация, с одной стороны, выступает средством передачи знания, с другой – условием порождения нового знания. В литературе выделяется формальная и неформальная научная коммуникация, в рамках первой рассматриваются «процессы превращения письменной информации в научное знание» – статьи и монографии, сборники научных трудов, материалов конференций; при изучении второй – в центре внимания оказываются виды и средства неформального общения, анализ коммуникационных сетей и структур (Выдрин, 2009: 115).

Помимо монографий, результаты исследования профессорско-преподавательской корпорации были представлены в издаваемых академией журналах – «Прибавлениях к изданию творений Святых Отцов в русском переводе» (1843–1891), а с 1892 г. – в «Богословском вестнике». В журналах публиковались богословские, философские и исторические исследования; материалы о современной церковной жизни и хроника Московской духовной академии; критические рецензии и библиография. Нормы научной коммуникации, стиль взаимодействия и ценности профессорско-преподавательской корпорации формировались и транслировались в ходе лекций, работы над курсовыми и выпускными сочинениями, на занятиях научных кружков, в переписке между учителем и учениками, на введенных уставом 1869 г. публичных диспутах на защитах магистерских и докторских диссертаций. Анализ нормативных и делопроизводственных документов, воспоминаний, переписки, публикаций церковных историков (Кузоро, Бирюкова, 2019) позволяет выявить ключевые нормы их взаимодействия: преданность Alma Mater, честность, объективность, высокое качество проводимых научных исследований, трудолюбие, активная гражданская позиция, взаимопомощь.

5. *Взаимосвязь педагогической и исследовательской функций в работе научного коллектива.*

В среде церковных историков научные исследования не отделялись от постоянной работы со студентами, поиска более совершенных форм и подходов к ней.

Более чем сорокалетняя педагогическая деятельность А.В. Горского была направлена на формирование научной самостоятельности, воспитание мыслящей личности, готовой работать с историческим материалом. Лекции А.В. Горского отличала тщательная проработка фактов; он старался мотивировать студентов к самостоятельной деятельности обсуждением дискуссионных вопросов, а также рекомендацией научной литературы (Кузоро, 2012). В архиве ученого сохранились черновики его лекционных курсов, свидетельствующие о постоянной работе по их обновлению и усовершенствованию (ОР РГБ. Ф. 78. К. 18. Д. 9. Л. 1-4).

Темы, которые предоставлял А.П. Лебедев для научных работ, давали значительную свободу собственным научным изысканиям, поэтому между профессором и учениками происходил настоящий обмен идеями – студенческие сочинения наталкивали на новые мысли и новые пути. Успех своей научной деятельности А.П. Лебедев соотносил с учениками: «Смею думать, что моя академическая служба прошла не совсем бесплодно. Частью единолично, а частью в компании с кем-либо мной создано в академии семь докторов богословия, церковной истории и канонического права... Под моим руководством или же при моем содействии приобрели степень магистра не менее тринадцати молодых людей, и между ними такие талантливые лица, как Доброклонский, Мартынов (потом протоиерей), Глубоковский, Спасский и Андреев» (Лебедев, 2005: 37-38).

На всем протяжении рассматриваемого периода преподаватели ставили задачу формирования самостоятельности научной деятельности, сосредоточенности на теме исследования, умения свести к одному знаменателю свои знания, систематизировать их (Вафинский, 1897: 6-8).

Научная значимость изучаемых проблем, признание результатов научным сообществом за пределом круга непосредственных коллег.

Результаты деятельности научной школы – объективно новое, обогащающее науку знание – должны выйти за круг научной школы и использоваться в исследовательской практике. Научный потенциал школы церковных историков признавался не только представителями духовных академий, но и светскими учеными.

Так, к А.В. Горскому обращались за советами и разъяснениями, а также с просьбами составить отзывы на научные труды историки, филологи, этнографы, археологи: Н.И. Костомаров, М.П. Погодин, И.И. Срезневский, О.М. Бодянский, В.М. Ундольский, И.М. Снегирев, М.И. Сухомлинов; ректор Московского университета Н.С. Тихонравов.

В среде историков постоянно происходило взаимодействие с Академией наук; научными обществами – Русским географическим обществом, Русским археологическим обществом, Обществом истории и древностей российских, Московским археологическим обществом, Обществом любителей российской словесности при Московском университете, Обществом любителей духовного просвещения, Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее, Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии, Обществом Нестора-летописца, Обществом любителей древней письменности, Болгарским книжным дружеством в Софии. Сохранившаяся в архивах переписка ученых свидетельствует о многообразии форм взаимодействия с обществами и

отдельными учеными: участие в заседаниях и издательской деятельности; обсуждение исследовательских программ (ОР РГБ. Ф. 78. К. 29. Д. 26. Л. 1); вопросов издания научных трудов (ОР РГБ. Ф. 78. К. 29. Д. 20, Л. 1-3; К. 29. Д. 21. Л. 1-3); консультирование исследователей по поводу книг и рукописей, хранящихся в библиотеке Московской духовной академии и других книгохранилищах (ОР РГБ. Ф. 78. К. 23. Д. 12. Л. 1; К. 29. Д. 19, Л. 1; К. 29. Д. 25. Л. 1-3), подготовка рецензий, экспертных заключений, справок по различным вопросам, обмен книгами из личных библиотек (ОР РГБ. Ф. 541. К. 9. Д. 66, Л. 1-2; Д. 67. Л. 1; Д. 69. Л. 5-17; ОР РГБ. Ф. 769. К. 3. Д. 15. Л. 1; ОР РГБ. Ф. 524. К. 1. Д. 2. Л. 50-77; К. 1. Д. 3. Л. 30-32).

Учеными были созданы исследования, отмеченные почетными наградами. Крупнейший труд А.В. Горского и К.И. Невоструева – «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» – в 1867 г. был удостоен Ломоносовской премии Императорской академии наук, назвавшей его «гражданским подвигом». Уваровскую премию¹ в 1869 г. получил Е.Е. Голубинский за исследование «Св. Константин и Мефодий, апостолы славянские», вторую Уваровскую премию в 1881 г. – за «Историю русской церкви».

В качестве показателя успешного развития церковной исторической науки служило и то, что она начинала встречать положительные отзывы за рубежом (например, отзывы немецкого церковного историка А. Гарнака). Но, надо отметить, сами ученые очень сдержанно относились к этим похвалам, считая, что они подобны тому, как «добропорядочный родитель хвалит своего сына за пятерку, полученную им из латыни» (Лебедев, 1895: 318). В России церковная история, как отмечал А.П. Лебедев, стояла на незначительной высоте, оставаясь далеко позади церковной исторической науки Запада, причина этого заключалась в слишком позднем ее включении в состав прочих богословских наук, преподававшихся в русских духовных школах.

5. Заключение

Успехи в науке во многом связаны с достижениями научных школ: в них формируются новые исследовательские силы, приобретаются навыки по кооперации усилий для решения общих проблем. Сообщество церковных историков Московской духовной академии в полной мере обладало признаками научной школы, такими как: сформированные исследовательские направления, результаты которых представляются в виде диссертаций на соискание ученых степеней; наличие научного лидера и его последователей; общие исследовательские программы, методология, корпоративные ценности, формы научной коммуникации; признание результатов работы научным сообществом. Научная школа выполняла исследовательскую, педагогическую, коммуникационную, просветительскую, морально-этическую функции. Испытав на себе влияние системы духовного образования и особенностей организации научного руководства, научная школа была ближе к «школе – направлению» (с отсутствием строгой привязки ученика к одному учителю), чем к «школе – научно-исследовательскому коллективу» (Ярошевский, 1977: 28; Кванина, 2016: 39).

Наличие в Московской духовной академии второй половины XIX – первой четверти XX вв. собственной научной школы является важным признаком зрелости и самостоятельности церковной исторической науки. Революция 1917 г. и последовавшие за ней события воспрепятствовали ее дальнейшему развитию, не позволив занять достойное место в среде научно-богословских школ христианской церкви. Вклад высшей духовной школы в научное и культурное развитие российского общества требует дальнейших комплексных исследований, выявления успешных форм организации научной работы и духовного образования.

6. Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 18-78-00044 «Становление и развитие церковной исторической науки сквозь призму анализа корпоративной культуры духовных учебных заведений (середина XIX – начало XXI вв.)».

Литература

Астафьева, 2010 – Астафьева О.Н. Формирование научных школ и научно-исследовательских направлений в современном вузе: коммуникативные стратегии // *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*. 2010. № 3 (23). С. 6-12.

Бычков, 2010 – Бычков С.П. О термине и значении предмета русской церковной историографии // *Вестник Омского гос. ун-та*. 2010. № 2. С. 188-193.

Вафинский, 1897 – Вафинский Н. (Глубоковский Н.Н.). К вопросу о нуждах духовного академического образования. СПб., 1897. 24 с.

Воспоминания, 1923 – Воспоминания Е.Е. Голубинского // *Труды Костромского научного общества по изучению местного края: Третий исторический сборник*. Кострома, 1923. Вып. 30. С. 1-80.

¹ Уваровская премия была учреждена в 1856 г. в память о графе С.С. Уварове, бывшем с 1818 г. президентом Академии наук. Присуждалась, в основном, за труды по русской истории.

- Выдрин, 2009** – *Выдрин О.В.* Научная коммуникация: к методологии исследования // *Вестник Челябинского гос. ун-та. Философия. Социология. Культурология.* 2009. № 42 (180). Вып. 15. С. 112-117.
- Глубоковский, 2002** – *Глубоковский Н.Н.* Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии М., 2002. 191 с.
- Глубоковский, 2005** – *Глубоковский Н.Н.* Памяти покойного профессора Алексея Петровича Лебедева (под первым впечатлением тяжелой утраты) // К моей учено-литературной автобиографии и материалы для характеристики беспринципной критики: Сборник памяти А.П. Лебедева. СПб., 2005. С. 44-78.
- Гоголев, 2004** – *Гоголев Г.* Великан учености. Жизнь и труды протоиерея Александра Васильевича Горского. М., 2004. 233 с.
- Грезнева, 2004** – *Грезнева О.Ю.* Научные школы: принципы классификации // *Высшее образование в России.* 2004. № 5. С. 42-48.
- Карпук, 2015** – *Карпук Д.А.* Кафедра русской церковной истории в Санкт-Петербургской духовной академии на рубеже XIX–XX вв. // *Христианское чтение.* 2015. № 5. С. 175-218.
- Карташев, 1997** – *Карташев А.В.* Систематические построения истории русской церкви // *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви: в 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 12-39.
- Кванина, 2016** – *Кванина В.В.* Понятие и признаки научной школы // *Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА).* 2016. № 11. С. 37-42.
- Кузоро, 2012** – *Кузоро К.А.* Труды А.В. Горского: к опыту осмысления развития русской церковной исторической науки середины XIX столетия // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* 2012. № 2. Ч. 2. С. 108-113.
- Кузоро, Бирюкова, 2019** – *Кузоро К.А., Бирюкова Д.А.* Источники для изучения корпоративной культуры профессорско-преподавательского сообщества церковных историков второй половины XIX – первой четверти XX вв. // *Церковь. Богословие. История: Материалы VII Всероссийской научно-богословской конференции.* Екатеринбург, 8–10 февраля 2019 г. / Ред. П.И. Мангилев, И.А. Никулин и др. Екатеринбург, 2019. С. 339-344.
- Лебедев, 1895** – *Лебедев А.П.* Краткий очерк хода развития церковно-исторической науки у нас в России // *Богословский вестник.* 1895. № 12. С. 289-321.
- Лебедев, 2005** – *Лебедев А.П.* К моей учено-литературной автобиографии и материалы для характеристики беспринципной критики (посвящается моим давним ученикам 1870–1895 гг.) // К моей учено-литературной автобиографии и материалы для характеристики беспринципной критики: Сборник памяти А.П. Лебедева. СПб., 2005. С. 18-43.
- Мельков, 2006** – *Мельков А.С.* Жизненный путь и научное наследие протоиерея А.В. Горского. М., 2006. 216 с.
- Мирский, 2018** – *Мирский Э.М.* Невидимый колледж / Новая философская энциклопедия. Электронная библиотека ИФ РАН. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01beef84ca72acb5a42e9dbe> (дата обращения: 20.02.2019).
- Огурцов, 1977** – *Огурцов А.П.* Научная школа как форма кооперации ученых // *Школы в науке / Под ред. С.Р. Микулинского, Г. Кребера, Г. Штейнера.* М., 1977. С. 248-261.
- ОР РГБ** – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
- Первозванский, 2013** – *Первозванский А.А.* Объективные признаки научной школы // *Управление большими системами.* 2013. Вып. 4. Наукометрия и экспертиза в управлении наукой. С. 496-503. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mathnet.ru/php/archive.phtml?wshow=paper&jrnid=ubs&paperid=712&option_lang=rus (дата обращения: 20.02.2019).
- Полунов, Соловьев, 1998** – *Полунов А.Ю., Соловьев И.В.* Жизнь и труды академика Е.Е. Голубинского. М., 1998. 254 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Смирнов, 1879** – *Смирнов С.* История Московской духовной академии до ее преобразования (1814–1870). М., 1879. 632, XVI с.
- Смирнов, 1900** – *Смирнов С.* Александр Васильевич Горский (Биографический очерк) // *Богословский вестник.* 1900. № 11. С. 381-441.
- Спаский, 1903** – *Спаский А.А.* Первая лекция по кафедре общей церковной истории // *Богословский вестник.* 1903. № 2. С. 278-296.
- Сухова, 2006** – *Сухова Н.Ю.* Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). М., 2006. 658 с.
- Сухова, 2012a** – *Сухова Н.Ю.* Русская богословская наука (по докторским и магистерским диссертациям 1870–1918 гг.). М., 2012. 374 с.
- Сухова, 2012b** – *Сухова Н.Ю.* Система научно-богословской аттестации в России в XIX – начале XX вв. М., 2012. 676 с.
- Сухова, 2015** – *Сухова Н.Ю.* А.А. Дмитриевский и ученики: проблема «научной школы» в российских духовных академиях (конец XIX – начало XX вв.) / *Церковь. Богословие. История:*

Материалы III Международной научно-богословской конференции. Екатеринбург, 6–7 февраля 2015 г. / Под ред. С.Ю. Акишина, И.А. Никулина. Екатеринбург, 2015. С. 583-595.

Тарасова, 2005 – Тарасова В.А. Высшая духовная школа в России в конце XIX – начале XX вв. История императорских православных духовных академий. М., 2005. 567 с.

У Троицы, 1914 – У Троицы в Академии. 1814–1914 гг.: Юбилейный сборник исторических материалов. М., 1914. XI, 772 с.

Флоровский, 1937 – Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Париж, 1937 (репр. – Вильнюс, 1991). 600 с.

Штейнер, 1977 – Штейнер Г. Связь социального и познавательного факторов в творческой деятельности научных школ // Школы в науке / Под ред. С.Р. Микулинского, М.Г. Ярошевского, Г. Кребера. М., 1977. С. 97-118.

Ярошевский, 1977 – Ярошевский М.Г. Логика развития науки и научная школа // Школы в науке / Под ред. С.Р. Микулинского, Г. Кребера, Г. Штейнера. М., 1977. С. 7-97.

Shakhnovich, Chumakova, 2017 – Shakhnovich M.M., Chumakova T.V. From the history of Religious Studies in Russia: The study of the History of Christianity (in the second half of the 19-th – early 20-th century) // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 46. Is. 4. pp. 1345-1356.

References

Astaf'eva, 2010 – Astaf'eva O.N. (2010). Formirovanie nauchnykh shkol i nauchno-issledovatel'skikh napravlenii v sovremennom vuze: kommunikativnye strategii [Formation of scientific schools and research areas in the modern university: communication strategies]. *Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv*. Nr 3 (23), pp. 6-12. [in Russian]

Bychkov, 2010 – Bychkov S.P. (2010). O termine i znachenii predmeta russkoi tserkovnoi istoriografii [On the term and meaning of the subject of Russian ecclesiastical historiography]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta*. Nr 2, pp. 188-193. [in Russian]

Florovskii, 1937 – Florovskii G.V. (1937). Puti russkogo bogosloviya [Ways of Russian Theology]. Parizh. (repr. – Vil'nyus, 1991). 600 p. [in Russian]

Glubokovskii, 2002 – Glubokovskii N.N. (2002). Russkaya bogoslovskaya nauka v ee istoricheskom razvitii i noveishem sostoyanii [Russian theological science in its historical development and new position]. М., 191 p. [in Russian]

Glubokovskii, 2005 – Glubokovskii N.N. (2005). Pamyati pokojnogo professora Alekseya Petrovicha Lebedeva (pod pervym vpechatleniem tyazheloi utraty) [In memory of the late professor Alexei Petrovich Lebedev (under the first impression of a bereavement)]. K moei ucheno-literaturnoi avtobiografii i materialy dlya kharakteristiki besprintsipnoi kritiki: sbornik pamyati A.P. Lebedeva. St. Petersburg, pp. 44-78. [in Russian]

Gogolev, 2004 – Gogolev G. (2004). Velikan uchenosti. Zhizn' i trudy protoiereya Aleksandra Vasil'evicha Gorskogo [The giant of scholarship. The life and works of Archpriest Alexander Vasilyevich Gorsky]. М., 233 p. [in Russian]

Grezneva, 2004 – Grezneva O.Yu. (2004). Nauchnye shkoly: printsipy klassifikatsii [Scientific schools: classification principles]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. Nr 5, pp. 42-48. [in Russian]

Karpuk, 2015 – Karpuk D.A. (2015). Kafedra russkoi tserkovnoi istorii v Sankt-peterburgskoi dukhovnoi akademii na rubezhe XIX–XX vv. [Department of Russian Church History at St. Petersburg Theological Academy at the turn of the XIX – XX centuries]. *Khristianskoe chtenie*, Nr 5, pp. 175-218. [in Russian]

Kartashev, 1997 – Kartashev A.V. (1997). Sistemicheskie postroeniya istorii russkoi tserkvi [Systematic construction of the history of the Russian church]. Ocherki po istorii russkoi tserkvi: v 2 t. Moscow. T. 1, pp. 12-39. [in Russian]

Kuzoro, 2012 – Kuzoro K.A. (2012). Trudy A.V. Gorskogo: k opytu osmysleniya razvitiya russkoi tserkovnoi istoricheskoi nauki serediny XIX stoletiya [Works of A.V. Gorsky: to the experience of understanding the development of Russian church ecclesiastical science in the middle of the XIX century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Nr 2, ch. 2, pp. 108-113. [in Russian]

Kuzoro, Biryukova, 2019 – Kuzoro K.A., Biryukova D.A. (2019). Istochniki dlya izucheniya korporativnoi kul'tury professorsko-prepodavatel'skogo soobshchestva tserkovnykh istorikov vtoroi poloviny XIX – pervoi chetverti XX vv. [Sources for studying the corporate culture of the teaching community of church historians of the second half of the XIX – first quarter of the XX centuries]. *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriya: materialy VII Vserossiiskoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii. Ekaterinburg, 8–10 fevralya 2019 g.* Red. P.I. Mangilev, I.A. Nikulin i dr. Ekaterinburg, pp. 339-344. [in Russian]

Kvanina, 2016 – Kvanina V.V. (2016). Ponyatie i priznaki nauchnoi shkoly [Concept and signs of a scientific school]. *Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina (MGYUA)*. Nr 11, pp. 37-42. [in Russian]

Lebedev, 1895 – Lebedev A.P. (1895). Kratkii ocherk khoda razvitiya tserkovno-istoricheskoi nauki u nas v Rossii [A short essay on the development of ecclesiastical history in Russia]. *Bogoslovskii vestnik*, Nr 12, pp. 289-321. [in Russian]

Lebedev, 2005 – *Lebedev A.P.* (2005). K moei ucheno-literaturnoi avtobiografii i materialy dlya kharakteristiki besprintsipnoi kritiki (posvyashchaetsya moim davnim uchenikam 1870–1895 gg.) [To my literary autobiography and materials to characterize unprincipled criticism (dedicated to my students, 1870–1895)]. K moei ucheno-literaturnoi avtobiografii i materialy dlya kharakteristiki besprintsipnoi kritiki: sbornik pamyati A.P. Lebedeva. St. Petersburg, pp.18-43. [in Russian]

Mel'kov, 2006 – *Mel'kov A.S.* (2006). Zhiznennyi put' i nauchnoe nasledie protoireya A.V. Gorskogo [The life path and scientific heritage of Archpriest A.V. Gorsky]. M., 216 p. [in Russian]

Mirskii, 2018 – *Mirskii E.M.* (2018). Nevidimyi kolledzh [Invisible college] Novaya filosofskaya entsiklopediya. Elektronnyaya biblioteka [Elektronnyi resurs]. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01beef84ca72acb5a42e9dbe> (data obrashcheniya: 20.02.2019). [in Russian]

Ogurtsov, 1977 – *Ogurtsov A.P.* (1977). Nauchnaya shkola kak forma kooperatsii uchenykh [Scientific school as a form of cooperation of scientists]. Shkoly v nauke, pod red. S.R. Mikulinskogo, G. Krebera, G. Shteinera. M., pp. 248–261 [in Russian]

OR RGB – Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki [Department of Manuscripts of the Russian State Library].

Pervozvanskii, 2013 – *Pervozvanskii A.A.* (2013). Ob'ektivnye priznaki nauchnoi shkoly [Objective signs of a scientific school]. Upravlenie bol'shimi sistemami, Vyp. 4. Naukometriya i ekspertiza v upravlenii naukoj, pp. 496–503. [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.mathnet.ru/php/archive.phtml?wshow=paper&jrnid=ubs&paperid=712&option_lang=rus (data obrashcheniya: 20.02.2019).

Polunov, Solov'ev, 1998 – *Polunov A.Yu., Solov'ev I.V.* (1998). Zhizn' i trudy akademika E.E. Golubinskogo [The life and work of academician E.E. Golubinsky]. M., 254 p. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

Shakhnovich, Chumakova, 2017 – *Shakhnovich M.M., Chumakova T.V.* (2017). Iz istorii religiovedeniya v Rossii: izuchenie istorii khristianstva (vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.) [From the history of Religious Studies in Russia: The study of the History of Christianity (in the second half of the 19-th – early 20-th century)]. *Bylye Gody*. Vol. 46, s. 4. pp. 1345-1356.

Shteiner, 1977 – *Shteiner G.* (1977). Svyaz' sotsial'nogo i poznavatel'nogo faktorov v tvorcheskoi deyatelnosti nauchnykh shkol [The relationship of social and cognitive factors in the creative activities of scientific schools]. Shkoly v nauke, pod red. S.R. Mikulinskogo, M.G. Yaroshevskogo, G. Krebera. M., pp. 97-118. [in Russian]

Smirnov, 1879 – *Smirnov S.* (1879). Istoriya Moskovskoi dukhovnoi akademii do ee preobrazovaniya (1814–1870) [History of the Moscow Theological Academy before its transformation (1814–1870)]. M., 632, XVI p. [in Russian]

Smirnov, 1900 – *Smirnov S.* (1900). Aleksandr Vasil'evich Gorskii (Biograficheskii ocherk) [Alexander Vasilyevich Gorsky (Biographical sketch)]. *Bogoslovskii vestnik*. Nr 11, pp. 381-441. [in Russian]

Spasskii, 1903 – *Spasskii A.A.* (1903). Pervaya lektsiya po kafedre obshchei tserkovnoi istorii [First lecture on the department of general church history]. *Bogoslovskii vestnik*. Nr 2, pp. 278-296. [in Russian]

Sukhova, 2006 – *Sukhova N.Yu.* (2006). Vysshaya dukhovnaya shkola: problemy i reformy (vtoraya polovina XIX veka) [Higher Theological School: Problems and Reforms (second half of the XIX century)]. M., 658 p. [in Russian]

Sukhova, 2012a – *Sukhova N.Yu.* (2012). Russkaya bogoslovskaya nauka (po doktorskim i masterskim dissertatsiyam 1870–1918 gg.) [Russian Theological Science (for doctoral and master's theses 1870–1918)]. M., 374 p. [in Russian]

Sukhova, 2012b – *Sukhova N.Yu.* (2012). Sistema nauchno-bogoslovskoi attestatsii v Rossii v XIX – nachale XX v. [The system of scientific and theological certification in Russia in the XIX – early XX century]. M., 676 p. [in Russian]

Sukhova, 2015 – *Sukhova N.Yu.* (2015). A.A. Dmitrievskii i ucheniki: problema «nauchnoi shkoly» v rossiiskikh dukhovnykh akademiakh (konets XIX – nachalo XX v.) [A.A. Dmitrievsky and the students: the problem of "scientific school" in the Russian theological academies (late XIX – early XX centuries)]. Tserkov'. Bogoslovie. Istoriya: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii. Ekaterinburg, 6–7 fevralya 2015 g. Pod red. S.Yu. Akishina, I.A. Nikulina. Ekaterinburg, pp. 583-595. [in Russian]

Tarasova, 2005 – *Tarasova V.A.* (2005). Vysshaya dukhovnaya shkola v Rossii v kontse XIX – nachale XX v. Istoriya imperatorskikh pravoslavnykh dukhovnykh akademii [Higher Theological School in Russia in the late XIX – early XX centuries. History of the Imperial Orthodox Theological Academies]. M., 567 p. [in Russian]

U Troitsy, 1914 – *U Troitsy v Akademii* (1914). 1814–1914 gg.: Yubileinyi sbornik istoricheskikh materialov [At the Trinity in the Academy. 1814–1914: Jubilee collection of historical materials]. M. XI, 772 p. [in Russian]

Vafinskii, 1897 – *Vafinskii N. (Glubokovskii N.N.)* (1897). K voprosu o nuzhdakh dukhovnogo akademicheskogo obrazovaniya [On the need for ecclesiastical academic education]. St. Petersburg. 24 p. [in Russian]

Vospominaniya, 1923 – Vospominaniya E.E. Golubinskogo [Memoirs of E.E. Golubinsky]. Trudy Kostromskogo nauchnogo obshchestva po izucheniyu mestnogo kraja: tretii istoricheskii sbornik. Kostroma. 1923. Vyp. 30, pp. 1-80. [in Russian]

Vydrin, 2009 – *Vydrin O.V.* (2009). Nauchnaya kommunikatsiya: k metodologii issledovaniya [Scientific communication: to research methodology]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya*. Nr 42 (180). Vyp. 15, pp. 112-117. [in Russian]

Yaroshevskii, 1977 – *Yaroshevskii M.G.* (1977). Logika razvitiya nauki i nauchnaya shkola [The logic of the development of science and scientific school]. *Shkoly v nauke, pod red. S.R. Mikulinskogo, M.G. Yaroshevskogo, G. Krebera. M., pp. 7-97.* [in Russian]

Научная школа как форма организации исследовательской деятельности церковных историков в Московской духовной академии (вторая половина XIX – первая четверть XX вв.)

Кристина Александровна Кузоро ^{a, *}

^a Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Изучая на примере Московской духовной академии исследовательскую деятельность церковных историков второй половины XIX – первой четверти XX вв., можно обратить внимание на то, что она обладает признаками, присущими научной школе в современном понимании.

Один из таких признаков – сформированные направления исследований, результаты которых представляются в виде диссертаций на соискание ученых степеней. В академии защищались магистерские и докторские диссертации по истории древней церкви, церковной истории Египта и Эфиопии, западных и южных славян; византистике; истории Русской православной церкви; истории старообрядчества, единоверия и сектантства; литургике и церковной археологии. Признаками научной школы, проявившимися в деятельности академии, являются наличие основоположника, научного лидера, а также последователей, связанных с ним ученическими отношениями (такими лидерами были А.В. Горский, А.П. Лебедев, Е.Е. Голубинский и др.); наличие предлагаемой создателем школы исследовательской программы, которая становится основой деятельности научного коллектива; единство и преемственность научных интересов и методологии; взаимосвязь педагогической и исследовательской функций в работе коллектива; научная значимость изучаемых проблем, признание результатов научным сообществом за пределом круга непосредственных коллег.

Научная школа выполняла исследовательскую, педагогическую, коммуникационную, просветительскую, морально-этическую функции. В среде церковных историков исследования не отделялись от постоянной работы со студентами; происходило взаимодействие с Академией наук, научными обществами, светскими учеными – историками, филологами, археологами, этнографами. Наличие в Московской духовной академии собственной научной школы является важным признаком зрелости и самостоятельности церковной исторической науки.

Ключевые слова: научная школа, церковная историческая наука, научная коммуникация, Московская духовная академия, корпоративная культура.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: clio-2002@mail.ru (К.А. Кузоро)

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1178-1186. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1178
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Business National Circles of the Russian City in the late XIX – early XX century (on the Example of Tsaritsyn)

Irina N. Litvinova ^{a, *}, Oksana A. Karagodina ^a

^a Volgograd State University, Russian Federation

Abstract

The spheres of activity of business national circles – Russians and Germans, Jews, Armenians, Tatars, representing the trade and industrial potential of Tsaritsyn/on the Volga are considered. The national composition of the local merchant Corporation is analyzed as well as problems of obtaining permission to reside in the city by the Jewish merchants from the township of settling. The ethnic composition of Tsaritsyn inhabitants is determined, in addition to the directions and preferences of commercial activity of representatives of entrepreneurial groups of national communities. On the basis of documentary sources the brightest and most influential entrepreneurs are identified, who contributed both to the development of their communities and economy and socio-cultural life of the city. The factor of creative potential in a certain sense contributed to the successful integration of "non-Russian" merchants into the business and socio-cultural environment of Russian city, that made them a part of its historical heritage.

Keywords: southern city, national communities, industry, merchants, Jews, Armenians, Tatars, trade.

1. Введение

Роль национальных деловых кругов в развитии торговли, промышленности, здравоохранения и культуры регионов исторически значима и важна, в том числе с точки зрения результатов общественного развития, межэтнических отношений и взаимопольного сотрудничества. Южные волжские города России на рубеже XIX–XX столетий развивались под воздействием особого колорита национальных культур своих обитателей, где помимо титульного населения проживали этноконфессиональные группы татар, евреев, поволжских немцев, армян, персов, калмыков.

Интерес к истории национальных сообществ и влиятельных предпринимательских кланов в исконно русских городах в настоящее время растет не только в научных кругах, но еще в большей мере в структурах национальных диаспор и обществе в целом. В данной связи исследование, посвященное национальным деловым сообществам, представлявшим костяк каждой из общин, является актуальным для изучения истории городского социума, его культуры повседневности, в том числе такого многонационального города, как Волгоград.

Статья не претендует на широкий охват изучения этнического состава предпринимательских групп Царицына, так как является первой попыткой по сбору и рассмотрению фактологического материала, посвященного деловым кругам многонационального города Юго-Востока империи.

2. Материалы и методы

Наибольшее количество материалов в фондах Государственного архива Саратовской области (ГАСО) было найдено о представителях еврейских деловых кругов. В частности, интерес представляет списочный состав постоянных купцов Царицына (Ф. 28 Саратовская губернская казенная палата),

* Corresponding author

E-mail addresses: litvinova@volsu.ru (I.N. Litvinova), karagodina@volsu.ru (O.A. Karagodina)

в котором евреи занимали значимое место. По документам Фонда № 2 (Саратовское губернское правление) анализируются прошения коммерсантов-евреев из местечек оседлости о получении разрешения проживать в Царицыне, рапорты полицмейстера о нарушении ими сроков паспортного режима. Материалы Фонда № 421 (Саратовский губернский статистический комитет) позволили собрать информацию о числе жителей города по вероисповеданию, о количестве культовых сооружений и школ для татар, евреев и армян, являвшихся этническими меньшинствами в городах Саратовской губернии. В этом же фонде найдены документы, содержащие сведения о количестве ремесленников различных сфер занятий, их этнического состава. Основная часть собранных архивных источников впервые вводится в научный оборот. В работе используются также материалы справочного характера (путеводители, торгово-промышленные указатели, адрес-календари, историко-географический словарь А.И. Минха). Эти издания содержат сведения о количестве предприятий, учреждений, о национальном составе населения и составе городской думы. Весь комплекс источников позволяет осмыслить исторические факты в контексте рассматриваемой темы.

В работе применяется социокультурный подход на базе системного анализа к исследованию национальных деловых кругов Царицына как представителей городского общества, обладающих созидательным потенциалом. Этот подход позволяет понять и культуру повседневности многонационального города в комплексе материальной культуры, культуры социальных отношений и явлений между этническими сообществами армян, евреев, татар, русских и немцев в рамках «историко-культурной зоны».

3. Обсуждение

Исследование истории российского предпринимательства имеет давнюю традицию. Однако значимый научный интерес по проблематике национального состава деловой элиты представляют концепции ученых постсоветского периода развития отечественной историографии. Одним из первых исследователей проблемы сословно-иерархического и этнического состава системы делового мира стал А.Н. Боханов, проанализировавший национальный состав крупной российской буржуазии на примере членов правлений и советов акционерно-паевых компаний. Помимо русской автор отдельно выделяет иностранную и еврейскую буржуазию (Боханов, 1994). Значительно позднее, в 2007 г., вышла в свет работа М.Ф. Махлай, которая анализирует критерии «отбора» предпринимателей, входящих в пласт деловой элиты, рассматривая их этнический состав (Махлай, 2007). Автор уделяет значительное внимание вопросам межнационального сотрудничества в различных сферах общественной жизни, возникающим конфликтам между коммерсантами и способам их преодоления.

В зарубежной историографии с позиции этнических групп российские предприниматели подразделяются на русских, еврейских, иностранных, немецких, польских, украинских, греческих, армянских и татарских капиталистов. Подобное подразделение имеется у англоязычных авторов, в частности у В. Блэквелла (Blackwell, 1983).

В научных кругах регионов существует интерес к истории местного предпринимательства и формирования национальных влиятельных кланов. К подобным работам относится монография Н.И. Таирова «Татарская буржуазия Поволжья и Приуралья: социальная деятельность, благотворительность и меценатство (60-е гг. XIX в. – 1917 г.)» (Таиров, 2011). Автор анализирует вопросы социокультурной жизни татарских коммерсантов, их особенности в организации производства и устроении быта. Научные интересы исследователя С.С. Казарова связаны с проблемой формирования армянского купечества и складывания влиятельных торгово-промышленных сообществ на территории области Войска Донского (Казаров, 2012). Волгоградские авторы Д.М. Арутюнян и М.Ю. Давыдова анализируют исторические аспекты армянской диаспоры Волгограда и ее современное развитие в крае (Арутюнян, 2015). Однако слабая источниковая база не позволила исследователям в полной мере отразить исторические грани торгово-промышленной деятельности армянской диаспоры. Сегодня наименее изученными остаются вопросы деловой и социокультурной жизни еврейского и татарского сообществ в крупном уездном центре Царицыне. Данные аспекты нашли отражение в нашей работе.

4. Результаты

Наиболее прибыльными видами производства в Царицыне являлись лесоперерабатывающее, кожевенное, металлообрабатывающее и солеобрабатывающее. В конце XIX в. здесь действовали 45 лесопильных заводов, 45 заводов и заводиков по выделке кож, 23 рыбокопильных заведения, 3 мощных мукомольных производства, а также предприятия по металлообработке местных и иностранных фирм и нефтеперерабатывающий городок Нобеля (Водолагин, 1968: 92; Весь Царицын, 1911: 55).

Заводы, фабрики, магазины и склады с готовой продукцией владельцев входили в состав торгово-промышленных товариществ или акционерно-паевых компаний, представлявших новшества для местных коммерсантов. Солидные фирмы предпринимателей В. Лапшина, братьев Максимовых,

Меркульевых и Серебряковых имели собственный речной флот для транспортировки продукции за пределы губернии.

Деловой мир города не был единым сообществом как по сословному составу, так и по этноконфессиональному. До 1917 г. сословие городских жителей делилось на пять групп: почетные потомственные и личные граждане, гильдейское купечество, мещане, ремесленники (цеховые) и рабочие. Представители двух первых категорий городских жителей и составляли деловую элиту Царицына-на-Волге. Относительно национальной принадлежности горожан из группы почетных граждан мы располагаем сведениями только о купцах православного исповедания, возведенных в почетное гражданство в разные годы второй пол. XIX – нач. XX вв.

Однако анализ этнического состава царицынских купцов за 1912–1913 гг. показал, что в 1 гильдии из 18 человек – 13 были евреями: Давид Кругман, Ехиль Зильберман, Самуил Танхилевич, Ева Воловик, Лазарь Рысс, Гершен Гинзберг и др. (ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 9925. Л. 86, 88). Во 2 гильдии из 61 чел., помимо 6 евреев, состояли 3 немца – Екатерина Миллер, Самуил Гильдебрандт, Иван Краузе, армянин Сергей Искидаров и татарин Бяшир Амерханов, остальные члены корпорации исповедовали православие (там же, посчитано по: Л. 88-93).

Статистические данные о национальном составе жителей Царицына дает представление таблица (см. Таблица 1).

Таблица 1. Национальный состав населения г. Царицына в 1910 г. *

№ п/п	Национальность	Количество жителей	% от общего населения
1.	Русские	46 273	89,5
2.	Армяне	332	0,3
3.	Поляки	1448	1,5
4.	Французы	95	0,1
5.	Англичане	15	0,02
6.	Немцы	2835	2,8
7.	Еврей	2144	2,1
8.	Татары	3040	3,05
9.	Персы	436	0,4
10.	Калмыки	132	0,13
	Итого	99 806	100

*Таблица составлена на основании материалов справочника (Весь Царицын, 1911: 36).

Ведущие позиции в лесопильном и кожевенном производствах сохраняли православные купцы и почетные граждане: В.Ф. Лапшин, Ф.С. Дедушенко, А.И. Букатин, наследники Ф.Д. Шлыкова, В.Р. Максимова. Сильную конкуренцию в маслобойном, мукомольном и пивоваренном производствах русским коммерсантам составляли предприниматели из поволжских немцев, большинство которых являлись протестантами. К ним относились владельцы маслобойных производств П.К. Глич, А.К. Knobloch, Е.Ф. Миллер; учредители акционерного мукомольного общества братья Гергардт; владельцы пивоварен П.М. Таппер, В.Ф. Рексер, А.А. Клейнау (Весь Царицын, 1911: 102-103).

Структура предпринимательской деятельности евреев была неоднородна. Деловые интересы крупных коммерсантов сосредоточивались на лесопильном производстве и продаже лесных изделий. Например, купцам Ц.Ц. Эпштейну, И.А. Берлину, С.Л. Танхилевичу, мещанам Н.В. Литваку и Н.М. Рыбину в сумме принадлежало 5 лесозаводов. Продажей лесопильной продукции, помимо Н.В. Литвака и И.А. Берлина, занимались также фирмы братьев Лившиц, братьев Рысс и многие др. (Сборник, 1915: 597, 582, 590). В частности, у Цодика Эпштейна в собственности находилось два завода, лесные склады и общая лесопилка с Николаем Рыбиным. На предприятиях коммерсанта было задействовано 120 рабочих, более 1,5 десятка служащих (Сборник, 1915: 597).

Предприятия по металлообработке имели Х.А. Басин, И.З. Рубин, Ш. Книрель, Я.Я. Нумцев, в рыбокопильной сфере наиболее известными в городской среде по вкусовым качествам продукции являлись заведения купцов Е. Зильбермана, М. Оксенгендлера, мещан А. Завельского и Ю. Сукльского (Вся Россия, 1897: 2071).

Все же евреи больше других представителей национальных сообществ специализировались на агентурно-комиссионных операциях широкого спектра. Трудовые будни коммерсантов, их старших приказчиков начинались на железнодорожных станциях, Лесной пристани, товарно-сырьевой бирже, открывшейся в 1901 г. Здесь активно шли переговоры с представителями российских торговых домов по вопросам закупки-продажи лесоматериалов, зерновых, горчицы, рыбо-гастрономической продукции, черной икры, спирта, керосина, металлоизделий. До открытия биржи ее роль выполняло здание железнодорожного вокзала Царицына. Внимания исследователей заслуживают воспоминания

экономиста, публициста и издателя газеты «Неделя» Е.И. Рогозина, анализировавшего экономическое положение дел в волжских городах в 1890–1891 гг. Автор отмечал, что царицынские купцы жаловались на произвол евреев-торговцев, которые «хозяйничают здесь» около 15 лет. «Тотчас по моем приезде в Царицын я засыпан был жалобами, что евреи заволокли город, завладели всею торговлей, керосином и рыбой и постепенно пробираются в Астрахань, чтобы завладеть там рыбными промыслами» (Рогозин, 1891). Наблюдая ситуацию на импровизированной бирже-вокзале несколько дней, экономист отметил, что из 112 человек, собиравшихся ежедневно к 12 ч. на «бирже», были 85 евреев (79 %), 25 – русских и 2 армянина. Вывод автора: «евреи, состоя в сношениях со всем миром, получая ежедневно отовсюду сведения, гораздо лучше местных людей понимают ситуацию на рынке и поэтому лучше могут пользоваться всеми колебаниями цен». С другой стороны, «...< они перехватывают с поездов всех покупателей, заговаривают их и прямо не допускают до производителей> ... <а русские не могут продать иначе, как чрез евреев или самим евреям>» (там же).

Тем не менее при возникших в 1894 г. проблемах с выселением из города комиссионера, местечкового мещанина Ц. Эпштейна, занимавшегося в Царицыне продажей лесных изделий, русские купцы-лесопромышленники подали прошение губернатору в пользу продления сроков его пребывания в городе. Эпштейн «перебрал» дозволенные сроки нахождения вне черты оседлости, но купцы аргументировали свою просьбу необходимостью «закончить с ним счета» и совместные дела, иначе это принесет им «неминуемые убытки» (ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7397. Л. 7).

Наиболее уважаемые комиссионные конторы в городе принадлежали купцам 1 гильдии Ехилу Зильберману, Лейбу Тараховскому, мещанам Гиршу Зинзбургу, Иосифу Цейхановичу, также фирмам «Ольшанский и К°», «Басьяса Ф.А. Наследники» (ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 9925. Л. 86, 88; *Весь Царицын, 1911:[VII] перед с. 1*).

В собственности купца Е.Л. Зильбермана, помимо комиссионной конторы в Царицыне, находились рыбокопильное заведение, сельдяные промыслы в Дербенте и оптовые склады рыбных товаров в Екатеринославе и Астрахани (Царицынский 1 гильдии).

Еврейским деловым кругам принадлежали ювелирные мастерские. Например, торговый дом «Братья Добины», помимо хлебной торговли, занимался изготовлением ювелирных изделий, имея ювелирную и часовую мастерскую, «отделение дамских шляп», конечно, магазин по продаже украшений из золота, серебра и драгоценных камней. Это заведение пользовалось популярностью среди зажиточных горожанок (*Весь Царицын, 1911: [IX] после с. 113*).

Пошивом одежды в Царицыне занимались 249 ремесленников – портных и модисток, среди которых, помимо евреев, имелись поволжские немцы, поляки и русские (ГАСО. Ф. 421. Оп.1. 3496. Л. 21 об., 22). Большинство же модных салонов верхней, нижней дамской и мужской одежды принадлежали представителям еврейской общины: С. Дикермахеру, А.М. Левитину, Н.Е. Юхновичу, М.Я. Письменному, Я. Файнштейну, И.Р. Аутеншлюс. К коммерсантам мелкого звена относились владельцы книжных магазинов (3 ед.), скоропечатен (2 ед.) (ГАСО. Ф. 1. Оп.1. Д. 9714. Л. 13-13 об.).

Превращение Царицына в крупный транспортный узел и торгово-промышленный центр послужило активизации миграции еврейского и армянского населения в город. Первые коммерсанты-евреи появились здесь в конце 1870-х гг. У представителей общины возникали сложности в получении разрешения на временное или постоянное жительство в Царицыне, так как Саратовская губерния не входила в черту еврейской оседлости. Согласно закону, проживать в городах за чертой оседлости имели право евреи, получившие университетское образование и купцы 1 гильдии, реже – 2 гильдии (Положение, 1894). После реформы промыслового налога 1898 г. вступление в купечество было делом добровольным, за исключением еврейских коммерсантов. В этой связи в 1912–1913 гг. евреи составляли 24 % от состава постоянных купцов Царицына (посчитано по: ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 9925. Л. 86-93).

В 1892 г. жителей иудейского исповедания в Царицыне значилось всего 725 чел., в 1897 г. – 1000 чел. при населении 56 456 жителей (Минх, 1902: 1154). Данные справочника «Весь Царицын» в 1910 г. фиксируют в городе 2144 чел. (см. Таблица 1). Однако, по официальным сведениям Саратовского Статкомитета, количество еврейского населения в Царицыне в 1913 г. соответствовало только 1541 чел. Разница численности царицынских евреев за три года составила 603 чел. (ГАСО. Ф. 421. Оп. 1. Д. 3395. Л. 13). К естественной убыли это число жителей не относится.

Основываясь на результатах анализа документов Саратовского губернского правления МВД, в функции которого входил надзор за евреями в губернии, мы пришли к определенному выводу по данному вопросу. К каждому постановлению Правления, отправлявшемуся полицмейстеру Царицына, с разрешением-отказом персонам в проживании в городе, прилагался рапорт с перечислением 11 фигурантов. А каждый рапорт – это 1 лист архивного дела с резолюцией по 11 персонам. Таких дел в фонде № 2 ГАСО находится более десятка, листов же – до сотни в одной единице хранения. Ссылаемся лишь на те документы, из которых были сделаны выписки по 110 просителям (ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 3. Д. 6857. Л. 2, 8-9; Д. 11042. Л. 23-27, 51-53). Результаты анализа позволяют предположить, что разница жителей, составлявшая более 600 чел. за три года, – это евреи,

проживавшие в Царицыне нелегально, то есть без разрешительного талона к паспорту о нахождении вне черты оседлости и, разумеется, без официального разрешения на то Губернским правлением.

Родственники и земляки сограждан, обосновавшихся в Царицыне, прибывали из еврейских общин Минской, Витебской, Могилевской, Екатеринославской, Ставропольской губерний, также из Ростова-на-Дону. Конечно, расчет инициативных и целеустремленных коммерсантов, вырвавшихся из местечек, был на лучшую долю, удачную торговлю и фортуна, так как, по мнению публициста Е.И. Рогозина, «еврейской изобретательности нет пределов».

Исторически сложилось так, что национальные сообщества татар, евреев, персов обосновывались в Зацарицынской части города (за р. Царица, т.е. не в центре города). В этом районе после многочисленных прошений губернатору в октябре 1888 г. еврейской общиной был открыт первый в губернии молельный дом и еврейская школа, в 1911 г. – двухэтажное здание хоральной синагоги, но уже в центре города (ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 3. Д. 6857. Л. 1-2). Для культурного развития сограждан имелся собственный театр. В начале 1900-х гг. коммерсанты предпочитали места для жительства уже в центральной части города, недалеко от железнодорожного вокзала.

Повседневность города была связана с профессиональной жизнью торговцев, фабрикантов, ремесленников. В Царицыне действовало более 140 промышленных предприятий, работали магазины, лавки с разнообразным ассортиментом товаров. В 1914 г. здесь имелось 79 каменных и 249 деревянных частных лавок и магазинов (ГАСО. Ф. 421. Оп. 1. Д. 3496. Л. 8). Для горожан работало большое количество трактиров, харчевен, закусочных заведений с разнообразной кухней и немного кофеен, владельцы которых являлись представителями татарской, армянской, немецкой и русской буржуазии.

Будни крупных предпринимателей начинались с просмотра новостей ежедневной газеты «Биржевые ведомости» – для осведомленности о торгах на товарно-сырьевой бирже в Петербурге и коммерческой деятельности в России в целом. Эти вести были необходимы деловым людям, дабы «не продешевить» на торгах, так как именно на царицынской товарно-сырьевой бирже устанавливались цены для рынков на керосин, лесоматериалы, черную икру, горчицу и соль.

В русских деловых кругах Царицына существовала традиция договариваться о торговых сделках во время обеда в зале одного из лучших, по мнению автора путеводителя по Волге, ресторанов в гостинице «Столичные номера» (Андреев, 1915: 294). Гостиница принадлежала почетному гражданину В.К. Воронину – владельцу крупного маслобойного завода с годовым оборотом в 320 тыс. руб. (Сборник, 1915: 717).

Предприниматели из армянской общины занимали заметную нишу в торговой жизни города, несмотря на незначительное количество армянской колонии в городе, составившей всего 0,3 % от населения Царицына. Именно армянам принадлежало большинство бакалейных лавок и магазинов колониальных товаров (специи, чай, кофе, цитрусовые, «нерусские» вина). Торговля велась оптом и в розницу. Городским обывателям хорошо был известен «Торговый дом братьев Казаровых», располагавшийся в собственном двухэтажном здании у Базарной пл. (Сборник, 1915: 722). По воспоминаниям современника Н.П. Першикова, магазин «всегда набит от подвала до крыши разнообразными фруктами и зимой, и летом. От северной клюквы до ... апельсинов и бананов» (Першиков). В той же сфере продаж работала фирма «Братья Григор и Саркис Миесеровы» и магазин А.М. Оджагова, имевший в ассортименте еще гастрономические товары и табачную продукцию (Сборник, 1915: 484, 282; *Весь Царицын: [VIII] после с. 113*).

Местные деловые круги армян и евреев имели тесные коммерческие, иногда и родственные связи с ростовскими национальными сообществами. Большинство семей, являвшихся прямыми потомками крымско-анийских армян, прибыли на жительство в Царицын из Нахичевани-на-Дону – это Кистовы, Искидаровы, Ахвердовы, Оджаговы, Агамьянц, Тумановы, Григорьянц и другие (Арутюнян, 2015: 1263). Некоторые армяне переехали из Астрахани, которая в те годы являлась центром армяно-григорианской епархии, включавшей все армянские религиозные приходы на территории империи. Например, из Астрахани прибыли в Царицын семейства Гамазовых, братьев Казаровых, ставших впоследствии владельцами крупных фруктовых магазинов и складов. Армяне сохраняли родственные связи с коммерсантами Нахичевани, Ростова-на-Дону и Астрахани так же бережно, как и евреи с местечковыми общинами.

Царицынский купец 2 гильдии Сергей Яковлевич Искидаров, владевший рыбокопильней, кожзаводом и недвижимым имуществом в Царицыне (*Вся торгово-промышленная, 1913: 2225*), состоял в тесном родстве с Марком Яковлевичем Искидаровым – успешным ростовским предпринимателем, директором Нахичеванского-на-Дону городского общественного банка (Морозан). В поисках нового рынка сбыта С.Я. Искидаров перебрался в Царицын, открыл собственное дело и вступил в местную купеческую корпорацию.

Аналогичная ситуация, то есть родство с влиятельными коммерсантами из Ростова-на-Дону просматривается у братьев Кистовых, обосновавшихся в Царицыне в конце 1890-х гг. В состав царицынского торгового дома «С.Н. Кистов с Сыновьями» входил мощный лесопильный завод при станции Бекетовка, несколько 2-этажных кирпичных магазинов, общей стоимостью 18 тыс. руб. и

лесные пристани. Семейной фирме царицынских и ростовских купцов принадлежали еще 4 лесозавода в Нахичевани и Ростове (Морозан).

Население армянской общины в Царицыне в 1910 г. насчитывало всего 332 чел. (см. [Таблица 1](#)). По сведениям Статкомитета, в 1913 г. численность армянского населения в Саратовской губернии составляла 451 чел. ([ГАСО. Ф. 421. Оп. 1. Д. 3395. Л. 12](#)). Это означает, что основное количество армян проживало именно в Царицыне.

В городе действовала единственная в губернии армяно-григорианская церковь, которую община построила в 1908 г. в Заполотновской части (за ж/д линией) города ([ГАСО. Ф. 421. Оп. 1. Д. 3395. Л. 21](#)). Храм св. Григория Просветителя был возведен в романском стиле, из серого туфа, перевезенного из Армении, и вмещал 200 прихожан ([Арутюнян, 2015: 1263](#)). Рядом с храмом действовала одноэтажная каменная церковно-приходская школа. Излюбленным местом для поселения представителей общины были прилегающие к церкви территории. Однако магазины и лавки коммерсанты предпочитали открывать или выкупать недалеко от Базарной площади, то есть в центре торговой жизни города. Армяне издавна считались людьми с большими прирожденными коммерческими способностями.

Крупному промышленнику из армянского сообщества – Иосифу Богдановичу Ахвердову – принадлежали пряничная и конфетная фабрики, с количеством свыше 100 рабочих, 10 служащих, а также сеть кондитерских магазинов ([Вся Россия, 1912: 1800](#)). Недвижимое имущество предпринимателя оценивалось в пределах 30 тыс. руб. Мещанин С.М. Алпетьян имел чувячную фабрику, С. Гамазов – магазин готового платья ([Вся торгово-промышленная, 1913: 2224](#)). Вышеперечисленные персоны владели недвижимым имуществом в городской черте с оценкой более 1000 руб., следовательно, имели право на участие в городских выборах на основании ст. 24 Городового положения 1892 г. (Список избирателей, 1914: 50).

Для представителей своей общины у владельца мастерских обуви, одежды и собственного магазина А.К. Агамьянца в ассортименте имелись кавказские бурки, ботинки и чувяки. По информации рекламного объявления хозяина, их производство всегда находилось «под личным контролем» ([Весь Царицын, 1911: \[VI\] после с. 113](#)).

Основной состав армянской группы населения представляли торговцы среднего и мелкого звена, ремесленники, работники по найму. Ремесленники предпочитали трудиться в сфере услуг населению – имели пошивочные, сапожные и башмачные мастерские, занимались извозом на собственных пролетках и бричках. Из 205 царицынских мясников-ремесленников большинство были представителями татарского и армянского сообществ ([ГАСО. Ф. 421. Оп.1. Д. 3496. Л. 21 об.-22](#)).

С конца XIX в. многие местные татары стали активно и достаточно успешно заниматься торговлей. Преимущественно они продавали товары из кож, сукно, шерсть, фрукты, продукты и кондитерские изделия. Большая татарская община проживала в Зацарицынской части, недалеко от мечетей. Самым влиятельным человеком в общине был купец 2 гильдии Бяшир Невметулович Амерханов ([ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 9925. Л. 93](#)). Предпринимателю принадлежали кожзавод и сеть лавок, в ассортименте которых наличествовали изделия из кожи: обувь, одежда, торбы, предметы обихода. Недвижимое имущество хозяина оценивалось в 21795 руб. (Нижне-Волжская). Главным образом, на средства купца Амерханова и были построены две мечети, открыта мектебе, представлявшая начальную ступень мусульманской школы. Тем не менее в мектебе не обучали русскому языку, учили только чтению Корана и уважению старших. Следует отметить, что единственным в Саратовской губернии татаринном, торговавшим книгами, являлся Махмед Вильданов, лавка которого находилась тоже в Зацарицынской части города ([ГАСО. Ф. 1. Оп.1. Д. 9714. Л. 13 об.](#)).

К состоятельным торговцам из татар можно отнести Нурали Зогиевича Акчурина – владельца магазина меха и меховых изделий, расположенного в центре города, на Базарной площади ([Вся Россия, 1897: 2070](#)). Продавались бекешы, пальто, дохи, женские полушубки, горжетки, муфты, и торговля приносила солидный доход хозяину. Один из крупных в городе мануфактурных магазинов находился в совместной собственности татарина В.И. Муратова и русского торговца А.В. Пермякова ([Вся торгово-промышленная, 1913: 2224](#)).

В основной же массе городские татары принадлежали к ремесленникам-кустарям и торговцам мелкого звена. Наличие более 40 кожзаводов предопределило их главные виды ремесла – кожемяки, то есть сапожники, ремесленники по коже и шкурам. Скупкой и торговлей их изделий занимались деятельные мелкие коммерсанты из своей же общины, такие как, например, крестьянин М. Темирбулатов, владевший кожевенными лавками с товарами – портмоне, ремни, сумки, чувяки, украшения для конской упряжи. Этот «мелкий» коммерсант обладал городской недвижимостью, по оценке 1914 г., составлявшей 6163 руб., вследствие чего имел право на участие в городских выборах (Нижневолжская).

Горожан привлекали вкусовые качества продукции татарских пекарен – хлебных, булочных и сдобы, белых, находившихся во всех районах Царицына. В «русских» ресторанах города ценились деловые качества вежливых, услужливых и расторопных официантов-татар. В частности, в городе имелся торговый дом из разряда питейных заведений, основателями которого являлись официанты: татарин Н. Янбаев и русские Г. Панченков, С. Дранников ([Сборник, 1915: 163](#)). При заведении

работала и «школа» официантов. Ярким примером межнационального сотрудничества был торговый дом по производству-продаже минеральных и фруктовых вод, совладельцами которого являлись коммерсанты: татары И. Мазуров и М. Темирбулатов, немцы А. Рексер и Г. Репман, еврей Г. Брук и русские В. Моренов и С. Коклюшин (*Сборник, 1915: 335*).

Принятие Городового управления 1892 г. существенно отразилось на жизни купцов и почетных граждан, на которых возлагались общественные обязанности по городскому самоуправлению. Исполнение почетных служб не предполагало жалованья, но времени на решение вопросов по улучшению городской среды уходило много: электроосвещение улиц, укрепление набережной, строительство трамвайной линии и многое др. Помимо коммерсантов, в состав думы входили представители интеллигентных профессий – врачи и преподаватели. По национальной принадлежности основное количество думцев Царицына составляли представители русских деловых кругов. В 1906–1910 гг. только пятеро гласных (из 58) являлись немцами по происхождению: два врача – Б.Ф. Гафнер и А.И. Остен-Сакен, три коммерсанта – И.В. Краузе, В.М. Миллер, Э.К. Кольман (*Памятная книжка, 1907: 269*).

Представители влиятельных кланов из местных татар и армян, как правило, не были сильны в русской грамоте, что затрудняло их деятельность в органах городского самоуправления. В этой связи, имея право на участие в выборах, они не проявляли активности в данном вопросе. Оформлением их личных документов, учетом торгово-производственных оборотов фирм занимались образованные служащие, доверенные и приказчики. Например, у татар старшими приказчиками служили русские, немцы и евреи. Армяне больше доверяли русским служащим. Евреи же, отличаясь образованностью, участвовали в выборах, но от торгово-промышленных фирм или как представители Городской врачебно-санитарной исполнительской комиссии.

Вместе с тем коммерсанты национальных групп финансировали попечительские советы и комитеты социальной направленности, оказывали помощь образовательным учреждениям Царицына, где учились их дети и представители сообществ – это коммерческое и реальное училища, гимназии.

Все же благотворительность национальных деловых кругов, главным образом, была связана с сооружением и обустройством культовых зданий как центров духовной жизни для сограждан, о чем свидетельствует их многообразие в Царицыне начала XX в.: 16 православных церквей, синагога и молельный дом для иудеев, армянская апостольская церковь, 2 мечети, кирха, костел (*Государство, 2002: 412-413*). Мировосприятию национальных групп были присущи взгляды, что именно религия выполняет функцию защиты этнокультурной самостоятельности и самосостоятельности народа.

5. Заключение

Таким образом, национальные сообщества армян, евреев, татар Царицына территориально сосредотачивались в определенных частях города, рядом с располагавшимися культовыми зданиями. Каждая община оберегала свой специфический культурный образ и поддерживала отношения с большими колониями соотечественников: армяне – с жителями Нахичевани/на Дону, евреи – с местечковыми общинами черты оседлости, у татар имелись давние связи с Астраханским краем.

В ходе делового сотрудничества между представителями национальных общин имела место конкуренция по сбыту продукции, за потенциального потребителя, но существовали и общие торгово-промышленные интересы, действовали совместные фирмы. Значимым было то, что в городском социуме шел процесс формирования культуры межнациональных отношений. Царицынцам удалось избежать страшных «еврейских погромов» в 1905 г., в противоположность губернскому центру Саратову. Более того, повседневность города была тесно связана с профессиональной и общественной деятельностью национальных сообществ, которые смогли благополучно интегрироваться в деловую и социокультурную среду Царицына, став сегодня частью его истории.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта №18-49-340005 р_а

Литература

- Андреев, 1915* – Андреев Н. Иллюстрированный путеводитель по Волге и ее притокам Оке и Каме: с видами городов и достопримечательностей. 2-е изд. М.: «Мысль». 1915. 336 с.
- Арутюнян, 2015* – Арутюнян Д.М., Давыдова М.Ю. Армянская диаспора Волгоградской области: история и современность / *Научный альманах 2015. Исторические науки и археология*. № 9 (11). С. 1262-1265.
- Боханов, 1994* – Боханов А.Н. Деловая элита России. 1914 г. М., 1994. 272 с.
- Весь Царицын, 1911* – Весь Царицын. Справочник по гор. Царицыну и Царицынскому уезду на 1911 год. Царицын: «Царицынская мысль», 1911. 113 с.
- Водолагин, 1968* – Водолагин М.А. Очерки истории Волгограда 1589–1967. М.: Наука, 1968. 448 с.
- Вся Россия, 1897* – Вся Россия. 1897. Торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи. СПб: Изд. А.С. Суворина, 1897. Т. 2.

- Вся Россия, 1912** – Вся Россия. 1912. Торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи. М.: Типограф. В. Каракина, 1912.
- Вся торгово-промышленная, 1913** – Вся торгово-промышленная Россия. [Адресная книга]. Киев, т-во Л.М. Фиш, 1913. 2961 Стб.
- ГАСО** – Государственный архив Саратовской области.
- Государство, 2002** – Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке. Каталог культовых зданий. Волгоград, 2002. 535 с.
- Казаров, 2012** – *Казаров С.С.* Нахичеванское купечество (конец XVIII – начало XX века). Ростов/на-Д. : Ковчег, 2012
- Махлай, 2007** – *Махлай М.Ф.* Деловая элита России второй половины XIX – начала XX вв.: о критериях отбора и этническом составе // *Вестник Удмуртского университета. История.* 2007. № 7. С. 85-98.
- Минх, 1902** – *Минх А.Н.* Историко-географический словарь Саратовской губернии. Южные уезды: Камышинский и Царицынский. Аткарск: Аткарская типография, 1902. Вып. 4. 1093-1410 с.
- Морозан** – *Морозан В.В.* Купцы / Кистов Георгий Яковлевич [Электронный ресурс]. URL: <https://cities.blacksea.gr/ru/rostov-on-don/4-1-1/> (дата обращения: 07.04.2019).
- Нижневолжская** – Нижневолжская библиографическая энциклопедия / Проект Царицынского генеалогического общества [Электронный ресурс]. URL: <http://www.genvolga.ru/alf/s.htm> (дата обращения: 15.04.2019).
- Памятная книжка, 1907** – *Памятная книжка Саратовской губернии на 1907 г.* / Саратов. губ. стат. ком. Саратов, 1907. 390 с.
- Першиков** – *Першиков Н.П.* Из воспоминаний жителя Царицына. [Электронный ресурс]. URL: <http://gg34.ru/news/society/11654-2013-02-08-14-12-19.html> (дата обращения: 15.04.2019).
- Положение, 1894** – Положение о видах на жительство, с приведением дополняющих его узаконений, а также остающихся в действии постановлений Устава о паспортах. СПб.: А.Н. Морозов, 1894. 198 с.
- Рогозин, 1891** – *Рогозин Е.И.* Путешествие по русским городам / Баронск, Саратов, Царицын // Русское обозрение. Часть 3. 1891. № 7. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/r/ragozin_e_i/text_1891_puteshestvie_po_russkim_gorodam.shtml (дата обращения: 07.04.2019).
- Сборник, 1915** – Сборник сведений о действующих в России торговых домах (товариществах полных и на вере). Пг., 1915.
- Список, 1914** – Список избирателей. Шестого четырехлетия по г. Царицыну (с 1915 по 1918 год включительно). Царицын, 1914. 55 с.
- Царицынский** – Царицынский 1 гильдии купец Е.П. Зильберман, реклама, Екатеринбург, 1908 год / История России в документах [Электронный ресурс]. URL: <http://hisdoc.ru/advertising/23650/> (дата обращения: 28.04.2019).
- Blackwell, 1983** – *Blackwell W.* The Russian Entrepreneur in the Tsarist Period: an Overview // Entrepreneurship in Imperial Russia and the Soviet Union. Princeton, 1983. 384 p.

References

- Andreev, 1915** – *Andreev N.* (1915). Ilyustrirovannyj putevoditel` po Volge i ee pritokam Oke i Kame: S vidami gorodov i dostoprimechatel`nostej [Illustrated guide to the Volga and its tributaries Oka and Kama: With views of cities and attractions]. 2-e izd. M.: «Mysl`». 336 p. [in Russian]
- Arutjunjan, Davydova, 2015** – *Arutjunjan D.M., Davydova M.Ju.* (2015). Armjanskaja diaspora Volgogradskoj oblasti: istorija i sovremennost' [Armenian diaspora of the Volgograd region: history and present]. *Nauchnyi al'manakh 2015. Istoricheskie nauki i arkheologiya*, Nr. 9 (11). pp. 1262-1265. [in Russian]
- Blackwell, 1983** – *Blackwell W.* (1983). The Russian Entrepreneur in the Tsarist Period: an Overview // Entrepreneurship in Imperial Russia and the Soviet Union. Princeton, 1983.
- Bohanov, 1994** – *Bohanov A.N.* (1994). Delovaja jelita Rossii [Business elite in Russia]. M., 275 p. [in Russian]
- Czaricynskij** – *Czaricynskij 1 gil`dii kupecz E.P. Zil`berman reklama, Ekaterinoslav, 1908 god / Istorija Rossii v dokumentax* [The Tsaritsyn 1 guilds the merchant E.P. Zilberman advertizing, Ekaterinoslav, 1908 year]. History of Russia in documents [Electronic resource]. URL: <http://hisdoc.ru/advertising/23650/> [in Russian]
- ГАСО** – Gosudarstvennyi arkhiv Saratovskoi oblasti [State archive of Saratov region].
- Государство, 2002** – Gosudarstvo i religioznye organizacii Nizhnej Volgi i Dona v XX veke. Katalog kul'tovyh zdanij [The state and the religious organizations of the Lower Volga and Don in the XX century. Catalog of cult buildings]. Volgograd, 2002. 535 p. [in Russian]
- Kazarov, 2012** – *Kazarov S.S.* (2012). Nahichevanskoe kupechestvo (konec XVIII – nachalo XX veka) [Nakhichevan merchants (end of XVIII – beginning of XX century)]. Rostov n/D: Kovcheg, 143 p. [in Russian]
- Mahlay, 2007** – *Mahlay M.F.* (2007). Delovaja jelita Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv.: o kriterijah otbora i jetnicheskom sostave [The Business Elite of Russia from the middle of XIX to the

beginning XX centuries: about signs of the selection and ethnic composition]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istorija*, №7, pp. 85-98. [in Russian]

Minh, 1902 – *Minh A.N.* (1902). Istoriko-geograficheskij slovar' Saratovskoj gubernii. Juzhnye uезdy: Kamyshinskij i Caricynskij [Historical and geographical dictionary of the Saratov province. Southern counties: Kamyshin and Tsaritsyn]. *Atkarsk: Atkarskaja tipografija*, Is. 4, pp. 1093-1410. [in Russian]

Morozan – *Morozan V.V.* Kupcy/ Kistov Georgij Yakovlevich [Merchants / Kistov Georgy Yakovlevich] [Electronic resource]. URL: <https://cities.blacksea.gr/ru/rostov-on-don/4-1-1/> [in Russian]

Nizhne-Volzhsкая – Nizhne-Volzhsкая Biobibliograficheskaya Enciklopediya / Proekt Czaricynskogo Genealogicheskogo Obshhestva [Lower Volga Biobibliographic Encyclopedia / Project of the Tsaritsyn Genealogical Society] [Electronic resource]. URL: <http://www.gen-volga.ru/alf/s.htm> [in Russian]

Pamyatnaya knizhka, 1907 – Pamyatnaya knizhka Saratovskoj gubernii na 1907 g. / Saratov. gub. stat. kom., Saratov [The memorable book of the Saratov province for 1914]. Saratov, 1907. 390 p. [in Russian]

Polozhenie, 1894 – Polozhenie o vidah na zhitel'stvo, s privedeniem dopolnjajushhih ego uzakonenij, a takzhe ostajushhihsja v dejstvii postanovlenij Ustava o pasportah [The provision on the residence permits, with reduction supplementing it legalizations and also remaining in operation resolutions of the Charter on passports]. SPb.: A.N. Morozov, 1894. 198 p. [in Russian]

Sbornik, 1915 – Sbornik svedenii o deistvuyushchikh v Rossii tovgovykh domakh (tovarishchestvakh polnykh i na vere) [The collection of data on the trading houses operating in Russia (associations full and on belief)]. Petrograd, 1915. [in Russian]

Spisok, 1914 – Spisok izbiratelej. Shestogo chetyrexletiya po g. Czaricynu (s 1915 po 1918 god vklyuchitel'no) [Electoral register. The sixth four years across Tsaritsyno (from 1915 to 1918 inclusive)]. Tsaritsyn. 1914. 55 p. [in Russian]

Ves' Caricyn, 1911 – Ves' Caricyn. Spravochnik po gor. Caricynu i Caricynskomu uезdu na 1911 god [All Tsaritsyn. Reference book on the city of Tsaritsyn and Tsaritsyn county for 1911]. Tsaritsyn: "Tsaritsyn thought". 1911. 113 p. [in Russian]

Vodolagin, 1968 – *Vodolagin M.A.* (1968). Oчерки istorii Volgograda 1589–1967 [Sketches of history of Volgograd 1589–1967]. M.: Nauka. 448 p. [in Russian]

Vsja Rossiya, 1897 – Vsja Rossiya. 1897. Torgovo-promyshlennyj adres-kalendar' Rossijskoj imperii [Commercial and industrial address-calendar of the Russian Empire]. SPb: Izdanie A.S. Suvorina, 1897. T. 2. [in Russian]

Vsja Rossiya, 1912 – Vsja Rossiya. 1912. Torgovo-promyshlennyj adres-kalendar' Rossijskoj imperii [Commercial and industrial address-calendar of the Russian Empire]. M.: Typography. V. Karakina, 1912. [in Russian]

Vsya tovgovo-promyshlennaya, 1913 – Vsya tovgovo-promy'shlennaya Rossiya. [Adresnaya kniga]. [All commerce and industry Russia. [Address directory]. Kiev, t-vo L.M. Fish, 1913. 2961 Col. [in Russian]

Деловые национальные круги русского города в конце XIX – начале XX веков (на примере Царицына)

Ирина Николаевна Литвинова ^{a, *}, Оксана Александровна Карагодина ^a

^a Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Рассматриваются сферы деятельности деловых национальных кругов – русских, немцев, евреев, армян, татар, представлявших торгово-промышленный потенциал Царицына-на-Волге. Анализируются национальный состав местной купеческой корпорации, проблемы, связанные с получением разрешения у властей проживать в городе евреям-коммерсантам из местечек оседлости. Определены этнический состав жителей Царицына, направления и предпочтения предпринимательской деятельности национальных сообществ. На основе документальных источников выявлены наиболее яркие и влиятельные предприниматели, способствовавшие развитию своих общин, а также экономики и социокультурной жизни города. Фактор созидательного потенциала в определенном смысле способствовал успешной интеграции «нерусских» коммерсантов в деловую и социокультурную среду русского города, став частью его исторического наследия.

Ключевые слова: южный город, национальные сообщества, промышленность, коммерсанты, евреи, армяне, татары, торговля.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: litvinova@volsu.ru (И.Н. Литвинова),
karagodina@volsu.ru (О.А. Карагодина)

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1187-1200. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1187
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Urban Kitchen as a Social Space in the Noble-Intellectual Environment of Russia in the second part of the XIX – early XX centuries

Valentina A. Veremenko ^{a, *}

^a Pushkin Leningrad State University, Russian Federation

Abstract

The article explores the noble-intellectual urban kitchen of post-reform Russia as a socio-cultural space. Furnishings of the kitchen and basic elements of household items are characterized. Requirements for this room, raised by the tenants, are determined.

Special attention is paid to the characteristics of the cook's social status. The factors that gave this servant an opportunity to set their own rules in the master's kitchen and contributed to the emergence in the nobility of a stable idea of the "arrogant and drunken cooky" are found out.

At the end of the XIX century under the influence of economic and socio-cultural reasons in the noble-intellectual environment of Russia a request for a partial or even complete rejection of servants is formed. In both cases this meant significant participation of the educated housewives in household chores and, above all, in cooking. Certain changes in the nature of education of noblewomen, appearance of numerous culinary courses and publication of specialized literature created conditions for the realization of this request. The emergence of new gas and kerosene stoves, greatly facilitating the process of cooking, also contributed to attracting housewives to the kitchen. These technical innovations made it possible for the noble-intellectual families to refuse completely from home kitchen, replacing it with a portable roaster used to heat dishes ordered in catering establishments.

Keywords: post-reform Russia, noble-intellectual families, kitchen, housewife, servant, cook, stove, sanitary norms, catering.

1. Введение

Слово «кухня» появилось в России в начале XVIII в. (от нем. Küche – стол, пища). Данное понятие сразу приобрело многозначный характер, при котором только в прямом смысле под ним понималось: 1) помещение, предназначенное для приготовления пищи; 2) тип мебели, главной функцией которой является приготовление и прием пищи, хранение продуктов и кухонных принадлежностей; 3) приготовление пищи (стряпня, поварское искусство); 4) характер пищи (национальный, территориальный и т.д.), подбор кушаний.

В последние годы на волне антропологического поворота в социальных науках (Пушкарева, 2016) возрос интерес к истории повседневности, а вместе с ним и ко всему тому, что включает понятие «кухня». Исследуется место кухни в интерьере жилого пространства в городских домах и усадебных комплексах в различные исторические периоды (Бородина, 2015; Махлина, 2012). Изучаются этапы эволюции кухонного очага (печь – плита – газовая/керосиновая горелка), связанное с этим изменение в домашней технике и социальные последствия массового внедрения в быт новых атрибутов приготовления пищи (Веремченко, 2017). Авторы обращают внимание на специфику стряпни, подбора питания и гастрономических традиций, характерных для представителей разных социальных и национальных групп, проживавших в тех или иных регионах Российской империи и

* Corresponding author

E-mail addresses: v.a.veremenko@ya.ru (V.A. Veremenko)

СССР (Годовова Е.В., Годовова А.С., 2019; Капкан, 2013; Медведева, Васькина, Газиева, 2016; Сактагова, Абдрахманова, 2016; Яхно, 2019). Нашла отражение в литературе даже гастрономическая подоплека «политической кухни» – исследуются меню дипломатических обедов и приемов, столовых «посиделок» представителей различных партий и фракций, вкусы политических лидеров и т.д. (Глушенко, 2015; Неужин, 2017; Шукин, 2017).

Среди сотен трудов, посвященных разным сторонам «кухни», пожалуй, наименьший интерес вызывает изучение ее как специфического социально-культурного пространства. И если коммунальная советская и постсоветская кухня – «полифункциональное коммуникативное пространство» – благодаря, прежде всего, работе И.В. Утехина (Утехин, 2004) изучена достаточно подробно (см. также: Алексеева, 2017; Чебанюк, 2018), то социальный статус данного помещения в дворянско-интеллигентской пореформенной семье не стал до сих пор предметом специального исследования. Практически весь набор сведений о социальном пространстве дореволюционной городской кухни средней руки укладывается в несколько фраз: «... кухня часто служила и жилищем кухарки... Раньше кухни не показывали. Как и ванная комната, она была местом, где, скрытая от глаз посторонних, проходила частная жизнь» (Махлина, 2012: 100).

Целью данной статьи является выявление основных социальных функций городской пореформенной дворянско-интеллигентской кухни, характеристика произошедшей в результате процесса модернизации эволюции социальных ролей жильцов квартиры, ответственных за питание членов семьи, прежде всего хозяйки и прислуги.

Источниками для написания статьи стали публицистические материалы, уставы различных организаций, многочисленные пособия по домоводству и кулинарии, художественная литература, а также дневники и воспоминания российских дворян, и особенно дворянок.

В работе использован методологический подход, сочетающий в себе исследовательские приемы, характерные для истории повседневности (прежде всего метод исторической реконструкции), теории социокультурной динамики и теории топохрона. Эти направления дополняют друг друга и дают возможность всесторонне исследовать межличностные отношения, складывавшиеся на российской съемной кухне «среднего класса» во второй половине XIX – начале XX вв.

Теория топохрона позволяет рассмотреть пространство кухни как целостный культурно-исторический комплекс. В русле этой методологии данное помещение исследуется как феномен культуры, вокруг которого складываются цепочки отношений. История повседневности выявляет за обыденным поведением людей социальные практики, которые генерируют исторический процесс в целом. В данной статье стратегии поведения хозяев и прислуги, направленные на адаптацию к вызванным процессами модернизации условиям жизни, рассматриваются как важная часть процесса изменения социальных практик в исследуемый период. Теория социокультурной динамики предполагает оценку комплекса отдельных социальных и культурных факторов как движущей силы социокультурного изменения.

2. Обсуждение и результаты

Накануне реформы: мечты о новой кухне

Накануне отмены крепостного права среди множества связанных с предстоящей «эмансипацией» тем активно обсуждался в российском образованном обществе и вопрос о влиянии предстоящих кардинальных преобразований на организацию дворянского домашнего хозяйства. А влияние должно было быть тем более серьезным, что, по мнению многих «передовых» современников, освобождение крепостных должно было обязательно идти рука об руку с решением «женского вопроса», мыслимого как выход представительниц привилегированных сословий «из домашнего заточения», предоставление им свободы выбора образования и деятельности (Тишкин, 1984).

В этом плане вполне резонно вставал вопрос о том, что станет с семьей, домом, и особенно кухней, если безропотную крепостную дворню сменит наемная прислуга, да еще и предоставленная сама себе, так как отдавшей общественному служению дворянке будет не до контроля за слугами? Решение этой проблемы виделось только одним способом – создать в каждом городском многоквартирном доме общую кухню, «нечто вроде кухмистерской или гостиницы, где бы можно было во всякое время, за различную цену доставить и обед, и ужин, и завтрак, и вино, и чай, и кофе; и в эту гостиницу посторонние не имели бы право ходить, так что не было бы ни шума, ни беспокойства» (Нечто об устройстве, 1859: 157). Появление такой общей для всех жильцов одного дома кухни должно было создать для городских семей совершенно новые, значительно более комфортные условия жизни. Прежде всего, авторы подобной инициативы указывали на значительную экономию, а следовательно, и возможность потратить освободившиеся ресурсы на другие нужды. Так, каждая из семей, выделявшая ранее одно из помещений квартиры под кухню, теперь могла распорядиться им как-то иначе, а «одна лишняя комната может избавить от многих огорчений». Значительно сокращались расходы на дрова, так как кухня должна была топиться каждый день, вне зависимости от температуры на улице: на воду, на кухонные принадлежности –

а главное, «не нужна кухарка, которую должно кормить, платить ей жалованье и делать обязательные два раза в год подарки». Воздух в квартире, избавленной от ежедневного дыма и чада, стал бы значительно чище, что сказалось бы на здоровье домочадцев. Но основной упор сторонники «нового быта» делали на серьезные социальные последствия отказа от личной кухни: «...женщины были бы избавлены от хозяйственных хлопот и через это избежали бы многих неприятностей, имели бы более времени для других занятий, и следовательно, – могли бы быть более полезны своему семейству. Дети, именно девочки, избавились бы от излишнего учения хозяйству и имели бы более времени выучиться чему-нибудь более полезному. Мы бы избавились от кухарок, которые очень часто делают большие неприятности». Да и вообще семья стала бы более приватной, отказавшись от постоянно находящегося в ней «чужого человека». Ведь совершенно очевидно, что «прислуга не семейство, и каждое лишнее, постороннее лицо в семье всегда более или меньше приносит вред» ([Нечто об устройстве, 1859: 157-159](#)).

Однако таким радужным пореформенным перспективам не суждено было сбыться. Конечно, в больших городах функционировали меблированные комнаты, в которых помимо помещения можно было получать входящие в стоимость проживания чай и обед. Из числа «среднего класса» подобной услугой, как правило, пользовались студенческая молодежь, а также одинокие женщины и холостяки разных возрастов и профессий. Жилец, снявший такую комнату, мог ни разу не побывать в местной кухне, так как либо получал всю еду на подносе в свою комнату, либо пил чай «у себя», а на обед приглашался в общую столовую. Красочные описания бытовых условий проживания в меблированных комнатах часто встречаются в произведениях русской классической литературы. Достоверность их не вызывает сомнения, так как многие отечественные писатели провели в них значительную часть жизни... ([Баранцевич, 1894; Куприн, 1912](#))

Тем не менее для основной массы дворянско-интеллигентских семей и в течение всего исследуемого периода оставалось актуальным съемное отдельное жилье со своей кухней и личной прислугой ([Панникова, 2017: 61-62](#)).

Обустройство домашней кухни

Многочисленные пореформенные пособия по домоводству советовали хозяйкам при выборе той или иной квартиры обращать самое пристальное внимание на кухню: «В больших городах, в наемных квартирах, где каждый аршин места составляет экономию для домовладельца, кухни нередко не удовлетворяют самым скромным требованиям. Но еще чаще сами хозяйки при найме квартир не обращают внимания на устройство кухонных помещений. «Квартира хороша, только кухня очень тесная!» – сколько раз приходится слышать подобные сетования. Очень многие хозяйки мирятся с такими недостатками квартир, не считая даже их особенно существенными. А между тем устройство кухни, в которой готовят продукты, необходимые для поддержания человеческой деятельности и жизни, казалось бы, не только не могло бы, но и не должно было бы идти в разрез с основными правилами гигиены...» ([Носкова, 1905: 4](#)). Мало того, молодоженам, снимавшим свою первую самостоятельную квартиру и впервые занимавшимся покупкой мебели и предметов домашнего обихода, рекомендовалось, прежде всего, до перехода к оснащению собственно жилых помещений, позаботиться об устройстве кухни и места (желательно отдельной комнаты) для прислуги. Так, многоопытная и гордящаяся своим «интересом к делу» «тонкой и многоохватывающей науки – хозяйства», А. Нельсина, настоятельно советовала новобрачной, выбрав понравившееся наемное жилье, привести для осмотра кухни кухарку своей матери, чтобы «эта особа сказала свое компетентное слово». Далее следовало обязательно договориться с домохозяином о ремонте помещения, причем, если он не согласится вложиться – сделать его за свой счет. Самой подобрать светлую масляную краску для стен кухни, походить по магазинам и найти удобную и практичную мебель, а все, что не удастся купить, заказать ([Нельсина, 1913: 10-14](#)).

На деле, как и отмечали сами авторы пособий, мало кто из нанимателей интересовался качеством кухни, ведь найти в крупном городе квартиру, отвечающую всем необходимым требованиям по расположению, цене, метражу, удобству («светлая», «сухая», оснащенная новшествами – водопровод, канализация, телефон, электричество и т.д.) было практически невозможно ([Веретенко, 2019b](#)). Надо было чем-то жертвовать... Большинство хозяев предпочитали жертвовать кухней как местом, скрытым от глаз гостей, да и редко посещаемым самими хозяевами...

В результате наниматели могли считать, что им повезло, если их кухня не была «сырой, холодной, с большой бочкой воды (без водопровода)», с брошенной у ее дверей дворником «скудной, казенной охапкой дров», а именно так описывала это помещение в своей первой питерской квартире жена офицера Генерального штаба – О.М. Меницкая ([Меницкая, 2017: 132](#)).

Наибольшее по размеру место «всякой кухни», ее «главным центром» являлась «горизонтальная кухонная печь, плита», состоящая из «трех главных частей: топки, где горят дрова, торф или каменный уголь, дымоходов со стенками и дымовой трубы... Кухонные очаги бывают кирпичные (часто изразцовые) и металлические, обычно чугунные» ([Б-ий, 1902: 29](#)). На протяжении второй половины XIX в. произошло окончательное вытеснение из городской кухни русской печки ([Веретенко, 2017](#)) и замена ее плитой «с духовками и открытыми конфорками, на которых удобно

было жарить, особенно в большом количестве жира. ... На плите нельзя томить и запекать, зато можно варить и жарить – варить прозрачные бульоны и заправочные супы, жарить порционные куски мяса и рыбы, овощи, печь (т.е. жарить, а не выпекать) блины и т.д. Соответственно, на смену глиняным горшкам и латкам (особым сковородкам с носиком) приходят кастрюли, противни, сковороды и другая новая металлическая кухонная утварь. Посуда из керамики перестает использоваться, для плиты она не годится, у нее низкая теплопроводность, особая форма (малая площадь дна) рассчитана на то, что нагрев будет осуществляться не снизу, как на плите, а по всей поверхности. Наоборот, кастрюля и тем более противень созданы именно для плиты – как, впрочем, и металлическая сковорода с крышкой» (Бородина, 2015: 83-84).

Все перечисленное означало, что крестьянские девушки, с малолетства осваивавшие науку домоводства и уверенные в том, что они легко смогут работать прислугой, оказывались совершенно неспособны ничего приготовить на плите, так как умения управляться с печкой для плиты были бесполезными. Таким образом, к плите можно было поставить только городскую кухарку, чтобы стать каторгой, деревенской девушке надо было долго учиться. Недаром кухарки считались своего рода аристократией среди прислуги, и их зарплата могла в два раза превышать заработок крестьянских неумех – «сущест», умеющих «лишь наполнять горшки, кастрюлю и сковороду и ставить в печь» (см. Веремченко, 2013; КИЕЗ, 1864: 3).

Помимо плиты в кухне находились хозяйственный стол/столы, табуреты, шкаф, шкафчики и полки для хранения непортящихся продуктов и кухонной утвари, бак с водой, раковина, поленица для дров, за окном (если оно было) висел ящик для хранения скоропортящихся продуктов. Одну из стен загромождать было нельзя, так как там находился выход на «черную лестницу», которым полагалось пользоваться домашней прислуге, а также дворникам и посыльным, приносящим продукты из магазинов, лавок и рынка (Махлина, 2012: 100-101; Нельсина, 1913: 32-35).

Заполненная до отказа различными предметами кухня могла оказываться еще и жилым помещением – значительное число дворянско-интеллигентских семейств не хотели тратить на оплату отдельной комнаты для прислуги и предпочитали селить свою кухарку прямо по месту работы. В хозяйских дневниках и мемуарах, как правило, такая форма жилья описывалась как типичная и казавшаяся вполне разумной: «Кухарка помещалась в кухне, просторной и светлой, с большой плитой и железным навесом над нею» (ОР РНБ. Ф. 163. Д. 313. Л. 35). В лучшем случае жилой «угол» отделялся от остального помещения шкафом или ширмой. Там же, где соорудить такую нишу не представлялось возможным, устраивали «нечто вроде деревенских полатей, под самым потолком возле плиты» (Бородин, 1910: 91, де-Турже-Туржанская, 1906: 6; Невский, 1917: 4).

Авторы пособий по домоводству, выступая против «неаппетитного, негигиеничного и примитивного» обычая «постель прислуги устраивать на кухне», обращали внимание, что такая экономия в конце концов обязательно обернется головной болью для хозяйки и даже может стать причиной семейных конфликтов. Ведь «само собой разумеется – порядочная прислуга при таких условиях долго в доме не останется; пойдут испорченные обеды, битые посуды, постоянные перемены кухарок...» (Нельсина, 1913: 21). Действительно, хорошо знавшая свое дело и успевшая заработать значительный собственный скарб кухарка, если и соглашалась поместиться на кухне, то только в том случае, если «отгороженный угол» в ней, мало того, что был с окном, но и позволял вместить ее личные вещи: «и кровать, и комод, и сундук, и зеркало, и два Божьих милосердия» (Лейкин, 1903: 288).

Описание кухни будет не полным, если мы не обратим внимание на неофициальных жильцов – тараканов, клопов и крыс. Борьбу со всей этой живностью постоянно, но безуспешно вели практически во всех многоквартирных городских домах страны. В качестве главного средства избавления от насекомых пособия рекомендовали безукоризненное соблюдение на кухне чистоты: своевременную чистку и мытье кухонной посуды, уборку остатков пищи и ненужных продуктов, мытье полов и стен. Для облегчения последней задачи рекомендовалось не оклеивать кухню обоями, а окрашивать стены масляной краской (Нельсина, 1913: 24-32; Носкова, 1905: 4-7). Вместе с тем многие кухарки, да и хозяйки так привыкли к тараканам, что переставали обращать на них внимание. В том случае, если для начитавшейся литературы по гигиене и санитарии хозяйки качество уборки и борьба с насекомыми имели принципиальное значение, а кухарка относилась к тараканам более «спокойно», это могло стать серьезной проблемой во взаимоотношениях господ с прислугой. Подобные конфликты нередко становились частью сюжета юмористических рассказов. Вот, например, какой монолог произносит кухарка в рассказе Н.А. Лейкина «Горничная»: «Давече пришла в кухню и начала браниться: зачем, видишь ли, я тараканов развела. Разве я их разводила, разве можно при хлебе без них быть? Да я на одиннадцати местах выжила, и везде тараканы были. У одной купчихи жила, так та нарочно черных тараканов разводила; „Ты, говорит, не бей их, Акулинушка, потому что они счастье приносят“... да...» (Лейкин, 1871: 261)

Лучшими средствами от грызунов, помимо чистоты, считался съём квартиры на верхних (3–4) этажах зданий (Синицына, 1899: 13-14) и наличие в кухне кота. Недаром кот как обязательный атрибут данного помещения повсеместно встречается в произведениях русской классической литературы, особенно детской (см. напр. Баранцевич, 1894; Попов (Алешин), 1911).

В отдельных, редких случаях кот мог поменять свой статус «кухонного работника» и, превратившись в любимца хозяев, получить свободу передвижения по квартире и право на «особое» деликатесное питание. Так, например, подобный «господин» жил в дворянской семье Огородниковых. Посещавшая это семейство гостя и спустя десятилетия вспоминала о большом и холемом рыжем коте – общем баловне: «Ему первому наливают на блюде сладкого кофе со сливками, крошат туда свежую сдобную булочку и любезно упрасивают покушать, – а он важно и нехотя, как бы снисходя к уговорам, из одолжения, осторожно лакает его» (ОР РНБ. Ф. 163. Д. 313. Л. 56-57). В большинстве же городских квартир коты не имели права ходить в господские покои, спать приходили к плите, честно ловили крыс и мышей, за что иногда могли получить от кухарки что-нибудь «вкусненькое».

Кто на кухне хозяйка?

Пособия по домоводству настоятельно рекомендовали хозяйке «ежедневно, хотя на непродолжительное время, побывать в кухне, во-первых, для наблюдения за чистотой и опрятностью как посуды, полотенец, фартуков, так и самого помещения кухни; во-вторых, для осмотра купленной кухаркой провизии и проверки счетов. ... Далеко не всегда можно иметь опытную, честную и трезвую кухарку» (Хмелевская, 1906: 7).

На деле хозяйка (не говоря уже о других членах семьи) действительно появлялась на кухне достаточно редко, предпочитая даже для заказа обеда не ходить в это, наполненное чадом и дымом жаркое помещение, по которому гуляли сквозняки от постоянно открытой двери на черную лестницу (Попов, 1907: 10). Отдельные исключения были связаны либо с установившейся практикой использования кухни для каких-то не связанных с приготовлением еды семейных нужд (напр. в качестве ванны), либо с большими праздниками, при подготовке к которым хозяйке приходилось помогать кухарке с приготовлением праздничного стола. Последнее особенно часто практиковалось перед Пасхой, когда к украшению куличей, баб и пасхи нередко привлекались даже хозяйские дети (Лейкин, 1903: 291; ОР РНБ. Ф. 163. Д. 313. Л. 39-45; ИРЛИ РАН. Ф. 15. Д. 1. Л. 72; Пасхальные истории; Луговой, 1909: 166).

Можно было бы подумать, что кухарка проводила все время на кухне одна, на деле, как правило, там практически всегда был кто-то еще.

Прежде всего на кухне полагалось принимать пищу всей домашней прислуге. Традиционным и достаточным считался «комплект» из двух женщин – кухарки и горничной (ОР РНБ. Ф. 163. Д. 313. Л. 91; Нельсина, 1913: 25). В наименее обеспеченных семьях обе эти функции выполняла одна женщина, которая так и называлась – «прислуга» (Веремченко, 2013). Для питания слуг руководства по домоводству рекомендовали завести отдельный комплект посуды «6 глубоких, и 6 мелких тарелок, и 3 простые фаянсовые кружки, ... а также скатерть-клеенку по размеру ... кухонного стола». После каждого завтрака и обеда прислуге такую скатерть следовало вымывать теплой водой, свертывать трубкой и ставить на свое место (Нельсина, 1913: 48-49). Если слуги не имели своей комнаты, то и мыться им приходилось на кухне, в хозяйственной раковине. Последнее обстоятельство, по мнению авторов пособий, служило дополнительным аргументом для решения выделить прислуге собственное помещение, что оградило бы домашних «от неприятного сознания, что прислуга моется на кухне и от еще более неприятной возможности застать их за этой операцией в воскресный день, например, когда одна из них готовится к праздничному «выходу со Двора» (Нельсина, 1913: 25).

Помимо «своего» персонала, на кухне довольно часто можно было увидеть представителей нарождавшейся сферы услуг – артельную мужскую прислугу.

В пореформенный период в связи с ухудшением материального положения дворянских семей и происходившим одновременно ростом числа чиновничье-мещанских семей среднего достатка предъявлялись новые требования к ныне свободным лицам, работавшим по домашнему найму. Главными из них стали дешевизна и отсутствие специализации (Веремченко, 2013). А так как нанять на домашние работы мужчину дешевле, чем за 10–12 руб. в месяц, уже не представлялось возможным (Рыкачев, 1911; Широкогоров, 2006), то именно эта категория слуг и попала под сокращение первой. Не имея возможности постоянно содержать дорогую мужскую домашнюю прислугу, но периодически нуждаясь в ее услугах, хозяева начали нанимать себе работников для выполнения временных поручений. Подобный спрос стимулировал создание общественных организаций (артелей) мужской прислуги, предлагавших широкий спектр услуг за небольшую фиксированную плату.

Так, например, артель московских полотеров занималась производством «работ по натиранию полов мастикой и воском как в казенных, так и в частных домах Москвы» (уже в начале 80-х гг. XIX в. число участников артели составляло 100 чел.) (Устав Московской артели полотеров..., 1882: 1). Южно-Русская артель официантов «приискивала разные работы», принимала «заказы на балы, званые и свадебные вечера со своей сервировкой и без нее» (Южно-Русская артель официантов в Одессе..., 1901: 5). Варшавская артель посыльных, помимо собственно доставки корреспонденции и товаров, предлагала «прислуживать на определенное время, чистить на улицах платье и сапоги, ... натирать полы и прочее» (Устав Варшавской артели посыльных, 1905: 1).

Приглашенные на временную работу или пришедшие с поручением попадали в квартиру через кухню, куда выходила «черная лестница», здесь они обязательно перекидывались несколькими словами с местной прислугой и, как правило, получали от кухарки предложение отведать чай или кофе (очевидно, хозяйский). Особого внимания заслуживал местный дворник – бывший частым гостем на кухнях своих жильцов. Ведь с ним и самим хозяевам следовало поддерживать максимально любезные отношения, «слегка заинтересовывая денежно», так как, с одной стороны, именно к нему прежде всего обращались с различными мелкими просьбами – принести воду (если отсутствовал водопровод), погрузить мебель при переезде, перенести корзины с выстиранным бельем из прачечной на чердак и т.д., а с другой – конфликт жильцов с дворником мог сделать жизнь квартиросъемщиков совершенно невыносимой (Веремеенко, 2019b; Нельсина, 1913: 28).

Помимо пришедших «по делу», в кухне нередко находились зашедшие к прислуге, и, прежде всего, к самой кухарке гости. Довольно часто это были «коллеги по цеху». Особенно любило такое «гостевание» прислуга безместная, использующая подобные посиделки как для поиска нового места службы, так и просто для «получения куска хлеба» в условиях безденежья. Вот как рисует один из таких визитов Н.А. Лейкин:

«–Покормлю, покормлю. Еще бы не покормить! Я тебе даже бифштекс выкрою, душенька.

– Ну, вот видишь. Сегодня ты покормишь, завтра другая кухарка, послезавтра третья, а я сыта. А у меня знакомых-то кухарок, слава Богу, до Москвы не перевешаешь. Сама всех безместных кормила, так уж не уж то меня то!.. Ведь люди тоже... Так вот я, милушка, месяца три и отдохну в своем уголке от злой неволи.

– А вот перво-наперво я тебя кофейком попою, – суегилась рыжая кухарка. – Ведь выпьешь, что ли?

– От денег да от кофею никто не отказывается. Заваривай» (Лейкин, 1903: 277).

Если среди зашедших в гости оказывались «ухажеры» или «личные друзья» кухарки, одним «кофеием» дело не ограничивалось – доставалось и спиртное, как правило, тоже хозяйское. Прекрасное описание встречи возможного жениха со своей потенциальной невестой на хозяйской кухне дает А.П. Чехов в рассказе «Кухарка женится»:

«Гриша, маленький семилетний карапузик, стоял около кухонной двери, подслушивал и заглядывал в замочную скважину. В кухне происходило нечто, по его мнению, необыкновенное, доселе невиданное. За кухонным столом, на котором обыкновенно рубят мясо и крошат лук, сидел большой, плотный мужик в извозчиьем кафтане, рыжий, бородастый, с большой каплей пота на носу. Он держал на пяти пальцах правой руки блюдечко и пил чай, причем так громко кусал сахар, что Гришину спину подирал мороз. Против него на грязном табурете сидела старуха нянька Акусья Степановна и тоже пила чай. ... Кухарка Пелагея возилась около печки и, видимо, старалась спрятать куда-нибудь подальше свое лицо. ... На стол, за которым пили чай, она ни разу не взглянула, а на вопросы, задаваемые нянькой, отвечала отрывисто, сурово, не поворачивая лица.

– Кушайте, Данило Семеныч! – угощала нянька извозчика. – Да что вы все чай да чай? Вы бы водочки выкушали!

И нянька придвигала к гостю сороковушку и рюмку, причем лицо ее принимало ехиднейшее выражение.

– Не употребляю-с... нет-с... – отнекивался извозчик. – Не невольте, Акусья Степановна.

– Какой же вы... Извозчики, а не пьете... Холостому человеку невозможно, чтоб не пить. Выкушайте!» (Чехов).

Но так как квартира (и кухня в ней) все-таки была хозяйская и существовала опасность появления на ее пороге владельцев, то более личные контакты, за пределами простого застолья, были крайне затруднительны. В результате стремление устроить свою личную жизнь могло стать одним из факторов, способствовавших желанию кухарки поменять место: «А я пуще из-за помещения думаю уходить. Комнаты мне нет, и сплю я в кухне за перегородкой. Придет мерзавец-то, посидит-посидит, и некуда его спрятать. Все на юру, все на юру. Войдет барыня в кухню, и он перед ней как на ладони» (Лейкин, 1903: 272).

Хотя были и такие кухарки, которые предпочитали свое «личное пространство на кухне» возможности делить общую комнату с горничной: «главное, чтоб поместиться одной, без другой прислуги, чтоб комната была моя собственная ... потому, ... надо тоже и гостей принять» (Лейкин, 1903: 288).

Помимо ежедневных «приемов», кухня была центром праздников прислуги. Служанки и их гости отмечали на хозяйской кухне не только религиозные, но и личные праздники – чаще всего именины, а иногда и свадьбы.

Конечно, юмористический рассказ Н.А. Лейкина «Именины кухарки», где в начале сюжета хозяйка просит мужа остаться дома и не ходить в клуб, так как «сегодня именины нашей кухарки» и к ней придут гости: «придет ее кум – пожарный, придет кум – солдат, дядя – сторож из Александровского театра и еще кто-то», и хозяйка боится остаться с ними одна, представляет собой творческое преувеличение. Недаром в конце истории хозяин присоединяется к кухаркиным гостям и они продолжают праздник уже в господских комнатах (Лейкин, 1881: 126-129). Но сам факт того, что в

особые дни на кухне могло оказаться сразу несколько гостей прислуги, которых она собирала и угощала официально за свой счет, не подлежит сомнению. Тем более это касалось такого исключительного события, как свадьба кухарки, когда кухня «битком была набита народом. Тут были кухарки со всего двора, дворник, два городских, унтер с нашивками, мальчик Филька...» (Чехов).

Как правило, визиты «чужих» людей, а особенно «кухаркиных кавалеров», в свою кухню хозяева не одобряли. Но в большинстве случаев ничего не могли поделать. Прежде всего довольно сложно было отделить пришедших по делу от зашедших в гости. А главное, подобные бесконечные посиделки позволяли себе, как правило, опытные кухарки, уверенные в том, что хозяева многократно подумают, прежде чем их уволить, а если и уволят, то с их сноровкой они легко найдут себе новое место. Эти «бой-бабы», которые очень хорошо знали свое дело, и «указывать в нем им было нечего», но при этом готовые «выпить на выгаданные от покупки провизии деньги» и не стеснявшиеся «часто принимать у себя своих знакомых – либо или нелюбо было это ... господам»; да еще «порядочно» «зубастые и грубые» (Нестеров, 1866: 13) стали в пореформенной России главной головной болью городских хозяек.

Таким образом, в большинстве городских дворянско-интеллигентских кухонь страны реальной хозяйкой была кухарка, которая, подвергаясь минимальному контролю со стороны барыни, получала значительные возможности для «экономии продуктов», растраты предназначенных для их покупки господских денег и приема гостей. Такие возможности, как и наличие в рецептуре многих блюд спиртного, создавали условия для ее злоупотреблений и формировали устойчивый образ «вечно пьяной, вороватой и наглой кухарки» (Веретенко, 2013; Хмелевская, 1906: 7). Сама же кухня превращалась в помещение, где барская пища готовилась в условиях крайней антисанитарии: здесь жила и мылась прислуга; ее использовали как проходной двор – для прохода и приноса разных вещей; здесь же постоянно находились «чужие» люди, большинство из которых садилось попить «кофий», не сняв верхней одежды, в грязной обуви и положив шапку прямо на стол, рядом с продуктами, а то и уже готовыми блюдами ...

«Хозяйка в кухне»

К концу XIX в. все больше дворянско-интеллигентских семейств начали тяготиться положением, при которой кухня образовывала в господской квартире своеобразное «государство в государстве». Желание кардинальным образом изменить ситуацию определялось целым комплексом причин. Прежде всего, для многих дворян казалась излишней роскошью уже не только домашняя мужская прислуга, но и традиционной «комплект» женской, состоящий из кухарки и горничной, а в семьях с детьми – еще и няни. Попытка ограничиться одной прислугой, которая должна была выполнять весь комплекс домашних работ, на деле оборачивался необходимостью для матери семейства также включаться в домашние работы, беря на себя часть поручений, с которыми прислуга просто не могла справиться (Веретенко, 2013). Отдельные пособия рекомендовали хозяйке подключиться к уборке: «Если в доме одна только прислуга, то хозяйка прекрасно поступит, взяв на себя обтирание пыли; она, во-первых, исполнит это всегда старательнее, чем прислуга; а во-вторых, намного облегчит единственную прислугу, у которой и без того еще очень много дел» (Обязанности хозяйки дома, 1908: 7). Большинство же специализированных руководств советовали матери семейства отправиться «в кухню» и, освоив приготовление блюд с помощью книг, а еще лучше – закончив курс в кулинарной школе, обеспечить родных качественной, недорогой и приготовленной с учетом всех последних знаний о гигиене и санитарии пищей (см. напр.: Готовить без кухарки, 1874; Б-ий, 1902; Сеницына, 1899; Хозяйка в кухне, 1886).

Вопрос о гигиене и санитарии в приготовлении пищи был в данное время далеко не праздным, выступая еще одним важным аргументом в стремлении прекратить всевластие кухарки на господской кухне. Чем больше образованные женщины узнавали о «гигиеническом питании», чем шире в дворянско-интеллигентской среде распространялась информация о смертельном вреде «невидимых простому глазу бактерий», уберечься от которых возможно только при условии соблюдения целого комплекса гигиенических норм, начиная от использования исключительно кипяченой воды и заканчивая необходимостью контролировать качество продуктов питания с помощью специальных приборов, тем сложнее хозяйкам было примириться с той антисанитарией, которую разводили их кухарки на господской кухне (Никольский, 1912; Веретенко, 2019а). Любые же попытки изменения заведенного кухаркой «порядка» оборачивались скандалом – опытная и уверенная в себе специалистка не терпела никакого вмешательства в свои дела.

Проблему наглости и всевластия опытной прислуги, конечно, можно было решить, наняв только что приехавшую из деревни крестьянскую девушку, которая была готова за минимальную плату выполнять весь ворох домашней работы и терпеть любые унижения и издевательства. Но, как уже отмечалась, ее надо было долго учить готовить на плите, использовать неизвестную ей домашнюю утварь, да и сам характер блюд, которые она могла предложить своим господам, категорически не соответствовал городскому вкусу, так как «кухня крестьянского сословия» опиралась «на традиционные продукты и технологии их обработки». Вкус же горожан из дворянско-интеллигентской среды был ориентирован на «изысканные, заведомо усложненные способы

обработки сырья и нестандартные сочетания ингредиентов в блюдах». Очевидно, что «принципы этого типа кухни» требовали «письменной фиксации, а также специального обучения» (Капкан, 2013: 20). Таким образом, если хозяева принимали решение взять себе в услужение молодую неумеху и этим получить значительную экономию средств, а также гарантию, что она не будет заводит своих порядков, станет беспрекословно подчиняться хозяйке, полностью откажется от своей частной жизни и не приведет в дом гостей, то одновременно это означало, что мать семейства должна была взять на себя ее учебу и осуществлять неусыпный контроль за каждым действием прислуги. Ведь, как характеризовала свою служанку жена офицера О.М. Меницкая, привезшая прислугу в Петербург из деревни, «это был второй ребенок, трудно сгибаемый... Настоящий первобытный человек» (Меницкая, 2017: 132).

В итоге перед образованной хозяйкой стоял непростой выбор: можно было нанять опытную кухарку, к ней не заглядывать, чтобы лишний раз не расстраиваться и не конфликтовать с прислугой, и жить надеждой, что на кухне соблюдаются хоть какие-то из гигиенических правил... А можно было, освоив кулинарную книгу или пройдя специализированные курсы, самой встать у плиты, полностью отказавшись от прислуги или используя ее для подсобных и менее важных для здоровья семьи работ.

То, что второй подход постепенно завоевывал поддержку в дворянской среде, отчетливо видно при анализе учебных планов Ксениинского института – привилегированного учебного заведения, открывшегося в С.-Петербурге в 1895 г. Этот институт, предназначенный исключительно для дворянских полусирот (имевших в живых только одного родителя), изначально позиционировался как передовое учебное заведение, обучавшее девочек, принадлежавших к высшему сословию, тому, что должно было пригодиться им во взрослой жизни (РГИА. Ф. 759. Оп. 24. Д. 715. Л. 30). Для достижения этой цели в нем были открыты 7 классов общего курса и три класса специально-профессиональных. И если общий курс в целом соответствовал «курсу прочих институтов Императрицы Марии», то в специальных классах «воспитанницам преподавали те практические сведения, которые делали женщину полезной в семье, а также могли быть заработком в дальнейшем для окончивших обучение девиц» (ЦГИА СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 9. Л. 17-18). То есть создатели данного заведения изначально исходили из того, что российской дворянке начала XX в. будет жизненно необходима и востребованная интеллигентная профессия (бухгалтера, переводчика, конторского служащего, преподавателя), и умение самостоятельно (без прислуги или с использованием только подсобного труда) вести свой дом на основе передовых достижений гигиены и санитарии. Последнее достигалось тем, что девушки приучали выполнять многое из того, что в других институтах делалось «наемными руками»: убирать, следить за чистотой в помещениях, поддерживать в порядке свои личные вещи, готовить, дежурить в кладовых, участвовать в составлении счетов по произведенным расходам (РГИА. Ф. 759. Оп. 28. Д. 55. Л. 102-103).

Таким образом, в начале XX в. стала складываться группа образованных женщин, которые уже по окончании обучения обладали необходимыми навыками для самостоятельного заведывания кухней. Для тех же, у кого не было достаточной подготовки, создавались специальные курсы по домоводству. Так, в Москве с 1887 г. с большим успехом действовало «Общество распространения между образованными женщинами практических знаний, необходимых в домашнем быту», открывшее многочисленные курсы и школы. Одним из наиболее успешных проектов данного общества стала кулинарная школа, для руководства которой приглашались повара известных ресторанов. Для обучающихся было подготовлено несколько программ разного уровня – от «общих» 3–1,5-месячных курсов, гарантировавших умение приготовить 36 четырехблюдных обеда, до специализированных – кондитерских и предназначенных для «производства запасов» (ОРМОЖПЗ, 1900: 52-55; 36 обедов, 1897). В этом учреждении, заявленном как всесословное, почти половина учащихся (44,7 %) составляли дворянки, что, очевидно, отражало потребность в получении подобных знаний именно среди представительниц первенствующего сословия (ОРМОЖПЗ, 1900).

Дополнительным стимулом к переходу хозяек к самостоятельной готовке стало появление новых типов плит, значительно облегчавших процесс приготовления пищи. Речь идет о газовых и керосиновых жаровнях, в которых, как указывалось в рекламе, отсутствовали копать, грязь и т.д., а вместе с тем существовала возможность «иметь огонь днем и ночью во всякий момент без особых приготовлений», расположить же их можно было на самом небольшом пространстве, а при необходимости перенести и, наконец, как особо отмечалось, они «не нагревают помещение и дают возможность обходиться без прислуги» (выделено в источнике) (Дамский календарь, 1898: 106).

Вместе с тем такие жаровни имели существенный недостаток: небольшая варочная поверхность не давала возможности готовить более двух блюд одновременно, в упрощенных же образцах вообще можно было «ставить на газ» только что-то одно. Однако как раз на рубеже XIX–XX вв. этот недостаток казался не столь существенным на фоне активного развития сети общественного питания. В результате наличие в доме такой жаровни, используемой для редкого самостоятельного приготовления 1–2 блюд, подогрева пищи и кипячения воды для чая и кофе, становилось прекрасной альтернативой дорогой и «грязной дровяной кухне, с ночующей в ней пьяной кухаркой» (Б-ий, 1902: 29). Блюда же для торжественного приема, всевозможные куличи, пасхи и т.д. на праздник, а то и просто ежедневные «домашние обеды» при желании можно было заказать в ресторанах,

кондитерских или кухмистерских (столовых). На случай большого домашнего банкета можно было нанять и лакеев (официантов). Объявления с предложением подобных услуг постоянно появлялись в разнообразных изданиях (Богданов, 1991; Южнорусская артель официантов в Одессе..., 1901). Вот, например, какую информацию можно было найти в «Дамском календаре»: «Польская столовая. Невский проспект № 51. Под личным ведением самого хозяина-повара отпускает всевозможные порции и обеды на месте и на дом по самым умеренным ценам. Меню обедов меняется ежедневно. Цены обедов: из 2-х блюд – 35 коп.; из 3-х блюд – 40 коп.; из 4 блюд – 50 коп. Кофе стак. 10 коп. Чая стак. 10 коп.» (Дамский календарь, 1898: 69).

Все это вместе означало, что на рубеже XIX–XX вв. дворянско-интеллигентская семья вполне могла жить вообще без кухни. Ведь жаровню можно было поместить и в столовой, и этим не только сэкономить на прислуге, но и на необходимости съема квартиры с данным помещением...

3. Заключение

В пореформенный период пространство городской дворянско-интеллигентской кухни становится местом ежедневного пересечения интересов представителей разных социальных страт. Прислуга и хозяева, выступая носителями кардинально отличных представлений о правилах поведения, бытовой культуре, гигиенических практиках и санитарных нормах вынуждены были выстраивать на этой территории свои взаимоотношения.

Формирование специфической городской «изысканной» кухни, использование для приготовления пищи плиты и многочисленных домашних приспособлений требовало значительной квалификации от лица, ответственного за питание членов семьи. Кухарки справедливо считались аристократией среди домашней прислуги. Такой статус давал им возможность предъявлять к своим работодателям многочисленные претензии по организации проживания, характеру взаимоотношений с хозяевами, возможности приема гостей на господской кухне и т.д. Общеизвестная «наглость» кухарок, как и «разводимая ими грязь», вместе со значительными затратами на их содержание являлись мощным стимулом к отказу от их услуг. Вместе с тем заменить их неквалифицированной, но значительно более уступчивой и дешевой прислугой не представлялось возможным.

Хозяйкам оставалось либо терпеть и предоставить кухню в полное распоряжение кухарки, ограничив любые визиты туда и отказавшись от какого-либо контроля за организацией питания членов семьи, либо самой встать у плиты и превратить готовку, а затем и другие домашние дела во вполне интеллигентное занятие, достойное представительницы высшего сословия. Впрочем, в начале XX в. набирал популярность и третий вариант – полный отказ от семейной кухни с заменой ее переносной жаровней, предназначенной для подогрева заказанной на вынос еды и кипячения воды.

Таким образом, в пореформенный период в дворянско-интеллигентской среде сложилось три подхода к кухне, каждый из которых создавал свою своеобразную систему социальных связей и отношений.

4. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00297.

Литература

36 обедов, 1897 – 36 Обедов кулинарной школы Общества распространения между образованными женщинами практических знаний. М.: Тип. К.Ф. Александрова, 1897. 101 с.

Алексеева, 2017 – Алексеева А. Почему советская современность начинается на хрущевской кухне? // Историк-марксист. Альманах / Под ред. А.В. Очкиной, Б.Ю. Кагарлицкого. Пенза, 2017. С. 102-109.

Баранцевич, 1894 – Баранцевич К.С. Квартирная хозяйка // Картинки жизни. М.: Унив. тип., 1894. С. 10-17.

Б-ий, 1902 – Б-ий И.Ф. Гигиенический стол. Питательные и вкусные обеды на каждый день. Настольная книга для каждой семьи. СПб.: Электротечатня, 1902. 492 с.

Богданов, 1991 – Богданов И.А. Гостиница «Европейская». Л.: Путь, 1991. 51 с.

Бородин, 1910 – Бородин Д.Н. Алкоголизм и проституция. СПб.: Типо-литография Виленчик, 1910. 118 с.

Бородина, 2015 – Бородина С. О прихотях и вкусах: история гастрономической культуры русской усадьбы // Мир искусств: Вестник международного института антиквариата. 2015. № 2. С. 80-92.

Веретенко, 2013 – Веретенко В.А. «Дура в доме» – женская домашняя прислуга в дворянских семьях России второй половины XIX – начала XX вв. // Альманах гендерной истории «Адам и Ева». 2013. (21). С. 241-273.

Веретенко, 2017 – Веретенко В.А. «Кухонная модернизация» и дворянская семья в России второй половины XIX – начала XX века // Государство, капитализм и общество в России второй

половины XIX – начала XX вв.: Материалы Всероссийского (с международным участием) научного семинара (г. Череповец, 19–21 октября 2017 г.): Сборник научных работ / Отв. ред. А.Н. Егоров, А.Е. Новиков, О.Ю. Солодянкина. Череповец: Череповец. гос. ун-т, 2017. С. 180-185.

Веретенко, 2019a – *Веретенко В.А.* Хозяйские заботы: жизнь замужней дворянки в провинциальном городе России в конце XIX – начале XX вв. // *Уральский исторический вестник*. 2019. № 1 (62). С. 71-78.

Веретенко, 2019b – *Веретенко В.А.* Факторы, определявшие выбор места жительства столичной дворянско-интеллигентской семьи в последней трети XIX – начале XX вв. / *Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы Междунар. науч. конф.* / Отв. ред. В.А. Веретенко. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2019. Т. 2. С. 22-31.

Глуценко, 2015 – *Глуценко И.* Общепит. Микоян и советская кухня. 2-е изд. М.: Высшая школа экономики, 2015. 240 с.

Годовова, Годовова, 2019 – *Годовова Е.В., Годовова А.С.* Культура питания в повседневной казачьей жизни / *Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность: Материалы Междунар. науч. конф.* / Отв. ред. В.А. Веретенко. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2019. Т. 2. С. 95-98.

Готовить без кухарки, 1874 – Приготовление кушаний без кухарки. Необходимая книжка для каждой начинающей хозяйки. СПб.: Тип. Ретгера, 1874. 36 с.

Дамский календарь, 1898 – Дамский календарь. На 1898 год. 1-й год издания. Издание И.В. Бартошевича. М.: Тов. И.Н. Кушнерев, 1898. 152 с.

де-Турже-Туржанская, 1906 – *де-Турже-Туржанская Е.* Белые невольники. (Домашняя прислуга в России). Смоленск: Паровая типо-лит. Я.Н. Подземского, 1906. 12 с.

ИРЛИ РАН – Институт русской литературы Российской академии наук (Пушкинский дом).

Капкан, 2013 – *Капкан М.В.* Национальная кухня как элемент национальной культуры России: динамика исторических изменений в XIX–XX вв. // *Человек в мире культуры*. 2013. № 3. С. 15-26.

Куприн, 1912 – *Куприн А.И.* Квартирная хозяйка. Изд. 1912 г. [Электронный ресурс]. URL: https://нэб.рф/catalog/010000_000060_ART-f8fff84a-fbe6-4c03-b51e-effbe2cccebc (дата обращения – 24.04.2019).

КИЕЗ – Кухня, искусство есть здорово, вкусно и дешево. М.: Тип. В. Грачева и Ко, 1864. 120 с.

Лейкин, 1871 – *Лейкин Н.А.* Повести, рассказы и драматические сочинения. Т. 2. СПб.: Издан. книгопродавца К.Н. Плотнокова, 1871. 432 с.

Лейкин, 1881 – *Лейкин Н.А.* Наши забавники. Юмористические рассказы. СПб.: Тип.д-ра М.А. Хана, 1881. 315 с.

Лейкин, 1903 – *Лейкин Н.А.* Господа и слуги. Рассказы. СПб.: Тов-во «Печатня С.П. Яковлева», 1903. 353 с.

Луговой, 1909 – *Луговой А.* Как росла моя вера // *Вестник Европы*. 1909. Кн. 3. С. 160-182.

Махлина, 2012 – *Махлина С.Т.* Кухня в жилом интерьере // *Клио*. 2012. № 12 (72). С. 100-101.

Медведева и др., 2016 – *Медведева З.А., Васькина О.Э., Газиева А.Ф.* Рацион питания в крестьянской среде в конце XIX – начале XX вв. // *Система ценностей современного общества*. 2016. № 46. С. 98-103.

Меницкая, 2017 – *Меницкая-Зоммар О.М.* «Я вышла замуж за любимого...». Мемуары О.М. Меницкой-Зоммар (01.03.1874 – 31.01.1967). Публик.и ком. В.А. Веретенко, В.В. Каминский // *История повседневности*. 2017. № 1. С. 109-150.

Невежин, 2017 – *Невежин В.А.* Дипломатические приемы И.В. Сталина 1941–1945 гг.: кремлевский протокол и особая кухня // *Российская история*. 2017. № 2. С. 139-153.

Нестеров, 1866 – *Нестеров А.К.* Война кухарки с барыней, или нашла коса на камень. М.: Универ. тип., 1866. 32 с.

Нечто об устройстве..., 1859 – Нечто об устройстве квартир и домов // *Указатель политико-экономический. Статистический и промышленный журнал* / Под ред. И.В. Вернадского. 1859. № 111 (14/26 февраля). С. 156-159.

Невский, 1917 – *Невский В.Л.* Домашняя прислуга. Пг.: Прибой, 1917. 21 с.

Нельсина, 1913 – *Нельсина А.* Молодая хозяйка. Руководство к практ. постановке и ведению дома. СПб.: Тип. т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1913, 443 с.

Никольский, 1912 – *Никольский М.* Гигиена школьного юношества. Краткие общедоступные правила для сохранения здоровья учащихся. СПб: Изд. тов. М.О. Вольф, 1912. 12 с.

Носкова, 1905 – *Носкова Е.К.* Дом и хозяйство. Скоромный и постный стол, с отделением вегетарианской кухни: Подарок хозяйкам. СПб.: П.П. Сойкин, 1905. 250 с.

Обязанности хозяйки дома, 1908 – Обязанности хозяйки дома // *Хозяйка*. 1908. № 1. С. 2-8.

ОРМОЖПЗ, 1900 – Общество распространения между образованными женщинами практических знаний основано 27 марта 1888 г. Отчет с 1888–1898 год. М.: Тип. А.В. Васильева, 1900. 127 с.

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

- Пасхальные истории, 1914** – Пасхальные истории. Нарцисс (рассказ) // *Новое время. Иллюстрированное приложение к газете*. 1914. 5 апреля
- Попов, 1907** – Попов Н.А. Хозяева и прислуга. СПб.: Тип. СПб, 1907. 16 с.
- Попов (Алешин), 1911** – Попов (Алешин) Вл. Кошачьи истории. СПб.: Изд. тов. И.Д. Сытина, 1911. 36 с.
- Панникова, 2017** – Панникова А.В. Отношения частной собственности в жилищной сфере России: исторический контекст г. Санкт-Петербурга конца XIX – начала XX вв. // *Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Политология и социология*. 2017. № 4. С. 59-62.
- Пушкарева, 2016** – Пушкарева Н.Л. Научное направление «история повседневности» в отечественной и зарубежной историографии (к оценке итогов историко-антропологического поворота в социальных науках) // *Вестник антропологии*. 2016. № 3. С. 121-140.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Рыкачев, 1911** – Рыкачев А. Цены на хлеб и труд в С.-Петербурге за 58 лет // *Вестник финансов*. 1911. № 31. С. 25-27.]
- Сактагова, Абдрахманова, 2016** – Сактагова З.Г., Абдрахманова К.К. Вопросы питания в повседневной жизни горожан Центрального Казахстана в 1950–1970-е гг. // *История повседневности*. 2016. № 2 (2). С. 43-58.
- Синицына, 1899** – Синицына М. Хорошая хозяйка. Настольная книга для каждой хозяйки, советы о разумном и выгоднейшем ведении домашнего хозяйства. М.: Тип. И.Д. Сытина, 1899. 304 с.
- Тишкин, 1984** – Тишкин Г.А. Женский вопрос в России, 50–60-е гг. XIX в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 239 с.
- Устав Варшавской артели посыльных, 1905** – Устав Варшавской артели посыльных (Утв. 15 апреля 1905 г.). Варшава: б.и., 1905. 57 с.
- Устав Московской артели полотеров..., 1882** – Устав Московской артели полотеров (утв. 4 августа 1882 г.). М.: б.и., 1882. 16 с.
- Утехин, 2004** – Утехин И.В. Очерки коммунального быта. М.: ОГИ, 2004. 277 с.: ил.
- Хмелевская, 1906** – Хмелевская М.И. Экономная кухарка. Полтава: Электрич. тип.-лит. торг. д. «Л. Фришберг и С. Зохорович», 1906. 344 с.
- Хозяйка в кухне, 1886** – Хозяйка в кухне. Самоучитель поварского дела, как приготовить вкусные, здоровые и дешевые кушанья. М.: Д.И. Преснов, 1886. 400 с.
- ЦГИА СПб** – Центральный государственный исторический архив г. С.-Петербурга.
- Чебанюк, 2018** – Чебанюк Т.А. Кухня в социокультурном пространстве России // *Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета*. 2018. Т. 2. № 2 (34). С. 61-67.
- Чехов** – Чехов А.П. Кухарка женится [Электронный ресурс]. URL: <http://онлайн-читать.рф/чехов-кухарка-женится/>
- Широкогоров, 2006** – Широкогоров В.Л. Цены и оклады: дореволюционная Россия // *Позитивный маркетинг*. 2006. № 3. С. 6-8.
- Щукин, 2017** – Щукин Д.В. От тарелки и буфета до ресторана: «кухня» в политических процессах и повседневности российского парламентаризма начала XX века (по воспоминаниям членов партии кадетов) / *Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Материалы Междунар. науч. конф.* Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2017. С. 304-314.
- Южнорусская артель..., 1901** – Южнорусская артель официантов в Одессе. Одесса: б.и., 1901. 19 с.
- Яхно, 2019** – Яхно О.Н. Кулинарные книги как источник реконструкции гастрономической культуры // *Уральский исторический вестник*. 2019. № 1 (62). С. 133-120.

References

- 36 obedov, 1897** – 36 Obedov kulinarnoj shkoly Obshhestva rasprostraneniya mezhdu obrazovannymi zhenshhinami prakticheskikh znaniy [36 Lunches of the culinary school of the Society for the distribution of practical knowledge among educated women]. 1897. M. [in Russian]
- Alekseeva, 2017** – Alekseeva A. (2017). Pochemu sovetskaja sovremennost' nachinaetsja na hrushhevskoj kuhne? [Why does the Soviet modernity begins in the Khrushchev kitchen?]. *Istoriik-marksist. Al'manah*. Penza. pp. 102-109. [in Russian]
- Barancevich, 1894** – Barancevich K.S. (1894). Kvartirnaja hozjajka [The landlady]. *Kartinki zhizni*. M. pp. 10-17. [in Russian]
- B-ij, 1902** – B-ij I.F. (1902). Gigienicheskij stol. Pitatel'nye i vkusnye obedy na kazhdyj den'. Nastol'naja kniga dlja kazhdoj sem'i [Hygienic table. Nutritious and delicious meals for every day. Handbook for each family]. SPb. [in Russian]
- Bogdanov, 1991** – Bogdanov I.A. (1991). Gostinica «Evropejskaja» [Hotel «Evropejskaja»]. L. [in Russian]
- Borodin, 1910** – Borodin D.N. (1910). Alkogolizm i prostitucija [Alcoholism and prostitution]. SPb. [in Russian]

- Borodina, 2015** – *Borodina S.* (2015). O prihotjah i vkusah: istorija gastronomicheskoj kul'tury ruskoj usad'by [On whims and tastes: history of the gastronomic culture of the Russian estate]. *Mir iskusstv: Vestnik mezhdunarodnogo inštituta antikvariata*. № 2. pp. 80-92. [in Russian]
- CGLA SPb** – Central'nyj gosudarstvennyj istoričeskij arhiv g. S.-Peterburga [Central State Historical Archive of St. Petersburg].
- Chebanjuk, 2018** – *Chebanjuk T.A.* (2018). Kuhnja v sociokul'turnom prostranstve Rossii [Kitchen in the socio-cultural space of Russia]. *Učenyje zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta*. Vol.2. № 2 (34). pp. 61-67. [in Russian]
- Chehov** – *Chehov A.P.* Kuharka zhenitsja [A cook marries]. [Electronic resource]. URL: <http://onlajn-chitat'.rf/chehov-kuharka-zhenitsja/> [in Russian]
- Damskij kalendar', 1898** – Damskij kalendar'. Na 1898 god [Ladies calendar. 1898 year]. M. [in Russian]
- de-Turzhe-Turzhanskaja, 1906** – *de-Turzhe-Turzhanskaja E.* (1906). Belye nevol'niki. (Domashnjaja prisluga v Rossii) [White slaves. (Domestic servants in Russia)]. Smolensk. [in Russian]
- Glushhenko, 2015** – *Glushhenko I.* (2015). Obshhepit. Mikojan i sovetskaja kuhnja [Public Catering. Mikoyan and Soviet cuisine]. M. [in Russian]
- Godovova, Godovova, 2019** – *Godovova E.V., Godovova A.S.* (2019). Kul'tura pitaniya v povsednevnoj kazach'ej zhizni [Nutrition culture in the everyday Cossack life]. *Prirodno-geograficheskie faktory v pousednevnoj zhizni naselenija Rossii: istorija i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf.* SPb. T. 2. pp. 95-98. [in Russian]
- Gotovit' bez kuharki, 1874** – Prigotovlenie kushanij bez kuharki. Neobhodimaja knizhka dlja kazhdoj nachinajushhej hozjajki [Cooking dishes without a cook. Necessary book for every beginning mistress] (1874). SPb. [in Russian]
- Hmelevskaja, 1906** – *Hmelevskaja M.I.* (1906). Ekonomnaja kuharka [Economical cook]. Poltava. [in Russian]
- IRLI RAN** – Institut ruskoj literatury Rossijskoj akademii nauk (Pushkinskij dom) [Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkin House)].
- Jahno, 2019** – *Jahno O.N.* (2019). Kulinarne knigi kak istochnik rekonstrukcii gastronomicheskoj kul'tury [Cookbooks as a source of the reconstruction of gastronomic culture]. *Ural'skij istoričeskij vestnik*, № 1 (62), pp. 133-120. [in Russian]
- Kapkan, 2013** – *Kapkan M.V.* (2013). Nacional'naja kuhnja kak jelement nacional'noj kul'tury Rossii: dinamika istoričeskijh izmenenij v XIX–XX vv. [National cuisine as an element of the national culture of Russia: the dynamics of historical changes in the XIX – XX centuries]. *Čelovek v mire kul'tury*, № 3, pp. 15-26. [in Russian]
- Khozyaika v kuhne, 1886** – Khozyaika v kuhne. Samouchitel' povarskogo dela, kak prigotovyat' vkusnye, zdorovyje i deshevyje kushan'ja. [Hostess in the kitchen. Self-teaching cooking guide, how to cook delicious, healthy and cheap food]. M. [in Russian]
- KIEZ** – Kuhnja, iskusstvo est' zdorovo, vkusno i deshevo [Kitchen, art of healthy, tasty and cheap food]. 1864. M. [in Russian]
- Kuprin, 1912** – *Kuprin A.I.* (1912). Kvartirnaja hozjajka [The landlady]. [Electronic resource]. URL: https://njb.rf/catalog/010000_000060_ART-f8fff84a-fbe6-4c03-b51e-effbe2cccebc (data obrashhenija – 24.04.2019). [in Russian]
- Lejkin, 1871** – *Lejkin N.A.* (1871). Povesti, rasskazy i dramatičeskie sočinenija [Novels, stories and dramatic compositions]. T. 2. SPb. [in Russian]
- Lejkin, 1881** – *Lejkin N.A.* (1881). Nashi zabavniki. Jumorističeskie rasskazy [Our jokers. Humorous stories]. SPb. [in Russian]
- Lejkin, 1903** – *Lejkin N.A.* (1903). Gospoda i slugi. Rasskazy [Masters and servants. Stories]. SPb. [in Russian]
- Lugovoj, 1909** – *Lugovoj A.* (1909). Kak rosła moja vera [How my faith grew]. *Vestnik Evropy*. Book 3. pp. 160-182. [in Russian]
- Mahlina, 2012** – *Mahlina S.T.* (2012). Kuhnja v zhilom inter'ere [Kitchen in a residential interior]. *Klio*, № 12 (72), pp. 100-101. [in Russian]
- Medvedeva i dr., 2016** – *Medvedeva Z.A., Vas'kina O.Je., Gazieva A.F.* (2016). Racion pitaniya v krest'janskoj srede v konce XIX – nachale XX vv. [Food ration in the peasant environment in the late XIX – early XX centuries]. *Sistema cennostej sovremennogo obshhestva*, № 46, pp. 98-103. [in Russian]
- Menickaja, 2017** – *Menickaja Zommar O.M.* «Ja vyshla zamuzh za ljubimogo...» memuary O.M. Menickoj-Zommar (01.03.1874 – 31.01.1967) [“I married a beloved one...” O.M. Menitskaja-Zommar memoirs (03/01/1874 – 01/31/1967)]. Publik. I kom. V.A. Veremenko, V.V. Kaminskij (2017). *Istorija pousednevnosti*. № 1. pp. 109-150. [in Russian]
- Nechto ob ustrojstve..., 1859** – Nechto ob ustrojstve kvartir i domov [Something about the arrangement of apartments and houses]. *Ukazatel' politiko-jekonomičeskij. Statističeskij i promyšlennyj žurnal*. 1859. № 111 (14/26 fevralja). pp. 156-159. [in Russian]

- [Nel'sina, 1913](#) – *Nel'sina A.* (1913). Molodaja hozjajka. Rukovodstvo k prakt. postanovke i vedeniju doma [Young mistress. Guide to pract. staging and housekeeping]. SPb. [in Russian]
- [Nesterov, 1866](#) – *Nesterov A.K.* (1866). Vojna kuharki s barynej, ili nashla kosa na kamen' [The war of the cook with the mistress, or diamond cut diamond]. M. [in Russian]
- [Nevezhin, 2017](#) – *Nevezhin V.A.* (2017). Diplomaticeskije priemy I.V. Stalina 1941-1945 gg.: kremlevskij protokol i osobaja kuhnja [Diplomatic receptions of I.V. Stalin, 1941-1945: Kremlin protocol and special cuisine]. *Rossijskaja istorija*. № 2. pp. 139–153. [in Russian]
- [Nevskij, 1917](#) – *Nevskij V.L.* (1917). Domashnjaja prisluga [Domestic servants]. Pg. [in Russian]
- [Nicol'skij, 1912](#) – *Nicol'skij M.* (1912). Gigiena shkol'nogo junoshestva. Kratkie obshhedostupnye pravila dlja sohraneniya zdorov'ja uchashhihsja [Hygiene of school youth. Brief publicly available rules for maintaining student health]. SPb. [in Russian]
- [Noskova, 1905](#) – *Noskova E.K.* (1905). Dom i hozjajstvo. Skoromnyj i postnyj stol, s otdeleniem vegetarianskoj kuhni: Podarok hozjajkam [House and household. Fast and lean table, with separation of vegetarian cuisine: a gift to hostesses]. SPb. [in Russian]
- [Objazannosti hozjajki doma, 1908](#) – Objazannosti hozjajki doma [Duties of the housewife]. *Khozyaika*, 1908, № 1. pp. 2-8. [in Russian]
- [OR RNB](#) – Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki [Department of Manuscripts of the Russian National Library].
- [ORMOZhPZ, 1900](#) – Obshhestvo rasprostraneniya mezhdub obrazovannymi zhenshinami prakticheskikh znanij. Osnovano 27 marta 1888 g. Otchet s 1888–1898 god [The Society of practical knowledge spread between educated women, founded on March 27, 1888. Report from 1888–98]. 1900. M. [in Russian]
- [Pannikova, 2017](#) – *Pannikova A.V.* (2017). Otnosheniya chastnoj sobstvennosti v zhilishhnoj sfere Rossii: istoricheskij kontekst g. Sankt-Peterburga konca XIX – nachala XX vv. [Relations of private property in the housing sphere of Russia: historical context of St. Petersburg at the end of the XIX – beginning of the XX centuries]. *Nauchnyj vestnik Volgogradskogo filial RANHiGS*. Serija: Politologija i sociologija. № 4. pp. 59-62. [in Russian]
- [Pashal'nye istorii..., 1914](#) – Pashal'nye istorii. Narciss (rasskaz) [Easter stories. Narcissus (story)]. *Novoe vremja*. Illjustrirovanoe prilozhenie k gazete. 1914, 5 aprelya. [in Russian]
- [Popov \(Aleshin\), 1911](#) – *Popov (Aleshin) Vl.* (1911). Koshach'i istorii [Cat stories]. SPb. [in Russian]
- [Popov, 1907](#) – *Popov N.A.* (1907). Khozyaeva i prisluga [Masters and servants]. SPb. [in Russian]
- [Pushkareva, 2016](#) – *Pushkareva N.L.* (2016). Nauchnoe napravlenie «istorija povsednevnosti» v otechestvennoj i zarubezhnoj istoriografii (k ocenke itogov istoriko-antropologicheskogo povorota v social'nyh naukah [The scientific direction “history of everyday life” in domestic and foreign historiography (on the evaluation of the results of historical and anthropological turn in the social sciences)]. *Vestnik antropologii*. № 3. pp. 121-140. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian state historical archive].
- [Rykachev, 1911](#) – *Rykachev A.* (1911). Ceny na hleb i trud v S.-Peterburge za 58 let [Prices for bread and labor in St. Petersburg for 58 years]. *Vestnik finansov*. № 31. pp. 25-27. [in Russian]
- [Saktagova, Abdrahmanova, 2016](#) – *Saktagova Z.G., Abdrahmanova K.K.* (2016). Voprosy pitaniya v povsednevnoj zhizni gorozhan Central'nogo Kazahstana v 1950–1970-e gg. [Nutrition issues in the daily life of citizens of Central Kazakhstan in the 1950–1970s]. *Istorija povsednevnosti*, № 2 (2), pp. 43-58. [in Russian]
- [Shhukin, 2017](#) – *Shhukin D.V.* (2017). Ot tarelki i bufeta, do restorana: «kuhnja» v politicheskikh processah i povsednevnosti rossijskogo parlamentarizma nachala XX veka (po vospominanijam chlenov partii kadetov) [From the plate and buffet to the restaurant: “kitchen” in the political processes and everyday life of the Russian parliamentarism of the early XX century (according to the recollections of members of the Cadet party)]. *Tavricheskie chtenija 2016. Aktual'nye problem parlamentarizma: istorija i sovremennost'*. *Materialy mezhdunar. nauch. konf.* SPb. pp. 304–314. [in Russian]
- [Shirokogorov, 2006](#) – *Shirokogorov V.L.* (2006). Ceny i oklady: dorevoljucionnaja Rossija [Prices and salaries: pre-revolutionary Russia]. *Pozitivnyj marketing*. № 3. pp. 6-8. [in Russian]
- [Sinicyna, 1899](#) – *Sinicyna M.* (1899). Horoshaja hozjajka. Nastol'naja kniga dlja kazhdoj hozjajki, soveti o razumnom i vygodnejšem vedenii domashnego hozjajstva [A good hostess. Handbook for each housewife, advices on reasonable and profitable housekeeping]. M. [in Russian]
- [Tishkin, 1984](#) – *Tishkin G.A.* (1984). Zhenskij vopros v Rossii, 50-60-e gg. XIX v. [Women question in Russia, the 50-60s of the XIX century]. L. [in Russian]
- [Ustav Moskovskoj arteli poloterov..., 1882](#) – Ustav Moskovskoj arteli poloterov (utv. 4 avgusta 1882 g.) [Statute of the Moscow artel of polishers (approved on August 4, 1882)]. 1882. M. [in Russian]
- [Ustav Varshavskoj arteli posyl'nyh, 1905](#) – Ustav Varshavskoj arteli posyl'nyh (Utv. 15 aprelya 1905 g.) [Statute of the Warsaw artel of couriers (approved on April 15, 1905)]. 1905. Varshava. [in Russian]
- [Utehin, 2004](#) – *Utehin I.V.* (2004). Oчерki kommunal'nogo byta [Sketches of communal life]. M. [in Russian]

Veremenko, 2013 – Veremenko V.A. (2013). «Dura v dome» – zhenskaja domashnjaja prisluga v dvorjanskijh sem'jah Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv. [“Fool in the House” – female domestic servants in the noble families of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Al'manah gendernoj istorii «Adam i Eva»*. (21). pp. 241-273. [in Russian]

Veremenko, 2017 – Veremenko V.A. (2017). «Kuhonnaja modernizacija» i dvorjanskaja sem'ja v Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka [“Kitchen Modernization” and a noble family in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Gosudarstvo, kapitalizm i obshhestvo v Rossiivtorojpoloviny XIX – nachala XX vv.*: Materialy Vserossijskogo (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnogo seminaru (g. Cherepovec, 19-21 oktjabrja 2017 g.): Sbornik nauchnyh rabot. Cherepovec. pp. 180-185. [in Russian]

Veremenko, 2019a – Veremenko V.A. (2019). Hozjajskie zaboty: zhizn' zamuzhnej dvorjanki v provincial'nom gorode Rossii v konce XIX – nachale XX vv. [Master's cares: life of a married noblewoman in a provincial city of Russia in the late XIX – early XX centuries]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. № 1 (62). pp. 71-78. [in Russian]

Veremenko, 2019b – Veremenko V.A. (2019). Faktory, opredeljavshie vybor mesta zhitel'stva stolichnoj dvorjansko-intelligentskoj sem'i v poslednej treti XIX – nachale XX v. [Factors determining the choice of place of residence of the metropolitan noble-intelligent family in the last third of the XIX – early XX centuries]. *Prirodno-geograficheskie faktory v povsednevnoj zhizni naselenija Rossii: istorija i sovremennost'*. Materialy mezhdunar. nauch. konf. SPb. T. 2. pp. 22-31. [in Russian]

Yuzhnorusskaya artel'..., 1901 – Yuzhnorusskaya artel' ofitsiantov v Odesse [South Russian artel of waiters in Odessa]. 1901. Odessa. [in Russian]

Городская кухня как социальное пространство в дворянско-интеллигентской среде России во второй половине XIX – начале XX вв.

Валентина Александровна Веремёнко ^{a,*}

^a Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется дворянско-интеллигентская городская кухня пореформенной России как социально-культурное пространство. Характеризуется обстановка кухни и основные элементы домашнего обихода. Определяются требования, предъявляемые к этому помещению жильцами.

Особое внимание отводится характеристике социального статуса кухарки. Выявляются факторы, дававшие этой прислуге возможность устанавливать свои порядки на хозяйской кухне и способствовавшие появлению в дворянской среде устойчивого представления о «наглой и пьяной кухарке».

В конце XIX в. под воздействием экономических и социально-культурных причин в дворянско-интеллигентской среде России формируется запрос на частичный или даже полный отказ от прислуги. В обоих случаях это означало значительное участие самих образованных хозяек в выполнении домашних дел, и, прежде всего, в приготовлении пищи. Определенные изменения характера образования дворянок, появление многочисленных кулинарных курсов и издание специализированной литературы создавали условия для реализации этого запроса. Способствовало привлечению хозяек на кухню и появление новых газовых и керосиновых плит, значительно облегчавших процесс приготовления пищи. Данные технические новшества делали возможным и полный отказ дворянско-интеллигентских семей от домашней кухни с заменой ее переносной жаровней, используемой для подогрева заказанных в учреждениях общественного питания блюд.

Ключевые слова: пореформенная Россия, дворянско-интеллигентские семьи, кухня, хозяйка, прислуга, кухарка, плита, санитарные нормы, общественное питание.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: v.a.veremenko@ya.ru (В.А. Веремёнко)

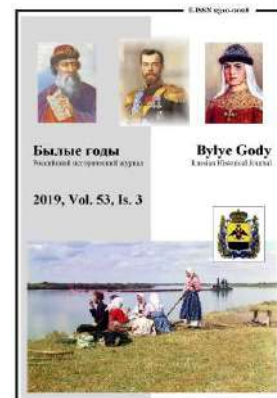
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1201-1210. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1201
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Fair Trade of the Merchantry of the Steppe Region of the second half of the 19th century and beginning of the 20th century

Assel S. Kereibayeva ^a, Arafat M. Mamyrbekov ^a, Tatyana P. Levchenko ^b, Meirambek Ziyadin ^c

^a Shakarim State University of Semey, Kazakhstan

^b Sochi State University, Sochi, Russian Federation

^c Kazakh Humanitarian Juridical Innovative University, Kazakhstan

Abstract

The merchantry of the Steppe region of the 19th century and beginning of the 20th century, which began to extend actively after the completion of the accession of the Kazakh khanate to the Russian Empire. The accession of the steppe regions and the development of capitalist relations led to the penetration of West Siberian trade and industrial flow in the Steppe region. Fair trade established intermediary functions between settled agricultural and pastoral areas, satisfying the growing needs for food and industrial goods of the population of Akmola and Semipalatinsk regions. The state developed a whole system of measures to support trade relations between entrepreneurs and the formation of a single Siberian-Asian trade network. On the territory of the Steppe region, favorable conditions for the expansion of fair trade of the merchantry were created after carrying out administrative and territorial reforms of 1867–1868 by the Tsar's administration. Special attention has been paid to large merchants who made a significant contribution to the opening of large fairs, the establishment and development of trade and economic relations with neighboring regions and states. The role of merchants in the management of large and small fairs in the territory of the region and the role of a new class of rich people (bai) have been shown, which were directly related to the market. So, in conclusion, it should be noted that the existence of fairs and appearance in the region of fair management shows the professionalism and maturity of the fair merchants who made a significant contribution to the establishment of interregional economic relations and the spread of market relations in the region. Fairs became the prevailing trade form in the Steppe region, further development of which made huge changes in the organization of the trading network of the Steppe regions.

Keywords: merchantry, merchant, the Steppe region, trade, guild, goods, market.

1. Введение

Одной из интересных проблем истории предпринимательства Степного края является изучение ярмарочной торговли предпринимателей второй половины XIX–XX веков. Территория Степного края стала одним из регионов, сосредотачивающих внимание современных исследователей. В рассматриваемый промежуток времени Степной край стал перевалочной базой для торговли с Россией, Китаем и государствами Средней Азии, куда стекались купцы, разворачивая торговлю с учетом нужд и потребностей местного населения, пытаясь набить небольшой капитал и взять в свои руки местную и международную торговлю.

Целенаправленное изучение ярмарочной деятельности купцов Степного края и вместе с тем введение в научный оборот новых источников способствует расширению знаний не только социально-экономической истории Казахстана второй половины XIX – начала XX в., но и более пристальному изучению истории ярмарочной торговли как российских, среднеазиатских, так и местных купцов и предпринимателей.

Формирование ярмарок на территории Степного края проходило в условиях скотоводческой специализации экономики. Если же первые ярмарки учреждались на территории Степного

Казахстана при меновых дворах и таможнях, то с активизацией трансазиатской торговли к середине XIX века ярмарки были образованы в городах. Инициаторами их учреждения были купеческие и мещанские общества. Во второй половине XIX века ярмарки стали появляться уже во внутренних территориях степных областей (Щеглова, 2002: 126, 119).

2. Материалы и методы

В статье использованы архивные документы Центрального государственного архива города Алматы Республики Казахстан, Государственного архива Восточно-Казахстанской области. В данных материалах содержится информация о ярмарочной торговле купцов, товарах и книгах, для продажи которых на ярмарках нужны были разрешения правительства.

Достоверная информация о ярмарках содержится в Сибирском торгово-промышленном и справочном календаре за разные годы. Именно здесь исследователи могут увидеть первые рекламы товаров крупных купцов, фабрикантов, ремесленников.

Методологической основой работы стала теория модернизации. В рамках теории модернизации использован структурный подход, который позволяет раскрыть содержание государственной политики Российской империи по отношению к национальной окраине – Степному краю. Данный подход позволит воссоздать картину того, каким образом в рамках государственной политики Российской империи осуществлялись интеграционные процессы посредством нормативных актов, которые давали возможность казахам и торговцам из Средней Азии без притеснений вести торговлю на территории Сибири и русским купцам на территории Степного края. В работе с архивными документами Центрального государственного архива республики Казахстан (ЦГА РК), Государственного архива Восточно-Казахстанской области (ГАВКО) и историографическим материалом использовался историко-сравнительный метод, где на основе сравнительно-сопоставительного приема автору дается возможность сравнить сходство и различие деятельности на ярмарках купечества Степного края и городов Сибири и Средней Азии.

3. Результаты и обсуждение

В казахстанской историографии проблема ярмарочной деятельности купечества Степного края долгое время изучалась в русле исследования русско-казахских торговых отношений, социально-экономического развития городов и регионов восточного, северо-восточного и центрального Казахстана. Актуальность данного вопроса стала возрастать с введением российской системы государственных институтов и проведением административно-территориальных реформ, которые оказали прогрессивное влияние на развитие торговых отношений в крае. В освещении данной проблемы следует выделить работы по трем периодам: дореволюционному, советскому и современному. В дореволюционной литературе о ярмарочной торговле и купцах можно найти сведения в Сибирском торгово-промышленном и справочном календарях, в обзорах Акмолинских областных ведомостей. В этот период работы имели только описательный характер, включающий ряд статистических данных по ярмаркам и купеческому населению края. В научном труде исследователя Сибири П.М. Головачева «Сибирь: Природа. Люди. Жизнь» представлены данные о ярмарках и занятиях населения Степного края. Сведения о населении степных областей края, которые появились на тот момент, в книге Головачева являлись новейшими (Головачев, 1905). В историческом очерке выдающегося русского ученого-краеведа Б.Г. Герасимова «Ссылные поляки Семипалатинской области» приводятся ценные сведения о жизни и роде занятий поляков, которые проживали в Семипалатинской губернии (Герасимов, 1918).

В советское время в центре внимания исследователей были такие проблемы, как присоединение Казахстана к России, последствия которого повлияли на разные отрасли жизни местного кочевого населения, социально-экономическую жизнь национальной окраины, возможность улучшения торговли посредством правового регулирования межэтнических отношений в крае. Например, в работе Т.Ж. Шоинбаева «Добровольное вхождение казахских земель в состав России» дается анализ политических, экономических и культурных предпосылок присоединения Казахстана к России (Шоинбаев, 1982). Особо важно отметить работу казахского ученого Ж.К. Касымбаева «Города Восточного Казахстана», в которой на основе архивных материалов, множества статей и исследований автор показал историю городов Степного края, развитие казахского предпринимательства степных областей (Касымбаев, 1990). Современная историография в вопросе изучения торговой деятельности предпринимательства намного продвинулась вперед. Вместе с монографиями социально-экономического направления появилось большое количество исследований краеведческого и публицистического характера. В работах казахстанских ученых содержится информация по истории открытия, функционирования ярмарок и ярмарочной торговли купцов и торговцев Степного края, которая дает возможность собрать материал по теме исследования (Касымбаев, Агубаев, 1998; Каримов и др., 2016). Одним из фундаментальных работ данного периода по теме исследования является труд российского ученого Т.К. Щегловой «Ярмарки Западной Сибири и степных областей во второй половине XIX века», в котором впервые рассматривается региональная

ярмарочная торговля как организованная сеть, являвшаяся частью единой торговой системы России (Щеглова, 2002).

Во второй половине XIX века ярмарки стали главной формой организации торговли. Именно в это время началось формирование ярмарочной системы степных областей в местах летовок, где кочевники скапливали предназначенный для продажи скот. Инициаторами открытия ярмарок стали русские купцы. Местные купцы, которые знали быт и традиции населения, хорошо знакомые с местностью и имевшие большой торговый оборот, оказывали большое содействие открытию ярмарок. Если же до второй половины XIX века большинство ярмарок учреждалось согласно инициативе местной администрации, то со второй половины XIX века при помощи самостоятельных выездов купцов в степь стали формироваться регулярные торги. В ходатайствах об открытии ярмарок они обычно писали, что «лучшим средством к понижению цен на русские товары, возбуждению в киргизах доверия к русским купцам и к доброте русских товаров» могло быть учреждение ярмарок «около пунктов, где стали останавливаться киргизы во время перекочевков, для совершения торговых сделок, так и для зимовок» (Щеглова, 2002: 113, 115).

В отдельных вопросах организации и функционирования степных ярмарок правительство учитывало исторический опыт и традиции хозяйствования и осуществления тройного обмена товаров на территории Степи: торговли продукцией собственно казахского скотоводства, транзитной торговли азиатскими товарами и торговли русскими товарами. Правительственная политика создавала благоприятные условия для всех групп, торгующих на ярмарках, и тем самым способствовала интеграции соседних западносибирских и степных рынков в единую торговую систему (Щеглова, 2002: 119).

Основным документом, регламентирующим ярмарочную торговлю во второй половине XIX в., было «Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов». Этот документ устанавливал порядок открытия, место и сроки проведения ярмарок, также торговцам разрешалось вести беспошлинную торговлю на ярмарках. Следующий документ – «Временное положение об управлении степными областями» 1867–1868 гг. – регулировал участие казахского населения в западносибирских ярмарках, в которых также были отменены пошлины. Для контроля за торговлей создавался ярмарочный комитет. Городские головы являлись председателями комитета и следили за поступлением пошлин, налогов и общественным порядком на ярмарочных площадях (Korneeva, 2017: 497). На территории Степного края на небольших ярмарках комитет состоял из представителей городской администрации, ветеринарного врача, двух казахских и двух русских торговцев. Например, на Кояндинской ярмарке крупный купец города Каркаралинска Халиулла Бекметев долгое время состоял членом Кояндинского ярмарочного комитета (Абилов, 2004: 7). Каркаралинский купец Фаизов Халиулла, в конце XIX века входил в состав уполномоченных ярмарочного купечества на Ботовской ярмарке (Энциклопедический словарь..., 2013: 352). Кроме каркаралинских купцов в собрание уполномоченных Ботовской ярмарки входили и другие, как, например, петропавловский купец Трегулов Хамза Х. (Энциклопедический словарь..., 2013: 330).

На ярмарки Степного края стекалось население не только городов, но и казачьих и крестьянских селений, особо они привлекали внимание кочевников-казахов. Функционированию ярмарок способствовали несколько факторов: самым значимым из них было отсутствие хороших дорог, которое являлось главным препятствием установлению постоянных торговых связей между поставщиками баями-скотопромышленниками и купцами. Не менее важным был кочевой образ жизни коренных жителей степи, где ярмарки обеспечивали местное население товарами первой необходимости, в которых кочевники постоянно нуждались.

Из степных ярмарок второй половины XIX века особенно замечательными были Семипалатинская, Атбасарская, Акмолинская и Ботовская (Кояндинская). На последнюю ярмарку, расположенную среди степи (в Каркаралинском уезде), пригонялось до 250–300 тысяч различного скота. Стада раскидывались на необозримое пространство; всюду костры, палатки, юрты; воздух наполнялся ржаньем, мычаньем, бляньем. Огромные стада напоминали стоянку кочевого народа. В основном преобладали бараны и рогатый скот. Торговый оборот ярмарки составлял 1,5 миллиона. Помимо скота, на ярмарку привозились хлеб, мануфактурные и железные изделия (Головачев, 1905: 327–328).

Интересна история появления Кояндинской ярмарки. Как уже было отмечено, многие купцы самостоятельно с товарами совершали торги в Степи. Так, Варнава Ботов по наказу отца Серафима приехал в Каркаралинск и открыл меновой торг. Первой постройкой на территории ярмарки стал Кояндинский пикет (Могильницкий, 2010: 7). В 1869 г. местная администрация возбудила вопрос об учреждении ярмарки. Официальное открытие Кояндино-Ботовской ярмарки было зафиксировано журналом Совета главного управления Западной Сибири от 12–13 сентября 1869 года (Щеглова, 2002: 113). Это была самая крупная ярмарка Казахстана, которая ежегодно работала с 15 мая по 15 июня (Касымбаев, 1990: 63).

Очень интересным является то, что открытие не всех ярмарок радушно принималось местными, иногородними купцами и местным населением. Примером является открытие ярмарок в соответствии с распоряжением генерал-губернатора Западной Сибири начальнику управления

сибирских киргиз (казахов) об учреждении торговли, базаров и ярмарок при каждом приказе от 1842 года. Желание окружного приказа, с одной стороны, сблизить казахов с местным начальством и ознакомить их с выгодами общей торговли и обмена товаров, с другой – обезопасить русских и иностранных купцов от грабежей и потерь не увенчались успехом в Аягузском приказе. На открытие ярмарки не прибыли ни русские, ни иногородние, ни иностранные купцы. Местное же население не доставило собственных изделий и скота (Каримов и др., 2016: 66).

Очень трудно выявить причину неяви купечества и местного населения на открытие ярмарки. Все же главной причиной является внедрение рыночных законов чисто административными методами. Торговцы и купцы являются людьми практичными, все свои действия заранее взвешивают, сравнивают и только в случае выгоды условий торговли берутся за дело. В местах, где можно заработать большие деньги, купцы идут на большие риски. Также неумение административных работников организовать работу ярмарки, отсутствие хорошей рекламы и информации, недоверие местного населения правительству являются причинами провала организаций ярмарок в Степном крае (Каримов и др., 2016: 68).

Так как большую часть купли-продажи на ярмарках составляли скот и животноводческое сырье, в сезон работы ярмарок ветеринарные врачи были очень востребованы. В большинстве случаев торговля на стихийных ярмарочных торгах велась в антисанитарных условиях, под открытым небом, без оборудованных мест, без достаточного количества питьевой воды, при этом главным товаром являлись огромные стада скота. Ярмарки превращались в источники распространения инфекций среди животных.

В этом отношении нельзя не отметить заслуги поляков, работавших на известных ярмарках Семипалатинской губернии, которые вместе с тем внесли большой вклад в развитие ветеринарного дела в областях Степного края. В 1902 г. в Семипалатинскую губернию приехал ветеринарный врач Павел Васильевич Клепацкий. До приезда в губернию он работал заведующим ветеринарного пункта в приграничных регионах Майкапчагай, Алкабек и Чиликты Зайсанского уезда. В 1903 году по приказу военного губернатора был переведен в Каркаралинский уезд для контроля над санитарными условиями на Кояндинской ярмарке. В 1912 году Клепацкого назначили ветеринарным инспектором Семипалатинской губернии, где Павел Васильевич не только занимался лечением животных, но и вел контроль за ценами на скот и скотоводческую продукцию. За заслуги перед государством он был награжден орденами Святого Станислава третьей степени и Святой Анны третьей степени (ЦГА РК. Ф. 469. О. 1. Д. 804. Л. 32-35).

Ссылные поляки также занимались торговлей. Например, Феликс Кулович занимался мелочной торговлей, но после Октябрьской революции вынужден был отказаться от своей деятельности (Герасимов, 1918: 76). Интересна история купеческого сына Ермолая Михайловича Савина, который являлся уроженцем г. Киева, в 1887 г. был сослан в Западную Сибирь на 4 года. Водворен был в Каркаралинск, где занимался торговлей. По разрешению департамента полиции получал отпуска для посещения Крестовоздвиженской ярмарки Пермской губернии и др. (ГАВКО. Ф. 32. Оп.1. Д. 19. Л. 40).

Каркаралинским купцам торговля на ярмарке приносила большие прибыли. В магазинах купцов Рязанцевых чего только не было: английское сукно, бельгийские кружева, ивановские ситцы, парижские духи, ботышевские самовары (Могильницкий, 2010: 7). Рязанцевы занимались реализацией бакалейных и галантерейных товаров. А. Рязанцев продавал чугунные и железные изделия (Абилов, 2004: 7). Но не всегда сбыт мануфактурных товаров и скупка сырья были выгодны, и не всегда купцы получали колоссальные прибыли от данных сфер вложения капитала – до 500 процентов. Необходимо подчеркнуть, что уровень прибыльности у купцов сильно преувеличивается. Большие убытки от экстремальных условий коммерции (отсутствие развитой системы путей сообщения при обширности территорий, торговля в кредит, малая плотность населения и специфический его характер (беглый, уголовный, с низким уровнем традиций, образования, законопослушания и т.д.) «съедали» «львиную долю» прибыли (Tuman-Nikiforova et al., 2017: 951).

Не только вышеуказанные товары являлись главным продуктом сбыта, архивные материалы свидетельствуют о продаже книг на ярмарках и на базарных площадях города Семипалатинска. Интересно прошение семипалатинского 2-й гильдии купца Хабибуллы Сейфуллина военному генерал-губернатору Семипалатинской области, где купец, желая производить торговлю книгами на магометанском языке на предстоящей Ботовской (Куяндинской) ярмарке, покорнейше просит выдать ему разрешительное свидетельство на право торговли книгами. Также в прошении купец докладывает о том, что имеет свидетельство на право торговли книгами в городе Семипалатинске в собственной лавке на базарной площади (ЦГА РК. Ф. 15. О. 1. Д. 519. Л. 9).

Торговля оказывала серьезное влияние на казахское общество: многие зажиточные казахи постепенно выдвигались в купцы, разворачивая широкие торговые операции на линии в фортах и особенно в аулах. В 1863 г. в одном Баян-Аульском округе из 107 торговцев 68 были казахами. Казахские купцы имели своих приказчиков; их товары так же, как и русских и среднеазиатских

торговцев, перевозились верблюжьими караванами и на подводах казахскими лаучи (возчик) (Шоинбаев, 1982: 87-88).

Степные ярмарки выполняли посреднические функции между скотоводческим и оседло-земледельческим населением. Появление нового класса баев, которое было непосредственно связано с рынком, интенсивно поддерживало связи с рынком. Как отмечает крупный ученый Ж.К. Касымбаев в монографии «Города Восточного Казахстана», возникло торговое скотоводство, баи разводили скот не только для собственных нужд, но и для рынка. Байство понимало, что в условиях зарождения новых капиталистических отношений развитие торгового скотоводства, ориентированное на рынок, приносило довольно большую прибыль. Основными поставщиками скота Ботовской ярмарки были Каркаралинский, Павлодарский уезды. Семиреченская область также была поставщиком скота ярмарки, здесь можно выделить Капальский, Верненский, Сергиопольский уезды. Далее из Ботовской ярмарки скот направляли в Ташкент, Петропавловск, Омск. В Томскую губернию в 1891 г. был отправлен один гурт рогатого скота на 600 голов и 6600 баранов в сопровождении 4 стражников, нанятых на ярмарке. В конце XIX века торговля скотом в основном совершалась в кредит. Некоторые гуртовщики обменивали скот на товары. В результате такого положения дел известные скотопромышленники Ботов, Колосов, Жиряков, Скажутин, покупавшие прежде до 50 000 баранов каждый, в конце 80-х – начале 90-х гг. редко посещали ярмарку сами, но посылали туда своих доверенных. В июне 1891 г. агенты Ботова купили 13 700 баранов, а Колосова – 6603 барана и 606 голов рогатого скота. Остальные скотопромышленники в связи с запрещением прогона купленного скота через Томскую губернию, непосредственно примыкавшую к Северо-Восточному Казахстану, вообще уехали с ярмарки, что значительно подорвало торговлю скотом (Касымбаев, 1990: 63, 64). Все же по размерам торговых оборотов Ботовская ярмарка при пикете Коянды Каркаралинско-Павлодарского почтового тракта является одной из первых ярмарок степи. На ней было продано разного рода товаров на 1 644 894 р., в том числе скота на 712 478 р. (Сибирский торгово-промышленный..., 1904: 257).

Кроме Ботовской ярмарки, в Восточном Казахстане функционировало еще 14, общая выручка которых (не считая пошлины за внешнюю торговлю) достигла 17 368 000 руб. (Касымбаев, 1990: 63).

Примеру ялуторовских купцов последовали семипалатинские русские купцы, которые явились инициаторами учреждения Чарских ярмарок. В 1876 году они писали военному губернатору Семипалатинской области, что в результате успешного развития торговли скотом у Кояндинского пикета в Каркаралинском уезде, послужившем основанием Ботовской ярмарки, некоторые семипалатинские торговцы сделали еще одну попытку открытия ярмарки, следствием которой было открытие ярмарок в Семипалатинском уезде на урочище Кара-Мола у р. Чар, в 60 в. на Ю-ЮЗ от Семипалатинска. Усилия купцов увенчались успехом (Щеглова, 2002: 113).

Не только купцы были инициаторами организации ярмарок на территории Степного края. В 1916 году 28 марта поступило сообщение степного генерал-губернатора министру внутренних дел об открытии ежегодной Преображенской ярмарки в Усть-Каменогорском уезде Семипалатинской области. Ее инициаторами стали крестьяне села Преображенское Малороссийской волости Усть-Каменогорского уезда Семипалатинской области, по ходатайству которых в селении Преображенское была открыта двухнедельная ежегодная ярмарка с 1 по 15 марта (Каримов и др., 2016: 207).

Вместе с тем купцы Семипалатинской области не ограничивались ярмарками Степного края, они вели крупную торговлю с сопредельными территориями. К примеру, торговля велась и на узловых ярмарках Томской губернии, таких как Сузунская, Змеиногорская, Барнаульская. В 1890 г. семипалатинский купец Хасан Мухамедчин в торгах на право аренды лавок и торговых мест на ярмарочной площади оспаривал наиболее выгодные места. Также акмолинские, павлодарские, семипалатинские купцы для закупки товаров ездили на Ирбитскую и Нижегородскую ярмарки. Последняя стала основным складом России, куда привозили товар со всех азиатских территорий России и Китая. Ярмарочные торговцы обеспечивали продвижение товаров от производителя к потребителю в рамках всероссийского рынка (Щеглова, 2002: 147, 170).

Лавки, магазины, где проходила реализация товаров фабрично-заводского производства, стали центрами ярмарок. Очень много в архивных документах встречается сведений, где купцы, привозившие различные товары из центральных губерний, большую их часть отдавали в кредит местным купцам, которые знали потребности кочевого населения и через своих посредников развозили нужные товары по ярмаркам, селам, приискам и аулам инородцев. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что торговля постепенно приобретала ростовщический характер (Касымбаев, 1990: 62).

Купцы 2-й гильдии являлись основными скупщиками товаров у крупных купцов. Благодаря своим приказчикам, которые знали спрос и нужды местного населения, купцы привозили на ярмарки качественную продукцию, чтобы не испортить свою репутацию. Плохие дороги, отсутствие безопасности часто приводили к грабегам и смешиванию товара с некачественной продукцией. В этом отношении развитие паромства стало выгодным решением для купцов в перевозке товаров. К тому же этот вид транспорта был намного дешевле, чем сухопутный. Например, зайсанский купец Пидихмет Бобкин ежегодно ездил на Нижегородскую ярмарку, загружал необходимый товар на

пароход, где, в свою очередь, российские купцы Морозовы скупали у него добротный товар – пушнину (Бекмухамедова, 2001: 13).

Акмолинские торговцы Сутюшевы были клиентами нижегородских ярмарочных складов, к примеру, Сутюшев Г.Х. – покупатель нижегородского ярмарочного склада Товарищества Никольской мануфактуры «Савва Морозов, сын и К» с 1897 г. из Атбасара Акмолинской области. Сутюшев Ш.Х. – покупатель нижегородского ярмарочного склада этого же Товарищества с 1903 г. из городов Акмолинска и Атбасара Акмолинской области (Энциклопедический словарь..., 2013: 296). Одним из таких успешных купцов, совершавших крупные партии закупа мануфактурных товаров в складах нижегородской ярмарки был павлодарский 1-й гильдии купец Суриков Прохор Алексеевич. Он основал свое дело в 1888 году, оборот с Товариществом Никольской мануфактуры – с нижегородским ярмарочным складом в 1904 г. составлял 11,4 тыс. руб., в 1905 г. – 6,7 тыс. руб., в 1910 г. – 2,4 тыс. руб. и в 1914 г. – 20,1 тыс. руб. (Энциклопедический словарь..., 2013: 295). Помимо мужчин-предпринимателей, были также активные предпринимательницы, которые являлись покупателями ярмарочных складов. Так, павлодарская предпринимательница Сейдукова Сарди Джамал была покупательницей ирбитского ярмарочного склада Товарищества Никольской мануфактуры «Савва Морозов, сын и К» в 1899–1900, 1903–1904 гг. (Энциклопедический словарь..., 2013: 245).

Особо крупные купцы, дела которых продвигались успешно, брали кредит на ярмарках в банковских учреждениях, уезжая в Сибирь и в Степной край, распродала товары, которые были взяты в кредит и расплачивались с кредиторами на следующей ярмарке (Щеглова, 2002: 170). Некоторые крупные купцы являлись членами ярмарочных отделений Государственного банка. К примеру, семипалатинский купец 2-й гильдии Ложкин Григорий Иванович состоял членом ярмарочного отделения Государственного банка в г. Ирбит, Учетного комитета в Семипалатинском отделении Государственного банка (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 3. Д. 3. Л. 5 об.-6).

Ярмарочная торговля активно развивалась и в Акмолинской области. Во второй половине XIX века в ней действовало около 50 средних и мелких ярмарок (Щеглова, 2002: 152).

Одной из крупных ярмарок, появившейся на месте летовки, являлась Таинчикульская ярмарка, торговля на которой велась с 1852 года на пересечении 2 караванных путей: Петропавловск-Акмолинск и Каркаралинск-Ботовская ярмарка. Во время торговли на берегу озера Сандыкуль устанавливалось в два ряда около 200 купеческих юрт: в одном ряду российские купцы торговали фабричными товарами, в другом – располагались местные торговцы (сарты и петропавловские татары). Официальные сроки ярмарки были установлены с 15 июня по 15 июля, в действительности торговля велась с 1 июля.

Таинчикульская ярмарка в основном специализировалась на продаже скота. По определению В. Михайлова, «торговля в Акмолинской области, где бы она ни велась – по киргизским (казахским) аулам или по большим скотским ярмаркам – всегда носит один и тот же характер: вывоз скота и его продуктов из степи и поступление в нее ирбитских и нижегородских товаров с небольшой примесью азиатских» (Щеглова, 2002: 114, 149). На Таинчикульской ярмарке оптовые торговцы закупали у казахов большие гурты скота. Сюда привозилось много русских, китайских и среднеазиатских товаров. Ежегодные обороты Таинчикульской ярмарки в начале 60-х годов XIX века достигали 5 млн. рублей серебром (Шоинбаев, 1982: 85).

Таинчикульская ярмарка служила главным рынком сбыта скота не только для степных областей, но и для соседних сибирских губерний. Активное участие в ней принимали пермские и оренбургские скотопромышленники. Торговля на Таинчикульской ярмарке в 70-е годы XIX в. достигла своего апогея: на ярмарку пригонялось не менее 1 млн. голов баранов, 40 тыс. голов крупного рогатого скота, 15 тыс. лошадей. Но в 80-е годы XIX в. роль Таинчикульской ярмарки как центра торговли скотом в Степном крае стал падать. Падению торговых оборотов ярмарки способствовало несколько факторов. Первым можно назвать джунт 1879–1880 годов, разразившийся в результате гололедицы в степи, второй заключался в том, что скототорговцы сами предпочитали приобретать скот в местах кочевий у казахов, не обращаясь к услугам перекупщиков, которые превышали стоимость товара (Толочко, 2010: 47).

В самом городе Акмола были 2 ежегодные ярмарки – Константино-Еленовская и Дмитриевская. Константиновская ярмарка была весенне-летней, а известная в источниках как Дмитриевская была осенне-зимней. Несмотря на сезонный характер проведения, ярмарки способствовали росту объемов торгово-промышленного капитала в регионе и привлекали купцов. Временной режим проведения Константиновской ярмарки был удобен для казахов-кочевников; в летнее время ничто не препятствовало кочевникам сгонять на ярмарку скот. Наплыв торговых караванов был самым активным именно летом. Возможно, поэтому торговый оборот Константиновской ярмарки уже в первый год открытия составил 46822 руб. (Alpyspaeva, Sayahimova, 2018: 690). На Константино-Еленовской – торг преимущественно производился рогатым скотом, лошадьми, верблюдами и баранами. Всех же в сложности товаров привозилось торгующими не менее как на 100 000 руб. и распродалось на 65 000 руб. На Дмитриевской первенствовали жировые

товары, всех же товаров в привозе бывало на 60 000 рублей и сбывалось не менее как на 45 000 рублей (Касымбаев, Агубаев, 1998: 61).

К началу XX века в области увеличилось число ярмарок. В 1913 году в Акмолинской области их было 334. Из них 100 ярмарок состоялось с продажей скота и животноводческих продуктов (Обзор Акмолинской...1914: 40).

Представители купеческого сословия, бесспорно, являлись первыми на ярмарке, кто владеет информацией о потребительском спросе. Именно они продавали и рекламировали товары производителей. На страницах Сибирского торгово-промышленного календаря можно увидеть объявление Центральной конторы объявлений, основанной в 1878 г., которая призывает купцов, фабрикантов, ремесленников – одним словом, всех производителей прибегнуть к газетной рекламе. В этом издании рекламируется винная продукция винокуренного завода торгового дома «Ф. Плещеев и К» (Сибирский торгово-промышленный..., 1894).

Поиск все новых рынков сбыта товаров для купечества постоянно развивал познавательный туризм. Заинтересованность предпринимателей увидеть неизведанные края становится возможной после накопления первоначального капитала. Совершать дальние поездки в другие страны могли себе позволить только крупные купцы. Порой такие устремления завершались благотворительностью. Так, известный каркаралинский купец Х. Бекметев направил огромные деньги на постройку мечети в Санкт-Петербурге. На ее стене арабской вязью сделана надпись, которая свидетельствует о благотворительной деятельности купца. За активную благотворительность Бекметев награждался серебряной медалью на Станиславской ленте и золотой медалью на Анненской ленте (Абилов, 2004: 7).

Один из первых купцов первой гильдии города Семипалатинска Буршак Еспаев (1803–1889) становится членом экспедиции Шокана Уалиханова 1858 года в Кашгарию. Купец закупил на свои средства шрифты-гвозди из Нижнего Новгорода для библиотеки города Семипалатинска. Шрифты-гвозди хранятся в музее полиграфии города Семей (Керейбаева, 2016: 148).

Мальцев Фадей Арсеньевич, петропавловский купец XIX века, торговал на Сибирской линии и ярмарках, имел небольшое кожевенное производство, в 1866 г. выделано 1640 кож на сумму 6630 руб. (Энциклопедический словарь..., 2013: 17).

Самое важное – это огромный доход, который получали купцы и торговцы и правительственная казна от функционирования ярмарок, доказательством тому являются следующие факты. Отличием ярмарочной сети степных областей являлось также большое количество ярмарок с миллионными оборотами: Ботовская и Чарская в Семипалатинской, Атбасарская, Акмолинская, Тайнчикульская – в Акмолинской. В отличие от таких сибирских оптовых ярмарок, как Ишимская (торговля велась с 1797 г.), Ирбитская (с 1643 г.), степные ярмарки возникли в 1850–1860 годы и достигли миллионных оборотов за несколько лет. Обороты акмолинской Константиновской ярмарки с 1858 по 1862 годы составляли в среднем 218 тыс. руб. (привоз – 140,6 тыс. руб., сбыт – 77,6 тыс. руб.), в 1870-е гг. – 2,5 млн. руб., а в 1885 г. – 3 млн. руб. Атбасарская ярмарка достигла в 1890-е годы оборота 2,5 млн. руб., Тайнчикульская в 1884 г. – 2,9 млн. руб. К концу XIX века обороты торговли этих трех ярмарок составляли до 70 % по привозу и 85 % по сбыту от общей стоимости товаров на ярмарках Акмолинской области (Щеглова, 2002: 121).

4. Заключение

Таким образом, купечество сыграло большую роль в проникновении капиталистических отношений в Степной край, успешно справляясь с последствиями изменения экономической ситуации в крае. Государством создавались благоприятные условия для ярмарочной торговли, которая на первом этапе имела ряд льгот. В результате продуманной государственной политики как сибирские купцы пользовались привилегиями на рынках городов и регионов Степного края, так и казахские купцы без притеснений могли торговать на российских рынках. Именно купцы становились инициаторами открытия ярмарок во второй половине XIX века. При выборе места и времени торговли они учитывали этносоциальные и этнокультурные особенности населения Степи, которые привели к созданию благоприятного ареала для жизнедеятельности представителей многих народов и конфессий. Введение в крае ярмарочного управления является доказательством наличия деловых качеств и опытности ярмарочных купцов, которые сыграли большую роль в развитии «азиатской» торговли.

Со временем ярмарочная торговля утратила свое значение в связи с новым географическим размещением рынка, в соответствии с чем сократилась численность предпринимателей, совершавших местную региональную и международную ярмарочную торговлю.

Литература

Абилов, 2004 – Абилов К. Купеческий город: К 180-летию Каркаралинска // Индустриальная Караганда. 10.06.2004.

Бекмухамедова, 2001 – Бекмухамедова Х. Купец // Новое поколение, 27.04.2001, №17(153).

ГАВКО – Государственный архив Восточно-Казахстанской области.

Герасимов, 1918 – Герасимов Б. Ссылные поляки в Семипалатинской области // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Семипалатинск, 1918.

Головачев, 1905 – Головачев П. Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. Москва, 1905. 401 с.

Каримов и др., 2016 – Каримов М.К., Асылбеков М.К., Даутова А.Ф. Шығыс Қазақстандағы қазақ кәсіпкерлігінің дамуы (XIX ғ. – XX ғасырдың басы). Семей, 2016. 252 с.

Касымбаев, 1990 – Касымбаев Ж.К. Города Восточного Казахстана. Алма-Ата, 1990. 184 с.

Касымбаев, Агубаев, 1998 – Касымбаев Ж.К., Агубаев Н. История Акмолы (XIX–XX века): исследования, источники, комментарии. Алматы, 1998. 176 с.

Керейбаева, 2016 – Керейбаева А.С. Благотворительная и меценатская деятельность предпринимателей Степного края второй половины XIX – начала XX вв. в контексте российской государственной политики: историографический аспект / Казахи Евразии: история и культура. Сборник научных трудов. Омск, Павлодар, 2016. С. 143-150.

Могильницкий, 2010 – Могильницкий В. Долгая жизнь Варнавы Ботова // Индустриальная Караганда. 09.10.2010.

Обзор Акмолинской... – Обзор Акмолинской области за 1913 год. Омск, 1914 г. 140 с.

Сибирский торгово-промышленный..., 1894 – Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь за 1894 г. Томск, IV. 1893.

Сибирский торгово-промышленный..., 1904 – Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь за 1904 г. Отдел. I. Томск, 1904.

Толочко, 2010 – Толочко А.П. Омск в истории русско-казахских экономических, культурных и общественных связей (конец XIX – начало XX вв.). Омск, 2010. 176 с.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Шоинбаев, 1982 – Шоинбаев Т.Ж. Добровольное вхождение казахских земель в состав России. Алма-Ата, 1982. 279 с.

Щеглова, 2002 – Щеглова Т.К. Ярмарки Западной Сибири и степных областей во второй половине XIX века. Барнаул, 2002. 236 с.

Энциклопедический словарь..., 2013 – Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 2. Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2013.

Alpyspaeva, Sayahimova, 2018 – Alpyspaeva G.A., Sayahimova S.N. The Role of the Merchant Class in the Development of the Provincial City of Akmolinsk (the second half of the XIX – the beginning of the XXth centuries) // *Bylye Gody*. 2018. 48(2): 688-698.

Korneeva, 2017 – Korneeva J.V. Major State Fairs in the Middle Volga in the Second Half of the XIX Century // *Bylye Gody*. 2017. 44 (2): 495-504.

Tuman-Nikiforova et al., 2017 – Tuman-Nikiforova I.O., Fedorchenko V.I., Pashina N.V., Krylov I.I. Factors of the Evolution of the Guild of Merchants of the Yenisei Province (in the post-reform period) // *Bylye Gody*. 2017. 45(3): 949-956.

References

Abilov, 2004 – Abilov K. (2004). Kupecheskiy gorod: K 180-letiyu Karkaralinska. [Merchant city: to the 180th anniversary of Karkaralinsk]. Industrialnaya Karaganda. 10. 06. 2004. [in Russian]

Alpyspaeva, Sayahimova, 2018 – Alpyspaeva G.A., Sayahimova Sh.N. (2018). Rol kupechestva v razvitiy provintsialnogo goroda Akmolinska (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.). [The Role of the Merchant Class in the Development of the Provincial City of Akmolinsk (the second half of the XIX – the beginning of the XXth centuries)]. *Bylye gody*. 2018. (2) 48: 688-698 pp. [in Russian]

Bekmukhamedova, 2001 – Bekmukhamedova Kh. (2001). Kupets. [Merchant]. Novoye pokoleniye. 27.04. №17(153). [in Russian]

Sibirskiy torгово-promyshlenny..., 1894 – Sibirskiy torгово-promyshlenny i spravochnyy kalendar za 1894 g. [Siberian commercial and industrial background and calendar for 1894]. Tomsk. IV. [in Russian]

Sibirskiy torгово-promyshlenny..., 1904 – Sibirskiy torгово-promyshlenny i spravochnyy kalendar za 1904 g. [Siberian commercial and industrial background and calendar for 1904] otdel. I. Tomsk. 1904. [in Russian]

Entsiklopedicheskiy slovar..., 2013 – Entsiklopedicheskiy slovar po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri [Encyclopedic dictionary on the history of merchants and Commerce of Siberia]. Т. 2. Новосибирск: Akademicheskoye izdatelstvo «Geo». 2013. 464 p. [in Russian]

GAVKO – Gosudarstvennyy arkhiv Vostochno-Kazakhstanskoy oblasti [State archive of East Kazakhstan region].

Gerasimov, 1918 – Gerasimov B. (1918). Ssylnyye polyaki v Semipalatinskoy oblasti [The exiled poles in the Semipalatinsk region]. Zapiski Semipalatinskogo Podotdela Zapadno – Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva. Semipalatinsk. [in Russian]

Golovachev, 1905 – Golovachev P. (1905). Sibir Priroda. Lyudi. Zhizn [Siberia Nature. People. Life] M., 401 p. [in Russian]

Karimov i dr., 2016 – *Karimov M.K., Asylbekov M.K., Dautova A.F.* (2016). Shygys Kazakstandagy kazak kasipkerliginin damuy (XIX g. – XX gasyrdyn basy) [Development of Kazakh entrepreneurship in Eastern Kazakhstan (XIX century – beginning of XX century)]. Semey. 252 p. [in Kazakh]

Kasymbayev, 1990 – *Kasymbayev Zh.K.* (1990). Goroda Vostochnogo Kazakhstana [Cities of East Kazakhstan]. Alma-Ata. 184 p. [in Russian]

Kasymbayev, Agubayev, 1998 – *Kasymbayev Zh.K., Agubayev N.* (1998). Istoriya Akmoly (XIX – XX veka): issledovaniya. istochniki. kommentarii. [History of Akmola (XIX-XX century): research, sources, comments.] Almaty. 176 p. [in Russian]

Kereybayeva, 2016 – *Kereybayeva A.S.* (2016). Blagotvoritelnaya i metsenatskaya deyatelnost predprinimateley Stepnogo kraya vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. v kontekste rossiyskoy gosudarstvennoy politiki: istoriograficheskiy aspekt. [Charitable and philanthropic activity of entrepreneurs of the Steppe region in the second half of the XIX-early XX century in the context of Russian state policy: historiographical aspect]. Kazakhi Evrazii: istoriya i kultura sbornik nauchnykh trudov. Omsk. Pavlodar. Pp. 143-150. [in Russian]

Korneeva, 2017 – *Korneeva Ju.V.* (2017). Krupnyye gorodskie yarmarki Srednego Povolzhia vo vtoroy polovine XIX veka. [Major State Fairs in the Middle Volga in the Second Half of the XIX Century]. *Bylye gody*. 44(2): 495-504. [in Russian]

Mogilnitskiy, 2010 – *Mogilnitskiy V.* (2010). Dolgaya zhizn Varnavy Botova [A long life of Varnava Botov]. *Industrialnaya Karaganda*. 9.10. [in Russian]

Obzor Akmolinskoy..., 1914 – *Obzor Akmolinskoy oblasti za 1913 god.* (1914) [Review of Akmola region in 1913]. Omsk. 1914 g. 140 p. [in Russian]

Shcheglova, 2002 – *Shcheglova T.K.* (2002). Yarmarki Zapadnoy Sibiri i Stepnikh oblastey vo vtoroy polovine XIX veka. [Fairs of Western Siberia and Steppe regions in the second half of the XIX century]. Barnaul. 236 p. [in Russian]

Shoinbayev, 1982 – *Shoinbayev T.Zh.* (1982). Dobrovolnoye vkhozhdeniye kazakhskikh zemel v sostav Rossii [Voluntary entry of Kazakh lands into Russia]. Alma-Ata. 279 p. [in Russian]

Tolochko, 2010 – *Tolochko A.P.* (2010). Omsk v istorii russko-kazakhskikh ekonomicheskikh. klturnykh i obshchestvennykh svyazey (konets XIX – nachalo XX vv.). [Omsk in the history of Russian-Kazakh economic, cultural and public relations. (late XIX-early XX centuries)]. Omsk. 176 p. [in Russian]

TsGA RK – Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central state archive of the Republic of Kazakhstan].

Tuman-Nikiforova et al., 2017 – *Tuman-Nikiforova I.O., Fedorchenko V.I., Pashina N.V., Krylov I.I.* (2017). Faktory evolyutsii gildeyskogo kupechestva Eniseyskoy gubernii (poreformennyy period) [Factors of the Evolution of the Guild of Merchants of the Yenisei Province (in the post-reform period)]. *Bylye Gody*. 45(3): 949-956. [in Russian]

Ярмарочная торговля купечества Степного края второй половины XIX – начала XX веков

Асель Серикбайкызы Керейбаева ^a, Арафат Мажитович Мамырбеков ^a,
Татьяна Павловна Левченко ^{b, *}, Зиядин Мейрамбек Таттибекович ^c

^a ГУ имени Шакарима города Семей, Казахстан

^b Сочинский государственный университет, Российская Федерация

^c Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет, Казахстан

Аннотация. Ярмарочная торговля купечества Степного края второй половины XIX – начала XX веков стала активно расширяться после завершения присоединения Казахского ханства к Российской империи. Присоединение степных областей и развитие капиталистических отношений привели к проникновению западносибирского торгового-промышленного капитала в Степной край. Ярмарочная торговля выполняла посреднические функции между оседло-земледельческими и скотоводческими районами, удовлетворяя растущие потребности в продовольственных и промышленных товарах населения Акмолинской и Семипалатинской областей. Государством была разработана целая система мер по поддержке торговых взаимоотношений предпринимателей и формированию единой сибирско-азиатской торговой сети. На территории Степного края благоприятные условия по расширению ярмарочной торговли купечества были созданы после проведения царской администрацией административно-территориальных реформ 1867–1868 годов. Особое внимание уделяется крупным купцам, которые внесли немалый вклад в открытие больших ярмарок, установление и развитие торгово-экономических отношений с соседними регионами и

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: lekonst@mail.ru (Т.П. Левченко)

государствами. Показана роль купцов в управлении большими и малыми ярмарками на территории края и нового класса баев, которая непосредственно была связана с рынком. Так, в заключение следует отметить, что существование ярмарок и появление в крае ярмарочного управления показывают профессионализм и зрелость ярмарочных купцов, которые внесли большую лепту в установление межрегиональных экономических связей и распространение рыночных отношений в крае. Ярмарки стали преобладающей формой торговли в Степном крае, дальнейшее развитие которых внесло огромные изменения в организацию торговой сети степных областей.

Ключевые слова: ярмарка, купец, Степной край, торговля, гильдия, товар, рынок.

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1211-1220. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1211
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Number of the Semirechensky Cossacks and Factors of its Dynamics in XIX – the beginning of XX centuries

Mikhail G. Tarasov ^{a, *}

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article considers the process of formation of the Cossack population of the South-Eastern Kazakhstan (Semirechye) in the XIX – early XX centuries. It focuses on the changes in the number of Cossacks in the region and the factors influencing this dynamic. The history of Cossack settlements on the territory of Semirechye and their localization is considered in detail. The beginning of the formation of the Cossack population of Semirechye refers to 1830. From the middle of XIX to the early XX centuries, its number is continuously growing. This growth was initially provided mainly by the resettlement of Cossacks from other regions and the enrollment of soldiers and peasants in the Cossacks. Since the 1870s, the growth of the number of seven-river Cossacks was almost only due to the natural increase. Some slowdown in the growth rate of the Cossack population of Semirechye was due to underestimation of the importance of Cossack colonization by the leadership of the country and the region in the 1870s-1880s, the First world war and the Turkestan uprising of 1916.

At the beginning of the XX century, as a result of the Civil war and the policy of telling the bulk of the Cossacks Semirechye was destroyed physically, a significant part fled to neighboring States, and the remaining merged with other social groups.

The result of the work is a statement of the continuous growth of the number of the Semirechensk Cossacks throughout the existence of this social group, up to the termination of its existence in the early 1920s.

Keywords: South-East Kazakhstan, Cossacks, Russian empire, Semirechye, colonization, demography, Turkestan revolt of 1916, the First world war, Revolution of 1917, Civil war.

1. Введение

Казачье население начало формироваться в Семиречье в первой половине XIX в. Казаки должны были способствовать вхождению региона в состав России, охране границ с Цинским Китаем и Кокандским ханством, контролировать торговые пути в Синьцзян и государства Средней Азии. Представленное в большинстве своем сибирскими казаками казачество Семиречья в 1867 г. было преобразовано в особое Семиреченское казачье войско, просуществовавшее до 1920 г. – завершения Гражданской войны в регионе. Для эффективного решения стоявших перед казачеством задач, русское правительство стремилось к увеличению его численного состава.

За время существования казачьего населения на территории Юго-Восточного Казахстана (Семиречье) численность этой социальной группы многократно возросла, однако этот рост не был стабильным, испытывал на себе влияние многих факторов, определивших его динамику. Увеличение численности казаков в Семиречье шло как за счет естественного прироста, так и за счет механического включения по инициативе правительства в их состав представителей других сословных групп. Заметное влияние на темпы роста казачьего населения в регионе оказывали

* Corresponding author

E-mail addresses: tmg.nauka@yandex.ru (M.G. Tarasov)

внутриполитические процессы, происходившие в России во 2-й пол. XIX – начале XX вв. В данной статье будут рассмотрены основные из этих процессов и проанализировано их влияние на динамику численности казачьего населения региона с момента начала его формирования и до момента юридического упразднения казачества.

2. Материалы и методы

2.1. Материалы (источники)

Для реконструкции процесса формирования казачьего населения в Семиречье были задействованы самые разнообразные источники, давшие возможность реконструировать данный процесс с учетом основных факторов, оказывавших на него влияние. Важнейшую информацию о семиреченских казаках содержат фонды Российского государственного военного архива. Так, фонд 330 «Казачий отдел Главного штаба» содержит информацию о казачьем населении как во всей Семиреченской области, так и в отдельных казачьих поселениях в конце XIX в. (РГВИА. Ф. 330). Информация о доле лиц казачьего населения, в частности и русского населения, вообще в регионе содержится в фонде 1396 «Штаб Туркестанского военного округа» (РГВИА. 1396). Ввиду значительной зарегулированности жизни сибирского и семиреченского казачества во второй половине XIX в. информация о создании нового Семиреченского казачьего войска на основе двух полков Сибирского войска, дислоцированных в Семиречье, содержится в законе 44 845, помещенном в 42 томе 2-го собрания Полного собрания законов Российской империи (ПСЗРИ, 1871: 44845).

Общие сведения о Семиреченском казачьем войске, экономических, географических, социальных факторах, определявших динамику численности казачьего населения в регионе, содержатся в работах Н.В. Леденева «История Семиреченского казачьего войска» (Леднев, 1909) и М.П. Хорошкина «Казачьи войска: опыт военно-статистического описания» (Казачьи войска..., 1873). Информация о восстании коренного населения Центральной Азии, в том числе Семиречья, и о влиянии этих событий на численность казачьего населения региона содержится в сборнике документов, посвященных этим событиям (Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане, 1960).

2.2. Методы исследования

В качестве методологической основы работы автор использовал историко-генетический метод, позволивший проследить процесс формирования казачьего населения на территории Юго-Восточного Казахстана в XIX – начале XX вв. Историко-сравнительный метод, применявшийся в процессе исследования, дал возможность проанализировать этапы формирования казачьего населения Семиречья, начиная со времени появления первых представителей казачьего сословия в регионе в начале 1830-х гг., организации Семиреченского казачьего войска в 1867 г., меры по организационному и численному укреплению войска на рубеже XIX–XX вв., влияние негативных событий, обусловленных Первой мировой войной, Февральской, и особенно Октябрьской революцией 1917 г., и последовавшей за ней Гражданской войной. Использование историко-типологического метода позволило проанализировать социальные источники формирования казачьего населения Юго-Восточного Казахстана в рассматриваемый период. Представляется, что данные методы в целом способствовали объективному изучению рассматриваемой проблемы.

3. Обсуждение

История формирования казачьего населения в Центральной Азии, и в частности в Семиречье, привлекала внимание отечественных ученых на протяжении длительного времени. Этой проблеме уделили внимание такие ученые, как А.С. Елагин в своей работе «Казачество и казачьи войска в Казахстане» (Елагин, 1993), Е.Н. Лещев в диссертационном исследовании «Охрана государственной границы Российской империи Семиреченским казачьим войском (1867–1917 гг.)» (Лещев, 2004), Д.А. Сапунов в диссертации «Участие казачества Урала и Сибири в присоединении Средней Азии к России (40–90-е гг. XIX в.)» (Сапунов, 2001). В статье М.Г. Тарасова «Семиреченское казачество в имперском пространстве России» проводится общий анализ истории возникновения и существования семиреченского казачества в общероссийском контексте (Tarasov, 2013). В статье С.С. Лукашовой «Особенности формирования восточнославянских диаспор в Семиречье в 60–80 гг. XIX в.» рассматривается процесс формирования славянского населения в Семиречье, оказавший влияние на рост численности казачества региона (Лукашова, 2015). В статьях А.А. Волвенко «Д.А. Милютин и казачество» (Volvenko, 2016) и «Временный комитет по пересмотру казачьих законоположений: организация, состав, деятельность (1865–1872 гг.)» (Volvenko, 2018) рассматривалась правительственная политика по отношению к казачеству в середине XIX в., определявшая изменение его численности и социальной роли в Центральной Азии. Политика официальных органов власти Российской империи в казахской степи, участие казаков в ее проведении, межэтнические взаимоотношения русского и казахского населения в северных регионах Центральной Азии рассмотрены в работе Г.Б. Избасаровой «Институт попечителей в Казахской степи XIX в.: правовое положение и должностные инструкции» (Izbassarova, 2017).

Из иностранных авторов, занимавшихся проблемами русской, в том числе и казачьей колонизации Семиречья, и рассматривавших роль и место казачества в Центральной Азии, следует

упомануть Т.А. Демпси с его работой «Русское правление в Туркестане» (Dempsey, 2010) и нашего бывшего соотечественника М. Ходорковского с его известной монографией «Русский степной фронт» (Khodarkovsky, 2001).

4. Результаты

Начало казачьей колонизации Семиречья следует отнести к 1831 г., когда на реке Аягуз русскими властями было основано одноименное поселение, и где был размещен гарнизон из сибирских казаков. В 1834 г. по распоряжению военного министра Семиречье посетил полковник Генерального штаба А. Бутовский, который по итогам поездки составил «Проект торгово-экономического освоения Семиречья и озера Балхаш в целях развития и упрочения торговых связей с азиатскими странами». Признавая огромное значение Семиречья, А. Бутовский считал, что для освоения региона необходимо задействовать сибирских казаков, что приведет к тому, что издержки на колонизацию «будут ничтожны в сравнении с предстоящими выгодами» (Агафонов, 1995: 341). В 1841 г. в Семиречье были поселены пять солдатских семей 8-го Сибирского линейного батальона, которых поверстали в казаки и даже поставили на казенное довольствие, правда, временно. В 1846 г. для переселенцев в регион также были определены временные, двухлетние, льготы, которые включали денежную, продовольственную и фуражную помощь (Агафонов, 1995: 344).

Переселение в первой половине XIX в. значительного числа казаков на территорию традиционного проживания казахов вызвало осложнение отношений между двумя этими социальными группами. Для решения этой проблемы в казахской степи был создан особый институт попечителей (Izbassarova, 2017: 1369).

В 1847 г. император Николай I утвердил планы занятия Семиреченского края и «переселения в оный с линии [Сибирской – Авт.] казаков». В том же 1847 г. отряд есаула С.М. Абакумова основал станицу Капальскую, связанную со станицей Аягузской 12 пикетами, для формирования гарнизона которых в Капальскую в течение 1848–1850 гг. переселили 200 семей казаков 9-го Сибирского полкового округа (Лещев, 2004: 50).

В 1854 г. майором М.Д. Перемышльским на реке Алма-Ате было основано Заилийское укрепление, позднее переименованное в Верный (Сапунов, 2001: 105-106). Уже в 1854 г. рядом с укреплением стали селиться казачьи семьи. В Верном, ставшем административным центром Старшего Жуза, был размещен русский гарнизон, состоявший преимущественно из казаков Сибирского и Оренбургского казачьих войск. В 1855 г. неподалеку от Верного была основана Алматинская станица, куда переселили 132 семьи сибирских казаков. В 1856 г. здесь же были расселены 200 русских крестьянских семей, причисленных к казачьему сословию, из Томской и Тобольской губерний (Лещев, 2004: 51).

Из Сибирского казачьего войска в Семиречье переселялись, как правило, казаки 6-го, 7-го, 8-го и 9-го полков, которые основали станицы Алматинскую, Карабулакскую (Урджарскую), Коксуйскую и Лепсинскую. Казаки 10-го Сибирского казачьего полка основали пикеты Алтын-Эмельский, Илийский, Зайлийский, Карачекинский, Куянкузский, Терс-Аканский и Чингильдинский. К концу 1850-х гг. возникли станица Надеждинская из казаков 7-го и 8-го полков и их семей, станицы Софийская и Сарканская из казаков 10-го полка. В 1860 г. 6-я сотня 9-го полка была переселена со своими семьями в долину р. Каскелен, где образовала станицу Каскеленскую. С 1861 по 1868 гг. переселение казаков в Семиречье практически прекращается (Леденев, 1909: 105).

В 1857 г. в Семипалатинскую область, учрежденную в 1854 г., переводят 9-й и 10-й Сибирские казачьи полки. Кроме казаков, также из Сибири были переселены несколько сотен крестьянских семей, которых зачисляли в казачье сословие и предоставляют земельные наделы. Также правительство разрешило селиться здесь всем желающим с условием, что поселенцы будут зачислены в состав Сибирского казачьего войска (Центральная Азия, 2008: 416). Таким образом, за 20 лет, с 1847 по 1867 гг., властям удалось переселить в Семиречье значительное количество казачьих семей из Сибирского казачьего войска, крестьян, переведенных в казачье сословие, и создать 14 крупных поселений – станиц и выселков (Галузо, 1965: 162).

Активное привлечение правительством казаков к процессу русской колонизации Семиречья было связано с тем, что освоение этого региона проходило в сложных условиях постоянной военной опасности. Здесь требовался не просто крестьянин, способный экономически освоить регион, но, по словам историка Семиреченского казачьего войска Н.В. Леденева, «требовался воин-пахарь, всегда готовый к отпору» (Леденев, 1909: 88).

Укрепление позиций в таком стратегическом регионе, как Семиречье, предполагалось русскими властями и за счет формирования здесь постоянного русского населения. Генерал-губернатор Западной Сибири в 1861–1866 гг. А.О. Дюгамель предложил создать русские поселения в «Зачуйском крае», а также на границе с Западным Китаем. Он отмечал, что наиболее подходящим колонизационным элементом являются сибирские и оренбургские казаки. А.О. Дюгамель указывал, что поселения казаков должны стать базой для дальнейшего продвижения России в Центральную Азию. Его мнение разделял военный министр Д.А. Милютин (Халфин, 1960: 168-169).

Для заселения Семиречья правительство выбрало казаков сибирских по причине их близкого проживания, относительной многочисленности, наличия опыта взаимодействия с тюркскими народами, включая знание казахского языка и культуры, а также приспособленности к специфическим природно-климатическим условиям региона. Поселения сибирских казаков, в будущем должны образовать новое войско, размещались вдоль перспективной государственной границы, которая должна была разделить тюркских кочевников Китая и Кокандского ханства (Сапунов, 2001: 185).

13 июля 1867 г. указом Александра II на базе 9-го (Алатаевского) и 10-го (Сергиопольского) полковых округов Сибирского казачьего войска было создано новое Семиреченское казачье войско, центром которого определялся г. Верный. Штат войска должны были составить два конных шестисотенных полка – 1-й и 2-й Семиреченские казачьи полки, переименованные соответственно из 9-го и 10-го Сибирских (Полное собрание..., 1871: 44845). Войско, как и прежде, продолжало состоять из двух полковых округов – 9-го и 10-го. В состав 9-го полкового округа были включены Капальская (848 душ мужского пола (д. м. п.), Лепинская (1 291 д. м. п.), Сергиопольская (387 д. м. п.) и Урджарская (488 д. м. п.) станицы, а также выселки Арсанский (112 д. м. п.), Карабулакский (114 д. м. п.) и Коксуйский (143 д. м. п.). Общее число мужчин казачьего звания составляло 3 542 человека. В состав 10 полкового округа вошли Большая Алматинская (947 д. м. п.), Малая Алматинская (809 д. м. п.), Каскеленская (309 д. м. п.) и Софийская (1 018 д. м. п.) станицы, а также выселки Илийский (70 д. м. п.) и Надеждинский (789 д. м. п.). Всего в 10-м полковом округе насчитывалось 3 942 мужчины казачьего сословия. Всего, таким образом, в войске на момент основания было 7 484 мужчины казачьего сословия. В момент создания Семиреченского войска на действительной службе находилось 1768 казаков (Леденев, 1909: 88). На 1 января 1868 г. в Семиреченском казачьем войске насчитывалось 14 648 человек, в том числе 7 832 мужчин и 6 816 женщин. Интересно, что, по данным К.П. Кауфмана, в 1867 г. из почти 15 тысяч душ казачьего населения Семиречья, 1 610 были приписанные к казачьему сословию крестьяне (Хорошхин, 1881: 151). Для пополнения численного состава войска в 1869 г. в его состав были зачислены около 400 бежавших из Китая монголов. В 1870 г. в Семиреченском войске было уже 17 111 человек – 9 220 мужчин и 7 891 женщина (Лещев, 2004: 64-65). В 1871 г. по высочайшему повелению в Семиречье на китайскую границу были переселены сибирские казаки-добровольцы с Бийской линии (Сапунов, 2001: 186).

Рис. 1. Знак Семиреченского казачьего войска (для офицеров). 1912 г.

Следует отметить, что, несмотря на значительные усилия властей, в 1860–1890-е гг. в Семиречье переселилось достаточно мало казаков из Сибири. Хотя число новых станиц и выселков росло, это происходило за счет перераспределения собственно семиреченских казаков и за счет зачисления в казаки крестьянских переселенцев (Сапунов, 2001: 192).

К 1880 г. в Семиреченском казачьем войске насчитывалось 24 398 душ обоого пола, из которых 23 409 человек были православными и 809 буддистами. Последние были из числа монголов и членов их семей, зачисленных в состав войска в 1869 г. (Хорошхин, 1881: 151).

В конце 1870-х гг. активный период казачьей колонизации региона закончился. После 1880 г. темпы казачьей колонизации значительно сокращаются и до конца XIX в. остаются в целом невысокими. Казачье население в этот период увеличивалось фактически только за счет естественного прироста. Рассматривая географию казачьих поселений в Семиречье в конце XIX в., следует отметить, что распределены они в регионе были крайне неравномерно. Так, в Северной Киргизии казачьих поселений не было совсем. Станицы были сосредоточены в Верненском, Джаркентском и Копальском уездах, на важнейших коммуникациях, связывавших Сибирский и Туркестанский военные округа (Сапунов, 2001: 192).

Рис. 2. Семиреченские казаки (Открытка конца XIX в.)

Так, генерал-губернатор Туркестанского края К.П. Кауфман считал, что казаки представляют собой менее ценный колонизационный элемент, чем крестьяне, способные на меньших наделах наладить более эффективное хозяйство (Volvenko, 2016: 403). Разделял эти взгляды и военный губернатор Семиречья Г.А. Колпаковский. Подобные оценки со стороны руководства региона привели к тому, что дальнейшая передача казакам земель сократилась, а значительная часть наделов была у казаков отторгнута и передана преимущественно местному коренному населению (Фомченко, 1983: 34-35).

Тем не менее, на протяжении всей 2-й пол. XIX в. наблюдается рост казачьего населения Семиреченской области. Согласно переписи 1897 г. из общего числа населявших область почти 988 тыс. чел. русских (включая украинцев) насчитывалось 85 тыс. чел. или 9,7 % населения региона. Основное население региона было представлено казаками и киргизами – 795 тыс. чел. (80,4 %). Кроме того, в области проживало 56 тыс. уйгуров (5,7 %), около 15 тысяч узбеков (1,5 %), до 14 тысяч дунган (1,4 %) и свыше 8 тысяч татар (0,8 %) (Лещев, 2004: 68).

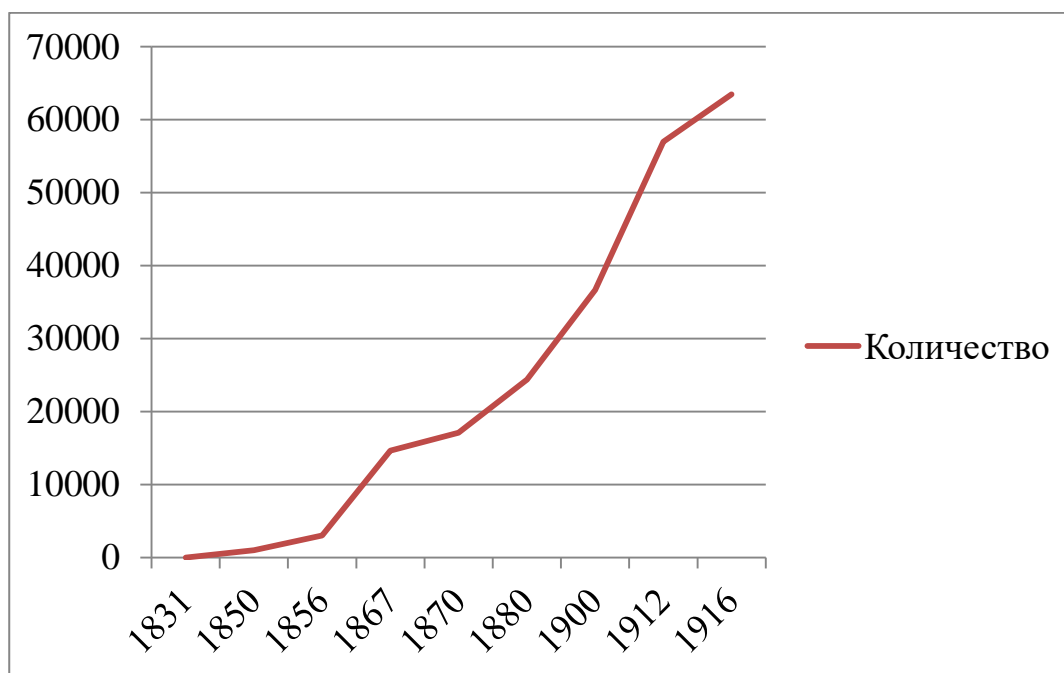
В 1900 г. казачьего населения в четырех уездах Семиреченской области, в 28 станицах и выселках насчитывалось: в Верненском – 17 586 человек, Джаркентском – 3 174, Копальском – 5 405 и Лепсинском – 10 523, а всего в области – 36 688 человек обоего пола (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1168. Л. 2 об.- 5 об.).

Таким образом, с 1867 г. к 1900 г. число населенных пунктов в Семиреченском казачьем войске выросло с 14 до 28, а общая численность населения – с 14 648 человек на 1 января 1868 года до 36 688 в конце 1900 г., то есть в 2,5 раза (Лещев, 2004: 70).

В конце XIX – начале XX вв. правительство предприняло ряд мер по укреплению Семиреченского войска. На его территорию продолжили переселять сибирских и уральских казаков. Благодаря этому к 1906 г. лица казачьего сословия составляли 25 % русского и 4 % всего населения края (РГВИА. Ф. 1396 «Штаб Туркестанского военного округа». Оп. 2. Д. 214. Л. 83-84). Всего с 1887 по

1909 г. казачье население области выросло в 1,5 раза (Сапунов, 2001: 195). В 1912 г. казачье население Семиречья составляло уже 57 тыс. человек (Бекмаханова, 1980: 185).

В начале XX в. появляются новые поселения Семиреченских казаков в Пишпекском и Пржевальском уездах Семиреченской волости. Здесь, на территории современной Киргизии, было основано четыре казачьих поселения – станица Николаевская (1907 г.) и Поливановская (Джаналакшская) (1910 г.) в Пржевальском уезде, на правом берегу р. Чу. В Пишпекском уезде основывается станица Самсоновская (1910 г.), а также ее Занарынский выселок (1910 г.). На начало 1916 г. в Семиреченском казачьем войске насчитывалось уже 63 462 чел. Распределялись они так: Верненский уезд – 27 124 чел., Джаркентский уезд – 4 488, Копальский уезд – 8 634, Лепсинский уезд – 20 695, Пишпекский уезд – 1 014, Пржевальский уезд – 1 560 (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1168. Л. 539). Динамика численности казачьего населения Семиречья представлена на [Рисунке 3](#).

Рис. 3. Численность казачьего населения в Семиречье

Начало Первой мировой войны негативно повлияло на демографию Семиреченского казачьего войска. На фронт было выставлено три конных полка и 11 отдельных сотен, всего – около 4 500 казаков. Отрыв от семей мужчин репродуктивного возраста и материальные тяготы военного времени и гибель казаков на фронте не могли не сказаться негативным образом на динамике численности семиреченского казачества в этот период ([История казачества Азиатской России, 1995: 9](#)).

Рис. 4. Семиреченские казаки в походе (Фото времен Первой мировой войны)

В ходе Туркестанского восстания 1916 г. пострадало и казачье население Семиречья. В частности, в августе 1916 г. была полностью уничтожена станица Белоцарская, мужчины вырезаны, а женщины и дети уведены в плен, откуда вернулись немногие. Гибли военнослужащие казаки и в ходе подавления восстания. Всего в ходе восстания было убито и пропало без вести несколько сотен человек казачьего населения области (Ганин, 2016: 98).

К концу 1916 г. казачье население Семиречья проживало в 34 населенных пунктах – 19 станицах и 15 выселках. После Туркестанского восстания правительство пришло к идее увеличения числа казачьих населенных пунктов и собственно казачьего населения в Туркестане и в Семиречье. Планировалось создать семь новых станиц, по 60 дворов в каждой. Этот план не получил развития по причине начавшейся революции (Ярков, 2002: 53). Тем не менее, в 1-й пол. 1917 г., уже после Февральской революции, в Семиречье были основаны еще три станицы: Таскакская – в пригороде г. Верный, Мариинская – на месте одноименного дунганского села, оставленного жителями после восстания 1916 г. и Кегетинская, построенная на месте кочевий киргизов (Восстание 1916 г., 1960: 53).

В конце 1918 г. на территории, подконтрольной правлению Семиреченского казачьего войска, в результате добровольного «оказачивания» русского старожильческого крестьянского населения статус станиц получили еще четыре русских старожильческих села: Захаровское, Стефановское, Ивановское и Романовское (История казачества Азиатской России, 1995: 15). Проследить изменение численности семиреченских казаков в период Гражданской войны не представляется возможным по причине недостатка информации, зафиксированной в документах. Можно только предположить, что численность казаков Семиречья в это время неуклонно сокращалась ввиду гибели их в ходе боевых действий и снижения рождаемости. Окончательно Семиреченское войско было ликвидировано в 1920 г., а его население утратило казачий статус.

5. Заключение

Формирование постоянного казачьего населения в Семиречье началось в 1830-х гг. Инициатором казачьей колонизации выступило русское правительство, заинтересованное в упрочении позиции империи в Семиречье для контроля над торговыми путями, защиты границ с государствами Центральной Азии и для обеспечения дальнейшей экспансии России в регионе.

Правительство до 1870-х гг. старалось увеличить численность казачьего населения в регионе, для чего прямо переводило сюда казаков из Сибири и Оренбуржья, верстало в казаки отставных солдат и крестьян, материально поддерживало казаков, прежде всего за счет выделения больших наделов земли, снижения и отмены налогов, выплаты пособий и др. В 1870–1880-х гг. в связи с модернизацией социальных отношений, вызванной Великими буржуазными реформами, отношение властей к казачеству изменилось в худшую сторону как к явлению «архаичному» и «неэффективному». Это проявилось в сокращении выделяемых казакам земель и даже отъеме части

их в пользу «туземных» городов. В дальнейшем, однако, подобная практика не получила развития. С середины 1880-х гг. семиреченское казачество вновь стало рассматриваться правительством как опора России в регионе и его развитие стало стимулироваться. Следует отметить, что на протяжении всей истории существования семиреченского казачества численность этой социальной группы непрерывно росла. Если на первом этапе своего существования, в 1830–1860-е гг., этот рост обеспечивался преимущественно за счет переселения казаков из других регионов и поверстания в казачество солдат и крестьян, то с 1870-х гг. увеличение численности семиреченских казаков шло практически только за счет естественно прироста. События начала XX в.: Первая мировая война, революция 1917 г. и последующая Гражданская война привели к сокращению численности казачьего населения в Семиречье, что было связано с гибелью казаков в ходе боевых действий, сокращением рождаемости и ростом смертности гражданского населения. В 1920 г. с захватом большевиками Семиречья и юридической ликвидацией казачества объект исследования исчезает, и можно говорить уже только о русском населении региона.

Таким образом, казачье население Семиречья, несмотря на серьезные негативные факторы, с момента своего появления в первой половине XIX до начала XX вв. непрерывно росло численно. Рост этот, однако, под влиянием, прежде всего, внешних факторов был неравномерным. Исчезновение казачества Семиречья в начале XX в. связано с результатами Гражданской войны, следствием которой стало физическое уничтожение казачьего населения, бегство его в сопредельные государства и изменение юридического статуса оставшихся.

Литература

- Агафонов, 1995** – Агафонов О.В. Казачьи войска Российской империи. М.: Русская книга: Эпоха, 1995. 560 с.
- Бекмаханова, 1980** – Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. М.: Наука, 1980. 284 с.
- Восстание 1916..., 1960** – Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: сборник документов / Под ред. А.В. Пяскового. М.: Наука, 1960. 786 с.
- Галузо, 1965** – Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1864–1914 гг. Алма-Ата: Наука, 1965. 347 с.
- Ганин, 2016** – Ганин А.В. Уроки Туркестанского восстания // *Родина*. 2016. № 7. С. 94–124.
- Елагин, 1993** – Елагин А.С. Казачество и казачьи войска в Казахстане. Алма-Ата: Казахстан, 1993. 75 с.
- История казачества..., 1995** – История казачества Азиатской России // В 3 т. Екатеринбург: УРО РАН, 1995. Т. 3. XX век / Гл. ред. В. В. Алексеев. 270 с.
- Казачьи войска..., 1873** – Казачьи войска: Опыт военно-статистического описания // Сост. полк. Ген. штаба М.П. Хорошхин. СПб: Б. и., 1873. 311 с.
- Леденев, 1909** – Леденев Н.В. История Семиреченского казачьего войска. Верный: Тип. Семиреченского обл. правления, 1909. 828 с.
- Лещев, 2004** – Лещев Е.Н. Охрана государственной границы Российской империи Семиреченским казачьим войском (1867–1917 гг.): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.72. М., 2004. 189 с.
- Лукашова, 2015** – Лукашова С.С. Особенности формирования восточнославянских диаспор в Семиречье в 60–80 гг. XIX в. // *Славянский альманах*. № 1–2. 2015. С. 25–31.
- ПСЗРИ** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. XLII. СПб.: Тип. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1871. № 44845.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Сапунов, 2001** – Сапунов Д.А. Участие казачества Урала и Сибири в присоединении Средней Азии к России: 40–90-е гг. XIX в.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Челябинск, 2001. 259 с.
- Тарасов, 2013** – Тарасов М.Г. Семиреченское казачество в имперском пространстве России // *Журнал Сибирского федерального университета*. № 1. 2013. С. 74–84.
- Фомченко, 1983** – Фомченко А.П. Русские поселения в Туркестанском крае. Ташкент: Фан, 1983. 128 с.
- Халфин, 1960** – Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1857–1868). М.: Восточная литература, 1960. 272 с.
- Центральная Азия..., 2008** – Центральная Азия в составе Российской империи / Отв. ред. С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.
- Ярков, 2002** – Ярков А.П. Казаки в Кыргызстане. Бишкек: Илдуз, 2002.
- Dempsey Timothy, 2010** – Dempsey Timothy Andrew (2010). Russian Rule in Turkestan: A Comparison with British India through the Lens of World-Systems Analysis. The Ohio State University. P. 97.
- Izbassarova, 2017** – Izbassarova G.B. Institute of the Guardian in the Kazakh Steppe in the XIXth century: Legal Status and Duty Regulations // *Bylye Gody*, 2017, Vol. 46, Is. 4, pp. 1366–1375.
- Khodarkovsky, 2001** – Khodarkovsky M. (2001). Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington: Indiana University Press, 304 p.

[Volvenko, 2016](#) – *Volvenko A.A. D.A. Milyutin and Cossacks // Bylye Gody, 2016, Vol. 40, Is. 2, pp. 398-411.*

[Volvenko, 2018](#) – *Volvenko A.A. Interim Committee on Revision of the Cossack Statutes: Organization, Structure, Activity (1865–1872) // Bylye Gody. 2018. Vol. 47. Is. 1, pp. 280-291.*

References

[Agafonov, 1995](#) – *Agafonov O.V. (1995). Kazachji vojska Rossijskoj imperii [Cossack troops of the Russian Empire]. Moskva: Russkaja kniga: Epoha. 560 p. [in Russian]*

[Bekmahanova, 1980](#) – *Bekmahanova N.E. (1980). Formirovanie mnogonacional'nogo naselenija Kazahstana i Severnoj Kirgizii [The formation of the plural population of Kazakhstan and Northern Kyrgyzstan]. Moskva: Nauka. 284 p. [in Russian]*

[Dempsey Timothy, 2010](#) – *Dempsey Timothy Andrew (2010). Russian Rule in Turkestan: A Comparison with British India through the Lens of World-Systems Analysis. The Ohio State University. P. 97.*

[Elagin, 1993](#) – *Elagin A.S. (1993). Kazachestvo b kazach'i vojska v Kazahstane [The Cossacks and Cossacks troops in Kazakhstan]. Alma-Ata: Kazahstan. 80 p. [in Russian]*

[Fomchenko, 1983](#) – *Fomchenko A.P. (1983). Russkije poselenija v Turkestanskom kraje [Russian settlements in Turkestan]. Tashkent: Fan. 130 p. [in Russian]*

[Galuzo, 1965](#) – *Galuzo P.G. (1965). Agrarnye otnoshenija na juge Kazahstana v 1864–1914 gg. [Agrarian relations in the South of Kazakhstan in 1864–1914]. Alma-Ata: Nauka. 347 p. [in Russian]*

[Ganin, 2016](#) – *Ganin A.V. (2016). Uroki Turkestanskogo vosstanija [Lessons of the Turkestan revolt]. Rodina, № 7. pp. 94-124. [in Russian]*

[Halfin, 1960](#) – *Halfin N.A. (1960). Politika Rossii v Srednej Azii (1857–1868) [Russian politics in the Central Asia (1857–1868)]. Moscow: Vostochnaja literature. 272 p. [in Russian]*

[Istorija kazachestva..., 1995](#) – *Istorija kazachestva Aziatskoj Rossii [History of the Cossacks of Asian Russia] (1995). V 3 t. Ekaterinburg: Uro RAN. 270 p. [in Russian]*

[Izbassarova, 2017](#) – *Izbassarova G.B. (2017). Institute of the Guardian in the Kazakh Steppe in the XIXth century: Legal Status and Duty Regulations. Bylye Gody. № 46 (4). pp. 1366-1375. [in Russian]*

[Kazach'i vojska, 1873](#) – *Kazach'i vojska: Opyt voenno-statisticheskogo opisanija [Cossack troops: the experiment of military and statistical description]. 1873. Sost. polk. Gen. shtaba M. P. Horoshhin. Sankt-Peterburg: B. i. 311 p. [in Russian]*

[Khodarkovsky, 2001](#) – *Khodarkovsky M. (2001). Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington: Indiana University Press, 304 p.*

[Ledenev, 1909](#) – *Ledenev N.V. (1909). Istorija Semirechenskogo kazachjego vojska [History of the Semirechie Cossack Troops]. Vernij: Tip. Semirechenskogo oblastnogo pravlenija. 828 p. [in Russian]*

[Leshhev, 2004](#) – *Leshhev E.N. (2004). Ohrana gosudarstvennoj granicy Rossijskoj imperii Semirechenskimi kazachim vojskom (1867–1917) [State border protection of the Russian Empire by Semirechie Cossacks troops (1867–1917)]. Moskva: B. i. 189 p. [in Russian]*

[Lukashova, 2015](#) – *Lukashova S.S. (2015). Osobennosti formirovanija vostochnoslavjanskih diaspor v Semirechje v 60–80 gg. XIX v. [Features of formation of Eastern Slavic Diaspora in Semirechye in the 60-80 s of the XIX century]. Slavjanskij al'manah, № 1–2, pp. 25-31. [in Russian]*

[PSZRI, 1871](#) – *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete Code of laws of the Russian Empire]. Sobr. 2. T. XLII. Sankt-Peterburg: Tip. Sobstvennoj E. I. V. kanceljarii, 1871. № 44845.*

[RGVIA](#) – *Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian state military-historical archive].*

[Sapunov, 2001](#) – *Sapunov D.A. (2001). Uchastie kazachestva Urala i Sibiri v prisoedinenii Srednej Azii k Rossii (40–90 gg. XIX v.) [Participation of the Ural and Siberian Cossacks in annexation of Central Asia to Russia]. Kurgan: B. i. 259 p. [in Russian]*

[Tarasov, 2013](#) – *Tarasov M.G. (2013). Semirechenskoje kazachestvo v imperskom prostranstve Rossii [The Semirechye Cossacks in the imperial space of Russia]. Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. №1. pp. 74-84. [in Russian]*

[Tsentral'naya Azija, 2008](#) – *Tsentral'naya Azija v sostave Rossijskoj imperii [Central Asia consisting in the Russian Empire] (2008) / otv. red. S. N. Abashin. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 464 p. [in Russian]*

[Volvenko, 2016](#) – *Volvenko A.A. D.A. Milyutin and Cossacks // Bylye Gody, 2016, Vol. 40, Is. 2, pp. 398-411.*

[Volvenko, 2018](#) – *Volvenko A.A. Interim Committee on Revision of the Cossack Statutes: Organization, Structure, Activity (1865–1872) // Bylye Gody. 2018. Vol. 47. Is. 1, pp. 280-291.*

[Vosstanie 1916..., 1960](#) – *Vosstanie 1916 g. v Srednej Azii i Kazahstane: Sbornik dokumentov [The revolt of 1916 in Central Asia and Kazakhstan] (1960). Moskva: Nauka. 786 p. [in Russian]*

[Yarkov, 2002](#) – *Yarkov A.P. (2002). Kazaki v Kyrgyzstane [The Cossacks of Kyrgyzstan]. Bishkek: Ilduz. 77 p. [in Russian]*

Численность семиреченского казачества и факторы ее динамики в XIX – начале XX веков

Михаил Георгиевич Тарасов^{a, *}

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования казачьего населения Юго-Восточного Казахстана (Семиречья) в XIX – начале XX вв. Основное внимание уделяется изменению численности казаков в регионе и факторам, влиявшим на эту динамику. Подробно рассматривается история возникновения казачьих поселений на территории Семиречья и их локализации. Начало формирования казачьего населения Семиречья относится к 1830-м гг. С середины XIX до начала XX вв. его численность непрерывно росла. Этот рост первоначально обеспечивался преимущественно за счет переселения казаков из других регионов и зачисления в казачество солдат и крестьян. С 1870-х гг. рост численности семиреченских казаков шел практически только за счет естественного прироста. Замедление темпов роста численности казачьего населения Семиречья было связано с недооценкой руководством страны и региона значения казачьей колонизации в 1870–1880-х гг., Первой мировой войной и Туркестанским восстанием 1916 г.

В начале XX в. в результате Гражданской войны и политики расказачивания основная масса казачества Семиречья была уничтожена физически, значительная часть бежала в сопредельные государства, а оставшиеся слились с другими социальными группами.

Таким образом, можно констатировать непрерывный рост численности семиреченского казачества на протяжении всего времени его существования, вплоть до его ликвидации в начале 1920-х гг.

Ключевые слова: Юго-Восточный Казахстан, Семиречье, Российская империя, казачество, колонизация, демография, Туркестанское восстание 1916 г., Первая мировая война, революция 1917 г., Гражданская война.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tmg.nauka@yandex.ru (М.Г. Тарасов)

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1221-1231. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1221
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Economic Relations of Russia with the Anatolian Vilayets of the Ottoman Empire at the turn of XIX–XX centuries: Competition and Learning from States of Europe and the USA

Igor V. Kryuchkov ^{a, *}

^aNorth Caucasus Federal University, Russian Federation

Abstract

The article deals with main directions of the development of economic relations of Russia with the Anatolian Vilayets of the Ottoman Empire at the turn of XIX–XX centuries. Anatolia was a perspective market for Russia. The factors slowing down the development of Russian export to Anatolia and the influence of competition with other European states on this process are considered in the article.

A broad range of sources including diplomatic documents, materials of the daily press, statistical materials and memoirs was used in the process of working.

The author comes to the conclusion that it was difficult for Russia to compete with Great Britain, France and Austria-Hungary despite strengthening of trade relations of Russia with Anatolia. Russian entrepreneurs knew badly the specificity of local market, they didn't have their offices in Anatolian cities and they didn't get sufficient assistance from the state in comparison with competitors. At the same time at the beginning of XX century Russia achieved significant results in export of sugar, kerosene and a range of other commodities to Anatolia. At the beginning of XX century Russia needed to make serious efforts for the development of trade with the Ottoman Empire in order to strengthen its political position there. In this regard Russian diplomats and experts called for learning from European countries.

Keywords: Russia, the Ottoman Empire, Anatolia, foreign trade in the last third of XIX – the beginning of XX centuries, Smyrna (Izmir), export of kerosene.

1. Введение

Развитие мировой торговли в XIX – начале XX вв. оказало существенное влияние на все сферы жизни общества. Оно способствовало экономическому подъему, совершенствованию транспортной инфраструктуры, обмену идеями, технологиями между различными народами. Экономическое проникновение в различные регионы мира становится залогом укрепления военно-политического доминирования. Правящие элиты осознали данный факт на рубеже XIX и XX вв. С конца XIX в. на развитие внешней торговли начинают обращать большое внимание общественность и правительство России. Потенциально значительные перспективы открывались для активного внешнеэкономического взаимодействия России с Османской империей. Географическая близость двух государств, возможность развития приграничной торговли на Кавказе, наличие экономических ресурсов, представляющих взаимный интерес, создавали благоприятные условия для расширения экономического сотрудничества между государствами. В Санкт-Петербурге отдавали отчет в том, что Россия не сможет сохранить свое влияние в Османской империи без развития с ней торговых отношений. Однако ведение внешнеэкономической деятельности на Балканах и Ближнем Востоке отличалось значительной спецификой. Многие российские экономические структуры оказались неготовыми к выходу на рынки региона. Более того, бурное развитие внутреннего рынка России в последней трети XIX – начале XX вв. снижало интерес предпринимателей страны к ведению

* Corresponding author

E-mail addresses: igory5@yandex.ru (I.V. Kryuchkov)

внешнеэкономической деятельности. В отличие от других европейских государств в России к началу XX в. отсутствовала развитая система правительственных и общественных структур, отвечающих за организацию внешней торговли, что самым негативным образом сказывалось на экономических связях России с довольно перспективным рынком Османской империи, в том числе с Анатолией.

2. Материалы и методы

В процессе работы над темой использовались разнообразные исторические источники. Важнейшими из них являются «Сборники консульских донесений», издаваемые под эгидой МИД России с 1898 по 1910 гг. В них содержатся уникальные отчеты российских дипломатов о развитии внешнеэкономической деятельности различных государств мира, их социально-экономическом развитии и др. Кроме этого, в работе анализируются и другие дипломатические источники, материалы периодической печати, статистические сведения, воспоминания.

При исследовании проблемы автор опирался на принципы историзма и объективности, также использовались традиционные методы исторического познания. Идеографический метод позволил рассмотреть специфику развития торговли России и других государств с Анатолией, качественное своеобразие данного региона в экономической системе Османской империи, динамику развития экономических связей Анатолии с иностранными партнерами. Историко-сравнительный метод дал возможность сопоставить экономические связи с Анатолией России и других европейских государств, определить место отдельных анатолийских портов во внешнеэкономической жизни региона. Метод математической статистики предоставил возможность выявить объемы внешней торговли России и стран Европы с Анатолией с выделением ее видового и структурного разнообразия.

3. Обсуждение

В 30–40 гг. XX вв., после распада Османской империи, в советской историографии предпринимаются первые попытки изучения ее экономических связей с зарубежными государствами, при этом акцентируется внимание на полуколониальном статусе империи (Миллер, 1948; Новичев, 1937). В 1950–1980 гг. методологические подходы к изучению данной проблемы существенным образом не изменились. Правда, авторы расширяют спектр тем, связанных с изучением внешнеэкономической деятельности Османской империи, в том числе роль в этом процессе строительства железных дорог (Алибеков, 1978; Бондаревский, 1955; Силин, 1971).

В отечественной и зарубежной историографии тема внешнеэкономической деятельности России в конце XIX – начале XX вв. в последние годы переживает «ренессанс». Опираясь на работы предшественников, современные авторы вновь возвращаются к анализу статистических данных, характеризующих внешнюю торговлю России на рубеже XIX–XX вв., поднимая вопросы о ее достоверности и специфике (Валетов, 2011). Темой отдельного исследования становится проблема аграрного экспорта России, причин преобладания вывоза сырья в ущерб продукции пищевой промышленности и влияния состояния дел на внутреннем рынке на экспорт. С конца XX в. в историографии активно разрабатывается проблематика, связанная с развитием экономических связей России с другими государствами, особенно с Германией (Субботин, 1996). В этой связи поднимается вопрос о взаимовлиянии экономических контактов на политические связи России со странами Европы и Азии. В последние годы российские авторы также поднимают вопрос о специфике экономических связей России с Турцией (Иванов, 2004; Киреев, 2007; Михайлов, 2007). Проблема развития экономических отношений России с Османской империей получает развитие в трудах современных турецких исследователей. Они большое внимание уделяют проблемам, мешающим развитию отношений между соседними империями (Сергчелик, 2005; Чапраз, 2010). К сожалению, региональный фактор в развитии экономических связей России с Османской империей не нашел достойного отражения в историографии.

4. Результаты

В конце XIX в., несмотря на географическую близость, экономические отношения России с Османской империей не отличались интенсивностью развития. На долю Османской империи приходилось 2,9 % российского экспорта и 1,9 % импорта (Статистические сведения, 1896: 59). Российский Кавказ в большей степени по сравнению с другими регионами был вовлечен в торговлю с Османской империей. В 1886 г. Она, наряду с Персией, Францией и Великобританией, входила в четверку основных внешнеэкономических партнеров Кавказа, с которого в Османскую империю ввозилось товаров на 5,2 млн. руб., а ввозилось всего на 725 тыс. руб. (Отдел статистический, 1887: 27). Значительная часть внешней торговли России с Османской империей шла через черноморские порты, включая Одессу, Николаев, Мариуполь и Батуми (Батум). В частности, в конце XIX в. более 15 % всей вывозимой нефти и нефтепродуктов отправлялись в Османскую империю (Специальная корреспонденция, 1895: 103), во внешней торговле которой на рубеже XIX–XX вв. Россия играла более значительную роль. В экспорте товаров в страну Россия занимала третье место после Великобритании и Франции и пятое место по импорту продукции (Петряев, 1901: 397–398). Экспорт

товаров из России в Османскую империю с 1890 по 1901 гг. увеличился с 16,7 млн. руб. до 21,9 млн. руб., а импорт с 7,6 млн. руб. до 8,0 млн. руб. ([Чапраз, 2010](#)).

Во внешней торговле Османской империи доминировал Стамбул, на который приходилась треть всей торговли империи с зарубежными государствами. Часть товаров через Стамбул экспортировалась в Анатолию, особенно после появления железных дорог. В частности, в начале XX в. часть текстильной продукции из России в Эрзерум поступала через Стамбул. Однако основная часть товаров, предназначенных для Анатолии, проходила через местные порты. Экономическая жизнь в Анатолии в основном сосредотачивалась в приморских городах и примыкающих к ним регионах. Центральные районы Анатолии на рубеже XIX–XX вв. находились в экономическом застое. Во многом это объяснялось плохой транспортной инфраструктурой. Так, перевозка грузов из Нью-Йорка до Самсуна обходилась в 2,5 раза дешевле по сравнению с перевозкой товаров из Самсуна в Харпут (Элязыг) (От североамериканского консула, 1902: 531). Относительно дешевой и в то же время длительной являлась транспортировка грузов на верблюдах. Российский г. Карс, расположенный рядом с турецкой границей, не имел железнодорожного и телеграфного сообщения с Эрзерумом, а сухопутные пути сообщения не выдерживали никакой критики ([Капангар, 1913: 2](#)).

Существенным прорывом в развитии народного хозяйства Анатолии в последней трети XIX в. становится строительство железных дорог. В 1866 г. при участии британского капитала строится железная дорога Смирна (Измир) – Айдын. Затем Смирна соединяется с Анатолийской железной дорогой. В 1892–1896 гг. проводится Анатолийская железная дорога от Стамбула до Анкары и Конии. После ее проведения экспорт из этого города возрос на 40 % ([Путник, 1907: 140](#)). Вскоре в Германии возникает идея строительства Багдадской железной дороги. Правда, большинство планов по строительству региональных железных дорог так и не было реализовано на практике, включая проект Трабзон (Трапезунд) – Эрзерум.

Анатолия, имевшая выгодное географическое положение, в перспективе открывала большие возможности для экономического развития Османской империи и ее экономических отношений с зарубежными государствами. Регион имел большие запасы минеральных ресурсов (каменный уголь, нефть, цветные металлы, железная руда). Сельское хозяйство Анатолии также могло представлять интерес для зарубежных партнеров. Значительная часть сельскохозяйственной продукции в Анатолии производилась в приморских районах (Крюкова-Левчук, 2015: 123). Анатолийское зерно отличалось хорошим качеством, местный хлопок стоил 7–8 руб. за пуд, в то время как хлопок, выращиваемый на Кавказе, – 11 руб. ([Капангар, 1913: 14](#)). В возможном импорте анатолийского хлопка некоторые российские эксперты видели резерв для развития российской текстильной промышленности. Кроме этого, уровень жизни в приморских районах Анатолии был значительно выше в сравнении с центральными регионами, поэтому они в большей степени включаются во внешнюю торговлю Анатолии.

Анатолия отличалась многонациональным составом населения, особенно в приморских районах. В 1897 г. в ней (без Стамбула и шести восточных вилайетов) проживало 8,5 млн. чел., в том числе 7 млн. 322 тыс. мусульман, 774,3 тыс. греков и 380,5 тыс. армян. В шести вилайетах, составляющих большую часть Западной Армении (Эрзерум, Битлис, Ван, Диарбакир, Сивас, Мамурет ал Азиз), проживало 2 млн. 969 тыс. чел., в том числе 2 млн. 332 тыс. мусульман, 556 тыс. армян и 48 тыс. греков ([Mutlas, 2003: 11](#)).

На рубеже XIX – начала XX вв. экономическим центром Анатолии являлась Смирна. Город обладал удобной бухтой, позволившей создать крупный порт. По мнению экспертов, это был лучший османский порт в Малой Азии и в Османской империи в целом, особенно после завершения строительства в 1875 г. нового причала. По значению он являлся вторым портом страны после Стамбула. В 1900 г. из 19,5 млн. фунтов¹ экспорта из Османской империи 4,2 млн. фунтов (21,5 %) приходилось на Смирну, и соответственно из 18,4 млн. фунтов импорта через порт проходило 2,5 млн. фунтов (13 %) ([Cosar, 2005: 20](#)). Только в 1896 г. в порт вошло 1758 пароходов общим тоннажем 1,7 млн. тонн. «Австрийский Ллойд», «Российское общество пароходства и торговли», итальянские компании и др. организовали регулярные рейсы своих судов в Смирну. Правда, в начале XX в. порт уже не мог справиться с возрастающим потоком судов, поэтому часть судов постоянно находилась на рейде в ожидании очереди на разгрузку/погрузку ([Путник, 1907: 141](#)).

Вокруг города располагались сельскохозяйственные угодья, где выращивались зерновые культуры, виноград, хлопок, табак и опиум. Смирна отличалась многонациональным составом населения. По мере развития внешней торговли через Смирну в городе формируется крупная европейская община (франкский квартал). Европейцы в большинстве занимались экономической деятельностью. В 1894 г. из 230 тыс. чел. населения Смирны и ближайших районов греки составляли 107 тыс. чел., евреи – 23 тыс. чел., армяне – 12 тыс. чел., к ним следует добавить 6,5 тыс. поданных Италии, 2,5 тыс. – Франции, 2,2 тыс. – Австро-Венгрии и 1,5 тыс. – Великобритании ([Ma Carthy: 1983: 142](#)). В 1907 г. российская община в городе насчитывала 250 чел. Она включала в основном

¹ Курс одного фунта стерлингов к российскому рублю в 1900 г. составлял: 1 фунт ст. = 9,46 рубля.

сотрудников представительства «Российского общества пароходства и торговли» и Генерального консульства (Путник, 1907: 141).

Христианская часть населения города и Анатолии в целом отличалась предприимчивостью и умением налаживать контакты с иностранными партнерами. Российские предприниматели предпочитали вести дела в Османской империи с представителями христианской общины. В городе действовали отделения Оттоманского банка, «Лионского кредита» и «Венского банка» (Cosar, 2005: 8). Кроме этого, в городе было множество меняльных лавок, где можно было без проблем поменять ведущие валюты мира, в том числе российские рубли. В 1888 г. в городе открываются Британская и Австро-Венгерская торговые палаты, в 1889 г. – Французская, в 1903 г. – Итальянская, Бельгийская и Голландская (Cosar, 2005: 7). Позже появляются торговые представительства России и США.

Через Смирну шла значительная часть экспорта из Западной и Центральной Анатолии. В частности, большая часть сельскохозяйственной продукции из Кони экспортировалась через Стамбул и Смирну (Черкавский, 1914: 22). В основном через порт экспортировались изюм (Великобритания, США) и виноград для производства вина (Великобритания и Австро-Венгрия). На рубеже XIX–XX вв. их экспорт оценивался в 45 млн. франков, в том числе 40 млн. приходилось на изюм и 5 млн. франков на виноград. Анатолийская продукция отличалась высоким качеством при сравнительно умеренной стоимости. Кроме этого, экспортировались хлопок, табак, оливковое масло, сезам, ковры и т.д. В 1899 г. из Смирны экспортируются товары на общую сумму в 106 млн. франков. Ведущими потребителями анатолийского экспорта становятся Великобритания (52,4 млн. франков¹), Австро-Венгрия (10,3 млн. франков), США (6,7 млн. франков), Франция (5,7 млн. франков), Германия (4,2 млн. франков), Россия (4,1 млн. франков) и Италия (4 млн. франков) (Няга, 1901: 137). В Россию поставлялись табак (2,2 млн. франков), валлоне (дубильные желуди) (1,2 млн. франков), виноград (268 тыс. франков) и оливковое масло (239 тыс. франков). По мере развития местной экономики возможности для экспорта из Анатолии возрастали, товары из региона попадали даже на далекие рынки Индии и Австралии.

В конце XIX в. представители всех ведущих торговых компаний европейских государств и США имели своих коммивояжеров в Смирне, которые в поисках необходимой продукции посещали различные регионы Анатолии. Со временем в Смирне открываются представительства иностранных торговых компаний и банков, что значительно улучшало торговые связи зарубежных государств с Анатолией.

Смирна становится крупнейшим портом, импортирующим товары в Анатолию. В конце XIX – начале XX вв. импорт постоянно возрастал. Правда, в этом секторе торговли постоянно происходили серьезные изменения. Развитие местной промышленности постепенно вытесняло ряд ранее популярных импортных товаров, в том числе столярную продукцию, ликеры, мыло, бумагу и др. К тому же местный покупатель традиционно ориентировался не на качество продукции, а на ее низкую стоимость. В то же время развитие путей сообщения в Анатолии позволяло расширить рынок сбыта импортных товаров. В 1899 г. в Смирну завозится импортных товаров на 98 млн. франков. Примерно треть импорта контролировала Великобритания, 22 % – Франция, 15 % – Австро-Венгрия, 5 % – Италия и 4 % – Россия, ввозившая в Смирну товаров на 3,9 млн. франков, в том числе керосин – на 1 млн. 616 тыс. франков, алкогольную продукцию – на 780 тыс. франков и сахар – на 590 тыс. франков (Няга, 1901: 139-140).

Особенно успешно на рынке Анатолии распространялся российский керосин. Он теснил позиции конкурентов из США и Румынии. В начале XX в. Россия занимает первое место по ввозу керосина в Османскую империю, поставив под контроль рынок керосина Северной и Центральной Анатолии, включая Конию. Американские и румынские производители сохранили позиции в некоторых районах Южной Анатолии. Большим спросом в Анатолии пользовался российский спирт и спиртные напитки. Импорт сахара занимал весомое место во внешней торговле Османской империи, и здесь пальма первенства принадлежала Австро-Венгрии и Франции. Российские сахарозаводчики не смогли к началу XX в. достичь существенных успехов. Их продукция по качеству не уступала конкурентам, а многие сорта сахара являлись более качественными. Но местный потребитель выдвигал собственные критерии при покупке сахара: низкая цена, быстрая растворимость в воде и яркая упаковка.

В конце XIX в. Россия наладила поставки пшеницы в Смирну. Правда, в российском зерновом экспорте на рубеже XIX–XX вв. проявлялась одна особенность: дорогие высококачественные сорта пшеницы шли в Европу, а дешевые низкокачественные – на рынки Ближнего Востока, в том числе в Смирну, Стамбул и Трабзон (Бензин, 1914: 34). Местное население имело низкий уровень доходов, поэтому при выборе товара оно в большей степени ориентировалось на низкую цену пшеницы (Сергачев, 2005: 125).

В начале XX в. генеральный консул России в Смирне Л. Няга сетовал на значительное отставание России от других государств в развитии торговых связей с Западной и Центральной Анатолией. Российские промышленники и представители торговых компаний плохо знали местный

¹ Курс одного франка к российскому рублю в 1900 г. составлял: 1 франк = 37,5 коп.

рынок и потребительские запросы местного населения. В регионе отсутствовали представительства и коммивояжеры многих потенциальных партнеров Анатолии из России. В этом плане большой опыт для россиян представлял положительный пример ее конкурентов из Европы и США (Няга, 1901: 141).

Несколько иная ситуация складывается для России на Черноморском побережье Анатолии. Крупнейшим портом Османской империи на Черном море являлся Самсун. Он был четвертым по объемам торговли портом Османской империи. В 1912 г. в городе и округе проживало около 73,6 тыс. греков и 39,6 тыс. мусульман. Местная греческая община контролировала экономические связи города с зарубежными государствами. Через Самсун шла значительная часть торговли Северной и Центральной Анатолии. В 1900 г. из-за границы в Самсун поступило 12,5 тыс. тонн товаров. Подавляющая их часть приходилась на три государства: Австро-Венгрия (4619 тонн), Россия (3723 тонн), Франция (1323 тонн) (Джиудичи, 1901: 319). Другие государства, включая Великобританию, имели очень скромные результаты.

В то же время анализ российского экспорта показывает его слабую дифференцированность, так как ввоз керосина в Самсун достигал 3624 тонн. Его в основном доставляли местные жители на небольших парусных судах из Батума. Австро-Венгрия контролировала рынок сахара Самсуна, доставляя из Триеста 3785 тонн продукции. Франция в основном поставляла строительные материалы, изделия из железа, спиртные напитки, сталь, мыло, кофе и т.д. Россия имела значительные ресурсы для организации экспорта в Самсун сахара и тканей (их поставки контролировала Великобритания и Италия). Однако этого не произошло из-за пассивности российских производителей, в основном ориентированных на емкий внутренний рынок. К тому же российские текстильщики до начала XX в. не учитывали требования местного потребителя к расцветке ткани, орнаменту и ширине рулона.

Значительных успехов к началу XX в. достигает экспорт через Самсун товаров из Анатолии за границу. В 1900 г. через порт вывозится 48,9 тыс. тонн товаров. Крупнейшими потребителями продукции становятся Греция (16,2 тыс. тонн), Великобритания (7,1 тыс. тонн), Франция (6,3 тыс. тонн), Австро-Венгрия (5,8 тыс. тонн). На Россию приходилось всего 330 тонн к большому разочарованию российских дипломатов (Джиудичи, 1901: 322). Европейские государства охотно покупали в Самсуне зерновые культуры, табак, фрукты и т.д. Большое место в экономике региона занимали выращивание и продажа табака. Россия в этом плане также отставала, в страну ввезли всего 43 тонны продукции, в то время как в Австро-Венгрию почти 500 тонн.

Важным аспектом в развитии внешней торговли в бассейне Черного моря с Османской империей являлась организация судоходства. В начале XX в. в бассейне Черного моря доминировали судоходные компании из Австро-Венгрии и Греции. В 1900 г. в Самсун вошло 108 греческих (водоизмещение 78,4 тыс. тонн) и 105 австро-венгерских судов (водоизмещение 117,6 тыс. тонн). В этом году под российским флагом в порт прибыло 50 судов (водоизмещение 56 тыс. тонн). Компании из Австро-Венгрии и Греции совершали регулярные рейсы в Самсун (1 рейс в неделю), «Российское общество пароходства и торговли» (2 рейса в месяц). Кроме этого регулярные рейсы в Самсун осуществляли компании из Италии, Франции, Германии. Особенно динамично наращивала свое присутствие в турецких портах на рубеже XIX–XX вв. «Германская Левантийская компания», организовавшая рейсы в порты Анатолии сравнительно поздно, в 1889–1890 гг., предлагая партнерам довольно выгодные условия (Весов, 1913: 22). Правительства Германии и Австро-Венгрии оказывали помощь своим судоходным компаниям, в том числе для развития торговли на Ближнем Востоке. В этом плане российские судоходные компании оказались в невыгодном положении, так как они не получали от правительства должной поддержки.

Традиционно в России большое внимание уделялось состоянию торговли в Трабзоне и в ближайших портах (Гиресун, Тиреболу, Орду), через которые совершались торговые операции Восточной Анатолии, включая Западную Армению, с зарубежными государствами. В данном регионе также сформировался многонациональный состав населения. В Трабзоне и округе в 1912 г. проживало 89,2 тыс. мусульман, 38,6 тыс. греков и 12 тыс. армян, в Гиресуне с окружающими его районами проживало 46,2 тыс. мусульман, 44,2 тыс. греков и 6,6 тыс. армян. Как и в других портовых центрах Анатолии, именно христианская часть населения в этих портах играла важнейшую роль в организации международной торговли.

В 1900–1901 гг. из Трабзона вывозится продукции на 3,4 млн. руб. (Щелкунов, 1902: 390). В 1901 г. на фоне неурожая зерновых культур большое значение в экспорте занимает табак: его вывезли из порта на 840 тыс. руб. К сожалению, нет точных данных по вывозу продукции за границу, так как вся статистика по Трабзону идет с учетом вывоза продукции и в другие регионы Османской империи. Разумеется, основная часть табака поступила в Великобританию, Австро-Венгрию, Германию, Бельгию, Голландию. Восточная Анатолия становится одним из крупнейших поставщиков фундука (664,7 тыс. руб.) на внутренний рынок, а также в Россию, Великобританию, Австро-Венгрию, Германию. Третьей статьёй экспорта продукции растениеводства из Трабзона являлась фасоль (107 тыс. руб.), она вывозилась в Австро-Венгрию, Францию, Бельгию, Грецию и Италию. В районе Эрзерума и в других внутренних вилайетах в больших объемах выращивались льняные семена, через Трабзон они поставлялись во Францию и Великобританию (67 тыс. руб.). В экспорте Трабзона

второстепенное значение имело животноводство, основная часть его продукции шла на внутренний рынок и в Египет. Исключением становится вывоз козьих и бараньих шкур (232,2 тыс. руб.), причем основная масса продукции уходила во Францию (159,3 тыс. руб.). Остальная часть продукции поставлялась в Россию, Великобританию, Австро-Венгрию и в США. Кроме этого, из порта вывозились куриные яйца, фрукты, рыбий жир, сливочное масло. Продукция обрабатывающей промышленности Восточной Анатолии не составляла значительную статью вывоза (140 тыс. руб.) (Щелкунов, 1902: 392).

Основная часть вывезенной из Трабзона продукции поставлялась на внутренний рынок Османской империи. В 1901 г. этот показатель достиг 2,1 млн. руб. На экспорт приходилось всего 1,3 млн. руб., в том числе на Францию – 461,2 тыс. руб., Австро-Венгрию и Германию – 367,3 тыс. руб., Россию – 148,1 тыс. руб., Великобританию – 76,8 тыс. руб. и т.д. (Щелкунов, 1902: 393-397).

Хороший урожай зерновых культур во внутренних вилайетах Анатолии и табака в приморских регионах оказали благоприятное влияние на динамику импорта товаров в Трабзон. Урожайные годы способствовали росту покупательной способности анатолийских крестьян и других социальных групп населения, и наоборот неурожай вел к сокращению потребления, негативно сказываясь на экспорте.

В 1901 г. в Трабзон поступает товаров на 6,4 млн. руб., в том числе на 1,5 млн. руб. из других регионов Османской империи. Следует отметить, что в данную статистику не входит транзит товаров через порт для Персии, достигший в 1901 г. 4 млн. руб., примерно 50 % транзита приходилось на Великобританию (Щелкунов, 1902: 401). Особенно роль Трабзона в качестве транзитного порта возросла после отмены статуса порто-франко у Батума в 1886 г. (Реклама, 1912: 60). Однако введение в строй большей части Закавказской железной дороги, проводившей гибкую тарифную политику, наносит серьезный удар по потоку грузов через Трабзон в Персию.

Лидирующие позиции среди зарубежных экспортеров в Трабзоне занимала Великобритания. Она ввозила товаров на 1,5 млн. руб. – чай, текстиль (около 1 млн. руб. – Авт.), консервы, металлические изделия, спички, пряности и др.). Вплотную к Великобритании приблизились Австро-Венгрия и Германия, примечательно, что в статистике порта Трабзон они идут вместе. Отчасти данное обстоятельство объясняется транзитом через территорию Австро-Венгрии значительной доли германского экспорта в Анатолию. Обе центральноевропейские империи поставили в 1901 г. в Трабзон товаров на 1,47 млн. руб. Основу их поставок составлял ввоз текстиля почти на 610 тыс. руб. и сахара на 168 тыс. руб. из Австро-Венгрии, Германия в больших объемах поставляла в Трабзон суконные ткани (175 тыс. руб.). Примечательно, что к началу XX в. Австро-Венгрия становится ведущим поставщиком в Османскую империю фесок, их можно было встретить на рынках Стамбула, Смирны, Яффы, Триполи и других городов. В 1901 г. из Дунайской империи в Трабзон поставляются фески на 77,6 тыс. руб. Причем фески из Австро-Венгрии весьма ценились у местных жителей за качество. Франция поставляла в Трабзон продукции на 710 тыс. руб., в том числе сахар на 242,7 тыс. руб. Франция на рубеже XIX–XX вв. постепенно теряла позиции в Трабзоне, ее сахар вытеснила продукция из Австро-Венгрии, поставки кофе сокращались за счет увеличения экспорта из Южной Америки, муки – за счет ввоза дешевой продукции из других стран. Франции удалось только закрепиться на рынке текстиля (183,3 тыс. руб.).

1901 г. оказался провальным для российского экспорта в Трабзон. По сравнению с 1900 г. он сократился с 506 тыс. руб. до 379,8 тыс. руб. Сокращается ввоз зерновых культур с 251,2 тыс. руб. до 165,5 тыс. руб., муки с 35,3 тыс. руб. до 13,3 тыс. руб. Стабильно Россия сохраняла прочные позиции на рынке керосина и неожиданно увеличила поставки овощей и фруктов (Щелкунов, 1902: 397).

В 1901 г. в Трабзон зашло 465 турецких и иностранных судов общим тоннажем 2,2 млн. тонн. Из иностранных судоходных компаний лидировал «Австрийский Ллойд» – 82 судна (267 тыс. тонн), свои позиции укрепило «Русское общество пароходства и торговли» – 49 судов (144,7 тонн), в порте появились первые суда «Общества Черноморско-Дунайского пароходства». Лидирующие позиции «Австрийского Ллойда» объяснялись большей вместимостью его судов и предоставлением гибкой тарифной системы (По азиатской и европейской Турции, 1904: 66). Правда, у него появился сильный конкурент в лице «Германской Левантийской компании», открывшей рейс Гамбург – Трабзон.

В порте Гиресун (Керасунд) позиции России выглядели более успешно. Общий вывоз продукции из порта достиг 1,2 млн. руб., из них 1,1 млн. руб. приходилось на фундук. В Россию уходило 29 % всего фундука, затем шла Австро-Венгрия – 14 %. Ввоз товаров достиг 1,1 млн. руб., из них половина приходилась на внутреннюю торговлю, а большую часть экспорта контролировали Россия (30 %) и Австро-Венгрия (28 %). Россия поставляла в порт продовольствие, керосин, спиртные напитки. Австро-Венгрия и Россия контролировали заход иностранных судов в Гиресун. Всего в порт вошло 409 турецких и иностранных судов общим тоннажем 435 тыс. тонн, в том числе 84 судна «Австрийского Ллойда» (94,5 тыс. тонн) и 53 судна «Русского общества пароходства и торговли» (52 тыс. тонн) (Щелкунов, 1902: 408-411).

Порт Орду по своему значению уступал Трабзону и Гиресуну. В 1901 г. из него вывозится товаров на 871,7 тыс. руб., в том числе кукурузы на 250 тыс. руб., орехов на 150 тыс. руб. и фасоли на 126 тыс. руб. Основная масса продукции шла на внутренний рынок. Среди зарубежных импортеров выделялись Франция и Россия. Данная тенденция проявлялась и в экспорте товаров (474, 2 тыс. руб.).

Из 178 тыс. пудов завезенных в порт товаров 112 тыс. пудов имело турецкое происхождение. Россия в небольших объемах завозила в Орду муку, изделия из железа, шкуры, кожу, спиртные напитки, занимая среди европейских экспортеров лидирующие позиции. «Русское общество пароходства и торговли» доминировало среди зарубежных судоходных компаний (Щелкунов, 1902: 412-413). Всего в 1901 г. в порт вошло 271 судно (268,7 тыс. тонн), на компанию пришлось 52 судна (51,6 тыс. тонн).

Тиреболи (Триполи) являлся самым маленьким портом в восточной части Черноморского побережья Османской империи. В 1901 г. из порта вывозится товаров на 286 тыс. руб., в том числе фундука на 120 тыс. руб., из них 74 % экспортировалось в Россию. Вывоз товаров достиг 243,3 тыс. руб. Значительная его часть приходилась на внутреннюю торговлю и экспорт из России (мука, металлические изделия, кожа, спиртные напитки, керосин). В 1901 г. в порт вошло 102 судна, из них 4 иностранных, все они ходили под российским флагом (Щелкунов, 1902: 416).

Сухопутная граница между Россией и Османской империей проходила в районе Эрзерумского вилайета, что потенциально открывало большие возможности для развития взаимной торговли. Согласно официальной статистике, Россия занимала только третье место по ввозу товаров в Эрзерум (1,7 млн. франков), уступая по данному показателю Великобритании (3,5 млн. франков) и Франции (1,8 млн. франков) и незначительно опережая Австро-Венгрию (1,65 млн. франков) (Петряев, 1911: 402). Местные купцы не проявляли большого интереса ко многим российским товарам из-за их дороговизны. Ситуация начинает меняться в лучшую сторону только в начале XX в. Значительная часть товаров, включая керосин и текстиль, из России в Эрзерум поступала через Персию. Трабзон и Эрзерум в России традиционно рассматривали как зону исключительного экономического влияния России, поэтому активное проникновение европейских товаров воспринималось довольно болезненно (Капангар, 1913: 27).

Возможности для организации трансграничной торговли открывались на границе в районе Эриванской губернии и Баязетского санджака. В 1904 г. Россия ввезла товаров в санджак на 338 тыс. руб., а импортировала продукции на 63,8 тыс. руб. (Иванов, 1906: 38). После введения льгот со стороны правительства России для купцов, ведущих торговлю с Баязетским санджаком, экспорт увеличивается на порядок, особенно тех товаров, на которые распространялись наибольшие льготы, в том числе текстиль, сахар и керосин. Россия импортировала из санджака в основном скот. Армянские и азербайджанские купцы занимали ведущие позиции в торговле России с Баязетом. Однако, по мнению российского вице-консула в Баязете, организации приграничной торговли мешало несколько обстоятельств. Во-первых, отсутствие между Россией и Османской империей ветеринарной конвенции, создававшей трудности не только для перемещения скота, предназначенного для продажи, но и караванов, являвшихся единственным транспортным средством в регионе. Во-вторых, отсутствие хороших путей сообщения между санджаком и Эриванской губернией. В-третьих, несоблюдение на ряде российских пограничных пунктов положения о льготном визовом режиме для жителей приграничных районов. В-четвертых, необходимость реорганизации российской и османской системы пограничных переходов (Иванов, 1906: 52-53).

Россия имела огромный потенциал для развития торговли с анатолийскими вилайетами Османской империи. Она производила товары, востребованные в Анатолии, географически Россия располагалась рядом с регионом в сравнении с ее европейскими конкурентами. Однако в начале XX в. этот потенциал использовался в недостаточной степени. Российские производители на рубеже XIX – начале XX вв. практически не имели собственных представительств в Анатолии, поэтому они не могли организовать системные связи с партнерами из Османской империи: плохо знали специфику анатолийского рынка и потребительские вкусы местных жителей. Купцы из Анатолии имели смутные представления о российских товарах. Российские дипломаты, опираясь на зарубежный опыт, не сомневались в необходимости направления российскими производителями своих агентов в Османскую империю для изучения потребительского рынка. В Османской империи в начале XX в. ведущие европейские государства в отличие от России имели собственные торговые палаты в Стамбуле, целенаправленно занимавшиеся организацией торговли с Османской империей.

В качестве примера можно привести деятельность Австро-Венгерской торговой палаты в Стамбуле, ставшей первой такого рода структурой, созданной в 1870 г. В ее состав входили уполномоченные лица всех ведущих предприятий империи Габсбургов, занимавшихся торговыми операциями с Османской империей. Посольство и другие дипломатические представительства Австро-Венгрии в Османской империи оказывали Палате всестороннюю помощь в организации работы. Палата координировала все экономические операции Австро-Венгрии в Османской империи: выступала в качестве единой корпорации, защищая интересы своих членов перед официальными властями в Вене и в Стамбуле; готовила и распространяла подробную информацию о специфике ведения предпринимательской деятельности в обеих империях, оказывая содействие в поиске деловых партнеров, в том числе для поданных Порты (Петряев, 1901: 408).

Кроме этого, активной организацией экономических связей с Османской империей занимались Австрийский торговый музей, открытый в Вене в 1875 г., и созданный несколько позже Венгерский торговый музей. Музеи собирали образцы австро-венгерских и османских товаров, организуя выставки для знакомства потенциальных покупателей с продукцией друг друга. Музеи выступали

также в качестве крупного информационно-аналитического центра. Они имели прекрасные библиотеки по востоковедению, проводили разнообразные исследования на территории Османской империи и других государств. Музей объединял усилия государства, предпринимателей и научного сообщества для продвижения экономических и политических интересов Австро-Венгрии на Балканах и Ближнем Востоке. Он издавал справочную литературу и выпускал «Экспортный ежегодник». В 1898 г. под эгидой музея начинает работу «Экспортная академия», которая готовила опытных коммивояжеров и других специалистов для ведения торговых операций с другими государствами (*Австрийский торговый музей, 1902: 518-522*). Не случайно, что одним из патронов музея являлся наследник престола эрцгерцог Франц-Фердинанд. Каждый предприниматель мог обратиться в Музей и получить исчерпывающую информацию о ведении торговых операций в Османской империи и в других государствах. В центральных и региональных торговых палатах обеих половин империи Габсбургов создаются специальные экспортные отделы. Только в 1910 г. при Генеральном консульстве России создается Комитет по делам торговли, так как российский посол Н.В. Чарыков не согласился с идеей создания торговой палаты, такой же комитет создается при Генеральном консульстве в Смирне.

Финансирование торговых операций с Османской империей российские предприниматели производили через германские, французские, британские, австро-венгерские банки, что создавало много проблем. Оттоманский банк не принимал переводы из России напрямую, все сделки совершались в отделении банка в Стамбуле и только в турецкой валюте. В 1909 г. в столице Османской империи открывается отделение «Русского банка по внешней торговле», ставшее первым российским финансовым учреждением в стране, а в июне 1911 г. создается «Русско-турецкий банк» в Санкт-Петербурге для содействия российско-турецкой торговле. Более того, осуществление финансирования торговых операций на Ближнем Востоке, в том числе и в Османской империи, имело одну отличительную черту. Местные купцы получали европейские товары в кредит до полугода, после реализации товара они рассчитывались со своими зарубежными партнерами. Российские предприниматели, как правило, требовали непосредственной оплаты при получении товара.

Российское правительство не оказывало значительной помощи своим экспортерам. В начале XX в. Франция выделила в качестве помощи своим компаниям, занимающимся экономическими связями с Османской империей, 25 млн. руб., Великобритания – 11,5 млн. руб., Италия – 9 млн. руб., Австро-Венгрия – 7 млн. руб., а Россия – всего 3,5 млн. руб. (*Чапраз, 2010*).

Развитию внешней торговли России (и не только с Анатолией) мешала системная причина, влиявшая на экономические связи России с другими государствами (регионами) в целом. Емкий внутренний российский рынок не создавал стимулов для развития внешней торговли для многих секторов народного хозяйства страны, поэтому зачастую экспорт промышленных товаров из России возрастал во время неурожая, когда российские крестьяне снижали потребление.

5. Заключение

К началу XX в. Россия достигла существенных результатов в развитии торговых отношений с Анатолией, опираясь на деловое сотрудничество с христианской частью населения региона. В то же время Российская империя уступала в объемах торговых операций с Анатолией Великобритании, Франции и Австро-Венгрии. Россия контролировала значительную часть поставок в Анатолию керосина, спиртных напитков, пшеницы. Анатолийские производители поставляли в Россию сельскохозяйственную продукцию (фундук, табак, фрукты, оливковое масло, скот и т.д.). Россия в торговле с Анатолией имела положительное сальдо, однако торговые отношения могли быть более внушительными, для чего ей требовалось перестроить всю систему организации внешней торговли, тщательно изучить потребительский спрос местного населения и учесть особенности ведения предпринимательской деятельности на Ближнем Востоке в целом, и в Анатолии в частности. Политическая нестабильность во взаимоотношениях Санкт-Петербурга со Стамбулом не могла не сказаться отрицательно на экономических связях между двумя империями, особенно это проявлялось в приграничных районах (Карс – Эрзерум).

Литература

- Австрийский торговый музей, 1902* – Австрийский торговый музей в Вене // *Вестник финансов, промышленности и торговли*. 1902. № 10. С. 518-522.
- Алибеков, 1978* – Алибеков И.В. Некоторые сведения о концессионной политике Турции во второй половине XIX в. // *Известия Академии наук Азербайджанской ССР*. 1978. №2. С. 27-32.
- Бензин, 1914* – Бензин В.М. Наши хлеба и хлебный экспорт / *Труды императорского Вольного экономического общества*. СПб., 1914. № 4–6. С. 31-54.
- Бондаревский, 1955* – Бондаревский Г.Л. Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1888–1903). Ташкент, 1955. 319 с.
- Валетов, 2011* – Валетов Т.Я. Динамика внешней торговли России в XIX – начале XX вв.: электронный ресурс // *Экономическая история. Обзорение*. Вып. 16. М., 2011. С. 35-40.

- Весов, 1913** – *Весов В.* 25 лет работы Германии на Ближнем Востоке // *Торгово-промышленный Юг.* 1913. № 14. С. 22-27.
- Джиучиди, 1901** – *Джиучиди В.* Торговля Самсуна. Донесение управляющего вице-консульством в Самсуне / *Сборник консульских донесений за 1901 г.* Вып. IV. СПб., 1901. С. 318-328.
- Иванов, 1906** – *Иванов К.* Торговля Баязидского санджака с Россией. Донесение вице-консула в Баязиде // *Сборник консульских донесений за 1906 г.* Вып. I. СПб., 1906. С. 38-53.
- Иванов, 2004** – *Иванов С.М.* Османская империя в мировой системе (Вторая половина XIX – начало XX вв.). Докторская диссертация. СПб., 2004. 458 с.
- Капангар, 1913** – *Капангар А.* Экономические перспективы Восточной Анатолии. Тифлис, 1913. 54 с.
- Киреев, 2007** – *Киреев Н.Г.* История Турции. XX век. М., 2007. 609 с.
- Крюкова, Левчук, 2015** – *Крюкова А.А., Левчук А.П.* Экономическое положение Османской империи накануне Первой мировой войны // *Вестник Брянского государственного университета.* 2015. № 1. С. 121-126.
- Миллер, 1948** – *Миллер А.Ф.* Очерки новейшей истории Турции. М.-Л. 1948. 284 с.
- Михайлова, 2007** – *Михайлова В.В.* Экономическое положение Османской империи перед началом и во время Первой мировой войны и мероприятия России и Великобритании по ослаблению турецкой экономики // *Вестник Санкт-Петербургского университета.* 2007. Вып. 4. Сер. 2. С. 191-200.
- Новичев, 1937** – *Новичев А.Д.* Очерки экономики Турции до мировой войны. М., 1937. 67 с.
- Няга, 1901** – *Няга Л.* Торговля Смирнского рынка. Донесение генерального консула в Смирне / *Сборник консульских донесений за 1901 г.* Вып. II. СПб., 1901. С. 134-142.
- От североамериканского консула, 1902** – От североамериканского консула в Харпите // *Вестник финансов, промышленности и торговли.* 1902. № 10. С. 1-2.
- Отдел статистический, 1887** – Отдел статистический. Кавказский календарь на 1888 г. Тифлис, 1887. С. 12-27.
- Петряев, 1901** – *Петряев А.* Статистико-экономический очерк Турции. Донесение студента посольства в Константинополе / *Сборник консульских донесений за 1901 г.* Вып. V. СПб., 1901. С. 388-411.
- По азиатской и европейской Турции, 1904** – По азиатской и европейской Турции. Под ред. С. Григорьева. М., 1904. 171 с.
- Путник, 1907** – *Путник (Н. Лендер).* По Европе и Востоку. Очерки и картинки. СПб., 1907. 247 с.
- Реклама, 1912** – Кавказский календарь на 1913 г. Тифлис, 1912. С. 60.
- Сертчелик, 2005** – *Сертчелик С.* Экспорт России в Турцию в конце XIX – начале XX вв. // *Вопросы истории.* 2005. № 4. С. 119-130.
- Силин, 1971** – *Силин А.С.* Экспансия Германии на Ближнем Востоке в конце XIX века. М., 1971. 258 с.
- Специальная корреспонденция, 1895** – *Вестник финансов, промышленности и торговли.* 1895. № 15. С. 103-143.
- Статистические сведения, 1896** – Статистические сведения о внешней торговле России. СПб., 1896. 60 с.
- Субботин, 1996** – *Субботин Ю.Ф.* Россия и Германия: партнеры и противники (Торговые отношения в конце XIX в. – 1914 г.). М., 1996. 271 с.
- Чапраз, 2010** – *Чапраз Х.* Русско-турецкие торговые связи на рубеже XIX–XX вв. // *Проблемы современной экономики.* 2010. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3055>
- Черкавский, 1914** – *Черкавский К.А.* Донесение Императорского российского консула в Кониин / *Донесения Императорских российских консульских представителей за границей по торгово-промышленным вопросам.* 1914. № 36. СПб., 1914. С. 22-34.
- Щелкунов, 1902** – *Щелкунов Н.* Торговое движение портов: Трапезонда, Керассунда, Тиреболи и Орду в 1901 г. Донесение консула в Трапезунде / *Сборник консульских донесений за 1902 г.* Вып. V. СПб., 1902. С. 390-416.
- Cosar, 2005** – *Cosar N.* Incorporation to the world economy and trading networks in the Ottoman impure during the nineteen century / *X Simposio de Historia Económica Bellaterra,* 2005, 27/29, 1, pp. 1-24.
- Ma Carthy, 1983** – *Ma Carthy J.* The Arab World, Turkey and the Balkans (1878-1914). A Handbook of Historical Statistics, Boston, 1983. 310 p.
- Mutlas, 2003** – *Mutlas S.* Late Ottoman Population and its ethnic distribution // *Nüfusbilim Dergisi* // *Turkish Journal of Population Studies.* 2003. №25, pp. 3-41.

References

- Alibekov, 1978** – *Alibekov I.V.* (1978). Nekotorye svedeniya o koncessionnoj politike Turcii vo vtoroj polovine XIX v. [Some information about the concession policy of Turkey in the second half of the XIX century]. *Izvestiya Akademii nauk Azerbajdzhanskoj SSR.* №2, pp. 27-32. [in Russian]
- Avstrijskij trgovyj muzej, 1902** – *Avstrijskij trgovyj muzej v Vene* [Austrian Trade Museum in Vienna]. *Vestnik finansov, promyshlennosti i trgovli.* 1902. №10, pp. 518-522. [in Russian]

- Benzin, 1914** – *Benzin V.M.* (1914). Nashi hleba i hlebnij eksport [Our bread and grain export]. *Trudy imperatorskogo Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva. St. Petersburg.* №4-6, pp. 31-54 [in Russian]
- Bondarevskij, 1955** – *Bondarevskij G.L.* (1955). Bagdadsкая doroga i proniknovenie germanskogo imperializma na Blizhnij Vostok (1888–1903) [The Baghdad road and the penetration of German imperialism into the Middle East (1888–1903)]. Tashkent, 319 p. [in Russian]
- Chapraz, 2010** – *Chapraz H.* (2010). Russko-tureckie torgovye svyazi na rubezhe XIX–XX vv. [Russian-Turkish trade relations at the turn of the XIX – XX centuries]. *Problemy sovremennoj ekonomiki.* №1. [Electronic resource]. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3055> [in Russian]
- Cherkavskij, 1914** – *Cherkavskij K.A.* (1914). Donesenie Imperatorskogo Rossijskogo konsula v Konii [Report from the Imperial Russian Consul in Konya]. Doneseniya Imperatorskih Rossijskih konsul'skih predstavitelej za granicej po torgovo-promyshlennym voprosam. №36. St. Petersburg, pp. 22-34. [in Russian]
- Cosar, 2005** – *Cosar N.* (2005). Incorporation to the world economy and trading networks in the Ottoman impure during the nineteen century. *X Simposio de Historia Económica Bellaterra*, 27/29, 1, pp. 1-24.
- Dzhiudichi, 1901** – *Dzhiuchidi V.* (1901). Torgovlya Samsuna. Donesenie upravlyayushchego vice-konsul'stvom v Samsune [Samsun Trade. Report of the Manager of the Vice Consulate in Samsun]. *Sbornik konsul'skih donesenij za 1901 g.* Issue. IV. St. Petersburg, pp.318-328. [in Russian]
- Ivanov, 1906** – *Ivanov K.* (1906). Torgovlya Bayazidskogo sandzhaka s Rossiej. Donesenie vice-konsula v Bayazede [Trade of the Bayazid Sanjak with Russia. Report of the vice consul in Bayazed]. *Sbornik konsul'skih donesenij za 1906 g.* Issue. I. St. Petersburg, pp. 38-53 [in Russian].
- Ivanov, 2004** – *Ivanov S.M.* (2004). Osmanskaya imperiya v mirovoj sisteme. (Vtoraya polovina XIX – nachale XX vv.) [Ottoman Empire in the world system (Second half of the XIX – beginning of the XX centuries)]. *Doktorskaya dissertaciya.* St. Petersburg, 458 p. [in Russian]
- Kapangar, 1913** – *Kapangar A.* (1913). Ekonomicheskie perspektivy Vostochnoj Anatolii [Economic prospects of Eastern Anatolia]. Tiflis, 54 p. [in Russian]
- Kireev, 2007** – *Kireev N.G.* (2007). Istoriya Turcii. XX vek [History of Turkey. XX century]. Moscow. 609 p. [in Russian]
- Kryukova, Levchuk, 2015** – *Kryukova A.A., Levchuk A.P.* (2015). Ekonomicheskoe polozhenie Osmanskoj imperii nakanune Pervoj mirovoj vojny [The economic situation of the Ottoman Empire on the eve of the First World War]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta.* No.1, pp. 121-126. [in Russian]
- Ma Carthy, 1983** – *Ma Carthy J.* (1983). The Arab World, Turkey and the Balkans (1878-1914). A Handbook of Historical Statistics, Boston, 310 p.
- Mihajlova, 2007** – *Mihajlova V.V.* (2007). Ekonomicheskoe polozhenie Osmanskoj imperii pered nachalom i vo vremena Pervoj mirovoj vojny i meropriyatiya Rosii i Velikobritanii po oslableniyu tureckoj ekonomiki [The economic situation of the Ottoman Empire before and during the First World War and the activities of Russia and the United Kingdom to weaken the Turkish economy]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta.* Issue. 4. Seria 2, pp. 191-200. [in Russian]
- Miller, 1948** – *Miller A.F.* (1948). Oчерki novejshej istorii Turcii [Essays on the recent history of Turkey]. Moscow – Leningrad, 284 p. [in Russian]
- Mutlas, 2003** – *Mutlas S.* (2003). Late Ottoman Population and its ethnic distribution // Nüfusbilim Dergisi. *Turkish Journal of Population Studies.* №25, pp. 3-41.
- Novichev, 1937** – *Novichev A.D.* (1937). Oчерki ekonomiki Turcii do mirovoj vojny [Essays on the Turkish economy before World War II]. Moscow, 67 p. [in Russian]
- Nyaga, 1901** – *Nyaga L.* (1901). Torgovlya Smirnskogo rynka. Donesenie general'nogo konsula v Smirne [Trade of the Smyrna market. Report of the Consul General in Smyrna]. *Sbornik konsul'skih donesenij za 1901 g.* Issue. II. St. Petersburg, pp. 134-142. [in Russian]
- Ot Severo-Amerikanskogo konsula, 1902** – *Ot Severo-Amerikanskogo konsula v Harpute* [From the North American Consul in Harput]. *Vestnik finansov, promyshlennosti i torgovli.* 1902. No.10, pp. 1-2. [in Russian]
- Otdel statisticheskij, 1887** – *Otdel statisticheskij* [Statistical Division]. *Kavkazskij kalendar' na 1888 g.* Tiflis, 1887. pp. 12-27. [in Russian]
- Petryaev, 1901** – *Petryaev A.* (1901). Statistiko-ekonomicheskij oчерk Turcii. Donesenie studenta posol'stva v Konstantinopole [Statistical and economic essay of Turkey. Report of a student at the Embassy in Constantinople]. *Sbornik konsul'skih donesenij za 1901 g.* Is. V. St. Petersburg, pp. 388-411. [in Russian]
- Po aziatskoj i evropejskoj Turtsii, 1904** – *Po aziatskoj i evropejskoj Turtsii.* Ed by S.Grigor'eva. Moscow, 1904. 171 p. [in Russian]
- Putnik, 1907** – *Putnik (N. Lender).* *Po Evrope i Vostoku* [Across Europe and the East]. Oчерki i kartinki. St. Petersburg, 1907. – 247 p. [in Russian].
- Reklama, 1912** – *Kavkazskij kalendar' na 1913 g.* [Caucasian calendar for 1913]. Tiflis, 1912. P.60. [in Russian]

Sertchelik, 2005 – *Sertchelik S.* (2005). Eksport Rossii v Turciyu v konce XIX – nachale XX vv. [Export of Russia to Turkey in the late XIX – early XX centuries]. *Voprosy istorii*. No.4. pp. 119-130. [in Russian]

Shchelkunov, 1902 – *Shchelkunov N.* (1902). Torgovoe dvizhenie portov: Trapezonda, Kerassunda, Tireboli i Ordu v 1901 g. Donesenie konsula v Trapezunde [Trade traffic of ports: Trapezond, Kerasund, Tireboli and Horde in 1901. Consul report in Trebizond]. *Sbornik konsul'skih donesenij za 1902 g.* Is. V. St. Petersburg, pp. 390-416. [in Russian]

Silin, 1971 – *Silin A.S.* (1971). Ekspansiya Germanii na Blizhnem Vostoke v konce XIX veka [German expansion in the Middle East at the end of the 19th century]. Moscow, 1971. – 258 p. [in Russian].

Special'naya korrespondenciya, 1895 – Special'naya korrespondenciya [Special correspondence]. *Vestnik finansov, promyshlennosti i trgovli*. 1895. №15, pp. 103-143. [in Russian]

Statisticheskie svedeniya, 1896 – Statisticheskie svedeniya o vneshnej trgovli Rossii [Statistical information on the foreign trade of Russia]. St. Petersburg, 1896. 60 p. [in Russian]

Subbotin, 1996 – *Subbotin Yu.F.* (1996). Rossiya i Germaniya: partnery i protivniki: (Torgovye otnosheniya v konce XIX v. – 1914 g.) [Russia and Germany: partners and opponents (Trade relations at the end of the XIX century – 1914)]. Moscow, 271 p. [in Russian]

Valetov, 2011 – *Valetov T.Ya.* (2011). Dinamika vneshnej trgovli Rossii v XIX – nachale XX v.: elektronnyj resurs [Dynamics of foreign trade of Russia in the XIX – early XX centuries]. *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie*. Issue. 16. Moscow, pp. 35-40. [in Russian]

Vesov, 1913 – *Vesov V.* (1913). 25 let raboty Germanii na Blizhnem Vostoke [25 years of German work in the Middle East]. *Torgovo-promyshlennyj Yug*. No. 14, pp. 22-27. [in Russian]

Экономические связи России с анатолийскими вилайетами Османской империи на рубеже XIX–XX вв.: конкуренция и заимствование опыта государств Европы и США

Игорь Владимирович Крючков ^{a, *}

^a Северо-Кавказский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В представленной статье рассматриваются основные направления развития экономических отношений России с анатолийскими вилайетами Османской империи на рубеже XIX–XX вв. Анатолия являлась для России перспективным рынком сбыта товаров. В статье анализируются факторы, тормозившие развитие российского экспорта в Анатолию и влияние на этот процесс конкуренции с другими европейскими государствами.

В процессе работы над темой использовался широкий круг источников, включающий дипломатические документы, материалы периодической печати, статистические материалы, воспоминания.

В заключении автор приходит к выводу, что, несмотря на расширение торговых отношений России с Анатолией, ей было трудно конкурировать с Великобританией, Францией и Австро-Венгрией. Российские предприниматели плохо знали специфику местного рынка, они не имели своих представительств в анатолийских городах, не получая должной помощи от государства в сравнении с конкурентами. В то же время к началу XX в. Россия добивается существенных результатов в экспорте сахара, керосина и ряда других товаров в Анатолию. В начале XX в. России следовало предпринять серьезные усилия для развития торговли с Османской империей с целью укрепления в ней своих политических позиций, и в этом плане российские дипломаты и эксперты призывали заимствовать опыт европейских стран.

Ключевые слова: Россия, Османская империя, Анатолия, внешняя торговля в последней трети XIX – начале XX вв., Смирна (Измир), экспорт керосина.

* Корреспондирующий автор

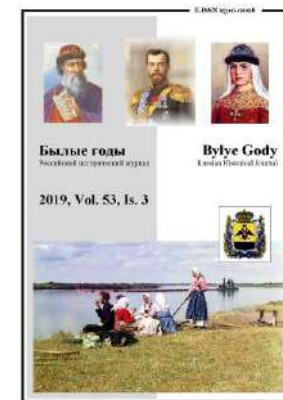
Адреса электронной почты: igory5@yandex.ru (И.В. Крючков)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1232-1242. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1232
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Legal Position of Old Believers in the Context of Legislative Initiatives of the Russian Empire in the last third of XIX – early XX century

Petr K. Dashkovskiy^{a, *}, Vsevolod N. Iljin^b

^a Altai State University, Russian Federation

^b Altai branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation

Abstract

The article analyzes in detail the legal framework, as well as some archival documents reflecting the activities of the old believers in the system of state-confessional relations of the Russian empire in the second half of the nineteenth century. It focuses on the analysis of changes in the position of believers in connection with the adoption of laws of 19 April 1874 and 3 May 1883. Despite the apparent liberality of these laws in general, they were partial and limited character, and in fact did not give the old believers a broad civil and religious liberties for which they had hoped. During the reporting period, the state remained the only acceptable way of solving "the old believer question," only the integration of the old believers with the state of the Russian Orthodox Church, which effectively meant the subordination of the latter and erasing the confessional specifics of the old believers. At the same time, new legal regulations have had some positive moments, since it doesn't included the forbidden or the more punishing nature. Legislative resolution of 1874 and 1883 actually demonstrated that the state patronizes and equally protects the personal civil rights of believers, as his other subjects, however, it was stressed that the government does not recognize "separatist" wing special legal class.

Keywords: old believers, religious state policies, the Russian empire, right.

1. Введение

Церковный раскол, произошедший в середине XVII века, имел гораздо более глубокие и серьезные последствия, чем это казалось современникам той эпохи. Он разделил не только русскую церковь, но и общество, государство, культуру и саму историю. Административно-силовые методы решения «старообрядческого вопроса» в первые два столетия после раскола не дали для государственной власти положительного результата. Кроме того, старообрядцы стремились сохранить основы общественного и государственного устройства, которое базировалось на традиционном народном православии. Очевидно, что во второй половине XIX в. возник вопрос о правовом положении многомиллионного старообрядческого контингента российских подданных в обществе. Изучение данной темы может способствовать пониманию развития идентичности многоконфессиональной России и реализации государственно-конфессиональной политики в стране.

2. Материалы и методы

Данное исследование основывается на нескольких группах источников. Первая – представлена различными архивными документами, хранящимися в Государственном архиве Томской области и Государственном архиве Алтайского края. Вторая – включает законы, сосредоточенные в Своде Законов Российской империи. Третья – представлена материалами периодической печати

* Corresponding author

E-mail addresses: dashkovskiy@fpm.asu.ru (P.K. Dashkovskiy), vse-ilin@mail.ru (V.N. Iljin)

рассматриваемого периода. Изучение архивных документов и нормативно-правовых актов позволило выявить правительственную правовую тенденцию в уголовно-правовой охране интересов официальной Русской православной церкви от старообрядчества. Определенная часть нормативно-правовых актов содержалась в специальных законодательных подборках и сборниках.

Данное исследование осуществлялось с использованием таких специальных методов познания, как сравнительно-правовое, сравнительно-историческое, формально-юридическое. Сравнительно-правовой метод исследования был применен при сравнении законов 19 апреля 1874, 3 мая 1883 годов с действующими законами в отношении правового положения старообрядческих браков и религиозно-обрядовой жизни староверов, представленных в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных. Сравнительно-исторический метод позволил сделать вывод о либеральности анализируемых законов в сравнении с аналогичными законами предшествующего периода. Кроме того, был сделан вывод, что при определенной либеральности отдельных норм права принципиального изменения государственной позиции в отношении старообрядчества не произошло. Благодаря данному методу стало возможным объяснить причину и природу появления в свет данных законов. Формально-юридический метод позволил определить важные юридические понятия в законодательстве рассматриваемого периода и объяснить действующие нормы права.

В работе в определенной мере был использован цивилизационный подход, поскольку формирование правовой системы обусловлено спецификой культурно-исторического развития России. К особенностям развития страны можно отнести одновременно ее поликонфессиональность и вместе с тем доминирующую роль государства во всех сферах общественной и религиозной жизни.

3. Обсуждение

За более чем 300-летнюю историю существования церковного раскола и старообрядчества накопилось значительное количество публикаций по данной проблематике. Однако вопрос правового положения старообрядчества в Российской империи, в т.ч. во второй половине XIX – начале XX вв. до настоящего времени является мало изученным. Основной интерес к данному вопросу возник именно в период активизации общественно-политической мысли во второй половине XIX в., что было обусловлено необходимостью наделяния староверов некоторыми правовыми послаблениями. Соответственно, среди авторов работ, посвященных данной проблеме в дореволюционный период, представлены не только исследователи-историки и юристы, но и специалисты-практики. Стоит выделить работу юриста А.М. Бобрищева-Пушкина «Суд и раскольники-сектанты», в которой были рассмотрены законы, служившие основанием для уголовного преследования противников господствующей церкви и отступников от православия, а также применение этих законов в судебной практике. А.М. Бобрищев-Пушкин (1902) заявлял о неоправданной разнице между терминами «раскольники от рождения» и «тайные раскольники», подводя к вопросу о степени состоятельности либеральных законов второй половины XIX в. Исследователь приводил большое количество примеров, возникших правовых казусов по всей империи, доказывая бесплодность попыток светских властей вести борьбу с таким явлением, как «отпадение в раскол», из-за противоречивости законодательства. Правовому положению старообрядцев посвящены труды юриста А.Ф. Кони, которые явились отражением его судебной практики. Важный вклад внесли работы А.В. Лохвицкого (Курс, 1871), М.А. Рейснера (1905), Т.В. Барсова (1885) и др. Так, М.А. Рейснер полагал, что религиозный вопрос должен решаться в плоскости конфессиональных органов, а не светских. Важно отметить, что взгляды и выводы этих исследователей относительно «старообрядческого вопроса» и вопроса свободы совести в целом были весьма прогрессивны и пропитаны духом гражданских прав. В целом же дореволюционная историография исследуемой проблемы либо была разрозненна по отдельным правовым аспектам, либо вопрос касался, как правило, всего «раскола» и всех существующих в России религий.

Отечественная историография советского периода развивалась в рамках влияния соответствующей идеологии и методологии исторического познания. Церковный раскол в социальной истории рассматривался сквозь призму классового подхода, в рамках которого старообрядчество интерпретировалось историками как форма антифеодального протеста (Карцова, 1971). С конца 1960-х гг. появились работы, непосредственно затрагивающие проблематику статьи (Катунский, 1972; Миловидов, 1969 и др.). В данном случае особо необходимо выделить так называемую новосибирскую школу Н.Н. Покровского, представленную трудами Т.С. Мамсик (1987), Н.А. Миненко (1991). Выводы этих исследователей служат основой для дальнейшего изучения политики имперских властей в отношении староверов. Исследователи ставят под сомнение в историографии стереотип так называемой «политики либерализации государства по отношению к расколу» на протяжении всей истории существования старообрядческого вопроса. В целом для советской историографии характерна тенденция осуждения имперской политики, направленной на ограничение деятельности старообрядчества.

Со второй половины 1990-х гг. появляются работы, посвященные изучению преступлений против религии в контексте российского законодательства обозначенного периода. В данном случае в первую очередь стоит отметить работы В.В. Андрощука (2016), А.А. Сафонова (2017), О.П. Ершовой (1999). Вместе с тем, как правило, современные ученые рассматривают достаточно широкий спектр

государственно-конфессиональных отношений. В этой связи вопрос именно правового положения старообрядцев в контексте либеральных законов второй половины XIX – начала XX вв. требует более пристального изучения. Новизна данного исследования состоит в том, что законы о старообрядцах от 19 апреля 1874 года и от 3 мая 1883 года рассмотрены с позиции толкования права. Официальное (аутентичное, легальное, казуальное) и экспертное (профессиональное и научное) толкования обозначенных норм права позволили выявить их правовые коллизии, половинчатость и ограниченность, благодаря чему их реализация на практике приобретала искаженный характер. Данные региональных архивов смогли качественно дополнить вывод о расхождении понятий де-юре и де-факто анализируемых законов.

4. Результаты

До издания закона 19 апреля 1874 года отношение законодательства к старообрядчеству* было отрицательным. За его последователями фактически не признавалось право на существование, а правовые документы под страхом суровых наказаний всячески запрещали проявление данного религиозного течения (Волков, 1910: 371). Однако в 60-е гг. XIX в. ситуация в стране стала меняться, поэтому наделение старообрядцев определенными правами стало неизбежным. Это обстоятельство и послужило основой издания двух либеральных законов – от 19 апреля 1874 года и 3 мая 1883 года.

Правовое положение старообрядцев XIX в. отражено в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (далее – Уложение). Вся масса преступных деяний разделена Уложением на 11 групп. Первой группой по порядку изложения и по значимости являются преступления против веры, после которых уже обозначены преступления государственного характера и против порядка управления. Преступления против веры поставлены выше всех других вследствие того, что религиозные интересы издавна получили первостепенное значение. Еще в Уложении царя Алексея Михайловича в первой главе написано «о богохульниках и церковных мятежниках» (Тихомиров, 1961: 70). В XVII в. под богохуление было подведено всякое отступление от признанной церковью нормы (догмы), колдовство, суеверие, которые карались страшной казнью – сожжением. Активно практиковалось сожжение богохульников в правление царевны Софьи (Акты, 1836: 420).

В XIX в. публичное богохуление также считалось тяжким преступлением и представляло большую опасность для общественного порядка, на что особое внимание обращал известный юрист А. Лохвицкий (Курс, 1871: 291). Следует отметить, что в Уложении нет статьи, специально посвященной определению богохуления, хотя само оно начинается с характеристики богохуления в целом (Уложение, 1867: 55). Статья №176 составляет воспроизведение, с некоторыми изменениями и дополнениями, первой статьи Уложения царя Алексея Михайловича. Эта статья записана так: «будет кто иноверцы какия нибудь веры, или и русский человек возложит хулу на Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, или на родшую Его Пречистую Владычицу нашу Богородицу и Присно-Деву Марию, или на честный крест, или на святых его угодников, и про то сыскивати всякими сыски накрепко, да будет сыщется про то до прямо, и того богохульника, обличив, казнити, сжечь» (цит. по: Тихомиров, Епифанов, 1961: 70). Следующая 177 статья Уложения за те же деяния с целью «поколебать веру», совершенных не публично на каких-либо собраниях, но при свидетелях, предусматривает ссылку осужденного на поселение в Сибирь. Статья 178 также предупреждает о наказаниях тех, кто станет публично «порицать христианскую веру или православную церковь...» (Уложение, 1867: 56). По закону нет четкого определения понятия «с намерением поколебать веру или произвести соблазн» и «порицать христианскую веру или православную церковь». Однако закон признает за преступление не богохуление вообще, а только хуление Бога в смысле христианского православного. Отсутствие четкого определения богохуления в последующих законах о старообрядцах также весьма показательно.

Следует отметить, что до закона от 19 апреля 1874 г. старообрядческие браки не признавались. Венчание в официальной церкви для старообрядцев было невозможно, т.к. по условиям закона им «пред венчанием надлежит дать присягу быть в православии твердыми и с раскольниками согласия не иметь» (СЗРИ, 1857: Т. X. Ст. 33). К детям от этих браков не применялись гражданские законы о наследстве. Кроме того, сами дети старообрядцев считались законными лишь после своего присоединения к православию или единоверию при жизни родителей, вместе с одним из них или после смерти одного из них. По этому поводу в свое время хорошо высказался известный российский юрист, государственный и общественный деятель А.Ф. Кони. Он писал, что непризнание браков между старообрядцами не только выводило их семейный быт из сферы применения законов, но и пагубно сказывалось на их нравственности (Кони, 1905: 689).

Архивные документы по деятельности старообрядцев в Западной Сибири содержат много указаний на то, что браки «раскольников» представителями светских и церковных властей именовались «незаконными», «сводными». (ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 8. Л. 1-14; Д. 21. Л. 1-15; Д. 27. Л. 1-

* Старообрядцы официально именовались раскольниками, однако по сути своего явления термины «старообрядчество» и «раскол» не являются тождественными, поэтому далее в тексте термины «раскол» и «раскольник» употребляются в кавычках.

9 и др.). Они рассматривались властью как «особо вредное проявление раскола», представлявшее собой его публичное доказательство и, таким образом, пагубно влияющее на общественную нравственность (ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 113. Л. 16. Д. 95. Л. 3). Исходя из данных заключений, государство вынуждено было принимать специальные меры для устранения «блудных» старообрядческих браков (ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 113. Л. 16. Д. 66. Л. 5-23. Д. 69. Л. 1-4). Периодические издания тех лет отмечали, что ликвидация таких браков носила порой весьма драматичный характер. Это связано с тем, что у старообрядцев, вступивших в брак по своим традициям, фактически забирали жен и отправляли их к родителям. Кроме того, за такими старообрядцами устраивался еще волостной надзор (Гонения на раскол, 1878). В подобном сложном положении накануне 1874 г., по официальным данным, находилось в Российской империи 11 миллионов старообрядцев (Боровиковский, 1873). Государство вынуждено было учесть сложившуюся ситуацию, в связи с чем 19 апреля 1874 г. был издан закон, который разрешал старообрядцам совершать браки гражданским порядком. При этом регистрация браков должна производиться в особых метрических книгах в управлениях полиции. Благодаря такому нововведению, браки старообрядцев приобретали легитимность в юридическом отношении (Миловидов, 1969: 59). Однако данный закон также содержал в себе ряд противоречий. Например, статья 17 указанного закона гласила, что, прежде чем записать брак в метрическую книгу, оба супруга должны предоставить письменное уведомление о том, что они являются старообрядцами с момента рождения. Однако воспользоваться таким правом могла только лишь незначительная «официальная» часть старообрядцев. Это связано с тем, что большинство старообрядцев не могло подтвердить, что они с рождения «раскольники» (Ильин, 2016: 9). В личном фонде известных краеведов Западной Сибири С.И. Гуляева и Н.С. Гуляева относительно данного юридического казуса есть интересная записка. В ней краеведы отмечали, что введение правила фиксации браков и детей вновь обострило религиозную ситуацию и подтолкнуло «раскольников» к продолжению противостояния. Это было связано с тем, что местные власти часто отказывали старообрядцам в регистрации в казенных метрических книгах, если они уже были записаны в церковно-приходских как православные (ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 229. Л. 60а).

Нужно подчеркнуть, что браки старообрядцев с православными или даже с «раскольниками» не от рождения не могли быть признаны законными (СЗРИ, 1857: Т. X. Ст. 33). Если жених или невеста принадлежали к православному исповеданию, то при вступлении в брак с лицами иных христианских исповеданий должна была соблюдаться статья №67 того же закона, согласно которой венчание обязательно должно совершаться православным священником в православной церкви. Таким образом, браки староверов с никонианами или староверами не от рождения, совершенные старообрядческим священнодействующим лицом, считались незаконными и недействительными. Кроме того, само деяние совершения такого рода браков рассматривалось как преступное. Однако закон не признавал «вероисповедной иерархии раскола», и потому возникал вопрос: «Сам акт указанного священнодействия может ли быть действительным и преступным?» В отношении лиц иных христианских исповеданий, где за священнодействующими лицами признаны духовный сан или звание, подобные акты являлись действительными, поэтому преступны, т.к. запрещены законом. Однако за старообрядческими священнодействующими лицами были не признаны духовные звания, а значит, эти лица являются частными, т.е. не приемлемыми ни при каком исповедном священнодействии по отношению к уголовно-гражданской ответственности. Таким образом, акт совершения брака между старообрядцами и никонианами или старообрядцами не от рождения, хотя и преступен сам по себе, но де-юре наказуемым признать его нельзя из-за непризнания самого старообрядческого исповедания и соответственно из-за отсутствия субъекта, подлежащего наказанию. Если совершение брака представителя синодальной церкви с «раскольником» по старообрядческим обрядам есть деяние ненаказуемое, как за акт самого совершения брака, то наказуемо ли оно, как за акт соращения православного в «раскол»? В этой связи стоит напомнить, что в 1839 г. за совершение браков православных с «раскольниками» без присоединения последних к официальной церкви предписывалось даже свидетелей браков привлекать к суду и поступать с ними как с совратителями. По статье 196 Уложения и дополнению к ней по закону от 1 мая 1884 года виновных в распространении своего же учения подвергали наказанию за «соращение в раскол» лиц православного исповедания при наличии активных действий в виде проповеди или склонения и привлечения. Закономерно возникает вопрос: «Может ли брак, совершенный по любви, по взаимному согласию вступающих в него людей, квалифицироваться как «соращение в раскол»? И это при явном отсутствии условий для такого соращения, обозначенных законом. Юридическую противоречивость законодательства по данному вопросу смог доказать сенатор А.Ф. Кони, когда в кассационном порядке по одному судебному делу старообрядца Сенатом было принято решение считать брак законным. Законность брака удалось доказать на основании того, что он был заключен по взаимному согласию и с освящением, несмотря на то, что в метрических книгах полиции он не зафиксирован (Мельников, 1999: 380).

Важно обратить внимание на мнение современника тех событий Н. Кувайцева относительно совершения брака между «раскольником от рождения» и «раскольником не от рождения». Он отмечал, что привлекать к ответственности старообрядческое священнодействующее лицо за

деяние бракосочетания как за акт соращения по меньшей мере странно, т.к. «совращать совращенного – очевидно невозможно» (Кувайцев, 1886: 776).

Таким образом, указанный закон не смог решить проблемы старообрядческих браков, поэтому большая часть раскольников осталась бесправна. Старообрядческие браки, не отраженные в метрических книгах, с точки зрения права были незаконными. В данном случае существует значительное количество архивных данных, в которых содержатся прошения старообрядцев в разные государственные структуры с просьбой узаконить их браки (ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 1402. Л. 1-8. Д. 1445. Л. 1-5).

Закон от 3 мая 1883 года дал старообрядцам права в объеме, точно выраженном в самой формулировке закона, – «некоторых прав...». Относительно гражданских прав (прав собственности, торговли, промыслов, внутренней миграции) этот закон практически уравнивал староверов с остальными жителями Российской империи. Однако важно отметить, что вся либеральность данной части закона обусловлена была очевидной экономической конъюнктурой, в которой старообрядцы смогли достичь значительных успехов. В области религиозно-обрядовой стороны старообрядцев закон оказался весьма противоречив. Это связано с тем, что авторам закона предстояло осуществить невозможное: наделить старообрядцев религиозными правами и при этом не ущемить интересов государственной церкви.

В данном случае примечательно, что статья 5 закона от 3 мая 1883 года гласила, что старообрядцам дозволялось совершать богослужение как в частных домах, так и в религиозных зданиях. Однако при этом не должен был нарушаться общественный порядок (Введенский, 1912: 19). Обратим внимание на то, что термин «дозволяется», упоминаемый в законе, дает повод поставить вопрос: «Признается ли само исповедание веры или только дозволяется творить общественную молитву»? Статья 45 Свода Законов Российской империи (1857: Т. 1. Ч. 1) утверждает, что первенствующей в Российской империи является официальная русская Православная церковь. Однако «все, не принадлежащие к господствующей Церкви подданные Российского государства, природные и в подданство принятые, также иностранцы, состоящие в российской службе или временно в России пребывающие, пользуются каждый повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной. Сия свобода веры присвоается не токмо христианам иностранных исповеданий, но и евреям, магометанам и язычникам: да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего разными языками по закону и исповеданию праотцев своих...» (Барсов, 1885: 201). Из этого ясно следует, что если старообрядцам «дозволяется» славить Бога по исповеданию предков, то тем самым признается и самое исповедание за ними по их обрядам. Соответственно возникает вопрос, которым были озадачены теоретики и практики юридической мысли той эпохи: «Каким исповеданием считать старообрядчество – христианским или каким-то другим»? Обратившись к дополнению ст. 196 Уложения (по закону от 1 мая 1884 г.), в котором указано, что «раскольники за привлечение и склонение православных в свою ересь наказываются так же, как лица иного, хотя и христианского исповедания», Н. Кувайцев сделал заключение, что старообрядчество относится к иным христианским исповеданиям. Таким образом, получалось, что старообрядческое исповедание признавалось христианским, а значит, оно было признанное и покровительствуемое законом (Кувайцев, 1886). Однако по закону от 3 мая 1883 года статья 10 гласила, что религиозные деятели старообрядцев не должны подвергаться преследованию. В то же время закон оговаривал, что такими священнослужителями не признается духовное звание и сан (ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3154. Л. 1). Продолжая логику рассуждений Н. Кувайцева, следует отметить, что принять христианское исповедание без иерархии оказывалось невозможно. В результате вопрос о принадлежности старообрядчества к христианскому исповеданию оставался не только не разрешенным новыми законами, но и еще более запутанным. Важно также отметить, что в правовом пространстве старообрядцы относились к раскольников, сектантам, ереси. Раскол и ересь были не определены точно в уголовном законодательстве Российской империи, хотя, озаглавливая 4 отделение 2 раздела словами «О ересьях и расколах», оно признавало их отличие, не имея твердого легального основания для различия этих понятий. Д.В. Чичинадзе писал, что в правовом поле России к ереси относилось любое «лжеучение» (Чичинадзе, 1899: 94). В числе ересей означено и скопчество, о котором существуют в Уложении специальные постановления. Раскольниками изначально называли тех православных, которые не признали нововведений патриарха Никона. Великий собор 1667 года отлучил их от церкви. В то время как иноверцы, даже нехристиане пользовались свободой богослужения, раскольники были лишены этого, а также ряда гражданских и политических прав. Под расколом сначала подразумевали старообрядчество. Однако позже стали раскольниками именовать всех без разбору, включая скопцов, хлыстов. Таким образом, новые законы в судебной практике и практике жизни создали для старообрядцев немало недоразумений.

Нужно подчеркнуть, что реализация статьи №5 закона от 3 мая 1883 г. на практике была ограничена последующими статьями №6 и №8 того же закона. Согласно этим статьям указывалось, что старообрядческие сооружения не должны менять внешний облик в процессе ремонта здания или возобновления его функционирования как религиозного объекта, если сооружение использовалось ранее для других целей. Эта работа была возможна лишь с разрешения органов власти региона, как

правило, губернатора. В тех регионах, где старообрядцы не имели ни часовен, ни молитвенных зданий, разрешалось использовать для религиозных целей другого типа здания. Однако для этого требовалось разрешение министра внутренних дел, которое было не просто получить. При этом строение не должно было иметь внешний вид храма и колоколов (Смирнов, 1905). Светские власти каждый раз запрашивали мнение церковных властей по данному вопросу. Однако их ответ всегда был однозначно не в пользу старообрядцев (ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2702. Л. 1, 4, 15; Д. 3195. Л. 1, 8, 10; Д. 3241. Л. 29, 32 и др.). В то же время важно отметить, что сохраняла законную силу и статья №206 Уложения о наказании, по которой не разрешалось создание скитов. Постройка нового молитвенного дома или превращение в него обычного жилого дома без разрешения министра внутренних дел для старообрядцев могло закончиться тюремным сроком от 4 до 8 месяцев. Само здание в этом случае подлежало уничтожению (СЗРИ, 1900: Т. XV. Ст. 206). При этом происходила конфискация религиозных принадлежностей: книг, икон и т.д. Отсюда возникали существенные недоразумения: местные власти арестовывали и опечатывали частные квартиры староверов только потому, что в них проходили богослужения и внутренняя обстановка была похожа на молитвенный дом. Законом также не было определено, что понимается под словами «частный дом» и «молитвенное здание». В результате ничтожное недоразумение порождало следственные дела со всеми вытекающими последствиями.

Статья №11 закона от 3 мая 1883 года гласила, что старообрядцам запрещалась публичная демонстрация своего вероисповедания через крестные ходы и процессии в церковных облачениях, публичное ношение икон, пение на улицах. Кроме того, раскольникам было запрещено использовать вне домов и молитвенных зданий религиозное одеяние (ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 198. Л. 197). Эта статья так же, как и другие, существенно ограничивала свободу веры старообрядцев. Под свободой веры закон подразумевал: 1) свободное исповедание веры и отправление богослужения; 2) свободную перемену веры по внутреннему убеждению; 3) свободу пропаганды; 4) основание нового вероучения. Нужно подчеркнуть, что второй и третий вид свободы существовали только для государственной православной церкви. Первый вид – для всех остальных, кроме старообрядцев, что доказывает указанная выше статья №11. Свободная перемена веры по внутреннему убеждению была возможна только в одностороннем порядке, т.е. в официальное православие. Переход из официального же православия в старообрядчество был недопустим и квалифицировался однозначно как «совращение в раскол» (СЗРИ, 1900: Т. XIV. Ст. 36). Еще по Уложению Алексея Михайловича за совращение в раскол назначалась смертная казнь, а совращенных ссылали к духовным отцам для исправления. Во второй половине XIX в. за совращение из православия в «раскол» «совратитель» наказывался ссылкой. «Совращенного» отправляли к духовным лицам своей веры для исправления. Срок исправления при этом не был конкретно определен. От духовной власти зависело признать обращение или усомниться в искренности, а следовательно, увещиваемое лицо могло быть целые годы в отдаленном монастыре, куда обычно ссылали для увещивания. Такое пребывание мало чем отличалось от тюремного заключения. Важно отметить, что не только совращение, но и покушение на него (пропаганда, обращенная к православным людям) было запрещено. За нарушение этого правила могла последовать ссылка в Сибирь. Нужно также обратить внимание на то, что в статье №190 Уложения говорилось о наказании родителей, которые будут крестить детей своих или приводить к другим таинствам другого христианского вероисповедания. За это их могли подвергнуть тюремному заключению, а детям назначить опекунов. Это относилось и к детям, рожденным в православном браке, хотя родители впоследствии и перешли в «раскол». В данном случае уголовное законодательство поступки родителей интерпретировало как «совращение в раскол» совершеннолетнего. Закон не давал четкого определения понятию «совращение». В результате толкования данного термина духовным начальством, разделяемое иногда и судами, выходило далеко за пределы истинного и соответственного смыслу закона. Простое уговаривание, не сопровождаемое никаким нравственным давлением или принуждением и даже не имевшее своим последствием отпадение от православия, нередко считалось совращением. Расплывчатость формулировки позволяло имперским представителям светской и церковной власти более активно привлекать старообрядцев к юридической ответственности. Так, к примеру, в Томской духовной консистории в 70-е годы XIX в. рассматривалось более 50 дел по факту перехода из официального православия в «раскол», что, естественно, означало наличие как лица «совращенного», так и «совратившего» (ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 395, 416, 434, 452, 467, 481, 491, 512, 493, 514, 541, 553, 557, 607, 630, 655, 831, 989, 1272, 1367, 1371, 1375, 1386, 1393, 1424, 1432, 1499, 1522, 1694, 1710, 1715, 1720, 1721, 1770, 1785, 1840, 2327, 2445, 2457, 2473, 2478 и др.). Аналогичные дела рассматривались Томской духовной консисторией и в 80-е гг. XIX в. (ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3008, 3006, 3005, 2990, 2981, , 2956, 2955, 2936, 2915, 2825, 2826, 2806, 2785, 2773, 2730, 2700, 2701, 2652, 2655, 2643, 2568, 2550, 2517 и др.). При этом «лжеучение», основы которого излагал такой «совратитель», определялось общим названием, не только ничего не говорящим о существовании «ереси», но нередко и содержащим в себе противоречивые между собою термины. В этой связи примечательно отметить, что А.Ф. Кони приводил примеры из судебной практики, когда судили за совращение в ересь без указания на то, в чем она состоит. Другой пример был связан с тем, что консистория требовала преследования за

отпадение в ересь, а судебная же власть возбуждала дело о совращении в другую ересь. Сенатор также не признал тот факт, что «под совращение подводилось воспитание малолетних детей в вере родителей, принадлежащих по убеждению совести к старообрядчеству» (Кони, 1905: 25). Не случайно А.Ф. Кони писал о большом количестве судебных недоразумений. Доктор права А. Лохвицкий в своем труде «Курс уголовного права», изданном в 1871 г., определял совращение как «действия активные, когда лицо отвлекающее убеждает, угрожает...». При этом если человек на основе своих размышлений, личного опыта сменит вероисповедание, то это не стоит рассматривать как совращение (Курс, 1871: 308). Нужно также особо указать на статью №196, которая предусматривала лишение всех прав и состояний лиц, которые обвинялись в создании новых «сект» или в распространении существующих «ересей и расколов». Такие лица подлежали ссылке из Европейской России в Закавказский край и в Сибирь, причем в наиболее отдаленные места. В данной статье говорилось не о совращении кого-либо, а о распространении раскола. Первое явление характерно для единичного факта, второе – для нескольких фактов, т.е. прослеживается систематичность. Ссылка в Закавказский край «раскольников» не случайна. Это связано с тем, что частые ссылки старообрядческих лидеров в Сибирь привели к распространению этого движения в обширном регионе. В то же время распространение старообрядчества в Закавказье среди грузин, татар и черкесов, по мнению государственных органов, было маловероятным.

Важно подчеркнуть, что в основе закона 1883 г. лежала идея, согласно которой «раскол», как религиозная община, не являлся явлением нормальным, а значит, не мог пользоваться покровительством государственных законов. При этом подчеркивалось, что закон покровительствует и одинаково охраняет личные гражданские права «раскольников», как и других подданных, но не признает в «раскольнических» толках особенного законного сословия или общества. Более того, государство только терпело проявления религиозной жизни, признавая их как факт, но, не придавая им правового значения.

В целом можно отметить, что русское право, замыкая все духовные общества в узко национальные пределы, поставило над всеми этими национальными союзами право прозелитизма господствующей церкви. Последняя в свою очередь была сама национальна и являлась лишь орудием в руках государственной политики. Отсюда логично вытекает и категорическое запрещение отступать от православной веры и принимать иную веру, хоть и христианскую. Светский закон, ввиду того, что русский монарх мог быть только православным, разрешал активную миссионерскую работу только Русской православной церкви. При этом государство стремилось всячески помочь православным миссионерам (Бобрищев-Пушкин, 1902: 6). Русская православная церковь имела национальный принцип. Отношение русского права к старообрядцам построено по этому принципу, где мотив религиозный уступает мотиву национальному. Все теоретики и практики правовой мысли XIX в. единодушны в выводе, что старообрядчество в правовом отношении фактически имело ниже статус не только по отношению к исламу, буддизму, протестантизму и католичеству, но и по отношению к язычеству. Между тем с православной богословской точки зрения все наоборот. С националистической точки зрения подобное отношение вполне объяснимо, поскольку раскол отрицает русское народное значение за официально признанной государственной верой и смешивает религию и народность (Рейснер, 1905: 195). В результате два религиозных направления претендовали на исключительный статус национальной религии русского народа. Исходя из данной парадигмы, очевидно, что наделение старообрядцев правами в полной мере невозможно было политически, что объясняет всю половинчатость и по сути несостоятельность либеральных законов второй половины XIX в. Подтверждением этого также служит фрагмент письма К.П. Победоносцева Н.И. Субботину: «Верховная власть, являющаяся защитником догматов господствующей веры, не может поставить в равные условия свободы как Православную церковь, так и учения, прямо ей враждебные» (Чтения, 1914: 154). Таким образом, правительство довольно определенно свидетельствовало, что старообрядчество, проповедующее враждебное по отношению к государственной церкви учение, не могло пользоваться свободой в государстве.

Сложившееся в стране отношение к старообрядцам как к злоумышленникам, которые стремились подорвать основы государства, было весьма негативным. В этой связи отметим, что наделение старообрядцев определенными правами произошло только в 1905 г. с принятием закона «О веротерпимости». Очень важный момент в «Высочайшем указе об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. содержался в 7 пункте, согласно которому термин «старообрядцы» вводился вместо термина «раскольники» для лиц, которые признают основные догматы церкви, но отрицают некоторые обряды и используют старопечатные книги (Высочайший указ, 1905). Следует подчеркнуть, что впервые юридически признавалось наименование «старообрядец». По данному указу вероучения четко дифференцировались на те, которые относились ранее к «расколу», на старообрядческие согласия, сектантство и изуверные. При этом уголовная ответственность сохранялась только за изуверными общинами. В соответствии с пунктом 12 открывались ранее закрытые молитвенные дома (Высочайший указ, 1905). Важно также указать то, что уже 16 апреля 1905 г. император отправил московскому генерал-губернатору телеграмму, в которой фактически указывал на необходимость предоставить старообрядцам возможность

свободного вероисповедания ([Пороховщиков, 1905: 4](#)). Примечательно, что в периодическом издании тех лет «Право» отмечалась значительная позитивная роль данного указа в области реализации принципов свободы совести в стране ([Право, 1905: 1354-1357](#)). 17 октября 1905 г. последовал Высочайший манифест об усовершенствовании Государственного управления, который устанавливал определенные гражданские свободы, в т.ч. в сфере религиозного мировоззрения ([Манифест..., 2010](#)). В осуществление этих основ ровно через год, именно 17 октября 1906 г., последовал и Высочайший указ правительствующему Сенату «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов» (2010). Для старообрядцев в России наступает период, длившийся до прихода к власти большевиков, который в отечественной историографии характеризуется «золотым веком».

5. Заключение

Таким образом, определенные послабления, сделанные во второй половине XIX – начале XX вв. в отношении правового положения старообрядцев, не могли в полной мере свидетельствовать о готовности государства и государственной церкви к полноценному диалогу. Обозначенные либеральные законы де-юре оказались несостоятельными, поскольку они не наделяли старообрядцев правами в силу своей половинчатости и ограниченности, а лишь предоставляли им некоторые более или менее значительные льготы. Ограниченность законов объясняется тем, что они были вызваны к жизни, скорее, духом времени, чем стремлением власти дать старообрядцам гражданские и религиозные свободы. Решение «старообрядческого вопроса» государство предлагало, по сути, только через интеграцию с официальной государственной церковью. В данном случае позиция власти второй половины XIX в. является неизменной составляющей предшествующей политической доктрины, провозгласившей борьбу с «расколом» задачей первостепенной важности. Вместе с тем стоит выделить следующие положительные моменты в отношении гражданских прав старообрядцев: они получили право иметь паспорта, заниматься торговлей и различными промыслами на основе соблюдения соответствующих постановлений. Кроме того, стоит отметить важный прогрессивный момент, который заключается в том, что рассмотренные законы уже не предполагали полного запрета вероисповедания старообрядцев, тем более не предусматривалось уголовное наказание за это.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках выполнения гранта РНФ по теме «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект №19-18-00023).

Литература

- [Акты, 1836](#) – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедицею императорской академией наук. Т. 4. 1645–1700. СПб. 1836. 500 с.
- [Андрощук, 2016](#) – *Андрощук В.В.* Преступления против религии по законодательству России конца XIX – начала XX вв.: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2016. 29 с.
- [Барсов, 1885](#) – *Барсов Т.С.* (сост.) Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания. Т. 1. СПб., 1885. XX, 663, CLXXVIII с.
- [Бобрищев-Пушкин, 1902](#) – *Бобрищев-Пушкин А.М.* Суд и раскольники-сектанты. СПб.: Сенатская Типография, 1902. 207 с.
- [Введенский, 1912](#) – *Введенский А.* Действующие законоположения касательно старообрядцев и сектантов. Одесса, 1912. 205 с.
- [Волков, 1910](#) – *Волков Н.Е.* Очерк законодательной деятельности в царствование императора Александра III. 1881–1894 гг. / Н.Е. Волков. СПб.: Типография А.Ф. Штольценбурга, 1910. IX, 372 с.
- [Высочайший указ, 1905](#) – Высочайший указ «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г. // «Слово Церкви» №15. 12 апреля 1915. С. 345-347.
- [ГААК](#) – Государственный архив Алтайского края.
- [ГАТО](#) – Государственный архив Томской области.
- [Гонения, 1878](#) – Гонения на раскол в Западной Сибири // *Неделя*. 1878. №38. С. 1234-1237.
- [Ершова, 1999](#) – *Ершова О.П.* Старообрядчество и власть. М.: Уникум-Центр, 1999. 204 с.
- [Ильин, Маракулин, 2016](#) – *Ильин В.Н., Маракулин Д.А.* Государственно-правовое решение старообрядческого вопроса в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. // *Алтайский юридический вестник*. №3, 2016. С. 7-12.
- [Карцов, 1971](#) – *Карцов В.Г.* Религиозный раскол как форма антифеодалного протеста в истории России. Ч. 1. Калинин, 1971. 159 с.
- [Катунский, 1972](#) – *Катунский А.Е.* Старообрядчество. М, 1972. 120 с.
- [Кони, 1905](#) – *Кони А.Ф.* Судебные речи. СПб. 1905. 808 с.

- Кувайцев, 1886** – *Кувайцев Н.* Новые законы о раскольниках // *Юридический вестник*. Т. XXI. Книга 4, апрель 1886, №4. С. 716-38.
- Курс, 1871** – Курс русского уголовного права / Лохвицкий А., д-р прав. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Скоропечатня Ю.О. Шрейера, 1871. 714 с.
- Мамсик, 1987** – *Мамсик Т.С.* Крестьянское движение в Сибири второй четверти XIX в. Новосибирск, 1987. 268 с.
- Манифест, 2010** – Манифест об усовершенствовании государственного порядка // История государственно-конфессиональных отношений в России (X – начало XXI веков): Хрестоматия. Часть I. X – начало XX вв. М.: Изд-во РАГС, 2010. С. 242-243.
- Мельников, 1999** – *Мельников Ф.Е.* Краткая история древлеправославной (старобрядческой) церкви. Барнаул, 1999. 557 с.
- Миловидов, 1969** – *Миловидов В.Ф.* Старобрядчество в прошлом и настоящем. М., 1969. 125 с.
- Миненко, 1991** – *Миненко Н.А.* Русская крестьянская община в Западной Сибири XVIII – первой половины XIX веков. Новосибирск: НГУ, 1991. 265 с.
- О порядке..., 2010** – О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов // История государственно-конфессиональных отношений в России (X – начало XXI веков): Хрестоматия. Часть I. X – начало XX вв. М.: Изд-во РАГС, 2010. С. 243-251.
- Пороховщиков А., 1905** – *Пороховщиков А.* Чем победили старообрядцы? М., 1905. 12 с.
- Право, 1905** – *Право*. 1905. 1 мая. Стб. 1354-1357.
- Рейснер, 1905** – *Рейснер М.А.* Государство и верующая личность: Сборник статей. СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1905. 423 с.
- Сафонов, 2017** – *Сафонов А.А.* Государство и конфессии в позднеимперской России: правовые аспекты взаимоотношений. М.: Изд-во "Проспект", 2017. 352 с.
- СЗРИ** – Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. X. Ст. 33.
- СЗРИ** – Свод законов Российской империи. СПб., 1900. Т. XIV. Ст. 36.
- СЗРИ** – Свод законов Российской империи. СПб., 1900. Т. XV. Ст. 206.
- Смирнов, 1905** – *Смирнов П.С.* Новый пересмотр узаконений о правах раскольников // *Христианское чтение*. 1905. №2. С. 215-236.
- Тихомиров, Епифанов, 1961** – *Тихомиров М.Н., Епифанов П.П.* Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во МГУ, 1961. 414 с.
- Уложение, 1867** – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, с приведением статей других томов Свода законов, на которые сделаны ссылки и указания в этом уложении. М.: Типография Шюман и Глушкова, 1867. 623 с.
- Чичинадзе, 1899** – *Чичинадзе Д.В.* Сборник законов о расколе и сектантах, разъясненных решениями Правительствующего сената. СПб, 1899. 166 с.
- Чтения, 1914** – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1914. Кн. 1. 968 с.

References

- Akty, 1836** – Akty sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiiskoi Imperii arkhograficheskoiu ekspeditsiiu imperatorskoi akademiei nauk [Acts collected in libraries and archives of the Russian Empire by the archaeological expedition of the Imperial Academy of Sciences]. Т.4: 1645-1700. SPb. 1836. 500 p. [in Russian]
- Androshchuk, 2016** – *Androshchuk V.V.* (2016). Prestupleniia protiv religii po zakonodatel'stvu Rossii kontsa XIX – nachala XX v. [Crimes against religion under Russian law of the late XIX-early XX centuries]: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni k. iu. n. M. 29 p. [in Russian]
- Barsov, 1885** – *Barsov T.S. (sost.)* (1885). Sbornik deistvuiushchikh i rukovodstvennykh tserkovnykh i tserkovno-grazhdanskikh postanovlenii po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniia [Collection of existing and rukovodstvom the ecclesial and ecclesio-civil decrees on Department of Orthodox confession]. Т. 1. SPb. XX, 663, CLXXVIII p. [in Russian]
- Bobrishchev-Pushkin, 1902** – *Bobrishchev-Pushkin A.M.* (1902). Sud i raskol'niki-sektanty [The Court and the dissenters sects]. SPb.: Senatskaia Tipografiia. 207 p. [in Russian]
- Chichinadze, 1899** – *Chichinadze D.V. (1899)*. Sbornik zakonov o raskole i sektantakh, raz'iasnennykh resheniiami pravitel'stviushchego senata [Chichinadze Collection of laws about the division and sects, explained by the decisions of the governing Senate]. SPb, 166 p. [in Russian]
- Chteniia, 1914** – *Chteniia v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete* [Readings in Society of history and Russian antiquities under the Moscow University]. 1914. Kn. 1. 968 p. [in Russian]
- Ershova, 1999** – *Ershova O.P.* (1999). Staroobriadchestvo i vlast'. М.: Unikum-Tsentr, 1999. 204 p. [in Russian]
- ГААК** – Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia [State archive of the Altai territory].
- ГАТО** – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State archive of Tomsk region].

- Gonenii, 1878** – Gonenii na raskol v Zapadnoi Sibiri [The persecution of the split in Western Siberia]. *Nedelya*. 1878. № 38. pp. 1234-1237. [in Russian]
- Il'in, Marakulin, 2016** – *Il'in V.N., Marakulin D.A.* (2016). Gosudarstvenno-pravovoe reshenie staroobriadcheskogo voprosa v Rossiiskoi Imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [State-legal solution to the old believer question in the Russian Empire in the second half of XIX – early XX century]. *Altaiskii yuridicheskii vestnik*. № 3. pp. 7-12. [in Russian]
- Kartsov, 1971** – *Kartsov V.G.* (1971). Religioznyj raskol kak forma antifeodal'nogo protesta v istorii Rossii [Religious split as a form of anti-feudal protest in the history of Russia]. Ch.1. Kalinin. 159 p. [in Russian]
- Koni, 1905** – *Koni A.F.* (1905). Sudebnye rechi [Court speeches]. SPb 1905. 808 p. [in Russian]
- Kurs, 1871** – Kurs russkogo ugovonnogo prava [The Course of Russian criminal law]. Lokhvitskii A., d-r prav. 2-e izd., ispr. i dop. SPb.: Skoropechatnia Iu.O. Shreiera, 1871. 714 p. [in Russian]
- Kuvaitsev, 1886** – *Kuvaitsev N.* (1886). Novye zakony o raskol'nikakh [New laws on dissenters]. *Yuridicheskii vestnik*. T. XXI, Kniga 4, aprel'. № 4. pp. 716-38. [in Russian]
- Mamsik, 1987** – *Mamsik T.S.* (1987). Krest'yanskoe dvizhenie v Sibiri vtoroj chetverti XIX v [The peasant movement in Siberia in the second quarter of the XIX century]. Novosibirsk. 268 p. [in Russian]
- Manifest, 2010** – Manifest ob usovershenstvovanii Gosudarstvennogo poryadka. Istoriya gosudarstvenno-konfessional'nykh otnoshenij v Rossii (X – nachalo XXI veka): khrestomatiya. Chast' I. X-nachalo XX v [Manifesto on improvement of State order. History of state-confessional relations in Russia (X-beginning of XXI century): reader's house. Part I. X-the beginning of XX century]. M., 2010. pp. 242-243. [in Russian]
- Mel'nikov, 1999** – *Mel'nikov F.E.* (1999). Kratkaia istoriia drevlepravoslavnoi (staroobriadcheskoi) tserkvi [The brief history of the old orthodox (old believers) church]. Barnaul, 557 p. [in Russian]
- Milovidov, 1969** – *Milovidov V.F.* (1969). Staroobriadchestvo v proshlom i nastoiashchem [Old believers in the past and present]. M., 125 p. [in Russian]
- Minenko, 1991** – *Minenko N.A.* (1991). Russkaya krest'yanskaya obshhina v Zapadnoj Sibiri XVIII-pervaya polovina XIX veka [The Russian peasant community in Western Siberia in XVIII – first half of XIX century]. Novosibirsk: NGU, 265 p. [in Russian]
- O poryadke..., 2010** – O poryadke obrazovaniya i dejstviya staroobriadcheskikh i sektantskikh obshhin i o pravakh i obyazannostyakh vkhodyashhikh v sostav obshhin posledovatelej staroobriadcheskikh soglasij i otidelivshikhysya ot pravoslaviya sektantov [About the order of education and action of old believer and sectarian communities and about the rights and duties of the followers of old believer agreements who are the part of communities and the sectarians who were separated from Orthodoxy]. Istoriya gosudarstvenno-konfessional'nykh otnoshenij v Rossii (X-nachalo XXI veka): khrestomatiya. CHast' I. X-nachalo XX v. [History of the state and confessional relations in Russia (X – the beginning of the XXI Part I. X-the beginning of XX century)]. M.: Izd-vo RAGS, 2010. pp. 243-251. [in Russian]
- Reisner 1905** – *Reisner M.A.* (1905). Gosudarstvo i veruiushchaia lichnost': Sbornik statei [The State and religious identity: Collection of articles]. SPb.: Tipografii t-va "Obshchestvennaia Pol'za", 423 p. [in Russian]
- Safonov, 2017** – *Safonov A.A.* (2017). Gosudarstvo i konfessii v pozdneimperskoi Rossii: pravovye aspekty vzaimootnoshenii [The state and confessions in late Imperial Russia: legal aspects of relations]. M. Izd-vo "Prospekt", 352 p. [in Russian]
- Smirnov, 1905** – *Smirnov P.S.* (1905). Novyi peresmotr uzakonenii o pravakh raskol'nikov [New revision of the laws on the rights of the schismatics]. *Khristianskoe chtenie*. №2. pp 215-236. [in Russian]
- SZRI** – Svod zakonov Rossiiskoi imperii [Collection of laws of the Russian Empire]. SPb., 1857. T. X. St 33. [in Russian]
- SZRI** – Svod zakonov Rossiiskoi imperii [Collection of laws of the Russian Empire]. SPb., 1900. T. XV. St. 206. [in Russian]
- SZRI** – Svod zakonov Rossiiskoi imperii [Collection of laws of the Russian Empire]. SPb., 1900. T. XIV. St. 36. [in Russian]
- Tikhomirov, Epifanov, 1961** – *Tikhomirov M.N., Epifanov P.P.* (1961). Sobornoe ulozhenie 1649 goda [The sobornoye ulozheniye of 1649]. M.: Izd-vo MGU, 414 p. [in Russian]
- Ulozhenie, 1867** – Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh, s privedeniem statei drugikh tomov Svoda zakonov, na kotorye sdelany ssylki i ukazaniia v etom ulozhenii [The penal Code and criminal corrections, bringing the articles to other volumes of the laws, to which reference is made, and specifying the the code]. M.: Tipografiia Shiuman i Glushkova, 1867. 623 p. [in Russian]
- Volkov, 1910** – *Volkov N.E.* (1881-1894). Ocherk zakonodatel'noi deiatel'nosti v tsarstvovanie imperatora Aleksandra III. 1881-1894 gg. [Essay on the legislative activities during the reign of Emperor Alexander III. 1881-1894 gg.]. SPb.: Tipografiia A. F. Shtol'tsenburga, 1910. IX, 372 p. [in Russian]
- Vvedenskii, 1912** – *Vvedenskii A.* (1912). Deistvuiushchie zakonopolozheniia kasatel'no staroobriadtsev i sektantov [Current regulations regarding old believers and sectarians]. Odessa. 205 p. [in Russian]

Правовое положение старообрядцев в контексте законодательных инициатив Российской империи в последней трети XIX – начале XX вв.

Петр Константинович Дашковский ^{a, *}, Всеволод Николаевич Ильин ^b

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

^b Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Российская Федерация

Аннотация. В статье подробно анализируются правовые основы, а также некоторые архивные документы, отражающие деятельность старообрядцев в системе государственно-конфессиональных отношений Российской империи во второй половине XIX в. Основное внимание уделено анализу изменения положения старообрядцев в связи с принятием ряда законов в последней трети XIX – начале XX вв. Несмотря на внешнюю либеральность законов указанного периода, в целом они носили половинчатый и ограниченный характер и фактически не давали старообрядцам широких гражданских и религиозных свобод, на которые они рассчитывали. В рассматриваемый период государство по-прежнему пыталось решить «старообрядческий вопрос», но преимущественно через интеграцию старообрядчества с государственной Русской православной церковью. Однако в действительности это фактически означало бы подчинение последней и стирание конфессиональной специфики старообрядчества. В то же время новые правовые постановления имели и некоторые положительные моменты, поскольку уже не предусматривали запретного или тем более карающего характера. Законодательные постановления 1874 г. и 1883 г. фактически демонстрировали, что государство покровительствует и одинаково охраняет личные гражданские права старообрядцев, как и других своих подданных, но при этом подчеркивалось, что власть не признает в «раскольнических» толках особенного законного сословия.

Ключевые слова: старообрядчество, государственная религиозная политика, Российская империя, право.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dashkovskiy@fpn.asu.ru (П.К. Дашковский), vse-ilin@mail.ru (В.Н. Ильин)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1243-1255. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1243
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Idea of the Siberian University and Regionalism in the Letters of N.M. Yadrintsev to V.M. Florinsky (1876–1882)

Sergei F. Fominykh ^{a,*}, Aleksei O. Stepnov ^a, Olga V. Natolochnaya ^{b,c}

^a National Research Tomsk State University, Russian Federation

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article deals with the letters of one of the Siberian regionalism founders N.M. Yadrintsev to V.M. Florinsky (known as the organizer of the Tomsk University), written during the period from 1876 to 1882. At this time the question of choosing a city for the first Siberian University was solving. The Omsk city Duma has proposed their city as a University in 1876. N.M. Yadrintsev, who was serving as an official in Omsk during this period, in several letters presented a bleak panorama of the climatic, architectural, infrastructural, criminogenic condition of this city.

N.M. Yadrintsev and V.M. Florinsky acted as associates in the question of the choosing of Tomsk as a city for the first University in the macro-region, as well as in total devotion to the idea of the Siberian University. At the same time we meet not the most flattering opinions in memoirs of Florinsky about his correspondent.

The authors find the implications of this "unity of contradictions" in the features political, national-identical word usage of this period. This is done on the materials of office documentation, sources of personal origin, periodical press. Both heroes of the study, inspired by the idea of the Siberian University, appealed to such concepts as "patriotism", "homeland", "country" and a number of other categories of national self-determination. At the same time the analysis of the semantic contents, that Florinsky and Yadrintsev put into these words, in the context of the evolution of their national-political opinions leads us to the conclusion about the conceptual transgression, heterogeneity of their political vocabulary and, as a consequence, about the deep contradiction in the views of the two heroes, and more widely – two currents of social and political thought of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries.

The combination of these contradictions has led to the impossibility of coexistence in the first Siberian University "mental" space of Florinsky as a conservative statesman and Yadrintsev as a regionalist. Hence there was the alienation of the representatives of the Siberian regionalism, in particular N.M. Yadrintsev, from the Imperial Tomsk University.

Keywords: Tomsk University, Siberian regionalism, N.M. Yadrintsev, V.M. Florinsky, conceptual transgression, national identity.

1. Введение

В 1875 г. в Санкт-Петербурге состоялась встреча двух людей, имена которых исторически связаны знаковым для Сибири событием – созданием первого в этом макрорегионе университета. Произошла она не ранее 25 апреля, когда император, ознакомившись с ходатайством о Сибирском университете, поданным Н.Г. Казнаковым при назначении его на пост генерал-губернатора Западной Сибири, признал предложение «вполне уважительным и в неизменной своей милости к

* Corresponding author

E-mail addresses: sergei.fominykh1940@mail.ru (S.F. Fominykh)

верноподданной Сибири» велел министру народного просвещения Д.А. Толстому высказать в связи с этим свои соображения. Один из участников петербургской встречи отмечал: «С этого момента вопрос о Сибирском университете из области предположений перешел на почву действительного осуществления» (Флоринский, 1880: 250). Данные слова принадлежат В.М. Флоринскому (1834–1899). С тех пор он, профессор по кафедре акушерства и гинекологии Медико-хирургической академии, член ученого комитета Министерства народного просвещения, «находился в наиболее близких отношениях к Томскому университету» (Флоринский, 1875–1880: 97). Мы помним В.М. Флоринского как первого попечителя Западно-Сибирского учебного округа, устроителя университета в г. Томске, ученого и чиновника, принявшего наиболее деятельное участие в реализации этой идеи, впервые высказанной в 1803 г.

Другой участник встречи, Н.М. Ядринцев (1842–1894), в конце предыдущего, 1874-го, года через посредничество М.К. Сидорова был представлен Н.Г. Казнакову, т.е. незадолго до назначения последнего. «Он совершенно очаровал меня, – вспоминал Ядринцев, – <...> “Скажите, что я могу сделать для Сибири”, спрашивал он. <...> я просил позволения представить ему записки и проекты по главным вопросам, между прочим, о ссылке, с программой сведений, какие необходимо собрать о современном положении ссылки и по истории вопроса о сибирском университете. Мысль об университете живо заинтересовала генерал-губернатора Казнакова» (Лемке, 1904: 102). На протяжении нескольких недель, по мере подготовки, Ядринцев передавал записки Казнакову. «Каждый раз наши беседы становились продолжительнее», – писал Николай Михайлович. Новость о соизволении императора он узнал именно от Н.Г. Казнакова.

Будучи вскоре после этого в Петербурге, Н.М. Ядринцев посетил В.М. Флоринского, которому представил проект «Общества для основания университета в Сибири» с рукописными пометками. Ядринцев хотел, чтобы с документом ознакомился министр народного просвещения. Флоринский же вспоминал: «Прочитав их, я тотчас сказал г. Ядринцеву, что проект его неуместен и не осуществим и что я считаю неудобным говорить об этом г. министру». И далее: «На этом дело остановилось» (Флоринский, 1875–1880: 100).

Копия нереализованного проекта долгое время хранилась в портфеле В.М. Флоринского. В своих речах, произнесенных как при закладке (26 августа 1880 г.), так и при открытии Императорского Томского университета (22 июля 1888 г.), давая обзор пути к созданию вуза, он не упомянул имен ни Н.М. Ядринцева, ни других идеологов сибирского областничества.

В современном сибиреведении проблема роли областников в создании первого сибирского университета, учрежденного в 1878 г., сохраняет свою актуальность. Неразделенность «интеллектуальной собственности» на проект идейного фундамента университета в Сибири по-прежнему требует исследования в отдельных аспектах.

Мы сфокусируем внимание на взаимоотношениях двух людей, противоречие между которыми контрастно выделяется на фоне их общего стремления к созданию сибирского центра научно-просветительской мысли. Анализируя дискурсы, отражающие национально-политическую идентичность Н.М. Ядринцева и В.М. Флоринского, мы увидим, что выраженные подчас одними и теми же понятиями они лишь создавали иллюзию общности видения миссии государства, патриотизма, родины – тех понятий, которые лежали в основе университетской идеи.

2. Материалы и методы

Несмотря на то что на этапе строительства областники оказались в некотором роде отстранены от непосредственного участия в реализации университетской идеи, тот же Н.М. Ядринцев не оставил своего морального участия в этом деле. Это, в частности, нашло отражение в 10-ти его рукописных посланиях (с 1876 по 1882 гг.) В.М. Флоринскому, которые в настоящей статье впервые вводятся в научный оборот. Письма, хранящиеся в Национальном музее республики Татарстан, имеют пометки адресата. По словам Флоринского, на последнее письмо Ядринцева от 29 октября 1882 г. он не ответил. «С тех пор, – вспоминал Василий Маркович, – наша переписка совсем прекратилась» (Флоринский, 1875–1880: 103).

Заметим, что с 1 января 1876 г. и вплоть до 1881 г. Н.М. Ядринцев служил в Омске: секретарем Акмолинского областного тюремного управления, и.о. столоначальника в Главном управлении Западной Сибири, временно и.д. младшего штатного чиновника особых поручений. В этот же период он дважды (в 1878 и 1880 гг.) побывал с экспедициями на Горном Алтае (Шиловский, 2007: 347).

В противовес анализу ответных посланий В.М. Флоринского, которые, вероятнее всего, могли не сохраниться, на материалах источников личного происхождения, периодической печати, делопроизводственной документации мы реконструируем взгляды двух героев исследования с точки зрения единомыслия и, с другой стороны, конфликтного аспекта столкновения государственно-областнического начал на поле претворения в жизнь идеи сибирского университета. Это позволит нам рассмотреть данный диалог в более широком историческом контексте и актуализировать проблему предпосылок взаимного отчуждения двух людей, преданных одной идее и стремившихся к одной цели.

В основе исследования лежат традиционные методы исторического исследования (сравнительно-исторический анализ, биографический метод и т.д.). Ключевое положение статьи, однако, разработано методом деконструкции предлагаемых вниманию текстов писем Н.М. Ядринцева: выделения узловых для политического мировоззрения автора элементов (понятий) и дальнейшего внедрения их в более широкий контекст эволюции взглядов одного из основателей сибирского областничества и истории общественно-политической мысли России второй половины XIX в. Это позволило нам за внешним тактом взаимоотношений Н.М. Ядринцева и В.М. Флоринского увидеть конфликтное напряжение, не прервавшееся и после смерти наших героев.

3. Обсуждение

Роль областников в деле реализации идеи первого в Сибири университета неоднократно освещалась в литературе. Эта тема рассматривалась в монографии А.М. Сагалаева и В.М. Крюкова (Сагалаев, Крюков, 1991), совместной статье И.Н. Гемуева и С.А. Гущиной (Гемуев, Гущина, 2002), работе С.В. Селиверстова (Селиверстов, 2011), исследованиях С.А. Некрылова (Некрылов, 2007; Некрылов, 2010) и совместной статье этого автора с С.Ф. Фоминых (Некрылов, Фоминых, 2011) и т.д. Университетский вопрос в контексте зарождения и эволюции сибирского областничества нашел свое отражение в работах М.В. Шиловского (Шиловский, 2007; Шиловский, 2008).

Предметом исследований и публичных обсуждений обозначенная проблема стала еще в конце XIX – начале XX вв. Так, тот же Н.М. Ядринцев посвятил первому сибирскому университету страницы своей книги «Сибирь как колония», впервые вышедшей в 1882 г. (Ядринцев, 1882). Заслуживает внимания и фельетон Г.Н. Потанина из газеты «Сибирская жизнь» (Потанин, 1906), написанный в ответ на публикацию заметок и воспоминаний В.М. Флоринского в 1906 г.

Так или иначе, сегодня мы можем признать, что если В.М. Флоринский как администратор проявил деятельное участие в открытии университета, когда вопрос этот решался во властных структурах, то областники, прежде всего Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин, подготовили идейный фундамент для его окончательного решения. В 1860–1870-е гг. они посредством лекций и публицистики пропагандировали идею сибирского университета, отстаивая его статус не только как образовательного учреждения, но и научно-просветительского центра края (Некрылов, Фоминых, 2011).

В настоящей статье мы рассмотрим иной уровень: конфликт и солидарность вокруг идеи сибирского университета, с которой связывали свои оппозиционные мировоззренческие установки Н.М. Ядринцев и В.М. Флоринский.

4. Результаты

Н.М. Ядринцев, при жизни имевший репутацию «великого радетеля» и «печальника» Сибири, насколько мы можем судить, не питал иллюзий относительно внутренней жизни и нравственных устоев края. Проведя детство в Тобольске, Тюмени, Томске, узнав с того времени купеческие нравы через знакомых отца, свой опыт и наблюдения в дальнейшем он положил в основу фельетонов и статей (Шиловский, 2007: 338). Злоупотребление властью, «повсеместный грабеж народа», тотальное невежество, карты и «ярмарочные шинки», «самодурство» купцов и произвол «наезжего» чиновничества – таковы нервные узлы современной для нашего героя Сибири. Отсюда вытекает и фундаментальный принцип его просветительской деятельности: ориентация на внутренние, эндогенные ресурсы в цивилизаторском освоении макрорегиона через повышение уровня культуры и образования местного населения. Не только в создании новых школ «с частной инициативой», развитии местной сети книжных магазинов и типографий, но прежде всего в идее университета видел Н.М. Ядринцев «будущность» региона. «Пора сознать сибирскому обществу, – писал он, – что образование и цивилизация состоят не исключительно в наружном блеске, не в нарядах и рысаках, не в паркетном полотерстве, не в шампанском и игре по большой в стуколку, а в приобретении знаний, которые дает только университет!» И далее: «Пусть же сибирское общество те деньги, которое оно тратит на эти вещи, жертвует в пользу университета» (Ядринцев, 1864: 9).

Согласно воззрениям Н.М. Ядринцева, Сибирь как цивилизацию еще предстояло создать. В этом историческом творчестве приоритет он отдавал интеллектуальным силам. Идея сибирского университета, таким образом, корнями уходила в мировоззрение Ядринцева и была тесно связана с делом его жизни – областничеством. Во многом мы можем признать, что немалое значение она имела и для В.М. Флоринского. Разница, однако, фундаментальна, что нам и предстоит показать.

Для государственника и консерватора В.М. Флоринского мысль о развитии Сибири собственными средствами сама по себе представлялась утопичной. Не без иронии снисходительно называя Ядринцева «юным мечтателем», он отмечал в своих воспоминаниях: «Автору казалось, что университет – такое простое дело, что оно может быть осуществлено сибирским патриотизмом без материального содействия правительства» (Флоринский, 1875–1880: 99).

Как бы то ни было, в 1876 г. оба героя были вдохновлены предстоящим проектом. Схожим образом они отреагировали и на слух, разнесенный газетными и частными сообщениями относительно того, что под давлением Казнакова, первоначально ратовавшего за Томск и затем

изменившего свое мнение, «сибирский университет проектируется устроить в Омске». 3 августа Омская городская дума приняла решение отвести место под университет около крепости. Оно включало в себя вал, часть площади и рвы. В своем письме В.М. Флоринскому, отправленному вскоре после этого, Николай Михайлович писал: «Все убеждает, что выбор Омска – величайшая ошибка. <...> города Восточной Сибири смущены и негодуют, так что университет едва ли будет пользоваться симпатиями и популярностью и никого не привлечет – Омск хочет жить грабежом! Говорите о Томске. Непреклонно...» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-822. Л. 100-100 об.).

Так начиналась история их борьбы за урбанистическое пространство для сибирского университета, которая дала повод В.М. Флоринскому и Н.М. Ядринцеву выступить единомышленниками. Как известно, первым университетским городом в Сибири был избран Томск. Однако этот выбор предстояло еще защитить. В 1876–1877 гг. омский чиновник Н.М. Ядринцев посвятил данному вопросу несколько рассматриваемых писем.

Из текстов его посланий складывается впечатление, будто все мрачные стороны повседневной действительности сибирских городов для Н.М. Ядринцева нашли наибольшую концентрацию в Омске. В письме от 8 июня 1877 г., не оставляя надежды увидеть университет в Томске, он спрашивал у своего корреспондента: «Есть ли надежда еще отстоять это дело или все уже пропало и Сибирский университет – погиб?» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 553 об.). В этом городе Н.М. Ядринцев провел 2 года тюрьмы в связи с делом «Общества независимости Сибири» (во второй половине 1860-х гг.). Сюда он вернулся, как уже было отмечено, в начале 1876 г.

Омск, основанный как крепость в 1716 г., располагается в степной местности. «Голая степь» и «отсутствие растительности» поражало Н.М. Ядринцева своим «унынием». Лето здесь то и дело сопровождалось засухой, зима – буранами. В первый год государственной службы в Омске Ядринцев писал Флоринскому: «В середине лета обыкновенно здесь эпидемии.<...> Как всегда громадная смертность на детей до года, почему я трепещу за своего ребенка. Доктор Соколов сообщал моему знакомому, что уберечь здесь ребенка часто невозможно. <...> Должно быть, от перемены места и от сухого степного воздуха я сам чувствовал себя чрезвычайно дурно, мучили головные боли, к этому присоединилась подавляющая тоска, навеянная унылой голой местностью и казенным характером этой станицы. Я ничего не мог делать и доходил до меланхолии...» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 541-541 об.). Ядринцев отмечал, что по прибытии он «с первого дня начал испытывать все жизненные удобства, представляемые этим городом». Упомянул он о «скверной воде», которую здесь «не берут и для чая» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-822. Л. 99 об.).

Не большее воодушевление, судя по всему, вызывал и стержневой атрибут любого города – архитектура. Перед глазами приезжих Омск открывал «казенные постройки с убогими одноэтажными домиками». Основную постройку города составляли деревянные бараки. Даже для военной гимназии, отмечал Н.М. Ядринцев, не доставало кирпичей. Данный фактор неминуемо затрагивал другую важную проблему, связанную с квартирным вопросом, который с особой остротой встал бы в период наплыва студентов и переезда профессорско-преподавательского состава в новый университетский город. В 1876 г. даже не все местные служащие могли приобрести достойное жилье. Роскошью и элементарным удобством не отличались и дома немногочисленных купцов. Для высших военных и некоторых штабных чинов предусматривались квартиры в упомянутой крепости. Все большие квартиры в одноэтажных «неприглядного казенного фасада домах» были заняты местными чиновниками. В письме от 1 августа 1876 г. Н.М. Ядринцев отмечал: «Если бы для генерал-губернатора не был построен особенный каменный дом, ему бы не было, где занять квартиру» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 538-538 об.). С квартирной проблемой столкнулся в Омске и сам Ядринцев: сначала ему с женой и ребенком пришлось снимать жилье у смотрителя замка во «вросшем в землю домике» с «провалившимися полами», а позднее удалось отыскать три комнаты у отставного офицера. Здесь в зимнее время он отдавал свой кабинет под детскую, а сам «жил в прихожей».

Вероятно, письмо В.М. Ядринцева послужило материалом для заметки «Пригоден ли Омск для университета?» в газете «Новое время» (1876 г.). Скорее всего, не обошлось без участия В.М. Флоринского. В 1903 г. эта публикация вошла в книгу «Статьи и речи Василия Марковича Флоринского» (Флоринский, 1876). В качестве примечания заметим, что в «Новом времени» заметка была опубликована анонимно. Автор предпочел подписаться как «старый сибиряк» (Омск, 1876). При этом рассматриваемое письмо Н.М. Ядринцев завершил следующей просьбой: «Не сделаете ли извлечение для “Нового времени”?» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 547 об.). Учитывая тот факт, что В.М. Флоринский в силу ряда причин едва ли мог анонимно публиковаться в газете, а также то, что заметка из «Нового времени» местами буквально повторяет текст упомянутого письма, мы можем предположить, что в указанный сборник она вошла по ошибке.

Так или иначе, автор этой публикации посвятил свои мысли жилищным условиям в Омске для будущих профессоров университета: «Холостой профессор может еще найти какую-нибудь хижину, в две-три комнаты, у отставного солдата или чиновника; но семейный человек этим удовлетвориться не может. При здешнем климате, постройка домов так плоха, что жить в них с детьми значило бы обрекать их на верную гибель» (Флоринский, 1876).

Нашел отражение в письмах Н.М. Ядринцева и вопрос об омской инфраструктуре, в т.ч. и культурной, что для интеллектуального центра должно было иметь первостепенное значение. В Омске, впрочем, был театр, деньги на постройку которого собирали с местных купцов. Однако Ядринцев не испытывал оптимизма в этой связи: «Театр никогда не давал достаточного дохода. Многим при всем желании ходить не на что. У большинства чиновников даже главного управления ничтожное жалование по старым штатам» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 543).

Непросто было удовлетворить в Омске и более приземленные потребности. Так, в городе отсутствовали мебельные мастерские: все нуждающиеся в мебели должны были обращаться к арестантам или продавцам местной «толкучки у причала». Заказывать мебель из Петербурга было достаточно накладно, и позволить это могли себе лишь высокопоставленные чиновники. В одном из писем Н.М. Ядринцев привел данные о высоких ценах на предметы мебели, которую предлагали столяры или отъезжающие чиновники. «Чиновничеству выжидает и ищет случаев поживиться при продаже», – писал он (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 590).

Упомянул Николай Михайлович и о местном «гошпитале», открытие которого сопровождалось «обедом и пиром», «роскошью яств и елеем питий». Через полгода после этого, однако, ему потребовался ремонт. «Здания деревянные все, – делился своими наблюдениями Ядринцев, – это сараи при морозах продуваемые, полы прямо лежат на земле, сейчас же начали гнить, обнаружилась сырость. <...> Гражданская больница старая еще хуже этой» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 546 об.). В вышеупомянутой статье из «Нового времени» мы читаем: «В последнее время выстроили несколько казенных домов, а именно: женское училище, почтамт, контроль, телеграф, что уже дало повод кричать: “Город обстраивается!” На самом деле – это ничтожные постройки в виде второклассных деревянных станций по железным дорогам, выведенные по казенному образцу и выкрашенные желтой охрой» (Омск, 1876).

С точки зрения Ядринцева, трудности для будущих абитуриентов должно было вызвать и пароходное сообщение с Омском, до которого из Тюмени ходили только буксирные, но не пассажирские судна. В письме от 8 июня 1877 г. он отмечал: «К Омску никаких удобств прохода нет, и он не заменит удобного пароходного сообщения между Томском, Тобольском и Тюменью, где часто хозяева пароходов провозят учащуюся молодежь даром, так как имеют барыши от другого» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 552). Ядринцев находил, что неудобства в переезде будущих студентов из Туркестана, Перми, Оренбурга, Ташкента будут иметь роковой характер для университета. «Для кого же университет остается, для киргиз Акмолинской области?» – задавался он вопросом (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 552 об.).

Озабоченность у Н.М. Ядринцева вызывали чиновничий и военный произвол, а также сопутствующие этому нравы. «Большинство здесь, – писал он об омских чиновниках, – жило взятками и игрой» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 590 об.). Даже общественная жизнь, которой Н.М. Ядринцев как сторонник органического развития региона отводил особое место, по его словам, приняла характер «получиновничья, полусолдатский». «Омск, – подчеркивал он, – есть собрание всевозможного начальства, офицерства и чиновничества, но при отсутствии подчиненных» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 542 об.). Солдатские и казачьи слободы были раскинута по окраинам города (т.н. центр «немногим отличался от хорошего села»). В эти окраинные лагеря был переведен городской клуб, куда «за три версты» ходили штатские чиновники, а также, как замечал Ядринцев, «дамы для господ офицеров» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 541 об.). «Гражданские чиновники, – добавлял он, – здесь в загоне и подчинены военным» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 545).

По всей видимости, «независимость» в этом городе мог позволить себе редкий государственный служащий, в то время как большинство едва находило силы противостоять влиянию среды. Пьянство местных чиновников нередко осуществлялось в долг, из-за чего буфетчик при гостинице вынужден был одно время прекратить торговлю. Ядринцев писал о том, что при предшественнике Казнакова на посту генерал-губернатора А.П. Хрущеве «гражданские чины при представлениях ставились на улицу рядом с почетным караулом». Он также отмечал: «Вошло в обязанность, что всякий принятый на службу обязан сделать особый визит генерал-губернаторше, т.е. совершить поклонение под угрозой опалы. Этот местный этикет, который обязан был исполнить и я. Мне сказали, что это я должен сделать во избежание неприятностей, и я являлся к Madame K. как к начальнику. <...> Я вез жену не для лакейства, не для холуйства. В такие условия станут, конечно, и будущие господа профессора в Омске с их семьями. Иначе сплетни, гонения и неприятности по службе» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 544 об.). Эти факты заставили Ядринцева усомниться в том, что близость к «генерал-губернатору» создаст для университета «спокойствие».

Заслуживают внимания в этом контексте характеристики двух омских чиновников, которым в Петербурге предстояло ратовать за университетский выбор в пользу Омска. В письме 1877 г. Ядринцев следующим образом описывал главного инспектора училищ Западной Сибири, действительного статского советника А.П. Дзюбу: «Выдержанный и хитрый иезуит, тихий и скрытый, вероятно, он будет сдержан в комиссии. В последнее время он уверял многих, что он в сущности не убежден в преимуществах Омска, но должен защищать, ибо желает этого начальство». Менее милосердным было

его описание вице-губернатора Акмолинской области М.Н. Курбановского. Хотя Ядринцев признал за ним исполнительность, остроумие и красноречие («говорун»), однако, по его мнению, этот чиновник отразил в себе типические черты своей корпорации: «Жизнь в Сибири и особенно в чиновной среде при Хрущеве обработали его до потери человеческого образа. Он беспрестанно пил, играл в карты, был бит в Тобольске по физиономии, управляемая им часть известна своим взяточничеством ныне. Чтобы отличаться и достигнуть своей цели он не пощадит ничего, наглость и лганье, продажность составляют главную его черту» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 563).

«Гоголевская панорама» Омска получила свое завершающее обрамление в криминальном аспекте. По статистике за 1875 г., приведенной Ядринцевым в письме Флоринскому от 8 июня 1877 г., в Акмолинской губернии на 558 жителей приходилось одно преступление. По этому параметру данный регион был на первом месте в сравнении с Тобольской и Томской губерниями, Семипалатинской областью (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 551). С позиции идеолога областничества данное обстоятельство опровергло аргумент о том, что Омск, в котором ссылка была остановлена с 1868 г., представлял собой более безопасное место в сравнении с Томском, и в 1870-х гг. сохранявшим статус одного из центров сибирской ссылки.

Для того чтобы прояснить этот вопрос, который, разумеется, в дальнейшем встал при принятии решения о выборе университетского города, Ядринцев в своих посланиях к Флоринскому апеллировал к общей преступной обстановке, которая, по всей видимости, сопутствовала депрессивной повседневности Омска. Ссылынные располагались в поселениях непосредственной близости от города. Являться в столицу Акмолинской губернии им не запрещалось, чем, вероятно, многие не преминули воспользоваться (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 562). Упомянул Ядринцев, к примеру, о «разбойничьей лютеранской колонии латышей» в Еланской волости (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 550 об.). Не оставил он своим вниманием и квартал Кучугур: здесь собирались городские бездомные. Мы уже отмечали, что окраина была разделена на кварталы и слободы. Ядринцев подчеркивал, что на пустырях между ними происходили «нападения и грабежи солдатами местных батальонов, ссылными, выпускаемыми из острогов, и бродягами» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 538 об.). Негативно отозвался он и о работе омской полиции: «Нет возможности водворить какую-нибудь безопасность. Если в Томске иногда совершают преступления ссылные, то в Омске к этому присоединяются еще солдаты и разный пролетариат, не имеющий средств и занятий в казенном городе». В письме от 1 августа 1876 г. Ядринцев писал: «Несколько дней назад здесь убиты два семейства» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 539).

Мы не ошибемся, если скажем, что реализации всякого масштабного дела должно предшествовать проектирование интеллектуальное, связанное и с духовным наполнением абстрактной идеи. Не иначе как банальным будет выглядеть и утверждение, согласно которому лишь подготовленная почва дает всходы. Быть может, именно в неблагоприятном урбанистическом аспекте Н.М. Ядринцев видел возможный конец той идеи, которая только готовилась к реализации.

Николай Михайлович в своих письмах не только дал развернутую характеристику климатического, архитектурного, инфраструктурного, криминогенного состояния Омска, но и облек это место в ряд образных конструкций: «город между двумя стульями», «ловушка», «центр без органов, голова без туловища». «Вы видите, – писал он Флоринскому, – в какую лужу и в какое гнездо может попасть сибирский университет» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 547).

В упомянутой заметке из «Нового времени» также прогнозировались не лучшие времена для университета в связи с материальными условиями и нравственной атмосферой Омска, где «человек науки цениться не может» (Омск, 1876). Выбор в пользу Томска здесь преподносился как более выигрышный. Кем бы ни был автор этого «призрачного» материала, мы не ошибемся, если хотя бы отчасти припишем представленные в нем мнения В.М. Флоринскому. Хотя в своих воспоминаниях последний указывал, что, принимая Ядринцева «за человека увлекающегося и склонного к пессимизму», усмотрел в его характеристике Омска «слишком густые тени», тем не менее письмо произвело на него «тяжелое впечатление». «Что это за будущий университетский город, – писал В.М. Флоринский, – в котором открыто грабят на улицах среди белого дня, где почти невозможно найти порядочную квартиру или приобрести мебель, где цех мастеровых сосредотачивается только в руках арестантов, одним словом, где нет самых элементарных условий городской культурной жизни. Сам я не был в Омске и не могу судить о нем по личным впечатлениям, но отовсюду слышу, что это не столько город, сколько военная ставка» (Флоринский, 1875–1880: 43-44).

В конце 1877 г. в ходе нескольких заседаний Высочайше учрежденной Комиссии для обсуждения вопроса об избрании города для сибирского университета В.М. Флоринский высказал свои соображения по этому вопросу, затронув, в частности, и то, что было предметом писем Н.М. Ядринцева. В результате, принимая во внимание географическое положение, климатические и экономические условия, мнения сибирских городов и ряд других факторов, «комиссия пришла к заключению, что учреждаемый сибирский университет целесообразнее и полезнее для края открыть в г. Томске» (Труды, 1878: 157).

Н.М. Ядринцев, пребывая в экспедиции на Алтае, не отметил своим присутствием торжество закладки Императорского Томского университета 26 августа 1880 г. Свои сожаления об этом в

октябре того же года он выразил в письме Флоринскому (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-822. Л. 156). Их солидарность во многом сохранялась.

Научные поиски Н.М. Ядринцева в ходе алтайской экспедиции предвосхищали предстоящие научные интересы профессоров Томского университета. В письме из Улалы (Бийский округ) от 4 июля 1880 г. он отмечал, что цели его связаны с тем, чтобы «принести в конце жизни что-нибудь ценное в дар сибирскому университету». Так, из текста его письма мы видим, что Николай Михайлович занимался составлением карты исторического распространения русского населения по Сибири, исследовал колонизационное движение и сибирские земледельческие общины, изучал геологию Салаира и обмеление оз. Чаны, ледники на р. Катунь и пещеры в Улале и т.д. «Собираемые мной коллекции, – писал он Флоринскому, – конечно, составят достояние музеев университета, если пригодятся». Кроме того, в ходе своих поездок он старался заинтересовать местных жителей в пожертвованиях для университета, в частности «уговорил в Салаире одно лицо пожертвовать большую коллекцию отрисков растений каменноугольной формации, окаменелостей раковин, а также коллекцию степных жетонов» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-822. Л. 156 об.).

В это время Н.М. Ядринцев планировал составить два альбома для университета: археологический и этнографический. Антропология входила в сферу его научных интересов и касалась не только академических замыслов, но и общественных воззрений, что нам еще предстоит затронуть отдельно. В Барнаульском округе Ядринцев проводил биометрические наблюдения инородцев, рассматривал вопросы «метисации и помесей». «То и другое имеет важные этнологические и исторические последствия», – отмечал он в письме от 4 июля 1880 г. Изучал он и палеоантропологию, обнаружив близ Улалы остатки человеческого скелета и т.д.

Заметим, что исследования Ядринцева, по всей видимости, позднее в некоторой степени нашли отклик у его корреспондента. Так, в пояснительной записке по проекту устава сибирского университета от 22 сентября 1884 г. В.М. Флоринский предлагал на планировавшемся тогда историко-филологическом факультете (в конечном итоге Императорский Томский университет в 1888 г. открылся в составе одного медицинского факультета) учредить кафедру археологии и антропологии, «несмотря на то, что этот предмет до сих пор не включался в русских университетах (кроме Московского) в число факультетских». «Разработка этого предмета в сибирском университете, – отмечал он далее, – имела бы весьма благоприятную почву по обилию и разнообразию в Сибири инородческих племен и их помесей, а равно по многочисленности антропологического материала в курганах и других древних могилах» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-216. Л. 149).

Не трудно предположить, что один из основателей сибирского областничества связывал с Томским университетом будущее не только региона, но и свое собственное. Уже после закладки университета он писал Флоринскому: «Пора и мне подумать принести чем-нибудь свою пользу...». Для этого он реанимировал свою «мечту создать научно-литературный орган в Томске». «Моя мысль, – читаем мы далее, – посвятить издание исследованию Сибири по географии, этнографии, истории, археологии и статистике Сибири. Здесь могут стекаться все научные силы и вместе с тем это издание должно быть удобочитаемым и занимательным для публики, без чего оно, конечно, может оставаться изданием архивным. <...> Обстоятельствам угодно было подвинуть осуществление этого дела. Иркутские издатели, оканчивая дело с газетой “Сибирь”, по неблагоприятному отношению к ним в Иркутске, решились передать мне вполне со всеми наличными средствами» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-822. Л. 157 об.-158).

Обстоятельства все же сложились по-другому. В 1881 г. Н.М. Ядринцев оставил омскую службу и перебрался в Петербург, не найдя, как отмечал он сам, «себе места в Сибири». В.М. Флоринский холодно отнесся к «предприятию» популярного периодического издания, найдя его «преждевременным и едва ли посильным» (Флоринский, 1875–1880: 102).

В следующем году в столице начала издаваться созданная по инициативе Н.М. Ядринцева и при содействии П.П. Семенова-Тян-Шанского газета «Восточное обозрение». Ранее в очередном своем письме Флоринскому, написанном из села близ Пронска Рязанской губернии 19 мая 1881 г., Ядринцев признавался, что «сам теперь более равнодушен» к мысли о сибирском журнале «ввиду тех недоразумений и борьбы, которые происходят теперь на томской почве с находящейся печатью». В то же время заметно разочарование в его словах: «Соответственно моему призванию и наклонностям в Томске для меня места не находится. Буду разрабатывать свои собственные материалы и ожидать случая, чтобы явиться в Сибирь в качестве хотя исследователя и путешественника» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-811. Л. 2).

Между тем в Томске началось строительство университета, затянувшееся на несколько лет. Деятельность Флоринского в должности члена Строительного комитета от Министерства народного просвещения не вызывала поддержки в сибирской печати. Так, в 1885 г. газета «Сибирь», опубликовав слухи о том, что штат служащих Строительного комитета «предполагается сократить» и, со ссылкой на частную телеграмму из Томска, что «г. Флоринский будет назначен на другой пост, а не попечителем учебного округа», сделала в соответствующей заметке следующую приписку: «Дай-то Бог!» (Флоринский, 1885).

Вот как вспоминал В.М. Флоринский о газете Ядринцева «Восточное обозрение»: «Нельзя сказать, чтобы в этом народившемся органе наш Строительный комитет пользовался особым расположением. Напротив того, томские сотрудники его и корреспонденты, настроенные на известный отрицательный лад, старались во всем находить темные стороны.<...> Я до сих пор не понимаю такого озлобленного направления нашей мелкой прессы: порицать все, что выходит не из их лагеря». И далее: «Даже при самом открытии университета в 1888 году редакция “Восточного обозрения” (к этому времени переселившаяся в Иркутск) приветствовала это радостное событие сдержанно и холодно, точно разочаровавшись в своих надеждах» (Флоринский, 1875–1880: 102, 103).

Мы привели отрывок из воспоминаний Флоринского, которые были опубликованы в журнале «Русская старина» в 1906 г., т.е. уже после смерти автора. Своим фельетоном в «Сибирской жизни» откликнулся на них многолетний соратник и единомышленник Ядринцева Г.Н. Потанин. «Если человек, – отмечал последний, – пишет свои воспоминания для потомства и если он питает благоговение к этому потомству, то это благоговение заставит умолкнуть низкие страстишки, руководившие поведением автора в течение жизни, сделает единственным советником в труде его совесть и поможет написать искреннюю исповедь, а не лукавое самооправдание. Записки Флоринского не дают повода думать, чтобы их автору был присущ этот пиетет» (Потанин, 1906).

Постараемся найти истоки данного «противоречия единомыслия», обратившись к корпусу опорных понятий, которыми оперировали Флоринский как государственник и Ядринцев как областник. Сравнительный анализ их понятийного аппарата позволит нам определить не только предпосылки антагонизма двух героев статьи, но и ряд особенностей политико-идентичностного словоупотребления рассматриваемой эпохи.

В своих письмах Н.М. Ядринцев нередко обращался к таким категориям, как «патриотизм», «страна», «родина», «общественное мнение», «народ». Так, например, в 1880 г. он характеризовал процедуру закладки университета в Томске как «патриотическое торжество» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-822. Л. 156). В письме Флоринскому от 22 октября того же года мы читаем: «Теперь, когда идут деятельные приготовления в Томске к созданию учреждения, около которого будет группироваться жизнь страны, пора и мне <...> найти себе солидный труд на пользу нашей родины».

На первый взгляд может показаться, что и здесь можно обнаружить точки пересечения его мировоззренческих установок с В.М. Флоринским. Заметим, что в бытность наших героев распространенной была практика употребления слова «страна» по отношению к Сибири. В речи, произнесенной 22 июля 1888 г. при открытии Томского университета, В.М. Флоринский, между прочим, замечал: «Сибирь, более чем какая-либо другая страна, может дать пищу ученой любознательности» (Флоринский, 1888: 269). В своем дневнике за 1881 г. в не интересующем нас в данный момент контексте он писал: «<...> Иноверцы, будучи рассеяны по всем городам России и Сибири...» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-104. Л. 20). Отметим, что все-таки чаще в противовес Сибири в его дневниках мы встречаем обозначение «Европейская Россия».

Любопытна и семантика «родины» в частных дискурсивных практиках В.М. Флоринского. Описывая свою поездку на пароходе через Сибирь в 1892 г., он упомянул в дневнике о «подписке в пользу жены умершего от холеры пассажира», которая предполагала «из Томска вернуться обратно на родину» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. №. 117959-109. Л. 42). Впрочем, употреблял Василий Маркович слова «Россия» и «родина» и в расширительном смысле – как понятия, близкие к «отечеству» (т.е. неотделимо от восточных провинций империи), а к «Сибири» при этом нередко добавлял прилагательное «верноподданная». В 1881 г. он оставил следующую дневниковую запись: «<...> Я заснул под звуки шумных речей, доносившихся из рубки, и первых паровозных свистков, приглашавших запоздалую публику занять свои места. Как бы хорошо было, думалось в последние минуты, увидеть, хотя бы во сне, мою дорогую родину, в том числе и неуклюжую Сибирь, в том светлом и чистом национальном образе, как она рисуется мне в будущем, близком или далеком – это все равно» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-104. Л. 64).

Воздержимся от суждений о недостаточной продуманности понятийного мышления В.М. Флоринского, национально-политическое мировоззрение которого имело весьма определенные очертания. Его государственнические, консервативные стремления нашли отражение и в цитируемой выше речи на открытии университета – событии, которое он недвусмысленно связывал с «Всемиловейшим повелением Государя Императора», «державною волей» Александра II и Александра III, с «возрождением духовных сил нашего отечества», с «верной службой русскому государству» на «восточной окраине России». В.М. Флоринский произнес в тот день и такие слова о Томском университете: «Пусть откроет он в недрах народной жизни источники новых деятельных сил и докажет потомству, что при помощи света, правды, разума можно превратить страну ссылки, скорби и запустения в благоустроенную, равноправную и равносильную с остальными русскими областями, нераздельную часть великого Российского государства» (Флоринский, 1888: 265-266).

Не чужд был Василий Маркович и традиционной для радикальных русских патриотов нетерпимости к либерализму, который он сравнивал с «миражем» и в котором находил «некоторую долю благих порывов и добрых начинаний, но еще больше детского самонадеянного увлечения»

(НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-104. Л. 19). Как известно, сибирское областничество зарождалось в 1850-е гг. как революционно-демократическое движение, а в следующие десятилетия развития это течение сочетало в себе элементы, как отмечал М.В. Шиловский, «либерального народничества со значительными вкраплениями просветительства» (Шиловский, 2008: 95).

Если В.М. Флоринский мог позволить себе редкое употребление слова «родина» по отношению исключительно к Европейской России, то Н.М. Ядринцев, напротив, связывал это понятие с сибирским регионом. Так, в «Письмах о родине», опубликованных в «Восточном обозрении» в 1884 г., рассуждая об отчужденности людей Сибири от родного края, он писал: «Было время, когда сибиряки тупо оставляли родину, никогда не вспоминали о ней на чужбине и никогда с охотой не возвращались из университетов. <...> Может быть, под обаянием иной жизни, среди блеска и шума столиц и университетских городов и мы забыли бы нашу родину, если бы не вырастили это чувство под лучами пробуждающегося гражданского сознания, не сохранили заботливо среди всех прелестей и обольщений больших городов» (Ядринцев, 1884: 65). Излишни комментарии по поводу того, что в мышлении автора цитаты представляла собой «родина» и что было для него «чужбиной».

Подчеркнем, что освященный выше антропологический интерес Ядринцева также был связан с его областническими стремлениями. Ядринцев одно время был сторонником формирования на Востоке «нового этнографического типа», представители которого «смотрят на русского переселенца как на совершенно чужого ему человека» (цит. по: Шиловский, 2008: 80).

Вместе с тем Н.М. Ядринцев, особенно в первых письмах к Флоринскому, не был столь категоричен, более компромиссно используя рассматриваемые понятия, в частности в приведенных выше цитатах, что оставляло их, в рамках отдельных писем, открытыми для интерпретации. Так, «патриотическое торжество» может быть истолковано расширительно при игнорировании эволюции взглядов Ядринцева. Осторожности представителей областничества научили репрессии, которые некоторые из них пережили в 1860-е гг. К примеру, изначально свое издание Н.М. Ядринцев планировал назвать «Сибирское обозрение», но, по воспоминаниям Г.Н. Потанина, П.П. Семенов-Тянь-Шанский «придумал более скромное название “Восточное обозрение”», чтобы избежать обвинений в сепаратизме и раздражения чиновников (цит. по.: Шиловский, 2007: 351).

По всей вероятности, до определенных пор мог поддаваться ложному восприятию писем Ядринцева и его адресат. Нет оснований не верить воспоминаниям В.М. Флоринского, в которых он писал, что в 1875 г. при своей первой встрече с Ядринцевым был мало осведомлен о политических позициях последнего.

Однако в дальнейшем, ознакомившись с текстами лекций и публицистикой Ядринцева, в том числе с речью о необходимости сибирского университета, с которой он выступил в декабре 1863 г. на литературном вечере в Омске, Флоринский составил более определенное мнение относительно политического портрета своего корреспондента: «Под выражениями: своя земля, наша земля, свой народ – здесь разумелось не общее русское отечество, а именно Сибирь, которую г. Ядринцев, вследствие юношеского увлечения или непонимания, представлял чем-то отдельным от России, государством в государстве» (Флоринский, 1875–1880: 98).

Совокупность этих противоречий в конечном итоге вылилась в откровенную антипатию, по крайней мере со стороны В.М. Флоринского. И активировалась она прежде всего в связи с идеей сибирского университета. Флоринский писал о Н.М. Ядринцеве: «Вспомним его узкий сибирский патриотизм, его юношеские фантазии о взаимных отношениях между Россией и Сибирью, и мы поймем, что в его воображении рисовался сибирский университет не как русское государственное учреждение, а как народное и притом специально сибирское дело» (Флоринский, 1875–1880: 104).

В письмах 1877 г. Ядринцев более смело ссылаясь на «общественное мнение Сибири», а также подчеркивал, что Дзюба и Курбановский – «оба не сибиряки». Последний фактор, по мысли автора, лишал их права участвовать в принятии судьбоносных для региона (читай: страны) решений (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 564). В письме 1881 г. Ядринцев сетовал на отсутствие в деле развития будущего университета «просвещенного инициатора, деятеля и патриота». Ниже он раскрывает значение последнего слова, прямо указывая на необходимость «патриотов края» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-811. Л. 2 об.).

Обратим внимание на следующий аспект: семантическое смешение в понятиях из политической картины мира Н.М. Ядринцева парадоксальным образом зеркально отразило его собственные убеждения. Ведь патриотизм из областнического словаря, в сущности, не противоречил революционности в широком смысле этого слова. Тем не менее, именно угроза революционаризации студенческой молодежи избирается им в очередном послании В.М. Флоринскому как довод против выбора Омска. Тем самым он в своем роде «разоблачил» самого себя и сделал мишенью для критики собственное прошлое. Ядринцев писал: «<...> При недостатках местной администрации развитие революционных идей всего можно скорее [ожидать] в Омске, чем где-либо. Здесь есть поводы для увлечений, для разжигания неудовольствий, критики и столкновений. Сибирский сепаратизм в 1865 году вышел из Омска и развился на его почве. Это не мешает припомнить отчего? Не мешает размыслить» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 545 об.).

Своеобразное значение в свете вышесказанного приобретает содержание последнего письма Н.М. Ядринцева к В.М. Флоринскому (от 29 октября 1882 г.). В нем автор просил Флоринского «сказать доброе слово за газету» «вступить» за него «как редактора», а также выразил надежду на рекомендацию для того, чтобы обратиться к в то время министру внутренних дел Д.А. Толстому, которому собирался сказать о своем «искреннем стремлении служить родине» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 822. Л. 280-280 об.). Как уже было сказано, Флоринский отказался отвечать на это письмо.

Свою роль в отдалении двух сторонников идеи сибирского университета сыграла и разность в их социальных статусах. В жестко иерархизированном обществе дореволюционной России орденосеца В.М. Флоринский, который к 1892 г. выслужил себе чин тайного советника, едва ли мог чувствовать себя равным с мелким чиновником Н.М. Ядринцевым. Заметим, что последний, несмотря на годы своей службы, не получил даже низшего чина по «Табели о рангах» (Шиловский, 2007: 347). Вместе с тем в письмах заметно его стремление участвовать в деле университета на самом высоком уровне. Так, он проявлял готовность выступить «перед правительством», рекомендовал «знакового казака Нестерова» Флоринскому, «благословлял» последнего «на труд» и «защиту честного дела для Сибири», указывал, какие документы «должны быть в Министерстве народного просвещения» и т.д. Флоринский при этом подчеркивал, что Ядринцев «не пользовался в глазах правительства достаточным цензом». Причиной тому, с точки зрения Флоринского, был не только социальный статус, но и «прошлая репутация» областника (Флоринский, 1875–1880: 100).

Понятийная трансгрессия в дискурсах Н.М. Ядринцева и В.М. Флоринского, таким образом, освещает для нас линию разлома, который прошел между приверженцами идеи сибирского университета в 1870–1880-е гг. Антагонизм в их отношениях лишь отчасти основан на частных и социальных аспектах. Его начало связано с противоречием в фундаментальном политическом мировосприятии. Апеллируя к одним и тем же понятиям, каждый из них наделял их индивидуальной семантикой, которая, в свою очередь, была слепком с двух направлений общественно-политической мысли России второй половины XIX – начала XX вв.: государственнического, консервативно-охранительного, с одной стороны, и областнического – с другой. Так оказались разделены корневые понятия национального самосознания: «родина», «патриотизм», «страна», «народ» и т.д.

5. Заключение

Семантическая неопределенность в национально-идентичностном словаре двух героев исследования отразила в себе сложившийся конфликт ценностей и интересов вокруг главного события в истории Сибири последней четверти XIX в. – создания первого в этом регионе университета в г. Томске, положившего начало научно-просветительскому центру. Опыт монополизации идеи сибирского университета с опорой на трансгрессивные категории (что разделило ее, в частности, между двумя «патриотизмами») в конце концов стал триггером противоречия двух людей (шире: двух течений), объединенных одной целью. Конфликтный аспект не исчерпал себя и после смерти героев: как Н.М. Ядринцева, так и В.М. Флоринского.

В рассмотренном фельетоне 1906 г. Г.Н. Потанин писал: «Я помню, что сами сибирские патриоты, горячо высказываясь за открытие университета, в глубине души сомневались, чтобы их доводы в пользу своевременности предприятия могли убедить высшую административную власть. Такой реалист в общественной деятельности, как Флоринский, и по давню должен был смотреть на сибирский университет, как на химеру. <...> Этот пессимист в сторону общества нашел возможным в своих записках уверять это общество, будто бы он питал к сибирскому университету, как к своему детищу, какие-то нежные чувства. <...> Как способны люди заблуждаться! Впрочем, это их счастье. Если бы не заблуждения, их жизнь стала бы ад» (Потанин, 1906).

Имеет правомерность вопрос о том, каким иллюзиям и заблуждениям был подвержен сам Г.Н. Потанин и другие представители сибирского областничества. Впрочем, оставим его открытым и отметим главное: рассмотренная история является не первым подтверждением того, что именно абстрактные и «химерические» идеи становятся фундаментом исторического прогресса.

Как мы убедились, общность идейной химеры нередко базируется на иллюзии единства ценностей: лексически совпадающих, но семантически гетерогенных. По этой причине «ментальное» пространство сибирского университета не могло вместить обе стороны конфликта, что определило путь отчуждения представителей сибирского областничества, в частности Н.М. Ядринцева, от жизни Императорского Томского университета.

6. Благодарности

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6

Литература

Гемуев, Гущина, 2002 – Гемуев И.Н., Гущина С.А. Ученые-сибиреведы и первый сибирский университет // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных

территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2002 г.). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. Т. IX., часть II. С. 42-46.

Лемке, 1904 – Лемке М. Николай Михайлович Ядринцев. Биографический очерк (к десятилетию со дня кончины). СПб.: Типо-литография «Герольд», 1904. 219 с.

Некрылов, 2007 – Некрылов С.А. Областники и первый сибирский университет // *Вестник Том. гос. ун-та*. 2007. № 295. С. 141-148.

Некрылов, 2010 – Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. Т. 1. 514 с.

Некрылов, Фоминых, 2011 – Некрылов С.А., Фоминых С.Ф. Лидеры сибирского областничества и первый университет в азиатской части России // *Вестник Том. гос. ун-та. История*. 2011, № 2 (14). С. 9-14.

НМРТ – Национальный музей Республики Татарстан.

Омск, 1876 – Пригоден ли Омск для университета? // *Новое время. Ежедневная политическая и литературная газета*. 1876. 2 (14) сент.

Потанин, 1906 – Потанин Г.Н. Фельетон: «Заметки и воспоминания В.М. Флоринского» // *Сибирская жизнь*. 1906. 29 окт.; 1 нояб.; 2 нояб.

Сагалаев, Крюков, 1991 – Сагалаев А.М., Крюков В.М. Г.Н. Потанин: Опыт осмысления личности. Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние, 1991. 231 с.

Селиверстов, 2011 – Селиверстов С.В. Миссия «образованных туземцев»: Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин на страницах «Томских губернских ведомостей» (середина 1860-х гг.) // *Вестник Том. гос. ун-та. История*. 2011, № 2 (14). С. 67-70.

Труды, 1878 – Труды комиссии, учрежденной по высочайшему повелению для изучения вопроса об избрании города для Сибирского университета. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1878. 158 с.

Университет, 1885 – Заметка о ходе строительства сибирского университета // *Сибирь*. 1885. 23 июня.

Флоринский, 1875–1880 – Флоринский В.М. Заметки и воспоминания. 1875–1880 // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / Сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 13-229.

Флоринский, 1876 – Флоринский В.М. Пригоден ли Омск для университета? // Статьи и речи Василия Марковича Флоринского: с портретом и факсимиле / Изд. по смерти авт. М.Л. Флоринской. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1903. С. 90-96.

Флоринский, 1880 – Речь, произнесенная 26 августа 1880 г. в г. Томске при закладке Сибирского университета // Флоринский В.М. Статьи и речи Василия Марковича Флоринского: с портретом и факсимиле / Изд. по смерти авт. М.Л. Флоринской. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1903. С. 246-262.

Флоринский, 1888 – Речь, произнесенная при открытии Императорского Томского университета 22 июля 1888 г. // Флоринский В.М. Статьи и речи Василия Марковича Флоринского: с портретом и факсимиле / Изд. по смерти авт. М.Л. Флоринской. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1903. С. 263-269.

Шиловский, 2007 – Шиловский М.В. Судьбы, связанные с Сибирью: Биографические очерки. Новосибирск: ИД «Сова», 2007. 376.

Шиловский, 2008 – Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX вв. Новосибирск: ИД «Сова», 2008. 270 с.

Ядринцев, 1864 – Ядринцев Н.М. Общественная жизнь в Сибири (лекция, прочитанная 11 нояб. 1864 г. на литературном вечере в Омске) // Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов: из газ. «Камско-Волж. слово», «Сибирь» и «Восточное обозр.» за 1873–1884 г. / Н.М. Ядринцев. Красноярск: Типография Енисейского губернского союза кооперативов, 1919. С. 6-9.

Ядринцев, 1882 – Ядринцев Н.М. Сибирь как колония: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1882. 471 с.

Ядринцев, 1884 – Ядринцев Н.М. Письма о родине (из «Восточного обозрения» за 1884 г.) // Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов: из газ. «Камско-Волж. слово», «Сибирь» и «Восточное обозр.» за 1873–1884 г. / Н.М. Ядринцев. Красноярск: Типография Енисейского губернского союза кооперативов, 1919. С. 64-68.

References

Gemuyev, Gushchina, 2002 – Gemuyev I.N., Gushchina S.A. (2002). Uchenyye-sibirevedy i pervyy sibirskij universitet [Siberian researchers and the first Siberian University]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij (Materialy Godovoj sessii Instituta arheologii i etnografii SO RAN 2002 g.)*. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, T. IX., chast' II. pp. 42-46. [in Russian]

Lemke, 1904 – Lemke M. (1904). Nikolaj Mihajlovich Yadrinsev. Biograficheskiy ocherk (k desyatiletiju so dnya konchiny) [N.M. Yadrinsev. Biographical essay]. SPb: Tipo-litografiya «Gerol'd», 219 p. [in Russian]

- Nekrylov, 2007** – *Nekrylov S.A.* (2007). Oblastniki i pervyj sibirskij universitet [Siberian regionalists and the first siberian university]. *Vestnik Tom. gos. un-ta.* № 295. pp. 141-148. [in Russian]
- Nekrylov, 2010** – *Nekrylov S.A.* (2010). Tomskij universitet – pervyj nauchnyj tsentr v aziatskoj chasti Rossii (seredina 1870-h gg. – 1919 g.) [Tomsk University – the first scientific center in the Asian part of Russia (mid. 1870s – 1919)]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, T. 1. 514 p. [in Russian]
- Nekrylov, Fominyh, 2011** – *Nekrylov S.A., Fominyh S.F.* (2011). Lidery sibirskogo oblastnichestva i pervyj universitet v aziatskoj chasti Rossii [Leaders of Siberian regionalism and the first university in the asian part of Russia]. *Vestnik Tom. gos. un-ta. Istorija.* № 2(14). Pp. 9-14 [in Russian]
- NMRT** – Natsional'nyj muzej Respubliki Tatarstan [The National Museum of the Republic of Tatarstan].
- Omsk, 1876** – Prigoden li Omsk dlya universiteta? [Is Omsk suitable for University?]. *Novoye vremya. Yezhednevnyaya politicheskaya i literaturnaya gazeta.* 1876. 2(14) sent. [in Russian]
- Potantin, 1906** – *Potantin G.N.* (1906). Fel'yeton: «Zametki i vospominaniya V.M. Florinskogo» [Feuilleton: "Notes and memories of V.M. Florinskij"]. *Sibirskaya zhizn'.* 29 okt.; 1 noyab.; 2 noyab. [in Russian]
- Sagalayev, Kryukov, 1991** – *Sagalayev A.M., Kryukov V.M.* (1991). G.N. Potanin: Opyt osmysleniya lichnosti [G.N. Potanin: Personal research experience]. Novosibirsk : Nauka. Sib. Otd-niye, 231 p. [in Russian]
- Seliverstov, 2011** – *Seliverstov S.V.* (2011). Missiya «obrazovannyh tuzemtsev»: N.M. Yadrintsev i G.N. Potanin na stranitsah «Tomskih gubernskih vedomostej» (seredina 1860-h gg.) [Mission of "educated natives": N. M. Yadrintsev and G. N. Potanin in the "Tomsk provincial sheets" (mid. 1860s.)]. *Vestnik tom. gos. un-ta. Istorija.* № 2(14). pp. 67-70. [in Russian]
- Trudy, 1878** – Trudy komissii, uchrezhdennoj po vysochajshemu poveleniyu dlya izucheniya voprosa ob izbranii goroda dlya Sibirskogo universiteta [Proceedings of the Commission established by the highest order to study the election of the city for the Siberian University]. SPb : Tipografiya V.S. Balasheva, 1878. 158 p. [in Russian]
- Universitet, 1885** – Zametka o hode stroitel'stva sibirskogo universiteta [A note on the construction of the Siberian University]. *Sibir'.* 1885. 23 iyunya. [in Russian]
- Florinskij, 1875–1880** – *Florinskij V.M.* (1875-1880). Zametki i vospominaniya. 1875–1880 [Notes and memories. 1875–1880]. Imperatorskij Tomskij universitet v vospominaniyah sovremennikov. Sost. S.F. Fominyh (otv. redaktor), S.A. Nekrylov, M.V. Gribovskij i dr. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2014. pp. 13-229. [in Russian]
- Florinskij, 1876** – *Florinskij V.M.* (1876). Prigoden li Omsk dlya universiteta? [Is Omsk suitable for University?]. Stat'i i rechi Vasiliya Markovicha Florinskogo : s portretom i faksimile / izd. po smerti avt. M.L. Florinskoj. Kazan': Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta, 1903. pp. 90-96. [in Russian]
- Florinskij, 1880** – Rech', proiznesennaya 26 avgusta 1880 g. v g. Tomske pri zakladke Sibirskogo universiteta [Speech delivered on August 26, 1880 in Tomsk at the laying of the Siberian University]. Florinskij V.M. Stat'i i rechi Vasiliya Markovicha Florinskogo : s portretom i facsimile. Izd. po smerti avt. M.L. Florinskoj. Kazan': Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta, 1903. pp. 246-262. [in Russian]
- Florinskij, 1888** – Rech', proiznesennaya pri otkrytii Imperatorskogo Tomskogo universiteta 22 iyulya 1888 g. [Speech delivered at the opening of the Imperial Tomsk University on July 22, 1888]. Florinskij V.M. Stat'i i rechi Vasiliya Markovicha Florinskogo : s portretom i facsimile. Izd. po smerti avt. M. L. Florinskoj. Kazan': Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta, 1903. pp. 263-269. [in Russian]
- Shilovskij, 2007** – *Shilovskij M.V.* (2007). Sud'by, svyazannyye s Sibir'yu: Biograficheskiye ocherki [Destinies connected with Siberia: Biographical essays]. Novosibirsk: «Sova», 376 p. [in Russian]
- Shilovskij, 2008** – *Shilovskij M.V.* (2008). Sibirskoye oblastnichestvo v obshchestvenno-politicheskoy zhizni regiona vo vtoroj polovine XIX – pervoj chetverti XX v. [Siberian Oblastnichestvo in social and political life of the region in the second half of XIX – first quarter of XX centuries]. Novosibirsk: «Sova», 270 p. [in Russian]
- Yadrintsev, 1864** – *Yadrintsev N.M.* (1864). Obshchestvennaya zhizn' v Sibiri (lektsiya, pročitannaya 11 noyab. 1864 g. na literaturnom vechere v Omske) [Public life in Siberia (lecture, read 11 Nov. 1864 at the literary evening in Omsk)]. *Sbornik izbrannyh statej, stihotvorenij i fel'yetonov : iz gaz. «Kamsko-Volzh. Slovo», «Sibir'» i «Vostochnoye Obozr.» za 1873-1884 g.* N. M. Yadrintsev. Krasnoyarsk: Tipografiya Yenisejskogo Gubernskogo Soyuzha Kooperativov, 1919. pp. 6-9. [in Russian]
- Yadrintsev, 1882** – *Yadrintsev N.M.* (1882). Sibir' kak koloniya : Sovremennoye polozheniye Sibiri. Yeye nuzhdy i potrebnosti. Yeye proshloye i budushcheye [Siberia as a colony: the present situation of Siberia. Needs. Past and future]. SPb : Tipografiya M. Stasyulevicha, 471 p. [in Russian]
- Yadrintsev, 1884** – *Yadrintsev N.M.* (1884). Pis'ma o rodine (iz «Vostochnogo obozreniya» za 1884 g.) [The letters about Fatherland (from "Eastern review" for 1884)]. *Sbornik izbrannyh statej, stihotvorenij i fel'yetonov: iz gaz. «Kamsko-Volzh. Slovo», «Sibir'» i «Vostochnoye Obozr.» za 1873–1884 g.* N.M. Yadrintsev. Krasnoyarsk : Tipografiya Yenisejskogo Gubernskogo Soyuzha Kooperativov, 1919. pp. 64-68. [in Russian]

Идея сибирского университета и областничество в письмах Н.М. Ядринцева к В.М. Флоринскому (1876–1882 гг.)

Сергей Федорович Фоминых ^{а,*}, Алексей Олегович Степнов ^а, Ольга Васильевна Натолочная ^{б,с}

^а Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация

^б Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^с Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются письма одного из основателей сибирского областничества Н.М. Ядринцева к В.М. Флоринскому (известному в качестве устроителя Томского университета), написанные в период с 1876 по 1882 гг. В это время решался вопрос о выборе города для первого сибирского университета. В 1876 г. Омская городская дума предложила свой город в качестве университетского. Н.М. Ядринцев, который в указанный период служил чиновником в Омске, в нескольких своих письмах представил мрачную панораму климатического, архитектурного, инфраструктурного, криминогенного состояния этого города.

В вопросе о выборе Томска как города для первого университета в макрорегионе и в общей приверженности идее сибирского университета Н.М. Ядринцев и В.М. Флоринский выступили как единомышленники. В то же время в воспоминаниях последнего мы встречаем не самые лестные мнения о своем корреспонденте.

На основе исследования делопроизводственной документации, источников личного происхождения, периодической печати авторы статьи находят предпосылки подобного «единства противоречия» в особенностях политического, национально-идентичностного словоупотребления рассматриваемой эпохи. Оба героя исследования, вдохновляясь идеей сибирского университета, апеллировали к таким понятиям, как «патриотизм», «родина», «страна» и ряду других, ключевых для национального самоопределения, категорий. Вместе с тем анализ семантических содержаний, которые Флоринский и Ядринцев вкладывали в эти слова, в контексте эволюции их национально-политической картины мира приводит нас к выводу о понятийной трансгрессии, гетерогенности их политического словаря и, как следствие, о глубоком противоречии во взглядах двух героев, а шире – двух течений общественно-политической мысли России второй половины XIX – начала XX вв.

Совокупность этих противоречий привела к невозможности сосуществования в «ментальном» пространстве первого сибирского университета Флоринского как государственника-консерватора и Ядринцева как областника. Отсюда вытекает и отчуждение представителей сибирского областничества, в частности Н.М. Ядринцева, от Императорского Томского университета.

Ключевые слова: Томский университет, сибирское областничество, Н.М. Ядринцев, В.М. Флоринский, понятийная трансгрессия, национальная идентичность.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sergei.fominyh1940@mail.ru (С.Ф. Фоминых)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1256-1262. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1256
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Akhal-Teke Expeditions of 1879–1881 years: Historical and Statistical Study. Part 1

Timur A. Magsumov ^{a, b, c}, Marina S. Nizamova ^a, Svetlana F. Artemova ^d, Ruslan M. Allalyev ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation

^d Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

^e Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

Abstract

The article deals with the Akhal-Teke operations of the Russian army in the period of 1879–1881 years. The attention is paid to the military-strategic situation on the eve of the conflict in the Trans-Caspian region, as well as to regional specifics of warfare. The first part of the article discusses the first Akhal-Teke operation of 1879.

There were involved such materials as the “Collection of information about the losses of the Caucasian troops”, as well as sources of personal origin, among which there were the memories of V.A. Tugan-Mirza-Baranovsky and A.V. Scherbak. The methodological basis of the study was the principles of historicism, scientific objectivity and systematicity, traditional for Russian historiography. In the process of work the following general historical methods were used: problem-chronological, which made it possible to study individual facts from the history of the colonization of Asia in their historical sequence; historical and comparative, with the help of which it was possible to trace the relationship of Russian military operations in Asia and the Caucasus in the second half of the XIX century.

The first Akhal-Teke operation in 1879 lasted only 16 days. It relied on the technical superiority of the Russian army and the psychological impact of artillery fire and the use of missiles. That's why the number of Russian troops was several times smaller than the troops of the enemy. However, even a spontaneous, practically unprepared assault on the Dengil-Tepe fortress caused such losses to the Tekins that by the evening of August 29 they decided to surrender to the Russian army. Having sent the parliamentarians, the Tekinians no longer found the Russian camp, thus, the first Akhal-Teke operation became an “unrecognized victory” of Russian weapons.

Keywords: first Akhal-Teke expedition, 1879–1881, historical and statistical research.

1. Введение

Ахал-Теке – один из оазисов Центральной Азии, который расположен на юге Арало-Каспийской низины на территории современного Туркменистана. Местное население оазиса отличалось своей воинственностью и стремлением к наживе. Результатом постоянных войн и набегов, которые вели текинцы со своими соседями, являлось рабство, существовавшее в регионе с давних времен. Всех захваченных в плен текинцы превращали в рабов, при этом одна часть пленников продавалась в Бухару и Афганистан, другая – обменивалась на своих соплеменников, находящихся в плену у соседей, а третья – текинцами оставлялась у себя для исполнения домашних и полевых работ. Положение рабов везде было незавидно: и в Черкесии (Smigel, Cherkasov, 2016), и в Абхазии (Cherkasov et al., 2016), а у текинцев в особенности. Как и в Черкесии, рабы у них делились на две категории: с ограниченной свободой, как правило, недавно захваченные и с неограниченной свободой, попавшие в рабство сравнительно давно и смилившиеся со своей участью. Первые иногда многие годы находились в заключении в какой-нибудь яме с тяжелыми бревнами, привязанными к

ногам, и с кандалами на руках. В свою очередь вторые, пользующиеся большей свободой, обрабатывали поля, пасли стада и прислуживали своим хозяевам. Несмотря на отличия, жизнь и тех, и других рабов была очень тяжела вследствие скудной пищи и постоянно наносимых побоев. Однако с рабами туркменами или киргизами текинцы обращались гораздо лучше, чем с персами-шиитами и русскими¹. Число рабов в Ахал-Теке практически всегда было незначительно, так как текинцы предпочитали продавать их соседям, а не оставлять у себя. До 1873 г. главным местом сбыта рабов была Хива, на рынках которой можно было всегда встретить текинцев, торгующих этим товаром (Туган-Мирза-Барановский, 1881: 72). Очевидно, что, выйдя на сопредельные границы с текинцами, русская администрация столкнулась с той же задачей, что и в начале XIX века, когда она пришла на Кавказ – защитить местное население от набегов воинствующих соседей. Можно было бы создать в России очередное человеколюбивое общество и заниматься выкупом у текинцев русских пленных, можно было бы вести долгий процесс, направленный на зарождение капиталистических отношений в Азии. Но, имея опыт войны на Кавказе и понимая малую эффективность гуманистических мер, русская администрация практически сразу сделала ставку на военный сценарий – на захват Ахалтекинского оазиса.

2. Материалы и методы

В качестве материалов привлечены «Сборник сведений о потерях Кавказских войск» (Сборник сведений о потерях, 1901), а также источники личного происхождения, среди которых были использованы воспоминания В.А. Туган-Мирза-Барановского (Туган-Мирза-Барановский, 1881), Г.З. Демурова (Демуров, 1881), Л.Д. Кавказова (Кавказов, 1889), К.К. Гейнса (Гейнс, 1882) и А.В. Щербака (Щербак, 1900).

Методологическую основу исследования составили традиционные для российской историографии принципы историзма, научной объективности и системности. В процессе работы использовались следующие общеисторические методы: проблемно-хронологический, который позволил изучить отдельные факты из истории колонизации Азии в их исторической последовательности; историко-сравнительный, с помощью которого удалось проследить взаимосвязи русских военных операций в Азии и на Кавказе во второй половине XIX века.

3. Обсуждение

Историография по рассматриваемой теме не отличается своей обширностью, тем не менее эта тема неоднократно затрагивалась в научных исследованиях. Так, например, ей уделил внимание А.А. Керсновский в своей фундаментальной работе об истории русской армии (Керсновский, 1993). Разные аспекты ахалтекинских экспедиций рассматривали многие исследователи. Так, В.Н. Бурдун и А.А. Шахторин изучали участие кубанских казаков в этих экспедициях (Бурдун, Шахторин, 2004), данной же теме посвятили свою работу А.Е. Потапов и А.М. Махров (Потапов, Махров, 2018), участие морского ведомства в экспедиции рассмотрел А.Д. Васильев (Васильев, 2014), в контексте истории Туркмении эту тему изучали О.А. Гундогдыев (Гундогдыев, 1998) и М. Переплеснин с А. Грачевым (Переплеснин, Грачев, 1989).

Помимо трудов, посвященных непосредственно ахалтекинской экспедиции, необходимо отметить работы, в которых рассматриваются войсковые операции первой половины XIX века (Cherkasov et al., 2017; Cherkasov et al., 2017a; Cherkasov et al., 2017b). Анализ этих исследований позволяет обнаружить общее и особенное в контексте сравнения разных конфликтов одной эпохи.

4. Результаты

Накануне ахалтекинских экспедиций на территории оазиса Ахал-Теке проживало от 80 до 90 тыс. текинцев, а это означало, что противник мог выставить около 30 тыс. человек.

В июле 1878 г., после завершения Берлинского конгресса, император Александр II отдал приказ о занятии Ахала, и прежде всего крепости Геок-тепе. В начале 1879 г. последовало распоряжение об отправке военной экспедиции в Ахал.

При ведении боевых действий необходимо было учитывать, что по региону могли двигаться только верблюжьи караваны. При этом при расчете необходимо было предусматривать одного верблюда на одного человека, так как необходимо было двигаться по пустыне, лишенной растительности и воды. В связи с этим к операции были привлечены 12 тыс. солдат и офицеров, а также мобилизовано 5 тыс. лошадей и 8500 верблюдов (по некоторым данным до 11 тыс. верблюдов). Экспедиционная часть состояла из 16 батальонов пехоты, 18 сотен и 2 кавалерийских

¹ В воспоминаниях В.А. Туган-Мирза-Барановского есть описание жизни в плену русского солдата, который был захвачен текинцами: «Солдатик этот был найден в тяжелых кандалах и рассказывал, что в продолжение всего пребывания в плену он служил развлечением всему аулу; днем его выводили из кибитки, и тут толпа окружала его и всячески тешилась над ним. Его били, мучили, плевали в глаза и уговаривали принять магометанство, обещая облегчение участи. Особенно приставали к нему женщины во время отлучек мужчин из аула» (Туган-Мирза-Барановский, 1881: 53).

эскадронов, при поддержке 26 орудий, ракетной батареи и саперной роты. Эти подразделения представляли собой цвет Кавказской армии; лучшие ее полки имели здесь своих представителей – Лейб-Эриванский, Грузинский гренадерский, Кабардинский, Ширванский, Куринский, Ашперонский, Дагестанский, Ахалцыхский, Навагинский и Александропольский. Кавказская кавалерия, регулярная и иррегулярная, терское и кубанское казачьи войска тоже имели своих представителей в лице дивизиона Переяславского драгунского полка, 6 сотен Дагестанского конно-иррегулярного полка, 2 сотен Волжского, 4 сотен Таманского, 4 сотен Полтавского и 2 сотен Лабинского казачьих полков. Артиллерия также была всех трех родов: пешая, конная и горная; имелась и ракетная батарея, на которую также возлагались большие надежды (Туган-Мирза-Барановский, 1881: 13).

Применение ракетного оружия в Азии началось с Хивинского похода и с тех пор наращивание этого потенциала только увеличивалось. Так, в 1871 г. в Хиву было направлено 1,5 тыс. ракет, а в 1873 г. – еще более 6 тыс. (Chursin et al., 2017: 1241). Дело в том, что ракетное оружие в то время применялось как психологическое, и часто от его использования зависел исход боя и деморализация неприятеля. Именно поэтому русская группа войск изначально почти в три раза уступала по численности текинцам. По мере обеспечения коммуникаций и лазаретов группа еще более должна была сократиться. Командование войсками изначально было возложено на генерала Ивана Давидовича Лазарева. В период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. он командовал корпусом во время осады Карса. Важно отметить, что в период Крымской кампании именно Карс был взят русскими войсками через некоторое время после катастрофически неудачного штурма (потери штурмующих составили около 30 %).

Однако вернемся к ахалтекинской экспедиции. Авангард экспедиционных частей выдвинулся по русской территории 6 июля из Чекишляра, в его задачу входило подготовить подходы для основных частей, которые выдвинулись 30-го июля, а кавалерия и обоз – 31-го июля. 14 августа после непродолжительной болезни генерал Лазарев скончался и на его место был назначен генерал Н.П. Ломакин (Рисунок 1). К 20 августа подразделения собрались в Бендесене¹, с этого момента подразделения русской армии находились на текинской территории.

Рис. 1. Генерал Николай Павлович Ломакин

Николай Павлович Ломакин родился 31 января 1830 года в городе Баку. Воспитание получил в Полоцком кадетском корпусе и Дворянском полку. 13 июня 1848 г. был произведен в прапорщики и назначен на службу в 19-ю артиллерийскую бригаду. В период 1850–1863 гг. он участвовал в Кавказской войне: с 1855 по 1858 занимал должность адъютанта штаба 20-й артбригады (с 1851 – подпоручик, с 1853 – поручик, с 1858 – штабс-капитан, с 1861 – капитан), затем с 1861 состоял для особых поручений при командующем войсками Дагестанской области и с 1870 г. был начальником Мангышлакского отряда. С 1865 – подполковник, с 1870 – полковник.

Ломакин принимал участие в Хивинском походе 1873 года, где командовал Мангышлакским отрядом и за отличие получил чин генерал-майора.

На протяжении Кавказской войны, а затем походов русской армии в Азию важной проблемой были потери от болезней в результате неблагоприятной санитарно-эпидемиологической ситуации в районе боевых действий. На Кавказе такая работа началась сразу после начала Кавказской войны,

¹ Бендесен – первый текинский аул на пути экспедиции.

и в этом деле были достигнуты большие успехи (Ermachkov et al., 2017; Ermachkov et al., 2017a; Ermachkov et al., 2018). Важно понимать, что в первые 15 лет после начала Кавказской войны на Кавказе свирепствовала чума (Ermachkov et al., 2018a; Ermachkov et al., 2018b). Значительный опыт в деле медицинского обслуживания подразделений русской армии позволил в Азии во время обеих экспедиций развернуть целую сеть госпиталей Российского общества Красного креста (РОКК). Нужно отметить, что климат на театре военных действий имел свои особенности. Днем температура воздуха достигала до 40 градусов, часто поднимались песчаные бури, которые вредно действовали как на глаза, так и легкие комбатантов (Щербак, 1900: 13). Район отличался непригодной для питья водой. В свежееотрытом колодце вода была пригодной для питья не более двух-трех суток, после чего она становилась горько-соленой. Поэтому солдатам приходилось постоянно копать новые колодцы. Понятно, что за колодцами все время нельзя было следить, а это сказывалось на здоровье личного состава и приводило к смертности от болезней.

Русские войска постепенно заняли небольшие туркменские крепости между Сердаром и Геок-тепе. Текинцы тем временем переместились из старого Геок-тепе в Денгиль-Тепе и начали укреплять крепостные стены. К 27 августа экспедиционные части подошли к крепости Денгиль-Тепе. Однако за время длительного передвижения по пустыне части понесли значительные санитарные потери от болезней. Учитывая малочисленность войск по сравнению с противником, который укрылся в крепости, было принято решение о штурме крепости уже на следующий день – 28 августа.

28 августа 1879 г. после 6-часового артиллерийского обстрела начался штурм. Штурмующие части насчитывали около 1,3 тыс. человек (Туган-Мирза-Барановский, 1881: 116). Иными словами, расчет делался на психологическое воздействие огня артиллерии и запуска ракет. Психологически подавленные текинцы должны были рассеяться при дружной атаке русских пехотных цепей. Однако такого сценария не произошло. Текинцы, как отмечали свидетели, мужественно стояли под артиллерийским огнем и даже после картечных выстрелов не поддавались панике. Психологическое воздействие огня оказалось недостаточным, ввиду чего неприятель был полным решимости к контратаке. В результате рукопашных схваток русские войска под Денгиль-Тепе не достигли успеха, свернули атаку и форсированным маршем отступили на исходные позиции. Потери русских войск составили 453 человека, из них 177 убитыми и 8 пленными (русские войска потеряли убитыми и ранеными около 34 % всех участвующих в штурме войск – Авт.). Потери неприятеля достигали 2 тыс. убитыми и 3 тыс. из числа местного населения (Туган-Мирза-Барановский, 1881: 129-130). Как выяснилось в последующем, в крепости находилось все окрестное текинское население. Руководство текинцев не стало отсылать женщин, стариков и детей, чтобы не подрывать наступательного духа своих войск. Несмотря на то, что до штурма текинцы не предпринимали диверсионных вылазок, генерал Ломакин и его штаб посчитали, что ночная вылазка после неудачного штурма имеет очень большие шансы. В результате войска простояли наготове до 3 часов утра, после чего подразделения выдвинулись в обратную дорогу. Однако текинцы атаковать не собирались, к вечеру их дух был сломлен. Вечером текинцы собрали совет старшин, и вожди решили послать в русский лагерь уполномоченных с изъявлением полной покорности. Несколько человек были направлены к русскому бивуаку, но встреченные огнем передовой цепи, ничего не подозревавшей об их миссии, вынуждены были вернуться в крепость, чтобы с рассветом повторить свою попытку. Когда утром 29 августа они пришли вновь, то обнаружили русский лагерь пустым (Туган-Мирза-Барановский, 1881: 131-132).

Таблица 1. Основные события и потери во время первой экспедиции (Сборник сведений, 1901: 179)

№ пп	Боевые действия	Потери					
		офицеры			нижние чины		
		убитые	раненые	пленные	убитые	раненые	пленные
Первая ахалтекинская экспедиция							
1	При штурме текинской крепости Денгиль-Тепе, 28 августа 1879 г.	7	170	-	20	248	8

Данные по первой текинской экспедиции были опубликованы в «Сборнике сведений о потерях» в перепутанном виде: там сразу обращает на себя внимание большое количество раненых офицеров – 170! На самом деле убитых офицеров было 7, а раненых – 20; потери среди нижних чинов: убитые – 170, раненые – 248, пленные – 8 человек (Туган-Мирза-Барановский, 1881: 132). Таким образом, безвозвратные потери составили 185 человек, а санитарные – 268.

Примерно к 4 сентября отряд покинул территорию Ахалтекинского оазиса. Экспедиция была завершена. Таким образом, первая ахалтекинская экспедиция длилась с 20 августа по 4 сентября 1879 г., то есть 16 дней. Если распределить все боевые потери, которые укладывались в один день на весь срок экспедиции, то получится, что русская армия теряла за сутки в среднем по 11 человек убитыми (для офицеров этот показатель был ниже 0,5), 16,75 ранеными (для офицеров – 1,25) и 0,5 человека пленными (пленных офицеров не было).

5. Заключение

Первая ахалтекинская операция 1879 г. длилась всего 16 дней. В ней ставка делалась на техническое превосходство русской армии и на психологическое воздействие огня артиллерии и применения ракет. Именно из-за этого численность русских войск в несколько раз была меньше войск неприятеля. Однако даже спонтанный, практически не подготовленный штурм крепости Денгиль-Тепе нанес текинцам такие потери, что к вечеру 29 августа они приняли решение капитулировать перед русским войском. Направив парламентаров, текинцы русского лагеря уже не застали, таким образом, первая ахалтекинская операция стала «неузнанной победой» русского оружия.

Первая ахалтекинская экспедиция длилась с 20 августа по 4 сентября 1879 г., то есть 16 дней. Если распределить все боевые потери, которые укладывались в один день на весь срок экспедиции, то получится, что русская армия теряла за сутки в среднем по 11 человек убитыми (для офицеров этот показатель был ниже 0,5), 16,75 ранеными (для офицеров – 1,25) и 0,5 человека пленными (пленных офицеров не было).

Литература

- Бурдун, Шахторин, 2004** – Бурдун В.Н., Шахторин А.А. Участие кубанских казаков в среднеазиатских походах 1879–1881 гг. // Голос минувшего: Кубанский исторический журнал. 2004. № 3/4. С. 24-29.
- Васильев, 2014** – Васильев А.Д. Участие морского ведомства в ахалтекинской экспедиции // Восточный архив. 2014. № 1 (29). С. 15-18.
- Гейнс, 1882** – Гейнс К.К. Очерк боевой жизни Ахалтекинского отряда. 1880–1881 гг. СПб., 1882.
- Гундогдыев, 1998** – Гундогдыев О.А. Прошлое туркмен. М., 1998.
- Демуров, 1881** – Демуров Г.З. Бой с текинцами при Денгиль-Тепе 28 августа 1879 года. (Рассказ очевидца) // Исторический вестник. 1881. № 3. С. 617-622.
- Кавказов, 1889** – Кавказов Л.Д. Первый ахалтекинский поход 1879 г. (Путевые впечатления). Воспоминания участника. Белосток: Типолит. Заблудовского, 1889. 91 с.
- Керсновский, 1993** – Керсновский А.А. История Русской армии. В 4 т. Т. 2. М., 1993.
- Перепискин, Грачев, 1989** – Перепискин М., Грачев А. Всадники в Каракумах: очерки. Ашхабад, 1989.
- Потапов, Махров, 2018** – Потапов А.Е., Махров А.М. Роль кубанских казаков в ахалтекинских экспедициях 1879–1881 гг. по свидетельствам современников // Военный академический журнал. 2018. № 3 (19). С. 71-77.
- Сборник сведений о потерях, 1901** – Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае 1801–1885 гг. / Составлен А.Л. Гизетти. Тифлис, 1901.
- Туган-Мирза-Барановский, 1881** – Туган-Мирза-Барановский В.А. Русские в Ахал-Теке, 1879 год. СПб., 1881.
- Щербак, 1900** – Щербак А.В. Ахалтекинская экспедиция генерала Скобелева в 1880–1881 гг. СПб., 1900.
- Cherkasov et al., 2016** – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S. Demographic Characteristics of the Aristocratic Abkhazia in 1800-1860 years // *Bylye Gody*. 2016. 39(1): 53-66.
- Cherkasov et al., 2017** – Cherkasov A.A., Smigel M., Bratanovskii S., Valleau A. The Losses of the Russian Army during the Russian-Persian War of 1826-1828: The Historical-Statistical Study // *Bylye Gody*. 2017. 46(4): 1315-1321.
- Cherkasov et al., 2017a** – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Valleau A. The Losses of the Russian Army in Transcaucasia during the Russo-Turkish War (1828-1829): The Historical-Statistical Study // *Rusin*. 2017. 50(4): 38-60.
- Cherkasov et al., 2017b** – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The Losses of the Russian Army during the Caucasian war (1801-1864): Historical and Statistical Research // *Bylye Gody*. 2017. 43(1): 68-85.
- Chursin et al., 2017** – Chursin A.A., Semenov A.S., Kokuitseva T.V. To the Issue of the Combat Use of Missile Weapon in the Caucasus in the XIX century // *Bylye Gody*. 2017. 46(4): 1237-1243.
- Ermachkov et al., 2017** – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V. The Sanitary-Epidemiological State of the Russian Troops in the Caucasus in 1797-1801 // *Bylye Gody*. 2017. 44(2): 428-437.

[Ermachkov et al., 2017a](#) – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. The Traditional Medicine in the Caucasus and the Activities of the Georgian Medical Board (1801-1804 years) // *Bylye Gody*. 2017. 45(3): 836-846.

[Ermachkov et al., 2018](#) – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. General Ermolov and His Role in the Evolution of Public Health Service in the Caucasus // *Bylye Gody*. 2018. 49(3): 1037-1045.

[Ermachkov et al., 2018a](#) – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. The Plague in the Caucasus in 1801-1815 years: Part I // *Bylye Gody*. 2018. 47(1): 120-129.

[Ermachkov et al., 2018b](#) – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. The Plague in the Caucasus in 1801-1815 years: Part II // *Bylye Gody*. 2018. 48(2): 558-569.

[Smigel, Cherkasov, 2016](#) – Smigel M., Cherkasov A.A. The Slavery in Circassia and the United States (1850-1860-ies years): General and Special // *Bylye Gody*. 2016. 42(4): 1182-1197.

References

[Burdun, Shakhtorin, 2004](#) – Burdun V.N., Shakhtorin A.A. (2004). Uchastie kubanskikh kazakov v sredneaziatskikh pokhodakh 1879–1881 gg. [The participation of the Kuban Cossacks in the Central Asian campaigns of 1879–1881.]. *Golos minuvshogo: Kubanskii istoricheskii zhurnal*. № 3/4, pp. 24-29. [in Russian]

[Cherkasov et al., 2016](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S. (2016). Demographic Characteristics of the Aristocratic Abkhazia in 1800-1860 years. *Bylye Gody*. 39(1): 53-66.

[Cherkasov et al., 2017](#) – Cherkasov A.A., Smigel M., Bratanovskii S., Valleau A. (2017). The Losses of the Russian army during the Russian-Persian War of 1826–1828: the Historical-Statistical Study. *Bylye Gody*. 46(4): 1315-1321.

[Cherkasov et al., 2017a](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Valleau A. (2017). The Losses of the Russian Army in Transcaucasia during the Russo-Turkish war (1828-1829): The historical-Statistical Study. *Rusin*. 50(4): 38-60.

[Cherkasov et al., 2017b](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. (2017). The Losses of the Russian army during the Caucasian war (1801-1864): Historical and Statistical Research. *Bylye Gody*. 43(1): 68-85.

[Chursin et al., 2017](#) – Chursin A.A., Semenov A.S., Kokuitseva T.V. (2017). To the Issue of the Combat Use of Missile Weapon in the Caucasus in the XIX century. *Bylye Gody*. 46(4): 1237-1243.

[Demurov, 1881](#) – Demurov G.Z. (1881). Boi s tekintsami pri Dengil'-Tepe 28 avgusta 1879 goda. (Rasskaz ochevidtsa) [The battle with the Tekins at Dengil'-Tep on August 28, 1879. (Eyewitness account)]. *Istoricheskii vestnik*. № 3, pp. 617-622.

[Ermachkov et al., 2017](#) – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V. (2017). The sanitary-epidemiological state of the Russian troops in the Caucasus in 1797-1801. *Bylye Gody*. 44(2): 428-437.

[Ermachkov et al., 2017a](#) – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. (2017). The traditional medicine in the Caucasus and the Activities of the Georgian Medical Board (1801-1804 years). *Bylye Gody*. 45(3): 836-846.

[Ermachkov et al., 2018](#) – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. (2018). General Ermolov and His Role in the Evolution of Public Health Service in the Caucasus. *Bylye Gody*. 49(3): 1037-1045.

[Ermachkov et al., 2018a](#) – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. (2018). The Plague in the Caucasus in 1801-1815 years: Part I. *Bylye Gody*. 47(1): 120-129.

[Ermachkov et al., 2018b](#) – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. (2018). The plague in the Caucasus in 1801-1815 years: Part II. *Bylye Gody*. 48(2): 558-569.

[Geins, 1882](#) – Geins K.K. (1882). Ocherk boevoi zhizni Akhaltekinskogo otryada. 1880–1881 gg. [Essay on the fighting life of the Akhal-Teke squad. 1880–1881]. SPb. [in Russian]

[Gundogdyev, 1998](#) – Gundogdyev O.A. (1998). Proshloe Turkmen [The past of Turkmens]. M. [in Russian]

[Kavkazov, 1889](#) – Kavkazov L.D. (1889). Pervyi akhaltekinskii pokhod 1879 g. (Putevye vpechatleniya) [The first Akhal-Teke campaign of 1879 (Travel impressions)]. Vospominaniya uchastnika. Belostok: Tipolit. Zabludovskogo, 91 p.

[Kersnovskii, 1993](#) – Kersnovskii A.A. (1993). Istoriya Russkoi armii [History of the Russian army]. V 4 t. T. 2. M. [in Russian]

[Pereplesnin, Grachev, 1989](#) – Pereplesnin M., Grachev A. (1989). Vsadniki v Karakumakh: ocherki [Riders in the Karakum Mountains: essays]. Ashkhabad. [in Russian]

[Potapov, Makhrov, 2018](#) – Potapov A.E., Makhrov A.M. (2018). Rol' kubanskikh kazakov v akhaltekinskikh ekspeditsiyakh 1879–1881 gg. po svidetel'stvam sovremennikov [The role of the Kuban Cossacks in the Akhal-Tek expeditions of 1879–1881 according to contemporaries]. *Voennii akademicheskii zhurnal*. № 3 (19), pp. 71-77. [in Russian]

[Sbornik svedenii o poteryakh, 1901](#) – Sbornik svedenii o poteryakh Kavkazskikh voisk vo vremya voin Kavkazsko-gorskoj, persidskikh, turetskikh i v Zakaspiiskom krae 1801–1885 gg. [Collection of information about the losses of the Caucasian troops during the wars of the Caucasus Mountains, Persian, Turkish and in the Trans-Caspian Territory 1801-1885]. Sostavlenn A.L. Gizetti. Tiflis, 1901. [in Russian]

- Shcherbak, 1900** – *Shcherbak A.V.* (1900). Akhaltekinskaya ekspeditsiya generala Skobeleva v 1880–1881 gg. [Akhal-Teke expedition of General Skobelev in 1880–1881]. SPb. [in Russian]
- Smigel, Cherkasov, 2016** – *Smigel M., Cherkasov A.A.* (2016). The Slavery in Circassia and the United States (1850-1860-ies years): General and Special. *Bylye Gody*. 42(4): 1182-1197.
- Tugan-Mirza-Baranovskii, 1881** – *Tugan-Mirza-Baranovskii V.A.* (1881). Russkie v Akhal-Teke, 1879 god [Russians in Akhal-Tek, 1879]. SPb. [in Russian]
- Vasil'ev, 2014** – *Vasil'ev A.D.* (2014). Uchastie morskogo vedomstva v akhaltekinskoi ekspeditsii [The participation of the maritime department in the Akhal-Tek expedition]. *Vostochnyi arkhiv*. № 1 (29), pp. 15-18. [in Russian]

Ахалтекинские экспедиции 1879–1881 гг.: историко-статистическое исследование. Часть 1

Тимур Альбертович Магсумов ^{a, b, c}, Марина Сабировна Низамова ^a, Светлана Федоровна Артемова ^d, Руслан Мурадович Аллалыев ^e

^a Международной сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны, Российская Федерация

^d Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Российская Федерация

^e Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются ахалтекинские операции русской армии в период 1879–1881 гг. Уделено внимание военно-стратегической обстановке накануне конфликта в Закаспийской области, а также региональным особенностям ведения боевых действий. В первой части статьи рассматривается первая ахалтекинская операция 1879 года.

В качестве материалов привлечены «Сборник сведений о потерях Кавказских войск», а также источники личного происхождения, среди которых были использованы воспоминания В.А. Туган-Мирза-Барановского и А.В. Щербака. Методологическую основу исследования составили традиционные для российской историографии принципы историзма, научной объективности и системности. В процессе работы использовались следующие общеисторические методы: проблемно-хронологический, который позволил изучить отдельные факты из истории колонизации Азии в их исторической последовательности; историко-сравнительный, с помощью которого удалось проследить взаимосвязи русских военных операций в Азии и на Кавказе во второй половине XIX века.

Первая ахалтекинская операция 1879 г. длилась всего 16 дней. В ней ставка делалась на техническое превосходство русской армии и психологическое воздействие огня артиллерии и применения ракет. Именно из-за этого численность русских войск в несколько раз была меньше войск неприятеля. Однако даже спонтанный, практически не подготовленный штурм крепости Денгиль-Тепе нанес текинцам такие потери, что к вечеру 29 августа они приняли решение капитулировать перед русским войском. Направив парламентаров, текинцы русского лагеря уже не застали, таким образом, первая ахалтекинская операция стала «неузнанной победой» русского оружия.

Ключевые слова: первая ахалтекинская экспедиция, 1879–1881 гг., историко-статистическое исследование.

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1263-1271. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1263
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

“Burden of Professorship”: Features of the Pedagogical Activity of an University Lecturer in Pre-Revolutionary Russia

Mikhail V. Gribovskiy ^{a, b, *}

^aNational research Tomsk state university, Russian Federation

^bTumen state university, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to determining the content and specifics of the professional activity of a university lecturer at the turn of the XIX – XX centuries. The objectives of the study are to determine the actual academic load of lecturers, the ratio of the number of lecturers and students, and identify the features of the educational process that are characteristic of a pre-revolutionary University. To carry out the study normative acts, records documentation, sources of personal origin were involved. Most of the sources were extracted by the author from Russian (Russian State Historical Archive, National Archive of the Republic of Tatarstan, Central State Archive of Moscow) and foreign (State Archive in Warsaw, State Archive of Odessa Region) archives. It is emphasized that in the XIX – early XX in the educational process as the basis of professional activity of university lecturers was not very thoroughly controlled in quantitative terms, but it was decorated with various administrative regulations. It is indicated that, in comparison with the beginning of the XXI century, the volume of the academic load of the pre-revolutionary professorship was somewhat smaller. The special features of the time include the low prevalence of the combination job phenomenon, the practice of conducting classes and taking exams not only in the university buildings, but also in the homes of professors.

Keywords: university, professors, students, educational process, academic load, lectures, practical exercises, exams.

1. Введение

Преподавание как занятие существует не одну тысячу лет. Однако, если вести речь о преподавании как профессии, сузить предмет до преподавания в высшей школе и локализовать его Россией, то мы сможем говорить лишь о нескольких столетиях, в лучшем случае, о четырех – если рассматривать XVII век как предтечу российской высшей школы. В зрелом же виде высшая школа, и соответственно профессия университетского преподавателя, существовали в России только с XIX века.

В свете перманентной трансформации университета эволюции преподавательской профессии важно обращаться к опыту прошлых лет. Это поможет лучше понять вектор произошедших изменений, выявить преемственность и разрывы педагогической традиции.

Настоящая статья посвящена определению содержания и специфики профессиональной деятельности университетского преподавателя рубежа XIX–XX вв. Задачи исследования состоят в определении реальной учебной нагрузки преподавателей, соотношения числа преподавателей и студентов, выявлении особенностей постановки учебного процесса, включая проведение занятий и прием экзаменов, характерных для дореволюционного Университета.

* Corresponding author

E-mail addresses: mgrib@mail2000.ru (M.V. Gribovskiy)

2. Материалы и методы

Для осуществления исторической реконструкции содержания педагогической деятельности дореволюционных университетских преподавателей требуется привлечение разнообразных исторических источников. Это и нормативные акты, и делопроизводственная документация, и публицистика, и источники личного происхождения – переписка, дневники, воспоминания. За исключением опубликованных источников (университетские уставы, министерские распоряжения и пр.), основная их часть была извлечена из российских (Российский государственный исторический архив, Центральный государственный архив Москвы, Национальный архив Республики Татарстан) и зарубежных (Государственный архив в Варшаве, Государственный архив Одесской области) архивов.

В методологическом отношении работа выполнена на принципах историзма и системности, позволивших рассмотреть содержание и специфику профессиональной деятельности дореволюционного университетского преподавателя в конкретно-исторических условиях конца XIX – начала XX вв. Из числа специальных исторических методов использовался историко-генетический и историко-сравнительный.

3. Обсуждение

Историография российского университета весьма богата. Однако, при всем разнообразии подходов, уже разработанных проблем и раскрытых тем, собственно специфике преподавательской профессии посвящено не так много исследований. Вместе с тем стоит отметить некоторые усилия, совершенные в данном направлении.

Из числа формальных сторон деятельности преподавателей к настоящему времени досконально изучена система ученых степеней и званий дореволюционной России (Иванов, 2016; Шаршунов, 2007; Якушев, Кононова, 2006; Maurer, 1998: 245-254). С юридических позиций особенности профессии университетского преподавателя рассматривались в сериях статей Т.И. Ереминой и Н.Н. Зипунниковой (Еремина, 2016; Еремина, 2017; Зипунникова, 2017). Отдельные аспекты постановки учебного процесса в университетах на рубеже XIX–XX вв. раскрыты в публикациях Е.Ю. Жаровой и О.Д. Кавериной (Жарова, 2012; Каверина, 2010). Своеобразие служебного положения ряда категорий университетских сотрудников нашло отражение в публикациях И.В. Пискунова и Н.В. Черных (Пискунов, 2014; Пискунов, 2015; Черных, 2011).

Обзорный, но, скорее, популярный характер имеет статья А.В. Чиненного и Т.Г. Стоян «Университетский преподаватель: XIX век» (Чиненный, Стоян, 1999).

Помимо этого, отдельные аспекты темы, безусловно, находили отражение в обобщающих трудах А.И. Авруса, А.Ю. Андреева, Е.А. Вишняковой, А.Е. Иванова.

Несмотря на наличие названных исследований, тему содержания профессии университетского преподавателя раскрытой считать по-прежнему нельзя.

4. Результаты

Из каких элементов складывается профессиональная жизнь университетского преподавателя? Начиная с гумбольтовских времен, то есть с начала XIX века, ответ на этот вопрос почти не менялся: из преподавания и проведения научных исследований (в скобках заметим, что современные концепции университета предполагают еще и реализацию сотрудниками так называемой «третьей миссии» университета, то есть набора социальных действий, выходящих за рамки науки и образования). Второй пункт (занятие наукой) вплоть до недавнего времени в университетах регламентировался слабо. Но преподавание как одно из базовых столпов университетской жизни и наиболее «видимая» сторона работы профессора всегда являлось объектом внимания со стороны учебных властей и самого профессионального сообщества. Это имело отношения к учебной нагрузке, формам проведения занятий и приема экзаменов.

Объем учебной нагрузки, которую должен был нести преподаватель Университета, оговаривался в 67-й статье университетского Устава 1884 г. Согласно ей, профессор был обязан «посвящать преподаванию [...] достаточное число часов в неделю, применительно к шестичасовой норме» (Общий устав, 1884). Это положение следует понимать в том смысле, что нормой законодатель считал преподавание не менее 6 часов в неделю, однако, исходя из интересов учебного процесса, на практике норма могла повышаться.

Для выяснения реальной картины учебной нагрузки преподавателей одного нормативного акта недостаточно. Обратимся к делопроизводственным документам. Так, из отчета Томского университета за 1894 г. следует, что «профессора и их помощники посвящали делу преподавания до 10–15, а многие и более 20 часов в неделю» (Отчет о состоянии, 1895).

В абсолютных цифрах в Томском университете в следующем, 1895, году количество прочитанных лекций было таким: на медицинском факультете (тогда он был единственным в университете) в течение года было прочитано 3534 лекции, в среднем 131 лекция в неделю (Отчет о состоянии, 1896). Исходя из того, что в это время на факультете работало около 30 человек, в среднем каждый из них читал по 4–5 лекций в неделю.

Данные делопроизводственных документов вполне коррелируют с материалами личного происхождения. Например, в сентябре 1907 г. профессор Юрьевского университета И.И. Лаппо в письме к своему знакомому, этнографу и археографу Ивану Спрогису передавал ему, что читает общий курс истории с середины XV до конца XVI века, спецкурс по петровским реформам и ведет практические занятия по источникам для изучения крестьян и несвободных сословий Московского государства XVI–XVII веков, в сумме имея шесть лекций в неделю (ОРБВУ. Ф. 6-63. Л. 34).

Однако, если к лекционным занятиям прибавить практические, которые также нередко вели профессора, то выходило, что в среднем преподаватель вел более 10 часов занятий в неделю.

Вопрос учета учебной нагрузки тесно связан с темой соотношения в университетах количества учащихся и учащихся.

Во второй половине XIX – начале XX вв. численность студентов росла гораздо быстрее численности преподавателей. В 1885 г. во всех 8 университетах России обучалось около 13 000 студентов; в 1899 г. в 9 университетах насчитывалось 16 500 студентов, а к 1908 г. – уже более 35 000 (РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 215. Л. 6). Такому росту способствовали два обстоятельства: расширение круга лиц, имевших право на получение высшего образования, и введение предметной системы (1906 г.), позволявшей учиться дольше.

За это же время количество штатных преподавателей выросло примерно с 500 до 650, к ним нужно добавить и приват-доцентов, не входящих в штат, но принимавших участие в учебном процессе. В 1880-х гг. их было около 100, а концу первого десятилетия XX в. – несколько больше, чем штатных преподавателей.

После введения университетского устава 1884 г. соотношение преподавателей и студентов было 1:20; аналогичным оставалось к началу XX в. С введением предметной системы соотношение стало превышать показатель 1:30, с учетом как штатных преподавателей, так и приват-доцентов.

Для сравнения сопоставим соотношение преподавателей и студентов в российских и зарубежных университетах. В Германии в 1870 г. оно было 1:9; в 1906 г. – 1:14 (Рингер, 2008: 68). В университетах Австро-Венгрии в 1894 г. на 600 с небольшим преподавателей приходилось 15,5 тысяч студентов. Это давало соотношение 1:25, а с учетом приват-доцентов, которых было примерно столько же, сколько штатных преподавателей – 1:13 (Йолли, 1900: 119).

Интересующие нас сведения об американских вузах начала XX в. можно обнаружить в журнале «Science» за 1908 г. В 16 американских университетах, данные по которым приведены в статье, обучалось 33067 студентов и работало 3527 преподавателей, что дает соотношение 1:9 (Science. 1908. Jul. 24).

В российских университетах в сравнении с большинством европейских и американских университетов на одного преподавателя приходилось заметно больше студентов. При этом надо иметь в виду неравномерность распределения студентов между университетами: около 70 % всех учащихся в начале XX в. приходилось на Московский, Петербургский университеты и университет Святого Владимира (Киев) и чуть больше 30 % – на остальные 7 университетов.

В свете анализа учебной нагрузки любопытным представляется вопрос о «трудовой дисциплине» дореволюционных преподавателей. Дошедшие до нас исторические источники позволяют достаточно ясно восстановить картину пропуска занятий преподавателями отдельных университетов.

Например, по данным за январь 1887 г. двадцать восемь профессоров и преподавателей Казанского университета пропустили за месяц 85 часов лекций. Причинами пропусков назывались болезнь, отпуск, исполнение обязанностей присяжного заседателя (НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 7770. Л. 13). Согласно ведомостям по Новороссийскому университету, в январе 1899 г. сорок профессоров и приват-доцентов университета пропустили 145 часов занятий, в феврале тридцать шесть преподавателей – 115 занятий, в марте – тридцать один преподаватель – 110 (ГАОО. Ф. 45. Оп. 19. Д. 29. Л. 23 об.-26, 50 об.-52, 67 об.-69).

Вопрос проведения занятий обострялся в период массовых студенческих волнений (которые на рубеже веков случались регулярно), когда студенты устраивали забастовки, сопровождавшиеся массовыми непосещениями лекций и семинаров. Учебные власти же, заинтересованные в демонстрации «нормализации университетской жизни», требовали обеспечения штатного течения учебного процесса. Так, Министерство народного просвещения выражало возмущение решением Совета университета Святого Владимира, позволявшим профессорам не проводить занятия в случае отсутствия слушателей (АРВ. Z. 214. S. 331. k. 125).

Судя по выявленным документам, борьбу с практикой пропуска занятий Министерство всерьез стало вести с 1904 г. Распоряжением от 7 мая 1904 г. министр требовал приурочивать командировки преподавателей с научной целью за границу и по России к каникулярному времени (Сборник распоряжений, 1907: 153-154).

3 декабря 1904 г. Министерством был выпущен документ, озаглавленный «О принятии мер к правильному течению учебной жизни в высших учебных заведениях». По оценкам министерских чиновников, число непроведенных занятий по некоторым высшим учебным заведениям доходило до 30 %. Согласно указаниям Министерства, незначительное число студентов не должно было выступать

причиной непроведения лекций. Пропущенные занятия должны были фиксироваться с указанием причин: 1) болезнь и семейные обстоятельства, 2) командировки и отпуска, 3) служебные обязанности по учебному заведению, 4) неотложные занятия вне учебного заведения – экспертизы по поручению суда, выполнение обязанностей присяжного заседателя (*Сборник распоряжений, 1907: 385-388*).

В Варшавском государственном архиве сохранилась ведомость по физико-математическому факультету Варшавского университета за первое полугодие 1904/05 учебного года, составленная вслед за получением министерского указания. В ведомости – 15 фамилий. Лишь у одного из преподавателей не зафиксировано ни одного пропуска. У остальных доля пропущенных лекций колеблется между 1,1 и 53,3 %, средний показатель равнялся 15,7 % (*APW. Z. 214. S. 464. k. 110 об., 139*).

Министерские требования, появившиеся накануне революции, поначалу не дали ощутимого эффекта. В революционные 1905, 1906 годы занятия не проводились неделями. В этих условиях в январе 1905 г. попечитель Казанского учебного округа С.Ф. Спешков требовал от ректора Казанского университета Д.И. Дубяго принять меры для «сохранения непрерывности занятий» и напомнить профессорам о необходимости чтения лекции «при каком бы то ни было малом числе слушателей» (*НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11101. Л. 58*).

После революции 1905–1907 гг. ситуация с пропусками занятий стала нормализоваться. Так, в 1908/1909 учебном году на историко-филологическом факультете Варшавского университета значительное число лекций было пропущено лишь одним профессором Е.А. Бобровым из-за болезни (11 обязательных и 9 необязательных). Ряд занятий не состоялся по немецкому языку, но все они являлись необязательными и не были проведены по причине неявки слушателей (*APW. Z. 214. S. 378. k. 44-45*).

Как бы то ни было, пропуск преподавателем занятий без уважительной причины во все времена считался неприемлемым обстоятельством. Сами же профессора традиционно склонны были полагать, что, учитывая объем учебных поручений и необходимость одновременно с этим проводить научные изыскания, они работают с перенапряжением сил. Весьма показательна в этой связи фраза профессора Московского университета М.М. Богословского. 5 ноября 1915 г. не без иронии он записал в дневнике: «Преподавательство мешает научной работе, а научная работа отвлекает внимание от преподавания: вот тягость профессорства» (*Богословский, 2011: 49*).

Серьезная нагрузка не была помехой существованию в дореволюционной России хорошо знакомого и нашим современникам типажа «преподавателя-совместителя». Профессор Новороссийского университета И.А. Линниченко саркастически замечал: «Есть профессора, числом читаемых лекций побивающие рекорд преподавателя гимназии, имеющие в разных высших учебных заведениях более 30 часов в неделю. Это уже не профессора – а настоящие граммофоны». И.А. Линниченко метко выражался о преподавателях-совместителях, говоря о них, как о тех, кто «одной тетрадкой обслуживает по несколько высших учебных заведений» (*Линниченко, 1916: 12*).

Впрочем, подчеркнем, что в рассматриваемый период феномен совместительства не получил столь широкого распространения, как в последующее столетие.

Что касается форм проведения занятий, то есть все основания утверждать, что в дореволюционный период ключевой оставалась лекция. Современники из числа представителей академической общественности видели недостатки и ограничения лекций, заключавшиеся в первую очередь в пассивной роли студента. На это, в частности, указывали профессор Новороссийского университета П.Е. Казанский и профессор Казанского университета В.Н. Ивановский (*Казанский, 1901: 80; Ивановский, 1907: 1-47*).

Однако в массе своей профессура еще не разочаровалась в педагогических возможностях лекции. Ориентация на лекционную форму во многом вытекала из того факта, что большинство профессоров оставались убежденными сторонниками идеи об университете как месте сосредоточения «чистого знания». Как правило, студенты высоко ценили в профессорских лекциях систематичность, чтение не «по тетрадке», артистизм, элементы юмора, в то же время такие черты, как сухость, монотонность изложения, начетничество воспринимались слушателями негативно. В то же время – рубеж XIX–XX вв. – время все более широкого распространения в университетском учебном процессе практических занятий.

Педагогическая мысль XIX – начала XX в. не прекращала поиск более совершенных форм контроля знаний студентов, а также способов подготовки к экзаменам. Профессор ИМУ П.Г. Виноградов писал о коллеге, практиковавшем перед экзаменом его репетицию, «на которой отвечают лишь желающие, и дело сводится на толковое повторение курса». Сам П.Г. Виноградов выступал сторонником письменного контроля знаний, так как письменный ответ более обдуман, менее подвержен влиянию случайностей и ему «может быть придан задачный характер с тем, чтобы работа обнаружила скорее ориентированность экзаменуемого в предмете и умение обращаться с его данными, нежели способность отрапортовать по книге» (*Виноградов П.Г., 2008: 138-140*).

Однако в подавляющем большинстве случаев дореволюционные профессора практиковали традиционные устные экзамены по билетам, у которых, безусловно, тоже имелись свои достоинства. Заслуживает внимания мнение исследователя А.В. Антощенко, который полагает, что за монологической формой лекции скрывался авторитаризм преподавания, который проявлялся на экзамене, представлявшем собой в свою очередь монолог студента, демонстрирующего, насколько он усвоил

знания (Антощенко, 2015: 146). Упомянутый авторитаризм выражался в том, что преподавателям было свойственно на экзаменах спрашивать то, что они прочитали студентам в течение семестра. М.М. Богословский описывал в воспоминаниях подготовку в 1890 г. экзамену по средневековой истории у вышеупомянутого профессора Московского университета П.Г. Виноградова. Когда студенты в программе экзамена обнаружили темы, не прочитанные профессором, составили к нему депутацию с просьбой о помощи в подготовке. Но П.Г. Виноградов «дал нам понять, что будет на экзамене спрашивать главным образом свой курс» (Богословский, 1987: 82).

Остановимся на некоторых организационных вопросах осуществления учебного процесса. В дореволюционный период не было редкостью проведение занятий и прием экзаменов на квартирах в частных домах преподавателей. Занятия на дому могли проводить заболевшие или престарелые преподаватели, впрочем, не только они. Бывший столичный студент И. Зайцевский вспоминал о занятиях на дому у приват-доцента П.Ф. Лесгафта по причине отсутствия помещений в Санкт-Петербургском университете (Зайцевский, 1963: 171). На дому у профессоров порой устраивались не только штатные занятия, являвшиеся частью учебного процесса, но и неформальные семинарии (Антощенко, 2015: 44-45, 48). Ю.В. Готье, учившийся в 1890-х гг. на историко-филологическом факультете Московского университета, так описывал занятие на дому у профессора В.И. Герье: «Разбор¹ приходился на пасху и был назначен в доме Герье в Гагаринском переулке. С каким ужасом шел я и мои товарищи туда, с каким страхом звонили у двери, как кисел и невкусен казался нам чай с лимоном, который мы там пили, как трепетали мы в приемной, где должны были происходить занятия, ожидая, что вот-вот выйдет сейчас В[ладимир] И[ванович] из своего кабинета» (Готье, 1989: 561).

С усилением административного надзора за студентами и за учебным процессом проведение таких занятий стало сопровождаться некоторыми сложностями. Так, 22 ноября 1897 г. московский обер-полицмейстер Д.Ф. Трепов писал попечителю Московского учебного округа Н.П. Боголепову о «сборище с участием значительного количества студентов» в квартире экстраординарного профессора М.В. Духовского.

Позднее Д.Ф. Трепов получил сведения, что «сборище» происходило с разрешения университетского начальства с учебными целями, но настаивал на том, что для полиции подобные встречи «внешними признаками мало чем отличаются от обычных недозволенных сходок учащейся молодежи» и требовал информировать его обо всех собраниях, разрешаемых учебным начальством (ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4933. Л. 1-1 об.).

Желание учебных властей все регламентировать и контролировать проявлялось и в вопросах тиражирования профессорских лекций.

В условиях недостатка учебного материала для студентов большую роль играла возможность литографирования лекций преподавателей, то есть размножения их печатным способом. Однако и этот вопрос решался не всегда гладко. Правилами для студентов университетов было запрещено литографирование конспектов лекций профессоров. Запрет объяснялся тем, что профессора не могут нести ответственность за качество и за научное содержание таким способом изданных лекций. Чтобы снять эту проблему, профессора были должны писать на имя ректора отношения следующего, например, содержания: «Поручая студентам: Пакальниню Павлу (I-го курса) и Барану Михаилу (II-го курса) издать читаемые мною в текущем 1895/6 ак[адемическом] году студентам I-го и II-го курсов историко-филологического факультета лекции по сравнительному языкознанию, честь имею просить Ваше Превосходительство о разрешении на литографирование этих лекций в литографии Шиллера, [улица] Новый Свет, № 21» (отношение профессора Г.К. Ульянова) (АРВ. Z 214. S. 200. k. 22-22 об., 30). В ответ профессора получали от ректора удостоверение для предоставления в случае необходимости цензурным властям.

Что касается контроля со стороны преподавателей посещения студентами их занятий, то в конце XIX века эта тема имела особое звучание. В силу внедрения гонорарной системы вставал вопрос о посещениях студентами занятий именно тех преподавателей, на которых они записались (Грибовский, 2018). Однако, судя по многочисленным свидетельствам, на практике контроль не осуществлялся. Например, профессор университета Святого Владимира Ю.А. Кулаковский писал: «Что же касается до преподавателя, то невозможно предположить и, конечно, не было случая, чтобы он сам в аудитории проверял прав студентов его слушать, осведомляясь у них, заплатили ли они за его курс, а затем устранял из аудитории тех, кто не заплатил» (Кулаковский, 1897: 42).

Представление о реальном числе студентов в аудиториях позволяет составить «Список аудиторий, лабораторий и кабинетов в Новороссийском университете с показанием предметов преподавания, числа студентов, подписавшихся на каждый предмет, и числа мест в означенных помещениях» (1887 г.). Согласно «Списку», больше всего слушателей – 170 – было у приват-доцента С.И. Иловайского, читавшего финансовое право, профессора Н.Е. Чижова (151 студент на истории философии права) и профессора А.Н. Кудрявцева (120 студентов на каноническом праве), при этом на курсы 42 преподавателей записалось меньше, чем по 15 студентов (ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 313. Л. 32-41).

¹ Речь шла о разборе книги Н.А. Любимова «Крушение монархии во Франции: Очерки и эпизоды первой эпохи французской революции (1787–1790)» (М., 1893), что было темой семинария.

Оценивая дисциплину студентов на занятиях, профессор Санкт-Петербургского университета А.А. Иностранцев, служивший по совместительству в ряде иных учебных заведениях Санкт-Петербурга, вспоминал: «Сравнивая состав бывших моих аудиторий по внимательности и уважению к профессору, я могу поставить на первом плане военные Академии, где, очевидно, военная дисциплина приучила слушателей быть в аудитории до прихода профессора. На втором плане стоят Высшие женские курсы, где уже вполне самостоятельно были заведены свои порядки и тишина на лекциях была идеальная [...]. Университетские лекции читались и читаются только на старших курсах, вполне дисциплинированных, а потому и порядок на лекциях у меня никогда не нарушался. На последнем плане в этом отношении я поставил Технологический институт» (Иностранцев, 1998: 131). Впрочем, дисциплина студентов и восприятие ими лекций профессоров – тема для отдельного исследования.

5. Заключение

Принципы обеспечения учебного процесса в российских университетах XIX – начала XX в. были достаточно традиционны для отечественной высшей школы. Они предполагали аккуратное проведение преподавателями занятий в соответствии с учебным планом, относительно строгое соблюдение студентами субординации в отношениях с преподавателями в рамках учебного процесса.

Вместе с этим важно отметить фиксируемые разными историческими источниками случаи нарушения базовых принципов обеспечения учебного процесса – факты пропуска довольно большого количества занятий дореволюционными преподавателями, что объясняется, с одной стороны, «человеческим фактором», а с другой – спецификой исторического периода (бурное студенческое движение, революция 1905–1907 гг.).

Вышеприведенный анализ с опорой на нормативные акты, делопроизводственную документацию, источники личного происхождения показывает, что учебный процесс как основа профессиональной деятельности преподавателей, с одной стороны, не очень основательно контролировался в количественном отношении, с другой – обставлялся различными административными регламентами.

Сравнивая дореволюционное время с нашими днями, укажем, что в исследуемый период объем учебной нагрузки для профессуры был несколько меньшим. Однако на объем учебной деятельности профессоров оказывал влияние и такой показатель, как соотношение преподавателей и студентов в университете. Соотношение это в рассматриваемый период постоянно росло и, как правило, было большим, чем в западных вузах того времени.

К особенностям времени следует отнести слабую распространенность феномена совместительства, практику проведения занятий и приема экзаменов не только в стенах университетских корпусов, но и в домах профессоров.

Перспективы настоящего исследования связаны с более детальным определением роли и места научных занятий в профессиональной деятельности дореволюционного преподавателя.

6. Благодарности

Выявление объема учебной нагрузки преподавателей, соотношения числа преподавателей и студентов в данном исследовании выполнено при поддержке РФФИ. Проект № 18-39-20008 "Университетское сообщество Западной Сибири как основа интеллектуального капитала территории и драйвер социокультурной и экономической модернизации страны в XIX–XX вв."

Выявление особенностей постановки учебного процесса, характерных для дореволюционного Университета в данном исследовании выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00485 "Человеческое измерение трансформационных процессов в российских университетах: исторический опыт, тенденции и ответы на вызовы современности").

Литература

Антощенко, 2015 – Антощенко А.В. Профессор императорского Московского университета Павел Гаврилович Виноградов (очерки жизни и деятельности). М., 2015. 336 с.

Богословский, 1987 – Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. 216 с.

Виноградов, 2008 – Виноградов П.Г. Учебное дело в наших университетах // Россия на распутье. Историко-публицистические статьи. М., 2008. С. 107-140.

ГАОО – Государственный архив Одесской области.

Готье, 1989 – Готье Ю.В. Университет / Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник / Сост. Ю.Н. Емельянов. М.: Современник, 1989. С. 554-574.

Грибовский, 2018 – Грибовский М.В. Профессорский гонорар как зеркало университетского вопроса конца XIX – начала XX веков // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2018. № 62. С. 144-163.

Еремина, 2016 – Еремина Т.И. Правовое регулирование служебной карьеры преподавателей университетов Российской империи // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2016. № 1 (57). С. 144-148.

- Еремина, 2017** – *Еремина Т.И.* Правовые стимулы профессиональной деятельности ученого сословия университетов Российской империи // *Право и образование*. 2017. № 7. С. 137-148.
- Жарова, 2012** – *Жарова Е.Ю.* Курсовая и предметная системы биологического образования в Российской империи // *Вопросы образования*. 2012. № 4. С. 238-248.
- Зайцевский, 1963** – *Зайцевский И.* Слово о Лесгафте // *Ленинградский университет в воспоминаниях современников*. Т. 1. Л., 1963. С. 166-172.
- Зипунникова, 2017** – *Зипунникова Н.Н.* Правовой статус ученого в Российской империи (особенности формирования ключевых компонентов) // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. Режим доступа: <http://scientific-notes.ru/pdf/014-20.pdf> (дата обращения: 08.05.2019).
- Иванов, 2016** – *Иванов А.Е.* Ученое достоинство в Российской империи. XVII – начало XX веков. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М.: Новый хронограф, 2016. 656 с.
- Ивановский, 1907** – *Ивановский В.Н.* Предметная система в наших университетах и ее применение к философским наукам // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1907. Ноябрь. [пагин. 6-я]. С. 1-47.
- Иностранцев, 1998** – *Иностранцев А.А.* Воспоминания (Автобиография). СПб, 1998. 272 с.
- Иолли, 1900** – *Иолли Л.* Народное образование в разных странах. СПб, 1900. 192 с.
- Каверина, 2010** – *Каверина О.Д.* Организация преподавания учебных курсов по экономике в российских университетах в XIX веке // *Вестник СПбГУ*. Сер 5. 2010. Вып. 3. С. 85-94.
- Казанский, 1901** – *Казанский П.* К вопросу о постановке преподавания на юридических факультетах. Одесса, 1901. 80 с.
- Кулаковский, 1897** – *Кулаковский Ю.А.* Гонорар в русских университетах. Киев, 1897. 66 с.
- Линниченко, 1916** – *Линниченко И.А.* Проект нового университетского устава. Пг, 1916. 44 с.
- Богословский, 2011** – *Михаил Михайлович Богословский*. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. 423 с.
- НАРТ** – Национальный архив Республики Татарстан.
- Общий устав, 1884** – *Общий устав и временный штат Императорских российских университетов, а также расписание должностей и окладов содержания по инспекции в университетах*. СПб, 1884. 63 с.
- ОРБВУ** – Отдел рукописей Библиотеки Вильнюсского университета.
- Отчет о состоянии, 1895** – *Отчет о состоянии ИТУ за 1894 год*. Томск, 1895. 124 с.
- Отчет о состоянии, 1896** – *Отчет о состоянии ИТУ за 1895 год*. Томск, 1896. 151 с.
- Пискунов, 2015** – *Пискунов И.В.* Как стать российским приват-доцентом? // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. 2015. № 51. С. 243-260.
- Пискунов, 2014** – *Пискунов И.В.* Правовое положение приват-доцентов российских университетов (1803–1884) // *Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. Серия 2: История. История Русской православной церкви. 2014. Вып. 4 (59). С. 98-116.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Рингер, 2008** – *Рингер Ф.* Закат немецких мандаринов: академическое сообщество в Германии: 1890–1933. М., 2008. 648 с.
- Сборник распоряжений, 1907** – *Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения*. Т. 16. Ч. 1. 1904 г. СПб, 1907. 688 стлб.
- ЦГАМ** – Центральный государственный архив Москвы.
- Черных, 2011** – *Черных Н.В.* Правовое регулирование статуса ректора Российской империи // *Право и образование*. 2011. № 12. С. 48-49.
- Чиненный, Стоян, 1999** – *Чиненный А., Стоян Т.* Университетский преподаватель: XIX век // *Высшее образование в России*. 1999. № 3. С. 128-136.
- Шаршунов, 2007** – *Шаршунов В.А.* История создания государственной системы аттестации ученых и педагогов в Российской империи // *Проблемы управления*. 2007. № 3 (24). С. 74-91.
- Якушев, Кононова, 2006** – *Якушев А.Н., Кононова С.* Присуждение ученых степеней в университетах Российской империи (статистический анализ) // *Высшее образование в России*. 2006. № 3. С. 147-150.
- APW** – Archiwum Państwowe w Warszawie.
- Maurer, 1998** – *Maurer T.* Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Koeln; Weimar; Wien, 1998. 959 s.
- Science. 1908. Jul. 24** – *Science*. 1908. Jul. 24.

References

- Antoshchenko, 2015** – *Antoshchenko A.V.* (2015). Professor imperatorskogo Moskovskogo universiteta Pavel Gavrilovich Vinogradov (ocherki zhizni i deyatel'nosti) [Professor of Imperial Moscow University Pavel Gavrilovich Vinogradov (essays of life and work)]. М., 336 p. [in Russian]
- APW** – Archiwum Państwowe w Warszawie.

- [Bogoslovskii, 1987](#) – *Bogoslovskii M.M.* (1987). Istoriografiya, memuaristika, epistolyariya [Historiography, memoirs, epistolary]. M., 216 p. [in Russian]
- [Chernykh, 2011](#) – *Chernykh N.V.* (2011). Pravovoe regulirovanie statusa rektora Rossiiskoi imperii [Legal regulation of the status of the rector in the Russian Empire]. *Pravo i obrazovanie*. № 12, pp. 48-49. [in Russian]
- [Chinennyi, Stoyan, 1999](#) – *Chinennyi A., Stoyan T.* (1999). Universitetskii prepodavatel': XIX vek [A university teacher: XIX century]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. № 3, pp. 128-136. [in Russian]
- [Eremina, 2016](#) – *Eremina T.I.* (2016). Pravovoe regulirovanie sluzhebnoi kar'ery prepodavatelei universitetov Rossiiskoi Imperii [Legal regulation of the career of university teachers in the Russian Empire] *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii*. № 1 (57), pp. 144-148. [in Russian]
- [Eremina, 2017](#) – *Eremina T.I.* (2017). Pravovye stimuly professional'noi deyatelnosti uchenogo sosloviya universitetov Rossiiskoi Imperii [Legal incentives for the professional activity of the academic class of universities of the Russian Empire]. *Pravo i obrazovanie*. № 7, pp. 137-148. [in Russian]
- [GAOO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Odesskoi oblasti [State Archives of the Odessa Region].
- [Got'e, 1989](#) – *Got'e Yu.V.* (1989). Universitet [University]. Moskovskii universitet v vospominaniyakh sovremennikov: Sbornik / Sost. Yu.N. Emel'yanov. M.: Sovremennik, pp. 554-574.
- [Gribovskii, 2018](#) – *Gribovskii M.V.* (2018). Professorskii gonorar kak zerkalo universitetskogo voprosa kontsa XIX – nachala XX veka [Professorial fee as a mirror of the university issue of the late XIX – early XX century]. *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii*. № 62, pp. 144-163 [in Russian]
- [Inostrantsev, 1998](#) – *Inostrantsev A.A.* (1998). Vospominaniya (Avtobiografiya) [Memories (Autobiography)]. Saint Petersburg, 272 p. [in Russian]
- [Iolli, 1900](#) – *Iolli L.* (1900). Narodnoe obrazovanie v raznykh stranakh [Popular education in different countries]. Saint Petersburg, 192 p. [in Russian]
- [Ivanov, 2016](#) – *Ivanov A.E.* (2016). Uchenoe dostoinstvo v Rossiiskoi imperii. XVII – nachalo XX veka. Podgotovka i nauchnaya attestatsiya professorov i prepodavatelei vysshei shkoly. [Scholarly dignity in the Russian Empire. XVII – the beginning of the XX century. Training and scientific certification of professors and teachers of higher education]. M., 656 p. [in Russian]
- [Ivanovskii, 1907](#) – *Ivanovskii V.N.* (1907). Predmetnaya sistema v nashikh universitetakh i ee primenenie k filosofskim naukam [The subject system in our universities and its application to the philosophical sciences]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Noyabr'. [pagin. 6-ya]. P. 1-47. [in Russian]
- [Kaverina, 2010](#) – *Kaverina O.D.* (2010). Organizatsiya prepodavaniya uchebnykh kursov po ekonomike v rossiiskikh universitetakh v XIX veke [Organization of teaching courses in economics at Russian universities in the 19th century]. *Vestnik SPbGU*. Ser 5. 2010. Vyp. 3, pp. 85-94. [in Russian]
- [Kazanskii, 1901](#) – *Kazanskii P.* (1901). K voprosu o postanovke prepodavaniya na yuridicheskikh fakul'tetakh [On the issue of teaching in law schools]. Odessa, 80 p. [in Russian]
- [Kulakovskii, 1897](#) – *Kulakovskii Yu.A.* (1897). Gonorar v russkikh universitetakh [Fees at Russian universities]. Kiev, 66 p. [in Russian]
- [Linnichenko, 1916](#) – *Linnichenko I.A.* (1916). Proekt novogo universitetskogo ustava [The draft of a new university statute]. Petrograd, 44 p. [in Russian]
- [Maurer, 1998](#) – *Maurer T.* (1998). Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Koeln; Weimar; Wien, 1998. 959 p. [in German]
- [Bogoslovskii, 2011](#) – *Bogoslovskii M.M.* (2011). Dnevnik. 1913–1919: Iz sobraniya Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Mikhail Mikhailovich Bogoslovsky. The Diaries. 1913–1919: From the collection of the State Historical Museum]. M., 423 p. [in Russian]
- [NART](#) – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan [National Archive of the Republic of Tatarstan].
- [Obshchii ustav, 1884](#) – Obshchii ustav i vremennyi shtat Imperatorskikh rossiiskikh universitetov, a takzhe raspisanie dolzhnostei i okladov sodержaniya po inspektsii v universitetakh [General statutes and temporary staff of Imperial Russian universities, as well as the schedule of posts and salaries for university inspections]. SPb, 1884, 63 p. [in Russian]
- [ORBVO](#) – Otdel rukopisei Biblioteki Vil'nyusskogo universiteta [Vilnius University Library Manuscripts Department].
- [Otchet o sostoyanii, 1895](#) – Otchet o sostoyanii ITU za 1894 god [The report on the state of Tomsk University for 1894]. Tomsk, 1895, 124 p. [in Russian]
- [Otchet o sostoyanii, 1896](#) – Otchet o sostoyanii ITU za 1895 god [The report on the state of Tomsk University for 1895]. Tomsk, 1896, 151 p. [in Russian]
- [Piskunov, 2014](#) – *Piskunov I.V.* (2014). Pravovoe polozhenie privat-dotsentov rossiiskikh universitetov (1803–1884) [Legal status of privat-docents of Russian universities (1803–1884)]. *Vestnik pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoi pravoslavnoi tserkvi*. Vyp. 4 (59), pp. 98-116. [in Russian]

Piskunov, 2015 – Piskunov I.V. (2015). Kak stat' rossiiskim privat-dotsentom? [How to become a Russian privat-dotsent?]. *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii*. № 51. pp. 243-260. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

Ringer, 2008 – Ringer F. (2008). Zakat nemetskikh mandarinov: akademicheskoe soobshchestvo v Germanii: 1890–1933 [Decline of German Mandarins: Academic Community in Germany: 1890–1933]. Moscow, 648 p. [in Russian]

Sbornik rasporyazhenii, 1907 – Sbornik rasporyazhenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya [Collection of orders by the Ministry of Education]. Vol. 16. Part. 1. 1904 g. Saint Petersburg, 1907, 688 columns. [in Russian]

Science. 1908. Jul. 24 – Science. 1908. Jul. 24.

Sharshunov, 2007 – Sharshunov V.A. (2007). Istoriya sozdaniya gosudarstvennoi sistemy attestatsii uchenykh i pedagogov v Rossiiskoi imperii [The history of the creation of the state system of certification of scientists and teachers in the Russian Empire]. *Problemy upravleniya*. № 3 (24). pp. 74-91. [in Russian]

TsGAM – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv goroda Moskvy [Central State Archives of the City of Moscow].

Vinogradov, 2008 – Vinogradov P.G. (2008). Uchebnoe delo v nashikh universitetakh [Training in our universities]. *Rossiya na rasput'e. Istoriko-publitsisticheskie stat'i*. M., pp. 107-140.

Yakushev, Kononova, 2006 – Yakushev A.N., Kononova S. (2006). Prisuzhdenie uchenykh stepenei v universitetakh Rossiiskoi imperii (statisticheskii analiz) [Awarding degrees at universities of the Russian Empire (statistical analysis)]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. № 3, pp. 147-150. [in Russian]

Zaitsevskii, 1963 – Zaitsevskii I. (1963). Slovo o Lesgafte [A word about Lesgaff]. *Leningradskii universitet v vospominaniyakh sovremennikov*. T. 1. L., pp. 166-172.

Zharova, 2012 – Zharova E.Yu. (2012). Kursovaya i predmetnaya sistemy biologicheskogo obrazovaniya v Rossiiskoi imperii [Course and subject systems of biological education in the Russian Empire]. *Voprosy obrazovaniya*. № 4, pp. 238-248. [in Russian]

Zipunnikova, 2017 – Zipunnikova N.N. (2017). Pravovoi status uchenogo v Rossiiskoi Imperii (osobennosti formirovaniya klyuchevykh komponentov) [The legal status of a scientist in the Russian Empire (especially the formation of key components)]. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Electronic resource]. URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/014-20.pdf> (accessed 8 May 2019). [in Russian]

«Тягость профессорства»: особенности педагогической деятельности университетского преподавателя в дореволюционной России

Михаил Викторович Грибовский ^{a, b, *}

^a Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация

^b Тюменский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена определению содержания и специфики профессиональной деятельности университетского преподавателя рубежа XIX–XX вв. Задачи исследования состоят в определении реальной учебной нагрузки преподавателей, соотношения числа преподавателей и студентов, выявлении особенностей постановки учебного процесса, характерных для дореволюционного университета. Для выполнения исследования были привлечены нормативные акты, делопроизводственная документация, источники личного происхождения, большая часть которых была извлечена автором из российских (Российский государственный исторический архив, Национальный архив Республики Татарстан, Центральный государственный архив Москвы) и зарубежных (Государственный архив в Варшаве, Государственный архив Одесской области) архивов. Подчеркивается, что в XIX – начале XX вв. учебный процесс как основа профессиональной деятельности университетских преподавателей не очень основательно контролировался в количественном отношении, но при этом обставлялся различными административными регламентами. Указывается, что в сравнении с началом XXI в. объем учебной нагрузки дореволюционной профессуры был несколько меньшим. К особенностям времени следует отнести слабую распространенность феномена совместительства, практику проведения занятий и приема экзаменов не только в стенах университетских корпусов, но и в домах профессоров.

Ключевые слова: университет, профессора, студенты, учебный процесс, учебная нагрузка, лекции, практические занятия, экзамены.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mgrib@mail2000.ru (М.В. Грибовский)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1272-1280. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1272
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Public Charity of the Elderly People in Poorhouses in the late XIX – early XX centuries (on the Example of Tomsk)

Alexander S. Kovalev ^{a, b, *}, Nikolai R. Novosel'tsev ^a, Oleg I. Savin ^a, Ella V. Savina ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the fact that the development of the charity to the elderly in charitable institutions occurs at the local level. The subject of the study is the activities of poorhouses in the city of Tomsk. On the basis of previously unpublished archival data, the specific features of charitable organizations in Tomsk are analyzed, as well as the terms of services for army integration and the procedure of entering into a charitable society, the most typical "diagnoses", appealed decisions. Also addresses the issues of maintenance of the elderly, the specifics of care for the elderly who had relatives, the daily life of the elderly in Tomsk hospice, peculiarities of relations with them. Based on the results of the analysis, it was concluded that at the turn of the XIX–XX centuries assistance to the elderly in the poorhouse conditions was one of the key directions of social charity. The most effective means of solving the problems of elderly people was the involvement of Tomsk merchants in this process. It means that in this process there was a fairly high level of social solidarity of the pre-revolutionary society. At the same time, the main disadvantage of the charity practice to the elderly was the stratification and its inaccessibility for the majority of people, and the charity organization itself was based on passive accepting of outside help by the residents of poorhouses.

Keywords: poorhouses, charity of merchants, public charity, elderly people, social assistance.

1. Введение

В последнее время в деятельности органов социальной защиты наблюдается отход от предоставления услуг пожилым людям в специализированных интернатных учреждениях «закрытого» типа в сторону расширения социальной работы в «открытом» социуме. При этом существует определенное противоречие между декларируемым государством и обществом отходом от «карцерной системы» и изоляции пожилых людей в интернатных учреждениях и реальной практикой социальной помощи. С одной стороны, обществом признается необходимость отказа от неэффективного обслуживания в стационарных условиях, с другой – государство продолжает использовать более дешевую, удобную и проверенную годами (и даже веками) систему содержания пожилых в специализированных учреждениях. При этом, отвергая или защищая практику подобной помощи, и те, и другие объясняют ее устойчивостью сложившимися историческими причинами. В обоих случаях подобное объяснение осуществляется на интуитивном уровне, поскольку специальных научных исследований, подтверждающих или опровергающих доводы той или другой стороны, сегодня крайне мало, что в значительной степени актуализирует изучение общественного призрения в богадельнях, поскольку именно из него выросло и советское социальное обеспечение в инвалидных домах, и современное социальное обслуживание пожилых людей.

* Corresponding author

E-mail addresses: alexkovaleff@yandex.ru (A.S. Kovalev), NNovoseltsev@sfu-kras.ru (N.R. Novosel'tsev), OlegGTS@yandex.ru (O.I. Savin), squirrel-o@yandex.ru (E.V. Savina)

В данной статье сделана попытка дать определенный ответ на вопросы о том, действительно ли современная практика социальной работы с пожилыми людьми исторически обусловлена достижениями и недостатками системы общественного призрения, сложившегося в XIX – начале XX вв.

2. Методы и материалы

Исследование базируется на архивных материалах, впервые вводимых в научный оборот, извлеченных из Государственного архива Томской области. Методологической основой составляют принципы истории повседневности, в частности подход американской исследовательницы Т. Харевен, которая говорит о том, что определяющими в историческом изучении старости являются процессы, связанные с разрушением традиционных моделей помощи и падением роли патриархальной семьи. Вследствие начавшихся процессов урбанизации постепенно происходит «разрыв поколений», внутрисемейные отношения теряют свое прежнее значение, в результате чего нетрудоспособные члены семьи оказываются выброшенными из «семейного круга» на произвол судьбы. «Естественным» выходом из этой ситуации стало распространение специальных учреждений для призрения стариков (Якимова, Харевен, 1994).

Также в работе были использованы системный подход, который дал возможность выделить, изучить отдельные характеристики социальной помощи в богадельнях, рассмотреть их зависимость в рамках единой структуры; проблемный метод, предполагающий расчленение темы исследования на ряд узких проблем, каждая из которых была отдельно изучена; текстологический метод, позволивший изучить прошения о принятии в богадельню и жалобы рядовых граждан, провести логический анализ их содержания, воссоздать недостающие фрагменты и реконструировать различные события реализации социальной помощи в богадельнях г. Томска; иллюстративный метод, который помог привлечь разнообразный материал для демонстрации тех или иных явлений или процессов, связанных с призрением пожилых людей в г. Томске, на конкретных примерах.

3. Обсуждение

Проведенный анализ степени изученности темы показал, что специальных исследований, посвященных как самим богоугодным заведениям для пожилых людей, так и особенностям их функционирования, нет. В исследовании Ю.В. Щербининой, посвященном призрению военных инвалидов в Российской империи в XIX в. упоминается, что значительная часть увечных воинов и членов их семей в старости не получала фактически никакой поддержки от государства и общества, люмпенизировалась, пополняя ряды бродяг и нищих, которых могли призреть только в богадельнях (Щербинина, 2012). О.А. Чернова и ее коллеги исследуют исторические и медико-социальные аспекты пребывания пожилых людей в домах престарелых. Они справедливо отмечают сословный характер помощи престарелым, но ограничиваются констатацией известных фактов о том, что социальная помощь старикам, которую авторы не совсем корректно называют «социальной защитой», приобретает более организованный характер через создание разветвленной сети учреждений для одиноких стариков (Чернова и др., 2011).

Деятельность общественных институтов и частных лиц по оказанию помощи людям пожилого возраста на рубеже XIX–XX вв. рассматривает в своих исследованиях Т.В. Макаренко. Она останавливается на проблемах нормативно-правовой основы социальной деятельности по оказанию помощи людям пожилого возраста в 1890–1910 гг., рассматривает конкретные направления деятельности социальных институтов и частных лиц, в том числе в богоугодных заведениях (Макаренко, 2008; Макаренко, 2009).

На региональном уровне частично изучена деятельность отдельных богаделен и их роль в общественном призрении пожилых людей в Санкт-Петербурге (Керзум и др., 2016), Москве (Николаевская..., 2011), Перми (Софьина, 2017). Рассматриваются вопросы развития общественного призрения неимущих стариков силами городского сообщества, дана характеристика особенностей функционирования богаделен, созданных и содержавшихся городскими думами, приказами общественного призрения, частными благотворителями.

В сибирской историографии вопросам становления и развития богоугодных заведений для стариков уделяется еще меньше внимания. На Алтае недавно была опубликована «Туристская энциклопедия регионов России», в которой описывают региональные достопримечательности, и одна из статей посвящена заводской богадельне в г. Барнауле (Тяпкина, 2017), но она не дает представления о том, что это было за заведение.

Т.А. Катцина пишет о том, что в XIX в. в крестьянской Сибири одинокие старики предпочитали кормиться подаванием или у своих соседей, нежели жить «не на свободе», поэтому учреждения общественного призрения при большом числе нуждающихся пустовали, ибо старики предпочитали жизнь в привычной для себя обстановке (Катцина, 2005), и поэтому большинство богаделен в сельской местности создавалось исключительно для ссыльнопоселенцев, и учреждения для нетрудоспособных граждан к началу XX в. находились в крайне неудовлетворительном состоянии.

Особенности богадельни как института общественного призрения пожилых людей, условия и качество жизни проживания в богоугодных заведениях во второй половине XIX – начале XX вв. на примере г. Красноярска изучены одним из авторов настоящей статьи (Ковалев, 2010; Ковалев, 2011). Однако в указанных работах призрение пожилых людей в дореволюционное время рассматривалось в большей степени в качестве «пролога» к созданию советской системы социального обслуживания нетрудоспособных граждан. Теперь же автором и его коллегами предпринимается попытка получить более полную картину общественного призрения престарелых лиц в богадельнях на примере г. Томска, где в XIX – начале XX вв. существовала наиболее развитая система социальной помощи.

4. Результаты

Организация попечения в богадельнях начинается еще в петровскую эпоху. С 1710 г. указом Петра I престарелые, раненые и увечные офицеры, урядники и солдаты, потерявшие способность быть полезными на службе, определялись в богадельни. Царь полагал, что необходимо решать вопросы о призрении в старости тех, «которые лучшие свои годы пожертвовали Царю и Отечеству». В 1712 г. издается указ об учреждении во всех губерниях госпиталей-богаделен для призрения увечных и престарелых воинов. В 1719 г. было велено при монастырях устроить богадельни и госпитали для оставлявших военную службу по старости.

При Екатерине II в рамках приказов общественного призрения была создана система институтов социального контроля за теми, кто не имел родственников и средств к пропитанию, среди которых особое место занимали богадельни. В царствование императора Николая I отставные раненые нижние чины призывались в богадельнях приказов общественного призрения наравне с другими лицами, а также и в специально созданных для инвалидов войны учреждениях – инвалидных домах. В период правления Александра II в богадельнях было запрещено размещать отставных солдат и военных инвалидов с семьями, и призряться в богоугодном заведении мог только сам солдат, а жена должна была проживать отдельно. Социальная помощь престарелым лицам могла оказываться только в том случае, если пожилой человек был физически немощным, не мог добыть средства для пропитания своим собственным трудом и у него не было родственников, способных оказать ему содействие.

Социальная помощь в условиях богадельни в конце XIX – начале XX вв. в сибирских городах была наиболее «популярным» направлением общественного призрения пожилых людей. В г. Томске в этот период насчитывалось 4 богадельни. Еще в 1805 г. была основана богадельня Приказа общественного призрения. Сюда принимались увечные, престарелые и «пропитания не имеющие» отставные чиновники, отставные солдаты и их вдовы «по предварительному освидетельствованию начальства и местной врачебной управы». Она была рассчитана на 20 мужчин и 20 женщин, содержание солдат составляло 3 р. в месяц, остальные призывались бесплатно (Памятная..., 1885: 18, 134).

В 1860 г. была открыта богадельня Томского мещанского общества. В нее принимались только «томские мещане православного исповедания, бедные, безродные, хорошего поведения, по назначению мещанского общества». Размещалась богадельня в просторном каменном двухэтажном доме, выстроенном купцом И.С. Вильяновым, в ней получали помощь одновременно 17 мужчин и 40 женщин, причем все призывались бесплатно (Памятная..., 1885: 18, 134; Благотворительные..., 1895: 34).

В 1892 г. была открыта богадельня Томского общественного управления, она же богадельня братьев Королевых, открытая на пожертвования купцов и потомственных почетных граждан Томска Е.И. и В.И. Королевых (80 000 руб.) в каменном двухэтажном доме. Изначально была рассчитана всего на 25 человек, однако, к примеру, в 1894 г. в ней получал помощь 41 чел., причем исключительно «престарелые и дряхлые мужчины» (Благотворительные..., 1895: 33).

Наконец, в 1887 г. купец Ф.Х. Пушников подарил большую усадьбу с двумя домами Томскому благотворительному обществу с тем, чтобы в них открылась богадельня для бездомных престарелых, названная Покровской (Томское..., 2005: 53; Жукова, 2012: 377).

Попасть в богадельню г. Томска можно было только если местный городской голова соглашался принять соответствующее прошение. Вот типичный пример прошения (ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 2042. Л. 25) о принятии в богадельню рядового старика: «Его Высокоблагородию господину Томскому Городскому Голове крестьянина из ссыльных Томской губернии Каинской волости Степана Иванова прошение. Осмеливаюсь всепокорнейше просить Вас, Ваше Высокоблагородие! Проживая в г. Томске, я до сего времени кое-как трудами доставал себе на пропитание, а в месте причисления не имею никакого домообзаведения. В настоящее же время по старости своих лет и по слабости здоровья не в состоянии работать. А потому всепокорнейше прошу, не сочтете ли возможным поместить меня в Томскую городскую богадельню. 1899, июня, 21 дня».

Как видно из текста, у самого письма была определенная «структура»: прежде всего, сразу после официального обращения к лицу, полномочному рассматривать подобные прошения (обычно это был либо городской голова, либо губернатор) проситель был обязан сообщить подробно о себе, а затем указать, что является причиной его обращения с просьбой о помещении в богоугодное заведение. Также следует обратить внимание на то, что проситель прекрасно отдавал себе отчет в том,

что у него нет права требовать что-либо от власти даже по достижении определенного возраста, ибо социальная помощь еще не была правом, а оставалась милостью со стороны чиновников. Отсюда робкое «осмеливаюсь», рабское «всепокорнейше» и унижительное «не сочтете ли возможным». Также важно было сообщить факт, что прежде проситель мог зарабатывать собственным трудом, и только физическое состояние не позволяло ему больше работать, и лишь потому он осмеливается побеспокоить своей просьбой столь важную персону.

Нередко причиной обращения о помещении в богадельню становилось желание пожилого человека освободить свою семью от обязанности ухаживать за больным и немощным стариком. К примеру, наполовину парализованный 56-летний Ф.М. Трухницкий писал в Томскую городскую управу, что он «поражен невлладением правой руки и ноги, вместе с лишением языка», что долго лечился в местной университетской больнице, но был отправлен домой, т.к. «остался совершенным калекою и в безнадежном положении к излечению» (ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 2042. Л. 29-30). Между тем больше всего он переживал за свою семью, которой пришлось за ним ухаживать – больную супругу и трех детей: «...тяжкое положение мое при несостоятельности и без помощи отягощает семью, которая едва снискивает для себя пропитание». Причем, судя по письму, «снискивал пропитание» для всей семьи только 14-летний сын, дочери же были маленькими и не способными к труду. Другим источником дохода для семьи отставного военного была пенсия, составлявшая 20 руб. в месяц.

В другой раз ссыльный крестьянин Захар Погорелов сообщал, что он «четвертый год уже как... потерял зрение и сделался совершенно неспособным ни к какому труду. Все, что было ранее приобретено, теперь прожито, и в настоящее время мне со старухой женой нечем существовать» (ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 2042. Л. 40). При этом он просил его как нетрудоспособного поместить в одну из богаделен Томска, чтобы жена могла спокойно жить без него.

В прошении «проживающего в г. Томске при дочери своей барнаульского мещанина Николая Григорьевича Уманского» сначала в смиренных тонах описывается собственная трагическая история превращения в инвалида: «Долго страдал я болью головы и глаз и долго пользовался всякого рода медикаментами, но – Его Святая Воля – я окончательно лишился зрения, сопряженного со старостью лет и глухотой при окружающей бедности и неимением родных». После этого Уманский выражает благодарность дочери: «...Она поддерживала меня, ухаживала, работая без устали». А затем сообщает о том, что теперь его дочь не в состоянии позаботиться о старике: «Сейчас же работ прежних не имеется, и несчастная, она бьется как рыба об лед, не в силах далее ухаживать за мной». Не желая оставаться обузой для дочери, пожилой человек просит направить его в богадельню: «По крайней мере, я буду сыт, иметь приют с баней, необходимой при старости лет» (ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 2042. Л. 45).

Впрочем, у каждого, кто получал призрение в богадельне, должно было хватать средств для того, чтобы иметь основание находиться в ней. Обычно эти средства переводились с пенсионных счетов обитателя богадельни, либо у пансионера были покровители среди горожан, которые могли взять на себя его содержание в богоугодном заведении. Однако, как только средства переставали поступать, пожилого человека могли с легкостью выставить из богадельни, в каком бы состоянии он ни находился. К примеру, томский мещанин Прокопий Тимофеев жаловался: «Зачем меня выдворяют из богадельни[?] Я согласен вносить ежемесячно по 5 рублей, если буду иметь возможность к этому. В квартирах ни при какой зароботке жизнь для меня невозможна» (ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 2042. Л. 81-81 об.). Однако руководство богадельни Калинина-Шушляева не собиралось ждать, когда у старика появятся заветные 5 рублей, и, несмотря на увещевания Тимофеева, что «безмилосердно заставляя уходить» и что не хватает только насильственного способа его выдворения из богадельни, навстречу ему не пошли, и старика выгнали из заведения, и в одном из своих следующих писем-жалоб Тимофеев сообщает, что ему теперь приходится жить в ночлежном доме.

При помещении человека в богадельню также требовалось предоставить свидетельство из городского полицейского управления с подробными сведениями о помещаемом в богадельню старике. Обычно это были шаблонные вопросы: возраст просителя, к какому сословию принадлежит, имеет ли семейство и из кого оно состоит, с указанием возраста и занятий каждого, где проживает и на чьи средства существует, имеет ли проситель имущество и какое именно, получает ли откуда-либо вспомоществование и какое, чем занимается и каким путем добывает средства к жизни, «какого образа жизни, нравственных качеств и поведения», не состоял и не состоит ли под судом и следствием в Сибири, действительно ли лишен всякой возможности существовать без просимого пособия и заслуживает ли такового (ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 2042. Л. 81-81 об.).

С делопроизводственной точки зрения устройство одинокого пожилого человека в богадельню в случае, если в богадельне были места, проходило крайне быстрыми темпами. Анализ архивных документов позволяет сделать вывод, что период от написания прошения до помещения пожилого человека в богоугодное заведение составлял всего несколько дней. Так, 77-летний отставной солдат Р.А. Беляев обратился с прошением к Томскому городскому голове 6 марта 1906 г., на следующий день оно было уже рассмотрено городской управой, о чем сообщает пометка на прошении: «может быть принят в богадельню, если по освидетельствованию его он окажется нуждающимся». Через пару дней пожилой человек прошел «экспертизу», получил справку о состоянии здоровья, и уже 11 марта

был принят в богадельню бр. Королевых. Еще быстрее был оформлен крестьянин из Каинского уезда Т.Е. Иванов. 12 марта того же года он подал прошение, на следующий день оно поступило в управу, 14 марта Иванов получил заключение врача о нетрудоспособности, а 15-го числа был отправлен в богадельню (ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 2042. Л. 84-85).

Если у просителя были родственники, способные его содержать, городские власти противились определению человека в богадельню. Например, И.В. Лешев в октябре 1906 г. в своем прошении сообщал: «Находясь в преклонных, старческих и дряхлых летах, к тому же и слепой, ходить за мной некому... при старости своей в печальном виде... у родной своей дочери, но она женщина семейная, положения бедного, работник у нее муж один, по занятию они пильщики... У дочери моей свои малые дети, за которыми и строится уход и присмотр. Поэтому прошу направить меня в богадельню...» (ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 2042. Л. 104). Городской голова сделал на прошении пометку – отказать «как имеющему дочь, против которого имеют преимущество совершенно безродные». Только зимой 1907 г. его приняли в богадельню, но лишь потому, что появилось вакантное место, на которое не было других претендентов.

К сожалению, вплоть до революции в сибирских богадельнях процветал сословный подход, и далеко не каждому просителю было доступно место в богадельне. О сословном подходе ярче всего расскажет следующий сюжет. Зимой 1888 г. в Томский приказ общественного призрения с просьбой о помещении в богадельню обратилась вдова губернского секретаря О.С. Токарева. В прошении она указала, что «состояния бедного и средств к жизни никаких не имеет, а потому просит поместить ее в богадельню Приказа общественного призрения». Однако оказалось, что Томская богадельня имела всего 20 кроватей для мужчин и 20 для женщин, и на момент прошения Токаревой в ней уже призревались 20 женщин и 7 мужчин. Чиновники долго думали, стоит ли одну из комнат, предназначенных для мужчин, отдать дамам престарелого возраста и наконец решили вопрос положительно. Однако сразу же на появившееся место обнаружилась другая претендентка – вдова-дворянка Е. Терлецкая – «двадцать первую с содержанием на счет мужского отделения» (любопытно, что, к примеру, в Красноярске подобная практика была запрещена, а здесь ее допускали). Мещанке Токаревой отказали в пользу дворянки Терлецкой, однако последняя занимать место в богадельне как будто вовсе не собиралась. Утвердительного ответа от Терлецкой ждали полтора года, и в конечном счете, постановив, что так как «Терлецкая... не желает пользоваться [своим] правом, то Приказ общественного призрения полагает вместо [Терлецкой] ввиду возможности постановки лишней в комнатах женского отделения кровати поместить просительницу Токареву» (ГАТО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 23. Л. 418 об.-419).

Отказать в помещении в богадельню могли не только из-за сословных предрассудков, но, как ни странно это прозвучит, и по состоянию здоровья. Анализ списка призреваемых в Томской богадельне им. братьев Королевых за 1910 г. дает некоторое представление, с какими «диагнозами» («степенью дряхлости») пожилые люди поступали в богоугодное заведение: 1) слепой, требует посторонней помощи; 2) дряхлый, требует посторонней помощи; 3) хронически-больной, требует посторонней помощи; 4) не дряхлый, но требует посторонней помощи; 5) одержимый параличом; 6) «молодой хронически больной»; 7) хронически-больной, одержимый параличом, но обходится без посторонней помощи; 8) плохое зрение, обходится без посторонней помощи (ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 3407. Л. 91-95).

А вот слабоумным в приюте в богадельне чаще всего отказывали, полагая, что душевнобольные должны получать скорее медицинскую помощь в учреждении здравоохранения, нежели призрение в богадельне. К примеру, в Томске проживала у своего зятя вдова отставного рядового инвалидной команды А.А. Пахнина. Ей был 81 год, она была, согласно медицинскому освидетельствованию, в «относительно удовлетворительном физическом состоянии здоровья», но страдала слабоумием и склонностью к бродяжничеству. Она регулярно уходила из дома, и о ней постоянно докладывали полицейские: «ночными объездными была... доставлена в больницу Приказа общественного призрения, ...сама себе она переломила руку», «случайно была встречена едущими в город крестьянами..., которыми и была доставлена в город Томск», «ночью чинами [полиции] была найдена в каких-то развалинах». Старший врач Томской городской больницы Соколов от имени дочери Пахниной просил губернатора «оказать свое содействие в помещении... куда-нибудь для призрения. В противном случае она во время одной из отлучек может сама погибнуть или принести вред окружающим» (ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 3407. Л. 123-124 об.).

Однако пожилую женщину не приняли, не повлияло обстоятельство, что дочь и зять Пахниной были многодетными родителями и находились в довольно критическом положении, поскольку мужчина длительный период времени не имел никакого заработка.

Нередко пожилые люди жаловались на то, что их не принимают в богадельню по возрасту. Это доказывает, что данный критерий вряд ли можно считать ведущим при определении периода наступления старости в дореволюционный период. Так, крестьянин Н.Д. Данилов обращался к томскому губернатору с прошением следующего содержания: «...Достигнув 61 года от роду, пришел в полную физическую неспособность, не в состоянии своим трудом добывать насущный кусок хлеба, не имея никаких средств к существованию, а равно и родственников, ни детей, которые могли бы

кормить меня, я обратился в Городскую управу с просьбой поместить меня в... богадельню. И, несмотря на то, что смотритель названной выше богадельни лично заявил мне, что свободное место имеется, все же Городская управа отказала, мотивируя свой отказ моими молодыми летами» (ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 3407. Л. 154-155).

Губернатор распорядился принять Данилова в богадельню им. братьев Королевых, городской голова согласился с этим решением, однако он через три дня «добровольно вышел из нее». Остается только догадываться, что его к этому подвигло: он увидел, что там в самом деле проживают немощные, больные и действительно престарелые, и ему стало стыдно, или условия, в которых они жили и к которым был не готов Данилов?

Чтобы раскрыть особенности повседневной жизни пожилого человека в богоугодном заведении, можно обратиться к описи вещей, которые обычно оставались после смерти призреваемого, – составленный в обязательном порядке акт может помочь узнать, чем занимался пожилой человек в богадельне. Так, из подобного акта (ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 2035. Л. 13-13 об.) от 18 января 1908 г., составленного после произведенной описи вещей, оставшихся после смерти отставного рядового В.Л. Богданова, находившегося на призрении в богадельне братьев Королевых в г. Томске, известно, что после него остались одна пара валенок, меховая шапка, тулуп и кроличья шуба, еще какие-то «теплые вещи», пара рукавиц с варежками, пара рабочих сапог со стельками, картуз и летний картуз, плоскогубцы, медная цепочка, два куса меди, 28 книг и брошюр, две пары очков, два ящика, подушка. После описи была определена примерная стоимость всех этих вещей – около 11 руб. Все вещи были записаны в специальную книгу, приняты в кладовую под сохранение смотрителя, после чего по приказу городского головы была организована их распродажа.

Итак, на основании перечня оставшихся после призреваемого вещей можно сказать, что, прежде всего, пожилой мужчина был довольно неплохо обеспечен одеждой и обувью. Вполне очевидно, что он на досуге занимался неким «ювелирным» ремеслом, превращая медь в украшения, а также посвящая свободное время чтению литературы. Между прочим, обеспечение богоугодных заведений книгами обычно не предусматривалось (редко где упоминается «душеполезное чтение», которым могли пользоваться призреваемые), значит, пожилые люди сами находили себе чтение.

Важный вопрос при оценке качества предоставляемой в богадельнях помощи – это взаимоотношения между проживающими и теми, кто руководил богоугодным заведением. Они, мягко говоря, были непростыми. Нередко между проживающими и администрацией возникали конфликты. Например, в богадельне им. бр. Королевых смотритель К. Гудимович не нашел общего языка с 71-летним Н.В. Осятинским. Причиной разногласий была склонность последнего к злоупотреблению спиртным. Смотритель сообщал в Томскую городскую управу: «Призреваемый... Осятинский позволил себе неоднократно приносить в стены богадельни водку и сеять разврат между призреваемыми. И когда ему делаешь замечание, он отвечает дерзостями. В настоящее время я застал его за бутылкой вина и стал ему говорить, чтобы он вылил. Он же отвечает мне, что за него деньги плочены, в моем присутствии наговорил массу оскорблений» (ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 2042. Л. 158-158 об.).

Городская управа постановила Осятинского ввиду его недопустимого поведения из числа призреваемых в богадельне исключить. Но крайне сложно дать оценку всей этой истории. С одной стороны, смотритель Гудимович был, безусловно, прав: призреваемый был обязан соблюдать правила проживания в богоугодном заведении, которыми употребление спиртного запрещалось, а он, смотритель, был обязан пресечь «недостойное поведение». Но по-своему прав был и старик Осятинский. С его стороны это была попытка сохранить независимость, пусть даже не совсем разрешенными средствами. Ведь, по сути, старики приходили в богадельню только за двумя вещами – питанием и ночлегом. В остальном они надеялись сохранить свободу, особенно если еще возраст их был не слишком преклонным. На вопрос, почему они себе позволяют делать что-то запрещенное, они часто отвечали, что они не арестанты. Кроме того, никакого досуга для пожилых людей в богадельне Гудимовичем устроено не было, и пьянство стало своего рода альтернативой полезному времяпрепровождению.

Остается только догадываться, в какой форме происходило само исключение из богадельни, как конкретно выгоняли пожилого человека, у которого не было ни угла, ни средств на пропитание. О чем думали в этот момент сам исключаемый, остальные призреваемые и сам смотритель, как относились ко всей этой истории другие старики?

Далеко не каждый, кому отказывали в помещении в богадельню, мог найти в себе силы бороться до конца и пытаться дойти до «самых верхов». В 1901 году томская мещанка Александра Тарелова пыталась устроить в богадельню свою мать: «Родная мать моя, томская мещанка Анастасия Степановна Тарелова, вот уже 8 месяцев хворает и как неспособная к физическому труду постоянно требует за собой постороннего ухода, что видно из прилагаемого свидетельства Томского городского врача... По объяснению же профессора Томского университета г. Попова, у которого она раньше жила в услужении, излечения получить не может, т.к. болезнь ее неизлечимая и должна усиливаться, [и поэтому он] советовал поместить ее в богадельню».

Будучи неспособной платить за содержание матери, девушка обратилась к мещанскому старосте с просьбой взять на себя ее содержание в Томской мещанской богадельне, однако тот не согласился, мотивируя свой отказ тем, что «так как у нее три дочери, то ее могут содержать они и ее зятя».

Александра подробно разъяснила, что «...одна дочь с зятем проживает в г. Тюмени и живут бедно, другая дочь проживает в Томске, но... муж ее в текущем 1901 г. подлежит приему на военную службу, а я еще девица и питаю себя единственно поденной работой, когда здорова, то служу в прислугах, и то, по частому нездоровью, бывает нечасто, то уже положительно не могу оказывать матери помощи». Тогда мещанский староста сообщил просительнице, что в богадельне просто нет вакантных мест, но Тарелова навела справки и выяснила, что «места свободные, в богадельне имеются». После этого мещанский староста отказал на основании того, что пожилая женщина не является старожилом и не может пользоваться помощью мещанского общества. Александра выяснила, что мать действительно прибыла в Сибирь добровольно за ссыльным отцом, но после его смерти «была причислена в число томских мещан через Казенную Палату».

В этот раз мещанский староста и вовсе проигнорировал прошение Тареловой, и тогда девушка обратилась к томскому губернатору, изложив суть проблемы и добавив, что «отказ... мещанского старосты есть какой-то личный каприз... Ваше Сиятельство, войдите в мое и материно безвыходное положение..., чем облегчите ее страдания и успокоите наши душевные за нее страдания». Губернатор вошел в переписку с томским мещанским старостой, который сообщил губернатору, что в свое время Тарелова «была внесена на причисление без согласия общества, а поэтому не может быть определена для призрения в Томскую мещанскую богадельню» (ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 2608. Л. 18-18 об., 20-21).

На этом все и закончилось – девушке так и не удалось пробить стену бюрократизма и сословных предрассудков, однако заслуживает уважения уже одна только ее целеустремленность в попытках добиться справедливого решения, возможность тратить время на то, чтобы обивать пороги, пытаюсь устроить больную и немощную мать.

5. Заключение

Подводя итоги, следует сказать, что «живучесть» современных специализированных заведений для нетрудоспособного населения действительно во многом имеет исторические корни. В конце XIX – начале XX вв. общественное призрение было ведущим направлением социальной помощи одиноким и немощным пожилым людям. Недостатком сложившейся практики призрения стариков была сословность и ее недоступность для основной массы населения, хотя именно богадельня была призвана обеспечить массовое предоставление услуг социальной помощи, т.к. именно такая форма помощи является самым малозатратным, быстрым и результативным способом социального содействия и позволяет охватить все нуждающееся население. Отсутствие установки на всеобщность существенно ограничивало возможности богадельни, и поэтому сама организация призрения так и не вышла за рамки простой благотворительности. Она была ориентирована на пассивное принятие проживающими посторонней помощи. В то же время следует отметить, что в деле организации социальной помощи престарелым согражданам в г. Томске принимали участие не только органы общественного призрения, призванные заниматься ей в силу возложенных на них профессиональных обязанностей, но и представители состоятельных слоев населения. Ведущую роль играли представители зажиточного купечества, жертвовавшие свои средства на создание и функционирование богоугодных заведений. Именно подобный тип социального служения следует признать наиболее эффективным при проведении мер социальной защиты лиц пожилого возраста.

Литература

Благотворительные..., 1895 – Благотворительные учреждения Томской губернии: очерк, составленный по распоряжению Томского губернатора чиновником особых поручений Томского общего губернского управления [С.] Соболевым. Томск: Губернская типография, 1895. 75 с.

ГАТО – Государственный архив Томской области.

Жукова, 2012 – Жукова А.В. Благотворительность в Томской губернии (вторая половина XIX – начало XX веков) // Актуальные проблемы гуманитарных наук. 2012. С. 375-378.

Катцина, 2005 – Катцина Т.А. От общественного призрения к социальному обеспечению / Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.: Сб. науч. ст. / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов, 2005. С. 90-91.

Керзум и др., 2016 – Керзум А.П., Лейкинд О.Л., Северюхин Д.Я. Елизаветинская богадельня братьев Елисеевых // Благотворительность в Санкт-Петербурге 1703–1918: Историческая энциклопедия. Санкт-Петербург: Лики России, 2016. С. 223-224.

Ковалев, 2010 – Ковалев А.С. Условия и качество жизни пожилых людей в богадельнях во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере г. Красноярск) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 102-105.

Ковалев, 2011 – Ковалев А.С. Богадельня как институт общественного призрения пожилых людей во второй пол. XIX – нач. XX вв. (на примере г. Красноярск) // XXI Ежегодная богословская

конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Т. 2. М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. С. 157-160.

Макаренко, 2008 – Макаренко Т.В. Деятельность социальных институтов и частных лиц по оказанию помощи людям пожилого возраста в Москве на рубеже XIX–XX веков. М.: Медина-принт, 2008. 80 с.

Макаренко, 2009 – Макаренко Т.В. Исторический опыт взаимодействия социальных институтов в оказании помощи и поддержки пожилым людям // *Социальная политика и социология*. 2009. № 1. С. 61-76.

Николаевская..., 2011 – Николаевская. Измайловская военная богадельня: традиции благотворительности и милосердия: Монография / Под ред. Т.П. Трифионовой. М.: МГОМЗ, 2011. 27 с.

Памятная..., 1885 – Памятная книжка Томской губернии 1885 года. Томск: Типо-литография Михайлова и Макушина, 1885. 94 с.

Софьина, 2017 – Софьина М.В. Роль Городских дум в организации богаделен дореформенной России (на примере Пермской губернии) // *История пермского городского самоуправления в XVIII–XXI вв.: генезис, развитие, трансформация: Материалы научно-практической конференции*. Пермь, 2017. С. 116-125.

Томское..., 2005 – Томское купечество: Дайджест: Вып. 2. / Сост. О.А. Авдеева, М.А. Скорниченко. Томск, 2005. 65 с.

Тяпкина, 2017 – Тяпкина О.А. Заводская богадельня (г. Барнаул) // *Туристская энциклопедия регионов России*. Барнаул, 2017. С. 202.

Чернова и др., 2011 – Чернова О.А., Коновалов Я.С., Ильницкий А.Н. и др. Исторические и медико-социальные аспекты пребывания пожилых людей в домах престарелых // *Современные проблемы науки и образования*. 2011. № 6. С. 27-36.

Щербинина, 2012 – Щербинина Ю.В. Социальные практики и призрение военных инвалидов в Российской империи в XIX в. // *Социально-экономические явления и процессы*. 2012. № 7–8. С. 200-204.

Якимова, Харевен, 1994 – Якимова Е.В., Харевен Т.К. Последний этап: Исторические аспекты зрелости и старости // *Социальная геронтология: современные исследования*. М., 1994. С. 104-111.

References

Blagotvoritel'nye..., 1895 – Blagotvoritel'nye uchrezhdeniya Tomskoi gubernii: ocherk, sostavlenniy po rasporyazheniyu Tomskogo gubernatora chinovnikom osobykh poruchenii Tomskogo obshchego gubernskogo upravleniya [S.] Sobolevym [Charitable institutions of the Tomsk province: essay, compiled by order of the Tomsk Governor official of special orders of the Tomsk General provincial administration [S.] Sobolev] (1895). Tomsk: Gubernskaya tipografiya. 75 p. [in Russian]

Chernova et al., 2011 – Chernova O.A., Kononov Ya.S., Il'nikskii A.N. i dr. (2011) Istoricheskie i mediko-sotsial'nye aspekty prebyvaniya pozhilykh lyudei v domakh prestarelykh [Historical, Medical and Social Aspects of Elderly People's Stay in Nursing Homes]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. Nr. 6, pp. 27-36. [in Russian]

GATO – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State Archive of Tomsk Region].

Kattsina, 2005 – Kattsina T.A. (2005). Ot obshchestvennogo prizreniya k sotsial'nomu obespecheniyu [From Public Charity to Social Security]. In: *Nuzhda i poryadok: istoriya sotsial'noi raboty v Rossii, XX v.* [Need and order: history of social work in Russia, XX century]. P.V. Romanov, E.R. Yarskaya-Smirnova, eds. Saratov, pp. 90-91. [in Russian]

Kerzum et al., 2016 – Kerzum A.P., Leikind O.L., Severyukhin D.Ya. (2016). Elizavetinskaya bogadel'nya brat'ev Eliseevykh [Elizabethan almshouse of Eliseev brothers]. In: *Blagotvoritel'nost' v Sankt-Peterburge 1703-1918: istoricheskaya entsiklopediya* [Charity in Saint-Petersburg 1703-1918: a historical encyclopedia]. Sankt-Peterburg: Liki Rossii, pp. 223-224. [in Russian]

Kovalev, 2010 – Kovalev A.S. (2010). Usloviya i kachestvo zhizni pozhilykh lyudei v bogadel'nyakh vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. (na primere g. Krasnoyarska) [Conditions and quality of life of elderly people in almshouses in the second half of XIX-early XX centuries (on the example of Krasnoyarsk)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Nr.1, pp. 102-105. [in Russian]

Kovalev, 2011 – Kovalev A.S. (2011). Bogadel'nya kak institut obshchestvennogo prizreniya pozhilykh lyudei vo vtoroi pol. XIX – nach. XX v. (na primere g. Krasnoyarska) [The Poorhouse As An Institution of Public Charity For the Elderly in The Second Half XIX – Early XX Centuries (on the example of Krasnoyarsk)]. In: *XXI Ezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta* [XXI Annual theological conference of St. Tikhon's Orthodox humanitarian University]. М.: PSTGU, Vol.2, pp. 157-160. [in Russian]

Makarenko, 2008 – Makarenko T.V. (2008). Deyatel'nost' sotsial'nykh institutov i chastnykh lits po okazaniyu pomoshchi lyudyam pozhilogo vozrasta v Moskve na rubezhe XIX – XX vekov [Activities of Social Institutions and Individuals to Assist the Elderly in Moscow at the Turn of XIX – XX Centuries]. М.: Медина-принт. 80 p. [in Russian]

Makarenko, 2009 – Makarenko T.V. (2009). Istoricheskii opyt vzaimodeistviya sotsial'nykh institutov v okazanii pomoshchi i podderzhki pozhilym lyudyam [Historical Experience of Interaction of Social

Institutions in Providing Assistance and Support to the Elderly]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya*, Nr. 1, pp. 61-76. [in Russian]

Nikolaevskaya..., 2011 – Nikolaevskaya Izmailovskaya voennaya bogadel'nya: traditsii blagotvoritel'nosti i miloserdiya: monografiya [Nicholas Izmailovo Military Alms-House: Traditions of Charity and Mercy: Monograph] (2011), T.P. Trifonova, ed. Moscow: MGOMZ. 27 p. [in Russian]

Pamyatnaya..., 1885 – Pamyatnaya knizhka Tomskoi gubernii 1885 goda [Memorial Book of Tomsk Province in 1885] (1895). Tomsk: Tipolitografiya Mikhailova i Makushina. 94 p. [in Russian]

Shcherbinina, 2012 – *Shcherbinina Yu.V.* (2012). Sotsial'nye praktiki i prizrenie voennykh invalidov v Rossiiskoi Imperii v XIX v. [Social Practice and the Charity War Invalids in the Russian Empire in the XIX Century]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*. Nr. 7-8, pp. 200-204. [In Russian]

Sofina, 2017 – *Sofina M.V.* (2017). Rol' Gorodskikh Dum v organizatsii bogadelen doreformennoi Rossii (na primere Permskoi gubernii) [The Role of City Councils in the Organization of the Almshouses Pre-Reform Russia (On the Example of Perm Region)]. In: Istoriya permskogo gorodskogo samoupravleniya v XVIII-XXI vv.: genezis, razvitie, transformatsiya: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii [The History of the Perm Municipal Government in the XVIII-XXI Centuries: The Genesis, Development and Transformation: Materials of scientific-practical conference]. Perm, pp. 116-125. [in Russian]

Tomskoe..., 2005 – Tomskoe kupechestvo: Daidzhest [Tomsk Merchant Class: Digest] (2005). O.A. Avdeeva, M.A. Skornichenko, eds. Tomsk, 65 p. [In Russian]

Тяпкина, 2017 – *Тяпкина О.А.* (2017). Zavodskaya bogadel'nya (g. Barnaul) [Factory Poorhouse (Barnaul)]. In: Turistskaya entsiklopediya regionov Rossii [Encyclopedia of Tourism Regions in Russia]. Barnaul, p. 202. [in Russian]

Yakimova et al., 1994 – *Yakimova E.V., Khareven T.K.* (1994). Poslednii etap: Istoricheskie aspekty zrelosti i starosti [The Last Stage: Historical Aspects of Maturity and Old Age]. *Sotsial'naya gerontologiya: sovremennye issledovaniya*. M., pp. 104-111. [in Russian]

Zhukova, 2012 – *Zhukova A.V.* (2012). Blagotvoritel'nost' v Tomskoi gubernii (vtoraya polovina XIX–nachalo XX vekov) [Charity in Tomsk Province (the second half of the XIX – early XX centuries)]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk*. Pp. 375-378. [in Russian]

Общественное призрение пожилых людей в богадельнях в конце XIX – начале XX вв. (на примере г. Томска)

Александр Сергеевич Ковалев ^{a, b, *}, Николай Рзавич Новосельцев ^a, Олег Игоревич Савин ^a, Элла Владимировна Савина ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена одной из малоизученных тем развития благотворительности на местном уровне, а именно становлению общественного призрения пожилых людей в богоугодных заведениях. Предметом изучения является деятельность богаделен в городе Томске. На основе неопубликованных ранее архивных данных анализируется специфика самих богоугодных заведений в Томске, рассматриваются правила подачи прошений о приеме в богадельню и порядок поступления престарелых лиц в богоугодное заведение, наиболее типичные «диагнозы», с которыми поступали старики, причины отказа в помещении в богадельню и возможности обжалования принятого решения. Также затрагиваются вопросы содержания пожилых людей, специфика призрения престарелых, у которых имелись родственники, повседневной жизни пожилых людей в томских богадельнях, особенности взаимоотношений с их руководством. По результатам анализа сделан вывод о том, что социальная помощь пожилым людям в условиях богадельни на рубеже XIX–XX вв. была ключевым направлением общественного призрения. Наиболее эффективным средством решения проблем людей пожилого возраста стало вовлечение в этот процесс томского купечества, что говорит о достаточно высоком уровне социальной солидарности дореволюционного общества. В то же время главным недостатком практики призрения стариков была сословность и ее недоступность для основной массы населения, а сама организация призрения была ориентирована на пассивное принятие проживающими посторонней помощи.

Ключевые слова: богадельня, купеческая благотворительность, общественное призрение, пожилые люди, социальная помощь.

* Корреспондирующий автор

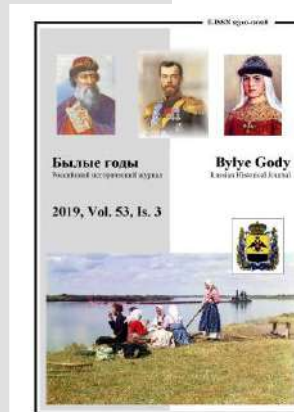
Адреса электронной почты: alexkovaleff@yandex.ru (А.С. Ковалев), NNovoseltsev@sfu-kras.ru (Н.П. Новосельцев), OlegGTS@yandex.ru (О.И. Савин), squirrel-o@yandex.ru (Э.В. Савина)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1281-1291. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1281
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Features of the Material and Everyday Status of Students of Higher Educational Institutions of the City of Tomsk in the late XIX – early XX centuries in the Context of the Everyday Life History

Elena V. Vititneva ^{a, *}, Aleksandra S. Kuzmenko ^a, Natalya V. Pahomova ^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article discusses the features of the material and everyday status of Tomsk students in the pre-revolutionary period. On the basis of a detailed analysis of archival documents, the regulatory framework, sources of personal origin and periodicals, it was found that in the pre-revolutionary period, the everyday life of students was rather difficult. This was especially manifested in the lives of students who had to pay rent for living in the flats on their own. Due to unfavorable living conditions and inconsistencies of sanitary and hygienic standards in the flats, students were often sick. On the other hand, the students' dormitory at the Imperial Tomsk University had quite comfortable living conditions. As for the question of material support for students, only students of the Imperial Tomsk University and the Tomsk Institute of Technology could receive state scholarships. The Institute of private scholarships assisted the poorest students and female students. The rest students had to look for options for additional income. It was revealed that students and female students had to work hard because it helped them to support themselves and continue their studies in higher education.

Keywords: Siberia, Imperial Tomsk State University, Siberian Higher Women Courses, Tomsk Institute of Technology, higher education in Russian Empire, students' everyday life, living conditions, material security.

1. Введение

Материально-бытовые условия играют одну из первостепенных ролей в жизни человека. Именно этот аспект является преимущественно наиболее актуальным направлением в русле повседневной истории. Кроме того, он оказывает значительное влияние и на политическую культуру общества, и на политическую активность отдельных его групп, таким образом, во многом определяя специфику политики всего государства. Поэтому представляется необходимым проанализировать особенности материально-бытового положения одной из наиболее подвижных в политическом плане социальных групп в дореволюционный период – студенчества.

Определенный интерес при этом представляет сибирское студенчество. В этом контексте особое значение имеет изучение повседневной жизни студентов высших учебных заведений г. Томска, как одного из «корифеев» образовательного рынка империи. Именно Императорский Томский университет, основанный в 1878 г., стал первым высшим учебным заведением на территории Сибири (Попов, 1913: 6). На рубеже XIX–XX вв. в Томске были основаны еще два вуза: Томский технологический институт в 1896 г. (Ефимов, 1902: 1) и Сибирские высшие женские курсы в 1910 г. (ГАТО. Ф. 193. Оп.1. Д. 22 а. Л. 2).

* Corresponding author

E-mail addresses: vititneva.elena@gmail.com (E.V. Vititneva), kuzyah85@yandex.ru (A.S. Kuzmenko), pahomise@mail.ru (N.V. Pahomova)

Актуальность темы подтверждается как возросшим интересом к повседневной тематике в целом, так и обострившимися проблемами высшей школы на современном этапе. Цель данной работы – выявить особенности материально-бытовой жизни сибирских студентов в конце XIX – начале XX вв. через призму истории повседневности.

2. Материалы и методы

При работе над статьей были изучены архивные материалы ОГКУ «Государственный архив Томской области» (ГАТО), в том числе документы следующих фондов: Ф. 102 «Томский университет Министерства народного просвещения», Ф. 194 «Томский технологический институт Министерства народного просвещения», Ф. 193 «Сибирские высшие женские курсы». В качестве дополнительного источника были исследованы материалы ГБУ Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ): Ф. 977 «Императорский Казанский университет», Ф. 131 «Казанские высшие женские курсы», Ф. 92 «Попечитель Казанского учебного округа».

В первую очередь исследование базируется на материалах университетского делопроизводства. Их изучение позволило составить картину повседневной жизни студентов через призму их материально-экономического положения, выявить уровень финансовой поддержки от государственных и частных организаций, проанализировать степень обеспечения студентов жильем.

Следующую группу источников составили опубликованные законодательные акты, уставы и локальные нормативно-правовые акты высших учебных заведений.

Кроме того, были изучены статьи газеты «Сибирская жизнь», которые представили информацию об условиях проживания и питания в зависимости от бюджета студентов.

Также были проанализированы источники личного происхождения: мемуары бывших студентов Л.И. Рубинштейна, К.М. Гречищева, С.М. Тимашева, А.Н. Морачевского (Фоминых и др., 2014: 508), письма Н.Д. Либерова (Либеров, 1896).

Выбранная источниковая база исследования представляется достаточно информативной и разнообразной.

Методологическая основа базируется на основных принципах исторической науки. В ходе решения поставленных задач среди общенаучных методов исследования применялись анализ и синтез, исторический метод, метод аналогии, метод сравнения. Исследование выполнено в рамках историко-антропологического подхода, для которого характерен особый интерес к личным судьбам участников исторических событий и повышенное внимание к источникам личного происхождения.

3. Обсуждение

Историография вопроса зародилась в дореволюционный период. Впервые анализ материального положения томского студенчества провел экономист М.Н. Соболев в 1901 г. в работе «Экономическое положение томских студентов» (Соболев, 1902: 53). В ней автор проанализировал проведенные социальные опросы среди студентов начала XX в. и пришел к выводу, что уровень материально-бытового положения сибирского студенчества в высокой степени неблагоприятный.

В 1898 г. студент, будущий врач, Ф. А. Киркевич провел исследование жилищных условий учащихся Императорского Томского университета на съемных квартирах. Его интерес к данной проблеме был вызван ухудшением состояния здоровья студентов. В результате была опубликована монография «О помещениях студентов в частных домах города Томска» (Киркевич, 1898: 19), в которой автор провел детальный анализ жилищных условий.

Советская историческая наука обращалась в основном к темам участия студентов в революционно-освободительной борьбе в России, таким образом, вопросы повседневной жизни не входили в область научных интересов советских исследователей.

В последнее десятилетие XX в. в этом вопросе произошли положительные изменения. Так, следует выделить диссертацию Л.И. Смокотиной (Смокотина, 1994: 174), посвященную вопросу социально-экономического положения томских студентов в конце XIX – начале XX вв. В своей работе автор проанализировала такие вопросы, как социальный состав томского студенчества, программы финансовой помощи учащимся, оптимальный студенческий бюджет. Л.И. Смокотина внесла существенный вклад в развитие проблемы.

В начале XXI в. начинается новый этап в изучении становления и развития института студенчества в Томске. Под руководством профессора кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета, доктора исторических наук С.Ф. Фоминых продолжается активное изучение отдельных аспектов истории Томского государственного университета. Среди наиболее значимых работ можно выделить биографический словарь «Профессора Томского университета» (1888–2013) (Фоминых и др. 1996: 288), «Императорский Томский университет в воспоминаниях современников», «Томский университет: листовая календарь», «С верой в Победу», «История профсоюзной организации Томского университета» и многие другие.

Однако по вопросу материально-бытового положения томского студенчества в контексте истории повседневности до сих пор не существует основательного исследования.

4. Результаты

4.1. Особенности жилищных условий студентов

Место жительства студента определялось, с одной стороны, его материальными возможностями, с другой – успехами в освоении образовательной программы. Другими словами, студенту полагалась комната в общежитии, если тот добросовестно учился и финансовые возможности позволяли оплачивать проживание. В ином случае приходилось арендовать жилье.

Студентам Императорского Томского университета, сумевшим обосновать необходимость предоставления жилья, давались в пользование комнаты в Доме общежития студентов, который находился на территории университета. В дореволюционный период общежитие было единственным в городе. Здание Дома общежития студентов (как оно тогда называлось) сохранилось до настоящего времени и сейчас используется в качестве учебного корпуса.

Общежитие было трехэтажным. На втором и третьем этажах располагались 45 комнат для проживания, на первом этаже находилось два больших зала – столовая и библиотека. 32 комнаты было двухместными, 12 – одноместными и один номер был рассчитан на трех человек. В целом общежитие предназначалось для размещения всего 75 студентов (Попов, 1913: 217).

В сравнении с особенностями бытовых условий общежитий университетов европейской части империи общежитие Томского университета можно назвать передовым в этом плане. Так, в общежитиях при столичных университетах бытовые условия были весьма неблагоприятными. Например, в общежитии при Педагогическом институте в Санкт-Петербурге студенты жили по 10–12 человек в комнате и при этом часто болели. Сырые и душные комнаты, отсутствие физической активности, усиленный режим занятий – все это приводило к небывалому количеству болезней и даже смертей среди студентов (РГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 123).

В то же время здание общежития Императорского Томского университета изначально проектировалось в качестве жилого помещения с учетом особенностей строительства такого рода сооружений. В комнатах была установлена новая мебель, количество студентов в одной комнате не превышало 3 человек. До того как в общежитии провели электричество, каждому студенту выдавалось по шесть фунтов стеариновых свечей в месяц.

Комфортные условия проживания в общежитии Императорского Томского университета являлись исключительной особенностью среди других общежитий при университетах в Российской империи. Причины формирования повышенного уровня комфортности, вероятно, лежат в особенностях социально-политической атмосферы сибирского региона. Здесь сложилась городская среда, элитой которой (в отличие от западных губерний) стали типичные представители мещанского сословия – торговцы, купцы, золотопромышленники. Именно они стали основными потребителями культуры и, соответственно, заказчиками образовательных услуг. Привычка жить в достатке и желание повысить уровень значимости своего региона сыграли важную роль, так как часто состоятельные семьи вносили материальный вклад в обеспечение достойного уровня проживания обучающихся. Кроме того, природно-климатические особенности Сибири с ее длинными и холодными зимами и ночами значительно повлияли на качество возведенных сооружений на территории университета.

В Доме общежития также была библиотека. Студенты с большим удовольствием проводили в ней свой досуг. Важно отметить, что администрация библиотеки выписывала журналы из тех губерний, откуда прибыли студенты. Бывший студент С.М. Тимашев в своих воспоминаниях так отзывался о библиотеке: «К удобствам жизни в общежитии присоединилось еще и то, что здесь находилась очень приличная библиотека с отделом специально медицинских пособий и учебников и довольно богатая читальня, в которой получалось несколько десятков разных газет и журналов, в том числе и медицинских» (Тимашев, 2014: 285). Обеспеченность библиотеки фондами учебной и дополнительной литературы по профилю подготовки при отсутствии альтернативных источников информации имело принципиально важное значение для студентов дореволюционного периода.

Проживание в общежитии давало и другие плюсы. Здесь студентов обеспечивали завтраком, обедом и ужином, что входило в стоимость проживания. Согласно отчету по Дому общежития студентов за 1900 г. (ГАТО. Ф.102. Оп.10. Д. 106. Л. 35) на завтрак полагалось выдавать 1,5 фунта белого хлеба и черный хлеб без ограничения, по воскресеньям – пирожки. Обеденное меню состояло из двух блюд – суп или щи и жаркое. В праздники обед состоял из трех блюд. Ужин предполагал подачу одного блюда – котлет, либо жареного мяса, или кружки молока. К обеду и ужину также подавали квас. На одного студента полагалось в день 1,5 фунта мяса и 1,5 фунта сливочного масла в месяц. Чай и сахар студенты приобретали за свой счет.

Один из первых студентов медицинского факультета Л.И. Рубинштейн вспоминал: «Хозяйство вела, конечно, бесплатно супруга инспектора, обедал и ужинал с нами инспектор. Обед состоял из 2-х мясных блюд и ужин из одного мясного или заменялся молоком по желанию. Самовар подавался утром и вечером в столовой; одни пили чай тут же, другие брали кипяток к себе в комнату или, по желанию, приносил служитель; для этой цели имелась специальная казенная посуда. Стол всегда сытный, вкусный; блюда повторялись не чаще, как через 5 дней. Наверное, многие до сих пор помнят вкусные пироги, которыми нас угощала в общежитии m-me Еленева по воскресеньям» (Рубинштейн,

2014: 413). Можно сделать предположение, что система обеспечения питанием в студенческом общежитии была организована на высоком уровне.

Естественно, что для проживающих в общежитии были установлены специальные правила (Правила, 1909: 32). Студенты должны были заботиться о чистоте и порядке в комнатах, бережно обходиться с инвентарем. Кроме того, они должны были уважать чужой покой и не мешать занятиям своих товарищей громкими разговорами. Заниматься музыкой можно было только в установленные часы. С девушками можно было общаться только в приемном зале на первом этаже.

За несоблюдение правил полагалось выплатить денежный штраф. Если проступок был серьезным, то студента помещали в карцер на определенное время. У инспектора имелась специальная штрафная книга, в которой фиксировались все нарушения.

Однако не каждый студент мог позволить себе жизнь в общежитии. В основном это было обусловлено ценой. Проживание в общежитии для стипендиатов университета стоило 12 рублей в месяц, с учетом того, что необходимо было оплатить вперед за весь календарный год (144 рубля) (ГАТО. Ф. 102. Оп. 10. Д. 106. Л. 33). Своекоштные студенты, а также «стипендиаты учреждений, обществ и лиц» выплачивали по 12 рублей в месяц вперед за учебный год, т.е. за 9 месяцев (108 рублей). Плата распределялась следующим образом: 6 рублей в месяц студент платил за помещение с отоплением и прислугой, оставшиеся 6 рублей – за питание и освещение. Итоговая сумма порой оказывалась неподъемной для студентов. Для сравнения в центре Томска аренда однокомнатной квартиры стоила 25–30 рублей в год, что практически в 3,5 раза было дешевле проживания в общежитии.

Студенты Императорского Томского университета, прибывшие из других губерний Российской империи и не получившие комнаты в общежитии, были вынуждены арендовать жилье. С такой трудностью сталкивались студенты Томского технологического института и слушательницы Сибирских высших женских курсов. При названных высших учебных заведениях общежития вообще отсутствовали.

Стоимость аренды квартиры в Томске была достаточно высокой, а качество помещений оставляло желать лучшего. В феврале–марте 1898 г. студент, будущий врач, Ф. А. Киркевич провел исследование жилищных условий учащихся Императорского Томского университета на частных квартирах. В результате исследования была опубликована монография «О помещениях студентов в частных домах города Томска» (Киркевич, 1898: 19). В своей работе автор пишет: «Помещения имели... мрачный, неприветливый, угнетающий вид». Более всего квартиранты жаловались на холодные жилые помещения, не приспособленные к низким температурам, которые были характерны для местного климата. Кроме того, «сыровато-зеленые пятна плесени покрывали не только деревянные стены и обои, особенно по углам и у пола, но и обувь, одежду и др. предметы, имевшие случай несколько дней полежать в сыром углу или у стены». Воздух был влажным и загрязненным, степень естественного и искусственного освещения оставляла желать лучшего. В результате Ф.А. Киркевич пришел к выводу, что условия жизни студентов в жилых помещениях на частных квартирах были в крайней степени неблагоприятными и именно они являлись основными причинами высокого уровня заболеваемости студентов.

Однако наличие лишь одного студенческого общежития во всем городе привело к тому, что число студентов, снимающих помещения, постоянно росло: в 1901 г. в г. Томске наемным жильем пользовались 75,5 % студентов, в 1908 г. – 85 %. Чаще всего студенты арендовали одну комнату в хозяйской квартире. Заселялись по 2–3 человека, чтобы разделить между собой плату (Киркевич, 1898: 19). В центре города однокомнатная квартира стоила 25–30 рублей в год, в отдаленных районах города 8–10 рублей. Сдаваемые квартиры были меблированы в минимальном количестве: стол, два–три стула, кровать. Н.Д. Либеров вместе с тремя товарищами также был вынужден арендовать квартиру. В своих письмах он описал обстановку так: «Комната довольно приличная... 4 окна, 4 стола, диван, 4 стула, до 16 цветов, большое зеркало, гравюры». (Либеров, 1896: № 3, 18).

Особый интерес представляет анализ расположения районов проживания томских студентов, арендующих жилье. О расположении съемных квартир студентов Императорского университета в 1898 г. сообщает Ф.А. Киркевич в своей работе (Киркевич, 1898: 19), где он исследовал гигиенические условия 40 квартир, расположенных на 17 улицах Томска.

Для удобства анализа воспользуемся картой г. Томска 1898 года землемера С.А. Сырцова (Рисунок 1).

Рис. 1. План Томска 1898 года землемера С.А. Сырцова

С севера – самая дальняя улица Никитинская, с юга – улица Бутлеева, с запада – Большая Садовая, с востока – улица Солдатская. По современным меркам время пешей прогулки до университета составляло не более 20 минут от самых дальних точек на карте. Но необходимо учесть особенности состояния дорог в дореволюционный период. Сам Ф.А. Киркевич отмечает, что исследуемые улицы были самыми грязными в городе, некоторые из них не имели тротуаров и мостовых (Киркевич, 1898: 19). Н.Д. Либеров в своих письмах также обращает внимание на специфику благоустройства томских дорог: «Томск, когда мы в него вошли, поразил нас невиданной нами доселе удивительною грязью. Идти по городу пришлось по колено в грязи. Я не преувеличиваю нисколько» (Либеров, 1896: № 3, 7). В томской газете, по словам Н.Д. Либерова, писали: «Томская грязь, ежегодно весной и летом поглощающая в свои ненасытные недра не только тысячи рублей, но и тысячи обывательских калош, представляет собой какое-то восьмое чудо света. Можно жить с приятелем визави на одной улице и в течение целого месяца не сыграть с ним ни одной партии в вист» (Либеров, 1896: № 3, 7). Исходя из полученной информации, можно предположить, что путь до университета занимал намного больше времени и усилий, чем в современных реалиях.

Система питания в случае самовольного найма жилья обеспечивалась через специальные заведения – харчевни, кухмистерские, студенческая столовая (открыта в 1890-х гг. на ул. Черепичной). По свидетельству студента Императорского Томского университета Н.Д. Либерова, в конце XIX в. месячный обед в кухмистерской стоил не менее 6 руб. (Либеров, 1896: № 3, 18), в то время как студенты, проживавшие в общежитии, за эту сумму располагали трехразовым питанием. В газете «Сибирская жизнь» о питании в студенческой столовой писали следующее: «Обед однообразен», «не удовлетворительны малые котлеты на сале», «суп-бурда» «малопитателен и не вкусен». Комментарии студентов – «голод не тетка», «ем, что дают», «по деньгам кормежка», «начинаю худеть» (Сибирская жизнь: 1903, 1907, 1916).

Иная точка зрения отражена в воспоминаниях Л.И. Рубинштейна: «На частных квартирах устраивались также недорого, там цены на квартиры и в особенности на продукты были очень низки. За небольшую комнату с полным столом и «прикускою» к чаю студент платил 11–12 руб., при готовом освещении, причем кормили очень хорошо» (Рубинштейн, 2014: 414).

Исходя из информации, полученной в источниках, вопрос о стоимости аренды жилых помещений является спорным. Можно предположить, что в первые годы работы университета стоимость аренды квартир была действительно невысокой, а в последующие годы в связи с возросшим спросом стоимость возросла. Также значение могли иметь и сами районы, в которых селились те или иные студенты – их удаленность от университета, комфортабельность зданий и т.д.

Кроме вопроса проживания и питания, важным следует считать и вопрос обеспечения одеждой. Дореволюционное студенчество имело особую повседневную и парадную форму одежды. Согласно Правилам Министерства народного просвещения с 1896 г. была введена новая форма (ГА РТ. Ф. 977. Оп. 7. Д. 12. 43). Тужурка имела вид двубортного полупальто из гладкого серого сукна,

застегивающегося на шесть желтых металлических пуговиц. На воротнике располагалась темно-синяя петлица с изображением герба. Шаровары были форменные из темно-зеленого сукна. Так была представлена повседневная форма одежды.

Предполагалось обязательное ношение формы на территории университета, на улицах города и за пределами Томска. Запрещалось носить тужурку в храмах во время богослужений и торжественных собраний, в присутствии высокопоставленного начальства. В таких случаях студенческая форма представляла собой форменный сюртук или мундир и форменные шаровары, что являлось парадной одеждой.

Приобретение формы полностью ложилось на плечи самих обучающихся (Либеров, 1896: № 3, 17). Вкупе с уже упомянутыми значительными тратами на пропитание и жилье это приводило к тому, что у типичного студента, как правило, весь гардероб состоял из двух форменных комплектов – летнего и зимнего. А на их пошив часто он использовал дешевые и более доступные ткани.

Все эти траты ставили обучающихся на грань выживания, особенно если семья не имела значительных возможностей постоянно их финансово поддерживать. Единственным выходом в этой ситуации становилась работа – большая часть томских студентов занималась дополнительной трудовой деятельностью. Однако учебная занятость дореволюционного сибирского студента была довольно высока. Для ее анализа обратимся к расписанию занятий (Таблица 1), взятого из писем Н.Д. Либерова (Либеров, 1896: № 5, 1).

Таблица 1. Расписание занятий

День недели	9.00-10.00	10.00-11.00	11.00-12.00	12.00-13.00	13.00-14.00	14.00-15.00
Пн.	Неорганическая химия	Анатомия	Богословие	Физика	Гистология	Гистология
Вт.	Неорганическая химия	Анатомия	Зоология	Зоология	Физика	Физика
Ср.	Практические занятия по аналитической химии	Практические занятия по аналитической химии	Богословие	Ботаника	Ботаника	
Чт.	Практические занятия по аналитической химии	Практические занятия по аналитической химии	Богословие	Ботаника	Ботаника	
Пт.	Гистология	Анатомия	Практические занятия по анатомии и ботанике	Практические занятия по анатомии и ботанике	Физика	Физика
Сб.	Ботаника	Ботаника	Зоология	Зоология	Физика	Физика

Как отмечает сам Н.Д. Либеров (Либеров, 1896: № 5, 1), время с 9 до 15 ежедневно, кроме воскресенья, было посвящено аудиторным занятиям. Кроме того, по словам Н.Д. Либерова, профессора университета также ставили занятия вне официального расписания. Оставшаяся часть дня уходила на подготовку к учебным занятиям и выполнение домашней работы.

Таким образом, учебное время занимало большую часть дня. Подрабатывать в такой ситуации было крайне сложно. Вопрос финансового обеспечения решался по-разному.

4.2. Специфика материального положения

С начала становления высшего образования в г. Томске появился и институт стипендий. Нужно сказать, что лишь незначительная часть студентов Императорского Томского университета могла рассчитывать на получение стипендии, которая в то время составляла 300 рублей в год (Жеравина, 2004: № 281, 207-215). Получить стипендию в первые годы существования университета могли лишь 20 студентов. К 1913 г. количество стипендий увеличилось до 60, их размер варьировался от 100 до 427 рублей (Смокотина, 1994: 174).

За 1 год пользования государственной стипендией студент должен был 1,5 года отслужить по распределению после окончания университета. Стипендии назначались с 1 июля на год. «Положением Томского технологического института» (Положение, 1900: 21) предусматривалось 50 казенных стипендий по 300 рублей в год, а также 50 студентов освобождались от оплаты за слушание лекций. Кроме того, некоторые преподаватели делали отчисления со своей зарплаты в

специальный фонд для наиболее нуждающихся студентов. Как правило, такие студенты получали по 12 рублей в месяц. Стипендии в основном формировались за счет пожертвований, а также частично из выделенных государством средств. Прошения от нуждающихся студентов на стипендию многократно превышали имеющиеся фонды, поэтому прошения в большинстве случаев не удовлетворялись.

На Сибирских женских высших курсах институт стипендий как таковой отсутствовал. Но Совет СВЖК часто выступал с просьбами к частным лицам и учреждениям выделить финансовую помощь, хотя бы для самых бедных слушательниц. И были положительные результаты. Так, например, в 1911 г. К.И. Епанечников выделил материальную квоту для оплаты обучения «наиболее бедной и успевающей в науке слушательнице, начиная со 2 курса» (Жилякова, 2007: 12). С 1912 г. Омский коммерческий клуб ежегодно оплачивал обучение 5 наиболее нуждающихся слушательниц. В 1914 г. Акмолинское областное правление выделило пособие в размере 400 рублей, предназначенное малообеспеченным слушательницам (Аникина, 2011: 3-7).

Студентам приходилось искать способы дополнительного заработка. К.М. Гречищев вспоминал: «В общем можно сказать, что предложений о заработках было немного, и все они, как правило, были случайными и низко оплачивались, так что студенту, жившему только на свой заработок, редко можно было ограничиться одним только каким-либо видом заработка, например уроком, нужно было искать и дополнительный заработок» (Гречищев, 2014: 370). То есть для студента дореволюционного периода найти подработку с достойной оплатой было достаточно тяжело.

М.Н. Соболев работе «Экономическое положение томских студентов» (Соболев, 1902: 53) составил таблицу, в которой проанализировал данные на 1901 г., указав соотношение вида заработка и количество студентов Императорского Томского университета (Таблица 2) и Томского технологического института (Таблица 3).

Таблица 2. Соотношение вида заработка и количества студентов Императорского Томского университета

Вид заработка	Количество студентов
Уроки	81
Участие в церковном хоре	43
Занятия в Управлении Сибирской железной дороги	32
Канцелярская работа без обозначения места занятия	14
Регенты	4
Уроки пения	4
Псаломщики	2
Уроки игры на скрипке	2
Уроки танцев	2
Уроки в школах	2
Не показали, какой заработок	19
Итого	213

Таблица 3. Соотношение вида заработка и количества студентов Томского технологического института

Вид заработка	Количество человек
Уроки	42
Чертежные работы	12
Переписка	9
Составление лекций	4
Работы при постройках	2
Пение в церковном хоре	2
Уроки рисования	1
Корректор	1
Рисование иллюстраций	1
Статист в театре	1

Занятия в Управлении сибирской железной дороги	1
Столоначальник при складе	1
Не показали, какой заработок	11

Опираясь на данные, представленные М.Н. Соболевым, можно сказать, что чаще всего в качестве подработки студенты занимались преподаванием и репетиторством, в первую очередь в областях общегуманитарного толка. Такие занятия, как пение, танцы, игра на музыкальных инструментах и рисование не требовали особых навыков и умений – горожанам необходим был лишь базовый уровень, подчеркивающий их статус и материальное положение. А найм квалифицированного представителя богемы обходился достаточно дорого, что противоречило типичной бережливости сибирского мещанина.

На втором месте по популярности находилась административная и канцелярская работа. Этот факт также достаточно ожидаем – привлечение студенчества на выполнение мелкой, монотонной, но довольно объемной канцелярской работы фиксировался повсеместно в России. Данная занятость не предполагала высокой оплаты, а навыков учащегося, готового выполнять любую работу даже за небольшие деньги, вполне хватало. Со стороны же самих студентов этот вид службы сулил в будущем закрепление и превращение из временной в постоянное место работы с возможным последующим продвижением. Бюрократический характер государства делал профессию чиновника одной из самых актуальных и стабильных.

Примечательно, что служба в церкви (пение в церковном хоре, служба регентами – человек, который управлял церковным хором – была фактически «зарезервирована» студентами Императорского университета. Возможно, эта тенденция связана с тем, что данное учебное заведение в исследуемый период позиционировалось как медицинское – порядка 80 % специальностей были именно этой направленности. Лишь с конца 1890-х гг. стала постепенно увеличиваться юридическая составляющая в связи с открытием соответствующего факультета.

Студенты Технологического института, в свою очередь, в большинстве занимались уроками, а также работой, которая была напрямую связана с их специализацией: чертежные работы, уроки рисования, работы на стройках. Что касается слушательниц Сибирских Высших женских курсов, то наиболее распространенным заработком среди них были уроки (Жилякова, 2007: 12).

Помимо указанных в таблицах видах деятельности, студенты зарабатывали деньги разгрузкой на пристани и вокзале, выполняя работу кассиров в студенческой столовой, носильщиков, маляров, швейцаров (Григорьева, Алисова 2015: 10-11), то есть студенты принимались за любую работу, которая помогла бы им содержать себя и продолжать обучение в университете.

Интересно также рассмотреть вопрос, раскрывающий продолжительность рабочего времени и размер оплаты труда. На сентябрь 1901 г. среди студентов Императорского Томского университета (Таблица 4) и Томского технологического института (Таблица 5) можно увидеть следующие данные (Соболев, 1902: 53).

Таблица 4. Продолжительность рабочего времени в неделю и размер оплаты труда по видам заработков студентов Императорского Томского университета

Вид заработка	Среднее число рабочих часов в неделю	Средняя оплата 1 раб. часа	Средний месячный заработок
Уроки	17,1 ч.	23,3 коп.	11 р. 09 коп.
Участие в церковном хоре	7,2 ч.	45,3 коп.	13 р. 75 коп.
Занятия в Управлении Сибирской железной дороги	31,2 ч.	30,5 коп.	37 р. 31 коп.
Канцелярская работа без обозначения места занятия	30 ч.	17,3 коп.	23 р. 60 коп.
Регенты	9,3 ч.	Неизв.	Неизв.
Уроки пения	4,5 ч.	44,4 коп.	8 р.
Псаломщики	6 ч.	58,3 коп.	14 р.
Уроки игры на скрипке	4 ч.	75 коп.	12 р.
Уроки танцев	18 ч.	86,8 коп.	62 р. 50 коп.

Уроки в школах	8 ч.	52 коп.	16 руб. 65 коп.
Всего	18, 7 ч.	30,7 коп.	22 руб. 38 коп.

Таблица 5. Продолжительность рабочего времени в неделю и размер оплаты труда по видам заработков студентов Томского технологического института

Вид заработка	Среднее число рабочих часов в неделю	Средняя оплата 1 раб. часа	Средний месячный заработок
Уроки	12,7 ч.	27,1 коп.	13,1 руб.
Переписка	36 ч.	22,9 коп.	35 руб.
Работы при постройках	54 ч.	19,5 коп.	42 руб.
Пение в церковном хоре	14 ч.	25 коп.	14 руб.
Уроки рисования	4 ч.	62,5 коп.	10 руб.
Корректор	30 ч.	20,8 коп.	25 руб.
Рисование иллюстраций	21 ч.	17,9 коп.	15 руб.
Личный секретарь	18 ч.	41,8 коп.	30 руб.
Всего	17,4 ч.	24,8 коп.	17 р. 31 коп.

Анализ таблицы позволяет сделать вывод, что с точки зрения оплаты труда в час самым выгодным видом заработка являлось преподавание, в особенности уроки танцев и игры на скрипке. Однако небольшая продолжительность данного вида занятости и отсутствие профессиональных и карьерных перспектив делали канцелярскую службу в административных органах более интересной, несмотря даже на значительное количество времени, которое она отнимала. Место же службы – Управление Сибирской железной дороги – было одним из самых востребованных: вся жизнь региона была тесно связана с этим элементом инфраструктуры страны. Именно железная дорога была залогом экономического развития, по ней приходили последние политические новости, она привозила носителей новых идей, вливала новую европейскую кровь в общественную жизнь сибирской провинции.

Вероятно, с профессиональными перспективами была также связана и довольно высокая востребованность студентами Технологического института трудоемкой, но не самой оплачиваемой работы при постройках.

5. Заключение

Таким образом, материально-бытовое положение томского студенчества в дореволюционный период можно назвать достаточно тяжелым. Особенно это проявлялось в повседневной жизни студентов, которым приходилось самостоятельно арендовать жилое помещение. Чаще всего показатели цена-качество не соответствовали друг другу. Вследствие неблагоприятных условий жизни студенты часто болели. Студентам Императорского Томского университета, получившим комнаты в общежитии, повезло больше. В Доме общежития студентов были достаточно комфортабельные условия проживания. Несмотря на то, что цена за пользование комнатой была высокой, студенты предпочитали вариант проживания в казенной комнате вместо аренды частной квартиры. Государственные стипендии могли получить только студенты Императорского Томского университета и Томского технологического института, и это были единицы. Институт частных стипендий оказывал помощь наиболее бедным студентам и курсисткам. Остальным же приходилось искать варианты дополнительного заработка. Студенты и курсистки принимались за любую работу, которая помогла бы им содержать себя и продолжать обучение в высшем учебном заведении.

Литература

- Аникина, 2011 – Аникина С.С. К вопросу о материальном положении сибирского студенчества в конце XIX – начале XX веков // *Казанская наука*. 2011. № 5. С. 3-7.
- ГА РТ – Государственный архив Республики Татарстан.
- ГАТО – Государственный архив Томской области.
- Гречищев, 2014 – Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Грибовский М.В. и др. Императорский Томский университет в воспоминаниях современников. Томск, 2014. 508 с.
- Григорьева, Алисова, 2015 – Григорьева С.С., Алисова М. В. Быт студентов ТТИ // *За кадры: газета Национального исследовательского Томского политехнического университета*. 2015. С. 10-11.
- Ефимов, 1902 – Ефимов А.И. Историческая записка об учреждении и открытии Томского технологического института императора Николая II 6 декабря 1900. Томск, 1902. 88 с.

- Жеравина, 2004** – Жеравина А.Н. Повседневная жизнь студентов Томского университета на рубеже XIX–XX вв. // *Вестник Томского государственного университета*. 2004. № 281. С. 207–215.
- Жилякова, 2007** – Жилякова Н.В. Первый «женский университет» в Сибири // *Alma Mater: газета Томского государственного университета*. 2007. 6 марта. С. 5.
- Киркевич, 1898** – Киркевич Ф.А. О помещениях студентов в частных домах города Томска. Томск, 1898. 19 с.
- Либеров, 1896** – Фонд музея истории Томского государственного университета. Письма Н.Д. Либерова.
- Положение, 1900** – Положение о Томском технологическом институте императора Николая II. Томск, 1900. 21 с.
- Попов, 1913** – Попов М.Ф. Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования (1888–1913). Томск, 1913. 29 с.
- Правила, 1909** – Правила для студентов и вольнослушателей Императорского Томского университета. Томск, 1909. 32 с.
- РГИА СПб** – Российский государственный исторический архив. Санкт-Петербург.
- Рубинштейн, 2014** – Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Грибовский М.В. и др. Императорский Томский университет в воспоминаниях современников. Томск, 2014. 508 с.
- Сибирская жизнь, 1903, 1907, 1916** – Номера газеты «Сибирская жизнь» за 1903, 1907, 1916 гг.
- Смокотина, 1994** – Смокотина Л.И. Социально-экономическое положение томских студентов в конце XIX – начале XX вв. (1888 – февр. 1917 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1994. 174 с.
- Соболев, 1902** – Соболев М.Н. Экономическое положение томских студентов. Томск, 1902. 53 с.
- Тимашев, 2014** – Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Грибовский М.В. и др. Императорский Томский университет в воспоминаниях современников. Томск, 2014. 508 с.
- Фоминых и др., 1996** – Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Берцун Л.Л. Профессора Томского университета: Биографический словарь. Вып. 1. 1888–1917. Томск, 1996. 288 с.
- Фоминых и др., 2014** – Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Грибовский М.В. и др. Императорский Томский университет в воспоминаниях современников. Томск, 2014. 508 с.

References

- Anikina, 2011** – Anikina S. S. (2011). K voprosu o material'nom polozhenii sibirskogo studenchestva v kontse XIX – nachale XX vekov [To the question of the material state of the Siberian students in the late 19 – early 20 centuries]. *Kazanskaya nauka*. № 5: 3-7. [in Russian]
- Efimov, 1902** – Efimov A.I. (1900). Istoricheskaya zapiska ob uchrezhdenii i otkrytii Tomskogo tekhnologicheskogo instituta Imperatora Nikolaya II 6 dekabrya 1900. [Historical note on the establishment and opening of the Tomsk Institute of Technology Emperor Nicholas II December 6, 1900]. Tomsk. 88 p. [in Russian]
- Fominykh i dr., 1996** – Fominykh S.F., Nekrylov S.A., Bertsun L.L. (1996). Professora Tomskogo universiteta: Biograficheskii slovar'. Vyp. 1. 1888–1917 [Professors of Tomsk University: Biographical Dictionary. Issue 1. 1888–1917]. Tomsk, 288 p. [in Russian]
- Fominykh i dr., 2014** – Fominykh S. F., Nekrylov S. A., Gribovskii M. V. i dr. (2014). Imperatorskii Tomskii universitet v vospominaniyakh sovremennikov. [Imperial Tomsk University in the memoirs of contemporaries]. Tomsk. 508 p. [in Russian]
- GA RT** – Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan [State Archive of the Republic of Tatarstan]. [in Russian]
- GATO** – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State Archive of Tomsk Region]. [in Russian]
- Grechishchev, 2014** – Fominykh S.F., Nekrylov S.A., Gribovskii M.V. i dr. (2014). Imperatorskii Tomskii universitet v vospominaniyakh sovremennikov [Imperial Tomsk University in the memoirs of contemporaries]. Tomsk. 508 p. [in Russian]
- Grigor'eva, Alisova, 2015** – Grigor'eva S.S., Alisova M.V. (2015). Byt studentov TTI [Mode of life of TTI students]. *Za kadry: gazeta Natsional'nogo issledovatel'skogo Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. P. 10-11. [in Russian]
- Kirkevich, 1898** – Kirkevich F.A. (1898). O pomeshcheniyakh studentov v chastnykh domakh goroda Tomska [About the premises of students in private homes of the city of Tomsk]. Tomsk. 19 p. [in Russian]
- Liberov, 1896** – Fond muzeya istorii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pis'ma N.D. Liberova [The Museum of History of Tomsk State University. Letters of N. D. Liberov]. [in Russian]
- Polozhenie, 1900** – Polozhenie o Tomskom tekhnologicheskom institute imperatora Nikolaya II. [Regulations of the Tomsk Technological Institute of Emperor Nicholas II] Tomsk, 1900. 21 p. [in Russian]
- Popov, 1913** – Popov M.F. (1913). Kratkii istoricheskii ocherk Tomskogo universiteta za pervye 25 let ego sushchestvovaniya (1888–1913) [A brief historical sketch of the University of Tomsk in the first 25 years of its existence (1888–1913)]. Tomsk, 29 p. [in Russian]
- Pravila, 1909** – Pravila dlya studentov i vol'noslushatelei Imperatorskogo Tomskogo universiteta. [Rules for students and lecturegoers of the Imperial Tomsk University]. Tomsk, 1909. 32 p. [in Russian]

RGIA SPB – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. Sankt-Peterburg [Russian State Historical Archive. Saint-Petersburg].

Rubinshtein, 2014 – *Fominykh S.F., Nekrylov S.A., Gribovskii M.V. i dr.* (2014). Imperatorskii Tomskii universitet v vospominaniyakh sovremennikov [Imperial Tomsk University in the memoirs of contemporaries]. Tomsk. 508 p. [in Russian]

Sibirskaya zhizn', 1903, 1907, 1916 – Nomera gazety «Sibirskaya zhizn'» za 1903, 1907, 1916 gg. [Issues of the newspaper "Siberian Life" for 1903, 1907, 1916]. [in Russian]

Smokotina, 1994 – *Smokotina L.I.* (1994). Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie tomских studentov v kontse XIX – nachale XX vv. (1888 – fevr. 1917 gg.) [The socio-economic state of Tomsk students in the late 19 – early 20 centuries. (1888 – Feb. 1917)]. Tomsk. 174 p. [in Russian]

Sobolev, 1902 – *Sobolev M.N.* (1902). Ekonomicheskoe polozhenie tomских studentov [The economic situation of Tomsk students]. Tomsk. 53 p.

Timashev, 2014 – *Fominykh S.F., Nekrylov S.A., Gribovskii M.V. i dr.* (2014). Imperatorskii Tomskii universitet v vospominaniyakh sovremennikov [Imperial Tomsk University in the memoirs of contemporaries]. Tomsk. 508 p. [in Russian]

Zheravina, 2004 – *Zheravina A.N.* (2004). Povsednevnyaya zhizn' studentov Tomskogo universiteta na rubezhe XIX–XX vv. [Everyday life of students of Tomsk University at the turn of the 19 – 20 centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 281: 207-215. [in Russian]

Zhilyakova, 2007 – *Zhilyakova N.V.* (2007). Pervyi «zhenskii universitet» v Sibiri [The first "female university" in Siberia]. *Alma Mater: gazeta Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. P. 5. [in Russian]

Особенности материально-бытового положения студентов высших учебных заведений г. Томска в конце XIX – начале XX вв. в контексте истории повседневности

Елена Владиславовна Вититнева^{a, *}, Александра Сергеевна Кузьменко^a,
Наталья Вениаминовна Пахомова^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены особенности материально-бытового положения томского студенчества в дореволюционный период. На основе детального анализа архивных документов, нормативно-правовой базы, источников личного происхождения и периодической печати было установлено, что в дореволюционный период бытовая жизнь студентов была достаточно тяжелой. Особенно это проявлялось в жизни студентов, которым приходилось самостоятельно оплачивать аренду жилого помещения. Вследствие неблагоприятных условий жизни и несоответствия санитарно-гигиенических норм на частных квартирах студенты часто болели. С другой стороны, в Доме общежития студентов при Императорском Томском университете были достаточно комфортабельные условия проживания. Что касается вопроса материальной поддержки студентов, то государственные стипендии могли получить только учащиеся Императорского Томского университета и Томского технологического института. Институт частных стипендий оказывал помощь наиболее бедным студентам и курсисткам. Остальным же приходилось искать варианты дополнительного заработка. Было выявлено, что студенты и курсистки принимались за любую работу, которая помогла бы им содержать себя и продолжать обучение в высшем учебном заведении. Чаще всего в качестве подработки выступали уроки, то есть репетиторство.

Ключевые слова: Сибирь, Императорский Томский университет, Сибирские Высшие женские курсы, Томский технологический институт, высшее образование в Российской империи, повседневная жизнь студентов, жилищные условия, материальная обеспеченность.

* Корреспондирующий автор

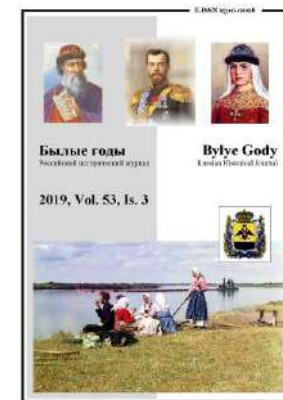
Адреса электронной почты: vityitneva.elena@gmail.com (Е.В. Вититнева),
kuzyah85@yandex.ru (А.С. Кузьменко), pahomise@mail.ru (Н.В. Пахомова)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1292-1300. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1292
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Features of Formation and Activity of City Self-Government in Novonikolayevsk (1895–1917)

Alexander B. Khramtsov ^{a,*}

^aTyumen industrial university, Tyumen, Russian Federation

Abstract

Issues of formation and activity of bodies of city self-government in Novonikolayevsk are investigated (1895-1917). In this process 3 main stages are allocated: settlement (1895-1903); the municipal government of the simplified look (1904-1908); the municipal government in a full look (1909-1917). The main problem of the first stage was investment of the settlement with the earth as it was owned by the state. Construction of the Trans-Siberian Railway and active resettlement of peasants from the neighboring settlements led to sharp increase in number of residents of the settlement and growth of its economy. The second stage is connected with construction of Novonikolayevsk in degree of the bezuyezdny city with formation in it local government of the simplified look. The newly elected power faced problems of improvement, delivery of health care to the population, the organization of educational institutions in what noticeable success was achieved. The third stage of development of the municipal government put forward the solution of such tasks as: construction of power plant, water supply system, installation of telephones to the city and some other. It is noted that problems of rise in crime, providing law and order and safety what the city authorities could not cope with became the back of rough economic recovery of the "American" city and activization of public life of the population. It is concluded that active development of the city was "slowed down" by World War I and the followed revolution. Nevertheless, all for 22 years the settlement became the large commerce and industry city of Siberia.

Keywords: elections; bodies of city self-government; City Council; vowels; municipal economy; Novonikolayevsk.

1. Введение

Сегодня по истории больших и интересных городов страны написано немало исследовательских работ. К таким городам, безусловно, относится и Новониколаевск (Новосибирск). В данном контексте он во многом уникальный город, заслуживающий пристального внимания. Город возник практически на пустом месте, а благодаря удачному географическому расположению стремительно развивался, став крупным транспортно-торговым центром в экономике региона. Бурное развитие города наложило след на многие процессы, в том числе и становление местного самоуправления (Ус, 2004: 122).

В данной работе предпринимается попытка восполнить существующие пробелы. Изучение специфики становления и деятельности института местного самоуправления в разных поселениях страны дает богатый материал о формах реализации волеизъявления граждан, их участия в общественно-политических процессах, позволяет раскрыть традиционные черты, а также извлечь опыт решения местных проблем, полезный для совершенствования современной модели муниципального управления.

* Corresponding author

E-mail addresses: khramtsov_ab@bk.ru (A.B. Khramtsov)

2. Материалы и методы

Развитие исторической науки на современном этапе характеризуется усилением полиметодологизма, происходит расширение научной проблематики исследований. Анализ источников дан в контексте теории модернизации.

В данной работе информационную основу составили документы государственных архивов Новосибирской и Томской областей. В архивных фондах отложился комплекс документов по истории развития городского самоуправления Новониколаевска за 1895–1917 гг., сегодня исследованный недостаточно. Наряду с этим, использованы публикации местных газет за данный период – «Томские губернские ведомости» и «Сибирская жизнь».

Широко использовался метод содержательного анализа однотипных документов: журналов собраний думы, протоколов и актов, докладов членов комиссий, отчетов управы и др. Предмет анализа – деятельность органов городского самоуправления Новониколаевска по решению насущных проблем местного хозяйства. Изучение документов предполагает критическое отношение к их сведениям, установление их достоверности и полноты. Для выявления общего и особенного в решении местных проблем применялись методы аналогии и историко-сравнительного анализа. Метод историко-системного анализа позволил установить этапы становления городского самоуправления Новониколаевска, выделить в этом ключевые проблемы.

3. Обсуждение

Проблемы становления в Новониколаевске местного самоуправления как института организации общественной жизни и развития городского хозяйства исследованы фрагментарно. В одних работах представлены отдельные сюжеты становления городского управления, скажем начальный этап (зарождение) (Горюшкин, Бочанова, 1983; Ус, 2004), другие авторы исследовали его работу в контексте истории градостроительства (Баландин, 1978), третьи – затрагивали в роль городской власти в многофункциональности города – развитие образования, здравоохранения, благоустройства (История города, 2005; Скубневский, Гончаров, 2003; Скубневский, 2001).

Следовательно, специальных трудов недостаточно. В изданных работах явно преобладает публицистика, игнорируются сведения архивных документов, что ведет к фактическим ошибкам и неточностям.

4. Результаты

Как известно, во многих городах Западной Сибири реформы местного самоуправления 1870 и 1892 гг. проводились на уже сложившейся структуре управления, где действовали мещанские управы, городские хозяйственные управления, магистраты, ратуши и думы (Рабцевич, 1984). В Новониколаевском поселке, возникшем на правом берегу р. Оби при железнодорожной станции в период строительства Транссиба, инициатива его создания исходила непосредственно от местных жителей. Поселок основали разночинцы и купцы в 1893 г. на арендованных у кабинета Его Величества землях. Земли поселка составляли оброчную статью кабинета Его Императорского Величества (Е.И.В.). Однако условия аренды земли вызывали большие трудности, что препятствовало развитию местной промышленности и торговли.

В становлении местного самоуправления в Новониколаевске можно выделить 3 этапа. *Первый – поселковый (1895–1903)*. Сход жителей 3 декабря 1895 г. принял приговор о преобразовании поселка при железнодорожной станции в посад или город, который свидетельствует о том, что «население поселка... преимущественно разночинцев, не имеет никакого общественного устройства, поселок возник всего два года назад, из нескольких дворов, перенесенных из села Кривошекова, отсутствие всякого общественного управления не дает возможности позаботиться о благоустройстве поселка, несмотря на пятидесятичное народонаселение...». На сходе сельчан (в приговоре указано 1075 человек) были избраны трое уполномоченных (крестьянин Пермской губернии М.В. Попов, колыванский купец С.М. Яренский и барнаульский мещанин Е.Г. Шапкин) для преподнесения ходатайства перед правительством (ГАОН Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 1. Л. 1). 12 августа 1896 г. поселковый сход избрал сельским старостой бердского крестьянина Илью Григорьевича Титлянова и кандидатом при нем – крестьянина Налимова. Томский окружной исправник 2 сентября 1896 г. выбор посельчан одобрил. Присутствие по крестьянским делам Томского губернского управления 17 декабря 1896 г. рассмотрело итоги местных выборов и предложенное годовое содержание канцелярии и писарей в 1100 руб., но их не утвердило (ГАОН Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 1. Л. 2-3, 10-13).

Первый опыт работы выборного института местного самоуправления оказался кратковременным. Ввиду того, что в поселке не было образовано сельское общество «вследствие разносословности населения», учреждение должности старосты стало невозможным. В поселке отсутствовало крестьянское управление (по закону 19 февраля 1861 г.), т.к. не существовало сельского общества. Томский окружной исправник телеграммой от 20 декабря 1896 г. приказал чиновнику Рожевскому отобрать у выбранного 12 августа старосты всю переписку и печать, а также не разрешать проводить сход местного общества. На посту старосты И.Г. Титлянов за четыре месяца создал себе канцелярию, провел перепись жителей поселка, выстроил первый морг, ввел ночные обходы поселка,

закрыв «шинки», организовал работу извозчиков, разбирал конфликты, изыскивал средства для нужд поселка и т.п. Жители просили губернатора возратить старосте его права, мотивируя тем, что за четыре месяца он никаких противоправных действий не совершил (ГАНО Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 1. Л. 18). Губернское управление оставило их ходатайство без последствий впредь до решения вопроса об учреждении в поселке административного управления, о чем свидетельствует протокол заседания общего присутствия Томского губернского управления 21 января 1897 г. (ГАНО Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 1. Л. 22-23).

Томский губернатор 11 февраля 1897 г. отказал жителям Новониколаевска в предоставлении им земли и переименовании поселка в город до решения вопроса об учреждении в поселке административного управления. Тем не менее чиновники губернского управления оказали помощь в решении данной проблемы. В частности, начальник Алтайского округа 12 ноября 1896 г. в отношении губернатору посчитал, что нужно «дать движение приговору жителей» о преобразовании поселка в город с введением в нем упрощенного общественного управления (ГАНО Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 1. Л. 4-6).

Томский губернатор 19 мая 1897 г. направил ходатайство управляющему кабинетом Е.И.В., указав состояние поселка: 1) в поселке 14 тыс. человек обоего пола, из которых по сословиям: дворян – 5, духовенства – 3, чиновников – 10, купцов и мещан – 4424, крестьян – 9557; 2) большинство населения занимается работами и поставками разных товаров и материалов по линии железной дороги, обороты торговцев и промышленников до 1 млн. руб.; 3) ремесленников: 416 – плотников, 20 столяров, 62 кузнеца, 26 печников, 32 кровельщика, 18 сапожников, 18 стекольщиков, 16 портных, 16 рыболовов, 2302 чернорабочих, 52 служащих, 168 торговцев; 4) церквей – 2, домов – 1404, лавок – 80, магазинов – 17, промышленных заведений – 36, питейных – 1, ренсковых – 1, трактиров – 1, харчевен – 3, транспортных контор – 2. Кроме того, при преобразовании в город (посад), по мнению губернатора, необходимо установить административное управление в лице полицейского пристава, его помощника и 15 полицейских стражников; назначить приставу жалование 500 руб., столовых – 500 руб. разъездных – 240 руб., квартирных – 300 руб. в год; помощнику – жалование 375 руб., столовых – 375 руб. и квартирных – 240 руб. в год; стражникам – по 300 руб. в год; всего 7030 руб. в год; старосте – 1000 руб., его помощнику – 600 руб. и канцелярия – 600 руб., всего 2200 руб. в год (ГАНО Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 1. Л. 28-31).

Департамент полиции МВД учредил в поселке с ноября 1897 г. полицию в составе: пристав с окладом содержания 1500 руб., его помощник – 1000 руб. и десять стражников по 300 руб. в год каждому из средств кабинета. Управляющий кабинетом Е.И.В. отказал жителям в ходатайстве, признав «преждевременным» вопрос о переустройстве поселка, и постановил заботы возложить на местное общественное управление, а впредь расходы по установлению полицейского надзора принять на средства кабинета (ГАНО Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 1. Л. 36). Таким образом, вопрос о преобразовании поселка в город был временно «заморожен».

Основной проблемой преобразования поселка в город являлось наделение его землей. Томский окружной исправник 24 мая 1897 г. рапортовал в губернскую администрацию о наличии здесь земель, домов, населения, школ и больниц. Он указал, что никаких земель жители не имеют, кроме арендованных у кабинета Е.И.В. под усадьбы, выгона не имеется, улицы, проулки и проходы образованы при распланировании селения как необходимость и предоставлены в общее пользование бесплатно. Никаких сборов, кроме арендной платы за усадебную землю, население не платит; из 9643 жителей – 27 лютеран, 49 католиков, 217 магометан и 9350 православных; каменных домов в поселке нет; заложена каменная церковь, имеются две школы: одна на средства инженера Будагова, другая – от железнодорожного управления; есть почтовое отделение и при станции «Обь» железнодорожная лечебница.

В феврале 1901 г. новая депутация докладывала сходу жителей о результатах поездки к начальнику губернии. Губернатор Ломачевский на их прошение дал положительный отзыв. Следующий губернатор Вяземский также пообещал поддержать ходатайство о выкупе поселковой земли в городскую собственность (Справочник, 1992: 42).

Тем временем поселок Новониколаевск, расположенный на пересечении речной и железнодорожной транспортных артерий, рос быстрыми темпами. За 10 лет (1893–1903) через него прошло более полумиллиона переселенцев, и часть из них осела в поселке. В 1898 г. со станции Обь было отправлено свыше 2,5 млн. пудов грузов. В 1901 г. торговые обороты поселка достигли 20 млн. руб. Городская пристань стала самой оживленной на р. Оби. С 1897 г. в поселке строились промышленные предприятия, открывались магазины и лавки, винные склады, транспортные и справочные конторы, дома русских и иностранных фирм. В 1901 г. жителей уже насчитывалось 21 700 человек, домов – 2 000, торговых заведений – 145, питейных – 12. Томский губернатор 30 апреля 1901 г. удовлетворил прошение жителей об организации вольно-пожарного общества с отпуском из сумм кабинета Е.И.В. на его содержание 4679 руб. Главное управление почт и телеграфов 7 октября 1904 г. сообщило губернатору, что МВД дало согласие на представление Новониколаевскому пожарному обществу концессии на устройство и эксплуатацию в городе телефонной сети общего пользования (ГАНО. Ф. Д. 97. Оп. 1. Д. 1. Л. 88).

Строительство Транссиба и активное переселение крестьян из соседних поселений, прежде всего Колывани, Сузуна и Бердска, привели к резкому увеличению численности жителей поселка (1896 г. – до 5 000, 1899 г. – 14 000, 1903 г. – 22 257, 1907 г. – 47 000, 1910 г. – 52 695, 1914 г. – 86 419 человек), благодаря чему активизировались другие показатели городской экономики: росла торговая кооперация, проводились ярмарки и торжки, развивался транспорт, строились мосты, пополнялся местный бюджет. В июне 1903 г. в Новониколаевске открылось казначейство (ГАНУ. Ф. Д. 97. Оп. 1. Д. 1. Л. 56, 60). К тому же разрабатывались новые проекты устройства веток железной дороги. Один из таких проектов был составлен Новониколаевским городским управлением в 1908 г. (Экономическая записка, 1908).

В январе 1904 г. жителям поселка объявили о возведении Новониколаевска в степень безуездного города с формированием в нем местного самоуправления упрощенного вида (ТГВ, 1904: 5). Так начался *второй этап – городского управления упрощенного вида (1904–1908)*.

Населению предстояло избрать всесловный орган местного самоуправления – собрание городских уполномоченных (из 15 человек) на четырехлетний срок. Для принятия участия в местных выборах житель должен был более одного года в пределах города владеть недвижимым имуществом, оцененным не менее 100 руб., или иметь торговое свидетельство, с которого уплачивал налог в доход города. В связи с проведением оценки недвижимости и составлением на ее основе списка лиц, которые имеют право участвовать в местных выборах, формирование органов местного самоуправления в Новониколаевске затянулось до осени 1904 г.

Из-за неоднородности сословно-статусного состава жителей поселка разработка первого списка избирателей продлилась несколько месяцев. По данным исследователей, в Новониколаевске в начале XX века более 70% населения составляли крестьяне, мещане – 25% и 2% – купцы (Горюшкин, Бочанова, 1978: 122). В опубликованный Томскими губернскими ведомостями список избирателей вошли более 820 фамилий – это менее ¼ от общего числа городских жителей (ТГВ, 1904: 16; ГАНУ. Ф. Д. 97. Оп. 1. Д. 5. Л. 60-60 об.).

Из-за различных бюрократических проволочек дата местных выборов переносилась несколько раз. Новониколаевск, наряду с другими сибирскими городами, не мог похвастаться активностью избирателей. Индифферентное отношение к общественному делу проявляли многие жители. В первых выборах 12 сентября 1904 г. приняли участие около 160 избирателей. Были избраны 15 уполномоченных и 7 кандидатов к ним (ГАНУ. Ф. Д. 97. Оп. 1. Д. 5. Л. 14-44, 60-60 об., 81). В связи с высоким имущественным цензом «торговый элемент» доминировал в городском собрании (Жиров, 2001: 164-167). В первом собрании служили трое крестьян (И.Г. Титлянов, З.Г. Крюков, Д.Ф. Манаков). На следующих выборах думы их «вытеснили» крупные купцы и мелкие торговцы.

В ноябре 1904 г. собрание уполномоченных выбрало городского старосту с двумя помощниками. Председателем собрания уполномоченных единогласно избрали колыванского мещанина Л.И. Лапшина (председатель городской оценочной комиссии). В собрании 21 ноября 1904 г. первым старостой единогласно был избран барнаульский купец И.Т. Суриков, и назначено ему содержание в 1200 руб. и двум помощникам по 600 руб. в год. Другие избранники службу несли безвозмездно, за исключением исполнения особых заданий (скажем, члена комиссии). Томский уездный исправник 26 ноября препроводил список избранных лиц губернатору, указав, что «все поведения и образа жизни хорошего, под судом и следствием не состояли и не состоят и ни в чем предосудительном замечены не были» (ГАНУ. Ф. Д. 97. Оп. 1. Д. 5. Л. 99, 100, 103). Губернатор приказом от 27 ноября 1904 г. утвердил И.Т. Сурикова старостой; колыванского мещанина И.А. Карелина и личного почетного гражданина А.М. Луканина – его помощниками; барнаульского купца Г.Д. Маштакова и крестьянина Д.Ф. Манакова – их кандидатами (ТГВ. 1904: 48).

В знак благодарности за возведение Новониколаевска в ранг безуездного города уполномоченные 2 декабря 1904 г. постановили отслужить молебен в день тезоименитства (6 декабря) императора Николая Александровича, а также послать верноподданнические телеграммы министру и губернатору.

Однако избранный состав органов местного самоуправления не отличался особым рвением к общественной службе. В городе фактически не было квалифицированных и опытных управленцев, знающих проблемы местного хозяйства, а у многих уполномоченных для этого не хватало элементарной грамотности и кругозора. В руководстве города наблюдалась текучка кадров. В декабре 1904 г. староста рапортовал губернатору, что его помощник А.М. Луканин «уклоняется от исполнения своих прямых служебных обязанностей... и заявляет, что не желает служить». И.Т. Суриков вследствие расстройства здоровья был вынужден покинуть свой пост, о чем он заявил губернатору в апреле 1905 г. 17 декабря 1904 г. у него умер сын, которому он хотел передать свое торговое дело в Томском и Барнаульском уездах, требующее личного наблюдения. Губернатор предложил Сурикову остаться до момента избрания нового старосты. Кроме того, 27 мая 1905 г. собрание уполномоченных удовлетворило заявление И.А. Карелина об увольнении со службы. В результате к маю представительное собрание покинули 6 уполномоченных и 1 кандидат, осталось 9 уполномоченных и 6 кандидатов. Суриков прослужил до выборов в сентябре 1905 г. Собрание уполномоченных 29 сентября (7 «за» и 3 «против») выбрало старостой торгующего крестьянина З.Г. Крюкова на

текущий созыв. В связи с болезнью он также покинул свой пост (ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 5. Л. 76, 92, 99, 163, 167, 168, 171, 187). За первое четырехлетие местного самоуправления городским старостой был и купец, и крестьянин, и мещанин.

Первый созыв представительного собрания, несмотря на кадровые трудности, принял ряд важных для развития города решений, среди которых следует назвать выделение средств собранием уполномоченных на пожарную команду 23 декабря 1904 г. (ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 1. Л. 80, 92), обсуждение вопроса 10 января 1905 г. о составе местной полиции и назначении содержания стражникам (ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 1. Л. 93), утверждение 11 февраля 1905 г. первого городского бюджета в сумме 81 140 руб. (ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 2а. Л. 43). В отличие от других новообразованных городов Томской губернии (Боготол, Татарск, Славгород, Камень), Новониколаевск практически не имел проблем с изысканием источников пополнения доходной части бюджета. Благодаря интенсивной торговле и другим показателям город за 1905–1912 гг. более чем в 150 раз увеличил свой бюджет: 1905 г. – 82 578 руб., 1909 г. – 399 604 руб., 1910 г. – 630 198 руб., 1911 г. – 935 971 руб., 1912 г. – 1 000 070 руб. Оценка городской недвижимости выросла в 2,3 раза: 1908 г. – 2 245 079 руб., 1909 г. – 3 224 845 руб., 1910 г. – 4 661 487 руб., 1911 – 5 029 863 руб., 1912 г. – 5 229 800 руб. (ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 1. Л. 139-140 об.).

В то же время от экономического потенциала города заметно отставало его благоустройство. В городе почти отсутствовали мощные улицы (кроме южной части Николаевского проспекта). С 1911 по 1916 гг. было замощено только 11,8 км улиц и 350 м подъездных путей. Устраивались деревянные тротуары примитивной конструкции, и то далеко не везде. В городе с преимущественно деревянной застройкой остро стояла проблема обеспечения пожарной безопасности. В этой связи собрание 16 ноября 1905 г. постановило воспретить деревянные постройки, выходящие на Николаевский проспект в кварталах от Каинской улицы до новой базарной площади; «построек, кроме каменных, не разрешать» (ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 1. Л. 98).

Другая проблема была связана с обеспечением медицинской помощи населению. При его численности более 25 тыс. человек в городе работала всего одна лечебница на окраине города. В 1905 г. город выделил 3000 руб. на постройку больницы (ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 1. Л. 101-102). К 1913 г. в городе работали амбулатория, фельдшерский приемный покой в Закаменской части, городская больница на 40 мест по Кузнецкой улице (с терапевтическим, хирургическим, родильным и др. отделениями), городская инфекционная больница на 60 мест, построенная в 1910 г. на противочумные кредиты. На станции Обь действовали приемный покой и больница на 30 мест. Все медицинские учреждения размещались в случайных зданиях, чаще всего в жилых домах. В 1913 г. в городе насчитывалось лишь 12 врачей.

Более значительных успехов местная власть достигла в сфере народного образования. В частности, 25 августа 1906 г. городское управление обратилось к попечителю Западно-Сибирского учебного округа с просьбой разрешить открыть с начала 1906/07 учебного года в городе частное мужское учебное заведение первого разряда по программе реального училища МНП. Предполагалось в должности заведующего заведением утвердить окончившего курс наук в Новороссийском университете преподавателя Томского коммерческого училища Григория Антоновича Бутовича с окладом 2000 руб. в год и 500 руб. квартирных. 1 октября 1906 г. состоялось открытие частного учебного заведения, которым заведовал Г.А. Бутович (Там же. Л. 67-68). Согласно журналу заседания уполномоченных от 15 марта 1907 г., был рассмотрен проект устава Новониколаевского городского реального училища. Было решено заключить с Бутовичем договор о выдвижении его в директора реального училища (ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 1. Л. 133).

В городе с 1906 г. действовали 25 начальных школ, из них 5 двухклассных и 20 одноклассных, 2 железнодорожных, мужское и женское училища, мужская церковно-приходская школа и смешанная частная школа Бутовича. В 1910 г. город начал постройку государственной женской гимназии, ассигновав на нее 10 тыс. руб. из своего бюджета.

В 1907 г. городу наконец-то в собственность была предоставлена земля. По условиям передачи городу земель Алтайского округа ведомства кабинета Е.И.В., согласно высочайшему указу, данному Правительствующему сенату 18 февраля 1907 г., за земли городское управление должно было выплатить выкупную сумму в шестьсот тыс. руб., с процентами, с рассрочкой платежей на 20 лет (ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 1. Л. 71-73 об.; Д. 2. Л. 32-33).

В 1908 г. местная власть подняла вопрос о сооружении в городе электростанции. Для постройки собственной электроцентрали городу не хватало средств. За 1911–1912 гг. удалось соорудить небольшую электростанцию, которую разместили в каменном здании. Первый ток был дан 1 января 1913 г. Для домовладельцев 1 кВт/ч стоил 30 коп., для предприятий – 45 коп. (Анкушева, Бочанова, 2006: 204). Электростанция мощностью всего 252 кВт/ч не могла удовлетворить и четверти городской потребности в электроэнергии. Город в 1914 г. наметил к строительству вторую электростанцию, но эти планы оборвала начавшаяся война.

Городскому управлению никак не удавалось соорудить водопровод. В 1906 г. инженер Готтлиб представил первый проект водопровода стоимостью в 59 тыс. руб. на 200 тыс. ведер суточного потребления. В 1909 г., после пожара в городе, с проектом водопровода выступила техническая

контора Веризубова. Сметная стоимость строительства составила 801,6 тыс. руб. при мощности водопровода в 420 тыс. ведер в сутки с источником воды из Оби. Но обещанной П.А. Стольпиным суммы на строительство водопровода Новониколаевск так и не получил. В 1910 г. московская фирма «Нептун» предложила городской думе новый проект водопровода на 150 тыс. ведер в сутки с водозаборами из Оби (4 варианта), со сметной стоимостью в 643,6 тыс. руб. Городская дума в 1911 г. создала специальную комиссию из профессоров Томского технологического института для выработки руководящей программы проекта городского водопровода. На конкурсе, объявленном комиссией в 1913 г., лучше других оказался проект Брянского завода со сметной стоимостью в 605,7 тыс. руб., с емкостью сети в 300 тыс. ведер воды в сутки и с оборудованием станции водопровода на 150 тыс. ведер в сутки. Однако мировая война прервала дальнейшие действия думы по строительству водопровода в городе. Местное население тем временем пользовалось водой из артезианских скважин и колодцев в центральной части, а в других частях города – из рек Обь и Каменка.

10 ноября 1907 г. городская власть обратилась к губернатору с ходатайством о введении в Новониколаевске Городового положения в полном объеме. Это прошение было поддержано МВД. В результате с 1 января 1909 г. было введено городское управление в полном объеме, с избранием городской думы и управы – так начался *третий этап (1909–1917)*.

18 января 1909 г. состоялись выборы гласных в Новониколаевскую городскую думу на четырехлетие с 1909–1913 гг. Выборы проходили на одном избирательном собрании. Было выбрано 40 гласных и 16 кандидатов к ним. Сословно-статусный состав гласных думы таков: 24 купца, промышленника, 2 подрядчика, 2 врача, присяжный поверенный, управляющий торговым предприятием, полковник, машинист, биржевой маклер и 5 домовладельцев. Дума из своего состава 10 апреля выбрала городским головой Н.П. Литвинова, членами управы – Е.М. Захарова и Г.М. Кузнецова. Губернатор не утвердил кандидатуру Н.П. Литвинова. 29 апреля состоялись перевыборы и на должность главы города избрали колыванского купца В.И. Жернакова (1878–1943), служившего городу с 1909–1914 гг. (*История города, 2005: 107–162*). В 1914 г. его сменил А.Г. Беседин (1864–1930), который служил до апреля 1917 г.

Оборотной стороной бурного подъема экономики «американского» города и активизации общественно-политической жизни населения стали проблемы роста преступности, обеспечения правопорядка и безопасности. В 1910 г. здесь было зафиксировано рекордное для крупных городов Сибири количество убийств в перерасчете на численность населения (*Цысь, 2010: 265*). Согласно газетным заметкам, «жизнь в Новониколаевске в последнее время стала далеко не безопасной. Убийства и грабежи сделались обычным явлением. Воровство со взломом замков и конокрадство здесь развиты в страшных размерах. К сожалению, деятельность местной полиции по раскрытию преступлений проявляется далеко не в достаточной мере»; «по мере того как Новониколаевск формируется и приобретает физиономию обыкновенного уездного города, с его сплетнями, с его постоянными картами до одури, с его мордобитиями, здесь в широком масштабе растет уличная проституция и... позорные, ужасные, отвратительные «ямы»... Полицейские «меры» борьбы с проституцией никчемны» (*ТГВ, 1906: 11; СЖ, 1912: 29 января*).

Очевидно, что городская власть и местная полиция не справлялись с задачей обеспечения общественной безопасности. Томский уездный исправник 22 января 1907 г. заявил общественному управлению, что будет ходатайствовать об утверждении штатов городской полиции в составе полицмейстера, его помощника, 5 приставов, 10 околоточных и 50 стражников (*ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 2 б. Л. 13*). Для города с населением более 50 тыс. человек такой малочисленный состав полиции был явно недостаточен.

Городские уполномоченные 9 августа 1907 г. приняли постановление о ночной охране города, согласно которому были наняты 43 обходчика для окарауливания 1672 усадеб, с общим расходом города на эти цели свыше 10 тыс. руб. в год, каждому обходчику – по 20 руб. в месяц. Также дума решила ходатайствовать перед МВД о переложении означенной повинности в денежную и распределении расходов на содержание стражников на всех владельцев усадеб и их арендаторов. Причем стражники эти никаких обязанностей по полиции нести не должны, только исполнять обязанности по ночной охране. С 1 октября указанных обходчиков сменили 35 конных и 40 пеших стражников; каждому конному – 30 руб. в месяц, пешему – 20 руб. в месяц. На ночную охрану города средства выделялись местным бюджетом, а также собирались с населения. Ночные обходчики подчинялись полицмейстеру (*ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 2 в. Л. 4-9, 33-36*). Однако заметного улучшения ситуации в сфере безопасности города не наблюдалось.

К 1914 г. органами местного самоуправления при участии предпринимателей и жителей открыто 33 одноклассных и 5 двухклассных училищ и введено всеобщее обучение; учреждены 3 библиотеки-читальни, 1 библиотека, 4 типографии; выходила газета «Обская жизнь»; действовали 4 аптеки и 6 аптекарских магазинов; городская больница с отделением для заразных больных, амбулатория, санитарный и школьный врач; проведена телефонная сеть; открыты торгово-промышленные предприятия – мукомольные, кожевенные, мыловаренные, салотопенные и сахарные заводы, казенный винный склад; 5 банков – отделение Госбанка, Русский для внешней торговли, Ярославско-Костромской земельный, Русско-Азиатский и Сибирский торговый банки;

городской кирпичный завод с производительностью до 3 млн. кирпичей в год (ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 1. Л. 139-140 об.).

После февральской революции 1917 г. система местного самоуправления в городах Сибири претерпела существенные изменения. Новониколаевская городская дума 29 марта ассигновала 50 тыс. руб. для выборов и текущей работы избранному Комитету общественного порядка и безопасности (ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 221. Л. 63-63 об.), а 27 апреля местная дума заявила о сложении полномочий по управлению городом и передаче дел Городскому народному собранию (ГАТомО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 283. Л. 18-19 об.). Заметного «следа» деятельность народного собрания не оставила.

5. Заключение

Как показал опыт развития местного самоуправления в Новониколаевске, городская власть, предприниматели и население, несмотря на отмеченные трудности, находили возможности решать насущные общегородские проблемы, что можно всецело использовать и сегодня. Причем буржуазные принципы и приоритет имущественного ценза при формировании состава органов городского управления фактически не препятствовали им действовать в интересах всего города, развивать социальную инфраструктуру и промышленность. Для торговцев работа в институте представительной власти позволяла повысить уровень своей состоятельности, что в свою очередь способствовало росту местной экономики и городского бюджета. Всего за 22 года (1895–1917 гг.) поселок при железнодорожной станции стал крупным торгово-промышленным городом Сибири, а если бы не Первая мировая война и последующие революционные события, то по уровню развития он бы превзошел губернские центры, такие как Томск и Омск.

Литература

Анкушева, Бочанова, 2006 – Анкушева К.А., Бочанова Г.А., Дегальцева Е.А., Кириллов А.К., Ноздрин Г.А., Шиловский М.В., Ус Л.Б. История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX вв. Новосибирск: ИД «Сова», 2006. 352 с.

Баландин, 1978 – Баландин С.Н. Новосибирск: История градостроительства 1893–1945 гг. Новосибирск: Западно-Сиб. кн. изд-во, 1978. 135 с.

Горюшкин, Бочанова, 1983 – Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А. Так начинался Новосибирск. Новосибирск: Западно-Сиб. кн. изд-во, 1983. 176 с.

Горюшкин, Бочанова, 1978 – Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Цепляев Л.Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX вв.). Новосибирск: Наука, 1978. 296 с.

ГАНО – Государственный архив Новосибирской области.

ГАТомО – Государственный архив Томской области.

Жиров, 2001 – Жиров А.А. Купечество в самоуправлении уездных городов Сибири // Городская культура Сибири: динамика культурно-исторических процессов. Омск, 2001. С. 164-167.

История города, 2005 – История города: Новониколаевск-Новосибирск (исторические очерки). Т. I. Новосибирск: ИД «Историческое население Сибири», 2005. 864 с.

Рабцевич, 1984 – Рабцевич В.В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск: Наука, СО, 1984. С. 126-165.

СЖ – Газета «Сибирская жизнь». 1912.

Скубневский, 2001 – Скубневский В.А. Новониколаевск: становление города многофункционального типа // Новосибирская область в контексте российской истории. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2001. С. 16-22.

Скубневский, Гончаров, 2003 – Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Ч. I. Барнаул: Изд-во АГУ, 2003. 360 с.

Справочник, 1992 – Справочник по городу Ново-Николаевску. Новосибирск: Наука, 1992. 231 с.

ТГВ – Газета «Томские губернские ведомости». 1904–1906.

Ус, 2004 – Ус Л.Б. Об особенностях начального этапа самоуправления в Новониколаевске // Местное самоуправление в истории Сибири XIX–XX вв.: Сб. мат. регион. научной конф. Новосибирск, 2004. С. 122-130.

Цысь, 2010 – Цысь С.Н. Уличная преступность и обеспечение правопорядка в городах Томской губернии в годы Первой мировой войны (1914 – осень 1917 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4–1. С. 265-269.

Экономическая записка, 1908 – Экономическая записка к проекту Алтайской железной дороги Барнаул – Обь по изысканиям 1907 г. в связи с проектом Туркестано-Сибирской железной дороги. Новониколаевск: б.и., 1908.

References

Ankusheva, Bochanova, 2006 – Ankusheva K.A., Bochanova G.A., Degal'tseva E.A., Kirillov A.K., Nozdrin G. A., Shilovskii M.V., Us L.B. (2006). Istoriya obshchestvennogo samoupravleniya v Sibiri vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [History of public self-government in Siberia of the second half XIX – the beginning of the 20th century]. Novosibirsk: ID «Sova», 352 p. [in Russian]

- Balandin, 1978** – *Balandin S.N.* (1978). Novosibirsk: Istoriya gradostroitel'stva 1893-1945 gg. [Novosibirsk: History of town planning of 1893-1945.]. Novosibirsk: ZS. kn. izd-vo, 35 p. [in Russian]
- Goryushkin, Bochanova, 1983** – *Goryushkin L.M., Bochanova G.A.* (1983). Tak nachinal'sya Novosibirsk [So Novosibirsk began]. Novosibirsk: Zapadno-Sib. kn. izd-vo, 176 p. [in Russian]
- Goryushkin, Bochanova, 1978** – *Goryushkin L.M., Bochanova G.A., Tseplyaev L.N.* (1978). Novosibirsk v istoricheskom proshlom (konets XIX – nachalo XX v.) [Novosibirsk in the historical past (the end of XIX – the beginning of the 20th century)]. Novosibirsk: Nauka, 296 p. [in Russian]
- GANO** – Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti [State archive of the Novosibirsk region].
- GATomO** – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State archive of the Tomsk region].
- Zhirov, 2001** – *Zhirov A.A.* (2001). Kupechestvo v samoupravlenii uездnykh gorodov Sibiri [Merchants in self-government of the district cities of Siberia]. Gorodskaya kul'tura Sibiri: dinamika kul'turno-istoricheskikh protsessov. Omsk, pp. 164-167. [in Russian]
- Istoriya goroda, 2005** – Istoriya goroda: Novonikolaevsk-Novosibirsk (istoricheskie ocherki) [City history: Novonikolaevsk-Novosibirsk (historical sketches)]. T. I. Novosibirsk: ID «Istoricheskoe naselenie Sibiri», 2005. 864 p. [in Russian]
- Rabtsevich, 1984** – *Rabtsevich V.V.* (1984). Sibirskii gorod v doreformennoi sisteme upravleniya [The Siberian city in a prereform control system]. Novosibirsk: Nauka, SO, pp. 126-165. [in Russian]
- SZh, 1912** – Gazeta «Sibirskaya zhizn'» (SZh). 1912.
- Skubnevskii, 2001** – *Skubnevskii V.A.* (2001). Novonikolaevsk: stanovlenie goroda mnogofunktional'nogo tipa [Novonikolaevsk: formation of the city of multipurpose type]. Novosibirskaya oblast' v kontekste rossiiskoi istorii. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN. P. 16-22. [in Russian]
- Skubnevskii, Goncharov, 2003** – *Skubnevskii V.A., Goncharov Yu.M.* (2003). Goroda Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [The cities of Western Siberia in the second half of XIX – the beginning of the 20th century]. Ch. I. Barnaul: Izd-vo AGU, 360 p. [in Russian]
- Spravochnik, 1992** – Spravochnik po gorodu Novo-Nikolaevsku [Reference book on the city of New Nikolaevsk]. Novosibirsk: Nauka, 1992. 231 p. [in Russian]
- TGV** – Gazeta «Tomskie gubernskie vedomosti» (TGV). 1904-1906.
- Us, 2004** – *Us L.B.* (2004). Ob osobennostyakh nachal'nogo etapa samoupravleniya v Novonikolaevske [About features of the initial stage of self-government in Novonikolaevsk]. Mestnoe samoupravlenie v istorii Sibiri XIX-XX vv.: Sb. mat. region. nauchnoi konf. Novosibirsk, pp. 122-130. [in Russian]
- Tsys', 2010** – *Tsys' S.N.* (2010). Ulichnaya prestupnost' i obespechenie pravoporyadka v gorodakh Tomskoi gubernii v gody pervoi mirovoi voiny (1914 – osen' 1917 gg.) [Street crime and providing law and order in the cities of the Tomsk province in the years of World War I (1914 – fall of 1917)]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 4-1: 265-269. [in Russian]
- Ekonomicheskaya zapiska, 1908** – Ekonomicheskaya zapiska k proektu Altaiskoi zheleznoi dorogi Barnaul – Ob' po izyskaniyam 1907 g. v svyazi s proektom Turkestando-Sibirskoi zheleznoi dorogi [Economic note to the project of the Altai railroad Barnaul-Ob on researches of 1907 in connection with the project of the Turkestando-Sibirsky railroad]. Novonikolaevsk: b.i., 1908. [in Russian]

Особенности становления и деятельности городского самоуправления в Новониколаевске (1895–1917)

Александр Борисович Храмов ^{a, *}

^a Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. Исследованы вопросы становления и деятельности органов городского самоуправления в Новониколаевске (1895–1917). В данном процессе выделено 3 основных этапа: поселковый (1895–1903); городского управления упрощенного вида (1904–1908); городского управления в полном виде (1909–1917). Основной проблемой первого этапа являлось наделение поселка землей, так как она находилась в собственности государства. Строительство Транссиба и активное переселение крестьян из соседних поселений привели к резкому увеличению численности жителей поселка и росту его экономики. Второй этап связан с возведением Новониколаевска в степень безуездного города с формированием в нем местного самоуправления упрощенного вида. Новоизбранная власть столкнулась с проблемами благоустройства, оказания медицинской помощи населению, организации учебных заведений, в чем были достигнуты заметные успехи. Третий этап развития городского управления выдвинул решение таких задач, как сооружение электростанции, водопровода, телефонизации города и ряд других. Отмечено, что оборотной стороной бурного

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: khramtsov_ab@bk.ru (А.Б. Храмов)

подъема экономики «американского» города и активизации общественной жизни населения стали проблемы роста преступности, обеспечения правопорядка и безопасности, с чем городские власти не могли справиться. В заключении отмечено, что активное развитие города «притормозила» Первая мировая война и последовавшая за ней революция. Тем не менее, всего за 22 года поселок стал крупным торгово-промышленным городом Сибири.

Ключевые слова: выборы, органы городского самоуправления, городская дума, гласные, городское хозяйство, Новониколаевск.

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1301-1309. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1301
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Merchant Shipping Company I.I. Bodalev on the Meeting's Journals of the Economic Committee of Izhevsk Plants 1895–1900

Nicholas W. Mitiukov ^{a, b, c, d, e, f, *}, Svetlana L. Bautina ^g, Alexander F. Mitrofanov ^a, Yurii N. Makarov ^h

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^c Kalashnikov's Izhevsk State Technical University, Russian Federation

^d Moscow Economic Institute, Russian Federation

^e Moscow Institute of Psychoanalysis, Russian Federation

^f Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^g Moscow Economic Institute, Russian Federation

^h Sochi State University, Sochi, Russian Federation

Abstract

Izhevsk pond in the XIX – first half of the XX centuries was an important transport artery for the operation of Izhevsk plants, primarily for the connection of the plant with Volozhka and Koltoma. To reduce the cost and speed up the traffic in the mid-1890-s on Izhevsk pond, the first state-owned steamer "Izh" appeared on the Izhevsk pond. Earlier, based on the analysis of river registers, we discovered the fact of construction of steamboats at the turn of the century in Izhevsk, and there was hypothesized that it had a merchant I.I. Bodalev. The information of the meeting's journals of the Economic Committee of Izhevsk Plants (the highest center of economic management of Izhevsk Plants) in 1892–1900, there was analyzed concerning the ships of merchant I.I. Bodalev on Izhevsk pond. It was established that in the period under review, Bodalev had at least two steamboats on the pond ("Pchelka" and "Izhevsk"). In addition, Izhevsk plants, apparently, pursued a deliberate policy of "squeezing" competitors from the pond. So the Economic Committee in 1895 refused the request of V.F. Telnov and Yu.G. Semenov deliver his ship to Izhevsk. But at the same time, there was on the pond the first steamboat of I.I. Bodalev. Its appearance occurred with the tacit consent of Izhevsk plants, since Bodalev was one of the main delivery contractors for firewood plants. Therefore, on the one hand, the plants established extremely favorable terms for the lease of the state-owned steamer "Izh", and on the other hand, for example, refused to offer to provide the state-owned steamer when the Bodalev's ship broke down in fulfilling the government contract. As a result, two steamships Bodalev took to Kama ("Izhevsk" and "Maria"), and another one in 1915 sold them to Izhevsk plants ("Pchelka"), after which they became monopolists in transportation along Izhevsk pond. The fact of the construction of a steamboat steam engine at the order of Bodalev at the Izhevsk plants was discovered.

Keywords: Izhevsk, Izhevsk pond, Izhevsk plants, history, shipbuilding, navigation, water transport.

1. Введение

Области приложения купеческих капиталов конца XIX – начала XX вв. до настоящего времени остаются практически не исследованными. Хотя большинство купцов занимались торговлей, многие имели свое производство. Сложность изучения данного вопроса признавал, например, В.П. Бойко,

* Corresponding author

E-mail addresses: nico02@mail.ru (N.W. Mitiukov)

констатировавший: «Что касается отраслевого состава..., трудно определить достаточно точно, кто чем тогда занимался» (Бойко, 1996: 33).

Казенные предприятия обычно вели обширную переписку с государственными структурами. Даже если какой-то вопрос производства в технической документации непосредственно не поднимался, может по соображениям конфиденциальности, о нем можно судить, например, по финансовой документации. Существовали также надзорные органы, в переписке с которыми зачастую можно найти ответы даже на секретные вопросы. В отличие от казенных предприятий, частные, в первую очередь купеческие, не вели делопроизводственную документацию в полном объеме. Хотя они вынуждены были давать, например, статистическую информацию об объемах производства, количестве наемных работников и т.д., но имеется множество примеров, когда хозяйственная деятельность купцов могла вообще не отражаться в статистике. Наличные денежные расчеты зачастую могли пройти мимо бухгалтерских книг, а небольшое производство, к примеру, разового или сезонного характера могло остаться за пределами статистических отчетов. Поэтому зачастую области приложения купеческих капиталов можно исследовать лишь на основе косвенных данных, например, личной переписки (Дамешек, Кушнарера, 2016), сведений из периодической печати (Комлева, 2018), истории строений купцов, семейных преданий и т.д.

В этом отношении можно сказать, что купеческим пароходствам повезло. Имевшиеся в собственности пароходы в обязательном порядке должны были страховаться и ставиться на учет в регистрах (Змерзлый, 2016). А потому регистрационная и страховая документация могут безошибочно указать не только судовой состав купеческих пароходств, но и дать более детальную информацию о перестройке пароходов, районе их действия, возможных конкурентных преимуществах и т.п. (Шармоянц, 2017). Но даже в этой стройной системе имеется значительный пробел, связанный с купеческими пароходствами, действовавшими на замкнутых акваториях, каковым был, например, Ижевский пруд. Там зачастую ходили пароходики, стоимость страховки которых не покрывала возможные риски. В связи с чем те просто не регистрировались и не страховались. А потому нередко о таких судах и целых пароходствах можно судить лишь на основе косвенных свидетельств.

На основе анализа речных регистров в 2015 г. нами были обнаружены как минимум два парохода, местом постройки которых значился Ижевский завод (Митюков, 2015). Позднее на основе косвенных свидетельств, в первую очередь схожести корабельной архитектуры при анализе фотографической документации ижевских (Селивановский, 2014) и сибирских (Павлов, 2014) пароходов, мы предположили, что выражение «Ижевский завод» в качестве места постройки относится не к предприятию, а к одноименному населенному пункту, ныне называемому «город Ижевск». А сами пароходы, вероятно, принадлежали купцу И.И. Бодалева (Митюков, Баутина, 2019). Это предположение удалось подтвердить данными периодической печати. Но если в газете «Волжский вестник» 4 марта 1897 г. собственник парохода назван «местным благодетелем», намекая на И.И. Бодалева (Волжский вестник, 4.03.1897), то 26 апреля 1897 г. газета уже прямо говорит, что прошлым летом (т.е. в 1896 г.) Бодалев выстроил малый пароход для перевозки дров (Волжский вестник, 26.04.1897).

В предлагаемой работе произведена попытка подтвердить данную гипотезу и произвести реконструкцию действий купеческого пароходства И.И. Бодалева на основе протоколов заседаний Хозяйственного комитета Ижевских заводов (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1). Важно отметить, что разные аспекты речного пароходства уже неоднократно затрагивались нами (Mitiukov et al., 2017; Mitiukov et al., 2018; Mitiukov et al., 2018a; Mitiukov et al., 2019).

2. Материалы и методы

Основными материалами для данного исследования послужили протоколы заседаний Хозяйственного комитета Ижевских заводов, которым со второй половины XIX в. осуществлялось хозяйственное управление заводами (Родионов, 2009). Ведение делопроизводства поручалось заводской канцелярии. Комитет собирался регулярно, по мере необходимости, иногда по несколько раз в день, для решения создавшихся вопросов. По 1900 г. все протоколы заседаний переплетались в общий том, которых могло быть по три–четыре тома в год, объемом по 400–500 страниц каждый. С 1901 г., судя по фондам ЦГА УР, протоколы стали сшивать по группам рассматриваемых вопросов и хранить в канцелярии архитектора, механика заводов и т.д. В связи с потерей ряда дел выявить непрерывный поток документов всех заседаний Хозяйственного комитета в настоящее время вряд ли возможно. Таким образом, в целях данного исследования определились хронологические рамки: с 1895 г. – от начала пароходных навигаций на Ижевском пруду – до 1900 г. – последнего года полного комплекта заседаний Хозяйственного комитета.

В исследовании применялся в первую очередь принцип историзма. Принятое решение, воплощенное в жизнь, вызывало последствия, обсуждавшиеся в более поздних протоколах. Зачастую это дает возможность выделить причинно-следственные связи.

3. Обсуждение

В 1892 г. Ижевские оружейный и сталелитейный заводы для реализации программы Главного артиллерийского управления по перевооружению армии, потребовавшей увеличения объемов производства винтовок, приобрели для перевозок по Ижевскому пруду пароход «Иж». Однако из-за наличия заводских дефектов и отсутствия какого-либо опыта эксплуатации пароход зарекомендовал себя не с лучшей стороны. Но из-за большой производственной необходимости завод был вынужден использовать его для перевозки дров по пруду, даже несмотря на то, что «Иж» официально не приняли в казну вплоть до 1895 г. Тем не менее пароход на Ижевском пруду имел большое значение для городских обывателей.

15 июня 1895 г. на завод обратились крестьянин Рязанской губернии В.Ф. Тельнов и мещанин из Чистополя Ю.Г. Семенов с просьбой поставить на заводской пруд легкий пароход с длиной корпуса 7 саж. (12,8 м). Авторы проекта предполагали перевозить на нем жителей Колтомы, работавших на заводе. Кроме того, они предполагали оборудовать пристани и «*возить людей в увеселительные поездки по пруду*». 26 июня 1895 г. на очередном заседании Хозяйственного комитета, рассмотревшего поступившее предложение, было отмечено, что авторы проекта фактически хотят завести пароход лишь для организации досуга горожан, поскольку рабочие Колтомы вряд ли согласятся на относительно дорогие ежедневные рейсы через пруд. Поездки выходного дня также насторожили членов комитета из-за возможных лесных пожаров, которые явно будут сопровождать выезды на природу. И место в районе 5-й улицы, на котором предполагалось строить пароход, авторы проекта выбрали также неудачно: оно было нужно для производственных целей. В итоге предложение не было принято (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3122. Л. 601-602). В числе неназванных причин отказа могло также фигурировать нежелание лишаться монополии на пароходные перевозки по пруду.

Но что интересно, чуть ранее, 11 марта 1895 г., смотритель казенных заводов написал рапорт № 74 о необходимости оснастить заводской пароход «Иж» кожуховыми фонарями, как того предполагает практика судовождения, – красным и зеленым, поскольку по пруду в текущую навигацию также будет совершать рейсы пароход И.И. Бодалева. На заседании 14 марта Хозяйственный комитет постановил приобрести эти фонари (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3191. Л. 147). Таким образом, протоколы заседаний подтверждают высказанную нами гипотезу о наличии у купца И.И. Бодалева своих пароходов. Когда эксплуатируется единственный пароход на акватории, он не может столкнуться с другим пароходом, но при появлении еще хотя бы одного сразу же появляется риск столкновения, что делает необходимым соблюдение общепринятых правил судовождения.

26 июня 1896 г. Бодалев обратился на завод с просьбой отлить чугунный паровой цилиндр весом около семи пудов, взамен сломанного, по его образцу для машины парохода, работающего на заводском пруду по доставке дровяных плотов. По сообщению № 1535 от 17 июля временно исполнявшего дела начальника оружейного завода, «*в отливке цилиндров затруднений нет*», заводской бухгалтер подсчитал, что она обойдется заводу в 1 руб. 70 коп. за пуд (всего 11 руб. 90 коп.). Отделку отливки может произвести механическая мастерская по отдельному наряду. 2 августа Хозяйственный комитет постановил выдать наряды на изготовление цилиндров пароходу Бодалева, с которого будут взысканы расходы (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3193. Л. 235, 235 об.).

23 июня 1897 г. Бодалев обратился к начальнику заводов с просьбой: «*Пароходик мой, перевозящий по заводскому пруду бревна в плотях на распиловку и в дрова, а также строевой лес, вчерашнего 22 июня поломался, требует исправления не менее двух или трех суток, новый же еще не достроен. Упомянутые выше бревна необходимо перевозить, так как их скучено на заводском пруду довольно порядочное количество: а посему имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство разрешить казенному пароходу перевозить эти бревна на время ремонта моего парохода, или же не найдете ли возможным разрешить по исправлению моего парохода в течение этой недели, так как на этой неделе почти все плоты выгнаны на пруд. Мой же пароход один перевозит медленно. Рабочие все по случаю наступления сенокосного времени и других полевых работ торопятся домой, почему желательно было бы отпустить их скорее. Причем в случае надобности Ижевским заводам мой пароход будет во всякое время предоставлен заводам*». 30 июня по этому прошению состоялось заседание Хозяйственного комитета, на котором, «*принимая по внимание, что при перевозке по заводскому пруду бревен в плотях может произойти поломка и казенного парохода, как это случилось с пароходом Бодалева*», было решено просьбе отказать (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3324. Л. 500, 500 об.).

Таким образом, имеются как минимум три записи в протоколах заседаний Хозяйственного комитета, подтверждающих наличие двух пароходов у И.И. Бодалева. Из позднейшей делопроизводственной документации Ижевских заводов можно заключить, что в 1915 г. единственный имевшийся в то время на Ижевском пруду пароход И.И. Бодалева был продан его наследником заводам. В том же году основанное Бодалевым Ижевское торгово-промышленное товарищество из-за ликвидации пивоваренного завода предложило заводам ставший ненужным ему пароход «Пчелка» за относительно низкую цену в 1200 руб. При обследовании парохода выяснилось, что, несмотря на ветхость деревянной надстройки, корпус, машины и котел находятся в

удовлетворительном состоянии. Исходя из этого, Хозяйственный комитет принял решение о приобретении парохода, а подполковнику Сорочинскому приказывалось нанять для его обслуживания механика и кочегара (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4556. Л. 534-535).

15 июня 1915 г. вышел приказ о создании специальной приемочной комиссии, которая в своем рапорте от 24 июня докладывала об успешной приемке «Пчелки» (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4556. Л. 562). Согласно приемному акту приемки, пароход имел длину 12,65 м (41'6"), ширину 2,13 м (7'), высоту борта 1,14 м (3'9"), осадку 0,64 м (2'1"). Корпус имел 20 шпангоутов и толщину листов корпуса 3,2 мм (1/8"). На пароходе располагался один котел диаметром 1,04 м (3'5"), длиной с топкой 1,90 м (6'3"), с поверхностью нагрева 1,64 м² (17,7 кв. ф.). Машина была одноцилиндровая с диаметром цилиндра 152 мм (6"), ходом поршня 152 мм (6") и давала 100 оборотов при максимальном давлении 20,4 атм. (300 фн./кв. дм) (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4556. Л. 563).

4. Результаты

При анализе протоколов заседаний возникают вопросы: «Почему И.И. Бодалеву вообще позволили завести на пруду пароход, да еще не один, которые он, наверняка, использовал в «увеселительных поездках», против чего выступал Хозяйственный комитет при рассмотрении запроса В.Ф. Тельнова и Ю.Г. Семенова? Почему два парохода, построенные в Ижевске, если верить речным регистрам, покинули пруд, несмотря на трудоемкую операцию доставки парохода на пруд и не менее трудоемкую обратную операцию?».

Несмотря на то, что Ижевские заводы не смогли повлиять на появление на пруду пароходов конкурента в лице Бодалева, они смогли создать невыносимые условия, чтобы их владелец увел суда с пруда. Решение Хозяйственного комитета от 30 июня 1897 г. об отказе предоставить Бодалеву казенный пароход взамен его сломанного для работы по контракту Ижевских же заводов выглядит более чем странно. Да и сам факт, что все подряды на перевозку дров передали конкуренту Бодалева Порсеву также работает за гипотезу о «выдавливании» конкурента.

Действительно, на 1894 г. основными подрядчиками по доставке дров на Ижевские заводы были Порсев и Бодалев. На 25 января 1895 г. по заводским документам имелись следующие запасы дров, доставленные подрядчиками: на Колтоминском складе 5521 саж., при заводском дворе 17136 саж., в нагорном складе 3147 саж., складе на 14-й улице 6696 саж., на Воложке 22326 саж. Причем запасы на последнем пункте были созданы усилиями Порсева, а на остальных – Бодалева (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3121. Л. 176 об., 177) (здесь и далее речь идет о квартирных саженях – мере объема дров, имевших хождение на Урале: одна такая сажень представляла собой поленицу длиной и высотой в три аршина с длиной дров в 3/4 аршина, и, таким образом, квартирная сажень равнялась 0,25 кубических саженей, около 9,7 м³). Указанная картина позволяет высказать предположение, что между Порсевым и Бодалевым существовала договоренность, возможно только устная, что первый участвует в заготовке и вывозе дров к Воложке, а второй – в непосредственной доставке на заводы.

8 февраля 1895 г. Хозяйственный комитет постановил заключить контракт с Бодалевым и Порсевым на вывозку дров из дровосек на склады и подвозку их к мастерским, генераторным печам и казенным зданиям. На период межсезонья признавалось необходимым иметь запас на заводском складе в 15 тыс. саж. Весной подвоз дров с Колтоминского склада затруднялся наличием долго не таящего льда, а осенью – обмерзанием колес парохода. Подвоз со склада на 14-й улице также затруднялся из-за грязи, поскольку подвозить приходилось по болотистой местности. Нагорный же склад из-за своих небольших размеров мог покрыть едва ли полумесячные потребности в дровах. Увеличение этого склада было крайне нежелательным из-за риска пожара (городские постройки стояли вплотную к нему). Вблизи от него располагался еще и склад ложевых болванок, а доставка воды в нагорную часть представляла собой крайне трудоемкую процедуру. Но имелись проблемы и по доставке дров в навигационный период. Так, подвозка дров из Колтоминского склада обходилась в 33 коп. за сажень, в то время как по опыту навигации 1893 года с использованием пароходов она стоила 40 коп., а в 1894 г. с использованием пароходов и барж – 49,5 коп. В связи с этим с Порсевым и Бодалевым заключался двухгодичный контракт. Порсев должен был вывозить дрова из дровосек, в то время как на Бодалева ложилась подвозка дров на баржах и пароходе, за которую ему предполагалось заплатить 38 коп., что было выгодней для казны, чем заниматься самоподвозом, который обходился дороже. Контрактный объем подвоза к мастерским и печам составлял 100 тыс. саж. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3121. Л. 195 об., 196).

Бодалев аккуратно исполнял свои договорные обязательства. Так, 16 февраля 1896 г. завод выплатил ему за заготовку дров 3250 руб. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3190. Л. 411), 19 июня – 18955 руб. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3192. Л. 372), 27 июля 1896 г. – 12557 руб. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3193. Л. 201).

6 июля 1896 г. Хозяйственный комитет, подводя итоги контракта от 23 марта и 12 мая 1895 г., отмечал, что подрядчиками Порсевым из Люкшудьинского дровосека на пристань Воложку было вывезено 44314 саж.; Бодалевым из Михайловского и Никольского дровосеков на склады Колтоминский, Нагорный, 14-й улицы и заводской двор – 96204,5 саж. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3193. Л. 36). При этом цена за сажень при подвозке дров на заводские склады у Бодалева составила 2 руб.,

а у Порсева – 1 руб. 40 коп. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3193. Л. 37 об.). Следует отметить, что Бодалев при этом использовал свой пароход, а Порсев – казенный.

28 июня 1896 г. прошли новые торги по заключению контракта на подвозку дров. Всего в конкурсе участвовали три претендента: сельский обыватель Ижевско-Нагорной волости Степан Васильевич Петров и сарапульские купцы Иван Иванович Бодалев и Петр Григорьевич Порсев. В части перевозки к мастерским в навигацию пароходом из склада на Воложке первый заявил цену 52 ³/₄ коп., второй – 50 ¹/₂ коп., третий – 49 коп. Из Колтоминского склада к мастерским – соответственно 55 коп.; 50 ¹/₄ коп. и 48 коп. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3193. Л. 38). 6 июля Хозяйственный комитет утвердил результаты торгов, и контракт на подвозку дров с 1 октября 1896 г. по 1 января 1898 г. достался Порсеву (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3193. Л. 39). При этом в контракте ясно было указано, что подвозка дров осуществляется на казенном пароходе с помощью казенных барж. 14 марта 1897 г. Хозяйственный комитет решил передать часть подряда, доставшегося Порсеву, по рубке и подвозке бревен Бодалеву (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3323. Л. 510).

25 сентября 1897 г. состоялись торги по заключению контракта на перевозку дров на 1898 г. Снова в конкурсе участвовали лишь Бодалев и Порсев. Относительно подвозки дров в навигацию пароходом Бодалев предложил цену в 39 коп., Порсев в 35 коп. за сажень, на основании чего контракт снова достался Порсеву. На подрядчика возлагалась обязанность содержания и ремонта парохода и барж, а также содержание их прислуги. В итоге при подписании контракта с учетом этих расходов цена сажени при подвозке к мастерским из склада на Воложке предполагалась 49 коп., со склада в Колтоме – 48 коп. Цена доставки гужевым транспортом в зимнее время получалась в среднем на 10 коп. дешевле. 15 ноября 1897 г. Хозяйственный комитет постановил утвердить результаты торгов (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3326. Л. 179-181).

По контракту в редакции от 8 декабря 1895 года Бодалев должен был подвести 100 тыс. саж. дров. По 50 тыс. саж. он вырубил в зиму 1895/96 г. и 1896/97 г., и бревна были подготовлены к сплаву. Соответственно сам сплав осуществлялся в навигациях 1896 и 1897 гг. Остальные дрова предполагалось подвести в зимнее время. В итоге за доставку дров сплавом, куда вошла также цена вырубки и доставки к берегу пруда, за навигации 1896 и 1897 гг. Бодалеву насчитали 394913 руб. 90 коп. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3401. Л. 63-64). 10 апреля 1898 г. Бодалеву за подвозку бревен в плотках заплатили 3692 руб. 80 коп. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3399. Л. 38-39). 16 декабря 1898 г. с Бодалевым и Порсевым был произведен окончательный расчет за подвозку дров (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3401. Л. 413).

Таким образом, можно сделать предположение, что Бодалев завел пароходы на Ижевском пруду в надежде, что именно ему достанутся подряды на поставку дров. Как видно из цитируемых источников, речь идет о многотысячных суммах. В связи с этим конкурентное преимущество в виде своего парохода и удешевления стоимости доставки выглядит весьма логичным.

Однако Бодалев явно просчитался в оценке возможностей завода. Ижевские заводы предоставили пароход «Иж» на весьма льготных условиях. Они оплачивали, например, наем команды, производили ремонт перед навигацией, а также починку наиболее сложных частей. В случае собственного парохода эти расходы ложились на его владельца. И получалось так, что аренда «Ижа» обходилась выгоднее наличия собственного судна. В связи с этим, построив как минимум два парохода на пруду, Бодалев в итоге вынужден был один из них около 1900 г. увезти на Каму.

Вопрос возможности такой операции подтверждается теми же протоколами заседаний Хозяйственного комитета. Так еще 29 апреля 1894 г. там рассмотрели счет Бодалева за доставку 242 тыс. пудов заводских грузов из Гольян в Ижевск. Причем цены признавались выгодными, поскольку комитет постановил *«впредь до производства торгов на перевозку тяжестей из Ижева в Гольяны и обратно производить таковую через купца Бодалева...»* (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3064. Л. 138 об.). Причем речь шла и о доставке довольно тяжелых элементов, таких как машинных частей, например, динамо-машины весом свыше 57 пуд. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3066. Л. 148). Это доказывает принципиальную возможность доставки даже тяжелых комплектующих для постройки парохода в Ижевск. Но вот вопрос, как уже готовый пароход везли на Каму, пока остается открытым. Возможно, целиком или с предварительной разборкой.

По-видимому, имея на Каме собственный пароход, Бодалев надеялся извлечь из него выгоду, которую не мог реализовать на Ижевском пруду. 18 августа 1900 г. Хозяйственный комитет решил уплатить Бодалеву 480 руб. за перевозку из Воткинска 4000 пуд. хромистого известняка и доломита (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3517. Л. 376). 26 июня 1900 г. из Ижевска в Воткинск отправилась партия из 101 пуд. черновой никелевой стали для проката, необходимой при изготовлении стрелковых щитов. 7 июля Бодалев доставил ее в Воткинск. 11 октября 1900 г. Ижевские заводы заплатили 75 руб. 75 коп. Воткинскому заводу за прокат никелевой стали и доверенному лицу Бодалева Ловцову 20 руб. 15 коп. за доставку ее в Ижевск (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3518. Л. 152).

В этих записях нет прямого утверждения, что Бодалев использовал при реализации контракта свой пароход на Каме, но это выглядит весьма логичным. Вместо относительно дорогой доставки гужом в летний период из Ижевска в Воткинск и обратно он вполне мог сплавить грузы из Воткинска по Вотке и Сиве до Камы, потом перевезти в Гольяны и только оттуда доставить гужом.

Кроме всего прочего, протоколы заседаний Хозяйственного комитета имеют ряд совпадений, которые могут представляться не простой случайностью.

В «Списке речных паровых судов Европейской России по переписи 1906 г.» (Список, 1906) дается информация по пароходу «Ижевск», принадлежавшему на этот момент П.А. Панову. Размеры судна приведены в таблице. Обращает на себя внимание, что и корпус парохода, и машина, и котел сделаны на Ижевском заводе. Как говорилось выше, под местом постройки корпуса здесь имеется в виду поселок Ижевский завод. А вот что касается машины, то запись в заседаниях Хозяйственного комитета от 2 августа 1896 г. может объяснить историю ее происхождения. Производство паровых машин довольно сложное, для его организации требуются как специальные промышленные мощности, так и опытные кадры. Корпус машины, имеющий сложную конфигурацию, изготавливался в то время исключительно литьем. Однако сами цилиндры после этого должны были растачиваться и шлифоваться, что требует наличия фрезерных и токарных станков. Так что изготовить его «у себя в подвале» без этого оборудования затруднительно. Но Бодалев этого и не делал. Он заказал самую сложную деталь – корпус – отлить на Ижевских заводах. Наверняка, после этого он мог договориться с доработкой отливки до рабочего состояния. Металлообработка в Ижевске имела не только на казенных заводах, но и на частных, так что заказанная 26 июня 1896 г. паровая машина вполне могла быть предназначена не для «Пчелки», а для «Ижевска». То, что в регистре 1906 г. относительно нее стоит дата производства 1898 г., в нашей реконструкции вполне вероятно, поскольку 1896 г. – это год отливки. Так что дорабатываться она могла и позже.

Но запись от 30 июня 1897 г. заставляет усомниться в дате готовности «Ижевска». Это явно о нем и о «Пчелке» говорится в обращении Бодалева. На момент написания записки «Ижевск» еще не был готов. Но то, что его сделали в 1898 г., как указано в регистре, тоже не факт. Вполне вероятно, это дата перевода его на Каму, когда его, как положено, застраховали и зарегистрировали. До этого в страховке и регистрации не было смысла, как, например, не страховалась и не регистрировалась «Пчелка». Возможно, уже тогда Бодалев задумывался о продаже парохода, так что 1898 год постройки делал его «новее» и, следовательно, более предпочтительным в глазах потенциальных покупателей. Но может быть, что 1898 г. – это просто год изготовления и монтажа котла, который, судя по «Списку», тоже сделали в Ижевске. К сожалению, журнал Хозяйственного комитета о заказе Бодалевым котла умалчивает.

Конструкция машины «Ижевск», как явствует из протоколов заседаний Хозяйственного комитета, повторяла конструкцию «Пчелки», то есть была съемная. При постройке «Пчелки» это стало своего рода «ноу-хау» Бодалева. В зимнее время паровая машина могла работать на пивоваренном заводе, а в летнее – на пароходе. Но для постоянно работающего парохода такая двойственность была неудобна. Переносная машина всегда менее надежнее стационарной. Поэтому, как явствует из регистра 1912 г. (Список, 1912), в 1903 г. на пароходе ее заменили. Если бы это была обычная машина, ее замена спустя всего пять лет после изготовления выглядит очень странной.

Таблица 1. Размеры пароходов И.И. Бодалева, м

Название	Год	Длина, м	Ширина, м	Осадка, м	Высота борта, м
«Пчелка»	1896	12,65	2,13	0,64	1,14
«Ижевск»	1898	19,34	3,35	0,76	1,63
«Мария»	1902	12,25	2,14	0,90	1,42

Третий, упоминаемый в регистрах, пароход «Мария», как было нами ранее обнаружено, появляется в регистрах лишь в 1912 г. Местом изготовления корпуса также значится Ижевский завод, пароход изготавливался хозяйственным способом, длина 35', высота борта 4'8", ширина корпуса 7', осадка 5' (Таблица 1) (Список, 1912: 218-219). При этом даты постройки котла (1908 г.) и машины (1909 г.) не оставляют сомнений, что новый хозяин также вскоре после приобретения заменил весьма сомнительную инновацию Бодалева. Обращает на себя внимание еще один интересный факт: «Мария» отсутствует в регистре 1906 г. (Список, 1906). Ранее мы интерпретировали этот факт как доказательство отсутствия машины на пароходе до 1906 г. Однако может быть и другое объяснение: до своей продажи пароход мог быть на Ижевском пруду снова без страховки и регистрации, как «Пчелка». Из таблицы также видны практически идентичные характеристики у «Пчелки» и «Марии», что может указывать на их однотипность.

5. Заключение

Журналы заседаний Хозяйственного комитета Ижевских заводов полностью подтверждают информацию о наличии на Ижевском пруду как минимум двух пароходов Бодалева. Появление этих пароходов связано с получением большого контракта на доставку дров для Ижевских заводов. Однако они предпочли стратегию «выдавливания» конкурента с рынка. На это указывают более чем льготные условия аренды казенного парохода, отказ во временном предоставлении Бодалеву

казенного парохода, когда его сломался при работе по казенным же нарядам, а также отказ на предоставление В.Ф. Тельнову и Ю.Г. Семенову доставить на пруд свой пароход. В результате два из трех построенных в Ижевске пароходов Бодалев перевез на Каму, надеясь на них заработать там, но в итоге был вынужден продать все три. В результате всех этих действий Ижевские заводы остались монополистом в пароходных перевозках по Ижевскому пруду.

6. Благодарности

Статья подготовлена при поддержке Комплексной программы фундаментальных научных исследований УрО РАН, № 18-6-6-38.

Литература

ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской республики.

Волжский вестник, 4.03.1897 – Волжский вестник. 4 марта 1897 г.

Волжский вестник, 26.04.1897 – Волжский вестник. 26 апреля 1897 г.

Бойко, 1996 – Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII – XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск, 1996. 320 с.

Дамешек, Кушнарера, 2016 – Дамешек Л.М., Кушнарера М.Д. Купеческая переписка как источник изучения проблем развития пушной торговли крупным капиталом в Северо-Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 403. С. 43-48.

Змерзлый, 2016 – Змерзлый Б.В. Организация освидетельствования торговых судов в России в XIX – первой половине XX вв. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2016. Т. 2 (68). № 1. С. 46-51.

Комлева, 2018 – Комлева Е.В. «Тузы-капиталисты»: образ сибирского купца в региональной периодической печати второй половины XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2018. Т. 24. С. 36-45.

Митюков, 2015 – Митюков Н.В. Пароходы постройки Ижевских заводов // Ежегодник финно-угорских исследований. 2015. № 2. С. 95-99.

Митюков, Баутина, 2019 – Митюков Н.В., Баутина С.Л. Пароходы Бодалева // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. № 2.

Павлов, 2014 – Павлов А.С. Пароходы Сибири 1844–1918. Якутск, 2014. 168 с.

Родионов, 2009 – Родионов Н.А. История оружейного производства в Удмуртии (XIX–XXI вв.). Ижевск, 2009. 316 с.

Селивановский, 2014 – Селивановский С.Н. Старый Ижевск. События и люди в объективе фотографов. Ижевск: Киноград, 2014. 292 с.

Список, 1906 – Список речных паровых судов Европейской России по переписи 1906 г. Выпуск V. СПб., 1908.

Список, 1912 – Список речных паровых судов Европейской России по переписи 1912 г. Выпуск VI. СПб., 1914.

Шармоянц, 2017 – Шармоянц А.Н. Правовое регулирование деятельности российского регистра в начале XX века в СССР // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2017. Т. 3 (69). № 2. С. 74-82.

Mitiukov et al., 2017 – Mitiukov N.W., Kondratenko R.V., Korobeinikov A.V., Dashyan A.V., Mitrofanov A.F. Networking in scientific projects on naval history // Bylye Gody. 2017. 46(4): 1582-1590.

Mitiukov et al., 2018 – Mitiukov N.W., Loshkarev A.N., Matveev D.V. Reconstruction of the order's numbers of the Votkinsk plant's shipbuilding workshop on 1865-1902 // Bylye Gody. 2018. 49(3): 1203-1215.

Mitiukov et al., 2018a – Mitiukov N.W., Bautina S.L., Adinyaev S.I. Steamers of the Izhevsk's plants on the 1910-s // Bylye Gody. 2018. 49(3): 1307-1320.

Mitiukov et al., 2019 – Mitiukov N.W., Bautina S.L., Loshkarev A.N., Seliverstova M.A. The navigation's beginning on izhevsk pond on the meeting's journals of the economic committee of izhevsk plants in 1892-1900 // Bylye Gody. 2019. 52(2): 808-820.

References

Bojko, 1996 – Bojko V.P. (1996). Tomskoe kupechestvo v kontse XVIII – XIX v. Iz istorii formirovaniya sibirskoj burzhuzii [Tomsk merchant in the late XVIII - XIX centuries. From the history of the formation of the Siberian bourgeoisie]. Tomsk, 320 p. [in Russian]

Dameshek, Kushnareva, 2016 – Dameshek L.M., Kushnareva M.D. (2016). Kupecheskaya perepiska kak istochnik izucheniya problem razvitiya pushnoj trgovli krupnym kapitalom v Severo-Vostochnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Merchant correspondence as a source for studying the problems of the development of fur trade by large capital in Northeastern Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. № 403, pp. 43-48. [in Russian]

Komleva, 2018 – Komleva E.V. (2018). "Tuzy-kapitalisty": obraz sibirskogo kupca v regionalnoj periodicheskoj pechati vtoroj poloviny XIX v ["Aces-capitalists": the image of the Siberian merchant in the regional periodicals of the second half of the XIX century]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija*. T. 24, pp. 36-45. [in Russian]

Mityukov, 2015 – Mityukov N.V. (2015). Parokhody postroiiki Izhevskikh zavodov [Steamships built Izhevsk plants]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii*. № 2, pp. 95-99. [in Russian]

Mityukov, Bautina, 2019 – Mityukov N.V., Bautina S.L. (2019). Parokhody Bodaleva [Bodalev's steamers]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii*. № 2. [in Russian]

Pavlov, 2014 – Pavlov A.S. (2014). Parohody Sibiri 1844–1918 [Steamers of Siberia 1844–1918]. Yakutsk, 168 p. [in Russian]

Rodionov, 2009 – Rodionov N.A. (2009). Istorija oruzhejnogo proizvodstva v Udmurtii (XIX – XXI vv.) [The history of weapons production in Udmurtia (XIX – XXI centuries)]. Izhevsk, 316 p. [in Russian]

Selivanovskij, 2014 – Selivanovskij S.N. (2014). Staryj Izhevsk. Sobytiya i lyudi v ob'ektive fotografov [Old Izhevsk. Events and people in the lens of photographers]. Izhevsk, Kinograd, 292 p. [in Russian]

Sharmoyants, 2017 – Sharmoyants A.N. (2017). Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti rossijskogo registra v nachale XX veka v SSSR [Legal regulation of the activity of the Russian Register at the beginning of the XX century in the USSR]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*. T. 3 (69). № 2, pp. 74-82. [in Russian]

Spisok, 1906 – Spisok rechnykh parovykh sudov Evropeiskoi Rossii po perepisi 1906 g. [List of river steam vessels of European Russia according to the 1906 census] Vol. V. St. Petersburg, 1908. [in Russian]

Spisok, 1912 – Spisok rechnykh parovykh sudov Evropeiskoi Rossii po perepisi 1912 g. [List of river steam vessels of European Russia according to the 1912 census] Vol. VI. St. Petersburg, 1914. [in Russian]

TSGA UR – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi respubliki [Central State Archive of the Udmurt Republic].

Volzhskij vestnik, 26.04.1897 – Volzhskij vestnik. 26 aprelya 1897 g.

Volzhskij vestnik, 4.03.1897 – Volzhskij vestnik. 4 marta 1897 g.

Zmerzlyj, 2016 – Zmerzlyj B.V. (2016). Organizaciya osvidetelstvovaniya torgovykh sudov v Rossii v XIX – pervoj polovine XX vv [Organization of inspection of merchant ships in Russia in the XIX – first half of the XX centuries]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*. T. 2 (68). № 1, pp. 46-51. [in Russian]

Mitiukov et al., 2017 – Mitiukov N.W., Kondratenko R.V., Korobeinikov A.V., Dashyan A.V., Mitrofanov A.F. (2017). Networking in scientific projects on naval history. *Bylye Gody*. 46(4): 1582-1590.

Mitiukov et al., 2018 – Mitiukov N.W., Loshkarev A.N., Matveev D.V. (2018). Reconstruction of the order's numbers of the Votkinsk plant's shipbuilding workshop on 1865-1902. *Bylye Gody*. 49(3): 1203-1215.

Mitiukov et al., 2018a – Mitiukov N.W., Bautina S.L., Adinyaev S.I. (2018). Steamers of the Izhevsk's plants on the 1910-s. *Bylye Gody*. 49(3): 1307-1320.

Mitiukov et al., 2019 – Mitiukov N.W., Bautina S.L., Loshkarev A.N., Seliverstova M.A. (2019). The navigation's beginning on izhevsk pond on the meeting's journals of the economic committee of izhevsk plants in 1892-1900. *Bylye Gody*. 52(2): 808-820.

Купеческое пароходство И.И. Бодалева по журналам Хозяйственного комитета Ижевских заводов 1895–1900 гг.

Николай Витальевич Митюков ^{a, b, c, d, e, f, *}, Светлана Леонидовна Баутина ^g, Александр Федорович Митрофанов ^a, Юрий Николаевич Макаров ^h

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Российская Федерация

^c Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова, Российская Федерация

^d Московский экономический институт, Российская Федерация

^e Московский институт психоанализа, Российская Федерация

^f Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

^g Московский экономический институт, Российская Федерация

^h Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Ижевский пруд в XIX – первой половине XX вв. представлял собой важную транспортную артерию для обеспечения работы Ижевских заводов, прежде всего для связи завода с

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nico02@mail.ru (Н.В. Митюков)

Воложкой и Колтомой. Для удешевления и убыстрения перевозок в середине 1890-х гг. на Ижевском пруду появился первый казенный пароход «Иж». Ранее на основе анализа речных регистров нами был обнаружен факт постройки в Ижевске пароходов на рубеже веков и высказана гипотеза, что их заказчиком стал купец И.И. Бодалев. Проанализированы сведения из журналов заседаний Хозяйственного комитета Ижевских заводов (высший орган хозяйственного управления Ижевских заводов) в 1895–1900 г., касающиеся пароходов купца И.И. Бодалева на Ижевском пруду. Установлено, что в рассматриваемый период он имел на пруду как минимум два парохода («Пчелка» и «Ижевск»). Кроме того, Ижевские заводы, по-видимому, проводили целенаправленную политику «выдавливания» конкурентов с пруда. Так, Хозяйственный комитет в 1895 г. отказывал в запросе В.Ф. Тельнову и Ю.Г. Семенову доставить в Ижевск свой пароход. Но в это же время на пруду появился первый пароход И.И. Бодалева, что произошло с молчаливого согласия Ижевских заводов, поскольку Бодалев выступал одним из главных подрядчиков по доставке за заводы дров. Поэтому, с одной стороны, заводы установили чрезвычайно льготные условия аренды казенного парохода «Иж», а с другой – например, ответили отказом на предложение предоставить казенный пароход при поломке парохода Бодалева в выполнении казенного же контракта. В результате два парохода Бодалев увез на Каму («Ижевск» и «Мария»), а еще один в 1915 г. продал Ижевским заводам («Пчелка»), после чего те стали монополистом в перевозках по Ижевскому пруду. Обнаружен факт постройки на Ижевских заводах паровой пароходной машины по заказу Бодалева.

Ключевые слова: Ижевск, Ижевский пруд, Ижевские заводы, история, судостроение, навигация, водный транспорт.

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1310-1317. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1310
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Publicistic Disputes B.N. Chicherin and N.K. Rennenkampf in 1898–1899 on the Polish Question in Politics of Russia, Germany and Austrian-Hungary

Evgeniy V. Dvoretzkiy ^a, Denis O. Timiryayev ^{a, *}

^aBelgorod National Research University, Russian Federation

Abstract

A characteristic phenomenon for Russian public opinion of the XIX century was the appeal to the experience of European countries in the form of discussion of management models and public institutions. This is also characteristic for the discussion of interethnic relations in a polyethnic country, and for discussing the model of managing national suburbs. For the governments of Austria and Germany, Russia, who at the end of the eighteenth century divided Polish-Lithuanian Commonwealth, the Polish issue was extremely acute. The Russian authorities studied the policies of these two countries on the Polish lands and its consequences. In turn, these problems were reflected in domestic journalism. References to the policy of Austria-Hungary and Germany in the parts of Poland that were withdrawing to them were an integral part of those recommendations that the publicists, as spokesmen of public sentiments, addressed the government. As an example of public discussion, the article compares the views of B.N. Chicherin and N.K. Rennenkampf on the situation in the Polish lands of Austria-Hungary, Germany and Russia. It is analyzed their arguments in favor of this or that model of management of the Polish territories. It is described the correspondence of the views of the publicists with the real state of affairs in Galicia, Poznan and the Kingdom of Poland. A working hypothesis has been proved about Chicherin's use as a means of propagating his liberal views of the experience of the parliamentary activity of the Poles in the Austro-Hungarian and German empires.

Keywords: B.N. Chicherin, N.K. Rennenkampf, publicism, the Polish question, Galicia, Poznan, the Kingdom of Poland.

1. Введение

Разделы в конце XVIII в. Речи Посполитой привели к появлению так называемого польского вопроса. Для стран-участниц разделов встал вопрос о способах интеграции польских земель в политическое поле страны. В России, Германии и Австрии (с 1867 г. – Австро-Венгрия) сложились к концу XIX в. три разные модели интеграции этих земель.

Самой лояльной по отношению к полякам была политика, проводимая правительством Австро-Венгрии на территории Галиции. Ее сутью было предоставление широкой автономии региону, ведущую роль в котором играло польское меньшинство, представленное, прежде всего, аристократией и дворянством. Первоначально со времен разделов до 1860-х гг. Австрия проводила политику централизованного управления и германизации администрации и образования, не пытаясь вести диалог с польской общественностью. Ситуация изменилась после поражений Австрийской империи в Австро-итало-французской (1859) и Австро-пруссской (1866) войнах.

С 1867 года Габсбурги пытались сплотить империю, сделав ставку на венгерский и польский национализм (Кимитака, 2004: 452). В качестве противовеса польскому доминированию, Вена активно поддерживала украинский национализм. Как отмечает украинский историк Г. Касьянов, «украинско-польский конфликт, принявший в 1920–1940-е годы на западноукраинских землях самые

* Corresponding author

E-mail addresses: DenisOlegovichTimiryayev@yandex.ru (D.O. Timiryayev)

дикие формы, зародился и вызрел именно в более «демократичной» и «плюралистичной» империи Габсбургов» (Касьянов, 2004: 93). Галиция была самым отсталым регионом Австро-Венгрии, существенно отстававшим в экономическом развитии от польских земель в Германии и России (Польша в XX веке, 2012, 19).

Самой жесткой моделью интеграции польских территорий была германская. Со времени разделов до поражения в Первой мировой войне Пруссия (с 1871 г. – Германская империя) проводила политику германизации администрации, образования и поощряла смену этнического состава путем колонизации немцами как польских городов, так и сельской местности. В 1887 году было запрещено преподавание польского языка в начальной и в средней школе, за исключением младших классов, в которых на польском преподавали только «закон Божий» (История Польши. Т. 2. 1955: 378). К концу 1890-х годов учителя-поляки были вытеснены из систем среднего и начального образования (История Польши. Т. 2. 1955: 378).

Помимо запрета на преподавание польского языка и преподавание на польском языке, немецкие власти осуществили целую программу германизации польских провинций. В 1894 году были созданы общества, имевшие антипольскую направленность и пользовавшиеся всемерной поддержкой правительства: «Общегерманский союз» и «Общество для поддержки немцев в восточных провинциях» (Польша в XX веке, 2012: 18). Были запрещены общественные мероприятия, посвященные событиям польской истории, не разрешалась продажа польской художественной продукции, рекомендовалось игнорирование потенциальными покупателями польских товаров и магазинов. В итоге к 1900 г. в Познани, самом крупном городе Великой Польши, поляки составляли только 55 % населения (Польша в XX веке, 2012: 18).

Царство Польское, созданное из польских территорий, присоединенных к Российской империи, с 1815 по 1830-е гг. выглядело более выигрышно по сравнению с австрийской и прусской частями Польши, т.к. обладало правами широкой автономии. Два восстания, 1830–1831 и 1863–1864 гг., продемонстрировали правительству бесперспективность диалога с польским дворянством и привели к свертыванию автономии Царства Польского. С 1863–1864 гг. целью политики Российской империи стала государственная интеграция польских губерний через унификацию административного аппарата и учебной системы (Польша в XX веке, 2012: 18). В Привислинском крае преподавание было переведено на русский язык в средней школе в 1868–1869 годах, а в начальной школе в 1885 году, но при этом, в отличие от Пруссии, польский язык оставался в качестве предмета в школе и в гимназиях.

По нашему мнению, изучение общественного мнения по данному сюжету польского вопроса на примере полемики двух публицистов (Чичерин и Ренненкампф) является актуальной исследовательской задачей.

2. Материалы и методы

Восстание 1863–1864 гг. привело к формированию трех «условных» течений в российском общественном мнении. С позиции приоритета государственных интересов и унитаризма выступала консервативная печать (наиболее яркий представитель – М.Н. Катков) и часть либеральной, преимущественно славянофильской окраски (И.С. Аксаков). С идеями «примирения», взаимных уступок, равноправия всех подданных выступали либеральные периодические издания (наиболее репрезентативные «Вестник Европы», «Русская мысль»). Публично о поддержке восставших поляков заявили представители радикальных антиправительственных взглядов (А.И. Герцен, М.А. Бакунин). Разделение позиций печати в польском вопросе по идеологическим направлениям (консерватизм, либерализм, антиправительственные течения), на наш взгляд, сохранилось до начала Первой мировой войны.

В 1898 году вышла третья часть работы «Курс государственной науки», в котором высказал свои взгляды на польский вопрос известный юрист и представитель либерального течения общественной мысли Борис Николаевич Чичерин (1828–1904). В том же году профессор Киевского университета Святого Владимира, правовед Николай Карлович Ренненкампф (1832–1899), будучи представителем консервативного направления и выражая свои проправительственные взгляды, выступил печатно с критикой его позиции. Чичерин принял полемический вызов, опубликовав год спустя свой ответ на критику, прозвучавшую из Киева. В исследовании используется 2-е издание его брошюры (1901), текст которой идентичен 1-му изданию. Их публицистические материалы являются источниками нашего исследования.

В качестве основных принципов исследования избраны принцип научности (объективности) и принцип историзма. В соответствии с принципом научности исследование основывается на анализе объективных исторических фактов, доказанных методами исторической науки. Взгляды публицистов на польский вопрос анализируются на основе аутентичных опубликованных и верифицированных текстов авторов. Принцип историзма проявляется в рассмотрении исторических явлений в развитии и в конкретно-исторической ситуации.

3. Обсуждение

Феномен разделов и история разделенных земель до появления в 1918 г. самостоятельного Польского государства породили обширную историографию. Первыми исследователями данной проблематики стали историки, принадлежащие к либеральному направлению общественной мысли (Кареев, 1888; Корнилов, 1915). Взгляды советских ученых, основанные на марксистской методологии, представлены в фундаментальном исследовании, изданным Академией наук (История Польши. Т. 1–2, 1954–55). Исследования этого сюжета в постсоветское время базируются на основе новых методологических позиций (Горизонтов, 1999; Стегний, 2002; Западные окраины, 2006). Академические структуры в лице авторского коллектива Института славяноведения РАН продолжили исследовательскую работу в этой области (Польша и Россия, 2010; Польша в XX веке, 2012. Меж двух восстаний, 2016). Англоязычные исследователи также не остались в стороне от разработки данной проблемы (Weeks, 1996; Rodkiewicz, 1998).

По нашим наблюдениям, пореформенная публицистика по польскому вопросу изучена крайне неравномерно. Публицистика по польскому вопросу, посвященная восстанию 1863–1864 гг., привлекает внимание большинства исследователей, обращавшихся к полемике двух антагонистов в польском вопросе – Каткову и Герцену. Первые попытки научно описать и проанализировать этот феномен были осуществлены современниками событий (Щегловитов, 1888; Корнилов, 1905; Драгоманов, 1906). Работы советских исследователей отличались апологетическим отношением к идеям антиправительственных публицистов и критикой их оппонентов (Белявская, 1954; Твардовская, 1978). Исследования, в которых была бы попытка объективно проанализировать позиции публицистов, появились в постсоветское время (Малютин, 2013). Зарубежная историография внесла свой вклад в изучение течений общественной мысли в Российской империи (Thaden, 1964). Период после восстания пользуется меньшим вниманием исследователей. Публицистика этого времени, по нашему мнению, не менее интересна для исследователя и демонстрирует актуальность польского вопроса для общественности империи не только во время кризисных явлений.

Полемика Чичерина и Ренненкампа была изучена В.А. Китаевым (Китаев, 2004: 110–123). По нашему мнению, автор недостаточно уделил внимания ключевой проблеме выбора модели политики, которую можно было бы применить к полякам в империи. Это обстоятельство диктует необходимость нового обращения к этому сюжету. Некоторые оценки, данные Китаевым взглядам Ренненкампа на политику России в Царстве Польском, на наш взгляд, нуждаются в корректировке.

4. Результаты

Для второй половины 90-х годов XIX века характерна активизация общественной полемики по польскому вопросу. Ряд правительственных мер сигнализировал обществу о намерении власти провести как минимум коррекцию политики по отношению к полякам в империи. Этими мерами были:

- назначение в 1897 г. на должность Варшавского генерал-губернатора сторонника налаживания сотрудничества с польским обществом А.К. Имеретинского;
- отмена в 1897 г. такой репрессивной меры за участие в Польском восстании 1863 г. и не поддержку действий власти по его подавлению, как процентного сбора со всех имений Западного края (Западные окраины, 2006: 211, 265).

Представляется, что Чичерин воспользовался дискуссией для пропаганды своих парламентаристских идей, полагая, что наличие такого, как парламент, института власти будет средством решения общественных проблем, включая национальные (Чичерин, 1898: 100). Для Чичерина образцом решения польского вопроса была польская автономия в Австро-Венгерской империи: «Австрия дает им то, чего они не находят нигде: свободное поприще национального развития, при относительной самостоятельности положения» (Чичерин, 1898: 100). Чичерин отмечал возможность для поляков осуществления карьерного роста на государственной службе и получения таким способом, по его мнению, успешного опыта для восстановления в будущем своего государства (Чичерин, 1898: 100). Чичерин, отмечая положительные стороны в межнациональной политике Австро-Венгрии в отношении поляков, не замечал того, что австрийские власти в противовес польскому влиянию в Галиции культивировали украинский национализм. Не отмечались им и экономические проблемы в регионе, которые резко контрастировали с наличием у поляков возможности легальной политической деятельности.

Апологетика Чичериным австрийской модели решения польского вопроса через предоставление автономии и наличие парламентской деятельности как в Галиции, так и на общеимперском уровне вызвала скепсис у Ренненкампа (Ренненкампа, 1898: 21), который резко отрицательно относился к характерной для политики Габсбургов спекуляции в польском вопросе, выражавшейся в поддержке доминирования поляков над другими славянскими меньшинствами. В качестве аргумента он справедливо отмечал недопустимость доминирования польского меньшинства над украинским большинством, считая его частью русской нации (Ренненкампа, 1898: 21). Публицист усиливал свою критику польского доминирования в регионе, сообщая о невозможности для не поляков чувствовать себя полноценными подданными Австро-Венгрии (Ренненкампа, 1898: 21–22).

Ренненкампф осуждал политику культивирования особой украинской идентичности путем создания украинского литературного языка (Ренненкампф, 1898: 22). Подчеркивал он и экономические проблемы в Галиции, которые не могла решить польская администрация края (Ренненкампф, 1898: 22). По мнению публициста, автономия Галиции служила лишь «витриной» польского духа, но никак не успешным образцом для примера. Ренненкампф скептически относился к австрийской модели парламентаризма и национальной политики (Ренненкампф, 1898: 23).

В качестве примера не всегда эффективной деятельности парламента в многонациональной стране Ренненкампф приводил факты из заседаний общеимперского представительного органа – рейхсрата (Ренненкампф, 1898: 23). Не исключал публицист и прекращения сотрудничества между польской фракцией рейхсрата и австрийским правительством в случае свертывания политики предоставления полякам особых преференций в Галиции (Ренненкампф, 1898: 23-24). В оценке «воспитательного значения австрийского парламентаризма» Ренненкампф был более объективен, чем Чичерин.

Развернутая аргументация Ренненкампфа не произвела должного впечатления на Чичерина. Он вместо аргументированной защиты австрийской модели попросту обвинил отечественную прессу и соответственно общественное мнение в нежелании видеть ситуацию в российской части Польши глазами самого Чичерина (Чичерин, 1901: 26). По его мнению, в проблемах построения межнациональной политики в Австро-Венгрии виноваты славянские подданные Двуетной монархии. Характерно, что Чичерин вставал на защиту Австро-Венгрии, призывая посочувствовать сложностям внутривластной ситуации: «Но надобно войти в положение австрийского правительства, стоящего между двумя огнями: когда оно опирается на немцев, славяне вопиют, как скоро оно хочет умиротворить славян, немцы приходят в неистовство» (Чичерин, 1901: 26-27).

Чичерин был уверен в том, что парламентская деятельность в Австро-Венгрии позволяет элитам народов встать на путь гражданского общества, отстаивая свои права и выполняя свои обязательства перед общеимперским обществом (Чичерин, 1901: 27). Он признавал, что ключевой момент австрийской политики по отношению к полякам – это предоставление власти для них в масштабах всей империи (Чичерин, 1901: 27). Публицист полагал, что другие славянские народы могут, как и поляки, тоже стать партнерами власти в империи. Чичерин в качестве аргумента приводил чешское национальное движение: «Под австрийским владычеством чехи из ничтожества возродились к новой жизни и стали политической силой» (Чичерин, 1901: 27). При этом он упоминал об острейшем конфликте между чехами и немцами, в частности в вопросе о равноправности чешского и немецкого языков (Чичерин, 1901: 25). Чичерин не задавался вопросом о том, почему же столь позитивно описываемая им политика положительной дискриминации поляков в Галиции не применялась австрийским правительством к чехам?

К концу XIX века чешские земли были самыми развитыми в экономическом отношении, а чехи в культурном развитии были равны немцам. Тем не менее равноправия в языковом и культурном плане не существовало. Вена не желала предоставлять чешской элите такой же власти в Чехии, как польской элите в Галиции, и тем более венгерской в Транслейтании (часть Австро-Венгрии, управляемой из Будапешта). Как отмечал Н.С. Барсуков, характеризуя чешско-немецкие отношения, «начиная с 80-х гг. усиливаются национальные противоречия между чехами и богемскими немцами, а в 90-е гг. резкий антагонизм между ними вылился в распространение таких лозунгов, как «Свой к своему!», «Немцы, покупайте у немцев!» и т.д.» (Барсуков, 2013: 76). Важно отметить, что ради избрания в парламент политики Австро-Венгрии использовали националистические лозунги для привлечения электората во время избирательных кампаний. Они применяли те инструменты политического процесса, которые, как полагал Чичерин, должны служить конструктивной основой политической деятельности.

Ренненкампф обращал внимание Чичерина на тяжелое положение поляков в Германской империи, в Великом Княжестве Познанском, на фоне которой ситуация в Царстве Польском выглядела более предпочтительной. Он определял цели имперского правительства в Привислинском крае как не направленные на ассимиляцию поляков (Ренненкампф, 1898: 27). Ренненкампф в качестве подтверждения своей мысли ссылаясь на опубликованные официальные немецкие документы, посвященные политике германизации польского населения. О содержании одного из таких документов (от апреля 1898) публицист писал: «В циркуляре объявляется официально, ни более, ни менее как о бесповоротном решении прусского правительства германизировать польские провинции...» (Ренненкампф, 1898: 27-28). В своей брошюре Чичерин обвинял своего оппонента в том, что он не владеет информацией о реальном положении дел в Царстве Польском (Чичерин, 1901: 21). Не произвела на него впечатления и ссылка его оппонента на немецкие официальные бумаги: «Не стану, конечно, защищать прусского циркуляра, но ведь это только лист бумаги, а что происходит на деле?» (Чичерин, 1901: 21).

Как выяснил В.А. Китаев, Чичерин был мало информирован о реальном положении дел поляков в Пруссии (Китаев, 2004: 132). Тем не менее он выступал с апологией немецких порядков, рисуя несуществующую картину равноправия польского языка и немецкого в области образования (Чичерин, 1901: 22). Факт использования русского в качестве основного языка преподавания в Привислинском крае подвергся Чичериным осуждению: «Что же это, как не самое последовательное

обрусение?» (Чичерин, 1901: 22-23). На наш взгляд, он явно ошибался, приписывая российской власти желание сделать из поляков великорусов.

В качестве выгодного отличия от России Чичерин указывал на наличие конституции и избирательных прав для поляков (Чичерин, 1901: 24). В реальности же 16 поляков-депутатов не влияли никак на ситуацию в польских землях Пруссии и не могли остановить политику германизации. Даже в указанном Ренненкампом циркуляре Чичерин видел положительные моменты: «В приведенном вами циркуляре говорится о германизации культурными, а не полицейскими средствами» (Чичерин, 1901: 24). Представляется, что для поляков германизация «культурными средствами» была ничуть не лучше русификации «полицейскими средствами». Чичерин преувеличивал бесправное положение поляков в Царстве Польском (Чичерин, 1901: 24).

Характеризуя взгляды Ренненкампа на ситуацию в Царстве Польском, В.А. Китаев утверждает, что тот «оправдывал и обелял политику русификации и административного гнета» (Китаев, 2004: 122). На наш взгляд, это не совсем так. Ренненкамп, сообщая о достижениях русского владычества в Польше, не скрывал своего осуждения «перегибов на местах» в действиях администрации: «Конечно, мы не будем ни хвалиться русским владычеством в бывшем Царстве Польском, ни обелять печальные, хотя часто и неизбежные, последствия его» (Ренненкамп, 1898: 24). Более того, публицист понимал, что итогом восстаний стало формирование негативной исторической памяти о репрессивной политике империи у поляков (Ренненкамп, 1898: 24).

Для Ренненкампа главным достижением российского управления в Польше была земельная реформа 1864 года, которая была проведена в интересах крестьян. По современным подсчетам польские крестьяне получили больше земли и на лучших условиях, чем их собратья по сословию в центральных губерниях империи (Западные окраины, 2006: 187). Итогом реформы было и создание сельских, всесословных органов самоуправления, в которых голоса помещиков и крестьян были равны. Ренненкамп понимал, что, помимо положительных моментов в политике властей, было много репрессивных мер, осуществленных в качестве наказания за мятежи (Ренненкамп, 1898: 28). Но для него эти меры были оправданны на территории Западного края.

Чичерин предлагал правительству программу действий в отношении поляков, реализация которой могла привести к радикальной смене правительственного курса в Привислинском крае. Эта программа подразумевала отмену антипольского законодательства, колонизацию всех уровней образования и делопроизводства, введение земства (Чичерин, 1901: 37). Публицист не останавливался в своих размышлениях, приводя из прошлого русско-польских отношений пример образцовой, с точки зрения Чичерина, политики: «Надобно вновь вступить на путь, указанный Александром I, надобно возвратить полякам отечество» (Чичерин, 1901: 37-38).

Предложенная Чичериним программа в виде предоставления полякам самоуправления и колонизации системы образования и официального делопроизводства уже применялась правительством в Царстве Польском в 1815–1830 и 1856–1863 гг. В указанные периоды польские территории в империи были самыми либеральными в плане политического режима. Неоднократно об этом писал и сам Чичерин. Но каким же был итог всех этих преференций? Два восстания с попытками разжечь общеевропейскую войну и претензиями на не польские в плане этнической принадлежности территории. Естественно и логично, что правительство после двух восстаний просто не воспринимало такие программы всерьез.

Любопытно, что Чичерин ставил знак равенства между положением славян в Османской империи и положением поляков в Российской. По его мнению, нельзя бороться за освобождение балканских славян от власти Османской империи и при этом удерживать территории, населенные поляками, в составе империи (Чичерин, 1898: 101). Подобная позиция Чичерина представляется весьма тенденциозной, так как противоречит фактам: ведь при подавлении двух польских восстаний российские войска не проводили массовых расправ над мирным населением. Как показал в своем исследовании О.Р. Айрапетов, изуверства, издевательства над пленными русскими солдатами, насилие над не поддержавшим восстание польским и белорусским крестьянством были визитной карточкой как раз поляков-мятежников (Айрапетов, 2013: 46, 51, 71-72, 91-92). Жестокость восставших поляков была отмечена современниками (Ренненкамп, 1898: 36).

Публицист правильно отмечал наличие католического компонента польского вопроса, который был одним из идеологических обоснований польского националистического движения, помимо лозунга «Польша от моря до моря» (Чичерин, 1898: 344). Политика верховной власти, направленная на ограничения в правовом плане для лиц католического вероисповедания, деятельности католической церкви и уменьшение ее физического присутствия в Западном крае, упразднение последней униатской епархии в Российской империи, расположенной в Царстве Польском, не вызывала понимания у Чичерина. Для него все вышеперечисленные меры – это немотивированные действия власти (Чичерин, 1898: 344-345). С его точки зрения, антикатолические меры не помогут привязать к России католическое население (Чичерин, 1898: 345). Публицист не задавался вопросом, почему же собственно верховная власть прибегает к вышеуказанным мерам. Во время двух восстаний (1830–1831 и 1863–1864 гг.) римско-католическая церковь дискредитировала себя в глазах власти участием духовенства (от низшего приходского до епископов), а также монахов в

противоправных действиях. Отсюда и ответ власти в виде особых ограничений для католиков и деятельности римско-католической церкви.

5. Заключение

Вполне очевидно, что не подкреплённая реальными фактами апологетика ситуации в польских землях Австро-Венгерской и Германской империи должна была, по мысли Чичерина, подтолкнуть российское общественное мнение к положительному восприятию представительных органов и конституционных начал. Пример «коллег» по разделу должен был продемонстрировать эффективность предоставления автономии полякам или же избирательных прав. Факты, противоречащие описываемой идиллии, им не замечались или же оправдывались.

Ренненкампф смотрел на ситуацию в польских территориях трех империй более взвешенно, объективно. Германизация, заигрывание с украинским национализмом Вены, по его мнению, не могли смотреться выигрышно в сравнении с административной унификацией в Привислинском крае. Он не скрывал негативных последствий репрессивных действий российской власти по отношению к полякам. Представляется, что позиция Реннекампа была более адекватной конкретно-исторической ситуации, сложившейся в рассматриваемый период в разделенных частях Польши, так как в ней были отражены как положительные, так и отрицательные последствия политики стран-участниц разделов.

Позиция Чичерина в конкретных вопросах общественно-политической жизни, как правило, определялась его фундаментальными, либеральными взглядами и принципами, порой без учета конкретно-исторических обстоятельств. Чичерин рассматривал конкретные общественные явления с идеологических позиций – либерализма, а Ренненкампф – с позиций государственных интересов.

6. Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке государственного задания вузам, № 33.6611.2017/БЧ

Литература

Айрапетов, 2013 – Айрапетов О.Р. Царство Польское в политике Империи в 1863–1864 гг. / Русский Сборник: исследования по истории России Том XV / Ред. О.Р. Айрапетов, М. Йованович и др. М.: Модест Колеров, 2013. С. 7-138.

Барсуков, 2013 – Барсуков Н.С. Изучение чешского политического консерватизма конца XIX в. в чешской исторической науке // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2013. № 1. С. 74-96.

Белявская, 1954 – Белявская И.М. А.И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX века. М.: МГУ, 1954. 196 с.

Горизонтов, 1999 – Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX вв.). М.: Индрик, 1999. 272 с.

Драгоманов, 1906 – Драгоманов М.П. Герцен, Бакунин, Чернышевский и польский вопрос. Казань: Типография Д.М. Гран, 1906. 68 с.

Западные окраины, 2006 – Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 608 с.

История Польши. Т. 1. 1954 – История Польши. В 3-х т. Т. 1. / Под ред. И.С. Миллера, И.А. Хренова. М.: Акад. наук СССР, 1954. 584 с.

История Польши. Т. 2. 1955 – История Польши. В 3-х т. Т. 2 / Под ред. И.С. Миллера, И.А. Хренова. М.: Акад. наук СССР, 1955. 711 с.

Кареев, 1888 – Кареев Н.И. «Падение Польши» в исторической литературе. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1888. 407 с.

Касьянов, 2004 – Касьянов Г.В. «Пикник на обочине»: осмысление имперского прошлого в современной украинской историографии / Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей / Под ред. И.В. Герасимова и др. Казань: «Центр исследований национализма и Империи», 2004. С. 81-108.

Кимитака, 2004 – Кимитака Мацузато. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу / Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей / Под ред. И.В. Герасимова и др. Казань: «Центр исследований национализма и Империи», 2004. С. 427-458.

Китаев, 2004 – Китаев В.А. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. 380 с.

Корнилов, 1905 – Корнилов А.А. Общественное движение при Александре II (1855–1881). Париж: Издание редакции «Освобождение», 1905. 201 с.

Корнилов, 1915 – Корнилов А.А. Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Петроград: Изд. «Огни», 1915. 97 с.

Малютин, 2013 – Малютин Г.А. Польский вопрос в русской общественно-политической мысли в 1830-е - начале 1860-х гг. СПб: Нестор-История, 2013. 206 с.

- Меж двух восстаний, 2016** – Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. Отв. ред. С.М. Фалькович. М.: Индрик, 2016. 775 с.
- Польша в XX веке, 2012** – Польша в XX веке. Очерки политической истории / Ответственный редактор А.Ф. Носкова. М.: Индрик, 2012. 949 с.
- Польша и Россия, 2010** – Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. / Отв. ред. С.М. Фалькович. М.: Индрик, 2010. 583 с.
- Ренненкампф, 1898** – *Ренненкампф Н.К.* Польский и еврейский вопросы. (Открытые письма Б.Н. Чичерину). Киев: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1898. 82 с.
- Стегний, 2002** – *Стегний П.В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. М.: Междунар. отношения, 2002. 696 с.
- Твардовская, 1978** – *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия. М.: Наука, 1978. 287 с.
- Чичерин, 1898** – *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. Ч. III. Политика. М.: И.Н. Кушнерев, 1898. 556 с.
- Чичерин, 1901** – *Чичерин Б.Н.* Польский и еврейский вопросы. Ответ на открытые письма Н.К. Ренненкампфа. Берлин: Издание Гуго Штейниц, 1901. 64 с.
- Щегловитов, 1888** – *Щегловитов С.Г.* Катков и его время. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1888. 582 с.
- Rodkiewicz, 1998** – *Rodkiewicz W.* Russian nationality policy in the Western provinces of the Empire (1863-1905). Lublin.
- Thaden, 1964** – *Thaden E. C.* Conservative nationalism in nineteenth-century Russia. Seattle.
- Weeks, 1996** – *Weeks T. R.* Nation and state in late Imperial Russia: Nationalism and russification on the western frontier, 1863-1914. DeKalb.

References

- Ayrapetov, 2013** – *Ayrapetov O.R.* (2013). Tsarstvo Pol'skoe v politike Imperii v 1863–1864 gg. [The Kingdom of Poland in the policy of the Empire in 1863-1864]. Russkiy Sbornik: issledovaniya po istorii Rocsii. Tom XV. Red. O. R. Airapetov, M. Iovanovich, i dr. M.: Modest Kolerov, 2013. pp. 7-138. [in Russian]
- Barsukov, 2013** – *Barsukov N.S.* (2013). Izuchenie cheshskogo politicheskogo konservatizma kontsa XIX v. v cheshskoi istoricheskoi nauke [The study of Czech political conservatism of the late nineteenth century. In the Czech historical science]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 8. Istoriya.* № 1. pp. 74-96. [in Russian]
- Belyavskaya, 1954** – Belyavskaya I. M. (1954). A.I. Gertsen i pol'skoe natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie 60-kh godov XIX veka [A.I. Herzen and the Polish national liberation movement of the 60s of the nineteenth century] М.: MGU. 196 s. [in Russian]
- Chicherin, 1898** – *Chicherin B.N.* (1898). Kurs gosudarstvennoy nauki. Ch. III. Politika [The course of state science. Part III. Policy]. М.: I.N. Kusneryev. 556 p. [in Russian]
- Chicherin, 1901** – Chicherin B.N. (1901). Pol'skiy i yevreyskiy voprosy. Otvet na otkrytye pis'ma N.K. Rennenkampfa. [Polish and Jewish issues. Reply to open letters N.K. Rennenkampf]. Berlin: Izdanie Gugo Shteynits. 64 p. [in Russian]
- Dragomanov, 1906** - Dragomanov M.P. (1906). Gertsen, Bakunin, Chernyshevskii i pol'skii vopros. [Herzen, Bakunin, Chernyshevsky and the Polish Question] Kazan': tipografiya D.M. Gran. 68 p. [in Russian]
- Gorizontov, 1999** - *Gorizontov L.E.* (1999). Paradoxy imperskoi politiki: Polyaki v Rossii i russkie v Pol'she (XIX — nachalo XX v.) [Paradoxes of imperial politics: Poles in Russia and Russians in Poland (XIX - early XX century)]. М.: Indrik. 272 p. [in Russian]
- Istoriya Pol'shi. T. 1, 1954** – Istoriya Pol'shi. V 3-kh t. T. 1. [History of Poland. In 3 vol. Vol. 1]. Pod red. I. S. Millera, I. A. Khrenova. М.: Akad. nauk SSSR. 584 p. [in Russian]
- Istoriya Pol'shi. T. 2, 1955** – Istoriya Pol'shi. V 3-kh t. Tom 2. [History of Poland. In 3 volumes. Vol. 2]. Pod red. I. S. Millera, I. A. Khrenova. М.: Akad. nauk SSSR, 1955. 711 p. [in Russian]
- Kareev, 1888** – *Kareev N. I.* (1888). «Padenie Pol'shi» v istoricheskoi literature [«The Fall of Poland» in historical literature.]. SPb.: tip. V.S. Balasheva. 407 p. [in Russian]
- Kas'yanov, 2004** – *Kas'yanov G.V.* (2004). «Piknik na obochine»: osmyslenie imperskogo proshlogo v sovremennoi ukrainskoi istoriografii [«Picnic on the Roadside»: Comprehension of the Imperial Past in Contemporary Ukrainian Historiography]. Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: Sbornik statey. Pod red. I. V. Gerasimova, i dr. Kazan: «The Center for the Study of Nationalism and the Empire». pp. 81-108. [in Russian]
- Kimitaka, 2004** – *Kimitaka Matsuzato.* (2004). General-gubernatorstva v Rossiiskoi imperii: ot etnicheskogo k prostranstvennomu podkhodu [The Governor-General in the Russian Empire: from the ethnic to the spatial approach]. Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: Sbornik statey. Pod red. I. V. Gerasimova, i dr. Kazan: «The Center for the Study of Nationalism and the Empire». pp. 427-458. [in Russian]
- Kitayev, 2004** – *Kitayev V.A.* (2004). Liberal'naya mysl' v Rossii (1860 – 1880) [The liberal thought in Russia (1860 - 1880)]. Saratov: Saratov University. 380 p. [in Russian]

Kornilov, 1905 – Kornilov A.A. (1905). Obshchestvennoe dvizhenie pri Aleksandre II (1855 – 1881) [Social movement under Alexander II (1855 - 1881)]. Parizh: izdanie redaktsii «Osvobozhdenie». 201 p. [in Russian]

Kornilov, 1915 – Kornilov A.A. (1915). Russkaya politika v Pol'she so vremeni razdelov do nachala XIX veka [Russian politics in Poland from the time of the sections until the beginning of the twentieth century]. Petrograd: izd. «Ogni». 97 p. [in Russian]

Malyutin, 2013 – Malyutin G.A. (2013). Pol'skii vopros v russkoi obshchestvenno-politicheskoi mysli v 1830-e - nachale 1860-kh gg [The Polish Question in Russian Socio-Political Thought in the 1830s - Early 1860s]. SPb.: Nestor-Istoriya. 206 p. [in Russian]

Mezh dvukh vosstaniy, 2016 – Mezh dvukh vosstaniy. Korolevstvo Pol'skoe i Rossiya v 30–50-e gody XIX v [Between two uprisings. Kingdom of Poland and Russia in the 30-50s of the XIX century]. Otv. red. S.M. Fal'kovich. M.: Indrik. 775 p. [in Russian]

Pol'sha i Rossiya, 2010 – Pol'sha i Rossiya v pervoi treti XIX veka. Iz istorii avtonomnogo Korolevstva Pol'skogo. 1815–1830 [Poland and Russia in the first third of the XIX century. From the history of the autonomous Kingdom of Poland. 1815-1830]. Otv. red. S.M. Fal'kovich. M.: 583 p. [in Russian]

Pol'sha v XX veke, 2012 – Pol'sha v XX veke. Ocherki politicheskoy istorii. [Poland in the twentieth century. Essays on political history]. M.: Indrik. 949 p. [in Russian]

Rennenkampf, 1898 – Rennenkampf N.K. (1898). Pol'skiy i yevreyskiy voprosy. (Otkrytye pis'ma B.N. Chicherinu) [Polish and Jewish issues. (Open letters to BN Chicherin)]. Kiyev: Tipo-lit. t-va I.N. Kusneryev i K. 82 p. [in Russian]

Shcheglovitov, 1888 – Shcheglovitov S. G. (1888). Katkov i ego vremya. [Katkov and his time]. SPb.: tip. A.S. Suvorina. 582 p. [in Russian]

Stegniy, 2002 – Stegni P.V. (2002). Razdely Pol'shi i diplomatiya Ekateriny II [Sections of Poland and the diplomacy of Catherine II.]. M.: Mezhdunar. Otnosheniya. 696 p. [in Russian]

Tvardovskaya, 1978 – Tvardovskaya V. A. (1978). Ideologiya poreformennogo samodержaviya [The ideology of post-reform autocracy]. M.: Nauka. 287 p. [in Russian]

Zapadnyye okrainy, 2006 – Zapadnyye okrainy Rossiyskoy imperii [The western outskirts of the Russian Empire]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 608 p. [in Russian]

Rodkiewicz, 1998 – Rodkiewicz W. (1998). Russian nationality policy in the Western provinces of the Empire (1863-1905). Lublin.

Thaden, 1964 – Thaden E. C. (1964). Conservative nationalism in nineteenth-century Russia. Seattle.

Weeks, 1996 – Weeks T. R. (1996). Nation and state in late Imperial Russia: Nationalism and russification on the western frontier, 1863-1914. DeKalb.

Полемика Б.Н. Чичерина и Н.К. Ренненкампа в 1898–1899 гг. по польскому вопросу в политике России, Германии и Австро-Венгрии

Евгений Владимирович Дворецкий ^a, Денис Олегович Тимиряев ^{a, *}

^a Белгородский национальный государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Характерным явлением для российского общественного мнения XIX века было обращение к опыту европейских стран в виде обсуждения управленческих моделей и общественных институтов. Это характерно для обсуждения и межнациональных отношений в полиэтничной стране, и модели управления национальными окраинами. Для правительств Австрии и Германии, России, разделивших в конце XVIII в. Речь Посполитую, польский вопрос был крайне острым. Российские власти изучали политику двух других стран на польских землях и ее последствия. В свою очередь, эти проблемы находили отражение и в отечественной публицистике. Ссылки на политику Австро-Венгрии и Германии в отошедших к ним частях Польши были неотъемлемой частью тех рекомендаций, которые публицисты как выразители общественных настроений адресовали правительству. В качестве примера общественных дискуссий в статье сопоставляются взгляды Б.Н. Чичерина и Н.К. Ренненкампа на ситуацию в польских землях Австро-Венгрии, Германии и России. Анализируются их аргументы в пользу той или иной модели управления польскими территориями. Выявлено соответствие взглядов публицистов с реальным положением дел в Галиции, Познани и Царстве Польском. Доказана рабочая гипотеза об использовании Чичериным в качестве средства пропаганды своих либеральных взглядов опыта парламентской деятельности поляков в Австро-Венгерской и Германской империях.

Ключевые слова: Б.Н. Чичерин, Н.К. Ренненкампа, публицистика, польский вопрос, Галиция, Познань, Царство Польское.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: DenisOlegovichTimiryayev@yandex.ru (Д.О. Тимиряев)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1318-1332. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1318
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Economic Views of A.N. Kuropatkin and the Policy of the Ministry of War in the Cossack Hosts in 1898–1900

Artyom Y. Peretyatko ^{a, b, *}

^aInternational Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^bVolgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The figure of the Minister of War of the Russian Empire A.N. Kuropatkin is still causing controversy among scientists. Some consider him incompetent military, not consistent with his position, and others consider him victim of circumstances and propaganda of political opponents. On the other hand, the relationship between Russian Ministers of War and Cossack Hosts is still poorly understood, and the number of works on this topic in contemporary historiography is extremely small. Therefore, this article attempts to analyze the figure of A.N. Kuropatkin from an unexpected point of view, having considered his activity as the actual leader of the Cossack Hosts of the Russian Empire.

The author shows that A.N. Kuropatkin was primarily interested in the economic problems of the Cossack Hosts. Shortly after taking office as Minister of War, in 1898, he recognized the development of the economic crisis in the Don Host and its approach in other Cossack Hosts. However, the extremely peculiar and intricate economic views of the Minister of War did not allow him to develop feasible program for solving the economic problems of the Cossack Hosts. The program developed by the commission of General N.A. Maslakovets, also did not satisfy A.N. Kuropatkin. Having failed to provide adequate financial support for the proposed reforms, the Minister of War actually abandoned most of the originally planned measures, limiting himself to introducing a subsidy to serving Cossacks.

The article concluded that this development of events was largely due to the peculiarities of the personality of A.N. Kuropatkin. Having correctly set the initial goals, the Minister of War did not have the determination or the abilities necessary to achieve them. However, even a partial realization of the ideas of A.N. Kuropatkin markedly improved the economic situation of the Cossacks.

Keywords: the crisis of the Russian Cossacks at the end of the XIX century, the economic history of the Don, the policy of the Ministry of War in relation to the Cossack Hosts, A.N. Kuropatkin, N.A. Maslakovets.

1. Введение

Из числа военных министров последних десятилетий существования Российской империи самым известным и неоднозначным остается генерал от инфантерии Алексей Николаевич Куропаткин. В 1898 г., когда в отставку с поста военного министра уходил престарелый П.С. Ванновский, именно А.Н. Куропаткина желало видеть военным министром «большинство» (Витте, 1924: 123). Всего семь лет спустя, в 1905 г., после поражения в Русско-японской войне 1904–1905 гг., А.Н. Куропаткин воспринимался все тем же большинством русского образованного общества как «бездарный генерал» (Свириденко, 1999: 107). Современный исследователь О.А. Белозерова даже вводит специальный термин «апушкинизм» (от фамилии журналиста В.А. Апушкина), называя так последовавшую за поражением необъективную критику А.Н. Куропаткина, возведение его в ранг

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Y. Peretyatko)

главного виновника проигрыша войны японцам (Белозерова, 2014: 155). В советское время А.Н. Куропаткин трактовался как почти комическая фигура, малопригодная для высоких государственных и военных постов. Даже в «Советской военной энциклопедии» небольшая статья о А.Н. Куропаткине упоминает его «неумение организовать взаимодействие войск, боязнь риска, постоянные колебания, недоверие к подчиненным, мелочную опеку» (Советская военная энциклопедия, 1977: 535). Зато в наши дни А.Н. Куропаткина снова, как в конце XIX в., пытаются представить без преувеличения великим человеком, и в коллективной монографии о нем, вышедшей в 2018 г. в Санкт-Петербурге, мы можем встретить такие слова: «Искусственно и необоснованно созданный в советское время образ генерала заслонил собой выдающегося военного и государственного деятеля и патриота России» (Генерал Куропаткин, 2018: 11).

Подобная разноречивость оценок не может не привлечь внимания историка, и в своей статье мы бы хотели представить еще один взгляд на личность А.Н. Куропаткина. Однако этот взгляд будет не совсем обычным: речь пойдет не о военных или государственных, а об экономических воззрениях военного министра. Один из его преемников, А.Ф. Редигер, позже отмечал, что «нигде (кроме России – Авт.) на военного министра не возложены еще и функции министра внутренних дел в отношении громадных областей (земли казачьих войск и Туркестан)» (Ганин, 2008: 704). Таким образом, в качестве военного министра А.Н. Куропаткин должен был заниматься экономическим развитием казачьих войск, причем, как мы увидим ниже, он уделял данному вопросу много внимания. С другой стороны, в своих многочисленных книгах генерал также неоднократно высказывался по экономическим вопросам. На наш взгляд, попытка взглянуть на А.Н. Куропаткина с подобной неожиданной точки зрения может многое прояснить в его характере и дать ответ на вопрос о том, почему отношение разных исследователей к давно умершему военному министру отошедшей в прошлое Российской империи остается столь разнообразным.

С другой стороны, тема взаимоотношений российских военных министров и казачьих войск остается малоисследованной в современной историографии (Rajović et al., 2019: 211; Rajović et al., 2019a; Derzhanskaya, Peretyatko, 2018). Единственная статья, в которой правительственная политика по отношению к казачеству ставится в зависимость от взглядов военного министра, Д.А. Милютин, принадлежит таганрогскому исследователю А.А. Волвенко (Volvenko, 2016). И она показывает перспективность подобного подхода: современный автор на основании личного архива и воспоминаний Д.А. Милютин показал, что многие решения имперской власти, связанные с казачьими войсками, были следствием личной позиции военного министра. Мы бы хотели применить аналогичный подход к написанным А.Н. Куропаткиным документам, хранящимся в РГВИА и РГИА, и хотя бы частично заполнить серьезную историографическую лакуну.

2. Материалы и методы

В исследовании мы будем опираться в основном на архивные материалы, разбросанные по федеральным и региональным архивам. В Государственном архиве Ростовской области (ГАРО) хранится переписка донского предводителя дворянства по вопросу создания на Дону в 1898–1899 гг. специальной комиссии для изучения экономических проблем казачества (ГАРО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 682). В Российском государственном историческом архиве (РГИА) мы обнаружили подробный отчет о командировке А.Н. Куропаткина в область Войска Донского (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48). В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) сохранен личный архив Н.А. Маслаковца, генерала, бывшего в начале XX в. экспертом Военного министерства по казачьим вопросам (ОР РНБ. Ф. 1055). Но больше всего интересующих нас документов находится в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), где уцелели и предварительная программа преобразований в казачьих войсках, составленная А.Н. Куропаткиным (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109), и отзывы строевых командиров российской армии об альтернативной программе преобразований, подготовленной с участием Н.А. Маслаковца (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109).

Поскольку большая часть рассматриваемых документов не вовлекалась в научный оборот или вовлекалась только частично, мы будем преимущественно использовать историко-описательный метод, восстанавливая ход прежде не привлекавших внимание историков событий. Важны для нашего исследования также историко-сравнительный метод, так как мы будем сопоставлять варианты реформ в казачьих войсках, предложенные различными политическими силами, и историко-биографический метод, поскольку в центре нашего исследования будет личность А.Н. Куропаткина, через призму которой мы и будем рассматривать взаимоотношения казачества и Военного министерства в начале XX в.

3. Обсуждение

Начало знакомства А.Н. Куропаткина с экономическими проблемами казачества напоминало скорее авантюрный роман, чем нормальную работу бюрократических органов Российской империи. 1 января 1898 г. он был назначен военным министром, а чуть более чем неделю спустя, 9 января, бывший предводитель донского дворянства И.М. Попов обратился в дворянское собрание Войска Донского с предложением «уяснить причины, вызывающие расстройство казачьего хозяйства, и

возбудить ходатайство перед правительством об упразднении этих причин» (ГАРО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 682. Л. 3). Трудно сказать, были ли эти два события взаимосвязаны. Областью Войска Донского в это время уже почти двадцать лет руководил князь Н.И. Святополк-Мирский, назначенный на должность донского атамана еще в 1881 г. Очевидно, в глазах предшественника А.Н. Куропаткина, П.С. Ванновского, он пользовался большим авторитетом, и ряд реформ казачьих войск в 1880 гг. предпринимался как раз по инициативе донских войсковых властей (РГИА. Ф. 1291. Оп. 70. 1889 г. Д. 86. Л. 11 об.). Однако на Дону атаман имел плохую репутацию, и его даже прозвали «Окаянным» (Петровский, 1916: 21). Одной из причин этого было его отношение к экономическим проблемам донского казачества. Важнейшим показателем благополучия казачьего войска Н.И. Святополк-Мирский считал размер войскового капитала, который ему удалось удвоить за время своего правления (Карасев, 1899: 113-114). Поэтому не удивительно, что в окружении атамана ему в заслугу ставили уменьшение войсковых расходов в условиях, когда экономическое положение донского казачества резко ухудшилось (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3216. Л. 3). Между тем не только донские дворяне, но и независимые от атамана иногородние чиновники отмечали, что подобный «успех» был достигнут путем жесткого воздействия на казаков со стороны властей, и «экономические интересы населения от этого значительно пострадали» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 24. Л. 16 об.). В частности, новочеркасский прокурор А.А. Чигринцев описывал экономическую политику Н.И. Святополк-Мирского следующим образом: «Как бы маломощно не оказалось казачье население данной станицы к выполнению предъявляемых к нему требований <...>, атаман (окружной – Авт.) примет все меры к тому, чтобы заставить выполнить эти требования» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 24. Л. 15 об.).

Соответственно, невинную на первый взгляд инициативу И.М. Попова следует рассматривать как попытку не только привлечь внимание имперского правительства к экономическим проблемам донского казачества, но и дискредитировать в его глазах непопулярного на Дону атамана. И более чем возможно, что это делалось в связи с приходом на пост военного министра человека, который не только был популярен в обществе, но и «заботился о солдате, делал это умело, заметно, что нравилось многим» (Айрапетов, 2010: 6). Областное дворянское собрание И.М. Попова поддержало, и 13 марта 1898 г. областной предводитель дворянства М.С. Марков обратился к Н.И. Святополк-Мирскому с просьбой обеспечить принятие Николаем II депутации из двух донских дворян, которые преподнесли бы императору ходатайство об «учреждении в Новочеркасске комиссии для всестороннего исследования причин, подрывающих хозяйственный быт Донского казачьего войска, и для выработки мер, коими может быть восстановлено утраченное войском благосостояние» (ГАРО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 682. Л. 5).

Если до этого момента история донского ходатайства нами восстановлена по архивным источникам относительно последовательно, то дальнейшие события оставляют простор для толкований. Судя по всему, Н.И. Святополк-Мирский не просто отказался поддержать донских дворян, но и обвинил их в нарушении российского законодательства. Во всяком случае один из двух дворян, которые должны были подать ходатайство Николаю II, А.А. Донецкий, позже написал следующее: «Местное начальство, очень хорошо зная, какой важнейшей потребности края отвечает это ходатайство, не только не поддержало его, но и пыталось доказать то, чего не было, то есть, что, сделав такой шаг, дворянство вышло из пределов своей компетенции, присвоив себе право, которого оно не имеет» (Протоколы, 1899: 132). И в этих условиях М.С. Марков пошел на отчаянный шаг, приведший к результатам, уникальным для донской истории конца XIX – начала XX вв. Вопреки воле атамана он лично отправился в Санкт-Петербург, где сумел добиться аудиенции у А.Н. Куропаткина. И внезапно военный министр поддержал не Н.И. Святополк-Мирского, а его противников, и не только с «сочувствием» выслушал донского предводителя дворянства, но и передал его ходатайство Николаю II (Донцы, 2003: 302-303). Точная дата этой аудиенции неизвестна, но, по-видимому, ее следует отнести к концу марта – началу апреля 1898 г., ибо дальше события приняли уж вовсе неожиданный оборот: 25 апреля временно исполняющим должность донского атамана был назначен генерал-лейтенант А.П. Короченцев, а Н.И. Святополк-Мирский переведен в Государственный совет (Скорик, 2015: 78). Нового полноценного донского атамана, К.К. Максимовича, утвердили только почти через год, 22 февраля 1899 г. (Скорик, 2015: 78). Все это свидетельствует об экстренности удаления Н.И. Святополк-Мирского с Дона, о том, что его не хотели оставлять в должности донского атамана даже на несколько месяцев. Никаких официальных обвинений атаману выдвинуто не было, даже публичной критике за свои ошибки он не подвергался, но, как писали современники, «ушел с атаманства Окаянный не добровольно, а по многократным напоминаниям из Петербурга, где стали находить, что князь устарел» (Петровский, 1916: 24). Судя по всему, одним из инициаторов снятия Н.И. Святополк-Мирского с должности был как раз А.Н. Куропаткин, позже в своих распоряжениях по Военному министерству подчеркивавший, что идея увеличения войскового капитала за счет отказа от полезных расходов крайне вредна (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 94).

Таким образом, А.Н. Куропаткин стал военным министром в момент, когда в крупнейшем казачьем войске, Войске Донском, начался открытый конфликт между атаманом, фактически разорявшим донское казачество ради увеличения войскового капитала, и местной элитой, решительно выступившей против этого. А.Ф. Редигер писал, что в первые месяцы своего пребывания

на посту военного министра А.Н. Куропаткин «по поводу каждого дела сам говорил с безапелляционной уверенностью» (Редигер, 1999: 264). С подобной, не вполне адекватной ситуации уверенностью А.Н. Куропаткин поступил и в данном случае. Ходатайство донских дворян еще не было удовлетворено, деятельность Н.И. Святополк-Мирского не была разобрана и проанализирована, но донской атаман после поступившей на него жалобы оказался незамедлительно отправлен в отставку, несмотря на отсутствие ему замены. Сам А.Н. Куропаткин в это время едва ли мог считаться специалистом по казачьим вопросам и, по-видимому, во всем доверился донским дворянам. Как мы увидим ниже, несмотря на всю обреченность экономической политики Н.И. Святополк-Мирского, это стало не лучшим решением, поскольку донские дворяне почувствовали слабость военного министра и в дальнейшем потребовали от него новых односторонних уступок.

А.Н. Куропаткин еще никак не обозначил собственную экономическую политику в казачьих войсках, еще не сформулировал для своего окружения, к чему он будет стремиться, а 16 июня 1898 г. Николай II уже согласился создать в Новочеркасске комиссию, о которой ходатайствовало донское дворянство (ГАРО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 682. Л. 6). Ее председателем был назначен генерал-лейтенант Н.А. Маслаковец, которому поручили «ознакомиться на месте с существом предстоящих обсуждению комиссии вопросов и составить программу занятий комиссии» (ГАРО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 682. Л. 6 об.). При этом комиссию решили создать на условиях донских дворян, и на 4 назначаемых правительством членов в ее состав вошло 17 выборных от донского казачества (ГАРО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 682. Л. 6). Уже это делало данную комиссию трудноуправляемой сверху, а личность председателя и вовсе лишала А.Н. Куропаткина возможности влиять на решения депутатов. Н.А. Маслаковец, несколько десятилетий служивший в казачьих войсках, отличался крайней принципиальностью и независимостью от начальства и в свое время даже на два года уходил в отставку после того, как был снят с должности оренбургского атамана за настойчивые попытки увеличить ассигнования в помощь пострадавшим от неурожая местным казакам (Григорович, 1911: 264). Кроме того, в свое время он входил в окружение Н.И. Святополк-Мирского, и для донских либералов его деятельность ассоциировалась с крайне непопулярным решением о закрытии донских земств, которые Н.А. Маслаковец многократно критиковал (Сватиков, 1924: 379-381). Поэтому на роль человека, продвигающего в казачьей среде идеи военного министра, Н.А. Маслаковец никак не годился.

5 ноября 1898 г. он представил А.Н. Куропаткину программу работ будущей комиссии, состоящую из пяти отделов (Протоколы, 1899: 2), каждый из них соответствовал одной из областей, с проблемами в которой Н.А. Маслаковец связывал обеднение казачества. Области эти были следующими: «порядок отбывания донским казачьим населением воинской повинности», «хозяйственный быт и экономическое положение донского казачьего населения», «общее и профессиональное образование в Войске Донском», «развитие в среде казачьего населения промышленной и торговой деятельности» и «отношение органов административного управления Войска Донского к делам станичного самоуправления и организации общественного станичного хозяйства» (Протоколы, 1899: 3). Уже из списка этих областей видно, насколько серьезно Н.А. Маслаковец подходил к проблеме: фактически он считал неудовлетворительным положение почти во всех сферах жизни казачества, включая управление казачьими войсками. 28 декабря его программа была утверждена А.Н. Куропаткиным, а 12 января 1899 г., на первом заседании вверенной его руководству комиссии, бывший сподвижник Н.И. Святополк-Мирского публично заявил, что на Дону «всеобщий упадок благосостояния» и для его преодоления нужны «самые серьезные меры» (Протоколы, 1899: 1-2).

А.Ф. Редигер жаловался, что с А.Н. Куропаткиным было очень сложно работать ввиду его «желания самому входить во всякие мелочи, собирать ненужные совещания и не желая сколько-нибудь входить в положение подчиненных» (Редигер, 1999: 312). С этим согласен и современный исследователь О.Р. Айрапетов, отмечая, что «административным стилем Куропаткина был энергичный и мелочный контроль, не допускающий инициативы у подчиненных» (Айрапетов, 2010: 9). О крайней самоуверенности военного министра мы уже писали выше. Безусловно, он не должен был во всем доверять Н.А. Маслаковцу. Однако, на наш взгляд, военному министру стоило относиться с уважением как минимум к трудолюбию и дотошности своего подчиненного, который летом и осенью 1898 г. лично посетил 62 станицы, чтобы достоверно узнать о положении дел в них (Протоколы, 1899: 1-2). Между тем А.Н. Куропаткин, утвердив предложенную ему Н.А. Маслаковцем программу, немедленно обратился к отчетам войсковых атаманов за 1897 г., знакомясь по этим крайне общим и уже несколько устаревшим к началу 1899 г. документам с положением дел в казачьих войсках. Он планировал лично определить направление предстоящих реформ, которые собранная на Дону комиссия должна была только детализировать (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 93). С нашей точки зрения, для военного министра было логично или проштудировать эти отчеты до утверждения программы работ комиссии Н.А. Маслаковца и скорректировать эту программу в соответствии со сделанными выводами, или уже дать комиссии спокойно работать по утвержденной программе. Однако А.Н. Куропаткин считал свои действия крайне важными и необходимыми и даже приказал скопировать и отдать на вечное хранение составленный им конспект атаманских отчетов, несмотря на его крайнюю поверхностность: так, в разделе конспекта «Экономическое благосостояние» отмечалась только одна

проблема Донского Войска, дословно сформулированная как «надел 14 десятин вместо 30» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 93 об.). Возможно, для А.Н. Куропаткина информация о том, что душевой надел донских казаков был меньше положенного им по закону, и была новой, но донская войсковая администрация прекрасно знала об этом еще в 1860 г. (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 12 об.-13).

4 января 1899 г. А.Н. Куропаткин закончил написание еще одного небольшого документа, который был назван «Выводы из отчетов войсковых наказных и наказных атаманов за 1897 год» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 96). Фактически именно данный документ содержал программу предполагаемой деятельности Военного министерства по отношению к казачьим войскам, и поэтому остановимся на нем подробнее.

Главной причиной обеднения казачества А.Н. Куропаткин считал «общее неудовлетворительное экономическое положение земледельческих областей России» и доказывал, что «земледельческие местности казачьих войск по тем же причинам пришли в упадок, как и другие губернии» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 96). Ни у одного другого автора мы не встречали подобного утверждения, более того, некоторые приводимые военным министром в его доказательство факты не соответствовали действительности. В частности, он писал о сходном «относительном малоземелье» казаков и других жителей России, занимавшихся сельским хозяйством (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 96). Между тем донские чиновники отмечали, что принадлежащее казаку количество наделной земли «в средней полосе России составило бы источник прочного крестьянского благосостояния, на Дону же оно является недостаточным вследствие особых трат на отбывание воинской повинности», поскольку, хотя казаки и жаловались на малоземелье, их надел оставался в несколько раз больше, чем у большинства российских крестьян (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 24. Л. 15 об.). Не подтверждается статистическими фактами и утверждение А.Н. Куропаткина о повсеместном падении урожаев как в «земледельческих областях России», так и в казачьих войсках (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1950. Л. 15; Сухоруков, 1891: 201-202). В итоге, если другие авторы пытались найти специфически-казачьи причины упадка благосостояния казачьих войск (о том, как это делала комиссия Н.А. Маслаковца, мы еще напишем ниже), то военный министр выдвигал крайне сомнительный тезис, согласно которому обеднение казачества происходило в основном по тем же причинам, что и у остального населения земледельческих областей Российской империи.

Подобный подход может показаться странным, однако он основывался на весьма своеобразных представлениях А.Н. Куропаткина о законах развития экономики. В 1910 г. уже бывший военный министр писал в своем обобщающем труде «Задачи русской армии», что существуют три пути развития современной экономики: «обратить главное внимание на развитие заводско-фабричной промышленности», «руководствуясь опытом Америки, одновременно развивать как сельскохозяйственную, так и фабрично-заводскую деятельность населения», или, наконец, «обратить главное внимание на развитие сельскохозяйственной деятельности населения со всеми подспорными к нему промыслами» (Куропаткин, 1910: 21). Далее А.Н. Куропаткин доказывал, что Александр III допустил ошибку, выбрав первый из этих путей и сделав ставку на развитие промышленности, и именно в силу этой ошибки «земледельческая деятельность великорусского населения центральных губерний Европейской России за последнее время падает» (Куропаткин, 1910: 24). Он призывал, пока не поздно, отказаться от этого выбора и «обратить внимание на подъем прежде всего земледельческого населения России, составляющего главную основу и силу русского государства» (Куропаткин, 1910: 31). Хотя в бытность военным министром А.Н. Куропаткин не излагал своих экономических взглядов столь последовательно, из его дневников и докладов можно сделать вывод, что и тогда он придерживался схожих идей. Так, в 1903 г. он сделал следующую дневниковую запись о С.Ю. Витте: «Беда в том, что я не доверяю его идеям, не верю, что выбранные им пути, которыми он ведет Россию к экономическому росту, выбраны правильно, боюсь, чтобы скороспелое промышленное развитие, мощно двинутое Витте вперед, не окончилось бы огромных крахом. Меня страшит односторонность принятой им системы привести Россию к благоденствию. Отстают и идут назад в достатке десятки миллионов землевладельцев внутренней России» (Куропаткин, 2010: 107-108). В 1900 г. А.Н. Куропаткин предостерегал Николая II от риска «лихорадочного роста промышленности», который втянет империю в «страшную борьбу за рынки» (Морской, 1914: 67). Таким образом, краеугольным камнем экономических воззрений А.Н. Куропаткина было представление о том, что российская экономика должна быть аграрной, и попытки массовой индустриализации приносят только вред, разоряя занятое сельским хозяйством население. И проблемы казачьих войск он, в отличие от других авторов, трактовал не изолированно, но в связи с этим своим общим представлением о системном кризисе российской экономики, пошедшей по ложному пути индустриализации.

Впрочем, из сказанного выше отнюдь не следует, что А.Н. Куропаткин полностью отрицал существование тех специфически-казачьих причин упадка благосостояния казачьих войск, на которые делали упор другие авторы. Подобно Н.А. Маслаковцу, он считал, что едва ли не все стороны жизни казачества нуждаются в улучшении, и перечислял (но никак не систематизировал) следующие проблемы казачьих территорий, не связанные с общим кризисом сельского населения Российской империи: «отсутствие достаточного числа дорог, неопределенность землепользования,

неопределенность прав на распоряжение своим достатком, отсутствие технических сил и средств, недостаточность школ, недостаток медицинской помощи, недостаточная организация сельских обществ, недостаток суда (не может оградить от конокрадов), отсутствие забот окружной, а где и областной администрации, сложность центральной организации, по 10 лет тянущей дела, военный министр завален непосильной работой» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 96-96 об.). И, разумеется, А.Н. Куропаткин не мог обойти вниманием военные причины упадка благосостояния казачества, о которых, впрочем, писал самым общим образом: «Снаряжение на службу чрезмерно дорого. Число выставляемых на службу чрезмерно велико. Требования от льготных тоже чрезмерно велики» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 96 об.).

Итак, в начале 1899 г. новый военный министр Российской империи попытался лично вникнуть в экономические проблемы казачьих войск. Не доверяя программе Н.А. Маслаковца, он обратился к отчетам атаманов за позапрошлый год и нашел в них подтверждения правоты донских дворян, жаловавшихся на упадок благосостояния казачества. Пожалуй, А.Н. Куропаткин писал об этом упадке даже решительнее И.М. Попова или Н.А. Маслаковца: «Войско Донское надорвано, другие (казачьи войска – А.П.) близки к тому же» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 96 об.). Однако ситуацию в казачьих войсках А.Н. Куропаткин интерпретировал неожиданно и абсолютно иначе, чем другие авторы, считая экономические проблемы этих войск следствием неправильной политики не столько П.С. Ванновского и Н.И. Святополк-Мирского по отношению к казачеству, сколько Александра III и С.Ю. Витте по отношению к сельскому населению России вообще. И А.Н. Куропаткину представилась уникальная возможность доказать как раз С.Ю. Витте свою правоту в споре о приоритетах развития российской экономики, доказать, что современная экономика может быть основана на развитии аграрного сектора. Но для этого нужно было провести такие реформы в казачьих войсках, которые устранили бы не только специфически-казачьи, но и характерные для всей России причины обеднения сельского населения.

Однако именно та часть «Выводов из отчетов войсковых наказных и наказных атаманов за 1897 год», которая касалась дальнейших действий, получилась наиболее слабой и беспомощной. Она состояла из трех разделов: военного, экономического и «общего» (фактически – административного). Только военный раздел содержал конкретные меры: А.Н. Куропаткин предлагал или «ослабить военные требования», уменьшив численность казачьих частей и качество их подготовки, или «прийти на помощь наряжаемым казакам», выделив им пособия из государственного казначейства (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 96 об.). Общий раздел, по сути, сводился к набору крайне неопределенных пожеланий, которые можно было трактовать как угодно (например, А.Н. Куропаткин предлагал «заботливо подбирать членов высшей казачьей администрации», не уточняя, что подразумевается под «заботливостью») (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 97). Но нас больше всего интересует экономический раздел, состоявший из 3 пунктов, которые мы приведем полностью:

- «1) Окончить поземельные вопросы определенно.
- 2) Обеспечить казаков, где окажется возможным, наделами, указанными в законе.
- 3) Научить их, кроме производства зерновых хлебов, более обширной сельскохозяйственной деятельности» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 97).

Мы не можем удержаться и не процитировать отрывок из «Всеобщей истории, обработанной «Сатириконом», посвященный победе русских в Полтавской битве: «При самом начале битвы Петр приказал войскам своим одержать победу, и войска не смели ослушаться» (Всеобщая история, 2004: 655). Мы увидим ниже, что проблемы с размером казачьих наделов и низким уровнем сельскохозяйственных знаний казаков отмечались и комиссией Н.А. Маслаковца. А.Н. Куропаткин просто назвал далеко не все проблемы экономики казачьих войск, хорошо известные специалистам и до него, очевидно, считая, что этого достаточно для их решения! Между тем на практике сложность заключалась как раз в затруднительности, а порой и невозможности решения данных проблем. Так, начальник Главного управления казачьих войск П.О. Щербов-Нефедович, побывав в 1899 г. в Кубанском войске, меланхолично констатировал, что у местных казаков «душевой надел в три раза меньше против установленной нормы» и составляет 9,1 десятины, но исправление ситуации «представляется, очевидно, совершенно невозможным», поскольку раздел между станицами всей свободной войсковой земли увеличит душевой надел примерно на одну десятину (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1843. Л. 13-14). Увы, подобные детали, видимо, мало интересовали А.Н. Куропаткина. Во всяком случае, по воспоминаниям современников, он несколько раз хотел снять П.О. Щербова-Нефедовича с должности, обвиняя его в «тупости», «кругозоре начальника отделения» и том, что у него «важные дела лежат, а о мелочах много пишет» (Редигер, 1999: 348). Между тем экономические проблемы казачьих войск во многом и складывались из таких «мелочей», делающих невозможным разрешение «важных дел». И, таким образом, собственно способа решения экономических проблем казачества в «Выводах из отчетов войсковых наказных и наказных атаманов за 1897 год» А.Н. Куропаткин не предложил.

Тем не менее 9 января 1899 г. он представил свои «Выводы» Николаю II, и последний не только одобрил их, но и приказал разослать атаманам казачьих войск, чтобы те к 1 июня составили на их

основе «соображения о мерах к поднятию экономического благосостояния казаков» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 92-92 об.). Отдельно обо всем этом было решено информировать Н.А. Маслаковца, который, видимо, также должен был учитывать пожелания военного министра в работе своей комиссии (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 92 об.). Однако эта комиссия, состоявшая, как мы помним, в основном из выборных членов, совершенно не собиралась следовать указаниям военного министра. И снова дьявол крылся в деталях: выборные члены комиссии не спорили с тем, что казачество беднеет в силу малоземелья и роста тяжести военной службы, однако настойчиво добавляли к этим причинам обеднения третий фактор – «не соответствующее интересам казачьего населения местное управление» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 24. Л. 6). Это, в свою очередь, позволяло им ставить вопрос о необходимости введения на Дону земств как органов, представляющих местное население, что и было одобрено большинством голосов, а А.А. Донецкий даже требовал «передавать на предварительное заключение областного Войска Донского дворянского собрания тех возникающих на Дону вопросов, которые подлежат разрешению в законодательном порядке», и Н.А. Маслаковец был принужден своей властью председателя комиссии снять данный вопрос с рассмотрения (Протоколы, 1899: 183-185). Член комиссии В.Я. Бирюков при поддержке ряда своих коллег утверждал, что, так как довести душевые наделы казаков до прописанных в законе 30 десятин невозможно просто из-за отсутствия на Юге России таких площадей свободных земель, единственным способом решить проблему малоземелья является освобождение донского казачества от поголовной службы за свой счет, чтобы оно применило, наконец, к земле «личный, постоянно-упорный и свободный труд» (Бирюков, 1899: 13). В наши задачи не входит детальный анализ предложений комиссии Н.А. Маслаковца, но мы можем здесь констатировать, что в ее итоговом докладе, подготовленном к 23 августа 1899 г., содержалось предложение перестроить все устройство Донского Войска в направлении большей демократизации и ослабления военного начала (Маслаковец, 1899: 1-119).

Однако А.Н. Куропаткин не знал о ходе работ комиссии, и весной 1899 г. планировал ограничиться предусмотренными «Выводами из отчетов войсковых наказных и наказных атаманов за 1897 год» мерами. Но для их реализации, для обучения казаков новым методам сельского хозяйства и выплат тем из них, кто выходил на службу, были нужны дополнительные деньги. Можно усмотреть определенную иронию в том, что за ними А.Н. Куропаткин обратился к человеку, с чьими экономическими взглядами он так спорил, к С.Ю. Витте. Еще в 1870 гг. Военное министерство приказало сдать больше миллиона десятин Задонской степи в аренду частным коннозаводчикам по льготным ценам сроком до 1898 г. (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 59. Л. 2). Донские власти по понятным причинам считали эту аренду крайне невыгодной для себя и с 1883 г. пытались получить от военного министерства компенсацию (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 59. Л. 1 об.-2). К концу 1890 г. вокруг Задонских степей сложилась очень интересная ситуация. Они стали основным источником пополнения конского состава регулярной кавалерии, и, по оценке правительственных экспертов, до 1918 г. не могло идти и речи о возврате этих земель войску (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 59. Л. 2 об.). В итоге срок аренды был продлен до 1900 г., а многочисленные правительственные комиссии высчитывали потери Донского Войска от существования на его территории конных заводов, взявших землю в аренду по льготным ценам (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 59. Л. 3). И в «Выводах из отчетов войсковых наказных и наказных атаманов за 1897 год» А.Н. Куропаткин рассчитывал, что именно компенсация от казны за Задонскую степь станет тем ресурсом, за счет которого можно будет начать осуществлять новую политику по отношению к Войску Донскому. Он был настолько уверен в получении этой компенсации в размере 500 000 руб. в год, что приказал учитывать ее в составлении новой войсковой сметы уже в 1899 г. (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 94). При этом, отправляя соответствующие документы на предварительное рассмотрение С.Ю. Витте, военный министр честно написал ему, для чего нужны эти деньги, и попытался доказать, что «с развитием промышленности в казачьих областях не следует пока спешить» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 59. Л. 4).

Ответ С.Ю. Витте был быстрым, жестким и крайне критическим. Он последовал уже 13 апреля 1899 г. (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 59. Л. 3 об.). Министр финансов несколько иронично замечал, что его оппонент, «признавая нежелательным принять соответственные меры к быстрому развитию промышленности в казачьих областях», взамен этого просит для этих областей особых субсидий, которые, если называть вещи своими именами, есть не что иное, как «пополнение недочетов в благосостоянии казаков остальным населением Империи» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 59. Л. 4). Взамен просьб о субсидиях С.Ю. Витте предлагал «возложить надежды» на комиссию Н.А. Маслаковца, «которая, вероятно, найдет средства к изысканию местных источников и способов для увеличения благосостояния казаков, а в таких источниках богатой дарами природы страны, как Донское Войско, недостатка не будет» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 59. Л. 4 об.). Наконец, делая вид, что не понимает, откуда собирался просить дополнительное финансирование А.Н. Куропаткин, министр финансов напоминал, что бюджет Военного министерства находится не в лучшем состоянии и в нем нет излишка в полмиллиона рублей, что делает невозможным выделение их Донскому Войску (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 59. Л. 4 об.).

Как мы видим, уже к весне 1899 г. А.Н. Куропаткин полностью утратил контроль над развитием ситуации вокруг экономического положения казачьих войск. Комиссия Н.А. Маслаковца не считалась с предложенным военным министром общим планом преобразований, разрабатывая собственный, куда более масштабный проект, предполагавший полную перестройку Донского Войска как государственного института. Министерство финансов между тем не желало выделять денег для реализации даже ограниченной программы военного министра. Единственным органом, контроль над которым А.Н. Куропаткин сохранил, было Главное управление казачьих войск, и в 1899 г. П.О. Щербов-Нефедович отбыл в Кубанское и Терское войска, чтобы на месте проверить их экономическое состояние (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1843. Л. 1-2).

К осени 1899 г. Военное министерство получило, наконец, итоговый доклад комиссии Н.А. Маслаковца. В его заключении содержалась просьба, независимо от решения военного министра по остальному содержанию доклада, немедленно реализовать две меры для устранения «экономического кризиса» на Дону: начать выплачивать всем выходящим на службу казакам пособие в размере 100 руб. и предоставить им кредиты из войскового капитала на 12 лет под 4 % годовых (Маслаковец, 1899: 116). И только тут А.Н. Куропаткин понял, что донское дворянство идет значительно дальше предложенных им мер. Однако ему не хватило решительности ни поддержать этот доклад, ни, напротив, отклонить его. Официально работа комиссии была признана успешной, и 6 декабря 1899 г. ее председатель, Н.А. Маслаковец, получил от Николая II «украшенную бриллиантами табакерку с вензелевым изображением Высочайшего имени» (Григорович, 1911: 265). Но одновременно уже началась работа по своеобразному «забалтыванию» ее деятельности, выхолащиванию сущности предложений комиссии. В конце 1899 – начале 1900 гг. итоговый доклад комиссии Н.А. Маслаковца был разослан командирам военных округов, корпусов и дивизий, в состав которых входили казачьи части (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 23). При этом А.Н. Куропаткин сообщал командирам, что считает необходимым немедленную реализацию еще трех мер, направленных на преодоление экономического кризиса в казачьих войсках: он планировал отменить военные занятия в станицах, уменьшить число лагерных сборов второочередных казаков и безусловно освободить от службы льготных по семейному положению (прежде они могли быть призваны, хотя и в последнюю очередь) (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 23). Но даже эти незначительные меры, как и меры, рекомендованные комиссией Н.А. Маслаковца к немедленному исполнению, А.Н. Куропаткин боялся реализовывать своей властью и просил сообщить, «если приведенные мероприятия будут признаны нежелательными» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 23).

Пожалуй, из командиров не казачьего происхождения, не служивших в казачьих войсках, самый честный ответ прислал из Киева недолюбивавший военного министра М.И. Драгомиров: «Считаю себя не настолько знающим положение казаков, чтобы дать какое-либо заключение относительно изыскания способов к восстановлению экономического благосостояния казаков Донского Войска» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 62 об.). Другие генералы не смели отвечать настолько резко и пытались написать что-то по теме, обращаясь, как правило, не к экономическим, а к чисто военным аспектам доклада. Так, великий князь Сергей Александрович призывал быть «крайне осторожными» в облегчении казачьей службы, поскольку «ошибочное направление в этом деле может повлечь за собою крайне нежелательные последствия и может заметно ослабить военных дух казаков» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 32 об.), а генерал-лейтенант князь С.И. Васильчиков жаловался, что упрощение формы казаков не позволит им быть «щеголеватыми» на Высочайших смотрах (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 34). Генерал от инфантерии В.Д. Скалон, разобрав военную часть доклада комиссии, вообще заявил затем, что ее экономические и административные предложения выходят за пределы компетенции Военного министерства, «касаясь общегосударственных финансовых вопросов» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 37 об.). Одни генералы отмечали «всесторонность» и «добросовестность» доклада Н.А. Маслаковца (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 51 об.), а другие иронизировали над «необоснованностью» и «призрачностью» высчитанных комиссией «будто бы миллионных расходов, лежащих на тяжелом бремени на казачье население» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 59). Генерал от кавалерии Ф.И. Тутомлин заявил, что вообще-то важнейшей причиной упадка благосостояния казаков Донского Войска было «небрежение донского управления (то есть донской войсковой администрации – Авт.) ко благу этой области» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 31 об.-32). «Кто приказал увеличивать число вещей у казаков, поступающих в первые полки?» – восклицал он, – «кто виноват, что 100 000 руб., назначенные в строевое пособие, превращены в областное расходование?» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 32). А донская администрация в лице занимавшего с 1883 г. должность помощника начальника войскового штаба В.М. Лютенскова уже сама перешла в контратаку, отзываясь в довольно презрительном тоне о «заседавшей в городе Новочеркасске комиссии генерал-лейтенанта Маслаковца» и ставя ей в упрек то, что она «ориентировалась на заявления «компетентных лиц» (именно в кавычках, подразумевая под этим выборных членов комиссии – Авт.)» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 81). В.М. Лютенскова поддержал и новый атаман К.К. Максимович, заявивший, что, например, «громадные убытки» казаков пригготовительного разряда комиссией Н.А. Маслаковца «чрезмерно преувеличены» и атаману многие «старики-казаки»,

напротив, доказывали, что сборы приговорительного разряда «почти ничего не стоят» и их надо сохранить ради «старого казачьего духа» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 66). В этой разногласии ценных, бесполезных, противоречивых, часто просто вздорных или пристрастных мнений экономические программы как комиссии Н.А. Маслаковца, так и самого А.Н. Куропаткина оказались отодвинуты куда-то на самый задний план, а в центр внимания встали вопросы о том, чему учить молодых казаков в военном отношении и как сохранить казачьи военные традиции...

В итоге конкретные меры по улучшению положения казаков начали реализовываться только с 24 декабря 1899 г., когда Николай II одобрил предложение А.Н. Куропаткина временно, до начала 1903 г., не призывать на службу «казаков – единственных в семье работников» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 3 об.). Приблизительно тогда же военному министру удалось, наконец, провести через Государственный совет решение о выплате Донскому Войску компенсации за Задонскую степь в размере 538 000 руб. в год, но только с 1 января 1901 г. (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 4). Однако военный министр понимал, что рассчитывать на увеличение этой компенсации из-за жесткой позиции С.Ю. Витте не приходится, а рассмотрение доклада Н.А. Маслаковца окружными, корпусными и дивизионными командирами в общем-то только усложнило выработку новой правительственной политики по отношению к казачьим войскам. Более того, даже в случае, если бы военный министр полностью поддержал проект реформ, детально и основательно разработанный комиссией Н.А. Маслаковца, его реализация в конкретных условиях 1900 г. была бы невозможна: сами члены комиссии признавали, что проектируемые ими меры приведут к росту правительственных расходов на Войско Донское приблизительно на 1 414 591 руб. в год (Маслаковец, 1899: 119). О получении этих денег из внутренних ресурсов войска речи не шло: комиссия предлагала потребовать от Министерства финансов, кроме компенсации за задонские степи, еще и компенсации за содержание в области Войска Донского государственных учреждений на войсковой счет, а также увеличения суммы компенсации за лишение войска права собирать налоги с алкоголя в свою пользу (Маслаковец, 1899: 119-120). Понятно, что попытка добиться столь серьезного увеличения финансирования Донского Войска еще больше обострила бы конфликт между Военным министерством и Министерством финансов, и даже если бы первое выиграло в этом конфликте, рассмотрение вопроса различными ведомственными комиссиями и Государственным советом заняло бы годы, как было с разрешением конфликта вокруг Задонских степей.

И в этой ситуации А.Н. Куропаткин принял компромиссное решение. Все еще не заявляя прямо об отказе от реализации проекта комиссии Н.А. Маслаковца, 19 марта 1900 г. он спросил у Николая II разрешение поехать в область Войска Донского, чтобы «лично самому ознакомиться на месте с условиями быта донского казака» и «тем самым уяснить большую или меньшую степень важности и неотложности тех или иных из целого ряда намеченных означенной комиссией мероприятий» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 4). Отдельно военный министр подчеркивал важность того, чтобы 538 000 руб. ежегодной компенсации за Задонскую степь были израсходованы с «возможно большей пользой для дела» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 4). Разрешение последовало, и с 11 мая по 3 июня 1900 г. А.Н. Куропаткин объезжал донские станицы, причем первоначально он планировал уделить этой командировке еще больше времени, и только осложнения на Дальнем Востоке из-за боксерского восстания заставили его вернуться в Санкт-Петербург (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 4). Подобной личной инспекции Дона с целью его исследования не предпринимал даже Д.А. Милютин, в 1860 гг. планировавший радикально реформировать казачьи войска (ОР РГБ. Ф. 169. Кар. 23. Ед. хр. 20. Л. 1-20). А.Н. Куропаткин, понимая важность экономических проблем казачества, пошел на невиданный доселе шаг и уделил крупнейшему казачьему войску такое внимание, какого не уделял ни один его предшественник за полвека.

Увы, практическая польза от осмотра А.Н. Куропаткиным донских станиц вызывает у нас сомнения. Из описания его поездки следует, что только в Новочеркасске он задержался более чем на сутки, а в некоторые дни успевал «осмотреть» две станицы, при том, что пройденный им путь даже без учета поездок по железным дорогам составил 1 164 версты (т.е. в день министр проезжал почти 50 верст) (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 4 об.-5). При этом А.Н. Куропаткин не забывал заходить в станичные соборы и церкви, а также принимать депутации казаков (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 4 об.)! С хозяйством посещаемых станиц военный министр знакомился, по собственному признанию, «по книгам», а чтобы составить общую картину, пользовался некими «статистическими данными», «обработанными управляющим атаманской канцелярией Генерального штаба полковником Балубевым» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 4 об.). Между тем комиссия Н.А. Маслаковца специально подчеркивала, что статистические сведения, сообщаемые донскими властями, крайне неточны и на них нельзя ориентироваться при подготовке реформ (Протоколы, 1899: 156). Более того, А.Н. Куропаткина сопровождали в поездке новый донской атаман К.К. Максимович и ряд лиц из его окружения, но ни донские дворяне, ни члены комиссии Н.А. Маслаковца, ни даже ее председатель не были приглашены в эту поездку (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 5-5 об.). Таким образом, военный министр, в 1898 г. неожиданно выступивший союзником донских дворян против войскового атамана, к 1900 г. фактически сменил сторону в этом

конflikте и, очевидно, уже к началу своей командировки на Дон рассчитывал по ее итогам отвергнуть предложения комиссии Н.А. Маслаковца.

Мы не будем подробно останавливаться на описании А.Н. Куропаткиным ситуации в отдельных станицах. Оно крайне подробно, по-своему интересно и заслуживает специального исследования, однако детализация фактов военным министром чрезмерна и демонстрирует, с одной стороны, его «недоверие к подчиненным и мелочную опеку», а с другой – ту же поверхностность, что и конспект отчетов атаманов за 1897 г. Поэтому попытка систематизировать сообщаемые А.Н. Куропаткиным факты потребовала бы отдельной статьи. Тем не менее его самые впечатляющие наблюдения заслуживают того, чтобы быть приведенными. Так, в Ростове-на-Дону А.Н. Куропаткин лично занялся инспекцией единственного большого в местной казачьей команде и сообщил в докладе императору, что тот был в «очень грязной» портянке (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 7). Несмотря на недостаток времени и общую цель поездки, военный министр посетил Новочеркасский кадетский корпус и обсудил с его начальником то, как кадеты поливают цветы в классах и покупают образа для этих классов (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 8 об.). Зато вопрос о том, насколько дорого обходится казакам пригготовительный разряд, А.Н. Куропаткин почему-то задал только в одной станице, Романовской, жители которой полностью поддержали позицию К.К. Максимовича о дешевизне и эффективности учебных сборов (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 13). При этом они явно сообщали недостоверные сведения: в частности, станичники заявили, что все казаки приходят на сборы «конечно, умея ездить верхом, иногда лучше даже обучающего урядника» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 13), в то время как строевые командиры в своих отзывах на доклад Н.А. Маслаковца писали, что с Дона достаточно массово прибывают новобранцы, «никогда не сидевшие на коне» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 38). Очевидно, что за два месяца, прошедшие с получения А.Н. Куропаткиным разрешения от Николая II совершить поездку на Дон до начала этой поездки, войсковые власти подготовились принять военного министра так, чтобы он окончательно занял их сторону по важнейшим вопросам.

И действительно, исследуя экономическое положение станиц, А.Н. Куропаткин основную часть вины за его упадок возложил на самих казаков. Например, он констатировал, что урожаи в сам-4 и сам-5, характерные для казачьих хозяйств, «очень малы» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 23). Весьма своеобразно оценивал военный министр и положение тех казачьих хозяйств, с которыми он знакомился более подробно. Так, 12 мая он побывал у Н. Кутарева, бедного казака станицы Урюпинской, чей единственный взрослый сын был на службе, причем, поскольку денег на его снаряжение у семьи не было, их дала в долг станица, но в счет уплаты долга вырубилась весь лес на участке Кутаревых и принудительно сдала в аренду половину этого участка на неопределенный срок, до тех пор, пока полученная выручка не покроет долг (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 23). А.Н. Куропаткин не понимал, почему казак «плачется», и высказывал мысль, что он, «сравнительно молодой и весьма крепкий и здоровый», несмотря на сокращение надела вдвое, мог бы разбить на своем участке огород и продавать выращенное на нем с большим барышом (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 23). Другие советы военного министра по улучшению казачьих хозяйств были не менее оригинальны. Например, он предлагал не держать скот для пахоты постоянно, но покупать его весной и продавать осенью, а на вырученные деньги зимой заниматься торговлей (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 24 об.). Подобные анекдотические советы могут показаться нереалистичными в устах военного министра, однако воспоминания современников свидетельствуют, что и в других случаях он с апломбом высказывал крайне странные идеи в незнакомых ему областях. Так, морские офицеры жаловались, что А.Н. Куропаткин считал возможным в случае десанта вместо оборудования в местах высадки баз снабжения для приема в них транспортных пароходов, просто выбрасывать эти пароходы на берег (Айрапетов, 2010: 13).

В итоге поверхностный осмотр донских станиц в окружении лиц, заинтересованных в том, чтобы войсковая администрация была признана невиновной в экономических проблемах казачьих хозяйств, окончательно убедил военного министра в правильности основных идей, изложенных в «Выводах из отчетов войсковых наказных и наказных атаманов за 1897 год». Подводя итог раздела о земледелии в своем докладе императору о поездке, А.Н. Куропаткин писал, что «главное зло – неправильная, без всякой системы распашка полей», ведущая к сокращению урожаев (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 32). Таким образом, военный министр все еще придерживался мнения, что донское казачество беднеет по причинам, характерным для всего населения Российской империи, и специфически-казачьи факторы играют тут только второстепенную роль. Мысль о том, что таким казакам, как Н. Кутарев, именно долгие годы службы мешают применять к земле «личный, постоянно-упорный и свободный труд», А.Н. Куропаткину не приходила в голову. Даже из приведенных нами отрывков видно, что в представлении военного министра казак должен был быть каким-то сверхчеловеком, не только хорошо служащим в армии и умеющим ездить верхом уже к началу своего обучения в станице, но и практикующим правильный севооборот, способным к занятиям огородничеством и не тратящим зря ни месяца времени – ведь даже зимой можно было улучшать свое благосостояние торговлей! Между тем обязанности казака как воина и как хозяина донские авторы противопоставляли еще с 1860 гг., когда крупнейший казачий статистик

Н.И. Краснов писал: «Казак, в настоящем его значении, есть воин-поселянин, обязанный за поземельный надел быть постоянно готовым к выступлению в поход. На нем постоянно лежат две обязанности: гражданина, заботящегося о средствах к своему и своего семейства существованию, и воина, которого ремесло редко может принести пользу в хозяйстве. Противоположность этих двух занятий неминуемо должна отразиться на казаке, и, чем материальное положение его на родине выше, тем менее оно будет годно к военной службе» (Краснов, 1870: XIII). К сожалению, реальные донские казаки не соответствовали идеалу, нарисованному воображением военного министра, и он, как мы увидим ниже, обвинил их в этом.

В конце мая 1900 г. А.Н. Куропаткин доехал до Новочеркасска, где его уже ждал в местном дворянском собрании М.С. Марков. Вероятно, областной предводитель дворянства, за два года до этого поддержанный военным министром в своей борьбе против Н.И. Святополк-Мирского, рассчитывал снова переломить ситуацию в свою пользу, убедив военного министра в необходимости поддержать решения комиссии Н.А. Маслаковца, в число членов которой он входил лично (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 18. Л. 3-3 об.). Однако А.Н. Куропаткин обратился к нему и к другим донским дворянам с крайне резкой речью, не оставляющей сомнений в том, что с 1898 г. его позиция изменилась радикально. Прежде всего военный министр отказался от своих прежних заявлений о «надорванности Донского Войска». Он в лицо обвинил донских дворян если не во лжи, то, по крайней мере, в серьезной неточности: «Из знакомства моего с условиями жизни казаков даже беднейших станиц я вынес более отрадное впечатление, чем то можно было ожидать на основании заявлений донского дворянства и работ комиссии Маслаковца. К счастью, угрожающего на Дону еще не так много» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 51 об.). Далее он указал главных виновников упадка казачьего благосостояния, которыми были объявлены... сами казаки и их «ближайшие руководители», то есть, очевидно, станичные власти, допустившие «нерасчетливую эксплуатацию земли» и «истребление лесов» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 51 об.). А затем следовало очень важное и принципиально новое для А.Н. Куропаткина утверждение о том, что «упадок, в сущности, понятие относительное» и по сравнению с центральной Россией никакого упадка благосостояния на Дону нет (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 51 об.). Впрочем, военный министр признал крайнюю тяжесть казачьей службы, но тут же оговорился, что выделенные имперской казной 538 000 руб. в год за Задонскую степь помогут решить эту проблему (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 51 об.-52). И теперь казакам оставалось искупить свою «вину», не только начав «правильно эксплуатировать землю» и «восстановив леса», но и развив в своей среде «виноградарство и виноделие, садоводство, пчеловодство, шелководство и рыболовство, не говоря уже о горных промыслах» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 52). А помочь казакам сделать все это должно было «прежде всего дворянство» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 52). Таким образом, личное посещение Донского Войска произвело на А.Н. Куропаткина неожиданный эффект: он решил, что раз донское казачество остается зажиточнее крестьянского населения остальной России, имеющиеся у него экономические проблемы можно считать относительно маловажными и возложить их решение на самих казаков и местное дворянство.

И, вернувшись в Санкт-Петербург, А.Н. Куропаткин в своем докладе Николаю II сообщал, что в результате поездки на Дон пришел к трем важнейшим выводам:

- «1) Человек в Донской области полон сил, здоровья, дорожит своим званием казака, но недостаточно энергично и умело распоряжается выпавшим на его долю земельным добром.
- 2) Производительность земли ослабела, но земля все еще кормит казака.
- 3) Лошадь казака во многих случаях уже не может нести службу» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 57 об.).

Соответственно, ни о каких серьезных реформах в его докладе речи уже не шло: ни о реализации программы комиссии Н.А. Маслаковца, ни о попытке как-то переломить тот кризис, который сам А.Н. Куропаткин считал характерным для всего сельского населения России. Решение проблемы военный министр нашел как раз в компенсации Донскому Войску за Задонскую степь: он предлагал за счет этих денег выплачивать каждому казаку 100 руб. при выходе на службу, ни словом не обмолвившись, что эту инициативу первой предложила комиссия Н.А. Маслаковца (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 57).

Мы позволим себе не останавливаться подробно на дальнейшей деятельности А.Н. Куропаткина по развитию экономики в казачьих войсках. Это не значит, что такой деятельности не было. В 1901 г. была утверждена программа для новой комиссии, призванной облегчить состояние казачества и создаваемой уже не в Новочеркасске, а в Санкт-Петербурге, при Главном управлении казачьих войск (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 89). Однако эта комиссия уже не рассматривала серьезных экономических вопросов, вместо этого уточняя суммы положенных казакам ремонтных денег или, максимум, снова рассуждая о целесообразности сохранения приговорительного разряда (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 89). Военный министр по-прежнему пытался вмешиваться в работу этой комиссии, сообщая ее членам свои резолюции (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2071. Л. 1-2 об.). П.О. Щербов-Нефедович в 1902 г. посетил Оренбургское войско, исследовав его экономическое положение и хозяйственный быт (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1861. Л. 1), а в 1903 г. ту же миссию в

Забайкальском войске выполнил Н.А. Маслаковец (Маслаковец, 1903). Однако политика А.Н. Куропаткина по отношению к экономическому развитию казачьих войск уже не менялась, ключевые решения были приняты, и даже стиль действий военного министра, мелочный и сумбурный, оставался тем же.

4. Заключение

Самоуверенный даже в незнакомых ему областях, А.Н. Куропаткин исходил при изучении экономических проблем казачьих войск не столько из реальных фактов, сколько из своих сомнительных концепций о вреде развития промышленности и упадке российского крестьянства. Военный министр был крайне непоследователен в своих действиях: в 1898 г. он экстренно снял с должности Н.И. Святополк-Мирского примерно за те же взгляды, к которым сам пришел в 1900 г. Наконец, попытка А.Н. Куропаткина пойти навстречу донскому дворянству и создать выборную комиссию для изучения причин экономического кризиса на Дону выглядит проявлением неспособности просчитать последствия собственных действий: военный министр не поставил перед этой комиссией четкой задачи и разрешил ей свободно обсуждать широкий спектр вопросов, но затем оказался не готов к тому, что ее члены воспользовались этим и предложили вместо локальных мер полное переустройство Донского Войска. Начав с давно назревших и необходимых для решения экономических проблем казачества шагов, А.Н. Куропаткин быстро все запутал, допустил целый ряд ошибок, связанных с особенностями его личности, и в итоге во многом вернулся к экономической политике своих предшественников, П.С. Ванновского и Н.И. Святополк-Мирского, считавших самих казаков виновными в упадке своего благосостояния.

Означало ли это, что вся деятельность Военного министерства в казачьих войсках в 1898–1900 гг. была бесполезной? Отнюдь нет. Хотя экономические проблемы не были решены, положение простых казаков значительно облегчилось. Даже представители донской элиты, большая часть пожеланий которых не была удовлетворена, писали на этот счет следующее: «Были предварительно даны временные льготы в виде разрешения освободить от действительной службы одиночек-казаков (то есть являющихся единственными в семье кормильцами и работниками), сокращения лагерных сборов, облегчения порядка отпуска льготных казаков из мест их жительства, назначение сторулевого пособия на приобретение лошади при выходе на службу и т.п. Все эти льготы сами по себе были большим благодеянием для казаков» (Донцы, 2003: 302-303). Однако все эти благодеяния в глазах донской элиты оказались связаны в первую очередь с деятельностью комиссии Н.А. Маслаковца (Донцы, 2003: 302-303). Работа данной комиссии хорошо известна современным историкам, о ней пишутся научные статьи (Скорик, 2014). Роль же А.Н. Куропаткина в облегчении казачьей службы и улучшении экономического положения казаков оказалась полузабыта. И в этом был виноват он сам: сначала поддержав идею о преобразованиях казачьих войск для улучшения их экономического положения, военный министр затем сам свернул подготовку серьезных реформ, выходящих за рамки некоторого облегчения казачьей службы и выплаты казакам пособий. Если добавить к этому анекдотические советы министра, считавшего возможным, например, в обычном хозяйстве продавать весь скот осенью и на вырученные деньги торговать зимой, станет окончательно ясно, почему облегчение положения казачества в начале XX в., фактически организованное А.Н. Куропаткиным, не ассоциируется с его именем даже у профессиональных историков.

Таким образом, если рассматривать А.Н. Куропаткина через призму экономических реформ в казачьих войсках, его личность выглядит неоднозначной, но вполне понятной. Он предстает далеко не глупым человеком, изначально верно оценившим значение экономического кризиса в казачьих войсках, однако при этом слишком самоуверенным, чтобы дать искать выход из этого кризиса другим, и слишком слабым, чтобы реализовывать собственную политику вопреки сопротивлению донской элиты и войсковой администрации. Довершает этот образ патологическое невнимание к деталям, парадоксальным образом уживающееся с желанием все мелочно контролировать. Замыслы А.Н. Куропаткина были совершенно правильными, актуальными и в случае их реализации могли сделать военного министра настоящим спасителем казачьих войск. Однако реализовать эти замыслы человек с такими особенностями не мог.

Литература

Айрапетов, 2010 – Айрапетов О.Р. Автор, время и события «Дневника» // Куропаткин А.Н. Дневник генерала Куропаткина. М., 2010. С. 3-76.

Белозерова, 2014 – Белозерова О.А. Об оценке стратегии генерала А.Н. Куропаткина в русско-японской войне 1904-1905 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2014. № 2. С. 154-163.

Бирюков, 1899 – Бирюков В.Я. Доклад члена Комиссии В.Я. Бирюкова о влиянии воинской службы донских казаков на их хозяйственный быт. Новочеркасск, 1899. 13 с.

Витте, 1924 – Витте С.Ю. Воспоминания. Т. I. Л., 1924. 504 с.

Всеобщая история, 2004 – Всеобщая история, обработанная «Сатириконом» // Юмор начала XX в. М., 2004. С. 543-667.

- Ганин, 2008** – Ганин А.В. Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX – начале XX вв. (1891–1917). М., 2008. 704 с.
- ГАРО** – Государственный архив Ростовской области.
- Генерал Куропаткин, 2018** – Генерал Куропаткин – государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения. СПб., 2018. 370 с.
- Григорович, 1911** – Григорович Н.С. Памяти Н.А. Маслаковца // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. 23. Оренбург, 1911. С. 262–66.
- Донцы, 2003** – Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003. 599 с.
- Карасев, 1899** – Карасев А.А. Донские атаманы за последние полвека // *Русский архив*, 1899. Кн. 2. С. 106–116.
- Куропаткин, 1910** – Куропаткин А.Н. Задачи русской армии. Т. III. СПб., 1910. 442 с.
- Куропаткин, 2010** – Куропаткин А.Н. Дневник генерала Куропаткина. М., 2010. 445 с.
- Краснов, 1870** – Краснов Н.И. Военное обозрение земли Войска Донского. СПб, 1870. 352 с.
- Маслаковец, 1899** – Маслаковец Н.А. О занятиях высочайше учрежденной 16-го июня 1898 года Комиссии в области Войска Донского и о достигнутых ею результатах: Доклад состоящего в распоряжении военного министра Генерального штаба генерал-лейтенанта Маслаковца 23 авг. 1899 г. СПб., 1899. 123 с.
- Маслаковец, 1903** – Маслаковец Н.А. Доклад о результатах командировки состоящего в распоряжении военного министра генерал-лейтенанта Маслаковца в 1903 году в Забайкальское казачье войско. СПб., 1903. 260 с.
- Морской, 1914** – Морской А. Военная мощь России. Предсказания ген.-адъютанта А.Н. Куропаткина и их критика гр. С.Ю. Витте. Пг., 1914. 160 с.
- ОР РНБ** – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
- ОР РГБ** – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
- Петровский, 1916** – Петровский А.И. Опись войсковым, наказным и войсковым наказным атаманам, в разное время в города Черкасск, а затем Новочеркасск для управления областью Войска Донского от высшего начальства поставленным. (1738–1916 гг.). Новочеркасск: 1916. 40 с.
- Протоколы, 1899** – Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области. Б.м., 1899. 289 с.
- Редигер, 1999** – Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. I. М., 1999. 576 с.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сватиков, 1924** – Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549–1917 гг.). Белград, 1924. 592 с.
- Свириденко, 1999** – Свириденко А.Н. Алексей Николаевич Куропаткин: драма неуместности // *Вестник Челябинского государственного университета*. 1999. № 2 (10). С. 104–111.
- Скорик, 2014** – Скорик А.П. Проблемы и противоречия традиционного быта донских казаков на рубеже XIX–XX вв. (о результатах работы комиссии Н.А. Маслаковца) // *Модернизация полиэтничного макрорегиона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития*. Ростов-на-Дону, 2014. С. 268–273.
- Скорик, 2015** – Скорик А.П. Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск, 2015. 1184 с.
- Советская военная энциклопедия, 1977** – Советская военная энциклопедия. Т. IV. М., 1977. 656 с.
- Сухоруков, 1891** – Сухоруков В.Д. Статистическое описание Земли Донских казаков, составленное в 1822–1832 годах. Новочеркасск, 1891. 302 с.
- Derzhanskaya, Peretyatko, 2018** – Derzhanskaya A.Z., Peretyatko A.Y. The real and alleged problems: on the application of statistical methods for N.A. Maslakovets's commission // *Rusin*. 2018. 54. Pp. 107–125.
- Rajović et al., 2019** – Rajović G., Krinko E.F., Vazerova A.G., Trailovic M. Biographical Research in the Modern Historiography of the Don Cossacks of the second half of the XIX century. Part I // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1. Pp. 209–218.
- Rajović et al., 2019a** – Rajović G., Krinko E.F., Vazerova A.G., Trailovic M. Biographical Research in the Modern Historiography of the Don Cossacks of the second half of the XIX century. Part II // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 52. Is. 2. Pp. 701–713.
- Volvenko, 2016** – Volvenko A.A. D.A. Milyutin and Cossacks // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 40. Is. 2. Pp. 398–411.

References

- Airapetov, 2010** – Airapetov O.R. (2010). Avtor, vremena i sobytiya «Dnevnika» [The author, time and events of the «Diary»]. Kurapatkin A.N. Dnevnik generala Kurapatkina. М. Pp. 3–76. [in Russian]
- Belozeroва, 2014** – Belozeroва O.A. (2014). Ob otsenke strategii generala A.N. Kurapatkina v russko-yaponskoi voine 1904–1905 gg. [On the Evaluation of the Strategy of Gen. Aleksey Kurapatkin in the Russo-Japanese War (1904–1905)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seria 2. Istoria*. №. 2. Pp. 154–163. [in Russian]

Biryukov, 1899 – *Biryukov V.Ya.* (1899). Doklad chlena Komissii V.Ya. Biryukova o vliyanii voinskoj sluzhby donskikh kazakov na ikh khozyaistvennyi byt [Report of the Commission member V. Ya. Biryukov about the impact of military service of the Don Cossacks to their economic life]. Novocherkassk. P. 13. [in Russian]

Derzhanskaya, Peretyatko, 2018 – *Derzhanskaya A.Z., Peretyatko A.Y.* (2018). The real and alleged problems: on the application of statistical methods for N.A. Maslakovets's commission. *Rusin.* 54. Pp. 107-125.

Doncy, 2003 – Doncy XIX veka [Don Cossack of the nineteenth century]. Rostov-on-Don, 2003. P. 599. [in Russian]

Ganin, 2008 – *Ganin A.V.* (2008). Nakanune katastrofy. Orenburgskoe kazach'e voisko v kontse XIX – nachale XX v. (1891-1917) [Before the catastrophe. Orenburg Cossack Host in the late XIX – early XX century (1891-1917)]. M. P. 704. [in Russian]

GARO – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State archive of the Rostov region].

General Kuropatkin, 2018 – General Kuropatkin – gosudarstvennyi i voennyi deyatel' Rossiiskoi imperii. K 170-letiyu so dnya rozhdeniya [General Kuropatkin – statesman and military leader of the Russian Empire. To the 170th anniversary of the birth]. SPb., 2018. P. 370. [in Russian]

Grigorovich, 1911 – *Grigorovich N.S.* (1911). Pamyati N. A. Maslakovtza [In memory of N.A. Maslakovets]. Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii. Vyp. 23. Orenburg. Pp. 262-266. [in Russian]

Karasev, 1899 – *Karasev A.A.* (1899). Donskie atamany za poslednie polveka [Don atamans over the past half-century]. *Russkii arkhiv.* Vol. 5. Pp. 106-116. [in Russian]

Krasnov, 1870 – *Krasnov N.I.* (1870). Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska [Military review of the Don Host Oblast]. SPb. P. 352. [in Russian]

Kuropatkin, 1910 – *Kuropatkin A.N.* (1910). Zadachi russkoj armii [The tasks of the Russian army]. Vol. III. SPb. P. 442. [in Russian]

Kuropatkin, 2010 – *Kuropatkin A.N.* (2010). Dnevnik generala Kuropatkina [Diary of General Kuropatkin]. M. P. 445. [in Russian]

Maslakovets, 1899 – *Maslakovets N.A.* (1899). O zanyatiyakh vysochaishe uchrezhdennoi 16-go iyunya 1898 goda Komissii v oblasti voiska Donskogo i o dostignutykh eyu rezul'tatakh: Doklad sostoyashchego v rasporyazhenii voennogo ministra General'nogo shtaba general-leitenanta Maslakovtza 23 avg. 1899 g. [About the activity of the Commission in Don Cossack Hosts which was supreme approved on June 16 1898 and about its results: Report of the Lieutenant-General of the General Staff Maslakovets, which is the order of the War Minister. Aug. 23 1899]. SPb. P. 123. [in Russian]

Maslakovets, 1903 – *Maslakovets N.A.* (1903). Doklad o rezul'tatakh komandirovki sostoyashchego v rasporyazhenii voennogo ministra general-leitenanta Maslakovtza v 1903 godu v Zabaikal'skoe kazach'e voisko [Report about the results of the trip of Lieutenant-General Maslakovets, who was at the disposal of the Minister of War, to the Transbaikal Cossack Host in 1903]. SPb. P. 260. [in Russian]

Morskoi, 1914 – *Morskoi A.* (1914). Voennaya moshch' Rossii. Predskazaniya gen.-ad'yutanta A.N. Kuropatkina i ikh kritika gr. S.Yu. Vitte [Military power of Russia. Predictions of adjutant General A.N. Kuropatkin and their criticism by graph S.Yu. Vitte]. Pg. P. 160. [in Russian]

OR RGB – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki [Department of manuscripts of Russian state library].

OR RNB – Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki [Department of manuscripts of Russian national library].

Petrovskij, 1916 – *Petrovskij A.I.* (1916). Opis' vojskovym, nakaznym i vojskovym nakaznym atamanam, v raznoe vremja v goroda Cherkassk, a zatem Novocherkassk dlja upravlenija Oblast'ju vojska Donskogo ot vysshego nachal'stva postavlennym. (1738-1916 gg.) [Inventory of the vojskovye, nakaznye i vojskovye nakaznye atamans at different times in the city of Cherkassk and then Novocherkassk to management of the Don Host from higher authorities delivered. (1738-1916 gg.)]. Novocherkassk. P. 40. [in Russian]

Protokoly, 1899 – Protokoly Komissii po issledovaniyu nuzhd kazach'ego naseleniya Donskoi oblasti [Logs of the Commission for the Study of needs of the Cossack Population of the Don Region]. B.m., 1899. 289 p. [in Russian]

Rajović et al., 2019 – *Rajović G., Krinko E.F., Vazerova A.G., Trailovic M.* (2019). Biographical Research in the Modern Historiography of the Don Cossacks of the second half of the XIX century. Part I. *Bylye Gody.* Vol. 51. Is. 1. Pp. 209-218. [in Russian]

Rajović et al., 2019a – *Rajović G., Krinko E.F., Vazerova A.G., Trailovic M.* (2019). Biographical Research in the Modern Historiography of the Don Cossacks of the second half of the XIX century. Part II. *Bylye Gody.* Vol. 52. Is. 2. Pp. 701-713.

Rediger, 1999 – *Rediger A.F.* (1999). Istoriya moej zhizni. Vospominaniya voennogo ministra [Story of my life. Memories of the Minister of War]. Vol. I. M. P. 576. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

RGVIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian state military and historical archive].

Skorik, 2014 – Skorik A.P. (2014). Problemy i protivorechiya traditsionnogo byta donskikh kazakov na rubezhe XIX-XX vv. (o rezul'tatakh raboty komissii N. A. Maslakovtsa) [Problems and contradictions of the traditional life of the Don Cossacks at the turn of the XIX-XX centuries. (on the results of the work of the commission N.A. Maslakovets)]. Modernizatsiya polietnichnogo makroregiona i sopedel'nykh gosudarstv: opyt, problemy, stsenarii razvitiya. Rostov-on-Don. Pp. 268-273. [in Russian]

Skorik, 2015 – Skorik A.P. (2015). Milyutinskii kazachii yurt: opyt istoricheskoi rekonstruktsii [Milyutinsky Cossack yurt: the experience of historical reconstruction]. Novocherkassk. P. 1184. [in Russian]

Sovetskaya voennaya entsiklopediya, 1977 – Sovetskaya voennaya entsiklopediya [Soviet military encyclopedia]. Vol. IV. M., 1977. P. 656. [in Russian]

Sukhorukov, 1891 – Sukhorukov V.D. (1891). Statisticheskoe opisanie Zemli Donskikh kazakov, sostavlennoe v 1822-1832 godakh [Statistical description of the Don Host Oblast, compiled in 1822-1832]. Novocherkassk. P. 302. [in Russian]

Svatikov, 1924 – Svatikov S.G. (1924). Rossiya i Don (1549 – 1917 gg.) [Russia and the Don (1549 – 1917)]. Belgrade. P. 592. [in Russian]

Sviridenko, 1999 – Sviridenko A.N. (1999). Aleksei Nikolaevich Kuropatkin: drama neumestnosti [Alexey Nikolaevich Kuropatkin: the drama of irrelevance]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. № 2(10). Pp. 104-111. [in Russian]

Vitte, 1924 – Vitte S.Ju. (1924). Vospominaniya [Memories]. Vol. 1. L. P. 504. [in Russian]

Volvenko, 2016 – Volvenko A.A. (2016). D.A. Milyutin and Cossacks. *Bylye Gody*. Vol. 40. Is. 2. Pp. 398-411.

Vseobshchaya istoriya, 2004 – Vseobshchaya istoriya, obrabotannaya «Satirikonom» [Universal history, processed by “Satyricon”]. Yumor nachala XX v. M., 2004. Pp. 543-667. [in Russian]

Экономические воззрения А.Н. Куропаткина и политика Военного министерства в казачьих войсках в 1898–1900 гг.

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, b, *}

^a Международнoй сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственнoй университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Личность военного министра Российской империи А.Н. Куропаткина до сих пор вызывает споры у ученых. Одни считают его бездарным военным, не соответствовавшим своей должности, а другие – жертвой обстоятельств и пропаганды политических противников. С другой стороны, взаимоотношения российских военных министров с казачьими войсками до сих пор мало изучены, и число работ на эту тему в современной историографии крайне невелико. Поэтому в данной статье предпринимается попытка проанализировать фигуру А.Н. Куропаткина с неожиданной точки зрения, рассмотрев его деятельность как фактического руководителя казачьих войск Российской империи.

Автор показывает, что А.Н. Куропаткина в первую очередь интересовали экономические проблемы казачьих войск. Вскоре после вступления в должность военного министра, в 1898 г., он признал развитие экономического кризиса в Донском Войске и его приближение в других казачьих войсках. Однако крайне своеобразные и запутанные экономические взгляды не позволили военному министру разработать выполнимую программу решения экономических проблем казачьих войск. Программа, разработанная комиссией генерала Н.А. Маслаковца, также не удовлетворила А.Н. Куропаткина. Не сумев обеспечить должной финансовой поддержки предполагаемых реформ, военный министр фактически отказался от большей части первоначально запланированных мер, ограничившись введением субсидии выходящим на службу казакам.

В статье сделан вывод, что такое развитие событий во многом было связано с особенностями личности А.Н. Куропаткина. Правильно наметив первоначальные цели, военный министр не обладал ни решимостью, ни способностями, необходимыми для их достижения. Тем не менее даже частичная реализация замыслов А.Н. Куропаткина заметно улучшила экономическое положение казачества.

Ключевые слова: кризис российского казачества в конце XIX в., экономическая история Дона, политика Военного министерства по отношению к казачьим войскам, А.Н. Куропаткин, Н.А. Маслаковец.

* Корреспондирующий автор

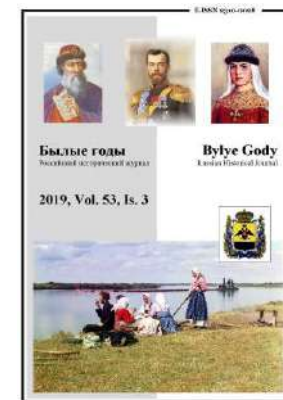
Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1333-1341. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1333
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Evolution of the Socio-Political Views of the Clergy of the Yenisei Province in the period of Revolutionary Upheavals of the beginning of the XX century

Anna P. Dvoretzkaya ^{a, *}, Olga V. Konovalova ^{a, b}, Aida A. Terskova ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Siberian law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the changes in the socio-political views of the clergy of the Yenisei province in the period of the development of the revolutionary process in the early twentieth century. During the first Russian revolution, most of the diocesan clergy adhered to conservative views, actively supported monarchical institutions. Parish clergy, as a rule, preferred social work to politics. However, individual clergymen of the region took part in political life, participated in the work of the Imperial Duma, sympathized with the socialists. In 1917, the tendency towards politicization of the clergy intensified. The clergy of the region opposed the monarchy, supported the Provisional Government. By the summer – autumn of 1917, contradictions within the diocesan clergy, between him and the parish clergy, became more and more apparent. Vertical and horizontal splits weakened the church. During the period of escalation of sociopolitical conflicts, the intensification of atheistic sentiments among the masses, the church was unable to come out with a united front and oppose Christian ideas and values to the ideology of violence. The process of radicalization of social relations became irreversible and destroyed church institutions.

Keywords: believers, clergy, political parties and clergy, Russia in 1905–1917.

1. Введение

В дореволюционной России православие являлось важной частью государственной идеологии, а церковь – союзницей монархии. Законодательство Российской империи предоставляло Русской православной церкви режим наибольшего благоприятствования, оберегало имущественные права и привилегии. В начале XX в. динамичное развитие модернизационных процессов привело к нарастанию экономических и социально-политических противоречий, усилению культурного раскола. Существенные трудности для политической элиты страны вызвали поражение России в Русско-японской войне и первая российская революция. В 1907 г. властям, казалось, удалось остановить развитие революционного процесса. Однако вступление России в Первую мировую войну и ее затяжной характер привели вновь к обострению политической ситуации и, в конце концов, к падению монархии. В это время значительная часть населения страны оказалась втянута в водоворот событий, кардинально изменивших ее уклад жизни. Развитие революционного процесса привело к трансформации общественно-политических взглядов духовенства, в том числе Приенисейской Сибири. Их изучение позволит более полно представить эволюцию общественного сознания определенной части населения Енисейской губернии в революционные периоды и внесет важный вклад в изучение характера протекающих социально-политических процессов на локальном уровне.

* Corresponding author

E-mail addresses: advoreckaya@mail.ru (A.P. Dvoretzkaya)

2. Материалы и методы

В данной работе основным историческим материалом для исследования стали документы Российского государственного исторического архива (ФКУ РГИА), Государственного архива Красноярского края (КГКУ ГАКК) – делопроизводственные документы, материалы политических партий, съездов верующих, воспоминания, а также документы церковной периодической печати Енисейской епархии 1905–1917 г.

Цель проведенной работы – исследование трансформации социально-политических воззрений духовенства Енисейской губернии в начале XX в. В своем анализе авторы следуют принципам историзма, научной объективности. На основе конкретно-исторического, социокультурного, историко-антропологического подходов в процессе изучения общественных настроений в Енисейской губернии выявляются изменения в социально-политических воззрениях духовенства в период революционных потрясений. Историко-генетический, историко-сравнительный и системный методы позволяют вписать исследование в общероссийскую канву событий.

3. Обсуждение

Институциональные и правовые преобразования, вызванные первой российской революцией, в том числе и в сфере религиозных отношений, стимулировали интерес либерально-ориентированных исследователей к изучению различных аспектов деятельности церкви. Положительно характеризуя работу церкви в социокультурном аспекте, авторы, стоящие на либеральных позициях, критически высказывались по поводу консервативных взглядов представителей духовенства. Исследователи А. Карташев, В. Завитневич, В. Левицкий отмечали необходимость реформирования церковной жизни на основе соборного начала (Карташев, 1906; Завитневич, 1907; Левицкий, 1914).

Советские историки осуждали Русскую православную церковь за поддержку монархии, связь с черносотенным движением, контрреволюционные позиции (Кандидов, 1930; Грекулов, 1969; Зырянов, 1969).

В обобщающих работах отечественных исследователей постсоветского периода подчеркивается, что синодальная реформа Петра I способствовала нарастанию противоречий между светскими и духовными институтами Российской империи и в конечном счете вела к ослаблению авторитета церкви и роли религии в обществе. Обращается внимание на то, что в период революционных кризисов 1905–1907 и 1917 гг. духовенство пыталось восстановить канонические права Русской православной церкви, добиться созыва Поместного собора, возродить былой авторитет духовных институтов среди населения с помощью общественной работы священников (Федоров, 2003; Фирсов, 2007; Митрофанов, 2011). Определенный резонанс вызвала работа М.А. Бабкина, который попытался обосновать вывод о том, что в начале XX в. между церковью и монархией началась настоящая борьба за власть, и Русская православная церковь практически сыграла ведущую роль в ниспровержении царизма (Бабкин, 2011).

Более корректно, по нашему мнению, выглядит позиция Г. Фриза, который подчеркивает, что православная церковь сохраняла некоторую автономию по отношению к государству на протяжении всего имперского периода и что в предреволюционное десятилетие наметился не отход населения от церкви, а встречное движение. В целом можно согласиться с Г. Фризом, что изучение эволюции социально-политических позиций духовенства и их взаимоотношений с мирянами в период революционных потрясений на уровне регионов еще только начинается (Freeze, 1986, 1996; Фриз, 2019).

4. Результаты

В сложной ситуации первой российской революции Русская православная церковь и духовенство заявили о своей полной поддержке самодержавия, тем самым открыто выразив свое консервативное политическое кредо (Пинкевич, 2000).

К этому времени количество священнослужителей в Енисейской губернии колебалось от 489 человек в 1907 г. до 603 человек в 1913 г. (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2209. Л. 18 об. Д. 2578. Л. 58 об.), что составляло самое большее 1 на 500 человек в 1913 г. (Статистический..., 1913: 31). Поле взаимодействия прихожан и православного клира было широким, особенно в сельском приходе – священник являлся центром общественной жизни. О своей работе представители православного клира говорили: «Пасторское служение – значит быть мирским маяком, вековым колоколом, призывающим всех ко Христу» (ЕЕВ. 1916. № 13–14. С. 41).

Однако отношения населения и церковнослужителей не во всех уездах губернии складывались одинаково. В старожильческом Минусинском уезде священнослужители отличались активной приходской деятельностью, вовлеченностью в повседневную жизнь паствы, что приводило к тесному взаимодействию клира и мирян. В других же регионах губернии отношения клира и населения складывались сложно. Пастырское собрание духовенства Ачинского уезда отмечало, что переселенцы, ссыльные, техники, чины переселения привносили новые требования к пасторскому служению, ухудшали жизнь приходов (ЕЕВ. 1916. № 11. С. 9). В этом отношении необходимо согласиться с Б. Мироновым, что переселенцы имели маргинальный социальный статус, тяжело

адаптировались к новой (и не только рабочей) среде, поэтому нередко были и проявления антиобщественного поведения (Mironov, 2017: 689).

В церквях проводились молебны, на богослужениях разъяснялась политическая ситуация, осуждались выступления против царя и святой русской церкви, духовенство стремилось предотвратить народные волнения в Енисейской губернии (Долотов, 1930: 18, 19). С участием представителей духовенства стали создаваться политические организации в центре и на местах. Вместе с тем на законодательном уровне это вопрос не был четко решен. Синодальное определение, с одной стороны, запретило духовенству принимать участие в манифестациях, а с другой – подчеркивало, что священнослужители могут поддерживать только ту партию, которая защищает православную церковь, а не разрушает ее. «Пастырь не может идти в ногу с партией, разрушающей в корне дело его жизни, разбивающей то самое, на служение чему он отдал или отдает свои силы, способности, дарования, заботы» (ЕЦВ. 1907. № 3. С. 1).

Весьма консервативный и черносотенный оттенок имел действовавший в Красноярске в революционные годы «Союз мира и порядка», ставший практически филиалом «Союза русского народа». Организатором красноярского «Союза» стал преподаватель местной духовной семинарии А. Смирнов, а после его смерти – священник В. Захаров, центром формирования – мещанская управа. Епархиальные власти и губернатор Я. Бологовский открыто поддержали организацию (Красноярск..., 2013: 305). Ее состав был весьма неоднороден: купцы, мещане, ремесленники, духовенство, учителя. Они выступали за сохранение господствующего положения православия, за государственную поддержку церкви (ГАКК. Ф. П-64. Оп. 5. Д. 37. Л. 7. Д. 38. Л. 8. Д. 313. Л. 4; Оп. 10. Д. 20. Л. 1. Д. 22. Л. 11 об.).

Пользуясь предоставленной свободой, в губернии стали возникать организации и менее консервативного толка. Так, в Енисейской епархии в 1906 г. возникло общество «Православный сибиряк», представители которого попытались уйти из политического поля и ратовали за переориентацию деятельности Русской православной церкви в направлении усиления религиозно-нравственной, просветительской работы среди прихожан (ГАКК. Ф. 595. Оп. 3. Д. 722. Л. 1, 2).

В период проведения избирательных кампаний в Государственную думу, священники принимали участие в составлении списков избирателей, разъясняли сложную процедуру выборов, проводили собрания духовенства в епархии. Участие некоторых представителей приходского духовенства в разъяснительной работе по политическим вопросам приводило к росту их популярности и давало возможность баллотироваться в Думу. Депутатом II Государственной думы стал А.И. Бриллиантов, священник Минусинского Спасского собора. По приезду в столицу 3 апреля 1907 г. он вошел в парламентскую фракцию социалистов-революционеров и работал в комиссии по церковным вопросам (Сафронов, 2011: 94).

В донесении Минусинского уездного исправника была дана следующая характеристика Бриллиантову: «По убеждениям принадлежит к левым партиям, поэтому пользуется в городе популярностью и слышит умственно развитым священником» (ГАКК Ф. 595. Оп. 34. Д. 7026. Л. 465, 465 об.).

Следует отметить, что Александр Бриллиантов за свою принадлежность к революционным партиям и участие в демарше левых депутатов, покинувших заседание Думы 7 мая 1907 г., был лишен церковного сана и подвергся церковному суду вместе с другими священниками-депутатами (ЕЦВ. 1907. № 22. С. 5).

Разбирательство по этому вопросу Синода вызвало широкий общественный резонанс и получило освещение в прессе. Имя Бриллиантова среди местного духовенства стало нарицательным и означало крайнюю революционность в воззрениях, отражало негативное отношение местного клира к радикальным революционным партиям (ГАКК. Ф. 560. Оп. 1. Д. 76. Л. 4).

Данью революционному времени стало изменение названия периодического органа Енисейской епархии: с начала 1907 г. официальное издание «Енисейские епархиальные ведомости» заменили более политизированным «Енисейский церковный вестник», который выходил в течение полутора лет. Региональные церковные вопросы в новом издании отошли на второй план. Зато на первое место вышли освещение политической и общественной ситуации в стране, критика социалистических идей, вопросы, касавшиеся работы Государственной думы и подготовки к выборам, негативные комментарии по поводу либеральных изменений законодательства в сфере религиозных отношений. Обращает на себя внимание, что на страницах журнала выражалась обеспокоенность равнодушием к делам религии со стороны населения и ростом атеистических настроений (ЕЦВ. 1907. № 25. С. 1).

Негативные тенденции получили распространение в кузницах церковных кадров – духовных семинариях. «От безделья семинаристы взялись за политику. Среди них процветает пьянство, хулиганство, картежные игры», – писал «Енисейский церковный вестник» (ЕЦВ. 1907. № 22. С. 1). О волнениях молодежи говорил и ректор Красноярской духовной семинарии в отчете за 1906–1907 г.: «В этом учебном году семинария пользовалась большим миром и спокойствием, чем в предыдущем. Ее деятельность не была нарушаема ни насильственными вторжениями в семинарские здания толпы и волнующейся учащейся молодежи того или другого пола, ни более или менее значительными

перерывами учебных занятий, ни протестами против действующего устава духовных семинарий, ни требованием вольностей, сопряженных со сценами начальству со стороны учащихся» (РГИА Ф. 802. Оп. 10. Раздел XI. Д. 15. Л. 9).

К концу 1907 г. накал политической борьбы и противоречий постепенно пошел на спад. По сравнению с периодом революционных страстей, когда некоторые священнослужители позволяли себе открыто выражать либеральные и социалистические взгляды, политические воззрения духовенства Енисейской епархии в послереволюционный период, что называется, стабилизировались. Резко осуждались радикальные формы политической борьбы, легкомыслие в делах веры. Более четко сформировалось отношение к либеральным партиям. В кругах духовенства кадеты в политическом аспекте признавались слишком левыми, октябристы же не радели за интересы церкви. Ставка была снова сделана на консервативный «Союз русского народа», поскольку «защита Православной церкви, борьба за ее права, влияние, расширение сферы деятельности – останутся всегда и при всех условиях первым нравственным долгом истинно верующего пастыря» (ЕЦВ. 1907. № 3. С. 2). Председателем регионального отделения «Союза русского народа» стал священник В. Захаров, который успешно баллотировался в Государственную думу III созыва (ГАКК. Ф. П-64. Оп. 5. Д. 300. Л. 3).

С 1908 г. вновь в епархии стали издаваться традиционные «Епархиальные ведомости», главное внимание в которых теперь уделялось просветительской, образовательной, благотворительной работе. Однако от эпохи революционных бурь в периодической печати осталась критика социалистических воззрений. «Учение социалистов отвергает отечество, всякие власти и стремится уничтожить их. Оно отвергает собственность, личность и духовную свободу человека, отвергает грех и борьбу с грехом, отвергает всякую религию. По учению социалистов, нет Бога, нет души у человека, нет бессмертия и будущей вечной жизни, нет ни ангелов, ни святых... Понятно поэтому, что, кто делается социалистом, тот отрекается от Христа, становится безбожником и врагом Христовым», – писали на страницах журнала в 1909 г. (ЕЕВ. 1909. № 20. С. 48).

Для православной церкви понятие социализм и атеизм были синонимами, необходимо было противодействовать росту атеистических настроений в обществе, разъяснять и опровергать основные положения социализма для молодых пастырей. Синод определил в июне 1909 г. ввести в курсе нравственного богословия предмет «Обличение основ социализма». Программа нового курса предполагала обсуждение в стенах семинарии таких вопросов, как отношение социал-демократии к религии вообще, и к христианству в частности, несостоятельность основной идеи социал-демократии в экономике, критика социалистического государства и общечеловеческого социального союза (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 186. Л. 3, 4, 16-19).

В межреволюционный период утвердилось мнение, что пастырское делание лучше идеологических и политических споров, которые мешали обширной приходской работе. Главная идея, с которой выступает приходское духовенство в предвоенный и военный период, – это пасторское служение, просвещение населения, борьба с бедностью и неграмотностью. Идею активной социальной, просветительской приходской работы поддержал новый глава Енисейской епархии – епископ Никон – член Государственной думы IV созыва (фракция правых; беспартийная группа). Никон писал в своем обращении к депутатам: «Мы должны, господа, покрыть Россию густой и большой сетью школ, библиотек, народных домов, храмов и других просветительских учреждений, и притом не обижая ни одной народности, населяющей Россию. Здесь, в просвещении, должна быть полная терпимость, – и в ответ на нее будет полное доверие, преданность и признательность» (ЕЕВ. 1915. № 18. С. 25, 26).

Объединению и воспитанию патриотических чувств должно было способствовать и празднование царствования 300-летия дома Романовых в феврале 1913 г. Пресса сообщала, что в г. Красноярске в кафедральном соборе в честь торжества совершена была панихида «по почившим в Бозе» царям, царицам, императорам и императрицам, князьям и княгиням, потрудившимся над созданием великой, мощной и сильной державы (ЕЕВ. 1913. № 5. С. 21). В проповедях по поводу торжества представители духовенства призывали: «Сознавая трудность и ответственность высокого царского служения, а с другой стороны – великую пользу его во благо Церкви и Отечества, будем, братья, горячо молиться, чтобы Господь хранил царя нашего, чтобы влагал в сердце Его благия мысли, чтобы указывал ему в сотрудники мужей сильных духом и словом правды, чтобы окружал его разумными советниками, умножал ревностных и честных исполнителей Его воли и законов, благословлял победами его оружие, ограждал Его царство от бед и напастей» (ЕЕВ. 1913. № 4. С. 8).

Призывая население к сплоченности, миру и единству, воспитывая в среде трудящихся уважение к государственному строю, священнослужители с церковных кафедр разъясняли: «Как и в семье, жизнь и благополучие каждого члена ее тесно связаны с жизнью и благополучием всей семьи, так и в отечестве, представляющем великую и многочисленную семью, жизнь и благополучие каждого члена тесно связаны с общим благоденствием государства. В тех государствах, где твердою властью и мудрыми законами и учреждениями охраняются и поддерживаются безопасность, порядок и правосудие, каждый гражданин может мирно, спокойно и беспрепятственно предаваться своим занятиям. Наоборот, при государственных настроениях, смутах и беспорядках, жизнь граждан всегда

находится в опасности, и труды их для собственного благополучия не были успешны» (ЕЕВ. 1914. № 7. С. 31).

Однако ухудшение социально-экономической жизни в регионе в связи с участием России в Первой мировой войне и ее затяжной характер способствовали нарастанию пессимистических настроений. Епископ Никон в 1915 г. отмечал, что уже через год войны стало ослабевать «глубокое и полное единения всех нас, всех людей Земли Русской». «Гром еще гремит, несчастье еще очень велико, но мы привыкли к этому грому, к этому горю, и наше объединение умалется, ряды размыкаются». Весьма примечательно, что главной причиной такого феномена религиозная печать прозорливо признавала иллюзорность прежнего единства, подчеркивала, что «очевидно, объединение было не внутреннее, а больше внешнее, не бессмертное и вечное, а тленное и преходящее...» (ЕЕВ. 1915. № 18. С. 27, 28).

Грянул 1917 г. В Енисейскую губернию известие о падении монархии дошло в начале марта и вызвало массовое оживление и ликование среди населения (Дементьев, Коновалова, 2018: 27-28). В ответ на воззвание Синода от 3 марта 1917 г.: «Доверьтесь Временному правительству» – высшие епархиальные власти телеграфировали, что они не ведут агитацию против нового строя и поддерживают его политику. Епископ Красноярский и Енисейский Никон (Бессонов) в телеграмме Временному правительству писал: «Христос воскрес! Истинно рад перемене правительства». В течение последующих десяти дней глава епархии в своих публичных выступлениях всячески подчеркивал готовность сотрудничать с новым правительством. 3 марта состоявшееся в г. Ачинске собрание духовенства также приняло решение отправить приветственную телеграмму главе Временного правительства (ЕЦН. 1917. № 3. Март. С. 15-22). Первый съезд духовенства и мирян Енисейской епархии, открывшийся 16 апреля 1917 г., принял решение о признании Временного правительства (Эйнгорн, 1982: 38).

В периодике того времени приводится много примеров поддержки священниками Временного правительства. Хотя в целом, конечно, картину трудно представить в полном объеме, поскольку в период всеобщего воодушевления падением старого строя мало кто бы осмелился публично выступить в защиту монархии. Так, священник Владимир Кузьмин, настоятель Спасского собора г. Минусинска, приветствовал российскую революцию 1917 г. и призывал христиан «с полным сочувствием, радостью и ликованием» относиться к уничтожению царского самодержавия (Гладышевский, 2003: 219).

Политические перемены в стране внесли коррективы в процесс богослужения. Вместо поминовения царствующего дома Синод постановил возносить моления «О Богохранимой Державе Российской и Благоверном Временном Правительстве ее...». Соответствующее послание получили клир и миряне Енисейской губернии от епископа Никона, в котором он призывал народ доверять новой власти, во все ей следовать и помогать.

Политические свободы расширяли поле деятельности для духовенства. Настоятель В. Кузьмин стал членом Городской думы г. Минусинска, возглавил минусинскую группу Трудовой народно-социалистической партии, одновременно являясь редактором газеты «Труд» (с 7 марта 1917 г. – «Свобода и труд»). Епископ Никон 12-го марта выступал в Красноярске на собрании партии «Народной Свободы», где ясно выразил свои политические симпатии: «На знамени нашей партии я написал бы такие слова: «1) Полное доверие новому правительству, 2) Решительная победа над немцем, 3) Учредительное собрание, 4) Великая Российская Республика» (ЕЦН. № 3. 1917 г. Март. С. 15-22).

Священники и миряне получили возможность объединяться в православные братства, такие как «союзы православного духовенства», «союзы богомольцев», выступать на митингах. Они принимали активное участие в политической агитации, считая ее такой же политикой делания в условиях революционных перемен, как благотворительность и просвещение в мирное время. В Минусинске 12 марта 1917 г. на митинге православных прихожан протоирей В. Кузьмин изложил Евангельские мотивы, побуждающие верующих стать на сторону нового государственного порядка (Дементьев, Коновалова, 2018: 232).

В дни Пасхи 1917 г. красноярское духовенство устраивало для прихожан специальные приходские собрания, где обсуждались вопросы: «Как верующий христианин должен относиться к освобождению родины от произвола и насилия безответственной власти», «Свободная церковь в свободном государстве», «Приходская община и ее светлое будущее». В августе группой православных христиан в Красноярске был организован специальный кружок, ставивший целью поднять уровень развития тех, кто не ходит на митинги.

В мае–июне 1917 г. политическая ситуация в Енисейской губернии стала меняться. Если с марта по май отмечалась консолидация общественно-политических сил на основе поддержки Временного правительства для реализации программы демократических реформ, то к лету, на фоне проведения избирательной кампании в местные органы самоуправления, усиливалась радикализация народных масс, началось интенсивное размежевание общественно-политических сил. 74 % гласных в Городские думы по губернии заняли социалисты, причем в большинстве уездных городов население поддержало эсеров. Исключение составлял Красноярск. В губернском центре убедительную победу

одержали социал-демократы, получившие в думе 41 место из 81. Большой популярностью пользовались большевики, возглавившие Городскую управу. (Дементьев, Коновалова, 2018: 44, 47).

Развитие, таким образом, политической ситуации и проявление общественных настроений в Енисейской губернии не могло не повлиять на эволюцию политических воззрений представителей духовенства и грозило расколом в его среде по политической линии. Собрание духовенства, церковных старост и представителей от мирян 5-го благочиния Канского уезда 25 мая 1917 г. в своей резолюции высказалось в поддержку советов, утверждая, что только советы могут «прекратить эту безумную бойню, решительно потребовать от союзников полного отказа от захватов, аннексий, контрибуций с правом всех наций на самоопределение». Глава Енисейской епархии «ортодоксальный» Гавриил, сменивший на посту «либерального» Никона, справедливо оценил данное постановление как «ленинство» и осудил его. Однако это не остановило священнослужителей. На следующем съезде православного духовенства и мирян Канского уезда, состоявшегося 25 июля, было поддержано предложение выставить собственную программу на выборах в Учредительное собрание, которая «не должна соприкасаться с правыми партиями и должна держаться программы социал-демократов меньшевиков и социалистов-революционеров интернационалистов». Возможно, на усиление «левацкого» настроения среди духовенства Канского уезда оказало и без того сложное социально-экономическое положение проживавших там священнослужителей (Дементьев, Коновалова, 2018: 237-238).

В селах этого уезда отмечались еще в предреволюционное время антиклерикальные настроения. Переселенцы и ссыльные занимались распространением леворадикальных политических идей. Бедняки-пролетарии переносили политические конфликты в места нового жительства, в область земельных отношений между старожилами и переселенцами. Предреволюционная обстановка не всегда позволяла смягчить процесс приспособления переселенцев к новым условиям жизни, а в некоторых случаях вела к дестабилизации церковной жизни (Дворецкая и др., 2018: 281).

В Красноярске, очевидно, более состоятельное духовенство придерживалось более правых воззрений. Оно не поддержало социалистов и выставило отдельный список православных на выборах в Городскую думу. Правда, 4 из 40 священнослужителей губернского центра были представлены в числе 77 человек от партии кадетов (Л.П. Смирнов, В.К. Тюшняков, Н.А. Климовский, Н.М. Мешалкин) (Дементьев, Коновалова, 2018: 238).

В этой ситуации политического размежевания и борьбы духовенство Енисейской губернии теряло имидж объединяющей силы и само столкнулось с острым управленческим кризисом. Уже 16 апреля 1917 г. на первом епархиальном съезде духовенства и мирян от должности был отстранен епископ Никон. Прихожане были недовольны тем, что епископ не занимался должным образом управлением церковными делами. Следует отметить, что подобный «бунт низов» являлся частью общего процесса в стране и прокатился по многим губерниям России, в результате чего с должности были смещены многие нелюбимые епископы (Эйнгорн, 1982: 38).

Для решения епархиальных дел в Енисейской губернии на первом съезде был выбран Наблюдательный совет, состоявший из 3 священнослужителей и 3 мирян. Вскоре он был преобразован в соответствии с распоряжением Синода в церковно-епархиальный Совет и вступил в конфронтацию с назначенным Синодом для временного управления епархией епископом Барнаульским Гавриилом (Воеводиным), прибывшем в Красноярск 26 мая 1917 г. Юридически в церковном управлении царило многовластие: наряду с Наблюдательным советом, пытался управлять епархией епископ Гавриил, часть духовенства подчинялась решениям бывшего руководителя – Никона. Фактически же в управлении царил хаос и неразбериха (ЕЕВ. 1917. № 3. С. 10; № 4. С. 6-8).

Ситуация стала стабилизироваться только после назначения 14 августа нового временного управляющего епископа Зосимы (Сидоровского), который смог найти общий язык с местным духовенством и мирянами. Его сменил назначенный Синодом 26 сентября епископ Алатырский Назарий (Андреев). На епархиальном Соборе 10–11 декабря 1917 г. он был избран управляющим епархией (Малашин, 2015).

5. Заключение

В Енисейской губернии с ее опытом «Красноярской республики» значительная часть населения сочувственно отнеслась к новой власти, усматривая в этом дальнейшее развитие революционного и демократического процессов. Возможно, такие же настроения были характерны и для приходского духовенства. Однако дальнейшая политика большевиков в отношении Русской православной церкви и других конфессий разрушила демократические иллюзии и внесла новые коррективы в эволюцию взглядов духовенства в центре страны и в Приенисейском регионе. Это уже поле для дальнейших исследований.

Таким образом, за период от первого революционного взрыва в стране до 1917 г. произошли значительные изменения в общественно-политических взглядах духовенства Енисейской губернии. В годы первой российской революции большая часть священнослужителей была настроена консервативно и поддержала царскую власть за единичными исключениями. Приходское

духовенство в целом настороженно отнеслось к политике, предпочитая заниматься общественным служением.

В ходе изменения политической обстановки в стране и регионе в 1917 г. политические предпочтения духовенства, казалось, кардинально поменялись. Духовенство региона поддержало Временное правительство, одобрив свержение монархии. Однако, возможно, мотивы для такой трансформации были весьма различны для приходского и епископального духовенства. Если первые в этом видели реакцию на персональную несостоятельность монарха и политической элиты страны решать насущные социально-экономические вопросы, то для вторых – это было делом привычным в рамках унаследованной византийской традиции взаимной поддержки духовной и светской власти. Ведь формально де-юре власть Временное правительство получило из рук монарха. Как писал по этому поводу лидер эсеров В.М. Чернов, исследуя формальную сторону развития революционного процесса, получалось, «царь добровольно отрекся от престола в пользу Михаила, а Михаил в пользу Учредительного собрания». Царским указом, подписанным за час до отречения, князь Г.Е. Львов назначался председателем Совета министров. Так что парадоксально получалось, поддерживая Временное правительство, церковь поступала так в соответствии с волей монарха (Чернов, 2007: 96).

Вместе с тем дальнейшая радикализация и политизация общественной жизни затронула и Русскую православную церковь. Священнослужители активно втягивались в политические баталии, теряя организационное и духовное единство. Внедрение выборных начал в управление церковной жизнью в условиях нарастания общего хаоса, идеологического и духовного кризисов еще более дестабилизировало ситуацию и способствовало распаду церковных институтов.

Литература

- Бабкин, 2011 – Бабкин М.А. Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.). М.: Индрик, 2011. 920 с.
- Гладышевский, 2003 – Гладышевский А.Н. Карьера священника из Аскиза // *Мартыановские краеведческие чтения (1999–2002)*. Вып. 2. Абакан: ООО Фирма Март, 2003. С. 217-220.
- ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
- Грекулов, 1969 – Грекулов Е.Ф. Церковь, самодержавие, народ (2-я пол. XIX – нач. XX вв.). М.: Наука, 1969. 184 с.
- Дементьев, Коновалова, 2018 – Дементьев А.П., Коновалова О.В. Органы власти и управления в Енисейской губернии в 1917–1918 годах. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2018. 320 с.
- Долотов, 1930 – Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930. 127+1 с.
- Дворецкая и др., 2018 – Дворецкая А.П., Терскова А.А., Хаит Н.Л. Православная церковь и население Приенисейской Сибири. 1700–1919. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2018. 314 с.
- ЕЕВ – Енисейские епархиальные ведомости.
- ЕЦН – Енисейская церковная нива.
- ЕЦВ – Енисейский церковный вестник.
- Завитневич, 1907 – Завитневич В. Церковь и партийность в политике // *Труды Киевской духовной академии*. Кн. I. Киев, 1907. С. 99-110.
- Зырянов, 1984 – Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М.: Наука, 1984. 226 с.
- Кандидов, 1930 – Кандидов Б.П. Церковь и 1905 г.: (очерки и материалы). 2-е изд., доп. М.: Атеист, 1930. 200 с.
- Карташов, 1906 – Карташов А.В. Русская церковь в 1905 году. СПб.: Тип. Меркушева, 1906. 20 с.
- Красноярск, 2013 – Красноярск: от прошлого к будущему. Очерки истории города. Красноярск: РАСТР, 2013. 640 с.
- Левицкий, 1914 – Левицкий В. Правые партии // *Общественное движение в России в начале XX века*. Т. 3. Кн. 5. Партии – их состав, развитие и проявление в массовом движении, на выборах и в думе. СПб., 1914. С. 347-469.
- Малашин, 2015 – Малашин Г.В. Красноярская и Ачинская епархия // *Православная энциклопедия*. Т. XXXVIII / Под общей ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2015. С. 448-464.
- Митрофанов, 2011 – Митрофанов Г. Русская Православная Церковь на историческом перепутье XX века. М.: Арефта. Лепта, 2011. 272 с.
- Пинкевич, 2000 – Пинкевич В.К. Вероисповедные реформы в России в период Думской монархии (1906–1917 гг.). М.: Агент, 2000. 192 с.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Сафронов, 2011 – Сафронов С.А. Выборы в первую–четвертую Государственные думы в Енисейской губернии // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2011. № 2. С. 93–96.

- Статистический...**, 1913 – Статистический обзор Енисейской губернии за 1912. Красноярск: Енис. губ. электро-тип. 1913. [4], 75, [63] с.
- Федоров, 2003** – Федоров В.А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М., 2003. 480 с.
- Фирсов, 2007** – Фирсов С.Л. Церковь в империи. Очерки из церковной истории эпохи Николая II. СПб.: Сатис; Держава, 2007. 467 с.
- Фриз, 2019** – Фриз Г. «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи: Сборник статей. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 352 с. (Эпоха войн и революций; вып. 12).
- Чернов, 2007** – Чернов В. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920 / Пер. с англ. Е.А. Каца. М., 2007. 430 с.
- Эйнгорн, 1982** – Эйнгорн И.Д. Религия, церковь и классовая борьба в Сибири (1917–1937). Томск, 1982. 223 с.
- Mironov, 2017** – Mironov B.N. The Social and Psychological Profile of the Russian Proletariat and Its Role in the Revolutionary Movement // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 44. Is. 2. pp. 680–710.
- Freeze, 1986** – Freeze G.L. (1986). The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // *The American Historical Review*? Vol. 91. Nr. 1. pp. 11–36.
- Freeze, 1996** – Freeze G. L. (1996). "Subversive Piety: Religion and the Political Crisis in Late Imperial Russia" // *The Journal of Modern History*. Nr. 2. pp. 308–350.

References

- Babkin, 2011** – Babkin M.A. (2011). Svyashchenstvo i Tsarstvo (Rossiya, nachalo XX v. – 1918 g.) [Priesthood and Kingdom (Russia, beginning of the 20th century – 1918)]. М.: Indrik, 920 p. [in Russian]
- Chernov, 2007** – Chernov V. (2007). Velikaya russkaya revolyutsiya. Vospominaniya predsedatelya Uchreditel'nogo sobraniya. 1905-1920 [The Great Russian Revolution. Memoirs of the Chairman of the Constituent Assembly. 1905-1920]. Per. s angl. E.A. Katsa. М., 430 p. [in Russian]
- Dement'ev, Konovalova, 2018** – Dement'ev A.P., Konovalova O.V. (2018). Organy vlasti i upravleniya v Eniseiskoi gubernii v 1917–1918 godakh [Authorities and management in the Yenisei province in 1917–1918]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 320 p. [in Russian]
- Dolotov, 1930** – Dolotov A. (1930). Tserkov' i sektantstvo v Sibiri [Church and sectarianism in Siberia]. Novosibirsk: Sibkraizdat, 127+1 p. [in Russian]
- Dvoret'skaya i dr., 2018** – Dvoret'skaya A.P., Terskova A.A., Khait N.L. (2018). Pravoslavnaya tserkov' i naselenie Prieniseiskoi Sibiri. 1700–1919 [The Orthodox Church and the population of Yenisei Siberia. 1700–1919]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 314 p. [in Russian]
- EEV** – Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti [The Yenisei eparchial sheets].
- Eingorn, 1982** – Eingorn I.D. (1982). Religiya, tserkov' i klassovaya bor'ba v Sibiri (1917–1937) [Religion, church and class struggle in Siberia (1917–1937)]. Tomsk, 223 p. [in Russian]
- ETsN** – Eniseiskaya tserkovnaya niva [Yenisei Church Niva].
- ETsV** – Eniseiskii tserkovnyi vestnik [Yenisei Church Herald].
- Fedorov, 2003** – Fedorov V.A. (2003). Russkaya pravoslavnaya tserkov' i gosudarstvo. Sinodal'nyi period. 1700–1917 [Russian Orthodox Church and State. Synodal period]. М., 480 p. [in Russian]
- Firsov, 2007** – Firsov S.L. (2007). Tserkov' v imperii. Ocherki iz tserkovnoi istorii epokhi Nikolaya II [The church in the empire. Essays from the church history of the era of Nicholas II]. СПб.: Satis; Derzhava, 467 p. [in Russian]
- Freeze, 1986** – Freeze G.L. (1986). The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History. *The American Historical Review*? Vol. 91, nr. 1, pp. 11–36.
- Freeze, 1996** – Freeze G.L. (1996). Subversive Piety: Religion and the Political Crisis in Late Imperial Russia. *The Journal of Modern History*. Nr. 2, pp. 308–350.
- Friz, 2019** – Friz G.F. (2019). «Gubitel'noe blagochestie»: Rossiiskaya tserkov' i padenie imperii: sbornik statei [«Destructive piety»: the Russian Church and the fall of the empire: a collection of articles.]. SPb.: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 352 p. (Epokha vojn i revolyutsii; vyp. 12). [in Russian]
- GAKK** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State archive of Krasnoyarsk Krai].
- Gladyshevskii, 2003** – Gladyshevskii A.N. (2003). Kar'era svyashchennika iz Askiza [Career of a priest from Askiz]. *Mart'yanovskie kraevedcheskie chteniya* (1999–2002). Vyp. 2. Abakan, OOO Firma Mart, pp. 217–220. [in Russian]
- Grekulov, 1969** – Grekulov E.F. (1969). Tserkov', samoderzhavie, narod (2-ya pol. XIX – nach. XX vv.) [Church, autocracy, people (2 nd half. XIX – beginning of the twentieth centuries)]. М.: Nauka, 184 p. [in Russian]
- Kandidov, 1930** – Kandidov B.P. (1930). Tserkov' i 1905 g.: (ocherki i materialy) [Church and 1905: (essays and materials)]. 2-e izd., dop. М.: Ateist, 200 p. [in Russian]
- Kartashov, 1906** – Kartashev A.V. (1906). Russkaya tserkov' v 1905 godu [Russian church in 1905]. SPb.: Tip. Merkusheva, 20 p. [in Russian]

- Krasnoyarsk, 2013** – Krasnoyarsk: ot proshlogo k budushchemu. Ocherki istorii goroda [Krasnoyarsk: from the past to the future. Essays on the history of the city]. Krasnoyarsk: RASTR, 2013. 640 p. [in Russian]
- Levitskii, 1914** – *Levitskii V.* (1914). Pravye partii [Right-wing parties]. *Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii v nachale XX veka*. T. 3. Kn. 5. Partii – ikh sostav, razvitie i proyavlenie v massovom dvizhenii, na vyborah i v dume. SPb., pp. 347-469. [in Russian]
- Malashin, 2015** – *Malashin G.V.* (2015). Krasnoyarskaya i Achinskaya eparkhiya [Krasnoyarsk and Achinsk diocese]. *Pravoslavnaya entsiklopediya*. T. XXXVIII / Pod obshchei red. Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla. M.: Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaya entsiklopediya», pp. 448-464. [in Russian]
- Mironov, 2017** – *Mironov B.N.* (2017). The Social and Psychological Profile of the Russian Proletariat and Its Role in the Revolutionary Movement. *Bylye Gody*. Vol. 44, Is. 2, pp. 680-710.
- Mitrofanov, 2011** – *Mitrofanov G.* (2011). Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' na istoricheskom pereput'e XX veka [The Russian Orthodox Church at the historic crossroads of the XX century]. M.: Arefta. Lepta, 272 p. [in Russian]
- Pinkevich, 2000** – *Pinkevich V.K.* (2000). Veroyepovednye reformy v Rossii v period Dumskoi monarkhii (1906–1917 gg.) [Religious reforms in Russia in the period of the Duma monarchy (1906–1917)]. M.: Agent, 192 p. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State History Archive].
- Safronov, 2011** – *Safronov S.A.* (2011) Vybory v pervuyu – chetvertuyu Gosudarstvennye dumy v Eniseiskoi gubernii [Elections in the first - fourth State Duma in the Yenisei province]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. № 2. pp. 93-96. [in Russian]
- Statisticheskii..., 1913** – Statisticheskii obzor Eniseiskoi gubernii za 1912 [Statistical overview of the Yenisei province for 1912]. Krasnoyarsk: Enis. Gub. Elektro-tip. 1913. [4], 75, [63] p. [in Russian]
- Zavitnevich, 1907** – *Zavitnevich V.* (1907). Tserkov' i partiinost' v politike [Church and party spirit in politics]. *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*. Kn. I. Kiev, pp. 99-110. [in Russian]
- Zyryanov, 1984** – *Zyryanov P.N.* (1984). Pravoslavnaya tserkov' v bor'be s revolyutsiei 1905–1907 gg. [The Orthodox Church in the fight against the revolution of 1905-1907]. M.: Nauka, 226 p. [in Russian]

Эволюция общественно-политических воззрений духовенства Енисейской губернии в период революционных потрясений начала XX в.

Анна Павловна Дворецкая ^{a, *}, Ольга Викторовна Коновалова ^{a, b}, Аида Александровна Терскова ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Сибирский юридический институт МВД РФ, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется изменение общественно-политических взглядов духовенства Енисейской губернии в период развития революционного процесса в начале XX в., выявляется отношение духовенства к политической борьбе, носителям власти, революционной ситуации. В годы первой российской революции большая часть епархиального духовенства придерживалась консервативных воззрений, активно поддерживала монархические институты. Приходское духовенство, как правило, предпочитало общественную работу политике. Однако отдельные священнослужители региона принимали участие в политической жизни, участвовали в работе Государственных дум, сочувствовали социалистам. В 1917 г. усилились тенденции к политизированности клира. Духовенство региона выступило против монархии, поддержало Временное правительство. К лету–осени 1917 г. все явственней проявились противоречия внутри епархиального духовенства, между ним и приходским духовенством. Вертикальный и горизонтальный расколы ослабляли церковь. В период эскалации социально-политических конфликтов, усиления атеистических настроений в массах, церковь не смогла выступить единым фронтом и противопоставить идеологии насилия христианские идеи и ценности. Процесс радикализации общественных отношений принял необратимый характер и разрушал церковные институты.

Ключевые слова: верующие, духовенство, политические партии и духовенство, Россия в 1905–1917 гг.

* Корреспондирующий автор

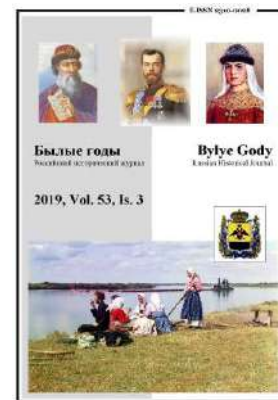
Адреса электронной почты: advoreckaya@mail.ru (А.П. Дворецкая)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1342-1364. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1342
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

On the Ratio of Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905. Japanese Squadron Battleships

Anvar M. Mamadaliev ^{a, b, *}, Andrey V. Venkov ^c, Natal'ya V. Miku ^d, Aude Médico ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

^d Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

^e University of Geneva, Geneva, Switzerland

Abstract

A series of articles is devoted to the analysis of the ratio of opposing linear (armoured) forces of the Russian 1st Pacific and Japanese squadrons during the Russian-Japanese war of 1904–1905 before the start of hostilities, coverage of tactical and technical characteristics of armoured ships and the strategy of their use by the naval leadership. In work an attempt is also made to assess the chances of a victory for the 1st Pacific Squadron, taking into account its combat capabilities on the eve of a war in terms of a general battle.

This article analyzes the tactical and technical elements of the main force of the fleet – battleships of the Japanese fleet: the squadron battleships "Mikasa", "Asahi", "type Shikishima/Hatsuse", type "Fuji/Ashima" and their ability to confront the Russian ships of the same class.

Keywords: Navy, Russian-Japanese war, Taikoku Kaigun, battle in the Yellow sea, Tsushima battle, Russian navy, Japanese navy, Japanese battleships, battleship, squadron battleship.

1. Введение

Как известно, именно «капитальные», так называемые линейные корабли, до появления во Второй мировой войне ударных авианосцев с многочисленной авиагруппой, решали исход практически любого генерального морского сражения. В этой связи нельзя не вспомнить трагичное для России, но невероятно удачное по военным успехам для Страны восходящего солнца противостояние – Русско-японскую войну 1904–1905 годов. И хотя экономические выгоды для Японии были отнюдь не столь впечатляющими, но военные успехи, особенно на море, выглядят просто фантастическими. Попробуем разобраться в причинах этой «фантастики», ибо, как говорится в русской пословице, «везет тому, кто везет».

2. Материалы и методы

Материалом для данной статьи послужили источники и статистическая литература. К источникам следует отнести мемуары современников-участников русско-японской войны. К источниковым работам применительно к освещаемой нами теме можно отнести воспоминания М.В. Бубнова (Бубнов, 1907) об осаде Порт-Артура и деятельности 1-й Тихоокеанской эскадры, в том числе и о работе морских команд на берегу во время осады; В.П. Костенко о строительстве и походе 2-й Тихоокеанской эскадры на броненосце «Орел» (Костенко, 1955); В.И. Семенова, участника двух генеральных сражений – в Желтом море и при Цусиме, который в трехтомном труде («Расплата» (Семенов, 1907), «Бой при Цусиме» (Семенов, 1906), «Цена крови» (Семенов, 1910) попытался

* Corresponding author

E-mail addresses: anvarm@mail.ru (A.M. Mamadaliev)

проанализировать причины неудач русского флота в войне 1904–1905 годов, давая порой крайне нелестные оценки флотскому руководству и отечественному судостроительству; П.К. Худякова, профессора Московского технического училища, который хоть и не являлся непосредственным участником событий, но смог дать весьма подробный анализ как похода, так и Цусимского сражения, иллюстрируя повествование подробными схемами (Худяков, 1908).

Нельзя не отметить и известную работу Н.Л. Кладо «Русский флот в русско-японской войне» (оригинальное название: «The Russian navy in the Russo-Japanese war», так как была запрещена к публикации в России и издана в Лондоне) (Klado, 1905). Николай Лаврентьевич участвовал в планировании набегов Владивостокского отряда крейсеров, находясь в команде адмирала Н.И. Скрыдлова, а также в подготовке 2-й Тихоокеанской эскадры и даже отправился в поход на броненосце «Князь Суворов», однако по случайному стечению обстоятельств в Испании был выслан из эскадры для дачи показаний по поводу Гулььского инцидента и в Цусимском сражении не участвовал. Как и В.И. Семенов, он очень остро критикует военно-морское руководство, русскую судостроительную промышленность и Главный морской штаб.

Широкую популярность получил роман «Цусима» участника Цусимской битвы А.С. Новикова-Прибоя (Новиков-Прибой, 1977), сражавшегося на броненосце «Орел» и попавшего в японский плен. Роман посвящен тяжелому пути 2-й Тихоокеанской эскадры и непосредственно сражению при Цусиме. Историческую ценность представляют анализ моральной составляющей участников похода и материальной части судов, авторские субъективные характеристики командующего эскадрой З.П. Рожественского, других адмиралов, командиров судов и отдельных офицеров (Небогатова, Энквиста, Фелькерзама, Серебренникова, Юнга, Добротворского, Миклухи-Маклая, Шведе, Костенко (фигурирует в романе под именем «инженер Васильев») и др.

Известный литератор А.Н. Степанов позиционирует себя участником артурской осады (находился там с семьей в детском возрасте; однако достоверных документальных подтверждений, кроме воспоминаний самого автора, этому факту нет); его роман «Порт-Артур» пользовался огромной популярностью у советских читателей, написан исключительно легко и с качественной «иллюзией погружения» в описываемые события (Степанов, 1983). С исторической точки зрения работа дает общее представление о соотношении сил противоборствующих сторон, менталитете наций-участников событий (русские, японцы, китайцы), эмоционально-моральной составляющей русских моряков; дается субъективная оценка личности многих адмиралов, командиров судов и офицеров (Алексеева, Старка, Макарова, Витгефта, Матусевича, Ухтомского, Бойсмана, Граматчикова, Эссена, Вирена, Шульца, Порембского, Колчака, Семенова и др.), а также самая общая характеристика тактико-технических элементов кораблей русского и японского флотов.

В работе используются традиционные методы исторического исследования, такие как историко-генетический, историко-системный, историко-типологический и др.

3. Обсуждение

Тактико-технические характеристики русских и японских линейных сил, тактику их использования и концепцию ведения морской войны в целом в разное время исследовали в своих работах Н. Кладо, В. Семенов, П. Худяков, М. Бубнов, В. Костенко, М. Римский-Корсаков, С. Балакин, Р. Мельников, А. Белов, В. Крестьянинов, П. Быков, С. Молодцов, В. Черкасов, И. Кокцинский, П. Быков, В. Кофман, С. Сулига, А. Степанов, А. Новиков-Прибой, В. Пикуль, Н. Кемпбелл, А. Лактионов и др.

Значительный интерес представляют и литературные труды современников и участников описываемых событий: П.К. Худякова (Худяков, 1908), А.С. Новикова-Прибоя (Новиков-Прибой, 1977), А.Н. Степанова (Степанов, 1983).

Из работ профессиональных историков флота особо следует выделить труды Н.Дж. Кэмпбелла (Campbell, 1978), А.А. Белова (Белов, 1998), С.А. Балакина (Балакин, 2013; Балакин, 2004а; Балакин, 2004б), С.В. Сулиги (Сулига, 1993) и др. Значительный интерес представляют зарубежные (напр., Gardiner, 1979) и дореволюционные отечественные (например, Брокгауз, Ефрон, 1890–1907) справочники, а также комплексные исторические труды (Быков, 2003; Золотарев, Козлов, 2004; Кокцинский, 2002; Мультатули, Залесский, 2015). Также можно отметить серию работ А.М. Мамадалиева (Mamadaliyev et al., 2018; Mamadaliyev et al., 2019; Mamadaliyev et al., 2019a).

Из зарубежных трудов нельзя не указать наиболее известный труд, посвященный Цусимскому сражению, – исследование Н.Дж. Кэмпбелла «Цусимская битва», в которой дается подробный анализ материальной части судов противоборствующих сторон, а также повреждений, полученных кораблями в ходе боя (Campbell, 1978). Следует отметить, что данные Кэмпбелла весьма сильно расходятся с русскими источниками, в частности воспоминаниями непосредственного участника боя В.П. Костенко.

4. Результаты

Для понимания мотивов морского министра Японии Г. Ямамото при заказе в Великобритании столь дорогих и мощных кораблей, какими стали линкоры Тейкоку Кайгун периода русской-японской

войны, необходимо вкратце описать историю появления новой «философии» кораблестроения в самом британском флоте.

Рис. 1. Сэр Уильям Генри Уайт – родоначальник «британского стандарта» и главный «идеолог» английских и японских линейных кораблей

Революционной для британского кораблестроения стала серия из восьми кораблей типа «Роял Северен» (1891–1892). Впервые в английском флоте капитальные корабли класса «основная сила флота» строились столь крупной серией. Этот барбетный эскадренный броненосец, вооруженный четырьмя крупнокалиберными 343-мм орудиями, обладал весьма посредственной по меркам годов начала XX века мореходностью, однако в сравнении с предыдущей «серией» из двух, по выражению В. Кофмана, «крайне мокрых» (Кофман, 1992: 15) кораблей типа «Трафальгар» (1887–1888) в этом компоненте был на два порядка лучше. И, главное, британцы в полной мере осознали экономические и технологические преимущества крупносерийного строительства «капитальных» кораблей. Следующая серия из девяти линкоров типа «Маджестик» (1895)¹ олицетворяла тот самый «британский стандарт», который станут копировать многие другие державы, в том числе и Россия: четыре 12-дм орудия главного калибра, двенадцать 6-дм орудий среднего калибра, скорость хода 18 узлов (впоследствии сами «Маджестики» едва выдавали 17 уз. при форсированном дутье). Далее² последовали серии из восьми кораблей типа «Формидейбл»,³ шести кораблей типа «Дункан», а также восьми линкоров типа «Кинг Эдуард VII», которые стали последними творениями Уайта.

Нельзя не согласиться с В. Кофманом, что преимущество строительства крупных серий эскадренных броненосцев «...давали столь очевидные финансовые, оперативные и тактические преимущества» (Кофман, 1992: 15), что не только англичане, но и многие другие морские державы пошли аналогичным путем. Не являются исключением и Россия с Японией. И хотя в отличие от серии из пяти кораблей типа «Бородино» четыре японских линкора типа «Шикишима» значительно отличались друг от друга, все равно их можно смело определять как один и тот же тип кораблей со слегка различающимися компоновочными и технологическими решениями; в советской историографии и научно-популярной литературе их и вовсе считали однотипными (Степанов, 1983, Новиков-Прибой, 1977 и др.). В отличие от «Цесаревича», «Ретвизана» и «Бородино» линкоры типа «Шикишима» являются прямым потомком (если и вовсе не творением! Приближенные Уайта, а возможно, и он сам весьма тесно сотрудничали с «коммерческими» верфями) «философии» и «продукции» главного конструктора английского флота.

¹ Линкоры 2 класса типа «Центурион» и «Ринаун» в расчет не берем, так как они не предполагались в качестве главной ударной силы флота.

² Серию из шести кораблей типа «Канопус» опять же не берем в расчет, так как они также были «второклассными».

³ Обычно серию делят на три подсерии: три корабля типа «Формидейбл» (такое написание сложилось в русской историографической традиции; более верно было бы писать «Формидэбл»/ «Формидебл» (англ. «Formidable») с ударением на первый слог, как и указано в электронных источниках), три корабля типа «Лондон» и два корабля типа «Куин». Однако в данной работе, как и в большинстве трудов по истории флота, их всех условно будем считать «формидейблами».

Итак, японские капитальные корабли стали прямым продолжением концепции морской войны британского флота, но более «приспособленные» для ограниченного/локального театра военных действий. Они строились на английских верфях, английскими конструкторами и, в сущности, на английские деньги.

Каковы же были цели и задачи непосредственно японских адмиралов? Попробуем ответить на этот вопрос.

В конце 80-х годов XIX века японский флот оказался в весьма двусмысленном положении. С одной стороны, кораблей было мало и флот всецело отвечал весьма скромным возможностям экономики Страны восходящего солнца. Приоритет был отдан легким крейсерским силам. Заказанные в Великобритании и вступившие в строй в конце 1884 года два бронепалубных крейсера типа «Нанива» в общих чертах отражали концепцию ведения морской войны небогатого государства: иметь небольшую «пожарную команду» «легкой морской кавалерии», способной в случае необходимости осуществлять широкий круг задач, таких как прибрежное конвоирование, защиту торговых кораблей дружественных стран в своих водах, топить перспективные классы миноносцев и минных крейсеров, а также поддерживать артиллерией высадку собственной пехоты (по схожей схеме чуть позже пошли Аргентина, Чили и другие страны со слабой экономикой и производством).

Однако исключительно амбициозные планы японского императора-реформатора Муцухито¹ шли значительно дальше указанных задач. Желая превратить островное государство в полноценную империю, император стал активно искать колонии, прежде всего – для рынков сбыта, аналогично развитым колониальным государствам, таким как Англия, Франция, Германия и Россия. Так как Китай был уже «поделен» между указанными империями, а тихоокеанские острова как рынки сбыта на тот момент не представляли большой «ценности», Мейдзи устремил свой взор на соседнюю Корею; в том числе и из-за того, что с ней у европейских держав хороших отношений не сложилось – регент несовершеннолетнего короля Тхевонгун вел яростную протекционистскую политику, прежде всего по вине самих же европейцев, которые вели себя по отношению к корейцам грубо и крайне «потребительски». В 1875 году Муцухито отправляет туда карательную экспедицию, поводом для которой послужило «оскорбление» императорского высочества. Однако Корея всегда была вассалом Китая. Поэтому отдав корейцам «должок с процентами», микадо осторожно осведомился у Пекина, можно ли Японии начать торговать с Кореей. Вопрос был скорее риторическим: понимая невозможность противостоять Японии, Цыси² уклончиво ответила, что Корея традиционно являлась данником Китая, но тем не менее – это суверенная страна, которая вправе сама определять свою экономическую политику. «Суверенная страна», прекрасно помня кошмар карательной операции и осознавая военное превосходство Японии, согласилась в итоге на все условия. К слову отметим, что Великобритания и соседняя Россия также очень настойчиво пытались получить Корею как «сбыточную» колонию. И именно с противостояния в Корее началась непримиримая вражда России и Японии, вылившаяся в итоге в войну 1904–1905 годов.

Однако и Китай не хотел «отпускать» Корею просто так. Используя различные ухищрения, китайцы смогли значительно укрепить свое влияние. В итоге и Китай, и Япония ввели в страну войска, а японцы потребовали корейского короля Коджона законодательно закрепить преференции для Страны восходящего солнца. В итоге король был схвачен, а сформированное новое корейское правительство «обратилось» к Японии за «помощью» в выдворении китайских войск, на что японцы с радостью согласились.

Так началась японо-китайская война 1894–1895 годов, которую Япония без труда выигрывает, не только обладая преимуществом как на море, так и на суше, но и куда более грамотными и мотивированными офицерами, солдатами и матросами. Следует отметить, что преимущество на море было минимальным: Китай располагал двумя не новыми, но вполне боеспособными броненосцами, в то время как единственный японский «Фусо» был уже безнадежно устаревшим. Реформы армии и флота Мейдзи, начавшиеся в 1868 году, предусматривали отсутствие броненосных кораблей, и в этом компоненте Тейкоку Кайгун уступал китайскому флоту. К безусловным достоинствам японского флота следует отнести прекрасную подготовку личного состава британскими специалистами и дисциплину; в этом плане он был полной противоположностью китайскому, в котором царили

¹ Муцухито – прижизненное имя императора; Мейдзи – посмертное имя императора. Согласно японской традиции, умершие императоры именуется только посмертным именем, поэтому в японской литературе и историографии упоминается лишь посмертное имя, как правило даже с обозначением императорского титула – «Мейдзи тэнно». Следуя этой традиции, многие авторы из разных стран также используют только имя «Мейдзи» в своих трудах. С учетом того, что данная статья не относится к японской исторической науке, издается не в Японии, а авторы не являются этническими японцами, с целью сохранения историчности считаем вполне этичным в данной статье наряду с посмертным именем употреблять и прижизненное имя великого реформатора.

² Регентша своего царствующего племянника и «серый кардинал» китайского правительства с 1861 года. Официально пришла к власти после переворота в 1898 году, свергнув «отбившегося от рук» племянника, молодого императора Гуансюй.

полнейшая безответственность, коррупция и халатность, активно подогреваемая «опиумной» болезнью китайского общества в целом. Это, по нашему мнению, и предопределило поражение Китая.

Началась война с морского сражения при Асане, когда три японских легких крейсера без объявления войны¹ расстреляли китайские корабли. В битве при Ялу японский флот закрепил успех и поражение Китая стало очевидным. Подписанный в 1895 году кабальный для Китая Симоносекский мирный договор поставил точку в этом противостоянии, всецело удовлетворив японские интересы.

Однако результаты выигранной и столь многообещающей войны, сулившей не только контроль над Кореей, но и получение в «вечное владение» остров Тайвань и южную часть Ляодунского полуострова, были полностью нивелированы Россией, Германией и Францией, которые, не желая иметь конкурентов на Дальнем Востоке «нового игрока», объединившись, заставили Японию пересмотреть условия Симоносекского договора и отказаться от «львиной доли» приобретений, прежде всего – Ляодунского полуострова и Маньчжурии (в истории это требование получило название «тройственной интервенции»). Германия в итоге, самолично заняла порт Циндао (договорные отношения были оформлены позже), Франция обосновалась в Сайгоне, Россия же получила Порт-Артур – на юридических законных, хотя и несправедливых основаниях. А Великобритания, даже не участвовавшая в «интервенции», тоже нашла способ «поживиться» и захватила Вейхайвей.

Таким образом, у Японии крайне грубо и бесцеремонно отобрали «наиболее ценные» приобретения и Муцухито в полной мере осознал необходимость «адекватного ответа», который означал только одно – победоносную войну против обидчиков. Но если против трех ведущих европейских держав Япония противостоять не могла априори, то против наиболее опасного конкурента, который к тому же был еще и соседом, – Российской империи, шансы на победу, хотя небольшие и несиюминутные, но в долгосрочной перспективе все же были.

Япония извлекла урок из японо-китайской войны: легкие морские силы были слабоэффективны против бронированных кораблей, и победу обеспечила лишь удача, а также хорошая выучка и моральный дух экипажей, но против военного флота России эти элементы победу определенно бы не обеспечили. Следовательно, и теория «молодой школы», в которой делался акцент на торпедные силы и торговую блокаду, оказалась несостоятельной: японцы поняли это первыми! Для победы над сильным противником нужны хоть очень дорогие и долго строящиеся, но максимально сильные корабли; также не следует тратить ресурсы на «истребление торговли» – необходимо стремиться к разгрому главных сил в генеральном сражении.

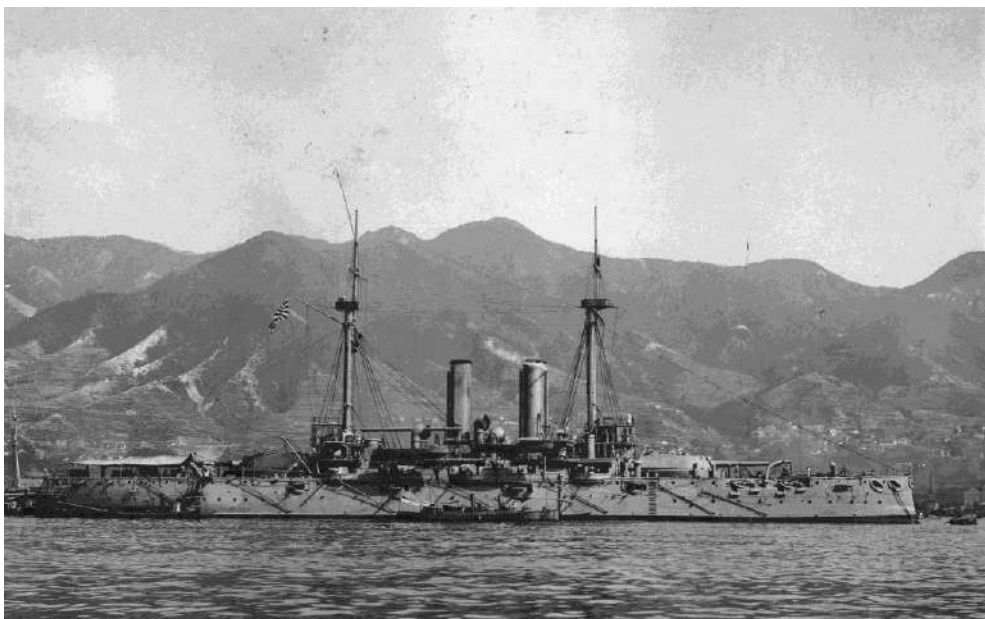
И Мейдзи, прислушавшись к совету своего верного соратника, морского министра Г. Ямомото, делает коренной поворот в концепции ведения морской войны. Легкие силы стали теперь лишь второстепенным звеном, а практически все ресурсы были направлены на строительство наиболее мощных кораблей – линкоров, а также крупного отряда броненосных крейсеров, которые с одинаковым успехом могли бы сражаться как в линии, так и против «классических» бронекрейсеров-«истребителей торговли». Начиная с 1896 и до 1904 годов Тейкоку Кайгун пополнился четырнадцатью тяжелыми кораблями (шестью эскадренными броненосцами и восемью броненосными крейсерами), в то время как легких (по тогдашней терминологии – бронепалубных) крейсеров ввели в строй лишь восемь, причем большая их часть – так называемые крейсера II ранга: с немногочисленной артиллерией среднего калибра и тонкой бронепалубой, которые даже в паре теоретически вряд ли смогли бы одолеть первоклассные русские легкие крейсера типа «Богатырь».

Первенцем новой концепции – линкором, который на равных мог сражаться с любым из своих современников, стал броненосец «Фуджи» (1896) (или «Фудзи», как указывается во многих источниках в силу особенностей японского произношения), названный в честь вулкана, который является высшей географической точкой Страны восходящего солнца (см. [Рисунок 2](#)).

Многие авторитетные историки флота (в частности, [Балакин, 2013](#)) небезосновательно предполагают, что руку к проекту этого корабля «приложил» не кто иной, как главный кораблестроитель «главного флота» планеты – сэр Уильям Уайт. Дело в том, что «частные» верфи, каковой являлся строивший данный корабль завод Тэмз (Thames Iron Works Co.), очень часто обращались «за советом» к «государственным» корабелям. Те, в свою очередь, отнюдь не стеснялись «подработать на стороне». Адмиралтейство также не мешало этому процессу, справедливо полагая, что «продавать свои мозги» конструкторам королевского флота в свободное «от основной работы время» взаимовыгодно: флот где-то мог сэкономить на вознаграждениях, корабель – заработать денег, не «влезая в казну». Да и разграничение между «государственной» и «частной» верфью с точки зрения государственных поставок не было практически никаким: все английские верфи поставляли свой продукт королевским ВМС. И если юридически проект был не авторства Уайта, то фактически вполне мог принадлежать ему; по крайней мере – общая концепция (или, как иногда принято говорить, «философия») корабля.

¹ Японцы всегда придерживались этой традиции, вплоть до последней войны, в которой участвовала Япония – Второй мировой. Не является исключением и русско-японская война...

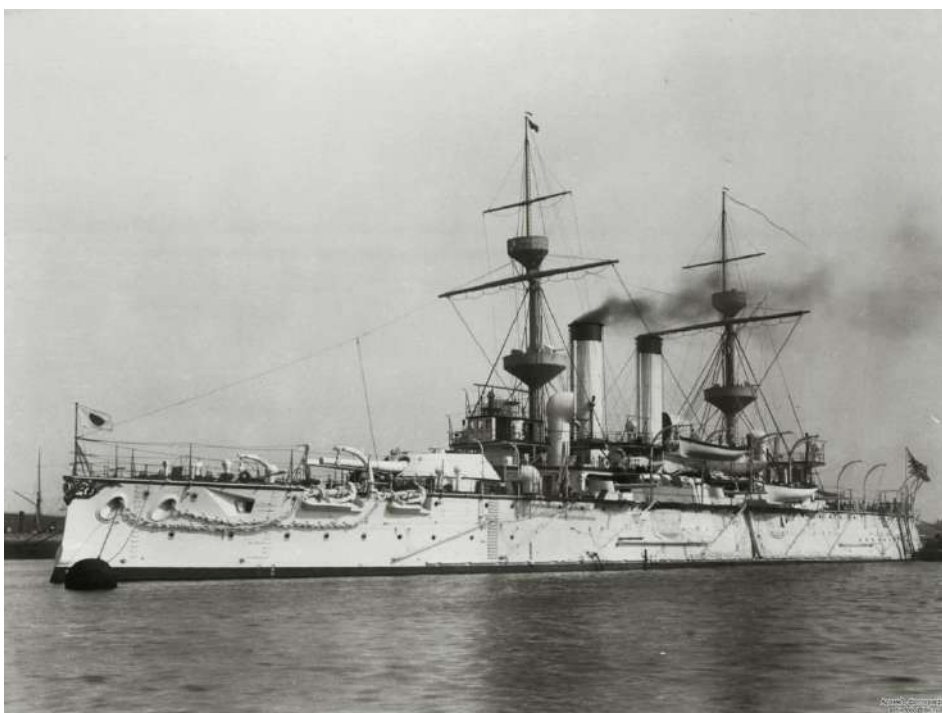

Рис. 2. Эскадренный броненосец «Фуджи»

Силуэт не был похож ни на строящийся броненосец 2 класса типа «Ринаун» (1895), ни на проектирующийся на основе его чертежей фундаментальный «Маджестик». Можно, пожалуй, сказать, что именно дизайн «Фуджи» (см. [Рисунок 2](#)) стал прообразом последующих серий британских броненосцев, в то время как «Маджестик» в этом плане стал «прямым потомком» «Ринауна» и предшествовавшего ему «Центуриона» (1892).

В том же 1894 году на верфи Армстронга был заказан и второй линкор, практически полностью повторяющий первый, – «Яшима» (или «Ясима»), названный в честь альтернативного названия Страны восходящего солнца и в буквальном переводе означающий «восемь островов» (см. [Рисунок 3](#)). По мнению авторитетного историка флота С.А. Балакина, чертежи «Фуджи» переработал «до» «Яшимы» ([Балакин, 2004а](#)) главный конструктор Armstrong Whitworth Филипп Уоттс – еще один инженерный гений Великобритании, впоследствии сменивший на посту У. Уайта и открывший новую эпохальную страницу в истории флота под названием «Дредноут».

Рис. 3. Эскадренный броненосец «Яшима»

Формально корабли не являются однотипными, так как были заказаны двум разным верфям, проектировались и выполнялись по разным чертежам «независимо» друг от друга, хотя и по «одному» техническому заданию. Однако по компоновочным решениям, дизайну, составу вооружения и бронирования, тактико-техническим характеристикам и пр. корабли были настолько близки, что, по нашему мнению, не будет фатальной ошибки в том, чтобы считать их сестершипами¹. И это снова косвенно может говорить о том, что автором этих «разных» проектов был один и тот же конструктор...

Тактико-технические характеристики кораблей очень близки.

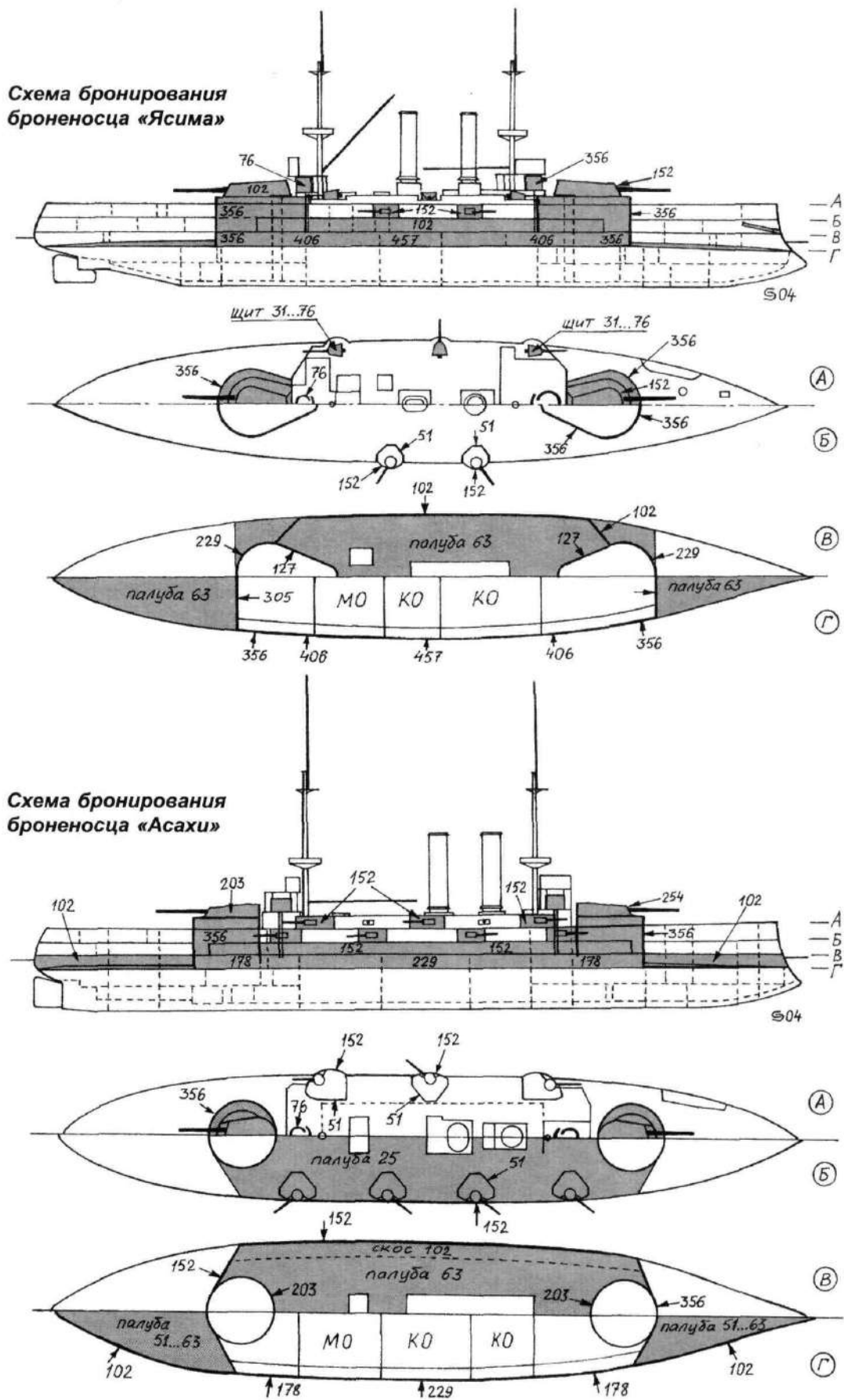
«Фуджи»: водоизмещение 12 250 (проектное) / 12 450 (фактическое) тонн; длина 125,6 м, ширина 22,3 м, осадка 8,08 м; мощность двух паровых машин тройного расширения 13 500 л.с., скорость хода 18 узлов; дальность плавания 4000 морских миль на ходу 10 узлов; экипаж 726 человек. Бронирование: пояс в центре главного пояса цитадели 457 мм., в оконечностях цитадели 356 мм, верхний пояс цитадели 102 мм; барбетты и траверзы 356 мм, ниже поясной брони – 127–229 мм; «башни» главного калибра 152 (лоб) – 102 (стенки) мм, казематы 6-дм орудий – 152 мм, противоосколочные щиты 6-дм орудий верхней палубы – 31–76 мм; рубка 356 мм. Вооружение: четыре 305-мм (12-дм) орудий главного калибра, десять 152-мм орудий, четырнадцать 3-фунтовых и десять 2,5-фунтовых противоминных пушек; пять 457-мм торпедных аппаратов.

«Яшима»: водоизмещение 12 250 (проектное) / 12 450 (фактическое) тонн; длина 126 м, ширина 22 м, осадка 8 м; мощность двух паровых машин тройного расширения 13 500 л.с., скорость хода 18 узлов; дальность плавания 4000 морских миль на ходу 10 узлов; экипаж 741 человек. Бронирование: пояс в центре главного пояса цитадели 457 мм., в оконечностях цитадели 356 мм, верхний пояс цитадели 102 мм; барбетты и траверзы 356 мм, ниже поясной брони – 127–229 мм; «башни» главного калибра 152 (лоб) – 102 (стенки) мм, казематы 6-дм орудий – 152 мм, противоосколочные щиты 6-дм орудий верхней палубы – 31–76 мм; рубка 356 мм. Вооружение: четыре 305-мм (12-дм) орудий главного калибра, десять 152-мм орудий, двадцать 3-фунтовых и четыре 2,5-фунтовых пушки; пять 457-мм торпедных аппаратов.

Следует отметить, что вооружение превзошло «британский стандарт»: мысль о переходе на 12-дюймовые орудия (по образцу русских броненосцев типа «Петропавловск») в английских морских кругах ходила давно, но именно японцы «заказали» их первыми. Причем Армстронг получил заказ на орудия именно в 40 калибров, как это было в русском флоте (первые 12-дюймовки англичане поставили на «Маджестик» 35-калиберными, как и на последующей серии «Канопус», перейдя на 40-калиберную длину ствола лишь в серии «Формидейбл»-«Лондон»-«Куин»). Орудие весило почти 50 тонн, стреляло боеприпасом весом в 386 кг на дистанцию 77 кбт (Титушкин, 1994). Однако из-за архаичной барбетной установки, зарядка в которой осуществлялась только при определенном угле возвышения и нулевом угле горизонтальной наводки, скорострельность была весьма низкой – около 0,25 выстр./мин. Более совершенные артиллерийские установки последующих «шикишим» посылали снаряд на 82 кбт при скорострельности в 0,8 выстр./мин.

Среднекалиберная артиллерия включала десять прекрасных 40-калиберных «шестидюймовок» системы того же Армстронга, которые на порядок превосходили аналогичные орудия на русских кораблях французской системы Канэ. Количество слегка не дотягивало до «британского стандарта» (который, кстати, впервые был реализован именно в русском проекте – броненосцах типа «Полтава» (1894), которые в результате долгой 8-летней постройки были спущены на воду в 1900 году значительно позже британских «маджестиков»; вероятно, поэтому «стандарт» называется «британским», а не «русским»...). Но главной проблемой средней артиллерии было вовсе не количество стволов, а защищенность: шесть из десяти орудий располагались на верхней палубе и были защищены лишь противоосколочными щитами: 76 мм – в лобовой части, 31 мм – с боков и сверху. Поэтому любое попадание фугасного снаряда приводило к выходу из строя и самого орудия, и прислуги. Оставшиеся четыре – были расположены палубой ниже и в бронированных с борта 152-мм броней казематах (на «Полтавах» восемь орудий в башнях были защищены 127-мм броней, батарейные орудия первоначально защиты не имели, но перед началом войны были защищены 76-мм железными листами).

¹ Английский судостроительный термин, обозначающий однотипные суда; в буквальном переводе – «корабли-сестры» (sister – «сестра», ship – «корабль»).

Рис. 4. Отличия в схеме бронирования судов типа «Фуджи»/«Яшима» от линкора «Асахи»

Малокалиберная (противоминная) артиллерия была представлена многочисленными 47-мм пушками (3-фн/1,3 кг и 2,5-фн/1,1 кг; пушки различались длиной ствола и массой снаряда) и к моменту русско-японской войны особой «ценности» против современных 300–400-тонных эсминцев не представляла.

О бронировании следует сказать отдельно. «Фуджи»/«Яшима», равно как и британские «Ринаун», «Маджестик», русские «Полтава», представляли собой цитадельные линкоры с философией бронирования, которая господствовала как на заре, так и на закате эры броненосных кораблей и получила прозвище «все или ничего». Смысл его в том, что самая толстая броня защищала лишь наиболее важные части корабля и не обеспечивала его непотопляемости. Мера была, безусловно, вынужденной: на заре броненосной эры орудия огромных калибров («Кайо Дуилио» (1880) имел на вооружении четыре 450-мм орудия, способных с одного попадания отправить на дно любой современный ему корабль!) заставляли конструкторов использовать очень толстую броню (тот же «Дуилио» имел 550-мм бронирование), которую невозможно было «растянуть» на всю ватерлинию, что способно было бы обеспечивать непотопляемость. Речь шла, в первую очередь, о живучести, т.е. сохранении способности корабля вести бой, поэтому по площади бронирование было очень небольшим. Как ни странно, но наиболее поздние и наиболее мощные в истории человечества линкоры – японские типа «Ямато» (1940) и британский «Вэнгард» (1944) – также имели бронирование, которое не обеспечивало непотопляемость, а защищало наиболее важные механизмы корабля; непотопляемость же обеспечивалась более тонкой броней, не рассчитанной на сопротивление крупнокалиберным снарядам, и качественным разделением на водонепроницаемые отсеки в районе ватерлинии. «Ямато» и его сестершип «Мусаси» в боевых условиях показали непревзойденный уровень непотопляемости: только добившись попаданий нескольких десятков (!) авиаторпед и бомб в уже беззащитные и обездвиженные корабли, американские пилоты смогли отправить их на дно.

Исходя из подобной концепции, были бронированы и корабли типа «Фуджи» (см. [Рисунок 4](#)): чрезвычайно толстый 457-мм пояс в центре цитадели (это значительно больше, чем на российских «полтавах») постепенно сужался до «всего» 356 мм. Однако на этом, «бронированное великолепие» и заканчивалось: верхний 102-мм пояс был разве что противобугасным и попадание даже 152-мм бронебойного русского снаряда с дистанции в 12-13 кбт под прямым углом вело бы к гарантированному пробитию. Барбетты, траверзы и командирская рубка были защищены столь же монументально, как и главный пояс и имели 356-мм броню.

Однако упрек в «перерасходе» брони в адрес конструкторов проекта будет явно несправедлив. Все дело в развитии производства бронестали.

В 1890 году американец Г. Гарвей изобрел способ цементирования стали, сущность которого заключалась в насыщении верхнего слоя листа углеродом (науглероживание: поддерживаемая в раскаленном состоянии поверхность броневое листа в течение нескольких недель обсыпалась древесным углем, углерод которого и «впитывала» сталь), в результате чего верхний слой становился сверхтвердым, в то время как «обратная» сторона – мягкой. При попадании «мягкая» сторона «отпружинивала» снаряд от закаленной «твердой» «лицевой» стороны. Идея не новая: она применялась еще 20 лет назад при изготовлении брони типа «компаунд» – «твердый» (стальной) верх, «мягкий» (железный) низ. Однако цементация в отличие от «литьевого» «компаунда» обеспечивала великолепную твердость верхнего слоя.

Не успели заводы передовых держав освоить производство «гарвейированной» брони, как в 1893 году на заводе Фридриха Альфреда Круппа был изобретен новый способ цементирования: раскаленная поверхность броневое листа обдувалась углеродосодержащим газом,¹ а потом закалялась. В результате процесс значительно удешевлялся (не надо было несколько недель поддерживать поверхность раскаленной), а сама броня оказалась на 15–16 % прочнее «гарвейированной»: 304 мм последней соответствовали 259 мм «крупповской».²

В этих условиях, а также при отсутствии точных сведений о снарядной сопротивляемости брони корабель «перестраховывались». Так получилось и с отечественными «перебронированными» «Полтавами», так получилось и с «Фуджи». Ориентируясь на компаунд и/или стальную броню (более поздняя и «продвинутая» никелевая броня была слишком дорогой и избыточно мягкой для поясной брони; в силу прекрасной «вязкости», она использовалась в качестве противоосколочной в бронепалубах и оконечностях) конструкторы после появления брони Гарвея, решили использовать именно ее, однако свойств в полной мере не знали. На практике же выяснилось, что новая броня оказалась на 15–20 % прочнее сталеникелевой и приблизительно на 37 % – сталежелезного «компаунда». Таким образом, толщина главного пояса «Фуджи» в 457 мм невольно оказалась явно избыточной и соответствовала приблизительно 730 мм сталежелезной брони. Англичане же на

¹ Так называемый «светильный газ»; использовался для питания уличных фонарей в больших городах во второй половине XIX века.

² Сахаров П.В. Выделка броневых плит по способу Круппа // *Инженерный журнал*. 1910. № 8.

«Маджестике» эту ошибку не совершили – пояс был вполне адекватным: в 229 мм брони Гарвея (правда, без учета 102 мм скосов экстрамягкой никелевой броневой палубы).

Разумеется, на какое-либо бронирование оконечностей веса не хватило: нос и корму защищала лишь карапасная броневая палуба из 63-мм никелевой стали, которая представляла из себя лишь противодугасную защиту подпалубного пространства и только против среднекалиберных снарядов.

Как известно, «Яшима» погиб на удачно выставленной «Амуром» мине у Порт-Артура 15 мая 1904 года,¹ поэтому качество бронирования применительно к боевым условиям можно оценить лишь по «Фуджи».

Вместе с тем «Фуджи» оказался весьма везучим. Во время бомбардировок Порт-Артура получил в январе и марте три попадания, одно из которых (9 марта 1904 года²) было 12-дм снарядом и стало причиной долгосрочного ремонта в Японии. В бою в Желтом море 28 июля 1904 года броненосец, по утверждению японских источников, практически не пострадал, а в Цусимском сражении получил всего 11 попаданий снарядами разного калибра, которые не нанесли значительного ущерба. По иронии судьбы больше проблем принесли собственные боеприпасы: видимо, от перегрева «шимозы» или преждевременного срабатывания взрывателя снаряд самопроизвольно разорвался в стволе орудия кормовой башни – взрыв едва не привел к детонации боезапаса и гибели корабля.

И, наконец, главный «козырь» линкоров «Фуджи» – великолепная по меркам середины 90-х годов XIX века скорость хода. «Официальный» прототип корабля – эскадренный броненосец «Роял Соверен» (1891) – давал при форсировании 16,5 уз. (в реальной эксплуатации не более 15,5 уз.), представители самой крупной в истории серии линейных кораблей (девять единиц) типа «Маджестик» набирали 17 узлов при форсировании (в реальной эксплуатации не более 16 уз.). Потенциальные противники в лице русских «полтав» выдавали до 16,5 уз. (в реальной эксплуатации – менее 15 уз.). Однако в этом компоненте японцы ориентировались на британский быстроходный броненосец второго класса «Центурион» и в техническом задании обозначили скорость в 18 узлов, которую корабли «честно» выдавали, в том числе и благодаря относительно неплохой мореходности – хуже «маджестиков», но получше «соверенов». На испытаниях, пусть и серьезно недогруженный, с лучшим сортом угля и заводской кочегарной командой, «Фуджи» достиг 18,5 уз., а некоторые исследователи указывают даже 19,25 уз. (Белов, 1998; 30). Эти 18 узлов вскоре станут еще одним «линкорным стандартом»; пожалуй, можно сказать, что японцы вновь опередили своих конкурентов.

Вообще, сложно не согласиться с большинством авторов, что корабли «Фуджи» и «Яшима» получились весьма удачными (Белов, 1998; Балакин, 2004; 2013; Сулига, 1993 и др.). Однако, сравнив корабли в гипотетической дуэли с русскими современниками – линкорами типа «Полтава», подавляющего преимущества мы не видим. Единственным ощутимым плюсом японских кораблей является скорость, а также не выдающаяся, но далеко не посредственная, как у «полтав», мореходность. Однако скорострельность главного практически в три раза хуже, чем у русских кораблей. Модернизация барбетов, которая позволила оставлять незначительное количество боеприпаса «наверху» и подавать его при любом угле горизонтальной наводки, несколько повысила скорострельность, но в условиях длительного огневого контакта (что и предполагает бой главных сил) она по-прежнему лучше у «полтав», также у них лучше площадь бронирования. «Абсолютно непробиваемый» главный пояс «Фуджи», как, впрочем, и вся цитадель (Белов, 1998), не обеспечивали непотопляемости, и более рациональное бронирование русских кораблей выглядит куда более надежным. Особенно справедливо это в отношении средней артиллерии: восемь из двенадцати орудий «полтав» располагались в башнях и, хотя имели низкую скорострельность, обладали великолепными углами обстрела (эти углы отчасти компенсируют недостаток скорости корабля, так как позволяют вести огонь тогда, когда казематная артиллерия противника еще не в состоянии работать; так и получилось в бою в Желтом море с «Полтавой» и «Севастополем») и вполне приличной защитой. Шесть из десяти «шестидюймовок» «Фуджи» были, по сути, беззащитны. Вес залпа средней артиллерии был больше у японского корабля, несмотря на превосходство в числе стволов у русского линкора: скорострельность японских палубных орудий была близка к идеальным «заводским» показателям в отличие от башенных русских пушек. Да и круговое бронирование башен в 254 мм на «полтавах» выглядит более предпочтительным, чем надежность защиты барбетной установки «японца» вкупе с тонким 102-мм «надбарбетным колпаком». Поэтому как в дуэльном, так и в эскадренном противостоянии мы видим теоретическое преимущество «полтав», что также косвенно подтвердила и практика: в бою в Желтом море, по свидетельствам японских моряков, именно концевые «Севастополь» и «Полтава» нанесли японской эскадре

¹ В отличие от линкора «Хатсусе» «Яшима» довольно долго держался на плаву и сумел отойти от места подрыва настолько далеко, что его гибель оказалась тайной для русских моряков. Японцы засекретили факт ее гибели и, несмотря на просочившуюся в прессу информацию о потоплении, российские офицеры накануне Цусимского сражения этот корабль, по мнению А.А. Белова, вполне ожидали увидеть среди других броненосцев Х. Того (Белов, 1998).

² Здесь и далее даты по старому стилю.

наибольший ущерб по сравнению с другими русскими кораблями (Mamadaliyev, Venkov, Miku, Médico, 2019, b; 867).

Прекрасно понимая, что два новых броненосца, а также строящиеся броненосные крейсера типа «Асама» не смогут равноценно конкурировать с тремя «полтавами», тремя «пересветами» и более старыми броненосными крейсерами русского флота, японцы в 1897 году заказали еще два корабля, построенные по «последнему слову техники» и включившие в себя практически все лучшее, что было в английском кораблестроении. Так появились эскадренные броненосцы типа «Шикишима»/«Сикисима» (1898). Формально серия состояла из двух кораблей – головной (см. рис. 5) и его сестершиш «Хатсусе»/«Хацусе»/«Хацусэ» (1899) (см. рис. 7). Как и в случае с первыми двумя линкорами, «Шикишима» и «Хатсусе» строились на верфях Тэмз и Армстронг соответственно.

«Официально» в основу новой серии лег проект британского «Маджестика», однако в проекте явно просматриваются черты более позднего «облегченного» броненосца II класса «Канопус» (1897). Конструктором кораблей типа «Шикишима» стал корабель Тэмз Айрон-Уоркз Дж. Макроу. Однако на сей раз британцы оказались дальновиднее и оснастили «Канопус» более стойкой к снарядам крупновской броней, в то время как на «шикишимах» использовалась гарвеированная. Почему японцы решили сделать такой выбор, для нас остается загадкой...

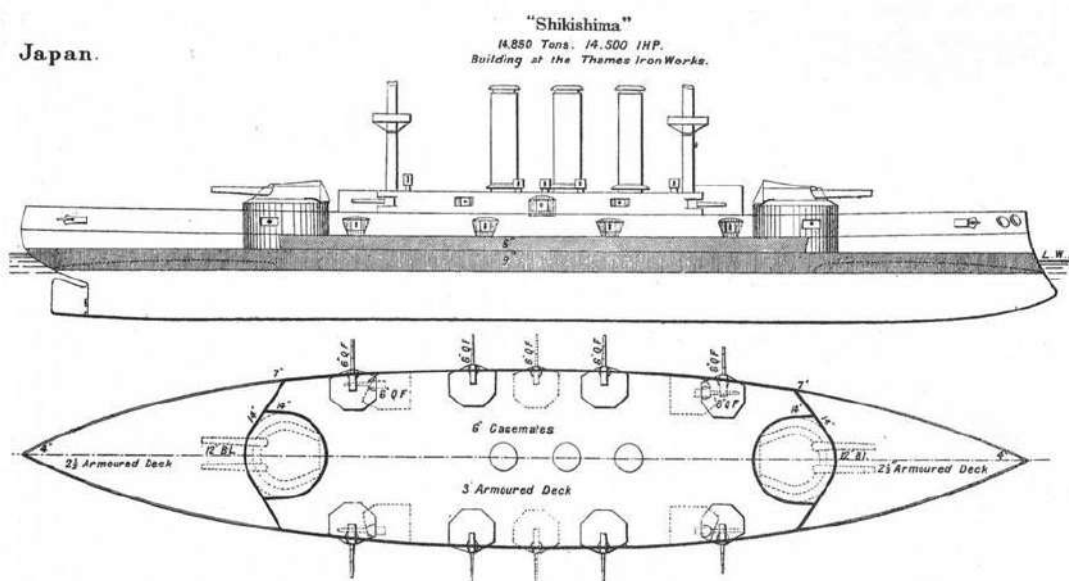

Рис. 5. Эскадренный броненосец «Шикишима»

Тактико-технические характеристики корабля следующие. Водоизмещение нормальное – 14 850 длинных тонн, полное (со всеми запасами угля, воды, провиантом и боезапасом) – 15 453 длинных тонн; длина 133,5 м, ширина 23 м; осадка 8,29 м. Бронирование: полный нижний броневой пояс (2,4 м; по другим данным 2,66 м. (Белов, 1998; 36) 102 (в оконечностях) – 229 (в миделе) мм (гарвеированная никелевая броня); верхний пояс (66 × 2,3 м) 152 мм, переборки 356–152 мм, казематы 51–152 мм, барбетты 203–356 мм, башни 203–254 мм, рубки 356 (главная) и 76 (запасная кормовая) мм, палуба (сталеникелевая броня) 51 мм, скосы палубы 102 мм. Двигатели: две вертикальные паровые машины тройного расширения, 25 паровых котлов Бельвиля, мощность 14 667 л.с., скорость хода 18,78 узла (при форсированном дутье), дальность плавания 5000¹/4000 (Белов, 1998; 36) миль экономическим ходом в 10 узлов. Вооружение: четыре 40-калиберных 305-мм орудия в двух башнях, четырнадцать 152-мм, двадцать 76-мм и двенадцать 47-мм противоминных пушек; пять 457-мм торпедных аппаратов (4 подводных, 1 надводный). Экипаж 778 человек, из которых 52 офицерских чина.

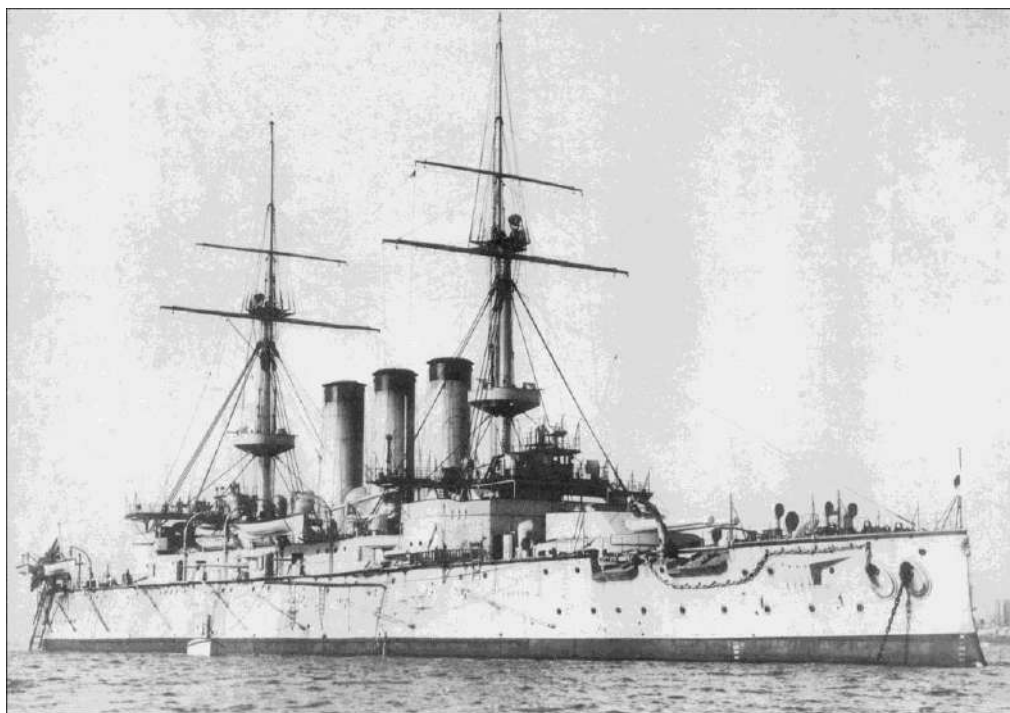
¹ См., напр., All the World's Fighting Ships 1860-1905 / R. Gardiner. London: Conway Maritime Press, 1979. P. 221.

Попробуем проанализировать основные нововведения новых японских линкоров, попутно сравнивая их боевые возможности с современными им русскими аналогами.

Рис. 6. Схема бронирования эскадренных броненосцев типа «Шикишима»

Наиболее значимой инновацией в сравнении с типом «Фуджи» стала принципиально новая схема защиты корабля (см. [Рисунок 6](#)).

Рис. 7. Эскадренный броненосец «Хатсусе» (тип «Шикишима»)

Прежде всего – это полная защита ватерлинии. 102-мм (4 дм) броня оконечностей представляла из себя вполне надежную противобушную защиту и на дальних дистанциях (свыше 60 кбт) вполне могла защитить даже от 12-дм русских снарядов. Неуязвимость от 6-дм снарядов обеспечивалась с дистанции более 15 кбт. Такой подход, активно «проповедуемый» французской школой и хорошо продаваемый «британской» школой, почему-то не нашел отражения в английских творениях для собственного флота: «Канопус» в корме брони вовсе не имел, а нос был защищен тонкими 51-мм (2 дм) плитами; более поздний и считающийся наиболее сильным линкором своего времени «Формидейбл» ([Кофман, 1992; 16](#)) также имел «голую» корму и 51-мм бронирование в носу.

Не в пример «англичанам», и отчасти «японцам», русские корабли имели очень качественное бронирование оконечностей: тип «Бородино» имел 125 мм нижнего и 102 мм верхнего пояса из более стойкой крупновской стали, а мировой лидер в этом плане, эскадренный броненосец «Цесаревич», соответственно 140 и 120 мм. Таким образом, в ближнем бою шанс остаться на плаву, а также сохранить скорость (которая падала в результате пробоев в оконечностях и залития отсеков водой) был несоизмеримо выше у русских кораблей.

В средней части бронирование уменьшилось с гипертрофированных 457 мм до адекватных 229 мм. И, главное, изменилась схема бронирования. «Цитадельная» концепция ушла в прошлое и на ее место пришла конструкция со скосами броневой палубы (более подробно см. [Mamadaliyev, Venkov, Miku, Médico, 2019b](#)). Такая схема учитывала невыгодный для снаряда угол встречи со скосом палубы и позволяла значительно экономить вес поясной брони, при этом выигрывая в сопротивляемости снарядам в целом. Общая толщина при этой схеме эквивалентна 440 мм брони и была на тот момент времени неуязвима для 305-мм снарядов главного калибра, гарантированно защищая машинно-котельные отделения от выстрела 40-калиберной «двенадцатидюймовки» даже прямой наводкой.

Над главным поясом шел верхний пояс из 152-мм плит, который давал прекрасную защиту от среднекалиберной артиллерии на большинстве боевых дистанций, но был малоэффективен против 12-дм русских бронебойных снарядов, которые пробивали его с расстояний, не превышающих 45 кбт. 356-мм траверзы надежно защищали корабль с носа и кормы, образуя, таким образом, «цитадель».

Артиллерия главного калибра была защищена не в пример лучше «Фуджи». И если толщина брони барбетов сохранилась на прежнем уровне (356 мм), то сами башни получили 254-мм броню в лобовой части (против 152 мм) и 203 мм с боков (против 102 мм). Это позволяло выдерживать попадание 12-дм бронебойного боеприпаса под прямым углом с дистанций более 25 кбт в лоб и более 35 кбт в боковые стенки башен (о пробиваемости русских и японских бронебойных снарядов по крупновской броне см. [Титушкин, 1994](#); нами сделана поправка на гарвеированную броню), в то время как бронирование башен линкоров типа «Фуджи» было «прозрачным» для снарядов главного калибра русских броненосцев на большинстве боевых дистанций. Казематы средней артиллерии также были защищены 6-дм броней, но форма их изменилась с шестигранной на восьмигранную: учитывая невыгодный угол встречи снаряда с броней, такая форма каземата лучше защищала его, в том числе и в случае атаки с острых курсовых углов (как это произошло, например, в заключительной фазе боя в Желтом море, когда линкоры Х. Того вынуждены были догонять «убегающую» эскадру В.К. Витгефта, сближаясь на параллельных курсах).

Защита и конструкция главной боевой рубки на японских кораблях была значительно лучше, чем на русских. Бронирование 356-мм броней, даже гарвеированной, было значительно надежнее, чем 254-мм крупновской на «Цесаревиче» и «Ретвизане». Рубка линкоров типа «Бородино» и вовсе была в 203 мм: как ни странно, но с учетом слабого бронепробития японских снарядов этого оказалось достаточно для защиты даже от 12-дм боеприпасов.

Намного хуже дело обстояло с конструкцией. Русские рубки в целях удешевления и упрощения изготовления были грибовидными: броневой цилиндр рубки просто «прикрывался» сверху бронеплитой. К плюсам следует отнести неплохую обзорность, к минусам, которые в полной мере проявились в Цусимском сражении, – широкие смотровые щели, куда залетали осколки; более того, от верхнего листа крыши они рикошетили внутрь рубки и поражали как экипаж (причем, прежде всего – командиров!), так и органы управления. В Цусимском сражении это, конечно, не стало причиной поражения, но весьма осложнило бой, ибо командующий 2-й Тихоокеанской эскадрой З.П. Рожественский и его штаб весь бой вынуждены были просидеть на полу, прижавшись спиной к стенке рубки и спасаясь от града осколков; при Цусиме слабая пробиваемость начиненных «шимозой» японских снарядов в полной мере была скомпенсирована их высочайшим фугасным действием. Да и в бою в Желтом море осколки и газы 12-дм японского снаряда, разорвавшегося в конце боя около рубки, вывели из строя командира «Цесаревича» каперанга Н.М. Иванова, который после гибели Витгефта фактически вел эскадру; на наш взгляд, не будет преувеличением тезис о том, что во многом именно этот снаряд, попавший в корабль в 17:45 и приведший к передаче командования, повлек дезорганизацию русской эскадры и, соответственно, поражение в фактически выигранном бою.

Японские боевые рубки английского образца были значительно сложнее в производстве, ибо узкие смотровые щели прорезались непосредственно в броне: слабый обзор компенсировался хорошей защитой. С другой стороны, недостаток японских рубок заставлял командующего Тейкоку Кайгун рисковать: в завершающей фазе боя в Желтом море Х. Того наблюдал за боем с мостика и едва не стал жертвой близкого разрыва снаряда (такая точка зрения очень «прочно» закрепилась как в научной, так и в популярной литературе (см., в частности, [Степанов, 1983](#)); несколькими минутами позже К. Витгефту в схожей ситуации повезло значительно меньше...

Весьма заметный прогресс просматривался и в артиллерии. Прежде всего это касается барбетных установок, которые позволяли заряжать орудия главного калибра при любом угле горизонтальной наводки, в результате чего теоретическая скорострельность повысилась до одного

выстрела в минуту, практическая (боевая) – до одного выстрела в две минуты. Казематы средней артиллерии стали водонепроницаемыми не только с внешней, но и с внутренней стороны, чтобы вода не попадала внутрь корабля через поврежденный порт (Белов, 1998; 38). И, наконец, огромный прогресс наблюдался в противоминной артиллерии: на смену многочисленным малоэффективным 47-мм пушкам пришли, наконец, действенные 76-мм патронные орудия в количестве 20 штук. Этого в то время было вполне достаточно для отражения торпедной атаки до генерального сражения (как показала практика, после сражений большая часть противоминной артиллерии, лишенной какой-либо броневой защиты, кроме противоосколочных щитов, была поврежденной осколками и, соответственно, небоеспособной). Вместе с тем атавизм в виде двенадцати разносортных (2,5- и 3-фунтовых) «47-миллиметровок» остался, равно как и пяти торпедных аппаратов и таранного форштевня.

В отличие от типа «Фуджи» «шикишимы» имели относительно неплохую мореходность, а узкий длинный (133,5 м; для сравнения «Цесаревич» – 121 м при аналогичной ширине в 23 м, «Ретвизан» – 118 м) корпус позволял достигать неплохих скоростей. Так, на испытаниях «Шикишима» достиг весьма внушительных 18,7 уз. при относительно невысокой мощности механизмов 14667 л.с. (контрактная (проектная) мощность 14850 л.с.), а однотипный «Хатсусе» невероятных 19,1 уз. при мощности в 16300 л.с. (в дореволюционных российских справочниках указывается и вовсе 19,25 уз.!). Условия, конечно, были тепличными, корабль «весил» всего 14550 тонн вместо «положенных» полных 15453 тонны, но сам факт достижения таких скоростей говорит о многом. Те же хваленные британские «формидейблы» и русский «Ретвизан» с трудом развили лишь 18 уз. в подобных условиях.

В целом, броненосцы типа «Шикишима» оказались очень удачными кораблями, которые во многом стали образцом для более поздних и выполненных на качественно более высоком уровне «формидейблов». Крупные, весьма дорогие, превосходно вооруженные и бронированные корабли с выдающимися для эскадренных броненосцев того времени скоростными качествами, они смогли резко склонить баланс сил на Дальнем Востоке в пользу Тейкоку Кайгун, заставив русское военноморское руководство лихорадочно искать «противоядие» в виде «Цесаревича», «Ретвизана» и серии «Бородино». Единственным их серьезным недостатком, который, на наш взгляд, стал следствием, выражаясь «теннисным» термином, «невынужденной ошибки» японского адмиралтейства, было применение гарвеированной брони. Однако конструктивного «запаса» ее стойкости, выраженного в миллиметрах, было вполне достаточно ко времени русско-японской войны. До появления бронированных крупновесной броней «формидейблов» «шикишимы» были самыми сильными линкорами в мире; даже в сравнении с более поздними «бородино» и «дунканами» защита японских кораблей выглядит предпочтительней, равно как и в сравнении с французскими современниками, линкорами типа «Сюффрен» (1899), имевшими 300-мм главный «гарвеированный» бронепояс с неким подобием скоса палубы в 60 мм, дававший в эквиваленте около 400 мм (против 440 у «Шикишимы»).

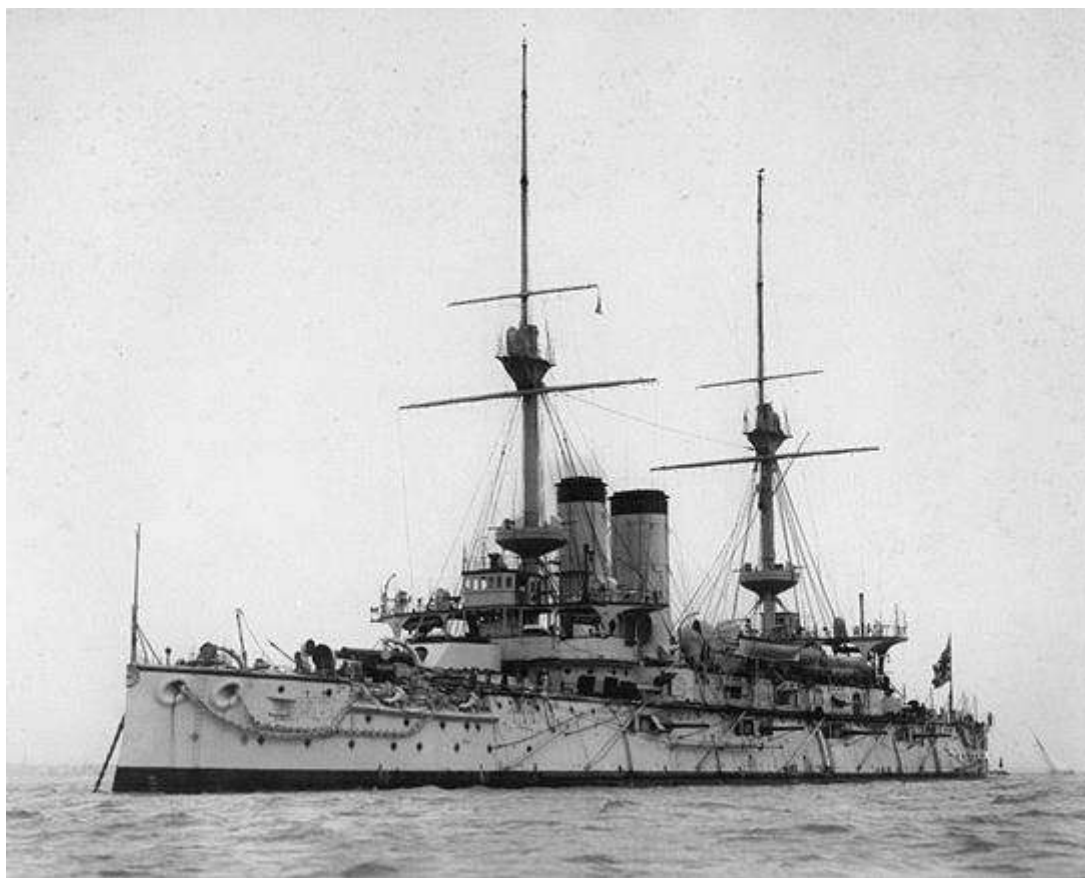
Безусловно, определенным недостатком следует считать и полное отсутствие противоминной защиты (ПМЗ), которой чуть позднее могли похвастать корабли французской школы и построенные согласно этой концепции «Цесаревич» и линкоры «бородино». Справедливости ради отметим, что лишь указанные корабли явились приятным с точки зрения русского флота исключением, в то время как большинство конструкторов броненосцев других стран предпочитало не тратить вес на противоторпедную переборку, которая, будучи «глухой» (т.е. не имеющей каких-либо дверей и проемов, так как это привело бы к нивелированию ее эффективности) ко всему прочему, создавала и массу эксплуатационных сложностей. В целом, английская школа линкоростроения подразумевала, что эскадренные броненосцы создаются исключительно как артиллерийские корабли, предназначенные для сражений в открытом море.

Однако война расставила все по своим местам. Противоминная переборка в полной мере помогла «Цесаревичу» остаться на плаву после торпедной атаки японских эсминцев в первую ночь войны 27 января 1904 года, в то время как «Ретвизан», построенный без конструктивной ПМЗ, вынужден был выброситься на мель, чтобы не пойти ко дну, и стал «приманкой» для японских кораблей вплоть до снятия и перевода во внутреннюю акваторию Порт-Артура. И наиболее сильно этот конструктивный недостаток ударил по самому Тейкоку Кайгун: рано утром 15 мая 1904 года, умело воспользовавшись туманом и в нарушение приказа, командир минного заградителя «Амур» капитан 2 ранга Ф.Н. Иванов смог выставить мины значительно дальше от берега (в 11 милях вместо 8, как устанавливалось приказом Витгефта). В тот же день на этих минах почти одновременно подорвались «Хатсусе» и направившийся к нему на буксировку «Яшима». Не последнюю (если не главную!) роль сыграло и отсутствие конструктивной ПМЗ. «Хатсусе» сразу потерял ход (взрыв пришелся на кормовую часть правого борта) и получил сильнейший крен, однако умелые действия экипажа позволили кораблю остаться на плаву. С него успели снять адмирала и половину экипажа, однако отбуксировать корабль не удалось: через приблизительно полтора часа, дрейфуя, он налетел на вторую мину, взрыв которой вызвал детонацию боезапаса, в результате чего броненосец затонул за полторы минуты с оставшимися для спасения членами экипажа. «Яшима» после подрыва сумел

остаться на плаву также во много благодаря действиям экипажа и был взят «Шикишимой» на буксир. Экипаж более пяти с половиной часов самоотверженно боролся за жизнь корабля, но при отсутствии противоторпедных переборок в итоге так и не смог остановить распространение воды. А.А. Белов приводит данные русских источников, согласно которым линкор не смог «дотянуть» до базы в Сасебо всего лишь 20 миль... (Белов, 1998; 35).

Желая закрепить успех и гарантированно обеспечить себе превосходство на море (в отсутствии пока у России «Цесаревича», «Ретвизана» и кораблей типа «Бородино»), Япония заказывает еще один линкор по типу «Шикишимы», но с некоторыми конструктивными изменениями, который вошел в строй под названием «Асахи» (1899) – в честь вулкана на острове Хоккайдо (см. [Рисунок 8](#)). Корабль заказали в набиравшей тогда популярность John Brown & Company, расположенной в шотландском Клайдбенке (Глазго). И не зря: «Асахи» был построен в рекордные на тот момент 24 месяца (день в день), вступив в строй 31 июля 1900 года и опередив, таким образом, заложенный ранее, но вступивший в строй почти на полгода позже «Хатсусе».

Корабль был спроектирован на основе чертежей «Шикишимы», имел те же машины, такое же количество и тип котлов, однако был на четыре метра короче и немного уже своего предшественника. Главным внешним отличием стало использование двух труб вместо трех: большая эллипсовидная вторая труба заменяла две последние на прототипе.

Рис. 8. Эскадренный броненосец «Асахи»

Вместе с тем «Асахи» олицетворял новую для японского флота философию в бытовом оснащении корабля. По немецкому образцу корабль был полностью лишен деревянных (и других горючих) конструкций и предметов; даже мебель была изготовлена из тонких металлических листов, а палубный настил – из материала «кортицин» на основе переработанного и измельченного пробкового дерева.

Тактико-технические характеристики. Водоизмещение нормальное 15 200 тонн, длина 129,6 м, ширина 22,91 м, осадка 8,38 м. Бронирование: нижний броневой пояс 102 (в оконечностях) – 229 (в миделе) мм (по ВЛ, высота 2,4 м), верхний пояс 152 мм (66 м длиной и 2,3 м высота); казематы 51–152 мм, барбетты 203–356 мм, башни главного калибра 203–254 мм; рубки 356 (главная) и 76 (кормовая) мм, главная палуба 51–63 (горизонтальная часть) – 102 (скосы) мм; верхняя палуба 25 мм. Двигатели: 25 котлов Бельвилля; 3-цилиндровые паровые машины тройного расширения, проектная мощность 16 000 л.с.; 2 винта; скорость хода 18,3 узлов; дальность плавания 4000 миль ходом 10 узлов. Вооружение: главный калибр – четыре 305-мм в спаренных установках, средний

калибр – четырнадцать одиночных 152-мм в индивидуальных казематах, противоминный калибр – двадцать 76,2-мм, шесть 47 мм 40-калиберных и шесть 47 мм 33-калиберных пушки; пять 457-мм торпедных аппаратов. Экипаж 836 человек (40 офицеров и 796 матросов).

Пожалуй, есть определенная доля справедливости в точке зрения советских литераторов (и даже историков), которые считают «Шикишиму», «Хатсусе», «Асахи» и «Микасу» однотипными кораблями. И если с «Микасу» вопрос весьма спорный, то, что касается первых трех, определенная доля истины в этом, конечно же, есть.

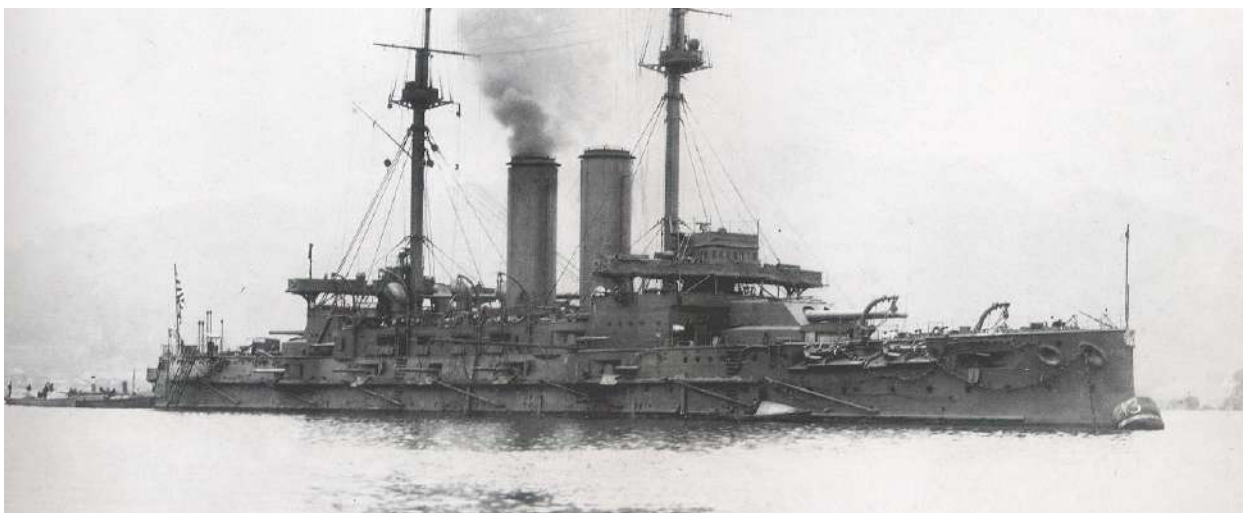
Кроме внешнего отличия в виде дизайна труб и расположения вентиляционных раструбов, корабли, действительно, мало чем отличались. Вместе с тем некоторые инновации (помимо указанных выше), все же были. Прежде всего, это сокращение расстояния между башнями главного калибра, чему способствовало более рациональное/компактное размещение элементов машин и котлов, погребов средней и противоминной артиллерии и других устройств. Таким образом, длина верхнего пояса сократилась почти на 10 метров – с 76 до 66 м (см. [Рисунок 4](#)). Также легче по весу стал и набор корпуса. Вместе с тем вес брони на «Асахи» составляет по разным данным от 30,4 до 32 % водоизмещения, что является рекордом для «шикишим», поэтому экономии веса за счет «экономии» брони не получилось, что выражается в значительно большей площади бронезащиты. Прежде всего, это касается казематов 6-дм орудий. Форма их упростилась, хотя на главной (батарейной) палубе осталась 8-угольной, но с большими углами обстрела. Также они стали значительно просторней и вмещали в себя большее количество боеприпасов, что положительно сказалось на скорострельности орудий, а увеличившаяся фронтальная часть увеличила общую площадь бронирования, защищая, отчасти и дымоходы (расположенные за четырьмя казематами). И, главное, появилась верхняя противоосколочная 25-мм палуба, которая защищала от возможного навесного огня. Тонкая и вязкая никелевая броня сдирала бронебойные колпачки со снарядов, активизируя взрыватель, в результате чего боеприпас подрывался над главной «толстой» 63-мм палубой, а не в машинно-котельных отделениях. Такая схема с «крышкой» в виде второй (а на некоторых линкорах даже и третьей) палубы вскоре станет классической и будет существовать вплоть до последних линейных кораблей в истории человечества.

Можно сказать, что излишек сэкономленного веса брони от сближения башен и веса корпуса был использован весьма грамотно и рационально, что значительно повысило живучесть корабля. Однако опять же недоумение вызывает использование гарвеированной, а не «крупповской» брони.

Что касается двигательной установки, то в сравнении с «шикишимами» были увеличены параметры давления пара в котлах, что повысило проектную мощность машин. И котлы, и машины завод Джона Брауна изготовил самостоятельно и, следует признать, сделал это на совесть. Машины были чрезвычайно экономичными; в русских источниках фигурируют цифры, что ходом в 17,5 уз. и расходуя 0,72 кг угля на индикаторную лошадиную силу в час при запасах угля в 700 тонн (не считая бортовых коридоров, – еще одна инновация «Асахи», – пространства между внешним и внутренним корпусом, куда мог складываться уголь), корабль мог пройти почти 3000 миль. Однако нам (как, впрочем, и большинству авторитетных историков флота; напр., [Белов, 1998; 43](#)) это представляется маловероятным.

Тем не менее заводские данные говорят сами за себя. На мерной миле линкор выдал феноменальные 18,65 уз. при сильном встречном ветре и значительном волнении моря! Конечно, прилично недогруженный, но «Асахи» стал тем приятным и достаточно редким исключением среди современных ему линкоров других стран, когда корабль мог честно выдавать свои «паспортные» скоростные характеристики в условиях реальной эксплуатации: идти в кильватерном строю 18-узловым ходом (равно как и двум «шикишимам») ему было более чем по силам. Возможно, поэтому «Асахи» стал долгожителем, чудом избегая разборки на металл. И только в 1942 году, будучи переоборудованным в ремонтную плавбазу японских подлодок, он был торпедирован американской субмариной и потонул.

И, наконец, последним «капитальным» кораблем, вошедшим в строй до начала русско-японской войны, стал эскадренный броненосец «Микаса» и флагман Тейкоку Кайгун. «Венец британского кораблестроения», воплотивший множество перспективных идей и все лучшее из технических достижений, «Микаса» в полной мере олицетворял мощь японского флота и более чем заслуженно претендовал на роль самого сильного линкора в мире даже в 1904 году, т.е. даже через два года после вступления в строй. В первом десятилетии XX века это было критерием очень удачного корабля.

Рис. 9. Эскадренный броненосец «Микаса» после модернизации в 1905 году

Приведем тактико-технические данные корабля. Водоизмещение нормальное 15 140 тонн (по другим данным 15 352 тонны), полное 15 979 тонн; длина 131 м, ширина 23,2 м, осадка 8,3 м. Бронирование (крупновская сталь): главный пояс 102 мм (оконечности) – 229 (мидель) мм, верхний пояс 152 мм, батарея 6-дм орудий 152 мм (по некоторым данным – 127 мм), траверсы 152 мм, палуба 51 мм (сталеникелевая броня), скосы 76 мм; башни главного калибра 203 (стенки) – 254 (лоб) мм, барбетты 203 (ниже поясной брони) – 356 (верхняя и лобовая часть) мм; командирская рубка 356 мм. Двигательная установка: 24 котла Бельвилля, две 3-цилиндровые паровые машины тройного расширения, мощность 16000 л.с.; движитель 2 винта; скорость хода 18,25 узла; дальность плавания 4600 миль экономическим ходом в 10 узлов. Вооружение: артиллерия главного калибра – четыре 305-мм спаренных орудия, средняя артиллерия – четырнадцать 152-мм орудия, противоминная артиллерия – двадцать 76-мм орудий и двенадцать 47-мм пушек (восемь 3-фн и четыре 2,5-фн.), четыре 457 мм торпедных аппарата. Экипаж, по разным данным, составлял от 756 до 830 человек (из которых 40 офицерских должностей). Так как «Микаса», в основном, служил флагманским кораблем, то численность экипажа возрастала до 935 человек (Белов, 1998; 47).

Многие технические решения, внедренные на «Микасе», «перекочевали» и на британские главные линейные силы, прежде всего на перспективные эскадренные броненосцы типа «Кинг Эдуард VII» (1903).

В первую очередь, это касается системы бронирования (см. рис.10). Во-первых, наконец, был совершен переход на крупновскую броню, что при сохранении основных толщин (за исключением скосов бронепалубы) значительно (на 16–20 %) повышало сопротивляемость снарядам. Во-вторых, значительно увеличилась площадь бронирования. Расстояние между башнями главного калибра (вновь за счет оптимизации котельно-машинного отделения) стало еще меньше, чем на «Асахи». Это позволило уйти от схемы с отдельными казематами на главной палубе, сделав одну сплошную бронированную цитадель, защищенную 152-мм броней (по другим данным – 127 мм). Схема стала напоминать концепцию, реализованную на «Ретвизане»/«Потемкине», только защищенную более толстой броней (152 мм на «Микасе» против 127 мм на «Ретвизане»). В итоге защиту получили и нижняя часть дымоходов труб, и пространство внутри цитадели. Казематы отгораживались друг от друга противосколочными 51-мм стенками с боков и сзади: они стали значительно более просторными и удобными, что позволило достичь наилучшей практической скорострельности 6-дм орудий. По площади бронирования «Микаса» был одним из лучших кораблей в мире, уступая в этом элементе разве что русским «Ретвизану» и «Потемкину», однако толщина фронтального бронирования казематов и оконечностей была хуже у последних.

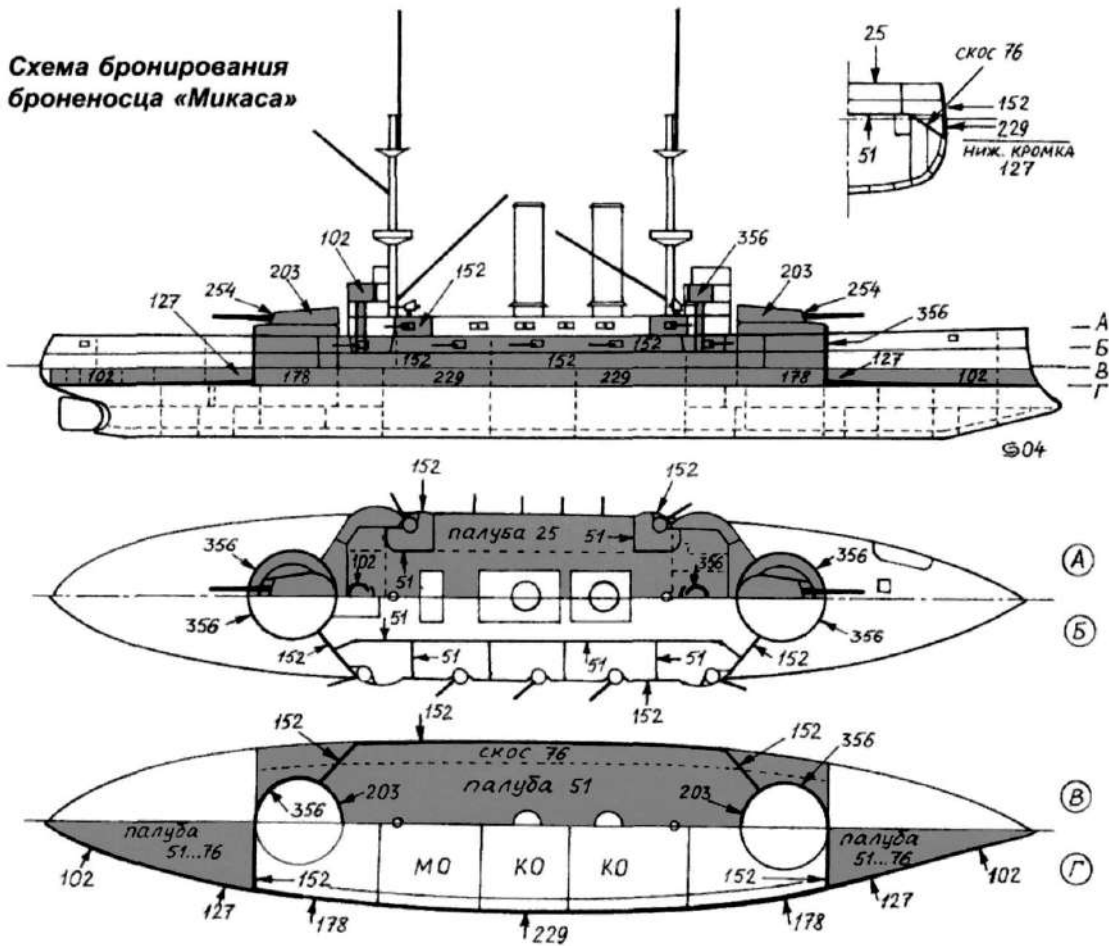

Рис. 10. Схема бронирования эскадренного броненосца «Микаса»

Броневая палуба имела толщину в 51–76 мм (тоньше к оконечностям), толщина скоса уменьшилась с 102 до 76 мм, что, впрочем, все равно делало защиту главного пояса неуязвимой для 12-дм снарядов на любых дистанциях. Сэкономленный вес «ушел» в том числе и на улучшение защиты оконечностей. В носу и корме бронирование по-прежнему оставалось 102 мм, но за пределами цитадели часть пояса к оконечностям бронировалась 127-мм плитами. Бронирование оконечностей все же уступало «Цесаревичу» и даже типу «Бородино», однако в целом, с учетом площади защищенного борта, мы считаем защиту «Микасы» лучшей в мире среди своих современников (до появления линкоров типа «Кинг Эдуард VII»). Ну и, наконец, вторая броневая палуба, как и на «Асахи», была толщиной в 25 мм, но располагалась на уровне не главной, а верхней палубы, защищая цитадель сверху.

Толщина брони главной рубки и башен главного калибра сохранилась прежней (как и у «шикишим» и «Асахи»), но, как уже указывалось, с переходом на броню, закаленную по методу Круппа, защита улучшилась весьма значительно.

В обоих генеральных морских сражениях русско-японской войны качество защиты «Микасы» подтвердилось в полной мере (правда, по японским данным, которые всячески склонны «приукрасить» качества своих кораблей; наиболее яркий пример – списывать повреждения стволов артиллерии главного калибра от разрыва собственных снарядов на практически невероятные «массовые» попадания вражеских боеприпасов в дульный срез орудия). Вообще, скудность источниковой базы не позволяет полно оценить все повреждения, однако Н.Дж. Кэмпбелл, в максимальной степени изучивший японские источники, подтверждений пробития цитадели в районе главного пояса и над ним (казематы 6-дм орудий не в счет) не приводит (Campbell, 1978). Даже после 22 зафиксированных попаданий (Быков, 2003) в бою в Желтом море (это почти вдвое больше, чем в «Цесаревич»!) корабль не принял воды (в отличие, к примеру, от «Асахи», у которого 12-дм русский снаряд пробил борт под вагерлинией). Вместе с тем японский офицер, лейтенант Сакура, указывает, что «...в этом генеральном бою, если можно так назвать его, наши суда пострадали весьма серьезно; не было ни одного, которое не имело бы пробоины, а следствием их – и крена» («Летопись войны с Японией». 1905. № 69. С. 1366; цит. по Балакин, 2004б.). Опираясь на эту информацию, можно судить о том, что подводные повреждения у «Микасы» все же были, однако

документально данное воспоминание японского участника боя в Желтом море нигде подтверждения не находит.

Однако защита артиллерии оставляет желать лучшего. На японском флагмане не действовали все орудия главного калибра и почти половина среднекалиберных, т.е. в плане боеспособности он, хотя и сохранил скорость хода, фактически мог воспользоваться лишь им, ибо отстреливаться практически не мог. Броня японского флагмана оказалась некачественной: 254-мм лобовые плиты башен потрескались от попаданий русских 12-дм снарядов. Несмотря на значительно более толстую броню рубки, потери среди офицеров японского корабля были куда более значительными, хотя это объясняется не качеством бронирования, а тем фактом, что Х. Того «заставил» командиров корабля и свой штаб стоять рядом с ним на ничем не защищенном мостике и сам остался жив не только благодаря отсутствию у русских кораблей «полноценных» мощных фугасных боеприпасов, но и невероятной удачливости, чего не скажешь о других офицерах, находившихся рядом с ним.

В числе достоинств «Микасы» необходимо также отметить вполне удовлетворительную мореходность и достаточно высокое расположение десяти батарейных орудий на главной палубе, что позволяло им вести огонь в свежую погоду без особых помех.

В целом, по совокупности характеристик не будет преувеличением, на наш взгляд, считать «Микасу» самым сильным линкором в мире, вплоть до появления серии британских «Кинг Эдуард VII». Сравнивая «японца» с британским типом «Формидейбл», отметим более «продвинутой» артиллерию главного калибра последнего, «двенадцатидюймовки» которого ни в чем не уступали французским (и русским) орудиям аналогичного калибра. Также «британец» имел «пожаробезопасный» элеватор, подававший снаряды и заряды к 12-дм орудиям в виде специального погрузочного отделения, когда боеприпасы перегружали с одного элеватора в другой. Таким образом, снижался риск воспламенения пороховых коковок от случайно залетевшего горячего осколка. Отметим также и более совершенные приборы управления огнем. Однако на этом достоинства «формидейблов» заканчиваются (дальность плавания и автономность в расчет не берем, так как эти качества в эскадренном бою не являются первостепенными). «Микаса» имел куда более значительную площадь бронирования при аналогичной толщине. Но главное достоинство заключалось в наличии полного пояса по ватерлинии при вполне адекватной толщине в 104 мм (в отличие от «символических» 51 мм на русских «Ретвизане», «Потемкине» и тех же «формидейблах»), которая гарантировала противифугасную защиту от скорострельной среднекалиберной артиллерии на большем числе боевых дистанций. Это позволяет нам считать «Микасу» наиболее сильным эскадренным броненосцем вплоть до 1904 года. Вместе с тем корабль получился весьма крупным (тяжелым) и, соответственно, очень дорогим. Но, как уже указывалось в предыдущих наших работах, японцы «за цену не стояли».

5. Заключение

Подытоживая сказанное, отметим ключевые моменты, обозначенные выше:

1. После японо-китайской войны японское военно-морское руководство во главе с морским министром Г. Ямомото убедили императора Мейдзи изменить концепцию и перейти к созданию не только мощных «эскадренных» броненосных крейсеров типа «Асама», но и полноценных эскадренных броненосцев не только с прекрасной защитой и вооружением, но и выдающейся по тем временам скоростью, что и привело к созданию линкоров «Фуджи» и «Яшима». Именно такого рода корабли, исключительно дорогие, но совершенно необходимые, должны были определять исход генерального морского сражения (на который и делалась ставка) с флотом потенциального противника – России.

2. Осознав, что два вышеуказанных корабля проигрывают создававшимся в это же время трем русским линкорам типа «Полтава» (которые проигрывали только в скорости, но выигрывали по другим показателям), японское руководство принимает решение полностью отказаться от «всемерной экономии», бытовавшей практически во всех других флотах (за исключением весьма «обеспеченной» Великобританией), и строить корабли типа «Шикишима» (две единицы), дополненные еще двумя кораблями слегка измененной конструкции («Асахи» и «Микаса»), водоизмещение которых ограничивалось разве что техническими возможностями верфей того времени. Эти корабли ничем не уступали лучшим английским, русским и французским линкорам, при этом заметно превосходя германские и итальянские эскадренные броненосцы. Ко времени вступления в строй каждый из них по совокупности характеристик можно было по праву считать сильнейшим в мире.

3. Вступление в строй четырех таких кораблей позволило японскому флоту получить решающее преимущество над своим противником к началу русско-японской войны – 1-й Тихоокеанской эскадрой, которая успела пополниться двумя новейшими броненосцами «Цесаревич» и «Ретвизан». Несмотря на то, что эти корабли имели совершенно разную философию, они мало в чем уступали японским линкорам, а в некоторых моментах даже превосходили: «Цесаревич» в части обеспечения непотопляемости и бронирования ватерлинии; «Ретвизан» по площади бронирования и стоимости. Однако в огневом контакте (так сказать «до последнего»), мы считаем, преимущество было бы за

японскими кораблями типа «Шикишима» с их более разрушительными «основными» фугасными снарядами (если не считать их разрывов в собственных стволах; в этом плане собственные боеприпасы – конструкция самого снаряда и «шимозе» – принесли японскому флоту при Цусиме едва ли не больше разрушений, чем русские боеприпасы...). Предпосылки такого предположения – более высокая площадь бронирования и более многочисленная среднекалиберная артиллерия японских кораблей, а также более разрушительные боеприпасы; защита же машинно-котельных отделений и погребов орудий главного калибра, попадание в которые могло бы привести к гарантированному потоплению корабля, была неуязвима для боеприпасов того времени обеих сторон: как у двух русских, так и у четырех японских линкоров.

4. Оба генеральных сражения подтвердили исключительно высокие боевые качества японских эскадренных броненосцев. Значительно худшее состояние материальной их части после боя в Желтом море можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, преимущество русских в огневой мощи (точнее, в орудиях крупного калибра, снаряды которых имели значительно более разрушающее воздействие на броню менее 200 мм): формально против четырех японских броненосцев сражалось шесть русских. Во-вторых, неудачные японские снаряды, которые взрывались в собственных стволах и «массово» выводили из строя орудия главного калибра японских кораблей. В-третьих, тактическая ошибка Х. Того в завершающей стадии боя, когда японский адмирал, догоняя русскую эскадру, вынужденно провел своего флагмана через русские линкоры, которые получили прекрасную возможность сосредоточить огонь, что, собственно, и сделали. Свою роль сыграли и тихоходные, но с отличным бронированием средней артиллерии (применительно к японским боеприпасам) и ее великолепными углами обстрела концевые «полтавы», имевшие ко всему прочему еще и наиболее опытные среди других русских броненосцев экипажи.

Цусимская же битва прошла для японских кораблей совершенно безнаказанно.

5. Несмотря на отличные характеристики японских линкоров, подавляющего преимущества перед началом войны, как ни странно, главные линейные силы Тейкоку Кайгун над русским флотом не имели. Если не включать в гипотетический поединок японские броненосные крейсеры, то русский линейный отряд в семь броненосцев кардинально проигрывал шести японским лишь в 3–4 узла скорости благодаря трем тихоходным «полтавам», однако выигрывал как по количеству крупной, так и средней артиллерии. Русские экипажи (и в первую очередь, комендоры), в отличие от японских, были подготовлены к бою на короткой дистанции и с этих расстояний через устаревшие открытые прицелы стреляли значительно лучше, чем японцы с продвинутыми оптическими прицелами. Массировать огонь на дальних дистанциях, как это было при Цусиме, японские экипажи научились значительно позже даже боя в Желтом море, не говоря уже о начале войны. Вероятно, именно этим и руководствовался вице-адмирал О.В. Старк в бою в первый день войны 27 января 1904 года, стараясь максимально сблизиться на своем «Петропавловске» к японским кораблям и взять реванш за проигранную ночную торпедную атаку, которая привела к повреждению лучших русских линкоров.

Учитывая итоги сражения в Желтом море, генеральное сражение в самом начале войны (без учета повреждений торпедами «Цесаревича» и «Ретвизана» 27 января 1904 года) теоретически вполне могло бы быть выиграно русскими. Свою положительную роль сыграли бы и минимальные запасы угля и воды, которые отяжеляли корабли 28 июля 1904 года и были необходимы для дальнего перехода во Владивосток. Японские же линкоры, «дежурившие» в непосредственной близости от Порт-Артура, не имели возможности «быть налегке», а исправлять мало-мальски значимые повреждения необходимо было бы в Сасебо в нескольких сотнях миль. Напомним, что «Цесаревич» и «Ретвизан» смогли спастись в результате торпедной атаки, в то время как «Хатсусе» и «Яшима» пошли ко дну, подорвавшись на минах. Поэтому близость собственной базы была только на руку русским кораблям. Таким образом, силы были приблизительно равны и, исходя из этого, можно сделать лишь один общий и неутешительный вывод: русское военно-морское руководство и адмиралы (прежде всего, речь идет о О. Старке) не смогли в должной степени правильно распорядиться имеющимися военно-морскими силами, а преобладающее у многих русских флотоводцев убеждение в слабости эскадры лишь закрепило пораженческие настроения, сковало инициативу и в итоге привело к поражению.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI вв.: история, демография, антропология (проект №17-18-01411)».

Литература

Балакин, 1995 – Балакин С.А. ВМС Великобритании 1914–1918 гг. Москва: Моделист-конструктор, 1995.

Балакин, 2004a – Балакин С.А. «Микаса» и другие японские броненосцы 1897–1905. М., 2004.

Балакин, 2004b – Балакин С.А. Морские сражения Русско-японской войны 1904–1905. М.: «Моделист-конструктор», 2004.

- [Балакин, 2013](#) – Балакин С.А. Триумфаторы Цусимы: Броненосцы японского флота. М.: «Эксмо», 2013.
- [Белов, 1998](#) – Белов А.А. Броненосцы Японии. М.: ООО «АНТТ-Принт», 1998.
- [Брокгауз, Ефрон, 1890–1907](#) – Японско-русская война 1904–1905 гг. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.
- [Бубнов, 1907](#) – Бубнов М.В. Порт-Артур. Воспоминания о деятельности 1-й Тихоокеанской эскадры и морских команд на берегу во время осады Порт-Артура в 1904 г. СПб., 1907. 292 с.
- [Быков, 2003](#) – Быков П.Д. Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия на море. 2-е изд. М.: Эксмо, 2003. 672 с.
- [Золотарев, Козлов, 2004](#) – Золотарев В.А., Козлов И.А. Три столетия Российского флота, XIX – начало XX веков, глава «Русско-японская война 1904–1905 гг.». М., 2004.
- [Кокцинский, 2002](#) – Кокцинский И.М. Морские бои и сражения русско-японской войны, или причина поражения: кризис управления. М., 2002. 436 с.
- [Костенко, 1955](#) – Костенко В.П. На «Орле» в Цусиме. Л.: Судпромгиз, 1955.
- [Кофман, 1992](#) – Кофман В. «Британский стандарт» / Морская коллекция // Моделист-конструктор. 1992. № 10 (октябрь). С. 15-16.
- [Малов, 2000](#) – Малов А. «Свифтшур» и «Трайемф» // Наваль коллекция: Сборник. 2000. № 5 (1). С. 18-29.
- [Мультиатули, Залесский, 2015](#) – Мультиатули П.В., Залесский К.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М.: Российский институт стратегических исследований, 2015. 816 с.
- [Новиков-Прибой, 1977](#) – Новиков-Прибой А.С. Цусима. М.: «Просвещение», 1977.
- [Пикуль, 1989](#) – Пикуль В.С. Крейсера. М.: «Просвещение», 1989.
- [Семенов, 1906](#) – Семенов В.И. Бой при Цусиме. СПб.: Тип. Т-ва М.О. Вольф, 1906.
- [Семенов, 1907](#) – Семенов В.И. Расплата. СПб.: Тип. Т-ва М.О. Вольф, 1907.
- [Семенов, 1910](#) – Семенов В.И. Цена крови. СПб.-М.: Тип. Т-ва М.О. Вольф, 1910.
- [Семенов, 1911](#) – Семенов В.И. Флот и Морское ведомство до Цусимы и после. М. СПб., 1911. 112 с.
- [Советская историческая энциклопедия, 1962–1976](#) – Советская историческая энциклопедия. В 16 т. М.: «Советская энциклопедия», 1961–1976. Т. 1. С. 379.
- [Степанов, 1983](#) – Степанов А.Н. Порт-Артур. М.: «Просвещение», 1983.
- [Сулига, 1993](#) – Сулига С.В. Корабли Русско-японской войны. М.: Аскольд, 1993.
- [Худяков, 1908](#) – Худяков П.К. Путь к Цусиме. М., 1908.
- [Campbell, 1978](#) – Campbell N.J.M. The Battle of Tsushima // Warship. № 5-8 (Prt.1-4). 1978.
- [Gardiner, 1979](#) – Gardiner R. All the World's Fighting Ships 1860-1905. London: Conway Maritime Press, 1979.
- [Klado, 1905](#) – Klado N. The Russian navy in the Russo-Japanese war. London: G. Bell, 1905.
- [Mamadaliyev et al., 2018](#) – Mamadaliyev A., Venkov V., Miku N., Médico A. On the Ratio of the Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905 // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 50. Is. 4: 1734-1743.
- [Mamadaliyev et al., 2019](#) – Mamadaliyev A., Venkov V., Miku N., Médico A. Tactical and Technical Characteristics of Armored Cruisers of Russian and Japanese Fleets during the War of 1904–1905 // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1: 380-394.
- [Mamadaliyev et al., 2019a](#) – Mamadaliyev A., Venkov V., Miku N., Médico A. On the Ratio of Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905. Russian Battleships // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 52. Is. 2: 848-872.

References

- [Balakin, 1995](#) – Balakin S.A. (1995). VMS Velikobritanii 1914–1918 gg. [British Navy of 1914–1918]. Moskva: Modelist-konstruktor. [in Russian]
- [Balakin, 2004a](#) – Balakin S.A. (2004). «Mikasa» i drugie yaponskie bronenosy 1897–1905 [Mikasa and other Japanese battleships 1897–1905]. M. [in Russian]
- [Balakin, 2004b](#) – Balakin S.A. (2004). Morskie srazheniya Russko-yaponskoi voyny 1904–1905 [Naval battles of the Russian-japanese war of 1904-1905]. M.: «Modelist-konstruktor». [in Russian]
- [Balakin, 2013](#) – Balakin S.A. (2013). Triumfatory Tsusimy: Bronenosy yaponskogo flota [The victors of Tsushima: the battleships of the Japanese fleet]. M.: «Eksmo». [in Russian]
- [Belov, 1998](#) – Belov A.A. (1998). Bronenosy Yaponii [Battleships of Japan]. M.: ООО «АНТТ-Принт». [in Russian]
- [Brokgaуз, Eфрон, 1890–1907](#) – Yaponsko-russkaya voyna 1904–1905 g. [Japanese-russian war of 1904–1905]. Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgaуza i Eфрона: v 86 t. (82 t. i 4 dop.). SPb., 1890–1907. [in Russian]
- [Bubnov, 1907](#) – Bubnov M.V. (1907). Port-Artur. Vospominaniya o deyatelnosti 1-i Tikhookeanskoi eskadry i morskikh komand na beregu vo vremya osady Port-Artura v 1904 g. [Port Arthur. Memories of the activities of the 1st Pacific squadron and naval teams on the shore during the siege of Port Arthur in 1904]. SPb. 292 p. [in Russian]

- [Bykov, 2003](#) – *Bykov P.D.* (2003). Russko-yaponskaya voyna 1904–1905 gg. Deistviya na more [The Russo-japanese War of 1904–1905. Actions at sea]. 2-e izd. M.: Eksmo. 672 p. [in Russian]
- [Campbell, 1978](#) – *Campbell N.J.M.* (1978). The Battle of Tsu-Shima. *Warship*. № 5-8 (Prt. 1-4).
- [Gardiner, 1979](#) – *Gardiner R.* (1979). All the World's Fighting Ships 1860-1905. London: Conway Maritime Press.
- [Khudyakov, 1908](#) – *Khudyakov P.K.* (1908). Put' k Tsusime [The path to Tsushima]. M. [in Russian]
- [Klado, 1905](#) – *Klado N.* (1905). The Russian navy in the Russo-Japanese war. London: G. Bell.
- [Kofman, 1995](#) – *Kofman V.L.* (1995). Bronenosnye kreisera tipa «Garibal'di» [Armored cruisers of "Garibaldi" type]. *Morskaya kolleksiya. Modelist-konstruktor*. № 8. [in Russian]
- [Koktsinskii, 2002](#) – *Koktsinskii I.M.* (2002). Morskie boi i srazheniya Russko-yaponskoi voyny, ili prichina porazheniya: krizis upravleniya [Sea battles and battles of the Russo-japanese War, or the cause of defeat: a crisis of control]. 2-e izd. Fond Andrey a Pervozvannogo. 436 p. [in Russian]
- [Kostenko, 1955](#) – *Kostenko V.P.* (1955). Na «Orle» v Tsusime [On "Orle" in Tsushima]. L.: Sudpromgiz. [in Russian]
- [Malov, 2000](#) – *Malov A.* (2000). «Swiftshur» i «Traiemf» [“Swiftshur” and “Triemf”]. *Naval kolleksiya: Sbornik*. Moskva. № 5 (1). pp. 18-29. [in Russian]
- [Mamadaliyev et al., 2018](#) – *Mamadaliyev A., Venkov V., Miku N., Médico A.* (2018). On the Ratio of the Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905. *Bylye Gody*. Vol. 50. Is. 4: 1734-1743.
- [Mamadaliyev et al., 2019](#) – *Mamadaliyev A., Venkov V., Miku N., Médico A.* (2019). Tactical and Technical Characteristics of Armored Cruisers of Russian and Japanese Fleets during the War of 1904–1905. *Bylye Gody*. Vol. 51. Is. 1: 380-394.
- [Mamadaliyev et al., 2019a](#) – *Mamadaliyev A., Venkov V., Miku N., Médico A.* (2019). On the Ratio of Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905. *Russian Battleships. Bylye Gody*. Vol. 52. Is. 2: 848-872.
- [Mul'tatuli, Zalesskii, 2015](#) – *Mul'tatuli P.V., Zalesskii K.A.* (2015). Russko-yaponskaya voyna 1904–1905 gg. [The Russo-japanese War of 1904–1905]. M.: Rossiiskii institut strategicheskikh issledovaniy. 816 p. [in Russian]
- [Novikov-Priboi, 1977](#) – *Novikov-Priboi A.S.* (1977). Tsusima [Tsushima]. M.: «Prosveshchenie». [in Russian]
- [Pikul', 1989](#) – *Pikul' V.S.* (1989). Kreisera [Cruisers]. M.: «Prosveshchenie». [in Russian]
- [Semenov, 1906](#) – *Semenov V.I.* (1906). Boi pri Tsusime [Fight at Tsushima]. SPb.: Tip. T-va M.O. Vol'f. [in Russian]
- [Semenov, 1907](#) – *Semenov V.I.* (1907). Rasplata [Reckoning]. SPb.: Tip. T-va M.O. Vol'f. [in Russian]
- [Semenov, 1910](#) – *Semenov V.I.* (1910). Tsena krovi [The price of blood]. SPb. i M.: Tip. T-va M.O. Vol'f. [in Russian]
- [Semenov, 1911](#) – *Semenov V.I.* (1911). Flot i Morskoe vedomstvo do Tsusimy i posle [Fleet and Navy before Tsushima and after]. M.-SPb. 112 p. [in Russian]
- [Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya, 1962–1976](#) – *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* [Soviet historical encyclopedia]. V 16 t. M.: «Sovetskaya entsiklopediya», 1961–1976. T. 1. P. 379. [in Russian]
- [Stepanov, 1983](#) – *Stepanov A.N.* (1983). Port-Artur [Port Arthur]. M.: «Prosveshchenie». [in Russian]
- [Suliga, 1993](#) – *Suliga C.V.* (1993). Korabli Russko-yaponskoi voyny [Ships of the Russian-japanese war]. M.: Askol'd". [in Russian]
- [Zolotarev, Kozlov, 2004](#) – *Zolotarev V.A., Kozlov I.A.* (2004). Tri stoletiya Rossiiskogo flota, XIX – nachalo XX vekov, glava Russko-yaponskaya voyna 1904–1905 gg. [Three centuries of the Russian fleet, XIX – early XX centuries, the head of the Russian-japanese war of 1904–1905]. M.: AST. [in Russian]

О соотношении линейных сил русской 1-й Тихоокеанской и японской эскадр в период Русско-японской войны 1904–1905 годов. Японские эскадренные броненосцы

Анвар Мирзахматович Мамадалиев ^{a, b, *}, Андрей Вадимович Венков ^c,
Наталья Валентиновна Мику ^d, Од Медико ^e

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

^d Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза,
Российская Федерация

^e Университет Женевы, Женева, Швейцария

Аннотация. Серия статей посвящена анализу соотношения противостоящих друг другу линейных (броненосных) сил русской 1-й Тихоокеанской и японской эскадр в период Русско-японской войны 1904–1905 годов перед началом боевых действий, освещению тактико-технических характеристик броненосных кораблей и стратегии их использования военно-морским руководством. Также в работе делается попытка оценить шансы на победу 1-й Тихоокеанской эскадры с учетом ее боевых возможностей накануне войны в условиях генерального сражения.

В данной статье анализируются тактико-технические элементы главной силы флота – линейных кораблей японского флота – эскадренных броненосцев «Микаса», «Асахи», типов «Шикишима/Хатусе» и «Фуджи/Яшима» и их возможности для противостояния русским кораблям аналогичного класса.

Ключевые слова: Военно-морской флот, русско-японская война, Тейкоку Кайгун, бой в Желтом море, Цусимское сражение, русский флот, японский флот, японские броненосцы, линейный корабль, эскадренный броненосец.

---

* Корреспондирующий автор

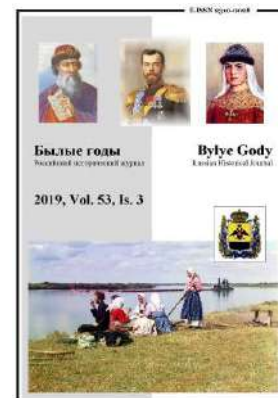
Адреса электронной почты: anvarm@mail.ru (А.М. Мамадалиев)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1365-1372. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1365
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

“Our Shah is the Russian Emperor”: the Little-Known Pages of the Persian Revolution of 1905–1911

Tianming Gao ^{a,*}, Aleksandr A. Cherkasov ^{b,c}, Sergei N. Bratanovskii ^{d,e}, Nugzar Ter-Oganov ^f

^a Harbin Engineering University, Harbin, China

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e Institute of State and Law of RAS, Moscow, Russian Federation

^f Tel Aviv University, Israel

Abstract

The article deals with the little-known pages of the Persian revolution of 1905–1911. The authors pay attention to the process of escalation of violence in 1909, the driving forces of the revolutionary movement, as well as the activities of Russian diplomatic missions.

There were used as materials the unpublished documents from the Central State Historical Archive of Georgia (Tbilisi, Georgia). The documents from the central state institutions of the Russian Empire were used as sources, namely, the documents of the Ministry of Foreign Affairs, General Consulate in Tabriz, consulates in Ardabil and Urmia, the departmental correspondence of the Russian border units with the office of the governor-general of the Tsar in the Caucasus and etc. The sources of personal origin were also applied as materials.

In conclusion, the authors state that during the most difficult period of the Persian revolution in 1909, the role of protection of Russian citizens was assigned to the Russian diplomatic missions in this part of the country, adjacent to the Russian border in Transcaucasia. Initially, the course was put on non-interference in the Persian affairs, but the sharp deterioration of the criminal situation forced the Russian administration to send the expeditionary force to protect the diplomatic missions. Almost immediately, the zones in which the Russian garrisons were located became islands of security for the Persian rural population, and this situation did not suit the revolutionaries.

Keywords: Persian revolution, diplomatic missions, expeditionary force, Shahsevens, fidai.

1. Введение

Как известно, буржуазно-демократическая революция 1905–1911 гг. была вызвана нарастанием социально-политической напряженности между монархией Каджаров и различными слоями городского и сельского населения страны. Ситуацию усугубляло финансово-экономическое засилье иностранных государств, в первую очередь Англии и России, и их борьба за влияние в этой стране, что привело к участию в революционных событиях широких масс общественности: от национальной буржуазии и буржуазных помещиков, шиитского духовенства до ремесленников и крестьян. Центром революционного движения были северо-западные провинции империи, в том числе Ардебиль (где в это время находилось Российское консульство).

В ходе революции был создан парламент (меджлис), а также принята конституция. Однако, не смирившись с появлением законодательного органа в стране и ограничением прав монархии,

* Corresponding author

E-mail addresses: gtmmail@sina.cn (T. Gao), sochioo3@rambler.ru (A.A. Cherkasov)

в июле 1908 г. шах Мохаммад-Али начал активную борьбу против парламента и оппозиции, или конституционалистов, что завершилось бомбардировкой шахскими войсками и Персидской казачьей бригадой меджлиса и введением военного положения в Тегеране. Разгром меджлиса и усиление антиконституционных сил вызвало очередную волну антишахских выступлений в различных частях Северного Ирана. Кульминацией революционных выступлений стало взятие революционерами Тегерана в июле 1909 г. и отречение Мохаммад-Али-шаха от трона.

2. Материалы и методы

Материалами для подготовки статьи стали неопубликованные документы из Центрального государственного исторического архива Грузии (Тбилиси, Грузия). В качестве источников были привлечены документы центральных государственных учреждений Российской империи, а именно документы Министерства иностранных дел, дипломатических миссий в Ардебиле, Тавризе, Урмии, ведомственная переписка русских пограничных частей с канцелярией наместника царя на Кавказе и др. В качестве материалов использованы также источники личного происхождения, например воспоминания П.Н. Стрелянова (Калабухова) (Стрелянов (Калабухов), 2007).

В исследовании была применена совокупность научных методов: периодизации, типологизации, сравнения и пр., которые в единстве обеспечивают надежность результатов по изучаемой проблеме. Исследование имеет междисциплинарный характер, базирующийся на принципе компаративистики, который позволяет выявить разные уровни информативности источника, а также сопоставить сведения различных источников о той или иной исследуемой проблеме. В работе применялись междисциплинарный и комплексный подходы, что в свою очередь позволило рассмотреть действия русских дипломатических миссий в северных провинциях Персии в период персидской гражданской войны.

3. Обсуждение

Революционные события в северо-западных районах Персии в период 1909 г. получили достаточно широкое освещение в советской историографии. Тем не менее идеологическая зашоренность не позволила многим исследователям дать объективный анализ событий персидской революции. Что касается постсоветского периода, то особого интереса среди исследователей не наблюдается. Данной темой занимались только в контексте геополитики. Так, например, Н. Тер-Оганов в своей статье «The Anglo-Russian Compromise of 1907 and the Downfall of Mohammad Ali Shah Qajar» (Ter-Oganov, 2015) увязал англо-русское противостояние в Персии с революционными событиями в этой стране, в частности с захватом революционерами Тегерана в июле 1909 года. А.Б. Широкоград рассматривал персидские дела в контексте российско-английских взаимоотношений 1857–1907 гг. (Широкоград, 2003). В этом же ключе работал D. Mclean в своем труде «English radicals, Russia and the fate of Persia 1907–1913» (Mclean, 1978).

В то же время на Западе в 1970–1990 гг. появилось сразу несколько работ, рассматривающих британскую политику в Персии в период до Первой мировой войны. В связи с этим необходимо назвать труды F. Stanwood (Stanwood, 1978; Stanwood, 1983), W.J. Olson (Olson, 1986) и M. Bonakdarian (Bonakdarian, 1991).

Важно понимать, что события начала революции в Персии совпали с Первой русской революцией. Известно, что она более всего полыхала на окраинах империи, и в особенности на территории Кавказа и Закавказья, специально для подавления революции в регионе был вновь учреждена должность наместника царя на Кавказе. Более того, архивные документы свидетельствуют о связях закавказских революционеров с революционерами из Персии, которая часто служила для них убежищем. В этой связи интерес представляют работы по истории Первой русской революции на территории Кавказа (Taran, 2014; Taran, 2015; Taran, 2015a; Taran et al., 2016; Taran et al., 2017; Taran, Kurbanov, 2018; Taran, Vyshkov, 2019).

4. Результаты

Подъем революционного движения в Персии в начале 1909 г., наряду с открытым вооруженным противостоянием между революционерами и правительством, вызвал вспышку массового бандитизма, анархии и насилия. Дабы обезопасить себя от вооруженного насилия, население северных провинций начало контрабандным образом закупать в России винтовки. Следует заметить, что закавказским революционерам удавалось контрабандным путем поставлять оружие противникам шахского режима в Персии. Получив такую информацию, русская администрация на Кавказе летом 1908 г. приняла меры к ликвидации контрабанды. К сожалению, эта деятельность оказалась неэффективной. Что касается консульской службы, то она полностью была парализованной. Через русско-персидскую границу, как через решето, проникали вооруженные группы закавказских революционеров. Еще в 5 ноября 1908 г. русский вице-консул в Ардебиле¹ сообщал бакинскому губернатору, что контрабандный ввоз на территорию Ардебильского округа

¹ Вице-консулом был коллежский асессор Гирс (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 90).

русских винтовок и боеприпасов не только не прекращается, но и увеличивается (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 196. Л. 3). Нужно понимать, что спрос на русские винтовки также обуславливался потребностью местного сельского населения, доведенного до отчаяния грабежами кочевого племени шахсенов¹, в собственной защите. Русский вице-консул в Ардебиле понимал, что массовое вооружение населения приграничных областей Персии не могло быть совершенно безопасным для России, так как его могли использовать во время грабительских набегов на русские селения в Закавказье.

Уже к 21 марта 1909 г. ситуация в северных районах Персии начала резко ухудшаться. По сведениям командиров отрядов русской пограничной стражи, на территории Персии 20 марта слышались ружейные залпы, а 21 марта была получена информация, что шахские войска взяли персидское село Хейлар. После этого регулярные персидские войска двинулись в Астарту, уничтожая по дорогам повстанческие селения. В это же время мирное персидское население просило русские таможенные заставы пропустить их на территорию России (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 52).

Противостояли революции и шахсены, но их логика несколько отличалась от логики персидского правительства. Шахсены делились примерно на 50 родов, во главе каждого стоял собственный бек. Мужское население было полностью вооружено и могло выставить до 12 тыс. всадников. Вожди племен считали себя независимыми, не подчинялись центральному правительству, совершали набеги на персидские селения возле резиденций самих генерал-губернаторов (Стрелянов (Калабухов), 2007: 18). В этом отношении представляет интерес рапорт командира Кавшучинского отряда 1-го отдела Бакинской бригады пограничной стражи от 7 марта: «Известный Мамед-Кули Хан Аларский, с сильным влиянием на большую часть Персии, лично меня просил донести, что готовит успешно присоединение Персии к России. Сейчас с пятью тысячами вооруженных конных, готовых к выступлению, намерен направиться на Ардебиль, Решт, Астарту и Энзели, подавить восстание революционеров и обеспечить безопасный переход границы нашим войскам на персидскую территорию. Он лично может выставить до 50 тыс. вооруженных конных шахсенов. Персидский шах требовал Мамед-Кули Хана с вооруженными шахсенами к себе, но Мамед-Кули Хан, работая в пользу России, запросил меня, как ему поступить во всех этих случаях: ехать ли ему к персидскому шаху или же ждать прибытия наших войск; причем заявил, что он беспрепятственно проведет наши войска и что на его услуги всецело могут рассчитывать» (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 52 об.).

Рис. 1. Карта северных провинций Персидской империи

¹ Шахсены были племенным объединением нескольких тюркских племен, созданных в Иране шахом Аббасом I. Со временем шахсены потеряли свое влияние и в период правления Каджарской династии в Персии все еще вели кочевой образ жизни и занимались грабежами на дорогах.

Русские консульские чиновники в Персии еще в 1908 г. сообщали, что «те, которые внушили персидскому шаху мысль, что он всегда может рассчитывать на преданность шахсеев, поймут в конце концов, как близоруки, мелки и недальновидны были их планы и расчеты... В нужную минуту шахсеевы оказались явными противниками усиления шахской власти. Свое благополучие они увидели в продлении анархии, которая позволяет им безнаказанно грабить мирных жителей» (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 70).

Сотрудники дипмиссии 5 февраля 1909 г. утверждали, что если шахское правительство окажется бессильным подавить анархию, то никакие манифесты о даровании стране свободы не спасут Персию от гибели. «Грабежи и разбои сделаются выгодным промыслом, сильные будут угнетать слабых, богатые давить бедных. Тюрк шиит проявит тогда во всю ширь свою необузданную дикую натуру, которую сдерживает страх перед действительной силой и которую не обуздать никакими меджлисами и энджуменами» (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 73).

Важно отметить, что в условиях всеобщей анархии в Персии зонами стабильности оставались русские консульские учреждения, в частности русское генеральное консульство в Тавризе, вице-консульства в Ардебиле и Урмии. Дело в том, что в условиях постоянных волнений противоборствующие стороны остерегались дестабилизировать обстановку в зонах русского присутствия, чтобы не вызвать ответных силовых мер. Ввиду этого для населения русские вице-консульства были залогом личной безопасности. Именно этим и объясняется, почему население Ардебилля не поддержало революционеров и не дало учредить революционный энджумен, а всячески связывало свои надежды с русскими (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 70). Важно отметить, что русские вице-консульства активно занимались делами русскоподданных, которые там постоянно проживали и вели предпринимательскую деятельность.

Тем временем обстановка в Персии продолжала стремительно ухудшаться. Почувствовав слабость шахской власти, шахсеевы приступили к грабежам. По имеющимся на март 1909 г. данным, в окрестностях Ардебилля, Сараба и Мешкина ими было убито не менее 2 тыс. человек. Как отмечал представитель русской дипмиссии, «беззащитных сельчан убивали порой просто забавы ради. Разбойники сжигали селения, насиловали женщин, девушек и детей, уничтожали посеы, облагали селения налогами и т.д.» (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 73).

Русский посланник в Тегеране в докладе о грабежах и нападениях на Ардебильско-Тавризской дороге констатировал: «Единственный выход из создавшегося положения – карательная экспедиция против разбойничьих родов, в виде разгрома их шаек, поголовного их разоружения...» (Стрелянов (Калабухов), 2007: 43).

В апреле 1909 г. ситуация ухудшилась настолько, что ожидалось нападение восставших на русское генконсульство в Тавризе. 20 апреля наместнику царя на Кавказе графу Иллариону Ивановичу Воронцову-Дашкову была направлена секретная директива за № 1124, в которой император Николай II повелевал обезопасить русские дипломатические миссии в Персии отправкой туда достаточных военных контингентов. В результате в Персию был направлен сводный отряд под командованием генерал-майора И.А. Снарского – командира 1-й Кавказской стрелковой бригады. В состав сводного отряда входили два батальона 1-й Кавказской стрелковой бригады, четыре сотни кубанских казаков, саперная рота и три артиллерийские восьмиорудийные батареи (Стрелянов (Калабухов), 2007: 23).

Экспедиционная часть прибыла вскоре в Тавриз, где располагалось русское генеральное консульство. Присутствие этого отряда в регионе стало реальной помощью для персидского населения в условиях революционной анархии (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 74).

Покинувшие свои селения жители стали толпами стекаться в Ардебиль и требовать от губернатора защиты и прекращения грабежей. Не получив реальной поддержки у губернатора, сельчане обратились к русскому вице-консульству. Толпа ворвалась во двор и в сад русского вице-консульства, скандируя: «Идем под защиту русского императора», «наш шах – русский император» (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 75). Примеру сельчан последовали муллы, сеиды, помещики, купцы и ремесленники. Те из влиятельных лиц, которые не пришли, приводились сельчанами силой.

Вице-консул обратился к персидскому губернатору с просьбой вывести с территории вице-консульства население. Для этого от губернатора прибыл сеид¹. Вот как описывает русский вице-консул последующие события: «В мой кабинет вошло несколько почтенных аксакалов, и сеид обратился к ним с длинной речью, в которой говорил о вере, о Пророке, о покорности духовенству и сеидам, о рае и аде, об ангелах и дивах и пр. В конце он обратился к старикам с приказанием от Бога – немедленно разойтись по домам и спокойно ожидать наказания шахсеев. Спокойно выслушав слова сеида, старики так ответили ему: “Иди же и скажи Мирза Али Акберу (губернатор – Авт.), что ты видел”! С этими словами они бросились ко мне, стоявшему безмолвно в стороне, и с рыданиями и с возгласами: “Наш шах – русский император”, “мы, скорее, примем русскую веру, чем уйдем отсюда”, – стали целовать мои ноги» (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 76). После этого случая губернатор города Ардебиль полностью устранился от управления городом.

¹ Сеид (от арабского – вождь, господин, глава) – почетный титул у мусульман для потомков пророка Мухаммеда через его дочь Фатиму и внука Хусейна.

Так как на территории вице-консульства не хватало для всех помещений, то большинство уходило ночевать в соседнюю мечеть, а по утрам собиралось снова внутри и около вице-консульства. Население постоянно высказывало одну и ту же мысль: «Жить по теперешним порядкам мы не можем. Нас убивают, грабят, насилюют наших жен и дочерей. Защиты от правительства мы не видим. Мы люди мирные, желаем спокойствия и безопасности. У нас осталась одна надежда на милость государя императора. Мы пришли сюда под защиту России и здесь будем ожидать ее или умрем с голода. Мы просим довести о положении дел в округе до сведения государя императора и умоляем его величество о присылке военного отряда в Ардебиль для наказания шахсеев и водворения того порядка, которым ныне пользуются счастливые жители Тавриза» (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 77).

При этом обыкновенно читались письма из Тавриза с выражением бесконечных благодарностей и похвал Русскому консулу, генералу Снарскому и всем нашим военным. Мой ответ населению всегда был одним и тем же: что обо всем я телеграфировал в императорскую миссию в Тегеране, которая, конечно, сделает все от нее зависящее, чтобы облегчить участь местного населения, ищущего у нас защиты (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 77).

Между тем шахсеевы, встревоженные случившимся, начали добиваться возвращения ардебильцев из вице-консульства в свои селения, а направлявшихся в город сельчан силой возвращать назад. Сперва шахсеевы обещали вернуть все награбленное, но, когда им не поверили, они прибегли к запугиванию и распространению слуха о том, что город ими в противном случае будет разграблен, а те, у которых народ ищет защиты, будут изгнаны из Ардебиля.

Для подтверждения своих слов шахсеевы разграбили несколько сел около самого города (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 78). Однако и это не подействовало.

Тогда предводители шахсеев – аларский бек Мамед Кули и ходжабековский бек Бахрам Хан, главные лица в деле дестабилизации обстановки – объявили себя врагами шахского правительства и заявили, что они намерены образовать в Ардебиле под своим непосредственным руководством энджумен¹, убить губернатора и даровать населению мир и свободу.

Самыми беспокойными племенами являлись ходжабеклинцы и аларцы, которые создавали немало проблем жителям Закавказья. Нужно понимать, что эти два племени сильно боялись прихода русского отряда, так как понимали, что с первой вестью об этом подчинившиеся им племена немедленно отпадут от них и начнут действовать против них. У ходжабеклинцев и аларцев останется в распоряжении 400–600 всадников, умиротворение которых будет делом одной недели (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 79).

Чем дольше продолжалось сидение на территории вице-консульства, тем больше нагнеталась обстановка. Революционеры, желая извлечь выгоду из создавшегося положения, стали вести пропаганду о том, что населению необходимо обратиться за защитой к турецкому правительству, так как Россия не в состоянии оказать помощь (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 80).

При содействии местных богатых помещиков русскому вице-консулу удалось организовать раздачу хлеба и тем обезопасить себя от голодного бунта. Это было сделать довольно трудно, так как грабежи в сельской местности не прекращались, поэтому количество людей вокруг вице-консульства постоянно увеличивалось. Напряжение среди городского населения было также велико, и можно было вполне ожидать серьезных последствий. В этой связи губернатор просил русского вице-консула принять все меры к усилению охраны вице-консульства, так как в крайнюю минуту он не будет в состоянии оказать последнему должное содействие за отсутствием в его распоряжении военной силы (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 80).

В это тревожное время в Ардебиль поступила информация о приходе русских казаков в Астарту. Эта весть удручающе подействовала на революционеров и несколько успокоила население. Ходжабеклинский бек Бахрам Хан, стоявший с всадниками вблизи Ардебиля, ушел в горы. Количество грабежей в регионе резко сократилось. Революционеры заняли выжидательную позицию, делая ставку на свои письма, которые они отправили в Астарту повстанцам с просьбой не пропускать казаков по астаринской дороге. Также фидая (революционеры – Авт.) обратились с письмом к русскому вице-консулу, в котором предлагали вернуть казаков назад и угрожали в противном случае истреблением их (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 80).

Русский вице-консул отправил письмо с предупреждением казаков в Астарту, но казаки-лабинцы² перешли границу и до получения письма выступили из Астарты, путь из которой до Ардебиля был пройден за два перехода; нападений на них со стороны восставших не происходило. На встречу казаков из Ардебиля выехали казаки Персидской казачьей бригады во главе со своим полковником, всадники из лояльного губернатору племени полатлу, а также русским вице-консулом (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 81).

В Ардебиле многотысячная толпа собралась на площади перед вице-консульством посмотреть на русских казаков, о храбрости и суровости которых в Персии в то время слагались легенды. Вся казачья сотня разместилась на территории вице-консульства, крестьянам было предложено

¹ Орган местной власти, городского или областного самоуправления, образованный в ходе конституционной революции в Персии.

² Имеется в виду 1-й Лабинский генерала Засса полк (Стрелянов (Калабухов), 2007: 47).

перейти в соседний с консульством дом одного русскоподданного, куда многие последовали, но были и те, кто остался во дворе консульства под открытым небом. Часть жителей разошлась по своим селениям, но другая – продолжала находиться у вице-консульства до тех пор, пока восставшие не были бы наказаны (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 81).

Приход русской казачьей сотни предупредил беспорядки в городе, но не предотвратил их. Нужно было понимать, что, как только шахсевены осознали бы, что сотня пришла для защиты только вице-консульства, а не являлась авангардом крупного экспедиционного отряда, обстановка могла бы дестабилизироваться.

Обострение ситуации на русской границе не дало себя долго ждать. Так, 25 мая 1909 г. шахсевены Мамед Кули в количестве 25 человек обстреляли русские пограничные посты «Промежуточный» и «Эдышинский», перебравшись на русскую территорию, хищники угнали из двух русских селений около 200 голов крупного рогатого скота (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 83). В июне 1909 г. бакинский губернатор оповестил русскую администрацию о том, что партия шахсевенов в составе 200 человек напала на один из пограничных постов. После перестрелки, длившейся несколько часов, пограничники нападение отбили. В 1909 г. у многих российских постов появились кладбища с крестами на могилах погибших в борьбе с шахсевенами (Стрелянов (Калабухов), 2007: 42).

Ситуация вышла из-под контроля 3 июля. Накануне восставшие дали губернатору Ардебиле срок – 24 часа – для сдачи крепости, а по его истечении открыли сильную стрельбу. Губернатор отвечал сначала ружейным огнем, а затем и орудийным. В продолжавшейся в течение дня перестрелке, которая угрожала несколько раз и зданию вице-консульства, принимали участие с одной стороны – фидаи, отряд Мамед Кули хана аларского и ходжабеглинцы; с другой – конвой губернатора и отряд полатлинцев. Последние выбили революционеров из ближайшей к крепости части города, разграбили ее и подожгли несколько домов; фидаи ограбили базар и другую часть города. Потери за этот день составили со стороны губернатора – 1 убитый и два раненых; со стороны революционеров – 3 убитых и 3 пленных (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 90-90 об.). В то же время орудийный огонь особенного вреда городу не причинил. Во время грабежей пострадали конторы двух русскоподданных, которые обратились за помощью в вице-консульство. Однако оно, дабы не дробить небольшой казачий отряд на части и не допускать участия русских войск в этом противостоянии в помощи отказало. Взамен было предложено все ценности перенести на территорию консульства, а на домах русскоподданных вывесить русские флаги (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 90-90 об.).

5 июля вице-консул Гирс докладывал по дипломатическому ведомству: «Никто из наших пока не пострадал. Сегодня к вечеру стрельба, грабежи и поджоги возобновились, революционеры усиливаются, губернатор бездействует» (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 91).

Дестабилизация обстановки была и в Урмии. Управляющий русским вице-консульством в Урмии коллежский ассессор Миллер (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 96) сообщал, что в ночь на 25 мая между революционерами и турецкими аскерами¹, которые охраняли турецкое консульство в Урмии, произошла перестрелка, причем фидаи бросили несколько бомб; убито 6 аскеров и ранено 7. Утром 26 мая революционеры бежали в сторону Карадаха. В Дильман прибыло до 150 аскеров и много курдов. Перепуганные дильманцы просили защиты у турецкого консула, который объявил себя временным губернатором (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 96).

7 июня Миллер телеграфировал, что турки постепенно стягивают аскеров к Урмии. Теперь в городе и ближних селениях до 150 аскеров, ожидают еще 50 из Мованы. 12 июня в Урмию вошло еще около 100 аскеров, а к вечеру – множество курдов и крестьян-суннитов, вызванных якобы для защиты турецких подданных против революционеров (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 96-96 об.). Начались повальные грабежи в городе, окрестностях; 12-го июня утром произошла перестрелка между урмийцами, аскерами и курдами. Согласно данным Миллера, убитых и раненых с обеих сторон было до 10 человек, в том числе ранен 1 аскер. Только вмешательство чиновников русского вице-консульства в Урмии остановило беспорядки: революционеры отошли из квартала, занятого турками, а турки удалили курдов. После этого грабежи продолжались еще три дня, хотя курды и уходили постепенно из селений (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 96 об.).

Неспокойно было и на таврической дороге. Революционеры, грабившие там селения, ранили и увели в плен из селения Зал старшего рабочего дорожного участка Дарадиз. Для освобождения раненого был послан взвод казаков, который был встречен выстрелами всадников. В перестрелке революционеры потеряли 3 всадников и 7 раненых. У казаков была убита лошадь. Раненый рабочий был освобожден. Согласно данным дипломатической переписки, революционеры насильно набирали в окрестных селениях всадников и вымогали деньги (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 97). Для предотвращения беспорядков генералом Снарским 24 июля была отправлена рота стрелков при двух пулеметах для охраны дороги (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 97-97 об.).

Сложная ситуация сохранялась и в Ардебиле. Так, по сообщениям вице-консула Гирса, по состоянию на 25 июля в городе было сравнительно спокойно. Революционеры занимались организацией выборов депутатов в меджлис и членов местного энджумена, формированием войска и

¹ Аскер – турецкий солдат.

милиции, а также учреждением разных комитетов и комиссий. Средства на эти деньги силой изымались у населения, а особенно у бывших противников конституции. Окрестности и весь округ продолжали оставаться в руках шахсеев. Гирс также доложил, что выезжавшая на днях за город сотня казаков была обстреляна шахсеевами, а при возвращении обстреляна революционерами (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 98).

5. Заключение

Завершая, важно отметить, что в сложных условиях революции в Персии защита русскоподданных на этой территории возлагалась на русские консульские учреждения, которые находились в северо-западных провинциях Персии вблизи русской границы в Закавказье. Хотя после победы революционеров в Персии Россия для избежания дальнейшего противостояния с Англией в этой стране, как-то отстранилась от активного участия, тем не менее резкое ухудшение криминогенной обстановки заставило русскую администрацию ввести экспедиционный отряд для охраны консульских учреждений в Персии. Практически сразу же зоны, в которых находились русские гарнизоны, стали островками безопасности для персидского сельского населения, а такое положение вещей не устраивало революционеров.

6. Благодарности

Настоящее исследование осуществлялось при поддержке Научно-исследовательского фонда центральных университетов Китая. Проект 3072019CFP0902.

Литература

- ЦГИАГ – Центральный государственный исторический архив Грузии.
 Стрелянов (Калабухов), 2007 – Стрелянов (Калабухов) П.Н. Казаки в Персии. 1909–1918 гг. М., 2007.
 Ter-Oganov, 2015 – Ter-Oganov N. The Anglo-Russian Compromise of 1907 and the Downfall of Mohammad Ali Shah Qajar // *Voennyi Sbornik*. 2015. 9(3): 158-178.
 Широкоград, 2003 – Широкоград А.Б. Россия – Англия: неизвестная война, 1857–1907. М., 2003.
 Bonakdarian, 1991 – Bonakdarian M. The persia committee and the constitutional revolution in Iran // *British Society for Middle Eastern Studies. Bulletin*. 1991. 18(2): 186-207.
 Olson, 1986 – Olson W.J. Anglo-Iranian Relations During World War I. London, 1986.
 Stanwood, 1983 – Stanwood F. War, Revolution & British Imperialism in Central Asia. London, 1983.
 Mclean, 1978 – Mclean D. English radicals, Russia and the fate of Persia 1907-1913. // *English Historical Review*. 1978. 93(CCCLXVII): 338-352.
 Stanwood, 1978 – Stanwood F. Revolution and the 'Old Reactionary Policy': Britain in Persia, 1917 // *The Journal of Imperial and Commonwealth History*. 1978. 6(2): 144-165.
 Taran, 2014 – Taran K.V. The everyday life of the mounted police guard force in the territory of the Black Sea Governorate (1901-1909) // *Bylye Gody*. 2014. 34(4). pp. 582-585.
 Taran, 2015 – Taran K.V. Rural communities on the outskirts of the Russian Empire amid the First Russian Revolution (through the example of villages within the Black Sea Governorate) // *Bylye Gody*. 2015. 35(1). pp. 124-132.
 Taran, 2015a – Taran K.V. Propaganda Activities of Socialist Revolutionaries of the Black Sea Province in 1905 // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2015. Vol. (3). Is. 1. pp. 4-13.
 Taran et al., 2016 – Taran K.V., Dyuzhov A.V., Kocherga S.A. The teaching staff of the public education system in the period of the First Russian Revolution (1905-1907 years) (on the materials of the Black Sea province) // *Bylye Gody*. 2016. 39(1), pp. 229-236.
 Taran et al., 2017 – Taran K.V., Dyuzhov A.V., Rassolov, I.M. The activities of the Armenian parties dashnaksutyun and gnchak on the territory of the black sea province at the beginning of the XX century // *Bylye Gody*. 2017. 43(1). pp. 248-256.
 Taran, Kurbanov, 2018 – Taran K., Kurbanov R. The armed uprising in the Sochi district of the Black Sea governorate in the Russian Empire (1905-1906) and its interpretation in the exhibition of the regional museum // *Brukenenthal. Acta Musei*. 2018. 13(1), pp. 81-94.
 Taran, Byshkov, 2019 – Taran K.V., Byshkov P.A. The activities of the Novorossiysk committee of the union of railwaymen during the first Russian revolution // *Bylye Gody*. 2019. 52(2): 873-879.

References

- Bonakdarian, 1991 – Bonakdarian M. (1991). The Persia committee and the constitutional revolution in Iran. *British Society for Middle Eastern Studies. Bulletin*. 18(2): 186-207.
 Mclean, 1978 – Mclean D. (1978). English radicals, Russia and the fate of Persia 1907–1913. *English Historical Review*. 93(CCCLXVII): 338-352.
 Olson, 1986 – Olson W.J. (1986). Anglo-Iranian Relations During World War I. London.
 Shirokorad, 2003 – Shirokorad A.B. (2003). Rossiya – Angliya: neizvestnaya voyna, 1857–1907 [Russia – England: Unknown War, 1857–1907]. M. [in Russian]

- Stanwood, 1978 – Stanwood F. (1978). Revolution and the 'Old Reactionary Policy': Britain in Persia, 1917. *The Journal of Imperial and Commonwealth History*. 6(2): 144-165.
- Stanwood, 1983 – Stanwood F. (1983). War, Revolution & British Imperialism in Central Asia. London.
- Strelyanov (Kalabukhov), 2007 – Strelyanov (Kalabukhov) P.N. (2007). Kazaki v Persii. 1909–1918 gg. [Cossacks in Persia. 1909–1918]. M. [in Russian]
- Taran et al., 2016 – Taran K.V., Dyuzhov A.V., Kocherga S.A. (2016). The teaching staff of the public education system in the period of the First Russian Revolution (1905-1907 years) (on the materials of the Black Sea province). *Bylye Gody*. 39(1), pp. 229-236.
- Taran et al., 2017 – Taran K.V., Dyuzhov A.V., Rassolov, I.M. (2017). The Activities of the Armenian Parties Dashnaksutyun and Gnchak on the Territory of the Black Sea Province at the beginning of the XX century. *Bylye Gody*. 43(1). pp. 248-256.
- Taran, 2014 – Taran K.V. (2014). The everyday life of the mounted police guard force in the territory of the Black Sea Governorate (1901-1909). *Bylye Gody*. 34(4). pp. 582-585.
- Taran, 2015 – Taran K.V. (2015). Rural communities on the outskirts of the Russian Empire amid the First Russian Revolution (through the example of villages within the Black Sea Governorate). *Bylye Gody*. 35(1). pp. 124-132.
- Taran, 2015a – Taran K.V. (2015). Propaganda Activities of Socialist Revolutionaries of the Black Sea Province in 1905 // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 3(1): 4-13.
- Taran, Byshkov, 2019 – Taran K.V., Byshkov P.A. (2019). The activities of the Novorossiysk committee of the union of railwaymen during the first Russian revolution. *Bylye Gody*. 52(2): 873-879.
- Taran, Kurbanov, 2018 – Taran K., Kurbanov R. (2018). The armed uprising in the Sochi district of the Black Sea governorate in the Russian Empire (1905-1906) and its interpretation in the exhibition of the regional museum. *Brukenthal. Acta Musei*. 13(1), pp. 81-94.
- Ter-Oganov, 2015 – Ter-Oganov N. The Anglo-Russian Compromise of 1907 and the Downfall of Mohammad Ali Shah Qajar // *Voennyi Sbornik*. 2015. 9(3): 158-178.
- TsGIAG – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii [Central state historical archive of Georgia].

«Наш шах – русский император»: малоизвестные страницы гражданской войны в Персии. Часть 1

Тяньмин Гао ^{a, *}, Александр Черкасов ^{b, c}, Сергей Братановский ^{d, e}, Нугзар Тер-Оганов ^f

^a Харбинский инженерный университет, Харбин, Китай

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Институт государства и права РАН РФ, Москва, Российская Федерация

^f Тель-Авивский университет, центр иранских исследований, Израиль

Аннотация. В статье рассматриваются малоизвестные страницы из истории Персидской революции 1905–1911 гг., в частности события 1909 г. в северо-западных районах Персии. Уделено внимание процессу эскалации насилия, движущим силам революционного движения, а также деятельности русских дипломатических миссий.

Материалами для подготовки статьи стали неопубликованные документы из Центрального государственного исторического архива Грузии (Тбилиси, Грузия). В качестве источников были привлечены документы центральных государственных учреждений Российской империи, а именно – Министерства иностранных дел, дипломатических миссий в Ардебиле, Тавризе, Урмии, ведомственная переписка русских пограничных частей с канцелярией наместника царя на Кавказе и др. В качестве материалов также использованы источники личного происхождения.

В заключении авторы отмечают, что в сложных условиях подъема революционного движения в Персии роль защиты русскоподданных на этой территории возлагалась на русские дипломатические миссии, которые находились в северо-западных провинциях Персии вблизи русской границы в Закавказье. После победы революционеров в Персии Россия отказалась от активной роли в этой стране, однако резкое ухудшение криминогенной обстановки заставило русскую администрацию ввести экспедиционный отряд для охраны дипломатических миссий. Практически сразу же зоны, в которых находились русские гарнизоны, стали островками безопасности для персидского сельского населения, а такое положение вещей не устраивало революционеров.

Ключевые слова: Персидская революция, дипломатические миссии, экспедиционные части, шахсены, фидаи.

* Корреспондирующий автор

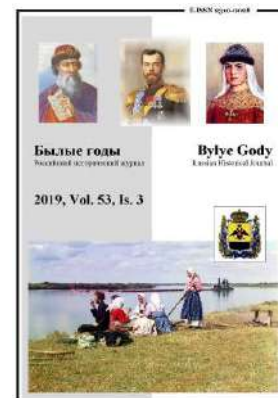
Адреса электронной почты: gtxmmail@sina.cn (Т. Гао), sochi003@rambler.ru (А. Черкасов)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1373-1382. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1373
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Activities of Turkish Agents in the Central Asian Borderlands of the Russian Empire in the early XX century according to the Materials of the Reports of the Officer on Special Assignments of the Ministry of Interior L. Naumov

Yuliya A. Lysenko ^{a, b, c, *}

^aAltai State University, Russian Federation

^bInternational Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^cVolgograd State University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the reports of the special instructions officer of the Ministry of Internal Affairs L. Naumov, prepared by him on the basis of a trip to the Central Asian outskirts of the Russian Empire in 1910. During the trip L. Naumov had to find out the scale of propaganda work of Turkish emissaries in the region, the degree of penetration of the ideas of pan-Turkism and pan-Islamism in the minds of the indigenous Muslim population. From the information presented in the reports it follows that after the young Turk revolution of 1908, in the Turkestan Governor-General, Bukhara Emirate and Khiva khanate, the work of Turkish residents, aimed at promoting Russophobia, pan-Turkism and pan-Islamism, was significantly intensified. Turkey also actively involved Afghans in the work in the region, using traditional contacts with the Afghan Emirate and considering it the sphere of its geopolitical interests. In his reports L. Naumov cites facts indicating the formation among the Muslim population of the Russian Turkestan adherents propagandized by Turkey ideas, which was expressed in the birth of the Islamic reform movement and the newfangled Muslim education, the refusal to follow all the instructions of the Koran. However, according to the information collected by the official, the traditional Muslim clergy continued to occupy a leading position in the spiritual and religious life of the indigenous population. The negative attitude of the Muslim leaders of Bukhara, Kokand and a number of other cities of Turkestan to the ideas of pan-Islamism, suggesting a spiritual Union of Sunnis and Shiites, allowed L. Naumov to draw conclusions about the futility of the work of Turkish residents in the region and the absence of threats to the territorial integrity of the Russian Empire in the Central Asian suburbs.

Keywords: Islam, pan-Islamism, pan-Turkism, Russian Empire, Turkestan, Turkey, Muslim communities.

1. Введение

Завоевание Российской империей в 50–60 гг. XIX в. центральноазиатских владений неизбежно наталкивалось на противодействие Великобритании и Османской империи. Правящие круги султанской Турции традиционно рассматривали Средний Восток – Афганистан, Бухарский эмират и Хивинское ханство – зоной своих интересов и в рамках доктрины пантюркизма строили планы создания единой мусульманской империи. Англия, понимая крайне сомнительную обоснованность и неосуществимость данных претензий, поддерживала их, рассчитывая на ослабление позиций России в Центральной Азии (Мухамедшин, Абашинов, 2013: 87). В свою очередь бухарские эмиры, апеллируя к авторитету турецкого султана как покровителя всех мусульман, на протяжении XIX в. поддерживали

* Corresponding author

E-mail addresses: iulia_199674@mail.ru (Yu.A. Lysenko)

постоянные дипломатические отношения с османами, периодически направляли посольства в Стамбул с призывами защищать центральноазиатских мусульман от России.

Для распространения пантюркистских идей в 50–60 гг. XIX в. Османская империя направляла турецких духовных лидеров в Туркестан, организовывала встречи с бухарским духовенством, сбор денежных средств на строительство новых культовых учреждений в святых местах. Также была налажена работа эмиссаров турецких клерикальных кругов с паломниками, посетившими Мекку; с ними в Туркестан из Османской империи осуществлялась передача писем от имени турецкого султана к хивинскому хану, бухарскому эмиру и туркменским племенным вождям с призывом объединиться вокруг Турции. Кроме этого турецкие правящие круги смогли организовать непрерывную пересылку в центральноазиатские владения России литературы, призывавшей «страны ислама» к поддержке политики Османской империи (Тихонов, 2008: 246-252).

По условиям российско-бухарского договора 1868 г. и российско-хивинского договора 1873 г. Бухарский эмират и Хивинское ханство становились российскими протекторатами и лишились возможности проведения самостоятельной внешней политики. Однако Турция продолжила соперничество с Россией за политическое и культурное влияние в Центральной Азии. На протяжении 70–90 гг. XIX в. связи бухарских эмиров и османских султанов только укреплялись. Новой формой работы стала отправка в Туркестан турецких агентов под видом паломников, торговцев, дервишей. Перед ними ставилась задача наряду с военнополитической разведкой вести идейную обработку народов Центральной Азии, формируя русофобские настроения.

В начале XX в. на фоне событий первой русской революции 1905–1907 г. политизация мусульманских общин Туркестана, рост их самосознания и общественно-политической активности стали рассматриваться российскими правящими кругами как фактор, «способствующий соединению национального и конфессионального самосознания восточных народов и порождению угрозы территориальной целостности империи» (Ремнев, 2006: 7). События Турецкой революции 1908 г., сопровождавшиеся активизацией деятельности турецких агентов в центральноазиатских владениях России, а также суннитско-шиитская резня в Бухаре в январе 1910 г. (Мухамедшин, Абашин, 2013: 114-116), требовали от России принятия кардинальных мер, способных обеспечить безопасность ее территорий в Туркестане. Для сбора достоверной информации о религиозной ситуации и деятельности турецких агентов в регионе Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД направил в 1910 г. в Туркестан чиновника особых поручений VI класса Л. Наумова. Результаты поездки в 1911 г. под грифом «секретно», «доверительно» или «совершенно доверительно» были оформлены Л. Наумовым в виде семи отдельных докладов. Главная их задача – дать ответ на вопрос: являлась ли деятельность турецких эмиссаров в российском Туркестане реальным вызовом для империи и может ли она угрожать ее присутствию в Центральной Азии.

2. Материалы и методы

Основой для подготовки статьи выступили семь докладов чиновника особых поручений Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД Л. Наумова, отложившиеся в фонде 821 Российского государственного исторического архива (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458). В них анализируется мусульманское образование в Туркестане и деятельность Комитета новометодных школ в Ташкенте, влияние ишанов на духовную жизнь мусульманских общин региона, паломничество мусульман Туркестана в святые места – Мекку и Медину и т.д. Наиболее информативными для подготовки статьи стали 5, 6 и 7 доклады Л. Наумова, посвященные анализу деятельности турецких эмиссаров и представителей афганского эмира в Туркестанском генерал-губернаторстве и Бухарском эмирате и определению их роли в формировании антироссийских настроений среди местного мусульманского населения (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 98-162).

Объективность представленной в отчетах информации подтверждается тем, что Л. Наумов фактически сам вел разведку ситуации, посещал мектебы и медресе, встречался с мусульманскими духовными деятелями и лидерами Туркестана, рядовыми жителями Ташкента, Коканда и других городов, чиновниками региональной администрации, в частности с училищными наблюдателями Туркестанского учебного округа, Российским политическим агентом в Бухаре. Ценность данного источника еще и в том, что при подготовке докладов Л. Наумов работал с текущей документацией Штаба Туркестанского военного округа и его Разведывательного управления. Несомненно, что данный источник, впервые введенный в научный оборот, существенно дополнит представление о деятельности турецких агентов в Туркестанском крае в начале XX в.

Методологической основой статьи выступает цивилизационный подход, в рамках которого Туркестанский край рассматривается как этнотерриториальная единица Российской империи с особым религиозным фундаментом и специфичными формами организации социально-духовной жизни. Для реализации исследовательских задач в статье использовались конкретно-исторические методы познания – историко-генетический и историко-сравнительный.

3. Обсуждение

В отечественной историографии вопросы истории иностранной резидентуры в центральноазиатских владениях Российской империи начали изучаться в 50–70 гг. XX в. Они рассматривались в контексте общего анализа международной ситуации на Среднем Востоке, развития российско-хивинско-бухарских отношений и усиления англо-российского соперничества за регион (Бекмаханов, 1957; Джамгерчинов, 1959; Набиев, 1973; Тухтаметов, 1969; Халфин, 1957; Халфин, 1959). Единственной работой, посвященной собственно проблемам взаимоотношений хивинских и бухарских правителей с Османской империей, является статья известного исследователя политики Российской империи в Средней Азии Н.А. Халфина. В ней ученый приходит к выводу о том, что активность турецких эмиссаров и пропаганда идей мусульманской солидарности была прикрытием для деятельности английских агентов, конечной целью которых «являлось превращение всего Туркестана в английскую колонию» (Халфин, 1957а: 29-45).

С 90-х гг. XX в. отечественная историографическая ситуация проблемы турецкой резидентуры в центральноазиатских владениях Российской империи кардинально не изменилась, несмотря на существенный рост интереса исследователей к изучению вопросов религиозной политики России в Туркестане (Арапов, 2004; Литвинов, 2006; Лысенко, 2014). Среди авторов, затрагивавших данную проблему, следует назвать Т.В. Котюкову, проанализировавшую переписку высокопоставленных российских военных и гражданских чиновников по вопросу об отношении русско-подданных мусульман к пропаганде, распространяемой османскими эмиссарами (Котюкова, 2004: 85-94); А.К. Тихонова, рассматривавшего конкретные формы и методы работы турецких эмиссаров среди мусульманского населения Российской империи, в том числе в Туркестане (Тихонов, 2008: 246-252); Р.Г. Ланда, в исследованиях которого представлены некоторые сведения о тайных визитах османских агентов в Центрально-Азиатский регион на протяжении XIX в. (Ланда, 2004). Важно отметить, что турецкая агентура в это время активно работала и на территории Кавказа (Karataev, 2016; Cherkasov et al., 2015; Cherkasov et al., 2016; Cherkasov et al., 2017).

Некоторые сведения по истории турецкой резидентуры в Центральной Азии содержатся в монографии международного российско-узбекского научного коллектива, посвятившего специальный раздел анализу борьбы Петербурга и Стамбула за политическое, экономическое и культурное влияние в Центральной Азии (Мухамедшин и др., 2013: 96-124). И только в исследованиях А.Д. Васильева предпринята попытка комплексного анализа данной проблемы (Васильев, 2014).

В целом анализ степени изученности проблемы позволяет утверждать, что она недостаточно представлена в историографии. Выявленные в РГИА доклады чиновника особых поручений МВД Л. Наумова существенно дополняют историю турецкой резидентуры в центральноазиатских владениях Российской империи и позволяют определить ее основные результаты.

4. Результаты

Поездка в 1910 г. чиновника особых поручений Л. Наумова по городам и областям Туркестанского генерал-губернаторства и Бухарского эмирата, целью которой являлся анализ религиозной ситуации в регионе и определение роли турецких и афганских агентов в распространении идей панисламизма и пантюркизма, не была случайностью. К этому времени в Бухарском эмирате сложилась достаточно напряженная внутривнутриполитическая ситуация, характеризовавшаяся противоборством группировки бухарского эмира с традиционным мусульманским духовенством.

При поддержке эмира Абдулахда (1885–1910 гг.) с 90-х гг. XIX в. Российская империя осуществляла политику фронтальной модернизации в Бухарском эмирате. Происходило поэтапное включение государства в российскую таможенную, рублевую, судебную-правовую и налоговую зону. Интеграция Бухары в российское экономическое пространство, помимо торговли, осуществлялась посредством расширения производства товарного хлопка для российской текстильной промышленности и строительства сети железных дорог (Lysenko, Goncharov, 2017: 1480–1487). Эмир Абдулахад являлся генералом от кавалерии русской армии, почетным атаманом Терского казачьего войска, имел придворное звание генерал-адъютанта, носил титул «высочество» и «был награжден всеми русскими орденами вплоть до высшего императорского ордена Святого Андрея Первозванного». Он неоднократно бывал при дворе российского императора в Петербурге, посещал многие города России, имел дачу в Крыму, в Ялте (Мухамедшин, Абашин, 2013: 112-113).

Многочисленное и консервативное мусульманское духовенство Бухарского эмирата выступало оппозицией пророссийски настроенному эмиру Абдулахду. Оно «отстаивало деспотические порядки, выражало недовольство эмиру за его уступки правительству России, протестовало против постройки шоссейной дороги Самарканд–Термез, против открытия банков, заводов в Новой Бухаре. Модернизация объявлялась духовенством противоречащей шариату и духу ислама». Попытки эмира Абдулахда противопоставить суннитскому духовенству персов-шиитов и привлечь последних к управлению государством спровоцировали в январе 1910 г. национально-религиозную резню между узбеками и иранцами, проживавшими в Бухаре (Мухамедшин, Абашин, 2013: 113).

Противоборство двух группировок в Бухаре разворачивалось на фоне революционных событий 1908 г. в Турции. Новое турецкое правительство значительно усилило пропаганду идей панисламизма и пантюркизма на Среднем Востоке, в том числе в Туркестанском генерал-губернаторстве и Бухарском эмирате. Все данные внешнеполитические обстоятельства не могли остаться без внимания Российской империи, всегда рассматривавшей Центральную Азию сферой своих геополитических интересов. С целью выяснения реальной религиозной ситуации на месте для дальнейшего принятия мер по устранению возникших угроз безопасности в регионе и состоялась поездка Л. Наумова.

В своих докладах Л. Наумов сообщает о двух маршрутах проникновения турецких агентов в пределы центральноазиатских владений Российской империи. Первый из них – из Азербайджана по Каспийскому морю в пределы Закаспийской области – являлся менее популярным, так как проходил через территории туркменских племен, был сложен и небезопасен. Второй маршрут, более популярный среди иностранной резидентуры, – с территории Афганистана в Бухарский эмират, затем – в пределы Туркестанского генерал-губернаторства (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 99).

Популярность второго маршрута объяснялась, прежде всего, лояльностью бухарских властей к турецким подданным, что подкреплялось традициями многовековой дружбы между двумя мусульманскими государствами. По данным Л. Наумова, основная масса турецких эмиссаров проникала в Туркестанское генерал-губернаторство под видом врачей, торговцев, нищих, получив предварительно рекомендательные письма от бухарского куш-беги – главы правительства Бухарского эмирата. Бухарцы крайне «уважительно относятся к туркам и на бухарской таможне никогда не проводят досмотр их багажа». Кроме этого, нелегальному проникновению на территорию эмирата турецких резидентов благоприятствовал тот факт, что бухарско-афганская граница фактически не контролировалась Россией. У созданного в марте 1911 г. российского Полицейского отделения в Бухаре был крайне незначительный штат, и выявлять всех иностранцев, нелегально проникавших в регион, у него не было возможности. Турки при пересечении бухарско-афганской границы обязаны были предъявлять российским полицейским разрешение на въезд и паспорт, пройти регистрацию по адресу прибытия. Однако, как свидетельствует Л. Наумов, в реальной жизни это было фактически невозможно, поскольку турецкие подданные, как правило, не имели разрешения на въезд в Бухару, отказывались предъявлять паспорта и сотрудничать с российскими полицейскими чинами, «стремились проскочить мимо станций, на которых располагаются отделения полиции, чтобы скрыться без прописки» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 155 об.).

По информации, представленной в докладах Л. Наумова, контакты Бухары с Турцией в 1908–1910 гг. принимали «все более оживленный характер». Ссылаясь на генерал-квартирмейстера Штаба Туркестанского военного округа, фамилия которого в докладе не указана, Л. Наумов приводит следующие данные. В 1907 г. Туркестан посетил один из флигель-адъютантов турецкого султана Измаил Хакки, в 1909 г. в регионе «под видом нищих» находились турецкий офицер Хаджи Омар Эффенди и «турецкий разведчик» Али Бей, в 1910 г. – Мухаммед Эффенди Худояр Оглы (воспитанник ветеринарной школы в Константинополе), Джан Али Актиан (отставной турецкий офицер), студент Таш Булат Нар Бута Беков¹ (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 99).

В пределах Туркестанского генерал-губернаторства турецкие эмиссары также пользовались значительным влиянием и авторитетом среди местного населения. Прибывая в города края, они точно знали, где остановиться. Объяснялась данная ситуация Л. Наумовым развитием паломничества мусульман Туркестана в святые места – Мекку и Медину. По его данным в Самаркандской области в 1905 г. паспорта на выезд в Турцию получили 1680 мусульман, 1906 г. – 3683, 1907 г. – 4303, 1908 г. – 2294, 1909 г. – 1455, 1910 г. – 5068 мусульман. В Сырдарьинской области в 1907 г. паспорта получили 649 мусульман, 1908 г. – 632, 1909 г. – 323, 1910 г. – 497 (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 87). По заключению Л. Наумова, «паломничество в Мекку является одним из главных факторов приведения в среду туркестанских мусульман идеи панисламизма». В доказательство им приводится ряд свидетельств о том, что после возвращения из Мекки большинство паломников начинали активно сотрудничать с турецкими эмиссарами, «в значительном количестве разъезжающими по Туркестану» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 89 об.).

Работа турецких агентов в регионе сводилась к проведению многочисленных «небольших собраний, на которых обсуждалась программа дальнейших мероприятий для успешной пропаганды панисламистских идей среди мусульман Туркестанского края» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 99 об.). Кроме этого иностранные агитаторы распространяли религиозную и религиозно-политическую литературу. Так, Л. Наумов сообщает, что ежегодно в Туркестане появлялось около 40–50 газет и журналов, издаваемых в Персии («Молла Насреддин», «Хикмет», «Сабах», «Икодам», «Тердиюнан и Накикат», «Аллива», «Серветифунаун») и Турции («Таза-Геят», «Иукахамат», «Иршад», «Меджилис», «Тараки», «Нузоффар», «Кошкун», «Алжи-Мал», «Суфи Исрафим»). В большинстве из них содержались публикации с «руссофобскими настроениями», высмеивавшие также старое мусульманское духовенство, призывавшие к реформаторству в исламе и объединению всех тюркских народов под главенством турецкой партии «Единение и прогресс». Особой популярностью среди

¹ Здесь и далее все имена приводятся как в источнике.

сартовской молодежи Туркестана, по данным Л. Наумова, пользовалась газета «Сирот-уль-Мустеким», авторство антироссийских статей в которой приписывалось бывшему подданному Российской империи, члену Оренбургского мусульманского духовного собрания, мулле, сибирскому татарину Абдул Рашид Ибрагимову (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 101 об.).

Помимо Турции, в Туркестанском генерал-губернаторстве и Бухарском эмирате активно действовали мусульманские проповедники из Афганистана. В связи с заключением в 70-х гг. XIX в. российско-бухарских и российско-хивинских договоров, лишивших Турцию возможности свободного въезда на территорию этих государств, последняя стала рассматривать Афганский эмират в качестве основной базы для распространения идей панисламизма в Азии. Влияние турок в Афганистане было достаточно сильным, что едва не привело Афганистан, как известно, к вступлению в Первую мировую войну на стороне Османской империи. По данным Л. Наумова, основанным на донесениях Штаба Туркестанского военного округа, в Бухаре в 1910 г. проживало не менее 5000 афганцев, в Самарканде – до 2000, в Керках – 1000, в Термезе – до 300, в Коканде – 100, в Мерве – до 400 афганцев. Районом активной деятельности афганских «проповедников и агитаторов» являлась южные территории Бухарского эмирата, наиболее отдаленные от Туркестанского генерал-губернаторства и российских властей (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 105).

В дневниках Л. Наумов приводит информацию, позволяющую утверждать, что шпионаж афганского эмира в Бухарском эмирате и Туркестанском генерал-губернаторстве «был поставлен очень организованно». Каждый вернувшийся из России афганец должен был сообщать афганским властям сведения, «хотя бы случайно собранные в русских пределах». Агенты, посылаемые из Кабула и афганского Туркестана (Чарвилайета), непосредственно подчинялись афганскому торговому представителю Мухеммед Гаус хану, проживавшему в Старой Бухаре. Последний, получая от агентов донесения, направлял их в Мазари-Шарифскую почтовую контору для дальнейшей пересылки пакетов в канцелярию афганскому эмиру. Л. Наумов сообщает, что разведка Туркестанского военного округа в декабре 1910 г. арестовала Мухеммед Гаус хана. При обыске у него изъяли личный фирман эмира афганского Хабибуллы-хана (1901–1919 гг.) с приказанием выяснить причины ареста российскими властями в Бухаре нескольких афганских разведчиков, а также донесения Гаус хана о смерти хивинского хана. При обыске также выяснилось, что в распоряжении Гаус хана находилось около 80 разведчиков (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 107–107 об.).

В докладе Л. Наумова содержится информация, сегодня хорошо известная в историографии (Мухамедшин, Абашин, 2013: 114), – факт отправки в Кабул к афганскому эмиру и в Константинополь в Турцию в конце 1910 г. двух петиций от 56 влиятельных бухарцев с просьбой об оказании им военной и денежной помощи в свержении бухарского эмира Абдулахада. И, как свидетельствует Л. Наумов, помощь была им оказана. По распоряжению афганского эмира Хабибуллы в первой половине декабря 1910 г. в Старой Бухаре появилось около 500 вооруженных афганских воинов. Турция предоставила бухарцам страницы наиболее влиятельных и авторитетных газет для антироссийской пропаганды. Вооруженный переворот в Бухаре не состоялся только из-за естественной смерти эмира Абдулахада и восшествия на трон его сына – эмира Мир Алима, пользующегося популярностью среди бухарского народа (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 108 об.). Тем не менее афганский эмир Хабибулла-хан, опасаясь, что Бухара после смерти Абдулахада «будет обращена в русскую провинцию», приказал приграничным гарнизонам «быть готовыми к возможной войне с Россией» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 106).

Отдельный сюжет в докладах Л. Наумова посвящен анализу контактов турецких резидентов с татарами – подданными Российской империи и их роли в распространении в Туркестане идей пантюркизма и панисламизма. По мнению Л. Наумова, исключительной заслугой татар стало зарождение в регионе реформаторского движения в исламе, проявившегося, прежде всего, в создании сети новометодных школ с преподаванием в них светских дисциплин. Такие школы, как правило, открывались без официального разрешения туркестанской администрации, туркестанские училищные наблюдатели не владели информацией об их количестве, качестве и содержании преподавания в них. Однако Л. Наумову было точно известно, что татары-учителя преподают в новометодных школах по учебникам, изданным в Казани и Константинополе, главной задачей «воспитания сартовских детей» в них была «идея привития им сознания общности всех мусульман мира под эгидой Турции» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 129 об.).

Наиболее востребованными новометодные школы были среди сартовского купечества – «сословия более прогрессивно настроенного в силу своей деятельности» и потребностей в образовании своих детей для продвижения бизнеса. После того как российская туркестанская администрация в 1907–1908 гг. выявила в регионе сеть незаконных новометодных школ и издала распоряжение о запрещении татарам преподавать в них, родители учащихся, детей сартов г. Коканда, подали администрации прошение за подписью 351 человека «с просьбой вернуть татар в школы». Этот и еще ряд фактов позволили Л. Наумову сделать вывод о том, что в «прогрессивное движение в духе новейших панмусульманских течений в Туркестанском крае имеет уже под собой достаточно прочную почву, образуемую туземной, преимущественно денежной аристократией» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 133).

В ходе личных бесед с молодыми сартами Л. Наумов констатировал, что последние «настроены весьма враждебно против стариков и своего духовенства», от них он слышал «жалобы на косность своих соплеменников», «на преобладающее направление сартовской образованности, не выходящей из узких рамок изучения религиозной схоластики», а также «горячие выпады» против духовного класса, «в особенности ишанов, которые любят только деньги» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 134-134-об.).

В ходе поездки по Туркестану у Л. Наумова состоялся ряд встреч с известными общественно-политическими деятелями региона, взгляды и убеждения которых позволили чиновнику сделать выводы о значительном проникновении реформаторских идей в сознание региональной этноэлиты. Например, при личной беседе с бывшим депутатом Государственной думы от г. Коканда Салимджаном Мухамеджановым последний высказывал идею об автономии Туркестанского края. «Известный казах» Серали Лапин, автор русско-сартовского словаря, в беседе с Л. Наумовым убеждал последнего в превосходстве ислама, в том, что «Л. Толстой лишь другим путем дошел до признания тех же принципов, что исповедует Коран», и призывал Россию «не вводить в Туркестане никакой другой культуры, кроме технической» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 135).

По сведениям Л. Наумова, благодаря деятельности турецкого агента Ага Риза Куль Хана Хаджи Али Асгарханова в Бухаре появился оппозиционный консервативному мусульманскому духовенству кружок младобухарцев. В 1910 г. он прибыл в Старую Бухару и собрал вокруг себя единомышленников, недовольных запретом на открытие новометодных школ и господством традиционалистов-клерикалов. В состав кружка вошли Мир Бадалиев – начальник туземной канцелярии при Российском политическом агентстве в Бухаре, Раис – помощник главного начальника всех медресе в Бухаре, Аглям – муфтий Старой Бухары, несколько купцов и чиновников. Большая их часть посещала Казань, Константинополь, Египет и «стремилась к приобретению европейских знаний», мечтала «о самостоятельном Бухарском государстве, которое хотели бы устроить по образцу единой Турции» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 148 об.-149).

По оценке Л. Наумова, опиравшейся на данные Полицейского управления Старой Бухары, партия младобухарцев находилась на этапе своего становления и испытывала колоссальное влияние Турции. Из младобухарцев было сформировано отделение турецкой партии «Единение и прогресс», в Константинополе «при участии турецких панисламистов» открыто медресе Ены Джами для обучения молодежи из Бухары и Туркестана. Средства на содержание школы собирались из добровольных пожертвований туркестанских и бухарских мусульман.

Л. Наумов удавалось по крупницам собирать информацию, способную сформировать представление о политической платформе младобухарцев, несмотря на то, что собственно программы у партии еще не было. Чиновник подчеркивал, что для этого ему пришлось опрашивать Политического агента России в Бухаре Лютша, его заместителей, представителей Туркестанского охранного отделения в Старой Бухаре. Однако он подчеркивал, что представленная платформа – это субъективное мнение чиновников, их «личные домыслы», не подкрепленные достоверной информацией. В целом, деятельность младобухарцев преследовала следующие цели: восстановление независимости Бухары и изгнание русских; изъятие из обращения русских монет и кредитных билетов; ограничение прав эмира Советом выборных; свобода учреждения новометодных школ; свободное общение бухарцев с Турцией; беспрепятственный въезд турок в Бухару (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 151). На основании данных требований можно утверждать, что младобухарцы провозглашали либерально-демократические принципы и свободы и отстаивали политическую независимость своего государства.

Несмотря на широкую пропаганду панисламистских и пантюркистских идей в Туркестанском генерал-губернаторстве и Бухарском эмирате, организованную турецкими властями, Л. Наумов констатировал, что «широкого распространения в руководимой муллами народной массе эти доктрины еще не имеют». Причин данной ситуации он выделил несколько.

Главная их них – это содержание идеологии панисламизма, призывающей к объединению всех мусульман – и суннитов, и шиитов. Чиновник констатировал, что в среде туркестанского сартовского купечества появляются тенденции, связанные с «охлаждением к религиозным обрядностям» и стремлением к прекращению многовековой вражды между суннитами и шиитами. Примером выступил лидер реформаторского мусульманского движения в Ташкенте Муновар Кары Абдуррашитханов и его сподвижники, которые «подобно татарам, перестали уже исполнять посты и намазы и не находят никаких препятствий к объединению суннитов и шиитов». Эти же идеи Л. Наумов фиксировал у «молодых сартов купеческого сословия, в частности от сына биржевого маклера в Коканде, сына ташкентского купца, муллы Икрам ходжи Сарымсакова» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 102 об.).

Однако, как подчеркивает Л. Наумов, в Туркестанском крае и Бухаре по-прежнему господствовало традиционное консервативное мусульманское духовенство, которое оказывало главенствующее влияние на духовную жизнь мусульманских общин региона. Из-за существующих многовековых разногласий на религиозно-идеологической почве суннитское духовенство Туркестана и Бухары никогда, по мнению чиновника, не пойдет на сближение с шиитами и никогда не будет

призывать к этому коренное население. В доказательство Л. Наумов приводил произошедшую в Старой Бухаре в 1910 г. суннитско-шиитскую резню и пересказ бесед с влиятельнейшими региональными духовными лидерами. Один из них – преподаватель медресе г. Коканда Мамаджа-Максум – только от вопроса: «Смогут ли объединиться сунниты и шииты?» – поразил Л. Наумова «взрывом ненависти». Подчеркивая, что «шииты Персии тоже фанатики своего толка», Л. Наумов пришел к выводу, что «старая мусульманская образованность, поскольку она еще долго будет пользоваться авторитетом у мусульман Туркестанского края, ни в коем случае не допустит объединения суннитов и шиитов» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 102-103 об.).

Еще более сложное и противоречивое отношение у коренного населения Туркестанского края, по мнению Л. Наумова, вызывала идея пантюркизма. В своих докладах он сообщал, что даже прогрессивная мусульманская молодежь региона, стремившаяся к изучению турецкого языка, «не очень разделяет панисламизм и пантюркизм», считая их единой идеологической константой. Среди мулл-традиционалистов лишь незначительная часть «видела в возрождении Турции благой пример, которому должны последовать мусульмане Туркестана». Основная же масса населения Туркестана еще «не выяснила для себя, как относиться к новому государственному строю Турции и свержению султана Абдуль-Гамида» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 104 об.).

Таким образом, Л. Наумов подошел ко второй причине низкой результативности деятельности турецких агентов в Туркестане и слабого проникновения идей пантюркизма и панисламизма. По его мнению, для этого в регионе не сформировались необходимые предпосылки. «Для усвоения теории панисламистов, – отмечал чиновник в одном из докладов, – не говоря уже о сознательно-критическом отношении к этой доктрине, необходим известный уровень развития и образованности. Задачу исполнения данного пробела взяли на себя наши казанские и оренбургские татары. В массе своей представители этой народности в Туркестанском крае являют собой тип полуинтеллигента, в лучшем случае, с цензом городского училища и газетною начитанностью, которая заменяет ему действительное образование» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 126). Таким образом, Л. Наумов делал вывод о том, что, несмотря на развитие сети традиционных и новометодных мусульманских образовательных учреждений, основная масса мусульманского населения региона не образованна и не готова к восприятию идей пантюркизма и панисламизма и татары-учителя не смогут в ближайшем будущем изменить ситуацию.

Не менее важной причиной слабого успеха в деятельности турецких резидентов в Туркестанском крае Л. Наумов считал господство традиционалистских мусульманских кругов в политической жизни Бухарского эмирата, которые регулировали жизнь мусульманских общин всего российского Туркестана. «Священная в глазах мусульманского мира Средней Азии Бухара, – отмечал он в своем седьмом докладе, – является одним из наиболее могущественных факторов, воздействующих на духовную жизнь населения Туркестана». Влияние Бухары проявлялось в самом широком формате и охватывало все сферы жизнедеятельности мусульманских общин региона, но «исключительно в духе старого мусульманского мировоззрения, не затронутого вовсе новейшими течениями мусульманской мысли». Поэтому, по наблюдениям Л. Наумова, Бухара в начале XX в. представляла собой «тлеющий очаг мусульманского фанатизма, усердно раздуваемый мусульманским духовенством, все старания которого направлены к охранению ханства от всяких реформаторских тенденций эмиров и нарождающейся в Бухаре партии младобухарцев» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 141).

Духовное притяжение Бухары для мусульман Туркестанского края проявлялось, прежде всего, в массовом паломничестве к святым местам – могиле Бахаваддина – основателя суфийского ордена Накшбандия. Кроме этого, среди мусульманского населения Туркестана очень высоко ценилось теологическое образование, возможность получения которого предоставляли медресе Старой Бухары. При посещении бухарских медресе Л. Наумов встречал в них сартов, татар, афганцев, хивинцев (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 143-143 об.). К событиям в Турции и Персии, приведшим к установлению конституционных режимов в данных государствах, большинство мулл и мударрисов Бухары относились крайне отрицательно и враждебно. Как отмечал Л. Наумов, такое восприятие событий было связано с их опасениями, что любые, даже самые скромные реформы в Бухаре могут затронуть традиционную мусульманскую систему образования, достаточно автономную и приносящую колоссальные доходы от вакуфов. Этим же обстоятельством Л. Наумов объяснял крайне враждебное отношение мусульманского духовенства к умершему эмиру Абдулахаду за его «дружбу с Россией» и проводимые Россией реформы (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 145).

Таким образом, чиновник был склонен считать, что, несмотря на активизацию турецких и афганских агентов в Бухарском эмирате в 1908–1910 гг., здесь не имелось предпосылок для большой результативности их деятельности. «Главную роль в Бухарском эмирате играет все же консервативная партия, относящаяся к обновленной Турции с некоторым недоверием, почему широкого распространения панисламистских воззрений среди массы бухарского народа в ближайшем будущем ожидать еще нельзя. Зверская резня шиитов в январе 1910 г., – подчеркивал Л. Наумов, – служит лучшим подтверждением справедливости высказанной мысли» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 156 об.).

5. Заключение

В целом из представленной в докладах Л. Наумова информации следует, что после младотурецкой революции 1908 г. в Туркестанском генерал-губернаторстве и Бухарском эмирате значительно активизировалась деятельность турецких резидентов, нацеленная на пропаганду русофобии, пантюркизма и панисламизма. Турция также активно привлекала к работе в регионе афганцев, используя традиционные контакты с Афганским эмиратом и считая его сферой своих геополитических интересов. Определенная часть мусульманского населения российского Туркестана положительно воспринимала пропагандируемые Турцией идеи, что находило выражение в отказе следовать всем предписаниям Корана, зарождении исламского реформаторского движения и новометодного образования, мелкобуржуазной младобухарской партии. В то же время в своих докладах Л. Наумов многократно акцентировал внимание на главенствующей роли традиционного мусульманского духовенства в духовно-религиозной жизни коренного населения Туркестана и Бухарского эмирата. Его негативное отношение к идеям панисламизма, предполагавшим духовное объединение суннитов и шиитов, в также низкий уровень образования коренного мусульманского населения и засилье ортодоксального ислама, позволяли Л. Наумову сделать выводы о бесперспективности работы турецких агентов и отсутствии угрозы с их стороны территориальной целостности Российской империи в центральноазиатских окраинах.

6. Благодарности

Работа выполнена за счет средств гранта РФФИ (проект №19-18-00023).

Литература

- [Арапов, 2004](#) – *Арапов Д.Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). М., 2004. 287 с.
- [Бекмаханов, 1957](#) – *Бекмаханов Е.Б.* Присоединение Казахстана к России. М., 1957. 342 с.
- [Васильев, 2014](#) – *Васильев А.Д.* Знамя и меч от падишаха. Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI – начало XX вв.). М., 2014. 356 с.
- [Джамгерчинов, 1959](#) – *Джамгерчинов Б.Д.* Присоединение Киргизии к России. М., 1959. 435 с.
- [Котюкова, 2004](#) – *Котюкова Т.В.* Турецкие эмиссары в России. Документы ЦГА РУз. 1910–1914 гг. // *Исторический архив.* М., 2004. № 4. С. 85–94.
- [Ланда, 1995](#) – *Ланда Р.Г.* Ислам в истории России. М., 1995. 311 с.
- [Литвинов, 2006](#) – *Литвинов В.П.* Религиозное паломничество: региональный аспект: на примере Туркестана эпохи Средневековья и Нового времени. Елец, 2006. 377 с.
- [Лысенко и др., 2014](#) – *Лысенко Ю.А., Анисимова И.В. и др.* Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX вв.). Барнаул, 2014. 271 с.
- [Мухамедшин и др., 2013](#) – *Мухамедшин Ф.М., Абашинов С.Н. и др.* Россия – Средняя Азия: политика и ислам в XVIII – начале XXI вв. М., 2013. 480 с.
- [Набиев, 1973](#) – *Набиев Р.Н.* Из истории Кокандского ханства. Ташкент, 1973. 388 с.
- [Ремнев, 2006](#) – *Ремнев А.В.* Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // *Вестник Евразии.* М., 2006. Т. 4. С. 1–17.
- [РГИА](#) – Российский государственный исторический архив.
- [Тихонов, 2008](#) – *Тихонов А.К.* Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX вв. СПб., 2008. 365 с.
- [Тухтаметов, 1969](#) – *Тухтаметов Г.Г.* Россия и Хива в конце XIX – начале XX вв. Победа Хорезмской народной революции. М., 1969. 141 с.
- [Халфин, 1957](#) – *Халфин Н.А.* Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX в.). Ташкент, 1957. 251 с.
- [Халфин, 1957а](#) – *Халфин Н.А.* Султанская Турция и английская экспансия в Средней Азии (50–80 гг. XIX в.) // *Среднеазиатский гос. университет им. Ленина.* Вып. 94. Кн. 14. Ташкент. 1957. С. 29–45.
- [Халфин, 1959](#) – *Халфин Н.А.* Провал британской агрессии в Афганистане (XIX – начало XX вв.). М., 1959. 210 с.
- [Cherkasov et al., 2015](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Kryukova N.I., Molchanova V.S.* The Moving of the Ubykhs to the Russian Service as a Result of the Peace Initiatives in the First Half of the 1840s years. // *Bylye Gody.* 2015. (3). 37: 541–548.
- [Cherkasov et al., 2016](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Metreveli R.V., Molchanova V.S.* The Destruction of the Christian Historical-Cultural Heritage of the Black Sea Area: Trends and Characteristics (the Late 18th and First Half of the 19th centuries). // *Annales Ser. hist. sociol.* 2016. 26(1): 1–12.
- [Cherkasov et al., 2017](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* The Losses of the Russian army during the Caucasian war (1801–1864): Historical and statistical research. // *Bylye Gody.* 2017. 43(1): 68–85.

Karataev, 2016 – Karataev V.B. The Advocacy Activities of the Foreign Emissaries in the North-Western Caucasus // *Propaganda in the World and Local Conflicts*, 2016, Vol. 6, Is. (2), pp. 52-58.

Lysenko, Goncharov, 2017 – *Lysenko Yu. A., Goncharov Yu. M.* The Emirate of Bukhara and the Khanate of Khivan in foreign policy of the Russian Empire: experience of the frontier modernization // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 46. Is. 4, pp. 1480-1487.

References

Arapov, 2004 – *Arapov D.Yu.* (2004). Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya islama v Rossiyskoy imperii (poslednyaya tret XVIII – nachalo XX v.) [The system of state regulation of Islam in the Russian Empire (the last third of XVIII – early XX centuries)]. M., 287 p. [in Russian]

Bekmakhanov, 1957 – *Bekmakhanov E.B.* (1957). Prisoyedineniye Kazakhstana k Rossii [Kazakhstan's accession to Russia]. M., 342 p. [in Russian]

Cherkasov et al., 2015 – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Kryukova N.I., Molchanova V.S.* (2015). The Moving of the Ubykhs to the Russian Service as a Result of the Peace Initiatives in the First Half of the 1840s years. *Bylye Gody*. (3). 37: 541-548.

Cherkasov et al., 2016 – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Metreveli R.V., Molchanova V.S.* (2016). The Destruction of the Christian Historical-Cultural Heritage of the Black Sea Area: Trends and Characteristics (the Late 18th and First Half of the 19th centuries). *Annales Ser. hist. sociol.* 26(1): 1-12.

Cherkasov et al., 2017 – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* (2017). The Losses of the Russian army during the Caucasian war (1801-1864): Historical and statistical research. *Bylye Gody*. 43(1): 68-85.

Dzhamgerchinov, 1959 – *Dzhamgerchinov B.D.* (1959). Prisoyedineniye Kirgizii k Rossii [Accession of Kyrgyzstan to Russia]. M., 435 p. [in Russian]

Karataev, 2016 – Karataev V.B. (2016). The Advocacy Activities of the Foreign Emissaries in the North-Western Caucasus. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. Vol. 6. Is. (2). pp. 52-58.

Khalfin, 1957 – *Khalfin H.A.* (1957). Angliyskaya kolonialnaya politika na Srednem Vostoke (70-e gody XIX v.) [English colonial policy in the Middle East (70-ies of the XIX century)]. Tashkent, 251 p. [in Russian]

Khalfin, 1957a – *Khalfin H.A.* (1957). Sultanskaya Turtsiya i angliyskaya ekspansiya v Sredney Azii (50–80 gg. XIX v.) [Sultan's Turkey and English expansion in Central Asia (50–80 years of the XIX century)]. *Sredneaziatskiy gosudarstvennyy universitet im Lenina*, Vyp. 94, №. 14, Tashkent, pp. 29-45. [in Russian]

Khalfin, 1959 – *Khalfin N.A.* (1959). Proval britanskoy agressii v Afganistane (XIX – nachalo XX v.) [Failure of the British aggression in Afghanistan (XIX – beginning of XX century)]. M., 210 p. [in Russian]

Kotyukova, 2004 – *Kotyukova T.V.* (2004). Turetskiye emissary v Rossii. Dokumenty TsGA RUz. 1910–1914 gg. [Turkish emissaries in Russia. Documents TSGA RUz. 1910–1914 gg]. Istoricheskiy arkhiv, M., № 4, p. 85-94. [in Russian]

Landa, 1995 – *Landa R.G.* (1995). Islam v istorii Rossii. [Islam in Russian history]. M., 311 p. [in Russian]

Litvinov, 2006 – *Litvinov V.P.* (2006). Religioznoye palomnichestvo: regionalnyy aspekt: na primere Turkestana epokhi srednevekovia i novogo vremeni [Religious pilgrimage: regional aspect: on the example of Turkestan of the middle ages and modern times]. *Elets*, 377 p. [in Russian]

Lysenko i dr., 2014 – *Lysenko Yu.A., Anisimova I.V. i dr.* (2014). Traditsionnoye kazakhskoye obshchestvo v natsionalnoy politike Rossiyskoy imperii: kontseptualnyye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX – nachalo XX v.) [Traditional Kazakh society in the national policy of the Russian Empire: conceptual foundations and mechanisms of implementation (XIX – early XX century)]. Barnaul, 271 p. [in Russian]

Lysenko, Goncharov, 2017 – *Lysenko Yu.A., Goncharov Yu.M.* (2017). The Emirate of Bukhara and the Khanate of Khivan in foreign policy of the Russian Empire: experience of the frontier modernization. *Bylye Gody*, Vol. 46, Is. 4, pp. 1480-1487. [in Russian]

Mukhamedshin, Abashin, 2013 – *Mukhamedshin F.M., Abashin S.N. i dr.* (2013). Rossiya – Srednyaya Aziya: politika i islam v XVIII – nachale XXI v. [Russia – Central Asia: politics and Islam in the XVIII – early XXI]. M., 480 p. [in Russian]

Nabiyev, 2006 – *Nabiyev R.N.* (2006). Iz istorii Kokandskogo khanstva. [From the history of Kokand khanate]. Tashkent, 1973, p. 388. [in Russian]

Remnev, 2006 – *Remnev A.V.* (2006). Tatory v kazakhskoy stepi: soratniki i soperniki Rossiyskoy imperii [Tatars in the Kazakh steppe: colleagues and rivals of the Russian Empire]. *Vestnik Evrazii*, M., T. 4, pp. 1-17. [in Russian]

RGIA – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. [Russian state historical archive].

Tikhonov, 2008 – *Tikhonov A.K.* (2008). Katoliki. musulmane i iudei Rossiyskoy imperii v posledney chetverti XVIII – nachale XX v. [Catholics. Muslims and Jews of the Russian Empire in the last quarter of XVIII – early XX centuries]. Spb., 365 p. [in Russian]

Tukhtametov, 1969 – *Tukhtametov G.G.* (1969). Rossiya i Khiva v kontse XIX – nachale XX v. Pobeda Khorezmskoy narodnoy revolyutsii [Russia and Khiva in the end of XIX – beginning of XX century the Victory of the Khorezm people's revolution]. M., 141 p. [in Russian]

Vasilyev, 2014 – *Vasilyev A.D.* (2014). *Znamya i mech ot padishakha. Politicheskiye i kulturnyye kontakty khanstv Tsentralnoy Azii i Osmanskoy imperii (seredina XVI – nachalo XX vv.)* [The banner and the sword of the Sultan. Political and cultural contacts of the khanates of Central Asia and the Ottoman Empire (mid XVI – early XX centuries)]. M., 356 p. [in Russian]

Деятельность турецких агентов в центральноазиатских окраинах Российской империи в начале XX в. по материалам докладов чиновника особых поручений МВД Л. Наумова

Юлия Александровна Лысенко ^{a, b, c, *}

^a Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются доклады чиновника особых поручений Министерства внутренних дел Л. Наумова, подготовленные им по итогам командировки в центральноазиатские окраины Российской империи в 1910 году. В ходе поездки Л. Наумову предстояло выяснить масштабы пропагандистской работы турецких агентов в регионе, степень проникновения идей пантюркизма и панисламизма в сознание коренного мусульманского населения. Из представленной в докладах информации следует, что после младотурецкой революции 1908 г. в Туркестанском генерал-губернаторстве, Бухарском эмирате и Хивинском ханстве значительно активизировалась работа турецких резидентов, нацеленная на пропаганду русофобии, пантюркизма и панисламизма. Турция также активно привлекала к работе в регионе афганцев, используя традиционные контакты с Афганским эмиратом и считая его сферой своих геополитических интересов. В своих докладах Л. Наумов приводит факты, свидетельствующие о формировании среди мусульманского населения российского Туркестана приверженцев пропагандируемых Турцией идей, что выражалось в зарождении исламского реформаторского движения и новометодного мусульманского образования, отказе следовать всем предписаниям Корана. Однако, по собранной чиновником информации, традиционное мусульманское духовенство продолжало занимать лидирующие позиции в духовно-религиозной жизни коренного населения. Негативное отношение мусульманских лидеров Бухары, Коканда и ряда других городов Туркестана к идеям панисламизма, предполагавшим духовное объединение суннитов и шиитов, позволяло Л. Наумову сделать выводы о бесперспективности работы турецких агентов в регионе и отсутствии угрозы территориальной целостности Российской империи в центральноазиатских окраинах.

Ключевые слова: ислам, панисламизм, пантюркизм, Российская империя, Туркестан, Турция, мусульманские общины.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко)

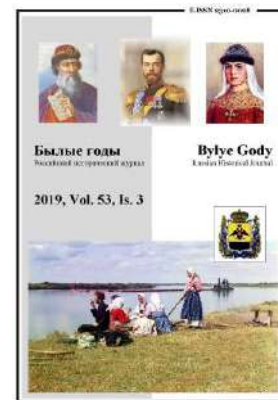

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1383-1393. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1383
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

From Hostility to Friendship: the Russian-Romanian Relations in the Years Prior to the Outbreak of the First World War

Sorin Arhire ^{a, *}

^a “1 Decembrie 1918” University of Alba Iulia, Romania

Abstract

Due to its diplomatic isolation in the late nineteenth and early twentieth centuries, Romania's foreign policy turned towards Germany and Austro-Hungary, although the Romanian politicians, as well as the broader public, wanted to obtain Transylvania, a province belonging to Budapest. Romania started getting closer to Russia during the Balkan Wars of 1912–1913, understanding the need to get Russian support for their Great Romania project. In turn, the government in Saint-Petersburg realized that the kingdom on the Danube could be important to the European balance in the Balkans, as a bridge between the Russian Empire and the Slavic states of the Balkans. In March 1914 the heir to the Romanian throne Prince Ferdinand and Princess Marie visited Russia, and this was followed three months later by the reciprocal visit of Tsar Nicholas II and the imperial family. Due to these visits, which were widely covered by newspapers in Russia and Romania but also in other European countries, Russian-Romanian relations became much tighter. The visits were not without consequences. Although Romania was still formally an ally of the Central Powers when the First World War started, it preferred to remain neutral and two years later it entered the war siding with Russia, France and Great Britain.

Keywords: Tsar Nicholas II, King Carol I, the Grand Duchess Olga Nicolaevna, Heir Prince Ferdinand, Prince Carol, the Triple Alliance, the Triple Entente, Russian-Romanian visits, Constantza, newspaper articles.

1. Introduction

Although Romania had won its independence following the 1877–1878 Russo-Turkish War, a confrontation in which the Romanian army had joined the Tsarist forces in military operations against the Ottoman Empire, Russian-Romanian relations went through a cooling phase immediately after victory against the Ottomans, which explains why Romania's foreign policy turned to the Triple Alliance. Not only the Russian Empire's control over Bessarabia, a province they had annexed in 1812 following the Treaty of Bucharest, but also the annexation in 1878 of the counties of southern Bessarabia, Cahul, Bolgrad and Ismail (for which Romania got the Dobrudja and the Danube Delta in exchange) were the main reasons that Russian-Romanian relations were anything but friendly in the late nineteenth and early twentieth centuries. The mistrust in Romanian government circles and especially the suspicions of King Carol I regarding Saint Petersburg's politics on maintaining the status quo in the Balkans were increased by the fact that after the 1877–1878 Russo-Turkish War the principality of Bulgaria had become a genuine Russian protectorate.

Although the Romanian state wanted to obtain Transylvania, a province which had belonged directly to Budapest since 1867, the foreign policy of the government in Bucharest turned to Austro-Hungary and Germany simply because they wanted to end the diplomatic isolation which they found themselves in. Romania, whose independence had been recognised for the first time following the San Stefano Treaty (19 February/3 March 1878) and then reconfirmed by the Berlin Treaty (1/13 July 1878), was tied to the

* Corresponding author

E-mail addresses: sorin.arhire@uab.ro (S. Arhire)

Triple Alliance through a document signed in 1883 with Austro-Hungary, later joined by Germany and Italy. This treaty, that was renewed on a yearly basis, for the last time in 1913, had a defensive character, its second article stating that:

If Romania were attacked without any provocation from its side, Austro-Hungary undertakes to provide timely support and assistance against the aggressor. If Austro-Hungary is attacked under the same circumstances at one of its sides that borders Romania, the latter shall be immediately subject to *casus foederis* (Mamina, 1997: 28).

This orientation of Romanian foreign policy lasted for over 30 years and was noticed both by the Saint Petersburg government and by the Russian press. Through its attitude, the Romanian state could change the power relations between the Russian Empire and Austro-Hungary as the military plans of the Triple Alliance relied on cooperation with the Romanian army against Russia which, in the event of a war between Austro-Hungary and Russia, was supposed to cover the right flank of the alliance by attacking Odessa (Crețu, Racovițan, 2017: 120). Even though the situation is presented in a slightly exaggerated light by the “Svet” newspaper, the passage below describes the discontent of the article’s author with regard to Romania’s relations with the Triple Alliance:

The Kingdom of Romania, which is almost entirely integrated into the interests and aims of the Triple Alliance which were so eagerly adhered to by all its state and army men, has close and friendly bonds with Austro-Hungary and is entirely solidary with its strong neighbour in all the details of its Eastern Policy. Thus, their mutual relations are such that we could not doubt that Romania is ready to assist Austro-Hungary wherever it is ordered to do so (FAMR. F. Petrograd. D. 8. Svet, 8 July 1898).

Still, Romanian politicians and the country’s press and public opinion were mostly favourable to the Entente powers and especially to France, which explains why the 1883 treaty was kept secret, known only to the king and the prime-ministers (Mamina, 1997: 28)¹ that succeeded to the realms of the Romanian government, and was never subject to parliamentary ratification. In early 1914, the forming in Bucharest of a government managed by Ion I. C. Brătianu, known for his affinity with the Entente, increased the French and Russian influence in Romania further, especially considering the Romanian prime-minister’s expression of his clear intention for Transylvania, which was a province with a Romanian ethnic majority belonging to Hungary, to become a Romanian territory.

The day shall come when the Austro-Hungarian edifice will collapse and the disparate elements that make it up will follow their own aspirations. We must stand prepared to welcome our brothers from Transylvania without any opposition and, to this end, Russian support may prove helpful (Oprea, 1998: 59).

2. Discussion

The Romanian-Russian visits of 1912–1913

Despite the existence of the secret treaty of 1883, Romania had actually started getting closer to Russia during the 1912–1913 Balkan Wars. In its turn, the government in Saint Petersburg realised that Romania had a significant importance for the exercise of its influence in the Balkans as the kingdom on the Danube could act as a bridge between Russia and the Slavic states while also counterbalancing the Austro-Hungarian influence in south-eastern Europe (Pohoăț, 2011: 2). Proofs of the closer Russian-Romanian ties in the years before the outbreak of the First World War were both the visit of the heir to the Romanian throne, Prince Ferdinand, and Princess Marie to Saint Petersburg and the coming of Tsar Nicholas II to Constantza accompanied by a large delegation as well as by the members of the imperial family. Among the Russian-Romanian visits of the early twentieth century it is worth mentioning the coming of a delegation made up of the Grand Duke Vladimir Alexandrovich, the Grand Duchess Maria Pavlovna and the Grand Duke Boris Vladimirovich to Predeal in 1907 as well as the fact that a Romanian military mission travelled to Saint Petersburg in January 1914 to take part in the inauguration of a monument dedicated to the Grand Duke Nicholas Nicolaevich. As is well known, these official visits are not random now and nor were they then, but rather have an important signification as they show the good political relations between two countries and a desire for cooperation in various fields.

The first discussions regarding the visit to Saint Petersburg of the Romanian heir to the throne took place in 1912 when a Russian military mission travelled to Bucharest led by the Grand Duke Nicholas Mihailovich, who was to hand King Carol I the baton of field marshal of the Russian army on behalf of Tsar Nicholas II. The Grand Duke Nicholas Mihailovich arrived in Bucharest accompanied by a large entourage and was welcomed at the railway station by King Carol I himself and by high Romanian military and civil dignitaries. The Russian military delegation was led to the Royal Palace where it was welcomed by Queen Elisabeth. In their three-day stay, from 26 November/9 December to 29 November/12 December, countless

¹ Not all Romanian prime-ministers were informed about the existence of this treaty or about its provisions. Thus, Theodor Rosetti (4–10 April 1888) and Petre S. Aurelian (3 December 1896 – 12 April 1897) did not know anything and other prime-ministers were given only some information. It was only Petre P. Carp (19 July 1900 – 27 February 1901), Titu Maiorescu (10 April 1912 – 17 January 1914) and Ion I. C. Brătianu, who acted as prime-minister during almost the entire First World War, that knew the text of the treaty in detail.

banquets and receptions were organised for the Russian guests. The field marshal's baton was handed over to the king at a festivity organised at the Royal Palace and followed by a Te Deum in the presence of the Russian and Bulgarian army men who had come to Bucharest to celebrate 35 years since the conquest of Plevna (28 November 1877), one of the main battles of the 1877–1878 Russo-Turkish War. Organised to counterweight the influence in Bucharest of the visit of the Austrian general Conrad von Hoetzendorf, the Chief of Staff of the Austro-Hungarian Army, the aim of the visit of the Russian military delegation was to untie Romania from the Central Powers and draw it onto the side of the Entente (Bușe, 2013: 14).

Postponed in 1913 due to Romania's participation in the Second Balkan War, but also to the fact that there was a Conference of Bucharest that year, the visit of Prince Ferdinand and his wife to the capital of the Russian Empire started on 15 March 1914 when they arrived in Tsarskoye Selo¹ and were received at the railway station by the tsar and tsarina, their daughters, the tsar's mother Empress Marie Feodorovna and also by a guard of honour whose commander was the Grand Duke Nicholas Nicolaevich (FAMR. F. Petrograd. D. 12. Peterburgskii Kurier, 16 March 1914). In honour of the Romanian guests, on 19 March the Russian minister of foreign affairs, Sergei Dmitrievich Sazonov² organised an official lunch followed by a reception to which all the ambassadors accredited in the capital of the Russian Empire were invited (FAMR. F. Petrograd. D. 12. Novoe Vremia, 21 March 1914). On the second day, a concert was organised at the Smolni Institute³ on the occasion of the anniversary of 150 years since the founding of that institution; besides the Romanian royal family members, the concert was also attended by the members of the Russian imperial family together with the tsar and the tsarina (FAMR. F. Petrograd. D. 12. Novoe Vremia, 21 March 1914). On 21 March they organised a breakfast at Tsarskoye Selo attended by 67 people, among which, again, the tsar and the tsarina, countless ministers of the Russian government and, of course, the Romanian guests. This important visit ended on 23 March when the Romanian delegation, led by Prince Ferdinand and Princess Marie, headed towards Ungheni⁴, the only place where the Russian railways joined the Romanian railways. One must mention that during this visit the Romanian Prince Carol, future king of Romania between 8 June 1930 and 6 September 1940, who was a member of the Romanian delegation, asked for the hand in marriage of the Grand Duchess Olga Nicolaevna, the tsar's older daughter, but was turned down. An important contribution to the initiative of asking for the tsar's daughter in marriage came from Constantin Diamandy, who had been recently appointed minister plenipotentiary of Romania to Saint Petersburg, as well as from the French ambassador accredited to the capital of the Russian Empire, Maurice-Georges Paléologue, who played an important role in setting up the French-Russian alliance before the outbreak of the First World War. There was even a rumour that when confronted with the princess's answer, the Romanian prince wanted to ask for the hand of the tsar's second daughter, the Grand Duchess Tatiana Nicolaevna, but only to save face. There is no exact knowledge as to why the plan to marry Carol to the tsar's oldest daughter failed, but certainly the tsar was not willing to give his first daughter to a prince coming from a small kingdom that had been proclaimed only in 1881 and whose independence had only been recognised three years prior to its proclamation. Besides, Princess Marie,⁵ the future queen of Romania, the mother of Prince Carol, was a first cousin of Tsar Nicholas II. Moreover, one could not ignore the fact that in accordance with some very persistent rumours of the time that were also covered by the Austrian press, the

¹ Tsarskoye Selo [the village of the tsar] hosts one of the two imperial palaces that are close to Saint Petersburg and the favourite residence of the last tsars, including Nicholas II. The Bolsheviks renamed the village Detskoye Selo [the village of the children] but today it bears the name of Pushkin. Although presently the town is named after the great poet and playwright who is considered the founder of modern Russian literature, the palace resumed its initial name of Tsarskoye Selo. During the Second World War, the building was conquered and completely devastated by the German army, including the famous Amber Room, an absolutely exquisite piece of interior design. Today the palace and the famous chamber are restored (Palatele).

² S. D. Sazonov was the foreign affairs minister of Russia between November 1910 and July 1916.

³ The building was erected between 1806 and 1808 by architect Giacomo Quarenghi as the seat of the Nobili Smolni Girls' Institute. Its creation was due to a 1764 decree of Catherine the Great and its existence was an important step forward in the access to education of women in Russia. The institute functioned under the patronage of the Russian empress until the 1917 Bolshevik Revolution (Nelipa).

⁴ A village in Romania on the right bank of the Prut River.

⁵ Of English origin through her father, Princess Marie was the second child of Duke Alfred of Edinburgh and of Marie Alexandrovna Romanov who had become a duchess of Edinburgh by marriage. She was born on 29 October 1875 and was the heiress of two ancient, imposing monarchic traditions. Missy, as she was called, was the granddaughter of Queen Victoria, the "Grandmother Queen", but also of Tsar Alexandre II, the "Grandfather Emperor". Since her father was constantly travelling at sea on increasingly longer and more frequent journeys, little Marie was raised in England almost exclusively by her mother who, although not at all indifferent to the influence of Great Britain in the world in the late nineteenth century, remained loyal to the Saint Petersburg customs which she considered superior to the British mores. In 1881, during her first journey to Russia, when she was only 6 years old, Missy was amazed by the imperial pomp and the splendour of the churches and understood that part of her belonged to Russia (Gauthier, 2004: 7–14).

Grand Duchess Olga Nicolaevna fancied her cousin, Dmitri, who was also the son of the Grand Duke Pavel Alexandrovich, the uncle of Tsar Nicholas II (FAMR. F. Petrograd. D. 12. *Schlesische Zeitung*, 26 April 1914).

The Russian press saluted the visit paid by the Prince Ferdinand, future King of Romania, emphasising the significant political importance of his coming.¹ In an article published on precisely the day when the Romanian delegation arrived, the “Peterburgskaia Gazeta” mentioned the fact that the prince came to Saint Petersburg “surrounded by the great aura of his sympathy for the Russian people and of the mutual sympathies of Russia for the distinguished guests” (FAMR. F. Petrograd. D. 12. *Peterburgskaia Gazeta*, 15 March 1914). It was anticipated that friendly relations between Russia and Romania would develop further after this visit while also reminding of the military collaboration between the two states during the 1877–1878 Russo-Turkish War when the Balkan Christians had rid themselves of the dominance of the Ottoman Empire and Romania had had its independence recognised by the great European powers (FAMR. F. Petrograd. D. 12. *Peterburgskaia Gazeta*, 15 March 1914). Nor did they forget about the recent Balkan Wars where Romania had shown solidarity with the Russian Empire in the settlement of the Balkan issues, underlining the fact that the “intrigues of Vienna” were not successful in attracting the Romanian Kingdom towards the Austro-Hungarian interests (FAMR. F. Petrograd. D. 12. *Peterburgskaia Gazeta*, 15 March 1914).

The visit was also widely covered by the press of the Triple Alliance countries, especially by the Austro-Hungarian newspapers; it was shown that the coming to Saint Petersburg of the distinguished guests would result in an even greater closeness between Russia and Romania and also in the latter’s exit from the influence of the Triple Alliance (FAMR. F. Petrograd. D. 12. *Reci*, 15 March 1914). In general, the Austrian gazettes explained this closeness by pointing out the mistakes of Austro-Hungarian diplomacy while, in an article entitled “Russisch-Rumänische Freundschaft”, the Viennese newspaper “Reichspost”, an organ of the Christian-Social Party, showed the importance that the Romanian state had in opening Russia’s road to the Black Sea straits, considering that Bulgaria’s foreign politics were already favourable to the Central Powers (FAMR. F. Petrograd. D. 12. *Reichspost*, 26 April 1914). Since the visit was frowned upon both in Vienna and in Berlin, some German newspapers preferred so say almost nothing about this event and “hide” it from their readers. But a newspaper in Frankfurt, mentioned by the “Novoe Vremia” newspaper, did not shy from stating that after the visit of the Romanian delegation to Saint Petersburg, Romania had either entered the orbit of the Triple Entente in the worst-case scenario regarding German interests or, in the best-case scenario, it had merely separated itself from the Triple Alliance and thus gained the freedom to choose the camp that was more favourable to it in the future. The explanation for this situation, as given by the author of the article published by the Frankfurt publication, is simple. The support of the Triple Alliance states was too weak to induce Romania to promote a foreign policy in line with the alliance’s vital interests, for Viennese diplomacy perceived the Romanian Kingdom as a “power of the Danube” and not as a Balkan state, a position which had, nevertheless, been disproven by Romania’s participation in the Second Balkan War and by its affirmation as the main Balkan power (FAMR. F. Petrograd. D. 12. *Novoe Vremia*, 16 March 1914).

The visit of Tsar Nicholas II to Constantza (1/14 June 1914)

The first concrete step towards planning the visit of the tsar to Romania was taken in early April 1914 when Constantin Diamandy asked the French ambassador to Saint Petersburg to ask the chief of the Russian diplomacy, Sergei Dmitrievich Sazonov, to accept the visit of Nicholas II to Bucharest (Oprea, 1998: 60). To avoid seriously offending Germany and Austro-Hungary, who were Romania’s allies, the government in Bucharest had to remain careful even though Romanian diplomacy had started to count increasingly on the support of the Entente powers. In consequence, fearing a strong reaction from the Central Powers, the Romanian minister plenipotentiary asked his French counterpart in the Russian capital to make the initiative of the Russian sovereign’s visit seem like a Russian proposal and to sell the idea of the Russian and Romanian diplomats discussing certain international problems in Bucharest as a desire of France (Oprea, 1998: 60). Sazonov accepted the idea of the visit but suggested that the Romanian diplomacy used the coming of the Russian sovereign to his summer retreat at Livadia, as the journey to Constantza could be interpreted as merely an extension of the route, and since the Romanian monarch had visited Russia in July 1898,² the Russian emperor could be seen as having “an old debt to pay to King Carol I” (Sazonov, 1927: 118). Just as three months before, when a Romanian royal party had visited Russia, rumours about an engagement

¹ Prince Ferdinand became King of Romania in the autumn of 1914, on 10 October, after the death of King Carol I, his uncle. Ferdinand I, also referred to as the Unifier, due to the fact that it was during his reign that Greater Romania was constituted, reigned until 20 July 1927 when he passed away.

² On 13 July 1898, King Carol I, the Romanian heir Prince Ferdinand, prime-minister D. A. Sturdza and a party largely made up of army men left from Sinaia to Warsaw. From here, the royal party travelled to Vilnius, Peterhof and Saint Petersburg, the capital of the Russian Empire, where the Romanian monarch brought flowers to the tombs of Tsars Alexandre II and Alexandre III and to the tomb of the Grand Duke Nicholas. The Romanian guests continued their journey to Moscow where they visited the Kremlin on the 20 July and four days later they got to Kiev. On 26 July, Carol I and his entourage returned to Sinaia. The visit was the first stage of the Russian-Romanian reconciliation which led, during the First World War, to the abandonment by Romania of the Central Powers and to it joining the Entente (Damean).

between the Grand Duchess Olga Nicolaevna and Prince Carol made their appearance again. In his book first published in 1921, Pierre Gilliard, the foreign languages teacher of the tsar and tsarina's five children mentioned an interesting dialogue that he had had with the Grand Duchess Olga Nicolaevna:

"Tell me the truth, monsieur: do you know why we are going to Rumania?"

In some confusion I replied:

"I believe it's a courtesy visit. The Czar is going to return the visit the King of Rumania paid him some time back."

"Oh, that's the official reason ... but what's the real reason? I know you are not supposed to know, but I'm sure everyone is talking about it and that you know it ..."

As I nodded in assent, she added:

"All right! But if I don't wish it, it won't happen. Papa has promised not to make me ... and I don't want to leave Russia."

"But you could come back as often as you like."

"I should still be a foreigner in my own country. I'm a Russian, and mean to remain a Russian!" (Gilliard, 1921: 94).

One must notice that this important political event happened in a very tense international context in Europe, as proven by the fact that two weeks afterwards, the Sarajevo incident happened which triggered the outbreak of the First World War. The fact of limiting the extension of German and Austro-Hungarian influence in the Balkans and the Middle East was mentioned in the Russian foreign political plan as drawn up by Sazonov in early 1914, and the improvement of Russian-Romanian relations was part of that plan (Uribe, 1968: 235-236). Constantza, a town with only 28,000 inhabitants at the time, had only been chosen because it was Romania's only port to the Black Sea, which facilitated the visit of the tsar and of the Russian imperial family because they travelled on the imperial yacht "Standard". They arrived accompanied by a sizeable delegation whose members were soon to play an important role in the participation of Russia in the war which broke in the summer of 1914, and here we could mention the foreign affairs minister, Sergei Dmitrievich Sazonov,¹ and the chief of his chancellery, Baron Mavriki Fabianovich Schilling, and the Russian minister plenipotentiary in Bucharest, Stanislav Alfonsovich Poklevski-Koziell,² but also countless representatives of the Army Commandment.

Although the official announcement of the mayor of Constantza, Virgil Andronescu, about the tsar's visit was only made on 16 May, the inhabitants of the town managed to mobilise for the important event. Buildings such as the Mircea cel Bătrân High School and the Sanitary Service were renovated, together with the streets where the troops were to march off. The established route of the official procession was decorated with garlands and lampions which gave the town a festive feeling. Three tribunes were prepared, summing 9,000 seats, and the Constantza town hall was bombarded with requests to get official seats (Ionescu). The "Expres Comercial" local newspaper gave a vivid description of the town:

From the port to the other end of the town they built imposing arches of triumph and reception pavilions and the whole town is decked with Russian and Romanian flags for it portrays the twinning of two peoples whose interests are such that they maintain a close and honest friendship (Ionescu).

Another local newspaper, "Liberalul Constanței", noted that "there is a splendid alley tying the Queen's pavilion to the pavilion that had been specially built to receive the Russian sovereigns. The alley continues into the town like a road of flowers, scattered with chrysanthemums and daisies" (Ionescu).

In an article entitled "Rumyniya i Rossiya" published on 22 June, "Novoe Vremia", a Russian newspaper of Saint Petersburg, acknowledged the financial efforts made both by the Romanian government and by the town's administration, mentioning that over 5 million francs had been spent to decorate and embellish the town, which was a considerable amount back then (FAMR. F. Petrograd. D. 8. Novoe Vremia, 22 June 1914).

All the inhabitants of the Romanian harbour to the Black Sea were called to contribute to the good development of the event, and the mayor Virgil Andronescu even issued an ordinance asking the citizens to decorate their houses as a token of appreciation for the important guests that were expected. Published in the local newspaper "Weekend Adevărul", the personal viewpoint of the city mayor leaves no doubt about his decision to give the tsar, the imperial family and the high Russian dignitaries the most beautiful welcome.

Faced with the high honour bestowed upon our city on this occasion, the city itself shall try to give our distinguished guests the most beautiful welcome so as to be at the height of the solemnity of the moment, which also requires significant expenses besides the rather important amounts spent by the state (Ionescu).

Early in the morning, the motorcades of ambassadors, generals and other high officials started heading towards the port together with locals and Romanians from all over the country as well as foreigners. This was

¹ As he could not withstand to travel by sea, Russia's foreign affairs minister got to Constantza by train, arriving on 30 May (Duca, 1992: 30).

² S. A. Poklevski-Koziell was the minister plenipotentiary of Russia to Romania between 1913 and 1917 with a 10-month interruption in 1916-1917 when General A. A. Mossolov was the head of the Russian Legation in Bucharest. After the Bolsheviks took power, Poklevski-Koziell refused to continue his diplomatic activity and preferred to be a political emigrant to Romania, where he died on 1 May 1937 (Guzun, 2016: 35, note 30).

a festive moment such as Constantza had never known before as the number of those who came into the town was estimated at 100,000 people (Ionescu).

The “Standard” accompanied by the yacht “Almaz”, escorted by the crusader “Kagul” and four torpedo boats, entered the waters of the Constantza port at 9:45 a.m. and half an hour later the tsar got off the ship and set foot on Romanian land. It was the first time a tsar of Russia together with his imperial family had arrived in Romania. It was also their last visit abroad prior to their tragic end. They were welcomed by King Carol I dressed in a Russian field marshal’s uniform – bearing the field marshal’s baton that had been handed to him two years before on behalf of the tsar, by Prince Ferdinand and his son, Carol, both dressed in Russian military uniforms according to their rank in the tsarist army. Canon rounds were fired in salute and the bells of the cathedral and all the churches of the area were tolled. The tsar, the king and Prince Carol reviewed the guard of honour, and then the Romanian monarch introduced to the tsar the members of the royal family and the Romanian dignitaries (Ionescu). This was followed by a Te Deum in the cathedral, celebrated by the Lower Danube bishop (Gilliard, 1921: 94), and at 1 p.m. a private lunch was served to the two families in the pavilion of Queen Elisabeth while the members of the two parties dined at the Casino. At 4:30 p.m. they took tea on the imperial yacht and then both the hosts and the guests watched the military parade of the 5th Corps of the Romanian Army. The parade also used modern technology, aeroplanes and heavy field howitzers; then, the king really wanted to show the tsar the port of Constantza which had cost the Romanian state about 100 million francs (FAMR. F. Petrograd. D. 12. *Novoe Vremia*, 22 June 1914). The evening started at 9:00 p.m. with an official banquet attended by 84 people, where Carol I made a welcome speech in French for his Russian guests to which the tsar replied in the same language (Gilliard, 1921: 95). While the Romanian monarch’s speech was more reserved, as it was well-known that he had never forgotten Germany,¹ his home country, even though he had resided in Romania since 1866, the tsar’s speech was a friendly criticism of Carol I’s foreign policy with emphasis on the fact that the alliance with Russia was a natural one, justified by the favourable attitude of public opinion and by the community of faith, both countries being orthodox (Crețu, Racovițan, 2017: 127–128). The festive dinner lasted two hours, and then the imperial party withdrew as the organisers displayed both torches and fireworks and the music of a brass band (Ionescu).

The Russian and Romanian newspapers were unanimous in their appreciation of the meeting in Constantza between Tsar Nicholas II and King Carol I, the members of the Russian imperial family and those of the Romanian royal house as well as between the high civilian and military dignitaries of the two countries. Thus, a special envoy of “Novoe Vremia” present at this important event wrote that there was not the slightest lack of harmony in Constantza and that the “meeting of the monarchs and their families was as cordial as possible and surrounded by the clearly expressed sympathy of the people” (FAMR. F. Petrograd. D. 12. *Novoe Vremia*, 22 June 1914). In the vision of the same special envoy, cordiality, sympathy and content were the suitable words to describe the meeting in Constantza, words which were if anything understated when compared to the reality. Further on, as if to anticipate the alliance which was to be sealed between the two countries during the First World War, it was said that “there is something still undefined but which promises a lot in the atmosphere of the Russian-Romanian relations” (FAMR. F. Petrograd. D. 12. *Novoe Vremia*, 22 June 1914).

The event that took place on 1/14 June 1914, the day when Constantza was the most important place in Europe, was fully reflected in the local press which gave detailed descriptions of the visit of the Russian sovereign and his family. “Expres Comercial” was a publication which came to some interesting conclusions, reproduced hereafter: “Whatever hides behind the curtains of this visit, whatever one may say, we must admit that it is a great honour, a reason of pride for us to have the Tsar of all Russians together with all his Family cross our threshold” (Ionescu).

A Bulgarian politician whose name was not mentioned by the “Novoe Vremia” and who was present at the tsar’s visit to Constantza, although saying that he saw none of the passionate enthusiasm that he would have seen had the Russian sovereign gone to Bulgaria, Serbia or Montenegro, did admit that the people of the town and the Romanian government circles displayed feelings of joy and a state that was close to enthusiasm, which was the most one could expect from the Romanians, considering that Romania had been separated from Russia for such a long time, like a beautiful sleeping girl isolated by a forest full of thorny shrub, an allusion to the evil effects of the diplomacy of the Triple Alliance states, especially Austro-Hungary, on Russian-Romanian relations (FAMR. F. Petrograd. D. 12. *Novoe Vremia*, 22 June 1914).

As expected, the tsar’s visit to Constantza was watched with a great deal of interest in Germany and Austro-Hungary, countries which were interested in keeping Romania on their side; the German and Austro-Hungarian newspapers wrote countless articles on this event. While the national newspapers displayed a rather reserved attitude, limiting themselves to presenting the toasts held by the two sovereigns, the party newspapers, especially those of the opposition, commented on the visit in detail. The latter publications underlined the fact that Romania had become very important for the European balance in the Balkans, but there were plenty of malicious comments that, following the meeting in Constantza, the Romanian kingdom

¹ Karl Eitel Friedrich Zephyrinus Ludwig von Hohenzollern-Sigmaringen was born in 1839 as the second son of Prince Karl-Anton von Hohenzollern-Sigmaringen, the Catholic branch of the Hohenzollern family. In 1866, he agreed to become the ruler of the United Principalities of Moldova and Wallachia, which later became Romania. His family was related to the Royal House of Prussia as well as to countless other royal families reigning in Europe (Lindenberg, 2003: 5–27).

had become nothing but a political and economic vassal of the Russian Empire to whom it had offered its help in the control of the Bosphorus and the Dardanelles. Between the lines one could even read veiled threats as they sought to remind Romanians that their country had a predominant position in the Balkans due to the support received from Austro-Hungary and not from Russia; there were even requests to strengthen the Austro-Hungarian border with Romania (Crețu, Racovițan, 2017: 128).

The formal aspect of the visit was just a smoke screen for the discussion of political problems, especially those of the Balkans which worried the tsar. The talks between Nicholas II and Carol I were held on the “Standard”, where the tsar also gave audiences to prime-minister Ion I. C. Brătianu and to the foreign affairs minister Emil Porumbaru. S. D. Sazonov had long talks with Romanian politicians, especially with the head of government, and besides Constantza, the Russian diplomat also visited Bucharest and Sinaia in the three days spent on the Romanian territory. In the event of a conflict between the Ottoman Empire and Greece for control over the Aegean Islands, it was established that both the Russian Empire and Romania would take a similar attitude, condemning the actions on land of the Turkish military forces. The 1913 Treaty of Bucharest¹ was recognised by both parties as a guarantee of stability in the Balkans, which gave great satisfaction to the Romanians as Russia gave its support to the detriment of Bulgaria. Romania’s uncertain relation with Austro-Hungary, given that the government in Vienna had supported Bulgaria during the Balkan Wars, thus affecting Romanian interests, was a reason for concern for Sazonov, but Brătianu assuaged the fears of the head of the Russian diplomacy, as proven by the report the Russian minister drew up for the tsar on 11/24 June 1914.

Brătianu replied that Romania was by no means forced to participate at any war without a direct impact on its personal interests... As a synthesis of everything that I have seen and heard during my three day stay in Romania, I must report to your Imperial Majesty that I returned from this journey with the best impressions; I must acknowledge the Romanians’ favourable attitude towards us while allowing myself to hope for the further development of our good neighbourhood relations (Guzun, 2016: 35–36).

Considering that trading between the two countries was at a low, the visit to Constantza was also an occasion to talk about the defence of Russian-Romanian trading interests in the Black Sea² and about the attitude that the Russian Empire would have had if Austro-Hungary had attacked Serbia. Although Russia wanted peace to be preserved, as Sazonov declared, he seems to have said to Brătianu that his Imperial Majesty’s government would not be able to watch as the Serbians were crushed and that the Russian Empire would defend them no matter the consequences.³ As is widely known, in an ironic twist of fate the First World War, which was to shock all mankind through the number of lives lost and its duration, broke out only two weeks after this statement was made precisely because Serbia was attacked by Austro-Hungary.

The crossing of the Austro-Hungarian border by Ion I. C. Brătianu and S. D. Sazonov during their journey to Predeal had a certain symbolic importance for the politicians in Bucharest, and their entrance onto Austro-Hungarian territory anticipated the crossing of the Romanian troops into Transylvania in August 1916, once Romania had abandoned its neutrality.

Following the historic visit of the tsar and his imperial party to Constantza, as well as the visits of S.D. Sazonov to Bucharest and Sinaia, it became clear that if a war were to break out in Europe, Romania was not to be seen as an enemy of Russia. Even if the kingdom on the Danube formally remained an ally of Germany and Austro-Hungary, the field was set for a Russian-Romanian collaboration, which happened two years later, when Romania decided to abandon its neutrality and join the First World War. Given that Romanian-Russian relations had become so cordial, no one mentioned the issue of Bessarabia, a province incorporated into the Russian Empire at the end of the 1806–1812 Russo-Turkish War.

Even though Dmitriy Nikolaevich Chikhachev⁴ was not a diplomat, but a member of the Duma, the publication in the spring of 1914 of a book he had written under the title of “Sovremennaya Rumyniya:

¹ The Second Balkan War ended on 22 July 1913 when Bulgaria asked for an armistice. The Treaty of Bucharest was signed at the end of this war on 10 August 1913 and through its provisions Bulgaria lost almost everything that it had conquered during the First Balkan War. South Dobrudja was given to Romania and the government in Sofia was forced to accept the Turtucaia–Balcic line as the new Bulgarian-Romanian border. After the signing of this treaty, Romania not only got bigger, but also increased its prestige (Hitchins, 1996: 173).

² In 1914 Russian-Romanian commerce was insignificant; Russia exported to Romania manufactured products, horses and a small amount of wheat while Romania was sending to Russia mostly salt and oxen (FAMR. F. Petrograd. D. 12. *Novoe Vremia*, 29 May 1914).

³ Later on, the prime-minister Ion I. C. Brătianu publicly stated that, as he desired to prevent Germany and Austro-Hungary, Romania’s allies, from expanding their power, but also to defend general peace in Europe, he conveyed Russia’s desire to implement its pan-Slavic politics and to protect the Serbs. Unfortunately, his warning was not taken into account in Berlin, or in Vienna (Duca, 1992: 30).

⁴ Dmitriy Nikolaevich Chikhachev (1876–1918) was a Russian public figure and politician, and a member of the State Duma of the 3rd and 4th convocations of the Podolsk province. He was a hereditary aristocrat, being Landowner of the Pskov and Podolsk provinces. His father was Admiral Nikolai Matveyevich Chikhachev, while his mother was Baroness Eugenia Fedorovna Korf. In 1897 he was in army as a member of the 17th Don Cossack Regiment, but he retired in the following year. He was the Mogilev-Podolsky district

Putevyye zametki” [Modern Romania: Travel Notes] led to a better understanding of the Romanian realities in Russia, as the author managed to provide a brief presentation of Romania and its public opinion. Although his visit to the Romanian kingdom only lasted a few days, D. N. Chikhachev managed to have discussions with many Romanian politicians, diplomats, consuls and ministers, and even with King Carol I. Considered by the “Novoe Vremia” newspaper as a genuine report to Russian society, his writings noted Romania’s closeness to Russia, as the visit of the tsar to the kingdom on the Danube was nothing other than a way of sanctioning that situation (FAMR. F. Petrograd. D. 12. *Novoe Vremia*, 29 May 1914). “A friend that had been lost and found by Russia” is the characterisation of Romania in the newspaper article where the book is presented, the author noting its more than friendly attitude towards the Russian Empire even though it had not been long before, in 1912, that Romanians had demonstrated against the Russians on the occasion of the celebration of 100 years since the Empire had gotten their hands on Bessarabia (FAMR. F. Petrograd. D. 12. *Novoe Vremia*, 29 May 1914).

As an extra argument for the tightening of the relations between the two countries, D. N. Chikhachev also made an interesting parallel between the two peoples, noting that the Romanian landowners spent important amounts of money abroad, that the Romanian peasants were being oppressed by the Jewish leaseholders and that the local students stood out through their laziness and only studied to get their degrees. According to the same author, the kingdom on the Danube boasted a great affluence of foreign capital, mostly French, as the Romanians were pro-French and anti-Semites; the latter was said to be a deeply rooted national feature (Chikhachev, 1914: 12–15, 65).

3. Conclusion

This series of Russian-Romanian visits opened by that of King Carol I in 1898 left its mark on Romania’s foreign policy when the First World War broke out on 15/28 June 1914. Faced with this major event, the government in Bucharest had to define its attitude as all the other pre-existing problems moved into the background. Although Romania had adhered to the Triple Alliance since as early as 1883, the Crown Council¹ convened at the Peleş Castle in Sinaia on 21 July 1914 decided to maintain Romania’s neutrality statute, a decision favourable to the Entente. On 14/27 August 1916, after over two years of neutrality, Romania declared war on Austro-Hungary and gave its military cooperation to Russia, France and Great Britain, whose ally she actually was.

References

- Belrussia – Chikhachov Dmitriy Nikolayevich [Electronic resource]. URL: <http://belrussia.ru/page-id-4267.html>. [in Russian]
- Buşe, 2013 – Buşe D. (2013). Relațiile militare româno-ruse în timpul Primului Război Mondial [The Romanian-Russian Military Relations during the First World War]. *Revista de Științe Militare*. No. 1. pp. 13-17. [in Romanian]
- Chikhachev, 1914 – Chikhachev D.N. (1914). *Sovremennaya Rumyniya: Putevye zametki* [Modern Romania: Travel Notes]. Saint Petersburg. 73 p. [in Russian]
- Crețu, Racovițan, 2017 – Crețu D., Racovițan R. (2017). Vizita țarului Nicolae al II-lea la Constanța (14 iunie 1914), reflectată în presa Puterilor Centrale [The Visit of Tsar Nicholas II to Constantza (14 June 1914) Reflected in the Press of the Central Powers]. *Transilvania*. No. 11–12. pp. 120-129. [in Romanian]
- Damean – Damean S.L. Vizita regelui Carol I al României în Rusia (iulie 1898) și îmbunătățirea relațiilor româno-ruse [The Visit of King Carol I of Romania in Russia (July 1898) and Improving the Romanian-Russian Relations]. [Electronic resource]. URL: <https://proest1.wixsite.com/proest/single-post/2015/07/03/Vizita-Regelui-Carol-I-al-Rom%C3%A2niei-%C3%AEn-Rusia-iulie-1898-%C8%99i-%C3%AEembun%C4%83t%C4%83%C8%9Birea-rela%C8%9Biilor-rom%C3%A2noruse>. [in Romanian]
- Duca, 1992 – Duca I.G. (1992). Memorii [Memoirs]. V.I. Neutralitatea [Neutrality]. Part I (1914–1915). Bucharest. 218 p. [in Romanian]

leader of the nobility between 1899 and 1906 as well as the honorary judge of the peace for the Mogilev-Podolsky district. In 1906 he was elected chairman of the Podolsk Agricultural Society, while five years later was a full member of the Kiev club of Russian nationalists. In 1907 he was elected as a member of the third State Duma for the Podolsk province, advocating the gradual introduction of universal education. In 1912 he was re-elected to the State Duma as a member of the Russian nationalists and moderate-right faction. Between April and June 1916, he was a member of a parliamentary delegation chaired by A. D. Protopopov, which visited a number of European countries. From the beginning of the First World War, he voluntarily entered at the disposal of the commander-in-chief of the Southwestern Front. After the February Revolution he carried out the instructions of the Provisional Committee of the State Duma. After the October Revolution, he participated in the organisation of the Volunteer Army and served as an officer in a Cossack unit. He died in one of the first battles. He was married and had a son. Between 1907 and 1917 he published eight works (Belrussia).

¹ This was an ad-hoc institution whose existence was not covered by the 1866 Romanian Constitution but was convened in exceptional moments to guide the government attitude.

FAMR – Foreign Affairs Minister of Romania.

Gauthier, 2004 – Gauthier G. (2004). Missy, regina României [Missy, Queen of Romania]. Bucharest. 341 p. [in Romanian]

Gilliard, 1921 – Gilliard P. (1921). Thirteen Years at the Russian Court (A Personal Record of the Last Years and Death of the Czar Nicholas II and his Family). London. 304 p.

Guzun, 2016 – Guzun V. (ed.). (2016). Intrarea României în Primul Război Mondial. Negocierile diplomatice în documente din arhivele ruse, 1914–1916 [Romania's Entry into the First World War: Diplomatic Negotiations in Documents from the Russian Archives]. Cluj-Napoca. 357 p. [in Romanian]

Hitchins, 1996 – Hitchins K. (1996). România 1866–1947 [Romania 1866-1947]. Bucharest. 621 p. [in Romanian]

Ionescu – Ionescu S. (1914). Constanța, 1914. Întâlnirea istorică dintre țarul Nicolae al II-lea al Rusiei și regele Carol I al României. Apoi a izbucnit războiul [The Historical Meeting between Tsar Nicholas II of Russia and King Carol I of Romania: Then the War Broke Out]. [Electronic resource]. URL: https://adevarul.ro/locale/constanta/constanta-ultima-vizita-strainatate-Tarului-nicolae-ii-lea-rusiei-1_53ae9a5eod133766a8f7c530/index.html [in Romanian]

Lindenberg, 2003 – Lindenberg P. (2003). Regele Carol I al României [King Carol I of Romania]. Bucharest. 280 p. [in Romanian]

Mamina, 1997 – Mamina I. (1997). Consilii de Coroană [Crown Councils]. Bucharest. 304 p. [in Romanian]

Nelipa – Nelipa M. Imperial Russia's Most Prestigious Institute for Girls. [Electronic resource]. URL: <http://www.oocities.org/mushkah/Smolny.html>.

Oprea, 1998 – Oprea I.M. (1998). România și Imperiul Rus [Romania and the Russian Empire]. V.I (1900–1924). Bucharest. 340 p. [in Romanian]

Palatele – De la Paralela 45, la Paralela 60. Palatele pline de aur ale țarilor: Petrodvoreț și Tsarskoe Selo [From Parallel 45 to Parallel 60: The Tsars' Gold Palaces: Petrodvorets and Tsarskoye Selo]. [Electronic resource]. URL: <https://www.imperatortravel.ro/2014/04/de-la-paralela-45-la-paralela-60-palatele-pline-de-aur-ale-tarilor-petrodvoret-si-tsarskoe-selo.html> [in Romanian]

Pohoăță, 2011 – Pohoăță N. (2011). Relațiile româno-ruse și politica Antantei față de România în contextul desfășurării Primului Război Balcanic [The Romanian-Russian Relations and the Entente's Policy towards Romania in the Context of the First Balkan War]. *Cogito*. V. III. No. 29. pp. 1-14. [in Romanian]

Sazonov, 1927 – Sazonov S. (1927). Les années fatales, Paris. 344 p.

Uribes, 1968 – Uribes E. (1968). La recontre de Constanța du 14 Juin 1914. *Revue roumaine d'histoire*. V. VII. No. 2. pp. 233-246.

Appendix

Fig. 1. Arrival of the tsar and the imperial family in the port of Constantza (1/14 June 1914)
Source: The Embassy of the Russian Federation to Romania

Fig. 2. Heir Prince Ferdinand, Tsar Nicholas II and King Carol I (Constantza, 1/14 June 1914)
Source: The Embassy of the Russian Federation to Romania

Fig. 3. Tsar Nicholas II and King Carol I saluting the crowds (Constantza, 1/14 June 1914)
Source: Gabriel-Octavian Nicolae

Fig. 4. Members of the Russian imperial family and members of the Romanian royal family (Constantza, 1/14 June 1914)

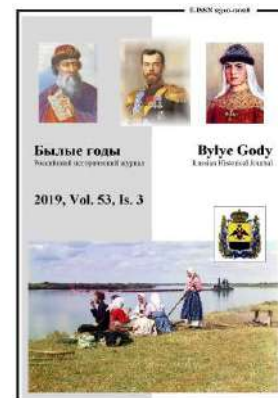
Source: The Embassy of the Russian Federation to Romania

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1394-1402. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1394
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Historical Experience of Educational Practices for Children of Refugees of the First World War (on the Example of the Yenisei Province of the Russian Empire)

Tatiana A. Kattsina ^{a, b, *}, Natalya V. Pashina ^a, Ludmila E. Mezit ^b, Ekaterina V. Potapova ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafev, Russian Federation

Abstract

The experience of the implementation of the organizational and pedagogical conditions of the sociocultural adaptation of the children of the First World War refugees in one of the migrant regions of the Russian Empire, the Yenisei province (now the Krasnoyarsk Territory), is summarized. The analysis is limited to the imperial period of the First World War, July 1914 – February 1917, within the framework of which the main directions in the organization of training and education of refugees aged 7–14 years were determined. Based on the achievements of modern historiography, a complex of historical sources (regulations, office materials, periodicals), methods of general scientific and historical research revealed regional specifics of real educational and adaptation practices in relation to juvenile refugees during the First World War. The conclusion is made about the contribution of regional public organizations to the provision of opportunities to receive and continue education, to overcome the psychological and behavioral problems of minor refugees. Along with this, it was noted that unfavorable trends were manifested with the staffing of educational institutions. Economic difficulties of wartime and disagreements with the provincial and city administrations on organizational and financial issues had a negative impact on the sustainability of the work of public organizations that were forced to reduce or completely cease their activities. The insignificant scale of improvements in the situation of refugee children does not make it possible to assess these trends as sustainable, but at the same time represents the first experience in addressing the urgent material and spiritual needs of refugees.

Keywords: organizational and pedagogical conditions, sociocultural adaptation, World War I, refugee children, Committee for Aid to Refugees, school section.

1. Введение

В современном мире в силу географического, социально-экономического, политического и социально-культурного факторов наблюдается вынужденная миграция населения (беженство), значительную часть которого составляют несовершеннолетние. Одна из проблем, с которыми они неизбежно сталкиваются на новом месте жительства, является социокультурная адаптация, представляющая собой сложный, разносторонний и часто длительный процесс переживания перемен, культурных, этнических и религиозных различий с титульной нацией. Процесс социальной адаптации подростка происходит в определенных условиях, из которых вторым по значимости, после семьи, является школа. Полученное школьное образование и знания помогают детям и подросткам ориентироваться в социальной действительности, использовать усвоенные навыки при решении практических и теоретических задач, вырабатывать у себя социальный интеллект, иначе говоря, адаптироваться в сложных обстоятельствах. Установка на образование выступает не только фактором

* Corresponding author

E-mail addresses: tkatsina@sfu-kras.ru (T.A. Kattsina), nvpashina@yandex.ru (N.V. Pashina), mezit@yandex.ru (L.E. Mezit), potapowa.catia2011@yandex.ru (E.V. Potapova)

социально-культурной адаптации беженца к условиям жизни в новом социуме, но и служит средством предупреждения антиобщественных настроений и поступков, помогает проявлять социальное поведение адекватно требованиям жизни. В силу определенных причин, отмечает ряд авторов (Ценюга и др., 2017: 33), данная проблема в течение десятилетий не вызывала всеобщего исследовательского интереса как зарубежного, так и отечественного педагогического сообщества. Состояние научных знаний и современные общественные процессы повышают актуальность исторических исследований, в том числе слабо освещенных страниц учебно-воспитательных практик для детей беженцев в эпоху Первой мировой войны, также они связаны с начавшимся в конце XX в. поиском гуманистической составляющей и антропологического фундамента социальной жизни населения.

2. Материалы и методы

Исследовательская проблематика потребовала привлечения широкого круга исторических источников, часть из которых введена в научный оборот впервые. Законодательные материалы зафиксировали те формально-юридические нормы, которые определяли правовой статус («Положение об обеспечении нужд беженцев» от 30 августа 1915 г.) (Законы и распоряжения, 1916), регламентировали вопросы удовлетворения материальных, религиозных и образовательных нужд («Руководящие положения по устройству беженцев», утвержденные 2 марта 1916 г.) (Руководящие положения, 1916) беженцев. Возможность выявить основные направления работы общественных организаций, удовлетворяющих образовательные нужды беженцев в Енисейской губернии, дают делопроизводственные документы, периодическая печать. Были привлечены материалы фондов 161 (Городская управа), 817 (Красноярская уездная управа) Государственного архива Красноярского края (ГАКК), фонда 17 (Ачинский уездный комитет помощи беженцам империалистической войны) архива города Ачинска, «Вестник Приенисейского края» (издание Красноярского отдела Сибирского общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны) за 1915–1916 гг., «Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске» (Протоколы совещания, 1916) и др.

В работе применено сочетание хронологического и проблемного подходов, методов общенаучного и конкретно-исторического исследования. В теоретическом осмыслении исследуемого феномена авторы опирались на концепцию «акторного» подхода, получившую обоснование (Побережников, 2016) в рамках теории модернизации. С позиций этого подхода исторический опыт оценивается через призму интересов, мотивов, ценностных ориентаций, социальных установок разных категорий акторов, через эволюцию акторных структур, выработку технологий увеличения имеющихся в их распоряжении ресурсов и способов их преобразований в «реальные современные возможности» (Побережников 2016: 6). Региональный подход позволил провести оценку реализации организационно-педагогических условий социокультурной адаптации детей беженцев в территориальном разрезе.

3. Обсуждение

Изучение проблемы беженства началось недавно, «когда Первая мировая война вышла, наконец, из тени событий 1917 г. и превратилась в автономную область исследования» (Суржикова, 2012: 140). В публикациях последних лет беженство рассматривается не только как миграционная проблема, но и как сложное явление, имеющее свою структуру и количественные параметры (Gatrell, 1999; Курцев, 2008), этническое измерение (Златина, 2009; Нам, 2015), проблемы интеграции с принимающим сообществом (Zhvanko, 2012; Катцина, 2013; Рынков, 2015). Внимание исследователей привлекают вопросы поддержки социального благополучия беженцев, которые рассматриваются через призму специфических форм помощи, всевозможных гуманитарных инициатив и организационных структур (Туманова, 2014; Белова 2013). Разработка отдельных вопросов вынужденной миграции населения в годы Первой мировой войны осуществляется и в региональном (в данном случае сибирском) измерении (Щетинина, 2007; Ростов, Горелов, 2015). Хотя попытки рассмотреть организацию помощи детям беженцев предпринимались (Гордиенко, 2009), но в целом вопрос реализации организационно-педагогических условий социокультурной адаптации детей беженцев Первой мировой войны еще не стал самостоятельной темой исследований. Частичной его разработке посвящена данная статья.

4. Результаты

4.1. Учебные практики

Участие России в Первой мировой войне вызвало внутри страны массовое беженство преимущественно с западного фронта военных действий. Первые беженцы в Енисейскую губернию стали прибывать осенью 1914 г., а с апреля 1915 г. (после отступления русской армии) целыми партиями; к ноябрю их численность в губернии достигла 12 299 (Нам, 2015: 276). Социально-демографическая ситуация осложнялась тем, что почти половину перемещенного населения

составляли нетрудоспособные, среди которых 41–50% – несовершеннолетние до 14 лет (Подсчитано по: [Архив города Ачинска: Ф. 17. Оп. 1. Д. 5. Л. 145; Д. 11. Л. 31; Вестник, 2016: 17](#)).

Из средств государственного казначейства Министерству внутренних дел (в его составе было образовано особое управление – Отдел по устройству беженцев) в 1915 г. было выделено 25 млн руб. на «безотлагательное удовлетворение настоятельных нужд беженцев и на скорейшее устройство дела по обеспечению их участи» ([Законы и распоряжения, 1916: 2](#)). Государственные субсидии позволяли общественным организациям, причастным к решению беженского вопроса, оказывать опекаемому контингенту юридическую, справочно-трудовую, продовольственную, вещевую, врачебную, жилищную, банно-прачечную помощь. Одним из направлений работы комитетов помощи беженцам, образовавшихся в августе–октябре 1915 г. в городах Красноярске, Канске, Ачинске Енисейской губернии, стала организация учебно-воспитательной помощи беженцам. Решением этого вопроса занимались детские (школьные) секции, созданные в структуре названных комитетов. Они строили свою работу сообразно местным обстоятельствам и имеющимся потребностям.

В целях согласования разрозненных мероприятий по организации помощи беженцам и для выработки какого-либо общего плана по инициативе Иркутского комитета Всероссийского союза городов было проведено совещание 21–23 ноября 1915 г. В нем приняли участие представители Иркутской губернской и городской администраций, делегаты городских и уездных комитетов помощи беженцам, представители самих беженцев, национальных (еврейских, латышских, польских) организаций. География участников совещания охватила Иркутскую, Енисейскую губернии, Забайкальскую область ([Протоколы совещания, 1916: I–IV, 3–4](#)). В резолюции совещания по учебно-воспитательному вопросу отразилось пожелание, чтобы все школы национальных организаций для детей беженцев были созданы на государственные средства, а при приеме учащихся в средние учебные заведения «не допускались изъятия для евреев в смысле процентной нормы» ([Протоколы совещания, 1916: 86](#)). Констатируя неудовлетворенность потребности детей беженцев в школьном образовании, участники совещания признали, что общественные организации не могут обеспечить ее собственными ресурсами. Рекомендовалось местным общественным организациям Всероссийского союза городов приложить все усилия для содействия школьному образованию детей и поднять вопрос о необходимых для этого государственных ассигнований ([Протоколы совещания, 1916: 85–86](#)).

Источниковая база позволяет достаточно подробно рассмотреть работу школьной секции Красноярского комитета помощи беженцам. Штат секции состоял из 50 человек ([Вестник, 1916: 43](#)). Они вели переписку с учебными заведениями об устройстве детей беженцев, оказывали семьям консультативную помощь, снабжали учебниками и письменными принадлежностями и т.п. ([ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 246. Л. 96](#)). Потребности детей беженцев выявлялись с помощью регистрационной карточки. В нее путем опроса родителей заносились данные о числе детей, их возрасте, знании русского языка, необходимости обучения на родном языке, сведения о том, где обучался ребенок и куда он может быть определен, о нужде в одежде, белье, обуви, учебниках и медицинской помощи. Регистрация проводилась ежедневно с 10 до 15 часов дежурными членами секции.

Из-за проблем материально-бытового характера дети часто не могли приступить к занятиям сразу после их зачисления в образовательное учреждение. После длительного (два–три месяца) «путешествия в Сибирь» они тотально имели проблемы со здоровьем, нуждались в лекарствах и медицинской помощи. Ввиду сурового климата Енисейской губернии и спешной эвакуации беженцев из дома еще в теплое время года огромное большинство их нуждалось в зимней верхней одежде и обуви. Обеспечение беженцев одеждой находилось в ведении продовольственной секции, со склада которой одежда выдавалась строго по ордерам соответствующих секций беженцам, поступающим на работы, зачисленным в учебные заведения, уезжающим в деревню. Из-за ограниченных возможностей ставилась задача обеспечить одеждой только перечисленные категории, снабдить каждую беженскую семью необходимым минимумом одежды для поочередного пользования ([Вестник, 1916: 27](#)).

Сотрудники школьной секции отмечали, что «в Красноярске не было ни одного учебного заведения, которое так или иначе не пришло бы на помощь секции» ([Вестник, 1916: 33](#)). Например, денежно-вещевые пожертвования, собранные учащейся молодежью города, позволили удовлетворить первоначальную нужду детей беженцев в учебных и школьно-письменных принадлежностях ([Вестник, 1916: 33](#)).

Согласно регистрационным данным, собранным школьной секцией за октябрь 1915 г. – март 1916 г., изъявили желание начать или продолжить обучение 664 человека (391 мальчик и 273 девочки), в том числе в возрасте от 7 до 10 лет – 260, от 10 до 14 лет – 315, от 14 лет и старше – 89. Их национальный состав характеризуют следующие данные: русские (к ним традиционно относили украинцев и белорусов) – 505 человек (76 %), поляки – 124 (18 %), латыши – 23 (3 %), литовцы – 5 (0,75 %) и евреи – 7 (1 %) ([Вестник, 1916: 34](#)).

Число детей беженцев, распределенных в разные учебные заведения Красноярска, отражено в [Таблице 1](#) (составлена по: [Вестник, 1916: 34](#)):

Таблица 1. Число детей беженцев в учебных заведениях Красноярска (на начало марта 1916 г.)

Название учебного заведения	Мальчиков	Девочек	Всего
Мужская гимназия	6	–	6
Женская гимназия	–	15	15
Реальное училище	3	–	3
Торговая школа	–	1	1
Школа при Синельниковском приюте	2	–	2
Первое, второе, третье высшие начальные училища	10	4	14
Городские начальные училища	32	28	60
Школа беженцев	138	48	173
Польская школа	32	39	71
Еврейское училище	1	3	4
Ремесленное училище имени Т.И. Щеголевой	3	–	3
Учительская семинария	1	–	1
Духовное училище	2	–	2
Советская церковно-приходская женская школа	–	1	1
Всего	230	139	369

Из сопоставления данных таблицы с предшествующим материалом видим, что 57 % всех зарегистрированных детей школьного возраста удалось устроить в школы и иные учебные заведения.

Усилившийся прилив беженцев в Красноярск поставил перед школьной секцией еще в октябре 1915 г. вопрос об открытии специальной, по типу городской, школы. Потребность была продиктована тем, что учебный год уже начался и вакансий в учебных заведениях не осталось. Дирекция народных училищ предоставила под школу несколько помещений в Доме просвещения Общества попечения о начальном образовании. Заведующим школы был назначен учитель из числа беженцев И.А. Остапкович с ежемесячным жалованьем 25 рублей. В помощь ему безвозмездно взяли на себя преподавание в школе члены секции: Е.Е. Гвоздиков, Н.И. Разумова, Н.В. Гоштовт, М.Ф. Матасов, В.С. Митич, О.Ф. Эглит, священники О.А. Воскресенский, отец Столярский и О.В. Козлов (*Вестник, 1916: 33*).

Занятия в школе начались уже 2 ноября и проходили ежедневно с 14 до 18 часов вечера (*Вестник, 1916: 34*). Однако ее помещения не были удовлетворительными, часто приходилось прерывать занятия из-за плохого освещения. Эпидемии среди детей беженцев даже ставили на очередь вопрос о закрытии школы. Для сохранения контингента секцией были организованы завтраки для учеников школы беженцев. Первоначально они состояли из $\frac{1}{3}$ фунта черного хлеба, но после увеличения ассигнований и привлечения к заготовке завтраков беженской столовой рацион составил одну котлету с ломтем хлеба или большой мясной пирог (*Вестник, 1916: 33*). Из-за разбросанности помещений и трудности доставки не удалось организовать завтраки для беженцев, учащихся в других учебных заведениях. Почти с первых дней работы школы для беженцев проявились проблемы организационно-педагогического характера. С одной стороны, члены секции не могли с должной регулярностью вести преподавательскую работу из-за занятости другими делами, а с другой – от них требовались большие трудовые затраты из-за крайне разнообразного уровня познаний учащихся. С 1 января 1916 г. преподавание велось платным персоналом. Кроме И.А. Остапковича, были назначены учительницы О.И. Уманская и Н.И. Разумова. Так как от Министерства народного просвещения было ассигновано всего по 30 рублей в месяц на преподавателя, то Комитет помощи беженцам постановил доплачивать жалование городским учителям из ассигнованных на школьное дело средств. Такими мерами старались сохранить педагогический состав школы и поддержать его материальное положение (*Вестник, 1916с: 33*).

Структура основных расходов по школьной секции за весь период действия Красноярского комитета помощи беженцам (2 августа 1915 г. – 11 марта 1916 г.) выглядит в процентном соотношении следующим образом: жалование служащим школьной секции – 15,7 %; учебные принадлежности – 26,5 %; ткани для шитья школьной одежды – 2,6 %; плата за учение детей беженцев – 26,8 %; завтраки школьникам – 14,9 %; рождественские подарки и угощение детей беженцев – 12,4 % (подсчитано по: *Вестник, 1916: 35*).

Следует отметить, что за время работы члены школьной секции не раз сталкивались с мнением, что, когда необходимы кров, одежда и пища, образование является не столь насущной задачей. Это заставляло сотрудников секции пессимистически смотреть на свою деятельность и сомневаться в правильности ее направления. Компенсировала такие настроения установка детей беженцев на образование. Председатель школьной секции М.Ф. Матасов писал: «И когда мы видим, с какой жадной жаждой знания приходят к нам дети беженцев, как дорожат они этой возможностью приобрести

сравнительно то небольшое в области знания, что могла дать при настоящих условиях наша школа, то вопрос о необходимости нашей работы отпадает сам собой» (*Вестник, 1916: 35*).

4.2. Воспитательные практики

С первых дней своей работы школьная секция занялась устройством учреждений для детей-сирот. На добровольные пожертвования в Николаевской слободе с разным интервалом времени (10 октября и 6 декабря 1915 г.) были открыты два детских дома. Однако через месяц один из них был закрыт в связи со значительным снижением притока беженцев и возможностью разместить детей в приюте, открытом Польским обществом для детей-поляков (*Вестник, 1916: 34*). В детском доме стремились создать «семейную, трудовую обстановку, в которой ребенок смог забыть все пережитые ужасы и горе и зажил бы нормальной детской жизнью, полной собственных интересов» (*Вестник, 1916: 36*). Предписывалось при оборудовании созданных для детей беженцев учреждений (школ, убежищ, приютов) соблюдать строгую бережливость «в предвидении того, что неизбежная, по миновании надобности, ликвидация этих учреждений будет тем убыточнее, чем дороже они стоили» (*Руководящие положения, 1916: 9*).

Изначально предполагалось принимать в детский дом только детей-сирот, детей, затерянных в пути, и таких, чьи родители поступали в услужение. Однако вскоре этот круг был расширен за счет детей, чьи родители определялись на поселение в удаленные от города местности. Комитет принял во внимание доводы председателя школьной секции о том, что потерянный год занятий для детей из необеспеченных классов особенно сильно может отразиться на их судьбе и послужить отказом на всю жизнь от дальнейшего обучения (*Вестник, 1916: 35*). Сначала дети проживали в детском доме без различия национальности и религий. Практика показала, что такое сожительство, желательное в принципе, в жизни связано с некоторыми неудобствами. Родители, иногда родственники детей заявляли о желании воспитывать детей в духе их собственной религии, соблюдения собственных постов, традиций, сохранения родного языка. Поляки требовали организовать обособленное проживание их детей. Трудности с коммуникацией, различие в культуре и обычаях, устоявшихся формах поведения становились почвой для конфликтов среди детей. Учитывая сложившиеся обстоятельства, школьная секция, несмотря на крайне трудное финансовое положение, приняла решение открыть дополнительный приют для расселения в нем детей по национальному признаку. Ситуация разрешилась в январе 1916 г. Римско-католическое благотворительное общество предложило разместить детей поляков в организованном им национальном приюте на условиях внесения Комитетом помощи беженцам оплаты за их проживание в размере (10 рублей), равном стоимости месячного содержания одного ребенка в детском доме (*Вестник, 1916: 35–36*).

В детском доме практиковалось, чтобы дети сами убрали помещение, помогли кухарке, гладили и чинили белье, готовили уроки. По наблюдениям наставников трудовое воспитание удалось внедрить лишь частично. Воспитанники, особенно мальчики, хотя и выполняли возложенные на них обязанности, делали это неохотно. Причину этого члены секции видели как в отсутствии опытных воспитателей, умеющих заинтересовать детей, нехватке ресурсов для организации творческого труда, вызывавшего интерес (работы по выпиливанию, занятия в столярной, переплетной, швейной мастерских), так и в самих детях. Прежде чем попасть в детский дом, детям пришлось вкусить самостоятельной жизни, и этот опыт жестоко отразился на их поведении. Труд перестал восприниматься ими не только как духовная ценность, необходимое условие для физического и нравственного развития, но и как способ удовлетворения материальных потребностей. Работники детского дома отмечали, что примерно $\frac{1}{5}$ часть всех воспитанников не только не поддается перевоспитанию, но и какому-либо влиянию (*Вестник, 1916: 36*).

Понимая причины нарушения в поведении детей, работники детского дома не имели опыта для его исправления. В редких случаях в качестве меры воздействия на злостных нарушителей порядка применялось исключение из заведения. Но и она не давала результатов, поскольку после временного размещения дебоширов в распределительные пункты для беженцев, их возвращали назад. Отчаявшись найти подход к так называемым «трудным» для воспитания детям, наставники концентрировали все усилия на самых маленьких воспитанниках приюта, особая забота и повышенное внимание к которым, по общему убеждению, оценивались как более целесообразные.

Наладить воспитательный процесс в детском доме не позволило скудное финансирование. Ограниченность средств вынудила школьную секцию минимизировать затраты на оплату труда наемного педагогического персонала. В результате вся работа по руководству детским домом и воспитанию детей была возложена на заведующую и ее помощницу. Согласно проекту школьной секции, небольшой штат наемного персонала детского дома компенсировался большим количеством добровольных помощников из состава членов школьной секции и учащихся женской и мужской гимназий. Однако практика показала, что ни волонтеры, ни платный персонал не были готовы к работе с подопечными приюта. Романтичные представления, с которыми они приступили к работе, быстро подверглись ревизии. Вместо послушных, открытых миру, беззащитных подопечных приходилось работать с детьми, пережившими психотравмирующую ситуацию, следствием которой стало агрессивное поведение, проявление жестокости к себе и окружающим, высокая конфликтность. Длительное пребывание в условиях улицы, полная свобода и предоставленность самим себе, жизнь в

ненормальных условиях военной действительности выбила детей из обычной колеи, размыла границы добра и зла. Их жизненная стратегия целиком и полностью была направлена на выживание. Украсть, обмануть, выпросить, когда нужно подстроиться, – все в глазах этих детей служило указанной цели. Отсутствие опыта работы с детьми-беженцами, высокая нагрузка стали основной причиной частой смены наемного педагогического персонала и постепенного отказа от работы добровольных помощников. В результате уже в начале 1916 г. почти четыре десятка воспитанников оказались на попечении двух платных работников: заведующей и ее помощницы (*Вестник, 1916: 36*).

Финансовые трудности и нерешенный кадровый вопрос вынудили пойти на сокращение количества подопечных, принятых в детский дом. В январе 1916 г. из него выбыло 24 ребенка: шестеро были взяты Польским комитетом помощи беженцам, двое сбежали (относительно них было выяснено, что их родители проживали в Красноярске, а сами они беженцами не являлись), 16 – взято отыскавшимися родными (*Вестник, 1916: 37*). К марту в детском доме осталось 20 подопечных (19 русских и 1 латыш): 8 из них были сиротами, 12 – детьми, чьи родители проживали в удаленной от города сельской местности. После отъезда на лето значительного числа детей к родственникам на каникулы, у которых им было предложено остаться, детский дом был закрыт, а оставшихся детей распределили по красноярским приютам, с оплатой за их содержание из беженского кредита (*Архив города Ачинска. Ф. 17. Оп. 1. Д. 5. Л. 104-106*).

С начала 1916 г. деятельность Комитета помощи беженцам стала сворачиваться. С одной стороны, это было обусловлено серьезными финансовыми трудностями, возникшими из-за сокращения государственных дотаций. С другой – форма организации Красноярского городского комитета помощи беженцам установлена не была, равно как руководящие постановления и порядок взаимоотношений с городским общественным управлением, что в дальнейшем привело к разногласиям по ряду организационных и финансовых вопросов, ограничению деятельности Комитета со стороны губернской и городской администраций. В этой обстановке члены Комитета добровольно сложили свои обязанности и фактически прекратили работу с 15 марта 1916 г. Одновременно закрыла свои действия и школьная секция.

5. Заключение

Обобщая вышеизложенное, отметим, что организация школьного образования для детей беженцев Первой мировой войны явилась одним из направлений деятельности государства и общественных организаций в решении беженского вопроса. На протяжении исследуемого периода помощь общественных организаций трансформировалась от стихийных форм, возникших после прибытия в губернию первых вынужденных переселенцев, до приобретения системного характера, когда миграционный поток увеличил свою интенсивность. Благодаря совместной работе общественных организаций, правительственных органов и гражданских активистов, беженцы получили доступ к различным уровням действующей системы образования. Повседневная жизнь детей беженцев в детском доме строилась на основе принципов семейного и трудового воспитания, благодаря которым ребенок мог адаптироваться к новым жизненным условиям и вернуться к привычной жизни. Однако меры, направленные на социально-культурную адаптацию детей беженцев, оказались непоследовательными. Организация школьного образования оставалась в тени решения материально-бытовых вопросов. По причине недостаточного финансирования создание специализированной школы и приюта для детей-беженцев, оставшихся без попечения родителей, не получило должного кадрового обеспечения. Тогда как привлечение добровольных помощников к воспитательному процессу не могло принести желаемых результатов ввиду полного отсутствия у них педагогического опыта работы с детьми-мигрантами. Вместе с тем опыт школьной секции нельзя признать неудачным. Модель работы с детьми беженцами Первой мировой войны может быть критически оценена и адаптирована к современной практике работы социальных служб с этим контингентом.

Литература

Белова, 2013 – Белова И.Б. Беженцы Первой мировой войны из западных районов Российской империи: обеспечение жизнедеятельности в местах временного проживания // *Вестник Балтийского федер. ун-та им. И. Канта*. 2013. № 12. С. 51-62.

Вестник, 1916 – Вестник Приенисейского края. 1916. 28 августа.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Гордиенко, 2009 – Гордиенко Л.Н. Организация помощи детям беженцев учебными заведениями Алтайского округа в годы Первой мировой войны // *Известия Алтайского гос. ун-та*. 2009. № 4–1. С. 63-64.

Законы и распоряжения, 1916 – *Законы и распоряжения о беженцах*. Вып. первый; 2-е изд., доп. Москва: Городская типография, 1916. 103 с.

Златина, 2010 – Златина М.А. Организация помощи еврейским беженцам в Российской империи в первые месяцы Первой мировой войны по материалам прессы (июль–октябрь 1914 года) // *Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена*. 2009. № 118. С. 30-35.

Катцина, 2013 – Катцина Т.А. «Нуждаемся во всем...»: положение выселенцев Первой мировой войны в Восточной Сибири // *Вестник Краснояр. гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева*. 2013. № 4 (26). С. 219-222.

Курцев, 2008 – Курцев А.Н. Историческая социомобильность и многообразие миграций населения Центрального Черноземья в 1861–1917 гг. // *Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Сер. История России*. 2008. № 3 (13). С. 82-92.

Нам, 2015 – Нам И.В. Польские беженцы Первой мировой войны // Польские ссыльные в Сибири во второй половине XVIII – начале XX веков в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири: Сб. науч. тр. Омск: Полиграфический центр КАН, 2015. С. 274-284.

Побережников, 2016 – Побережников И.А. Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX вв.): региональное измерение. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. 316 с.

Протоколы совещания, 1916 – «Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске». Иркутск: Электро-типография И.А. Белоголового, 1916. 89 с.

Ростов, Горелов, 2015 – Ростов Н.Д., Горелов Ю.П. Прием беженцев в г. Иркутске и Иркутской губернии в годы Первой мировой войны // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2015. № 4 (17). С. 86-89.

Руководящие положения, 1916 – Руководящие положения по устройству беженцев. Петроград: Типография Министерства внутренних дел, 1916. 16 с.

Суржикова, 2012 – Суржикова Н.В., Михалев Н.А., Пьянков С.А., Российское беженство 1914–1922 годов в контекстах новейших отечественной и зарубежной историографий // *Вестник Пермского ун-та*. 2012. 3 (20). С. 140-152.

Туманова, 2014 – Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). Москва. Политическая энциклопедия, 2014. 327 с.

Ценюга, 2017 – Ценюга С.Н., Волчкова А.В., Ценюга И.Н. Реализация организационно-педагогических условий социокультурной адаптации детей-мигрантов в поликультурной среде основной школы // *Известия Волгоградского гос. пед. ун-та*. 2017. № 9 (122). С. 33-41.

Щетинина, 2007 – Щетинина А.С. Беженцы и гражданские интернированные на юге Западной Сибири (1915–1920-е гг.) // *Известия Алтайского гос. ун-та*. 2007. № 4–2 (56). С. 177-182.

Gatrell, 1999 – Gatrell P. A Whole Empire Walking. Refugees in Russia during World War I. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 1999. 317 p.

Zhvanko, 2012 – Zhvanko L. Refugees of the First World War: the Ukrainian Reality (1914–1918). Kharkiv: Apostrof. 2012. 568 p. [in Ukrainian]

References

Belova, 2013 – Belova I.B. (2013). Bezhtentsy Pervoi mirovoi voyny iz zapadnykh raionov Rossiiskoi imperii: obespechenie zhiznedeyatel'nosti v mestakh vremennogo prozhivaniya [The refugees of the First World War from the western regions of the Russian Empire: life support in places of temporary residence]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*, No 12, 51-62. [in Russian]

Vestnik, 1916 – Vestnik Prieniseiskogo kraya [Herald of the Yenisei region]. 1916. 28 avgusta.

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya.

Gordienko, 2009 – Gordienko L.N. (2009). Organizatsiya pomoshchi detyam bezhtentsev uchebnymi zavedeniyami Altaiskogo okruga v gody Pervoi mirovoi voyny [Organization of assistance to refugee children by educational institutions of the Altai District during the First World War]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, No 4(1), pp. 63–64. [In Russian]

Zakony i rasporyazheniya, 1916 – Zakony i rasporyazheniya o bezhtentsakh. [Refugee laws and regulations]. Vypusk pervyi; 2-e izd., dopolnennoe. M., 1916. 103 p. [in Russian]

Zlatina, 2010 – Zlatina, M.A. (2009). Organizatsiya pomoshchi evreiskim bezhtentsam v Rossiiskoi imperii v pervye mesyatsy Pervoi mirovoi voyny po materialam pressy (iyul' – oktyabr' 1914 goda) [The organization of assistance to Jewish refugees in the Russian Empire in the first months of the First World War according to press materials (July – October 1914)]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, No 118, pp. 30-35. [in Russian]

Kattsina, 2013 – Kattsina T.A. (2013). «Nuzhdaemysya vo всем...»: polozhenie vyselentsev Pervoi mirovoi voyny v Vostochnoi Sibiri [“We need everything ...”: the position of the First World War settlers in Eastern Siberia]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V.P. Astaf'eva*. No 4(26), pp. 219-222. [in Russian]

Kurtsev, 2008 – Kurtsev A.N. (2008). Istoricheskaya sotsiomobil'nost' i mnogoobrazie migratsii naseleniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v 1861–1917 gg. [Historical social mobility and diversity of migrations of the population of the Central Black Earth region in 1861–1917]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. No 3(13), pp. 82-92. [in Russian]

Nam, 2015 – Nam I.V. (2015). Pol'skie bezhtentsy Pervoi mirovoi voyny [Polish refugees of the First World War in Siberia]. Pol'skie ssyl'nye v Sibiri vo vtoroi polovine XVIII – nachale XX veka v vospriyatii

rossiiskoi administratsii, pereselentsev i korennykh narodov Sibiri : sbornik nauchnykh trudov Omsk: Poligraficheskii tsentr KAN, pp. 274-284. [in Russian]

Poberezhnikov, 2016 – *Poberezhnikov I.A.* (2016). Aktory rossiiskoi imperskoi modernizatsii (XVIII – nachalo XX v.): regional'noe izmerenie [Actors of the Russian imperial modernization (XVIIIth - early XXth century): the regional dimension]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 316 p. [in Russian]

Protokoly soveshchaniya, 1916 – Protokoly soveshchaniya po voprosam prizreniya bezhentsev, sostoyavshegosya 21–23 noyabrya 1915 g. v Irkutске [Minutes of a meeting on the concern of refugees held on November 21–23, 1915 in Irkutsk]. Irkutsk: Elektro-tipografiya I.A. Belogolovogo. 1916. 89 p. [in Russian]

Rostov, Gorelov, 2015 – *Rostov N.D., Gorelov Yu.P.* (2015). Priem bezhentsev v g. Irkutске i Irkutskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voyny [Admission Of Refugees in Irkutsk and Irkutskya Guberniya in World War I]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii*. No 4(17), pp. 86-89. [in Russian]

Rukovodyashchie polozheniya, 1916 – Rukovodyashchie polozheniya po ustroistvu bezhentsev [Guidelines for Refugee Management]. Petrograd: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del. 1916. 16 p. [in Russian]

Surzhikova, 2012 – *Surzhikova N.V., Mikhalev N.A., P'yankov S.A.* (2012). Rossiiskoe bezhenstvo 1914–1922 godov a kontekstakh noveishikh otechestvennoi i zarubezhnoi istoriografii [Russian refugee 1914–1922 in contexts of the newest domestic and foreign historiography]. *Vestnik Permskogo universiteta*, No 3(20), pp. 140-152. [in Russian]

Tumanova, 2014 – *Tumanova A.S.* (2014). Obshchestvennye organizatsii Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny (1914 – fevral' 1917 g.) [Public organizations of Russia during the First World War (1914 – February 1917)]. Moskva: Politicheskaya entsiklopediya, 327 p. [in Russian]

Tsenyuga at al., 2017 – *Tsenyuga S.N., Volchkova A.V., Tsenyuga I.N.* (2017). Realizatsiya organizatsionno-pedagogicheskikh uslovii sotsiokul'turnoi adaptatsii detei-migrantov v polikul'turnoi srede osnovnoi shkoly [Implementation of the organizational and pedagogical conditions of sociocultural adaptation of migrant children in the multicultural environment of primary school] *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, No 9(122), pp. 33-41. [in Russian]

Shchetinina, 2007 – *Shchetinina A.S.* (2007). Bezhentsy i grazhdanskie internirovannye na yuge Zapadnoy Sibiri (1915–1920-e gg.) [Refugees and civilian interned in the south of Western Siberia (1915–1920s)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4–2 (56): 177–182. [in Russian]

Gatrell, 1999 – *Gatrell P.* (1999). A Whole Empire Walking. Refugees in Russia during World War I. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 317 p.

Zhvanko, 2012 – *Zhvanko L.* (2012). Refugees of the First World War: the Ukrainian Reality (1914–1918). Kharkiv: Apostrof. 568 p. [in Ukrainian]

Исторический опыт учебно-воспитательных практик для детей беженцев Первой мировой войны (на примере Енисейской губернии Российской империи)

Татьяна Анатольевна Катцина ^{a, b, *}, Наталья Васильевна Пашина ^a, Людмила Эдгаровна Мезит ^b, Екатерина Вадимовна Потапова ^a

^a Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

^b Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. Обобщен опыт реализации организационно-педагогических условий социокультурной адаптации детей беженцев Первой мировой войны в одном из мигрантоемких регионов Российской империи – Енисейской губернии (в настоящее время – Красноярский край). Анализ ограничен имперским периодом Первой мировой войны, июль 1914 – февраль 1917 гг., в рамках которого определены основные направления в организации обучения и воспитания беженцев в возрасте 7–14 лет. С опорой на достижения современной историографии, комплекс исторических источников (нормативно-правовые акты, делопроизводственные материалы, периодическую печать), методы общенаучного и конкретно-исторического исследования раскрыта региональная специфика реальных образовательно-адаптационных практик в отношении несовершеннолетних беженцев в годы Первой мировой войны. Делается вывод о вкладе региональных общественных организаций в дело предоставления возможности получить и продолжить образование, преодолеть проблемы психологического и поведенческого характера несовершеннолетним беженцам. Наряду с этим отмечено, что неблагоприятные тенденции проявились с кадровым обеспечением учебных заведений. Экономические трудности военного

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tkatsina@sfu-kras.ru (Т.А. Катцина), nvpashina@yandex.ru (Н.В. Пашина), mezit@yandex.ru (Л.Э. Мезит), potapowa.catia2011@yandex.ru (Е.В. Потапова)

времени и разногласия с губернской и городской администрациями по организационным и финансовым вопросам негативно отразились на устойчивости работы общественных организаций, вынужденных сократить или вовсе прекратить свою деятельность. Незначительный масштаб улучшений положения детей беженцев не дает возможности оценивать эти тенденции как устойчивые, но в то же время представляет собой первый опыт решения неотложных материальных и духовных потребностей беженцев.

Ключевые слова: организационно-педагогические условия, социокультурная адаптация, Первая мировая война, дети-беженцы, Комитет помощи беженцам, школьная секция.